ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1960

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

17

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семнадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с июля 1870 по февраль 1872 года.

Главные события этого времени — франко-прусская война 1870—1871 гг. и пролетарская революция 18 марта 1871 г., приведшая к установлению Парижской Коммуны. Коммуна явилась историческим рубежом, открывшим собой начало переходной эпохи от домонополистического капитализма к империализму — эпохи полного господства и упадка буржуазии, медленного собирания сил пролетариата и подготовки его к решающим классовым боям.

Период, к которому относятся публикуемые в настоящем томе произведения, представляет собой важный этап в развитии международного пролетарского движения и его революционной идеологии — марксизма. В результате семилетней деятельности Первого Интернационала (Международного Товарищества Рабочих), ставшего мощной международной организацией рабочего класса с секциями во многих странах Европы и в Соединенных Штатах Америки, влияние марксизма на рабочее движение значительно усилилось, приблизилась его победа над различными сектами домарксовского социализма. Парижская Коммуна, подтвердив великую жизненную силу марксистского учения, способствовала еще более широкому распространению принципов Интернационала.

Вожди и учителя международного пролетариата Маркс и Энгельс глубоко обобщили опыт Парижской Коммуны и довели его до сознания пролетарских масс. На основании

этого опыта Маркс внес огромный вклад в теорию научного коммунизма, развив дальше свое учение о классовой борьбе, государстве, пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Исходя из опыта рабочего движения всех стран, Маркс и Энгельс дополнили содержавшиеся в их трудах наброски учения о пролетарской партии новыми важными положениями. Сделанный Марксом и Энгельсом в этот период вклад в революционную теорию пролетариата имел неоценимое значение для всего последующего развития международного рабочего движения.

Большая часть публикуемых в томе произведений, статей, заявлений и писем в газеты Маркса и Энгельса непосредственно связаны с их деятельностью по руководству Интернационалом. 1870—1872 гг. явились для Международного Товарищества Рабочих периодом упорной борьбы за дальнейшую мобилизацию и сплочение сил международного пролетариата, которую приходилось вести в обстановке полицейских преследований рабочих организаций и безудержной травли Интернационала в реакционной печати. Говоря об этом историческом периоде, Маркс отмечал в отчете Генерального Совета Гаагскому конгрессу: «Со времени нашего последнего конгресса в Базеле две великие войны изменили лицо Европы — франко-прусская война и гражданская война во Франции. Третья война предшествовала этим двум войнам, сопровождала их и продолжается и теперь, — это война против Международного Товарищества Рабочих» (см. настоящее издание, т. 18).

В связи с возникшим в Европе в июле 1870 г. военным кризисом, который являлся серьезным испытанием для Интернационала, Маркс и Энгельс разработали тактику пролетариата в условиях франко-прусской войны. Они помогали немецким и французским рабочим определить свое отношение к ней, исходя из характера войны и интересов пролетарского движения. Благодаря помощи Маркса и Энгельса немецкий пролетариат и революционная социал-демократия в ходе войны сохранили верность пролетарскому интернационализму, не дав увлечь себя шовинистической пропагандой господствующих классов.

Том открывается первым воззванием Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне, которое, так же как и публикуемое в томе второе воззвание, написанное Марксом в сентябре 1870 г., представляет собой важнейший документ марксизма по вопросу об отношении рабочего класса к милитаризму и войне. Эти воззвания являются ярким свидетельством борьбы Маркса и Энгельса

против завоевательных войн, за проведение в жизнь принципов пролетарского интернационализма.

В первом воззвании Маркс убедительно обосновывает важнейшие положения марксистского учения о социальных причинах захватнических войн, развязываемых в корыстных интересах господствующих классов. Маркс показывает, что завоевательные войны преследуют также цели подавления революционного движения, в первую очередь освободительного движения пролетариата. Он раскрывает подлинные причины франко-прусской войны, являвшейся в конечном итоге порождением эксплуататорского реакционного строя бонапартистской Франции, существование которого было неразрывно связано с военными авантюрами, и тех европейских государств, правительства которых поддерживали бонапартистскую диктатуру. «Военный заговор в июле 1870 г., — пишет Маркс, — является только исправленным изданием coup d'etat в декабре 1851 года» (см. настоящий том, стр. 2).

Маркс и Энгельс считали, что с немецкой стороны война на первом этапе была оборонительной, поскольку она была объективно направлена против попыток Наполеона III воспрепятствовать завершению объединения Германии. Подходя к оценке войны прежде всего с точки зрения интересов рабочего класса, они указывали на огромную опасность, которая создалась бы для рабочего движения Германии, а также и Франции, в случае победы бонапартизма. Энгельс в письме к Марксу от 15 августа 1870 г. отмечал, что в этом случае немецкий пролетариат оказался бы отброшенным на многие годы назад и должен был бы тратить все силы на борьбу за восстановление национальной независимости Германии. В то же время Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали реакционный характер бисмарковского правительства и показывали, что политика правящих кругов Пруссии также вела к провоцированию военных столкновений, с самого начала создавая опасность превращения войны в завоевательную со стороны Германии. В первом воззвании Маркс особенно подчеркнул единство интересов немецких и французских рабочих и призвал их к совместной борьбе против завоевательной политики правящих классов обеих стран. В помещаемом в настоящем томе письме Комитету Социал-демократической рабочей партии Маркс и Энгельс детально разработали тактическую линию немецкого пролетариата в войне; они указывали на необходимость проводить различие между национальными задачами объединения Германии и династическими целями, преследуемыми в войне прусским юнкерством и немецкой буржуазией (см. настоящий том, стр. 271—273).

После разгрома французских регулярных армий, крушения Второй империи и установления 4 сентября 1870 г. республики во Франции, когда прусское буржуазно-юнкерское правительство открыто стало на путь аннексий и захватов, война приобрела завоевательный характер со стороны Германии. В связи с изменившимися условиями Маркс написал второе воззвание Генерального Совета о франко-прусской войне, в котором определил задачи немецкого и французского пролетариата на втором этапе войны.

Во втором воззвании главный удар Маркс направляет против завоевательных стремлений прусской военщины, юнкерства и буржуазии. Маркс разоблачает лживые предлоги, к которым прибегало прусское правительство для оправдания завоевательной войны. Он показывает полную несостоятельность попыток идеологов прусского юнкерства и немецкой буржуазии обосновать аннексию Эльзаса и Лотарингии всевозможными ссылками на историю, а также нелепость использования военно-стратегических соображений в качестве принципа для установления государственных границ.

Последующее развитие событий целиком подтвердило глубокое предсказание Маркса во втором воззвании о том, что в результате завоевательной политики господствующих классов Германии франко-прусская война окажется чреватой новыми европейскими воинами в будущем, что ограбление Франции прусскими юнкерами и немецкой буржуазией и аннексия ими французской территории неизбежно приведет к созданию военного союза Франции и России против Германии.

Во втором воззвании с предельной четкостью сформулированы интернациональные задачи немецкого рабочего класса: бороться против аннексии Эльзаса и Лотарингии, добиваться заключения почетного мира с Францией и признания Французской республики. Маркс предупреждает немецких рабочих, что господствующие классы Германии будут стремиться превратить победу над армиями Луи Бонапарта в поражение немецкого народа,-использовав эту победу для укрепления своего господства внутри страны. Говоря о задачах французского пролетариата, Маркс призывает его использовать создавшиеся после свержения Второй империи условия, для того чтобы укрепить свою классовую организацию с целью развертывания дальнейшей борьбы за освобождение трудящихся.

Первое и второе воззвания о франко-прусской войне, так же как и произведение Маркса «Гражданская война во Франции», являются выдающимися образцами глубокого раскрытия Марксом существа исторических явлений, гениального твор-

ческого анализа текущих событий, на основании которого он делал выводы, жизненно важные для борьбы рабочего класса. Как отмечал впоследствии Энгельс, в этих работах проявился удивительный дар автора «верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 433).

В первом и втором воззваниях Генерального Совета о франко-прусской войне Маркс показал, что милитаризм и захватнические войны в корне противоречат интересам рабочего класса. Борьба против этих войн, порождаемых эксплуататорским строем, составляет основу пролетарской внешней политики в противоположность агрессивной внешней политике господствующих классов. С исключительной силой проникновения в будущее обосновал Маркс в первом из этих исторических документов вывод о том, что установление власти пролетариата приведет к ликвидации всяких войн и мир между народами станет одним из великих интернациональных принципов грядущего коммунистического общества. «В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, — писал Маркс, — французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!»* (см.. настоящий том, стр. 5).

Значительное место в томе занимают статьи Энгельса о франко-прусской войне 1870—1871 гг., опубликованные в лондонской «Pall Mall Gazette». Написанные в форме отдельных военных обзоров эти статьи тесно связаны между собою по содержанию и представляют собой единую серию. Поэтому в настоящем томе статьи Энгельса публикуются как отдельное произведение под общим заглавием «Заметки о войне», которое было дано самим автором большинству входящих в эту серию статей.

«Заметки о войне» представляют собой одно из выдающихся военных произведений Энгельса и являются блестящим примером применения метода исторического материализма к исследованию военных событий. Несмотря на то, что по условиям, установленным редакцией «Pall Mall Gazette», содержание

«Заметок о войне» должно было ограничиваться исключительно военными вопросами, во многих случаях Энгельсу удалось выйти за эти рамки. Рассматривая военные вопросы, связанные с франко-прусской войной, Энгельс наполняет многие статьи острым классово-политическим содержанием. В «Заметках о войне», тесно связанных по своей политической направленности с первым и вторым воззваниями Генерального Совета о франко-прусской войне, Энгельс по существу пропагандировал тактику Интернационала на разных этапах войны.

Тщательно прослеживая развитие военных действий, Энгельс с удивительной прозорливостью умел за сухими и лаконичными военными сводками разглядеть действительную обстановку. Он точно устанавливал направления движения войск, определяя характер происходивших боевых действий и их влияние на дальнейший ход войны. Огромные познания во всех областях военной науки и мастерское применение марксистского метода исследования позволили Энгельсу в целом ряде случаев с научной точностью предсказывать развитие военных событий и их исход. Так на основании полученных первых сведений о сосредоточении французских и прусских войск Энгельс раскрывает тайные военные планы французского и прусского командования и дает прогноз относительно предстоящих военных действий, подтвердившийся в ходе войны. За неделю до сдачи армии Мак-Магона при Седане (2 сентября 1870 г.) Энгельс не только предвидел эту капитуляцию, но и примерно установил место, где она произойдет. В ходе дальнейшего развития войны он неоднократно заранее определял направление этого развития и предугадывал отдельные события.

С первых же дней войны на основе анализа состояния вооруженных сил Франции и Германии Энгельс предвидел поражение Второй империи. В соответствии с тактической линией пролетариата, провозглашенной в первом воззвании Генерального Совета, Энгельс сосредоточил внимание на характеристике авантюристических военных планов бонапартистской Франции, на раскрытии порочных сторон ее военной организации, стратегии и тактики. В освещении этих вопросов Энгельс конкретизировал и углубил выдвинутые им еще в прежних работах («Армии Европы», статьи из «Новой американской энциклопедии», см. настоящее издание, тт. 11 и 14) положения о зависимости состояния и боевых качеств армии того или иного государства от его социального и политического строя. Исходя из этого важнейшего положения марксистского учения о войнах, Энгельс дает исчерпывающее материалистическое объяснение военным поражениям Франции. Он указывает, что армия

Второй империи «терпела поражения прежде всего от самой же Второй империи», что военный разгром Франции был не случайностью, а неизбежным следствием разложения насквозь прогнившего бонапартистского режима. «Организация армии повсюду оказывается негодной, — пишет Энгельс, — благородная и храбрая нация видит, что все ее усилия защитить себя оказываются тщетными, потому что она в течение двадцати лет позволяла, чтобы ее судьбами вершила шайка авантюристов, которая превратила администрацию, правительство, армию, флот — фактически всю Францию — в источник своей личной наживы» (см. настоящий том, стр. 76).

Энгельс подвергает уничтожающей критике бонапартовских генералов, показывая порочность их стратегии и тактики, неспособность управлять войсками и действовать согласованно, плохое снабжение войск, продажность интендантства. Он подчеркивает, что бонапартистский режим продолжал оказывать пагубное влияние на армию и в период войны, когда ошибки французского командования еще больше усугублялись тем, что в своих действиях оно вынуждено было часто руководствоваться не военными соображениями, а стремлением спасти престиж Второй империи. Из страха перед народными массами Парижа, указывает Энгельс, бонапартистское правительство отказывалось направлять на фронт необходимые там войска, оставленные в столице для борьбы с революционной опасностью (см. настоящий том, стр. 53).

Анализируя организацию прусской армии, Энгельс приходит к выводу, что и эта армия, формировавшаяся на основе более эффективной в военном отношении системы комплектования, чем французская, представляла собой орудие олигархической политики. Прусская армия, указывал Энгельс, фальшиво изображаемая «вооруженным народом», носила на деле антинародный характер; ее организация отражала стремление буржуазно-юнкерского правительства иметь в своих руках послушные вооруженные силы, пригодные для подавления восстаний внутри страны и осуществления внешних захватов.

Многочисленные высказывания Энгельса касаются вопросов военной стратегии и тактики. Он подчеркивает преимущество действий большими массами войск при умелом маневрировании ими, большую роль фортификационных сооружений в войне, значение укрепления столиц. Энгельс широко использовал в «Заметках о войне» исторические параллели, черпая примеры из опыта войн, предшествовавших франко-прусской войне. Рассматривая оборону Парижа в 1870 г., Энгельс неоднократно обращается к истории обороны Севастополя в период Крымской

войны, отмечая упорство его защитников и мастерство инженеров, создававших оборонительные укрепления (см. настоящий том, стр. 145, 225—226).

После разгрома регулярных французских армий и падения Второй империи, когда полностью проявились захватнические стремления Пруссии, в центре внимания Энгельса становится вопрос об усилении национальной обороны Франции, создании новых воинских формирований и организации партизанской борьбы против захватчиков. Глубоко сочувствуя борьбе французского народа против прусских завоевателей, Энгельс подвергает критике правительство национальной обороны и назначенных им военных руководителей, среди которых было немало генералов-бонапартистов, за неумение организовать успешное сопротивление вторгшемуся врагу, капитулянтские стремления, которые проявлялись все более отчетливо с нарастанием революционного движения. Виновником неудачного хода обороны Парижа, носившей пассивный характер, так же как и других неудач, постигших французскую армию после падения империи, Энгельс считал военное командование Французской республики, не сумевшее использовать всех возможностей и ресурсов Франции для создания боеспособных армий.

Несмотря на то, что авантюристическая политика правящих классов поставила Францию на грань национальной катастрофы, Энгельс показывает, что и в этих условиях французский народ должен продолжать борьбу, которая увенчается успехом, если будут мобилизованы все резервы и сопротивление пруссакам примет, подлинно народный, общенациональный характер. Выражая позицию Генерального Совета Интернационала, призвавшего на этом этапе войны международный пролетариат поддержать сопротивление французского народа захватчикам, Энгельс намечает конкретный план борьбы с пруссаками, стратегию и тактику для вновь сформированных французских войск, подчеркивая необходимость сочетать их действия с выступлениями партизанских отрядов.

Отмечая признаки начавшейся партизанской борьбы, Энгельс показывает несокрушимую мощь подлинно народного сопротивления. Обличая прусское командование за варварские методы ведения войны, свирепую бомбардировку Страсбурга, сожжение французских деревень и другие акты бессмысленной жестокости; с особым негодованием протестует он против зверских расправ пруссаков с французскими партизанами — франтирерами. В «Заметках о войне» Энгельс выступает за признание за партизанами прав воюющей стороны, за узако-

нение народного сопротивления в форме партизанской борьбы как способа ведения войны.

В «Заметках о войне» Энгельс внес существенный вклад в марксистское учение о войнах, их классовых причинах, целях и характере. На примере франко-прусской войны Маркс и Энгельс учили пролетариат различать национально-освободительные войны, войны оборонительные, имеющие целью отражение иноземного нашествия, от войн грабительских, завоевательных. Большой заслугой Энгельса является постановка и разработка вопроса о национальном сопротивлении в войнах против иноземного захватчика, о народной войне, о партизанском движении, о формах и методах мобилизации народных сил на борьбу с агрессором.

Маркс и Энгельс пристально следили за складывавшейся в ходе войны обстановкой во Франции. Они обращали внимание французского пролетариата на необходимость использовать все возможности, возникшие после падения империи для укрепления классовой организации пролетариата.

Предвидя неизбежность дальнейшего обострения классовой борьбы во Франции и возможность революционного выступления масс, Маркс и Энгельс предупреждали французский пролетариат, что в условиях, когда прусская армия находится под Парижем, восстание было бы неизбежно обречено на поражение. Однако, когда в ответ на попытки правительства Тьера начать разоружение рабочих Парижа во французской столице вспыхнуло пролетарское восстание, Маркс и Энгельс восторженно его приветствовали. Как отмечал В. И. Ленин, Маркс относился к парижской революции «как *участник* массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью» (В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 88).

Считая защиту Коммуны важнейшим интернациональным долгом рабочих всех стран, Маркс и Энгельс с первых же дней революции в Париже мобилизуют через Интернационал все силы международного пролетариата на поддержку коммунаров. Великие вожди международного пролетариата Маркс и Энгельс рассматривали Коммуну как духовное детище Интернационала, как практическое осуществление его принципов и видели в ее создании огромное завоевание рабочего класса. «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу, — отмечал Маркс в письме Л. Кугельману 17 апреля 1871 года. — Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван».

В помещаемых в настоящем томе речах, произнесенных на заседаниях Генерального Совета, Маркс и Энгельс постоянно сообщали о ходе героической борьбы коммунаров против объединившихся версальцев и прусской военщины (см. стр. 621—622, 625—630). Маркс написал сотни писем деятелям рабочего движения разных стран, разъясняя им историческое значение Коммуны. Он использовал все возможности, чтобы, установив связи с осажденными в Париже коммунарами, оказывать им помощь. С самого возникновения Парижской Коммуны Маркс тщательно собирает все материалы, касающиеся ее деятельности, — газетные сообщения и статьи, письма своих соратников из Парижа — и уже в ходе парижской революции работает над анализом и обобщением ее уроков.

Главное место в томе занимает одно из основополагающих произведений научного коммунизма «Гражданская война во Франции», в котором Маркс на основе обобщения опыта Парижской Коммуны развил далее учение о государстве, революции и диктатуре пролетариата. Произведение Маркса «Гражданская война во Франции», писавшееся непосредственно в период развития революционных событий в Париже, было составлено в форме воззвания Генерального Совета ко всем членам Интернационала в Европе и Соединенных Штатах Америки и имело целью вооружить рабочий класс всех стран пониманием сущности и значения героической борьбы коммунаров, сделать опыт этой борьбы достоянием всего пролетариата.

В «Гражданской войне во Франции» содержится гениальный анализ исторических условий, в которых возникла Парижская Коммуна, полностью раскрыты ее характер и сущность ее деятельности. С исключительной обличительной силой Маркс рисует картину враждебного Коммуне мира буржуазной Франции, портреты ее идеологов и политиков, запятнавших себя национальной изменой, позорным сговором с внешним врагом, дикими оргиями кровавой расправы с рабочим классом. Маркс показал истинную цену «патриотизма» буржуа, подчеркнув, что шовинистическая идеология контрреволюционной буржуазии всегда находит себе дополнение в пресмыкательстве перед завоевателем и готовности к единению с ним во имя подавления революционного движения трудящихся. Подлинных вершин реалистического мастерства Маркс достигает в изображении главарей версальского контрреволюционного правительства — Тьера, Фавра, Пикара, Дюфора и других вдохновителей свирепых репрессий, этих «алчущих крови сторожевых псов «порядка»», уничтоживших цвет французского пролетариата.

Написанное могучим пером величайшего пролетарского писателя воззвание «Гражданская война во Франции» навеки пригвоздило палачей Парижской Коммуны к позорному столбу.

«Гражданская война во Франции» — образец произведения, в котором революционный пафос сочетается с величайшей точностью и глубиной научного анализа.

Изучение опыта Парижской Коммуны дало Марксу подтверждение правильности вывода, впервые сделанного им в произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», о необходимости для пролетариата слома буржуазной государственной машины. Этот вывод, как отмечал В. И. Ленин, представляет собой «главное, основное в учении марксизма о государстве» (В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 378). Развивая дальше это положение в «Гражданской войне во Франции», рассматривая характерные черты эксплуататорского буржуазного государства как «общественной силы, организованной для социального порабощения» и «машины классового господства», Маркс приходит к заключению, что парижские пролетарии могли взять власть в свои руки, только встав на путь уничтожения угнетательской государственной машины, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. настоящий том, стр. 340, а также 339).

В произведениях Маркса и Энгельса, написанных до Парижской Коммуны, когда в истории не было примеров попытки создания пролетарского государства, еще не содержалось ответа на вопрос, чем пролетариат должен заменить разбитую революцией государственную машину. Опыт Парижской Коммуны позволил Марксу сделать новый вклад в революционное учение, обогатить его конкретным выводом о том, какова должна быть государственная форма диктатуры пролетариата, соответствующая ее классовому содержанию и ее исторической миссии — служить орудием построения нового общества. «У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество, — писал В. И. Ленин об анализе Марксом опыта Парижской Коммуны. — Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки» (В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 396).

В Парижской Коммуне, несмотря на короткий период ее существования, Маркс сумел обнаружить в первоначальной, еще только зарождавшейся, но уже достаточно отчетливой

форме черты государства нового исторического типа — диктатуры пролетариата. Раскрывая классовую природу Коммуны и сущность ее государственной формы, Маркс писал, что «она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда» (см. настоящий том, стр. 346). Этот вывод Маркса о государстве нового типа — типа Парижской Коммуны — как государственной форме диктатуры пролетариата составляет главное содержание того нового вклада, который был им внесен в революционную теорию в «Гражданской войне во Франции».

Особенное внимание Маркс уделяет рассмотрению классового характера и принципов организации пролетарской власти в Парижской Коммуне. Маркс подчеркивает важную роль в строительстве нового государства такой меры, как упразднение полиции и старой постоянной армии, являвшихся орудием угнетательского государства, и создание пролетарской армии — •национальной гвардии, главную массу которой составляли рабочие. Он останавливается на таких характерных чертах Коммуны, как выборность, ответственность и сменяемость всех ее должностных лиц, замена выборными судьями, являющимися должностными лицами Коммуны, прежнего суда, который служил интересам эксплуататоров. Маркс отмечает социальные мероприятия Коммуны, проводившиеся в интересах рабочего класса и широких масс трудящихся, ее первые шаги в деле экспроприации крупной капиталистической собственности на средства производства. Он указывает на предпринятые Коммуной меры с целью уничтожения орудия духовного угнетения — отделение церкви от государства и экспроприацию имущества церквей, используемого в эксплуататорских целях.

Противопоставляя Парижскую Коммуну угнетательскому государству, Маркс дает классическую характеристику буржуазному парламентаризму. Он не только подвергает его сокрушительной критике, которая содержалась уже в более ранних произведениях основоположников марксизма, но и показывает неприемлемость буржуазной парламентской республики в качестве формы организации государственной власти пролетариата. Показывая огромные преимущества для рабочего класса государства типа Коммуны перед парламентской республикой, Маркс подчеркивает, что Коммуна была «не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы» (см. настоящий

том, стр. 342). Он отмечает, что только такая организация власти может обеспечить осуществление тех революционных задач по преобразованию общества, которые стоят перед диктатурой пролетариата.

Придавая огромное значение этим выводам Маркса, В. И. Ленин отмечал: «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями» (Соч., т. 25, стр. 396).

В «Гражданской войне во Франции» Маркс продолжает исследование и разработку вопроса о союзниках пролетариата в революции. Показывая на примере Парижской Коммуны, что политика пролетарского государства полностью соответствует интересам трудового крестьянства, Маркс высказывает твердое убеждение, что если бы не существовало барьера, воздвигнутого версальцами между Парижем и провинцией, французское крестьянство несомненно стало бы на сторону Коммуны, политика которой отвечала его насущным жизненным потребностям.

В работе Маркса содержатся важные положения, касающиеся вопроса о государственной централизации в условиях пролетарского строя. Подчеркивая исключительную важность функций центрального правительства при диктатуре пролетариата, Маркс решительно отвергает попытки представить борьбу Коммуны против угнетательского государства как проявление якобы децентрализаторских, сепаратистских тенденций. Он показывает, что установление коммунального строя во всей Франции означало бы замену фиктивного единства страны, осуществляемого с помощью эксплуататорской государственной машины, — действительным единством нации (см. настоящий том, стр. 344).

Непоколебимой верой в революционные силы народных масс, глубоким восхищением героизмом рабочего класса проникнуты страницы «Гражданской войны во Франции», посвященные деятельности Коммуны. Противопоставляя старому миру Версаля — «сборищу вампиров всех отживших режимов» — Париж Коммуны, Маркс показывает огромную преобразующую силу пролетарской революции, изменившую облик французской столицы. «Гражданская война во Франции» звучит гимном рабочему классу Парижа, который сделал первые шаги по пути создания пролетарского государства. «Трудящийся,

мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!» (см. настоящий том, стр. 353).

Наряду с «Гражданской войной во Франции» в томе публикуются предварительные варианты этого произведения — первый и второй наброски «Гражданской войны во Франции». Эти варианты представляют весьма большую теоретическую ценность: в них содержатся материалы, дополняющие и разъясняющие «Гражданскую войну во Франции». Стремясь сделать окончательный текст своего произведения более кратким, чтобы придать, ему форму воззвания, Маркс изложил в сокращенном виде, а в некоторых случаях и опустил в нем целый ряд мест, имеющихся в предварительных вариантах.

Хотя отдельные фрагменты вариантов представляют собой конспективные записи, значительная часть их имеет законченную литературную форму, отличающуюся той же выразительностью и яркостью языка, что и «Гражданская война во Франции». Первый и второй наброски «Гражданской войны во Франции», в которых Маркс обработал огромный фактический материал о деятельности Парижской Коммуны, свидетельствуют о проделанной Марксом колоссальной работе, об исключительной научной добросовестности, с которой он подходил к исследованию революционного творчества коммунаров.

В предварительных вариантах содержатся более развернутые по сравнению с соответствующими местами «Гражданской войны во Франции» положения, касающиеся социально-экономических мероприятий Парижской Коммуны, дается характеристика революционного движения в предшествующий Коммуне период, подробнее рассматривается вопрос о государственной централизации и о политике Коммуны по отношению к крестьянству и городской мелкой буржуазии. Показывая огромное историческое значение Парижской Коммуны, Маркс дает точную и строго реалистическую оценку всем ее действиям, лишенную какой бы то ни было идеализации. В предварительных вариантах Маркс делает обстоятельный критический анализ ошибок, совершенных революционным правительством Парижа и ускоривших поражение Коммуны; из этих ошибок Маркс требовал извлечь уроки для последующей революционной борьбы пролетариата.

Критикуя коммунаров за беспечность и отсутствие должной твердости по отношению к контрреволюционерам, Маркс показывает, что пролетарская власть должна быть организованной

и сильной и что она должна обладать необходимыми средствами для подавления контрреволюции. Предупреждая, что и после установления в национальном масштабе власти рабочего класса ей будут угрожать «спорадические мятежи рабовладельцев», Маркс подчеркивает необходимость всемерного укрепления пролетарского государства. В этом случае, указывает он, посягательства реакционных сил были бы обречены на провал; они «только ускорили бы движение, вложив меч в руки Социальной Революции» (см. настоящий том, стр. 553).

Ценным дополнением к «Гражданской войне во Франции» являются содержащиеся в набросках в более развернутом виде положения относительно необходимости для пролетариата слома эксплуататорской государственной машины. Исключительную важность имеет сформулированная Марксом в первом наброске мысль относительно классовой борьбы в период диктатуры пролетариата. Маркс указывал, что «Коммуна не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс добивается уничтожения всех классов, и следовательно всякого классового господства», но «создает рациональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем» (см. там же). Развивая это положение, Маркс делает гениальные наметки существа той гигантской экономической и политической работы, которую предстоит проделать диктатуре пролетариата при осуществлении перехода от капиталистического общества к социалистическому. Он отмечает, что «замена экономических условий рабства труда условиями свободного и ассоциированного труда может быть только прогрессивным делом времени.. что эти условия требуют не только изменения распределения, но и новой организации производства или, вернее, избавления (освобождения) общественных форм производства при существующем организованном труде (порожденном современной промышленностью) от пут рабства, от их нынешнего классового характера, и гармоничной национальной и интернациональной координацией общественных форм производства» (см. там же). Маркс подчеркивает далее, что коммунальная организация, то есть пролетарское государство типа Парижской Коммуны, дает возможность сразу же сделать огромные шаги по пути строительства нового общества. В этом чрезвычайно богатом мыслями теоретическом обобщении Маркс создал уже ряд элементов того учения о переходном периоде от капитализма к социализму и о диктатуре пролетариата как государстве этого периода, которое было изложено им в 1875 г. в произведении «Критика Готской программы».

Гениальные выводы Маркса о Парижской Коммуне как прообразе пролетарского государства были всесторонне использованы В. И. Лениным, который в новых условиях эпохи империализма развил дальше марксистскую теорию государства и диктатуры пролетариата, открыв советскую форму пролетарского государства и создав стройное и цельное учение о республике Советов как государственной форме диктатуры пролетариата. В. И. Ленин отстоял положения Маркса о необходимости слома угнетательской государственной машины и замены ее государством типа Парижской Коммуны от всех попыток оппортунистов и ревизионистов II Интернационала исказить, фальсифицировать и просто замолчать эти положения. В работе «Государство и революция» Ленин показал, что эти положения не случайно подвергались особым атакам со стороны оппортунистов и ревизионистов, так как они составляют существо революционного учения Маркса о государстве. Показательным для отношения оппортунистических лидеров II Интернационала к этому учению, и в частности к работе Маркса «Гражданская война во Франции», является также и то обстоятельство, что германские правые социал-демократы, в руках которых длительное время находились рукописи предварительных вариантов этой работы, не приняли никаких мер к их опубликованию.

После поражения Парижской Коммуны правительства европейских государств организовали общий поход против Интернационала и рабочих организаций. Во всех странах усилились полицейские преследования секций Международного Товарищества Рабочих. Реакционная печать пыталась опорочить Интернационал и подорвать влияние учения Маркса и Энгельса на трудящихся, публикуя всевозможные фальшивки и распространяя лживые измышления. В обстановке наступления реакции Маркс и Энгельс учили пролетариат разоблачать происки реакционеров, продолжать борьбу за сплочение и укрепление пролетарской организации, привлекать на сторону Интернационала новые отряды трудящихся.

Ряд публикуемых в томе документов Маркса и Энгельса показывают их упорную работу по руководству деятельностью секций Интернационала в различных странах. Продолжая направлять работу Генерального Совета, Маркс и Энгельс много времени уделяют помощи вновь возникшим секциям Интернационала в Италии, Испании и других странах,установлению тесных связей между секциями и Генеральным Советом, организации пролетарской взаимопомощи (см. настоящий том, стр. 307. 472-475 и сл.).

Публикуемые в настоящем томе многочисленные заявления в различные газеты, составленные Марксом и Энгельсом и как правило печатавшиеся в виде официальных документов Генерального Совета («Заявление Генерального Совета по поводу циркуляра Жюля Фавра», «Заявление Генерального Совета в редакцию газеты «Times»», заявления Маркса в газеты «De Werker», «Public Opinion», «Gaulois», «Verite» и т. д.), свидетельствуют о той упорной борьбе, которую вели Маркс и Энгельс против травли Интернационала буржуазной печатью, против попыток врагов рабочего класса извратить принципы и цели Международного Товарищества Рабочих и подорвать его авторитет среди трудящихся. В ряде заявлений и писем в редакции различных газет Маркс и Энгельс убедительно разоблачали подлог и фальсификацию, к которым прибегала буржуазная пресса в борьбе с рабочим движением. Раскрытию коварной, провокационной роли буржуазной дипломатии в период Парижской Коммуны посвящено составленное Марксом воззвание «Г-н Уошберн, американский посол в Париже» (см. настоящий том, стр. 388—391). В этом документе сорвана маска с дипломатического представителя капиталистической американской «демократии», разоблачены его низкие происки против Коммуны.

К произведениям, направленным против врагов рабочего движения, примыкают написанный Марксом и Энгельсом набросок статьи «О Карле Блинде» и статья Энгельса «Еще раз «господин Фогт»». В этих статьях продолжается начатая Марксом и Энгельсом еще в 40-е годы борьба против мелкобуржуазных вульгарных демократов, игравших роль подголосков, и иногда, как Карл Фогт, и прямых агентов реакционных кругов.

В статье Энгельса «Выступления Мадзини против Интернационала» и в его речи на заседании Генерального Совета (см. настоящий том, стр. 394—396, 638—639) подвергается критике итальянский буржуазный демократ Мадзини, пытавшийся с помощью нападок на Коммуну и Интернационал помешать распространению в рабочем движении Италии революционных идей Маркса и Энгельса.

Парижская Коммуна, являвшаяся переломной вехой в истории Интернационала, ускорила размежевание между подлинно революционным пролетарским направлением и сектантско-реформистскими течениями в рабочем движении. Коммуна показала полную несостоятельность сектантских догм и со всей очевидностью обнаружила антипролетарскую природу реформизма и анархизма. Послужив пробным камнем верности

революционному делу пролетариата, Парижская Коммуна заставила правооппортунистические элементы открыто перейти в лагерь буржуазии.

Маркс и Энгельс в своих произведениях этого периода беспощадно бичевали разного рода ренегатов и предателей рабочего движения. В написанных Энгельсом заявлениях Генерального Совета по поводу письма Холиока и писем Холиока и Лекрафта (см. настоящий том, стр. 377—378, 382—383) разоблачается позиция оппортунистических лидеров тред-юнионов Оджера и Лекрафта, которые, разделив страх господствующих классов перед пролетарской революцией в Париже, открыто встали на сторону буржуазии. Свидетельством неуклонной борьбы Маркса и Энгельса за чистоту рядов пролетарской организации служит также публикуемая в томе резолюция об исключении из Международного Товарищества Рабочих правого прудониста Толена (см. настоящий том, стр. 308), который предал дело рабочего класса, предпочтя депутатское место в Версальском собрании участию в деятельности Парижской Коммуны.

Одно из главных мест в томе занимают документы состоявшейся 17—23 сентября 1871 г. Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих, которая вошла в историю марксизма и международного рабочего движения как важнейший этап борьбы Маркса и Энгельса за сплочение и организацию сил международного пролетариата.

Вся подготовка Лондонской конференции и ее деятельность проходили под непосредственным руководством Маркса и Энгельса, которые составили публикуемые в настоящем томе предварительные проекты ряда резолюций (см. настоящий том, стр. 411—412), разработали программу работы конференции, определили ее главные задачи и направляли обсуждение основных вопросов. В речи на открытии конференции Маркс указывал, что ей предстоит принять меры к дальнейшему организационному укреплению Интернационала, необходимому в обстановке наступления на рабочий класс буржуазной контрреволюции, и воспрепятствовать посягательствам бакунистов на единство Международного Товарищества Рабочих (см. настоящий том, стр. 643).

Лондонская конференция от начала до конца проходила под знаком борьбы Маркса и Энгельса против бакунизма, выступавшего в этот период в роли главного врага марксизма в рабочем движении и ударной силы всех потерпевших банкротство и разгромленных мелкобуржуазных течений, остатки которых продолжали свои атаки на Генеральный Совет. Типич-

ные представители мелкобуржуазного анархистского бунтарства — бакунисты, пользовавшиеся значительным влиянием в ряде романских стран (Испания, Италия, Романская Швейцария), усилили после Парижской Коммуны нападки на идейные и организационные основы Интернационала и развернули раскольническую деятельность в его рядах.

В публикуемой в настоящем томе записи речи Маркса о деятельности бакунистского Альянса социалистической демократии, произнесенной на заседании комиссии Лондонской конференции, сообщалось о мерах, принятых Генеральным Советом с целью пресечь дезорганизаторскую деятельность Альянса, руководители которого, заявив о его роспуске, в действительности сохраняли внутри Интернационала эту тайную бакунистскую организацию. Не решившись открыто выступить на Лондонской конференции против Генерального Совета, бакунисты пытались объявить ее «некомпетентной» рассматривать вопрос о вызванном ими расколе в секциях Романской федерации Международного Товарищества Рабочих. Маркс в своем докладе и составленных им резолюциях отверг эти попытки бакунистов и подчеркнул, что принятая Лондонской конференцией резолюция о запрещении создания в Интернационале сепаратистских сектантских обществ непосредственно относится к бакунистскому Альянсу (см. настоящий том, стр. 429).

Центральное место в выступлениях Маркса и Энгельса на Лондонской конференции занимает вопрос о пролетарской партии, против создания которой фактически выступали бакунисты, о политической борьбе рабочего класса и о ее формах и тактике. Еще в 40-х годах XIX века Маркс и Энгельс обосновали идею о необходимости для пролетариата самостоятельной политической партии. Однако условия для практического осуществления этой задачи были в большинстве европейских стран подготовлены позднее, в результате всей деятельности Маркса и Энгельса и руководимого ими Международного Товарищества Рабочих, целью которого было, как указывал Маркс в письме Больте 23 ноября 1871 г., «заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для борьбы». Опыт Парижской Коммуны, ошибки и слабые стороны которой были в первую очередь обусловлены отсутствием у французских рабочих боевого авангарда — подлинной пролетарской партии, успешная деятельность основанной в 1869 г. немецкой Социал-демократической рабочей партии подтвердили на практике правильность указания Маркса и Энгельса о том, что в борьбе за свое освобождение пролетариат может достигнуть успеха только под руководством пролетарской партии.

В этих условиях Маркс и Энгельс считали необходимым добиться на Лондонской конференции признания в качестве основного принципа международного пролетарского движения необходимости создания самостоятельных, независимых от буржуазных влияний, рабочих партий. Задача создания таких партий была сформулирована Марксом и Энгельсом в составленном ими тексте резолюции о политическом действии рабочего класса, которая относится к числу важнейших документов марксизма (см. настоящий том, стр. 426—427). Принятие этой резолюции, основная часть которой на Гаагском конгрессе была включена в Общий Устав Интернационала, ознаменовало собой крупную победу марксизма в рабочем движении, поскольку одно из программных положений научного коммунизма было принято в качестве руководящего принципа международной пролетарской организации. Резолюция Лондонской конференции, предусматривавшая создание самостоятельных политических партий пролетариата, наносила удар по сектантам. Эта резолюция отразила объективные потребности рабочего движения и предопределила направление его дальнейшего развития, которое в наступившую после 1871 г. эпоху пошло по пути образования массовых политических партий пролетариата в каждой капиталистической стране.

Ярким документом, свидетельствующим о неуклонной борьбе вождей пролетариата за его политическое воспитание, являются речи Маркса и Энгельса о политическом действии рабочего класса. «... Революция есть высший акт политики, — указывал Энгельс в своей речи, дошедшей до нас в его собственноручной записи, — тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства, политические действия, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены Фаврами и Пиа. Политика же, которую следует проводить, это — рабочая политика; рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика» (см. настоящий том, стр. 421—422).

В речи Маркса на Лондонской конференции от 21 сентября 1871 г. содержались важнейшие мысли о тактике революционной борьбы пролетариата и о формах деятельности пролетарской партии. «Мы должны заявить правительствам: мы знаем, что вы — вооруженная сила, направленная против пролетариев, — говорил Маркс, — мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием —

когда это станет необходимым» (см. настоящий том, стр. 649). Маркс отметил необходимость использования буржуазных парламентов как трибуны для пролетарской агитации, он требовал умения пользоваться всеми возможностями, существующими в буржуазно-демократических странах, свободой печати, собраний и союзов для ведения работы по политическому воспитанию пролетариата.

В своих выступлениях на Лондонской конференции Маркс и Энгельс показали, что партия пролетариата должна быть одинаково далека как от заговорщической авантюристической тактики, так и от сведения пролетарской борьбы к оппортунистическому приспособленчеству и реформистской деятельности.

В публикуемых протокольных записях речей Маркса о тред-юнионах подвергается резкой критике английский тред-юнионизм — его цеховая ограниченность и замкнутость, отрыв так называемых старых тред-юнионов, объединявших только аристократическую верхушку рабочего класса, от массы рабочего класса. Вместе с тем, Маркс предостерегал против сектантского игнорирования тред-юнионов и выдвигал задачу превращения профессиональных союзов в мощные центры борьбы за интересы пролетариата путем укрепления их связи с Международным Товариществом Рабочих. Придавая огромное значение тем профессиональным объединениям, которые были связаны с массами, Маркс учил поднимать их от низших форм классовой борьбы за непосредственные экономические интересы рабочих к активному участию в борьбе за политическое господство пролетариата.

Публикуемые в настоящем томе резолюции Лондонской конференции были написаны большей частью Марксом и Энгельсом; резолюции, которые были внесены другими делегатами, во многих случаях были основаны на положениях, высказанных в речах и выступлениях Маркса и Энгельса; им принадлежала и окончательная редакция текста резолюций, порученная Лондонской конференцией Генеральному Совету.

Резолюции Лондонской конференции по организационным вопросам были направлены своим острием против сектантства и имели целью усилить внутреннюю сплоченность и дисциплину в рядах Интернационала, обеспечить руководящую роль его центрального органа — Генерального Совета, добиться сочетания необходимой централизации руководства с развитием инициативы отдельных секций и федераций. В этих резолюциях содержатся глубокие идеи относительно демократического централизма как организационного принципа пролетарской

партии, получившие в дальнейшем всестороннее развитие в трудах В. И. Ленина.

Большое значение имела составленная Марксом и принятая Лондонской конференцией резолюция по крестьянскому вопросу. Основываясь на выводе о том, что крестьянство должно сыграть роль союзника рабочего класса в пролетарской революции, Маркс предложил развернуть революционную пропаганду среди крестьян, выработать конкретные меры для привлечения крестьянства на сторону пролетариата (см. настоящий том, стр. 425—426).

В связи с задачей укрепления и развития классовой политической организации пролетариата Маркс и Энгельс поставили на конференции вопрос о выпуске нового аутентичного издания Общего Устава и Организационного регламента Международного Товарищества Рабочих. Подготовленное Марксом и Энгельсом новое издание Устава и Регламента, в основе которого лежал написанный Марксом текст Временного Устава 1864 г., включало изменения и дополнения к Уставу и Регламенту, которые были внесены на конгрессах Интернационала. Таким образом впервые были соединены в одном документе все принятые резолюции и постановления, отражавшие развитие организационных принципов Интернационала. Подготовив это издание на английском, немецком и французском языках, Маркс и Энгельс положили конец попыткам правых прудонистов, а также и бакунистов, использовать для своей пропаганды выпущенное прудонистами искаженное издание Устава, в котором было извращено важнейшее положение о роли политической борьбы для освобождения рабочего класса.

Ряд публикуемых в томе работ отражают борьбу Маркса и Энгельса с бакунизмом после Лондонской конференции, когда бакунисты открыто выступили против ее решений. В так называемом сонвильерском циркуляре, принятом в ноябре 1871 г. на съезде бакунистской Юрской федерации в Швейцарии и направленном всем секциям Интернационала, нашли полное отражение проповедуемые бакунистами сектантские анархистские догмы, их отрицание идеи диктатуры пролетариата и необходимости создания пролетарской партии. В сонвильерском циркуляре бакунисты делали новую попытку подорвать организационные основы Международного Товарищества Рабочих: они призывали к отмене всякой дисциплины, к созданию «свободной федерации автономных секций» и сведению Генерального Совета до роли «простого статистического и корреспондентского бюро». Сонвильерский циркуляр бакунистов,

выпущенный в период ожесточенной травли Интернационала, был восторженно встречен реакционной печатью. Считая, что дезорганизаторская раскольническая деятельность бакунистов и их пропаганда является серьезным препятствием на пути дальнейшего укрепления пролетарской классовой организации и создания самостоятельных политических партий рабочего класса, Маркс и Энгельс поставили перед Интернационалом задачу окончательного разоблачения и разгрома бакунизма в рабочем движении.

В статье «Съезд в Сонвилье и Интернационал» Энгельс показал, что раскольническая тактика бакунистов, их проповедь воздержания от политики, утопические сектантские доктрины о создании международной рабочей организации в качестве «прообраза грядущего общества» наносят огромный вред движению рабочего класса. Как отмечал Энгельс, бакунистские догмы направлены на то, чтобы лишить пролетариат его главного оружия борьбы — организации. Этим догмам Энгельс противопоставил пролетарские организационные принципы, осуществление которых обеспечивает сплочение и совместные действия рабочего класса.

Борьба Маркса и Энгельса за укрепление пролетарской организации в период Интернационала и Парижской Коммуны, Проходившая в обстановке наступления на Интернационал капиталистической реакции и внутренних врагов — бакунистов и представителей других сектантских и реформистских направлений — вооружила международный пролетариат неоценимым опытом. Разработанные Марксом и Энгельсом основные наброски о пролетарской партии и принципы пролетарской партийности были использованы В. И. Лениным для создания стройного учения о партии пролетариата как передовом отряде рабочего класса, руководящей и направляющей силе в его борьбе за пролетарскую революцию и коммунистическое преобразование общества.

* *
*

В состав настоящего тома включено 26 работ, не вошедших в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Среди них первый и второй наброски «Гражданской войны во Франции» Маркса (публикуются в разделе «Из рукописного наследства»), набросок статьи Маркса и Энгельса «О Карле Блинде», статья Энгельса «Выступление Мадзини против Интернационала», письмо Маркса редактору газеты «Sun» Дана, ряд газетных заметок, документов Интернационала, записей речей и т. д. Из вновь включенных работ 11 впервые полностью

печатаются на русском языке, из них 4 работы вообще публикуются впервые.

В «Приложения» входят протокольные записи речей Маркса и Энгельса на заседаниях Генерального Совета, изложение некоторых из этих речей в газетных отчетах, записи речей Маркса на Лондонской конференции Интернационала. Вследствие несовершенного характера и отрывочности этих записей и отчетов, эти документы не были включены в основной текст тома. Речи Маркса и Энгельса на Лондонской конференции, дошедшие до нас в записи Энгельса, публикуются в основном тексте. В раздел «Приложения» включена также запись беседы Маркса с корреспондентом нью-йоркской газеты «World», письмо дочери Маркса Женни в редакцию еженедельника «Woodhull and Claflin's Weekly», резолюция Генерального Совета от 5 ноября 1871 г., составленная при участии Маркса. Все эти документы дают дополнительный материал, раскрывающий деятельность Маркса и Энгельса в качестве руководителей Интернационала.

При работе над текстами публикуемых в томе произведений и документов использованы различные сохранившиеся печатные и рукописные варианты и прижизненные оригинальные и переводные издания; важнейшие из разночтений отражены в подстрочных примечаниях. Опечатки и описки в именах собственных, географических названиях, датах и т. д. исправлены на основании проверки фактов. Заглавия статей даны в соответствии с оригиналами. В тех случаях, когда заглавие, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЮЛЬ 1870—ФЕВРАЛЬ 1872

THE GENERAL COUNCIL

OF THE

International Workingmen's Association

ON THE WAR.

TO THE MEMBERS OF THE INTERNATIONAL WORKING-MEN'S ASSOCIATION

IN EUROPE AND THE UNITED STATES.

In the inaugural Address of the INTERNATIONAL WORKINGMEN'S ASSOCIATION, of November, 1864, we said:—"If the emancipation of the working classes requires their fraternal concurrence, how are they to fulfil that great mission with a foreign policy in pursuit of criminal designs, playing upon national prejudices and squandering in piratical wars the people's blood and treasure?" We defined the foreign policy aimed at by the International in these words:—"Vindicate the simple laws of morals and justice, which ought to govern the relations of private individuals, as the laws paramount of the intercourse of nations."

No wonder that Louis Bonaparte, who usurped his power by exploiting the war of classes in France, and perpetuated it by periodical wars abroad, should from the first have treated the International as a dangerous foe. On the eve of the plebiscite he ordered a raid on the members of the Administrative Committees of the International Workingmen's Association throughout France, at Paris, Lyons, Rouen, Marseilles, Brest, &c., on the pretext that the International was a secret society dabbling in a complot for his assassination, a pretext soon after exposed in its full absurdity by his own judges. What was the real crime of the French branches of the International? They told the French people publicly and emphatically that voting the plebiscite was voting despotism at home and war abroad. It has been, in fact, their work that in all the great towns, in all the industrial centres of France, the working class rose like one man to reject the plebiscite. Unfortunately the balance was turned by the heavy ignorance of the rural districts. The Stock Exchanges, the Cabinets, the ruling classes and the press of Europe celebrated the plebiscite as a signal victory of the French Emperor over the French working class; and it was the signal for the assassination, not of an individual, but of nations.

The war plot of July, 1870, is but an amended edition of the *coup d'état* of December, 1851. At first view the thing seemed so absurd that France would not believe in its real good earnest. It rather believed the deputy denouncing the ministerial war talk as a mere stock jobbing trick. When, on July 15th, war was at last offici-

Первая страница листовки с воззванием
Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих
о франко-прусской войне от 23 июля 1870 г.

К. МАРКС

ПЕРВОЕ ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ [1]

ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В ЕВРОПЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В «Учредительном Манифесте **Международного Товарищества Рабочих»** от ноября 1864 г. мы говорили: «Если освобождение рабочего класса требует братского сотрудничества рабочих, то как же они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народа?». И мы характеризовали внешнюю политику, которую требует Интернационал, в следующих словах: «... добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами»[2].

Не удивительно, что Луи Бонапарт, который свою власть узурпировал, использовав классовую борьбу во Франции, и продлил свое господство посредством ряда внешних войн, с самого начала относился к Интернационалу, как к опасному врагу. Накануне плебисцита он устраивает поход против членов руководящих комитетов Международного Товарищества Рабочих в Париже, Лионе, Руане, Марселе, Бресте и других местах, — словом, во всей Франции, — под тем предлогом, что Интернационал является тайным обществом и готовит заговор с целью убить его; вся нелепость этой выдумки была вскоре раскрыта его собственными судьями[3]. В чем же состояло действительное преступление французских секций Интернационала? В том, что они открыто и настойчиво говорили французскому народу: участвовать в плебисците —

значит голосовать за деспотизм внутри страны и за внешнюю войну. И действительно, делом их рук было то, что во всех больших городах, во всех промышленных центрах Франции рабочий класс встал как один человек, чтобы отвергнуть плебисцит. К несчастью, одержало верх глубокое невежество сельских округов. Биржи, кабинеты европейских государств, господствующие классы и печать Европы приветствовали плебисцит как блестящую победу французского императора над французским рабочим классом; и плебисцит оказался сигналом к умерщвлению не одной личности, а целых народов.

Военный заговор в июле 1870 г. является только исправленным изданием coup d'etat* в декабре 1851 года[4]. На первый взгляд дело казалось столь нелепым, что Франция не хотела верить в серьезность слухов о войне. Она охотнее верила депутату**, который в воинственных речах министров видел простую биржевую уловку. Когда, наконец, 15 июля Законодательному корпусу было заявлено о войне официально, вся оппозиция отказалась утвердить предварительные ассигнования; даже Тьер заклеймил войну как нечто «гнусное»; все независимые парижские газеты осуждали ее, и, к удивлению, провинциальная печать почти целиком с ними соглашалась.

Между тем парижские члены Интернационала вновь взялись за работу. В «Reveil»[5] 12 июля они опубликовали манифест «К рабочим всех наций», из которого мы приведем следующие места:

«Политическое честолюбие, под предлогом европейского равновесия и защиты национальной чести, снова угрожает всеобщему миру. Французские, немецкие, испанские рабочие! Соединим наши голоса в один общий крик возмущения против войны!.. Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии в глазах рабочих может быть лишь преступным безумием. Мы, — те, кто хочет мира, работы и свободы, — мы протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога крови» и для кого общественные несчастья служат источником новых спекуляций!.. Братья в Германии! Вражда между нами имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна... Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы, члены Международного Товарищества Рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, мы шлем вам, как залог неразрывной солидарности, добрые пожелания и привет от рабочих Франции».

За этим манифестом наших парижских секций последовало множество подобных же французских воззваний, из которых мы здесь можем привести только одно, принадлежащее секции

* — государственного переворота. *Ред.*
** — Жюлю Фавру. *Ред.*

в Нейи на Сене и опубликованное в газете «Marseillaise»[6] от 22 июля.

«Справедлива ли эта война? Нет! Национальна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая. Во имя гуманности, во имя демократии, во имя истинных интересов Франции мы всецело и энергично присоединяемся к протесту Интернационала против войны».

Эти протесты выражали истинные чувства французских рабочих, как вскоре ясно показало одно интересное происшествие. Когда *банду 10 декабря,* впервые организованную во время президентства Луи Бонапарта, переодели в рабочие блузы и выпустили на улицы Парижа, чтобы инсценировать пароксизм военной лихорадки[7], подлинные рабочие предместий ответили такими внушительными демонстрациями в пользу мира, что префект полиции Пьетри счел нужным сразу положить конец всяким дальнейшим уличным демонстрациям под тем предлогом, что преданные парижане достаточно проявили свой долго сдерживаемый патриотизм и дали исход своему неиссякаемому военному энтузиазму.

Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией, — похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *реставрированной империи.*

Со стороны Германии война эта является оборонительной. Но кто поставил Германию перед необходимостью обороняться? Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии? *Пруссия!* Не кто иной как Бисмарк конспирировал с этим самым Луи Бонапартом в надежде подавить внутри Пруссии демократическую оппозицию и осуществить аннексию Германии династией Гогенцоллернов. Если бы битва при Садов[8] была не выиграна, а проиграна, французские батальоны наводнили бы Германию в качестве союзников Пруссии. Разве Пруссия после победы хоть на минуту подумала о том, чтобы порабощенной Франции противопоставить свободную Германию? Как раз наоборот! Она ревниво оберегала исконные прелести своей старой системы и в добавление к ним позаимствовала у Второй империи все ее уловки: ее фактический деспотизм и фальшивую демократичность, ее политические фокусы и финансовые мошенничества, ее высокопарные фразы и самое низкое жульничество. Бонапартистский режим, который до тех пор процветал только на одном берегу Рейна, нашел себе, таким

образом, двойника на другом берегу его. А при таком положении дел чего иного можно было ждать, кроме *войны?*

Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, — тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны. Все те несчастья, которые постигли Германию после так называемой освободительной войны, обрушатся на нее снова с еще большей жестокостью.

Принципы Интернационала, однако, нашли слишком широкое распространение и пустили слишком глубокие корни среди немецкого рабочего класса, чтобы мы должны были опасаться столь печального исхода. Голос французских рабочих нашел отклик в Германии. Громадное рабочее собрание в Брауншвейге 16 июля заявило о своей полной солидарности с парижским манифестом, решительно отвергло всякую мысль о национальной вражде к Франции и приняло резолюцию, в которой сказано:

«Мы — враги всяких войн, но прежде всего — войн династических... С глубокой печалью и болью мы видим себя вынужденными принять участие в оборонительной войне как в неизбежном зле; но в то же время мы призываем весь рабочий класс Германии сделать невозможным повторение столь ужасного социального несчастья, добиваясь для народов власти самим решать вопрос о войне и мире и делая народы господами своей собственной судьбы».

В Хемнице собрание делегатов, представлявших 50000 саксонских рабочих, единогласно приняло следующую резолюцию:

«От имени немецкой демократии вообще, и в частности от имени рабочих, входящих в Социал-демократическую партию, мы объявляем нынешнюю войну исключительно династической... С радостью пожимаем мы братскую руку, протянутую нам французскими рабочими... Памятуя лозунг Международного Товарищества Рабочих: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»,* мы никогда не забудем, что рабочие *всех* стран — наши *друзья,* а деспоты *всех* стран — наши *враги»*[9].

Берлинская секция Интернационала также ответила на парижский манифест:

«Мы всей душой присоединяемся к вашему протесту... Мы даем великий обет в том, что ни звуки труб, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не отвратят нас от нашего общего дела объединения рабочих всех стран».

Да будет так!

На заднем плане этой самоубийственной борьбы виднеется мрачная фигура России. Плохим признаком является то, что сигнал к нынешней войне был дан как раз в тот момент, когда

московитское правительство закончило постройку важных для него в стратегическом отношении железных дорог и уже сосредоточивает войска в направлении к Пруту. Хотя немцы и могут с полным правом рассчитывать на симпатии в своей оборонительной войне против бонапартистского нападения, — они потеряют эти симпатии сейчас же, как только допустят, чтобы прусское правительство призвало на помощь или хотя бы только приняло помощь казаков. Пусть они припомнят, что Германия после своей освободительной войны против Наполеона I целые десятилетия лежала распростертой у ног царя.

Английский рабочий класс протягивает руку дружбы французским и немецким рабочим. Он глубоко убежден, что, как бы ни кончилась предстоящая отвратительная война, союз рабочих всех стран в конце концов искоренит всякие войны. В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*

Провозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих.

* * *

Генеральный Совет:

Роберт Аплгарт	***Джордж Милнер***
Мартин Дж. Бун	***Томас Моттерсхед***
Фредерик Брадник	***Чарлз Марри***
Кауэлл Степни	***Джордж Оджер***
Джон Хейлз	***Джемс Парнелл***
Уильям Хейлз	***Пфендер***
Джордж Харрис	***Рюль***
Фридрих Лесснер	***Джозеф Шеперд***
Легрёлье	***Столл***
У. Линтерн	***Шмуц***
Морис Зеви	***У. Таунсенд***

Секретари-корреспонденты:

Эжен Дюпон .... для Франции

Карл Маркс .... для Германии

О. Серрайе **..................................** для Бельгии, Голландии и Испании

Герман Юнг .... для Швейцарии

Джованни Бора .... для Италии

Антоний Жабицкай .... для Польши

Джемс Кон .... для Дании

И. Г. Эккариус .... для Соединенных Штатов

Бенджамин Лекрафт*,* председательствующий

Джон Уэстон*,* казначей

Иоганн Георг Эккариус*,* генеральный секретарь

256, Хай Холборн, Лондон, Уэстерн Сентрал, 23 июля 1870 г.

Написано К. Марксом между 19—23 июля 1870 г.

Напечатано в виде листовки, на английском языке в июле 1870 г., а также отдельными листовками и в периодической печати на немецком, французском и русском языках в августе — сентябре 1870 г.

Печатается по тексту 1-го английского издания листовки, сверенному с текстом 2-го английского издания 1870 г. и с текстом авторизованного немецкого перевода 1870 г.

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ [10]

Написано Ф. Энгельсом в конце июля 1870 — феврале 1871 г.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette» в конце июля 1870 — феврале 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

THE
PALL MALL GAZETTE
An Evening Newspaper and Review.
No. 1703.—Vol. XII. FRIDAY, JULY 29, 1870. Price 2d.; Stamped, 3d

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — I

До сих пор вряд ли был произведен хотя бы один выстрел, однако первая стадия войны уже миновала, закончившись для французского императора крушением его надежд. Достаточно беглого обзора политической и военной обстановки, чтобы это стало очевидным.

Как это в настоящее время ясно для всех, Луи-Наполеон полагал, что он сможет изолировать Северогерманский союз[11] от южных государств и использовать недовольство, существующее в областях, недавно присоединенных к Пруссии[12]. Стремительное продвижение к Рейну всеми силами, которые можно было бы собрать, переправа через эту реку где-либо между Гермерсгеймом и Майнцем и наступление в направлении на Франкфурт и Вюрцбург дали бы возможность достигнуть этого. Французы завладели бы коммуникациями между Севером и Югом и принудили бы Пруссию с величайшей поспешностью стянуть к Майну все имеющиеся войска, независимо от их готовности к кампании. Весь ход мобилизации в Пруссии был бы нарушен, и все шансы на успех были бы на стороне вторгшихся французов, которые могли бы разбить пруссаков по частям, по мере того как они прибывали из разных мест страны. Не только политические, но и военные соображения говорили в пользу подобной попытки. Французская кадровая система позволяет значительно быстрее сосредоточить армию, скажем в 120000—150000 человек, чем прусская система ландвера[13]. Состав французской армии мирного времени отличается от состава военного времени только числом людей, находящихся в отпуске, и отсутствием учебно-запасных частей, которые

формируются накануне выступления в поход. В состав прусской же армии мирного времени входит менее одной трети ее состава военного времени; больше того, не только рядовые, но и офицеры остальных двух третей в мирное время являются штатскими. Мобилизация этой огромной массы людей требует времени; кроме того, это сложный процесс, который был бы совершенно расстроен внезапным вторжением неприятельской армии. Именно поэтому император так торопился развязать войну. Если бы в его расчеты не входили подобные неожиданные действия, резкий тон Грамона и поспешное объявление войны были бы лишены смысла.

Но внезапный мощный взрыв национального чувства у немцев положил конец всяким планам такого рода. Луи-Наполеон оказался лицом к лицу не с королем Вильгельмом «Аннександером»[*], а с немецкой нацией. А в этом случае нечего было и думать о стремительном движении через Рейн даже с армией в 120000—150000 человек. Вместо внезапного нападения нужно было начинать регулярную кампанию всеми имеющимися силами. Гвардии, парижской и лионской армий и армейского корпуса в Шалонском лагере, возможно, было бы достаточно для первоначальной цели, но теперь их едва хватало лишь для того, чтобы составить только ядро огромной армии вторжения. Итак, наступил второй период войны — период подготовки большой кампании, и с этого дня шансы императора на безусловный успех начали падать.

Сравним теперь силы, которые подготавливаются для взаимного истребления; чтобы упростить нашу задачу, возьмем только пехоту. Пехота — это род войск, который решает исход сражения; незначительный перевес в силах кавалерии и артиллерии, включая сюда наличие митральез[14] и других исключительных по своему действию орудий, не будет иметь большого значения ни для одной из сторон.

У Франции имеется 376 батальонов пехоты (38 батальонов гвардии, 20 chasseurs[**], 300 линейных, 9 зуавов, 9 тюркосов[15] и пр.); в мирное время в батальоне восемь рот. В военное время каждый из 300 линейных батальонов оставляет две роты в тылу для формирования учебно-запасной части и выступает в составе только шести рот. При этом четыре из шести запасных рот каждого линейного полка (трехбатальонного состава) предназначаются для развертывания четвертого батальона путем

[*] В оригинале «Annexander»—словообразование, имеющее иронический оттенок и составленное из слов «Annexion» («аннексия») и «Alexander» («Александр» — намек на Александра Македонского). *Ред.*

[**] — стрелков. *Ред.*

пополнения его отпускными и резервистами. Остальные две роты, по-видимому, должны играть роль учебно-запасных частей и могут впоследствии образовать пятые батальоны. Но потребуется, конечно, некоторое время, по крайней мере недель шесть, прежде чем эти четвертые батальоны будут настолько организованы, чтобы быть готовыми для боевых действий; в настоящее время их, так же как и мобильную гвардию[16], можно принимать в расчет только в качестве гарнизонных войск. Таким образом, для первых решительных боев Франция располагает лишь вышеупомянутыми 376 батальонами.

Из них, по имеющимся у нас сведениям, 299 батальонов входят в Рейнскую армию, состоящую из шести армейских корпусов, от 1-го до 6-го, и гвардии. Добавив сюда 7-й корпус (генерала Монтобана), предназначенный, по-видимому, для отправки в Балтику, мы получим цифру в 340 батальонов, следовательно только 36 батальонов остаются для охраны Алжира, колоний и внутренних областей Франции. Отсюда вытекает, что Франция послала против Германии все имеющиеся у нее батальоны, которые можно было для этой цели использовать, и что она не сможет усилить свои войска новыми боеспособными формированиями по крайней мере до начала сентября.

Теперь обратимся к другой стороне. Северогерманская армия состоит из тринадцати армейских корпусов и насчитывает 368 батальонов пехоты, или, в среднем, по двадцати восьми батальонов на корпус. В каждом батальоне состава мирного времени около 540 и военного времени — около 1000 человек. По получении приказа о мобилизации каждый полк трехбатальонного состава выделяет несколько офицеров для формирования четвертого батальона. Немедленно призываются резервисты. Это — люди, которые прослужили в полку от двух до трех лет и остаются военнообязанными до 27-летнего возраста. Их более чем достаточно, чтобы пополнить три полевых батальона, а также образовать значительную часть четвертого батальона, который комплектуется из ландвера. Таким образом, полевые батальоны могут быть готовы к выступлению через несколько дней, а четвертые батальоны могут последовать за ними спустя 4—5 недель. Одновременно на каждый линейный полк формируется полк ландвера двухбатальонного состава из людей в возрасте от 28 до 36 лет, и, как только эти два батальона готовы, приступают к формированию третьих батальонов ландвера. Для всего этого, включая мобилизацию кавалерии и артиллерии, требуется ровно тринадцать дней, а так как первый день мобилизации был назначен на 16 июля, то все уже готово или должно быть готово к сегодняшнему дню.

В настоящий момент Северная Германия располагает, вероятно, 358 линейными батальонами для действий в полевых условиях и 198 батальонами ландвера в гарнизонах. Не позднее второй половины августа эти войска безусловно должны быть усилены 114 четвертыми линейными батальонами и 93 третьими батальонами ландвера. Во всех этих войсках вряд ли найдется солдат, не отбывший установленного срока службы в армии. К ним следует добавить войска Гессен-Дармштадта, Бадена, Вюртемберга и Баварии, всего 104 линейных батальона; но так как система ландвера в этих государствах еще не успела получить полного развития, то там не может быть больше 70 или 80 батальонов, пригодных к службе в действующей армии.

Ландвер предназначается преимущественно для гарнизонной службы, но в войне 1866 г. значительная часть его была отправлена в качестве резервной армии для действий в полевых условиях. То же самое, несомненно, будет сделано и на этот раз.

Из тринадцати северогерманских армейских корпусов десять находятся в настоящее время на Рейне, составляя в общем 280 батальонов; кроме того, имеется около 70 батальонов южногерманских войск, всего — 350 батальонов. На побережьи и в резерве остается еще три армейских корпуса, или 84 батальона. Для обороны побережья вполне достаточно одного корпуса вместе с ландвером. Остальные два корпуса, насколько нам известно, по-видимому, также находятся на пути к Рейну. Эти войска к 20 августа могут быть усилены, по крайней мере, сотней четвертых батальонов и 40—50 батальонами ландвера, которые по качеству своего личного состава превосходят французские четвертые батальоны и мобильную гвардию, сформированные преимущественно из почти необученных людей. Франция, таким образом, располагает не более чем 550000 обученных солдат, тогда как одна Северная Германия имеет их 950000. В этом преимущество Германии, а оно будет все более и более сказываться по мере отсрочки решительного сражения, и влияние этого преимущества достигнет кульминационного пункта к концу сентября.

При таких обстоятельствах нас не должно удивлять сообщение из Берлина о том, что германское командование надеется избавить немецкую землю от бедствий войны; другими словами — немцы сами перейдут в наступление, если в ближайшее время не будут атакованы. Как будет вестись такое наступление, если только его не опередит Луи-Наполеон, это другой вопрос.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1703, 29 июля 1870 г.

Подпись: Z.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — II

В пятницу, 29 июля, утром должно было начаться наступательное движение французской армии. В каком направлении? Беглый взгляд на карту даст на это ответ.

Долина Рейна на его левом берегу примыкает на западе к горной цепи Вогезов от Бельфора до Кайзерслаутерна. К северу от этого последнего города склоны становятся более отлогими, постепенно переходя в равнину около Майнца.

Долина Мозеля образует в Рейнской Пруссии глубокое и извилистое ущелье, которое река проложила себе через плоскогорье, переходящее к югу от долины в значительную горную цепь под названием Хохвальд. По мере приближения к Рейну эта цепь все более и более приобретает характер плоскогорья, вплоть до того места, где ее самые крайние холмы соединяются с дальними отрогами Вогезов.

Ни Вогезы, ни Хохвальд не являются для армии совершенно непроходимыми. Их пересекает несколько хороших больших дорог, но ни один из этих районов не представляет собой местности, где армии в 200000—300000 солдат могли бы действовать в благоприятных условиях. Однако между Вогезами и Хохвальдом имеется своего рода широкий проход шириной от 25 до 30 миль, с неровной поверхностью, во всех направлениях изрезанный многочисленными дорогами, — местность весьма благоприятная для передвижения больших армий. Кроме того, через этот проход идет дорога из Меца на Майнц, а Майнц является первым важным пунктом, на который, вероятно, двинутся французы.

Здесь мы имеем, следовательно, операционное направление, предписанное самой природой. В случае вторжения немцев во Францию первое крупное столкновение, если обе армии к нему готовы, должно произойти на окраине Лотарингии, к востоку от Мозеля и к северу от железной дороги Нанси — Страсбург[17].

Точно так же в случае продвижения французской армии с позиций, на которых она была сосредоточена на прошлой неделе, первое серьезное сражение будет иметь место где-либо в этом проходе или за ним, под стенами Майнца.

Французская армия была сосредоточена следующим образом: три корпуса (3-й, 4-й и 5-й) — в первой линии, в Тионвиле, Сент-Авольде и Биче; два корпуса (1-й и 2-й) — во второй линии, в Страсбурге и Меце; в резерве — гвардия в Нанси и 6-й корпус в Шалоне. За последние несколько дней вторая линия была выдвинута вперед в интервалы первой линии, гвардия передвинута к Мецу, а в Страсбурге была оставлена мобильная гвардия. Таким образом, вся масса французских войск была сосредоточена между Тионвилем и Бичем, то есть перед проходом между горами. Естественным выводом из этих предпосылок является то, что французы намерены войти в этот проход.

Таким образом, вторжение начнется занятием переправ на реках Саар и Блис; на следующий день, вероятно, будет занята линия Толей — Хомбург, затем линия Биркенфельд — Ландштуль или Оберштейн — Кайзерслаутерн и т. д., если, разумеется, эти наступательные действия не будут приостановлены наступлением немцев. В горах, несомненно, появятся фланговые отряды обеих сторон, и между ними также произойдут бои; однако настоящего сражения можно ожидать в только что описанной местности.

О расположении немцев нам ничего неизвестно. Но мы предполагаем, что если они намерены встретить неприятеля на левом берегу Рейна, то их район сосредоточения будет непосредственно перед Майнцем, то есть в другом конце прохода. В противном случае они останутся на правом берегу, на территории от Бингена до Мангейма, сосредоточиваясь, в зависимости от обстоятельств, выше или ниже Майнца. Что касается Майнца, который в своем прежнем виде был открыт для бомбардировки нарезной артиллерией, то сооружение новой линии отдельных фортов в 4000—5000 ярдов от крепостных валов города, по-видимому, достаточно обеспечило его безопасность.

Имеются все основания предполагать, что немцы подготовятся к наступлению и будут стремиться начать его не позднее чем через два—три дня после французов. В этом случае произойдет сражение, подобное сражению при Сольферино[18], — со встречным маршем двух армий, развернутых во всю ширину их фронтов.

Не следует ожидать здесь особенно, умелого и искусного маневрирования. Имея дело с армиями таких размеров, до-

вольно трудно обеспечить их простое фронтальное передвижение в соответствии с заранее составленным планом. И та сторона, которая прибегнет к рискованным маневрам, может оказаться разгромленной еще задолго до их осуществления в результате простого продвижения вперед массы неприятельских войск.

В настоящее время в Берлине много говорят о книге г-на фон Виддерна, посвященной рейнским крепостям[19]. Как сообщает автор, Рейн от Базеля до Мурга совершенно не укреплен, и единственной защитой Южной Германии и Австрии от французского нападения в этом направлении служит сильная крепость Ульм, занимаемая с 1806 г. смешанным отрядом баварцев и вюртембержцев численностью в 10000 человек. Эти войска в случае войны могут быть увеличены до 25000 человек, и сверх того 25000 человек могут быть размещены в укрепленном лагере за крепостными стенами. Раштатт. который, как полагают, является сильнейшим препятствием на пути французского продвижения, расположен в долине, через которую протекает река Мург. Оборонительные укрепления города состоят из трех больших фортов, господствующих над окружающей местностью и соединенных крепостной стеной. Южный и западный форты — «Леопольд» и «Фридрих» — находятся на левом берегу Мурга; северный форт, именуемый «Людвиг», — на правом берегу, где расположен также укрепленный лагерь, в котором можно разместить 25000 человек. Раштатт находится в четырех милях от Рейна, местность же между рекой и крепостью покрыта лесом; поэтому крепость не может воспрепятствовать армии переправиться через реку в этом пункте. Следующей крепостью является Ландау, прежде состоявшая из трех фортов: одного — на юге, другого — на востоке и третьего — на северо-западе; эти форты отделены от города болотами по берегам небольшой реки Квейх. Южный и восточный форты были в последнее время заброшены, и теперь лишь один северо-западный форт подготовлен для обороны. Наиболее важной и наиболее выгодно расположенной крепостью в этом районе является Гермерсгейм на берегах Рейна. Он господствует над значительным пространством реки по обеим сторонам и делает ее фактически неприступной для неприятеля до самого Майнца и Кобленца. Крепость могла бы значительно облегчить продвижение войск в Рейнский Пфальц, так как, кроме уже имеющегося наплавного моста, под прикрытием ее орудий можно навести через реку еще два или три моста.

Гермерсгейм мог бы также служить операционной базой для левого крыла армии, расположенного по линии реки Квейх. Майнц — одна из самых важных рейнских крепостей, но над ним господствует несколько прилегающих к нему высот; в связи с этим стало необходимо увеличить число укреплений в городе, и поэтому там едва ли найдется достаточно места для большого гарнизона. Вся местность между Майнцем и Бингеном в настоящее время сильно укреплена, а между Майнцем и устьем Майна (на противоположном берегу Рейна) имеются три больших укрепленных лагеря. Что касается Кобленца, то, по утверждению г-на фон Виддерна, для его осады с какой-либо надеждой на успех потребовались бы силы, в шесть раз превосходящие его гарнизон. Неприятель, вероятно, начал бы атаку этой крепости обстрелом форта «Александр» с высоты, известной под названием Кукопф, где его войска находились бы под прикрытием леса. Автор описывает также укрепления Кёльна и Везеля, но ничего нового не прибавляет к тому, что о них уже известно.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette» №1705, 1 августа 1870 г.

Под первым разделом статьи подпись: Z.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — III

План кампании пруссаков начинает, наконец, вырисовываться. Читатели помнят, что, хотя на правом берегу Рейна в огромных масштабах происходили переброски войск с востока на запад и юго-запад, однако о сосредоточении их в непосредственной близости к находившейся под угрозой границе было слышно очень мало. Крепости получили сильные подкрепления от расположенных поблизости войск. У Саарбрюккена 500 человек 40-го пехотного полка и три эскадрона 7-го уланского полка (оба 8-го корпуса) вели перестрелку с противником; баварские егеря и баденские драгуны выдвинули линию аванпостов до Рейна. Но в непосредственном тылу этого заслона, образованного небольшим числом легких отрядов, по-видимому, не было расположено большого количества войск. Участия артиллерии ни в одной из этих стычек не отмечалось. В Трире войск совершенно не было. С другой стороны, мы слышали о большом количестве войск, находящихся на бельгийской границе, о 30000 кавалерии около Кёльна (где по всей местности на левом берегу Рейна, почти до Ахена, имеется в изобилии корм для лошадей), а также о 70000 человек перед Майнцем. Все это казалось странным и выглядело почти как преступное разбрасывание войск в противоположность компактному сосредоточению французов на расстоянии всего нескольких часов марша от границы. И вдруг из разных мест одно за другим проникают сведения, которые, по-видимому, раскрывают тайну.

Корреспондент газеты «Temps»[20], рискнувший пробраться до самого Трира, видел 25 и 26 июля крупные силы всех родов войск, проходившие через этот город по направлению к линии реки Саар. Приблизительно в это же время слабый гарнизон Саарбрюккена получил значительные подкрепления, вероятно, из Кобленца, где расположен штаб 8-го корпуса. Войска,

следующие через Трир, входят, должно быть, в состав какого-либо другого корпуса, прибывающего с севера через Эйфель. Наконец, из частного источника мы узнали, что 7-й армейский корпус 27-го был на марше из Ахена через Трир по направлению к границе.

Итак, мы видим, что, по крайней мере, три армейских корпуса, или около 100000 человек, брошены на линию Саара. Два из них, 7-й и 8-й, входят в состав Северной армии генерала Штейнмеца (7-й, 8-й, 9-й и 10-й корпуса). Можно с достаточным основанием предположить, что вся эта армия в настоящее время сосредоточена между Саарбургом и Саарбрюккеном. Если в окрестностях Кёльна действительно находилось 30000 человек кавалерии (или около этого), то она также должна была направиться к Саару через Эйфель и Мозель. Вся эта диспозиция как бы указывает, что главный удар немцы нанесут своим правым крылом в районе между Мецем и Саарлуи, в направлении долины верхнего Нида. Если кавалерия резерва действительно *уже* прошла в указанном направлении, то это предположение превращается в уверенность.

Этот план предполагает сосредоточение всей германской армии между Вогезами и Мозелем. Центральная армия (принца Фридриха-Карла, в составе 2-го, 3-го, 4-го и 12-го корпусов), видимо, должна занять позицию, примыкающую к левому флангу Штейнмеца. или сосредоточиться у него в тылу в качестве резерва. Южная армия (кронпринца*, в составе 5-го корпуса, гвардии и южногерманских войск) образовала бы левое крыло где-либо в районе Цвейбрюккена. Где находятся сейчас все эти войска и как они будут доставлены на свои позиции, нам неизвестно. Мы знаем только, что 3-й армейский корпус начал продвижение через Кёльн в южном направлении по железной дороге на *левом* берегу Рейна. Но мы можем предположить, что та же рука, которая начертала план, позволивший быстро сосредоточить 100000—150000 войск на Сааре из отдаленных и, по-видимому, находящихся в самых различных местах пунктов, укажет подобные же пути движения по сходящимся направлениям и для остальной части армии.

Это, на самом деле, смелый план, и он, вероятно, окажется столь же действенным, как и всякий другой план, который можно было бы наметить. Он предусматривает такое сражение, в котором немецкое левое крыло, от Цвейбрюккена и почти до Саарлуи, исключительно обороняется, в то время как правое крыло, продвигаясь от Саарлуи и западнее этого пункта, при

* — Фридриха-Вильгельма. *Ред.*

поддержке всех резервов, наступает на неприятеля всеми своими силами и фланговым движением всей резервной кавалерии перерезает его коммуникации с Мецем. Если этот план будет иметь успех и немцы выиграют первое большое сражение, французская армия рискует быть не только отрезанной от своей ближайшей базы — Меца и Мозеля, но и отброшенной на такую позицию, что немцы окажутся между ней и Парижем.

В таком положении, при полной безопасности своих коммуникаций с Кобленцем и Кёльном, немцы в состоянии пойти и на риск поражения, так как для них такое поражение далеко не имело бы столь гибельных последствий. Но все же это рискованный план. Благополучно отвести разбитую армию, в особенности правое ее крыло, через дефиле Мозеля и его притоков было бы чрезвычайно трудно. При этом, несомненно, пришлось бы потерять большое количество солдат пленными и значительную часть артиллерии, а переформирование армии под прикрытием рейнских крепостей заняло бы много времени. Было бы безрассудно принимать такой план, если бы у генерала Мольтке не было полной уверенности в наличии под его командованием настолько превосходящих сил, что победа является почти несомненной, и если бы он, кроме того, не знал, что французы не в состоянии напасть на его войска в то время, когда они еще только стягиваются из разных мест к пункту, избранному для первого сражения. Так ли это на самом деле, мы узнаем, вероятно, очень скоро, может быть, даже завтра.

А пока следует помнить, что никогда нельзя быть твердо уверенным в том, что эти стратегические планы полностью приведут ко всем ожидаемым от них результатам. Всегда то тут, то там могут возникнуть препятствия: части могут не прибыть точно в тот момент, когда они нужны; неприятель может совершить неожиданные передвижения или может оказаться, что он принял непредвиденные меры предосторожности; и, наконец, ожесточенная, упорная борьба или здравый смысл какого-либо генерала зачастую могут спасти разбитую армию от самого худшего из возможных последствий поражения — от потери коммуникаций со своей базой.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1706, 2 августа 1870 г.

Подпись: Z.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — IV

28 июля император прибыл в Мец и на следующее утро принял командование Рейнской армией. Согласно наполеоновским традициям, эта дата должна была ознаменоваться началом активных действий; но прошла уже неделя, а мы еще не слышали о продвижении Рейнской армии в целом. 30-го небольшому прусскому отряду у Саарбрюккена удалось отбросить французскую разведку. 2 августа 2-я дивизия (генерала Батая) 2-го армейского корпуса (генерала Фроссара) заняла высоты к югу от Саарбрюккена и артиллерийским огнем выбила немцев из города, не предприняв, однако, попыток переправиться через реку и взять приступом расположенные на северном берегу высоты, которые господствуют над городом. Таким образом, в этом наступлении линия Саара не была форсирована. С тех пор дальнейших сведений о продвижении французов не поступало, и преимущества, достигнутые ими в деле 2 августа, пока что почти равны *нулю*.

Теперь едва ли можно сомневаться в том, что император, отправившись из Парижа в Мец, намеревался немедленно перейти границу. Если бы он так поступил, ему удалось бы весьма основательно расстроить приготовления противника. 29 и 30 июля немецкие армии далеко еще не были сосредоточены. Южногерманские войска походным порядком и по железным дорогам все еще стягивались к рейнским мостам. Прусская резервная кавалерия проходила бесконечными колоннами через Кобленц и Эренбрейтштейн, направляясь к югу. 7-й корпус находился между Ахеном и Триром, далеко от каких-либо железных дорог. 10-й корпус отправлялся из Ганновера, а гвардия — по железной дороге из Берлина. Решительное наступление в этот момент почти наверняка привело бы французов к внешним фортам Майнца и обеспечило бы им значительные преимущества над отступающими колоннами немцев; оно, может быть, даже дало бы им возможность навести

мост через Рейн и прикрыть его предмостным укреплением на правом берегу. Во всяком случае, война была бы перенесена на территорию противника, что оказало бы прекрасное моральное воздействие на французские войска.

Почему же в таком случае такое наступление не состоялось? По той простой причине, что если французские солдаты и были готовы к нему, то не было готово их интендантство. Нам нет нужды пользоваться какими-либо слухами, исходящими от немецкой стороны; мы располагаем свидетельством капитана Жанро, старого французского офицера, ныне военного корреспондента газеты «Temps». Он определенно указывает, что распределение необходимых для похода припасов началось только 1 августа; в войсках не хватало походных фляг, котелков и другого походного снаряжения; мясо было гнилое, а хлеб часто заплесневелый. Пожалуй, можно сказать, что армия Второй империи до сих пор терпела поражения от самой же Второй империи. При таком режиме, сторонников которого приходится щедро одарять с помощью целой, издавна установившейся системы хищнического обогащения за счет казны, нельзя ожидать, что эта система не охватит интендантство армии. Настоящая война, по признанию г-на Руэ, была подготовлена давно; но, очевидно, меньше всего внимания уделялось заготовке запасов, в особенности снаряжения; и вот именно в этой области возникает такой хаос, который вызывает промедление в действиях почти на неделю в самый критический период кампании.

Эта недельная задержка существенно изменила положение дел для немцев. Она дала им время для переброски своих войск на фронт и для сосредоточения их на намеченных позициях. Как известно нашим читателям, мы предполагаем, что все немецкие силы сосредоточены в настоящее время на левом берегу Рейна, приблизительно напротив французской армии. Этот взгляд подтверждается всеми официальными и частными сообщениями, поступившими со вторника, когда мы предоставили «Times» возможность заимствовать у нас все соображения по данному вопросу, которые сегодня утром эта газета настойчиво выдает за свои собственные[21]. Три армии — Штейнмеца, принца Фридриха-Карла и кронпринца — составляют в общей сложности 13 армейских корпусов, или по меньшей мере 430000—450000 человек. Все противостоящие им силы по самым щедрым подсчетам не могут намного превышать 330000—350000 обученных солдат. Если их больше, то излишек должен состоять из необученных и недавно сформированных батальонов. Но германские войска представляют собой далеко не все силы Германии. Только из числа полевых войск

три армейских корпуса (1-й, 6-й и 11-й) не включены в приведенный выше подсчет. Мы не знаем, где они могут находиться. Известно лишь, что они выступили из пунктов своего расквартирования, и мы обнаружили полки 11-го корпуса на левом берегу Рейна и в баварском Пфальце. Мы также достоверно знаем, что в Ганновере, Бремене и их окрестностях в настоящее время нет других войск кроме ландвера. Это может привести нас к заключению, что, по крайней мере, большая часть этих трех корпусов была также отправлена на фронт, а в таком случае численное превосходство немцев увеличилось бы еще приблизительно на 40000—60000 солдат. Нас не удивило бы, если бы на фронт на реку Саар было направлено даже несколько дивизий ландвера; в настоящее время в ландвере имеется 210000 бойцов, находящихся в полной готовности, а в четвертых и других линейных батальонах — 180000 человек, почти в состоянии готовности; какая-то часть из них могла бы быть использована для первого решительного удара. Пусть никто не думает, что эти люди существуют в какой-то степени только на бумаге. Мобилизация 1866 г. служит доказательством того, что они действительно существуют, а нынешняя мобилизация снова доказала, что обученных людей, готовых к выступлению, больше чем требуется. Эти цифры кажутся невероятными; но даже и они не исчерпывают военных сил Германии.

Таким образом, в конце этой недели император окажется лицом к лицу с численно превосходящими войсками противника. И если на прошлой неделе он хотел двинуться вперед, но не мог этого сделать, то теперь он не имеет ни возможности, ни желания наступать. А о том, что он не находится в неведении относительно сил противника, намекает сообщение из Парижа, указывающее, что 250000 пруссаков сосредоточены между Саарлуи и Нёйнкирхеном. В парижском сообщении умалчивается, кто находится между Нёйнкирхеном и Кайзерслаутерном. Поэтому возможно, что бездействие французской армии, вплоть до четверга, отчасти вызвано изменением плана кампании и что вместо наступления французы намерены остаться в обороне и использовать то преимущество, которое дает армии, когда она ждет атаку на укрепленных позициях, заряжающееся с казенной части оружие и нарезная артиллерия, чрезвычайно увеличивающие в этих случаях ее мощь. Но в случае принятия такого решения начало кампании вызовет у французов большое разочарование. Пожертвовать половиной Лотарингии и Эльзаса без крупного сражения, — а мы сомневаемся, что для такой большой армии можно найти какие-либо выгодные позиции, расположенные ближе к границе, чем позиция в окрест-

ностях Меца, — это может иметь серьезные последствия для императора.

Против такого рода действий французов немцы применили бы изложенный выше план. Они попытались бы вовлечь своего противника в большое сражение, раньше чем он сможет достигнуть Меца, и устремились бы вперед между Саарлуи и Мецем. Во всяком случае, они попытались бы обойти с фланга французские укрепленные позиции и прервать их коммуникации с тылом.

Трехсоттысячная армия требует огромного количества продовольствия и не может допустить, чтобы ее пути подвоза были прерваны даже на несколько дней. Таким способом ее можно заставить покинуть свои позиции и вести бой в открытом поле, а тогда она лишилась бы преимуществ этих позиций. Каковы бы ни были вероятные действия, мы можем быть уверены, что в ближайшее время что-то должно быть предпринято. Три четверти миллиона людей не могут долго оставаться сосредоточенными на территории в 50 квадратных миль. Невозможность прокормить такую массу людей заставит выступить ту или другую сторону.

В заключение повторяем: мы исходим из предположения, что как французы, так и немцы бросили на фронт для участия в первом большом сражении все имеющиеся силы. А в этом случае мы продолжаем придерживаться того мнения, что немцы будут иметь достаточный численный перевес, чтобы обеспечить себе победу, если только с их стороны не будет допущено крупных ошибок. Это наше предположение подтверждается всеми официальными и частными сообщениями. Однако, само собой разумеется, все это нельзя считать абсолютно предопределенным. Нам приходится делать заключение на основании данных, которые могут ввести в заблуждение. Даже в тот момент, когда мы пишем эти строки, мы не знаем, какие диспозиции могут быть приняты; невозможно также предсказать, какие ошибки сделает командование той или другой стороны, или, напротив, какое дарование оно проявит.

Последние наши сегодняшние замечания касаются атаки немцами линии Виссамбура в Эльзасе[22]. Со стороны немцев в бою участвовали войска 5-го и 11-го прусских и 2-го баварского корпусов. Здесь мы имеем прямое подтверждение того, что не только 11-й корпус, но и все главные силы кронпринца находятся в Пфальце. Упомянутый в сообщении полк «королевских гвардейских гренадеров» является 7-м — или 2-м западно-прусским — гренадерским полком, который входит, как и 58-й полк, в состав 5-го корпуса. Прусская система всегда заключается в том, чтобы сначала Полностью ввести в бой один

армейский корпус, а тем временем подтянуть части другого корпуса. В данном случае в боевых действиях, которые с успехом мог бы вести самое большее один корпус, участвовали войска трех корпусов пруссаков и баварцев. По-видимому, присутствие трех корпусов, угрожающих Эльзасу, предназначалось для того, чтобы произвести впечатление на французов. Кроме того, наступление вверх по долине Рейна было бы задержано у Страсбурга, а при фланговом движении через Вогезы проходы оказались бы блокированными Бичем, Фальсбуром и Ла-Птит-Пьером — небольшими крепостями, которые вполне могут воспрепятствовать движению по большим дорогам. Мы полагаем, что в то время как три или четыре бригады этих трех германских корпусов атаковали Виссамбур, главные силы этих корпусов, по-видимому, двигались через Ландау и Пирмазенс к Цвейбрюккену. Если упомянутые бригады добились бы успеха, то несколько дивизий Мак-Магона двинулось бы в противоположном направлении к Рейну. Там они не представили бы никакой угрозы, так как всякое вторжение по равнине в Пфальц было бы задержано у Ландау и Гермерсгейма.

Этот бой у Виссамбура происходил, очевидно, при таком численном превосходстве, которое обеспечивало почти верный успех. Моральное влияние этого первого за время войны серьезного столкновения должно быть безусловно велико, особенно потому, что штурм укрепленной позиции всегда считался трудной задачей. Тот факт, что немцы, несмотря на наличие у французов нарезной артиллерии, митральез и ружей Шаспо[23], штыками выбили их из укрепленных линий, окажет свое влияние на обе армии. Это, несомненно, первый случай, когда штык действовал с успехом против заряжающейся с казенной части винтовки, и потому этот бой останется памятным.

По той же самой причине этот бой расстроит планы Наполеона. Это такого рода известие, которое даже в самой смягченной форме нельзя передать французской армии, если оно не сопровождается сообщениями об успехах в других местах. Его нельзя к тому же сохранить в тайне дольше, чем в течение двенадцати часов. Мы можем поэтому ожидать, что император двинет свои колонны в поисках этого успеха, и будет удивительным, если мы вскоре не получим сообщений о французских победах. Но в то же время, вероятно, двинутся и немцы, и головные части неприятельских колонн войдут в соприкосновение уже не в одном, а в нескольких пунктах. Сегодня или самое позднее завтра нужно ожидать первого генерального сражения.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1710, 6 августа 1870 г.

ПРУССКИЕ ПОБЕДЫ

Быстрые действия немецкой Третьей армии все больше и больше проливают свет на планы Мольтке. Эта армия должна была сосредоточиться в Пфальце, следуя через мосты в Мангейме и Гермерсгейме, а, возможно, также и по расположенным между ними военным понтонным мостам. Прежде чем двинуться по дорогам, идущим от Ландау и Нёйштадта через Хардт на запад, войска, сосредоточенные в Рейнской долине, могли быть использованы для наступления на правое крыло французов. Такое наступление превосходящими силами, когда в непосредственном тылу находится Ландау, совершенно не представляло опасности и могло привести к большим результатам. Если бы при этом удалось оттянуть в Рейнскую долину значительную часть французских войск, оторвав их от главных сил, разбить их и отбросить вверх по долине по направлению к Страсбургу, то эти войска были бы отстранены от участия в генеральном сражении, тогда как германская Третья армия, находясь гораздо ближе к главным силам французов, сохранила бы возможность участвовать в нем. Во всяком случае, наступление на правое крыло французов ввело бы их в заблуждение, если главное направление в наступлении немцев, как мы все еще полагаем, вопреки противоположному мнению многочисленных военных и невоенных любителей потолковать о новостях, намечалось бы против французского левого крыла.

Внезапная и успешная атака на Виссамбур показывает, что у немцев имелись такие сведения о расположении французов, которые побудили их произвести этот маневр. В погоне за реваншем французы опрометчиво бросились в ловушку. Маршал Мак-Магон немедленно стал стягивать свои корпуса к Виссамбуру, а для завершения этого маневра, как сообщают, ему требовалось два дня. Но кронпринц не намеревался предоставлять

ему это время. Он немедленно использовал свое преимущество и в субботу атаковал французов около Вёрта на реке Сор, приблизительно в пятнадцати милях к юго-западу от Виссамбура[24]. Мак-Магон занимал, как он сам описывает, сильную позицию. Тем не менее к пяти часам пополудни он был выбит из нее и, как предполагал кронпринц, со всеми своими силами отступал к Бичу. Таким путем он мог бы избежать участи быть отброшенным к Страсбургу, в сторону от центра боевых действий, и сохранил бы коммуникации с основной массой армии. Однако из позднейших телеграфных сообщений из Франции явствует, что на самом деле он отступал по направлению к Нанси и что его штаб находится теперь в Саверне.

Два французских корпуса, направленные для того, чтобы задержать наступление немцев, состояли из семи пехотных дивизий, из которых, как мы полагаем, по крайней мере, пять участвовали в боевых действиях. Возможно, что в течение боя все они и могли поочередно подойти, но восстановить равновесие они были не в состоянии, подобно тому как не удалось это сделать австрийским бригадам, появлявшимся последовательно одна за другой на поле сражения при Мадженте[25]. Во всяком случае, мы можем с уверенностью считать, что здесь было разбито от одной пятой до одной четверти всех французских сил. С немецкой стороны в бою участвовали, вероятно, те же войска, авангард которых овладел Виссамбуром, а именно 2-й баварский, 5-й и 11-й северогерманские корпуса. Из них 5-й корпус состоит из двух познанских, пяти силезских и одного вестфальского полков, а 11-й корпус — из одного померанского, четырех гессен-кассельских и нассауских и трех тюрингенских полков; таким образом, в боевых действиях участвовали войска из самых различных частей Германии.

В этих военных действиях нас больше всего поражает стратегическая и тактическая роль каждой армии. Их роли прямо противоположны тому, чего можно было бы ожидать, согласно установившейся традиции. Немцы наступают, французы обороняются. Немцы действуют стремительно и большими массами, которыми они легко управляют; французы же сами признают, что после двухнедельного сосредоточения их войска были еще так разбросаны, что потребовалось два дня, чтобы свести вместе два армейских корпуса. В результате этого они были разбиты по частям. Судя по тому, как французы передвигают свои войска, их можно принять за австрийцев. В чем же искать объяснение этому? Только в том, что это должно было неизбежно произойти при Второй империи. Удара под Виссамбуром оказалось достаточно, чтобы привести в возбуждение весь

Париж, а также, без сомнения, взволновать и армию. Необходим был реванш: немедленно же посылают Мак-Магона с двумя корпусами, чтобы взять этот реванш; шаг безусловно ошибочный, но все равно его приходилось делать, и он был сделан — с известным уже нам результатом. Если силы маршала Мак-Магона нельзя увеличить настолько, чтобы он мог снова встретиться с кронпринцем, последний, пройдя каких-нибудь пятнадцать миль на юг, сможет захватить железную дорогу Страсбург — Нанси, устремиться к Нанси и обойти в результате этого движения любую оборонительную линию, которую французы могли бы надеяться удержать перед Мецем. Нет сомнения, что именно страх перед этим заставляет французов оставить Саарскую область. Кронпринц, предоставив своему авангарду преследовать Мак-Магона, может также немедленно повернуть вправо и двинуться через высоты к Пирмазенсу и Цвейбрюккену, чтобы надлежащим образом соединиться с левым крылом армии принца Фридриха-Карла. Последний находился все это время где-то между Майнцем и Саарбрюккеном, тогда как французы настойчиво утверждали, что он находится у Трира. Какое влияние на его движение окажет поражение корпуса генерала Фроссара у Форбаха[26], за которым вчера, по-видимому, последовало продвижение пруссаков к Сент-Авольду, мы пока установить не можем.

Если после Виссамбура для Второй империи победа была совершенно необходима, то теперь, после Вёрта и Форбаха, она нуждается в ней в гораздо большей степени. Если Виссамбура было достаточно, чтобы нарушить все прежние планы в отношении действий правого крыла, то сражения, происходившие в субботу, неизбежно расстроили все подготовительные мероприятия для армии в целом. Французская армия утратила всякую инициативу. Ее передвижения диктуются не столько военными соображениями, сколько политической необходимостью. Армия в 300000 человек находится почти на виду у противника. И если она должна в своих передвижениях руководствоваться не тем, что делается в неприятельском лагере, а тем, что происходит или может произойти в Париже, то она уже наполовину разбита. Никто, конечно, не может с уверенностью предсказать исход генерального сражения, которое вскоре неминуемо произойдет, если оно уже не происходит. Можно только сказать, что если Наполеон III будет еще в течение недели применять такую стратегию, образцы которой он показывает, начиная с четверга*, то одного этого будет

* — 4 августа. *Ред.*

достаточно, чтобы уничтожить самую лучшую и самую большую армию в мире.

Телеграммы императора Наполеона лишь усугубят впечатление, которое произвели прусские отчеты об этих сражениях. В субботу в полночь он сообщал одни только факты:

«Маршал Мак-Магон проиграл сражение. Генерал Фроссар был вынужден отступить».

Три часа спустя были получены известия, что связь императора с маршалом Мак-Магоном прервана. В шесть часов утра в воскресенье было признано, что генерал Фроссар потерпел поражение значительно западнее Саарбрюккена, у самого Форбаха, чем по существу подтверждался серьезный характер этого поражения; заявлением о том, что «войска, которые оказались разъединенными, сосредоточиваются у Мена» признавалась, далее, невозможность немедленно задержать наступление немцев. Следующую телеграмму трудно понять;

«Отступление произойдет в полном порядке» (?).

Чье же отступление? Не маршала Мак-Магона, так как связь с ним все еще прервана. Не генерала Фроссара, потому что далее император сообщает, что «от генерала Фроссара нет никаких известий». И если в 8 часов 25 минут утра император мог говорить только в будущем времени о предстоящем отступлении войск, расположение которых ему не было известно, то какое значение следует придавать телеграмме, отправленной восемью часами ранее, в которой он заявляет в настоящем времени, что «отступление происходит в полном порядке». Все эти позднейшие сообщения выдержаны в том же духе, как и первое: «Tout peut se rétablir»*. Победы пруссаков были настолько серьезны, что они не позволяли прибегнуть к тактике, которой император, естественно, стал бы придерживаться. Он не мог осмелиться скрыть истину в надежде сгладить впечатление одновременным сообщением о последующем сражении с иным результатом. Пощадить гордость французского народа, скрыв от него, что две французские армии потерпели поражение, было уже невозможно, и поэтому ему не оставалось ничего другого , как положиться на то страстное желание вернуть утраченное, которое вести о подобных бедствиях в прежние времена вызывали в сердцах французов. В личных телеграммах императрице и министрам, несомненно, была намечена линия их публичных выступлений или, что даже более вероятно, из Меца им до-

* — Все поправимо. *Ред.*

ставляли подлинный текст соответствующих заявлений. Из всего этого мы делаем вывод, что, каково бы ни было настроение французского народа, все стоящие у власти лица, начиная от императора, находятся в крайне подавленном состоянии, что само по себе чрезвычайно знаменательно. В Париже введено осадное положение — бесспорный признак того, что может последовать за новой победой пруссаков, а воззвание министерства заканчивается следующими словами:

«Будем же упорно сражаться, и отечество будет спасено».

Спасено! Французы могут, пожалуй, спросить себя: от чего спасено? От вторжения, предпринятого пруссаками для того, чтобы предотвратить французское вторжение в Германию. Если бы пруссаки были разбиты и подобный призыв раздался из Берлина, его смысл был бы ясен, так как каждая новая победа французского оружия означала бы новую аннексию Францией германской территории. Но если прусское правительство будет достаточно благоразумно, то поражение французов будет означать только, что попытка помешать Пруссии беспрепятственно продолжать свою германскую политику потерпела неудачу, и трудно поверить, что набор en masse[*], вопрос о котором, как сообщают, обсуждается французскими министрами, позволит возобновить наступательную войну.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1711, 8 августа 1870 г.

[*] — всеобщий. *Ред.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — V

Суббота, 6 августа, была критическим днем первого периода кампании. Первые немецкие сообщения, крайне сдержанные, скорее скрывали, чем показывали важное значение достигнутых в этот день результатов. Только по последующим более полным отчетам и по некоторым неловким признаниям французских донесений мы можем судить о полной перемене военной обстановки, происшедшей в субботу.

В то время как Мак-Магон потерпел поражение на восточных склонах Вогезов, три дивизии Фроссара и по крайней мере один полк корпуса Базена, 69-й, — всего сорок два батальона — были отброшены дивизией Камеке 7-го (вестфальского) корпуса и двумя дивизиями, Барнекова и Штюльпнагеля, 8-го (рейнского) корпуса — в общей сложности тридцатью семью батальонами, — с высот южнее Саарбрюккена, за Форбах и дальше. Так как немецкие батальоны больше по численному составу, то, по-видимому, количество войск, введенных в действие, было почти равным, но французы обладали позиционным преимуществом. Слева от Фроссара находились семь пехотных дивизий Базена и Ладмиро, а в тылу у него — две гвардейские дивизии. Но за исключением одного полка, о котором сказано выше, ни один человек из всех этих дивизий не пришел на помощь злополучному Фроссару, После жестокого поражения он вынужден был отойти, и теперь он, так же как Базен, Ладмиро и гвардия, со всеми своими войсками отступает к Меду. Немцы преследуют отступающих и в воскресенье были уже в Сент-Авольде, причем вся Лотарингия до самого Меца открыта для их наступления.

Тем временем Мак-Магон, де Файи и Канробер отступают не к Бичу, как сначала указывалось, а к Нанси; штаб Мак-Магона в воскресенье находился в Саверне. Отсюда видно, что эти три корпуса не только разбиты, но и отброшены назад

в направлении, расходящемся с путем отступления остальной части армии. Таким образом, рассмотренное нами вчера стратегическое превосходство, которого добивался кронпринц своим наступлением, по-видимому, достигнуто, по крайней мере частично. Пока император отступает прямо на запад, Мак-Магон все больше уклоняется на юг и вряд ли достигнет Люневиля к тому времени, когда остальные четыре корпуса сосредоточатся под прикрытием Меца. Но расстояние от Саргемина до Люневиля лишь на несколько миль больше, чем от Саверна до Люневиля. И не следует думать, что в то время как Штейнмец преследует императора, а кронпринц старается настигнуть Мак-Магона в узких горных проходах Вогезов, принц Фридрих-Карл, находившийся в воскресенье в Блискастеле с авангардом где-то возле Саргемина, остается безучастным зрителем. Вся северная Лотарингия представляет собой отличное поле действий для конницы, а в Люневиле в мирное время всегда находился штаб значительной части французской кавалерии, расквартированной в его окрестностях. При большом превосходстве немецкой кавалерии как в количественном, так и в качественном отношении трудно предположить, что крупные массы этого рода войск не будут сразу же брошены в направлении на Люневиль с целью перерезать коммуникации между Мак-Магоном и императором, разрушить железнодорожные мосты на линии Страсбург — Нанси и, если возможно, также и мосты через реку Мёрт. Возможно даже, что немцам удастся вклинить между этими двумя разъединенными частями французской армии и свои пехотные войска, заставив Мак-Магона отступать еще дальше к югу и пойти еще более обходным путем для восстановления связи с остальной армией. Нечто подобное уже произошло, как это видно из признания императора в том, что в субботу его связь с Мак-Магоном была прервана; в то же время зловещий признак страха перед более серьезными последствиями обнаруживается в сообщении о предполагаемом переводе французской главной квартиры в Шалон.

Таким образом, из восьми корпусов французской армии четыре полностью или почти полностью разбиты, притом всякий раз по частям, а местонахождение одного из них, 7-го (Феликса Дуэ), совершенно неизвестно. Стратегия, сделавшая возможными такие ошибки, достойна австрийцев времен их наибольшей беспомощности. Она напоминает нам не Наполеона, а Больё, Макка, Дьюлаи и им подобных. Представьте себе Фроссара, который целый день должен был вести бой у Форбаха, в то время как слева от него и не далее чем в десяти милях или

около этого от линии Саара, семь дивизий оставались простыми зрителями! Это было бы совершенно необъяснимым, если не предположить, что им противостояли немецкие силы, достаточные для того, чтобы помешать этим дивизиям поддержать войска Фроссара или оказать ему помощь самостоятельной атакой. Но это единственно возможное оправдание допустимо лишь при условии, что немцы, как мы всегда говорили, намеревались вести решающее наступление своим крайним правым флангом. Поспешное отступление к Мецу снова подтверждает этот взгляд; оно чрезвычайно похоже на попытку своевременно отойти с позиции, коммуникации которой с Мецем уже находились под угрозой. Мы не знаем, какие германские части находились против дивизий Ладмиро и Базена и, возможно, охватывали их фланг, но не нужно забывать, что из семи или более дивизий Штейнмеца в бою принимали участие только три.

Между тем, появился еще один северогерманский корпус — 6-й, или верхнесилезский. В четверг на прошлой неделе он проследовал через Кёльн и находится теперь в распоряжении Штейнмеца или Фридриха-Карла, относительно которого «Times» продолжает настойчиво утверждать, что он пребывает на крайнем правом фланге у Трира, хотя в том же номере помещена телеграмма о его продвижении из Хомбурга в Блискастель. Превосходство немцев как в отношении численности и морального состояния, так и в стратегическом отношении теперь, должно быть, настолько велико, что некоторое время они безнаказанно могут предпринимать почти все, что им угодно. Если император намерен держать свои четыре армейских корпуса в укрепленном лагере в Меце, — а в противном случае он вынужден непрерывно отступать до самого Парижа, другого выбора у него нет, — то это не остановит наступления немцев, так же как и попытка Бенедека в 1866 г. вновь собрать свою армию под прикрытием Ольмюца не задержала наступления пруссаков на Вену[27]. Бенедек! Какое сравнение для победителя при Мадженте и Сольферино! И, тем не менее, оно более уместно, чем всякое другое. Подобно Бенедеку, император сосредоточил свои войска на позиции, с которой он мог бы двинуть их в любом направлении, и притом за целых две недели до сосредоточения противника. Подобно Бенедеку, Луи-Наполеон ухитрился действовать так, что его корпуса были разбиты по частям один за другим благодаря численному превосходству или же превосходству командования противника. Но мы боимся, что на этом сходство прекращается. Бенедек после недели ежедневных поражений все же располагал доста-

точными силами для последней упорной битвы при Садове. У Наполеона же, судя по всему, после двух дней боев войска оказались почти безнадежно разъединенными, и он не в состоянии даже сделать попытки дать генеральное сражение.

Мы полагаем, что теперь откажутся от намечавшейся военной экспедиции в Балтику, если когда-либо она и замышлялась не только как простая демонстрация. Каждый батальон будет нужен на восточной границе. Из 376 батальонов французской армии 300 входили в состав шести линейных корпусов и одного гвардейского, которые, как нам известно, находились между Мецем и Страсбургом. 7-й линейный корпус (Дуэ), то есть еще сорок батальонов, был, возможно, направлен либо в Балтику, либо на соединение с главными силами армии. Остальных тридцати шести батальонов было едва достаточно для Алжира и для несения разного рода службы внутри страны. Какими же ресурсами располагает император для получения подкреплений? Эти ресурсы — 100 четвертых батальонов, которые в настоящее время формируются, и мобильная гвардия. Но они состоят — первые большей частью, а вторая целиком — из необученных рекрутов. Когда четвертые батальоны могут быть готовы к выступлению, мы не знаем, но им придется выступить независимо от того, готовы они или нет. О том, что представляет собой в настоящее время мобильная гвардия, мы можем судить по событиям в Шалонском лагере на прошлой неделе[28]. Как четвертые батальоны, так и мобильная гвардия содержат, несомненно, хороший солдатский материал, но это еще не солдаты, это еще не войска, способные выдержать удар людей, научившихся брать атакой митральезы. С другой стороны, дней через десять немцы смогут выставить от 190000 до 200000 солдат своих четвертых батальонов и др., то есть цвет своей армии, и, кроме того, по крайней мере такое же количество войск ландвера, причем все эти войска пригодны для службы на фронте.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1712, 9 августа 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — VI

Теперь уже не остается никакого сомнения в том, что едва ли когда-нибудь война начиналась с таким крайним пренебрежением к правилам простого благоразумия, как наполеоновская «военная прогулка на Берлин». Война за Рейн была последним и самым крупным козырем Наполеона; но в то же время неудачный исход такой войны означал падение Второй империи. Это хорошо понимали в Германии. Постоянное ожидание войны с Францией являлось одним из главных мотивов, заставивших очень многих немцев примириться с переменами, происшедшими в 1866 году. Если в известном смысле Германия оказалась расчленена, то с другой стороны она усилилась; военная организация Северной Германии давала значительно большую гарантию безопасности, чем военная организация более крупного, но инертного старого Германского союза[29]. Эта новая военная организация была рассчитана на то, чтобы за одиннадцать дней призвать под ружье 552000 человек линейных войск и 205000 ландвера, сформированных в батальоны, эскадроны и батареи, а через две или три недели — еще 187000 резервных войск (Ersatztruppen), полностью подготовленных для боевых действий. И это не было тайной. Весь план с указанием различных корпусов, на которые разделялись эти войска, округов, в которых должен был формироваться каждый батальон и т. п., неоднократно опубликовывался. Более того, мобилизация 1866 г. показала, что эта организация существует не только на бумаге. Каждый человек был должным образом взят на учет; было также хорошо известно, что в ведомстве каждого командира округа ландвера приказы о призыве каждого человека были уже заготовлены и оставалось только проставить на них дату. Но для французского императора эти огромные силы существовали только на бумаге. Все силы, собранные им к началу кампании, состояли самое большее из 360000 войск Рейн-

ской армии и помимо этого 30000—40000 человек, предназначенных для балтийской экспедиции, — всего около 400000 войск. При таком невыгодном численном соотношении сил и при таком длительном времени, которое требовалось для подготовки новых французских формирований (четвертых батальонов) к боевым действиям, императору оставалось возлагать единственную надежду на успех внезапного нападения в момент, когда мобилизация в Германии была еще в разгаре. Мы видели, как ускользнула эта возможность, как был упущен даже и второй шанс на успех — наступление на Рейн. Укажем, теперь и на другую ошибку.

Расположение французской армии ко времени объявления войны было превосходным. Это, очевидно, являлось неотъемлемой частью тщательно продуманного плана кампании. Три корпуса в Тионвиле, Сент-Авольде и Биче — в первой линии, непосредственно у самой границы; два корпуса в Меце и Страсбурге — во второй линии; два корпуса в резерве, около Нанси, и восьмой корпус в Бельфоре. Используя железные дороги, можно было в течение нескольких дней сосредоточить все эти войска для наступления либо из Лотарингии через реку Саар, либо из Эльзаса через Рейн и нанести удар, смотря по обстоятельствам, в северном или в восточном направлении. Но эта диспозиция была пригодна только для наступления. Для обороны она совершенно не годилась. Первым условием расположения армии для обороны является следующее: передовые части должны быть на таком расстоянии от главных сил, чтобы можно было своевременно получить сведения о наступлении противника и сосредоточить войска до его подхода. Предположим, что потребуется суточный переход, чтобы подвести ваши фланговые части к центру; в таком случае ваш авангард должен находиться впереди центра по крайней мере на расстоянии суточного перехода. А в данном случае три корпуса— Ладмиро, Фроссара и де Файи, — а позже также и часть корпуса Мак-Магона, были расположены непосредственно у самой границы, и вместе с тем они были растянуты на линии Виссамбур — Сьерк, на расстоянии по меньшей мере в девяносто миль. Чтобы подтянуть фланговые части к центру, потребовалось бы целых два дня марша, и тем не менее даже тогда, когда стало известно, что немцы находятся в нескольких милях впереди, не было принято никаких мер, чтобы сократить протяженность фронта или выдвинуть авангарды вперед на такое расстояние, которое обеспечило, бы своевременное получение сведений о готовящемся наступлении. Нужно ли удивляться, что несколько корпусов были разбиты по частям?

Следующая ошибка состояла в том, что одна дивизия Мак-Магона была расположена восточное Вогезов, у Виссамбура, — на позиции, заманчивой для атаки ее превосходящими силами. Поражение Дуэ повлекло за собой очередную ошибку Мак-Магона, который попытался возобновить бои восточное Вогезов и этим еще более отдалил правый фланг от центра, оставив неприкрытыми свои коммуникации с ним. В то время как правый фланг (корпус Мак-Магона и по меньшей мере часть корпусов Файи и Канробера) был разгромлен при Вёрте, центр (Фроссар и две дивизии Базена, как это теперь выяснилось) потерпел жестокое поражение перед Саарбрюккеном. Остальные войска находились слишком далеко, чтобы прийти на помощь. Ладмиро все еще был близ Бузонвиля, остатки войск Базена и гвардия находились около Буле, главные силы Канробера оказались у Нанси, часть войск де Файи была совершенно потеряна из виду, а Феликс Дуэ, как мы узнаем теперь, 1 августа находился в Альткирке, в самой южной части Эльзаса, почти в 120 милях от поля сражения при Вёрте, и, по-видимому, не располагал достаточными железнодорожными транспортными средствами. Все мероприятия свидетельствуют только о сомнениях, нерешительности, колебаниях, — и это происходит в самый решающий момент кампании.

А какое представление о противнике создавали у солдат? Правда, в последний момент император сказал своим солдатам, что им придется встретиться с «одной из лучших армий Европы» — все это так, но эти слова были пустым звуком после того, как им годами внушалось презрение к пруссакам. Лучше всего это показывает свидетельство в газете «Temps» капитана Жанро, на которого мы уже ссылались* и который только три года тому назад оставил армию. Он был взят в плен пруссаками во время боя, явившегося для них «боевым крещением», провел среди них два дня и за это время видел большую часть их 8-го армейского корпуса. Он был поражен, увидев, насколько его представление о пруссаках расходилось с действительностью. Вот первое впечатление, возникшее у Жанро, когда его доставили в лагерь пруссаков:

«Оказавшись в лесу, я увидел совершенно иную картину. Под деревьями стояли сторожевые посты, батальоны были сосредоточены вдоль дорог; и пусть никто не пытается обманывать общественное мнение способом, недостойным нашей страны и нашего теперешнего положения: с первых же шагов мне бросились в глаза черты, характерные для превосходной армии (une belle et bonne armée), а также и для нации, обладающей мощной организацией для войны. В чем заключались эти отличительные

---

* См. настоящий том, стр. 21. *Ред.*

черты? Во всем. Поведение солдат, подчинение каждого их движения воле начальников, обеспеченное наличием гораздо более строгой дисциплины, чем у нас, веселость одних, серьезный и решительный вид других, патриотизм, который обнаруживало большинство из них, усердие офицеров, проявляемое во всем и всегда, и особенно, в чем мы можем позавидовать им, моральные достоинства унтер-офицеров — вот что сразу поразило меня и что у меня постоянно перед глазами с тех пор, как я провел два дня среди этой армии и в этой стране, где таблички с номерами местных батальонов ландвера, установленные на определенных расстояниях, напоминали о том, на какое напряжение сил способна страна в момент, когда она находится в опасности и охвачена честолюбивыми стремлениями».

У немцев все было совершенно иначе, чем у французов. Они, конечно, по достоинству оценили боевые качества французов. Сосредоточение германских войск производилось быстро, но осмотрительно. Все, кого можно было отправить на фронт, были туда отправлены; и поскольку выяснилось, что 1-й северогерманский армейский корпус находится в Саарбрюккене в армии принца Фридриха-Карла, — все 550000 линейных войск, все люди, лошади и орудия несомненно уже доставлены на фронт, где к ним должны присоединиться южногерманские войска. И эффект от такого огромного численного перевеса до сих пор еще усиливался превосходством военного командования.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1714, 11 августа 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — VII

Всю эту неделю ожидалось крупное сражение под Мецем, которое французский бюллетень изображал как сражение, готовое вскоре начаться; и однако ни один из наших военных критиков не счел нужным разъяснить, что это предстоящее сражение является всего лишь бочонком, брошенным для забавы неугомонному киту — народным массам Парижа. Сражение под Мецем! Для чего оно могло бы понадобиться французам? Они собрали под прикрытием этой крепости четыре корпуса; они пытаются перебросить туда же некоторые из четырех дивизий Канробера; они могут надеяться вскоре получить сведения, что остальные три корпуса, Мак-Магона, де Файи и Дуэ, достигли Мозеля у Нанси и укрылись за этой рекой. Зачем же им было бы искать решительного сражения, до того как вся их армия вновь не соединится, когда форты Меца защищают их от нападения? А с какой стати немцы стали бы ломать себе шею, предпринимая штурм этих фортов без подготовки? Если вся французская армия соединилась бы под стенами Меца, тогда, но не раньше, можно было бы ожидать, что французы произведут вылазку на восток от Мозеля и дадут сражение перед своей крепостью. Но все это еще только предстоит выполнить, а пока еще сомнительно, будет ли это вообще когда-либо выполнено.

В прошлое воскресенье* Мак-Магон был вынужден оставить Саверн, который в ту же ночь заняли немцы. С ним были остатки его собственного корпуса, остатки одной дивизии (Консей-Дюмениля) корпуса Дуэ и, кроме того, одна дивизия корпуса де Файи, прикрывавшая его отступление. В тот же вечер немецкие Первая и Вторая армии оставили позади Форбах и почти достигли Сент-Авольда. Оба эти пункта находятся ближе

* — 7 августа. *Ред.*

к Нанси, чем Саверн; они также гораздо ближе, чем Саверн, к Понт-а-Муссону и Дьёлуару, то есть к пунктам, расположенным на Мозеле между Нанси и Мецем. Теперь, когда немцы должны возможно скорее захватить или соорудить переправу через эту реку, и притом *выше* Меца (по различным вполне очевидным причинам), когда они ближе к реке, чем Мак-Магон, и, следовательно, быстрым продвижением могут помешать его соединению с Базеном, когда войск у них более чем достаточно,— разве не ясно, что они попытаются предпринять что-либо в этом роде? Их кавалерия, как мы и предсказывали, уже быстро проходит всю северную Лотарингию и, по-видимому, недавно вошла в соприкосновение с правым флангом Мак-Магона; в среду она прошла Гро-Танкен, находящийся всего лишь примерно в двадцати пяти милях от прямой дороги Саверн — Нанси. Поэтому немцы будут точно знать, где находится Мак-Магон, и действовать в соответствии с этим, мы же вскоре узнаем, в каком месте между Нанси (или скорее Фруаром) и Мецем они достигли Мозеля.

Вот почему с прошлой субботы мы не слышали о каких-либо боях. Теперь всю работу совершают солдатские ноги; между Мак-Магоном и Фридрихом-Карлом идет состязание — кто первым переправится через реку. И если Фридрих-Карл выиграет это состязание, то мы можем ожидать, что французы выступят из Меца, правда, не для того, чтобы дать сражение вблизи его крепостных валов, а для обороны переправы через Мозель; это действительно может быть осуществлено путем наступления либо на правом, либо на левом берегу. Два понтонных парка, захваченных в Форбахе, быть может, очень скоро будут использованы по назначению.

Относительно де Файи нам ничего определенного неизвестно. Правда, в одном бюллетене из Меца сказано, что он присоединился к армии. Но к какой? Базена или Мак-Магона? Если во всем этом сообщении есть хоть доля правды, то, очевидно, к армии последнего, потому что, с тех пор как связь с де Файи была потеряна, между ним и Базеном находились головные части немецких колонн. Две другие дивизии корпуса Дуэ, — который 4 августа все еще находился у швейцарской границы, близ Базеля, — в настоящее время должно быть отрезаны от остальных сил армии наступлением немцев на Страсбург; они могут присоединиться к ним только через Везуль. Из войск Канробера мы неожиданно обнаруживаем по крайней мере одну дивизию (Мартенпре) в Париже, обращенную не против немцев, а против республиканцев. Входящие в состав этой дивизии 25-й, 26-й и 28-й полки упоминаются в числе войск, принимавших

во вторник участие в защите Законодательного корпуса[30]. Остальные должны находиться теперь в Меце, что увеличивает численность находящейся там армии до пятнадцати (пехотных) дивизий, из которых три, однако, совершенно разбиты в результате поражения при Шпихерне.

Что касается Шпихерна, то было бы неправильно утверждать, что французы в этом сражении были разбиты вследствие численного превосходства противника. Теперь мы располагаем довольно полным сообщением генералов Штейнмеца и Альвенслебена, из которого довольно ясно видно, какие войска участвовали в сражении со стороны немцев. Атака была произведена 14-й дивизией, поддержанной нашим старым знакомым — 40-м полком, всего пятнадцатью батальонами. Это были единственные пехотные части, сражавшиеся в продолжение шести часов против трех дивизий, или тридцати девяти батальонов, которые Фроссар постепенно подтягивал. Когда эти части были дочти разбиты, но все еще удерживали высоты Шпихерна, которые они взяли штурмом в начале боя, подошла 5-я дивизия 3-го, или бранденбургского, корпуса и из четырех ее полков по меньшей мере три приняли участие в бою, то есть в нем всего участвовало самое большее двадцать четыре или двадцать семь немецких батальонов. Они выбили французов из их позиции, и только после того, как началось отступление, головные части 13-й дивизии, обошедшей правый фланг французов по долине Росселя, достигли поля боя, атаковали Форбах и превратили тем самым организованное отступление французов в беспорядочное бегство, отрезав прямую дорогу на Мец. К концу боя немцы располагали еще одной (6-й) дивизией, готовой к бою и действительно участвовавшей в нем, но в незначительной степени. Однако в это же время подошли и две французские дивизии, Монтодона и Кастаньи (обе из корпуса Базена), и 69-й полк, входивший в состав дивизии Кастаньи, понес тяжелые потери. Таким образом, если при Виссамбуре и Вёрте французы были разгромлены превосходившей их по численности массой войск, то при Шпихерне они были разбиты численно меньшими войсками. Что же касается обычных для французов сообщений о численном превосходстве противника, то не следует забывать, что отдельные участники боя вряд ли могут судить о количестве войск и что такие заявления обыкновенно делаются всякой армией, которая потерпела поражение. Кроме того, не нужно забывать, что только теперь высокие качества германской армии начинают получать признание. Согласно официальному сообщению французской главной квартиры огонь немцев значительно превосходит огонь французов

по стойкости и меткости, а Мак-Магон утверждает, что в боях в лесистой местности французы не могут иметь успеха против немцев, так как последние гораздо лучше умеют пользоваться укрытиями. Что же касается конницы, то Жанро в четверг писал в «Temps» следующее:

«Их кавалерия значительно превосходит нашу, их рядовые солдаты имеют лучших лошадей, чем многие офицеры нашей армии, и лучше ездят верхом... Я видел один из их кирасирских полков, он был прямо великолепен... Кроме того, их лошади гораздо менее нагружены, чем наши. Крупные кони кирасиров, которых я видел, были гораздо меньше нагружены, чем наши мелкие арабские или южнофранцузские лошади».

Он хвалит также прекрасное знание местности офицерами не только в своей собственной стране, но и во Франции. В этом нет ничего удивительного. Каждый лейтенант снабжен отличными картами французского генерального штаба, тогда как французские офицеры располагают лишь жалким подобием карты (une carte dérisoire) театра военных действий. И так далее. Как полезно было бы для французской армии, если бы хоть один такой правдивый корреспондент был послан в Германию до войны.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1716, 13 августа 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — VIII

Где же Мак-Магон? Германская кавалерия во время своего рейда до самых ворот Люневиля и Нанси, по-видимому, не встретилась с ним; иначе мы услышали бы о происшедших стычках. Вместе с тем, если бы он благополучно прибыл в Нанси и восстановил таким образом коммуникации с армией в Меце, то французская главная квартира, несомненно, сейчас же сообщила бы о таком утешительном факте. Из этого полного молчания о Мак-Магоне мы можем сделать единственное заключение, что он счел слишком опасным двигаться прямым путем из Саверна в Люневиль и Нанси и, чтобы не подставлять неприятелю свой правый фланг, направился более кружным путем дальше к югу, переправившись через Мозель у Байона или даже выше. Если это предположение верно, то у него очень мало шансов когда-нибудь достигнуть Меца, а в таком случае императору или кому-либо другому, кто командует в Меце, предстоит решить вопрос: не лучше ли для армии тотчас же отступить к Шалону на Марне — ближайшему пункту, где могло бы произойти соединение с Мак-Магоном. Мы склонны поэтому признать достоверность сообщения об общем отступлении французских войск в этом направлении.

В то же время до нас доходят известия о наличии огромных подкреплений для французской армии. Новый военный министр заверяет палату, что через четыре дня на фронт должны быть отправлены два армейских корпуса, каждый численностью в 35000 человек. Но где же они? Мы знаем, что восемь корпусов Рейнской армии и войска, предназначенные для посылки в Балтику, вместе с гарнизоном Алжира составляют всю французскую армию вплоть до последнего батальона, включая и морскую пехоту. Мы знаем, что 40000 человек корпуса Канробера и экспедиционных сил для Балтики находятся в Париже, Из речи генерала Дежана в палате нам известно, что четвертые

батальоны далеко еще не готовы и нуждаются в пополнении, и это должно было быть достигнуто путем укомплектования их людьми из мобильной гвардии. Откуда же тогда могут появиться эти 70000 солдат, особенно если генерал Монтобан де Паликао намерен, что весьма вероятно, до последней возможности задерживать 40000 человек в Париже? Однако если его слова действительно что-либо значат, то под этими двумя корпусами должны подразумеваться войска, находящиеся в Париже, и корпус Канробера, который до сих пор всегда считался частью Рейнской армии; в таком случае, поскольку единственным реальным подкреплением будет лишь гарнизон Парижа, общая численность действующей армии увеличится с двадцати пяти до двадцати восьми дивизий, из которых, по меньшей мере, семь понесли тяжелые потери.

Мы узнаем далее, что генерал Трошю назначен командиром 12-го корпуса, формирующегося в Париже, а генерал Ванде (?) командиром 13-го корпуса, формирующегося в Лионе. До сих пор армия состояла из гвардии и корпусов от № 1 до № 7. О номерах 8, 9, 10 и 11 мы никогда не слышали, а теперь нам вдруг говорят о 12-м и 13-м корпусах. Мы видели, что не существует войск, из которых можно было бы сформировать какой-либо из этих корпусов, за исключением только № 12, если под ним подразумевается гарнизон Парижа. Все это выглядит жалкой уловкой с целью восстановления общественного доверия посредством создания на бумаге воображаемых армий; иначе ведь нельзя истолковать это утверждение о развертывания якобы пяти армейских корпусов, из которых четыре до сего времени не существовали.

Нет сомнения, что делаются попытки организовать новую армию. Но какие имеются для этого ресурсы? Во-первых, жандармерия, из которой можно сформировать один кавалерийский и один пехотный полк; это превосходные войска, но численность их не превысит 3000 человек, и их надо еще собрать со всех концов Франции. То же относится и к douaniers*, которыми предполагают укомплектовать личный состав двадцати четырех батальонов; но мы сомневаемся, что их хватит хотя бы для половины этого количества. Затем идут старые солдаты призывов 1858—1863 гг., из числа которых холостые уже были призваны особым законом. Они могут дать контингент в 200000 человек и составят самое ценное пополнение для армии. Менее половины их достаточно для укомплектования четвертых батальонов, из остальных же можно сформировать

* — таможенным стражникам. *Ред.*

новые батальоны. Но здесь возникает затруднение: где найти офицеров? Их придется взять из действующей армии, и хотя это осуществимо путем производства значительного количества сержантов в младшие лейтенанты, но такая мера должна будет ослабить части, из которых их возьмут. В общем все эти три категории дадут увеличение, самое большее, на 220000—230000 человек, и при благоприятных условиях потребуется, по крайней мере, от четырнадцати до двадцати дней, пока хоть часть их может быть подготовлена для присоединения к действующей армии. Но, к несчастью, обстоятельства для них неблагоприятны. Теперь признано, что не только интендантство, но и весь административный аппарат французской армии оказался совершенно негодным, неспособным даже обеспечить снабжение армии, находившейся у границы. Что же можно будет сказать о готовности обмундирования и снаряжения для этих резервов, если никто никогда и не думал, что они понадобятся на фронте? В самом деле, весьма сомнительно, чтобы помимо четвертых батальонов какие-либо новые формирования были готовы раньше, чем через несколько месяцев. Не следует далее забывать, что никто из этих людей никогда не держал в руках ружья, заряжающегося с казенной части, и что все они совершенно незнакомы с новой тактикой, введенной в результате появления этого оружия. И если нынешние французские линейные войска, по их собственному признанию, стреляют поспешно, наугад, зря растрачивая боевые припасы, то что будут делать эти вновь сформированные батальоны, оказавшись перед неприятелем, на стойкость и меткость огня которого, по-видимому, очень мало влияет шум боя?

Остается еще мобильная гвардия, призыв всех холостых мужчин в возрасте до тридцати лет и местная национальная гвардия. Что касается мобильной гвардии, то даже та ее небольшая часть, которая обладала какой-то правильной организацией, по-видимому, утратила ее, как только была отправлена в Шалон. Дисциплина полностью отсутствовала, и авторитет офицеров, большинство которых было совершенно незнакомо со своими обязанностями, по-видимому, падал с каждым днем; для бойцов не имелось даже оружия, и в настоящее время все это формирование, кажется, находится в состоянии полного развала. Генерал Дежан косвенно признал это, предложив пополнить четвертые батальоны за счет мобильной гвардии. А если эта, казалось бы, организованная часть всеобщего набора является совершенно негодной, то чего же ждать от остальных его частей? Если бы даже для них нашлись офицеры, снаряжение ц оружие, то сколько бы потребовалось времени, чтобы превра-

тить их в солдат? Но на случай критических обстоятельств ничего не было предусмотрено. Каждый пригодный к службе офицер уже используется. Французы не имеют того почти неиссякаемого резерва офицеров, доставляемого системой «одногодичников-вольноопределяющихся», которые в количестве примерно 7000 человек ежегодно вступают в германские армии, причем почти каждый из них уходит со службы вполне подготовленным для выполнения офицерских обязанностей. Снаряжение и оружие, по-видимому, также отсутствуют, — говорят, что из складов придется извлечь даже старые кремневые ружья. А при таких обстоятельствах, какую ценность для Франции могут иметь эти 200000 человек? Французы вольны, конечно, ссылаться на Конвент, на Карно с его пограничными армиями[31], созданными из ничего, и т. д. Хотя мы далеки от утверждения, что Франция бесповоротно потерпела поражение, все же не нужно забывать, что в успехах Конвента значительную роль сыграли союзные армии. Эти армии, напавшие на Францию, насчитывали в то время в среднем по 40000 солдат каждая; их было три или четыре, и действовали они отдельно друг от друга — одна на Шельде, другая на Мозеле, третья в Эльзасе и т. д. Каждой из этих небольших армий Конвент противопоставил огромное количество более или менее слабо обученных новобранцев, которые, действуя на флангах и в тылу неприятеля, целиком зависевшего в то время от своих магазинных складов, заставляли его в целом держаться возможно ближе к границе, а после того как пятилетнее участие в кампаниях выковало из этих новобранцев настоящих солдат, им в конце концов удалось отбросить врага за Рейн. Но можно ли хотя бы на минуту допустить, что подобная тактика будет пригодной против нынешней огромной армии вторжения, которая, несмотря на то, что она сформирована в три самостоятельных единицы, всегда умела держаться сосредоточенно на расстоянии, обеспечивающем взаимную поддержку, или, что германская армия даст французам время развернуть свои ныне еще скрытые ресурсы? А развернуть их в какой-то степени возможно лишь в том случае, если французы будут готовы сделать то, чего они никогда еще не делали, — предоставить Париж и его гарнизон их собственной участи и продолжать борьбу, имея своей операционной базой линию Луары. До этого, быть может, дело никогда не дойдет, но до тех пор, пока Франция не будет готова к этому, лучше ей и не говорить о всеобщем наборе.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1717, 15 августа 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — IX

«Французская армия начала переправляться на левый берег Мозеля. Сегодня (в воскресенье) утром разведывательные отряды не доносили о присутствии прусских авангардов; однако, когда половина армии переправилась, пруссаки атаковали нас крупными силами, но после четырехчасового боя были отброшены со значительными потерями».

Так гласит официальное императорское сообщение, переданное г-ном Рейтером в понедельник* вечером. В нем содержится, однако, серьезная неточность, так как император ясно заявил, что разведывательные отряды не доносили о присутствии неприятеля, хотя его значительные силы находились поблизости. Однако помимо этого, казалось бы, ничего не могло быть правдивее и деловитее этого бюллетеня. Перед нашими глазами возникает ясная картина: французы целиком заняты рискованным делом — переправой через реку; коварные пруссаки, которые всегда умеют захватить противника в невыгодном положении, нападают на него в то время, когда половина его сил переправилась на другую сторону; затем следует доблестная оборона французов, увенчавшая в конце концов их сверхчеловеческие усилия стремительным наступлением, в результате которого неприятель был отброшен со значительными потерями. Это весьма живописно, недостает только одного — названия местности, где все это произошло.

На основании бюллетеня мы можем только предположить, что переправа-через реку и попытка помешать ей, столь победоносно отраженная, происходили на открытой местности. Но как же это могло произойти, когда у французов все мосты для переправы расположены внутри Меца — мосты, совершенно недосягаемые для противника, — когда, кроме того, для наведения дополнительных понтонных мостов имелось достаточно

* — 15 августа. *Ред.*

места в пунктах в равной мере безопасных, на участке реки протяжением в пять или шесть миль, прикрытом окружающими Мец фортами? Ведь не собирается же французский штаб уверять нас в том, что французы вопреки здравому смыслу пренебрегли всеми этими выгодами, что они вывели армию из Меца, навели мосты на открытом месте и переправились через реку на виду у неприятеля и в пределах его досягаемости лишь для того, чтобы вызвать то «сражение под Мецем», которое они обещали нам в течение целой недели?

Если же переправа через Мозель совершалась по мостам, находящимся внутри укреплений Меца, то как же могли пруссаки атаковать французские войска, находившиеся еще на правом берегу, до тех пор пока французы оставались, что они могли сделать внутри линии отдельных фортов? Артиллерия этих фортов вскоре сделала бы это место слишком жарким для всяких наступающих войск.

Все это кажется невероятным. Французский штаб по крайней мере мог бы указать название этой местности, чтобы мы имели возможность проследить по карте различные этапы этой достославной битвы. Но это название он не намерен сообщать. К счастью для нас, пруссаки не столь скрытны, они заявляют, что бой произошел близ Панжа, на пути к Мецу[32]. Мы смотрим на карту, и все становится ясным. Панж находится не на Мозеле, а в восьми милях от него, на реке Нид, на расстоянии около четырех миль от линии отдельных фортов Меца. Если французы переправлялись через Мозель и половина их войск находилась уже на другой стороне, то с военной точки зрения им совершенно незачем было держать большие силы в Панже или вблизи его. И если они направились туда, то это вызывалось не военными соображениями.

Вынужденный оставить Мец и линию Мозеля, Наполеон не мог, конечно, без боя и, если это возможно, без действительной или показной победы начать отступление, которое должно продолжаться, по крайней мере, до Шалона. Случай же представился благоприятный. В то время как половина его войск переправлялась, другая могла бы выйти через интервалы между фортами к востоку от Меца, оттеснить назад передовые войска пруссаков, завязать общее сражение, в той мере, в какой это оказалось бы нужным, завлечь противника в зону досягаемости артиллерии фортов, а затем эффектным наступлением всем фронтом отбросить его назад на безопасное расстояние от укреплений. Такой план не мог бы полностью потерпеть провал; он должен был привести к такому положению, которому можно было бы придать видимость победы; это восстановило бы доверие

армии, возможно даже и Парижа, и придало бы отступлению к Шалону менее унизительный вид.

Этими соображениями и объясняется тот, казалось бы несложный, но в действительности нелепый бюллетень из Меца. Каждое слово этого бюллетеня в известном смысле правильно, тогда как весь контекст, как это заметно с первого взгляда, рассчитан на то, чтобы создать совершенно ложное впечатление. Эти соображения объясняют также, каким образом обе стороны могли претендовать на победу. Пруссаки оттеснили французов под прикрытие их фортов; но, продвинувшись слишком близко к этим фортам, они в свою очередь были вынуждены отступить. Вот все, что можно сказать о знаменитом «сражении под Мецем», которое могло бы и вовсе не произойти, так как его влияние на ход кампании будет равно нулю. Заметим, что граф де Паликао в своей речи в палате был значительно осторожнее.

«То, что произошло», — сказал он, — «нельзя было бы назвать сражением; это были отдельные стычки, и для каждого, кто разбирается в военном деле, должно быть ясно, что пруссаки потерпели в них неудачу и были вынуждены покинуть линию отступления французской армии».

Последнее утверждение маршала, по-видимому, было верным лишь в отношении небольшого промежутка времени, так как пруссаки, несомненно, сильно беспокоили отступавшие французские войска у Марс-ла-Тура и Гравелота.

Действительно, Наполеону и его армии пора было оставить Мец. Пока французы медлили у Мозеля, германская кавалерия перешла Маас у Коммерси и разрушила железную дорогу, идущую оттуда в Бар-ле-Дюк; она появилась также в Виньёле, угрожая с фланга колоннам, отступающим от Меца к Вердену. На что отваживались эти кавалеристы, мы видим на примере одного из эскадронов, который вошел в Нанси, собрал с населения 50000 франков и принудил жителей города разрушить железную дорогу. А где же французская кавалерия? Где те 43 полка, которые были присоединены к восьми армейским корпусам, и те 12 полков резервной кавалерии, которые числятся в составе Рейнской армии?

В настоящее время единственным препятствием на пути немцев является крепость Туль, но и она не имела бы никакого значения, если бы не господствовала над железной дорогой. Немцам, конечно, понадобится железная дорога, и поэтому они, несомненно, примут меры к самому быстрому овладению Тулем, который является крепостью устаревшего типа, без отдельных фортов, и поэтому совершенно открыт для бомбардировки. Вероятно, мы скоро услышим, что эта крепость сда-

лась после обстрела ее из полевых орудий в течение каких-нибудь двенадцати часов, а может быть, и меньшего времени.

Если Мак-Магон на самом деле, как заявляют французские газеты, покинув свою армию, через два дня после боя при Вёрте был в Нанси, то мы можем предположить, что его корпус совершенно дезорганизован и что эта болезнь охватила также и войска де Файи. Сейчас немцы продвигаются вперед к Марне почти на одной линии фронта с двумя французскими армиями, имея по одной из них на каждом из своих флангов. Направление движения Базена — от Меца через Верден и Сент-Мену к Шалону, немцев — из Нанси через Коммерси и Бар-ле-Дюк к Витри, войск Мак-Магона (ибо если даже сам маршал присоединился к императору в Шалоне, то, конечно, без своей армии) — где-то южнее, но, несомненно, также на Витри. Таким образом, соединение обеих французских армий с каждым днем становится все более сомнительным; если войска Дуэ не были своевременно направлены от Бельфора через Везуль и Шомон к Витри, им, возможно, придется искать соединения с армией, двигаясь через Труа и Париж, так как проехать по железной дороге через Витри французским солдатам вскоре будет невозможно.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1720, 18 августа 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — X

Хотя генерал Мольтке и стар, но планы его, несомненно, проникнуты всей энергией молодости. Не довольствуясь тем, что он однажды уже вклинил свою собранную в кулак армию между одним из флангов французов и остальной частью их войск, теперь он снова повторяет тот же маневр и, по-видимому, с одинаковым успехом. Если бы Мольтке продолжал двигаться вперед прямо к Марне и только тревожил бы правый фланг и тыл французов во время их параллельного движения к тому же самому месту, то, по мнению большинства военных критиков, этого было бы вполне достаточно. Но едва ли можно было ожидать, что он будет передвигать свои войска с той огромной энергией, с какой, как сейчас ясно, он это сделал. То, что мы принимали за простые нападения отдельных отрядов на открытые фланги и тыл этой длинной походной колонны, двигавшейся от Меца к Вердену, было, как теперь выясняется, лишь разведкой, предшествовавшей наступлению на нее крупными силами. Три или четыре немецких армейских корпуса двигались по полуокружности с южной стороны Меца; их передовые части во вторник* утром достигли линии марша французов и сразу напали на них. Французская армия начала свое отступление из Меца в воскресенье; стычки, происшедшие в тот же день вечером между Панжем и фортом Белькруа, возможно, замедлили это движение, но оно все-таки продолжалось в понедельник и еще не закончилось во вторник. Отступление происходило не менее чем двумя отдельными колоннами, следовавшими по двум дорогам, которые расходятся в Гравелоте, в пяти милях западнее Меца; северная из этих дорог проходит через Донкур и Этен, а южная — через Вьонвиль, Марс-ла-Тур и Френ, и обе дороги затем снова соединяются у Вердена. Атака немцев

* — 16 августа. *Ред.*

произошла близ Марс-ла-Тура[33]; бой продолжался весь день и закончился, согласно германскому сообщению, поражением французов, которые потеряли два орла, семь орудий и 2000 человек пленными и были отброшены обратно к Мецу. Вместе с тем Базен также претендует на победу. Он заявляет, что его войска отбросили немцев и провели ночь на захваченной позиции. Однако в его телеграмме, посланной в среду вечером, содержатся два утверждения, предвещающие нечто весьма зловещее. В ней Базен говорит, что во вторник он весь день вел бой между Донкуром и Вьонвилем; то есть в этом сражении его фронт занимал расстояние от Донкура до Вьонвиля и был обращен на запад, в то время как немцы преградили путь к Вердену на обеих дорогах. Какие бы претензии на успех он ни заявлял, он все же не может сказать, что очистил дороги на Верден или хотя бы одну из них. Если бы он это сделал, то его несомненным долгом было бы в ту же ночь и как можно быстрее продолжать отступление, так как противник почти наверное получил бы утром подкрепление. Но он останавливается и проводит ночь «на захваченной позиции», что бы эти слова ни означали. Не довольствуясь этим, он остается там и в среду до четырех часов пополудни и даже после этого заявляет не о своем намерении двигаться дальше, а об отсрочке дальнейшего движения еще на несколько часов с целью значительного пополнения боевых припасов. Таким образом, мы можем быть уверены, что и ночь на четверг также была проведена на том же самом месте; а так как единственным местом, откуда он мог пополнить свои боевые припасы, является Мец, то мы имеем полное право заключить, что «захваченные позиции» находились в тылу, что путь отступления к Вердену был и остается отрезанным и что в данный момент маршал Базен должен либо направиться обратно в Мец, либо сделать попытку выбраться отсюда по пути, проходящему еще дальше к северу.

Если это соображение правильно, — а мы не знаем, как иначе можно истолковать имеющиеся у нас данные, — то значит часть французской армии опять отрезана от остальных сил. Мы не знаем, какие войска могли пройти к Вердену в понедельник и во вторник утром до подхода немцев. Но, несомненно, назад к Мецу отброшена значительная часть сил, и, какова бы ни была ценность этих войск, большая армия, которую пытались сосредоточить в Шалоне, уменьшится на такое же количество войск. Правда, остается еще лазейка, через которую Базен мог бы попытаться ускользнуть. Одна железная дорога проходит поблизости от бельгийской границы от Тионвиля к Лонгюйону, Монмеди и Мезьеру, где ее пересекает другая железнодорожная

линия на Реймс и Шалон; но всякие войска, которые воспользовались бы этой пограничной железной дорогой или только направились к ней, могли бы быть оттеснены преследующим их противником к границе и вынуждены либо сдаться, либо перейти границу, где они были бы разоружены бельгийцами. Кроме того, мало вероятно, чтобы на этой удаленной от центра железнодорожной линии оказалось достаточно подвижного состава для перевозки значительного количества войск; и, наконец, получены сообщения из Вердена, что пруссаки, должно быть перешедшие Мозель между Мецем и Тионвилем, в среду находились в Брие, на прямом пути из Меца к еще свободному для движения участку этой железной дороги. Если бы Базен попытался спасти свои разбитые войска, двигаясь в этом направлении, то в лучшем случае все они были бы доведены до состояния полного разложения. Длительное отступление, когда противник находится на кратчайшем пути движения разбитых войск, является в высшей степени пагубным» Доказательством этого служат войска Мак-Магона, небольшие группы которых продолжают прибывать по железной дороге в Шалон. 12-го прибыло около 5000 человек; в каком состоянии — пусть скажет «Siecle»[34]. Это была смесь из солдат всех родов войск и полков, без оружия, без патронов, без ранцев; у кавалеристов не было лошадей, у артиллеристов — пушек; разношерстная, дезорганизованная, деморализованная толпа, и для организации ее снова в батальоны, эскадроны и батареи понадобились бы недели. Достаточно того, что корреспонденты отказываются описывать состояние линейных войск в Шалоне из опасения разгласить сведения, которые могли бы оказаться полезными для противника.

Большая армия, которая должна была сосредоточиться в Шалоне, видимо, никогда не сможет там собраться. После того как войска Канробера были стянуты частью к Парижу, частью к Мецу, в Шалоне осталось только 18 батальонов мобилей, о которых в такой войне, как настоящая, не стоит и упоминать. С тех пор туда направлено из Парижа некоторое количество морской пехоты, две оставшиеся дивизии корпуса Дуэ — если в диспозициях Базена еще сохранился какой-то здравый смысл — должны были прибыть к этому времени; может быть, там находятся еще несколько четвертых батальонов, но, конечно, немного. В ближайшие дни, может быть, прибудет несколько полков из числа вновь сформированных из жандармов и douaniers*. Возможно прибудут также небольшие отряды

* — таможенных стражников. *Ред.*

франтиреров[35]; но, оставляя в стороне всех необученных новобранцев, главная часть этой большой армии, которая может быть сосредоточена в Шалоне до подхода немцев, при всех обстоятельствах будет состоять из войск, отступающих из Меца. А что представляют собой теперь эти войска после боев, происходивших во вторник, мы еще узнаем.

Назначение генерала Трошю командующим армией, предназначенной для обороны Парижа, последовавшее так быстро за назначением его командиром 12-го корпуса, «формирующегося в Париже», доказывает, что посылать на фронт массу войск, находящихся сейчас в Париже, не собираются. Париж надо усмирять. Но кто сможет усмирить его, когда там станет известна правда о последнем сражении, происшедшем во вторник?

Напечатало в «The Pall Mall Gazette»
№ 1721, 19 августа 1870 г.

КРИЗИС ВОЙНЫ

Император покинул армию, но с ней остался его злой гений — тот злой гений, побуждаемый которым он, сгорая от нетерпения, поспешил объявить войну, а когда это было сделано, оказался неспособным на что-нибудь решиться. Армия должна была быть готова к походу самое позднее к 20 июля. Наступило 20 июля, но ничего еще не было сделано. 29-го в Меце Наполеон III принял на себя верховное командование; тогда было еще время для того, чтобы наступать, почти не встречая сопротивления, до самого Рейна; однако армия не двинулась. Колебания зашли, как видно, даже так далеко, что император не мог решить, наступать ли ему вообще или же занять позицию для обороны. Головные части германских колонн уже сходились со всех сторон к Пфальцу, и каждый день можно было ожидать их наступления. Несмотря на это, французы оставались у границы на своих позициях, предназначенных для наступления, которое так и не состоялось, но совершенно непригодных для обороны, а вскоре помимо обороны у них уже не было иного выбора. Состояние нерешительности, длившееся с 29 июля по 5 августа, было характерно для всей кампании. У французской армии, расположенной у самой границы, не имелось передовых частей на должном расстоянии от главных сил, а для устранения этого недостатка существовало лишь два способа: либо выдвинуть передовые части вперед на территорию противника, либо оставить их на занимаемых позициях у границы, а главными силами, сосредоточив их более компактно, отойти назад на расстояние суточного перехода. Но первый план вызвал бы столкновения с противником в условиях, на которые император не мог бы оказать никакого влияния, тогда как второй представлялся невозможным по политическим соображениям, не допускавшим отступления еще до первого сражения. Таким образом, колебания продолжались, и ровно ничего

не было сделано; как будто рассчитывали, что и противник заразится нерешительностью и тоже воздержится от передвижения. Но противник пришел в движение. Как раз за день до того, как все его войска прибыли на фронт, 4 августа, им было принято решение воспользоваться неправильным расположением французов. Сражение при Виссамбуре оттянуло все войска корпусов Мак-Магона и Файи еще дальше от центра-позиции французов, а 6 августа, когда немцы были уже в полной готовности, их Третья армия нанесла поражение шести дивизиям Мак-Магона у Вёрта, отбросив их вместе с двумя оставшимися дивизиями де Файи через Саверн к Люневилю. В то же время передовые части Первой и Второй армий разбили войска Фроссара и часть войск Базена у Шпихерна, отбросив весь центр и левое крыло французов назад к Мецу. Таким образом, между двумя отступающими французскими армиями лежала вся Лотарингия; и в этот широкий проход устремилась германская кавалерия, а за нею и пехота, чтобы возможно лучше использовать достигнутое преимущество. Кронпринца порицали за то, что он не вел преследования разбитой армии Мак-Магона до Саверна и далее. Но после Вёрта преследование велось совершенно правильно. Как только разбитые войска были отброшены на юг на такое расстояние, что они могли присоединиться к остальной части французской армии лишь обходным путем, преследовавшие их войска, двигаясь прямо в направлении Нанси, все время держались между обеими этими группами войск. Такой способ преследования (тот же, к которому прибегнул Наполеон после Йены[36]) является, как показали теперь его результаты, по крайней мере, таким же действенным, как и движение непосредственно вслед за спасающимся бегством противником. Все, что еще уцелело от этих восьми дивизий, было либо отрезано от главных сил, либо присоединилось к ним в состоянии полной дезорганизации.

Но довольно о последствиях нерешительности, которой отмечено начало кампании. Можно было бы, конечно, ожидать, что подобная ошибка больше не повторится. Император передал верховное командование маршалу Базену, а маршал Базен должен был бы во всяком случае знать, что, будет сам он действовать или нет, неприятель не станет терять времени даром.

Расстояние от Форбаха до Меца несколько меньше 50 миль. Большинству же корпусов нужно было пройти менее чем 30 миль. В течение трех дней все они могли бы благополучно достигнуть укрытий Меца, а на четвертый день начать отступление к Вердену и Шалону, ибо не могло быть более никаких сомнений в необходимости такого отступления. Восемь дивизий

маршала Мак-Магона и оставшиеся две дивизии генерала Дуэ — более чем одна треть всей армии — не имели, по-видимому, возможности соединиться с Базеном в другом, более близком пункте, чем Шалон. Базен располагал двенадцатью дивизиями, включая императорскую гвардию; таким образом, даже после присоединения к нему трех дивизий Канробера численность его войск, вместе с кавалерией и артиллерией, не могла превышать 180000 солдат, — силы, совершенно недостаточные для встречи с противником на поле сражения. Поэтому если он не был намерен предоставить всю Францию вторгнувшемуся неприятелю и позволить запереть себя в таком месте, где голод быстро заставил бы его или сдаться, или дать бой на условиях, диктуемых противником, то, казалось бы, он не мог ни минуты сомневаться относительно необходимости немедленного отступления из Меца. И все-таки он не трогается с места. 11 августа германская кавалерия находится уже в Люневиле, а с его стороны все еще нет и признаков движения. 12-го кавалерия переходит Мозель, производит реквизиции в Нанси, разрушает железную дорогу между Мецем и Фруаром и появляется в Понт-а-Муссоне. 13 августа германская пехота занимает Понт-а-Муссон, и с этого момента немцы становятся хозяевами обоих берегов Мозеля. Наконец, в воскресенье, 14-го, Базен начинает перебрасывать свои войска на левый берег реки. Завязывается бой у Панжа, в результате которого отступление, несомненно, снова задерживается; можно полагать, что отступление к Шалону действительно началось в понедельник отправкой тяжелых обозов и артиллерии. Но в этот же день германская кавалерия находилась по ту сторону Мааса в Коммерси и в Виньёле на расстоянии не более 10 миль от линии отступления французов. Мы не можем сказать, сколько войск ушло в понедельник и рано утром во вторник, но представляется несомненным, что главные силы находились все еще позади, когда около 9 часов утра во вторник, 16 августа, 3-й германский корпус и резервная кавалерия атаковали движущиеся колонны близ Марс-ла-Тура. Результат известен: отступление Базена было полностью остановлено; как показывают его собственные телеграммы от 17-го, ему в лучшем случае удалось лишь удержаться на своей позиции, в то время как его единственным желанием было оставить ее позади.

В среду, 17 августа, обе армии имели, по-видимому, передышку, но в четверг все надежды на благополучное отступление, которые Базен мог еще питать, окончательно рухнули. В этот день утром пруссаки атаковали его, и после девятичасового боя

«французская армия была полностью разгромлена, отрезана от коммуникаций с Парижем и отброшена назад к Мецу»[37].

Вечером того же дня или на следующий день Рейнская армия должна была вернуться в крепость, которую она оставила в начале недели. Поскольку армия заперта там, немцы легко смогут отрезать все пути ее снабжения, тем более, что местность уже совершенно опустошена продолжительным пребыванием войск, а все, что еще можно собрать, несомненно, потребует для своих собственных нужд армия обложения. Таким образом, голод должен скоро принудить Базена к выступлению; трудно только сказать, в каком направлении. Движение на запад будет непременно задержано подавляющими силами противника; движение на север крайне опасно; движение на юго-восток могло бы отчасти иметь успех, но оно не дало бы никаких непосредственных результатов. Даже если бы ему удалось с дезорганизованной армией достигнуть Бельфора или Безансона, он не мог бы оказать сколько-нибудь заметного влияния на судьбу кампании. Таково положение, к которому привела французскую армию нерешительность во втором периоде кампании. Правительству в Париже, несомненно, все это хорошо известно. Доказательством этого служит отозвание мобильной гвардии из Шалона в Париж. С того момента, как главные силы Базена оказались отрезанными, позиция у Шалона, бывшего всего лишь местом сбора войск, потеряла всякое значение. Ближайшим местом сбора всех сил теперь является Париж, и все они отныне должны двигаться туда. Однако нет таких сил, которые могли бы на поле боя противостоять германской Третьей армии, продвигающейся, вероятно, в настоящее время к столице. Французы скоро на опыте убедятся, оправдают или нет укрепления Парижа произведенные на них затраты.

Хотя угроза такой финальной катастрофы существовала уже в течение нескольких дней, все же трудно представить себе, что она в самом деле произошла. Действительность превзошла все ожидания. Две недели тому назад англичане строили предположения о возможных последствиях победы французской армии в первом крупном сражении. Угроза, которой они больше всего опасались, состояла в том, что Наполеон III мог использовать свой первоначальный успех как повод для поспешного заключения мира за счет Бельгии. Но в этом отношении они быстро успокоились. Сражения при Вёрте и Форбахе показали, что французскому оружию нечего рассчитывать на театральный триумф. Тот факт, что Германии, как обнаружилось, нечего было опасаться Франции, обещал, казалось, быстрое окончание войны. Полагали, что скоро должно наступить время, когда

французы признают, что попытка противодействовать объединению Германии под главенством Пруссии не удалась, что, следовательно, им больше незачем вести борьбу, тогда как немцы вряд ли станут продолжать опасную и сомнительную войну после того, как уже получено признание, которого они стремились добиться. В течение первых пяти дней этой недели положение вещей снова коренным образом изменилось. Военная мощь Франции, по всей вероятности, полностью уничтожена, и теперь честолюбивым стремлениям немцев, кажется, нет других пределов, кроме весьма сомнительного препятствия — немецкой умеренности. Мы не можем пока еще оценить политические результаты этой страшной катастрофы. Мы можем только удивляться ее размерам и неожиданности и восхищаться тем, как перенесли ее французские войска. После четырех дней почти непрерывных боев, при самых неблагоприятных условиях, какие только можно себе представить, они смогли на пятый день в течение девяти часов оказывать сопротивление наступлению противника, значительно превосходившего их численно, — это делает величайшую честь их мужеству и стойкости. Никогда еще, даже в самых победоносных кампаниях, французская армия не покрывала себя более заслуженной славой, чем при ее злополучном отступлении из Меца.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1722, 20 августа 1870 г.

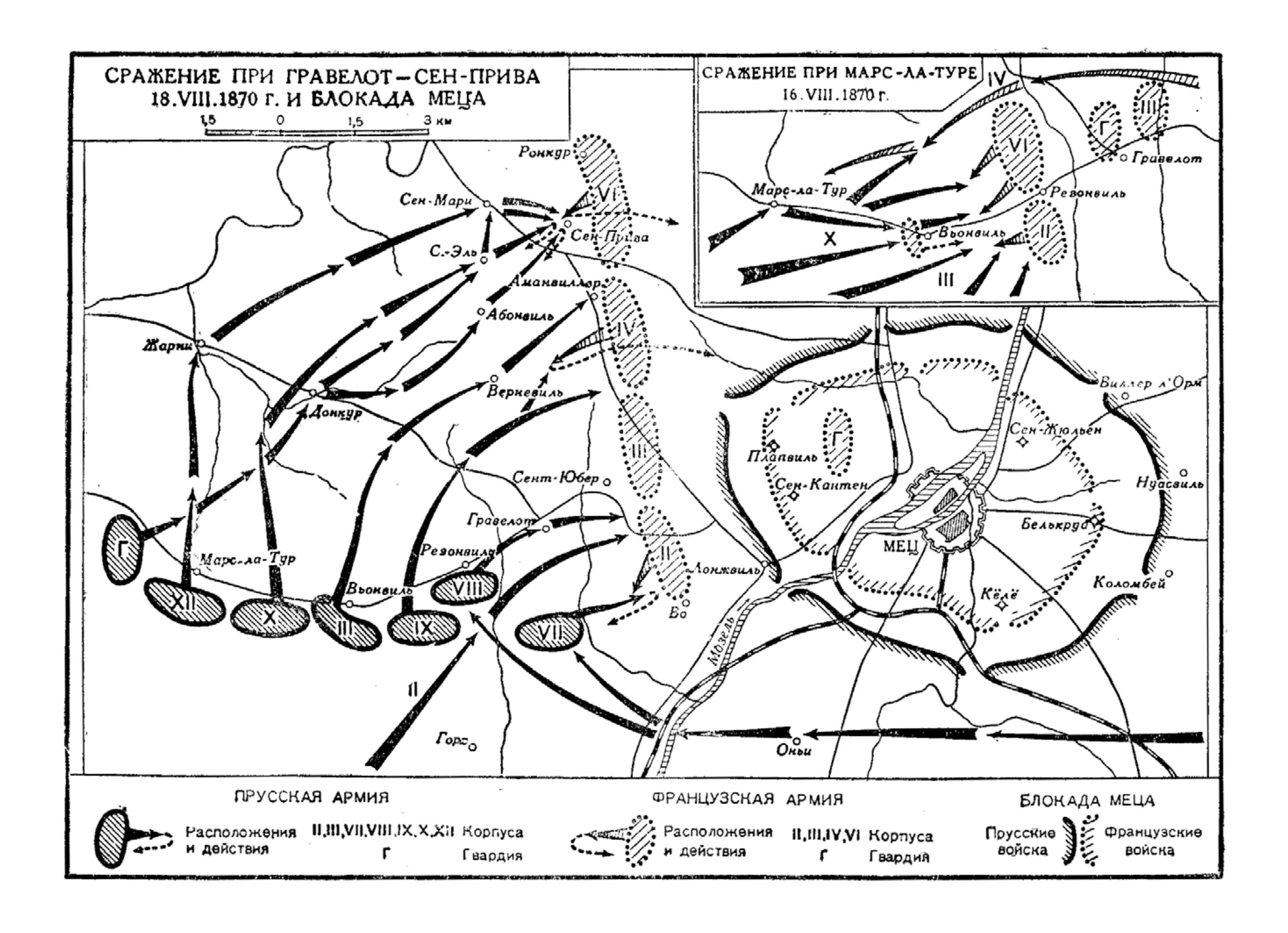
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XI

Хотя все подробности трех ужасных сражений, которые велись на прошлой неделе вокруг Меца, еще неизвестны, мы все же в достаточной мере осведомлены, чтобы составить теперь ясную картину того, что произошло в действительности.

Сражение 14 августа, в воскресенье, немцы начали с целью задержать отступление французов к Вер дену. Было замечено, что остатки корпуса Фроссара в воскресенье после полудня переходили через Мозель в направлении Лонжвиля; признаки движения наблюдались также среди войск, расположенных лагерем к востоку от Меца. 1-й (восточнопрусский) и 7-й (вестфальский и ганноверский) армейские корпуса получили приказ наступать. Они преследовали французов до тех пор, пока сами не попали в зону огня фортов; но французы, предвидя такое движение, заранее сосредоточили крупные силы на укрытых позициях в долине Мозеля и в узком овраге, по которому с востока на запад протекает ручей, впадающий в реку к северу от Меца. Эта масса войск внезапно обрушилась на правый фланг немцев, которые уже несли потери от огня фортов, и, как передают, отбросила их в беспорядке назад. После этого французы, вероятно, снова отошли, так как определенно известно, что немцы удержали за собой ту часть поля сражения, которая находится вне досягаемости огня фортов, и что на свои прежние бивуаки они возвратились лишь после рассвета. Мы знаем об этом как из частных писем лиц, участвовавших в бою, так и из помещенного в понедельник в «Manchester Guardian»[38] письма корреспондента из Меца, который побывал на поле сражения в понедельник утром и обнаружил, что оно занято пруссаками, оказывавшими помощь все-еще остававшимся там раненым французам. Обе стороны в известном смысле могут утверждать, что они достигли целей, поставленных ими в этом

сражении: французы завлекли немцев в ловушку и те понесли жестокие потери, немцы же задержали отступление французов до тех пор, пока принц Фридрих-Карл не достиг той линии, по которой оно должно было осуществиться. Со стороны немцев в сражении участвовало два корпуса, или четыре дивизии, со стороны французов — корпуса Декана, Ладмиро и часть гвардии, то есть свыше семи дивизий. Таким образом, в этом бою французы имели большое численное превосходство. Говорят также, что позиции французов были значительно усилены стрелковыми ячейками и окопами, из которых они вели огонь с большим хладнокровием, чем обычно.

До вторника 16 августа отступление Рейнской армии к Вердену в целом еще не начиналось. К этому времени головные войска колонн принца Фридриха-Карла — 3-й армейский корпус (бранденбургский) — как раз достигли окрестностей Марс-ла-Тура. Они тотчас же атаковали французов и в течение шести часов сковывали французскую армию. Усиленные затем 10-м армейским корпусом (ганноверским и вестфальским) и частью войск 8-го (рейнского) и 9-го (шлезвиг-гольштейнского и мекленбургского) корпусов, они не только удержали свои позиции, но отбросили неприятеля назад, захватили два орла, семь орудий и более двух тысяч пленных. Действовавшие против них силы состояли из корпусов Декана, Ладмиро, Фроссара и, по крайней мере, части корпуса Канробера (прибывшего в Мец из Шалона в те последние дни, когда железная дорога через Фруар была еще свободна), а также гвардии, в общей сложности от 14 до 15 дивизий. Таким образом, против 8 германских дивизий опять находились численно превосходящие силы, даже если в этом сражении, что весьма вероятно, участвовали не все войска Базена. Это следует иметь в виду, так как французские сообщения продолжают объяснять все неудачи постоянным численным превосходством противника. Что отступление французов было действительно остановлено, видно из того факта, что они сами говорят об арьергардных боях, имевших место 17-го у Гравелота, более чем в 5 милях позади тех позиций, которые они занимали 16-го. В то же самое время тот факт, что во вторник немцы могли наступать только четырьмя корпусами, свидетельствует о неполноте достигнутого ими успеха. Капитан Жанро, 17-го прибывший из Брие в Конфлан, обнаружил здесь два кавалерийских полка французской гвардии, совершенно деморализованных и обращавшихся в бегство при одном только возгласе: «пруссаки идут!». Это доказывает, что хотя 16-го вечером дорога через Этен, возможно, и не была в действительности занята немцами, но они находились так близко,

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГРАВЕЛОТ—СЕН-ПРИВА
18.VIII.1870 г. И БЛОКАДА МЕЦА
1,5 0 1,5 3 км
СРАЖЕНИЕ ПРИ МАРС-ЛА-ТУРЕ
16.VIII.1870 г.
Ронкур
Сен-Мари
С.-Эль
Сен-Прива
Аманвиллер
Абонвиль
Жарни
Донкур
Верневиль
Сент-Юбер
Гравелот
Резонвиль
Марс-ла-Тур
Вьонвиль
Лонжвиль
Во
Горз
Оньи
Мозель
МЕЦ
Плапвиль
Сен-Кантен
Сен-Жюльен
Виллер л'Орм
Нуасвиль
Белькруа
Кёлё
Коломбей
ПРУССКАЯ АРМИЯ
Расположения и действия
II,III,VII,VIII,IX,X,XII Корпуса
Г Гвардия
ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ
Расположения и действия
II,III,IV,VI Корпуса
Г Гвардия
БЛОКАДА МЕЦА
Прусские войска
Французские войска

что всякое отступление по ней без нового боя становилось невозможным. Но Базен, по-видимому, оставил об этом всякую мысль, поскольку он укрепился на очень сильной позиции близ Гравелота, и там ожидал атаки немцев, которая последовала 18-го.

Плато, по которому пролегает дорога из Марс-ла-Тура через Гравелот на Мец, пересечено рядом глубоких оврагов, образованных ручьями, текущими с севера на юг к Мозелю. Один из этих оврагов находится непосредственно перед Гравелотом (западнее от него), два других идут параллельно позади первого. Каждый из них образует сильную оборонительную позицию; и все они были еще более усилены земляными укреплениями, а также баррикадами и бойницами, устроенными во дворах ферм и в деревнях, расположенных в пунктах, важных в тактическом отношении. Встретить противника на этой сильной укрепленной позиции, дать ему сломать себе там шею, наконец, отбросить его назад мощным «retour offensif»* и, таким образом, очистить дорогу на Верден — такова была, очевидно, единственная надежда, остававшаяся у Базена. Но наступление велось такими силами и с такой энергией, что противник овладевал одной позицией за другой, и Рейнская армия оказалась отброшенной назад к самым орудиям Меца. Против четырнадцати или пятнадцати французских дивизий фактически действовали двенадцать немецких дивизий и еще четыре оставались в резерве. Количество войск, участвовавших в сражении с обеих сторон, было почти равным, в целом с некоторым перевесом у немцев, так как четыре из их шести корпусов остались почти нетронутыми; но это незначительное численное превосходство ни в какой мере не могло возместить силу французских позиций.

Французское общественное мнение все еще не решается осознать, что Базен и его армия на самом деле попали в положение, весьма похожее на то, в которое генерал Бонапарт поставил Вурмзера в Мантуе в 1796 г. и Макка при Ульме в 1805 году[39]. Чтобы блестящая Рейнская армия, надежда и оплот Франции, после двух недель кампании оказалась поставленной перед выбором: либо попытаться в гибельных условиях прорваться сквозь неприятельский фронт, либо капитулировать, — это уже выходит за пределы того, во что французы могут заставить себя поверить. Они ищут всевозможных объяснений. По мнению одних, Базен, так сказать, жертвует собой, чтобы выиграть время для Мак-Магона и Парижа. Пока Базен

* — внезапным контрнаступлением, ответным ударом. *Ред.*

удерживает две из трех германских армий у Меца, Париж может организовать свою оборону, а Мак-Магон получит время для создания новой армии. Базен, следовательно, продолжает находиться в Меце не потому, что ему ничего другого не остается делать, а потому, что этого требуют интересы Франции. Но, спрашивается, где же составные части новой армии Мак-Магона? Его собственный корпус, насчитывающий теперь самое большее 15000 человек; остатки войск де Файи, дезорганизованные и разбросанные в результате продолжительного отступления, совершавшегося кружным путем, — говорят, что он прибыл в Витри-ле-Франсуа только с 7000 или 8000 человек; быть может одна из дивизий Канробера; две дивизии Феликса Дуэ, местонахождение которых никому, по-видимому, неизвестно, — всего приблизительно 40000 человек, включая морскую пехоту, входившую в состав предполагавшейся балтийской экспедиции. В это число входят все находящиеся вне Меца батальоны и эскадроны, которые остались у Франции от ее прежней армии. К ним могут присоединиться четвертые батальоны. Они, кажется, прибывают теперь в Париж в довольно большом количестве, но пополненные в значительной мере новобранцами. Общая численность этих войск может достигнуть, примерно, 130000—150000 человек; но по качеству эту новую армию нельзя сравнить со старой Рейнской армией. Старые полки, включенные в эту новую армию, должны были сильно Пострадать от деморализации. Новые батальоны сформированы наспех, имеют в своем составе много новобранцев и не могут быть укомплектованы офицерским составом так же хорошо, как старая армия. Удельный вес кавалерии и артиллерии, по-видимому, очень небольшой; основная масса кавалерии находится в Меце, а запасы, необходимые для снаряжения новых батарей, упряжь и т. д. в ряде случаев, видимо, существуют только на бумаге. Жанро приводит один из таких примеров в воскресном номере «Temps». Что касается мобильной гвардии, то после переброски из Шалона обратно в Сен-Мор, близ Парижа, она, кажется, вследствие недостатка продовольствия совершенно разбрелась. И для того чтобы выиграть время для таких войск, Франция должна принести в жертву всю свою лучшую армию. А эта армия на самом деле принесена в жертву, если правда, что она заперта в Меце. Если бы Базен поставил свою армию в ее нынешнее положение намеренно, то он совершил бы такую ошибку, по сравнению с которой все прежние ошибки, допущенные во время этой войны, — ничто. Что же касается слухов об отступлении Базена от Меца и о соединении его с Мак-Магоном в Монмеди, которые распростра-

няла вчера газета «Standard»[40], то сегодня утром автор военного обзора, опубликованного той же газетой, достаточно убедительно опровергает их. Если даже некоторым отрядам из войск Базена и удалось ускользнуть на север после недавних боев около Марс-ла-Тура или во время них, то основная масса его армии все еще заперта в Меце.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1725, 24 августа 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XII

Два последних события войны таковы: кронпринц продвигается за Шалон, а Мак-Магон отвел всю свою армию из Реймса, но куда — точно неизвестно. Согласно французским сообщениям, Мак-Магон находит, что война развертывается слишком медленно; чтобы ускорить ее исход, он, как говорят, выступил из Реймса на выручку Базену. Это, действительно, ускорило бы наступление почти окончательного кризиса.

В нашей статье, напечатанной в среду, мы определили численность войск Мак-Магона в 130000—150000 человек, допустив, что к нему присоединились все войска из Парижа*. Мы оказались правы, предполагая, что в Шалоне у него находились остатки его собственных частей и войск де Файи и что там же были две дивизии Дуэ, прибывшие туда, как теперь стало известно, кружным путем по железной дороге через Париж, а также морская пехота и другие части балтийского корпуса. Но теперь мы узнаем, что в фортах вокруг Парижа все еще находятся линейные войска, что часть войск Мак-Магона и Фроссара, особенно кавалерия, возвратилась в Париж для переформирования и что в лагере у Мак-Магона осталось только около 80000 человек регулярных войск. Поэтому в нашем подсчете мы можем сократить цифру на целых 25000 человек и определить максимальную численность войск Мак-Магона в 110000—120000 человек, третью часть которых составляют необученные новобранцы. И с этой-то армией он, как говорят, выступил к Мецу на выручку Базену.

В настоящее время ближайшим и самым непосредственным противником Мак-Магона является армия кронпринца. 24 августа ее передовые части занимали бывший Шалонский лагерь, о чем нам стало известно по телеграфному сообщению из Бар-ле-Дюка.

---

* См. настоящий том, стр. 64. *Ред.*

Из этого мы можем заключить, что в этом городе тогда находился штаб. Ближайший путь Мак-Магона к Мецу лежит через Верден. От Реймса до Вердена по почти прямой проселочной дороге полных 70 миль; по большой дороге через Сент-Мену больше 80 миль, последняя, кроме того, проходит через Шалонский лагерь, то есть через расположение немцев. Расстояние от Бар-ле-Дюка до Вердена меньше 40 миль.

Таким образом, если Мак-Магон воспользуется одной из упомянутых дорог на Верден, то армия кронпринца сможет не только нанести ему во время марша удар во фланг, но она сможет перейти Маас и присоединиться к остальным двум германским армиям между В орденом и Мецем еще задолго до того, как Мак-Магон сумеет выйти из Вердена на правый берег Мааса. Положение нисколько не изменилось бы, если бы даже кронпринц продвинулся до Витри-ле-Франсуа или если бы ему потребовался лишний день для сосредоточения своих войск, растянутых во время марша по фронту, — настолько велика разница расстояний в его пользу.

При таких обстоятельствах сомнительно, что Мак-Магон воспользуется какой-либо из указанных дорог, а не отойдет сразу же из непосредственной сферы действий армии кронпринца, избрав дорогу из Реймса на Верден через Вузье, Гранпре и Варенн или на Стене через Вузье, где он переправился бы через Маас и затем двинулся бы к юго-востоку на Мец. Но это значило бы получить лишь кратковременное преимущество, сделав окончательное поражение куда более несомненным. Оба эти пути еще более обходные, и они дали бы кронпринцу еще больше времени для соединения своих сил с войсками, находящимися у Меца, чтобы таким образом противопоставить как Мак-Магону, так и Базену подавляющее численное превосходство.

Итак, какой бы путь ни избрал Мак-Магон, чтобы выйти к Мецу, он не может избавиться от кронпринца, которому, кроме того, предоставляется возможность выбора — вступить в сражение с противником либо самостоятельно, либо совместно с другими германскими армиями. Отсюда ясно, что движение Мак-Магона на выручку Базену было бы крупной ошибкой, пока он полностью не избавился от кронпринца. Для него кратчайший, наиболее быстрый и верный путь в Мец лежит прямо через германскую Третью армию. Если бы он двинулся на нее напрямик, атаковал бы ее в любом месте, где он ео настанет, нанес бы ей поражение и преследовал бы ее в течение нескольких дней в юго-восточном направлении, чтобы своей победоносной армией вклиниться между ней и двумя другими

германскими армиями, — поступив так, как это ему уже продемонстрировал кронпринц, — тогда, но не раньше, он имел бы шансы достигнуть Меца и освободить Базена. Но мы можем быть уверены, что, если бы он чувствовал себя достаточно сильным для таких действий, он бы их сразу же предпринял. Таким образом, отход из Реймса выступает в ином свете. Это не столько попытка избавления Базена от Штейнмеца и Фридриха-Карла, сколько попытка Мак-Магона избавиться от кронпринца. А с этой точки зрения это — худшее, что можно было предпринять. Все прямые коммуникации с Парижем оставляются в руках противника; последние пригодные войска, имеющиеся у Франции, отвлекаются от центра к периферии и преднамеренно располагаются дальше от центра, чем уже в настоящее время находится от него противник. Можно было бы оправдать такое движение, если бы оно предпринималось при значительном численном превосходстве; но в данном случае оно было предпринято силами, безнадежно уступающими силам противника, и перед лицом почти несомненного поражения. К чему же приведет это поражение? Где бы оно ни произошло, остатки разбитой армии будут отброшены еще дальше от Парижа, к северной границе, где они могут быть оттеснены на нейтральную территорию или принуждены к капитуляции. Если Мак-Магон в самом деле предпринял указанное движение, то он преднамеренно ставит свою армию в точно такое же положение, в какое Наполеон в 1806 г. поставил прусскую армию при Йене своим фланговым маршем вокруг южной границы Тюрингенского леса. Армию, которая является более слабой по численности и в моральном отношении, умышленно ставят в такое положение, когда единственный путь отступления после поражения проходит через узкую полосу земли, ведущую к нейтральной территории или к морю. Наполеон принудил пруссаков капитулировать тем, что он достиг Штеттина раньше их[41]. Войскам Мак-Магона придется, быть может, сдаться на той узкой полоске французской земли, которая вдается в территорию Бельгии между Мезьером и Шарльмон — Живе[42]. В лучшем случае они могут спастись в северных крепостях — Валансьенне, Лилле и т. д., — где при любых обстоятельствах не будут представлять никакой угрозы. И тогда Франция окажется во власти вторгшегося противника.

Весь план кажется настолько безрассудным, что его можно объяснить только политической необходимостью. Это более всего похоже на coup de désespoir*. Создается впечатление,

* — акт отчаяния. *Ред.*

что нужно что-то сделать, пойти на какой-то риск, прежде чем допустить, чтобы Париж полностью осознал действительное положение вещей. Это план не стратега, а «алжирца»[43], привыкшего сражаться против иррегулярных войск, план не солдата, а политического и военного авантюриста — из тех, кто в течение последних девятнадцати лет делали во Франции все, что км заблагорассудится. С этим вполне согласуются приписываемые Мак-Магону слова, сказанные в оправдание этого решения: «Что сказали бы», если бы он не пошел на помощь Базену? Да, но «что скажут», если он поставит себя в худшее положение, чем это сделал сам Базен? Вот Вторая империя во всей своей красе. Сделать вид, что ничего не произошло, скрыть поражение — это самое главное. Наполеон все поставил на одну карту и проиграл; а теперь Мак-Магон, когда его шансы на выигрыш составляют один против десяти, снова собирается играть va banque*. Чем скорее Франция избавится от таких людей, тем лучше для нее. В этом ее единственная надежда.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1727, 26 августа 1870 г.

* — ва-банк, рискуя всем. *Ред.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XIII [44]

Вчера по телеграфу было передано сообщение, вызвавшее крупную сенсацию среди наших собратьев по перу. В этом сообщении, полученном из Берлина, возвещалось, что королевская главная квартира переведена в Бар-ле-Дюк, что корпуса Первой и Второй армий остались на позициях против армии Базена, а остальные германские силы «решительно двинулись на Париж».

До сих пор передвижения германских армий держались втайне в течение того времени, пока они производились. Лишь после того, как передвижение оказывалось завершено и удар нанесен, мы узнавали, куда направлялись войска. Кажется странным, что эту систему вдруг отменяют и что молчаливый Мольтке, без всякого видимого повода для этого, неожиданно объявляет всему миру, что он движется на Париж, притом «решительно».

В то же самое время мы слышим, что передовые части кронпринца все ближе и ближе подходят к Парижу и что его кавалерия продвигается все дальше к югу. Говорят, что грозных улан видели даже в Шато-Тьерри, почти на полпути между Шалоном и Парижем.

Нет ли здесь особых, не вполне ясных с первого взгляда причин, в силу которых это сообщение о намерениях прусского короля делается именно теперь, а германская кавалерия в то же самое время удваивает свою активность?

Сравним даты. В понедельник, 22-го, вечером Мак-Магон начал свое движение через Реймс по дороге в Ретель, и в продолжение более четырнадцати часов его колонны беспрерывно проходили через город. В среду к вечеру, если не раньше, известие об этом могло достигнуть германской главной квартиры. Указанное движение могло означать лишь одно: намерение освободить Базена из той западни, в которую он попал.

Чем дальше Мак-Магон продвигался бы в избранном им направлении, тем большей опасности он подвергал бы свои коммуникации с Парижем и свой путь отхода и тем больше оказывался бы поставленным между германской армией и бельгийской границей. Лишь только он перейдет за Маас, который, как говорят, он намеревается форсировать у Ланёвиля, против Стене, — и его путь отхода легко может быть отрезан. Но что могло бы больше укрепить Мак-Магона в его намерении продолжать этот опасный маневр, чем известие, что в то время, как он спешит на выручку Базену, немцы, оставив лишь сравнительно небольшую часть своих сил у Меца, с большей частью своих войск «решительно» движутся на Париж? И вот, в среду вечером упомянутое известие передается по телеграфу из Понт-а-Муссона в Берлин, из Берлина в Лондон, из Лондона в Париж и Реймс, откуда Мак-Магон, несомненно, сразу же получил это сообщение; и в то время, как он продвигается в направлении к Стене, Лонгюйону и Брие, армия кронпринца, оставив один или два корпуса в Шампани, где теперь им не противостоят никакие силы, может направить остальные войска к Сен-Мийелю, перейти там Маас и попытаться через Френ достигнуть позиции, угрожающей коммуникациям армии Мак-Магона с Маасом, но расположенной на таком расстоянии от германских войск у Меца, которое позволяет оказать поддержку. Если бы это удалось и если бы в таких условиях Мак-Магон потерпел поражение, то его армии пришлось бы либо перейти на нейтральную территорию, либо сдаться немцам.

Не может быть сомнений в том, что в германской главной квартире отлично известны передвижения Мак-Магона. С того момента, когда в результате сражения у Резонвиля (пли у Гравелота, как оно официально именуется) Базен оказался запертым в Меце, армия Мак-Магона стала ближайшей целью не только для армии кронпринца, но и для всех других войск, которые можно было бы отвести от Меца. Правда, в 1814 г. союзники после соединения Блюхера с Шварценбергом между Арси-сюр-Об и Шалоном двинулись на Париж, не обращая никакого внимания на движение Наполеона к Рейну[45], и это движение союзников решило исход кампании. Но в то время Наполеон был уже разбит у Арси и не был в состоянии противостоять союзной армии; тогда не существовало французской армии, запертой союзными войсками в пограничной крепости, которую он мог бы освободить, и, главное, Париж не был укреплен. Теперь, наоборот, какую бы военную ценность ни представляла, как в численном, так и в моральном отношении, армия

Мак-Магона, ее, несомненно, вполне достаточно, чтобы снять обложение Меца, если это обложение осуществляется только таким количеством войск, которое необходимо, чтобы удерживать Базена. С другой стороны, что бы ни думали относительно укреплений Парижа, никто не будет настолько безрассудным, чтобы предполагать, что они падут, подобно стенам Иерихона, при первых трубных звуках нападающих. Они по меньшей мере заставят противника либо предпринять продолжительное обложение, чтобы голодом сломить обороняющихся, либо же начать — а может быть и не только начать — правильную осаду. Таким образом, в то время, как немцы «решительно» подходили бы к Парижу и были бы прочно удержаны его фортами, Мак-Магон нанес бы поражение германским войскам под Мецем, соединился с Базеном, и тогда на коммуникациях и путях снабжения немцев находилась бы французская армия, достаточно сильная, чтобы заставить их отступать еще более «решительно», чем они наступали.

Итак, поскольку армия Мак-Магона слишком сильна, чтобы немцы могли пренебречь ею при данных обстоятельствах, то мы должны прийти к заключению, что сообщение о решительном движении короля Вильгельма на Париж, которое большинство наших коллег по печати считает в высшей степени важным, является либо ложным, преднамеренно распространявшимся, чтобы ввести в заблуждение неприятеля, либо, если это действительно неосторожное оглашение достоверных сведений, то оно касается решения, принятого до того, как стало известно о последних действиях Мак-Магона, и в таком случае оно будет поспешно отменено. И в том и в другом случае один или два корпуса могут продолжать наступление на Париж, но основная масса всех имеющихся войск будет направлена к северо-востоку, чтобы полностью использовать те выгоды, которые Мак-Магон почти что сам дает им в руки[46].

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1728, 27 августа 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XIV

Немцы снова оказались более подвижными, чем Мак-Магон. Четвертая армия в составе, по крайней мере, двух, если не больше, корпусов (прусская гвардия и 12-й, или королевский саксонский, корпус) под командованием саксонского кронпринца Альберта сразу продвинулась к Маасу, захватила переправы где-то между Стене и Верденом и переправила свою кавалерию. Проходы в Аргоннах в руках немцев. В прошлый четверг* у Сент-Мену они взяли в плен 800 мобилей, а в субботу нанесли поражение французской кавалерийской бригаде под Бюзанси. Находясь в пути, они выслали в прошлый четверг сильную разведку к Вердену, но, установив, что крепость подготовлена к их встрече, отказались наступать на нее главными силами.

Мак-Магон же, который тем временем 22-го и 23-го выступил из Реймса, располагая, согласно французским сообщениям, армией в 150000 человек, хорошо снаряженной и хорошо обеспеченной артиллерией, боевыми припасами и продовольствием, к вечеру 25-го не продвинулся дальше Ретеля, находящегося приблизительно в 23 милях от Реймса. Мы точно не знаем, сколько времени он там пробыл и когда он оставил этот пункт. Но кавалерийская стычка под Бюзанси, который находится примерно на 20 миль дальше по дороге к Стене, показывает, что его пехота еще не прибыла туда даже и в субботу. Эта медлительность в продвижении составляет резкий контраст с активностью немцев. Нет никакого сомнения, что в значительной степени она обусловлена составом армии Мак-Магона, в которую входят деморализованные в той или иной мере войска или новые формирования, где преобладают молодые рекруты; некоторые из этих формирований являются просто

* — 25 августа. *Ред.*

добровольческими отрядами, в которых много некадровых офицеров. Ясно, что в такой армии не может быть ни дисциплины, ни спайки старой «Рейнской армии» и что 120000—150000 таких бойцов почти невозможно передвигать быстро и с соблюдением порядка. Затем имеются еще и обозы. Главная масса тяжелых обозов Рейнской армии, конечно, ушла из Меца 14-го и 15-го, но легко себе представить, что их состояние было далеко не блестящим; и можно предположить, что запасы боевых припасов и состояние лошадей оставляют желать много лучшего. Наконец, с начала войны французское интендантство, несомненно, не изменилось к лучшему и, следовательно, снабжение продовольствием большой армии в чрезвычайно бедной провинции будет нелегким делом. Но, даже полностью учитывая все эти препятствия, приходится признать, что в медлительности Мак-Магона проявляются также отчетливые симптомы нерешительности. Поскольку он отказался от прямого пути через Верден, его ближайший путь на выручку Базену лежал через Стене, и в этом направлении он и двинулся. Но он должен был знать еще до продвижения за Ретель, что немцы захватили переправы через Маас и что правый фланг его колонн на пути в Стене не был в безопасности. Быстрота продвижения немцев, по-видимому, расстроила его планы. Как нам сообщили, в пятницу он все еще находился в Ретеле, где получил свежие подкрепления из Парижа, и на следующий день он собирался выступить на Мезьер, что кажется вполне вероятным, так как к нам не поступали достоверные сведения о значительных столкновениях. Это означало бы почти полный отказ от плана освободить Базена, так как движение по узкой полосе французской территории на правом берегу Мааса, между Мезьером и Стене, было бы сопряжено с большими трудностями и опасностями, вызвало бы новую задержку и дало противнику необходимое время, чтобы окружить его со всех сторон. А теперь уже не может быть никакого сомнения в том, что для этой цели из армии кронпринца посланы на север вполне достаточные силы. Все, что мы слышим о местонахождении Третьей армии, указывает на ее движение в северном направлении по трем большим дорогам, наиболее удобным для этой цели: Эперне — Реймс — Ретель; Шалон — Вузье; Бар-ле-Дюк — Варенн — Гранпре. Поскольку телеграмма о столкновении у Сент-Мену отправлена из Бар-ле-Дюка, то возможно, что именно часть Третьей армии нанесла там поражение мобилям и заняла город.

Но каковы же могут быть намерения Мак-Магона, если он действительно движется на Мезьер? Мы сомневаемся, чтобы у него самого было достаточно ясное представление о том, что

он намерен предпринять. Теперь нам известно, что его движение на север, по крайней мере до некоторой степени, было вызвано неповиновением его солдат, роптавших по поводу «отступления» из Шалонского лагеря к Реймсу и довольно настойчиво требовавших, чтобы их повели на противника. Тогда был начат поход для освобождения Базена. К концу недели Мак-Магон мог полностью убедиться, что его армия не обладает подвижностью, необходимой для марша прямо на Стене, и что теперь ему лучше избрать более безопасную дорогу через Мезьер. Это, несомненно, задержало бы предполагавшееся освобождение Базена и могло бы сделать его неосуществимым; но была ли когда-либо у Мак-Магона сколько-нибудь твердая уверенность в том, что он способен его осуществить? Мы в этом сомневаемся. Кроме того, движение на Мезьер, во всяком случае, задержало бы поход противника на Париж, дало бы парижанам больше времени, чтобы закончить оборонительные работы, позволило бы выиграть время для организации резервных армий за Луарой и в Лионе, а в случае необходимости разве не мог бы он отступить вдоль северной границы к тройному поясу крепостей и попытаться найти среди них какой-нибудь «четырехугольник»? Такие, более или менее неопределенные, мысли могли побудить Мак-Магона, который, конечно, нисколько не походит на стратега, сделать второй ложный шаг после того, как он уже попал в затруднительное положение в результате первого; таким образом, мы видим, как эта армия — последняя, которой Франция располагает и, вероятно, вообще будет располагать для военных действий в открытом поле во время этой войны, — сознательно идет к своей гибели, спасти от которой ее могут только грубейшие промахи врага; а этот враг до сих пор не совершил еще ни единой ошибки.

Мы говорим — последняя армия, которой Франция, вероятно, будет располагать для военных действий в открытом поле во время этой войны. На Базена рассчитывать не приходится, если только Мак-Магону не удастся освободить его, а это более чем сомнительно. Армия Мак-Магона в лучшем случае окажется разбросанной среди крепостей у северной границы, где она не будет представлять никакой угрозы. Резервные армии, о которых теперь говорят, будут состоять из необученных новобранцев вперемежку с некоторым количеством старых солдат; командовать ими неизбежно будут, главным образом, некадровые офицеры; солдаты этих армий будут вооружены оружием самых различных образцов; они будут совершенно не приучены обращаться с винтовкой, заряжающейся с казенной части, а это равносильно тому, что их боевые

припасы будут израсходованы раньше, чем в этом будет действительная необходимость, одним словом, они будут непригодны для действий в полевых условиях, непригодны ни к чему, кроме обороны укреплений. В то время как немцы не только снова полностью укомплектовали свои батальоны и эскадроны, но и продолжают посылать во Францию одну дивизию ландвера за другой, французские четвертые батальоны еще не укомплектованы. Из них только шестьдесят шесть батальонов сформированы в «regiments de marche»* и отправлены либо в Париж, либо к Мак-Магону; остальные тридцать четыре батальона несколько дней тому назад еще не были готовы к выступлению. Организация армии повсюду оказывается негодной; благородная и храбрая нация видит, что все ее усилия защитить себя оказываются тщетными, потому что она в течение двадцати лет позволяла, чтобы ее судьбами вершила шайка авантюристов, которая превратила администрацию, правительство, армию, флот — фактически всю Францию — в источник своей личной наживы.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1731, 31 августа 1870 г.

* — маршевые полки. *Ред.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XV

26 августа, когда все наши коллеги по печати почти без единого исключения были настолько заняты рассуждениями об огромном значении «решительного» марша кронпринца на Париж, что у них не оставалось времени для Мак-Магона, мы осмелились указать, что действительно важное в настоящее время передвижение — это то, которое, как сообщают, предпринял Мак-Магон для освобождения Меца. Мы говорили, что в случае поражения «войскам Мак-Магона придется, быть может, сдаться на той узкой полоске французской земли, которая вдается в территорию Бельгии между Мезьером и Шарльмон — Живе»*.

То, что мы тогда предполагали, теперь почти совершилось. В распоряжении Мак-Магона находятся: 1-й (его собственный), 5-й (прежде де Файи, теперь Вимпфена), 7-й (Дуэ) и 12-й (Лебрёна) корпуса, а также части, которые до 29 августа можно было отправить из Парижа, включая даже вышедших из повиновения мобилей из Сен-Мора; кроме того, конница из корпуса Канробера, оставленная в Шалоне. Все силы Мак-Магона насчитывают, быть может, 150000 человек, из которых едва лишь половина состоит из войск старой армии; остальное — это четвертые батальоны и мобили, примерно в равных количествах. Говорят, что эта армия хорошо обеспечена артиллерией, но большая часть последней должна состоять из вновь сформированных батарей; известно также, что кавалерия в ней очень слаба. Даже если численность этой армии была большей, чем по нашим подсчетам, то этот излишек должен состоять из солдат новых наборов, что не увеличит ее силы и она, как мы полагаем, вряд ли равна по силе армии в 100000 хороших солдат.

* См. настоящий том, стр. 68. *Ред.*

Мак-Магон выступил из Реймса на Ретель и к Маасу вечером 22-го, но только 28-го и 29-го из Парижа был отправлен 13-й корпус, а так как прямой железнодорожный путь в Ретель через Реймс оказался к этому времени под угрозой неприятеля, то эти войска пришлось направить обходным путем по Северной французской железной дороге, через Сен-Кантен, Авен и Ирсон. Они не могли прибыть раньше 30-го или 31-го, когда уже начались серьезные бои, так что войска, которых ожидал Мак-Магон, в конце концов, не оказались в нужный момент на месте, ибо, пока он терял время между Ретелем, Мезьером и Стене, немцы надвигались со всех сторон. 27 августа его двигавшаяся впереди кавалерийская бригада потерпела поражение у Бюзанси; 28-го Вузье — важный узел дорог в Аргоннах — был в руках немцев; два их эскадрона атаковали и захватили селение Вризи, где находилась пехота, вынужденная сдаться, — подвиг, имеющий, между прочим, только один пример в прошлом: это захват в 1831 г. польской кавалерией Дембе-Вельке, отбитого у русской пехоты и конницы[47]. Никаких сообщений из достоверных источников о боях 29-го не поступало, но 30-го (во вторник) немцы, сосредоточив достаточные силы, напали на Мак-Магона и нанесли ему поражение. Немецкие сообщения говорят о сражении близ Бомона и о бое около Нуара (по дороге от Стене к Бюзанси)[48], а бельгийские сообщения упоминают о боевых действиях на правом берегу Мааса, между Музоном и Кариньяном. И те и другие сообщения можно легко согласовать, и если бельгийские телеграммы в основном верны, то 4-й и 12-й корпуса германской Четвертой армии (4-й, 12-й и гвардейский корпуса) находились, по-видимому, на левом берегу Мозеля, где к ним присоединился 1-й баварский корпус — первые войска прибывающей с юга Третьей армии. В Бомоне они встретили главные силы Мак-Магона, двигавшиеся, очевидно, по направлению от Мезьера к Стене; они атаковали их, причем часть войск, вероятно баварцы, напала на их правый фланг и охватила его, оттеснив французов от прямого пути отступления к Маасу у Музона, где трудности при переходе по мосту и вызванная этим задержка послужили причиной их огромных потерь пленными, а также в артиллерии и припасах. Пока все это происходило, авангард 12-го германского корпуса, посланный, по-видимому, в другом направлении, встретил 5-й французский корпус (Вимпфена), направлявшийся, по всей вероятности, во фланг немцам через Ле-Шен-Попюле, по долине Бар и через Бюзанси. Схватка произошла у Нуара, примерно в 7 милях южнее Бомона, и оказалась успешной для немцев, то есть, пока шел бой при Бомоне, им удалось оста-

новить фланговое движение Вимпфена. Третья часть войск Мак-Магона, согласно бельгийским сообщениям, продвигалась вперед, вероятно, по правому берегу Мааса, где она, как говорят, в предыдущую ночь расположилась лагерем у Во, между Кариньяном и Музоном, но этот корпус был также атакован немцами (вероятно, гвардией), совершенно разбит и потерял, как утверждают, 4 митральезы.

Эти три боя, ensemble* (если считать бельгийские сообщения в основном верными), означают для Мак-Магона полное поражение, которое мы неоднократно предсказывали. Четыре германских корпуса, противостоящих ему, в настоящее время насчитывают около 100000 человек, но сомнительно, чтобы все они участвовали в боевых действиях. Войска Мак-Магона, как мы уже сказали, соответствовали по своей силе приблизительно такому же количеству хороших солдат. Сопротивление их было совершенно не похоже на сопротивление старой Рейнской армии; это следует из замечания в официальной немецкой телеграмме о том, что «наши потери невелики», а также из количества захваченных пленных. Однако сейчас еще слишком рано пытаться критиковать тактические распоряжения Мак-Магона как при подготовке к этому сражению, так и в ходе его, поскольку нам о них почти ничего не известно, но его стратегия заслуживает самого сурового осуждения. Он пренебрег всеми представлявшимися ему возможностями для спасения. Занимаемая им позиция между Ретелем и Мезьером позволяла ему вести сражение таким образом, чтобы обеспечить отход к Лаону и Суассону и тем самым возможность снова достигнуть Парижа или Западной Франции. Вместо этого он вел сражение так, как будто у него имелся единственный путь отхода, на Мезьер, и как будто Бельгия принадлежала ему. Говорят, что он находится в Седане; победители-немцы тем временем займут линию левого берега Мааса не только перед этой крепостью, но также у Мезьера, откуда их левый фланг в один из ближайших дней протянется до бельгийской границы у Рокруа, а тогда Мак-Магон будет заперт на той узкой полоске территории, на которую мы указывали шесть дней тому назад.

Поскольку он оказался там, у него остается весьма ограниченный выбор. Вокруг него расположены четыре крепости — Седан, Мезьер, Рокруа и Шарльмон; но на территории в 12 квадратных миль, когда перед ним находится превосходящая его по силе армия, а в тылу — нейтральная страна, он не может воспользоваться этим четырехугольником. Его принудят

* — вместе взятые, в совокупности. *Ред.*

к сдаче голодом или разобьют, и он будет вынужден сдаться или пруссакам или бельгийцам. Но для Мак-Магона открыт еще один путь. Мы только что сказали, что он действовал так, как будто Бельгия принадлежала ему. А что если он в самом деле так думал? Что если тайное основание этой необъяснимой стратегии целиком состояло в твердом решении воспользоваться бельгийской территорией, как если бы она принадлежала Франции? Из Шарльмона по бельгийской земле идет прямая дорога через Филипвиль к французской территории у Мобёжа. Эта дорога составляет лишь половину расстояния от Мезьера до Мобёжа по французской территории. Что если Мак-Магон намеревался воспользоваться этой дорогой для своего спасения в случае, если он был бы поставлен перед крайней необходимостью? Он может рассчитывать, что бельгийцы не в состоянии будут оказать действительного сопротивления столь сильной армией, какой он располагает, а когда немцы, что весьма вероятно, последуют за Мак-Магоном на бельгийскую территорию, в случае если бельгийцы не смогут остановить его, — что ж, тогда возникнут новые политические осложнения, которые могут улучшить, но не могут намного ухудшить нынешнее положение Франции. Кроме того, если Мак-Магону удастся отбросить хотя бы один германский патруль на бельгийскую территорию, то тем самым нарушение нейтралитета станет фактом, а это послужит оправданием для последующего нарушения им самим прав Бельгии. Такие мысли могли прийти в голову этому старому алжирцу: они соответствуют африканским способам ведения войны, и, пожалуй, только ими можно оправдать применяемую им стратегию. Но его могут лишить даже и этой возможности: если кронпринц будет действовать со свойственной ему быстротой, он сможет, видимо, достигнуть Монтерме и слияния рек Семуа и Мааса раньше Мак-Магона, и тогда Мак-Магон окажется запертым между Семуа и Седаном на таком приблизительно пространстве, какое требуется для расположения его войск лагерем, без всякой надежды кратчайшим путем пересечь нейтральную территорию.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1733, 2 сентября 1870 г.

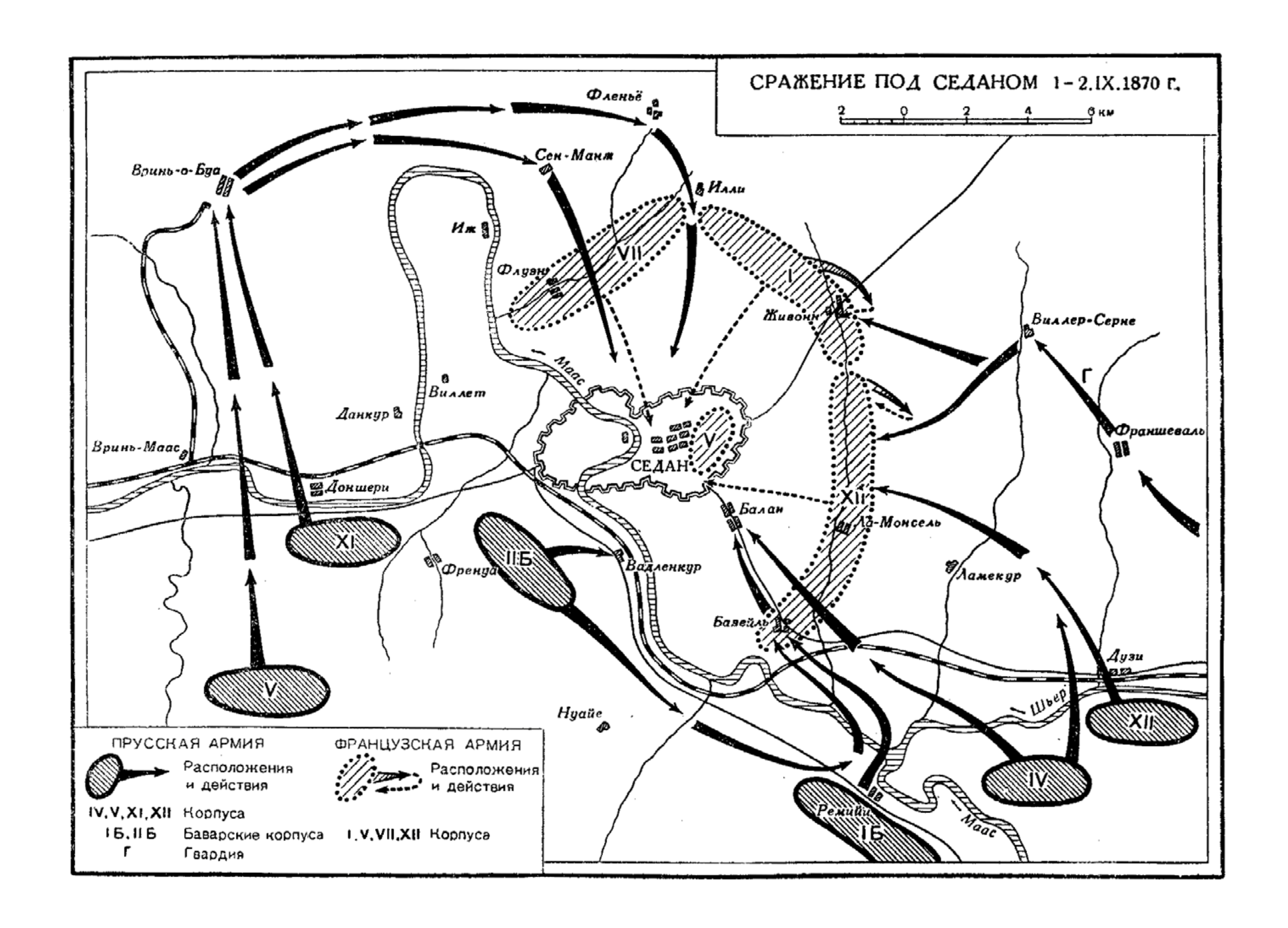
ФРАНЦУЗСКИЕ ПОРАЖЕНИЯ

Большая армия, поставленная в безвыходное положение, не сдается сразу. Понадобилось прежде всего три сражения, чтобы войска Базена поняли, что они действительно заперты в Меце, а затем — отчаянное 36-часовое сражение, продолжавшееся днем и ночью в минувшие среду и четверг[49], чтобы убедить их — если это их могло убедить, — что у них нет никакого выхода из ловушки, в которую их поймали пруссаки. Боя, происходившего во вторник, также оказалось недостаточно, чтобы заставить Мак-Магона сдаться. Понадобилось еще одно сражение в четверг, — по-видимому, самое крупное и кровопролитное из всех[50], — и ранение самого Мак-Магона, прежде чем он понял свое действительное положение. Первое сообщение о бое близ Бомона и Кариньяна кажется в основном верным, за исключением того, что французским корпусам, сражавшимся при Бомоне, путь отступления по левому берегу Мааса на Седан, вопреки сообщению, не был полностью отрезан. Некоторая часть этих войск, по-видимому, отошла по левому берегу к Седану — по крайней мере, на том же берегу в четверг снова произошел бой. Затем возникает некоторое сомнение относительно даты боя при Нуаре, который, как склонен полагать штаб в Берлине, произошел в понедельник. Эта дата, конечно, позволяет лучше согласовать германские телеграммы, и если она верна, то отпадает также версия об обходном движении, приписываемом французскому 5-му корпусу.

Результаты боев, происходивших во вторник, оказались катастрофическими для участвовавших в них французских корпусов. Свыше 20 орудий, 11 митральез и 7000 пленных — это результаты, почти равные результатам сражения при Вёрте, но достигнутые гораздо легче и со значительно меньшими жертвами. На обоих берегах Мааса французы были

отброшены назад непосредственно к окрестностям Седана. После сражения их позиция на левом берегу, по-видимому, ограничивается на западе — рекой Бар и Арденским каналом, которые протекают по одной и той же долине и впадают в Маас у Виллер, между Седаном и Мезьером; на востоке — оврагом и ручьем, текущим от Рокура к Маасу у Ремийи. Обеспечив себе, таким образом, оба фланга, главные французские силы заняли, вероятно, промежуточное плато, приготовившись отразить атаку с любой стороны. На правом берегу Мааса французы после сражения, происходившего во вторник, должно быть перешли реку Шьер, впадающую в Маас напротив Ремийи примерно четырьмя милями выше Седана. В этой местности имеются три оврага, расположенные параллельно на север и на юг от бельгийской границы: первый и второй по направлению к реке Шьер, третий, самый большой из них, находящийся непосредственно перед Седаном, — тянется по направлению к Маасу. Во втором овраге, близ его начала, расположена деревня Серне; в третьем, выше, там, где его пересекает дорога, идущая на Буйон, в Бельгию, находится Живонн; и ниже, где овраг пересекает дорога в Стене и Монмеди, расположен Базейль. Во время сражения, происходившего в четверг, эти три оврага должны были явиться тремя последовательными оборонительными линиями для французов, которые, естественно, с наибольшим упорством удерживали бы последнюю и самую сильную из них. Эта часть поля боя напоминает поле сражения у Гравелота, но, тогда как там овраги могли быть, и действительно были, обойдены через плато, где они берут свое начало, здесь близость бельгийской границы делала попытку их обхода очень рискованной и почти вынуждала к прямой фронтальной атаке.

В то время как французы укреплялись на этой позиции и подтягивали те войска, которые во вторник не принимали участия в сражении (среди них, вероятно, был 12-й корпус, включая мобилей из Парижа), у немцев был один день для сосредоточения их армии; и когда в четверг они пошли в наступление, то вся Четвертая армия (гвардия, 4-й и 12-й корпуса), и три корпуса (5-й, 11-й и один баварский) Третьей армии были на месте — силы, морально, если не численно, превосходившие силы Мак-Магона. Сражение началось в половине восьмого утра, и в четверть пятого, когда прусский король послал телеграмму, оно еще продолжалось, причем немцы успешно наступали со всех сторон. По бельгийским сообщениям, деревни Базейль, Ремийи, Виллер-Серне были охвачены пожаром, а часовня Живонн находилась в руках немцев. Это указывает, что

СРАЖЕНИЕ ПОД СЕДАНОМ 1-2.IX.1870 г.
2 0 2 4 6 км
Фленьё
Сен-Манж
Врінь-о-Бда
Илли
Иж
Флуэн
VII
I
Живонн
Виллер-Серне
Г
Маас
Виллет
Данкур
Врінь-Маас
Доншери
СЕДАН
V
Франшеваль
XII
Балан
Ла-Монсель
XI
IIБ
Валленкур
Френуа
Ламекур
Базейль
Дузи
V
Шьер
Нуайе
XII
IV
Ремийи
IБ
Маас
ПРУССКАЯ АРМИЯ
Расположения и действия
IV, V, XI, XII Корпуса
IБ, IIБ Баварские корпуса
Г Гвардия
ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ
Расположения и действия
I, V, VII, XII Корпуса

обе деревни на левом берегу Мааса, на которые в случае отступления опирались бы фланги французов, были либо взяты, либо сделаны негодными для обороны; тем временем первая и вторая линии обороны на правом берегу были захвачены немцами, а третью, между Базейлем и Живонном, французы готовы были оставить с минуты на минуту. В такой обстановке к наступлению ночи немцы, несомненно, должны были оказаться победителями, а французы отброшенными назад к Седану. Это, действительно, подтверждается телеграммами из Бельгии, сообщающими, что Мак-Магон был полностью окружен и что тысячи французских войск переходят границу и разоружаются.

Мак-Магону при таких обстоятельствах оставалось лишь одно из двух: либо капитуляция, либо стремительное продвижение через бельгийскую территорию. Разбитая армия, запертая в Седане и вокруг него, то есть в лучшем случае на участке не большем, чем требуется для расположения лагерем, не сможет удержаться; и даже если бы она была в состоянии обеспечить за собой коммуникации с Мезьером, который находится приблизительно в 10 милях к западу, то она все же была бы окружена на очень ограниченной полосе территории и неспособна устоять. Таким образом, Мак-Магон, который не в состоянии пробиться через расположение противника, должен либо перейти на бельгийскую территорию, либо сдаться. Случилось так, что Мак-Магон, обессиленный от ран, был избавлен от мучительного решения. Сделать заявление о сдаче французской армии выпало на долю генерала де Вимпфена. Сведения о решительном отпоре, оказанном Базену при его попытках вырваться из Меца, если эти сведения достигли Мак-Магона, по всей вероятности, должны были ускорить этот заключительный акт. Немцы предвидели намерение Базена и были готовы дать ему отпор во всех пунктах. Не только Штейнмец, но и принц Фридрих-Карл (это видно из упоминания о 1-м и 9-м корпусах) был настороже, а тщательно подготовленная сеть окопов еще более усилила барьер, окружающий Мец.

Напечатано в «The Pall Mall Gazettes
№ 1734, 3 сентября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XVI

Капитуляция Седана решает судьбу последней полевой французской армии. Она решает в то же время судьбу Меца и армии Базена; об освобождении этой армии теперь не может быть и речи; ей также придется капитулировать, быть может, на этой неделе, и, почти наверное, не позже следующей.

Остается еще огромный укрепленный лагерь — Париж, последняя надежда Франции. Укрепления Парижа образуют самый большой комплекс фортификационных сооружений из всех когда-либо построенных, но они еще ни разу не подвергались испытанию, и поэтому мнения об их достоинствах не только расходятся, но даже совершенно противоречат друг другу. Рассмотрев относящиеся к этому действительные факты, мы будем иметь прочную основу для своих выводов.

Монталамбер, французский кавалерийский офицер, но в то же время военный инженер выдающегося и, возможно, не имеющего себе равного дарования, первым предложил и разработал во второй половине XVIII столетия план окружения крепостей отдельными фортами на таком расстоянии, чтобы защитить саму крепость от бомбардировки. До него внешние укрепления — цитадели, люнеты и т. д. — были в большей или меньшей степени связаны с крепостной оградой или валом крепости и вряд ли когда-нибудь находились дальше от них, чем подошва гласиса. Он предложил создать достаточно большие и сильные форты, способные самостоятельно выдерживать осаду и удаленные от крепостных валов города на 600—1200 ярдов и даже более. Во Франции к этой новой теории в течение многих лет относились презрительно, между тем как в Германии, где после 1815 г. нужно было укрепить линию Рейна, она нашла ревностных последователей. Кёльн, Кобленц, Майнц и позже Ульм, Раштатт и Гермерсгейм были окружены отдельными фортами. При этом предложения Монталамбера были несколько

изменены Астером и другими, и, таким образом, возникла новая система фортификации, известная под названием немецкой школы. Постепенно и французы начали сознавать выгоды устройства отдельных фортов, и во время сооружения укреплений Парижа сразу стало ясно, что бесполезно окружать город огромным поясом крепостных валов, если не прикрыть его отдельными фортами, в противном случае брешь, проделанная в одном месте крепостного вала, повлечет за собой падение всей крепости.

В современных войнах неоднократно было доказано важное значение подобных укрепленных лагерей, образованных поясом отдельных фортов, с главной крепостью в качестве их ядра. Мантуя по своему расположению была укрепленным лагерем, таким же лагерем в 1807 г. в большей или меньшей степени был Данциг, и это были единственные крепости, которые задержали Наполеона I. В 1813 г. Данциг снова смог оказать продолжительное сопротивление благодаря своим отдельным фортам — преимущественно полевым укреплениям[51]. Вся кампания Радецкого в 1849 г. в Ломбардии зависела от укрепленного лагеря Вероны, который сам был ядром знаменитого четырехугольника крепостей[52]. Точно так же в Крымской войне все зависело от судьбы укрепленного лагеря Севастополя, который держался так долго только потому, что союзники не были в состоянии обложить его со всех сторон и воспрепятствовать доставке припасов и подкреплений осажденным[53].

Севастополь является для нас наиболее подходящим примером, так как размеры его укрепленной площади были больше, чем во всех предыдущих случаях. Но Париж значительно больше даже Севастополя. Линия окружающих его фортов имеет протяжение около 24 миль. Возрастает ли пропорционально сила крепости?

Укрепления сами по себе являются образцовыми. Они чрезвычайно просты: обыкновенная крепостная ограда, состоящая из бастионов, даже без единого равелина перед куртинами; форты по большей части четырех- или пятиугольные с бастионами, вовсе не имеющие равелинов или других внешних укреплений; местами устроены горнверки или кронверки[54] для прикрытия внешних возвышенных участков. Эти укрепления приспособлены не столько для пассивной, сколько для активной обороны. Предполагается, что парижский гарнизон выйдет в поле, использует форты в качестве опорных пунктов для своих флангов и постоянными вылазками большого масштаба сделает невозможной правильную осаду любых двух или трех фортов. Таким образом, форты защищают гарнизон города от

слишком близкого подхода неприятеля, гарнизон же должен защищать форты от осадных батарей; он должен постоянно разрушать сооружения осаждающих. Добавим, что расстояние фортов от крепостных валов исключает возможность эффективной бомбардировки города до тех пор, пока не будут взяты, по крайней мере, два—три форта. Добавим также, что расположение города при слиянии Сены и Марны, чрезвычайная извилистость русла обеих рек и значительная цепь холмов на наиболее опасной северо-восточной стороне, представляют большие естественные преимущества, которые были наилучшим образом использованы при планировании крепостных сооружений.

Если указанные условия смогут быть выполнены, а двухмиллионное население будет регулярно получать продовольствие, то Париж, несомненно, явится исключительно сильной крепостью. Заготовка продовольствия для жителей не представляет больших трудностей, если взяться за нее вовремя и осуществлять систематически. Весьма сомнительно, было ли это сделано в данном случае. То, что предприняло прежнее правительство, представляется принятой наспех и даже бессмысленной мерой. Создание запасов живого скота без фуража для него было явной нелепостью. Можно предположить, что если немцы будут действовать со своей обычной решительностью, то они обнаружат, что Париж плохо обеспечен продовольствием для продолжительной осады.

Но что можно сказать о главном условии — об активной обороне, о выступлениях гарнизона из крепости для нападения на неприятеля, вместо того чтобы поражать противника из-за крепостных валов? Чтобы полностью использовать силу своих укреплений и не дать неприятелю возможности воспользоваться слабой стороной крепости — отсутствием у главных рвов прикрывающих внешних укреплений, — в Париже среди его защитников должна находиться регулярная армия. В этом и состояла основная идея тех, кто разработал план этих укреплений. Они полагали, что разбитая французская армия, коль скоро будет установлено, что она неспособна удерживать противника в открытом поле, должна отступить к Парижу и принять участие в обороне столицы либо непосредственно, — в качестве гарнизона, достаточно сильного, чтобы постоянными атаками воспрепятствовать правильной осаде и даже полному обложению, — либо же косвенно, занимая позицию за Луарой, пополняя там свои силы и затем, как только представятся удобные случаи, производя нападения на слабые пункты осаждающей стороны, которые неизбежно обнаружатся в ее чрезвычайно растянутой линии обложения.

Однако все поведение французского командования в этой войне способствовало тому, чтобы лишить Париж этого единственного существенно важного условия его обороны. Из всей французской армии сохранились лишь войска, оставшиеся в Париже, и корпус генерала Винуа (13-й, первоначально корпус Трошю), всего быть может 50000 человек; это главным образом, если не полностью, четвертые батальоны и мобильная гвардия. К ним можно добавить, пожалуй, еще 20000—30000 солдат четвертых батальонов и неопределенное количество мобилен из провинции, необученных новобранцев, совершенно непригодных для военных действий в открытом поле. Мы видели на примере Седана, как мало пользы бывает от подобных войск в бою. Несомненно, когда за ними имеются форты, к которым можно отойти, они будут более надежными, а несколько недель обучения, дисциплинирования и боев, конечно, повысят их боевые качества. Но активная оборона такой большой крепости, как Париж, требует передвижения больших сил в открытом поле, боевых действий по всем правилам на значительном расстоянии впереди прикрывающих фортов и осуществления попыток прорваться через линию обложения или воспрепятствовать его завершению. Однако для нападения на более сильного противника, когда требуется внезапность и натиск, а войска для этой цели должны быть превосходно дисциплинированы и обучены, — нынешний гарнизон Парижа вряд ли окажется пригодным.

Мы предполагаем, что соединенные Третья и Четвертая германские армии численностью в 180000 человек появятся у Парижа в течение следующей недели, окружат его подвижными отрядами кавалерии, разрушат железнодорожные пути, тем самым уничтожат все шансы на снабжение в значительных размерах и подготовят правильное обложение, которое будет завершено по прибытии Первой и Второй армий после падения Меца. После этого у немцев останется достаточное количество войск для отправки за Луару, чтобы прочесать эту местность и помешать всякой попытке формирования новой французской армии. Если Париж не сдается, тогда должна будет начаться правильная осада, которая при отсутствии активной обороны может быть проведена сравнительно быстро. Таков был бы нормальный ход событий, если бы существовали только военные соображения; но теперь создалось такое положение, когда военные соображения могут быть оттеснены политическими событиями, предсказывать которые здесь не входит в нашу задачу.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1737, 7 сентября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XVII

Пока немецкие армии идут на Париж и, достигнув его, положат начало новому этапу войны, у нас есть время бросить взгляд назад на то, что происходило позади фронта полевых войск, у крепостей.

Не говоря уже о Седане, сдача которого была неизбежно сопряжена с капитуляцией армии Мак-Магона, немцы захватили четыре крепости: Ла-Птит-Пьер и Витри — без боя, Лихтенберг и Марсаль — после непродолжительной бомбардировки. Бич они только блокировали, Страсбург осаждают, Фальсбур, Туль и Монмеди бомбардировали, пока без результатов, через несколько дней они намерены начать правильную осаду Туля и Меца.

За исключением Меца, защищенного отдельными фортами, расположенными на значительном расстоянии от города, все остальные крепости, оказавшие сопротивление, подверглись бомбардировке. Эта мера всегда являлась составной частью боевых действий при правильной осаде; первоначально ее основной целью было уничтожение складов продовольствия и боевых припасов осажденных, но с тех пор, как их стали обычно хранить в специально сооруженных погребах с укрытием от бомб, бомбардировка все больше и больше применяется для поджога и разрушения возможно большего количества построек внутри крепости. Уничтожение имущества и продовольствия жителей данной крепости стало средством давления на них, а через них на гарнизон и на коменданта. В тех случаях, когда гарнизон был слабым, плохо дисциплинированным и деморализованным, когда комендант не был энергичен, то часто одна лишь бомбардировка приводила к сдаче крепости. Так обстояло дело особенно в 1815 г. после Ватерлоо[55], когда целый ряд крепостей с гарнизонами, состоявшими, главным образом, из национальной гвардии, сдавался после непродолжительной бомбарди-

ровки, не дожидаясь правильной осады. Авен, Гюиз, Мобёж, Ландреси, Марьембур, Филипвиль и др. — все они пали после нескольких часов, в лучшем случае после нескольких дней обстрела бомбами. Несомненно, что именно эти запомнившиеся успехи, а также сведения о том, что гарнизоны большинства пограничных крепостей состоят преимущественно из мобилей и местной национальной гвардии, побудили немцев снова испытать этот способ. Кроме того, поскольку с введением нарезной артиллерии снарядами даже для полевых орудий являются почти исключительно гранаты, то теперь сравнительно легко бомбардировать крепость и поджечь ее постройки обстрелом из обыкновенных полевых орудий любого армейского корпуса, не ожидая, как прежде, прибытия мортир и тяжелых осадных гаубиц.

Хотя в современных войнах бомбардировка частных зданий в крепости и получила признание, все же не следует забывать, что эта мера всегда является очень суровой и жестокой и к ней не следует прибегать, по крайней мере, без достаточной надежды добиться сдачи крепости и когда это в известной степени не вызвано необходимостью. Если бомбардируют такие крепости, как Фальсбур, Лихтенберг, Туль, то это можно оправдать тем, что они запирают горные проходы и железные дороги, непосредственное обладание которыми чрезвычайно важно для вторгшегося противника, причем есть основания ожидать, что эта цель будет достигнута в результате нескольких дней обстрела бомбами. Если две из этих крепостей до сих пор держатся, то это делает тем больше чести гарнизону и жителям. Но что касается бомбардировки Страсбурга, предшествовавшей правильной осаде, то здесь дело обстоит совершенно иначе.

Страсбург — город с населением свыше 80000 человек; он окружен укреплениями устаревшего типа, относящимися к XVI веку и усиленными Вобаном, который построил цитадель вне города, ближе к Рейну, и соединил ее с крепостными валами города непрерывными линиями, что в то время называлось укрепленным лагерем. Так как цитадель командует над городом и способна к самостоятельной обороне после капитуляции города, то самый простой способ захватить и цитадель и город — это сразу атаковать цитадель, с тем чтобы избежать необходимости проведения одну за другой двух осад. Но укрепления цитадели настолько сильнее, а ее расположение в болотистой низменности близ Рейна настолько затрудняет быстрое сооружение траншей, что обстоятельства могут, как это обычно и происходит, побудить атаковать сначала город, с падением которого дальнейшая оборона одной только

цитадели в глазах нестойкого коменданта в значительной мере теряет свой смысл, за исключением лишь того соображения, что это может обеспечить ему лучшие условия сдачи. Но при всех случаях, если будет взят только город, то останется еще овладеть цитаделью, и упорный комендант сможет продолжать сопротивление, держа под огнем город и расположившиеся в нем войска осаждающих.

Какая же польза при таких обстоятельствах от бомбардировки города? В лучшем случае жители могли бы деморализовать большую часть гарнизона и заставить коменданта, покинув город, перейти с наиболее надежными из своих солдат в количестве 3000—5000 человек в цитадель, продолжать там оборону и держать город под обстрелом. Характер же генерала Урика (такова, — а вовсе не Ульрих — фамилия этого храброго старого солдата) достаточно хорошо известен, чтобы кто-нибудь заподозрил, что его можно запугать, заставив сдать город и цитадель, какое бы количество снарядов ни было выпущено в них. Сама по себе бомбардировка города, у которого имеется самостоятельно расположенная цитадель, командующая над ним, является бессмысленной и бесполезной жестокостью. Конечно, случайные снаряды или редкая артиллерийская стрельба при осаде всегда причиняют ущерб осажденному городу, но это ничто в сравнении с разрушениями и жертвами среди гражданского населения во время регулярной и систематической шестидневной бомбардировки, которой был подвергнут этот несчастный город.

Немцы говорят, что им необходимо скорее захватить город ло политическим соображениям. Они намерены удержать его за собой после заключения мира. Но если это так, то бомбардировка, жестокость которой не имеет себе равной, была не только преступлением, но и грубой ошибкой. В самом деле, прекрасный способ добиваться симпатий обреченного на аннексию города путем поджогов и убийства множества его жителей разрывными снарядами! Приблизила ли бомбардировка капитуляцию хотя бы на один день? Этого не видно. Если немцы хотят аннексировать город и искоренить симпатии жителей к французам, им следовало бы захватить город посредством возможно более кратковременной правильной осады, а затем осадить цитадель и поставить коменданта перед выбором: либо отказаться от некоторых средств обороны, имеющихся в его распоряжении, либо подвергнуть город обстрелу.

И действительно, огромное количество снарядов, которыми был забросан Страсбург, не избавило от необходимости вести правильную осаду. 29 августа пришлось заложить первую па-

раллель с северо-западной стороны крепости, близ Шильтигема, на расстоянии 500—650 ярдов от укреплений. 3 сентября в 330 ярдах была заложена вторая параллель (некоторые корреспонденты ошибочно называют ее третьей); приказом прусского короля бесцельная бомбардировка была приостановлена, и может быть понадобится время примерно до 17-го или 20-го, пока удастся проделать достаточно большую брешь в крепостных валах. Но в данном случае рискованно высказывать какое-либо мнение. Это первый пример осады, когда против каменных сооружений применяются снаряды ударного действия современной нарезной артиллерии. В своих опытах при сносе оборонительных сооружений Юлиха пруссаки достигли необычайных результатов: в каменных стенах были пробиты бреши, а блокгаузы были разрушены обстрелом с больших дистанций и перекидным огнем (то есть огнем батарей, от которых не видно обстреливаемой цели); однако это был лишь опыт мирного времени, и он еще должен найти себе подтверждение в настоящей войне. Страсбург дает нам хорошее представление о том, как действует в осадных операциях современная тяжелая нарезная артиллерия, и в этом отношении его осада заслуживает особого внимания.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1739, 9 сентября 1870 г.

РАСЦВЕТ И УПАДОК АРМИЙ

Когда Луи-Наполеон основал империю, «которая означала мир»[56], опираясь при этом на голоса крестьян и на штыки их сыновей — солдат армии, эта армия не занимала особенно выдающегося положения в Европе, разве только по традиции. С 1815 г. наступил мир — мир, нарушенный для некоторых армий событиями 1848 и 1849 годов. Австрийцы провели успешную кампанию в Италии и неудачную кампанию в Венгрии; ни Россия в Венгрии, ни Пруссия в Южной Германии не стяжали лавров, достойных упоминания[57]; Россия непрерывно вела войну на Кавказе, а Франция в Алжире. Но с 1815 г. крупные армии ни разу не встречались на поле сражения. Луи-Филипп оставил после себя французскую армию отнюдь не в боеспособном состоянии; правда, алжирским войскам, особенно излюбленным им частям, созданным в значительной мере для африканских войн, — chasseurs-a-pied*, зуавам, тюркосам, конным chasseurs d'Afrique** — уделяли значительное внимание, но главная масса пехоты, кавалерия и материальная часть армии во Франции находились в полном пренебрежении. Республика не улучшила состояния армии. Но появилась империя, которая означала мир, а «si vis pacem, para bellum»*** — и армия сразу стала в центре ее внимания. В то время Франция обладала значительным количеством сравнительно молодых офицеров, служивших на высоких постах в Африке, когда там еще происходили серьезные бои. Алжирские специальные части Франции являлись несомненно лучшими войсками в Европе. В лице многочисленных заместителей призывников[58] они располагали гораздо большим количе-

* — пешим стрелкам. *Ред.*
** — африканским стрелкам. *Ред.*
*** — «если хочешь мира, готовься к войне». *Ред.*

ством профессиональных солдат, побывавших в боях, настоящих ветеранов, чем их имела любая другая континентальная держава. Нужно было только поднять, насколько возможно, основную массу войск до уровня специальных частей. Это и было в значительной степени сделано. «Pas gymnastique» («беглый шаг» у англичан), до того времени применявшийся только в этих специальных частях, был введен во всей пехоте, и, таким образом, была достигнута быстрота маневрирования, неизвестная до того времени в армиях. Кавалерия была обеспечена, насколько это было возможно, лучшими лошадьми; материальная часть всей армии была проверена и пополнена. И, наконец, началась Крымская война. Организация французской армии обнаружила большие преимущества по сравнению с английской; благодаря численному соотношению союзных армий слава — какова бы она ни была — большей частью, естественно, выпала на долю французов; самый характер войны, в которой центральное место целиком занимала осада одной крупной крепости, показал в наилучшем свете свойственные французам выдающиеся математические способности, проявленные их военными инженерами. В итоге Крымская война снова подняла французскую армию до положения первой армии в Европе.

Затем наступило время винтовки и нарезной пушки. Несравненное превосходство огня нарезного ружья над огнем гладкоствольного привело к упразднению гладкоствольных ружей, а в некоторых случаях к общей переделке их в нарезные. В Пруссии старые ружья были переделаны в винтовки меньше чем за год; Англия постепенно вооружила всю пехоту винтовками Энфилд, а Австрия — превосходными винтовками малого калибра (Лоренца). Одна лишь Франция сохранила старые гладкоствольные ружья, а винтовки по-прежнему предназначались только для специальных войск. В то время как основная масса ее артиллерии сохраняла короткоствольные 12-фунтовые орудия, — это излюбленное изобретение императора, однако менее эффективное в сравнении с прежней артиллерией, ввиду меньшего веса заряда, — было сформировано некоторое число батарей 4-фунтовых нарезных пушек, которые держали в готовности на случай войны. Их конструкция была несовершенна, так как с самого XV века это были первые нарезные орудия; но по своему действию они значительно превосходили любую из существовавших тогда гладкоствольных полевых пушек.

Таково было положение, когда вспыхнула Итальянская война[59]. Австрийская армия действовала без серьезных усилий;

она редко оказывалась способной на исключительное напряжение; в сущности это была внушительная по численности армия, но никак не более. Среди ее командиров имелось несколько лучших и очень много самых худших генералов того времени. Большая часть последних была выдвинута на высокие командные посты благодаря придворному влиянию. Промахи австрийских генералов, большее честолюбие французского солдата принесли французской армии с трудом завоеванную победу. Маджента не дала никаких трофеев; Сольферино — лишь немного; а по политическим причинам занавес опустился, прежде чем на сцену выступили настоящие трудности войны — борьба за четырехугольник крепостей.

После этой кампании французская армия являлась образцовой в Европе. Если после Крымской войны французский chasseur-a-pied стал «beau ideal»[*] пехотинца, то теперь это восхищение распространилось на всю французскую армию. Ее организация изучалась; ее лагери стали инструкторскими школами для офицеров всех наций. Почти вся Европа твердо уверовала в непобедимость французской армии. В это время Франция переделала в нарезные все свои старые гладкоствольные ружья и вооружила всю свою артиллерию нарезными орудиями.

Однако та же кампания, которая выдвинула французскую армию на первое место в Европе, вызвала усиленную деятельность, в результате которой появился сначала ее соперник, а затем и победитель. С 1815 по 1850 г. прусская армия так же покрывалась ржавчиной от бездействия, как и все остальные европейские войска. Но эта ржавчина мирного времени принесла военной машине Пруссии больший вред, чем где бы то ни было. Согласно прусской системе того времени, в каждой бригаде объединялся линейный полк и полк ландвера; таким образом, половину полевых войск приходилось формировать заново при мобилизации. Материальной части и имущества для линейных войск и ландвера оказалось совершенно недостаточно; среди ответственных лиц были широко распространены мелкие хищения. В общем, когда в 1850 г. конфликт с Австрией вынудил Пруссию произвести мобилизацию, вся военная система обнаружила свою полную несостоятельность и Пруссии пришлось пройти через «Кавдинское ущелье»[60]. Ценой больших расходов вся материальная часть была немедленно заменена, а вся организация армии была пересмотрена, но это ко-

[*] — прекрасным идеалом. *Ред.*

снулось только деталей. Когда в 1859 г. Итальянская война вызвала новую мобилизацию, материальная часть и военное имущество были уже в лучшем состоянии, хотя и тогда еще в недостаточном количестве, а ландвером, моральный дух которого был бы превосходным в случае национальной войны, оказалось совершенно невозможно управлять во время военной демонстрации, которая могла привести к войне с той или иной из воюющих стран. Было решено произвести реорганизацию армии.

В результате этой реорганизации, проведенной за спиной парламента, все тридцать два пехотных полка ландвера были оставлены под ружьем, их ряды постепенно пополнялись за счет увеличенного набора рекрутов, и, наконец, эти полки были переформированы в линейные, число которых возросло с 40 до 72. Количество артиллерии было соответственно увеличено, количество кавалерии тоже, но в гораздо меньшей степени. Это увеличение армии было приблизительно пропорционально приросту населения Пруссии с 1815 по 1860 г., возросшего с $10^1/_2$ до $18^1/_2$ миллионов. Несмотря на оппозицию второй палаты[61], реорганизация фактически осталась в силе. Кроме того, армия сделалась во всех отношениях более боеспособной. Это была первая армия, в которой вся пехота была вооружена винтовками. Заряжающееся с казенной части игольчатое ружье, которым прежде была снабжена только небольшая часть пехоты, было теперь введено во всех пехотных войсках, причем был заготовлен резервный запас этих винтовок. Опыты с нарезными орудиями, которые производились в течение нескольких лет, были завершены, и принятые образцы постепенно заменили гладкоствольные пушки. Непомерная плац-парадная муштра, унаследованная от старого педанта Фридриха-Вильгельма III, все больше и больше уступала место лучшей системе подготовки, которая, главным образом, состояла из обучения службе охранения и действиям в рассыпном строю, причем образцом в обоих случаях служили, в значительной степени, французские алжирские войска. Для отдельно действующих батальонов ротная колонна была принята как основное боевое построение. Большое внимание уделялось стрельбе по мишеням, причем были достигнуты превосходные результаты. Значительно улучшена была также и кавалерия. В течение многих лет серьезное внимание обращалось на коневодство, особенно в Восточной Пруссии, известной своим развитым коневодством; широко производилось скрещивание с арабскими породами лошадей, и результаты этого теперь начали сказываться. Лошадь Восточной Пруссии, уступающая по росту и быстроте

английской кавалерийской лошади, значительно превосходит ее как военная лошадь и в пять раз выносливее в походной обстановке. Профессиональная подготовка офицеров, которая в течение долгого времени оставалась в полном пренебрежении, была снова доведена до требуемого, весьма высокого, уровня, и в целом вся прусская армия совершенно изменилась. Датской войны[62] было достаточно, чтобы показать всякому, кто был в состоянии понимать, что дело обстояло именно так; но это прошло незамеченным. Тогда раздался громовой удар 1866 г., и не понять это стало уже больше невозможно. Вслед за этим прусская система была распространена на северогерманскую армию и в основных чертах также на армии южногерманских государств; результаты показали, как легко ввести эту новую систему. Затем наступил 1870 год.

Но в 1870 г. французская армия была уже не та, что в 1859 году. Казнокрадство, использование служебного положения в корыстных целях, всеобщие злоупотребления общественным положением ради личных интересов — все то, что составляло основу основ режима Второй империи, охватило и армию. Если Осман и его шайка нажили миллионы на грандиозной парижской афере[63], если все ведомство общественных работ, каждый контракт, заключаемый правительством, каждая гражданская должность открыто и бесстыдно превращались в средство ограбления народа, как же могла армия одна оставаться добродетельной, армия, которой Луи-Наполеон был обязан всем, армия, управляемая людьми, охваченными такой же жаждой обогащения, как и более удачливые штатские придворные прихлебатели? А когда стало известно, что правительство, получая деньги на заместителей, обыкновенно не нанимает их, — факт безусловно известный каждому строевому офицеру; когда начались другие хищения военного имущества и т. д., с целью образования фондов, секретно выплачиваемых военным министерством императору; когда в силу этого на высших должностях в армии должны были оставаться лица, посвященные в эту тайну, которых поэтому нельзя было смещать, что бы они ни делали и как бы они ни пренебрегали своими обязанностями, — тогда деморализация распространилась и на строевых офицеров. Мы далеки от утверждения, что расхищение общественных средств стало среди них обычным явлением; но презрение к своим начальникам, пренебрежительное отношение к служебному долгу и упадок дисциплины были неизбежными следствиями. Если бы начальники пользовались уважением, разве осмеливались бы офицеры, как это обычно делалось, ездить во время похода в каретах? Вся система

прогнила насквозь; атмосфера коррупции, в которой жила Вторая империя, подействовала, наконец, и на главную опору этой империи — армию; и в час испытания эта армия не могла противопоставить неприятелю ничего кроме славных традиций и врожденной храбрости солдат, а одного этого недостаточно, чтобы армия оставалась первоклассной.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1740, 10 сентября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XVIII

По-видимому, все еще существует совершенно неправильное представление об осадных действиях, которые ведутся теперь во Франции. Некоторые наши коллеги по печати, например «Times», склоняются к мысли, что хотя немцы превосходно действуют в открытом поле, но они не умеют вести осады; другие считают, что осада Страсбурга осуществляется не столько с целью овладения городом, сколько для проведения испытаний и предоставления практики немецким инженерам и артиллерийским специалистам. И все это говорится потому, что ни Страсбург, ни Туль, ни Мец, ни Фальсбур до сих пор не сдались. Совершенно забывают, очевидно, что при последней осаде, которая велась до этой войны, осаде Севастополя, после того как были заложены траншеи, потребовалось одиннадцать месяцев, прежде чем крепость была вынуждена сдаться.

Чтобы изменить такие незрелые мнения, которые могут распространять только люди, не знакомые с военным делом, необходимо напомнить им, что представляет собой в действительности осада. Валы большинства крепостей оборудованы бастионами, то есть на их углах находятся пятиугольные выступы, называемые бастионами и своим огнем прикрывающие как пространство впереди укреплений, так и ров, расположенный непосредственно у их основания. В этом рву между каждыми двумя бастионами имеется отдельное треугольное укрепление, называемое равелином и прикрывающее часть бастионов и куртину, то есть участок крепостного вала между ними; равелин окружен рвом. На внешней стороне главного рва находится прикрытый путь — широкая дорога, защищенная гребнем гласиса, то есть земляной насыпью высотой около семи футов, имеющей отлогий скат с внешней стороны. Во многих случаях, чтобы увеличить трудности атаки, добавляются и другие сооружения. Валы всех этих укреплений облицованы у основания каменной кладкой или защищены рвами с водой, чтобы сделать невозможным штурм неповрежденных укреплений; укрепления же расположены так, что внутренние всегда командуют

над наружными, то есть находятся выше последних, а наружные с высоты своих валов командуют, в свою очередь, над окружающей местностью.

Для атаки такой крепости все еще пользуются методом, усовершенствованным Вобаном, хотя нарезная артиллерия осажденных может заставить видоизменить этот метод, если местность перед крепостью на большом протяжении совершенно ровная. Но так как почти все эти крепости строились в период господства гладкоствольной артиллерии, то местность дальше 800 ярдов от укреплений обычно не принималась в расчет, и почти всегда возможен скрытый подход осаждающих на это расстояние без сооружения правильных траншей. Следовательно, прежде всего необходимо обложить крепость, оттеснить ее сторожевое охранение и другие отряды, произвести разведку укреплений, доставить осадные орудия, боевые и прочие припасы и организовать склады снабжения. В нынешней войне первая бомбардировка из полевых орудий также относилась к этому подготовительному периоду, который может длиться значительное время. Широкое обложение Страсбурга было начато 10 августа, тесное обложение — около 20-го. с 23-го по 28-е Страсбург подвергся бомбардировке, но к правильной осаде приступили только 29-го. Началом правильной осады считается момент заложения первой параллели, то есть траншеи, земля из которой выбрасывается на сторону, обращенную к крепости так, чтобы скрывать и защищать людей, проходящих по ней. Эта первая параллель обычно окружает укрепления крепости на расстоянии от 600 до 700 ярдов. В ней устанавливаются анфиладные батареи; они помещаются на линиях, являющихся продолжением всех фасов, то есть тех сторон вала, огонь которых господствует над лежащей впереди местностью; это делается против всей намеченной для атаки части крепости. Назначение таких батарей — вести огонь вдоль указанных фасов и таким образом уничтожать находящиеся на них орудия и артиллерийскую прислугу. Для этого требуется по меньшей мере двадцать таких батарей двух-или трехорудийного состава, всего примерно 50 тяжелых орудий. Обычно в первой параллели устанавливалось также некоторое количество мортир для бомбардировки города или оборудованных укрытиями от бомб гарнизонных складов; при наличии современной артиллерии они потребуются только для последней из указанных целей, для первой—теперь достаточно нарезных пушек.

От первой параллели вперед прокладываются траншеи, по таким линиям, продолжение которых не проходило бы

через крепостные укрепления, чтобы, таким образом, ни одно из укреплений не могло бы обстреливать их продольным огнем; траншеи ведутся вперед зигзагами до тех пор, пока они не достигнут расстояния примерно 350 ярдов от укреплений, и здесь закладывается вторая параллель — траншея, подобная первой параллели, но короче ее. Обычно это делается на четвертую или пятую ночь после начала траншейных работ. Во второй параллели устанавливаются контрбатареи, по одной против каждого атакуемого фаса и почти параллельно им; эти батареи предназначаются для того, чтобы уничтожать орудия и разрушать валы, находящиеся непосредственно перед ними, а также вести перекрестный огонь совместно с анфиладными батареями. Для контрбатарей потребуется в общей сложности примерно 60 орудий крупного калибра. Затем осаждающие снова продвигаются вперед, прокладывая новые зигзагообразные траншеи, которые становятся все короче и ближе друг к другу по мере приближения к крепости. Примерно в 150 ярдах от укреплений сооружается полупараллель для мортирных батарей, а у подошвы гласиса, на расстоянии около 60 ярдов от укреплений, — третья параллель, в которой также устанавливаются мортирные батареи. Это может быть закончено на девятую или десятую ночь после начала траншейных работ.

На таком близком расстоянии от укреплений начинаются настоящие трудности. К этому времени артиллерийский огонь осажденных, в той мере, в какой он господствует над открытой местностью, будет уже почти подавлен, но ружейный огонь с крепостных валов теперь становится более действенным, чем когда-либо; он будет очень сильно замедлять работу в трап-шеях. Апроши должны теперь сооружаться с гораздо большей осторожностью и по иному плану, который мы не можем изложить здесь подробно. На одиннадцатую ночь осаждающие могут выйти к исходящим углам прикрытого пути, прямо против выступов бастионов и равелинов; а на шестнадцатые сутки они могут закончить венчание гласиса, то есть соорудить траншеи за гребнем гласиса и вдоль него, параллельно прикрытому пути. Лишь тогда они окажутся в состоянии установить батареи для разрушения каменной кладки валов, с тем чтобы обеспечить переход через ров в крепость и заставить замолчать орудия на фланках бастионов, которые ведут огонь вдоль рва и препятствуют переходу через него. Эти фланки бастионов могут быть разрушены и их орудия уничтожены на семнадцатые сутки; тогда же может быть образована брешь. На следующую ночь могут быть закончены спуск в ров и уст-

ройство прикрытого прохода через него для защиты штурмового отряда от фланкирующего огня, и может быть начат штурм.

В этом беглом очерке мы попытались дать обзор хода осадных действий против одного из самых слабых и простых типов крепостей (шестиугольника Вобана) и установить время, необходимое для различных стадий осады, если она не нарушается успешными вылазками и при условии, что обороняющиеся не проявляют исключительной активности, храбрости и не располагают какими-либо особыми средствами. Однако даже при таких благоприятных обстоятельствах потребуется, как мы видим, по меньшей мере 17 суток прежде чем в главных крепостных валах будут проделаны бреши и крепость тем самым станет открытой для штурма. При достаточной численности и хорошей обеспеченности гарнизона нет никаких причин военного характера, которые заставили бы его сдаться раньше этого срока; с чисто военной точки зрения простой долг обязывает осажденных продержаться, по крайней мере, в течение такого времени. Между тем некоторые люди высказывают недовольство, что Страсбург все еще не взят, Страсбург, который подвергался правильной осаде лишь в течение 14 суток и имеет на атакуемом фронте внешние укрепления, дающие ему возможность продержаться по крайней мере на пять суток дольше среднего срока. Они недовольны тем, что Мец, Туль и Фальсбур все еще не сдались. Но мы ведь еще не знаем, заложена ли хотя бы одна траншея против Туля, а о других крепостях нам известно, что они вообще еще не подверглись правильной осаде. Что касается Меца, то, по-видимому, в данный момент против него и не намереваются вести правильной осады; очевидно наиболее действенное средство овладения им — это взять армию Базена измором. Эти нетерпеливые литераторы должны знать, что очень мало найдется таких комендантов крепостей, которые сдадутся разъезду из четырех улан или даже под воздействием бомбардировки, если в их распоряжении имеется сколько-либо достаточный гарнизон и необходимые запасы. Если Штеттин сдался в 1807 г. кавалерийскому полку, если французские пограничные крепости в 1815 г. капитулировали после непродолжительной бомбардировки или даже из страха перед ней, то мы не должны забывать, что Вёрт и Шпихерн, вместе взятые, не были равнозначны ни Йене, ни Ватерлоо и, кроме того, было бы нелепо сомневаться в том, что во французской армии есть много офицеров, которые могут выдержать правильную осаду даже с гарнизоном, состоящим из мобильной гвардии.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1744, 15 сентября 1870 г.

КАК ВЕСТИ БОРЬБУ С ПРУССАКАМИ

После Итальянской войны 1859 г., когда военная мощь Франции достигла своего зенита, прусский принц Фридрих-Карл, тот самый, который теперь осуществляет обложение армии Базена в Меце, написал брошюру «Как вести борьбу с французами»[64]. В настоящее время, когда огромные военные силы Германии, организованные по прусской системе, сметают все на своем пути, люди начинают задавать себе вопрос: кто же и каким образом будет в будущем вести борьбу с пруссаками. И когда война, в начале которой Германия только оборонялась против французского chauvinisme[*], как видно, превращается постепенно, но верно, в войну в интересах нового германского chauvinisme, на этом вопросе стоит остановиться.

«Провидение всегда на стороне больших батальонов», — таким образом *Наполеон* любил объяснять, как выигрываются и проигрываются сражения. И Пруссия действовала именно по этому принципу. Она позаботилась обзавестись «большими батальонами». Когда в 1807 г. Наполеон запретил ей содержать армию численностью свыше 40000 человек, она стала увольнять рекрутов после шестимесячного обучения, а вместо них призывать новых людей; и в 1813 г. она оказалась в состоянии выставить действующую армию в 250000 солдат при населении в четыре с половиной миллиона. Впоследствии тот же самый принцип краткосрочной службы в полку и длительного пребывания в запасе на положении военнообязанных нашел более полное применение и, кроме того, он был приведен в соответствие с потребностями абсолютной монархии. Людей оставляли на службе в полку от двух до трех лет, чтобы не только хорошо обучить их военному делу, но также и вымуштровать их, приучив в совершенстве к беспрекословному повиновению.

[*] — шовинизма. *Ред.*

В этом-то и заключается слабое место прусской системы. Она должна примирить две различные и, в конечном счете, несовместимые задачи. С одной стороны, она претендует на то, чтобы каждого физически годного к службе мужчину сделать солдатом и иметь постоянную армию, единственная цель которой служить школой, где граждане обучаются владеть оружием, а также быть тем ядром, вокруг которого они сплачиваются в случае нападения извне. В этом отношении указанная система является чисто оборонительной. Но, с другой стороны, эта же самая армия должна быть военной опорой, главным оплотом квазиабсолютистского правительства; а для этой цели школу военного обучения граждан нужно превратить в школу абсолютного повиновения начальству, в школу монархических чувств. Этого можно достигнуть только при продолжительном сроке службы. Здесь и проявляется несовместимость этих двух задач. Оборонительная внешняя политика требует обучения большого количества людей в короткие сроки, чтобы располагать многочисленным резервом на случай нападения извне; внутренняя же политика требует подготовки ограниченного числа людей в течение более продолжительного времени, чтобы иметь надежную армию на случай восстания в стране. Квазиабсолютная монархия избрала средний путь. Она оставляла солдат под ружьем на целых три года и ограничивала число призываемых сообразно своим финансовым средствам. Хваленая всеобщая воинская повинность в действительности не существует. Она превращена в рекрутский набор, отличающийся от набора в других странах лишь тем, что он более обременителен. Этот набор обходится дороже, отвлекает больше людей, оставляет их военнообязанными, подлежащими призыву в течение гораздо более длительного периода, чем где бы то ни было. В то же самое время то, что первоначально представляло собой народ, вооруженный для собственной обороны, теперь превращается в послушную армию, готовую для нападения, в орудие политики правящей олигархии.

В 1861 г. население Пруссии несколько превышало 18 миллионов человек, и ежегодно 227000 молодых людей, достигших двадцатилетнего возраста, подлежали призыву на военную службу. Добрая половина из них была физически годна для службы, если не сразу, то, по крайней мере, спустя пару лет. Но вместо 114000 рекрутов в ряды армии ежегодно призывалось не больше 63000; таким образом, почти половина физически годного к военной службе мужского населения не обучалась владеть оружием. Всякий, побывавший в Пруссии во время войны, вероятно, поражался огромному

количеству крепких, здоровых парней в возрасте от 20 до 32 лет, которые преспокойно оставались дома. То состояние «временного отсутствия признаков жизни», которое специальные корреспонденты отмечали в Пруссии во время войны, существует только в их собственном воображении.

С 1866 г. число ежегодно призываемых в Северогерманском союзе не превышало 93000 человек при населении в 30000000. Если же взять всех физически годных к службе молодых мужчин, то даже после самого строгого медицинского отбора их количество составило бы по меньшей мере 170000. С одной стороны, династические интересы, с другой — финансовые нужды обусловили это ограничение числа призываемых. Армия оставалась послушным орудием для осуществления целей абсолютизма внутри страны и для ведения внешних войн в интересах правящей олигархии; но все силы, которыми нация располагала для обороны, далеко не были подготовлены к тому, чтобы их использовать.

Все же эта система обладает огромным преимуществом перед устаревшей кадровой системой других больших армий континента. По сравнению с ними Пруссия призывала вдвое больше солдат от соответствующего количества населения. И она сумела подготовить из них хороших солдат благодаря своей системе, которая истощала ее ресурсы и с которой народ никогда не примирился бы, если бы не постоянные посягательства Луи-Наполеона на рейнскую границу и не стремление к объединению Германии, для чего, как это инстинктивно чувствовали, эта армия была необходимым орудием. Но коль скоро безопасность Рейна и объединение Германии обеспечены, эта военная система неизбежно станет невыносимой.

Здесь мы находим ответ на вопрос: как вести борьбу с пруссаками. Если бы нация столь же многочисленная, столь же способная, храбрая и цивилизованная, осуществила бы на деле то, что в Пруссии сделано только на бумаге, превратила бы каждого физически годного к службе гражданина в солдата; если бы эта нация ограничила продолжительность действительной службы в мирное время и срок обучения пределами, действительно необходимыми только для этой цели; если бы она сохраняла необходимую организацию для того, чтобы укомплектовать штаты военного времени тем же действенным способом, как это в последнее время делала Пруссия, —тогда, утверждаем мы, эта нация приобрела бы такое же огромное преимущество над опруссаченной Германией, какое опруссаченная Германия, как оказалось, имеет над Францией в настоящей войне. По мнению первостепенных прусских авторитетов (включая

и военного министра генерала фон Роона) двухгодичного срока службы вполне достаточно для превращения деревенского парня в хорошего солдата. С позволения педантичных офицеров ее величества мы склонны даже утверждать, что для подавляющей части новобранцев было бы достаточно восемнадцати месяцев — двух летних и одного зимнего периодов. Но точная продолжительность службы — вопрос второстепенный. Пруссаки, как мы видели, достигали прекрасных результатов после шестимесячной службы, притом с людьми, которые только что перестали быть крепостными. Главное состоит в том, чтобы действительно провести в жизнь принцип всеобщей воинской повинности.

И если война будет продолжаться до того самого конца, за который ратуют теперь немецкие филистеры, то есть до расчленения Франции, то мы можем быть уверены, что французы *примут* этот принцип. До сих пор они были воинственной, но не военной нацией. Они ненавидели службу в такой армии, как французская, основанной на кадровой системе с продолжительным сроком службы и небольшим количеством обученных резервов. Они очень охотно будут служить в армии с коротким сроком действительной службы и долгосрочным пребыванием в запасе, они сделают даже больше, если это даст им возможность смыть позор и восстановить целостность Франции. И тогда «большие батальоны» будут на стороне Франции, а результат их действия будет таким же, как и в нынешней войне, если только Германия не примет той же системы. Но различие будет в следующем: подобно тому как прусская система ландвера являлась прогрессивной по сравнению с французской кадровой системой, так как она сократила срок службы и увеличила количество людей, способных защищать свою страну, также и эта новая система действительной всеобщей воинской повинности будет шагом вперед по сравнению с прусской системой. Во время войны вооруженные силы увеличатся до еще более огромных размеров, но армии мирного времени станут меньше; каждому гражданину страны придется лично, а не через заместителя, участвовать в вооруженной борьбе за разрешение конфликтов между правителями; оборона станет сильнее, а нападение сделается более трудным делом, и само увеличение армий в конечном счете приведет к сокращению расходов и превратится в гарантию мира.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1746, 17 сентября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XIX

Укрепления Парижа уже доказали свою ценность. Лишь благодаря им немцы не могут овладеть городом в течение больше чем недели. В 1814 г. продолжавшийся полдня бой у высот Монмартра принудил город к капитуляции. В 1815 г. ряд земляных укреплений, сооруженных в начале кампании, вызвал некоторую задержку; но сопротивление их было бы очень непродолжительным, если бы у союзников не было полной уверенности в том, что город будет сдан им и без боя[65]. В теперешней войне немцы ожидали от дипломатии лишь одного, чтобы она не вмешивалась в их военные действия. И эти военные действия, быстрые, энергичные и решительные до середины сентября, стали медлительными, неуверенными, tatonnante* с того дня, когда германские колонны вступили в сферу действия огромного укрепленного лагеря — Парижа. И это вполне естественно. Одно только обложение такого громадного города требует времени и осторожности, если даже вы приближаетесь к нему с армией в 200000 или 250000 человек. Даже таких сил едва ли будет достаточно для настоящего обложения его со всех сторон, хотя бы, как в данном случае, город и не имел армии, пригодной для крупных сражений и действий в открытом поле. Что в Париже нет такой армии наиболее убедительно доказали плачевные результаты вылазки генерала Дюкро около Мёдона[66]. Здесь линейные войска вели себя определенно хуже мобильной гвардии, они действительно «удирали» во главе с знаменитыми зуавами. Это легко объяснить. Старые солдаты, главным образом солдаты корпусов Мак-Магона, де Файи и Феликса Дуэ, сражавшиеся при Вёрте, были совершенно деморализованы в результате двух катастрофических отступлений и шести недель постоянных неудач; вполне естественно, что

* — робкими; ведущимися на ощупь. *Ред.*

такие условия влияют особенно сильно на наемников, ибо зуавы, состоящие главным образом из заместителей призывников, не заслуживают другого названия. И при помощи таких людей надеялись придать стойкость необученным новобранцам, которыми были пополнены поредевшие линейные батальоны. После этого события можно ожидать мелких вылазок, которые кое-где могут быть успешными, но сражения в открытом поле уже вряд ли будут иметь место.

Далее, немцы утверждают, что их орудия господствуют над Парижем с высот, расположенных близ Со; однако к этому заявлению нельзя относиться с доверием. Ближайшие высоты, на которых они могли установить какие-либо батареи выше Фонтене-о-Роз, находятся на расстоянии приблизительно 1500 метров от форта Ванв и, следовательно, удалены от центра города на целых 8000 метров или 8700 ярдов. У немцев нет более мощной полевой артиллерии, чем так называемые нарезные шестифунтовые орудия (вес снаряда — около 15 фунтов), но даже если бы у них имелись нарезные двенадцатифунтовые орудия со снарядами в 32 фунта, то наибольшая дальность стрельбы этих орудий не превышала бы 4500—5000 метров при тех углах возвышения, на которые рассчитаны их лафеты. Следовательно, такое хвастовство не должно пугать парижан. Парижу нечего бояться бомбардировки до тех пор, пока не будут захвачены хотя бы два, если не более, форта, но и тогда снаряды так сильно рассеивались бы на огромном пространстве города, что ущерб оказался бы сравнительно незначительным, а моральное воздействие — почти равным нулю. Посмотрите, какая огромная масса артиллерии использовалась против Страсбурга; а насколько больше артиллерии потребуется, чтобы принудить к сдаче Париж, если даже мы примем во внимание, что правильная атака при помощи параллелей будет, разумеется, ограничена небольшим участком крепостных укреплений! А до тех пор, пока немцы не смогут сосредоточить под стенами Парижа всю эту артиллерию с боевыми и всеми прочими припасами, Париж находится в безопасности. Только с того момента, когда будут готовы все средства для осады, появится действительная опасность.

Теперь мы ясно видим, какой огромной мощью обладают укрепления Парижа. Если бы к этой пассивной мощи, к этой силе одного лишь сопротивления, присоединилась активная мощь — наступательная сила настоящей армии, то значение первой немедленно возросло бы. В то время как войска осаждающих неизбежно разделяются реками Сеной и Марной по крайней мере на три отдельные группы, которые не могут

сообщаться друг с другом иначе как через мосты, построенные в тылу их боевых позиций, то есть только обходными путями, использование которых сопряжено с потерей времени, — основная масса армии Парижа могла бы атаковать превосходящими силами любую из этих трех групп по своему выбору, нанести ей урон, разрушить любые укрепления, которые начали сооружаться, и отступить под прикрытием фортов раньше, чем успели бы подойти подкрепления осаждающих. Если бы имеющаяся в Париже армия не была слишком слаба по сравнению с силами осаждающих, она могла бы сделать полное обложение крепости невозможным, либо в любое время осуществить прорыв. А насколько необходимо полное обложение осажденной крепости, если она имеет какую-то возможность получать подкрепления извне, видно на примере Севастополя, где осада затягивалась исключительно благодаря постоянному подходу русских подкреплений через северную часть крепости, доступ к которой был отрезан только в самый последний момент. Чем дальше будут развертываться события под Парижем, тем очевиднее станет полное безрассудство бонапартовских генералов во время этой войны, безрассудство, из-за которого в жертву были принесены две армии, а Париж оставлен без главного средства защиты, без силы, способной ответить атакой на атаку.

Что касается снабжения такого большого города продовольствием, то трудности кажутся нам даже меньшими, чем при осадах менее крупных крепостей. Столица, подобная Парижу, не только располагает хорошей торговой организацией для своего снабжения продовольствием во всякое время, но одновременно является главным рынком и складочным пунктом, куда свозятся и где обмениваются сельскохозяйственные продукты обширного района. Деятельное правительство легко могло бы, пользуясь этими благоприятными условиями, принять меры для заготовки обильных запасов на все время осады средней продолжительности. Сделано ли это, мы не имеем возможности судить, но мы не видим причин, почему бы это не могло быть сделано, и притом быстро.

Во всяком случае, если борьба будет продолжаться «до самого конца», как об этом нам сейчас говорят, то после начала осадных работ сопротивление, вероятно, не будет длительным. Каменная кладка эскарпов почти совсем открыта для обстрела, а отсутствие равелинов перед куртинами благоприятствует продвижению осаждающих и-пробитию брешей в крепостных стенах. Небольшие размеры фортов позволяют поместить в них лишь ограниченное число защитников; их сопротивление

штурму, если только оно не поддерживается выдвижением войск через промежутки между фортами, не может быть серьезным. Но если траншеи можно довести до гласиса фортов и армия Парижа посредством таких вылазок не разрушает их, то этот факт доказывает, что эта армия слишком слаба — по своей численности, организации и в моральном отношении, — чтобы в назначенную для штурма ночь произвести вылазку с шансами на успех.

После взятия хотя бы нескольких фортов следует ожидать, что город откажется от безнадежной борьбы. Если же нет, то осадные действия должны быть проведены повторно, будет проделано несколько брешей, и городу снова предложат сдаться. Если это предложение будет вновь отклонено, тогда может последовать столь же безнадежная борьба на баррикадах. Будем надеяться, что город будет избавлен от таких бесполезных жертв.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1754, 27 сентября 1870 г.

СООБЩЕНИЕ О ПЕРЕГОВОРАХ[67]

Мы вполне допускаем, что сообщение о переговорах, переданное нами вчера нашим читателям, согласно той версии, которая исходит от г-на Жюля Фавра, соответствует действительности, за исключением, конечно, небольших ошибок, таких, например, как утверждение, что Бисмарк якобы собирается аннексировать Мец, Шато-Сален и «Суассон». Г-н Фавр, очевидно, не имеет представления о географическом положении Суассона. Граф говорил о Сарбуре, который, как это уже давно намечалось, оказывается в пределах новой стратегической пограничной линии, тогда как Суассон так же удален от нее, как Париж или Труа. Излагая эту беседу, г-н Фавр, может быть, не вполне точно передает отдельные выражения. Но когда он сообщает факты, опровергаемые прусской официозной прессой, то нейтральная Европа, как правило, предпочитает верить его заявлениям. Таким образом, если в Берлине сейчас оспаривают заявление г-на Фавра о предложении сдать Мон-Валерьен, то очень немногие поверят, что г-н Фавр выдумал это или совершенно неправильно понял мысль графа Бисмарка.

Сообщение, сделанное г-ном Фавром, ясно показывает, как слабо он разбирался в действительном положении и каким беспорядочным и смутным было его представление о нем. Он прибыл для переговоров о перемирии, которое должно было привести к миру. Мы охотно извиним ему предположение, что Франция все еще в состоянии заставить своих врагов отказаться от всяких притязаний на территориальные уступки; но трудно сказать, на каких условиях он надеялся добиться прекращения военных действий. Пунктами, на которых в конечном счете растаивали немцы, являлась сдача Страсбурга, Туля и Вердена, причем их гарнизоны должны были стать военнопленными. На сдачу Туля и Вердена, по-видимому, в какой-то мере было дано

согласие. Но Страсбург? Это требование было воспринято г-ном Фавром как настоящее оскорбление:

«Г-н граф, Вы забываете, что Вы говорите с французом. Принести в жертву героический гарнизон, поведением которого восхищался весь мир, а мы в особенности, было бы трусостью, и я не обещаю Вам передать, что Вы предложили нам такое условие».

Мы видим, как мало учитывается фактическое положение вещей в этом ответе, мы находим в нем лишь вспышку патриотического чувства. Поскольку в Париже это чувство действительно чрезвычайно сильно, с ним, разумеется, в такой момент нельзя было не считаться; но следовало бы также хорошенько взвесить имеющиеся факты. Страсбург достаточно долго подвергался правильной осаде, и потому можно быть определенно уверенным в его скором падении. Крепость, подвергшаяся правильной осаде, в состоянии сопротивляться в течение некоторого времени; благодаря исключительному напряжению сил она даже может продлить свою оборону на несколько дней; но если армия не придет ей на выручку, то с математической точностью можно сделать вывод о неизбежности ее падения. Трошю и высший военно-инженерный персонал в Париже отлично знают это; им известно, что нигде нет армии, которая пришла бы на выручку Страсбургу; и все-таки Жюль Фавр, коллега Трошю в правительстве, по-видимому, всего этого не принимает во внимание. Единственное, что он увидел в требовании сдачи Страсбурга, — это оскорбление для себя, для страсбургского гарнизона и французского народа. Но главная заинтересованная сторона — генерал Урик и его гарнизон, — несомненно, сделали достаточно для защиты своей чести. Избавить их от последних нескольких дней совершенно безнадежной борьбы, если бы таким способом можно было улучшить слабые шансы Франции на спасение — это было бы для них не оскорблением, а вполне заслуженной наградой. Генерал Урик, несомненно, предпочел бы сдаться по приказу своего правительства в обмен на равноценную уступку со стороны противника, чем сдаться под угрозой штурма и без всякой компенсации.

Тем временем Туль и Страсбург пали, а Верден, пока держится Мец, в военном отношении для немцев совершенно бесполезен. Таким образом, они и без согласия на перемирие получили почти все, о чем Бисмарк торговался с Жюлем Фавром. Итак, казалось бы, никогда еще победитель не предлагал перемирия на более умеренных и великодушных условиях и никогда еще побежденные не отвергали его более безрассудно. Жюль

Фавр, конечно, не блистал умом в этих переговорах, хотя у него, по-видимому, оказался достаточно верный инстинкт; зато Бисмарк выступает в новой роли великодушного победителя. Предложение, как его понял г-н Фавр, было исключительно выгодным, и если бы оно представляло собой только то, что Фавр о нем думал, его следовало бы принять немедленно. Но в предложении содержалось нечто большее, чем увидел в нем Фавр.

Между двумя армиями, находящимися в открытом поле, вопрос о заключении перемирия решается легко. Устанавливается демаркационная линия, — скажем, полоса нейтральной территории между двумя воюющими сторонами, — и дело сделано. Но тут в открытом поле имеется только одна армия; другая, поскольку она все еще существует, заперта в крепостях, которые в большей или меньшей степени подвергнуты обложению. Что же произойдет со всеми этими крепостями? Каким должно быть их положение во время перемирия? Бисмарк старается обойти все это молчанием. Если бы было заключено двухнедельное перемирие и в нем ничего не говорилось бы относительно этих городов, то, само собой разумеется, должно было сохраняться status quo*, за исключением ведения военных действий против гарнизонов и укреплений. Таким образом, Бич, Мец, Фальсбур, Париж и, кто знает, сколько других крепостей были бы по-прежнему обложены и отрезаны от всякого снабжения и коммуникаций; находящиеся в них люди продолжали бы расходовать свои запасы продовольствия так же, как если бы никакого перемирия не было, и, таким образом, перемирие принесло бы осаждающим почти такие же результаты, как и продолжение боевых, действий. Мало того, могло даже случиться, что во время перемирия у одной или у нескольких из этих крепостей истощились бы все запасы, и им пришлось бы немедленно сдаться блокирующим их войскам, чтобы избежать голодной смерти. Отсюда следует, что граф Бисмарк, хитрый, как всегда, предусматривал использование перемирия для того, чтобы принудить крепости противника к сдаче. Конечно, если бы переговоры продолжались дальше и привели к выработке проекта соглашения, французский штаб обнаружил бы это и обязательно выставил такие требования в отношении тех городов, которые подвергаются обложению, что вся эта затея, вероятно, провалилась бы. Но г-н Жюль Фавр со своей стороны обязан был до конца разобраться в предложении Бисмарка и обнаружить его скрытые замыслы. Если бы он запросил,

* — существующее положение. *Ред.*

каково же будет во время перемирия положение блокированных городов, он не предоставил бы графу Бисмарку возможности выставлять напоказ перед всеми свое фальшивое великодушие, разоблачить которое он оказался не в состоянии, хотя сделать это было вовсе нетрудно. Вместо этого он проявляет такую запальчивость в связи с требованием сдачи Страсбурга и выдачи его гарнизона в качестве военнопленных, что всему миру становится ясным: даже после суровых уроков двух последних месяцев представитель французского правительства не способен оценить действительную обстановку, потому что он все еще находится sous la domination de la phrase*.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1758, 1 октября 1870 г.

* — во власти фразы. *Ред.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XX

Даже после непостижимых ошибок, которые привели к фактическому уничтожению французских армий, вызывает удивление тот факт, что Франция, в сущности, оказалась во власти победителя, захватившего всего лишь одну восьмую ее территории. Часть страны, действительно занятая немцами, ограничена линией, проходящей от Страсбурга до Версаля и от Версаля до Седана. Внутри этой узкой полосы французы еще удерживают крепости Париж, Мец, Монмеди, Верден, Тионвиль, Бич и Фальсбур. Наблюдением за этими крепостями, их блокадой или осадой заняты почти все силы, которые до настоящего времени были направлены во Францию. Возможно, что у немцев остается достаточно конницы, чтобы очистить от противника территорию вокруг Парижа до Орлеана, Руана и Амьена и даже дальше; но об оккупации всерьез какого-нибудь обширного района в настоящий момент и думать нечего. Правда, в Эльзасе, к югу от Страсбурга, сейчас находится около 40000 или 50000 войск ландвера, и численность этой армии может почти удвоиться после присоединения большей части осадного корпуса из-под Страсбурга. Эти войска, по-видимому, предназначаются для продвижения в южную часть Франции: утверждают, что они должны двинуться на Бельфор, Безансон и Лион. Каждая из этих трех крепостей представляет собой большой укрепленный лагерь с отдельными фортами, расположенными на достаточном удалении от главного крепостного вала; осада или даже серьезная блокада сразу всех этих трех крепостей потребовала бы больших сил, чем те, которыми располагает эта армия. Поэтому мы уверены, что это утверждение распространяется просто для отвода глаз и что новая германская армия уделит этим крепостям лишь минимальное-внимание; она вступит в долину Соны, в богатейшую часть Бургундии, опустошит ее, а затем двинется к Луаре, чтобы установить

связь с армией, окружающей Париж, и действовать в зависимости от обстоятельств. Но даже эти крупные силы, пока они не имеют непосредственной связи с армией, находящейся под Парижем, — связи, которая позволит ей обходиться без прямых и самостоятельных коммуникаций с Рейном, — даже эти крупные силы используются только для рейдов и не в состоянии удержать в своем подчинении обширную территорию. Таким образом, их действия в течение ближайших недель не увеличат фактически захваченную немцами французскую территорию, которая по-прежнему будет ограничиваться лишь одной восьмой всей территории Франции; и все-таки Франция, хотя она и не хочет этого признать, фактически завоевана. Как же это стало возможным?

Главной причиной этого является чрезмерная централизация всей системы управления во Франции, особенно военного управления. Вплоть до самого последнего времени Франция была разделена для военных целей на двадцать три округа; в каждом из них, насколько это было возможно, находились гарнизоны, состоящие из одной пехотной дивизии с кавалерией и артиллерией. Между командующими этими дивизиями и военным министерством не было промежуточного звена. Больше того, эти дивизии были просто административными, а не военными организациями. Составлявшие их полки не предполагалось сводить во время войны в бригады; они только в мирное время подчинялись в дисциплинарном отношении одному и тому же генералу. В случае угрозы войны их могли направить в совершенно различные армейские корпуса, дивизии или бригады. Дивизионного штаба, кроме штаба, Выполняющего административные функции, или состоящего лично при командующем генерале, вообще не существовало. При Луи-Наполеоне эти двадцать три дивизии были объединены в шесть армейских корпусов, каждый под командованием маршала Франции. Но эти армейские корпуса, так же как и дивизии, не были постоянными формированиями на случай войны. Они были организованы для политических, а не для военных целей[68]. Настоящего штаба у них не было. Они представляли собой полную противоположность прусским армейским корпусам, каждый из которых имеет постоянную организацию для войны с определенным количеством пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск, а также с военным, санитарным, юридическим и административным штабным управлением, готовым к проведению военной кампании. Во Франции административная часть армии (интендантство и т. д.) получала приказы не от командующего — маршала или генерала, —

а непосредственно из Парижа. Если при таких условиях Париж оказывается парализованным, если коммуникации с ним перерезаны, то в провинциях не остается никакого организующего ядра; они оказываются точно так же парализованы и даже, может быть, в еще большей степени, поскольку освященная столетиями зависимость провинций от Парижа и его инициативы благодаря стародавнему обычаю стала неотъемлемой частью национального символа веры, восставать против которого не только преступление, но и святотатство.

Помимо этой главной причины существует другая, хотя и второстепенная, но в данном случае вряд ли менее важная; она состоит в том, что в результате внутреннего исторического развития Франции ее центр находится в опасной близости к ее северо-восточной границе. Триста лет тому назад это обстоятельство имело гораздо большее значение. Париж тогда находился на окраине страны. Целью почти непрерывного ряда войн против Германии и Испании, когда последняя владела Бельгией, было прикрыть Париж с востока и северо-востока большим пространством завоеванной территории. С того времени, как Генрих II захватил три епископства — Мец, Туль и Верден (1552 г.), — и до революции таким путем были завоеваны и присоединены к Франции Артуа, часть Фландрии и Эно, Лотарингия, Эльзас и Монбельяр, чтобы служить буферами, которые примут на себя первый удар при вторжении, направленном против Парижа. Мы должны признать, что этническая принадлежность, язык и обычаи населения предопределили превращение почти всех этих провинций в неотъемлемую часть Франции, и что Франция — благодаря, главным образом, революции 1789—1798 гг. — сумела полностью ассимилировать и остальные. Но даже и тогда Париж остался подверженным опасности. От Байонны до Перпиньяна и от Антиба до Женевы сухопутная граница страны находится на значительном удалении от Парижа. От Женевы через Базель до Лаутербурга в Эльзасе это расстояние не меняется; граница образует дугу, описанную из Парижа как из центра и имеющую одинаковый радиус в 250 миль. Но в Лаутербурге граница отходит от этой дуги и образует внутри нее хорду, которая в одном месте находится только в 120 милях от Парижа. «La ou le Rhin nous quitte, le danger commence»*, — сказал Лавалле в своем шовинистическом произведении о границах Франции[69]. Но если мы продолжим указанную дугу в северном направлении от Лаутербурга, то мы обнаружим, что она почти точно

* — «Опасность начинается там, где Рейн нас покидает». *Ред.*

проходит по течению Рейна до моря. Вот в чем действительная причина французских притязаний на весь левый берег Рейна. Только после приобретения этой границы Париж будет прикрыт с его наиболее обнаженной стороны одинаково отстоящими от него границами, имея к тому же реку в качестве пограничной линии. И Франция, несомненно, получила бы право на это, если бы руководящим принципом европейской политики была безопасность Парижа в военном отношении. К счастью, дело обстоит не так; и если Франция предпочитает иметь своей столицей Париж, то ей надлежит принять как должное наравне с его преимуществами связанные с этим невыгодные стороны, одной из которых является то, что оккупация небольшой части Франции, включая Париж, парализует ее деятельность как нации. Но если дело обстоит так, если Франция из-за того, что ее столица не защищена, не приобретает право на Рейн, то и Германии следует помнить, что военные соображения подобного характера дают и ей не больше прав претендовать на французскую территорию.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1759, 3 октября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXI

Если верить сообщениям, посланным на воздушном шаре из Парижа, этот город обороняется несметными силами. Там находится от 100000 до 200000 мобилей из провинций, а также 250 батальонов парижской национальной гвардии, каждый из которых насчитывает 1500, а по словам некоторых — до 1800 или 1900 человек, то есть в целом по самым скромным подсчетам 375000 человек; там же находится, по крайней мере, 50000 солдат линейных войск, кроме морской пехоты, матросов, франтиреров и т. д. И, как гласит последнее сообщение, если все эти войска будут выведены из строя, то за ними стоят еще 500000 горожан, способных носить оружие и готовых в случае необходимости занять их место.

Под Парижем находится немецкая армия, состоящая из шести северогерманских армейских корпусов (4-го, 5-го, 6-го, 11-го, 12-го и гвардии), двух баварских корпусов к вюртембергской дивизии, всего восемь с половиной корпусов, насчитывающих приблизительно от 200000 до 230000 человек, во всяком случае не больше. И все же эта немецкая армия, несмотря на то, что она растянута по линии обложения не меньше чем на восемьдесят миль, как известно, удерживает эти несметные силы внутри города, отрезает их пути снабжения, охраняет все дороги и тропинки, ведущие из Парижа, и до сих пор победоносно отражала все вылазки гарнизона. Чем же это объяснить?

Во-первых, вряд ли можно сомневаться в том, что сведения об огромном количестве вооруженных сил в Париже являются плодом фантазии. Если это число в 600000 вооруженных людей, о котором так много говорят, уменьшить до 350000 или 400000, то мы окажемся ближе к истине. Однако нельзя отрицать того, что в Париже находится гораздо больше вооруженных людей для его обороны, чем вне Парижа для атаки этой крепости.

Во-вторых, боевые качества защитников Парижа крайне неодинаковы. Из них мы можем считать действительно надежными войсками лишь морскую пехоту и матросов, которые теперь занимают внешние форты. Линейные войска — обломки армии Мак-Магона, пополненные резервистами, большая часть которых необученные новобранцы, — показали в бою 19 сентября у Мёд она, что они деморализованы. Мобили — сами по себе хороший материал — лишь теперь проходят первоначальное обучение; они плохо укомплектованы офицерским составом и вооружены тремя различными образцами винтовок: винтовкой Шаспо, усовершенствованной и неусовершенствованной винтовками Минье. Никакие усилия, никакие перестрелки с неприятелем не могут придать им за короткий срок той стойкости, которая одна позволила бы им выполнить то, что больше всего необходимо: встретить и разбить противника в открытом поле. Основным недочетом в организации мобилей является недостаток в подготовленных инструкторах, офицерах и унтер-офицерах, что препятствует превращению их в хороших солдат. И все же они, по-видимому, являются лучшим элементом в обороне Парижа; по крайней мере, они, вероятно, готовы подчиняться дисциплине. Местная национальная гвардия имеет чрезвычайно смешанный состав. Батальоны из предместий, состоящие из рабочих, в достаточной мере полны желания и решимости сражаться; они будут повиноваться и проявят своего рода инстинктивную дисциплину, если только ими будут руководить люди, пользующиеся, как лично, так и в политическом отношении, их доверием; но всяким другим начальникам они окажут неповиновение. Кроме того, они не обучены и не имеют подготовленных офицеров, и если дело не дойдет до завершающей борьбы на баррикадах, то их лучшие боевые качества не подвергнутся проверке. Но значительная часть национальной гвардии, которую вооружил Паликао, состоит из буржуазии, преимущественно из мелких торговцев, а эти люди в принципе не любят воевать. Вооружившись, они занимаются тем, что караулят свои лавки и дома; и если неприятель с дальних дистанций подвергнет последние обстрелу, то воинственный пыл этих людей, по всей вероятности, угаснет. К тому же они представляют собой силу, организованную для борьбы не столько с внешним врагом, сколько с врагом внутренним. Все их прошлые традиции говорят об этом, и девять десятых из них убеждены, что такой внутренний враг именно в данный момент скрывается в самом сердце Парижа и ждет только удобного случая, чтобы напасть на них. Большинство из них женатые люди, не привыкшие к лишениям и опасностям;

и, на самом деле, они уже ворчат по поводу суровости службы, которая вынуждает их проводить одну из трех ночей под открытым небом на крепостных валах города. Среди таких войск можно найти роты и даже батальоны, которые при известных обстоятельствах будут вести себя храбро; но, если взять их в целом, на них нельзя положиться, в особенности при регулярной и утомительной службе.

При таких войсках в Париже неудивительно, что окружающие его немецкие войска, далеко не столь многочисленные и к тому же сильно разбросанные, не боятся никаких нападений оттуда. В самом деле, все боевые действия, которые велись до сих пор, показывают, что Парижская армия (если только ее можно так назвать) не способна действовать в полевых условиях. Достаточно типичным было первое большое наступление на блокирующие войска 19 сентября. Корпус генерала Дюкро, насчитывавший около 30000 или 40000 человек, в течение полутора часов сковывали два прусских полка (7-й и 47-й) до тех пор, пока на помощь к ним не подошли два баварских полка, а другая баварская бригада не обрушилась на фланг французов; последние в беспорядке отступили, оставив в руках неприятеля редут, имеющий восемь орудий, и большое количество пленных. Численность немецких войск, участвовавших в этом бою, не могла превышать 15000 человек. С того времени вылазки французов производились совершенно иначе. Они отказались от всяких намерений дать решительное сражение; они высылают небольшие группы для нападения на передовые посты и на другие мелкие отряды; если же бригада, дивизия или более крупное французское соединение выдвигается за линию фортов, то они ограничиваются только демонстрацией. Цель этих боевых действий не столько нанести ущерб неприятелю, сколько на практике обучить французских новобранцев ведению боя. Несомненно, что эти боевые действия постепенно улучшат их подготовку, но лишь незначительная часть трудноуправляемой массы людей, сосредоточенной в Париже, может извлечь пользу из практики, которая проводится в столь ограниченных масштабах.

Воззвание генерала Трошю от 30 сентября ясно показывает, что после боя 19-го числа он полностью отдал себе отчет о качестве войск, находящихся под его командованием. Он, конечно, возлагает вину почти исключительно на линейные части и снисходительно похлопывает по плечу мобилей; но это только доказывает, что он считает их (и правильно считает) лучшей частью войск, находящихся под его командованием. Как его воззвание, так и изменение с того времени тактики определенно

доказывают, что он не питает никаких иллюзий относительно пригодности его войск для действий в открытом поле. Он должен кроме того знать, что все прочие силы, которые могли остаться у Франции под названием Лионской армии[70], Луарской армии и т. д. — имеют точно такой же состав, как и его собственные войска, и что поэтому ему нечего рассчитывать на снятие блокады или осады Парижа армией, которая пришла бы ему на выручку. Поэтому полученное сообщение, будто Трошю в совете министров возражал против предложения о мирных переговорах, кажется удивительным. Сообщение, несомненно, исходит из Берлина, ненадежного источника для беспристрастной информации о том, что происходит в стенах Парижа. Но как бы то ни было, мы не можем поверить, что Трошю надеется на успех. Согласно высказанным им в 1867 г. взглядам на организацию армии[71], он был решительным сторонником полного четырехлетнего срока действительной службы и трехлетнего пребывания в резерве, как это было при Луи-Филиппе. Он даже считал срок службы, принятый у пруссаков, — два или три года — совершенно недостаточным для подготовки хороших солдат. По иронии истории он поставлен теперь в такое положение, когда он ведет войну во главе совсем неопытных, почти необученных и недисциплинированных войск против тех самых пруссаков, которых он еще так недавно считал лишь наполовину подготовленными солдатами; причем он ведет ее после того, как эти пруссаки за один месяц разгромили всю регулярную армию Франции.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1762, 6 октября 1870 г.

ПРИНЦИПЫ ПРУССКОЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ

Несколько недель тому назад мы указывали, что прусская система набора в армию далека от совершенства*. Как заявляют, она делает солдата из каждого гражданина. Согласно официальному прусскому выражению, армия — это но что иное, как «школа, в которой вся нация обучается для войны»; между тем лишь очень небольшой процент населения проходит эту школу. Мы теперь снова обращаемся к этому вопросу, чтобы проиллюстрировать его несколькими точными цифрами.

Согласно данным прусского статистического бюро[72], с 1831 по 1854 г. фактически зачислялось в армию ежегодно в среднем 9,84% молодых людей призывного возраста; годных для службы ежегодно оставалось 8,28%; совершенно негодных к службе вследствие физических недостатков насчитывалось 6,40%; временно негодные, подлежащие переосвидетельствованию в следующем году, составляли 53,28%; остальные или отсутствовали или были отнесены к категориям, численно столь незначительным, что о них не стоит здесь говорить. Таким образом, на протяжении этих двадцати четырех лет через национальную военную школу не прошло и одной десятой части молодых граждан; и это называется «вооруженный народ»![73]

За 1861 г. имеются следующие цифры: двадцатилетних молодых людей призыва 1861 г. было 217438; молодых людей предыдущих призывов, отпущенных до особого распоряжения, — 348364; всего — 565802. Из них отсутствовало 148946, или 26,32%; совершенно негодных к службе было 17727, или 3,05%; зачисленных в эрзац-резерв[74], то есть освобожденных от службы в мирное время, но подлежащих призыву во время войны, — 76590, или 13,50%; освобожденных до будущего

* См. настоящий том, стр. 105—106. *Ред.*

переосвидетельствования вследствие временной негодности — 230236, или 40,79%; освобожденных по другим причинам — 22369, или 3,98%; оставалось для призыва 69934 человека, или 12,36%; а из них только 59459, или 10,50%, были действительно призваны в ряды армии.

С 1866 г. процент ежегодно призываемых в армию, несомненно, стал выше, но он не мог увеличиться в сколько-нибудь значительной степени; в настоящее время в лучшем случае 12% или 13% мужского населения Северной Германии проходит военную службу. Это, конечно, резко противоречит восторженным сообщениям «специальных корреспондентов» во время мобилизации в Германии. По их словам, каждый физически годный к службе мужчина надевал мундир, брал на плечо винтовку или садился на коня; всякая деловая жизнь замерла; фабрики закрылись, лавки были заперты на замок, урожай остался на полях неубранным; все производство приостановилось и вся торговля прекратилась — фактически наступало состояние «временного отсутствия признаков жизни». Если бы такое невероятное напряжение всех сил нации продолжалось хотя бы несколько месяцев, это неизбежно должно было бы привести к ее полному истощению. Гражданское население, конечно, превращалось в солдат в таких масштабах, которые люди, живущие вне Германии, не могли себе представить; но если те же самые писатели посмотрят на Германию теперь, после того как свыше миллиона людей оторвано от гражданской жизни, то они увидят, что фабрики работают, урожай убран, лавки и конторы открыты. Если производство и приостановилось, то приостановилось оно из-за недостатка заказов, а не вследствие недостатка рабочих рук; на улицах можно видеть много здоровых парней, так же способных носить оружие, как и те, которые ушли во Францию.

Все это объясняют вышеприведенные цифры. Количество людей, прошедших через армию, конечно, не превышает 12% всего взрослого мужского населения. Поэтому при мобилизации из него не может быть призвано больше 12%, и целых 88% остается дома; часть их, конечно, была призвана в ходе войны для восполнения потерь, причиненных сражениями и болезнями. Это составит еще 2% — 3% за полгода; все же огромное большинство мужчин никогда не призывается. «Вооруженный народ» — это сплошная фикция.

Причину этого мы указывали раньше. До тех пор, пока прусская династия и прусское правительство будут продолжать свою традиционную политику, им нужна армия, являющаяся послушным орудием этой политики. Согласно опыту

Пруссии, для подготовки обычного штатского к такого рода службе необходимо, чтобы он находился в рядах армии в течение трех лет. Даже самые упрямые военные педанты Пруссии никогда серьезно не утверждали, что пехотинцы, — а они составляют главную массу армии, — не смогут за два года усвоить всех своих военных обязанностей, но, как указывалось в дебатах в палате за 1861—1866 гг., истинный военный дух и привычка к безусловному повиновению приобретаются только на третьем году. А при установленной сумме военного бюджета, чем дольше солдаты служат, тем меньшее количество рекрутов можно превратить в солдат. В настоящее время при трехгодичном сроке службы в армию ежегодно вступает 90000 рекрутов; при двухгодичном сроке можно ежегодно призывать и обучать 135000, а при восемнадцатимесячном — 180000 человек. Из приведенных нами цифр ясно, что для этого имеется вполне достаточное количество физически годных людей, и еще более очевидным это станет из последующего. Мы видим, таким образом, что фраза о «вооруженном народе» служит прикрытием для создания большой армии в целях проведения олигархической внешней и реакционной внутренней политики. «Вооруженный народ» был бы отнюдь не подходящим орудием для целей Бисмарка.

Население Северогерманского союза достигает почти 30000000 человек. Штаты его армии военного времени составляют в круглых цифрах 950000 человек, то есть лишь 3,17% населения. Число молодых людей, достигающих двадцатилетнего возраста, составляет ежегодно около 1,23% населения или, скажем, 360000 человек. Из них, если судить по опыту второстепенных германских государств, добрая половина может быть использована — тотчас же или в течение двух последующих лет — для службы в действующей армии; это составляет 180000 человек. Значительная часть остальных годна для несения гарнизонной службы; но их мы пока можем не принимать в расчет. Прусская статистика, по-видимому, расходится с этими данными, но прусские статистические данные по очевидным причинам должны группироваться так, чтобы результат по видимости соответствовал иллюзии о «вооруженном народе». Однако и здесь истина обнаруживается. В 1861 г., кроме 69934 человек, годных для службы в армии, имелось 76590 человек, зачисленных в эрзац-резерв, что в целом составляет 146524 человека, годных к службе; из них только 59459, или 40%, были зачислены в ряды армии. Во всяком случае, мы можем с полной уверенностью признать, что половина молодых людей годна для

службы в армии. В таком случае в кадровые войска могли бы ежегодно вступать 180000 рекрутов, оставаясь затем в течение 12 лет военнообязанными, как и в настоящее время. Это дало бы 2160000 обученных солдат — число, больше чем вдвое превышающее нынешние штаты армии, даже если полностью учитывать всю убыль вследствие смерти и других причин. Если же другая половина молодых людей по достижении ими двадцатипятилетнего возраста была бы снова освидетельствована, то из них можно было бы набрать еще 500000— 600000, если не больше, хороших гарнизонных войск. От 6% до 8% населения, заранее обученных и дисциплинированных, подлежащих призыву в случае нападения, с кадровым составом для всех них, который содержался бы и в мирное время, как это теперь и практикуется, — вот это действительно был бы «вооруженный парод»; но это не была бы армия для ведения войн в интересах правящей олигархии, для осуществления завоеваний или для проведения реакционной политики внутри страны.

Все же это означало бы просто превращение прусских фраз в действительность. Если одно лишь подобие вооруженного народа обладает такой силой, то какой же мощью обладал бы подлинный вооруженный народ? И мы можем быть уверены в том, что Франция в той или иной форме превратит это подобие в действительность, если Пруссия, настаивая на завоеваниях, вынудит ее к этому. Она организуется в нацию солдат и через несколько лет сможет так же удивить Пруссию подавляющей численностью своих войск, как этим летом Пруссия удивила весь мир. Но разве Пруссия не может сделать того же? Конечно может, но тогда она перестанет быть нынешней Пруссией. Она выиграет в силе обороны, но в то же время потеряет в силе нападения; у нее будет больше солдат, но эти солдаты в начале войны не будут в такой же степени готовы ко вторжению; Пруссии придется отказаться от всякой мысли о завоеваниях, а что касается ее нынешней внутренней политики, то последняя подверглась бы серьезной опасности.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1764, 8 октября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXII

В одной из наших предыдущих заметок мы обращали внимание на тот факт, что даже теперь, после падения Страсбурга, почти вся огромная германская армия во Франции используется полностью, хотя вторгшиеся войска не заняли и одной шестой территории страны*. Вопрос этот настолько важен, что мы считаем себя вправе к нему вернуться.

Под Мецем, внутри линии фортов которого заперта армия Базена, занято восемь армейских корпусов (1-й, 2-й, 3-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, гессенская дивизия, дивизия ландвера генерала Куммера), что составляет всего шестнадцать пехотных дивизий. Под Парижем занято семнадцать пехотных дивизий (гвардия, 4-й, 5-й, 6-й, 11-й, 12-й северогерманские, 1-й и 2-й баварские корпуса и вюртембергская дивизия). Вновь сформированные 13-й и 14-й корпуса, состоящие большей частью из ландвера, и несколько отрядов из уже упомянутых корпусов оккупируют завоеванную территорию и держат под своим наблюдением, блокируют или осаждают те расположенные на ней крепости, которые все еще находятся в руках французов. Для активных действий немцы имеют в своем распоряжении только 15-й корпус (баденская дивизия и, по крайней мере, одна дивизия ландвера), освободившийся вследствие капитуляции Страсбурга. Этот корпус должен получить пополнение из свежих войск ландвера и затем предпринять какие-то действия, характер которых пока еще определенно неизвестен, в направлении, проходящем южнее.

В настоящий момент эти силы включают почти все организованные войска, которыми располагает Германия, за одним очень важным исключением, а именно за исключением четвертых линейных батальонов. В противоположность тому, что

* См. настоящий том, стр. 116—117. *Ред.*

было сделано во время австрийской войны, когда они были двинуты против неприятеля, эти 114 батальонов на этот раз оставлены в стране; согласно их первоначальному назначению, они служат в качестве кадров для обучения и формирования личного состава, призванного восполнить потери, которые, вероятно, понесли их соответствующие полки в боях или от болезней. Как только тысяча солдат, составляющих батальон, достаточно обучена для несения боевой службы на фронте, их отправляют для включения в состав трех полевых батальонов полка; в широком масштабе это было проведено в середине сентября, после жестоких боев у Меца. Но офицеры и унтер-офицеры батальона остаются на месте, готовые принять и подготовить к боевым действиям новую группу в тысячу солдат, взятых из эрзац-резерва или из новобранцев очередного призыва. Эта мера была абсолютно необходимой во время такой кровопролитной войны, как настоящая, конца которой нельзя с уверенностью предсказать; но в данный момент она лишает немцев возможности использовать в действующей армии 114 батальонов и соответствующее количество кавалерии и артиллерии, в общей сложности 200000 человек. За исключением этих сил, все немецкие войска целиком заняты оккупацией менее чем одной шестой части Франции и обложением двух крупных крепостей на этой территории — Меца и Парижа, так что для дальнейших действий вне пределов уже завоеванной территории у немцев остается самое большее 60000 человек. И это в то время, когда у Франции вне крепостей совсем нет армии для того, чтобы оказать серьезное сопротивление.

Если вообще нужны были доказательства того огромного значения, которое в современной войне имеют большие укрепленные лагери с крепостью в качестве их основного ядра, то здесь они налицо. При случае мы покажем, что оба укрепленных лагеря, о которых идет речь, были использованы осажденными вовсе не наилучшим образом. Гарнизон Меца чересчур велик, если принять в расчет размеры и значение этой крепости, а в Париже почти совсем нет настоящих войск, пригодных для действий в полевых условиях. И все-таки первая из этих крепостей в настоящее время приковывает к себе, по крайней мере, 240000, а вторая 250000 войск противника; и, если бы у Франции было за Луарой хотя бы 200000 настоящих солдат, осада Парижа стала бы невозможной. К несчастью для Франции, она не располагает этими 200000 солдат; и по всей вероятности, они вообще не будут собраны, организованы и приучены к дисциплине в течение того времени, когда они нужны. Таким образом, падение этих двух крупных центров обороны является

вопросом всего лишь нескольких недель. До сих пор армия Меца изумительно хорошо поддерживала свою дисциплину и свои боевые качества, но отпор, который постоянно встречают ее атаки, должен, в конце концов, уничтожить всякую надежду на спасение. Французские солдаты — превосходные защитники крепостей, и они могут переносить поражения во время осады гораздо лучше, чем поражение в поле; но, если среди них начинается деморализация, то она распространяется быстро и непреодолимо. Что касается Парижа, то мы не будем слишком буквально толковать слова г-на Гамбетты о том, что там имеется 400000 человек национальной гвардии, 100000 мобилей и 60000 линейных войск, так же как и его заявления относительно бесчисленного количества орудий и митральез, изготовляемых сейчас в Париже, или об огромной мощи баррикад. Однако нет сомнения, что у Парижа достаточно возможностей для весьма солидной обороны, хотя эта оборона, неизбежно пассивная в силу характера его гарнизона, и будет лишена своего сильнейшего элемента — мощных атак против осаждающего неприятеля.

Во всяком случае, совершенно ясно, что если бы у французов был жив подлинный национальный энтузиазм, то можно было бы еще всего добиться. В то время как все вторгшиеся силы противника, кроме 60000 солдат и кавалерии, которая может производить только набеги, но не в состоянии покорить неприятеля, прикованы к захваченной территории, на оставшихся пяти шестых территории Франции можно было бы сформировать достаточное количество вооруженных отрядов для того, чтобы тревожить немцев повсюду, прерывать их коммуникации, разрушать мосты и железные дороги, уничтожать продовольствие и боевые припасы у них в тылу и тем самым заставить их выделить из обеих больших армий такое количество войск, что Базен мог бы найти способ прорваться из Меца, а обложение Парижа стало бы призрачным. Уже сейчас движение этих вооруженных отрядов является для немцев источником серьезного беспокойства, хотя пока оно опасности не представляет, и это беспокойство будет расти по мере того, как продовольствие и другие запасы на территории вокруг Парижа будут истощаться и немцам придется прибегать к реквизициям в более отдаленных районах. Новая немецкая армия, формирующаяся в настоящее время в Эльзасе, вскоре, вероятно, была бы отозвана из какой бы то ни было экспедиции в южном направлении в связи с необходимостью для немцев обеспечить свои коммуникаций и покорить большую территорию вокруг Парижа. Но какова была бы

судьба немцев, если бы французский народ оказался охваченным таким же фанатическим национальным воодушевлением, как испанцы в 1808 г.[75], если бы каждый город и почти каждое селение были превращены в крепость, каждый крестьянин и горожанин — в бойца? Даже 200000 солдат четвертых батальонов не хватило бы для покорения такого народа. Но теперь такое фанатическое национальное воодушевление не в обычаях цивилизованных наций. Его можно встретить среди мексиканцев и турок; в Западной Европе, поглощенной денежной наживой, его источники иссякли, а двадцать лет, в течение которых над Францией тяготел кошмар Второй империи, отнюдь не закалили ее национальный характер. В итоге мы слышим много разговоров, но видим мало дела; мы видим много показного и почти полное пренебрежение к организации; очень мало действительного сопротивления и очень много покорности врагу; очень мало настоящих солдат и огромное количество франтиреров.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1766, 11 октября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXIII

Офицеры прусского штаба в Берлине, по-видимому, начинают терять терпение. Через берлинских корреспондентов «Times» и «Daily News»[76] они сообщают нам, что под Парижем уже в течение нескольких дней подготовлены осадные средства и что вскоре начнется осада. У нас есть сомнения относительно этой готовности. Во-первых, нам известно, что несколько туннелей на единственной пригодной для использования железнодорожной линии были взорваны вблизи Ла-Ферте-су-Жуар отступавшими французами и что они до сих пор еще не восстановлены; во-вторых, нам также известно, что средства для правильной и эффективной осады такой громадной крепости, как Париж, настолько огромны, что требуется длительное время, чтобы сосредоточить их, даже если железнодорожный путь оставался бы все время открытым; и, в-третьих, хотя после этого сообщения из Берлина прошло уже пять или шесть дней, однако мы еще не слышали о том, что заложена первая параллель. Поэтому мы должны сделать заключение, что под готовностью начать осаду, или правильную атаку, следует понимать готовность начать несистематическую атаку, то есть бомбардировку.

Однако для бомбардировки Парижа с какими-нибудь шансами на то, чтобы принудить его сдаться, потребовалось бы гораздо больше орудий, чем для правильной осады. В последнем случае можно ограничить атаку одним или двумя пунктами линии обороны; при бомбардировке необходимо непрерывно разбрасывать по всему громадному пространству города такое количество снарядов, чтобы вызвать повсюду большее количество пожаров, чем население в состоянии потушить, и чтобы сделать борьбу с пожарами слишком опасной. А ведь мы видели, что даже Страсбург с 85000 жителей смог отлично выдержать бомбардировку, почти беспримерную по своей жестокости, и что,

за исключением нескольких отдельных и весьма точно ограниченных районов, которыми пришлось пожертвовать, пожары там успешно удавалось приостановить. Это объясняется сравнительно большими размерами города. Небольшую крепость с пятью или десятью тысячами жителей легко заставить капитулировать бомбардировкой, если только в ней нет большого количества убежищ с укрытиями от бомб, но город с 50000— 100000 жителей может выдержать сильный обстрел, особенно, если он построен, как большинство французских городов, из каменных плит или если дома имеют толстые кирпичные стены. Париж внутри линии укреплений занимает площадь размером двенадцать на десять километров; в пределах старых застав[77], где находится наиболее тесно застроенная часть города, — размером девять на семь километров, то есть эта часть города охватывает пространство приблизительно в пятьдесят миллионов квадратных метров, или около шестидесяти миллионов квадратных ярдов. Для того чтобы выпустить на каждую тысячу квадратных ярдов этой поверхности в среднем один снаряд в час, потребовалось бы 60000 снарядов в час, или полтора миллиона снарядов в сутки, что предполагает применение для этой цели, по крайней мере, 2000 тяжелых орудий. Однако выпускать один снаряд в час на площадь почти в сто футов длины при ста футах ширины — означало бы вести слабую бомбардировку. Правда, временно можно было бы сосредоточить огонь на одном или нескольких кварталах до тех пор, пока они не будут полностью разрушены, а затем перенести его на соседние кварталы; однако для того чтобы эта бомбардировка была эффективной, ее нужно продолжать в течение почти такого же или даже большего времени, как и правильную осаду, причем безусловно с меньшей уверенностью что в результате этого крепость будет вынуждена сдаться.

Кроме того, Париж, пока его форты не сдались, фактически находится вне пределов, доступных для эффективной бомбардировки. Ближайшие высоты вне города, которые находятся теперь в руках осаждающих, вблизи Шатильона, отстоят от Пале де Жюстис[78], который расположен почти точно в центре города, на целые 8000 метров = 8700 ярдам, или пять миль. С южной стороны это расстояние повсюду будет примерно таким же. На северо-востоке линия фортов удалена на 10000 метров, или свыше 11000 ярдов от центра города, поэтому любая из бомбардирующих батарей в этом районе должна была бы размещаться на 2000 ярдов дальше, то есть в семи-восьми милях от Пале де Жюстис. На северо-западе город настолько хорошо защищен излучинами Сены и фортом

Мон-Валерьен, что бомбардирующие батареи можно было бы установить только в сомкнутых редутах или в сооруженных по всем правилам параллелях, то есть не раньше начала правильной осады, для которой эта бомбардировка, как мы полагаем, является предварительной подготовкой.

Теперь не может быть сомнений в том, что из прусских тяжелых нарезных пушек калибром в пять, шесть, семь, восемь и девять дюймов, выбрасывающих снаряды весом от двадцати пяти до трехсот и более фунтов, возможна стрельба на расстояние пяти миль. В 1864 г. у Гаммельмарка нарезные 24-фунтовые пушки бомбардировали Зондербург[79] на расстоянии в 5700 шагов = 4750 ярдам, или почти в три мили, хотя это были старые бронзовые пушки, которые могли выдержать пороховой заряд не больше чем в 4 или 5 фунтов при снаряде весом в 68 фунтов. Угол возвышения неизбежно был значительным, и приходилось специально приспосабливать лафет, который сломался бы при употреблении более сильных зарядов. Современные прусские пушки из литой стали могут выдержать заряды гораздо большего веса по отношению к весу их снарядов, но для того чтобы достигнуть дальности в пять миль, угол возвышения все же должен быть весьма значительным, и нужно было бы соответственно переделать лафеты, а если их использовать для целей, для которых они не приспособлены, то они быстро пришли бы в негодность. Ничто так быстро не разрушает лафета, как стрельба с полными зарядами даже при таких незначительных углах возвышения, как пять—шесть градусов, между тем, в данном случае угол возвышения в среднем равнялся бы по крайней мере пятнадцати градусам, и лафеты были бы совершенно разрушены так же быстро, как и дома в Париже. Но если даже не принимать во внимание это затруднение, то все же бомбардировка Парижа батареями, находящимися на расстоянии пяти миль от центра города, в лучшем случае могла бы явиться только частью дела. Разрушений было бы достаточно, чтобы озлобить, но недостаточно, чтобы устрашить. На таких дистанциях снаряды нельзя направлять с достаточной точностью в какую-нибудь определенную часть города. Даже если бы были даны указания избегать обстрела определенных районов, вряд ли удалось бы уберечь больницы, музеи, библиотеки, как бы хорошо они ни были заметны с высот, на которых могли бы находиться батареи. Военные здания, арсеналы, магазины и склады нельзя было бы наметить для разрушения с достаточной уверенностью, даже если бы они были видны осаждающим; таким образом, отпало бы обычное оправдание бомбардировки тем, что ее целью яв-

ляется разрушение оборонительных средств осажденных. Все сказанное выше основывается на предположении, что осаждающие располагают средствами для действительно серьезной бомбардировки, то есть, примерно, двумя тысячами нарезных пушек и мортир крупных калибров. Но если, как мы в данном случае предполагаем, немецкий осадный парк составляет примерно четыреста или пятьсот орудий, то этого будет недостаточно для того, чтобы произвести на город такое впечатление, которое сделает вероятной его сдачу.

Хотя все еще считается, что законы войны допускают бомбардировку крепости, — эта мера все же приносит так много страданий гражданскому населению, что история осудит всякого, кто в наше время прибегнет к бомбардировке, не имея достаточных шансов добиться таким путем сдачи крепости. У нас вызывает улыбку шовинизм Виктора Гюго, который считает Париж священным городом — в высшей степени священным! — а всякую попытку атаковать его — святотатством. Мы смотрим на Париж, как на любой другой укрепленный город, и если он предпочитает обороняться, то ему придется испытать и все опасности, сопряженные с правильной атакой, с применением осадных траншей и осадных батарей, а также с действием случайных снарядов, попадающих в невоенные здания. Но если бомбардировка Парижа все-таки будет иметь место, несмотря на то, что одной только бомбардировкой нельзя принудить город к сдаче, это будет военной ошибкой, ответственность за которую немногие возложили бы на штаб Мольтке. Скажут, что Париж был подвергнут бомбардировке из политических, а не из военных соображений.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1768, 13 октября 1870 г.

СУДЬБА МЕЦА

Если верить сообщениям из Берлина, прусский штаб, по-видимому, предполагает, что Париж будет взят раньше Меца. Но это мнение, очевидно, основано в такой же мере на политических, как и на военных соображениях. Волнения в Париже, которых ожидал граф Бисмарк, еще не начались; однако рассчитывают, что, как только над городом раздастся грохот тяжелой артиллерии осаждающих, там безусловно вспыхнут раздоры и гражданская война. До сих пор парижане не подтвердили мнения о них, которого придерживаются в немецкой главной квартире; возможно, что они не подтвердят его до самого конца. А если так, то расчеты на взятие Парижа к концу этого месяца почти наверное окажутся иллюзией, и Мецу, может быть, придется сдаться раньше Парижа.

Как крепость, Мец несравненно сильнее Парижа. Последний укреплен с расчетом на то, что вся или, по крайней мере, большая часть разбитой французской армии отступит к нему и будет вести оборону посредством непрерывных нападений на неприятеля, чьи попытки обложить город неизбежно ослабят его в каждой точке той длинной линии, которую он вынужден будет занять. Поэтому оборонительная сила парижских укреплений не особенно велика, и это вполне естественно. Принятие заранее мер на тот случай, который имеет место теперь в результате ошибок бонапартистской стратегии, увеличило бы стоимость укреплений до огромной суммы, а срок обороны благодаря этому можно было бы продлить едва ли больше чем на две недели. Кроме того, можно значительно усилить крепостные сооружения возведением во время осады или до нее земляных укреплений. С Мецем дело обстоит совсем иначе. Современное поколение унаследовало Мец от Кормонтеня и других выдающихся инженеров прошлого столетия как очень сильную крепость, — сильную своими оборонительными соору-

жениями. Вторая империя дополнила их поясом из семи очень больших отдельных фортов на расстоянии от двух с половиной до трех миль от центра города, для того чтобы защитить город от бомбардировки даже нарезными орудиями и превратить всю крепость в большой укрепленный лагерь, уступающий только Парижу. Поэтому осада Меца была бы весьма продолжительной операцией, даже если бы город удерживал только обычный гарнизон военного времени. Но осада была бы почти невозможной при наличии 100000 человек, которые теперь находятся под прикрытием его фортов. Полоса, все еще остающаяся в распоряжении французов, простирается на целые две мили за линию фортов; чтобы оттеснить французов назад к линии фортов и овладеть местностью, где должны быть вырыты траншеи, потребовался бы ряд таких рукопашных боев, какие наблюдались только под Севастополем; и если предположить, что гарнизон не окажется деморализованным постоянными боями и осаждающих не сломят столь большие жертвы людьми, то борьба может продолжаться многие месяцы. Поэтому-то немцы и не пытались вести правильную осаду, а стараются принудить крепость к сдаче голодом. Армия в 100000 человек, а также примерно 60000 городского населения и многочисленные сельские жители, искавшие убежища за фортами, рано или поздно должны истощить запасы продовольствия, если только блокада будет поддерживаться строго; есть шансы, что даже раньше, чем это произойдет, деморализация среди гарнизона вынудит крепость сдаться. Когда какая-либо армия видит, что она прочно заперта, что все попытки прорваться через кольцо обложения бесплодны, а все надежды на помощь извне рухнули, — то даже самая лучшая армия будет постепенно терять дисциплину и сплоченность под влиянием страданий, лишений, трудностей и опасностей, переносить которые приходится явно только для поддержания чести знамени.

В течение некоторого времени мы тщетно старались увидеть симптомы такой деморализации. Запасы продовольствия внутри города оказались гораздо более значительными, чем предполагалось, и, следовательно, армия Меца имела их довольно длительное время. Но эти запасы, хотя и обильные, были, по-видимому, плохи по своему ассортименту, что совершенно естественно, так как для армии они представляли собой случайные припасы, оставшиеся в городе и никогда не предназначавшиеся для той цели, для которой их теперь приходится использовать. В результате этого пища солдат становится, в конце концов, не только отличной от той, к которой они

привыкли, но и совершенно ненормальной и вызывает разного рода заболевания, которые день ото дня делаются тяжелее, поскольку причины этих заболеваний с каждым днем действуют все сильнее и сильнее. По-видимому, эта стадия блокады теперь наступила. К продуктам, которых не хватает в Меце, относятся хлеб, основная и обычная пища французских крестьян, и соль. Последняя абсолютно необходима для поддержания здоровья, а так как французы потребляют крахмал в качестве жирообразующего продукта почти исключительно в виде хлеба, то о нем можно сказать то же самое, что и о соли. То, что солдаты и жители вынуждены питаться преимущественно мясом, вызвало, как говорят, дизентерию и цингу. Не слишком полагаясь на сообщения дезертиров, которые обычно говорят то, что, по их мнению, понравится захватившим их в плен, мы можем все же поверить, что дело обстоит так, ибо именно это и должно произойти при таких обстоятельствах. Само собой разумеется, что по этой причине вероятность наступления деморализации должна быстро возрастать.

Весьма способный корреспондент «Daily News», находящийся под Мецем, сообщает в своем описании вылазки Базена 7 октября, что, после того как французы заняли деревни севернее форта Сент-Элуа (к северу от Меца, в долине Мозеля), у реки, ближе к их правому флангу, была образована группа численностью не менее 30000 солдат, которая двинулась против немцев. Эта колонна или группа колонн была, очевидно, предназначена для прорыва через кольцо обложения. Такая задача требовала чрезвычайной решительности. Колоннам пришлось бы войти прямо в полукруг, образованный войсками и батареями, сосредоточившими бы на них огонь; сила этого огня возрастала бы вплоть до момента непосредственного соприкосновения с массами войск противника, и тогда, если бы французам удалось разгромить их, она сразу значительно уменьшилась бы, но, если бы им пришлось отступить, они вторично подверглись бы такому же перекрестному обстрелу. Солдаты, по-видимому, понимали это; к тому же Базен для этих действий, требовавших высшего напряжения сил, вероятно, использовал самые лучшие свои войска. Говорят, однако, что они даже не добрались до сферы действия ружейного огня массы немецких войск. Прежде чем они достигли критической точки, огонь артиллерии и цепи стрелков расстроил их ряды: «густые колонны сперва дрогнули, а затем рассыпались».

Впервые за эту войну мы слышали подобное о людях, которые были в состоянии храбро противостоять как жаркому

огню, так и холодной стали у Вьонвиля, Гравелота и во время последних вылазок. Эта неспособность даже попытаться как следует выполнить порученную им задачу, по-видимому, показывает, что армия Меца уже не та, какой она была прежде. Это, вероятно, не является еще признаком деморализации, а лишь свидетельствует об упадке духа и чувстве безысходности, о сознании бесполезности всяких попыток. От такого состояния недалеко и до подлинной деморализации, в особенности французским солдатам. И хотя по этим признакам было бы преждевременно предсказывать быстрое падение Меца, но все же будет достойным удивления, если мы вскоре не обнаружим других симптомов, указывающих на то, что оборона Меца слабеет.

Сдача Меца оказала бы гораздо меньшее моральное, но гораздо большее материальное влияние на ход войны, чем падение Парижа. Если будет взят Париж, Франция, может быть, и сдастся, но необходимости в этом было бы не больше, чем теперь. Ибо для удержания Парижа и его окрестностей потребовалась бы подавляющая часть тех войск, которые облагают сейчас этот город, и более чем сомнительно, чтобы немцы смогли выделить достаточное количество войск для продвижения до Бордо. Но, если бы капитулировал Мец, освободилось бы более 200000 немцев, а такой армии при нынешнем состоянии французских войск, находящихся вне крепостей, вполне достаточно, чтобы двинуться по незащищенной стране куда угодно и делать там что угодно. Немедленно снова началось бы дальнейшее расширение оккупации, которую задерживали два больших укрепленных лагеря, а всякие попытки ведения партизанской войны, которые в настоящий момент могут быть весьма эффективными, были бы тогда быстро подавлены.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1771, 17 октября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXIV

Обложение Парижа продолжается ровно месяц. За это время в отношении двух касающихся его обстоятельств наши предсказания* получили свое подтверждение на практике. Во-первых, Парижу нечего надеяться на своевременное освобождение извне какой-либо французской армией. В Луарской армии крайне недостаточно кавалерии и полевой артиллерии, а ее пехота, за ничтожным исключением, состоит либо из молодых, либо из деморализованных старых войск, плохо укомплектованных офицерским составом; эти войска полностью лишены той сплоченности, которая одна только и могла бы сделать их пригодными для того, чтобы встретиться в открытом поле с бывалыми, окрыленными постоянным успехом солдатами, которых ведет на них фон дер Танн. Даже если бы Луарская армия была увеличена до 100000 или 120000 человек, что еще возможно сделать до падения Парижа, она не была бы в состоянии снять обложение. Благодаря огромному превосходству в кавалерии и полевой артиллерии, которые в значительных размерах могут быть взяты из-под Парижа, как только туда прибудет осадный парк с артиллерийской прислугой, а также благодаря превосходству своей пехоты по качеству солдат немцы, не опасаясь результатов, могут встретить такую армию численно меньшими силами. Кроме того, в этом случае в подкрепление фон дер Танну временно могли бы быть посланы войска, которые теперь очищают от противника территорию в 50—60 миль к востоку и к северу от Парижа, а также одна или две дивизии из армии обложения. Что же касается Лионской армии, то, если какая-нибудь ее часть и существует в действительности, она будет полностью занята действиями против 14-го северогерманского корпуса генерала Вердера, находя-

* См. настоящий том, стр. 122—123. *Ред.*

щегося теперь в Эпинале и Везуле, и 15-го корпуса, который следует в тылу 14-го или на его правом фланге. Северная армия, под командованием Бурбаки, еще не сформирована. По всем имеющимся сведениям, мобили в Нормандии и Пикардии испытывают крайний недостаток в офицерах и очень плохо обучены; местная же национальная гвардия, да, вероятно, также и большая часть мобилей потребуются для гарнизонной службы в двадцати пяти или более крепостях, сосредоточенных на пространстве между Мезьером и Гавром. Таким образом, с этой стороны вряд ли можно ожидать действенной помощи, и Парижу придется полагаться только на свои собственные силы.

Во-вторых, выяснилось, что гарнизон Парижа не в состоянии вести наступательные действия в широком масштабе. Этот гарнизон состоит из тех же элементов, что и войска вне Парижа, и ему также не хватает кавалерии и полевой артиллерии. Три вылазки 19 и 30 сентября и 13 октября полностью доказали его неспособность произвести сколько-нибудь серьезное давление на обложившие город войска. По заявлению осаждающих, «французы так и не смогли прорвать даже нашу первую линию». Хотя генерал Трошю публично заявляет, что его нежелание атаковать противника в открытом поло вызывается недостатком полевой артиллерии и что он не выйдет снова из крепости до тех пор, пока не будет обеспечен ею, он не может не знать, что никакая полевая артиллерия в мире не могла бы предотвратить исхода его первой вылазки en masse*, закончившейся полным разгромом. А к тому времени, когда его полевая артиллерия может быть готова, — если это не просто отговорка, — огонь немецких батарей против фортов и замкнувшаяся линия обложения сделают применение ее в открытом поле невозможным.

По-видимому, это хорошо известно Трошю и его штабу, Все их мероприятия говорят о чисто пассивной обороне, уже без каких-либо крупных вылазок, кроме тех, которые могут быть необходимы для удовлетворения настойчивых требований недисциплинированного гарнизона. Валы фортов не смогут долго выдержать обстрела из тяжелых германских орудий, о которых подробнее будет сказано ниже. Возможно, что двух или трех дней, как надеется берлинский штаб, будет достаточно, чтобы уничтожить орудия на валах южных фортов, разбить в одном — двух местах каменную облицовку их эскарпов перекидным огнем со значительного расстояния, а затем подвергнуть

* — массовой, крупными силами. *Ред.*

их штурму, в то время как огонь батарей с господствующих высот помешает укреплениям, расположенным в тылу тортов, оказать им действенную помощь. Ни конструкция фортов, ни характер местности нисколько не препятствуют этому. Во всех фортах вокруг Парижа эскарп, то есть внутренняя сторона рва или внешний фас вала, выложен камнем только до уровня горизонта, что обычно считается недостаточным для того, чтобы предохранить укрепления от штурма с помощью лестниц. Это уклонение от общего правила оправдывалось предположением, что какая-либо армия всегда будет вести активную оборону Парижа. В данном случае это может даже оказаться преимуществом, так как перекидным огнем батарей трудно попасть в низкую каменную облицовку, которая с батарей не видна. Таким образом, образование бреши со значительного расстояния окажется еще более трудным делом, если только с высот, на которых расположены эти батареи, нельзя будет вести навесной стрельбы прямой наводкой; но судить об этом можно только на месте.

Во всяком случае, не следует ожидать, что сопротивление этих южных фортов, над которыми господствуют высоты и которые находятся в зоне наиболее действенного огня тяжелой нарезной артиллерии, будет длительным. Однако непосредственно за этими фортами, между фортами и крепостной оградой, гарнизон, главным образом, и проявлял активность. Повсюду были сооружены многочисленные земляные укрепления; и хотя, разумеется, мы не знаем всех деталей, но можно быть уверенным, что они спланированы и построены со всей той тщательностью, предусмотрительностью и умением, благодаря которым французские инженеры в течение двухсот с лишним лет занимают место в самых первых рядах. Очевидно, здесь и находится местность, выбранная обороняющимися для боевых действий, — местность, где овраги и скаты холмов, фабрики и селения, построенные большей частью из камня, облегчают работу инженера и благоприятствуют сопротивлению молодых и лишь наполовину дисциплинированных войск. Мы думаем, что именно здесь немцам предстоит наиболее трудная работа. Действительно, нам сообщают через «Daily News» из Берлина, что немцы удовлетворятся захватом части фортов, предоставив голоду довершить остальное. Но мы полагаем, что они не получат этой возможности, если только они не взорвут фортов и не отойдут снова на свои теперешние позиции, ограничиваясь лишь обложением; а если они это и сделают, то французы с помощью контрапрошей постепенно могут вернуть потерянную территорию. Поэтому мы предполагаем, что все форты, которые

немцы смогут захватить, они намерены удерживать как удобные артиллерийские позиции, которые можно использовать для обстрела, запугивая жителей случайными снарядами, или же для настолько интенсивной бомбардировки, какую они только сумеют вести имеющимися у них средствами. А в этом случае они не смогут уклониться от боя, предложенного им обороняющимися на выбранной последними и подготовленной для этой цели местности, потому что форты будут находиться в сфере близкого и действенного огня новых укреплений. Здесь мы, быть может, будем свидетелями последней в этой войне схватки, представляющей какой-то научный интерес, может быть даже наиболее интересной для военной науки. Здесь обороняющиеся снова получат возможность вести наступательные действия, хотя и в меньшем масштабе, и, восстановив таким образом до известной степени равновесие борющихся сил, они смогут продлить сопротивление до тех пор, пока голод не принудит их к сдаче. Ибо мы должны иметь в виду, что из заготовленного продовольствия Париж уже использовал месячный запас, а никому за пределами Парижа неизвестно, имеются ли там запасы больше чем еще на один месяц.

В отношении немецких осадных орудий среди «специальных корреспондентов», видимо, царит большая путаница, и это вполне понятно, если принять во внимание, что номенклатура различных калибров основана у немецких артиллеристов на принципах, по меньшей мере столь же абсурдных и противоречивых, как и те, которые приняты в Англии. Теперь, когда эти тяжелые орудия могут заговорить в любой день, пожалуй следует несколько разъяснить этот вопрос. Из осадных орудий старого образца под Страсбургом применялись 25- и 50-фунтовые мортиры, переправленные теперь к Парижу. Они были названы так по весу мраморного шара, соответствующего диаметру канала их ствола. Калибр одной из них равняется приблизительно $8^1/_2$, а другой $8^3/_4$ дюйма, а действительный вес сферических снарядов, которые они выбрасывают, равняется в первом случае 64 фунтам, а во втором 125 фунтам. Затем имелась нарезная мортира калибром в 21 сантиметр, или $8^1/_4$ дюйма, выбрасывающая продолговатый снаряд длиной в 20 дюймов и весом немного больше 200 фунтов. Эти мортиры производят огромный эффект не только потому, что нарезы придают снарядам большую меткость, а главным образом потому, что продолговатый снаряд ударного действия, при падении всегда обращенный вперед своей утяжеленной головной частью, из которой выступает ударная трубка, обеспечивает взрыв заряда в самый момент соприкосновения с целью, соединяя,

таким образом, в один и тот же момент действие удара с действием взрыва. Из нарезных орудий там были 12-и 24-фунтовые пушки, названные так по весу сферического сплошного чугунного ядра, которым из них обычно стреляли до того, как в них были сделаны нарезы. Их калибры соответственно равны приблизительно $4^1/_2$ и $5^1/_2$ дюймам при весе снаряда в 33 и 64 фунта. Помимо них к Парижу было отправлено несколько тяжелых нарезных пушек, предназначенных для броненосных кораблей и для береговой обороны против таких кораблей. Точное и подробное описание их конструкции никогда не опубликовывалось, но их калибры равняются приблизительно 7, 8 и 9 дюймам, а снаряды весят соответственно около 120, 200 и 300 фунтов. Наиболее тяжелыми орудиями, которые применялись в Севастополе или против него, были морские английские 68-фунтовые, 8- и 10-дюймовые бомбовые пушки и французские $8^3/_4$- и 12-дюймовые бомбовые пушки, причем их наиболее тяжелый 12-дюймовый сферический снаряд весил около 180 фунтов. Таким образом, осада Парижа по весу и массе использованных снарядов превзойдет Севастополь в такой же мере, в какой Севастополь превзошел все прежние осады. Мы можем добавить, что германский осадный парк будет иметь такое количество орудий, которое соответствует нашим предположениям, а именно — около четырехсот.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1775, 21 октября 1870 г.

САРАГОСА — ПАРИЖ

Для того чтобы составить правильное представление о такой огромной операции, как осада и оборона Парижа, следует обратиться к военной истории, к какой-нибудь из прежних крупных осад, которая послужила бы, хотя бы до некоторой степени, примером того, чему, возможно, мы будем свидетелями. Таким примером служил бы Севастополь, если бы оборона Парижа происходила в нормальных условиях, то есть если бы существовала действующая в полевых условиях армия, которая пришла бы на помощь Парижу или усилила бы его гарнизон, как это было в Севастополе. Но Париж обороняется при совершенно ненормальных условиях: у него нет ни гарнизона, способного на активную оборону, на боевые действия в открытом поле, ни серьезной надежды на помощь извне. Таким образом, самая большая осада в истории — осада Севастополя, уступающая по своим размерам только той, начало которой мы скоро увидим, — не дает правильного представления о том, что будет происходить у Парижа; и только на более поздних стадиях осады и преимущественно путем противопоставления можно будет прибегнуть к сравнению с событиями Крымской войны.

Не лучшими примерами являются и осады времен американской войны[80]. Они происходили в такой период борьбы, когда не только армия Юга, но вслед за ней и войска Севера уже утратили черты, присущие необученному ополчению. и приобрели характер регулярных войск. При всех этих осадах оборона была чрезвычайно активной. У Виксберга, как и у Ричмонда, предварительно происходили длительные бои за обладание местностью, на которой только и можно было расположить осадные батареи, и всегда, за исключением последней осады Грантом Ричмонда, делались попытки оказать помощь осажденным[81]. Но здесь, в Париже, мы видим гарнизон

из новобранцев, получающий слабую поддержку от новобранцев же, разбросанных вне города, и атакованный регулярной армией, которая применяет все средства современной войны. Чтобы найти подходящий пример, нам нужно возвратиться к последней войне, в которой вооруженному народу пришлось сражаться против регулярной армии и он действительно сражался в широких масштабах, то есть к войне на Пиренейском полуострове. Здесь мы находим замечательный пример, который, как увидим, *подходит* во многих отношениях, это — Сарагоса.

Сарагоса составляет по диаметру лишь одну треть Парижа, а по площади — одну девятую его часть, но ее укрепления, хотя и возведенные наспех и без отдельных фортов, были по своей общей оборонительной силе сходны с укреплениями Парижа. Город был занят гарнизоном в 25000 испанских солдат, нашедших здесь убежище после поражения под Туделой[82]; среди них было не больше 10000 настоящих солдат линейных частей, остальное составляли молодые новобранцы; кроме того, там находились вооруженные крестьяне и местные жители, которые увеличили гарнизон до 40000 человек. В городе имелось 160 орудий. Вне города, в соседних провинциях, было собрано до 30000 человек для оказания ему помощи. С другой стороны, французский маршал Сюше имел не более 26000 человек для обложения крепости по обеим сторонам реки Эбро и кроме того 9000 человек, прикрывавших осаду в Калатаюде. Таким образом, численное соотношение сил было почти таким же, как и численное соотношение между армией, находящейся теперь в Париже, и той, которая расположена под Парижем: осажденных почти вдвое больше, чем осаждающих. Однако сарагосцы, так же как и теперь парижане, не в состоянии были выйти и встретить осаждающих в открытом поле. Испанцы, находившиеся вне осажденного города, также ни разу не смогли серьезно помешать осаде.

Обложение города было завершено 19 декабря 1808 года; первую параллель смогли заложить уже 29-го на расстоянии всего 350 ярдов от главною крепостного вала. 2 января 1809 г. была заложена вторая параллель на расстоянии 100 ярдов от укреплений; 11-го уже были пробиты бреши, и весь атакованный фронт был взят штурмом. Но в данном случае там, где обыкновенная крепость с гарнизоном из регулярных войск прекратила бы сопротивление, — сила народной обороны только начинала проявляться. Та часть крепостного вала, которую штурмовали французы, была отделена от остального города вновь возведенными оборонительными укреплениями.

Поперек всех улиц, ведущих к валу, были быстро сооружены земляные укрепления, обороняемые артиллерией, причем на определенных расстояниях в тылу у них также были возведены укрепления. В домах, построенных в стиле массивных зданий жаркого юга Европы, с чрезвычайно толстыми стенами, были проделаны бойницы, и они стойко удерживались силами пехоты. Французы вели непрерывную бомбардировку, но так как у них было мало тяжелых мортир, она не оказала решающего воздействия на город. Все же бомбардировка продолжалась беспрерывно в течение сорока одного дня. Чтобы принудить город к сдаче, чтобы занимать один дом за другим, французам пришлось прибегнуть к самому медленному способу — к закладке мин. Наконец, после того как третья часть городских зданий была разрушена, а остальные стали непригодными для жилья, Сарагоса 20 февраля сдалась. Из 100000 человек, находившихся в городе в начале осады, погибло 54000.

Эта оборона является в своем роде классической и вполне заслуживает той славы, которую она приобрела. Но все же город сопротивлялся в общей сложности только 63 дня. Обложение потребовало 10 дней, осада крепости — 14 дней, осада внутренних укреплений и борьба за овладение домами — 39 дней. Число жертв ни в какой мере не соответствует продолжительности обороны и фактически достигнутым результатам. Если бы Сарагосу обороняли 20000 хороших предприимчивых солдат, то их вылазки помешали бы Сюше с имевшимися у него силами продолжать осаду, и крепость, возможно, оставалась бы в руках испанцев до окончания австрийской войны 1809 года[83].

Мы, конечно, не считаем, что Париж окажется второй Сарагосой. Парижские дома, как бы прочны они ни были, не выдерживают никакого сравнения по массивности с домами этого испанского города; у нас нет также оснований предполагать, что парижское население проявит фанатизм испанцев 1809 г., или что половина жителей терпеливо согласится погибнуть в бою или от болезней. Однако та фаза борьбы, которая началась в Сарагосе после штурма крепостного вала на улицах, в домах и монастырях города, до известной степени может повториться в укрепленных деревнях и земляных укреплениях между фортами Парижа и крепостной оградой. Как мы уже сказали вчера в нашей двадцать четвертой статье из серии «Заметок о войне», здесь, нам кажется, находится центр тяжести обороны. Здесь молодые мобили могут встретить даже наступающего противника почти в равных условиях и принудить его к систематическим действиям в большей мере, чем это,

по-видимому, представлял себе берлинский штаб, который еще недавно надеялся принудить город к сдаче через 12 или 14 дней после открытия огня осадных батарей. К тому же борьба с обороняющимися потребует там от наступающих такого интенсивного применения мортир и бомбовых пушек, что даже частичная бомбардировка города, по крайней мере в крупном масштабе, может в течение некоторого времени оказаться немыслимой. При любых обстоятельствах придется пожертвовать деревнями, лежащими за пределами крепостной ограды, в каком бы пункте между фронтом наступления немцев и фронтом обороны французов они ни находились. Если же, пожертвовав ими, можно уберечь город, то это тем лучше для обороны.

Мы не можем даже приблизительно сказать, на какое время можно продлить оборону местности вне крепостной ограды. Это будет зависеть от силы самих укреплений, от состояния духа защитников, а также от способа атаки. Если сопротивление станет серьезным, немцы, чтобы сберечь свои войска, будут рассчитывать, главным образом, на огонь своей артиллерии. Во всяком случае, принимая во внимание огромную силу артиллерийского огня, который они будут в состоянии сосредоточить на любом пункте, им едва ли потребуется больше двух — трех недель, чтобы достигнуть крепостной ограды. Разрушить и взять ее штурмом будет делом нескольких дней. Не даже и тогда для обороняющихся не будет абсолютной необходимости прекращать сопротивление; впрочем, лучше отложить рассмотрение этих возможностей до того времени, когда осуществление их станет более вероятным. До той поры мы позволим себе также не высказываться по поводу достоинств и недостатков баррикад г-на Рошфора[84]. В общем мы полагаем, что если новые укрепления между фортами и крепостной оградой окажут действительно серьезное сопротивление, то нападающие ограничатся, насколько это будет возможно — в значительной мере в зависимости от энергии обороняющихся, — навесным и настильным артиллерийским огнем, а также попыткой голодом вынудить Париж к сдаче.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1776, 22 октября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXV

Пока ведутся переговоры о заключении перемирия[85], было бы целесообразно уяснить себе расположение различных корпусов немецких армий, которое, по-видимому, не для всех понятно. Мы говорим немецких армий, так как о французских почти нечего сказать. За исключением войск, запертых в Меце, французские силы состоят почти исключительно из новобранцев, об организации которых в печати никогда ничего не сообщалось, а она не может не изменяться с каждым днем. Кроме того, качества этих войск, которые во всех боях оказываются в той или иной степени негодными для боевых действий вне крепостей, почти вовсе лишает интереса вопрос и об их организации и численности.

Что касается немцев, то нам известно, что они выступили в поход с тринадцатью армейскими корпусами Северной Германии (включая гвардию), одной дивизией гессенцев, одной баденцев, одной вюртембержцев и двумя армейскими корпусами баварцев. 17-я дивизия 9-го северогерманского корпуса (одна бригада которого состоит из мекленбуржцев) оставалась на побережье до тех пор, пока французский флот находился в Балтийском море. Вместо нее к 9-му корпусу была присоединена 25-я, или гессенская, дивизия, в составе которого она и остается до настоящего времени. Внутри страны остались вместе с 17-й дивизией девять дивизий ландвера (одна гвардейская и затем по одной на каждую из восьми старых провинций Пруссии[86]; времени, прошедшего с 1866 г., когда прусская система была введена во всей Северной Германии, оказалось едва достаточно для подготовки там необходимого количества резервистов, но пока еще не ландвера). Когда французский флот был отозван и закончилось укомплектование четвертых линейных батальонов, стало возможным использовать эти силы; из них были сформированы и посланы во Францию новые армейские корпуса.

До окончания войны мы вряд ли узнаем подробности о формировании всех этих корпусов, но то, что стало известно до сих пор, дает нам довольно ясное представление об общем характере плана расположения сил. У Меца под командованием принца Фридриха-Карла находятся 1-й, 2-й, 3-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й корпуса, из которых 9-й состоит в настоящее время из 18-й и 25-й дивизий; кроме того имеются две дивизии ландвера — одной из них, 1-й (восточнопрусской), командует генерал Куммер, номер другой неизвестен. Всего же здесь имеется шестнадцать дивизий пехоты.

Под Парижем находятся под командованием кронпринца 5-й, 6-й и 11-й северогерманские корпуса, два баварские корпуса и гвардейская дивизия ландвера; под командованием саксонского кронпринца — 4-й и 12-й северогерманские корпуса и прусская гвардия; под командованием великого герцога Мекленбургского — 13-й корпус и вюртембергская дивизия. 13-й корпус сформирован из вышеупомянутой 17-й дивизии и одной дивизии ландвера. Из этих войск, составляющих всего двадцать дивизий, четыре дивизии были направлены для выполнения отдельных задач. Во-первых, фон дер Танн с двумя баварскими дивизиями и 22-й северогерманской дивизией (11-го корпуса) был направлен на юг и запад, чтобы со своими баварцами удерживать Орлеан и линию Луары; в то же время 22-я дивизия (генерала Виттиха) заняла последовательно Шатоден и Шартр. Во-вторых, 17-я дивизия была направлена к северо-востоку от Парижа; она заняла Лаон, Суассон, Бове, Сен-Кантен и т. д., между тем как другие войска, — очевидно, летучие отряды, состоящие преимущественно из кавалерии, — продвинулись почти до ворот Руана. Если мы будем считать, что по количеству они равны еще одной дивизии, то окажется, что из армии, находящейся под Парижем, выделено в общем пять дивизий для прочесывания местности, для сбора скота и провианта, для того, чтобы предотвратить образование вооруженных отрядов и удерживать на расстоянии какие-либо новые части войск, которые могло выставить правительство, находящееся в Туре[87]. Таким образом, для действительного обложения остается пятнадцать дивизий пехоты, или семь с половиной армейских корпусов.

Кроме 13-го корпуса, великий герцог Мекленбургский командует всеми отдельно действующими войсками в Шампани и других оккупированных областях к западу от Лотарингии, гарнизонами Седана, Реймса, Эперне, Шалона, Витри и войсками, осаждающими Верден. Эти последние состоят из ландвера, главным образом, из 8-й дивизии ландвера. Гарнизоны

в Эльзасе и Лотарингии, состоящие почти целиком из ландвера, находятся под командованием соответствующих военных губернаторов этих провинций. Кроме того, имеются войска, эшелонированные по линиям железнодорожных путей и больших дорог, и их единственной обязанностью является содержать эти дороги в порядке и пригодности для военных перевозок; эти войска, сформированные из отрядов различных линейных корпусов и по численности равные, по крайней мере дивизии, находятся под командованием «Etappen-Commandant»*.

Баденская дивизия и еще одна дивизия ландвера были объединены в 14-й корпус, который теперь, под командованием генерала фон Вердера, движется на Безансон, в то время как генерал Шмелинг с 4-й резервной дивизией только что успешно закончил осаду Селесты и теперь принимается за Нё-Бризак. Здесь мы впервые встречаем упоминание о «резервной дивизии», которая на прусском военном языке представляет собой нечто существенно отличное от дивизии ландвера. В самом деле, до сих пор мы насчитали шесть из девяти дивизий ландвера и вполне можем предположить, что остальные три дивизии используются в качестве гарнизонов в Эльзасе, Лотарингии и части рейнских крепостей. Употребление термина «резервная дивизия» доказывает, что четвертые батальоны линейных полков постепенно прибывают теперь на французскую территорию. Их будет насчитываться по девяти, а в некоторых случаях по десяти на каждый армейский корпус; они были сформированы в резервные дивизии по числу армейских корпусов и, по всей вероятности, эти дивизии обозначены теми же самыми номерами, что и армейские корпуса, к которым они принадлежат. Таким образом, 4-я резервная дивизия сформирована из четвертых батальонов 4-го армейского корпуса, комплектовавшегося в прусской Саксонии. Эта дивизия составляет часть нового 15-го армейского корпуса. Что представляет собой его другая дивизия, мы не знаем, — вероятно, это одна из тех трех, с которыми генерал Лёвенфельд только что выступил из Силезии в Страсбург; тогда остальные две образуют 16-й корпус. Это составило бы четыре из тринадцати резервных дивизий, остальные девять дивизий, которые можно еще использовать, находятся, вероятно, в Северной Германии.

Что же касается численности этих войск, то северогерманские батальоны под Парижем, несомненно, вновь были доведены в среднем до 750 человек; баварцы, судя по сообщениям,

* — этапного коменданта. *Ред.*

численно слабее. Кавалерия едва ли насчитывает в среднем больше 100 сабель на эскадрон вместо 150; а в общем армейский корпус под Парижем насчитывает в среднем 25000 человек, так что во всей армии, которая фактически там находится, имеется около 190000 солдат. Батальоны под Мецем, вероятно, численно слабее ввиду большего количества больных, в среднем в них едва ли насчитывается по 700 человек. Численность батальонов ландвера едва ли доходит до 500 человек.

За последнее время польская печать стала претендовать на то, что поляки в весьма значительной мере разделяют славу прусского оружия. Истина заключается в следующем: общая численность говорящего по-польски населения Пруссии составляет около двух миллионов, или одну пятнадцатую часть всего населения Северной Германии; сюда мы включаем и «поляков-сплавщиков» из Верхней Силезии и мазуров из Восточной Пруссии[88], которые были бы очень удивлены, услышав, что их называют поляками. 1-й, 2-й, 5-й и 6-й корпуса имеют примесь польских солдат, но польский элемент действительно преобладает только в одной дивизии 5-го корпуса, и, быть может, в одной из бригад 6-го корпуса. Политика прусского правительства заключалась в том, чтобы как можно больше рассеивать польский элемент в армии по многим корпусам. Таким образом, поляки Западной Пруссии разделены между 1-ми 2-м корпусами, а поляки из Познани — между 2-м и 5-м, причем во всех случаях были приняты меры, чтобы большинство солдат в каждом корпусе составляли немцы.

Осада Вердена теперь энергично подвигается вперед. Город и цитадель укреплены не очень сильно, но имеют глубокие рвы, наполненные водой. 11 и 12 октября гарнизон был выбит из деревень, окружающих крепость, и обложение было завершено; 13-го началась бомбардировка из сорока восьми пушек и мортир (французских, захваченных в Седане), расположенных на расстоянии 700—1300 ярдов от укреплений. 14-го из Седана прибыло несколько старых французских 24-фунтовых орудий, а на следующий день — несколько новых прусских нарезных 24-фунтовых орудий, при помощи которых был взят Туль. 18-го они уже были полностью введены в действие. Город, по-видимому, сильно пострадал, так как он очень тесно застроен.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1780, 27 октября 1870 г.

ПАДЕНИЕ МЕЦА

Нынешняя война — это война капитуляций, каждой из которых как будто суждено по своим размерам превзойти предшествующие. Сначала 84000 человек сложили оружие в Седане, событие, равного или даже сколько-либо подобного которому не наблюдалось ни в одной из прежних войн, даже в войнах Австрии. Теперь происходит сдача 170000 человек вместе с крепостью Мецем, превосходящая Седан настолько же, насколько Седан превзошел все предыдущие капитуляции. Будет ли Мец в свою очередь превзойден Парижем? Если война будет продолжаться, то в этом можно почти не сомневаться.

Три основные ошибки, которые привели Наполеона от 2 августа к 2 сентября, от Саарбрюккена к Седану, и которые по существу лишили Францию всех ее армий, заключались, во-первых, в том, что наступление неприятеля французы встретили на такой позиции, которая позволила одержавшим победу немцам вклиниться между разбросанными корпусами французской армии и, таким образом, разделить ее на две отдельные части, причем ни одна из них не могла ни соединиться с другой, ни даже действовать согласованно с ней; во-вторых, в задержке армии Базена в Меце, вследствие чего она была там прочно заперта, и в-третьих, в том, что движение на выручку Базена было предпринято с такими силами и по такому пути, которые прямо побуждали неприятеля взять в плен всю эту двигавшуюся на помощь армию. Последствия первой ошибки ясно обнаружились в продолжение всей кампании; последствия третьей окончательно сказались в Седане; последствия второй мы только что наблюдали в Меце. Весь состав «Рейнской армии», которой Наполеон сулил перспективу трудной кампании в стране, где много крепостей, находится теперь именно в этих крепостях или на пути к ним, но уже в качестве военнопленных,

а Франция не только по существу, но и в полном смысле слова лишена почти всех своих регулярных войск.

Сами по себе, — по-видимому, огромные — потери в людском составе и в сданных вместе с Мецем материальной части и имуществе являются довольно тяжелым ударом. Но этот удар еще не самый тяжелый. Для Франции хуже всего то, что вместе с этими людьми, материальной частью и имуществом она лишилась той военной организации, в которой она нуждается больше, чем в чем-либо другом. Солдаты имеются в большом количестве, даже обученных людей в возрасте от 25 до 35 лет должно быть не менее 300000. Материальная часть и имущество могут быть восполнены из складов и с заводов внутри страны и путем закупок за границей. При данных обстоятельствах можно использовать любое заряжающееся с казенной части годное к употреблению оружие, независимо ни от его конструкции, ни от того, подходят ли боевые припасы одного образца к оружию других образцов. Правительство, пользуясь должным образом телеграфом и пароходами и охотно принимая все, что может оказаться полезным, могло бы в настоящее время иметь в своем распоряжении больше оружия и патронов, чем можно было бы использовать. Даже полевую артиллерию можно было бы достать за это время. Но более всего необходима прочная организация, посредством которой из всех этих вооруженных людей можно создать армию. Эту организацию олицетворяют офицеры и унтер-офицеры регулярной армии и, после их сдачи, возможность ее использовать окончательно исчезнет. Число выбывших из строя вследствие потерь в бою и капитуляций французских офицеров в настоящее время не может быть менее 10000—12000 человек, тогда как потери в унтер-офицерах приблизительно в три раза больше. После того как национальная оборона сразу лишилась такого количества организующих сил, становится чрезвычайно трудно превращать массы людей в роты и батальоны солдат. Кто видел народные ополчения на учебном плацу или в бою, — будь то баденские Freischaaren, янки-добровольцы, сражавшиеся на Булл-Ране, французские мобили или британские волонтеры[89], — тот сразу поймет, что главная причина беспомощности и неустойчивости этих войск состоит в том, что офицеры не знают своих обязанностей; а кто в данном случае может во Франции научить их своим обязанностям? Небольшого числа старых офицеров, состоящих на половинном жалованьи в запасе или признанных негодными к службе по состоянию здоровья, недостаточно для этой цели; они не могут быть использованы во всех случаях; обучение ведь должно быть не только

теоретическим, но и практическим; оно должно осуществляться не только словом, но также делом и примером. Молодые офицеры или унтер-офицеры, только что получившие повышение, при небольшом числе их в батальоне, могут очень быстро освоиться со своей службой, постоянно наблюдая за действиями старых офицеров. Но что делать, если почти все офицеры — люди новые и если мало даже старых унтер-офицеров для производства в офицеры? Те самые солдаты, которые теперь почти при каждой стычке оказываются негодными для действий большими массами в открытом поле, очень скоро научились бы сражаться, если можно было бы включить их в старые батальоны Базена или если бы у них была хотя бы только возможность находиться под командой его офицеров и унтер-офицеров. И то, что у Франции в этой кампании окончательно потеряны почти что последние следы ее военной организации, произошло главным образом в результате капитуляции Меца.

Определенное мнение о том, как осуществлялась оборона, можно составить только тогда, когда мы услышим, что скажут в свое оправдание сами оборонявшиеся. Но если действительно сдалось 170000 человек, способных носить оружие, то оборона, надо полагать, была не на должной высоте. Начиная с конца августа, армия обложения никогда не имела двойного численного превосходства над войсками, подвергшимися обложению. Численность ее, видимо, колебалась между 200000 и 230000 человек, причем войска только первой линии были растянуты по окружности протяжением не менее 27 миль. Это означает, что главные силы должны были занимать по окружности по меньшей мере от 36 до 40 миль. Кроме того, эта окружность была разделена на две части рекой Мозель, которую можно перейти только по мостам, находящимся в тылу первой линии, на некотором расстоянии от нее. Если армия в 170000 человек ни в одном пункте этой окружности не сумела сосредоточить превосходящих сил и прорваться до того, как к противнику могли прибыть достаточные подкрепления, то мы должны сделать вывод, что либо мероприятия осуществляющих обложение войск были выше всякой похвалы, либо попытки прорваться никогда не предпринимались так, как следовало бы это делать. Мы, вероятно, узнаем, что в данном случае, как и во всей этой войне, политические соображения парализовали военные действия.

Если мир теперь не будет заключен, Франции вскоре придется почувствовать последствия этой новой катастрофы. Мы предполагаем, что две дивизии ландвера останутся в Меце в качестве гарнизона. 2-й корпус находится уже на пути

к Парижу, однако это вовсе не значит, что он предназначен для участия в обложении столицы. Но если даже допустить, что это так, то останется шесть корпусов или, по крайней мере, 130000—140000 человек, которых Мольтке может направить куда ему угодно. Коммуникации армии с Германией поддерживались без существенного участия войск принца Фридриха-Карла; для этой цели ему придется выделить незначительное количество солдат, если в этом вообще будет необходимость. Остальными войсками можно располагать для вторжения на запад и юг Франции. Не будет необходимости держать их всех вместе. Они, вероятно, будут разделены на две или три части, составляющие вместе с корпусом фон дер Танна по меньшей мере 150000 солдат, и получат приказ продвинуться в те области Франции, которые до сих пор не были оккупированы немцами. Один корпус почти несомненно займет богатые провинции Нормандию и Мен вплоть до Луары, имея центром Ле-Ман, где сходятся пять железных дорог. Другой корпус устремится в направлении Бордо, очистив предварительно линию Луары от Тура до Невера и заняв или разрушив арсеналы и военные заводы Буржа. Этот корпус мог бы направиться от Меца через Шомон и Осер, где местность еще не опустошена реквизициями. Третий корпус может двинуться прямо на юг, чтобы установить связь с генералом Вердером. Так как в Центральной Франции почти совершенно нет крепостей, заслуживающих этого названия, то здесь не будет оказано противодействия за исключением непродолжительного сопротивления новобранцев и более пассивного, но в то же время и более упорного сопротивления населения. Предпримет ли Мольтке осаду каких-либо новых крепостей этими армиями, которые высвободились все сразу, или даже попытается овладеть укрепленным морским портом, например Шербуром, покажет будущее; теперь ему нет нужды овладевать новыми крепостями, за исключением Фальсбура и Бельфора, которые блокируют главные железнодорожные линии, и, конечно, — Парижа.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1782, 29 октября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXVI

Нет больше никаких оснований сомневаться в том, что армия, сдавшаяся в Меце, действительно насчитывала 173000 человек, из которых 140000 были способны носить оружие и свыше 30000 человек были больными и ранеными. «Daily News» в телеграмме из Берлина сообщает нам сведения, которые, по заявлению этой газеты, содержат все подробности относительно состава этих войск: 67 пехотных полков, 13 батальонов chasseurs-a-pied*, 18 четвертых и учебно-запасных батальонов, 36 кавалерийских полков, а именно: 10 кирасирских, один гидов[90], 11 драгунских, 2 уланских, 3 гусарских, 6 полков chasseurs-a-cheval** и 3 полка chasseurs d'Afrique***, и кроме того 6 учебно-запасных эскадронов. Надо полагать, что это сообщение исходит из прусского штаба в Берлине и содержит общую сводку о составе французских сил в Меце, сделанную либо на основании предварительных и косвенных данных, либо по французским спискам, переданным победителям при сдаче. Последнее кажется наиболее вероятным. Мы знаем, что в Меце находились следующие пехотные войска: гвардия (8 полков = 30 батальонам и один батальон стрелков), 2-й корпус (Фроссара, три дивизии), 3-й (Декана, бывший корпус Базена, четыре дивизии), 4-й (Ладмиро, три дивизии). 6-й (Канробера, три дивизии) и одна дивизия 5-го корпуса (де Файи) — всего четырнадцать линейных дивизий, из которых каждая имела в своем составе один батальон стрелков и 4 линейных полка, или 12 линейных батальонов, за исключением двух дивизий Канробера, в которых не было стрелков. Это составляет 12 батальонов стрелков и 168 линейных батальонов, а считая и гвардию, 13 батальонов стрелков и 198 пехотных

* — пеших стрелков. *Ред.*
** — конных стрелков. *Ред.*
*** — африканских стрелков. *Ред.*

батальонов, всего же, вместе с 18 учебно-запасными батальонами, 229 батальонов, то есть несколько выше цифры 221, указанной в качестве общей численности этих войск в «Daily News». С другой стороны, в этом перечне указано лишь 64 полка пехоты, в то время как наш упомянутый коллега по печати приводит цифру 67. Из этого мы должны сделать вывод, что три недостающих полка составляли гарнизон Меца и по этой причине не фигурируют в составе «Рейнской армии». Что же касается расхождения в количестве батальонов, то его легко объяснить. Потери во многих полках во время сражений в августе и вылазок в сентябре и октябре, а также вследствие болезней, очевидно, были таковы, что из трех батальонов приходилось формировать два, а, быть может, даже один.

Что такие силы, равные армии Наполеона под Лейпцигом[91], могли быть вообще принуждены сдаться — это факт, неслыханный в истории войн, этому трудно верить даже теперь, после того как это случилось. Однако факт этот становится еще более непостижимым, если мы сравним силы этой армии с силами победителей. 18 августа Базен был отброшен с высот Гравелота под прикрытие орудий фортов Меца; несколько дней спустя обложение крепости было завершено. Но из армии. сражавшейся у Гравелота, было выделено три корпуса, или 75 батальонов, под командованием саксонского кронпринца; сделано это было не позднее 24 августа, так как три дня спустя его кавалерия разбила chasseurs-a-cheval Мак-Магона у Бюзанси. У Меца оставалось семь корпусов, или 175 батальонов, и 12 батальонов ландвера, всего 187 батальонов для обложения армии, состоящей не менее чем из 221 батальона! В это время Базен должен был иметь в своем распоряжении 160000, если не больше, бойцов. Пруссаки, конечно, приняли все меры для возмещения потерь, понесенных в последних сражениях, свежими силами из своих резервных частей; но нельзя предположить, что их батальоны снова были доведены до полного состава в 1000 человек» Если даже допустить, что пруссаки довели численность батальонов до 1000 человек, за исключением ландвера, батальоны которого формируются лишь в составе 500—600 человек, то это дало им не больше 182000 человек или вместе с кавалерией и артиллерией около 240000 человек, то есть лишь в полтора раза больше армии, запертой в Меце. Эти 240000 человек были растянуты на фронте протяженностью в 27 миль, причем их разделяла на две отдельные части не проходимая вброд река. При таких обстоятельствах нельзя сомневаться, что, если бы Базен действительно попытался прорваться с массой своих войск через кольцо обложения, то он смог бы

это сделать, если не предполагать, конечно, что французы после Гравелота были уже не теми солдатами, что прежде, а для этого предположения нет никаких оснований.

Для автора этих «Заметок» представляется совершенно несомненным, что после провозглашения республики Базен отказался от прорыва из Меца по политическим соображениям. Несомненно также, что с каждым днем промедления его шансы на успех в этом деле уменьшались, хотя, по-видимому, сами пруссаки теперь полагают, что, если бы они очутились в таком положении, они смогли бы выполнить эту трудную задачу. Но что остается необъяснимым, так это бездеятельность или по меньшей мере нерешительность, проявленная Базеном в течение последних дней августа и в первых числах сентября. 31 августа он делает попытку предпринять наступление в северо-восточном направлении и продолжает его всю ночь и следующее утро; однако трех прусских дивизий оказалось достаточно, чтобы отбросить его назад под защиту орудий фортов. Попытка была, по-видимому, чрезвычайно слабой, если принять во внимание огромные силы, с которыми он мог ее произвести. Генерал, имеющий под своим командованием шестнадцать дивизий превосходной пехоты, отброшен тремя неприятельскими дивизиями. Что может быть хуже этого!

Что касается политических мотивов, которые, как говорят, вызвали бездействие Базена после революции 4 сентября, а также тех политических интриг, в которых он при потворстве неприятеля участвовал в продолжение последнего периода обложения[92], то они полностью соответствовали интересам Второй империи, на восстановление которой в той или иной форме они были направлены. Если генерал, командовавший единственной регулярной армией, которая имелась тогда в распоряжении Франции, мог думать о восстановлении павшей династии при поддержке вторгшегося в его страну врага, то это только показывает, до какой степени Вторая империя утратила всякое понимание характера французов.

Предшествующая военная карьера Базена была отнюдь не блестящей. Его мексиканская экспедиция[93] только доказала, что он больше заботился о наградах, чем о славе или репутации своей страны. Его назначение главнокомандующим Рейнской армией обусловлено случайными обстоятельствами: он получил этот пост не потому, что оказался наиболее подходящим, а потому, что был наименее неподходящим из числа возможных кандидатов; решающими были какие угодно соображения, только не чисто военные. Базен будет увековечен

как человек, который совершил самый позорный акт в военной истории Франции, как человек, который помешал 160000 французов прорваться через кольцо облагавшей их армии, в данных условиях определенно уступавшей им по численности, а когда больше не осталось продовольствия, выдал их в качестве военнопленных.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1787, 4 ноября 1870 г.

ОПРАВДАНИЯ ИМПЕРАТОРА

Подобно другим великим людям в несчастье, Луи-Наполеон, по-видимому, сознает, что он обязан публично дать объяснение причин, которые совершенно против его воли привели его от Саарбрюккена к Седану; в результате мы получили сейчас то, что должно выглядеть как его объяснение[94]. Поскольку ни сам документ, ни какие-либо внешние обстоятельства не дают оснований подозревать, что он подложный, — скорее наоборот, — то в данный момент мы считаем его подлинным. В самом деле, мы почти что обязаны так поступить из простой любезности, ибо если существовал когда-либо документ, подтверждающий как в целом, так и в деталях точку зрения «Pall Mall Gazette» на данную войну, то этим документом и является указанное императорское самооправдание.

Луи-Наполеон сообщает нам, что он был прекрасно осведомлен о большом численном превосходстве немцев, что он надеялся свести на нет его быстрым вторжением в Южную Германию для того, чтобы принудить эту область оставаться нейтральной и первым успехом обеспечить себе союз с Австрией и Италией. Для этой цели 150000 человек должны были быть сосредоточены в Меце, 100000 — в Страсбурге и 50000 — в Шалоне. С первыми двумя быстро сосредоточенными армиями предполагалось переправиться через Рейн около Карлсруэ, в то же время 50000 человек должны были продвинуться из Шалона к Мецу, чтобы противодействовать любому движению неприятеля против флангов и тыла наступающих войск. Но этот план развеялся как дым, как только император прибыл в Мец. Он обнаружил там лишь 100000 человек, в Страсбурге было только 40000 человек, в то время как резервы Канробера были везде и всюду, но только не в Шалоне, где они должны

были бы находиться. К тому же войска небыли обеспечены для похода предметами первой необходимости: ранцами, палатками, лагерными котлами и котелками. Кроме того, ничего не было известно о местонахождении неприятеля. В действительности смелое и стремительное наступление с самого начала превратилось в очень скромную оборону.

Во всем этом для читателей «Pall Mall Gazette» едва ли найдется что-нибудь новое. В наших «Заметках о войне» вышеуказанный план наступления уже был в общих чертах изложен как наиболее разумный для французов, причем были раскрыты причины, по которым от него пришлось отказаться*. Но одного обстоятельства, послужившего непосредственной причиной первых поражений императора, он не объясняет: почему он оставил несколько своих корпусов вблизи границы на позициях, удобных для наступления, что было ошибкой, если от намерения наступать давно уже отказались? Что касается его цифр, то мы вскоре подвергнем их критическому разбору.

Причины краха французского военного управления император находит в

«недостатках нашей военной организации в том виде, в каком она существовала в течение последних 50 лет».

Однако бесспорно, что эта организация в данном случае подверглась испытанию не впервые. Она довольно хорошо отвечала своему назначению во время Крымской войны. Она дала блестящие результаты в начале Итальянской войны, когда в Англии, так же как и в Германии, она считалась самой образцовой организацией армии. Несомненно, что даже и в то время в ней было обнаружено много недостатков. Однако есть разница между военной организацией в то время и военной организацией, существующей теперь: тогда она действовала, теперь же отказывается служить. Но император не желает объяснять этой перемены, хотя как раз это-то и требует объяснения, так как именно в ней заключается самое слабое место Второй империи, которая расстраивала механизм этой организации всеми способами коррупции и казнокрадства.

Когда отступающая армия достигла Меца,

«ее боевой состав после прибытия маршала Канробера с двумя дивизиями и резервом был доведен до 140000 человек».

Это утверждение при сопоставлении его с численностью войск, недавно сложивших оружие в Меце, заставляет нас

* См. настоящий том, стр. 13—14, 20—21. *Ред.*

более внимательно рассмотреть цифры, приведенные императором. Страсбургскую армию предполагалось составить из корпусов Мак-Магона, де Файи и Дуэ, всего из десяти дивизий численностью в 100000 человек; но теперь утверждают, что численность ее не превышала 40000 человек. Не принимая совершенно в расчет три дивизии корпуса Дуэ, хотя одна из них и пришла на помощь Мак-Магону во время или после сражения у Вёрта, мы получили бы менее 6000 человек на дивизию (13 батальонов) или только 430 человек на батальон, даже если совсем не учитывать, что часть людей входит в состав кавалерии и артиллерии. И вот полностью отдавая должное Второй империи, когда дело идет о казнокрадстве и расточительстве, мы не можем заставить себя поверить, чтобы через двадцать дней после призыва резервистов и уволенных в отпуск в армии оказалось 90 батальонов, боевой состав которых в среднем составлял бы 430 человек вместо 900. Что касается армии Меца, то в ней насчитывалось в гвардии и в десяти линейных дивизиях 161 батальон; а если даже принять, что 100000 человек, указанных в брошюре, составляли только пехоту, и совсем не учитывать, что часть войск входила в состав кавалерии или артиллерии, то и это все же составило бы не больше 620 человек на батальон — цифра, несомненно, ниже действительной. Еще более удивительно то, что, отступив к Мецу, эта армия после прибытия двух дивизий Канробера и резервов оказывается увеличилась до 140000 человек. Новые пополнения насчитывали, таким образом, 40000 человек. И вот, так как «резервы», прибывшие в Мец после Шпихерна, могли состоять только из кавалерии и артиллерии, ибо гвардия прибыла туда гораздо раньше, то численность их не могла превышать 20000 человек. Следовательно, на две дивизии Канробера остается 20000, что на двадцать пять батальонов составляет по 800 человек на батальон, то есть батальоны Канробера, которые были наименее готовы из всех, при таком расчете оказываются по численному составу гораздо сильнее тех, которые уже были сосредоточены и подготовлены намного раньше. Но если армия Меца до сражений 14, 16 и 18 августа насчитывала только 140000 человек, то как же произошло, что после потерь, составивших за эти три дня, конечно, не менее 50000 человек, после потерь в последующих вылазках и в результате смерти от болезней, Базен все же смог сдать пруссакам 173000 пленных? Мы занялись этими цифрами только для того, чтобы показать, что они противоречат друг другу и всем известным фактам этой кампании. Их можно сразу отвергнуть как совершенно неверные.

Кроме организации армии, существовали и другие обстоятельства, помешавшие полету императорского орла навстречу победе. Это были, во-первых, «плохая погода», затем «затруднения с обозами» и, наконец,

«наша постоянная и полная неосведомленность относительно расположения и численности вражеских армий».

В самом деле, это три очень досадных обстоятельства. Но плохая погода была одинаковой для обеих сторон; ведь при всех своих благочестивых ссылках на провидение король Вильгельм ни разу не упомянул о том, что над германскими позициями сияло солнце, в то время как позиции французов поливало дождем. А разве у немцев тоже не было затруднений с обозами. Что же касается неосведомленности относительно местонахождения неприятеля, то существует письмо Наполеона I к его брату Жозефу, который жаловался на такую же трудность в Испании; это письмо является далеко не лестным для генералов, прибегающих к подобным жалобам[95]. В письме говорится, что если генералам неизвестно местонахождение неприятеля, то это их собственная вина и доказывает лишь то, что они не знают своего дела. При чтении подобных оправданий столь скверного командования иногда возникает сомнение, действительно ли для взрослых людей написана эта брошюра.

Описание роли, которую сыграл сам Луи-Наполеон, не очень понравится его друзьям. После сражений при Вёрте и Шпихерне он «решил немедленно отвести армию назад к Шалонскому лагерю». Но этот план, хотя он первоначально и был одобрен советом министров, два дня спустя рассматривали как способный «произвести неблагоприятное впечатление на общественное мнение» и император, получив письмо относительно этого от г-на Э. Оливье (!), отказался от него. Он ведет армию на левый берег Мозеля, а затем, «не предвидя генерального сражения и ожидая только отдельных столкновений», покидает ее и уезжает в Шалон. Тотчас же после его отъезда произошли сражения 16 и 18 августа, в результате которых Базен со своей армией оказался запертым в Меце. Тем временем императрица и министерство, превысив свою власть, за спиной императора созвали палату, а с созывом этого наделенного столь исключительной властью учреждения — Законодательного корпуса аркадских простачков[96] — судьба империи была-де решена. Оппозиция, состоявшая, как известно, из двадцати пяти депутатов, стала всемогущей и «парализовала патриотизм большинства и успешную работу правительства»; речь идет, как все

мы помним, о правительстве не сладкоречивого Оливье, а грубого Паликао.

«С этого момента министры, казалось, боялись произносить имя императора; и сам он, покинув армию и отказавшись от командования лишь для того, чтобы снова взять в свои руки бразды правления, вскоре обнаружил, что для него было невозможно выполнить до конца свою роль».

В самом деле, императору дали понять, что он в сущности низложен, что он стал невыносим. Многие люди, обладающие известным чувством собственного достоинства, при таких обстоятельствах отреклись бы от престола. Но нет; его, мягко выражаясь, нерешительность продолжается; он следует за армией Мак-Магона, являясь просто балластом; не в силах принести никакой пользы, он, однако, может служить помехой. Правительство в Париже настаивает на том, чтобы Мак-Магон шел на выручку Базену. Мак-Магон отказывается, так как для его армии это означало бы идти на верную гибель; Паликао настаивает.

«Что же касается императора, то он этому не противился. В его намерения не могло входить сопротивление указаниям правительства и императрицы-регентши, которая проявила столько ума и энергии в обстановке величайших трудностей».

Нас умиляет кротость этого человека, который в течение двадцати лет твердил, что подчинение его индивидуальной воле является единственным путем спасения для Франции и который теперь, когда «из Парижа навязывают план кампании, противоречащий самым элементарным правилам военного искусства», уже не противится ему, потому что в его намерения якобы никогда не могло входить сопротивление указаниям императрицы-регентши, которая и т. д. и т. д.!

Описание состояния армии, с которой был предпринят этот роковой поход, является во всех деталях точным подтверждением нашей оценки, данной в свое время*. В нем есть лишь одна смягчающая подробность. Корпус де Файи во время своего отступления форсированным маршем все-таки умудрился растерять без боя «почти весь свой обоз»; но корпус, повидимому, не оценил всего преимущества этого обстоятельства.

Армия направилась в Реймс 21 августа. 23-го она дошла до реки Сюип у Бетнивиля, на прямой дороге к Вердену и Мецу. По затруднения в снабжении заставили Мак-Магона

* См. настоящий том, стр. 64, 77. *Ред.*

немедленно вернуться к линии железной дороги; поэтому 24-го войска повернули влево и достигли Ретеля. Весь день 25-го был потрачен здесь на распределение продовольствия войскам. 26-го штаб переходит в Туртерон, на двенадцать миль дальше к востоку, 27-го в Ле-Шен-Попюле — еще на шесть миль. Здесь Мак-Магон, узнав, что восемь немецких армейских корпусов берут его в окружение, отдал приказ снова отступить к западу; но ночью из Парижа пришли настойчивые приказы, предписывающие ему направиться к Мецу.

«Не подлежит сомнению, что император мог бы отменить этот приказ, но он решил не противодействовать решению регентства».

Эта добродетельная покорность принудила Мак-Магона повиноваться; таким образом, 28-го он достиг Стонна, находящегося в 6 милях далее к востоку. Однако «эти приказы и контрприказы привели к задержкам в продвижении». В это время

«прусская армия двигалась форсированным маршем, тогда как мы, обремененные обозом» (опять!) «с утомленными войсками, затратили шесть дней, чтобы пройти 25 лье».

Затем последовали бои 30, 31 августа и 1 сентября, и произошла катастрофа, описанная очень полно, но без каких-либо новых подробностей. А затем следует мораль, которую можно извлечь из этого:

«Конечно, борьба была неравной, но мы выдержали бы ее дольше и она была бы менее катастрофичной для нашего оружия, если бы военные операции не подчинялись все время политическим соображениям».

Падение Второй империи и всего, что с нею связано, ни у кого не вызвало сожаления, — такова ее судьба. Сострадание, то есть самое малое, что выпадает обычно на долю испытавших большое несчастье, по-видимому, ни в какой мере на нее не распространяется. Даже в «honneur au courage malheureux»*, — выражение, которое теперь нельзя произнести по-французски без некоторой иронии, — даже в этом Второй империи, кажется, отказано. Мы сомневаемся, извлечет ли Наполеон при данных обстоятельствах большую пользу из документа, согласно которому его выдающаяся стратегическая интуиция каждый раз превращалась в ничто из-за нелепых приказов правительства в Париже, продиктованных политическими соображениями, в то время как его власть отменить эти нелепые приказы в свою

* — «воздании почести побежденным героям». *Ред.*

очередь превращалась в ничто вследствие его безграничного почтения к регентству императрицы. Лучшее, что можно сказать об этой на редкость жалкой брошюре, это то, что она подтверждает, какой скверный оборот неизбежно должны принимать дела на войне, «если военные операции все время подчиняются политическим соображениям».

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1788, 5 ноября 1870 г.

БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ

В течение первых шести недель войны, когда победы немцев быстро следовали одна за другой, когда силы вторгшегося противника, предназначенные для захвата территории, еще не были полностью израсходованы и когда на фронте еще имелись французские армии, чтобы оказывать ему сопротивление, борьба, вообще говоря, оставалась борьбой армий. Население захваченных районов принимало в ней лишь незначительное участие. Правда, около десятка эльзасских крестьян были преданы военному суду и расстреляны за участие в боях или за нанесение увечий раненым; но трагедии, подобные той, которая произошла в Базейле, являлись редким исключением. Это лучше всего доказывается тем огромным впечатлением, которое она произвела, и тем горячим спором, который велся в печати относительно того, насколько действия немцев в этом селении заслуживали оправдания или осуждения. Если бы стоило снова начинать этот спор, мы могли бы на основании безупречных свидетельств очевидцев доказать, что жители Лазейля действительно напали на баварских раненых, жестоко обращались с ними и бросали их в огонь загоревшихся от снарядов домов; в связи с этим генерал фон дер Танн отдал бессмысленный и варварский приказ уничтожить все селение — бессмысленный и варварский особенно потому, что по этому приказу следовало поджечь дома, в которых лежали сотни его же собственных раненых. Но как бы то ни было, селение Базейль было разрушено в пылу сражения и в ходе наиболее ожесточенной борьбы — борьбы в домах и на улицах, когда нужно немедленно реагировать на донесения и принимать решения и когда нет времени проверять показания и выслушивать мнения сторон.

В течение последних шести недель в характере войны произошла примечательная перемена. Исчезли французские регу-

лярные армии; борьба ведется новобранцами, которые уже в силу отсутствия подготовки и опыта являются в большей или меньшей степени нерегулярными войсками. Где бы они ни пытались выступить массами в открытом поле — их без труда разбивают, но, сражаясь в деревнях и городах под прикрытием баррикад и стен домов с устроенными в них бойницами, они могут оказывать серьезное сопротивление. Обращения и приказы правительства поощряют их вести такого рода борьбу, совершать неожиданные ночные нападения и другие внезапные действия, присущие малой войне; правительство также предписывает населению районов, где действуют новобранцы, оказывать им всяческую поддержку. Если бы противник располагал достаточными силами, чтобы занять всю страну, такое сопротивление было бы легко сломлено. Но до сдачи Меца он ими не располагал. Силы вторгшихся войск были израсходованы еще до того, как они достигли, с одной стороны, Амьена, Руана, Ле-Мана, Блуа, Тура и Буржа и, с другой — Безансона и Лиона. И то, что их силы истощились так быстро, в значительной степени объясняется все усиливающимся сопротивлением окружающей среды. Пресловутые «четыре улана» теперь уже не могут врываться в деревню или город, расположенные далеко от их линии фронта, и требовать абсолютного подчинения своим приказам, не рискуя при этом быть захваченными или убитыми. Для сопровождения реквизиционных отрядов нужны внушительные силы, а отдельным ротам или эскадронам приходится чрезвычайно остерегаться внезапных ночных нападений, когда они расквартировываются в деревнях, и засад, когда они находятся в походе. Вокруг германских позиций имеется полоса территорий, которую не занимают ни немцы, ни французы, и именно здесь народное сопротивление даст о себе знать сильнее всего. Для того чтобы подавить это народное сопротивление, немцы прибегают к законам войны, которые являются столь же устарелыми, сколь и варварскими. Они придерживаются правила, что каждый город или деревня, где один или несколько жителей принимают участие в обороне, стреляют по их войскам или вообще помогают французам, подлежит сожжению, что каждый человек, который захвачен с оружием в руках, но не является, по их мнению, солдатом регулярной армии, должен быть расстрелян на месте, и что всюду, где есть основание предполагать виновность сколько-нибудь значительной части населения города в подобного рода проступках, все здоровые мужчины должны быть немедленно истреблены. Эта система безжалостно проводится в течение почти шести недель и действует с полной силой и сейчас. Вы

не можете открыть немецкой газеты, не встретив полдюжины сообщений о подобного рода военных экзекуциях, которые расцениваются там как нечто вполне естественное, как обычные меры военного правосудия, проводимые с благодетельной строгостью «честными солдатами» по отношению к «подлым убийцам и разбойникам». Нет никаких беспорядков, никаких разнузданных грабежей, никаких насилий над женщинами, никаких нарушений приказов. Ничего подобного. Все делается по принятой системе и в соответствии с приказами: обреченное селение окружают, его жителей выгоняют, захватывают продовольствие и поджигают дома, а настоящие или подозреваемые виновники предстают перед военным судом, где их наверняка ожидает безжалостная расправа и полдюжины пуль. В Абли, селении с 900 жителей, расположенном на пути в Шартр, эскадрон 16-го (шлезвиг-гольштейнского) гусарского полка подвергся ночью внезапному нападению французских партизан и потерял половину своих солдат; в наказание за такую дерзость вся кавалерийская бригада двинулась на Абли и сожгла это селение дотла; в двух различных сообщениях, — оба исходят от участников драмы, — утверждается, что из числа жителей были отобраны все здоровые мужчины, и все они без исключения были расстреляны или зарублены. Но это только один из очень многих фактов. Один баварский офицер, находившийся в окрестностях Орлеана, пишет, что его отряд в течение двенадцати дней сжег пять деревень; можно без преувеличения сказать, что всюду, где в центре Франции проходят летучие немецкие отряды, их путь слишком часто отмечен огнем и кровью.

Сейчас, в 1870 г., вряд ли достаточно заявить, что подобные действия являются законным способом ведения войны и что вмешательство гражданского населения или людей, должным образом не признанных солдатами, равносильно разбою и его можно подавлять огнем и мечом. Все это можно было применять во времена Людовика XIV и Фридриха II, когда борьбу вели одни только армии. Но, начиная с американской войны за независимость вплоть до Гражданской войны в Америке, участие населения в войне, как в Европе, так и в Америке, стало не исключением, а правилом. Всюду, где народ давал себя покорить только потому, что его армии становились неспособными оказывать сопротивление, он вызывал всеобщее презрение, как нация трусов; и всюду, где народ энергично вел такую партизанскую борьбу, захватчики очень быстро убеждались в том, что руководствоваться старинным кодексом крови и огня невозможно. Англичане в Америке[97], французы

при Наполеоне в Испании, австрийцы в 1848 г. в Италии и Венгрии были очень скоро вынуждены, опасаясь репрессий по отношению к своим военнопленным, считать народное сопротивление совершенно правомерным. Даже пруссаки в 1849 г. в Бадене или папа* после Ментаны[98] не решались без разбора расстреливать военнопленных, несмотря на то, что последние были партизанами и «бунтовщиками». Существует только два современных примера безжалостного применения этого устарелого закона «искоренения» — подавление англичанами восстания сипаев в Индии[99] и действия Базена и его французских войск в Мексике.

Из всех армий мира прусской армии менее всего подобало возрождать такого рода образ действий. В 1806 г. Пруссия была разгромлена только потому, что во всей стране не было и следа этого духа народного сопротивления. После 1807 г. те, кто занимался реорганизацией управления и армии, сделали все, что было в их силах, для пробуждения этого духа. Испания в это время показала славный пример того, как народ может сопротивляться вторгшейся армии. Все военные руководители Пруссии указывали своим соотечественникам на этот пример, как на образец, которому нужно следовать. Шарнхорст, Гнейзенау, Клаузевиц — все были одного мнения на этот счет; Гнейзенау даже сам отправился в Испанию, чтобы сражаться против Наполеона. Вся новая военная система, введенная тогда в Пруссии, явилась попыткой организовать народное сопротивление противнику, но крайней мере, насколько это было возможно при абсолютной монархии. Не только все физически годные для службы мужчины должны были пройти службу в армии, а потом служить в ландвере до сорока лет, но и юноши в возрасте от семнадцати до двадцати лет и мужчины от сорока до шестидесяти лет должны были войти в состав ландштурма, или levee en masse**. Ландштурм должен был поднимать восстания в тылу и на флангах противника, беспокоить его во время передвижений, перехватывать припасы и курьеров, использовать всякое оружие, которое только можно было достать, применять без разбора все имеющиеся под рукой средства для того, чтобы изматывать вторгшегося врага, — «чем эффективнее эти средства, тем лучше», — а самое главное

«не носить никакой формы, чтобы ландштурмисты могли в любой момент снова принять вид частных граждан, оставаясь неузнанными противником».

* — Пий IX. *Ред.*
** — всеобщего ополчения. *Ред.*

Все это «Положение о ландштурме», — как назывался изданный о нем в 1813 г. закон, автором которого был не кто иной, как Шарнхорст, организатор прусской армии, — было составлено в духе непримиримого народного сопротивления, для которого оправданы все средства, и самое эффективное средство является наилучшим. Но ведь все это пруссаки намеревались использовать против французов, а если этими же методами французы действуют против пруссаков, то это уже совсем другое дело. То, что в одном случае считалось патриотизмом, в другом оказывается разбоем и подлым убийством.

Дело в том, что теперешнее прусское правительство стыдится этого старого полуреволюционного «Положения о ландштурме» и своими действиями во Франции старается заставить забыть о нем. Но каждый акт бесчеловечной жестокости, совершаемый им во Франции, все больше и больше будет напоминать об этом «Положении»; а оправдание подобного позорного способа ведения войны только доказывает, что если со времени Йены прусская армия неизмеримо улучшилась, то само прусское правительство быстро создает такое же положение вещей, которое сделало возможной Йену.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1793, 11 ноября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXVII

Тем, кто так же, как и г-н Гамбетта, думал, что за искусным, хорошо согласованным маневром, в результате которого Луарская армия принудила баварцев фон дер Танна оставить Орлеан, немедленно последует продвижение на Париж, было суждено разочароваться. Столкновение у Кульмье[100], или как бы его потом ни называли, произошло 9 ноября, а до вечера 13-го баварские передовые части, которых никто не тревожил, по-видимому, оставались перед Тури, всего в 25 милях от Орлеана.

Генералу д'Орель де Паладину делает большую честь то. что после своего первого успеха он обнаружил не только здравый смысл, но и моральную силу, чтобы вовремя остановиться. Ведь г-н Гамбетта, следуя за ним, заявлял его солдатам, что они идут на Париж, что Париж их ждет и должен быть освобожден от варваров, и поэтому было не легким делом сдерживать эти молодые и полудисциплинированные войска, которые готовы немедленно кричать об «измене», если их сразу же не ведут на неприятеля, и обращаться в бегство, когда этот неприятель даст им серьезно почувствовать свое присутствие. Тот факт, что д'Орелю удалось задержать своих солдат на пути в Париж, показывает, что его усилия дисциплинировать их были не безуспешными и что своим первым успехом он приобрел их доверие. Его диспозиции для этих боевых действий, которые завершились первой французской победой, были во всех отношениях целесообразными. У фон дер Танна не могло быть более 25000 человек в окрестностях Орлеана, и эту открытую для нападения позицию он мог продолжать удерживать, сознавая, что его испытанные войска при любых обстоятельствах сумеют проложить себе путь сквозь противостоящие им войска новобранцев, сколько бы их ни было. Д'Орель мог действовать против баварцев с войсками, по крайней мере,

вчетверо превышающими их численность, и он поступил так, как обычно поступают в подобном случае: он обошел их с флангов и развернул, особенно в тылу их правого фланга, такие силы, что фон дер Танн сразу же принужден был отступить назад к своим подкреплениям. Они присоединились к нему в Тури 11-го или самое позднее 12-го и состояли из 22-й северогерманской пехотной дивизии Виттиха, кавалерийской дивизии принца Альбрехта и 13-го корпуса (17-я северогерманская и вюртембергская дивизии). Таким образом, в Тури под командованием великого герцога Мекленбургского сосредоточены силы численностью по крайней мере в 65000—70000 человек, и генералу д'Орелю придется серьезно взвесить все обстоятельства, прежде чем решиться напасть на немецкие войска, хотя ими и командует весьма посредственный начальник.

Но, кроме этого, есть еще и другие причины, которые должны заставить генерала д'Ореля выжидать, прежде чем предпринять какое-нибудь новое движение. Если он действительно намерен идти на выручку Парижа, то он должен очень хорошо знать, что его собственных сил для достижения этой цели недостаточно, если одновременно со стороны самой крепости не будут предприняты энергичные действия для его поддержки. Мы знаем, что генерал Трошю отобрал самую дисциплинированную и наиболее организованную часть своих поиск и образовал из нее то, что можно назвать активной армией Парижа. Эта армия под командованием генерала Дюкро, очевидно, предназначена для тех крупных вылазок, без которых оборона такой крепости, как Париж, подобна сражающемуся солдату, у которого правая рука на перевязи.

Вероятно не случайно и то, что эта реорганизация Парижской армии совпадает по времени с продвижением Луарской армии. Генерал Трошю и генерал д'Орель несомненно попытались при помощи воздушных шаров и почтовых голубей условиться о согласованных передвижениях в заранее назначенное время; и если только немцы не нападут на Луарскую армию раньше, то мы можем ожидать вылазки из Парижа в крупном масштабе одновременно или почти в то же самое время, когда д'Орель снова двинется вперед. Эта вылазка, вероятно, будет произведена, по крайней мере, силами всех трех корпусов Дюкро, с южной стороны города, где в случае успеха могла бы быть установлена связь с Луарской армией. В то же время на северо-восточной и северо-западной сторонах «Третья армия» Трошю предприняла бы ложные атаки и отвлекающие нападения, поддерживаемые огнем из фортов, чтобы помешать армии обложения послать подкрепления на юг.

Вместе с тем, мы можем быть уверены, что генерал Мольтке все это учитывает и он не будет застигнут врасплох. Несмотря на значительное численное превосходство войск, которые французы будут в состоянии выставить на поле сражения, мы твердо убеждены, что разница в их качестве и в командовании ими скажется в еще большей мере.

Чтобы такая попытка освободить Париж из тисков, в которых его держат «варвары», могла вообще иметь какие-либо шансы на успех, ее надо предпринять как можно скорее. Кроме пяти пехотных дивизий, противостоящих Луарской армии, под Парижем в настоящее время находится шестнадцать дивизий пехоты (2-й, 4-й, 5-й, 6-й, 12-й корпуса, гвардия, 2-й баварский корпус, 21-я дивизия и гвардейская дивизия ландвера). Этих сил, по мнению Мольтке, должно быть совершенно достаточно для поддержания действенной блокады Парижа; в противном случае из армии, освободившейся после сдачи Меца, он подтянул бы к Парижу больше войск, а не только 2-й корпус. Если же учесть, что немецкие позиции у Парижа везде сильно укреплены и вскоре окажутся под прикрытием мощных осадных батарей, то не остается сомнений, что это мнение правильно. Сейчас, однако, мы начинаем получать известия о принце Фридрихе-Карле, который с тремя армейскими корпусами (3-м, 9-м и 10-м) после капитуляции Меца исчез из поля зрения. Первое известие, полученное с тех пор нами о его войсках, представляло собой короткое сообщение о том, что 7 ноября произошло столкновение между «9-м полком» и мобилями непосредственно за Шомоном в Верхней Марне. 9-й полк принадлежит к 7-й бригаде корпуса (2-го), который уже прибыл к Парижу, поэтому все сообщение становится непонятным. После этого было установлено, что 9-й полк в телеграмме был указан по ошибке вместо 9-й бригады. И это разъясняет дело: 9-я бригада является первой в 3-м армейском корпусе, следовательно, принадлежит к армии принца Фридриха-Карла. Место, где произошло столкновение, а также сообщение, считающееся в военных кругах Берлина в целом достоверным, о том, что принц двигался к Тру а, куда он, как сообщают, прибыл 7-го или 8-го, не оставляют почти никаких сомнений, что он избрал путь, по которому, согласно нашему предположению, должны были пойти его главные силы, то есть «направиться от Меца через Шомон и Осер и устремиться в направлении Бордо, очистив предварительно линию Луары от Тура до Невера»*. Теперь мы узнаем, что эта армия заняла

* См. настоящий том, стр. 156. *Ред.*

линию реки Йонны у Санса, приблизительно в 50 милях от Жьен на Луаре и лишь в 30 милях от Монтаржи, откуда после одного полного суточного перехода можно выйти во фланг любой французской позиции к северу от Орлеана. Отряды, находящиеся, согласно полученным сообщениям, в Мальзербе и Немуре, возможно посланы принцем Фридрихом-Карлом для установления связи с левым флангом фон дер Танна; или же это могут быть отряды, находящиеся на крайнем левом фланге линии марша 13-го корпуса. Во всяком случае теперь мы можем ожидать, что принц при помощи летучих отрядов очень скоро установит связь, с одной стороны, с фон дер Танном в Тури и, с другой, с Вердером в Дижоне. Если Луарская армия промедлит с наступлением до тех пор, пока подойдет принц Фридрих-Карл, то кроме 70000 человек, находящихся непосредственно перед ней, еще 75000 окажутся у ее правого крыла и в тылу, и тогда придется оставить всякую мысль об освобождении Парижа. У нее будет достаточно забот о своей собственной безопасности, и ей ничего другого не останется, как отступать перед этим широким потоком вторгшихся войск, который распространится на Центральную Францию фронтом протяженностью от Шартра до Дижона.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1797, 16 ноября 1870 г.

УКРЕПЛЕННЫЕ СТОЛИЦЫ

Если можно сказать, что благодаря опыту настоящей войны какой-либо военный вопрос был разрешен окончательно, то это относится именно к вопросу о целесообразности укрепления столицы большого государства. С того дня, когда было принято решение об укреплении Парижа, в военной литературе всех стран продолжается спор о целесообразности и даже просто о возможности оборонять такую огромную крепость. Этот вопрос мог быть разрешен только на практике, при действительной осаде Парижа — единственной существующей укреп ленной столицы, — и хотя настоящая осада Парижа еще не началась, укрепления Парижа уже оказали Франции такие огромные услуги, что этот вопрос можно считать решенным в положительном смысле.

Опасная близость Парижа к северо-восточной граница Франции — границе, совершенно лишенной к тому же какой-либо удобной для обороны линии в виде реки или гор, — повлекла за собой, во-первых, завоевание прилегающих к границе земель, во-вторых, сооружение тройного пояса крепостей, протянувшихся от Рейна до Северного моря и, в-третьих, постоянное неукротимое стремление овладеть всем левым берегом Рейна, которое, в конце концов, и привело Францию к ее теперешнему положению. Завоевания были урезаны и их границы определены договорами 1814 и 1815 годов[101]; крепости, — как доказали оба нашествия противника в те же годы, — оказались почти бесполезными и совершенно неспособными задержать крупные армии; наконец, призывы к захвату Рейна были в 1840 г. временно прекращены созданием европейской коалиции против Франции[102]. И тогда Франция, как и подобало великой нации, попыталась компенсировать опасное положение Парижа единственным средством, которое было ей доступно, а именно — его укреплением.

В теперешней войне Франция с ее наиболее уязвимой стороны была прикрыта благодаря нейтралитету Бельгии. И тем не менее всего одного месяца было достаточно, чтобы очистить поля сражений от всех ее организованных сил. Половина их сдалась в плен, другая оказалась запертой в безнадежном положении в Меце, причем ее сдача была вопросом недель. При обычных условиях война была бы окончена. Немцы заняли бы Париж и такую часть остальной Франции, какую они пожелали бы занять, и после капитуляции Меца, если не раньше, мир был бы заключен. Почти все крепости Франции находятся близко к границе; как только этот пояс укрепленных городов прорван на фронте, достаточно широком для обеспечения свободы движения, остальными крепостями на границе или на побережье можно было бы пренебречь и оккупировать всю центральную часть страны; после этого было бы легко принудить пограничные крепости к сдаче одну за другой. Между тем даже в партизанской войне крепости внутри страны в развитых странах необходимы как центры, обеспечивающие безопасность при отступлении. В войне на Пиренейском полуострове народное сопротивление испанцев оказалось возможным, главным образом, благодаря крепостям. В 1809 г. французы вытеснили английские войска сэра Джона Мура из Испании; в открытом бою они повсюду одерживали победы и все-таки не смогли покорить страну. Сравнительно небольшая англо-португальская армия не могла бы при своем вторичном появлении противостоять французам, если бы не бесчисленные испанские вооруженные отряды, которым было легко наносить поражение в открытом бою, но которые тревожили фланги и тыл каждой французской колонны и сковывали большую часть вторгнувшейся армии противника. А эти отряды не могли бы удержаться в течение сколько-нибудь длительного времени, если бы в стране не имелось большого количества крепостей, крепостей главным образом небольших и устарелых, но требующих для овладения ими правильной осады; и поэтому они служили надежными убежищами для этих отрядов, когда последние подвергались нападению в открытом поле. Так как во Франции такие крепости отсутствуют, то тут даже партизанская война не представляла бы очень большой опасности, если бы не было некоторых других обстоятельств, которые возмещают отсутствие крепостей. И одним из таких обстоятельств является укрепление Парижа.

2 сентября капитулировала последняя французская армия, действовавшая вне крепостей. А сегодня, 21 ноября, почти одиннадцать недель спустя, около полосины всех немецких

войск во Франции все еще прочно приковано к Парижу, в то время как большую часть остальных войск поспешно отправляют из Меца для того, чтобы обезопасить войска, обложившие Париж, от вновь сформированной Луарской армии; какую бы ни представляла собой ценность эта армия, ее нельзя было бы даже создать, если бы не было укреплений Парижа. Эти укрепления обложены уже ровно два месяца, а приготовления к открытию правильной осады все еще не закончены; это означает, что осада крепости таких размеров, как Париж, даже если она обороняется только новобранцами и полным решимости населением, может начаться только к тому времени, когда осада обыкновенной крепости давно была бы успешно завершена. Это доказывает, что снабжать продовольствием город с двумя миллионами жителей, пожалуй, легче, чем крепость меньших размеров, не являющуюся в такой мере центром сбыта продуктов из прилегающих сельских местностей, хотя за снабжение Парижа продовольствием серьезно взялись только после 4 сентября, то есть всего за две недели до завершения обложения. Париж ведь после девятинедельной блокады все еще не доведен до состояния голода, который заставил бы его сдаться. Французские армии фактически оказывали сопротивление только один месяц, в то время как Париж оказывает сопротивление уже два месяца и все еще прочно сковывает главные силы вторгшегося противника. Это несомненно больше, чем было достигнуто какой-либо крепостью до сих пор, и полностью оправдывает расходы на укрепления. К тому же не следует забывать, что, как мы уже неоднократно указывали, оборона Парижа на этот раз ведется в совершенно ненормальных условиях, так как ее приходится осуществлять при отсутствии активной полевой армии. Каково же было бы это сопротивление, насколько оно задержало бы обложение, а возможно и вовсе воспрепятствовало бы ему, и насколько больше войск вторгшегося противника было бы сковано вокруг Парижа, если бы армия Мак-Магона направилась не к Седану, а к столице?

Но это еще не все. Оборона Парижа не только предоставила Франции двухмесячную передышку, что при менее катастрофических обстоятельствах имело бы неоценимое значение н даже теперь может оказаться неоценимым, но она также дала Франции те благоприятные возможности, которые могут быть созданы политическими переменами за время осады. Мы можем сколько угодно повторять, что Париж такая же крепость, как и всякая другая, но это не меняет того обстоятельства, что действительная осада такой крепости, как Париж, вызовет во всем мире гораздо большее возбуждение, чем осада ста

крепостей меньшего размера. Каковы бы ни были законы войны, наше современное сознание не может примириться с тем, чтобы с Парижем поступили так, как со Страсбургом. Можно смело рассчитывать на то» что в этом случае нейтральные страны попытаются выступить в качестве посредников; политическая подозрительность по отношению к завоевателю почти неизбежно обнаружится еще до того, как крепость окончательно принудят сдаться, и весьма вероятно, что исход операции таких размеров и такой продолжительности, как осада Парижа, будет в действительности в равной мере решаться в кабинете какой-нибудь не участвующей в войне державы посредством союзов и контрсоюзов, как и в траншеях посредством демонтирных батарей[103] и брешь-батарей. Пример этого мы, может быть, вскоре увидим. Вполне возможно, что неожиданное обострение в Европе восточного вопроса[104] сможет сделать для Парижа то, что Луарская армия не в состоянии сделать, а именно спасти его от сдачи и освободить от блокады. Если, что более чем вероятно, Пруссия не смогла бы освободиться от подозрений в сообщничестве — в той или другой степени — с Россией, если бы Европа решила не допустить вероломного нарушения Россией ее обязательств, тогда было бы чрезвычайно важно, чтобы Франция не оказалась окончательно обессиленной и чтобы Париж не был занят пруссаками. Поэтому совершенно необходимо сейчас же заставить Пруссию недвусмысленно заявить о своих намерениях и, если она попытается уклониться, немедленно принять меры к тому, чтобы увеличить надежды на успех и усилить сопротивление Парижа. Тридцать тысяч английских солдат, выраженных в Шербуре или Бресте и присоединенных к Луарской армии, составили бы ту ее часть, которая придала бы этой армии несвойственную ей до сих пор стойкость. Английская пехота в силу своей необыкновенной устойчивости и даже в силу связанного с этим недостатка, то есть ее неповоротливости в тех маневрах, которые выполняются легкой пехотой, особенно подходит, таким образом, для того, чтобы придать стойкость войскам, вновь сформированным из новобранцев; эту роль она изумительно выполняла под командованием Веллингтона в Испании; такую же роль она играла во всех войнах в Индии по отношению к менее надежным туземным войскам. В данных условиях такой английский армейский корпус оказал бы значительно большее влияние, чем можно было бы ожидать, исходя только из его численности, как это и всегда происходило, когда английский корпус использовался таким образом. Несколько итальянских дивизий, выдвинутых вперед в качестве авангарда итальянской

армии в направлении Лиона и долины Соны, вскоре отвлекли бы войска принца Фридриха-Карла; существует Австрия; существуют скандинавские королевства, которые могли бы угрожать Пруссии на других фронтах и отвлекать ее войска; получив такие известия, Париж сам безусловно предпочел бы капитуляции почти любую голодовку, — тем более хлеба там, по-видимому, вполне достаточно, — и, таким образом, укрепления города могли бы действительно спасти страну даже в ее теперешнем бедственном положении, дав ей возможность продержаться, пока не подоспеет помощь.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1801, 21 ноября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXVIII

Если когда-либо существовала возможность освободить Париж, то именно в течение последних восьми дней. Решительное наступление Луарской армии, усиленной всеми войсками, которые можно было бы подтянуть из восточной части Франции, против обсервационной армии герцога Мекленбургского, в сочетании с вылазкой en masse* всех дисциплинированных войск Трошю, при одновременном осуществлении как одного, так и другого наступления и притом прежде, чем принц Фридрих-Карл мог бы подойти со Второй армией, — таков был единственный план, обещавший успех. А если мы ознакомимся с контрмероприятиями немцев, то должны будем прийти к заключению, что этот план имел больше шансов на успех, чем можно было ожидать с первого взгляда.

На прошлой неделе под Парижем находилось семнадцать немецких пехотных дивизий, включая вюртембержцев, которые, вопреки ошибочному первоначальному сообщению, не оставили своих позиций между Сеной и Марной. Обсервационная армия под командованием герцога Мекленбургского состояла из двух северогерманских и двух баварских дивизий, не считая кавалерии. После боя у Кульмье, вместо того чтобы неотступно следовать за баварцами, д'Орель двинулся на север и на запад в направлении к Шартру, где мы пока потеряли его из виду. Немцы ответили на это движение переменой фронта на запад, баварцы фон дер Танна удерживали территорию от Этампа до Абли, в то время как 17-я и 22-я дивизии двинулись к Шартру и Дрё. Дрё в это время был снова занят французскими войсками; предполагали, что д'Орель с помощью войск генерала Кератри и других подкреплений делает попытку обойти обсервационную армию и внезапно появиться перед армией, бло-

* — массовой, общей. *Ред.*

кирующей Париж. Графу Мольтке эта попытка показалась настолько серьезной, что он немедленно отправил на помощь герцогу Мекленбургскому ближайшие войска, части 5-го и 12-го корпусов, и отдал приказ 2-му баварскому и 6-му северогерманскому корпусам, а также 21-й и вюртембергской дивизиям быть готовыми выступить, если потребуется, на юг. Ранее посланные подкрепления дали возможность герцогу Мекленбургскому 17-го снова захватить Дрё и 18-го преследовать противника за Шатонёф. Какие именно французские войска потерпели здесь поражение — трудно сказать. Может быть, это были части Луарской армии, но, конечно, не сама Луарская армия. С тех пор нет никаких сообщений о дальнейших движениях французов; а между тем время идет, и принц Фридрих-Карл подходит все ближе и ближе и должен быть теперь на таком расстоянии от левого фланга герцога Мекленбургского, которое дает возможность оказать поддержку.

Не приходится, по-видимому, сомневаться в том, что французы упустили чрезвычайно благоприятную возможность. Наступление Луарской армии произвело такое громадное впечатление на Мольтке, что он, не колеблясь ни минуты, отдал приказ, который, — в случае, если бы его пришлось выполнить, — означал не что иное, как снятие обложения Парижа. Части 5-го и 12-го корпусов, которые продвигались в направлении на Дрё, по нашим подсчетам составляли не больше бригады каждая, или всего одну дивизию; но, кроме них, две баварские, три северогерманские и вюртембергская дивизии были выделены, чтобы быть наготове по первому требованию выступить против д'Ореля. Таким образом, из семнадцати дивизий, которые находятся под Парижем, по крайней мере, семь должны были, в случае необходимости, выступить против армии, идущей на выручку города, и эти семь дивизий были именно те, которые занимали район к югу от Парижа. У кронпринца остался бы только 2-й и большая часть 5-го корпуса для того, чтобы охранять обширную территорию от Сены у Шуази через Версаль до Сен-Жермена, в то время как гвардейский корпус, 4-й и большая часть 12-го корпуса должны были бы удерживать всю северную линию от Сен-Жермена, огибая Гонес и Сен-Брис через Марну и снова до Сены выше Парижа. Таким образом, десять пехотных дивизий удерживали бы фронт обложения в сорок миль, или на каждую дивизию приходилось бы четыре мили фронта. Такое распыление сил свело бы обложение к простой обсервационной линии; и войска Трошю, в составе восьми дивизий под командованием Дюкро и еще семи дивизий из Третьей армии Трошю, находящейся

непосредственно под его командованием, могли бы обладать по крайней мере тройным численным превосходством над противником в любом пункте, который Трошю выбрал бы для атаки, При таком перевесе сил его победа была бы обеспечена. Он мог бы прорвать фронт немцев, захватить и уничтожить их осадные парки, боевые припасы и склады и нанести им такие потери в людях, что тесное обложение Парижа, не говоря уже об осаде, стало бы на некоторое время невозможным.

Мы до сих пор рассматривали только возможности Трошю, независимо от возможностей Луарской армии. Последняя, конечно, не могла бы быть равноценной одиннадцати германским дивизиям, выделенным для действий против нее, если бы все эти дивизии были сосредоточены в одном месте. Но возможность такого сосредоточения была почти исключена. Весьма вероятно, что смелое и быстрое наступление д'Ореля, в сочетании с одновременной крупной вылазкой Трошю, внесло бы расстройство в мероприятия Мольтке. Ни один из корпусов, который Трошю удалось бы атаковать, нельзя было бы выделить для выступления против д'Ореля. Таким образом, было бы, возможно, делом случая, которому из двух французских командующих пришлось бы сражаться с главной массой немцев, но фактом остается то, что силы французов, вместе взятые, значительно превосходили бы любые силы, которые немцы могли бы выставить против них. Расстояние между Парижем и Дрё меньше чем пятьдесят миль. В случае одновременного наступления на немцев с обеих сторон и всеми силами, имеющимися для этой цели в распоряжении французов, несколько немецких дивизий, по всей вероятности, оказались бы на марше между этими двумя крайними пунктами, поэтому их нельзя было бы использовать немедленно. Если бы наступление было действительно одновременным, то почти подавляющее численное превосходство французов — либо со стороны Дрё, либо со стороны Парижа — было бы несомненным, и поэтому не одержать хотя бы одной победы было почти невозможно. Мы отлично знаем, с какими огромными препятствиями и трудностями сопряжены согласованные передвижения и как часто они не удаются. Но в данном случае следует заметить, что для успеха требовалось лишь одно условие: чтобы оба наступления производились точно в одно и то же время. А кроме того ясно, что при расстоянии между армиями в сорок миль пруссаки тоже должны были бы согласовывать свои передвижения.

Почему ни д'Орель, ни Трошю не предприняли ничего, чтобы воспользоваться представившимися им таким образом шансами, объяснить невозможно. Мелкие стычки вблизи Дрё

и Шатонёфа не были, конечно, такого рода боями, в результате которых Луарская армия могла быть отброшена; в них участвовало не больше трех немецких дивизий, в то время как Луарская армия насчитывает, по крайней мере, восемь. Ожидает ли д'Орель дальнейших подкреплений; сбились ли с пути его почтовые голуби, доставляющие донесения; имеются ли разногласия между ним и Трошю, — мы сказать не можем. Во всяком случае это промедление является роковым для их дела. Принц Фридрих-Карл продолжает двигаться вперед и в настоящий момент находится, пожалуй, настолько близко от армии великого герцога Мекленбургского, что может действовать совместно с ней, и шесть дивизий, которые находятся под Парижем, могут быть там оставлены. А с того момента, когда положение дел будет таким, оба французских генерала потеряют еще одну возможность одержать победу, и, быть может, свою последнюю возможность.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1803, 23 ноября 1870 г.

ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА ВО ФРАНЦИИ

Вчера мы обратили внимание читателей на тот факт, что со времени сдачи Седана перспективы Франции значительно улучшились[105] и что даже падение Меца и освобождение в результате этого до 150000 немецких солдат в настоящее время не являются такой сокрушительной катастрофой, какой это казалось вначале. Если сегодня мы возвращаемся к тому же вопросу, то делаем это для того, чтобы с помощью некоторых подробностей военного характера еще раз показать правильность этого взгляда.

Расположение германских армий на 24 ноября, насколько это можно установить, было следующим:

Обложение Парижа: Третья армия (2-й, 5-й, 6-й и 2-й баварский корпуса, 21-я, вюртембергская дивизии и гвардейская дивизия ландвера) и Четвертая армия (4-й, 12-й и гвардейский корпуса); всего семнадцать дивизий.

Обсервационная армия, прикрывающая обложение: с севера — Первая армия (1-й и 8-й корпуса); с запада и юго-запада — армия герцога Мекленбургского (17-я и 22-я дивизии и 1-й баварский корпус); с юга — Вторая армия (3-й, 9-й и 10-й корпуса и дивизия ландвера, часть которой была так жестоко потрепана войсками Риччотти Гарибальди у Шатильона[106]); всего пятнадцать дивизий.

Со специальным назначением: на юго-востоке Франции — 14-й корпус (Вердера, состоящий из двух с половиной дивизий) и 15-й корпус; в Меце и у Тионвиля — 7-й корпус; на линии коммуникаций по крайней мере полторы дивизии ландвера; всего по меньшей мере восемь дивизий.

Из этих сорока пехотных дивизий первые семнадцать в настоящее время целиком заняты у Парижа; неизменяющееся расположение последних восьми дивизий свидетельствует о том, что все они необходимы для выполнения стоящий перед ними

THE MILITARY SITUATION IN FRANCE F. Engels

YESTERDAY we called attention to the fact that since the surrender at Sedan the prospects of France had much improved, and that even the fall of Metz, and the setting free thereby of some 150,000 German soldiers, does not now look the crushing disaster it appeared to be at first. If we recur to the same subject to-day, it is in order to prove still more, by a few military details, the correctness of this view.

The positions of the German armies on the 24th of November, as far as they can be made out, were as follows: —

Investing Paris: The Third Army (2nd, 5th, 6th, and 2nd Bavarian corps, the 21st, the Würtemberg, and Landwehr Guard Divisions) and the Fourth Army (4th, 12th, and Guards corps); in all seventeen divisions.

Army of Observation, protecting this investment: To the north, the First Army (1st and 8th corps); to the west and south-west, Duke of Mecklenburg's army (17th and 22nd divisions, and 1st Bavarian corps); to the south, the Second Army (3rd, 9th, and 10th corps, and a division of landwehr, a detachment of which was so severely handled at Châtillon by Ricciotti Garibaldi); in all fifteen divisio.

On special duty, in the south-east of France, the 14th corps (Werder's, consisting of two divisions and a half), and 15th corps; in Metz and about Thionville, the 7th corps; on the line of communication, at least a division and a half of landwehr; in all eight divisions at least.

Of these forty divisions of infantry, the first seventeen are at present fully engaged before Paris; the last eight show by their immobility that they have as much work cut out for them as they can manage. There remain disposable for the field the fifteen divisions composing the three armies of observation, and representing with cavalry and artillery a total force of some 200,000 combatants at most.

Now, before the 9th of November, there appeared to be no serious obstacle to prevent this mass of men from overrunning the greater part of central and even southern France. But since then things have changed considerably. And it is not so much the fact of Von der Tann having been beaten and compelled to retreat, or that of D'Aurelle having shown his ability to handle his troops well, which has inspired us with a greater respect for the Army of the Loire than we confess we had up to that day; it is chiefly the energetic measures which Moltke took to meet its expected march on Paris which have made that army appear in quite a different light. Not only did he find it necessary to hold in readiness against it, even at the risk of raising *de facto* the investment of Paris, the greater portion of the blockading forces on the south side of the town, but he also changed at once the direction of march of the two armies arriving from Metz, so as to draw them closer to Paris, and to have the whole of the German forces concentrated around that city; and we now hear that, moreover, steps were taken to surround the siege park with defensive works. Whatever other people may think, Moltke evidently does not consider the Army of the Loire an armed rabble, but a real, serious, redoubtable army.

The previous uncertainty as to the character of that army resulted to a great extent from the reports of the English correspondents at Tours. There appears to be not one military man among them capable of distinguishing the characteristics by which an army differs from a mob of armed men. The reports varied from day to day regarding discipline, proficiency in drill, numbers, armament, equipment, artillery, transport—in short, regarding everything essential to form an opinion. We all know

Начало статьи «Военная обстановка во Франции» с автографом Ф. Энгельса
(вырезка из «Pall Mall Gazette»)

задачи. Для действий в открытом поле остается пятнадцать дивизий, составляющих три обсервационные армии и представляющих собой вместе с кавалерией и артиллерией силу общей численностью не свыше 200000 бойцов.

Итак, до 9 ноября, казалось, не существовало серьезных препятствий, которые помешали бы этой массе войск наводнить большую часть Центральной и даже Южной Франции. Но с тех пор положение вещей значительно изменилось. Не столько то обстоятельство, что фон дер Танн потерпел поражение и был вынужден отступить или что д’Орель показал уменье хорошо управлять своими войсками, внушило нам большее уважение к Луарской армии, чем мы, признаться, питали к ней раньше; в совершенно ином свете позволили увидеть эту армию главным образом энергичные меры, принятые Мольтке против ожидаемого похода Луарской армии на Париж. Мольтке не только счел необходимым держать наготове против нее. даже с риском снять de facto* обложение Парижа, большую часть блокирующих войск на южной стороне города, но также сразу изменил направление движения двух армий, идущих от Меца, с тем чтобы, подтянув их ближе к Парижу, сосредоточить все немецкие войска вокруг этого города. Теперь мы узнаем, кроме того, что были приняты меры, чтобы окружить осадный парк оборонительными укреплениями. Каково бы ни было мнение других лиц, Мольтке, очевидно, не считает Луарскую армию просто толпой вооруженных людей, а рассматривает ее как настоящую серьезную и опасную армию.

Прежняя неосведомленность относительно характера этой армии в значительной степени была результатом сообщений английских корреспондентов, находящихся в Туре. Среди них, по-видимому, нет ни одного военного, способного подметить характерные черты армии, отличающие ее от толпы вооруженных людей. Изо дня в день поступали самые противоречивые сведения относительно дисциплины, успехов в обучении, численности, вооружения, снаряжения, артиллерии, транспорта, короче говоря, относительно всех существенных моментов, на основании которых можно было составить себе мнение о Луарской армии. Все мы знаем об огромных трудностях, возникших при формировании этой новой армии: недостаток офицеров, оружия, лошадей, всякого рода имущества и материальной части и в особенности недостаток времени. Сообщения, поступавшие к нам, касались, главным образом, этих трудностей, и в результате Луарская армия

* — фактически. *Ред.*

вообще недооценивалась людьми, которые не позволяют своим симпатиям влиять на их суждения.

Теперь те же самые корреспонденты единодушно расхваливают эту армию. Говорят, что она располагает лучшими офицерами и более дисциплинирована, чем армии, побежденные при Седане и в Меце. Несомненно, до известной степени это так. Моральный дух этой армии, по-видимому, значительно лучше, чем он был когда-либо у бонапартистских армий; чувствуется решимость сделать все для своей страны, действовать согласованно и для этого повиноваться приказам. Кроме того, эта армия вновь научилась одному очень важному делу, которое в армии Луи-Наполеона было совершенно забыто, — несению службы легкой пехоты, искусству прикрывать фланги и тыл от неожиданных нападений, производить разведку неприятеля, нападать врасплох на его отряды, добывать сведения и захватывать пленных. Корреспондент «Times» при герцоге Мекленбургском приводит доказательства этому. Теперь уже пруссаки не могут узнать местонахождения своего врага и вынуждены действовать, наугад; прежде было совсем наоборот. Армия, которая научилась этому, научилась очень многому. Все же мы не должны забывать, что Луарская армия, так же как и ее сестры — Западная и Северная армии, — еще должна испытать свою отвагу в генеральном сражении против примерно равных по численности войск. Но в целом она подает большие надежды, и в силу некоторых обстоятельств даже крупное поражение, возможно, не причинит ей такого серьезного вреда, какой обыкновенно оно наносит большинству молодых армий.

Дело обстоит так, что своими зверствами и жестокостями пруссаки не только не подавили народного сопротивления, но удвоили его энергию, и в такой мере, что, кажется, сами поняли свою ошибку; теперь мы почти не слышим о сожжении деревень и истреблении крестьян. Но жестокое обращение уже оказало свое действие, и партизанская война с каждым днем принимает все большие размеры. Когда мы читаем в «Times» сообщения о том, что при продвижении герцога Мекленбургского к Ле-Ману неприятеля не видно, что нет никаких регулярных войск, которые оказывали бы сопротивление в открытом поле, и только кавалерия и франтиреры показываются вблизи флангов, угрожая им, что нет никаких сведений о местонахождении французских войск, а прусские войска держатся скученно довольно большими отрядами, — то мы невольно вспоминаем походы наполеоновских маршалов в Испании или войск Базена в Мексике. А раз пробудился этот дух народного сопротивления, то даже армии в 200000 человек не могут до-

биться многого в оккупации враждебной страны. Они быстро достигают пределов, за которыми их отряды становятся слабее тех сил, которые в состоянии им противопоставить обороняющиеся; а насколько быстро наступит такое положение, полностью зависит от мощи народного сопротивления. Таким образом, даже разбитая армия быстро находит место, безопасное от преследования неприятеля, если только народ этой страны поднимет восстание, а именно это и может произойти теперь во Франции. И если восстанет население районов, оккупированных неприятелем, или хотя бы только будут постоянно прерываться его коммуникационные линии, то предельная черта, за которой вторгшийся противник становится бессильным, еще более приблизится. Нас, например, не удивит, если окажется, что герцог Мекленбургский, при условии, что он не получит сильной поддержки от принца Фридриха-Карла, уже теперь зашел в своем продвижении слишком далеко.

В настоящее время все, конечно, зависит от Парижа. Если Париж выдержит еще месяц — а сообщения о состоянии запасов продовольствия в городе вовсе не исключают этой возможности, — то Франция сможет создать достаточно большую армию для действия в открытом поле, чтобы с помощью народного сопротивления снять обложение успешным нападением на коммуникации пруссаков. Аппарат организации армий, по-видимому, работает во Франции в настоящее время достаточно хорошо. Людей имеется больше, чем нужно; благодаря возможностям современной промышленности и быстроте современных средств сообщения оружие поступает в неожиданно больших количествах; из одной только Америки прибыло 400000 винтовок; артиллерийское вооружение изготовляется во Франции с быстротой, до сих пор совершенно неизвестной; каким-то образом находят или подготавливают даже офицеров. В общем усилия Франции после Седана в деле реорганизации своей национальной обороны являются беспримерными в истории, и для достижения почти верного успеха необходимо только одно — время. Если Париж продержится хотя бы еще один месяц, то это значительно приблизит успех. А если Париж не обеспечен продовольствием на такой период времени, Трошю может сделать попытку прорваться через линию обложения с той частью своих войск, которая годна для этого; и было бы излишней самоуверенностью теперь утверждать, что он не сможет достигнуть в этом успеха. А если бы он достиг успеха, то для поддержания спокойствия в Париже немцам все-таки потребовался бы гарнизон, по крайней мере, из трех прусских армейских корпусов, так что Трошю мог бы высвободить

большее количество французов, чем то количество немцев, которое освободилось бы со сдачей Парижа. И независимо от того, на что способен Париж, когда эту крепость обороняют французы, очевидно, что немецкие войска никогда не смогли бы успешно удерживать ее, если эту крепость будут осаждать французы. Для подавления народного сопротивления внутри города потребовалось бы такое же количество солдат, как и на крепостных валах для отражения атак извне. Таким образом, падение Парижа может, но не обязательно должно, означать падение Франции.

Теперь самое неподходящее время для предположений о вероятности того или другого исхода войны. Нам приблизительно известен лишь один факт — численность прусских армий. О другом, о численности и действительной боеспособности французских сил, мы знаем слишком мало. И более того, теперь действуют моральные факторы, не поддающиеся никаким подсчетам, факторы, о которых мы можем только сказать, что все они благоприятны для Франции и неблагоприятны для Германии. Несомненно, однако, то обстоятельство, что именно теперь борющиеся силы уравновешиваются больше, чем когда бы то ни было после Седана, и сравнительно незначительное усиление французов обученными войсками могло бы окончательно установить равновесие.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1806, 26 ноября 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXIX

Давно ожидаемая буря наконец разразилась. После продолжительного периода маршей и маневрирования обеих сторон, сменявшихся только мелкими стычками и партизанской борьбой, война снова вступила в один из тех критических периодов, когда удар следует за ударом. 27 ноября французская Северная армия потерпела поражение под Амьеном; 28-го значительная часть Луарской армии была разбита принцем Фридрихом-Карлом под Бон-ла-Роландом; 29-го Трошю предпринял неудачную вылазку с южной стороны Парижа, а 30-го он, по-видимому, атаковал саксонцев и вюртембержцев, облагающих Париж с северо-восточной стороны, всеми войсками, которые можно было для этого использовать.

Эти различного рода действия являются результатом согласованных операций, которые, как мы неоднократно указывали*, представляют собой единственную возможность для французов добиться успеха. Если бы Северная армия, уступающая противнику по своей численности, смогла бы удерживать оба корпуса Мантёйфеля, помешав ему усилить саксонского кронпринца, который занимает позиции, огибающие северную сторону Парижа, то эта армия была бы использована правильно. Но дело обстояло иначе. Ее наступление на открытой местности было вскоре остановлено численно уступавшими ей пруссаками, ибо из сопоставления различных сообщений представляется, по-видимому, несомненным, что только один из корпусов Мантёйфеля участвовал в этом сражении. Северная армия была бы лучше использована, если бы ее полевые войска были отправлены по железной дороге на юг к Ле-Ману

* См. настоящий том, стр. 174, 184. *Ред.*

или если бы она постоянно тревожила охранение и отряды Мантёйфеля, но не принимала бы боя иначе, как под стенами одной из многочисленных северных крепостей, являющихся ее операционной базой. Но при теперешнем положении Франции и с молодыми солдатами, которые составляют ее армии, командующий не всегда может предпринять отступление, даже если это необходимо в стратегическом отношении; такой способ действий мог бы деморализовать его войска даже больше, чем полное поражение. В данном случае Северная армия находит надежное убежище в своих крепостях, где она может произвести переформирование и куда Мольтке вряд ли захочет посылать сейчас Мантёйфеля вслед за ней. Но в то же время Мантёйфель может теперь свободно двинуться в любом ином направлении, и, если, как сообщают из Лилля (хотя это сообщение опровергается), он снова оставил Амьен и поспешно повернул на Париж, мы не можем не признать, что Северная армия не выполнила своей задачи.

На западе 21-му французскому корпусу у Ле-Мана и 22-му (которым прежде командовал Кератри) в лагере Конли до сих пор удавалось отвлекать войска великого герцога Мекленбургского на большое расстояние от Парижа, не подвергая себя опасности серьезного поражения. Наше предположение, что эти немецкие войска зашли в своем продвижении, пожалуй, слишком далеко*, по-видимому, подтверждается единодушными французскими сообщениями, согласно которым немцы опять оставили позиции, недавно занятые ими к востоку и юго-востоку от Ле-Мана, и эти позиции теперь снова перешли к французам. Однако последние, по-видимому, не использовали своих регулярных войск для проведения достаточно энергичного преследования врага, так как к нам не поступали сообщения о каких-нибудь значительных столкновениях; таким образом, Западная армия в сковывании противостоящих ей войск достигла не большего успеха, чем Северная. Где Западная армия теперь и что она делает, нам не сообщают; возможно, что неожиданная ссора между Кератри и Гамбеттой парализовала ее движения как раз в самый решительный момент. Во всяком случае, если она не сумела ни разбить, ни задержать войска герцога Мекленбургского, то она поступила бы благоразумнее, послав те части своих войск, которые обеспечены снаряжением и организованы для похода, по железной дороге к Луарской армии, с тем, чтобы вести главное наступление сосредоточенными силами.

* См. настоящий том, стр. 189. *Ред.*

Это главное наступление могла бы осуществить только Луарская армия, которая составляет главные силы всех французских войск, действующих в настоящее время в открытом ноле, и оно могло бы быть направлено только против принца Фридриха-Карла, так как его армия является самой многочисленной из трех армий, прикрывающих обложение Парижа. Луарская армия, как сообщают, состоит из 15-го, 16-го, 17-го и 19-го французских корпусов, которые в течение некоторого времени находились перед Орлеаном, а также 18-го (теперь под командованием Бурбаки) и 20-го, расположенных в резерве за Луарой. Так как 18-й и 20-й корпуса оба принимали участие в боях 28 ноября — целиком или частью своих сил, — то они, по-видимому, еще раньше переправились через Луару, и, таким образом, все эти шесть корпусов могли быть, по всей вероятности, использованы для наступления на германскую Вторую армию. В нынешней войне французский корпус всегда состоял из трех или четырех пехотных дивизий. Согласно ordre de bataille*, опубликованному приблизительно две недели тому назад венским военным журналом «Kamerad», 15-й корпус насчитывал в двух дивизиях пять бригад; 16-й — в двух дивизиях четыре бригады, 18-й — в трех дивизиях десять бригад. Если даже мы и не примем во внимание сообщение «Journal de Bruxelles»[107], согласно которому Луарская армия полностью укомплектована восемнадцатью пехотными дивизиями (то есть имеет по три дивизии в корпусе), в то время как многие из них должны все еще находиться в стадии формирования, то все же нет сомнения, что наступление 28-го числа могло вестись двенадцатью или пятнадцатью дивизиями вместо пяти или, самое большее, шести. Для войск, из которых состоит Луарская армия, характерно, что они были разбиты противником, значительно уступавшим им по численности, так как против них действовали только три пехотные дивизии (две 10-го корпуса и 5-я), или меньше чем половина Второй армии. Во всяком случае, она должно быть потерпела очень тяжелое поражение: об этом свидетельствуют не только немецкие сообщения, но также и то, что Луарская армия с тех пор не сделала попытки предпринять новое наступление более сосредоточенными силами.

Из всего этого следует, что попытка освободить Париж извне пока потерпела неудачу. Она потерпела неудачу, во-первых, потому, что были упущены неоценимые возможности, существовавшие в течение той недели, которая предшествовала прибытию Первой и Второй немецких армий; во-вторых, потому

* — боевому расписанию. *Ред.*

что, когда были предприняты наступательные действия, они велись без необходимой энергии и без надлежащего сосредоточения сил. Молодые войска, из которых состоят новые французские армии, если только они вдвое не превосходят врага по численности, не могут сразу рассчитывать на успех в боях с испытанными солдатами, которые действуют против них; и поэтому вдвойне неправильно вести их в бой, не позаботившись о том, чтобы каждый боец, лошадь и орудие, которыми можно было располагать, действительно были посланы на поле боя.

Вместе с тем мы не думаем, что поражения под Амьеном и Бон-ла-Роландом будут иметь какие-нибудь другие серьезные последствия, кроме крушения планов освобождения Парижа. Пути отхода Западной и Луарской армий вполне обеспечены, если только не будут совершены грубейшие ошибки. Большая часть обеих этих армий не пострадала от поражений. Как далеко действующие против них немецкие войска смогут их преследовать, зависит от силы народного сопротивления и партизанской войны, то есть от факторов, которые Пруссаки обладают особой способностью вызывать всюду, где бы они ни проходили. Теперь нечего опасаться, что принц Фридрих-Карл пройдет от Орлеана до Бордо, не встречая сопротивления, как кронпринц прошел от Меца до Реймса. Ввиду того, что необходимо надежно оккупировать обширную территорию, прежде чем можно будет предпринять дальнейшее наступление на юг (не одними только крупными летучими отрядами), семь дивизий принца Фридриха-Карла вскоре окажутся разбросанными на большом пространстве, и их силы, требуемые для вторжения, будут полностью исчерпаны. Время — вот что необходимо Франции. А раз пробудился дух народного сопротивления, то это время она еще может выиграть. Вооружение, которое производилось в течение последних трех месяцев, везде, вероятно, имеется почти в достаточном количестве, а число бойцов, которое увеличивается с каждой неделей, в течение некоторого времени должно непрерывно возрастать.

Что касается двух вылазок из Парижа, то сведения, полученные до того момента, когда пишется эта статья, слишком противоречивы и слишком неясны, чтобы можно было составить какое-либо определенное мнение. Но, по-видимому, результаты, которые были достигнуты вплоть до вечера 30 ноября, вовсе не давали основания, по признанию самого Трошю, для победных кликов, поднятых в Туре. Кроме того, все пункты, еще удерживаемые французами к югу от Марны, защищены огнем парижских фортов; единственное место вне сферы огня

этих фортов, которое они одно время удерживали, — Мон-Мели — им опять пришлось оставить. Более чем вероятно, что вчера возобновились бои под Парижем, а сегодня, может быть у Орлеана и Ле-Мана; во всяком случае теперь уже ближайшие несколько дней должны решить исход этого второго кризиса войны, который, по всей вероятности, определит судьбу Парижа.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1811, 2 декабря 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXX

2-я Парижская армия начала свое наступательное движение 29 ноября вылазкой с южной стороны города в направлении на Л'Э и Шуази-ле-Руа. По прусским сообщениям, 1-й корпус армии Дюкро, под командованием Винуа, атаковал здесь 6-й прусский корпус Тюмплинга. Эта атака была, по-видимому, только демонстрацией с целью вызвать тревогу у пруссаков и заставить их усилить этот участок своего фронта, через который осажденные, в случае успеха, могли бы кратчайшим путем соединиться с Луарской армией. В противном случае Винуа был бы, несомненно, поддержан другими корпусами и его потери не ограничивались бы несколькими сотнями убитых и раненых и сотней пленных. Действительное наступление началось на следующее утро. На этот раз Дюкро наступал **по** правому берегу Сены, близ ее слияния с Марной, в то время как вторая вылазка на левом берегу была направлена против Тюмплинга, а ложные атаки к западу от Сен-Дени — против 4-го и гвардейского корпусов. Какие войска были использованы для этих ложных атак, мы не знаем, но, согласно официальному французскому сообщению, вылазка против Тюмплинга была произведена адмиралом де Ларонсьер Ле Нурри. Этот офицер командует одной из семи дивизий 3-й Парижской армии, которая находится под непосредственным командованием Трошю, а потому возможно, что все вспомогательные атаки были поручены этой армии, с тем чтобы оставить все восемь дивизий Дюкро для действительного наступления на Марне.

Это наступление тоже пришлось вести по двум расходящимся направлениям. Одну часть войск оказалось необходимо направить на восток, на Шель, вдоль правого берега Марны, для того чтобы сдерживать 12-й, или саксонский, корпус, который осуществляет обложение Парижа с восточной стороны. Это было другое вспомогательное наступление: о его ходе мы знаем очень

мало, за исключением утверждений саксонцев, что они удержали свои позиции; вероятно так оно и было. Но главные силы войск Дюкро, впереди которых двигался 2-й корпус Рено, переправились по восьми мостам через Марну и атаковали три вюртембергские бригады, занимавшие участок между Марной и Сеной. Как мы уже указывали, течение Марны перед ее впадением в Сену образует огромную букву S, причем верхняя или северная ее излучина приближается к Парижу, а нижняя удаляется от него. Над обеими этими излучинами господствует огонь фортов; но в то время, как верхняя, или приближающаяся к Парижу, излучина благодаря своим очертаниям удобна для вылазок, над нижней, или отходящей от Парижа, полностью господствует не только ряд фортов, но и местность на левом берегу; кроме того, вследствие такого направления русла и обилия рукавов река здесь неудобна для наведения мостов под огнем. Ввиду этого большая часть этой излучины осталась, по-видимому, своего рода нейтральным пространством, по обеим сторонам которого происходили действительные бои.

Войска, предназначавшиеся для наступления на западе этого района, продвигались под прикрытием огня форта Шарантон и редута Ла-Гравель в направлении на Мели и Бонней. Между этими двумя пунктами находится отдельная высота, называемая Мон-Мели, которая на целых сто футов возвышается над окружающей равниной и потому неизбежно являлась первым объектом в наступлении французов. В телеграмме генерала Оберница, который командовал вюртембергской дивизией, указано, что для этого была выделена «дивизия»; но учитывая, что эти войска сначала оттеснили 2-ю и 3-ю вюртембергские бригады, которые действовали против них, и последние не смогли их отбросить, пока не подошли подкрепления, а кроме того, что генерал Дюкро, имевший в своем распоряжении достаточно войск, очевидно, не предпринял бы такого важного наступления только с двумя бригадами, мы вполне можем допустить, что здесь налицо еще один из тех многих случаев, когда слово «Abteilung», обозначающее любую войсковую единицу армии, неправильно переводится как «дивизия», что означает особую войсковую единицу, состоящую из двух или, самое большее, трех бригад. Но как бы то ни было, французы взяли Мон-Мели и деревни, расположенные у подножья этой высоты, и, если бы они смогли удержать и укрепить ее, они достигли бы результата, за который стоило бы вести бой в этот день. Но прибыли подкрепления в виде прусских войск из 2-го корпуса, а именно 7-я бригада; утраченные позиции были захвачены снова, и французы отброшены обратно под прикрытие форта Шарантон.

Левее французы предприняли второе наступление. Под прикрытием огня с редута де-ла-Фезандри и форта Ножан они переправились через Марну у верхней излучины S и захватили деревни Бри и Шампиньи, которые находятся на двух крайних открытых точках этой излучины. В действительности позиции 1-й вюртембергской бригады, которая удерживала этот район, были расположены несколько позади, на краю возвышенности, простирающейся от Вилье до Кёйи. Сомнительно, было ли вообще Вилье захвачено французами; король Вильгельм заявляет «да», генерал Оберниц говорит «нет». Известно только, что французы не удерживали Вилье и что наступление непосредственно за пределы сферы действия огня фортов было отбито.

Результаты боев за этот день армии Дюкро, «которая оставила Марну позади», то есть находилась к югу от нее, в официальном французском сообщении подытожены следующим образом:

«Армия затем переправилась по восьми мостам через Марну и удержала занятые позиции, захватив два орудия».

Это означает, что она снова отступила на правый или северный берег реки, где она «удержала» те или другие позиции, которые, конечно, были ею «заняты», но только не захвачены у противника. Очевидно, официальные сводки для Гамбетты все еще фабрикуют те же люди, которые это делали для Наполеона.

1 декабря французы еще раз показали, что они считают свою вылазку неудавшейся. Хотя «Moniteur»[108] и объявил, что в тот день должно было быть предпринято наступление с южной стороны под командованием генерала Винуа, но мы получили известие из Версаля от 1 декабря (час не указан), что в этот день французы не производили никаких передвижений; напротив, они обратились с просьбой о перемирии, которое дало бы им возможность убрать убитых и раненых с поля боя между позициями обеих армий. Если бы они сами считали, что в состоянии снова захватить это поле боя, то они без сомнения немедленно возобновили бы борьбу. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в том, что эта первая вылазка Трошю была отбита и, к тому же, войсками, значительно уступавшими его войскам по численности. Мы можем предположить, что он вскоре возобновит свои усилия. Мы слишком мало знаем о том, как производилась эта первая попытка, чтобы судить, может ли она на этот раз иметь больше шансов на успех; но, если он снова будет отброшен, это должно оказать весьма деморализующее влияние и на войска и на население Парижа.

А между тем Луарская армия, как мы и ожидали*, снова проявляет признаки активности. Столкновения около Луаньи и Пате[109], о которых сообщается из Тура, очевидно, те же самые, о которых упоминается и в телеграмме из Мюнхена, а судя по ней, фон дер Танн добился успеха к западу от Орлеана. И в данном случае каждая из сторон утверждает, что победа была одержана ею. Вероятно, через день или через два мы получим из этого района больше сведений, а так как мы все еще ничего не знаем об относительном расположении обеих сторон, то было бы бесполезно заниматься предсказаниями.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1812, 3 декабря 1870 г.

---

* См. настоящий том, стр. 195. *Ред.*

ШАНСЫ ВОЙНЫ

Последнее поражение французской Луарской армии и отступление Дюкро за Марну — предполагая, что это отступление было таким решительным, как об этом сообщалось в субботу* — окончательно определяют судьбы впервые предпринятых совместных действий для освобождения Парижа. Они потерпели полную неудачу, и публика снова начинает задавать вопрос, не доказывает ли этот новый ряд неудач неспособность французов к дальнейшему успешному сопротивлению, не лучше ли было бы сразу прекратить игру, сдать Париж и подписать уступку Эльзаса и Лотарингии.

Дело в том, что в памяти людей совсем не сохранилось представления о настоящей войне. Крымская, Итальянская и австро-прусская войны — все они были всего лишь войнами, которые ведутся с соблюдением определенных условностей, войнами правительств, заключавших мир, как только разрушалась или изнашивалась их военная машина. Настоящей войны, войны, в которой участвует сам народ, мы не видели в центре Европы в течение нескольких поколений. Мы видели ее на Кавказе, в Алжире, где борьба продолжалась почти беспрерывно свыше двадцати лет; мы могли бы видеть ее в Турции, если бы союзники турок предоставили им защищаться своими собственными, принятыми у них самих способами. Но дело в том, что наши условности дают право на подлинную самооборону одним лишь варварам; мы предполагаем, что цивилизованные государства будут сражаться соответственно этикету и что подлинная нация не будет повинна в такой неучтивости, как продолжение борьбы, после того, как официальная нация вынуждена была сдаться.

И вот французы действительно совершают такую неучтивость. К досаде пруссаков, считающих себя наилучшими зна-

* См. настоящий том, стр. 196—199. *Ред.*

токами военного этикета, французы решительно продолжают сражаться в течение трех месяцев после того, как официальная французская армия была изгнана с поля сражения; они даже совершили то, на что в этой кампании была абсолютно неспособна их официальная армия. В одном случае они добились крупного успеха, а их отдельные действия были успешными во многих случаях; они захватывали у неприятеля орудия, транспорты и пленных. Правда, они только что понесли ряд тяжелых поражений; но эти поражения ничего не значили в сравнении с теми, на которые обычно бывала обречена их бывшая официальная армия при встрече с тем же противником. Правда, их первая попытка освободить Париж от армии обложения посредством одновременного наступления изнутри и извне потерпела полную неудачу, но разве отсюда непременно следует, что у них не осталось возможностей для второй попытки?

Обе французские армии, как Парижская, так и Луарская, по свидетельству самих же немцев, сражались хорошо. Правда, они были разбиты силами, численно уступавшими им, но этого и следовало ожидать от молодых, только что организованных войск, которым противостоят ветераны. Их движения на поле боя под огнем, по словам корреспондента «Daily News», который знает то, о чем он пишет, были быстрыми и уверенными; если им недоставало четкости, то этот недостаток был присущ также многим французским армиям, которые одерживали победы. Одно можно сказать безошибочно: эти армии доказали, что они *являются* армиями, и их противники вынуждены будут относиться к ним с должным уважением. Несомненно, что они составлены из самых разнообразных элементов. Имеются линейные батальоны с различным количеством старых солдат; есть мобили, обладающие самой различной степенью боеспособности, от обученных и вооруженных батальонов, хорошо укомплектованных офицерами, до батальонов необученных рекрутов, не имеющих еще элементарной строевой подготовки и не знающих ружейных приемов; есть франтиреры всех видов: хорошие, плохие и посредственные, — большинство из них, вероятно, принадлежит к последней категории. Но во всяком случае имеется ядро хороших боевых батальонов, вокруг которых могут группироваться остальные; если они в течение месяца будут участвовать в отдельных стычках и перестрелках, избегнув при этом крупных поражений, то все они дадут отличных солдат. При лучшей стратегии они и теперь могли бы добиться успеха, а вся стратегия, которая требуется в данный момент, состоит в том, чтобы отсрочить любое решительное сражение, что, как нам кажется, может быть достигнуто.

Но войска, сосредоточенные в Ле-Мане и близ Луары, представляют собой далеко не все вооруженные силы Франции. По крайней мере, еще 200000—300000 человек находятся в стадии организации в более отдаленных пунктах тыла. С каждым днем по своему уровню они все более приближаются к боеспособным войскам. С каждым днем, по крайней мере, в течение некоторого времени, число новых солдат, посылаемых на фронт, должно возрастать. И кроме них есть еще множество людей, чтобы занять их место. Оружие и боевые припасы поступают ежедневно в больших количествах; при наличии современных оружейных и литейных артиллерийских заводов, при наличии телеграфа и пароходов, в условиях господства на море недостатка в этом нечего опасаться. В течение месячного срока произойдет огромная перемена в боеспособности также и этих людей, а если бы они получили два месяца времени, то они представляли бы собой армии, способные серьезно нарушить спокойствие Мольтке.

За этими более или менее регулярными силами стоит многочисленный ландштурм, масса народа, который пруссаки заставили в этой войне вступить на путь самообороны, допускающей, по словам отца короля Вильгельма*, всякие средства. Когда Фриц** двигался от Меца к Реймсу, от Реймса к Седану, а оттуда к Парижу, о восстании народа не было и речи. Поражения императорских армий воспринимались в каком-то оцепенении; двадцать лет режима империи приучили народные массы к тупому и пассивному подчинению официальному руководству. Кое-где крестьяне участвовали в действительных боях, как это было в Базейле, но они представляли собой исключение. Однако едва только пруссаки расположились вокруг Парижа и распространили на окружающую местность опустошительную систему реквизиций, проводимых без всякого снисхождения, едва лишь они приступили к расстрелам франтиреров и стали сжигать деревни, оказывавшие помощь последним, и едва только они отвергли мирные предложения французов и заявили о своем намерении вести завоевательную войну, как все это изменилось. Вокруг них повсюду вспыхнула партизанская война, вызванная их собственными жестокостями, и теперь стоит лишь им вступить в новый департамент, как там повсеместно поднимается ландштурм. Кто читает в немецких газетах отчеты о продвижении армий герцога Мекленбургского и Фридриха-Карла, тот сразу заметит, какое исключительное влияние на их движение

* — Фридриха-Вильгельма III. *Ред.*
** — прусский кронпринц Фридрих-Вильгельм. *Ред.*

оказывает это неуловимое, то прекращающееся, то снова возникающее, но всегда создающее препятствия неприятелю, восстание народа. Даже многочисленная кавалерия этих армий, которой французам почти нечего противопоставить, в значительной мере обезврежена этой враждебностью всего населения, проявляемой активно или пассивно.

Рассмотрим теперь положение пруссаков. Из семнадцати дивизий, расположенных у Парижа, они, конечно, не имеют возможности выделить ни одной, пока Трошю может в любой день повторить свои вылазки en masse*. Для четырех дивизий Мантёйфеля в Нормандии и Пикардии в течение некоторого времени дела будет больше, чем они в состоянии выполнить; к тому же их могут оттуда и отозвать. Две с половиной дивизии Вердера могут продвинуться за Дижон разве только путем рейдов, и такое положение сохранится, по крайней мере, до тех пор, пока Бельфор не будет вынужден сдаться. Войска, предназначенные для охраны длинной и узкой коммуникационной линии, образуемой железной дорогой Нанси — Париж, не могут выделить ни одного солдата. Достаточно дел у 7-го корпуса, так как он обеспечивает гарнизонами крепости Лотарингии и ведет осаду Лонгви и Монмеди. Для действий в открытом поле против большей части центральных и южных областей Франции остается одиннадцать пехотных дивизий Фридриха-Карла и герцога Мекленбургского, насчитывающих, несомненно, не более 150000 человек, включая кавалерию.

Таким образом, пруссаки используют для удержания Эльзаса и Лотарингии, двух длинных коммуникационных линий до Парижа и Дижона и для обложения Парижа около двадцати шести дивизий, и все же они непосредственно занимают, по-видимому, менее одной восьмой части, а косвенно, — несомненно, не более четвертой части Франции. Для остальной части страны у них остается пятнадцать дивизий, из которых четыре находятся под командованием Мантёйфеля. Насколько далеко смогут они проникнуть в страну, всецело зависит от той силы народного сопротивления, которое они могут встретить. Но ввиду того, что все их коммуникации идут через Версаль — ибо поход Фридриха-Карла не открыл для него новой линии через Труа — и проходят в самом центре восставшей страны, то этим войскам придется распылять свои силы на широком фронте, оставлять в тылу отряды для охраны дорог и подавления населения; в результате они быстро достигнут такого положения, когда силы их настолько уменьшатся, что они уравновесятся с проти-

* — массовые, общие. *Ред.*

востоящими им силами французов, и тогда шансы снова станут благоприятными для французов; или же эти немецкие армии должны будут действовать большими подвижными колоннами, которые будут двигаться по стране в разных направлениях, не подвергая ее постоянной оккупации. В таком случае регулярные французские войска могут на время отступать перед ними, и у этих войск окажется много удобных случаев для нападения на их фланги и тыл.

Несколько летучих отрядов, таких, какие в 1813 г. Блюхер направил в обход французских флангов, были бы весьма полезны, если их использовать для того, чтобы прерывать коммуникационную линию немцев. Эта линия уязвима почти на всем ее протяжении от Парижа до Нанси. Несколько отрядов, каждый в составе одного или двух эскадронов конницы и некоторого количества метких стрелков, совершая нападения на эту линию, разрушая железнодорожные пути, тоннели и мосты, нападая на поезда и т. д., значительно содействовали бы тому, чтобы немецкая кавалерия была отведена с фронта, где она особенно опасна. Впрочем, французы, конечно, не обладают настоящей «гусарской лихостью».

Все это мы говорим, основываясь на предположении, что Париж продолжает держаться. До сих пор только голод мог бы заставить Париж сдаться. По помещенное во вчерашнем номере «Daily News» сообщение корреспондента, находящегося в этом городе, если оно верно, рассеет многие опасения. Там еще имеется 25000 лошадей, помимо принадлежащих Парижской армии, которые, при весе в 500 килограммов каждая, дали бы $6^1/_4$ килограмма, или 14 английских фунтов, мяса на каждого жителя, или около $^1/_4$ фунта мяса в день в продолжение двух месяцев. Располагая таким количеством мяса, а также хлебом и вином ad libitum[*], значительным количеством солонины и других съестных припасов, Париж вполне может продержаться до начала февраля. А это дало бы Франции два месяца, имеющие для нее теперь большее значение, чем два года в мирное время. При более или менее разумном и энергичном руководстве, как в центре, так и на местах, Франция к этому времени была бы, таким образом, в состоянии освободить Париж и снова встать на ноги.

А если Париж падет? У нас еще будет достаточно времени для рассмотрения этой возможности, когда она станет более вероятной. Как бы то ни было, Франция сумела обойтись без Парижа в течение более двух месяцев и может продолжать

[*] — в неограниченном количестве. *Ред.*

сражаться без него. Конечно, падение Парижа способно подорвать дух сопротивления французов, но такое же влияние могли бы оказать и в настоящее время известия о неудачах последних семи дней. Ни то, ни другое обстоятельство не приведет обязательно к таким последствиям. Если французы укрепят несколько удобных для маневрирования позиций, таких как Невер близ слияния Луары и Алье, если они возведут передовые укрепления вокруг Лиона, чтобы сделать его столь же сильным, как Париж, то войну можно вести даже после падения Парижа; но теперь еще не время говорить об этом.

Таким образом, мы берем на себя смелость заявить, что, если дух сопротивления в народе не ослабеет, положение французов, даже после последних поражений, еще очень прочно. Господствуя на море, что дает возможность ввозить оружие, имея большое количество людей, которых можно превратить в солдат, уже проделав в течение трех месяцев — первых самых трудных трех месяцев — работу по организации, имея неплохие шансы получить еще один — если не два — месяц передышки, притом в такое время, когда пруссаки проявляют признаки истощения, — при таких условиях сдаваться было бы явным предательством. А кто знает, какие случайности могут произойти, какие дальнейшие осложнения могут возникнуть в Европе за это время? Во что бы то ни стало французы должны продолжать борьбу.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1816, 8 декабря 1870 г.

ПРУССКИЕ ФРАНТИРЕРЫ

Недавно в печати на некоторое время почти совершенно исчезли сообщения о сожжении пруссаками французских деревень. Мы стали надеяться, что прусские власти поняли свою ошибку и прекратили подобные действия в интересах своих же собственных войск. Но мы ошиблись. Газеты снова пестрят сообщениями о расстрелах пленных и уничтожении деревень. Берлинская газета «Borsen-Courier»[110] печатает сообщение из Версаля от 20 ноября:

«Вчера прибыли первые раненые и пленные после боя, происшедшего 17-го у Дрё. Расправа с франтирерами была короткой и должна была послужить примером; они были поставлены в ряд и один за другим получили пулю в лоб. Был опубликован общий приказ по армии, категорически запрещающий брать их в плен и предписывающий расстреливать их на месте по приговору военно-полевого суда, где бы они ни показывались. По отношению к этим гнусным, подлым разбойникам и негодяям (Lumpengesindel) подобный способ действия сделался абсолютной необходимостью».

Далее, венская газета «Tages-Presse»[111] в сообщении от того же числа указывает:

«В лесу Вильнёв на прошлой неделе вы могли бы увидеть четырех франтиреров, повешенных за то, что они стреляли из леса в наших улан».

В официальном сообщении из Версаля, помеченном 26 ноября, говорится, что повсюду вокруг Орлеана сельское население, подстрекаемое к борьбе священниками, которые получили от епископа Дюпанлу приказ проповедовать крестовый поход, начало партизанскую войну против немцев. Крестьяне, делая вид, что работают в поле, обстреливают разъезды, убивают офицеров, везущих приказы. Чтобы отомстить за эти убийства, всех невоенных, имеющих при себе оружие, немедленно казнят. Немало священников — семьдесят семь человек — ожидает теперь суда.

Это только несколько примеров, число их может быть увеличено почти до бесконечности; таким образом, у пруссаков имеется, по-видимому, твердое намерение продолжать эти зверства до конца войны. В таком случае может быть полезно еще раз обратить их внимание на некоторые факты из новой истории Пруссии.

Нынешний король Пруссии вполне может припомнить времена глубочайшего унижения своей страны, сражение при Йене, длинный путь бегства до Одера, последовательную капитуляцию почти всех прусских войск, отступление остальных за Вислу, полное крушение всей военной и политической системы страны. И вот тогда под прикрытием одной из померанских береговых крепостей личная инициатива и личный патриотизм отдельных граждан положили начало новому активному сопротивлению неприятелю. Простой драгунский корнет Шилль приступил к формированию в Кольберге отряда вольных стрелков (gallice* — франтиреров), с которым он, при поддержке населения, нападал внезапно на разъезды, отряды, полевые посты, захватывал казенные деньги, продовольствие, оружие и военное имущество, взял в плен французского генерала Виктора, подготавливал всеобщее восстание в тылу французов и на их коммуникационных линиях и вообще делал все то, что теперь ставится в вину французским франтирерам, которых пруссаки наделяют титулом разбойников и негодяев, награждая безоружных пленных «пулей в лоб». Но ведь отец нынешнего прусского короля** определенно признал законными действия Шилля и повысил его в чине. Хорошо известно, что тот же самый Шилль в 1809 г., когда Пруссия находилась в состоянии мира, а Австрия воевала с Францией, повел свой полк для действий против Наполеона на свой собственный страх и риск, совсем как Гарибальди, что он был убит при Штральзунде, а его люди взяты в плен. Согласно прусским правилам ведения войны, Наполеон имел полное право расстрелять их всех, но расстрелял в Везеле всего одиннадцать офицеров. На могилах этих одиннадцати франтиреров отец нынешнего прусского короля, в значительной степени против своей воли, под давлением общественного мнения в армии и вне ее рядов, должен был воздвигнуть в их честь памятник.

Как только в Пруссии на практике возникло движение вольных стрелков, пруссаки, как это и подобает нации мыслителей, приступили к систематизации этого дела и к разработке его

* — по-гальски, то есть по-французски. *Ред.*
** — Фридрих-Вильгельм III. *Ред.*

теории. Теоретиком движения вольных стрелков, великим философом-франтирером среди них являлся не кто иной, как Антон Нейтхардт фон Гнейзенау, бывший некоторое время фельдмаршалом на службе его величества прусского короля. Гнейзенау оборонял Кольберг в 1807 году; под его командованием находилась некоторая часть франтиреров Шилля; сильную поддержку в обороне ему оказывали местные жители, которые но могли претендовать даже на то, чтобы считаться национальной, мобильной или местной, гвардией, и которые поэтому, согласно последним прусским понятиям, определенно заслуживали «немедленной казни». Но огромные ресурсы, которые дает стране, подвергшейся иноземному нашествию, энергичное народное сопротивление, произвели на Гнейзенау столь сильное впечатление, что он в течение ряда лет изучал вопрос о том, как наилучшим образом организовать это сопротивление. Партизанская война в Испании, восстания русских крестьян на пути отступления французов из Москвы дали ему новые примеры, и в 1813 г. он смог приступить к применению своей теории на практике.

Уже в августе 1811 г. Гнейзенау составил план подготовки народного восстания. Предполагалось организовать милиционные войска, не имеющие военной формы, кроме военной фуражки (gallice — кепи) и черного с белым пояса и, быть может, военной шинели; короче говоря, это была почти такая же форма, как и у французских франтиреров в настоящее время.

«При появлении превосходящих сил неприятеля оружие, фуражки и пояса должны быть спрятаны, и солдаты милиционных войск принимают вид простых жителей страны».

Это как раз то, что в настоящее время пруссаки считают преступлением, за которое наказывают пулей или веревкой на шею. Эти милиционные войска должны тревожить неприятеля, прерывать его коммуникации, захватывать или уничтожать его обозы с продовольствием, избегать правильных атак и уходить в леса или болота при появлении массы регулярных войск.

«Духовенство всех вероисповеданий должно получить приказ: как только начнется война, проповедовать восстание, изображать в самых мрачных красках французский гнет, напоминать народу о евреях времен Маккавеев и призывать его следовать их примеру... Каждый священник должен потребовать от своих прихожан присяги в том, что они не будут сдавать неприятелю ни продовольствия, ни оружия и т. п., пока их не принудят к этому силой».

Иными словами, немецкие священники фактически должны были проповедовать такой же крестовый поход, какой приказал

своим священникам проповедовать епископ Орлеанский, за что немало французских священников ждет теперь суда.

Всякий, кто возьмет второй том книги профессора Пертца «Жизнь Гнейзенау»[112], увидит, что рядом с титульным листом этого тома воспроизведена часть цитированного выше отрывка в виде факсимиле рукописи самого Гнейзенау. Тут же воспроизведена пометка на полях, сделанная рукой короля Фридриха-Вильгельма:

«Как только один из священников будет расстрелян, все это кончится».

Очевидно, король не особенно верил в героизм своего духовенства. Но это не помешало ему прямо санкционировать планы Гнейзенау; не помешало это также, спустя несколько лет, когда те самые люди, которые изгнали французов, стали подвергаться арестам и преследованиям как «демагоги»[113], одному из тогдашних просвещенных гонителей демагогов, в чьи руки попал оригинал этого документа, возбудить дело против неизвестного автора за попытку подстрекать народ к расстрелу духовенства!

Вплоть до 1813 г. Гнейзенау неутомимо подготовлял не только регулярную армию, но и народное восстание как средство для свержения французского ига. Когда, наконец, война началась, то ей сразу же стали сопутствовать восстания, сопротивление крестьян и выступления франтиреров. В апреле поднялось вооруженное восстание в местности, расположенной между Везером и Эльбой; немного позднее вспыхнуло народной восстание возле Магдебурга; сам Гнейзенау писал друзьям во Франконию — письмо опубликовано Пертцем, — призывая их поднять восстание там, где проходит коммуникационная линия неприятеля. Тогда, наконец, появилось и официальное признание этой народной войны — «Положение о ландштурме» от 21 апреля 1813 г. (опубликованное лишь в июле), которое призывает каждого физически здорового мужчину, не находящегося в рядах линейных войск или ландвера, вступить в батальон ландштурма, чтобы подготовиться к священной самообороне, в которой признаются законными все средства. Ландштурм должен тревожить неприятеля как во время его продвижения вперед, так и во время его отступления, заставлять его постоянно держаться настороже, нападать на его обозы с боевыми припасами и продовольствием, на его курьеров, рекрутов и госпитали, совершать внезапные ночные нападения на него, уничтожать отставших солдат и отдельные отряды, парализовывать неприятеля и лишать его уверенности во всех

движениях; с другой стороны, ландштурм должен помогать прусской армии, конвоировать перевозки денег, продовольствия, боевых припасов, сопровождать пленных и т. д. Закон этот действительно может быть назван подлинным справочником франтирера, и так как он составлен недюжинным стратегом, то в настоящее время он применим во Франции так же, как в свое время в Германии.

К счастью для Наполеона I, этот закон проводился в жизнь крайне слабо. Король был напуган делом своих собственных рук. Позволить самому народу вести борьбу без повелений короля было совсем не в прусском духе. Поэтому формирование ландштурма было приостановлено впредь до момента, когда король потребует этого, чего он так и не сделал. Гнейзенау сердился, но в конце концов он сумел обойтись без ландштурма. Если бы он теперь был жив, то, имея за собой весь опыт Пруссии, вероятно, во французских франтирерах увидел бы если не полное, то приблизительное осуществление своего beau ideal* народного сопротивления. Ибо Гнейзенау был человеком, и притом гениальным человеком.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1817, 9 декабря 1870 г.

* — прекрасного идеала. *Ред.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXI

В кампании на Луаре, по-видимому, наступило короткое затишье, что дает нам время сопоставить сообщения и даты и составить на основании этих весьма запутанных и противоречивых материалов настолько ясный обзор действительных событий, насколько это возможно при данных обстоятельствах.

Луарская армия начала свое существование в качестве отдельного формирования 15 ноября, когда д'Орель де Паладин, командовавший до этого 15-м и 16-м корпусами, был назначен командующим сформированного под этим названием нового войскового соединения. Какие еще войска входили в то время в его состав, мы сказать не можем; эта армия фактически непрерывно пополнялась, по крайней мере, вплоть до конца ноября, когда она номинально состояла из следующих корпусов: 15-го (Пальер), 16-го (Шанзи), 17-го (Сони), 18-го (Бурбаки), 19-го (Барраль, по прусским сведениям) и 20-го (Круза). Из них 19-й корпус никогда не упоминался ни во французских, ни в прусских сообщениях, и поэтому мы не можем предполагать, что он принимал участие в боях. Кроме этих корпусов, под Ле-Маном и в соседнем лагере Конли находились 21-й армейский корпус (Жорес) и армия Бретани, которая после отставки Кератри была передана под командование Жореса. Мы можем добавить, что на севере под командованием генерала Федерба находится 22-й корпус; его операционной базой является город Лилль. Мы не включили сюда кавалерийское соединение генерала Мишеля, приданное Луарской армии; хотя эти кавалерийские войска и считаются очень многочисленными, однако, ввиду того что сформированы они недавно и состав их не обучен, их нельзя рассматривать иначе как волонтерскую или любительскую конницу.

Эта армия состояла из самых разнородных элементов, — начиная от старых служак-кавалеристов, вновь призванных

в ряды войск, до необученных рекрутов и добровольцев, питающих отвращение ко всякой дисциплине; от стойких батальонов, как, например, папские зуавы[114], до простых скопищ людей, которые были батальонами только по названию. Все же некоторая дисциплина была установлена, но армия в целом еще сохраняла отпечаток той большой спешки, с которой производилось ее формирование. «Если бы этой армии было дано еще четыре недели для подготовки, она была бы грозным противником», — говорили немецкие офицеры после знакомства с ней на поле боя. За вычетом всех совершенно необученных новобранцев, которые служили только помехой, мы можем считать, что все пять предназначенных для боевых действий корпусов д'Ореля (исключая 19-й) состояли приблизительно из 120000— 130000 человек, заслуживающих названия бойцов. Войска под Ле-Маном могли дать еще около 40000 человек.

Как мы видим, этим силам противостояла армия принца Фридриха-Карла, включавшая также и войска под командованием великого герцога Мекленбургского; от капитана Озье мы теперь знаем, что в общей сложности они составляли, пожалуй, менее 90000 человек. Но благодаря своему боевому опыту, организации и испытанному руководству командиров эти 90000 вполне могли вести боевые действия против вдвое большего количества таких войск, которые действовали против них. Таким образом, шансы были почти равными, и это делает исключительную честь французскому народу, который из ничего в течение трех месяцев создал новую армию.

Кампания началась со стороны французов наступлением на фон дер Танна под Кульмье и взятием обратно Орлеана 9 ноября. Затем последовали марш герцога Мекленбургского на помощь фон дер Танну и маневр д'Ореля в направлении на Дрё, что заставило герцога Мекленбургского стянуть сюда все свои войска и предпринять марш на Ле-Ман. Во время этого марша французские иррегулярные войска тревожили немцев так энергично, как никогда раньше в эту войну. Население оказывало самое решительное сопротивление, франтиреры непрерывно беспокоили фланги вторгшегося врага; но регулярные войска ограничивались демонстрациями и их нельзя было заставить принять бой. Письма немецких корреспондентов при армии герцога Мекленбургского, их ярость и негодование по поводу того, что эти безнравственные французы упорно применяют в войне способы, наиболее удобные для себя и наименее удобные для противника, являются лучшим доказательством того, что эта короткая кампания в окрестностях Ле-Мана была прекрасно проведена оборонявшимися. Французы

вовлекли герцога Мекленбургского в совершенно бессмысленную погоню за невидимой армией до тех пор, пока он оказался на расстоянии приблизительно двадцати пяти миль от Ле-Мана. Зайдя так далеко, он не решился идти дальше и повернул на юг. Очевидно, первоначальный план состоял в том, чтобы нанести сокрушительный удар Ле-Манской армии, затем повернуть к югу на Блуа и обойти левый фланг Луарской армии, в то время как Фридрих-Карл, как раз тогда подходивший, атаковал бы ее с фронта и тыла. Но этот план, как впоследствии и многие другие, не удался. Предоставив герцога Мекленбургского самому себе, д'Орель двинулся против Фридриха-Карла и 24 ноября атаковал под Ладоном и Мезьером 10-й прусский корпус, а 28-го под Бон-ла-Роландом крупные силы пруссаков. Несомненно, что д’Орель плохо управлял здесь своими войсками. Несмотря на то, что это была его первая попытка прорваться сквозь прусскую армию и силой проложить себе путь на Париж, в готовности находилась только небольшая часть его войск. Единственное, что ему удалось сделать, — это внушить противнику уважение к своим войскам. Он отступил на укрепленные позиции перед Орлеаном, где и сосредоточил все свои силы. Он расположил их справа налево в следующем порядке: 18-й корпус на крайнем правом фланге, затем 20-й и 15-й, — все они находились к востоку от железной дороги Париж — Орлеан; к западу от нее — 16-й и на крайнем левом фланге — 17-й. Если бы эти войска были сосредоточены вовремя, вряд ли можно было бы сомневаться в том, что они сумели бы разбить армию Фридриха-Карла, которая тогда насчитывала менее 50000 человек. Но к тому времени, когда д'Орель прочно обосновался на своих укрепленных позициях, герцог Мекленбургский снова двинулся на юг и соединился с правым крылом армии своего кузена, под командование которого он теперь перешел. Таким образом, 40000 человек герцога Мекленбургского подошли, чтобы принять участие в совместном наступлении против д'Ореля, в то время как французская Ле-Манская армия, удовлетворенная славой в связи с тем, что она «отбила» противника, преспокойно оставалась на месте, в каких-нибудь 60 милях от пункта, где решались судьбы кампании.

После этого совершенно неожиданно пришло известие о вылазке Трошю 30 ноября. Надо было сделать новые усилия, чтобы поддержать его. 1 декабря д'Орель начал общее наступление на пруссаков, но было уже слишком поздно. В то время как немцы встретили его всеми своими силами, его 18-й корпус, на крайнем правом фланге, был, по-видимому, направлен по

неправильному пути и совсем не принял участия в боевых действиях. Таким образом, д'Орель вел сражение только четырьмя корпусами, а это значит, что число его войск (фактических бойцов), вероятно, лишь не на много превышало число бойцов противника. Он был разбит и, кажется, счел себя побежденным еще раньше, чем это произошло в действительности. Этим и объясняется нерешительность, которую он проявил, когда, отдав вечером 3 декабря приказ об отступлении через Луару, на следующее утро отменил его и решил оборонять Орлеан. Результат был обычный: приказ, контрприказ, беспорядок. Так как прусское наступление было сосредоточено против его левого фланга и центра, то оба его правофланговые корпуса, очевидно вследствие полученных ими противоречивых приказов, позволили противнику отрезать им путь отступления на Орлеан и должны были переправиться через реку, 20-й корпус у Жаржо и 18-й корпус еще восточнее, у Сюлли. Небольшая часть последнего была, по-видимому, отброшена еще далее на восток, так как 7 декабря она была обнаружена под Невуа, вблизи Жьен, 3-м прусским корпусом, который отсюда преследовал ее в направлении на Бриар, все время по правому берегу реки. Орлеан перешел в руки немцев вечером 4 декабря, причем немедленно было организовано преследование французов. В то время, как 3-й корпус должен был следовать вверх по Луаре, вдоль ее правого берега, 10-й был послан на Вьерзон, а войска герцога Мекленбургского — по правому берегу на Блуа. Еще не достигнув этого пункта, последние были встречены под Божанси по крайней мере частью Ле-Манской армии, которая поступила теперь наконец под командование Шанзи и оказала упорное и частично успешное сопротивление. Но оно вскоре было сломлено, так как 9-й прусский корпус двигался по левому берегу реки на Блуа, где он отрезал бы путь отступления Шанзи на Тур. Это обходное движение достигло своей цели. Шанзи оставил опасную позицию, и Блуа попал в руки вторгшегося противника. Наступившая оттепель и сильные дожди, которые прошли незадолго до этого, испортили дороги, и это приостановило дальнейшее преследование.

Принц Фридрих-Карл телеграфировал в главную квартиру, что Луарская армия полностью рассеяна в разных направлениях, ее центр прорван и как армия она перестала существовать. Все это превосходно звучит, но далеко не соответствует действительности. Даже немецкие сообщения не оставляют никакого сомнения в том, что захваченные под Орлеаном 77 орудий почти все были оставленными в укреплениях морскими орудиями. Возможно, что 10000, а включая раненых и 14000 человек,

было взято в плен, причем большинство из них было в значительной степени деморализовано; но состояние баварцев, которые 5 декабря в полном беспорядке, без оружия и ранцев, толпами брели по дороге от Артене на Шартр, было немногим лучше. Во время преследования, 5-го и позднее, не было захвачено никаких трофеев; а если армия разбита, то активная и многочисленная кавалерия, которая, как известно, имеется у пруссаков, непременно взяла бы в плен большое количество солдат этой армии. Здесь, мягко выражаясь, налицо какая-то крупная неточность. Оттепель — не оправдание: она наступила около 9-го, и, таким образом, для активного преследования оставалось четыре — пять дней, когда замерзшие дороги и поля были хорошо проходимы. Наступление пруссаков остановлено не столько оттепелью, сколько сознанием того, что силы этих 90000 человек, число которых сократилось вследствие потерь и оставленных в тылу гарнизонов примерно до 60000, почти совсем истощены. Они почти дошли до того предельного рубежа, когда неблагоразумно преследовать даже разбитого противника. Рейды крупного масштаба в южном направлении возможны, но вряд ли будут оккупированы новые территории. Луарская армия, разделенная теперь на две армии, — одна под командованием Бурбаки. а другая под командованием Шанзи, — будет иметь достаточно времени и пространства для того, чтобы провести реорганизацию и подтянуть вновь сформированные батальоны. Из-за своего разделения она перестала существовать как армия; но Луарская армия — первая в данной войне армия, которая при этом не была покрыта позором. О двух армиях, пришедших ей на смену, мы, вероятно, еще услышим.

А между тем Пруссия обнаруживает признаки истощения. В ландвер призывают лиц до 40 лет и старше, хотя по закону эти люди после 32 лет освобождены от военной службы. Обученные резервы страны исчерпаны. В январе во Францию будут? посланы новобранцы — из Северной Германии приблизительно 90000 человек. В общей сложности это, *возможно,* и составит те 150000 человек, о которых мы так много слышим, но пока их еще там нет; а когда они прибудут, то существенным образом изменят характер армии. Истощение сил, вызванное этой войной, огромное и оно возрастает с каждым днем. Об этом говорит как меланхолический тон писем из армии, так и списки потерь. Главное место в этих списках теперь уже занимают потери не в крупных сражениях, а в мелких стычках, в которых погибает один, два, пять человек. Постоянно подтачивая силы врага, волны народной войны с течением времени перемалывают

и разрушают по частям самую крупную армию и, что самое главное, не видно, чтобы это уравновешивалось соответствующей убылью у другой стороны. До тех пор, пока Париж держится, положение французов улучшается с каждым днем, и нетерпение, с которым в Версале ждут сдачи Парижа, является лучшим доказательством того, что этот город может еще оказаться опасным для осаждающих.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1824, 17 декабря 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXII

Боевые действия на прошлой неделе доказали, насколько правильно мы оценили положение каждой из воюющих сторон, когда утверждали, что армии, прибывшие из Меца на Луару и в Нормандию, уже в значительной мере утратили способность захватывать новые, территории*. Размеры территории, оккупированной немецкими войсками, с тех пор почти совсем не увеличились. Великий герцог Мекленбургский с баварцами фон дер Танна (без которых, несмотря на их дезорганизованное состояние и недостаток обуви, нельзя обойтись на фронте), с 10-м корпусом и 17-й и 22-й дивизиями упорно преследовал войска Шанзи, отступавшие медленно и все время с боями от Божанси на Блуа, от Блуа на Вандом, Эпюизе и далее. Шанзи оборонял все позиции, которые были образованы небольшими реками, впадающими в Луару с севера, а когда 9-й корпус (или, по крайней мере, его гессенская дивизия), подойдя с левого берега реки, обошел его правый фланг под Блуа, он отступил к Вандому и занял позицию на линии Луара. Он удерживал эту позицию в течение 14 и 15 декабря, несмотря на атаки противника, но вечером 15-го оставил ее и медленно отступил к Ле-Ману, не проявляя никакой растерянности. 17-го под Эпюизе, у стыка дорог, идущих из Вандома и Море на Сен-Кале, он имел еще один арьергардный бой с войсками фон дер Танна, а затем отступил, причем немцы, по-видимому, не преследовали его на большое расстояние.

Все это отступление проводилось, как видно, с большой осмотрительностью. После того, как было решено разделить прежнюю Луарскую армию на две части — одна из них, под командованием Бурбаки, должна была действовать к югу от Орлеана, а другая, под командованием Шанзи, которому

* См. настоящий том, стр. 203—204. *Ред.*

были переданы также и войска в окрестностях Ле-Мана, должна была оборонять Западную Францию к северу от Луары, — после того, как это было сделано, Шанзи не мог ставить себе целью вызывать решительные боевые действия. Его план, напротив, по необходимости состоял в том, чтобы отстаивать каждую пядь земли, поскольку это было возможно, не подвергаясь опасности быть втянутым в решительный бой, наносить противнику таким путем возможно более тяжелые потери и приучить свои собственные молодые войска к порядку и стойкости под огнем. При этом отступлении он, конечно, потерял бы больше людей, чем противник, особенно много отставшими, но это были бы худшие солдаты его батальонов, без которых он вполне мог обойтись. Он поддержал бы моральный дух своих войск, продолжая в то же время внушать противнику то чувство уважения к республиканским войскам, которое уже завоевала Луарская армия. И он вскоре достиг бы того предельного рубежа, когда преследующие его войска, ослабленные потерями в боях, болезнями, а также тем, что в тылу на путях подвоза приходилось оставлять отряды, должны были бы отказаться от преследования или, в свою очередь, идти на риск поражения. Этим предельным пунктом, по всей вероятности, мог бы быть Ле-Ман; там в Ивре-Л'Эвек и в Конли имелось два учебных лагеря с неопределенным количеством войск, находящихся на различном уровне организованности и в разной мере обеспеченных вооружением. Но организованных батальонов там безусловно должно было быть больше, чем потребовалось бы Шанзи, чтобы отразить любое наступление, которое мог бы предпринять против него герцог Мекленбургский. Это, по-видимому, почувствовал прусский командующий или, скорее, его начальник штаба, генерал Штош, который фактически руководит передвижениями армии герцога Мекленбургского. И действительно, после того как мы узнали, что 18-го 10-й северогерманский корпус преследовал Шанзи за Эпюизе, нам теперь стало известно, что 21-го генерал Фойгтс-Рец (командующий тем же 10-м корпусом) разбил отряд французов в окрестностях Монне и оттеснил их за Нотр-Дам-д'Оэ. Между тем Монне находится приблизительно в тридцати пяти милях к югу от Эпюизе, на дороге из Вандома в Тур, а Нотр-Дам-д'Оэ на несколько миль ближе к Туру, Таким образом, после преследования главных сил Шанзи вплоть до самого Ле-Мана войска герцога Мекленбургского, — по крайней мере, часть их, — теперь, по-видимому, двинуты по направлению к Туру, к которому в данный момент, вероятно, они уже подошли, но который вряд ли смогут занимать продолжительное время.

Прусские критики осуждали Луарскую армию за ее эксцентрическое отступление после боев у Орлеана и утверждали, что к этому ошибочному шагу французов вынудили только энергичные действия принца Фридриха-Карла, в результате которых он «прорвал их центр». Мы готовы согласиться с тем, что это эксцентрическое отступление и даже последовавшее за ним разделение армии на две отдельные группы войск были в значительной степени вызваны неправильными распоряжениями д'Ореля в тот момент, когда противник нанес ему удар. Но тут была и другая причина. Франции для организации войск прежде всего нужно время и пространство, то есть как можно больше территории, чтобы собрать на ней средства для этой организации — людей и материальную часть. Пока Франция не в состоянии еще стремиться к решающим сражениям, она должна пытаться спасти от вражеской оккупации возможно большую территорию. Поскольку же вторжение достигло теперь того предела, когда силы наступления и силы обороны почти уравновешены, нет надобности сосредоточивать войска обороняющихся таким образом, как это требуется для решительных действий. Их, напротив, можно без большого риска разделить на несколько крупных групп, чтобы они могли прикрывать возможно большую территорию и чтобы противопоставить врагу в любом направлении, где только он может предпринять наступление, достаточно крупные силы, способные помешать длительной оккупации. А так как вблизи Ле-Мана все еще находится примерно 60000, а может быть и 100000 человек (правда, их снаряжение, подготовка и дисциплина в весьма плохом состоянии, но оно улучшается с каждым днем) и так как средства для их снаряжения, вооружения и снабжения подготовлены и сосредоточиваются в Западной Франции, то было бы большой ошибкой отказаться от них только потому, что теоретически стратегия требует, чтобы, при обычных обстоятельствах, разбитая армия отступала как одно целое; в данном случае это могло бы быть достигнуто только движением на юг и отказом от защиты запада. Наоборот, в самих лагерях вблизи Ле-Мана имеется достаточно материала для того, чтобы с течением времени сделать новую Западную армию даже сильнее, чем прежняя Луарская армия, тогда как весь юг формирует подкрепления для войск Бурбаки. Таким образом, то, что на первый взгляд кажется ошибкой, в действительности было вполне правильной и необходимой мерой, которая нисколько не препятствует тому, чтобы несколько позже все французские войска были в состоянии принять участие в согласованных решительных действиях.

Значение Тура состоит в том, что он образует самый крайний на западе железнодорожный узел между северо-западом и югом Франции. Если Тур будет все время находиться в руках пруссаков, у Шанзи не будет железнодорожного сообщения ни с правительством в Бордо, ни с Бурбаки в Бурже. Но имеющимися в настоящее время силами пруссаки не имеют шансов удержать Тур. Их положение там будет менее прочно, чем положение фон дер Танна в Орлеане в начале ноября. И хотя временная потеря Тура представляет собой неблагоприятное обстоятельство, все же ее можно перенести.

О других немецких войсках у нас мало сведений. Принц Фридрих-Карл с 3-м корпусом и, может быть, с половиной 9-го корпуса совершенно исчез из виду, а это отнюдь не свидетельствует о том, что он имеет силы для наступления. Войска Мантёйфеля вынуждены ограничиться ролью огромного летучего отряда для производства реквизиций; по-видимому, он не в состоянии длительно оккупировать местности, лежащие дальше Руана. Вокруг Вердера со всех сторон действуют партизанские отряды, он может удержаться в Дижоне исключительно благодаря своей активности, и в то же время он вдруг обнаруживает, что, если он хочет обеспечить свой тыл, ему необходимо блокировать также и Лангр. Нам неизвестно, где он возьмет войска для этой цели; сам он не может выделить никаких войск, а у частей ландвера в окрестностях Бельфора и в Эльзасе достаточно своих дел. Таким образом, везде силы, по-видимому, почти уравновешены. Теперь идет состязание в том, кто получит больше подкреплений, но в этом состязании Франция имеет гораздо больше шансов, чем три месяца тому назад. Если бы можно было с уверенностью сказать, что Париж продержится до конца февраля, мы могли бы, пожалуй, допустить, что Франция победит в этом состязании.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1829, 23 декабря 1870 г.

ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЦЕВ ВО ФРАНЦИИ

В Германии начинает сказываться истощение сил в ходе этой войны. Численность первоначальной армии вторжения, включая все линейные войска Севера и Юга, достигала приблизительно 640000 человек. За два месяца войны эта армия настолько уменьшилась, что пришлось отправить на фронт первую партию солдат из учебно-запасных батальонов и эскадронов, составлявшую около одной трети первоначального количества. Они прибыли в конце сентября и начале октября, и хотя их численность доходила, вероятно, до 200000 человек, однако. полевые батальоны далеко не были укомплектованы до их первоначального состава в 1000 человек каждый. Батальоны под Парижем насчитывали от 700 до 800 человек, а батальоны под Мецем были еще малочисленное. Вскоре болезни и бои произвели дальнейшее опустошение, и, когда принц Фридрих-Карл дошел до Луары, его три корпуса насчитывали меньше половины своего нормального состава, то есть в среднем по 450 человек на батальон. Бои, происходившие в этом месяце, а также суровая и изменчивая погода должны были тяжело отразиться как на войсках под Парижем, так и на армиях, прикрывающих обложение; поэтому теперь батальоны несомненно насчитывают в среднем меньше чем по 400 человек. В начале января, после трех месяцев обучения, будут готовы к отправке на фронт новобранцы призыва 1870 года. Их численность составит приблизительно 110000 человек и на батальон придется несколько меньше 300 человек. Мы теперь узнаем, что часть их уже прошла Нанси и что новые пополнения прибывают ежедневно; таким образом, вскоре батальоны могут снова быть доведены приблизительно до 650 человек. Если, как это представляется вероятным по многим признакам, остаток не прошедших ранее обучения более молодых возрастов (эрзац-резерва), которых можно использовать, действительно обучался

вместе с новобранцами очередного призыва, то пополнение увеличилось бы еще на 100 человек на батальон, что дало бы в целом 750 человек на батальон. Это равнялось бы приблизительно трем четвертям первоначальной численности и составило бы армию в 480000 бойцов из миллиона людей, которые были отправлены из Германии на фронт. Таким образом, больше половины людей, покинувших Германию в составе линейных полков или вступивших в них впоследствии, было убито или превращено в инвалидов меньше чем за четыре месяца. Если это кому-нибудь покажется невероятным, пусть он сравнит потери в прежних кампаниях, например 1813 и 1814 гг., и пусть он примет во внимание, что непрерывные продолжительные и быстрые марши пруссаков во время этой войны должны были крайне тяжело отразиться на их войсках.

До сих пор мы касались только линейных войск. Кроме них, во Францию был отправлен почти весь ландвер. Вначале в гвардейских батальонах ландвера было по 800 человек, а в других — по 500; но численность всех их была постепенно доведена до 1000 человек. Включая кавалерию и артиллерию, это в сумме составит 240000 человек. Значительно большая часть их уже некоторое время находится во Франции, обеспечивая коммуникации, блокируй крепости и т. п. И даже для этой цели их численность оказалась недостаточной, так как в данный момент формируются еще четыре дивизии ландвера (вероятно, путем образования третьего батальона для каждого полка ландвера), которые насчитывают, по крайней мере, пятьдесят батальонов, или еще 50000 человек, Все они должны быть отправлены теперь во Францию; те, которые все еще оставались в Германии для охраны французских пленных, должны быть заменены на этой службе вновь сформированными «гарнизонными батальонами». Мы не можем сказать определенно, каков будет состав последних, до получения полного текста приказа об их формировании, а пока его содержание известно только по краткому телеграфному сообщению. Но если, как мы знаем, указанные четыре новые дивизии ландвера не могут быть созданы без призыва людей сорока лет и даже старше, то какие же обученные солдаты останутся для гарнизонных батальонов, кроме людей и возрасте от сорока до пятидесяти лет? Нет никакого сомнения, что эта мера полностью исчерпывает в Германии резервы обученных людей и, кроме того, призыв новобранцев за целый год.

На долю ландвера во Франции пришлось гораздо меньше маршей, стоянок бивуаком и боевых действий, чем на долю линейных войск. У него большей частью были приличные квартиры, достаточное питание и не очень тяжелая служба;

поэтому можно считать, что общее число его потерь умершими и выбывшими из строя по инвалидности составляет приблизительно 40000 человек. Включая новые, формирующиеся в настоящее время батальоны, остается 250000 человек; но совершенно неизвестно, как скоро всех их можно будет — да и можно ли будет когда-либо — высвободить для несения службы за границей. Можно сказать, что в ближайшие два месяца численность боевого состава войск ландвера во Франции составит самое большее 200000 человек.

Таким образом, в линейных войсках и в ландвере, вместе взятых, во второй половине января во Франции будет под ружьем приблизительно от 650000 до 680000 немцев, из которых от 150000 до 200000 находятся сейчас в пути или готовятся к отправке. Но эти войска будут намного отличаться от тех, которые до сих пор там используются. Добрая половина линейных батальонов будет состоять из неопытных молодых солдат двадцати или двадцати одного года — такого возраста, в котором трудности зимней кампании особенно тяжело отражаются на состоянии здоровья. Эти люди скоро переполнят госпитали, а батальоны снова начнут таять. Вместе с тем, ландвер будет все более состоять из людей старше 32 лет, почти без исключения женатых и отцов семейств, то есть из людей в таком возрасте, когда жизнь в лагерях на открытом воздухе в холодную или сырую погоду почти наверняка вызовет вскоре повальный ревматизм. И не может быть никакого сомнения в том, что большей части ландвера придется теперь гораздо чаще совершать походы и вести бои, чем до сих пор, вследствие увеличения территории, которую он должен держать под своим надзором. Состав линейных войск становится значительно моложе, состав ландвера значительно старше, чем прежде; у отправляемых в линейные войска новобранцев едва хватило времени, чтобы пройти военное обучение и усвоить правила дисциплины; у новых же пополнений ландвера было вполне достаточно времени, чтобы забыть и то и другое. Таким образом, в германскую армию включаются такие элементы, которые в гораздо большей степени, чем это было раньше, приближают ее по характеру к действующим против нее французским новобранцам; однако немцы имеют то преимущество, что эти элементы вливаются в сильные и стойкие кадры старой армии.

Какие же людские резервы, кроме этих, остаются у Пруссии? Новобранцы, которым в 1871 г. исполняется двадцать лет, и эрзац-резерв старшего возраста, причем в последнем все необучены, почти все женаты и находятся в таком возрасте, когда у людей мало склонности или способностей начинать солдатскую

службу. Призыв в армию этих людей, которые на основании многолетнего опыта привыкли считать, что их отношение к армии является чисто номинальным, был бы чрезвычайно непопулярен. Еще менее популярной мерой был бы призыв тех физически годных мужчин, которым удалось по тем или иным причинам совершенно освободиться от воинской повинности. В чисто оборонительной войне все они выступили бы без малейших колебаний; но в завоевательной войне и в тот момент, когда успех этой завоевательной политики становится сомнительным, этого нельзя от них ожидать. Вести завоевательную войну с переменным успехом армией, которая состоит главным образом из женатых людей, в конечном счете невозможно; в такой войне одно или два больших поражения должны деморализовать эти войска. Чем больше, — в силу того, что война затягивается, — прусская армия становится действительно «вооруженным народом», тем меньше она становится способной на завоевания. Пусть немецкие филистеры неистово кричат об Эльзасе и Лотарингии, тем не менее несомненно, что Германия не может ради завоевания этих областей пойти на такие же лишения, такое же расстройство общественной жизни и такое же свертывание национального производства страны, какие Франция готова перенести ради собственной обороны. Тот же самый немецкий филистер, как только он наденет мундир и будет отправлен на фронт, вероятно, скоро вновь утратит весь свой пыл где-либо на поле боя во Франции или в сильный мороз на бивуаке. И, таким образом, может быть, для обеих наций будет, в конце концов, к лучшему, если они на самом деле встретятся лицом к лицу с оружием в руках.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1830, 24 декабря 1870 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXIII

С рождества началась действительная осада Парижа. До этого времени производилось лишь обложение этой гигантской крепости. Правда, были построены батареи для тяжелых осадных орудий и собран осадный парк, но на позицию не было поставлено ни одного орудия, не было проделано ни одной амбразуры, не было произведено ни одного выстрела. Все эти приготовления делались с южной и юго-западной стороны. С других сторон были также сооружены брустверы, но они, очевидно, предназначались лишь для оборонительных целей, для отражения вылазок и прикрытия пехоты и полевой артиллерии осаждающих, Эти укрепления были расположены, разумеется, на большем расстоянии от парижских фортов, чем то, на котором должны были бы находиться батареи при правильной осаде; между ними и фортами проходила широкая полоса никем не занятого пространства, которым можно было пользоваться для вылазок. Когда большая вылазка Трошю 30 ноября была отбита, в его руках все еще оставалась некоторая часть этого пространства с восточной стороны Парижа, в частности отдельное плато Аврон, перед фортом Рони. Трошю начал укреплять это плато; с какого числа — мы точно не знаем, но 17 декабря мы встречаем упоминание о том, что как Монт-Аврон, так и высоты Варенн (в излучине Марны) были уже укреплены и на них были установлены тяжелые орудия.

Не считая нескольких передовых редутов с южной стороны близ Витри и Вильжюифа, которые, по-видимому, не имеют большого значения, мы имеем здесь первую предпринятую в крупном масштабе попытку обороняющихся расширить свои позиции с помощью контрапрошей. Здесь мы должны, естественно, прибегнуть к сравнению с Севастополем. Спустя более четырех месяцев после начала союзниками осадных работ, к концу февраля 1855 г., когда осаждающие ужасно страдали

от зимней стужи, Тотлебен начал сооружение передовых укреплений на значительном при тех условиях расстоянии впереди своих линий. 23 февраля он построил Селенгинский редут в 1100 ярдах от главного крепостного вала, и в тот же самый день штурм нового укрепления союзниками потерпел неудачу; 1 марта был закончен другой редут (Волынский), еще более выдвинутый вперед, в 1450 ярдах от крепостного вала. Эти два укрепления были названы союзниками «ouvrages blancs»*. 12 марта в 800 ярдах от вала был закончен Камчатский люнет, названный союзниками «Mamelon vert»**, а перед всеми этими укреплениями были вырыты окопы для стрелков. Штурм 22 марта был отбит, и сооружение всех этих укреплений, а вместе с ними и укрепления правее Мамелона, а именно «Каменоломни», было закончено; все эти редуты были соединены прикрытыми путями. В течение всего апреля и мая союзники делали тщетные попытки вновь овладеть местностью, на которой были расположены эти укрепления. Они должны были продвигаться к ним лишь с помощью апрошей, применяемых при правильной осаде, и только 7 июня, когда прибыли значительные подкрепления, смогли взять эти укрепления штурмом. Таким образом, эти выдвинутые вперед полевые укрепления на целых три месяца задержали падение Севастополя, хотя они и подвергались обстрелу из самых мощных морских орудий того времени.

Если сопоставить все, что сказано выше, с обороной Монт-Аврона, то она выглядит весьма убого. 17 декабря, после более чем двух недель, которые французы имели для постройки своих укреплений, сооружение батарей было закончено. Тем временем осаждающие послали за осадной артиллерией, состоявшей, главным образом, из старых орудий, уже использовавшихся в предыдущих осадах. 22-го было завершено сооружение батарей против Монт-Аврона, но никаких действий не предпринималось до тех пор, пока не миновала всякая опасность вылазки en masse*** со стороны французов и пока 26 декабря не было прекращено устройство укрепленных позиций Парижской армии вокруг Дранси. 27 декабря немецкие батареи начали обстрел, продолжавшийся 28-го и 29-го. Огонь французских укреплений скоро утих, а 29-го укрепления были покинуты, так как, по официальным французским сообщениям, в них не было казематов для укрытия гарнизона.

Это, несомненно, жалкая оборона, и еще более жалким является ее оправдание. Главный недостаток кроется, очевидно,

* — «белые редуты». *Ред.*
** — «Зеленый холм», Мамелон. *Ред.*
*** — массовой, общей. *Ред.*

БЛОКАДА ПАРИЖА (19.IX.1870 г. – 28.I.1871 г.)

IV корпус 4 А
Гвардия 4 А
Гвардейская уланская бригада 4 А
XII корпус 4 А
V корпус 3 А
II Баварский корпус 3 А
VI корпус 3 А
Вюртембергская дивизия 3 А
Сена
Марна
Аржантёй
Сен-Дени
Дюньи
Ле-Блан-Мениль
Ле-Бурже
Севран
Дранси
форт Восточный
форт Обервилье
форт Роменвиль
Ренси
Монфермей
Шель
форт Нуази
Монт-Аврон
Мезон-Бланш
форт Рони
Виль-Эврар
Нейи на Марне
форт Ножан
Нуази
Бри
Ножан
форт Венсенн
редут де-ла-Фезандри
редут Ла-Гравель
Вилье
Шампиньи
форт Шарантон
Кретей
Варенн
Мели
Мон-Мели
Бонней
Курбевуа
Нейи на Сене
Рюэй
форт Мон-Валерьен
Бюзанваль
Булонский лес
Сен-Клу
Севр
Версаль
форт Исси
форт Ванв
форт Монруж
форт Бисетр
форт Иври
Медон
Кламар
Шатильон
Фонтене-о-Роз
Вильжюиф
Витри
Со
Л'Э
Шуази-ле-Руа
30.XI.70
30.X.70
21.X.70
19.I.71
13.X.70
30.IX.70
29.XI.70
1
2
3
4
5

Расположение прусских войск
30.XI.70 Основные направления и даты передвижений прусских войск
Места сосредоточения прусской артиллерии
Главная квартира прусских войск
Кварталы Парижа, занятые прусскими войсками I–III.1871 г.
Расположение французских войск
30.XI.70 Основные направления и даты передвижений французских войск
Главная квартира французских войск

Цифрами обозначены:
1 Военное министерство
2 Пале де Жюстис
3 Ратуша
4 Лувр
5 Тюильри

в конструкции укреплений. Все описания приводят нас к заключению, что на Монт-Авроне не было ни одного сомкнутого редута, а были только батареи, открытые с тыла и даже не имевшие надежного прикрытия с флангов. Кроме того, эти батареи были, очевидно, обращены только в одну сторону, к югу или к юго-востоку, тогда как поблизости, к северо-востоку, расположены высоты Ренси и Монфермей — наиболее удобные пункты для батарей, действующих против Аврона. Осаждающие воспользовались этим, для того чтобы окружить Аврон полукольцом батарей, которые скоро заставили смолкнуть его орудия и вытеснили его гарнизон. Но почему же отсутствовали укрытия для гарнизона? Мороз только наполовину оправдывает это, ибо французы имели достаточно времени, и то, что русские смогли сделать зимой в Крыму на скалистом грунте, должно было также быть возможным и в декабре этого года под Парижем. Артиллерия, применявшаяся против Аврона, была, конечно, значительно более эффективной, чем артиллерия союзников под Севастополем; но это была та же артиллерия, которая применялась против редутов Дюппеля[115], тоже полевых укреплений, а они продержались три недели. Существует предположение, что пехота гарнизона бежала, оставив артиллерию без защиты. Это могло случиться, но это не оправдывает инженеров, строивших укрепления. Инженерный штаб в Париже должно быть очень скверно организован, если судить по этому образцу его работы.

Быстрое разрушение Монт-Аврона возбудило аппетит осаждающих к дальнейшим успехам подобного рода. Они открыли огонь по восточным фортам, в особенности по Нуази, Рони и Ножану. После двухдневной бомбардировки все эти форты почти умолкли. Мы ничего не слышали о том, что еще предпринимается против них. Ничего не говорится также об огне из укреплений, построенных в промежутках между этими фортами. Но мы можем быть уверены, что осаждающие прилагают все усилия, чтобы продвинуть вперед против этих фортов свои апроши, хотя бы и примитивного типа, и тем самым обеспечить прочное удержание позиций на Монт-Авроне. Нас не удивило бы, если бы они, несмотря на погоду, достигли в этом отношении большего, чем французы.

Но какое же влияние оказывают все эти события на ход осады? Несомненно, что, если три указанных форта попадут в руки пруссаков, это будет значительным успехом и позволит им придвинуть свои батареи на расстояние 3000—4000 ярдов от крепостной ограды. Впрочем, вовсе не является неизбежным, что они сдадутся так быстро. Все эти форты имеют укрытые

от бомб казематы для своих гарнизонов; а осаждающие до сих пор еще не получили нарезных мортир, которых у них вообще мало. Эти мортиры представляют собой единственный вид артиллерии, который в очень короткий срок может разрушить укрытия от бомб; огонь старых мортир слишком неточен, чтобы дать быстрый результат, а 24-фунтовым орудиям (со снарядом весом в 64 фунта) не может быть придан достаточно большой угол возвышения, чтобы обеспечить эффективный навесный огонь. Если огонь этих фортов, по-видимому, и стих, то это свидетельствует лишь о том, что орудия были поставлены в укрытия, чтобы держать их наготове на случай штурма. Прусские батареи могут разрушить брустверы валов, но брешь тем самым не будет еще образована. Для того чтобы пробить хорошо прикрытую каменную кладку эскарпов, даже при стрельбе перекидным огнем им придется расположить батареи не дальше 1000 ярдов от фортов, а это может быть сделано только с помощью параллелей и апрошей, закладываемых при правильной осаде. «Ускоренный» процесс осады, о котором так много говорят пруссаки, заключается лишь в том, чтобы стрельбой с большого расстояния заставить неприятеля прекратить огонь и тем самым создать возможность для сооружения апрошей с меньшим риском и меньшей потерей времени; за этим следует мощная бомбардировка и пробивание брешей в валу перекидным огнем. Если все эти меры не принудят французов к сдаче, — а когда речь идет о парижских фортах, то трудно себе представить, как это могло бы принудить их сдаться, — остается только проложить обычным путем апроши до гласиса, а затем решиться на штурм. Штурм Дюппеля предприняли после того, как апроши были продвинуты на расстояние около 250 ярдов от разрушенных укреплений, а у Страсбурга сапы пришлось вести по старинке до самого гребня гласиса и дальше.

Учитывая все это, мы должны еще и еще раз возвратиться к точке зрения, которую так часто отстаивали на этих страницах, что оборону Парижа следует вести активно, а не только пассивно. Теперь, как никогда раньше, наступило время для вылазок. В данный момент не стоит вопрос о прорыве неприятельских линий, речь идет лишь о том, чтобы принимать бои местного значения, которые осаждающие навязывают осажденным. Осаждающие почти при всех обстоятельствах могут добиться того, чтобы их огонь превосходил в любом избранном пункте огонь осажденных; это старая и неоспоримая истина; и если осажденные не возмещают этого неизбежно присущего им недостатка своей активностью, смелостью и энергией в вылазках, они теряют лучшие свои шансы. Говорят, что войска, находя-

щиеся в Париже, пали духом; однако для этого нет никаких причин. Войска могли потерять доверие к своему начальнику, но это совсем другое дело; если Трошю продолжает бездействовать, то они имеют для этого полное основание.

Мы хотим в нескольких словах коснуться хитроумного предположения некоторых лиц, будто Трошю после падения Парижа намерен отойти со своими войсками на укрепленный полуостров Мон-Валерьен, как в цитадель. Эта глубокомысленная догадка принадлежит каким-то премудрым прихлебателям в прусском штабе в Версале и основана, главным образом, на том факте, что между Парижем и указанным полуостровом происходит оживленное движение повозок в ту и другую сторону. Надо быть действительно необыкновенно умным генералом, чтобы избрать для постройки своей цитадели низкий наносный полуостров, окруженный со всех сторон господствующими над ним высотами, с которых можно видеть расположенные на полуострове войска, как на ладони, и, следовательно, обстреливать их с близкого расстояния. Но с тех пор как существует прусский штаб, ему всегда причиняло большие хлопоты присутствие в нем людей со сверхчеловеческой прозорливостью. Они всегда считают наиболее вероятным, что противник станет проделывать самые невероятные вещи. Согласно немецкой поговорке, «они слышат, как трава растет». Всякий, кто знакомился с прусской военной литературой, неизбежно сталкивался с такого сорта личностями, и удивительно лишь то, что находятся еще люди, которые им верят.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1841, 6 января 1871 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXIV

Хотя с тех пор, как мы в последний раз рассматривали положение каждой из воюющих сторон в провинциях*, и произошло довольно много боев, но очень мало что изменилось. Это подтверждает правильность нашего взгляда, что в данный момент силы обеих сторон почти уравновешены.

Западная армия Шанзи удерживает позиции перед Ле-Маном: армия герцога Мекленбургского противостоит ей на линии, которая проходит от Блуа через Вандом на Вернёй. В окрестностях Вандома имело место много отдельных боев, но во взаимном положении воюющих армий не произошло никаких перемен. Тем временем Шанзи подтянул всех обученных и вооруженных людей из лагеря Конли, который был расформирован; сообщают, что он укрепил сильную позицию вокруг Ле-Мана в качестве опорного пункта на случай отхода и, как предполагают, теперь снова предпримет наступление. Так как г-н Гамбетта 5-го выехал из Бордо в Ле-Ман, то это вполне может соответствовать действительности. Относительно фактической численности и организации войск Шанзи мы знаем только то, что до своего отступления к Ле-Ману он имел три армейских корпуса. Немногим лучше мы осведомлены и относительно войск, действующих непосредственно против него; войска герцога Мекленбургского и войска, первоначально составлявшие армию принца Фридриха-Карла, настолько перемешались, что первоначальное ordre de bataille** потеряло свою силу. Мы будем рассматривать их как одну армию, которую они в действительности и составляют с тех пор, как Фридрих-Карл осуществляет общее командование; разница только в том, что герцог Мекленбургский командует теми войсками, которые, располо-

* См. настоящий том, стр. 217—220. *Ред.*

** — боевое расписание. *Ред.*

жившись на Луаре a cheval*, обращены фронтом на запад, в то время как под непосредственным командованием принца находятся те войска, которые расположены вдоль Луары от Блуа до Жьен фронтом на юг и ведут наблюдение за Бурбаки. Обе эти группы войск насчитывают десять пехотных и три кавалерийских дивизии, причем значительные отряды были оставлены по пути движения от Коммерси через Труа до Луары; отряды эти еще только постепенно подходят, по мере того как их сменяют вновь прибывающие войска ландвера.

11 декабря принц Фридрих-Карл прибыл в Бриар, намереваясь наступать на Невер, с тем чтобы обойти правый фланг Бурбаки и отрезать ему прямые коммуникации с войсками, действующими против Вердера. Но мы только недавно узнали, что, получив сообщение о решительном сопротивлении, которое герцог Мекленбургский неожиданно встретил со стороны Шанзи, он тотчас же отказался от этого плана и повернул с большей частью своих войск обратно, в направлении на Тур, к которому, как мы знаем, его войска подошли, так и не вступив, однако, в город. Таким образом, мы теперь узнаем, что искусное и мужественное отступление Шанзи обеспечило безопасность не только ему, но и Бурбаки. Этот генерал все еще, по-видимому, находится в окрестностях Буржа и Невера. Если бы, как предполагалось, он выступил на восток против Вердера или же с целью перерезать прусскую коммуникационную линию, то мы теперь уже имели бы о нем известия. Он, по всей вероятности, реорганизует и пополняет свою армию, и если Шанзи перейдет в наступление, то мы безусловно услышим также и о нем.

К северу от Сены Мантёйфель силами 1-го корпуса удерживает Руан и его окрестности, тогда как 8-й корпус он отправил в Пикардию. Этот корпус оказался там в тяжелом положении. Генерал Федерб не дает своей Северной армии долго оставаться в бездействии. В трех самых северных департаментах Франции, от Соммы до бельгийской границы, находятся около двадцати крепостей различных размеров; и хотя эти крепости в наше время совершенно бесполезны в случае вторжения крупных сил со стороны Бельгии, однако в данном случае они создают наиболее удобную и почти неприступную операционную базу. Когда Вобан, почти двести лет тому назад, составлял план этого тройного пояса крепостей, у него, конечно, не возникало и мысли о том, что они будут служить для французской армии огромным укрепленным лагерем — своего рода увеличенным

* — по обоим берегам. *Ред.*

четырехугольником крепостей — против неприятеля, наступающего из центра Франции. Но это стало фактом, и как бы ни была мала эта территория, в данном случае она является неприступной; к тому же этот район очень важен с точки зрения его промышленных ресурсов и большой плотности населения. Отброшенный назад в это надежное убежище в результате боя под Виллер-Бретоннё (27 ноября)[116], Федерб реорганизовал и пополнил свою армию; к концу декабря он снова выступил на Амьен и 23-го дал Мантёйфелю сражение у реки Аллю, которое не принесло победы ни одной из сторон. У него в этом сражении участвовало четыре дивизии (по его данным, 35000 человек) против двух дивизий 8-го прусского корпуса (согласно прусским данным, 24000 человек). При таком соотношении силон сумел устоять против столь прославленного генерала, как фон Гёбен, — этот факт показывает, что его мобили и новобранцы делают успехи. Как он сам заявляет, вследствие морозов и из-за недостатков, имевшихся в его интендантстве и в обозах, а, вероятно, также и потому, что он не был уверен, выдержат ли его войска второй день тяжелых боев, он отступил почти беспрепятственно за реку Скарп. Фон Гёбен преследовал его, оставив большую часть 16-й дивизии для охраны коммуникаций и для обложения Перонн, и продвигаясь на Бапом и дальше только силами 15-й дивизии и летучего отряда принца Альбрехта младшего (численность которого в лучшем случае равна бригаде). Таким образом, тут шансы были на стороне четырех дивизий Федерба. Не колеблясь ни минуты, он выступил со своих укрытых позиций и атаковал пруссаков. После стычек 2 января, служивших завязкой боя, на следующий день главные силы обеих сторон вели сражение перед Бапомом. Ясные донесения Федерба, большое численное превосходство французов (восемь бригад, или, по крайней мере, 33000 человек, против трех прусских бригад, составляющих от 16000 до 18000 человек, если при установлении численности исходить из вышеприведенных данных об обеих армиях), уклончивый язык Мантёйфеля не оставляют сомнения в том, что в этом сражении французы одержали верх. Кроме того, хвастливость Мантёйфеля хорошо известна в Германии; все помнят, как он, будучи губернатором Шлезвига и отличаясь довольно высоким ростом, выражал готовность «прикрыть своим телом каждые семь футов территории страны». Из всех прусских сообщений его сообщения, даже после цензуры Версаля, несомненно заслуживают наименьшего доверия. Вместе с тем, Федерб не развил своего успеха, а отступил после сражения к деревне, расположенной в нескольких милях позади поля боя,

поэтому Перонн не был освобожден, и, как уже указывалось на страницах этой газеты, пруссаки пожали все плоды этого боя. Нельзя принять всерьез приводимые Федербом оправдания своего отступления. Но, каковы бы ни были его мотивы, если он со своими войсками может лишь нанести поражение трем прусским бригадам, а затем отступить, то ему не освободить Парижа.

Между тем Мантёйфель вскоре получит значительные подкрепления. 14-я дивизия (Камеке) 7-го корпуса после занятия Монмеди и Мезьера подходит к району его боевых действий в сопровождении осадного парка. Бой вблизи Гюиза, по-видимому, представляет собой один из этапов этого продвижения; Гюиз находится на прямом пути между Мезьером и Перонном, который, естественно, является следующей крепостью, намеченной для бомбардировки. За Перонном, вероятно, последует Камбре, если пруссакам во всем будет сопутствовать удача.

На юго-востоке Вердер непрерывно отступал, начиная с 27 декабря, когда он оставил Дижон. Прошло некоторое время, прежде чем немцы упомянули об этом, а пруссаки и тогда продолжали хранить полное молчание; это сообщение проскользнуло в незаметном уголке «Karlsruher Zeitung»[117]. 31-го, после боя, он оставил также и Гре, а теперь, находясь в Везуле, прикрывает осаду Бельфора. Лионская армия под командованием Креме (который, по слухам, является эмигрировавшим ганноверским офицером) преследует его, а Гарибальди, по-видимому, действует западнее против главной прусской линии коммуникаций. Вердер, который, как сообщают, ожидает подкреплений в 36000 человек, будет находиться в Везуле в довольно безопасном положении, но коммуникационная линия, по-видимому, далеко не является обеспеченной. Теперь мы узнаем, что туда направлен командир 7-го корпуса генерал Цастров и что он установил связь с Вердером. Если он не получит совсем другого назначения, то под его командованием будет 13-я дивизия, замененная в Меце частями ландвера; кроме того, для активных боевых действий в его распоряжении будут и другие силы. Один из его батальонов был, по-видимому, атакован и, как говорят, разгромлен вблизи Сольё, на пути из Осера на Шалон на Соне. Каково состояние коммуникаций по второстепенным железнодорожным линиям (не считая главной линии между Нанси и Парижем, которая хорошо охраняется и пока находится в безопасности), видно из письма, посланного из Шомона (Верхняя Марна) в «Кёльнскую газету»[118]; автор письма жалуется, что франтиреры в настоящее время в третий раз разрушили железную дорогу между Шомоном и Труа; в последний раз,

24 декабря, они сняли рельсовые скрепления, так что поезд, в котором находилось пятьсот солдат ландвера, сошел с рельсов и был остановлен, после чего франтиреры открыли огонь из лесу, по были отбиты. Корреспондент считает эти действия не только нечестными, но и «подлыми». Совсем как австрийский кирасир в Венгрии в 1849 г., заявивший: «Ну разве эти гусары не подлые негодяи? Они же видят, что на мне кираса, и все-таки рубят меня по лицу».

Для армии, осаждающей Париж, состояние этих коммуникационных линий — вопрос жизни и смерти. Прекращение движения на несколько дней будет сказываться на этой армии в течение недель. Пруссаки знают это и сосредоточивают теперь весь свой ландвер в северо-западной части Франции, чтобы держать в подчинении достаточно широкую полосу территории, обеспечив тем самым безопасность своих железных дорог. Падение Мезьера откроет им вторую железнодорожную линию от границы через Тионвиль, Мезьер и Реймс; но фланг этой линии со стороны Северной армии открыт и, таким образом, находится в опасности. Если у французов еще есть возможность освободить Париж, то это, пожалуй, легче всего сделать, прервав эту коммуникационную линию.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1842, 7 января 1871 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXV

Армии, действующие в полевых условиях, предприняли две операции, которые легко могут привести к кризису войны. Первая из них — марш Бурбаки против Вердера; вторая — марш принца Фридриха-Карла против Шанзи.

Слухи о походе Бурбаки в восточном направлении распространялись почти целую неделю, но они ничем не отличались от других слухов, которых теперь вообще циркулирует так много. Такой поход сам по себе мог быть стоящим делом, но это еще не давало основания верить тому, что он действительно осуществляется. Однако теперь можно не сомневаться в том, что Бурбаки силами по крайней мере 18-го и 20-го корпусов, а также нового 24-го корпуса достиг восточной части Франции и обошел позицию Вердера в Везуле, двигаясь через Безансон на Люр, между Везулем и Бельфором. Недалеко от Люра Вердер атаковал его 9 января в Виллерсекселе; произошел бой, причем обе стороны заявляют о своей победе. Очевидно, это был арьергардный бой, в результате которого Вердер, по всей вероятности, обеспечил себе отступление. Но кто бы ни одержал победу в этом первом столкновении, за ним через день или два, несомненно, последуют другие, и притом более значительные бои, которые доведут здесь дело до кризиса[119].

Если бы Бурбаки предпринял этот поход с достаточными силами, то есть использовав каждого человека, лошадь и орудие, без которых можно было обойтись в другом месте, и если бы этот поход осуществили с необходимой энергией, то он мог бы оказаться поворотным пунктом в войне. Мы еще раньше указывали на слабость растянутой коммуникационной линии немцев и на возможность освобождения Парижа путем наступления на эту линию значительными силами*. Теперь именно на это

* См. настоящий том, стр. 234. *Ред.*

делается ставка, и от того, как будет вестись игра, будет зависеть, удастся ли это осуществить в действительности.

Почти все линейные войска из числа тех сил противника, которые оккупируют теперь Францию, заняты либо осадой Парижа, либо прикрытием этой осады. Из тридцати пяти дивизий (включая гвардейский ландвер, который все время применялся как линейные войска) тридцать две используются таким образом. Две дивизии находятся в распоряжении Вердера (три баденские бригады, одна прусская), и одна под командованием Цастрова направилась на соединение с ним. Кроме них Вердер располагает еще, по меньшей мере, двумя дивизиями ландвера для ведения осады Бельфора и для занятия крепостей в южном Эльзасе. Таким образом, всю местность северо-восточнее линии, идущей от Мезьера через Лаон и Суассон до Парижа и оттуда через Осер и Шатильон до Хюнингена, возле Базеля, вместе со всеми захваченными там крепостями должна удерживать та часть остальных войск ландвера, которая освободилась от выполнения других задач. А если мы примем во внимание, что в Германии имеются также и военнопленные, для которых требуется охрана, и собственные крепости, для которых нужны гарнизоны, что только девять прусских армейских корпусов (существовавших до 1866 г.) имели достаточное количество старых солдат для пополнения батальонов ландвера, тогда как придется ждать еще пять лег, прежде чем остальные корпуса смогут дать такое пополнение, — то мы можем представить себе, что оставшиеся силы, которые можно использовать для оккупации этой части Франции, не могут быть очень многочисленными. Правда, восемнадцать учебно-запасных батальонов отправляются теперь для несения гарнизонной службы в крепостях Эльзаса и Лотарингии, а вновь формирующиеся «гарнизонные батальоны» должны сменить ландвер в самой Пруссии. Но формирование этих гарнизонных батальонов, по сообщениям немецкой печати, идет довольно медленно, и, таким образом, оккупационная армия в течение некоторого времени будет все еще сравнительно слабой, и едва способной держать в подчинении население охраняемых ею провинций.

Как раз против этой части германской армии движется Бурбаки. Он пытался, очевидно, вклиниться своими войсками между Везулем и Бельфором; тем самым он изолировал бы Вердера, которому мог бы в бою один на один нанести поражение, оттеснив его в северо-западном направлении. Но так как Вердер, вероятно, находится теперь у Бельфора и соединился с Тресковым, то Бурбаки для снятия осады должен разбить обоих; он должен оттеснить осаждающих назад в долину Рейна, после

чего он смог бы продвинуться по западной стороне Вогезов к Люневилю, где он оказался бы на главной коммуникационной линии немцев. Разрушение железнодорожных тоннелей вблизи Фальсбура блокировало бы на значительный период линию на Страсбург; разрушение железнодорожного узла в Фруаре остановило бы движение на линии из Саарбрюккена в Мец; можно было бы даже выслать летучий отряд к Тионвилю для разрушения железной дороги и у этого пункта, чтобы перерезать последнюю сквозную линию, имеющуюся у немцев. Такой отряд всегда мог бы отступить в Люксембург или Бельгию и сложить там оружие; это вполне окупило бы себя.

Именно эти цели должен иметь в виду Бурбаки. В связи с тем, что окрестности Парижа уже истощены, прекращение сообщения между Парижем и Германией даже на несколько дней имело бы чрезвычайно серьезные последствия для 240000 немцев, находящихся у Парижа, и 120000—150000 французских солдат, находящихся в Лотарингии, могло бы стать более действенным средством для снятия осады, чем даже победа Шанзи над Фридрихом-Карлом, в результате которой последний был бы, в конце концов, вынужден отойти к осаждающим войскам. чтобы получить от них поддержку. Правда, у немцев имеется еще одна железнодорожная линия — через Тионвиль, Мезьер и Реймс, — которой Бурбаки, вероятно, не смог бы достигнуть даже с помощью летучих отрядов, но как только Бурбаки удалось бы проникнуть в Лотарингию, в оккупированных районах несомненно поднялось бы всеобщее народное восстание; нам нет необходимости пояснять, какой опасности подвергалось бы в таком случае движение по этой второй железнодорожной линии. Кроме того, первым следствием успеха Бурбаки было бы вынужденное отступление Гёбена; следовательно, для Северной армии представилась бы возможность перерезать эту линию сообщения между Суассоном и Мезьером.

Мы считаем это движение Бурбаки самым важным и самым многообещающим из всех, которые предпринимались французскими генералами в эту войну. Но мы повторяем, что оно должно быть проведено надлежащим образом. Самые лучшие планы ничего не стоят, если они выполняются слабо и нерешительно. и мы, вероятно, не узнаем ничего определенного о силах Бурбаки или о том, как он управляет ими, до исхода его борьбы с Вердером.

Но мы получили сведения, что в предвидении подобного случая корпус Вердера решено развернуть в большую «Пятую армию» под командованием Мантёйфеля, который должен передать свою «Первую армию» Гебену и привести в помощь Вердеру

2-й, 7-й и 14-й корпуса. Однако из состава 7-го корпуса 13-я дивизия под командованием Цастрова уже отправлена к Везулю; 14-я дивизия только что заняла Мезьер и Рокруа и поэтому нельзя ожидать ее прибытия в Везуль в очень скором времени; 14-й корпус — это тот самый корпус, который все время находился под командованием Вердера (баденская дивизия, 30-й и 34-й прусские полки под командой Гольца); что касается 2-го корпуса, находящегося у Парижа, то мы полагаем, что он не выступит до тех пор, пока город не сдастся, так как без него там трудно обойтись. Но даже, если его и отправили бы сейчас, он прибыл бы лишь после того, как произойдет решающее сражение между Вердером и Бурбаки. Что касается других подкреплений для Вердера из резервов, которые, как могут предположить, имеются в Германии, то мы должны принять во внимание, во-первых, что весь ландвер, который можно было использовать, уже отправлен или отправляется теперь, и, во-вторых,что из учебно-запасных батальонов — единственного еще имеющегося резерва — только что были взяты все подготовленные солдаты и в данный момент в них имеется только кадровый состав. Таким образом, Бурбаки во что бы то ни стало должен дать свое первое и самое решительное сражение, прежде чем к немцам смогут подойти ожидаемые ими подкрепления; в случае победы его положение будет благоприятным и для того, чтобы справиться с этими подкреплениями по частям, по мере того как они будут постепенно прибывать с самых различных сторон.

Вместе с тем, принц Фридрих-Карл, несмотря на то, что его поход к Ле-Ману увенчался победой, возможно все же совершил ошибку — первую ошибку, допущенную немцами в этой войне, — когда, для того чтобы сосредоточить все свои силы против Шанзи, он предоставил Бурбаки полную свободу действий. Шанзи был несомненно его непосредственным противником, а в данный момент также и самым опасным. Но в том районе, где находится Шанзи, нельзя добиться решающего успеха над французами. Шанзи только что потерпел жестокое поражение[120], и это в настоящее время кладет конец его попыткам оказать помощь Парижу. Но это пока не лишает его других возможностей. Шанзи может отступить, если ему угодно, либо к Бретани, либо к Кальвадосу. В обоих случаях в конечной точке своего отступления он найдет большой морской арсенал, Брест или Шербур, с отдельными фортами, которые смогут служить для укрытия его войск до тех пор, пока французский флот не перевезет их к югу от Луары или к северу от Соммы. Следовательно, запад Франции — это область, где французы

могут вести военные действия для отвлечения сил неприятеля, чередуя наступательные действия и отступление без всякого риска быть поставленными в безвыходное положение. Мы бы не удивились, если бы узнали, что Шанзи вступил в бой по настоянию Гамбетты, который, по имеющимся сообщениям, прибыл к нему и который, несомненно, в таком случае подчинил бы военные соображения политическим. После своей неудачи и потери Ле-Мана Шанзи не может сделать ничего лучшего, как оттянуть Фридриха-Карла возможно дальше на запад, с тем чтобы эта часть прусских сил была бы не в состоянии причинить какого-либо вреда, когда начнет развертываться поход Бурбаки.

Федерб, находящийся на севере, очевидно, слишком слаб для того, чтобы предпринять что-нибудь решительное против Гёбена. Так как очевидно, что Шанзи не может разбить Фридриха-Карла и оказать тем самым помощь Парижу, то было бы лучше послать значительные силы на север, чтобы освободить от Гёбена как Амьен, так и Руан и попытаться сосредоточенными силами продвинуться к железнодорожной линии, идущей от Мезьер а к Парижу; это особенно важно теперь, когда Бурбаки угрожает другой железнодорожной линии, находящейся в руках немцев. Коммуникации являются самым уязвимым местом в расположении армии; и, если бы северная линия, которая открыта для нападения с севера как у Суассона, так и у Ретеля, подверглась серьезной угрозе в тот момент, когда Бурбаки действует в южной части Лотарингии, мы могли бы наблюдать внезапное и весьма сильное смятение в Версале.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1848, 14 января 1871 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXVI

С тех пор как после Седана Парижу впервые стала серьезно угрожать опасность наступления противника, мы постоянно указывали на огромную силу такой укрепленной столицы, как Париж, не забывая во всех случаях добавить, что для полного развития ее оборонительных возможностей необходимо, чтобы ее обороняла большая регулярная армия — армия настолько мощная, что ее нельзя было бы запереть в укреплениях крепости или помешать ей маневрировать на открытой местности вокруг крепости, которая служила бы ей опорной и отчасти операционной базой.

Такая армия при нормальных условиях, само собой разумеется, имелась бы почти всегда. Французские армии, потерпев поражение вблизи границы, могли бы отойти к Парижу как к своему последнему и главному оплоту; при обычных обстоятельствах они прибыли бы сюда с достаточными силами и нашли бы достаточно подкреплений, чтобы быть в состоянии выполнить возложенную на них задачу. Но на этот раз стратегия Второй империи привела к тому, что все французские армии исчезли с поля сражений. Одну из них в результате этой стратегии сумели довести до того, что она оказалась запертой в Меце, по всем признакам без какой-либо надежды на освобождение; другая армия просто сдалась в Седане. Когда пруссаки подошли к Парижу, то несколько полуукомплектованных учебно-запасных частей, некоторое число мобилей из провинции (только что набранных) и местная национальная гвардия (сформированная менее чем наполовину) составляли все силы, готовые для его обороны.

Даже при таких обстоятельствах мощь самой крепости окапалась для захватчиков настолько внушительной, а задача атаковать lege artis* этот огромный город с его внешними

* — по всем правилам. *Ред.*

укреплениями настолько гигантской, что они сразу отказались от нее и предпочли вынудить крепость к сдаче голодом, В это время была образована «комиссия баррикад» в составе Анри Рошфора и других лил. Этой комиссии было поручено сооружение третьей внутренней линии обороны, чтобы подготовить город к таким боям, которые столь отвечают характеру парижан, а именно к обороне баррикад и борьбе за каждый дом. Печать в то время всячески высмеивала эту комиссию; но полуофициальные сообщения прусского штаба не оставляют никаких сомнений в том, что именно несомненная перспектива упорного сопротивления на баррикадах, которое встретили бы немцы, главным образом и заставила их принять решение принудить крепость к сдаче голодом. Пруссаки прекрасно понимали, что форты, а за ними и крепостной вал, если они обороняются только артиллерией, через определенный промежуток времени должны пасть, а тогда наступит период борьбы, в котором новобранцы и даже гражданское население окажутся противниками, достойными ветеранов; в этой борьбе придется завоевывать дом за домом и улицу заулицей,что без сомнения вызовет огромные потери, если принять во внимание большую численность обороняющихся. Всякий, кто в связи с этим вопросом обратится к газетам, увидит, что прусская газета «Staats-Anzeiger»[121] выдвигала это соображение в качестве решающего мотива для отказа от правильной осады.

Обложение началось 19 сентября, ровно четыре месяца тому назад. На следующий день генерал Дюкро, который командовал регулярными войсками в Париже, сделал вылазку с тремя дивизиями в направлении Кламара, потеряв семь пушек и 3000 человек пленными. За этой вылазкой последовали подобные же вылазки 23 и 30 сентября и 13 и 21 октября; все они приводили к значительным потерям у французов, понесенным без всякой пользы, кроме того,что их молодые войска, пожалуй, привыкали к огню противника. 28-го была произведена еще одна, более успешная вылазка против Ле-Бурже: деревня была взята и удерживалась в течение двух дней; но 30-го 2-я прусская гвардейская дивизия — тринадцать батальонов, составлявших в то время меньше чем 10000 человек, — вновь овладела деревней. Французы, несомненно, очень плохо использовали эти два дня, в течение которых они могли бы превратить эту деревню с прочными постройками в крепость; они также не позаботились о том, чтобы иметь наготове резервы для своевременной поддержки обороняющихся; в противном случае такими небольшими силами нельзя было бы отнять у них этот пункт.

После этих усилий последовал месяц затишья. Очевидно, Трошю, прежде чем снова отважиться на большие вылазки,

намеревался улучшить выучку и укрепить дисциплину своих войск, что было совершенно правильно. Но в то же время он пренебрег организацией боевых действий охранения, разведывательных отрядов и дозоров, устройством засад и внезапных нападений, то есть тем, чем теперь постоянно заняты французские солдаты, находящиеся на фронте вокруг Парижа; а между тем этот способ боевых действий лучше всего пригоден для того, чтобы внушить молодым войскам доверие к своим офицерам и уверенность в самих себе и приучить их хладнокровно встречать противника. Войска, которые поняли, что они небольшими отрядами — отделениями, полуротами и ротами — могут захватывать врасплох такие же небольшие отряды противника, наносить им поражение и брать их в плен, вскоре научились бы встречаться с неприятелем батальон против батальона. Кроме того, они таким образом усвоили бы, что представляет собой служба охранения, с которой многие из них и в декабре, по-видимому, еще не были знакомы.

Наконец, 28 ноября был начат ряд вылазок, которые завершились крупной вылазкой через Марну 30 ноября и наступлением на всем восточном фронте Парижа. 2 декабря немцы снова захватили Бри и часть Шамииньи, а на следующий день французы переправились через Марну обратно. Как попытка прорваться сквозь укрепленную циркумваллационную линию, возведенную вокруг Парижа осаждающими, это наступление потерпело полную неудачу; оно было проведено без необходимой энергии. Но в результате него французы сохранили за собой значительную часть пространства впереди своих линий, которое до этого не принадлежало ни одной из сторон. Они овладели полосой приблизительно в две мили шириной, от Дранси до Марны, вблизи Нейи, — местностью, над которой целиком господствует огонь французских фортов и где расположено много деревень с прочными постройками, удобных для обороны, причем там находится Авронское плато — новая позиция французов, командующая над окружающим пространством. Таким образом, здесь имелась возможность беспрерывно расширять район обороны; прочно закрепившись на этой местности, можно было бы предпринять дальнейшее наступление. При этом либо линия осаждающих оказывалась настолько «выпяченной», что становилась возможной успешная ее атака, либо противник, сосредоточив здесь крупные силы, был вынужден тем самым ослабить свой фронт на других участках и, таким образом, облегчить французам наступление. И вот, эта местность целый месяц оставалась в руках французов. Немцы были вынуждены соорудить против Аврона осадные батареи, и всего

двухдневного обстрела этими батареями было достаточно, чтобы вытеснить оттуда французов; а раз Аврон был потерян, то были оставлены и другие позиции. Правда, 21-го были предприняты новые атаки по всему северо-восточному и восточному фронту; был наполовину захвачен Ле-Бурже, были взяты Мезон-Бланш и Виль-Эврар; но все эти выгодные позиции в ту же ночь были снова потеряны. Войска были оставлены впереди фортов, где они расположились бивуаком при температуре от 9° до 21° ниже нуля, но, в конце концов, они были отведены в укрытие, так как, само собой разумеется, не могли выдержать пребывания на открытом воздухе при такой температуре. Весь этот эпизод, больше чем какой-либо другой, является характерным показателем того отсутствия решительности и энергии, той mollesse*, мы бы даже сказали почти апатии, с которой ведется оборона Парижа.

То, что произошло с Авроном, побудило, наконец, пруссаков превратить обложение в настоящую осаду и использовать осадную артиллерию, которая была на всякий случай подготовлена. 30 декабря началась регулярная бомбардировка северо-восточных и восточных фортов; 5 января — южных. В обоих случаях бомбардировка велась без перерыва, а недавно она сопровождалась бомбардировкой самого города, что является актом бессмысленной жестокости. Бомбардировка такого большого города, как Париж, не может ни на один момент ускорить его сдачу — никто не знает этого лучше, чем штаб в Версале, и никто не давал, чаще чем он, оснований для заявлений об этом в печати. За канонадой по фортам следует заложение правильных параллелей, по крайней мере, против Исси; сообщают, что орудия выдвигаются на батареи, расположенные ближе к фортам, и если обороняющиеся не предпримут более решительных наступательных действий, чем они предпринимали до сих пор, то, возможно, мы вскоре услышим, что одному или нескольким фортам причинены настоящие повреждения.

Однако Трошю, намеренно или не намеренно, продолжает пребывать в бездействии. Те немногие вылазки, которые производились в течение нескольких последних дней, были, по-видимому, слишком «платоническими», как называет всех их автор обвинений в адрес Трошю в газете «Siecle». Говорят, что солдаты отказались следовать за своими офицерами. Если это так, то это только доказывает, что солдаты потеряли всякое доверие к верховному командованию. И мы, действительно, не можем не прийти к заключению, что назрела необходимость в перемене

* — вялости. *Ред.*

главного командования в Париже. Нерешительность, оцепенение, отсутствие упорства и энергии во всем ведении обороны, — все это нельзя целиком приписывать низкому качеству войск. В том, что позиции, удерживавшиеся целый месяц, в течение которого выдалось только около десяти очень морозных дней, не были надлежащим образом укреплены, можно обвинить только Трошю, обязанного позаботиться о том, чтобы это было сделано. А этот месяц был к тому же критическим периодом осады; к концу его должен был решиться вопрос, кто — осаждающие или осажденные — выиграет территорию. Бездействие и нерешительность главнокомандующего, а не войск, склонили чашу весов не в пользу осажденных.

Но почему же это бездействие и нерешительность продолжаются даже теперь? Форты находятся под обстрелом противника, батареи осаждающих продвигаются все ближе и ближе; французская артиллерия, по признанию самого Трошю, слабее артиллерии наступающего противника. Если валы фортов защищаются только артиллерией, то можно точно высчитать день, когда при таких условиях эти валы — каменная кладка и прочее — будут разрушены. Бездействие и нерешительность не могут их спасти. Что-то надо делать, а если Трошю сделать этого не может, то лучше бы он предоставил кому-нибудь другому попытаться сделать это.

Кинглек сохранил для потомства один эпизод, в котором характер Трошю выступает в таком же свете, как и при обороне Парижа. Когда и лорд Раглан и Сент-Арно уже решили двинуться в Варну[122] и британская легкая дивизия была уже отправлена, лорда Раглана посетил полковник Трошю — «осторожный, вдумчивый человек, сведущий в стратегической науке», — о котором

> «высказывалось предположение, что в его миссию входило удерживать французского маршала от каких-либо сумасбродных поступков».

Полковник Трошю вступил с Рагланом в переговоры, в результате чего Сент-Арно заявил, пригласив лорда Раглана последовать его примеру, что он решил

> «послать в Варну только одну дивизию, а остальной частью своей армии занять позиции не впереди Балканского хребта, а за ним»[123].

И это в тот момент, когда турки едва не одержали победу на Дунае без посторонней помощи!

Могут сказать, что войска в Париже пали духом, что они больше не годятся для крупных вылазок, что теперь слишком поздно предпринимать вылазки против прусских осадных укреплений, что Трошю, может быть, бережет свои войска для

того, чтобы в последний момент напрячь все силы и т. д. Но если 500000 вооруженных людей в Париже и должны сдаться неприятелю, который больше, чем вдвое уступает им по численности, и который к тому же расположился на позиции, крайне неблагоприятной для обороны, то они этого, конечно, не сделают до тех пор, пока всему миру, да и им самим не станет ясно, что они слабее противника. Им безусловно нельзя сидеть спокойно, доедать последние остатки своих запасов, а затем сдаться! Если же они пали духом, то происходит ли это потому, что они считают себя окончательно разбитыми, или потому, что они потеряли всякое доверие к Трошю? Если уже теперь поздно производить вылазки, то через месяц это будет еще менее осуществимо. Что касается финала самого Трошю, то чем раньше он наступит, тем лучше; в настоящее время солдаты еще довольно удовлетворительно питаются и сравнительно крепки, но трудно сказать, в каком состоянии они будут в феврале.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1852, 19 января 1871 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXVII

Эта неделя была чрезвычайно несчастливой для французского оружия. Вслед за поражением Шанзи последовало отражение наступления Бурбаки у Бельфора, а теперь и Федерб, согласно прусским сообщениям, потерпел неудачу перед Сен-Кантеном[124].

В том, что Бурбаки потерпел поражение, не может быть никакого сомнения. С момента боя под Виллерсекселем, происшедшего 9-го, он проявлял медлительность в передвижении, которая свидетельствовала либо о нерешительности генерала, либо о недостаточной силе его войск. Атака укрепленных позиций за рекой Лизен (или по другим картам Изель), которые Вердер подготовил для прикрытия осады Бельфора, началась только 15-го, а 17-го вечером Бурбаки, отчаявшись в успехе, прекратил ее. Теперь совершенно несомненно, что этот поход был предпринят с недостаточными силами. 15-й корпус был оставлен вблизи Невера, о 19-м мы не слышали в течение месяца; войска, прибывшие из Лиона, составляют только один армейский корпус — 24-й. Мы узнаем теперь, что в Дижон поспешно отправляются значительные подкрепления, но, ввиду того что сильные подкрепления быстро прибывают также и к противнику, это не даст Бурбаки возможности немедленно возобновить наступление.

Может возникнуть вопрос, следовало ли Бурбаки вести свои молодые войска на штурм укрепленных позиций, обороняемых оружием, заряжающимся с казенной части, но мы все еще мало знаем о тактической обстановке, в которой велся этот трехдневный бой; возможно, что Бурбаки и не мог поступить иначе.

То, что в прусской главной квартире не относились к походу Бурбаки о таким пренебрежением, с каким в большинстве своем относилась к нему публика здесь, в Лондоне, видно по той исключительной энергии, с какой были приняты меры для его отраже-

ния. Эти меры не оставляют сомнения в том, что в Версале стало известно о продвижении Бурбаки, как только он начал свой марш на восток, если не раньше. 2 января 2-й корпус получил приказ выступить в юго-восточном направлении от Парижа, к бассейну верхней Сены. Приблизительно в то же самое время Цастров с 13-й дивизией выступил из окрестностей Меца на Шатильон. 9-го, непосредственно после падения Рокруа, 14-я дивизия (оставшаяся из состава 7-го корпуса Цастрова) получила приказ отправиться из Шарлевиля к Парижу, а оттуда следовать за 2-м корпусом; а уже 15-го мы узнаем, что ее передовые подразделения (батальон 77-го полка) вели бой вблизи Лангра. В то же самое время из Германии в южный Эльзас были спешно направлены войска ландвера, а Мантёйфель, очевидно, обязан своим новым назначением* именно этому первому серьезному движению против наиболее слабого пункта всей немецкой линии. Если бы Бурбаки имел достаточно войск, чтобы разбить Вердера, он мог бы отбросить его назад в долину Рейна, расположить свои войска так, чтобы между ними и Вердером находилась горная цепь Вогезов, и двинуться с большей частью своих войск против этих подкреплений, которые он мог бы атаковать по частям, по мере того, как они прибывали с разных сторон. Он мог бы проникнуть к линии железной дороги Париж — Страсбург, а в этом случае весьма сомнительно, возможно ли было бы продолжать обложение Парижа. Поражение Бурбаки нисколько не свидетельствует об ошибочности его движения со стратегической точки зрения; оно доказывает только, что это движение было предпринято с недостаточными силами. Автор этих «Заметок» по-прежнему придерживается того мнения, что наиболее надежный план освобождения Парижа в самый короткий срок — это наступление на железную дорогу Страсбург — Париж; это единственная сквозная железнодорожная линия, которой располагают немцы, так как нам в настоящее время известно, что вторая линия, через Тионвиль и Мезьер, все еще не может быть использована; ее нельзя будет использовать и в течение еще некоторого времени, так как в Арденнах был взорван тоннель. Между прочим, это второй случай в данной войне, когда разрушение тоннеля прекращает железнодорожное движение на месяцы, в то время как разрушенные мосты и виадуки каждый раз восстанавливаются в невероятно короткие сроки.

Что касается Шанзи, то он, очевидно, совершил очень серьезную ошибку, вообще вступив в решительное сражение. Он,

* См. настоящий том, стр. 237. *Ред.*

по-видимому, был осведомлен о движении Бурбаки почти месяц тому назад; ему, очевидно, было известно, что действительной целью этого движения являлось освобождение Парижа и что в это время армия Фридриха-Карла могла всеми своими силами обрушиться на него. Он не был вынужден принимать сражение; наоборот, медленно отступая и все время ведя арьергардные бои, подобно тому как он действовал в декабре, создав себе этим хорошую репутацию, он мог бы завлечь своего противника дальше, чем это было бы безопасно для последнего. У него было вполне достаточно времени, чтобы отправить свои запасы в надежные места, а также имелась возможность отойти либо в Бретань с ее укрепленными морскими портами, либо через Нант в южном направлении от Луары. Кроме того, Фридрих-Карл не мог бы со всеми своими силами следовать за ним так далеко. Такое отступление, продиктованное военной обстановкой, больше бы соответствовало нашему прежнему представлению о деятельности Шанзи; а так как он должен был знать, что полученные им новые подкрепления ни по своему снаряжению и вооружению, ни по своей дисциплине еще не пригодны для генерального сражения, то мы не можем не прийти к заключению, что сражение под Ле-Маном было вызвано не военными, а политическими соображениями и что ответственным за него является не Шанзи, а Гамбетта. Что касается теперешнего отступления Шанзи, то оно, конечно, чрезвычайно затруднено предшествовавшим ему поражением; но Шанзи отличается большим уменьем проводить отступления, и победителям до сих пор, по-видимому, не удалось существенно ослабить сплоченность его армии. В противном случае они могли бы привести основательные доказательства в подкрепление своего утверждения, что эта армия «обнаруживает признаки разложения». Действительно ли отступление армии Шанзи ведется в различных расходящихся направлениях, достоверно неизвестно. Во всяком случае из того, что часть его войск отступила на Алансон, а другая в направлении на Лаваль еще не обязательно следует, что первые будут оттеснены на полуостров Котантен в направлении на Шербур, а вторые в Бретань в направлении на Брест. Так как французский флот в течение нескольких часов может перейти из одного порта в другой, то даже это не было бы серьезным бедствием. Местность в Бретани, благодаря наличию там большого количества живых изгородей — таких же густых, как и на острове Уайт, только гораздо более многочисленных — чрезвычайно благоприятна для обороны, особенно с неопытными войсками; их низкие боевые качества там почти не дают о себе знать. Фридрих-Карл вряд ли захочет запутаться в лабиринте,

в котором армии Первой республики много лет боролись с обыкновенным крестьянским восстанием[125].

В отношении всей январской кампании мы должны сделать следующий вывод — французы повсюду проиграли ее, из-за того, что они пытались одновременно выполнить много различных задач. Они могут надеяться на победу, только сосредоточив массу своих войск в одном месте с риском быть временно отброшенными на других участках, где они, конечно, должны были бы избегать решительных сражений. Если они этого не сделают и притом быстро, то можно считать, что Париж обречен. Но, если они будут действовать по этому давно установленному принципу, они все еще смогут победить — каким бы мрачным ни выглядело их нынешнее положение. Немцы получили теперь все подкрепления, на которые они могли рассчитывать в течение последующих трех месяцев; в то же время в учебных лагерях у французов должно быть, по меньшей мере, от 200000 до 300000 человек, которые за это время будут подготовлены для встречи с противником.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1854, 21 января 1871 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXVIII

Война опять вступила в критический период, который может оказаться критическим *в полном смысле* этого слова. С того момента, как мы узнали, что в Париже правительством установлены нормы выдачи хлеба, не может быть больше никакого сомнения в том, что наступило начало конца. Как скоро последует за этим предложение о сдаче — это второстепенный вопрос. Мы предполагаем, таким образом, что осажденной армии силой в 500000 вооруженных людей предстоит сдаться 220000 осаждающих на любых условиях, какие осаждающим заблагорассудится предложить. Окажется ли возможным осуществить это без новой борьбы, видно будет впоследствии, во всяком случае, никакая борьба не сможет существенно изменить положения вещей. Продержится ли Париж еще две недели, удастся ли части этих 500000 вооруженных людей проложить себе путь через линию обложения, это не окажет большого влияния на дальнейший ход войны.

Мы считаем, что за такие результаты осады главную ответственность несет генерал Трошю. Он, конечно, оказался неспособным сформировать армию из того бесспорно превосходного материала, который находился в его распоряжении. У него было почти пять месяцев для того, чтобы подготовить из своих людей солдат; но и в конце осады они, видимо, сражаются не лучше, чем в ее начале. Заключительная вылазка из Валерьена[126] была проведена далеко не так энергично, как предыдущая вылазка через Марну; в ней, по-видимому, очень много театрального эффекта и очень мало ярости отчаяния. Недостаточно сказать, что войска были непригодны для атаки укреплений, защищаемых испытанными в боях немецкими солдатами. А почему они были непригодны? Пять месяцев — достаточный срок, чтобы превратить людей, которыми командовал Трошю, в весьма неплохих солдат, причем осада большого укрепленного лагеря создает наиболее подходящие условия для этой цели. Несомненно, после ноябрьских и декабрьских вылазок люди пали духом; но произошло ли это потому, что они убедились в превосходстве противника или же потому, что они совершенно

перестали верить в мнимую решимость Трошю вести борьбу до конца? Все сообщения из Парижа единогласно приписывают отсутствие успехов тому, что у солдат нет доверия к высшему командованию. И это правильно. Мы не должны забывать, что Трошю орлеанист и как таковой испытывает смертельный страх перед Ла-Виллетом, Бельвилем и другими «революционными» кварталами Парижа. Он боялся их больше, чем пруссаков. Это не просто наше предположение или умозаключение. Мы знаем из источника, не вызывающего никаких сомнений, о письме, посланном из Парижа одним членом правительства*, в котором говорится, что от Трошю со всех сторон требовали энергичного наступления, но последний неизменно от этого отказывался, говоря, что подобный образ действий мог бы отдать Париж в руки «демагогов».

Падение Парижа, таким образом, является теперь почти несомненным. Непосредственно после Сен-Кантена, Ле-Мана и Эрикура это будет тяжелым ударом для французской нации, и моральное воздействие его при таких обстоятельствах будет очень велико. Более того, события, надвигающиеся на юго-востоке, могут придать этому удару в моральном отношении сокрушающую силу. Бурбаки, по-видимому, задерживается в окрестностях Бельфора слишком долго, и это наводит на мысль, что он совершенно не понимает своего положения. 24-й корпус под командованием Брессоля находился 24-го еще в Бламоне, приблизительно в двенадцати милях южнее Монбельяра, у самой швейцарской границы; и если даже это был лишь арьергард Бурбаки, все-таки нельзя рассчитывать на то, что два других его корпуса находились далеко оттуда. Тем временем мы узнаем, что прусские отряды уже 21-го перерезали у Доля железную дорогу между Безансоном и Дижоном, что после того они заняли Сен-Ви, другую станцию на этой же линии, ближе к Безансону; таким образом, они ограничили путь отступления Бурбаки к Лиону узкой полосой между рекой Ду и швейцарской границей, местностью с параллельно идущими продольными горными цепями и долинами, где сравнительно небольшие силы могут найти достаточно позиций, на которых они будут в состоянии остановить отступление такой армии, какой показала себя армия Бурбаки. Мы полагаем, что эти отряды на Ду представляют собой 13-ю дивизию 7-го корпуса Цастрова или, быть может, часть 2-го корпуса Франзецкого, который 23-го появился у Дижона; 60-й полк, составляющий вместе с 21-м 8-ю бригаду (или 4-ю бригаду 2-го корпуса), был отброшен Гарибальди у этого города и потерял свое знамя. Так как

* — Ж. Фавром; см. настоящий том, стр. 499. *Ред.*

Гарибальди располагает не больше чем 15000 человек, то он не будет в состоянии удержать город против превосходящих сил, которые тем временем, несомненно, уже подойдут. Он будет отброшен назад, и наступление пруссаков будет продолжаться к реке Ду и далее. Если Бурбаки в этот промежуток времени не будет решительно передвигать свои войска, то он рискует быть загнанным со всей своей армией либо в крепость Безансон, чтобы еще раз повторить историю Меца, либо в какой-нибудь угол Юры, примыкающий к швейцарской территории, и будет принужден сложить оружие по эту или по другую сторону границы[127]. А если он и сумеет ускользнуть с большей частью своих войск, то ему почти наверняка придется пожертвовать значительным числом отставших солдат, многими обозами и, быть может, артиллерией.

После трехдневного боя у Эрикура Бурбаки не следовало оставаться больше ни одного дня в этом опасном положении вблизи границы, когда прусские подкрепления продвигались в направлении к его коммуникациям. Его попытки освободить Бельфор не удались; всякая возможность дальнейшего наступательного движения в этом направлении исчезла; положение его с каждым днем становилось все опаснее, и спастись можно было бы только быстрым отступлением. Но по всем данным, он пренебрег и этим, и если его неосторожность привела бы ко второму Седану, то это нанесло бы такой удар французскому народу, который в моральном отношении мог бы оказаться губительным.

Мы говорим — в моральном отношении, так как в материальном отношении он может и не оказаться таким. Хотя Германия, конечно, не настолько истощена, как уверяет Гамбетта, но все же она как раз в данный момент действует абсолютно и относительно гораздо большими силами, чем будет в состоянии снова выставить в последующие месяцы. Через некоторое время силы немцев должны уменьшиться, между тем как силам французов ничто не мешает снова возрасти даже после сдачи парижского гарнизона и армии Бурбаки, если бы дело дошло до этого. Пруссаки, очевидно, сами оставили всякую надежду на то, что им удастся завоевать и оккупировать всю Францию; и до тех пор, пока сплошной территориальный массив на юге остается свободным и пока пассивное, а при случае и активное (например, взрыв моста на Мозеле, близ Туля) сопротивление на севере не прекращается, мы не видим причин, которые могли бы заставить Францию сдаться, если только она не слишком утомлена войной.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1858, 26 января 1871 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XXXIX

Только дважды со времени Седана действия французской армии причинили серьезное беспокойство генералу Мольтке. В первый раз это произошло приблизительно в середине ноября, когда Луарская армия после поражения фон дер Танна под Кульмье повернула свои колонны влево для того, чтобы подойти к Парижу с запада, и двинулась на Дрё. Тогда Мольтке с решительностью, достойной этого критического момента, готовился немедленно снять осаду, в случае, если бы силы герцога Мекленбургского, даже со всеми подкреплениями, временно отправленными ему в помощь, оказались недостаточными для того, чтобы остановить продвижение противника. Продвижение это было остановлено, и осада могла продолжаться. Во второй раз спокойствие главной квартиры в Версале было нарушено походом Бурбаки на восток. Насколько серьезным пруссаки считали это движение, показывали те меры, которые они немедленно приняли для его отражения. Войска Вердера — 14-й корпус и резервные дивизии Трескова и Шмелинга — были сразу усилены еще двумя корпусами, один из которых, 2-й, уже 2 января выступил из-под Парижа. Тон полуофициальных сообщений сделался сдержанным; 11-го газета «Provinzial-Correspondenz»[128] обращает внимание на тот факт, что «на востоке Франции предстоят важные и решающие сражения» и что Бурбаки намерен после снятия осады Бельфора перерезать прусскую линию коммуникаций у Нанси. Неофициальные корреспонденты высказываются более откровенно, хотя тоже сдержанно; мы приведем мнение только одного из них, а именно Виккеде из «Кёльнской газеты». Тотчас же после боя у Виллерсекселя, в результате которого Вердер обеспечил свои коммуникации с войсками Трескова перед Бельфором и путь отхода к ним, по словам Виккеде:

«Были приняты меры, чтобы французы не могли освободить Бельфор, а после недавних успешных боев мы можем, по всей вероятности, надеяться,

что им не удастся продвинуться через Шомон к Нанси или к какому-нибудь другому пункту на нашей железнодорожной линии, хотя еще недавно были некоторые основания опасаться, что они могут это сделать».

А 16 января он пишет из Нанси, что после прибытия Мантёйфеля с тремя дивизиями за Шатильон

«опасение, что корпус противника может захватить Нанси — опасение, которое мы вправе (mit Recht) были испытывать несколько дней тому назад — теперь совершенно исчезло». (Непосредственно за этим приводится письмо из Бадена, начинающееся словами: «Не может быть никакого сомнения в том, что положение под Бельфором выглядит очень серьезным».)

Однако г-ну Виккеде суждено было снова испытать опасения, так как на следующий день ему пришлось сообщить, что получено известие о занятии французскими войсками Флавиньи (в одиннадцати милях от Нанси). Караулы тотчас же получили подкрепления, были высланы усиленные дозоры, на вокзале все двадцать паровозов развели пары, офицеры, правительственные чиновники и другие немцы упаковали свои чемоданы и приготовились к немедленному отъезду. Полагали, что войска во Флавиньи являются авангардом Гарибальди; оказалось, что это всего человек двадцать франтиреров из Вогезов, которые вскоре снова скрылись. Но прусский гарнизон в Нанси совершенно успокоился только 19-го, когда пришло известие о том, что наступление Бурбаки окончательно отбито на реке Лизен; и тогда, наконец, Виккеде мог снова заговорить своим прежним тоном.

Не следовало ли французам после всех этих поражений прийти к убеждению, что дальнейшее сопротивление безнадежно? Таково было мнение об этой операции тех, кто имел к ней самое непосредственное отношение. И эту операцию, после того как она не удалась, «Times» объявляет просто абсурдной. Могли быть различные мнения о том, с достаточными ли силами была предпринята данная операция, можно ли было в случае успеха использовать ее результаты для освобождения Парижа до того, как голод принудил бы город к сдаче, и было ли данное направление наилучшим для движения, угрожающего немецким коммуникациям. Но назвать такое движение, — наиболее эффективное из известных в стратегии, — просто абсурдным могли только Мольтке из «Times».

Тем временем граф Мольтке действовал со своим обычным мастерством. Посылать подкрепления Вердеру, до подхода Бур-баки, было уже поздно; он избрал самое лучшее из того, что можно было сделать, и сосредоточил свои подкрепления под Шатильоном, где 15-го или еще раньше у Мантёйфеля было три дивизии (3-я, 4-я и 13-я) и где к ним присоединился 60-й полк

(3-го корпуса), оставленный поблизости принцем Фридрихом-Карлом. Можно предположить, что к этому времени к Мантёйфелю присоединилась также и 14-я дивизия. Во всяком случае во время наступления на юг он имел, по крайней мере, сорок один, если не пятьдесят три батальона. С этими войсками он двинулся к реке Ду, оставив к югу город Дижон, где он только сковал Гарибальди атакой 23 января, очевидно, вовсе не намереваясь задерживать свое наступление серьезным боем с ним или захватом города. Напротив, он настойчиво добивался своей главной цели — отрезать путь отступления Бурбаки. Как сообщают последние телеграммы, эта цель почти достигнута. Его войска находились на другой стороне реки Ду у Кенже и Мушара, где во втором из этих пунктов железная дорога, идущая из Дижона на Понтарлье и в Швейцарию, скрещивается с дорогой из Безансона на Лион. Пока еще остается одна хорошая дорога, по которой Бурбаки мог бы ускользнуть, но она проходит через Шампаньоль, расположенный не более чем в 25 милях от Мушара, и в данный момент может быть уже захвачена. В таком случае Бурбаки осталась бы только одна проселочная дорога, проходящая у истоков реки Ду, но он вряд ли смог бы пройти по ней с артиллерией, к тому же и эта дорога может быть перерезана раньше, чем он будет в безопасности. А если ему не удастся прорваться сквозь войска противника в районе, чрезвычайно благоприятном для обороны, то ему остается либо отойти под прикрытие фортов Безансона, либо сдаться на открытой местности — выбор между Мецем или Седаном, — если только он не сдастся швейцарцам.

Непостижимо, почему он так долго задержался у Бельфора: согласно последним прусским телеграммам, он все еще находится к северо-востоку от Безансона. Если он не смог нанести поражение Вердеру до прибытия Мантёйфеля, то насколько меньше у него должно быть шансов на это после прибытия последнего? Бурбаки, после того как его наступление было окончательно отражено перед Бельфором, бесспорно, сразу же должен был отойти на безопасные позиции. Почему он этого не сделал, совершенно необъяснимо. Но если с ним случится самое худшее, то. учитывая его таинственную поездку из Меца в Числхерст[129] и его отказ в Лилле приветствовать республику, лояльность этого бывшего командующего императорской гвардии безусловно окажется под сомнением.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1860, 28 января 1871 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XL

Если верить последней телеграмме из Берна, — а в настоящее время нет основания ей не доверять, — то наши предположения относительно судьбы армии Бурбаки* сбылись. Сообщают, что швейцарский Союзный совет получил официальное извещение о том, что эта армия, численностью около 80000 человек, перешла на швейцарскую территорию, где она должна будет, конечно, сложить оружие. Пункты, в которых это имело место, точно не указаны, но, вероятно, это произошло где-то к югу от Бламона,но не южнее Понтарлье. Несколько отрядов, вероятно, перешли границу в различных пунктах, но основная масса войск перешла ее, по-видимому, у Ле-Брене, где дорога из Безансона в Невшатель переходит на швейцарскую территорию.

Таким образом, еще одна французская армия перестала существовать вследствие, мягко выражаясь, нерешительности ее командующего. Бурбаки мог быть лихим офицером во главе дивизии, но мужество, которое необходимо для того, чтобы в критическую минуту собраться с духом и принять смелое решение, совершенно не похоже на то мужество, которое позволяет человеку блестяще командовать дивизией под огнем. Бурбаки, подобно многим людям, обладающим несомненной и ярко проявляющейся личной храбростью, по-видимому, недостает силы характера, необходимой для того, чтобы принять без колебаний окончательное решение. Не позднее, чем вечером 17 января, когда невозможность прорвать фронт Вердера стала для него самого вполне очевидной, он должен был бы сразу же решить, что ему надлежит делать дальше. Он должен был знать, что с северо-запада к пути его отступления приближаются прусские подкрепления; что, когда перед ним находится одержавший победу неприятель, а в тылу у него — длинный путь

* См. настоящий том, стр. 252. *Ред.*

отступления вблизи границы нейтрального государства, его положение является чрезвычайно опасным; что его поход окончательно не достиг цели и что при таких обстоятельствах самым настоятельным, более того, единственным его долгом является спасение своей армии. Другими словами, он должен был отступать с такой быстротой, какую только допускало состояние его армии. Но принять такое решение об отступлении, признать на деле, что он потерпел неудачу в своем походе, по-видимому, оказалось ему не по плечу. Он терял время неподалеку от места своих последних сражений; не будучи в состоянии наступать и не желая отступать, он давал таким образом Мантёйфелю время отрезать ему путь отхода. Если бы он сразу отошел, то, делая лишь по пятнадцати миль в день, он смог бы достигнуть 20 января Безансона, а 21-го — окрестностей Доля, то есть как раз к тому времени, когда там появились первые пруссаки. Эти прусские войска не могли быть очень сильными; даже авангарда Бурбаки было бы достаточно, если не для того, чтобы совсем их отбросить, то все же для того, чтобы удерживать их на правом, или западном, берегу реки Ду, а этого было бы вполне достаточно для обеспечения Бурбаки его пути отхода, в особенности при таком противнике, как Мантёйфель, который действует достаточно правильно лишь до тех пор, пока исполнение приказов Мольтке не встречает какого-либо противодействия, но опускается ниже уровня посредственности, как только это противодействие требует проявления его собственных умственных способностей.

Одним из самых странных пунктов документа, который согласовали между собой Бисмарк и Жюль Фавр[130], является тот пункт, согласно которому на четыре департамента, где действуют Бурбаки и Гарибальди, не распространяется общее перемирие, и пруссаки фактически оставляют за собой право продолжать там военные действия сколько им угодно. Это беспрецедентное условие лучше других показывает, что победитель, действуя в истинно прусском духе, целиком потребовал всех уступок, вымогать которые позволяло ему его временное превосходство. Перемирие должно быть распространено на запад, где Фридрих-Карл считает, что ему лучше не двигаться за Ле-Ман, на север, где Гёбен задержан крепостями, но не на юго-восток, где продвижение Мантёйфеля обещает второй Седан. Жюль Фавр, согласившись на этот пункт, фактически дал согласие на сдачу Бурбаки либо пруссакам, либо швейцарцам, с той лишь выгодной для него разницей, что ответственность за этот акт он переложил со своих плеч на плечи Бурбаки.

В общем, документ о капитуляции Парижа не имеет прецедентов. Когда Наполеон сдался в Седане, он отказался вступить в переговоры относительно всего, что не касалось сдачи его самого и армии; как военнопленный он был не вправе связывать обязательствами правительство и Францию, При сдаче Парижа и его армии г-н Жюль Фавр идет на условия, связывающие остальную Францию, хотя он находится точно в таком же положении, как Наполеон в Седане, пожалуй, даже в худшем. Наполеон почти до момента своей капитуляции свободно осуществлял связь с остальной Францией; напротив, г-н Жюль Фавр в течение пяти или шести недель лишь в отдельных редких случаях имел возможность узнавать о том, что происходит вне Парижа. Сведения о военной обстановке за линией фортов он мог получить только от Бисмарка, и он решился действовать на основании этих односторонних сообщений, сделанных ему неприятелем.

Г-н Жюль Фавр должен был выбирать одно из двух зол. Он мог поступить так, как поступил, то есть заключить перемирие на три недели на условиях, предложенных противником, связав этим фактическое правительство Франции, находящееся в Бордо[131]. Но он мог также отказаться выступать от имени остальной Франции, предложив вести переговоры лишь от лица одного Парижа, а в случае, если осаждающие начнут чинить препятствия, поступить так, как поступил комендант Фальсбура, — раскрыть ворота и предложить победителям войти. Последний образ действий более отвечал бы его интересам с точки зрения его достоинства и будущности как политика.

Что касается правительства в Бордо, то ему придется согласиться на перемирие и выборы в Национальное собрание. У него нет средств заставить генералов отвергнуть перемирие, и оно не решится вызвать разногласий в народе. Сдача Бурбаки швейцарцам является еще одним сокрушительным ударом в дополнение ко многим другим, полученным Францией за последнее время, и, как мы уже указывали в предвидении такого события[*], мы полагаем, что этот удар, последовавший непосредственно за сдачей Парижа, вызовет у нации такое угнетенное состояние духа, что мир будет заключен. Что касается материальных ресурсов Франции, то они весьма далеки от истощения, и борьба могла бы продолжаться месяцами. Один поразительный факт показывает, какие огромные трудности стоят на пути полного завоевания Франции. Принц Фридрих-Карл после семидневных боев отбросил армию Шанзи в состоянии

[*] См. настоящий том, стр. 252. *Ред.*

полного разложения. За исключением нескольких бригад, не оставалось положительно никаких войск, способных ему противостоять. Перед ним была богатая, сравнительно неистощенная местность. И все же он прекращает свой поход в Ле-Мане, продолжая преследование дальше лишь авангардом и то на небольшие расстояния. Наши читатели вспомнят, что иных результатов мы и не ожидали*, так как с известным основанием можно сказать, что при завоевании большой страны в то время как размеры оккупируемого пространства растут в арифметической прогрессии, трудности оккупации увеличиваются в геометрической прогрессии.

Все же мы считаем, что неоднократные поражения в январской кампании должны были до такой степени поколебать моральное состояние нации, что предполагаемое Национальное собрание не только соберется, но, вероятно, и заключит мир; таким образом, вместе с войной закончатся и эти «Заметки о войне».

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1864, 2 февраля 1871 г.

---

* См. настоящий том, стр. 248—249. *Ред.*

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ ВО ФРАНЦИИ С ВОЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Если ряд неудач французского оружия, которыми отмечена январская кампания — поражения Федерба и Шанзи, падение Парижа, поражение Бурбаки и его сдача швейцарцам, — если все эти потрясающие события, происшедшие в течение короткого трехнедельного периода, сломили, — как это вполне можно считать, — дух сопротивления во Франции, то теперь, кажется, нет ничего невероятного в том, что немцы своими непомерными требованиями[132] могут снова пробудить этот дух. Если мир, так же как и война, грозит стране полным разорением, тогда зачем вообще заключать мир? Имущие классы, городская буржуазия и крупные землевладельцы, а также часть крестьян — мелких собственников составляли до сих пор партию мира; можно было бы ожидать, что они изберут депутатами Национального собрания сторонников мира; но если неприятель настаивает на таких неслыханных требованиях, то призыв к войне не на жизнь, а на смерть может раздаться так же и из их рядов, как и из рядов рабочих крупных городов. Во всяком случае не следует упускать из вида некоторые возможности возобновления войны после 19 февраля[133]; в особенности потому, что сами немцы, если верить сегодняшнему номеру «Daily News», не настолько удовлетворены перспективой дальнейшего хода дел, чтобы воздержаться от серьезных, приготовлений к возобновлению военных действий. Поэтому мы снова обратимся к вопросу о военном положении.

Двадцать семь департаментов Франции, оккупируемых в настоящее время пруссаками, занимают площадь в 15800000 гектаров с населением (исключая еще несдавшиеся крепости) почти в 12500000 человек. Площадь всей Франции составляет 54240000 гектаров, а ее население 37382000 человек. Отсюда следует, что в округленных цифрах 38500000 гектаров с населением в 25000000 человек остались еще незавоеванными —

целых две трети населения и значительно больше двух третей территории. Правда, Париж и Мец, сопротивление которых так долго задерживало дальнейшее продвижение неприятеля, пали. Внутри незавоеванной части страны, кроме Лиона, нет ни одного укрепленного лагеря, который смог бы играть такую роль, какую играли эти две крепости. Почти 700000 французов (не считая парижской национальной гвардии) являются военнопленными или интернированы в Швейцарии. Однако существуют другие обстоятельства, которые могут возместить эти потери даже в том случае, если трехнедельное перемирие не было бы использовано для устройства новых лагерей, окруженных полевыми укреплениями, хотя для этой цели времени вполне достаточно.

Большая часть незавоеванной Франции лежит южнее линии Нант — Безансон; она образует сплошной массив, прикрытый с трех сторон морем или границами нейтральных государств, и только северная пограничная линия ее открыта для неприятельского наступления. Здесь — сила национального сопротивления; здесь должны быть найдены люди и средства для ведения войны, если она возобновится. Для завоевания и оккупации этого огромного прямоугольника размерами 450 на 250 миль, при отчаянном сопротивлении как регулярных, так и иррегулярных сил населения, войск, имеющихся в настоящее время у пруссаков, было бы недостаточно. Сдача Парижа освобождает, при оставлении четырех корпусов в качестве гарнизона этой столицы, девять дивизий; сдача Бурбаки освобождает шесть линейных дивизий Мантёйфеля, то есть всего для армии, действующей вне крепостей, освобождается пятнадцать дивизий, или еще 150000—170000 солдат, в дополнение к четырем дивизиям Гёбена и восьми дивизиям Фридриха-Карла. Но у Гёбена много дел на севере, а Фридрих-Карл, остановившись в Туре и Ле-Мане, показал, что его наступательные силы полностью исчерпаны; таким образом, для завоевания юга остаются только упомянутые пятнадцать дивизий; а в течение нескольких месяцев не могут прибыть никакие новые подкрепления.

Французам вначале придется противопоставить этим пятнадцати дивизиям, главным образом, новые формирования. Возле Невера и Буржа находились 15-й и 25-й корпуса; в этом же районе должен был находиться 19-й корпус, о котором мы ничего не слышали с начала декабря. Затем имеется еще 24-й корпус, спасшийся при катастрофе Бурбаки, и войска Гарибальди, которые недавно получили подкрепления и достигли 50000 человек, хотя нам неизвестно, какими частями

они были усилены и откуда эти части прибыли. В общем все это составляет примерно тринадцать — четырнадцать, может быть, даже шестнадцать дивизий, но по численности и в качественном отношении их совершенно недостаточно, чтобы задержать продвижение новых армий, которые, несомненно, будут направлены против них, если срок перемирия истечет, а мир не будет заключен. Но трехнедельное перемирие не только даст этим французским дивизиям время, чтобы укрепиться; оно даст возможность более или менее неподготовленным новобранцам, находящимся теперь в учебных лагерях, число которых по подсчету Гамбетты составляет 250000 человек, превратиться, по крайней мере лучшим из их батальонов, в пригодные для использования части, которые будут в состоянии вступить в сражение с неприятелем. Таким образом, в случае возобновления войны французы могут оказаться в состоянии отразить любое серьезное вторжение на юг, если не на самой пограничной линии на Луаре или значительно севернее Лиона, то все же в таких пунктах, где присутствие врага не сможет существенно ослабить силу их сопротивления.

Перемирие, разумеется, дает достаточно времени для того, чтобы привести в порядок снаряжение, восстановить дисциплину и моральное состояние армий Федерба и Шанзи, так же как и всех других войск в Шербуре, Гавре и т. д. Вопрос только в том, будет ли должным образом использовано имеющееся время. Тогда как силы французов, таким образом, значительно возрастут как по численности, так и по их качеству, войска немцев едва ли вообще получат какие-нибудь пополнения. В этом отношении перемирие дает преимущества французской стороне.

Но кроме сплошного массива Южной Франции, незавоеванными остаются два полуострова — Бретань с Брестом и Котантен с Шербуром — и сверх того два северных департамента с их крепостями. Гавр также представляет собой незавоеванный, хорошо укрепленный район на побережье. Каждый из этих четырех районов имеет, по крайней мере, один хорошо укрепленный пункт на побережье в качестве надежного убежища для отступающей армии; так что флот, которому в настоящее время нечего, абсолютно нечего больше делать, может поддерживать сообщение между всеми этими районами и югом, перевозить по мере надобности войска из одного пункта в другой и таким способом неожиданно дать возможность разбитой армии возобновить наступление превосходящими силами. Таким образом, пока эти четыре западных и северных района остаются в известной мере неприступными, они создают такое же число слабых мест на флангах пруссаков. Действительно опасная линия для

французов тянется от Анже до Безансона; для немцев она, кроме того, тянется от Анже через Ле-Ман, Руан и Амьен к бельгийской границе. Если только французы проявят немного здравого смысла, преимущество немцев на этой линии никогда не может стать решающим, но зато преимущество, приобретенное здесь французами, может при известных условиях иметь решающее значение.

Таково стратегическое положение. Используя с выгодой свой флот, французы могли бы перебрасывать войска на западе и на севере, с тем чтобы принудить немцев держать в этих районах силы, значительно превосходящие их собственные и ослабить войска, посланные для завоевания юга, а воспрепятствовать этому было бы главной задачей французов. Сосредоточивая свои армии в большей степени, чем это делалось до сих пор, и высылая вместе с тем большее число мелких партизанских отрядов, французы с имеющимися силами могли бы добиться лучших результатов. В Шербуре и Гавре, по-видимому, значительно больше войск, чем требовалось бы для обороны; а мастерски осуществленное разрушение моста в Фонтенуа около Туля, в центре области, оккупированной завоевателями, показывает, чего могут достигнуть отважные партизаны. Если война вообще возобновится после 19 февраля, она должна быть действительно войной не на жизнь, а на смерть, войной, подобной войне Испании против Наполеона, войной, в которой никакими расстрелами и поджогами не удастся сломить дух сопротивления.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1869, 8 февраля 1871 г.

КАТАСТРОФА БУРБАКИ

От корреспондента «Standard» мы получили, наконец, сообщение очевидца о том, что происходило в армии Бурбаки во время ее злополучной январской кампании. Корреспондент находился в дивизии генерала Креме, которая образовывала крайний левый фланг при наступлении и арьергард во время отступления. Сообщение этого корреспондента, хотя, разумеется. одностороннее и полное неточностей в отношении того, что не происходило непосредственно перед его глазами, является очень ценным, так как в нем приводятся до сих пор неизвестные факты и даты и таким образом проливается яркий свет на эту фазу войны.

Армия Бурбаки, численностью в 133000 человек с 330 орудиями, как оказывается, едва ли заслуживала название армии. Солдаты линейных войск, имевшие неплохих офицеров, в физическом отношении уступали мобилям, но у последних едва ли имелись офицеры, знакомые хотя бы со своими элементарными обязанностями. Сведения, полученные из Швейцарии, подтверждают это; если они дают еще худшую характеристику физического состояния людей, то мы не должны забывать, как сказалась на них кампания, продолжавшаяся в течение месяца в условиях голода и холода. Обмундирование — и одежда и обувь — было, по всем сообщениям, видимо, в жалком состоянии. Интендантская служба или хотя бы просто какая-либо организация для проведения сколько-нибудь упорядоченным способом и с известной регулярностью реквизиций и для распределения полученного таким путем продовольствия, как оказывается, на деле совершенно отсутствовала.

Из четырех с половиной корпусов, участвовавших в действиях, три (15-й, 18-й и 20-й) были переданы Бурбаки еще 5 декабря; очень скоро после этого был, вероятно, принят план похода на восток. Все его передвижения, вплоть до 5 января, были только маршами с целью сосредоточения и не встречали

препятствий со стороны противника; поэтому они не служили помехой для улучшения организации этой армии — совсем наоборот. Наполеон в 1813 г. превратил своих необученных новобранцев в солдат во время марша в Германию. Таким образом, Бурбаки имел целый месяц для подготовки, и если по истечении предоставленного ему таким образом времени его войска встретились с неприятелем в таком состоянии, как было описано выше, — то вина ложится и на него. Он не обнаружил способностей организатора.

Первоначальный план состоял, как говорят, в том, чтобы идти к Бельфору четырьмя колоннами: одна должна была двигаться по восточной стороне реки Ду, через Юру, чтобы занять или обойти Монбельяр и левый фланг пруссаков; вторая колонна — вдоль долины реки для фронтальной атаки; третья колонна — по маршруту, проходящему западнее, через Ружмон и Виллерсексель против правого фланга противника; дивизия же Креме должна была прибыть из Дижона через Люр и выйти за правым флангом пруссаков. Но это было изменено. Все три первые колонны двигались вперед одной дорогой по долине, — из-за этого, как утверждают, было потеряно пять дней, в течение которых Вердер получил подкрепление, а так как вся армия Бурбаки была отброшена также на один путь отступления, то она снова потеряла время и была таким образом отрезана от Лиона и прижата к швейцарской границе. Совершенно очевидно, что переброска войск примерно в 120000 человек — и войск столь слабо организованных — одной колонной и по одному только пути должна была вызвать беспорядок и задержку; но предположение, что эта ошибка была действительно совершена в таких масштабах, не так уж достоверно. Согласно всем предыдущим сообщениям, войска Бурбаки подошли к Бельфору широким фронтом, от Виллерсекселя до швейцарской границы, а это означает, что были использованы разные дороги, упомянутые в первоначальном плане. Но каковы бы ни были причины задержки, она произошла и послужила главной причиной проигрыша сражения у Эрикура. Бой у Виллерсекселя произошел 9 января. Виллерсексель находятся приблизительно в двадцати милях от прусских позиций у Эрикура, и Бурбаки понадобилось пять дней, вплоть до вечера 14-го, чтобы подвести свои войска к этим позициям и получить возможность атаковать их на следующее утро! На это мы указывали в одной из предыдущих статей как на первую крупную ошибку в этом походе[*], а теперь из сообщения корреспондента

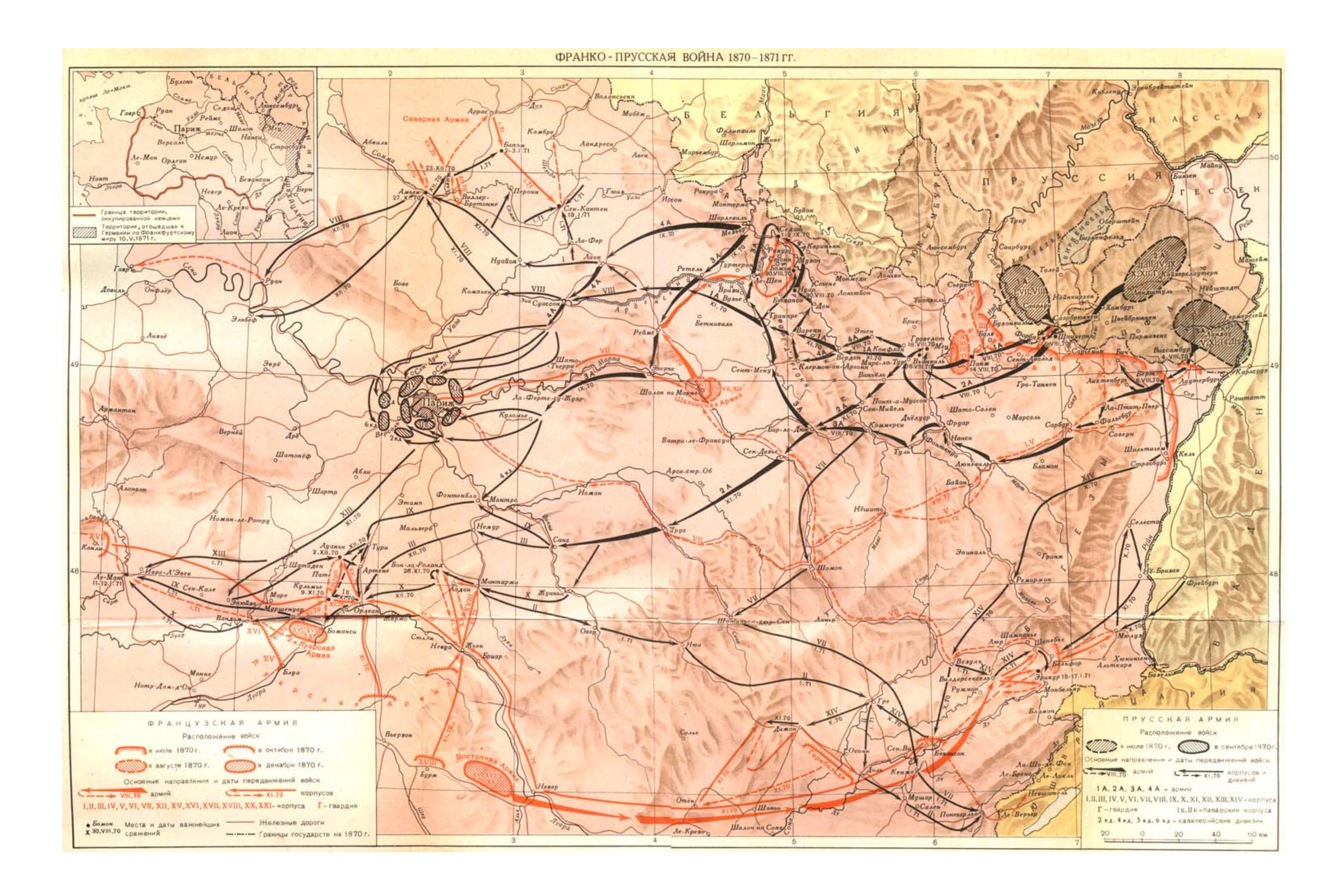
[*] См. настоящий том, стр. 246. *Ред.*

мы видим, что офицеры Креме поняли это даже раньше, чем началось сражение у Эрикура.

В этом трехдневном сражении 130000 французов действовали против 35000—40000 немцев и не смогли взять их укрепленные позиции. При таком численном превосходстве возможны были самые смелые фланговые движения. Сорок или пятьдесят тысяч человек, решительно брошенных в тыл немцев, в то время как остальные сковали бы противника с фронта, почти наверняка могли бы заставить его отступить со своих позиций. Но вместо этого был атакован лишь фронт — укрепленный фронт позиций, что вызвало огромные и бесплодные потери. Фланговые атаки велись настолько слабо, что на правом фланге немцев одной немецкой бригады (Келлера) оказалось достаточно, чтобы не только отбить их, но и удержать Фрайе и Шенебье и, в свою очередь, обойти французов с фланга. Молодым войскам Бурбаки пришлось, таким образом, выполнять самую трудную задачу, которая только может быть поставлена перед солдатом в сражении, в то время как при их численном превосходстве было бы легче захватить позиции с помощью маневра. Но, вероятно, опыт последних пяти дней показал Бурбаки, что рассчитывать на подвижность его армии бесполезно.

После того, как 17 января наступление было окончательно отражено, последовало отступление к Безансону. Вполне вероятно, что это отступление происходило, главным образом, по одной дороге в долине Ду, но нам известно, что крупные части отступали и по другим дорогам, расположенным ближе к швейцарской границе. Как бы то ни было, 22-го пополудни арьергард под командованием Креме прибыл в Безансон. Следовательно, авангард должен был прибыть туда еще 20-го и 21-го должен был быть готовым к выступлению против пруссаков, которые в этот день достигли Доля. Но нет, на них не обращали никакого внимания до прибытия Креме, который сразу же был переведен из арьергарда в авангард и 23-го послан навстречу немцам к Сен-Ви. На следующий день Креме получил приказ вернуться в Безансон; два дня были потеряны в нерешительности и бездействии, пока 26-го после смотра 18-му корпусу Бурбаки не попытался совершить самоубийство. Тогда начинается беспорядочное отступление в направлении на Понтарлье. Но в этот день немцы, находившиеся в Мушаре и Салене, были ближе к швейцарской границе, чем спасающиеся бегством войска, для которых путь к отступлению был, фактически, отрезан. Это уже не было более состязанием в скорости; немцы смогли не спеша занять выходы из всех продольных долин, через которые еще можно было спастись, в то время как их другие

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1870–1871 гг.

войска теснили французов с тыла. Затем последовали бои вокруг Понтарлье, показавшие разбитой армии французов, что она отрезана, результатом чего была конвенция в Ле-Верьере и сдача всей этой армии швейцарцам[134].

Все поведение Бурбаки с 15 по 26 января, по-видимому, доказывает, что он утратил всякую уверенность в своих солдатах и, следовательно, потерял также всякую уверенность в самом себе. Почему он приостановил движение своих колонн в Безансоне до прихода Креме, упустив, таким образом, всякую возможность спастись; почему он отозвал самую лучшую в армии дивизию Креме сразу после того, как послал ее из Безансона навстречу пруссакам, блокировавшим прямую дорогу в Лион; почему после этого он промедлил еще два дня, в результате чего в общем в Безансоне было потеряно целых шесть дней, — все это невозможно объяснить, если только не предположить, что Бурбаки весьма не хватало той решительности, которая является самым главным качеством самостоятельно действующего начальника. Старая история августовской кампании повторилась снова. И любопытно, что эту крайнюю нерешительность опять-таки проявил генерал, унаследованный от империи, тогда как ни один из генералов республики, — каковы бы ни были их ошибки, — не обнаружил подобной нерешительности и не был за нее так наказан.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette»
№ 1878, 18 февраля 1871 г.

К. МАРКС

КОМИТЕТУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [135]

Лондон, 2 августа 1870 г.

Друзья!

Прежде всего — спасибо за подробный отчет о рабочей партии в Германии! Я тотчас же передал его Генеральному Совету.

Работу о земельной собственности и земельных отношениях в Германии, которую вы просите, должен был пока отложить из-за полного отсутствия времени[136].

Обращение, принятое на meeting[*] в Брауншвейге (16 июля 1870 г.), — как вы увидите из посланного мной на прошлой неделе воззвания Генерального Совета, — я частично включил в это воззвание[**]...

Согласно § 3 Устава[137] Генеральный Совет не может отсрочить созыв конгресса. Все же, ввиду создавшихся в настоящий момент *исключительных* обстоятельств, он взял бы на себя ответственность за такой шаг, если бы получил в этом необходимую поддержку со стороны секций. Поэтому было бы желательно, чтобы мы *официально* получили из Германии подобное мотивированное предложение.

Напечатано с купюрами в книге: W. Bracke «Der Braunschweiger Ausschus der social demokratischen Arbeiter-Partei in Lotzen und vor dem Gericht», Braunschweig, 1872

Печатается по тексту, опубликованному в книге В. Бракке

Перевод с немецкого

---

[*] — собрании. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 4. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

* О КАРЛЕ БЛИНДЕ [138]

Статью следовало бы озаглавить не «Принц Наполеон и т. д.», а «Я сам». На каждое упоминание имени принца Наполеона в статье приходится по меньшей мере двадцать упоминаний местоимения «Я», не считая упоминаний в косвенных падежах и производных формах. Все то, что в статье говорится о принце Наполеоне печаталось уже неоднократно. То, что в статье говорится о собственном «Я» Блинда, увы, также неоднократно печаталось, сообщалось, публиковалось в Англии, таким образом все это, к сожалению, известно владельцам и редакторам как существующих, так и некогда существовавших воскресных обозрений.

Если отбросить в сторону фальшивые претензии газеты, можно сделать вывод, что в ней дается новая версия старой побасенки Блинда: каким образом Карл Блинд в результате различных неблагоприятных обстоятельств был, к несчастью, лишен возможности изменять ход истории. Прежде всего приводится часто повторяемое предание, — которое и составляет основной капитал Блинда, — о том, как он был послан с дипломатической миссией от доживавшего свои последние дни временного правительства южногерманских повстанцев 1849 г. якобы к правительству Французской республики, а на самом деле к революционному правительству Ледрю-Роллена, которое, как предполагалось, должно было быть вскоре установлено в результате народного восстания[139]. Но увы! Пруссаки бесцеремонным образом изгнали в Швейцарию пославшее Блинда правительство, а демонстрация 13 июня, которой предстояло установить правительство, при коем он был в действительности аккредитован, была разогнана столь же бесцеремонно[140]. В результате весьма смехотворной миссии от умершего к так и не родившемуся правительству Блинду посчастливилось быть

спасенным существующим французским правительством, которое арестовало его за участие 13 июня в «мирной» демонстрации охваченной волнением парижской национальной гвардии и в конечном счете выслало из страны. Если бы пославшее его правительство продолжало существовать, да если бы к тому же было установлено правительство, к которому он на самом деле был послан, то чего бы только не смог совершить Карл Блинд! Взяв на себя эту миссию от кого-то в Бадене к кому-то в Париже, Блинд сумел «дипломатически» избавиться даже от малейшей возможности рискованной встречи с приближавшейся прусской армией. Во всяком случае кое-что он все-таки совершил[*].

Далее, в 1870 г., в начале франко-прусской войны, Италия могла бы присоединиться к Франции. Но Карл Блинд был на страже. «Если бы король Виктор-Эммануил и т. д.» (стр. 519). Но опять-таки это оказалось миссией от одного несуществующего правительства к другому несуществующему правительству. Луи-Наполеон отказался уступить Рим Виктору-Эммануилу, и, вынуждая его, таким образом, силой вырывать этот город из рук Франции, сделал союз Италии с Францией невозможным[141]. Снова услуги и предложения Карла Блинда — сколь бы ценными они ни являлись — были отклонены. И вот Блинд, вечно бывший дипломатом in partibus[**], вместо того, чтобы изменять ход истории, был вынужден довольствоваться «самой горячей благодарностью» Мадзини.

Поневоле вспоминается хвастун, который, будучи втянутым в *скандал,* кричал: «Держите меня, друзья, а то я сделаю что-нибудь ужасное». К несчастью для всего мира, но, быть может, к счастью для г-на Карла Блинда, всякий раз, когда он готов был выступить на передний план исторических событий, какое-нибудь неприятное обстоятельство мешало ему совершить то «ужасное», что должно было бы обессмертить его.

Будем надеяться, что это — последнее литературное произведение, по крайней мере на английском языке, написанное Карлом Блиндом по поводу Карла Блинда и в интересах Карла Блинда.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
между 22 и 30 августа 1870 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

[*] Две последние фразы написаны рукой Маркса. На полях предыдущей страницы рукописи Энгельса Марксом был написан их другой вариант: «Своевременно взяв на себя эту фиктивную миссию за границу, Блинд сумел избавиться от какой-либо возможности встретиться с прусскими войсками, вторгшимися в то время в Баден». *Ред.*

[**] — in partibus infidelium — вне реальной действительности (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО КОМИТЕТУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [142]

... Военная камарилья, профессура, бюргерство и трактирные политики утверждают, что это[*] — средство навсегда оградить Германию от войны с Францией. Напротив, это — вернейший способ превратить данную войну в *европейскую институцию.* Это — действительно наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм как необходимое условие господства над *Польшей Запада* — Эльзасом и Лотарингией. Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать потерянную территорию обратно. Это — безошибочное средство разорить Германию и Францию путем взаимного самоистребления.

Негодяи и глупцы, которые изобрели такие гарантии вечного мира, должны были бы знать, хотя бы из прусской истории, на примере того, как жестоко Наполеон расплатился за Тильзитский мир[143], что подобные насильственные меры для обуздания жизнеспособного народа приводят к прямо противоположным результатам. А что представляет собой Франция, даже после потери Эльзаса и Лотарингии, по сравнению с Пруссией после Тильзитского мира!

Если французский шовинизм, пока существовала *прежняя* система *государства* находил известное материальное оправдание в том, что с 1815 г. столица Франции — Париж, а тем самым и сама Франция оказывалась, после немногих проигранных сражении, беззащитной, то какую новую пищу

[*] Речь идет об аннексии Эльзаса и Лотарингии. *Ред.*

получит этот шовинизм, как только граница пройдет на востоке — у Вогезов, а на севере — у Меца.

Что лотарингцы и эльзасцы хотят жить под сенью *германского* правительства, — этого не смеет утверждать даже и самый неистовый* тевтон. На этот раз провозглашается принцип пангерманизма и «надежных» границ, который якобы приведет на востоке к великолепным результатам для Германии и Европы.

Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или *не заинтересован* в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что война 1870 г. так же неизбежно чревата *войной между Германией и Россией,* как война 1866 г. была чревата войной 1870 года.

Я говорю *неизбежно, непременно,* если не учитывать того маловероятного случая, что в *России* до этого времени может вспыхнуть *революция.*

Если этот маловероятный случай не произойдет, то войну между Германией и Россией приходится уже сейчас рассматривать как fait accompli (совершившийся факт).

Будет ли эта война вредна или полезна, — целиком зависит от нынешнего поведения немцев-победителей.

Если они захватят Эльзас и Лотарингию, то Франция ***вместе*** с Россией будет воевать против Германии. Нет надобности указывать на губительные последствия подобной войны.

Если же они заключат с Францией почетный мир, то эта война освободит Европу от московитской диктатуры, растворит Пруссию в Германии, создаст возможность мирного развития на западе континента и, наконец, поможет прорваться социальной революции в России, элементы которой нуждаются для своего развития только в таком внешнем толчке, — стало быть, такая война будет полезна и для русского народа.

Но я опасаюсь, что негодяи и глупцы будут беспрепятственно продолжать свою безумную игру, если германский рабочий класс en masse** не поднимет своего голоса.

Нынешняя война открывает новую всемирно-историческую эпоху тем, что Германия, даже при условии исключения немецкой Австрии, доказала свою способность, *независимо от заграницы,* идти своим собственным путем. То, что Германия первоначально обретает свое *единство в прусской казарме,* является наказанием, ею вполне заслуженным. Но *результат,* хотя и таким способом, все же достигнут. Вздорные мелочи,

* Слова «самый неистовый», замененные в тексте листовки многоточием, вписаны в экземпляре с пометками Энгельса, его рукой. *Ред.*

** — в массе. *Ред.*

как, например, конфликт между северогерманскими национал-либералами и южногерманской Народной партией[144], впредь не будут стоять понапрасну поперек дороги. Отношения развернутся в большем масштабе и упростятся. И если тогда германский рабочий класс не сыграет выпавшей на его долю исторической роли, то это — его вина. *Нынешняя война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию.* Тем самым на германский рабочий класс ложится еще большая ответственность...

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом между 22 и 30 августа 1870 г.

Включено в текст манифеста Комитета Социал-демократической рабочей партии, напечатанного в виде листовки 5 сентября 1870 г. и в газете «Der Volksstaat» № 73, 11 сентября 1870 г.

Печатается по тексту экземпляра листовки с пометками Ф. Энгельса.

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ВТОРОЕ ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ [145]

ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В ЕВРОПЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В нашем первом воззвании от 23 июля мы говорили:

«Похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась; жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *реставрированной империи»*[*].

Таким образом, еще раньше чем начались на деле военные действия, мы уже смотрели на бонапартистский мыльный пузырь, как на дело прошлого.

Мы не заблуждались насчет жизнеспособности Второй империи, мы не были также неправы в своем опасении, что для Германии «война потеряет свой чисто оборонительный характер и выродится в войну против французского народа»[**]. Оборонительная война действительно кончилась сдачей Луи Бонапарта, капитуляцией при Седане и провозглашением республики в Париже. Но еще задолго до этих событий, уже в тот самый момент, когда обнаружилась полная гнилость бонапартистского оружия, прусская военная камарилья решила превратить войну в завоевательную. Правда, на этом пути лежало довольно неприятное препятствие — *собственные заявления короля Вильгельма в начале войны.* В своей тронной речи перед Северогерманским рейхстагом Вильгельм торжественно заявил, что он ведет войну против французского императора, а не против

[*] См. настоящий том, стр. 3. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 4. *Ред.*

французского народа. 11 августа он выпустил манифест к французской нации, в котором говорил*:

«Ввиду того, что император Наполеон произвел на суше и на море нападение на немецкую нацию, которая хотела и теперь еще хочет жить в мире с французским народом, я взял на себя командование германскими армиями, *чтобы отразить это нападение, и ход военных событий* привел меня к тому, чтобы *перейти границы Франции».*

Не довольствуясь заявлением, что он взял на себя командование германскими армиями, *«чтобы отразить нападение»,* Вильгельм в подтверждение оборонительного характера войны присовокупил, что только «ход военных событий» привел его к тому, чтобы перейти границы Франции. Оборонительная война, конечно, вовсе не исключает наступательных операций, продиктованных «ходом военных событий».

Таким образом, этот благочестивый король был связан обещанием перед Францией и перед всем миром вести чисто оборонительную войну. Как же освободить его от этого торжественного обещания? Режиссеры всей этой комедии должны были представить дело так, как будто он против своей воли подчиняется неотступным требованиям немецкого народа. И они сейчас же подали сигнал немецкой либеральной буржуазии с ее профессорами и капиталистами, с ее муниципальными советниками и журналистами. Эта буржуазия, которая в своей борьбе за гражданскую свободу с 1846 по 1870 г. выказала невиданную нерешительность, неспособность и трусость, была, конечно, в восторге от той роли рыкающего льва немецкого патриотизма, в которой она должна была выступить на европейской сцене. Она надела на себя маску гражданской независимости, прикидываясь, будто принуждает прусское правительство выполнить тайные планы самого же правительства. Она раскаивалась в своей долголетней и почти религиозной вере в непогрешимость Луи Бонапарта и поэтому громко требовала расчленения Французской республики. Остановимся хоть на минутку на благовидных доводах, пущенных в ход этими рыцарями патриотизма.

Они не осмеливаются утверждать, что население Эльзаса и Лотарингии тоскует по немецким объятиям. Как раз наоборот. Чтобы наказать его за чувства патриотизма к Франции, Страсбург в течение шести дней бомбардируют «немецкими» разрывными снарядами — бомбардируют бесцельно и варварски, ибо это город с обособленно расположенной от него командующей

* В немецком переводе, сделанном К. Марксом и напечатанном отдельным изданием в 1870 г., эта фраза и следующая за ней цитата из манифеста опущены, а последующий текст до слов: «И они сейчас же подали сигнал...» изложен в сокращенном виде. *Ред.*

над ним цитаделью, — поджигают его и убивают массу беззащитных жителей! Еще бы! Территория этих провинций некогда принадлежала давным-давно почившей Германской империи. Поэтому эта территория с ее населением, видимо, должна быть конфискована как не теряющая давности немецкая. собственность. Если восстанавливать старую карту Европы, согласно капризам любителей старины, то не следует ни в коем случае забывать, что в свое время курфюрст Бранденбургский в качестве прусского владетельного князя был вассалом Польской республики[146].

Но изворотливые патриоты требуют Эльзаса и той части Лотарингии, население которой говорит по-немецки, как «материальной гарантии» против французского нападения. Так как эта гнусная уловка сбила с толку многих ограниченных людей, мы считаем своей обязанностью подробнее остановиться на ней.

Нет сомнения, что общая конфигурация Эльзаса по сравнению с противоположным рейнским берегом, а также наличие такой большой крепости как Страсбург почти на полпути между Базелем и Гермерсгеймом, сильно облегчает Франции вторжение в Южную Германию, между тем как вторжение во Францию со стороны Южной Германии благодаря этому известным образом затрудняется. Нет, далее, сомнения в том, что присоединение Эльзаса и указанной части Лотарингии сильно укрепило бы границы Южной Германии: она тогда овладела бы хребтом Вогезских гор на всем его протяжении и крепостями, прикрывающими их северные проходы. Если бы был присоединен также и Мец, то Франция сейчас несомненно была бы лишена двух важнейших операционных баз против Германии, но это не помешало бы ей создать новую при Нанси или Вердене. Германия имеет Кобленц, Майнц, Гермерсгейм, Раштатт и Ульм — все это операционные базы, направленные против Франции. Германия прекрасно воспользовалась ими в последней войне. С какой же тенью права она может завидовать Франции, имеющей с этой стороны только две значительные крепости — Мец и Страсбург? Кроме того, Страсбург угрожает Южной Германии только до тех пор, пока она разъединена с Северной Германией. С 1792 до 1795 г. Южная Германия ни разу не подвергалась вторжению с этой стороны, потому что Пруссия принимала участие в войне против французской революции; но как только Пруссия в 1795 г. заключила сепаратный мир[147] и предоставила Юг самому себе, начались вторжения в Южную Германию и продолжались до 1809 г., причем Страсбург служил операционной базой. В сущности *объединенная* Германия может всегда обезвредить Страсбург и всякую французскую армию в Эльзасе,

если она сконцентрирует все свои войска между Саарлуи и Ландау, как это было в настоящей войне, и двинет их вперед или примет бой на пути из Майнца в Мец. До тех пор, пока главная масса немецких войск находится там, всякая французская армия, вступающая из Страсбурга в Южную Германию, была бы обойдена и ее коммуникации оказались бы под угрозой. Если последняя кампания что-нибудь доказала, то именно легкость вторжения во Францию из Германии.

Но, рассуждая честно, разве не является вообще нелепостью и анахронизмом возводить военные соображения в принцип, согласно которому должны определяться национальные границы? Если следовать этому правилу, то Австрия все еще могла бы предъявлять претензию на Венецию, на линию Минчо, а Франция — на линию Рейна для защиты Парижа, который безусловно больше открыт для нападения с северо-востока, чем Берлин с юго-запада. Если границы должны определяться военными интересами, то претензиям не будет конца, ибо всякая военная линия по необходимости имеет свои недостатки и может быть улучшена посредством присоединения новой примыкающей к ней территории; более того, эти границы никогда не могут быть окончательно и справедливо установлены, ибо каждый раз победитель диктует условия побежденному, и тут, следовательно, уже имеется зародыш новых войн.

Этому нас учит вся история. С целыми нациями бывает то же самое, что и с отдельными людьми. Чтобы отнять у них возможность нападения, нужно лишить их средств обороны. Нужно не только схватить их за горло, но и умертвить их. Если когда-нибудь победитель добивался «материальных гарантий», чтобы сломить силу нации, то это сделал Наполеон I своим Тильзитским договором и тем, как он применял его против Пруссии и остальной Германии. И все-таки несколько лет спустя немецкий народ сломал как тростинку все его гигантское могущество. Но могут ли сравниться «материальные гарантии», которых Пруссия в самых диких мечтах своих надеется добиться от Франции и посмеет добиться, с теми, которые заполучил Наполеон I от самой Германии? Результаты и на этот раз будут не менее гибельны. История воздаст не по числу оторванных от Франции квадратных миль земли, а по величине преступления, состоящего в том, что во второй половине XIX века вновь вызвали к жизни *политику завоеваний.*

Защитники тевтонского патриотизма говорят: но вы не должны смешивать немцев с французами. *Мы* хотим не славы, а безопасности. Немцы — по существу миролюбивый народ. Под их благоразумным присмотром даже завоевание превращается

из причины будущей войны в залог вечного мира. Конечно, не Германия в 1792 г. вторглась во Францию с возвышенной целью раздавить революцию XVIII века при помощи штыков! И не Германия запятнала себя порабощением Италии, подавлением Венгрии и разделом Польши! Ее нынешняя милитаристская система, при которой все здоровое мужское население делится на две части — постоянную армию в строю и вторую постоянную армию в запасе, причем обе обречены на беспрекословное повиновение своим, божьей милостью, повелителям, — эта система является, конечно, «материальной гарантией» мира и, кроме того, высшей целью цивилизации! В Германии, как и везде, прихвостни власть имущих отравляют общественное мнение фимиамом лживого самохвальства.

Эти немецкие патриоты приходят в показную ярость при виде французских крепостей Меца и Страсбурга, но они не находят ничего плохого в обширной системе московитских укреплений Варшавы, Модлина и Ивангорода. Содрогаясь перед ужасами бонапартистского вторжения, они закрывают глаза на позор царской опеки.

Точно так же как в 1865 г. Луи Бонапарт обменялся обещаниями с Бисмарком, — так в 1870 г. Горчаков обменялся обещаниями с Бисмарком[148]. Точно так же как Луи Бонапарт льстил себя надеждой, что война 1866 г., истощив силы обеих сторон — Австрии и Пруссии, — сделает его вершителем судеб Германии, так Александр льстил себя надеждой, что война 1870 г., истощив силы Германии и Франции, даст ему возможность стать вершителем судеб всей Западной Европы. Точно так же, как Вторая империя считала невозможным свое существование рядом с существованием Северогерманского союза, так самодержавная Россия должна чувствовать для себя опасность со стороны Германской империи с Пруссией во главе. Таков закон старой политической системы. В пределах этой системы выигрыш одного государства является проигрышем для другого. Преобладающее влияние царя на Европу коренится в его традиционном верховенстве над Германией. В тот момент, когда в самой России вулканические социальные силы грозят потрясти самые основы самодержавия, может ли царь допустить такую потерю своего престижа вне страны? Московитские газеты заговорили уже тем языком, которым говаривали бонапартистские газеты после войны 1866 года. Неужели тевтонские патриоты действительно думают, что свобода и мир* для Германии будут обеспечены, если они принудят Францию броситься в объятия

* В немецком издании 1870 г. перед словами «свобода и мир» вставлено слово «независимость». *Ред.*

России? Если военное счастье, опьянение своими успехами и династические интриги толкнут Германию на путь грабительского присвоения французских областей, для нее останутся только два пути: либо она должна во что бы то ни стало сделаться *явным* орудием русской завоевательной политики[*], либо она должна после короткой передышки начать готовиться к другой «оборонительной» войне, но не к одной из тех, вновь изобретенных «локализованных» войн, а к *войне расовой,* к войне против объединенных славянской и романской рас[**].

Немецкий рабочий класс, не имея возможности помешать этой войне, энергично поддерживал ее как войну за независимость Германии, за освобождение Франции и Европы от отвратительного кошмара Второй империи. Немецкие промышленные рабочие вместе с сельскими рабочими составили ядро геройских войск, оставив дома свои полуголодные семьи. Их ряды поредели на поле брани за границей, не меньшие бедствия ожидают их дома от нищеты[***]. И они теперь, в свою очередь, требуют «гарантий», гарантий в том, что их неисчислимые жертвы были не напрасны, что они добились свободы, что победа над армиями Бонапарта не будет превращена, как в 1815 г., в поражение немецкого народа[149]. И в качестве первой такой гарантии они требуют *почетного для Франции мира* и *признания Французской республики.*

Центральный комитет немецкой Социал-демократической рабочей партии опубликовал 5 сентября манифест, в котором он энергично настаивал на этих гарантиях.

«Мы протестуем против аннексии Эльзаса и Лотарингии. И мы сознаем, что говорим от имени немецкого рабочего класса. В общих интересах Франции и Германии, в интересах мира и свободы, в интересах западноевропейской цивилизации против восточного варварства немецкие рабочие не потерпят аннексии Эльзаса и Лотарингии... Вместе с нашими товарищами, рабочими всех стран, мы будем верно стоять за общее международное дело пролетариата!»[150]

К несчастью, мы не можем рассчитывать на их непосредственный успех. Если французские рабочие не могли остановить

---

[*] В немецком издании 1870 г. здесь добавлены слова: «что соответствует традиции Гогенцоллернов». *Ред.*

[**] В немецком издании 1870 г. здесь добавлена фраза: «Такова мирная перспектива, которую «гарантируют» Германии выжившие из ума буржуазные патриоты». *Ред.*

[***] В немецком издании 1870 г. далее добавлено: «А патриотические крикуны скажут в утешение им, что капитал не имеет отечества и что заработная плата регулируется *антипатриотическим интернациональным* законом спроса и предложения. Не пора ли поэтому рабочему классу сказать свое слово и не давать больше господам из буржуазии *выступать от его имени*». *Ред.*

агрессора в мирное время, то больше ли шансов у немецких рабочих удержать победителя во время военной горячки? Манифест немецких рабочих требует выдачи Луи Бонапарта как обыкновенного преступника в руки Французской республики. А их правители, напротив, уже всеми силами стараются опять усадить его на тюильрийский престол как самого подходящего человека для того, чтобы привести Францию к гибели. Как бы то ни было, история покажет, что немецкий рабочий класс создан не из такого дряблого материала как немецкая буржуазия. Он исполнит свой долг.

Вместе с ним мы приветствуем учреждение республики во Франции, но в то же время нас тревожат опасения, которые, будем надеяться, окажутся неосновательными. Эта республика не ниспровергла трон, она только заняла оставленное им[*] пустое место. Она провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны. Она находится в руках временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г.[151] оставило несмываемое пятно. Распределение функций между членами этого правительства не обещает ничего хорошего. Орлеанисты заняли сильнейшие позиции — армию и полицию, между тем как мнимым республиканцам предоставили функцию болтовни. Некоторые из первых шагов этого правительства довольно ясно показывают, что оно унаследовало от империи не только груду развалин, но также и ее страх перед рабочим классом. Если теперь от имени республики оно широковещательно обещает невозможные вещи, то не делается ли это для того, чтобы поднять шум в пользу «возможного» правительства? Не должна ли республика, по замыслу некоторых ее буржуазных заправил, послужить лишь переходной ступенью и мостом к орлеанистской реставрации?

Таким образом, французский рабочий класс находятся в самом затруднительном положении. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния. Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг[**], но, вместе с тем, они не должны позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными

[*] В немецком издании 1870 г. далее вставлено «благодаря немецким штыкам». *Ред.*
[**] В немецком издании 1870 г. после слова «долг» вставлены слова: «что они и делают». *Ред.*

традициями Первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело — освобождение труда. От их силы и мудрости зависит судьба республики.

Английские рабочие уже сделали некоторые шаги в том направлении, чтобы посредством оздоровляющего давления извне сломить нежелание их правительства признать Французскую республику[152]. Теперешней медлительностью английское правительство хочет, должно быть, загладить антиякобинскую войну 1792 г. и ту непристойную поспешность, с которой оно признало coup d'etat[153]. Английские рабочие, кроме того, требуют от своего правительства, чтобы оно всеми силами противилось расчленению Франции, к которому бесстыдно призывает часть английской печати[*]. Это та самая печать, которая в течение целых двадцати лет боготворила Луи Бонапарта как провидение Европы и которая восторженно аплодировала мятежу американских рабовладельцев. Теперь, как и тогда, она ратует за интересы рабовладельцев.

Пусть же секции *Международного Товарищества Рабочих* во всех странах призовут рабочий класс к действию. Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, владык земли и капитала.

Vive la Republique![**]

Генеральный Совет:

Роберт Аплгарт, Мартин Дж. Бун, Фредерик Брадник, Кэйхил, Джон Хейлз, Уильям Хейлз, Джордж Харрис, Фридрих Десснер, Лопатин, Б. Лекрафт, Джордж Малнер, Томас Моттерсхед, Чарлз Марри, Джордж Оджер, Джемс Парнелл, Пфендер, Рюль, Джозеф Шеперд, Кауэлл Степни, Столл, Шмуц.

[*] В немецком издании 1870 г. конец этой фразы дан в следующем виде: «которого часть английской печати требует с неменьшим шумом, чем немецкие патриоты». *Ред.*

[**] — Да здравствует республика! *Ред.*

Секретари-корреспонденты:

***Эжен Дюпон* ....** для Франции

Карл Маркс .... для Германии и России

О. Серрайе .... для Бельгии, Голландии и Испании

Герман Юнг .... для Швейцарии

Джованни Бора .... для Италии

Зеви Морис .... для Венгрии

Антоний Жабицкий .... для Польши

Джемс Кон .... для Дании

И. Г. Эккариус .... для Соединенных Штатов Америки

Уильям Таунсенд, председательствующий

Джон Уэстон*,* казначей

Иоганн Георг Эккариус, генеральный секретарь

256, Хай Холборн,

Лондон, Уэстерн Сентрал,

9 сентября 1870 г.

Написано К. Марксом между 6—9 сентября 1870 г.

Напечатано в виде листовки на английском языке 11—13 сентября 1870 г., а также в виде листовки на немецком языке и в периодической печати на немецком и французском языках в сентябре—декабре 1870 г.

Печатается по тексту 3-го английского издания 1870 г., сверенного с текстом немецкого издания 1870 г.

Перевод с английского

К. МАРКС

*ОБ АРЕСТЕ ЧЛЕНОВ КОМИТЕТА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [154]

Центральный комитет немецкой секции Международного Товарищества Рабочих, находящийся в Брауншвейге, выпустил 5 сентября манифест к немецкому рабочему классу, призывающий его не допустить аннексии Эльзаса и Лотарингии и добиться заключения почетного мира с Французской республикой. По приказу командующего войсками, генерала Фогеля фон Фалькенштейна, не только был конфискован этот манифест, но и все члены Комитета, даже несчастный типограф, напечатавший этот документ, были арестованы, закованы в кандалы, как обыкновенные уголовные преступники, и отправлены в Лётцен в Восточную Пруссию.

Написано К, Марксом около 14 сентября 1870 г.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette» № 1744, 15 сентября 1870 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Numéro 103. Troisième année. 1er Janvier 1871.

L'INTERNATIONALE

ORGANE DES SECTIONS BELGES

DE L'ASSOCIATION INTERNATIONALE DES TRAVAILLEURS.

PARAISSANT LE SAMEDI.

Ф. ЭНГЕЛЬС

VI СЪЕЗДУ БЕЛЬГИЙСКИХ СЕКЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [155]

Лондон, 23 декабря 1870 г.

Граждане!

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих шлет свои приветствия вашему VI съезду. Самый факт созыва этого съезда вновь доказывает, что бельгийский пролетариат неустанно продолжает свою борьбу за освобождение рабочего класса даже тогда, когда кровопролитная и братоубийственная война наполняет ужасом всю Европу и временно отвлекает общественное мнение от всего остального.

С особым удовлетворением мы констатировали, что в отношении этой войны бельгийские секции следуют той линии поведения и провозглашают те идеи, которые диктуются интересами пролетариата всех стран, — отказ от всяких завоевательных устремлений и поддержку республики во Франции. Впрочем, наши бельгийские друзья действуют в этом отношении в полном согласии с рабочими других стран.

С тех пор, как пруссаки заняли Руан, последние связи, которые у нас еще сохранялись с Францией, оказались временно прерванными. Но в Англии, в Америке и в Германии среди рабочих чрезвычайно быстро развернулось движение против завоевательной войны и за поддержку Французской республики. В особенности в Германии это движение приняло такие размеры, что прусское правительство сочло себя обязанным, в интересах своей завоевательной и реакционной политики, расправиться с рабочими. Центральный комитет немецкой социал-демократии, находящийся в Брауншвейге, был арестован; многие члены этой партии подверглись той же участи; в довер-

шение всего два депутата Северогерманского рейхстага, граждане Бебель и Либкнехт, представлявшие в нем взгляды и интересы рабочего класса, были посажены за решетку. Интернационал обвиняется в том, что он будто бы подал всем этим гражданам сигнал к осуществлению широкого революционного заговора. Перед нами несомненно второе издание пресловутого заговора Интернационала в Париже, заговора, который якобы раскрыла бонапартистская полиция и который оказался потом столь жалким образом рассеявшейся выдумкой. Наперекор всем этим преследованиям интернациональное движение рабочих все развивается и крепнет.

Настоящий съезд предоставляет вам возможность установить количество секций и других примкнувших обществ, а также число членов, входящих в состав каждой из них, и, таким образом, составить правильное представление об успехах нашего движения в Бельгии. Мы хотели бы, чтобы вы сообщили Генеральному Совету результаты этой статистики, характеризующей положение нашего Товарищества в Бельгии; мы постараемся добавить к этой статистике сведения и по другим странам. Само собой разумеется, что это сообщение мы будем считать конфиденциальным и что факты, которые мы оттуда почерпнем, не будут преданы гласности.

Далее, Генеральный Совет позволяет себе надеяться, что в течение 1871 г. у бельгийских секций будет возможность вспомнить о резолюциях различных международных конгрессов, касающихся отчислений, предназначенных для Совета. Настоящая война делает невозможным поступление средств из большинства континентальных стран, и мы прекрасно знаем, что бельгийские рабочие также испытывают на себе действие всеобщей депрессии, явившейся результатом этой войны; поэтому Генеральный Совет поднимает этот вопрос только для того, чтобы напомнить бельгийским секциям, что без материальной поддержки он не будет в состоянии придать пропаганде такой размах, какого он желал бы.

Ввиду отсутствия секретаря для Бельгии, гражданина Серрайе, Генеральный Совет уполномочил нижеподписавшегося направить это сообщение съезду.

Привет и братство

Фридрих Энгельс

Напечатано без трех последних абзацев в газете «L'Internationale» № 103, 1 января 1871 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью; опущеные при публикации абзацы воспроизводятся по рукописи

Перевод с французского

К. МАРКС

О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ И СЛОВА В ГЕРМАНИИ

РЕДАКТОРУ «DAILY NEWS»

Милостивый государь!

Когда Бисмарк обвинял французское правительство в том, что

«оно сделало невозможным во Франции свободное выражение мнений в прессе и с депутатской трибуны»,

то он, очевидно, хотел лишь отпустить берлинскую остроту. Если вы хотите узнать «действительное» общественное мнение Франции, обратитесь, пожалуйста, к г-ну Штиберу, редактору версальского «Moniteur»[156] и известному прусскому полицейскому шпиону!

Господа Бебель и Либкнехт были арестованы по особому приказу Бисмарка под предлогом обвинения в государственной измене только за то, что посмели исполнить свой долг в качестве представителей германского народа, то есть — протестовать в рейхстаге против аннексий Эльзаса и Лотарингии, голосовать против новых военных ассигнований, выразить свои симпатии Французской республике и разоблачить попытку превратить Германию в сплошную прусскую казарму. С членами брауншвейгского Комитета Социал-демократической партии за то. что они выразили подобные же взгляды, с начала сентября прошлого года обращаются, как с каторжниками, и до сих пор над ними висит смехотворное обвинение в государственной измене. Та же участь постигла многих рабочих, распространявших брауншвейгский манифест. Под аналогичным предлогом возбуждено обвинение в государственной измене против г-на Гепнера, второго редактора лейпцигской газеты «Volksstaat»[157]. Немногочисленные независимые немецкие газеты, которые

издаются вне Пруссии, запрещены во владениях Гогенцоллернов. Рабочие собрания в Германии в пользу почетного мира с Францией ежедневно разгоняются полицией. Согласно официальной прусской доктрине, наивно изложенной генералом Фогель фон Фалькенштейном, каждый немец виновен в государственной измене, если он «пытается противодействовать достижению тех целей, которые Пруссия преследует в войне во Франции». Если бы г-н Гамбетта и К° были принуждены, подобно Гогенцоллернам, силой подавлять общественное мнение, то им следовало бы только применить прусский метод и под предлогом войны ввести во всей Франции осадное положение. На немецкой территории находятся только те французские солдаты, которые содержатся в прусских тюрьмах. Но, несмотря на это, прусское правительство чувствует себя обязанным строго сохранять осадное положение, то есть наиболее грубую и возмутительную форму военного деспотизма, приостановив действие всех законов. Французская территория наводнена почти миллионом германских захватчиков. И все-таки французское правительство может свободно обходиться без прусского способа «делать возможным свободное выражение мнений». Пусть сравнят картину немецких порядков с французскими! Одной Германии оказалось, однако, слишком мало для всеобъемлющей любви Бисмарка к свободе мнений. Когда люксембуржцы стали открыто выражать свои симпатии к Франции, Бисмарк использовал это в качестве одного из предлогов, чтобы отречься от Лондонского договора о нейтралитете[158]. Когда подобный же грех совершила бельгийская пресса, прусский посол в Брюсселе, г-н фон Балан, потребовал от бельгийского министерства запрещения не только помещать какие-либо антипрусские статьи в газетах, но даже публиковать известия, направленные на то, чтобы поощрять французов в их освободительной войне. Поистине очень скромное требование — уничтожить бельгийскую конституцию «pour le roi de Prusse»*. Как только некоторые стокгольмские газеты позволили себе невинные остроты на тему об общеизвестном «благочестии» Вильгельма Аннександера, Бисмарк обрушился на шведский кабинет с яростными посланиями. Даже под с.-петербургским меридианом он умудрился открыть чересчур свободную прессу. По его униженной просьбе редакторы важнейших петербургских газет были призваны к обер-цензору, который предписал им остерегаться каких бы то ни было критических замечаний о верном прусском

* — буквально: в пользу короля Пруссии; в переносном смысле: даром, ради прекрасных глаз. *Ред.*

вассале царя. Один из этих редакторов, г-н Загуляев, был настолько неосторожен, что раскрыл тайну этого avertissement* на страницах «Голоса»[159]. Русская полиция сейчас же набросилась на него и выслала его в какую-то отдаленную губернию. Было бы ошибкой думать, что эти жандармские меры объясняются только пароксизмом военной лихорадки. Напротив, это настоящее, методическое применение самых принципов прусских законов. В прусском уголовном кодексе действительно существует оригинальная статья, в силу которой каждый иностранец за свои действия или писания в своей или в какой-нибудь другой стране может подвергнуться преследованию за «оскорбление прусского короля» и за «государственную измену в отношении Пруссии»! Франция борется теперь не только за свою собственную национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы, и ее дело, к счастью, далеко не безнадежно.

С уважением к Вам, милостивый государь

Карл Маркс

Лондон, 16 января 1871 г.

Напечатано в газете «The Daily News» 19 января 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — предостережения. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПОЗИЦИИ АНГЛИЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА НА ДАННОМ ЭТАПЕ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ [160]

1. Движение рабочего класса в поддержку Французской республики должно вначале сосредоточить свои усилия на том, чтобы заставить английское правительство признать Французскую республику.

2. Военное вмешательство Англии в защиту Франции, как оно понимается теми, кто его предлагает, могло бы принести пользу только в определенное время, которое уже давно прошло.

3. Англия не только не способна эффективно вмешаться в события, происходящие на европейском континенте, но и не может защищать себя от военного деспотизма континентальной Европы до тех пор, пока она не вернет себе свободы использовать свою действительную военную силу — то есть свой морской флот, а эту свободу она может вернуть себе, только денонсировав Парижскую декларацию[161].

Внесено Ф. Энгельсом 31 января 1871 г.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 123, 4 февраля 1871 г.

Печатается по рукописи, сверенной с записью в протокольной книге Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИСПАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [162]

Лондон, 13 февраля 1871 г.

Граждане!

Ваше письмо от 14 декабря Генеральный Совет получил с чувством большого удовлетворения. Ваше предыдущее письмо от 30 июля также дошло до нас; оно было передано гражданину Серрайе, секретарю для Испании, с поручением отправить вам наш ответ. Но спустя некоторое время гражданин Серрайе отправился во Францию для участия в борьбе за республику и оказался запертым в Париже. Таким образом, только в силу указанных обстоятельств вы не получили ответа на ваше письмо от 30 июля, которое все еще находится в его руках. В настоящее время Генеральный Совет на заседании 7 февраля уполномочил нижеподписавшегося Ф. Э. временно вести корреспонденцию с Испанией и передал ему ваше последнее письмо.

Мы регулярно получали следующие испанские рабочие газеты: барселонскую «La Federacion», мадридскую «La Solidaridad» (до декабря 1870 г.), а также выходящие в Пальме «El Obrero» (до ее закрытия) и с недавнего времени «La Revolucion social» (только первый номер)[163]. Эти газеты держали нас в курсе того, что происходит в рабочем движении Испании; к нашему величайшему удовлетворению, мы убедились, что идеи социальной революции все больше становятся общим достоянием рабочего класса вашей страны.

Без сомнения, пустые декламации старых политических партий привлекали к себе, как вы это указываете, слишком много внимания народа и создавали таким путем значительное препятствие для нашей пропаганды. То же самое происходило

повсюду в первые годы пролетарского движения. Во Франции, в Англии, в Германии социалисты должны были — и до сих пор еще вынуждены — бороться с влиянием и деятельностью старых политических партий — аристократических или буржуазных, монархических или даже республиканских. Опыт показал повсюду, что лучшим средством освободить рабочих от этого господства старых партий было создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику, ясно отличающуюся от политики других партий, так как должна выражать условия освобождения рабочего класса. Детали этой политики могут меняться в зависимости от особых условий каждой страны; но так как основные отношения между трудом и капиталом всюду одни и те же и политическое господство имущих классов над классами эксплуатируемыми существует повсюду, то принципы и цель пролетарской политики будут везде- одни и те же, по крайней мере во всех странах Запада. Имущие классы, земельная аристократия и буржуазия, держат трудящийся народ в рабстве не только могуществом своего богатства, путем одной только эксплуатации труда капиталом, но также и силой государства, при помощи армии, бюрократии, судов. Отречься от борьбы с нашими противниками на политической арене — значило бы отказаться от одного из самых могущественных средств борьбы и в особенности организации и пропаганды. Всеобщее избирательное право дает нам прекрасное средство борьбы. В Германии рабочим, организованным в крепкую политическую партию, удалось послать шесть депутатов в так называемое национальное представительство; и оппозиция, которую наши друзья Бебель и Либкнехт могли там организовать против завоевательной войны, оказала гораздо более могущественное действие в интересах нашей интернациональной пропаганды, чем многолетняя пропаганда, проводившаяся через печать и собрания. В настоящий момент и во Франции только что избраны представители рабочих, и они во всеуслышание провозгласят наши принципы в Национальном собрании. На ближайших выборах то же самое произойдет и в Англии.

Мы с удовольствием узнали, что вы хотите передать нам взносы секций вашей страны; мы примем их с благодарностью. Перешлите их, пожалуйста, в виде аккредитива на какого-нибудь лондонского банкира, в распоряжение Джона Уэстона, нашего казначея, заказным письмом на имя нижеподписавшегося, либо по адресу: Лондон, 256, Хай Холборн (местопребывание нашего Совета), либо по месту моего жительства: 122, Риджентс-парк-род.

Мы ожидаем также с большим интересом статистических сведений о вашей Федерации, которые вы нам обещали прислать.

Что касается конгресса Интернационала, то до тех пор, пока продолжается настоящая война, о созыве его нечего и думать. Но если мир будет вскоре восстановлен, что весьма вероятно, Совет немедленно займется этим важным вопросом *и* примет во внимание ваше дружеское предложение созвать конгресс в Барселоне.

У нас еще нет секций в Португалии; может быть, вам было бы легче, чем нам, установить связи с рабочими этой страны. Если это так, будьте добры написать нам снова по этому поводу. Мы думаем также, что было бы лучше, по крайней мере для начала, если бы связи с печатниками Буэнос-Айреса завязали вы, с тем чтобы впоследствии уведомить нас о достигнутых результатах. А пока вы окажете нам любезную и полезную для дела услугу, если вышлете нам номер «Anales de la Sociedad tipografica de Buenos Aires»[164], чтобы мы могли с ним ознакомиться.

Во всех других странах интернациональное движение продолжает развиваться, несмотря на все препятствия. В Англии центральные советы профессиональных союзов (Trades' Councils) Бирмингема и Манчестера только что непосредственно присоединились к нашему Товариществу, а через них и рабочие двух самых значительных промышленных городов этой страны. В Германии мы подвергаемся в данный момент таким же преследованиям со стороны властей, каким год тому назад нас подвергал Луи Бонапарт во Франции. Наши немецкие друзья, из которых больше пятидесяти находятся в тюрьме, в буквальном смысле страдают за дело Интернационала; их арестовали и преследуют за то, что они всеми силами противодействовали завоевательной политике и требовали, чтобы германский народ братался с французским. В Австрии тоже много наших друзей было заключено в тюрьму, но движение, тем не менее, развивается. Во Франции наши секции повсюду являлись душой и оплотом сопротивления вторжению; они захватили местную власть в больших южных городах, и если Лион, Марсель, Бордо, Тулуза развили небывалую энергию, то только благодаря усилиям членов Интернационала. В Бельгии у нас сильная организация; наши бельгийские секции только что торжественно провели свой VI национальный съезд. В Швейцарии раздоры, возникшие между нашими секциями, некоторое время тому назад, по-видимому, начинают утихать. Из Америки мы получили сообщения о присоединении новых секций, французских, немецких и чешских (богемских),

и, кроме того, мы продолжаем поддерживать братские отношения с крупной организацией американских рабочих — Рабочим союзом (Labor League)[165].

В надежде вскоре получить новые сведения от вас шлем вам наш братский привет.

От имени Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих

Ф. Э.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVI, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РОССИИ [166]

РЕДАКТОРУ «PALL MALL GAZETTE»

Милостивый государь!

Английское правительство заявляет, что ему ничего не известно о союзе между Россией и Пруссией. В Германии же никто не подвергает сомнению существование такого союза; напротив, пруссофильская печать торжествует по этому поводу, в то время как антипрусские газеты негодуют. Одна из них «Volksstaat» полагает, что своим отрицанием союза г-н Гладстон хотел только намекнуть на то, что это договор не о союзе, а скорее о вассальной зависимости, и в данном случае он прав. Действительно, обмен телеграммами между Версалем и Петербургом — между «до гроба Вашим Вильгельмом» и его более сдержанным племянником Александром — не оставляет больше никакого сомнения в характере отношений между двумя теперешними крупными военными монархиями континента. Телеграммы эти были, кстати, прежде всего опубликованы в «Journal de St.-Pétersbourg»[167]; и не менее знаменательным является тот факт, что немецкая пресса не воспроизвела полностью их содержание, причем в особенности замалчивалось уверение императора Вильгельма в его преданности до гроба. Во всяком случае полный текст переписки не допускает никакого сомнения в том, что император Вильгельм хочет выразить, как глубоко он чувствует себя обязанным по отношению к России и насколько готов, в свою очередь, предоставить свои услуги в ее распоряжение. Так как императору больше семидесяти лет, а настроения у его вероятного наследника* вызывают сомнения, то у России безусловно

* — кронпринца Фридриха-Вильгельма. *Ред.*

имеются достаточно серьезные мотивы ковать железо пока горячо.

А к тому же и внутреннее положение в России далеко не удовлетворительно. Финансы почти безнадежно расстроены; особая форма, в которой было проведено освобождение крепостных и связанные с ним другие социальные и политические перемены, расстроила сельскохозяйственное производство почти до невероятной степени. Полумеры либерального характера. которые правительство то жаловало, то отменяло, то вновь к ним возвращалось, предоставили образованным классам достаточный простор, чтобы создать определенное общественное мнение; а это общественное мнение по всем пунктам расходится с тем курсом внешней политики, которому настоящее правительство, по-видимому, до сих пор следовало. Общественное мнение в России по существу имеет ярко выраженный панславистский характер, а это значит, что оно настроено враждебно к трем крупным «угнетателям» славянской расы: немцам, венграм и туркам. Союз с Пруссией для него так же неприемлем, как был бы неприемлем союз с Австрией или Турцией. Кроме того, оно требует немедленных военных действий в духе панславизма. Бесшумные, медленные, но исключительно осмотрительные и безошибочные тайные действия традиционной русской дипломатии жестоко испытывают его терпение. Как бы ни были значительны сами по себе успехи, достигнутые на конференции[168], их ни во что не ставят русские панслависты. Они слышат только «вопли страдания» своих угнетенных братьев по крови; они ничего так сильно не чувствуют, как необходимость восстановить потерянное верховенство святой Руси мощным ударом, завоевательной войной. Кроме того, им известно, что предполагаемый наследник престола[*] принадлежит к числу их единомышленников. Если же принять все это во внимание, а также и то, что строительство больших стратегических железных дорог в южном и юго-западном направлении находится уже в такой стадии, что они могут эффективно служить целям наступления против Австрии или Турции или против сразу обеих этих стран, то разве это не могучий стимул для русскою правительства и лично для императора Александра, чтобы применить старый бонапартистский способ и, пока союз с Пруссией все еще кажется надежным, временно избежать затруднений внутри страны с помощью внешней войны?

В такой обстановке новый русский заем в двенадцать миллионов фунтов стерлингов приобретает совсем особое значение.

[*] — цесаревич Александр, будущий император Александр III. *Ред.*

Правда, на фондовой бирже распространялся патриотический протест, — по слухам, он был без подписей и, по-видимому, так без подписей и остался. — но говорят, что заем размещен больше, чем на установленную сумму. Для каких целей, наряду с некоторыми другими, должны быть использованы эти двенадцать миллионов, нам сообщает штеттинская «Ostsee-Zeitung»[169], газета, не только располагавшая в течение многих лет наилучшей информацией о русских делах, но и обладавшая достаточной самостоятельностью, чтобы ее публиковать. По словам петербургского корреспондента этой газеты (сообщение от 4 марта по новому стилю), русские военные власти в результате франко-прусской войны убедились, что система фортификации, которой до сих пор придерживались при сооружении русских крепостей, является совершенно непригодной, и военное министерство уже разработало план необходимых изменений.

«Как сообщают, новая система, основанная на сооружении отдельных фортов, должна быть прежде всего применена в наиболее важных пограничных крепостях, к реконструкции которых следует приступить немедленно. Отдельными фортами должны быть прежде всего обеспечены крепости Брест-Литовск, Демблии и Модлин».

Но Брест-Литовск, Демблин (или Ивангород) и Модлин (или Новогеоргиевск, согласно его официальному русскому названию) являются именно теми тремя крепостями, которые, имея в центре Варшаву, господствуют над большей частью Царства Польского; а Варшава не получает ныне отдельных фортов по той простой причине, что она имеет их уже в течение многих лет. Итак, Россия, не теряя времени, укрепляет свою власть над Польшей и усиливает свою операционную базу против Австрии, а поспешность, с которой это проводится, не предвещает ничего хорошего для мира в Европе.

Пока все это можно называть чисто оборонительными вооружениями. Но корреспондент, о котором идет речь, продолжает:

«Военные приготовления в России, начавшиеся, когда вспыхнула франко-прусская война, продолжаются с неослабевающим рвением. Недавно военное министерство издало приказ о формировании четвертых батальонов. Выполнение этого приказа уже началось во всех полках, включая полки, находящиеся в Царстве Польском. Уже организованы команды, предназначенные для несения службы на железных дорогах и телеграфе во время войны, а также санитарные роты. Людей усиленно тренируют и обучают различным видам службы, а в санитарных ротах учат даже тому, как накладывать первые повязки раненым, как останавливать кровотечение и как приводить в чувство людей, потерявших сознание».

По штатам мирного времени пехотные полки почти во всех больших армиях на континенте состоят из трех батальонов, и первый шаг, несомненно служащий для перехода от штатов мирного времени к штатам военного, — это формирование четвертых батальонов. В день объявления войны Луи-Наполеон также издал приказ о формировании четвертых батальонов. Их формирование было первым шагом, предпринятым в Пруссии после получения приказа о мобилизации. Точно так же обстоит дело и в Австрии и в России. Как бы ни истолковывалась внезапно обнаружившаяся потребность в отдельных фортах для польских крепостей и не менее внезапная empressement*, с которой в русскую армию вводятся прусские Krankentrager**, а также команды для железнодорожной и телеграфной службы (в стране, где и железные дороги и телеграфные линии довольно редки), это обстоятельство — формирование четвертых батальонов — служит явным признаком того, что Россия фактически перешла ту грань, которая отделяет мирное положение от военного. Никто не может подумать, что Россия предприняла этот шаг без определенной цели; а если этот шаг что-нибудь означает, то лишь нападение на кого-то. Быть может этим и объясняется, зачем понадобились эти двенадцать миллионов фунтов стерлингов.

Ваш и пр.

Э.

Написано Ф. Энгельсом около 15 марта 1871 г.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette» № 1900, 16 марта 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — поспешность, рвение. *Ред.*

** — санитары. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES» [170]

Милостивый государь!

В Вашей газете от 16 марта Ваш парижский корреспондент сообщает:

«Карл Маркс ... написал одному из своих главных приверженцев в Париже письмо, где заявляет, что он недоволен позицией которую заняли члены этого общества» (Интернационала) «в этом городе и т. д.».

Ваш корреспондент, по-видимому, заимствовал это сообщение из «Paris-Journal» от 14 марта, где было также обещано опубликовать полностью это приписываемое мне письмо. В «Pans-Journal» от 19 марта действительно приводится письмо, помеченное: Лондон, 28 февраля 1871 г., и якобы подписанное мной, содержание которого совпадает с сообщением Вашего корреспондента. Я должен заявить, что письмо это от начала до конца является наглой подделкой.

Проект письма составлен Ф. Энгельсом
21 марта 1871 г.

Напечатано в газете «The Times» № 27017,
22 марта 1871 г. в форме изложения
письма К. Маркса

Печатается по черновой рукописи
Ф. Энгельса

Перевод с английского

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИИ «TIMES» И ДРУГИХ ГАЗЕТ [171]

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES»

Милостивый государь!

Я уполномочен Генеральным Советом Международного Товарищества Рабочих обратиться к Вам с просьбой опубликовать на страницах Вашей газеты следующее заявление:

Английскую печать обошло сообщение, будто парижские члены Международного Товарищества Рабочих действуют в духе Антинемецкой лиги и так далеко зашли в этом, что исключили всех немцев из Интернационала.

Это сообщение находится в вопиющем противоречии с фактами. Ни Федеральный совет нашего Товарищества в Париже, ни какая-либо из парижских секций, представляемых им, никогда и не думали принимать подобное решение. Так называемая Антинемецкая лига, поскольку она вообще существует, есть дело рук исключительно аристократии и буржуазии. Она возникла по инициативе Жокей-клуба[172] и продолжала существовать благодаря поддержке, оказываемой ей Академией, биржей, некоторыми банкирами и фабрикантами и т. д. Рабочий класс никогда не имел к ней никакого отношения.

Цель этой клеветы очевидна. Незадолго до начала последней войны Интернационал пытались превратить в козла отпущения, возлагая на него ответственность за все неприятные события. Та же тактика снова повторяется и теперь. Так, например, в то время как швейцарские и прусские газеты объявляют его виновником недавних надругательств над немцами в Цюрихе[173], французские газеты вроде «Courrier de Lyon», «Courrier de la Gironde», «Liberte»[174] и т. д. сообщают о каких-то тайных

собраниях членов Интернационала в Женеве и Берне, происходивших под председательством прусского посла; на этих собраниях был якобы состряпан план овладения Лионом с целью совместного разграбления его объединившимися пруссаками и членами Интернационала.

Уважающий Вас

И. Георг Эккариус,

генеральный секретарь

Международного Товарищества Рабочих

256, Хай Холборн, 22 марта

Написано К. Марксом 21 марта 1871 г.

Напечатано в газете «The Times» № 27018, 23 марта 1871 г., а также в газете «The Eastern Post» № 130, 25 марта 1871 г. и в ряде других органов Интернационала

Печатается по тексту газеты «The Times», сверенному с текстом протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

№ 26. Mittwoch, den 29. März. 1871.

Erscheint wöchentlich 2 mal in Leipzig.

Bestellungen nehmen alle Postanstalten und Buchhandlungen des In- und Auslandes an.

Für Leipzig nehmen Bestellungen an: A. Bebel, Petersstraße 18, F. Thiele, Emilienstraße 2.

Der Volksstaat

Abonnementspreis

Für Preußen incl. Stempelsteuer 15 Ngr., für die übrigen deutschen Staaten 12 Ngr. per Quartal

Agent für London A. Duensing Foreign Bookseller, Librarian and Newsagent, 8, Little Newport Street Leicester Square, W C

Filialexpedition für die Verein. Staaten: F. A. Sorge, Box 101 Hoboken N. J. via Newyork

Organ der sozial-demokratischen Arbeiterpartei und der Internationalen Gewerksgenossenschaften.

К. МАРКС

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «VOLKSSTAAT» [175]

«Paris-Journal», один из наиболее преуспевающих органов парижской полицейской прессы, опубликовал в номере от 14 марта статью под сенсационным заголовком: «Le Grand Chef de L'Internationale»* («Grand Chef» — это, вероятно, французский перевод штиберовского «Haupt-Chef»[176].

«Он», — так начинается статья, — «как известно, немец и, что еще хуже, пруссак. Зовут его Карл Маркс, живет он в *Берлине»* и т. д. «И что же! Этот Карл Маркс недоволен поведением французских членов *Интернационала.* Уже одно это характеризует его. Он находит, что они бесконечно много занимаются политикой и недостаточно — социальными вопросами. Таково его убеждение, и он только что весьма определенно формулировал его в письме к своему собрату и другу, гражданину *Серрайе,* одному из парижских первосвященников *Интернационала.* Карл Маркс просит французских членов Интернационала и в особенности парижан не упускать из виду, что их общество имеет одну единственную цель: организацию труда и будущее рабочих обществ. Но вместо того чтобы организовать труд, они дезорганизуют его, и он считает нужным внушить преступникам уважение к Уставу Товарищества. Мы заявляем, что располагаем возможностью опубликовать это достопримечательное письмо г-на Карла Маркса, как только оно будет сообщено членам *Интернационала».*

В номере от 19 марта «Paris-Journal» действительно поместил письмо, якобы подписанное мной: оно тотчас же было перепечатано всей парижской реакционной прессой, а затем проникло и в лондонские газеты. Но тем временем «Paris-Journal» пронюхал, что я проживаю в *Лондоне,* а не в *Берлине.* Поэтому на сей раз, в противоречии с его первым сообщением, письмо помечено Лондоном. Эта запоздалая поправка страдает, однако,

* — «Верховный глава Интернационала». *Ред.*

тем пороком, что заставляет меня переписываться с моим другом Серрайе, находящимся в Лондоне, окольным путем через Париж. Письмо, как я уже заявил в «Times»*, от начала до конца является наглой *подделкой.*

Тот же «Paris-Journal» и другие парижские органы «добропорядочной печати» распространили слух, что Парижский федеральный совет *Интернационала* якобы принял выходящее за пределы его компетенции решение об исключении немцев из Международного Товарищества Рабочих. Лондонские ежедневные газеты поспешно подхватили эту приятную для них новость и со злорадством стали расписывать в своих передовицах о совершившемся, наконец, самоубийстве *Интернационала.* К огорчению для них, «Times» приводит сегодня следующее заявление *Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих**:*

«Английскую печать обошло сообщение, будто парижские члены Международного Товарищества Рабочих, действуя в духе *Антинемецкой лиги,* объявили об исключении всех немцев из *Интернационала.* Это сообщение находится в вопиющем противоречии с фактами. Ни Федеральный совет нашего Товарищества в Париже, ни какая-либо из парижских секций, представляемых им, никогда и не думали принимать подобное решение. Так называемая Антинемецкая лига, поскольку она вообще существует, есть дело рук исключительно аристократии и буржуазии. Она возникла по инициативе Жокей-клуба и продолжала существовать благодаря поддержке, оказываемой ей Академией, биржей, некоторыми банкирами и фабрикантами и т. д. Рабочий класс никогда не имел к ней никакого отношения.

Цель этой клеветы очевидна. Незадолго до начала последней войны *Интернационал* пытались превратить в козла отпущения, возлагая на него ответственность за все неприятные события. Та же тактика снова повторяется и теперь. Так, например, в то время как швейцарские и прусские газеты объявляют его виновником надругательств над немцами в Цюрихе, французские газеты вроде «Courrier de Lyon», «Courrier de la Gironde», парижской «Liberté» и т. д. сообщают о каких-то тайных собраниях *«членов Интернационала»* в *Женеве* и *Берне,* происходивших *под председательством прусского посла;* на этих собраниях был якобы состряпан план овладения *Лионом* с целью совместного разграбления его объединившимися пруссаками и членами Интернационала».

---

* См. настоящий том, стр. 298. *Ред.*

* См. настоящий том, стр. 299—300. *Ред.*

Таково заявление Генерального Совета. Вполне естественно, что высокопоставленные лица и господствующие классы старого общества, которые могут продолжать удерживать свою власть и эксплуатировать народные массы, занимающиеся производительным трудом, лишь посредством *национальной* борьбы и *национальных* противоречий, видят в *Международном Товариществе Рабочих* своего общего врага. Чтобы уничтожить его, *все* средства хороши.

Лондон, 23 марта 1871 г.

Карл Маркс,
секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих
для Германии

Напечатано в газетах «Der Volksstaat» № 26, 29 марта 1871 г., «L'Egalite» (с сокращениями) № 6, 31 марта, 1871 г. и в журнале «Der Vorbote» № 4, 23 апреля 1871 г.

Печатается по тексту газеты «Der Volksstaat»

Перевод с немецкого

К. МАРКС

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «DE WERKER» [177]

Лондон, 31 марта 1871 г.

Граждане!

Так называемое мое письмо парижским членам Интернационала является, — как я уже заявил в «Times» от 22 марта*, — всего лишь фальшивкой, сфабрикованной «Paris-Journal», одной из тех бульварных газет, которые были взращены в клоаках империи. Впрочем, и все органы европейской «добропорядочной печати», по-видимому, получили директиву прибегать к *подлогу,* как к сильнейшему оружию против Интернационала. В глазах этих честных поборников религии, порядка, семьи и собственности преступление, именуемое *подлогом,* не представляет собой ничего предосудительного.

Привет и братство

Карл Маркс

Напечатано в газете «De Werker» № 23, 8 апреля 1871 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом газеты

Перевод с французского

---

* См. настоящий том, стр. 298. *Ред.*

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES» [178]

Милостивый государь!

Разрешите мне снова использовать страницы Вашей газеты для опровержения получившей широкое распространение лжи.

В телеграмме из Парижа от 30 марта приводится выдержка из газеты «Gaulois»[179]; эта выдержка под сенсационным заголовком: «Утверждают, что парижская революция организована из Лондона» украшала лондонские газеты в прошлую субботу. По-видимому, газета «Gaulois», которая успешно соперничала во время последней войны с «Figaro»[180] и «Paris-Journal» в изготовлении мюнхаузиад, сделавших парижскую petite presse* притчей во языцех во всем мире, более чем когда-либо убеждена, что падкая до новостей публика всегда будет придерживаться правила: «Credo quia absurdum est»**. Но взялся ли бы сам барон Мюнхаузен организовать в Лондоне «в начале февраля», когда г-н Тьер еще не занимал никакого официального поста, «восстание 18 марта», вызванное попыткой того же г-на Тьера разоружить парижскую национальную гвардию? Газета «Gaulois», не довольствуясь тем, что она отправила гг. Асси и Бланки в вымышленное путешествие в Лондон, чтобы там на тайном совещании они организовали вместе со мной заговор, причисляет к участникам этого совещания еще две вымышленные фигуры — некоего «Бентини, генерального агента для Италии» и некоего «Дермотта, генерального агента для Англии». «Gaulois» также милостиво утверждает меня в звании «верховного главы Интернационала»,

* — бульварную прессу. *Ред.*

** — «Верую, ибо это нелепо» (слова, приписываемые христианскому писателю конца II — начала III века Тертуллиану). *Ред.*

первоначально дарованного мне газетой «Paris-Journal». Боюсь, что, вопреки этим двум достопочтенным органам, Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих будет по-прежнему делать свое дело, не обременяя себя ни «главой», ни «президентом».

Имею честь, милостивый государь, быть Вашим покорнейшим слугой.

Карл Маркс

Лондон, 3 апреля

Напечатано в газетах «The Times» № 27028, 4 апреля 1871 г. и «The Daily News» № 7780, 6 апреля 1871 г.

Печатается по тексту газеты «The Times»

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* О ЗАБАСТОВКЕ РАБОЧИХ-СИГАРОЧНИКОВ АНТВЕРПЕНА [181]

В Антверпене 500 рабочих-сигарочников остались без работы. Фабриканты поставили их перед выбором: либо распустить их профессиональный союз (принадлежащий к Международному Товариществу Рабочих), либо подвергнуться увольнению. Все рабочие без исключения решительно отвергли это несправедливое требование, а фабриканты закрыли свои предприятия.

В кассе рабочих имеется 6000 франков (1600 талеров); они уже установили связь с рабочими-сигарочниками Голландии и Англии, и всякому притоку рабочих оттуда поставлена преграда. Из Англии они получат довольно значительную денежную поддержку; 176 ф. ст. (1200 талеров) уже отправлены; помощь будет обеспечена и в дальнейшем. Впрочем, антверпенцы просят только *ссуду,* заявляя, что они в состоянии возместить всякую оказанную им помощь. Если немецкие рабочие-сигарочники или другие профессиональные союзы в состоянии оказать поддержку своим антверпенским братьям, то надо надеяться, что они не преминут сделать это. Деньги следует направлять по адресу: *Ф. Кёнену,* Бомгардс-страт 3, Антверпен. Немецкие рабочие-сигарочники, во всяком случае ваш долг — воспрепятствовать какой-либо вербовке среди вас рабочих в Антверпен, пока фабриканты настаивают там на своих требованиях.

Написано Ф. Энгельсом 5 апреля 1871 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 30, 12 апреля 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ТОЛЕНА [182]

Принимая во внимание, что на утверждение Генерального Совета поступила резолюция Федерального совета парижских секций об исключении гражданина Толена из Товарищества за то, что этот гражданин, будучи избранным в Национальное собрание в качестве представителя рабочего класса, самым подлым образом предал дело рабочего класса;

принимая во внимание, что место каждого французского члена Международного Товарищества Рабочих бесспорно в рядах Парижской Коммуны, а не в узурпаторском и контрреволюционном Версальском собрании, —

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих утверждает резолюцию Парижского федерального совета и объявляет гражданина Толена исключенным из Международного Товарищества Рабочих.

Генеральный Совет не имел возможности принять меры по данному вопросу раньше, так как он получил подлинный текст упомянутой резолюции Парижского федерального совета только 25 апреля.

Внесено 25 апреля 1871 г.

Напечатано в газетах «The Eastern Post» № 135, 29 апреля 1871 г., «L'Internationale» № 122, 14 мая 1871 г., «Der Yolksstaat» № 42, 24 мая 1871 г.

Печатается по тексту рукописи, сверенному с текстом газет

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЕЩЕ РАЗ «ГОСПОДИН ФОГТ» [183]

Со времени аугсбургской кампании 1859 г., в результате которой г-н Фогт был так жестоко побит[184], он, по-видимому, пресытился политикой. Со всей энергией он принялся за естественные науки, в которых, по его собственным словам, он совершил еще прежде «поразительные» открытия. Так, в то же самое время, когда Кюхенмейстер и Лейкарт выяснили в высшей степени сложный процесс развития кишечных червей и тем действительно достигли крупного успеха в науке, г-н Фогт сделал поразительное открытие, что кишечные черви разделяются на два класса: круглых, которые круглы, и плоских, которые плоски. Теперь к этому великому достижению он прибавил новое, еще более великое. Обнаружение большого количества ископаемых костей человека доисторических времен сделало модным сравнительное изучение черепов различных человеческих рас. Ученые измеряли черепа по всем направлениям, сравнивали их, спорили, но не приходили ни к какому результату, пока, наконец, Фогт, с обычной уверенностью в триумфе, не возвестил о решении загадки, заключающемся в том, что все человеческие черепа разделяются на два класса: на такие, которые продолговаты (длинноголовые, долихоцефалы), и на такие, которые кругловаты (короткоголовые, брахицефалы). Чего не могли сделать в течение многих лет упорного труда самые наблюдательные и трудолюбивые исследователи, то сделал Фогт с помощью простого применения своего червячного принципа. Если к этим поразительным открытиям прибавить еще открытие одного нового вида в области политической зоологии, именно открытие «серной банды»[185], то и самый требовательный человек

вынужден будет признать, что трудов Фогта на один человеческий век вполне достаточно.

Но великий, дух нашего Фогта не знает покоя. Политика сохранила неотразимую прелесть для этого человека, который даже и в пивных творил великие дела. Побои, полученные anno[*] 1860, были благополучно забыты, книги Маркса «Господин Фогт» не было больше в продаже, все неприятные истории давно быльем поросли. Под гром аплодисментов немецких филистеров наш Фогт совершал лекционные поездки, важно восседал на всех собраниях естествоиспытателей, на конгрессах этнографов и антикваров и втерся в среду действительно крупных ученых. Он мог, следовательно, снова считать, что выглядит человеком более или менее «порядочным» и вообразить себя призванным натаскивать немецких филистеров в политике так же, как он натаскивал их в естественнонаучных вопросах. Совершались крупные события. Наполеон Малый[186] капитулировал при Седане, пруссаки стояли под Парижем, Бисмарк требовал Эльзас и Лотарингию. Настала самая пора Фогту сказать свое веское слово.

Слово это имеет заглавие: «Политические письма Карла Фогта Фридриху Кольбу», Биль, 1870. Сюда входит двенадцать писем, появившихся первоначально в венской «Tages-Presse» и перепечатанных, кроме того, в фогтовском «Moniteur» — бильском «Handels-Courier»[187]. Фогт высказывается против аннексии Эльзаса и Лотарингии и против опруссачения Германии и его страшно злит, что в данном случае ему приходится идти прямо по стопам ненавистных социал-демократов, то есть «серной банды». Было бы излишне излагать в целом содержание брошюры, ибо совершенно неинтересно, что думает какой-то Фогт о подобных вещах. К тому же аргументы, приводимые им, — всего лишь обыкновеннейшие аргументы, которые употребляются филистерами, болтающими о политике за кружкой пива, с той лишь разницей, что на этот раз Фогт отражает взгляды швейцарских, а не немецких филистеров. Нас интересует только привлекательная личность самого г-на Фогта, проделывающая свои разнообразные повороты и превращения.

Итак, берем брошюру Фогта и кладем с нею рядом его «Исследования о современном положении Европы» (1859 г.)[188] — злополучную книгу, причинившую ему столь тяжкие и столь продолжительные страдания. Мы видим, что при всем духовном родстве, при совершенно одинаковой стилистической неряшливости (на стр. 10 Фогт пишет о своих «взглядах», приобретенных «собственными ушами», каковые у него, должно быть, совсем

[*] — в лето. *Ред.*

особенные[*]), — мы видим, что при всем этом г-н Фогт говорит теперь как раз противоположное тому, что он проповедовал одиннадцать лет тому назад. «Исследования» имели целью убедить немецкого филистера в том, что Германии нет никакого расчета вмешиваться в войну, которую Луи Бонапарт замышлял тогда против Австрии. Для этой цели Луи Бонапарта нужно было изобразить «человеком, ниспосланным роком» в качестве освободителя народов; нужно было защитить его от обычных нападок республиканцев и даже некоторых буржуазных либералов. Мнимый республиканец Фогт пошел и на это; он сделал это, хотя и с весьма кисло-сладкой миной и с таким видом, будто у него колики в животе. Злые языки и люди из «серной банды» утверждали, что бравый Фогт только потому подвергал себя всем этим неприятностям и прибегал к этим гримасам, что он получил от Бонапарта то, что англичане называют «consideration»[**], а именно — получил наличными. Всплыли наружу разные подозрительные вещи. Фогт предлагал различным лицам деньги, если они согласятся выступать в печати в его духе, то есть восхвалять народоосвободительные намерения Луи Бонапарта. Г-н Брасс, высокие добродетели которого, с тех пор как он руководит «Norddeutsche Allgemeine Zeitung»[189], как известно, вне всяких сомнений, даже г-н Брасс и тот публично «отверг французское кормовое корыто, которое хотел подставить ему Фогт». Но мы не будем распространяться об этих неприятных историях и предположим пока, что и колики в животе и гримасы — все это у Фогта наследственное, от рождения. Но с тех пор, как стряслась беда в Седане, с Фогтом произошла полная перемена. О самом французском императоре — «освободителе народов» — он еще говорит несколько сдержанно. О нем он только пишет:

«революция уже стояла за его спиной. Если бы даже война не разразилась, империи все же не удалось бы встретить новый, 1871, год в Тюильри» (стр. 1).

Но его жена! Послушаем:

«Несомненно, если бы Евгения победила (ведь эта необразованная испанка, не умеющая даже грамотно писать, ведет или, вернее, вела войну, имея за собой целый драконов хвост фанатичных попов и сельского населения), если бы Евгения победила, то положение сразу сделалось бы еще более ужасным», чем после прусских побед и т. д.

Итак, победа французов в 1859 г. над австрийцами означала победу «освободителя народов» Бонапарта; победа же французов

[*] Игра слов: «eigene» — «собственные», а также «особенные». *Ред.*

[**] — компенсацией, вознаграждением за труды. *Ред.*

в 1870 г. над пруссаками означала бы победу полуграмотной Евгении с ее драконовым хвостом. Прогресс очевиден.

Еще более достается драконову хвосту Луи Бонапарта, ибо теперь оказывается, что и у него имеется таковой. Уже на второй странице идет речь об «ужасном мотовстве империи». На странице 16 мы читаем о «сброде, стоявшем во главе императорской армии и администрации». Это мотовство и этот сброд процветали уже в 1859 г. и даже много раньше; Фогт, совсем не замечавший их тогда, теперь видит их совершенно отчетливо. Опять-таки прогресс. Но это еще не все. Если Фогт и не ругает прямо своего прежнего «освободителя», то он все-таки не может не привести выдержки из письма одного французского ученого, где говорится:

«Если вы имеете какое-либо влияние, то постарайтесь избавить нас от величайшего бесчестия — celle de ramener l'infame» (то есть от возвращения *бесчестного* — Луи Бонапарта). «Лучше Генрих V, Орлеаны, какой-нибудь Гогенцоллерн, кто угодно, но только не этот *коронованный злодей, отравлявший все, к чему он прикасался»* (стр. 13).

Однако как ни плохи бывший император и его полуграмотная супруга вместе с их драконовыми хвостами, все же Фогт утешает нас тем, что есть в этой семье все же один человек, составляющий исключение, — принц Наполеон, более известный под именем Плон-Плона. По словам Фогта (на стр. 33), Плон-Плон говорил самому Фогту, что «он перестал бы уважать южных немцев, если бы они поступили иначе» (то есть если бы они не пошли вместе с пруссаками против французов), что он был уверен в несчастном исходе войны и ни от кого этого не скрывал. Кто же теперь упрекнет еще Фогта в неблагодарности? Разве не трогательно видеть, как он, «республиканец», по-братски протягивает руку помощи «принцу» даже и в дни невзгод и выдает ему свидетельство, на которое принц может сослаться в том случае, если когда-нибудь будет объявлен конкурс на замещение места «бесчестного»?

О России и русской политике в «Исследованиях» говорится не иначе, как в хвалебном тоне; эта империя с момента отмены крепостного права явилась бы «скорее другом, чем врагом освободительного движения»; для Польши было бы лучше всего слиться с Россией (что и доказало польское восстание 1863 года!), — и Фогт находил вполне естественным, что Россия

«представляет собой то крепкое ядро, вокруг которого все более и более стремятся группироваться славянские народности».

То, что тогда, в 1859 г., русская политика шла рука об руку с политикой Луи-Наполеона, было, конечно, в глазах Фогта огромной заслугой. Теперь все переменилось, теперь мы читаем:

«Я ни минуты не сомневаюсь в том, что надвигается конфликт между славянским и германским миром... и что Россия в этом конфликте будет возглавлять одну из сторон» (стр. 30, 31).

Далее указывается, что после аннексии Эльзаса Германией Франция немедленно встанет в этом конфликте на сторону славян и даже постарается насколько возможно ускорить возникновение этого конфликта, чтобы возвратить себе Эльзас; таким образом, тот же самый франко-русский союз, который в 1859 г. явился бы де счастьем для Германии, выставляется теперь перед ней в виде пугала и страшного призрака. Но Фогт знает своего немецкого филистера. Он знает, что может преподнести ему что угодно, не смущаясь никакими противоречиями. Мы только невольно спрашиваем: почему же одиннадцать лет тому назад Фогт имел бесстыдство трубить, что союз России с бонапартистской Францией является якобы лучшей гарантией свободного развития Германии и Европы?

А Пруссия! В «Исследованиях» Пруссии ясно давалось понять, что она должна косвенно поддержать замыслы Луи-Наполеона против Австрии, ограничиться защитой территории Германского союза и затем, «во время будущих мирных переговоров получить свое вознаграждение в Северо-Германской низменности». Границы будущего Северогерманского союза — Рудные горы, Майн и море — уже тогда выставлялись в виде приманки для Пруссии. В послесловии ко второму изданию, появившемуся во время Итальянской войны, в момент, когда бонапартистам приходилось плохо и нельзя было более терять время на увертки и болтовню, Фогт говорит уже без обиняков: он убеждает Пруссию начать в Германии гражданскую войну для создания единой центральной власти, для поглощения Пруссией всей Германии. Для такого объединения Германии, утверждает он, потребуется меньше недель, чем потребуется месяцев для войны в Италии. И вот, ровно семь лет спустя, и опять-таки в согласии с Луи-Наполеоном, Пруссия действует в точном соответствии с бонапартистскими наущениями, которые словно попугай повторил Фогт; она бросается в междоусобную войну, раздобывает пока что себе вознаграждение в Северо-Германской низменности, создает, — по крайней мере, для Севера, — единую центральную власть. А как же г-н Фогт? Г-н Фогт теперь вдруг начинает сетовать на то, что «война 1870 года была необходимым, неизбежным следствием войны 1866 года!» (стр. 1). Он жалуется на ненасытную завоевательную политику Пруссии, которая всегда «набрасывалась на подвернувшуюся добычу, как акула на кусок сала» (стр. 20).

«Никогда и нигде, — пишет он, — не видал я государства и народа, которые бы более заслуживали этого названия» (разбойничье государство), «чем Пруссия» (стр. 35).

Он оплакивает поглощение Германии Пруссией как величайшее несчастье, какое только могло постигнуть Германию и Европу (восьмое и девятое письма). Вот что вышло из того, что Бисмарк последовал совету Фогта, и вот что получилось из того, что Фогт подал совет Бисмарку.

Тем не менее до сих пор все, казалось, шло еще хорошо для нашего Фогта. Старые темные делишки действительно изгладились из памяти филистеров, «Исследования» были совершенно забыты; Фогт снова мог выдавать себя за приличного бюргера и порядочного демократа и мог даже немножко потешить свое тщеславие тем, что его «Политические письма» шли вразрез с банальным филистерским течением в Германии. Даже роковое совпадение взглядов Фогта по вопросу об аннексии Эльзаса и Лотарингии со взглядами социал-демократов могло только сделать ему честь: поскольку Фогт не переходил на сторону «серной банды», то отсюда с неизбежностью должно было вытекать, что «банда» пошла за Фогтом! Но вдруг нам попадается на глаза маленькая строчка в недавно опубликованных списках расходов тайных фондов Луи-Наполеона:

«Vogt — il lui a ete remis en Aout 1859... fr. 40000».

«Фогт — ему было выдано в августе 1859 г. 40000 франков»[190].

Фогт? Какой это Фогт? Какое несчастье для Фогта, что при этом не сделано более точного указания! Конечно, если бы здесь было написано: профессор Карл Фогт из Женевы, улица и номер дома такие-то, то Фогт мог бы сказать: «Это не я, это мой брат, моя жена, мой старший сын, кто угодно — только не я». А то просто «Фогт»! Фогт без примет, без имени, без адреса — это может быть только один Фогт, всемирно известный ученый, великий первооткрыватель круглых и плоских кишечных червей, продолговатых и коротких черепов, а также «серной банды», человек, реноме которого так хорошо известно даже полицейским, распоряжавшимся тайным фондом, что по отношению к нему было бы излишне всякое более точное обозначение! А затем, разве существует какой-нибудь другой Фогт, оказавший в 1859 г. такие услуги бонапартистскому правительству, что оно в августе этого года *(а Фогт как раз в то время был в Париже)* заплатило ему за них 40000 франков? Что именно Вы оказали такие услуги, г-н Фогт, это достоверно известно; доказательством тому служат Ваши «Исследования»; первое издание этих «Исследований» появилось весной, второе — летом; Вы

сами признали, что с 1 апреля 1859 г. до лета Вы предлагали многим лицам за обещанную Вами плату действовать в бонапартистских интересах; *в августе 1859 г., после окончания войны, Вы были в Париже.* И после всего этого мы должны верить, что прямообозначенный «Фогт», которому Бонапарт распорядился уплатить в августе 1859 г. 40000 франков, — какой-то другой, никому не известный Фогт? Это немыслимо. Клянемся всеми круглыми и плоскими кишечными червями: пока Вы не докажете нам обратного, мы принуждены думать, что тот Фогт, о котором идет речь, — Вы.

Но, быть может, Вы скажете, что такое утверждение ни на чем не основано, кроме заявления теперешнего французского правительства, то есть коммунаров, или — что то же самое — коммунистов, которые называются также «серной бандой», а кто же поверит таким людям? На это можно ответить, что опубликование «Документов и переписки императорской фамилии» было осуществлено *«правительством национальной обороны»* и является его *официальным* актом, за который оно отвечает. А какого были Вы мнения об этом правительстве, о Жюле Фавре, Трошю и др.?

«Люди, выдвинутые сейчас на первый план», — пишете Вы о них на стр. 52, — «никому не уступят по своему уму, энергии и стойкости убеждений; но они не в состоянии сделать невозможного».

Да, г-н Фогт, невозможного они сделать не могут, но они могли бы, по крайней мере, вычеркнуть Вашу фамилию в благодарность за эту теплую похвалу, так редко выпадавшую на их долю!

Однако, как Вы сами говорите, г-н Фогт, «деньги все же являются эквивалентом того ущерба, который наносится личности индивидуума» (стр. 24); и если Ваша драгоценная личность понесла из-за Ваших политических скачков 1859 года какой-нибудь «ущерб» — надеемся, только моральный, — то, если угодно, утешьтесь «эквивалентом»!

Когда прошлым летом началась военная шумиха, Вы были

«убеждены, что вся эта комедия затеяна французским правительством исключительно для того, чтобы прикрыть чудовищные растраты империи притворными военными приготовлениями. При Луи-Филиппе эту роль выполняли *древоточащие черви:* сверхсметные тайные расходы записывались в счет расходов на лес для флота; при империи древоточащих червей всего земного шара не хватило бы для того, чтобы покрыть все, что было перерасходовано» (стр. 4).

Таким образом, мы снова вернулись к столь любезным Вашему сердцу червям, а именно к древоточащим червям.

К какому классу принадлежат они, к круглым червям или к плоским? Кто может решить эту проблему? Только Вы, г-н Фогт— и Вы действительно ее разрешаете. Как свидетельствует «Переписка и т. д.», Вы сами принадлежите к «древоточащим червям», ибо Вы тоже участвовали в поедании «сверхсметных тайных расходов», причем на сумму в 40000 франков. А что Вы принадлежите к классу *округлых* червей», известно всякому, кто Вас знает.

Написано Ф. Энгельсом 5 мая 1871 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 38, 10 мая 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ

ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [191]

Написано К. Марксом в апреле — мае 1871 г.

Напечатано отдельным изданием в Лондоне в середине июня 1871 г. и в течение 1871—1872 гг. опубликовано в различных странах Европы и в США

Печатается по тексту 3-го английского издания 1871 г., сверенного с текстом немецких изданий 1871 и 1891 гг.

Перевод с английского

THE

CIVIL WAR IN FRANCE.

ADDRESS

OF

THE GENERAL COUNCIL

OF THE

INTERNATIONAL WORKING-MEN'S ASSOCIATION.

THIRD EDITION, REVISED.

Printed and Published for the Council by

EDWARD TRUELOVE, 256, HIGH HOLBORN.

1871.

Price Twopence.

Титульный лист третьего английского издания
«Гражданской войны во Франции»

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ТОВАРИЩЕСТВА В ЕВРОПЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

I

4 сентября 1870 г., когда парижские рабочие провозгласили республику, которую почти тотчас же единодушно приветствовала вся Франция, шайка адвокатов-карьеристов — государственным деятелем ее был Тьер, а генералом был Трошю — завладела городской ратушей. Эти люди были настолько полны тогда фанатической веры в призвание Парижа быть представителем Франции во все времена исторических кризисов, что для оправдания узурпированного ими титула правителей Франции они считали совершенно достаточным предъявить свои потерявшие уже силу мандаты парижских депутатов. В нашем втором воззвании по поводу последней войны, спустя пять дней после возвышения этих людей, мы объяснили вам, кто они такие*. Но Париж, захваченный врасплох, когда действительные вожди рабочих еще были заперты в бонапартовских тюрьмах, а пруссаки уже быстро шли на него, позволил этим людям присвоить себе власть с непременным условием, чтобы они пользовались этой властью исключительно для целей национальной обороны. Защищать Париж можно было, только вооружив его рабочих, образовав из них действительную военную силу, научив их военному искусству на самой войне. Но вооружить Париж значило вооружить революцию. Победа Парижа над прусским агрессором была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами. Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной

---

* См. настоящий том, стр. 280. *Ред.*

обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной измены.

Прежде всего оно отправило Тьера в странствование по всем европейским дворам выпрашивать у них, как милостыню, посредничество, предлагая за это променять республику на короля. Четыре месяца спустя после начала осады Парижа оно сочло, что настал подходящий момент завести речь о капитуляции; Трошю в присутствии Жюля Фавра и других своих коллег обратился к собравшимся парижским мэрам со следующими словами:

«Первый вопрос, который задали мне мои коллеги вечером же 4 сентября, был таков: имеет ли Париж какие-нибудь шансы успешно выдержать осаду прусской армии? Я, не колеблясь, ответил отрицательно. Некоторые из присутствующих здесь моих коллег подтвердят, что я говорю правду и что я постоянно придерживался этого мнения. Я сказал им точно то же, что говорю теперь: при настоящем положении дел попытка Парижа выдержать осаду прусской армии была бы безумием. Несомненно, геройским безумием, — прибавил я, — но все-таки не больше, как безумием... События» (он сам ими управлял) «подтвердили мои предсказания».

Эту прелестную маленькую речь Трошю один из присутствовавших мэров, г-н Корбон, впоследствии опубликовал.

Итак, уже вечером в день провозглашения республики коллеги Трошю знали, что «план» его состоит в капитуляции Парижа. Если бы национальная оборона не была только предлогом для личного господства Тьера, Фавра и К°, то выскочки 4 сентября сложили бы уже 5-го свою власть, сообщили бы «план» Трошю парижскому населению и предложили бы ему или немедленно сдаться, или взять свою судьбу в собственные руки. Вместо этого бесчестные обманщики решили излечить Париж от геройского безумия голодом и кровью, а пока что водили его за нос своими напыщенными манифестами. Трошю, «губернатор Парижа, никогда не капитулирует», — писалось в этих манифестах, — министр иностранных дел Жюль Фавр «не уступит ни одной пяди нашей земли, ни одного камня наших крепостей». А в письме к Гамбетте этот же самый Жюль Фавр признавался, что они «обороняются» не от прусских солдат, а от парижских рабочих. Бонапартистские разбойники, которым предусмотрительный Трошю поручил командование Парижской армией, нагло глумились в своей частной переписке в продолжение всей осады над этой, с позволения сказать, обороной, тайну которой они хорошо знали (смотрите, например, опубликованное в «Journal Officiel» Коммуны письмо командующего артиллерией Парижской армии, кавалера большого креста ордена Почетного

легиона, Адольфа Симона Гио к артиллерийскому дивизионному генералу Сюзану[192]). Наконец, 28 января 1871 г.[193] мошенники сбросили маску. Правительство национальной обороны в деле капитуляции Парижа выступило с настоящим геройством глубочайшего самоунижения, оно выступило как правительство Франции, состоящее из пленников Бисмарка,— роль до того подлая, что ее не решился взять на себя даже сам Луи Бонапарт в Седане. В своем паническом бегстве в Версаль после событий 18 марта, capitulards[194] оставили в руках Парижа свидетельствовавшие об их измене документы, для уничтожения которых, как писала Коммуна в манифесте к провинции,

«эти люди не остановились бы перед превращением Парижа в груду развалин, затопленную морем крови»[195].

Стремление некоторых влиятельнейших членов правительства обороны к такой развязке объясняется и совершенно особыми, личными соображениями.

Вскоре после заключения перемирия один из парижских депутатов Национального собрания г-н Мильер, впоследствии расстрелянный по специальному приказу Жюля Фавра, опубликовал целый ряд подлинных юридических документов, доказывавших, что Жюль Фавр, сожительствуя с женой некоего горького пьяницы, находившегося в Алжире, сумел при помощи самых наглых подлогов, совершенных им в продолжение многих лет кряду, захватить от имени своих незаконнорожденных детей крупное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что на процессе, который вели против него законные наследники, он избежал разоблачения только потому, что пользовался покровительством бонапартистских судов. Так как против этих сухих юридических документов было бессильно какое угодно красноречие, то Жюль Фавр нашел нужным в первый раз в своей жизни не раскрывать рта, выжидая, пока возгорится гражданская война, чтобы в бешенстве выругать парод Парижа беглыми каторжниками, дерзко восставшими против семьи, религии, порядка и собственности. После 4 сентября, едва захватив власть, этот подделыватель документов освободил, из чувства солидарности, Пика и Тайфера, которые были даже при империи осуждены за подлог в связи со скандальной историей с газетой «Etendard»[196]. Один из этих господ, Тайфер, был настолько дерзок, что вернулся во время Коммуны в Париж, но Коммуна тотчас же заключила его в тюрьму. И после этого Жюль Фавр восклицает с трибуны Национального собрания, что парижане освобождают всех каторжников!

Эрнест Пикар, этот Джо Миллер* правительства национальной обороны, который после неудачных попыток попасть в министры внутренних дел империи сам себя произвел в министры финансов республики, приходится братом некоему Артуру Пикару, субъекту, выгнанному с парижской биржи за мошенничество (см. донесение префектуры полиции от 31 июля 1867 г.) и осужденному на основании собственного признания за кражу 300000 франков, которую он совершил в бытность свою директором филиального отделения Societe Generale[197] на улице Палестро, № 5 (см. донесение префектуры полиции от 11 декабря 1868 г.). И вот этого-то Артура Пикара Эрнест Пикар назначил редактором своей газеты «Electeur libre»[198]. Официальная ложь этой газеты министерства финансов вводила в заблуждение рядовых биржевых спекулянтов, между тем как Артур Пикар беспрестанно бегал с биржи в министерство, из министерства на биржу, где и наживался на поражениях французских армий. Вся финансовая переписка этой парочки почтенных братьев попала в руки Коммуны.

Жюль Ферри, бывший до 4 сентября нищим адвокатом, ухитрился сколотить себе во время осады как мэр Парижа состояние за счет голода столицы. Тот день, когда ему пришлось бы дать отчет о своем хозяйничании, был бы днем его осуждения.

Эти люди могли получить отпускные билеты [tickets-ot-leave]** только на развалинах Парижа: они как раз годились для целей Бисмарка. В результате легкой перетасовки карт Тьер, до сих пор втайне руководивший правительством, вдруг стал во главе его, а уголовные преступники [ticket-of-leave men] сделались его министрами.

Тьер, этот карлик-чудовище, в течение почти полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собой самое совершенное идейное выражение ее собственной классовой испорченности. Прежде чем стать государственным мужем, он уже обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Летопись его общественной деятельности есть история бедствий Франции. Связанный до 1830 г. с республиканцами, он пробрался при Луи-Филиппе в министры путем предательства своего покровителя Лаффита. К королю он подольстился подстрекательством черни к выступлениям против

---

* В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. вместо «Джо Миллер» напечатано: «Карл Фогт»; во французском издании 1871 г. — «Фальстаф». *Ред.*

** В Англии уголовным преступникам, после того как они уже отбыли бо́льшую часть наказания, часто выдают отпускные билеты, с которыми они могут жить на свободе, но под надзором полиции. Такие билеты называются tickets-of-leave, а владельцы их — ticket-of-leave men. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1871 г.)*

духовенства — выступлениям, которые привели к разграблению церкви Сен-Жермен-л'Осеруа и дворца архиепископа, — и тем, что выполнял роль министра-шпиона и тюремщика-акушера по отношению к герцогине Беррийской[199]. Кровавая расправа с республиканцами на улице Транснонен, последовавшие затем гнусные сентябрьские законы против печати и права союзов были его делом[200]. В марте 1840 г. он вновь выступил на сцену уже в качестве премьер-министра и удивил всю Францию своим проектом укрепления Парижа[201]. На обвинения республиканцев, которые считали этот проект злостным заговором против свободы Парижа, он в палате депутатов отвечал:

«Как? Вы воображаете, что какие бы то ни было укрепления могут когда-нибудь стать опасными для свободы! И прежде всего, вы клевещете, допуская, что какое-либо правительство решится когда-нибудь бомбардировать Париж, чтобы удержать власть в своих руках... Ведь такое правительство стало бы после победы во сто крат более невозможным, чем до нее».

Да, никакое правительство не решилось бы бомбардировать Париж с фортов, кроме правительства, сдавшего раньше эти форты пруссакам.

Когда в январе 1848 г. король-бомба испробовал свою силу на Палермо[202], Тьер, который в то время уже давно не был министром, снова произнес в палате депутатов речь:

«Вы знаете, господа, что происходит в Палермо. Вы все содрогаетесь от ужаса» (в парламентском смысле) «при вести, что большой город был в течение 48 часов подвергнут бомбардировке. И кем же? Чужеземным неприятелем, осуществлявшим право войны? Нет, господа, своим же правительством. И за что? За то, что этот несчастный город требовал своих прав. Да, за требование своих прав он подвергся 48-часовой бомбардировке... Позвольте мне апеллировать к общественному мнению Европы. Подняться и сказать во всеуслышание с величайшей, может быть, трибуны Европы несколько слов» (да, действительно, слов) «возмущения подобными действиями, — это будет заслугой перед человечеством... Когда регент Эспартеро, оказавший услуги своей родине» (чего Тьер никогда не делал), «вздумал бомбардировать Барселону для подавления вспыхнувшего там восстания, — со всех концов мира раздался общий крик негодования».

Через полтора года Тьер был уже в числе самых рьяных защитников бомбардировки Рима французской армией[203]. Итак, ошибка короля-бомбы, по-видимому, состояла только в том, что он ограничился лишь 48-часовой бомбардировкой.

За несколько дней до февральской революции Тьер, раздраженный тем, что Гизо надолго отстранил его от власти и наживы, и почуяв в воздухе приближение народной бури, заявил палате

депутатов в своем псевдогероическом стиле, за который его прозвали «Mirabeau-mouche»*:

«Я принадлежу к партии революции не только во Франции, но и во всей Европе. Я желал бы, чтобы правительство революции оставалось в руках умеренных людей... Но если бы оно перешло в руки людей горячих, даже в руки радикалов, я из-за этого не отказался бы от дела, которое отстаиваю. Я всегда буду принадлежать к партии революции».

Разразилась февральская революция. Вместо того чтобы поставить на место министерства Гизо министерство Тьера, о чем мечтал этот ничтожный человек, революция заменила Луи-Филиппа республикой. В первый день народной победы он старательно прятался, забывая, что от ненависти рабочих его спасало их презрение к нему. Прославленный храбрец, он продолжал избегать общественной арены, пока июньская резня[204] не очистила ее для деятельности людей такого сорта, как он. Он стал тогда идейным вождем партии порядка[205] и ее парламентарной республики — этого анонимного междуцарствия, во время которого все соперничающие фракции господствующего класса тайно сговаривались между собой, чтобы подавить народ, и интриговали друг против друга, чтобы каждой восстановить свою собственную монархию. Тьер тогда, как и теперь, обвинял республиканцев в том, что они— единственная помеха упрочению республики; тогда, как и теперь, он говорил республике, как палач дону Карлосу: «Я убью тебя, но для твоего же блага». И теперь, как и тогда, ему на другой день после своей победы придется воскликнуть: L'Empire est fait — империя готова. Несмотря на свои лицемерные проповеди о необходимых свободах и свою личную неприязнь к Луи Бонапарту, который оставил его в дураках и выкинул за борт парламентаризм, — а вне искусственной атмосферы парламентаризма этот человечек превращается в ничто, и он это знает — Тьер принял участие во всех позорных делах Второй империи, от занятия Рима французскими войсками до войны с Пруссией; он подстрекал к этой войне своими неистовыми нападками на единство Германии, в котором он видел не маску для прусского деспотизма, а нарушение неотъемлемого права Франции на разъединенность Германии. Этот карлик любил перед лицом Европы размахивать мечом Наполеона I, в своих исторических трудах он только и делал; что чистил сапоги Наполеона, на деле же его внешняя политика всегда приводила к крайнему унижению Франции, — начиная от Лондонской конвенции 1840 г.[206] до капитуляции Парижа 1871 г. и теперешней гражданской

* — «Мирабо-муха». *Ред.*

войны, во время которой он, по специальному разрешению Бисмарка, натравил на Париж пленных Седана и Меца[207]. Несмотря на свои гибкие способности и изменчивость своих стремлений, он всю свою жизнь был самым закоренелым рутинером. Нечего и говорить, что более глубокие движения, происходящие в современном обществе, всегда оставались для него непостижимой тайной; его мозг, все силы которого ушли в язык, не мог освоиться даже с самыми осязательными изменениями, совершающимися на поверхности общества. Он, например, неустанно обличал как святотатство всякое уклонение от устаревшей французской протекционистской системы. Когда он был министром Луи-Филиппа, он издевался над железными дорогами, как над вздорной химерой, а будучи в оппозиции при Луи Бонапарте, он клеймил, как кощунство, всякую попытку преобразовать гнилую французскую военную систему. Ни разу в продолжение всей своей длительной политической карьеры он не провел ни одной сколько-нибудь практически полезной, пусть даже самой незначительной, меры. Тьер был верен только своей ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство. Он был беден, как Иов, когда вступил в первый раз в министерство при Луи-Филиппе, а оставил он это министерство миллионером. Возглавляя последний раз министерство при упомянутом короле (с 1 марта 1840 г.), он был публично обвинен в палате депутатов в растрате казенных сумм. В ответ на это обвинение он ограничился тем, что заплакал, — ему немного стоил этот ответ, которым легко отделывались и Жюль Фавр и всякий иной крокодил. В Бордо[*] его первой мерой к спасению Франции от грозившего ей финансового краха было назначение себе трехмиллионного годового оклада; это было первым и последним словом той «бережливой республики», перспективы которой он открыл своим парижским избирателям в 1869 году. Один из его бывших коллег по палате депутатов 1830 г., сам капиталист и тем не менее преданный член Парижской Коммуны, г-н Беле, недавно в одной из своих публичных прокламаций обратился к Тьеру со следующими словами:

«Порабощение труда капиталом было всегда краеугольным камнем Вашей политики, и с тех пор как в парижский городской ратуше установлена республика труда, Вы без устали кричите Франции: Вот они, преступники!»

Мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве и предательстве, набивший руку во всевозможных

[*] В немецком издании 1891 г. после слова «Бордо» вставлено: «в 1871 г.». *Ред.*

банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий; не останавливающийся перед тем, чтобы раздуть революцию, как только слетит с занимаемого поста, и потопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки; напичканный классовыми предрассудками вместо идей, вместо сердца наделенный тщеславием, такой же грязный в частной жизни, как гнусный в жизни общественной, даже и теперь, разыгрывая роль французского Суллы, Тьер не может удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзости своих деяний своим смешным чванством.

Капитуляция Парижа, отдавшая во власть Пруссии не только Париж, но и всю Францию, закончила собой длинный ряд изменнических интриг с врагом, начатых узурпаторами 4 сентября, по словам самого Трошю, в самый день захвата ими власти. С другой стороны, эта капитуляция положила начало гражданской войне, которую они затем повели при содействии Пруссии против республики и Парижа. Ловушка была уже в самих условиях капитуляции. В тот момент более трети страны было в руках врага, столица была отрезана от провинции, все пути сообщения нарушены. При таких обстоятельствах избрание лиц, которые являлись бы действительными представителями Франции, было невозможно без достаточного времени на подготовку. Именно поэтому в тексте капитуляции и был установлен недельный срок для выборов в Национальное собрание, так что во многих частях Франции известие о предстоящих выборах было получено лишь накануне самих выборов. Далее, согласно особому пункту капитуляции, Собрание должно было быть избрано единственно с целью решения вопроса о мире и войне, а в случае необходимости — и для заключения мирного договора. Население не могло не почувствовать, что условия перемирия делали немыслимым продолжение войны и что для заключения мира, предписанного Бисмарком, лучше всего подходят наихудшие люди Франции. Но, не довольствуясь этими мерами предосторожности и прежде чем тайна перемирия была сообщена Парижу, Тьер предпринял избирательную поездку но всей стране, чтобы оживить труп партии легитимистов[208]; эта партия вместе с орлеанистами должна была заменить ставших в тот момент неприемлемыми бонапартистов. Легитимистов он не боялся. Как правительство современной Франции они были немыслимы, а потому как соперники ничего не значили; вся деятельность этой партии, по словам самого Тьера (в палате депутатов 5 января 1833 г.),

«постоянно держалась на трех столпах; иноземном вторжении, гражданской войне и анархии».

Эта партия поэтому являлась как нельзя более удобным орудием контрреволюции. Легитимисты всерьез уверовали в долгожданное пришествие их прежнего тысячелетнего царства. И в самом деле, сапог иноземного завоевателя снова топтал Францию; империя была опять ниспровергнута и Бонапарт опять попал в плен; легитимисты опять воскресли. Очевидно, колесо истории повернуло вспять, чтобы докатиться до «chambre introuvable»* 1816 года[209]. В 1848—1851 гг. в национальных собраниях времен республики легитимисты были представлены образованными и искушенными в парламентской борьбе лидерами; теперь выступили на первый план заурядные личности их партии — все Пурсоньяки Франции.

Как только в Бордо собралась эта «помещичья палата»[210], Тьер заявил ей, что она, не удостаиваясь чести вести парламентские прения, немедленно должна принять предварительные условия мира, так как это единственное условие, на котором Пруссия позволит начать войну против республики и ее оплота — Парижа. И в самом деле, контрреволюции некогда было раздумывать. Вторая империя увеличила государственный долг более чем вдвое, все большие города были обременены тяжелыми местными долгами. Война чрезвычайно увеличила задолженность и страшно истощила ресурсы нации. В довершение катастрофы, прусский Шейлок стоял на французской земле со своими квитанциями на провиант для 500-тысячного войска, с требованием уплаты контрибуции в 5 миллиардов и 5 процентов неустойки за просроченные взносы[211]. Кто должен был платить все это? Только посредством насильственного низвержения республики собственники богатства могли свалить тяжесть ими же вызванной войны на плечи производителей этого богатства. Таким образом, невиданное дотоле разорение Франции побудило этих патриотов — представителей земельной собственности и капитала — на глазах и под высоким покровительством чужеземного завоевателя завершить внешнюю войну войной гражданской, бунтом рабовладельцев.

На пути этого заговора стояло одно громадное препятствие— Париж. Разоружение Парижа было первым условием успеха. Вследствие этого Тьер и обратился к Парижу с требованием сложить оружие. Все было сделано, чтобы вывести Париж из терпения: «помещичья палата» разражалась самыми неистовыми антиреспубликанскими воплями; Тьер сам высказывался

* В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. далее следуют слова: «(палата ландратов и юнкеров)». *Ред.*

весьма двусмысленно о законности существования республики; Парижу угрожали обезглавить его и лишить звания столицы; орлеанистов назначали послами; Дюфор провел законы о неоплаченных в срок векселях и квартирной плате[212], законы, грозившие подорвать в корне торговлю и промышленность Парижа; по настоянию Пуйе-Кертье на каждый экземпляр какого бы то ни было издания вводился двухсантимовый налог; Бланки и Флуранс были приговорены к смерти; республиканские газеты запрещены; Национальное собрание перевели в Версаль; осадное положение, объявленное Паликао и снятое событиями 4 сентября, было возобновлено; Винуа, décembriseur[213], был назначен губернатором Парижа, бонапартистский жандарм Валантен — префектом полиции и генерал-иезуит Орель де Паладин — главнокомандующим парижской национальной гвардией.

А теперь мы должны обратиться к г-ну Тьеру и членам правительства национальной обороны, его приказчикам, с вопросом. Известно, что Тьер заключил при посредстве своего министра финансов Пуйе-Кертье заем в два миллиарда. Так вот, правда это или нет:

1) что дельце было устроено таким образом, что несколько сот миллионов «комиссионных» попадали в карманы Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара, Пуйе-Кертье и Жюля Симона?

2) что уплату обязывались произвести только после «умиротворения» Парижа[214]?

Во всяком случае, что-то заставляло их очень торопиться с этим делом, так как Тьер и Жюль Фавр самым бесстыдным образом настаивали от имени большинства Бордоского собрания на немедленном занятии Парижа прусскими войсками. Но это не входило в расчеты Бисмарка, как он, по возвращении в Германию, насмешливо и во всеуслышание рассказал изумленным франкфуртским филистерам.

II

Вооруженный Париж являлся единственным серьезным препятствием на пути контрреволюционного заговора. Стало быть, Париж надо было обезоружить. По этому вопросу бордоская палата высказалась с полнейшей откровенностью. Даже если бы яростный рев депутатов «помещичьей палаты» и не свидетельствовал об этом так ясно, то отдача Парижа Тьером под начало триумвирата из decembriseur Винуа, бонапартистского жандарма Валантена и генерала-иезуита Орель де Паладина не оставляла места ни малейшему сомнению. Нагло заявляя об истинной цели разоружения Парижа, заговорщики требовали от Парижа сдачи оружия под таким предлогом, который являлся самой вопиющей и бесстыдной ложью. Артиллерия парижской национальной гвардии, заявлял Тьер, есть собственность государства, а посему должна быть возвращена государству. На самом же деле факты были таковы: Париж был на страже с самого дня капитуляции, по которой пленники Бисмарка выдали ему Францию, выговорив для себя значительную личную охрану с очевидной целью усмирения Парижа. Национальная гвардия реорганизовалась и поручила верховное командование Центральному комитету, избранному всей массой национальных гвардейцев, за исключением кое-каких остатков старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет принял меры к перевозке на Монмартр, в Бельвиль и Ла-Виллет пушек и митральез, изменнически оставленных capitulards именно в тех кварталах, в которые должны были вступить пруссаки, или в кварталах, прилегающих к ним. Эта артиллерия была создана на суммы, собранные самой национальной гвардией. В тексте капитуляции 28 января она была официально признана частной собственностью национальной гвардии и как таковая не была включена в общую массу государственного оружия, подлежавшего выдаче

победителю. Тьер не имел ни малейшего повода начать войну против Парижа и потому он должен был прибегнуть к наглой лжи, будто артиллерия национальной гвардии являлась государственной собственностью!

Захват артиллерии должен был послужить, очевидно, только началом всеобщего разоружения Парижа, а следовательно, и разоружения революции 4 сентября. Но эта революция стала узаконенным состоянием Франции. Республику, результат этой революции, признал победитель в тексте капитуляции. После капитуляции ее признали все иностранные державы; от ее имени было созвано Национальное собрание. Единственным законным основанием бордоского Национального собрания и его исполнительной власти являлась революция парижских рабочих 4 сентября. Если бы не революция 4 сентября, это Национальное собрание немедленно должно было бы уступить свое место Законодательному корпусу, который был избран в 1869 г. на основе всеобщего избирательного права при французском, а не при прусском правлении, и был насильно разогнан революцией. Тьер и его банда должны были бы капитулировать, чтобы добиться охранных грамот за подписью Луи Бонапарта, избавлявших их от необходимости путешествия в Кайенну[215]. Национальное собрание с его полномочием заключить мир с Пруссией было только одним из эпизодов революции, действительным воплощением ее был все-таки вооруженный Париж, тот Париж, который произвел эту революцию, который выдержал ради нее пятимесячную осаду со всеми ужасами голода, Париж, который, невзирая на план Трошю, своим продолжительным сопротивлением дал возможность вести упорную оборонительную войну в провинции. И ныне либо этот Париж по оскорбительному приказу мятежных бордоских рабовладельцев должен был разоружиться и признать, что совершенная им революция 4 сентября была не более чем простая передача власти из рук Луи Бонапарта в руки других претендентов на трон, либо же Парижу предстояло самоотверженно бороться за дело Франции, которую можно было спасти от полного падения и возродить к новой жизни только путем революционного разрушения политических и социальных условий, породивших Вторую империю и под ее покровительством дошедших до полного разложения. Париж, измученный пятимесячным голодом, не колебался ни одной минуты. Он был полон геройской решимости пройти через все опасности борьбы с французскими заговорщиками, несмотря на то, что прусские пушки угрожали ему из его же фортов. Но из отвращения к гражданской войне, которую старались навязать Парижу, Централь-

ный комитет продолжал придерживаться чисто оборонительной позиции, не обращая внимания ни на провокационные выходки Национального собрания, ни на узурпаторские действия исполнительной власти, ни на угрожающую концентрацию войск в Париже и вокруг него.

И вот Тьер начал гражданскую войну: он отправил Винуа во главе многочисленного отряда полицейских и нескольких линейных полков в разбойничий ночной поход на Монмартр, чтобы, напав врасплох, захватить артиллерию национальной гвардии. Всем известно, что эта попытка не удалась благодаря сопротивлению национальной гвардии и братанию между войсками и народом. Орель де Паладин напечатал уже было заранее извещение о победе, а у Тьера были наготове объявления, возвещавшие о принятых им мерах к совершению coup d'etat*. Эти объявления пришлось заменить манифестом, сообщавшим о благородной решимости Тьера даровать национальной гвардии ее же оружие, с которым, заявлял он, национальная гвардия несомненно сплотится вокруг правительства для борьбы против бунтовщиков. Из 300000 национальных гвардейцев только 300 человек отозвались на призыв маленького Тьера сплотиться вокруг него для защиты его от самих себя. Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем. Ее временным правительством был Центральный комитет. Европа, казалось, на минуту усомнилась в реальности совершившихся на ее глазах последних поразительных государственных и военных событий: не сон ли это из области давно минувшего.

С 18 марта и до вторжения версальских войск в Париж революция пролетариата оставалась настолько свободной от актов насилия, подобных тем, которыми изобилуют революции и особенно контрреволюции «высших классов», что враги ее не смогли найти никакого предлога для своего возмущения, кроме казни генералов Леконта и Клемана Тома и стычки на Вандомской площади.

Один из бонапартовских офицеров, участвовавших в ночной экспедиции против Монмартра, генерал Леконт, четыре раза отдавал 81-му линейному полку приказ стрелять по безоружной толпе на площади Пигаль; когда же солдаты отказались выполнить его приказ, он обругал их площадной бранью. Вместо того чтобы направить оружие против женщин и детей, его солдаты расстреляли его самого. Укоренившиеся привычки, приобретенные солдатами в школе врагов рабочего класса» не могут, разумеется, бесследно исчезнуть в ту самую минуту, когда они

* — государственного переворота. *Ред.*

переходят на сторону рабочих. Те же солдаты расстреляли и Клемана Тома.

«Генерал» Клеман Тома, недовольный своей карьерой бывший вахмистр, завербованный в последние годы царствования Луи-Филиппа в редакцию республиканской газеты «National»[216], исполнял там двойные обязанности подставного ответственного редактора (gerant responsable[*]) и бреттера-дуэлянта при этой крайне задорной газете. После февральской революции, когда люди из «National» пришли к власти, бывший вахмистр был превращен ими в генерала. Это было накануне июньской бойни, и он был одним из злостных заговорщиков, который, подобно Жюлю Фавру, спровоцировал ее и играл в ней самую гнусную роль палача. После этого он со своим генеральством надолго исчез из виду и не появлялся уже до 1 ноября 1870 года. Накануне этого дня правительство обороны, захваченное в ратуше, торжественно обещало Бланки, Флурансу и другим представителям рабочих передать узурпированную им власть в руки свободно избранной Парижем Коммуны[217]. Вместо исполнения обещания оно натравило на Париж бретонцев Трошю, занявших теперь место корсиканцев Бонапарта[218]. Только генерал Тамизье не захотел запятнать себя таким вероломством и отказался от звания главнокомандующего национальной гвардии. Заменивший его Клеман Тома снова оказался генералом. В продолжение всего своего командования он воевал не против пруссаков, а против парижской национальной гвардии. Он всеми силами противился ее всеобщему вооружению, науськивал буржуазные батальоны на рабочие, отстранял офицеров, враждебных «плану» Трошю, распускал пролетарские батальоны, позоря их обвинением в трусости, и это те самые пролетарские батальоны, героизму которых удивляются теперь самые ярые их враги. Клеман Тома страшно кичился тем, что ему снова удалось доказать на деле свою личную ненависть к парижскому пролетариату, которая так ярко проявилась в июньской бойне 1848 года. За несколько дней до 18 марта он представил военному министру Лефло свой проект «раз навсегда покончить с la fine fleur (цветом) парижской canaille[**]». После поражения Винуа он не мог отказать себе в удовольствии появиться на сцене в качестве шпиона-любителя. Центральный комитет и парижские рабочие были так же виноваты в смерти Клемана Тома и Леконта, как принцесса Уэльская в гибели людей, раздавленных в толпе при въезде ее в Лондон.

---

[*] В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. далее следуют слова; «тот, кто берет на себя отбывание тюремного наказания». *Ред.*

[**] — черни, сброда. *Ред.*

Избиение безоружных граждан на Вандомской площади — сказка, о которой недаром упорно молчали Тьер и «помещичья палата», поручив ее распространение исключительно лакеям европейской журналистики. «Люди порядка», парижские реакционеры, содрогнулись при известии о победе 18 марта. Для них она означала приблизившийся, наконец, час народного возмездия. Призраки жертв, замученных ими начиная с июньских дней 1848 г. до 22 января 1871 г.[219], восстали перед ними. Но они отделались одним испугом. Даже полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа, чтобы они могли благополучно удалиться в Версаль. «Людей порядка» не только оставили в покое, но им дана была возможность объединиться и беспрепятственно захватить многие сильные позиции в самом сердце Парижа. Эта снисходительность Центрального комитета, это великодушие вооруженных рабочих, столь не свойственные нравам партии порядка, были приняты ею за сознание рабочими своего бессилия. Вот почему у партии порядка явился бессмысленный план — попробовать под видом якобы невооруженной демонстрации добиться того, чего не достиг Винуа со своими пушками и митральезами. 22 марта из богатейших кварталов появилась шумная толпа «фешенебельных господ»: она состояла из всяких petits creves*, а во главе ее были известнейшие выкормыши империи, как Геккерен, Кётлогон, Анри де Пен и им подобные. Трусливо прикрывшись лозунгами мирной демонстрации, но втайне вооружившись оружием бандитов, эта сволочь маршировала, обезоруживая и оскорбляя отдельные патрули и посты национальной гвардии, встречавшиеся ей по пути. Выйдя с улицы де ла Пе с криками «Долой Центральный комитет! Долой убийц! Да здравствует Национальное собрание!», они попытались прорвать линию караульных постов и захватить врасплох генеральный штаб национальной гвардии на Вандомской площади. На выстрелы из револьверов им ответили обычными sommations (французский эквивалент для английского акта о беспорядках)[220], и, когда эти требования остались без последствий, генерал национальной гвардии** скомандовал стрелять. Один залп обратил в беспорядочное бегство эту толпу пустых голов, воображавших, будто одно появление «приличного общества» подействует на парижскую революцию, как трубы Иисуса Навина на стены Иерихона. Обращенными в бегство господами было убито два национальных

* — хлыщей, пшютов. *Ред.*
** — Бержере. *Ред.*

гвардейца и тяжело ранено девять (в числе последних — один из членов Центрального комитета*), вся местность, где был совершен этот их подвиг, была усеяна револьверами, кинжалами, палками со стилетами и тому подобными вещественными доказательствами «безоружного» характера их «мирной» демонстрации. Когда 13 июня 1849 г. национальная гвардия, протестуя против разбойничьего нападения французских войск на Рим, устроила действительно мирную демонстрацию, Национальное собрание и особенно Тьер приветствовали Шангарнье, в то время генерала партии порядка, как спасителя общества за то, что он бросил отовсюду свои войска на беззащитную массу, которую те расстреливали, рубили саблями и топтали лошадьми. Париж объявили тогда на осадном положении. Дюфор поспешно провел в Национальном собрании целый ряд новых драконовских законов. Начались новые аресты, новые ссылки, новое царство террора. Но «низшие классы» поступают в таких случаях иначе. Центральный комитет 1871 г. просто игнорировал героев «мирной демонстрации», так что спустя всего два дня они смогли устроить уже *вооруженную* демонстрацию под предводительством адмирала Сессе, закончившуюся знаменитым паническим бегством в Версаль. В своем упорном нежелании продолжать гражданскую войну, начатую Тьером воровской экспедицией против Монмартра, Центральный комитет сделал в тот момент роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль — Версаль не имел тогда средств к обороне — и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его «помещичьей палаты». Вместо этого партии порядка дали снова возможность испытать свои силы на выборах в Коммуну 26 марта. В этот день в мэриях Парижа «люди порядка» обменивались словами примирения со своими чрезмерно великодушными победителями, втайне давая себе торжественную клятву в свое время учинить над ними кровавую расправу.

Посмотрим теперь на оборотную сторону медали. Тьер предпринял второй поход против Парижа в начале апреля. С первой партией пленных парижан, приведенных в Версаль, обошлись с возмутительной жестокостью. При этом Эрнест Пикар, засунув руки в карманы штанов, прохаживался тут же и всячески насмехался над ними, а г-жа Тьер и г-жа Фавр, окруженные почетной (?) женской свитой, рукоплескали с балкона подлым выходкам версальской черни. Пленных солдат линейных полков безжалостно расстреливали. Наш храбрый друг генерал Дюваль, литейщик, был расстрелян без всякого суда. Галиффе, «альфонс» своей жены, столь известной тем, что она бесстыдно

* — Мальжурналь. *Ред.*

выставляла напоказ свое тело на оргиях Второй империи, кичился в своей прокламации тем, что это он приказал перебить небольшой отряд застигнутых врасплох и обезоруженных его стрелками национальных гвардейцев вместе с их капитаном и лейтенантом. Винуа, бежавший из Парижа, получил от Тьера большой крест ордена Почетного легиона за издание общего приказа, предписывавшего расстреливать каждого солдата линейных войск, захваченного среди коммунаров. Жандарма Демаре наградили орденом за то, что он изменнически, как мясник, изрубил в куски рыцарски великодушного Флуранса — того самого Флуранса, который 31 октября 1870 г. спас головы членов правительства национальной обороны[221]. Об «ободряющих подробностях» этого убийства Тьер с явным удовольствием разглагольствовал на одном из заседаний Национального собрания. С надутым тщеславием парламентского мальчика с пальчик, которому позволили разыгрывать роль Тамерлана, он отказался признать за людьми, восставшими против его карликового величия, право воюющей стороны и не хотел соблюдать даже нейтралитета перевязочных пунктов. Не было ничего гнуснее этой обезьяны, которой на время дали власть удовлетворять ее инстинкты тигра, — обезьяны-тигра, портрет которой нарисовал еще Вольтер[222] (см. приложения, стр. 35[*]).

После декрета Коммуны от 7 апреля, в котором она приказывала производить репрессии, объявляя, что считает своей обязанностью «защищать Париж от каннибальства версальских разбойников и требовать око за око и зуб за зуб»[223], Тьер не прекратил своего варварского обращения с пленными; к тому же он глумился над ними, печатая в своих бюллетенях, что «никогда опечаленный взор честных людей еще не видел более бесчестных представителей бесчестной демократии», — взор честных людей вроде Тьера и его банды в роли министров. Тем не менее расстрелы пленных были временно приостановлены. Но как только Тьер и его генералы — герои декабрьского переворота — узнали, что декрет Коммуны о репрессиях был лишь простой угрозой, что были пощажены даже шпионы-жандармы, пойманные в Париже переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, — как только они узнали об этом, они начали снова массовые расстрелы пленных, продолжавшиеся беспрерывно до конца. Дома, в которых укрывались национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином (здесь

---

[*] См. настоящий том, стр. 368—369. *Ред.*

он был в первый раз употреблен в этой войне) и поджигали; обугленные трупы были извлечены впоследствии санитарным отрядом прессы в квартале Терн. Четыре национальных гвардейца, сдавшихся в Бель-Эпине 25 апреля отряду конных стрелков, были расстреляны поодиночке капитаном этих стрелков, достойным холопом Галиффе. Один из этих гвардейцев, Шеффер, которого оставили, приняв за мертвого, кое-как дополз до парижских передовых постов и засвидетельствовал этот факт перед одной из комиссий Коммуны. Когда Толен обратился с запросом по поводу отчета этой комиссии к военному министру Лефло, депутаты «помещичьей палаты» заглушили его слова криком и не дали Лефло отвечать. Было бы оскорблением для их «славной» армии говорить о ее подвигах. Небрежный тон бюллетеней Тьера, сообщавших о заколотых штыками сонных коммунарах в Мулен-Саке, о массовом расстреле в Кламаре, подействовал на нервы даже лондонской газеты «Times», не отличающейся особенной чувствительностью. Но тщетной была бы теперь попытка перечислить все жестокости — а они были лишь началом — людей, бомбардировавших Париж, зачинщиков рабовладельческого бунта под покровительством чужеземного завоевателя. Среди всех этих ужасов Тьер, забывая свои парламентские фразы о страшной ответственности, возложенной на его плечи карлика, кичится в своих бюллетенях тем, что l'Assemblee siege paisiblement (Собрание мирно заседает), и доказывает нескончаемыми парадными обедами то со своими генералами, героями декабрьского переворота, то с немецкими принцами, что его пищеварение не испортили даже тени Леконта и Клемана Тома.

III

Утром 18 марта 1871 г. Париж был разбужен громовыми криками: «Vive la Commune!»* Что же такое Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую загадку буржуазным умам?

«Парижские пролетарии», — писал Центральный комитет в своем манифесте о 18 марта, — «видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот повелительный долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки правительственную власть»[224].

Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, — органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, — существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом. Но прерогативы феодальных сеньоров, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполинская метла французской революции XVIII века смела весь этот отживший хлам давно минувших веков и таким образом одновременно очистила общественную почву от последних помех для той надстройки, которой является здание современного государства. Это здание воздвигнуто было при Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы

* — «Да здравствует Коммуна!» *Ред.*

против новой Франции. При последующих режимах правительство, будучи подчинено парламентскому контролю, то есть непосредственному контролю имущих классов, не только превратилось в рассадник неисчислимых государственных долгов и тяжелых налогов; оно не только стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями и авантюристами господствующих классов, которых непреодолимо влекли к нему предоставляемые им доходы и влиятельные и выгодные должности, — вместе с экономическими изменениями в обществе изменялся и его политический характер. По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства*. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто. Революция 1830 г. отняла власть у земельных собственников и отдала ее капиталистам, то есть из рук более отдаленных врагов рабочего класса передала ее более непосредственным его врагам. Буржуазные республиканцы именем февральской революции захватили государственную власть и употребили ее на то, чтобы устроить июньскую бойню; они этой бойней доказали рабочему классу, что «социальная» республика — это республика, обеспечивающая его социальное порабощение, а монархически настроенной массе буржуазии и классу землевладельцев, — что они могут без опасений предоставить буржуазным «республиканцам» заботы и денежные выгоды управления. Но после своего единственного июньского подвига буржуазные республиканцы должны были уступить первое место и перейти в последние ряды партии порядка, этой коалиции, образовавшейся из всех враждующих фракций и партий присваивающего класса, ставшего теперь в открытую противоположность к классам производительным. Самой подходящей формой для их совместного управления оказалась *парламентарная республика* с Луи Бонапартом в качестве ее президента; это был режим неприкрытого классового террора и умышленного оскорбления «подлой черни». По словам Тьера, парламентарная республика «меньше всего разделяла их» (различные фракции господствующего класса), но зато

---

* В немецком издании 1871 г. конец этой фразы несколько изменен: «государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства». *Ред.*

она открыла пропасть между этим немногочисленным классом и всем общественным организмом, существующим вне его. Если при прежних режимах раздоры внутри этого класса налагали все же известные ограничения на государственную власть, то теперь благодаря его объединению эти ограничения отпали. Ввиду угрожавшего восстания пролетариата объединившийся господствующий класс стал безжалостно и нагло пользоваться государственной властью как национальным орудием войны капитала против труда. Но его непрекращающийся крестовый поход против массы производителей заставил, с одной стороны, давать исполнительной власти все больше и больше прав для подавления сопротивления, с другой — постепенно отнимать у своей собственной парламентской твердыни — Национального собрания — все его средства обороны против исполнительной власти. Луи Бонапарт, представлявший собой эту исполнительную власть, разогнал представителей господствующего класса. Вторая империя явилась естественным следствием республики партии порядка.

Империя, которой coup d'e̲tat служил удостоверением о рождении, всеобщее избирательное право — санкцией, а сабля — скипетром, заявляла, что она опирается на крестьянство, на эту обширную массу производителей, не втянутых непосредственно в борьбу между капиталом и трудом. Империя выдавала себя за спасительницу рабочего класса на том основании, что она разрушила парламентаризм, а вместе с ним и неприкрытое подчинение правительства имущим классам, и за спасительницу имущих классов на том основании, что она поддерживала их экономическое господство над рабочим классом. И, наконец, она претендовала на то, что объединила все классы вокруг вновь возрожденного ею призрака национальной славы. В действительности же империя была единственно возможной формой правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности. Весь мир приветствовал империю как спасительницу общества. Под ее господством буржуазное общество, освобожденное от политических забот, достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах; биржевая спекуляция праздновала свои космополитические оргии; нищета масс резко выступала рядом с нахальным блеском беспутной роскоши, нажитой надувательством и преступлением. Государственная власть, которая, казалось, высоко парит над обществом, была в действительности самым вопиющим скандалом этого общества, рассадником всяческой мерзости. Штыки

Пруссии, которая сама жаждала перенести центр такой системы правления из Парижа в Берлин, обнажили всю гнилость этой государственной власти и одновременно гнилость спасенного ею общества. Режим империи есть самая проституированная и самая последняя форма той государственной власти, которую начало создавать зарождавшееся буржуазное общество как орудие своего освобождения от феодализма и которую вполне развитое буржуазное общество в конце концов превратило в орудие порабощения труда капиталом.

Прямой противоположностью империи была Коммуна. Лозунг «социальной республики», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и была определенной формой такой республики.

Париж, бывший резиденцией и центром старой правительственной власти, а вместе с тем и социальным оплотом французского рабочего класса, восстал с оружием в руках против попытки Тьера и его «помещичьей палаты» восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, оставшуюся в наследство от империи. Париж мог сопротивляться только потому, что вследствие осады он избавился от армии и заменил ее национальной гвардией, главную массу которой составляли рабочие. Этот факт надо было превратить в установленный порядок, и потому первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом.

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего.* Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства.

Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных лиц, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для народа и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость, служившую только маской для их низкого подхалимства перед всеми сменявшими друг друга правительствами, которым они поочередно приносили присягу на верность и затем изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми.

Парижская Коммуна, разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции. В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно быть заменено и в сельских округах народной милицией с самым непродолжительным сроком службы. Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже; делегаты должны были строго придерживаться mandat impératif (точной инструкции) своих избирателей и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, — такое утверждение было сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, то есть строго ответственным,

чиновникам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была, лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю. Ведь известно, что предприятия, точно так же как и отдельные лица, обычно умеют в деловой деятельности поставить подходящего человека на подходящее место, а если иногда и ошибаются, то умеют очень скоро исправить свою ошибку. С другой стороны, Коммуна по самому существу своему была безусловно враждебна замене всеобщего избирательного права иерархической инвеститурой[225].

Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает современную государственную власть, была рассматриваема как воскрешение средневековой коммуны, предшествовавшей возникновению этой государственной власти и затем составившей основу ее. — Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств, о чем мечтали Монтескьё и жирондисты[226], то единство, которое — у крупных наций, — хотя и создано было первоначально политическим насилием, стало теперь могущественным фактором общественного производства. — Антагонизм между Коммуной и государственной властью ошибочно считали преувеличенной формой старой борьбы против чрезмерной централизации. Особые исторические условия могли воспрепятствовать тому классическому развитию буржуазной формы правления, которое имело место во Франции, и привести, как например в Англии, к тому, что главные центральные государственные органы

дополняются продажными приходскими собраниями, корыстолюбивыми членами городских советов, свирепыми попечителями о бедных в городах и фактически наследственными мировыми судьями в графствах. Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции. — Буржуазия провинциальных городов Франции видела в Коммуне попытку восстановить то господство над деревней, которым она пользовалась при Луи-Филиппе и которое при Луи-Наполеоне было вытеснено мнимым господством деревень над городами. В действительности коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. — Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней. Только какому-нибудь Бисмарку, уделяющему все время, свободное от интриг, в которых на первом месте всегда кровь и железо, своему давнишнему, больше всего подходящему к его умственным способностям занятию — сотрудничеству в «Kladderadatsch» (в берлинском «Punch»)[227], только такому человеку могло прийти в голову, что Парижская Коммуна стремилась к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское городское устройство 1791 г., — низводящему органы городского управления до роли второстепенных колес прусского государственного полицейского механизма.

Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов: постоянную* армию и чиновничество. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является, в Европе по крайней мере, обычным бременем и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений. Но ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были конечной целью ее; они были только сопутствующими ей явлениями.

Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической

* В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. слово «постоянную» опущено. *Ред.*

формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом. Политическое господство производителей не может существовать одновременно с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство. С освобождением труда все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса.

Странная вещь: несмотря на все, что за последние 60 лет писалось и говорилось об освобождении труда, стоит только рабочим где-нибудь решительно взять это дело в свои руки, и тотчас против них пускается в ход вся апологетическая фразеология защитников современного общества с его двумя противоположными полюсами: капиталом и рабством наемного труда (земельные собственники являются теперь лишь безгласными компаньонами капиталистов). Как будто капиталистическое общество пребывает еще в девственной чистоте и непорочности! Как будто не развиты еще его противоположности, не вскрыты его самообманы, не разоблачена вся его проституированная действительность! Коммуна, восклицают они, хочет уничтожить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые государи, Коммуна хотела уничтожить эту классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела сделать индивидуальную собственность реальностью, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного ассоциированного труда. — Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако те представители господствующих классов, — и их не мало, — которые достаточно умны, чтобы понять, что настоящая система не может долго существовать, стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооператив-

* В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. слова «правительством рабочего класса» даны курсивом. *Ред.*

ное производство не должно оставаться пустым звуком или обманом, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если объединенные кооперативные товарищества организуют национальное производство по общему плану, взяв тем самым руководство им в свои руки и прекратив постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?

Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять par décret du peuple[*] готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества. Вполне сознавая свое историческое призвание и полный героической решимости следовать ему, рабочий класс может ответить презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев и на ученые назидания благонамеренных буржуа-доктринеров, которые тоном непогрешимого оракула изрекают невежественные пошлости и преподносят свои сектантские фантазии.

Когда Парижская Коммуна взяла руководство революцией в свои руки; когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства»[**] — на привилегию управления — и при неслыханно тяжелых условиях выполняли эту работу скромно, добросовестно и успешно, причем высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, составляющего, по словам известного авторитета в науке[***], минимум для секретаря лондонского школьного совета, — старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени — символа Республики Труда, развевающегося над городской ратушей.

И все же это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным

[*] — по декрету народа. *Ред.*
[**] В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. далее следуют слова: «имущих классов». *Ред.*
[***] В немецких изданиях далее следует: «(профессора Гексли)». *Ред.*

к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богачей-капиталистов. Коммуна спасла их, мудро разрешая вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе, — вопрос о расчетах между должниками и кредиторами[228]. Эта часть среднего класса участвовала в 1848 г. в подавлении июньского восстания рабочих, и сейчас же за тем Учредительное собрание бесцеремонно отдало ее в жертву ее кредиторам[229]. Но она примкнула теперь к рабочим не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и империей, под какой бы вывеской та вновь ни появилась. Империя разорила эту часть среднего класса экономически своим расхищением общественного богатства, покровительством крупной биржевой спекуляции, своим содействием искусственно ускоренной централизации капитала и вызываемой ею экспроприации указанной части среднего класса. Империя политически угнетала ее и нравственно возмущала своими оргиями; она оскорбляла ее вольтерьянство, поручая воспитание ее детей frères ignorantins[230]; она возмутила ее национальное чувство французов, опрометчиво ввергнув ее в эту войну, которая вознаградила за все причиненные бедствия только одним — ниспровержением империи. И действительно, после бегства из Парижа bohème* высших бонапартовских сановников и капиталистов, истинная партия порядка среднего класса, выступившая под именем Республиканского союза[231], стала под знамя Коммуны и защищала ее от клеветы Тьера. Выдержит ли признательность этой массы среднего класса теперешние тяжелые испытания — это покажет будущее.

Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда!»[232]. Из потока клеветы, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему свету наемными писаками достославной европейской печати, самой чудовищной ложью было утверждение, что «помещичья палата» представляла французских крестьян. Попробуйте вообразить любовь французских крестьян к людям, которым они после 1815 г. должны были уплатить миллиард возмещения[233]! В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного земельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 года. В 1848 г. буржуа обложили землю крестьян добавочным налогом в 45 сантимов на франк, но это сделали именем революции; теперь они разожгли гра-

* — богемы, шайки. *Ред.*

жданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тяжесть пятимиллиардной контрибуции, которую они обязались уплатить пруссакам. Коммуна, напротив, заявила в одной из первых же своих прокламаций, что бремя войны должны нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы крестьянина от налога крови, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы нотариуса, адвоката, судебного пристава и других судейских вампиров, высасывающих теперь его кровь, наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она избавила бы его от произвола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем. А французский крестьянин прежде всего расчетлив. Он нашел бы вполне разумным, если бы плата попам не выколачивалась из него сборщиками податей, а зависела бы только от добровольного проявления набожности прихожан. Вот какие существенные блага непосредственно обещало господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам. Поэтому излишне останавливаться здесь на тех более сложных и действительно жизненных вопросах, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян — таковы вопросы об ипотечном долге, который как кошмар тяготел над крестьянской парцеллой, о prolétariat foncier (сельском пролетариате), возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия.

Луи Бонапарт был избран французским крестьянством в президенты республики, но Вторую империю создала партия порядка. В 1849 и 1850 гг. французский крестьянин, противопоставляя своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя — правительственному священнику, себя самого — правительственному жандарму, начал этим показывать, что ему нужно на самом деле. Все законы, изданные партией порядка в январе и феврале 1850 г.[234], были направлены, по ее собственному признанию, против крестьян. Крестьянин был бонапартистом, потому что он отождествлял великую революцию и принесенные ему ею выгоды с именем Наполеона. Этот самообман при Второй империи быстро рассеивался. Этот предрассудок прошлого (по существу своему он был враждебен стремлениям «помещичьей палаты») — как мог бы он устоять против обращения Коммуны к жизненным интересам и насущным потребностям крестьян?

«Помещичья палата» отлично понимала — и этого-то она больше всего боялась, — что если Париж коммунаров будет свободно сообщаться с провинцией, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет всеобщее крестьянское восстание. Потому-то она так трусливо спешила окружить Париж полицейской блокадой, чтобы помешать распространению заразы.

Если Коммуна была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальным правительством, то, будучи в то же время правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась интернациональной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира.

Вторая империя была праздником космополитического мошенничества. На ее призыв устремились прохвосты всех стран, чтобы принять участие в ее оргиях и в ограблении французского народа. Даже в настоящую минуту правой рукой Тьера является Ганеску, валашский плут, а левой — Марковский, русский шпион. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело. Буржуазия успела в промежуток между внешней войной, проигранной из-за ее измены, и гражданской войной, вызванной ее заговором с чужеземным завоевателем, показать свой патриотизм полицейской травлей немцев по всей Франции. Коммуна назначила немецкого рабочего* своим министром труда. И Тьер, и буржуазия, и Вторая империя постоянно обманывали поляков громогласными выражениями своего сочувствия, в действительности предавая их России и выполняя ее грязное дело. Коммуна почтила героических сынов Польши**, поставив их во главе защитников Парижа. Чтобы резче оттенить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, Коммуна перед лицом пруссаков-победителей, с одной стороны, и бонапартовской армии с бонапартовскими генералами во главе — с другой, низвергла колоссальный символ военной славы — Вандомскую колонну[235].

Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. К числу их принадлежали: отмена ночных работ булочников; запрещение под страхом наказания понижать заработ-

* — Лео Франкеля. *Ред.*
** — Я. Домбровского и В. Врублевского. *Ред.*

ную плату наложением штрафов на рабочих под всевозможными предлогами — обычный прием предпринимателей, которые, соединяя в своем лице функции законодателя, судьи и исполнителя приговора, кладут штрафные деньги себе в карман. Подобной же мерой была и передача рабочим товариществам всех закрытых мастерских и фабрик, владельцы которых бежали или приостановили работы, с предоставлением им права на вознаграждение.

Финансовые меры Коммуны, замечательные своей расчетливостью и умеренностью, могли быть только мерами, совместимыми с положением осажденного города. Под покровительством Османа* крупные банкирские компании и строительные подрядчики так обкрадывали Париж, что Коммуна имела несравнимо большие права конфисковать их имущество, чем Луи Бонапарт — имущество Орлеанов. Гогенцоллерны и английские олигархи, большая часть богатств которых состоит из награбленных церковных имуществ, были, конечно, сильно возмущены Коммуной, которая получила от конфискации церковных имуществ всего только 8000 франков.

Версальское правительство, как только оно немного приободрилось и окрепло, стало принимать против Коммуны самые насильственные меры; оно подавило во всей Франции всякое свободное выражение мнений, запретило даже собрания делегатов больших городов; оно создало шпионскую сеть в Версале и во всей Франции, и притом в гораздо более широких размерах, чем при Второй империи; его жандармы-инквизиторы сжигали все издававшиеся в Париже газеты, вскрывали все письма из Парижа и в Париж; Национальное собрание на самую робкую попытку сказать слово в защиту Парижа отвечало неистовым воем, неслыханным даже в «chambre introuvable» 1816 года. Версальцы не только вели кровожадную войну против Парижа, но еще старались действовать подкупами и заговорами внутри Парижа. Могла ли Коммуна при таких условиях, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как в самые мирные времена, условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны по своему характеру было таким же, как и правительство Тьера, то не было бы причин запрещать газеты партии порядка в Париже и газеты Коммуны в Версале.

Естественно, что депутаты «помещичьей палаты» бесились, если, в то время как они объявляли единственным средством

* Барон Осман (Haussmann) был во время Второй империи префектом Сенского департамента, т. е. города Парижа, Провел ряд работ по проложению новых улиц и проч. в целях облегчения борьбы с рабочими восстаниями. *(Примечание к русскому изданию 1905 г., вышедшему под редакцией В. И. Ленина.) Ред.*

спасения для Франции возвращение в лоно церкви, неверующая Коммуна раскрывала тайны женского монастыря Пикпюса и церкви св. Лаврентия[236]. Разве это не было едкой сатирой на Тьера, сыпавшего кресты Почетного легиона на генералов Бонапарта в знак признания их искусства проигрывать сражения, подписывать капитуляции и делать папиросы в Вильгельмсхёэ[237], если Коммуна смещала и арестовывала своих генералов при малейшем подозрении в небрежном исполнении ими своих обязанностей? Разве это не было пощечиной подделывателю документов Жюлю Фавру, который, все еще оставаясь министром иностранных дел Франции, продавал ее Бисмарку и диктовал приказы образцовому бельгийскому правительству, если Коммуна изгнала из своей среды и арестовала одного из своих членов[*], который пробрался в нее под вымышленным именем после шести дней ареста в Лионе за обычное банкротство? Но Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала отчеты о своих заседаниях, сообщала о своих действиях; она посвящала публику во все свои несовершенства.

Во всякой революции, наряду с ее истинными представителями, выдвигаются люди другого покроя. Таковы, с одной стороны, участники и суеверные поклонники прежних революций, не понимающие смысла настоящего движения, но еще сохраняющие влияние на народ вследствие своей всем известной честности и своего мужества или просто в силу традиций; таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие стереотипные декламации против существующих правительств и приобретающие поэтому репутацию революционеров высшей пробы. Такие люди появились и после 18 марта и им случалось иногда играть видную роль. Насколько было в их силах, они задерживали истинное движение рабочего класса, так же как раньше люди такого сорта мешали полному развитию всех прежних революций. Они — неизбежное зло: со временем от них отделываются, но этого-то времени Коммуна не имела.

Коммуна изумительно преобразила Париж! Распутный Париж Второй империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских лендлордов, ирландских абсентеистов[238], американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В морге — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые

[*] — Бланше. *Ред.*

стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского.

«Мы уже не слышим», — говорил один из членов Коммуны, — «ни об убийствах, ни о кражах, ни о нападениях на отдельных лиц; можно подумать, что полиция увезла с собой в Версаль всех консервативных друзей своих».

Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и, главное, собственности. Вместо них на передний план снова выступили истинные парижанки, такие же героические, благородные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!

И лицом к лицу с этим новым миром Парижа стоял старый мир Версаля — это сборище вампиров всех отживших режимов: легитимистов и орлеанистов, жаждущих растерзать труп народа, с хвостом из допотопных республиканцев, поддерживавших своим присутствием в Национальном собрании рабовладельческий бунт; они надеялись отстоять парламентарную республику благодаря тщеславию старого шута, находившегося во главе ее; они занимались тем, что пародировали 1789 г., созывая призраков в Же-де-Пом*. Собрание, представлявшее всю отжившую Францию, поддерживало свою призрачную жизнь исключительно благодаря саблям генералов Луи Бонапарта. Париж — весь истина; Версаль — весь ложь; и глашатаем этой лжи был Тьер.

Тьер обратился к депутации мэров департамента Сены и Уазы со следующими словами:

«Вы можете довериться моему слову; я *никогда* не нарушал его».

Он говорил Собранию, что «оно самое либеральное и наиболее свободно избранное из всех собраний, которые когда-либо имела Франция»; своему разношерстному воинству он говорил, что оно «чудо мира и наилучшая из армий, которую когда-либо имела Франция»; провинциям, — что бомбардировка Парижа по его приказу — только сказка:

«Если и было сделано несколько пушечных выстрелов, то не версальской армией, а некоторыми инсургентами, которые хотели показать, что они сражаются, хотя на самом деле они боялись нос показать».

---

* Зал для игры в мяч, где Национальное собрание 1789 г. приняло свое знаменитое решение. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1871 г.)*

Позже он объявлял провинциям:

«Версальская артиллерия не бомбардирует Париж, а только обстреливает его».

Парижскому архиепископу он говорил, что все расстрелы и репрессивные меры (!), в которых обвиняют версальцев, — одна ложь. Он объявил Парижу, что хочет только «освободить его от угнетающих его отвратительных тиранов» и что Париж Коммуны есть «всего-навсего кучка преступников».

Париж Тьера не был действительным Парижем «подлой черни», он был призрачным Парижем, Парижем francs-fileurs[239], Парижем бульварных завсегдатаев обоего пола, богатым, капиталистическим, позолоченным, тунеядствующим Парижем; тем Парижем, который со своими лакеями, жуликами, литературной богемой, кокотками наполнял теперь Версаль, Сен-Дени, Рюэй и Сен-Жермен, который считал гражданскую войну только приятным развлечением, который в подзорную трубу любовался происходившей битвой, в ел счет пушечным выстрелам и клялся честью своей и своих публичных женщин, что спектакль здесь поставлен гораздо лучше, чем в театре Порт-Сен-Мартен. Ведь убитые действительно были мертвы, крики раненых не были поддельны, и кроме того драма, происходившая перед ними, была всемирно-исторической драмой.

Таков был Париж г-на Тьера, точно так же, как кобленцская эмиграция была Францией г-на де Калонна[240].

IV

Первая попытка рабовладельческого заговора покорить Париж, заняв его прусскими войсками, не удалась из-за отказа Бисмарка. Вторая попытка, сделанная 18 марта, окончилась поражением армии и бегством правительства в Версаль, куда за ним, по его приказу, бросив работу, последовала и вся администрация. Прикрываясь мирными переговорами с Парижем, Тьер выигрывал время для приготовления к войне с ним. Но где было взять армию? Остатки линейных полков были малочисленны и ненадежны. Настойчивые призывы Тьера к провинции помочь Версалю национальной гвардией и волонтерами встретили решительный отказ. Только Бретань послала кучку шуанов[241], которые сражались под белым знаменем, с нашитым на груди у каждого из них сердцем Христа из белой ткани; их боевой клич был: «Vive le Roi!» (Да здравствует король!). Таким образом, Тьер мог только наскоро собрать разношерстную толпу матросов, солдат морской пехоты, папских зуавов, жандармов Валантена, полицейских и mouchards[*] Пьетри. Эта армия была бы ничтожна до смешного, если бы не постепенно прибывавшие военнопленные бонапартовской армии, которых Бисмарк отпускал в количестве, достаточном, чтобы с одной стороны, могла вестись гражданская война и чтобы, с другой стороны, можно было держать Версаль в рабской зависимости от Пруссии. Во время этой войны версальская полиция должна была наблюдать за версальской армией, а жандармам приходилось всегда становиться на самые опасные места, чтобы увлечь ее за собой. Павшие форты были не завоеваны, а куплены. Героизм коммунаров показал Тьеру, что для того, чтобы сломить сопротивление Парижа, недостаточно ни его стратегических способностей, ни находящихся в его распоряжении штыков.

[*] — шпионов. *Ред.*

Между тем его отношения с провинцией становились все более натянутыми. В Версале не получили ни одного сочувственного адреса, который мог бы хоть сколько-нибудь ободрить Тьера я его «помещичью палату». Наоборот, со всех сторон прибывали депутации и письменные обращения, настаивавшие далеко не в почтительном тоне на примирении с Парижем на основе недвусмысленного признания республики, утверждения коммунальных свобод и роспуска Национального собрания, срок полномочий которого уже истек. Депутаций и письменных обращений появлялось столько, что Дюфор, министр юстиции Тьера, приказал государственным прокурорам в циркуляре от 23 апреля считать «призывы к примирению» преступлением? Видя безнадежность похода против Парижа, Тьер решил переменить тактику и назначил на 30 апреля муниципальные выборы для всей страны по новому закону, навязанному им Национальному собранию. Действуя то интригами своих префектов, то угрозами своей полиции, он был уверен, что выборы в провинции дадут Национальному собранию ту моральную силу, которой оно никогда не имело, и что он, наконец, получит от провинции материальную силу для покорения Парижа.

Свою разбойничью войну против Парижа, восхваляемую в его собственных бюллетенях, и попытки его министров установить господство террора во всей Франции Тьер с самого начала старался дополнить маленькой комедией примирения, которая должна была служить нескольким целям: она должна была обмануть провинцию, привлечь к нему элементы среднего класса Парижа и, главное, дать возможность мнимым республиканцам Национального собрания прикрыть доверием к Тьеру свою измену Парижу. 21 марта, когда у Тьера еще не было армии, он заявил Национальному собранию:

«Будь что будет, а я не пошлю войска в Париж».

27 марта он снова объявил:

«Я вступил в должность, когда республика была уже совершившимся фактом, в я твердо решил сохранить ее».

В действительности же он именем республики подавил революцию в Лионе и в Марселе[242], в то время как его «помещичья палата» в Версале встречала диким ревом само слово «республика». После этого славного подвига он низвел «совершившийся факт» до уровня предполагаемого факта. Орлеанские принцы, которых он из предосторожности выпроводил из Бордо, получили теперь возможность, явно в нарушение закона, плести интриги в Дрё. Условия, о которых Тьер говорил на своих

бесконечных совещаниях с парижскими и провинциальными делегатами, — как ни различны были его заявления по тону и оттенку, меняясь в зависимости от времени и обстоятельств, — всегда сводились к тому, что необходимо отомстить

«той кучке преступников, которые виновны в убийстве Клемана Тома и Леконта».

Конечно, при этом само собой подразумевалось, что Париж и Франция должны безоговорочно признать самого г-на Тьера лучшей из республик, подобно тому как сам Тьер в 1830 г. признал лучшей из республик Луи-Филиппа. Однако даже и эти уступки он старался поставить под сомнение посредством тех официальных комментариев, которые им давали его министры в Национальном собрании. Но, не удовлетворяясь этим, он действовал еще и через Дюфора. Старый орлеанистский адвокат Дюфор всегда играл роль верховного судьи при осадном положении как теперь, в 1871 г., при Тьере, так и в 1839 г. при Луи-Филиппе и в 1849 г. во время президентства Луи Бонапарта[243]. Когда он не занимал должности министра, он наживался, защищая парижских капиталистов, и в то же время наживал политический капитал, нападая на законы, которые сам издал. Не довольствуясь поспешным проведением через Национальное собрание ряда репрессивных законов, которые должны были после падения Парижа уничтожить последние остатки республиканской свободы во Франции[244], он как бы указывал на будущую участь Парижа следующей мерой: делопроизводство военных судов казалось ему чересчур длинной процедурой — он сократил его[245] и составил новый драконовский закон о ссылке. Революция 1848 г., уничтожив смертную казнь за политические преступления, заменила ее ссылкой. Луи Бонапарт не решился, по крайней мере открыто, восстановить режим гильотины. Помещичьему Собранию, которое еще не осмеливалось даже намекнуть, что парижане в его глазах не бунтовщики, а разбойники, пришлось пока ограничить подготовку мести Парижу новым дюфоровским законом о ссылке. При таких обстоятельствах Тьер не мог бы продолжать свою комедию примирения, если бы эта комедия не вызвала — чего он в сущности и желал — бешеную ярость депутатов «помещичьей палаты», которые из-за своего тупоумия не могли понять ни его игры, ни необходимости его лицемерия, притворства и медлительности.

Ввиду предстоявших 30 апреля муниципальных выборов Тьер разыграл 27 апреля одну из своих сцен примирения. Среди потока сентиментальных фраз он воскликнул с трибуны Национального собрания:

«Существует только один заговор против республики — парижский заговор, вынуждающий нас проливать французскую кровь. Но я повторяю еще и еще раз: пусть сложат свое нечестивое оружие те, которые его подняли, и мы, немедленно остановив карающий меч, заключим мирный договор, из которого будет исключена только кучка преступников».

В ответ на яростные крики депутатов «помещичьей палаты», перебивавших его речь, он сказал:

«Скажите мне, господа, убедительно прошу вас, разве я не прав? Разве вы действительно жалеете, что я мог сказать по справедливости, что преступников только кучка? Разве это не счастье среди наших бедствий, что люди, которые были способны пролить кровь генералов Клемана Тома и Леконта, являются лишь редким исключением?»

Однако Франция оставалась глуха к речам Тьера, льстившего себя надеждой пленить всех пением парламентской сирены. Из 700000 муниципальных советников, выбранных в оставшихся у Франции 35000 общин, легитимисты, орлеанисты и бонапартисты не смогли вместе провести даже 8000 своих приверженцев. Дополнительные выборы привели к результатам, еще более враждебным правительству Тьера. Национальное собрание не только не получило от провинции крайне необходимой ему материальной силы, но потеряло последнее право на роль моральной силы: право считать себя выразителем всеобщей воли страны. В довершение поражения вновь избранные муниципальные советы всех французских городов открыто угрожали узурпировавшему власть Версальскому собранию контрсобранием в Бордо.

Для Бисмарка настала тогда долгожданная минута решительного вмешательства. Тоном повелителя он приказал Тьеру прислать во Франкфурт уполномоченных для окончательного заключения мира. Униженно и покорно исполняя приказание своего хозяина и господина, Тьер поспешил послать во Франкфурт своего верного Жюля Фавра в сопровождении Пуйе-Кертье. Пуйе-Кертье — «видный» руанский хлопчатобумажный фабрикант, горячий, даже холопский, сторонник Второй империи, не видевший в ней никаких недостатков, кроме торгового договора с Англией[246], который вредил интересам его как фабриканта. Как только Тьер еще в Бордо назначил его министром финансов, он начал нападать на этот «злосчастный» договор, намекал на его скорую отмену и имел даже наглость немедленно попробовать, хотя и безуспешно (так как не спросил разрешения Бисмарка), вв,ести старые покровительственные пошлины против Эльзаса, чему, по его словам, не мешали тогда никакие прежние международные договоры. Этот человек смотрел на контрреволюцию как на средство понижения заработ-

ной платы в Руане, а на уступку французских провинций как на средство повысить цены на свои товары во Франции. Разве *такой человек* не был предназначен для того, чтобы Тьер выбрал его в помощники Жюля Фавра для осуществления его последнего, завершающего предательства?

Когда эта милая пара уполномоченных приехала во Франкфурт, Бисмарк грубо и властно сразу поставил их перед выбором: «Или восстановление империи, или беспрекословное принятие моих условий мира!» Условия его предусматривали сокращение сроков уплаты военной контрибуции и занятие парижских фортов прусскими войсками до тех пор, пока Бисмарк не будет доволен положением дел во Франции. Таким образом, Пруссия была признана верховным судьей во внутренних делах Франции! Зато он выразил полную готовность отпустить из плена бонапартовскую армию для истребления Парижа и оказать ей прямую помощь войсками императора Вильгельма. В залог того, что сдержит свое слово, он отсрочил уплату первой части контрибуции до «умиротворения» Парижа. Тьер и его уполномоченные набросились, конечно, на такую приманку с жадностью. 10 мая они подписали мирный договор, и уже 18 мая он был благодаря их стараниям утвержден Национальным собранием.

В промежуток времени от заключения мира до возвращения из плена бонапартовских войск Тьер находил нужным продолжать свою комедию примирения. Это было тем более необходимо, что его республиканские приспешники крайне нуждались в подходящем предлоге, чтобы смотреть сквозь пальцы на подготовку кровавой бойни в Париже. Еще 8 мая он ответил депутации среднего класса, пришедшей уговаривать его примириться:

«Как только инсургенты согласятся на капитуляцию, ворота Парижа будут на неделю открыты для всех, кроме убийц генералов Клемана Тома и Леконта».

Несколько дней спустя, когда «помещичья палата» потребовала от него объяснения по поводу этого обещания, он уклонился от ответа, но многозначительно заметил:

«Говорю вам, что между вами есть нетерпеливые люди, которые слишком **уж** спешат. Пусть потерпят еще неделю; к концу недели уже не будет никакой опасности, и задача будет соответствовать их отваге и способностям».

Как только Мак-Магон смог заверить его, что он скоро вступит в Париж, Тьер заявил Национальному собранию, что он

«вступит в Париж с *законом* в руках и заставит мерзавцев, проливших кровь солдат и разрушивших публичные памятники, поплатиться за свои преступления».

Когда решительная минута приблизилась, он заявил Национальному собранию, что он «не даст пощады»; Парижу он заявил, что приговор ему уже произнесен, а своим бонапартовским разбойникам, — что правительство позволяет им мстить Парижу сколько им угодно. Наконец, когда 21 мая измена открыла генералу Дуэ ворота Парижа, Тьер раскрыл 22 мая «помещичьей палате» «цель» своей комедии примирения, которую она так упорно не хотела понять:

«Я говорил вам несколько дней назад, что мы приближаемся к *нашей цели:* сегодня я пришел сказать вам, что *цель* достигнута. Порядок, справедливость и цивилизация, наконец, одержали победу!»

Да, это была победа. Цивилизация и справедливость буржуазного строя выступают в своем истинном, зловещем свете, когда его рабы и угнетенные восстают против господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и беззаконной местью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатство против присваивающих его показывает этот факт все с большей яркостью. Перед небывалыми гнусностями 1871 г. бледнеют даже зверства буржуазии в июне 1848 года. Самоотверженный героизм, с которым весь парижский народ — мужчины, женщины и дети — еще целую неделю сражался после того, как версальцы вступили в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские бесчинства солдатни отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были. Поистине великолепна эта цивилизация, которая очутилась перед трудной задачей, куда девать груды трупов людей, убитых ею уже после окончания боя!

Чтобы найти что-либо похожее на поведение Тьера и его кровавых собак, надо вернуться к временам Суллы и обоих римских триумвиратов[247]. Те же хладнокровные массовые убийства людей; то же безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв; та же система пыток пленных; те же гонения. только на этот раз уже против целого класса; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы никто из них не спасся; те же доносы на политических и личных врагов; та же равнодушная зверская расправа с людьми, совершенно непричастными к борьбе. Разница только в том, что римляне не имели митральез, чтобы толпами расстреливать обреченных, что у них не было «в руках закона», а на устах слова «цивилизация».

А после всех этих ужасов посмотрите теперь на другую, еще более омерзительную сторону этой буржуазной цивилизации, описанную ее собственной печатью!

Парижский корреспондент одной лондонской консервативной газеты пишет:

«Вдали еще раздаются отдельные выстрелы; раненые, брошенные на произвол судьбы, умирают между памятниками кладбища Пер-Лашез; 6000 инсургентов, охваченные ужасом и отчаянием, бродят, заблудившись в лабиринтах катакомб; по улицам гонят толпы несчастных, чтобы расстрелять их из митральез. Возмутительно видеть в такую минуту, что кафе переполнены любителями абсента и игры в биллиард и в домино, а кокотки нагло разгуливают по бульварам, в то время как звуки оргий, раздающиеся из cabinets particuliers* богатых ресторанов, нарушают ночную тишину!»

Г-н Эдуар Эрве пишет в «Journal de Paris»[248], версальской газете, запрещенной Коммуной:

«Форма, в которой парижское население (!) вчера выражало свою радость, действительно более чем легкомысленна, и мы боимся, что дальше будет еще хуже. Париж имеет праздничный вид, что совершенно неуместно; если мы не хотим заслужить имени Parisiens de la décadence**, то надо это прекратить».

Затем он приводит выдержку из Тацита:

«И вот на следующее утро после этой ужасной борьбы и даже раньше, чем она полностью закончилась, Рим, подлый и развратный, снова опустился в то болото распутства, которое разрушало его тело и оскверняло его душу — alibi proelia et vulnera, alibi balneae popinaeque (здесь битвы и раны, там бани и пиры)»[249].

Г-н Эрве забывает лишь, что то «парижское население», о котором он говорит, есть только население тьеровского Парижа, Парижа francs-fileurs, толпами возвращающихся из Версаля, Сен-Дени, Рюэя и Сен-Жермена; это *действительно* Париж «времен упадка».

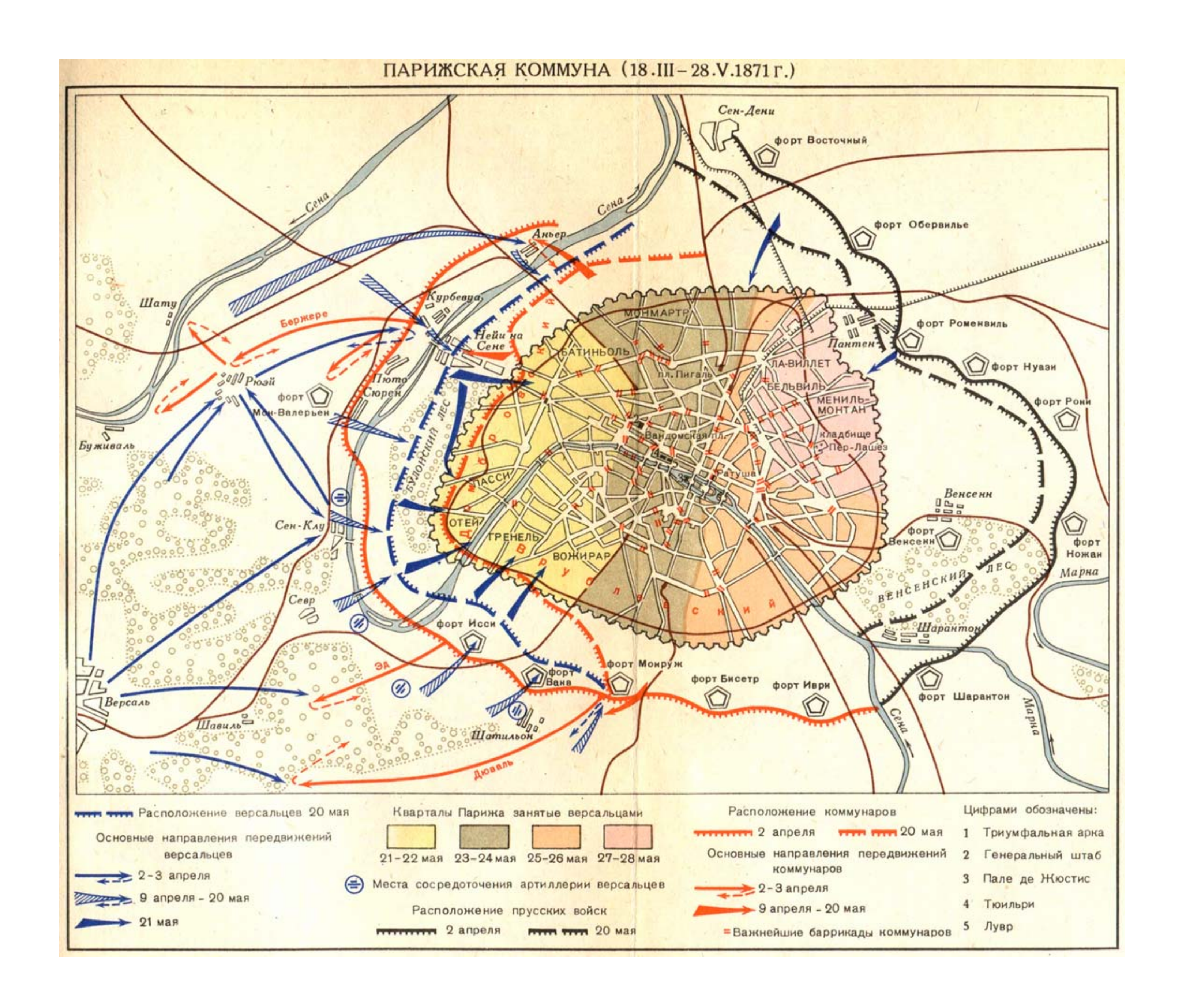
Эта преступная цивилизация, основанная на порабощении труда, при каждом кровавом триумфе заглушает крики своих жертв, самоотверженных борцов за новое, лучшее общество, воем травли и клеветы, который отдается эхом во всех концах света. Спокойный Париж рабочих, Париж Коммуны, превращается внезапно этими алчущими крови сторожевыми псами «порядка» в какой-то ад. Что говорит это чудовищное превращение рассудку буржуазии всех стран? Только то, что Коммуна устроила заговор против цивилизации! Народ Парижа с воодушевлением жертвует собой за Коммуну: ни одна из известных истории битв не знала такого самопожертвования. Что это

* — отдельных кабинетов. *Ред.*
** — парижан времен упадка. *Ред.*

значит? Только то, что Коммуна эта была не правительством народа, а насильственным захватом власти кучкой преступников! Парижские женщины с радостью умирают и на баррикадах и на месте казни. Что это значит? Только то, что злой дух Коммуны сделал из них Мегер и Гекат! Умеренность Коммуны во все время ее двухмесячного полного господства может сравниться только с геройским мужеством ее защиты. Что это значит? Только то, что Коммуна в течение двух месяцев скрывала под личиной умеренности и гуманности свою дьявольскую кровожадность, с тем чтобы дать ей свободно вылиться во время предсмертной агонии!

Рабочий Париж в своем геройском самопожертвовании предал огню также здания и памятники. Когда поработители пролетариата рвут на куски его живое тело, то пусть они не надеются с торжеством вернуться в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: «Поджог!» и нашептывает своим прихвостням вплоть до самых далеких деревень такой лозунг: «Травите повсюду моих врагов, как простых поджигателей». Буржуазия всего мира наслаждается массовым убийством людей после битвы, и она же возмущается, когда «оскверняют» кирпич и штукатурку!

Когда правительства дают своим военным флотам официальное разрешение «убивать, *жечь* и разрушать», есть ли это разрешение поджогов? Когда английские войска бессмысленно сожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора[250], — был ли это поджог? Когда пруссаки не из военных соображений, а просто из чувства злобной мести, используя керосин, сжигали такие города как, например, Шатоден и многочисленные деревни — был ли это поджог? Когда Тьер в течение шести педель бомбардировал Париж, уверяя, что желает поджечь только те дома, в которых есть люди, был ли это поджог? — На войне огонь — столь же законное оружие, как и всякое другое. Здания, занятые неприятелем, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставлять эти здания, они сами предают их огню, чтобы нападающие не могли укрепиться в них. Неизбежная судьба всех зданий, оказавшихся во время сражения перед фронтом какой бы то ни было регулярной армии, — быть сожженными. Но в войне рабов против их угнетателей, в этой единственной правомерной войне, какую только знает история, такие меры считают совершенно недопустимыми! Коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле слова; она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман спе-

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА (18.III–28.V.1871 г.)
Сен-Дени
форт Восточный
форт Обервилье
форт Роменвиль
форт Нуази
форт Рони
Сена
Аньер
Шату
Курбевуа
Бержере
Нейи на Сене
Рюэй
Пюто
Сюрен
форт Мон-Валерьен
Буживаль
Булонский лес
Сен-Клу
Севр
Версаль
Шавиль
Шатильон
Дюваль
ЭА
форт Исси
форт Ванв
форт Монруж
форт Бисетр
форт Иври
форт Шарантон
Шарантон
Венсенн
форт Венсенн
Венсенский лес
форт Ножан
Марна
Домбровский
Врублевский
МОНМАРТР
БАТИНЬОЛЬ
пл. Пигаль
ЛА-ВИЛЛЕТ
Пантен
БЕЛЬВИЛЬ
МЕНИЛЬМОНТАН
кладбище Пер-Лашез
Вандомская пл.
Ратуша
ПАССИ
ОТЕЙ
ГРЕНЕЛЬ
ВОЖИРАР
Расположение версальцев 20 мая
Основные направления передвижений версальцев
2-3 апреля
9 апреля - 20 мая
21 мая
Кварталы Парижа занятые версальцами
21-22 мая
23-24 мая
25-26 мая
27-28 мая
Места сосредоточения артиллерии версальцев
Расположение прусских войск
2 апреля
20 мая
Расположение коммунаров
2 апреля
20 мая
Основные направления передвижений коммунаров
2-3 апреля
9 апреля - 20 мая
Важнейшие баррикады коммунаров
Цифрами обозначены:
1 Триумфальная арка
2 Генеральный штаб
3 Пале де Жюстис
4 Тюильри
5 Лувр

циально приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же как версальцы, наступая, применяли гранаты, которые разрушили не меньше домов, чем огонь Коммуны. Еще до сих пор остается спорным вопрос, какие здания зажжены были наступавшими, какие — оборонявшимися. Да и оборонявшиеся только тогда стали пользоваться огнем, когда версальские войска уже начали свои массовые расстрелы пленных. — К тому же Коммуна открыто объявила заранее, что если ее доведут до крайности, то она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву; такое же обещание давало раньше правительство национальной обороны, но, конечно, только для того, чтобы замаскировать свою измену. Для этого Трошю и приготовил запас керосина. Коммуна знала, что враги ее нисколько не дорожат жизнью парижан, но очень дорожат своими домами в Париже. А Тьер, со своей стороны, объявил, что он будет мстить беспощадно. Когда, с одной стороны, армия его уже была готова к бою, а с другой — пруссаки заперли все выходы, он воскликнул: «Я буду беспощаден! Искупление должно быть полное, суд строгий!» Если парижские рабочие поступали, как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, каким был тот вандализм, в котором повинны христиане, истребившие действительно бесценные памятники искусства древнего языческого мира; но даже этот вандализм историк оправдал, потому что он был неизбежным и сравнительно незначительным моментом в титанической борьбе нового, нарождавшегося общества против разлагавшегося старого. И уже всего менее эти меры рабочих Парижа походили на вандализм Османа, уничтожившего исторический Париж, чтобы очистить место Парижу проходимцев!

А совершенная Коммуной казнь шестидесяти четырех заложников во главе с парижским архиепископом! В июне 1848 г. буржуазия и ее армия восстановили давно уже исчезнувший военный обычай расстрела беззащитных пленных. Этому зверскому обычаю затем более или менее строго следовали при всех расправах с народными восстаниями в Европе и Индии — явное доказательство, что он является действительным «прогрессом цивилизации»! С другой стороны, пруссаки во Франции снова ввели обычай брать заложников — ни в чем не повинных людей, которые своей жизнью должны были отвечать за действия других. Когда Тьер, как мы видели, еще в начале войны с Парижем ввел гуманный обычай расстрела пленных коммунаров, Коммуна была вынуждена для спасения жизни этих пленных

прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников. Продолжая, тем не менее, расстреливать пленных, версальцы снова и снова сами отдавали на казнь своих заложников. Как же можно было еще дольше щадить их жизнь после той кровавой бани, которой преторианцы[251] Мак-Магона отпраздновали свое вступление в Париж? Неужели и последняя защита от неостанавливающегося ни перед чем зверства буржуазного правительства — взятие заложников — должна была стать только шуткой? Истинный убийца архиепископа Дарбуа — Тьер. Коммуна несколько раз предлагала обменять архиепископа и многих других священников на одного только Бланки, находившегося в руках Тьера. Но последний упорно отказывался от этого обмена. Он внал, что, освобождая Бланки, он даст Коммуне голову, архиепископ же гораздо более будет полезен ему, когда будет трупом. В этом случае Тьер подражал Кавеньяку. С какими криками возмущения Кавеньяк и его «люди порядка» обвиняли в июне 1848 г. инсургентов в убийстве архиепископа Афра! На деле они прекрасно знали, что архиепископ был застрелен солдатами партии порядка. Г-н Жакме, генеральный викарий архиепископа, бывший очевидцем, сейчас же после происшествия засвидетельствовал им это.

То, что партия порядка при всех своих кровавых оргиях распространяла столько клеветы о своих жертвах, доказывает лишь, что современные буржуа считают себя законными наследниками прежних феодалов, которые признавали за собой право употреблять против плебеев всякое оружие, тогда как наличие любого оружия в руках плебея само по себе уже являлось преступлением.

Заговор господствующего класса для подавления революции при помощи гражданской войны под покровительством чужеземного завоевателя, заговор, который мы проследили с 4 сентября до вступления преторианцев Мак-Магона в ворота Сен-Клу, этот заговор закончился кровавой бойней в Париже. Бисмарк самодовольно смотрит на развалины Парижа и, вероятно, видит в них первый шаг ко всеобщему разрушению больших городов, о котором он мечтал, когда был еще только простым помещиком — депутатом прусской chambre introuvable 1849 года[252]. Он самодовольно любуется трупами парижских пролетариев. Для него это не только искоренение революции, но и уничтожение Франции, которая теперь в самом деле обезглавлена, и притом самим же французским правительством. Поверхностный, как все преуспевающие государственные мужи, он видит лишь внешнюю сторону этого чудовищного исторического события. Разве видели до сих пор в истории побе-

дителя, который решился бы увенчать свою победу ролью не только жандарма, но и наемного убийцы в руках побежденного правительства? Между Пруссией и Коммуной не было войны. Наоборот, Коммуна согласилась на предварительные условия мира, и Пруссия объявила нейтралитет. Значит, Пруссия не была воюющей стороной. Она действовала, как подлый убийца, потому что не подвергалась при этом никакой опасности, как наемный убийца, потому что она заранее обусловила падением Парижа уплату ей 500 миллионов — этой кровавой цены убийства. Вот тут-то и проявился истинный характер войны, которая была ниспослана провидением для наказания безбожной и развратной Франции рукой глубоконравственной и набожной Германии! Это небывалое нарушение международного права даже с точки зрения юристов старого мира вместо того, чтобы заставить «цивилизованные» правительства Европы объявить вне закона преступное прусское правительство, бывшее простым орудием в руках с.-петербургского кабинета, дало им только повод обсуждать вопрос, — не выдать ли версальскому палачу и те его немногие жертвы, которым удалось проскользнуть через двойную цепь, окружавшую Париж!

После самой ужасной войны новейшего времени армия победившая и армия побежденная соединяются для совместной кровавой расправы с пролетариатом. Такое неслыханное событие не доказывает, как думал Бисмарк, что новое, пробивающее себе дорогу общество потерпело окончательное поражение, — нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается—отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства *едины* суть!

После троицына дня 1871 г. не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Железная рука наемной солдатни может быть и придавит на время оба эти класса, но борьба их неизбежно снова возгорится и будет разгораться все сильнее, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. А французские рабочие являются лишь авангардом всего современного пролетариата.

Европейские правительства продемонстрировали перед лицом Парижа международный характер классового господства, а сами вопят на весь мир, что главной причиной всех бедствий является Международное Товарищество Рабочих, то есть международная организация труда против всемирного заговора капитала. Тьер обвиняет эту организацию в том, что она — деспот труда, а выдает себя за освободителя труда. Пикар приказал не допускать какие-либо сношения французских членов Интернационала с его членами за границей; граф Жобер, превратившийся в мумию соучастник Тьера по 1835 г., заявил, что главной задачей каждого правительства цивилизованной страны должно быть искоренение Интернационала. «Помещичья палата» поднимает против него вой, а европейская печать хором поддерживает ее. Один уважаемый французский писатель[*], ничего общего не имеющий с нашим Товариществом, сказал о нем:

«Члены Центрального комитета национальной гвардии и большая часть членов Коммуны — самые деятельные, ясные и энергичные головы Международного Товарищества Рабочих... Это — люди безусловно честные, искренние, умные, полные самоотвержения, чистые и фанатичные в *хорошем* смысле этого слова».

Буржуазный рассудок, пропитанный полицейщиной, разумеется, представляет себе Международное Товарищество Рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого время от времени назначает восстания в разных странах. На самом же деле наше Товарищество есть лишь международный союз, объединяющий самых передовых рабочих разных стран цивилизованного мира. Где бы и при каких бы условиях ни проявлялась классовая борьба, какие бы формы она ни принимала, — везде на первом месте стоят, само собой разумеется, члены нашего Товарищества. Та почва, на которой вырастает это Товарищество, есть само современное общество. Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить деспотическое господство капитала над трудом, то есть искоренить основу своего собственного паразитического существования.

Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу,

[*] — по-видимому, Робине, *Ред.*

от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов.

Генеральный Совет:

М. Дж. Бун, Ф. Брадник, Г. Х. Баттери, Кэйхил, Делаэ, Уильям Хейлз, А. Эрман, Кольб, Ф. Лесснер, Дохнер, Дж. П. Мак-Доннел, Джордж Милнер, Томас Моттерсхед, Ч. Милс, Чарлз Марри, Пфендер, Роч, Роша, Рюль, Садлер, О. Серрайе, Кауэлл Степни, Альф. Тейлор, Уильям Таунсенд

Секретари-корреспонденты:

Эжен Дюпон — для Франции; ***Карл Маркс*** — для Германии и Голландии; ***Ф. Энгельс*** — для Бельгии и Испании; ***Герман Юнг*** — для Швейцарии; ***П. Джоваккини*** — для Италии; ***Зеви Морис,*** — для Венгрии; ***Антоний Жабицкий*** — для Польши; ***Джемс Кон*** — для Дании;

И. Г. Эккариус — для Соединенных Штатов.

Герман Юнг, председательствующий

Джон Уэстон, казначей

Джордж Харрис, финансовый секретарь

Джон Хейлз, генеральный секретарь

256, Хай Холборн,
Лондон, Уэстерн Сентрал,
30 мая 1871 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

«Колонна арестованных остановилась на авеню Урик и выстроилась в четыре или пять рядов на тротуаре лицом к улице. Генерал маркиз де Галиффе и его штаб спешились и начали осмотр с левого фланга. Медленно двигаясь и осматривая ряды, генерал останавливался то тут, то там, хлопая какого-нибудь человека по плечу или вызывая кивком головы кого-либо из задних рядов. В большинстве случаев, без дальнейших разговоров, человека, выбранного таким образом, заставляли выйти на середину улицы, где вскоре образовалась отдельная колонна меньшего размера ... Ясно, что тут был значительный простор для ошибок. Офицер верхом на лошади указал генералу Галиффе на мужчину и женщину, будто бы виновных в особом преступлении. Женщина, выбежав из рядов, бросилась на колени с вытянутыми вперед руками и в страстных выражениях уверяла в своей невиновности. Генерал выждал некоторое время и с самым бесстрастным лицом и безучастным видом сказал: «Мадам, я бывал во всех театрах Парижа, — не утруждайте себя и не играйте комедии (ce n'est pas la peine de jouer la comedie)»... Было плохо в этот день оказаться заметно выше, грязнее, чище, старше или некрасивее своих соседей. Один человек особенно поразил меня. Очевидно, он быстро избавился от бремени жизни благодаря сломанному носу... Когда таким образом было отобрано больше сотни человек и был назначен отряд расстреливающих, колонна двинулась вперед, оставив их позади. Несколько минут спустя позади нас раздался залп, и огонь продолжался свыше четверти часа. Это была казнь тех наспех осужденных бедняг», (Парижский корреспондент «Daily News», 8 июня.)

Этот Галиффе, «альфонс своей жены, столь известной тем, что она бесстыдно выставляла напоказ свое тело на оргиях Второй империи», во время войны был известен под именем французского «прапорщика Пистоля».

««Temps» — газета осторожная и не падкая на сенсации — рассказывает ужасную историю о людях, не умерших сразу после расстрела и погребенных прежде, чем их жизнь угасла. Большое количество из них было зарыто на сквере вокруг Сен-Жак-ла-Бушри, многие из них очень неглубоко. Днем уличный шум мешал это слышать, но в тишине ночи обитатели домов, находящихся по соседству, просыпались от отдаленных стонов, а утром они видели, как сжатая в кулак рука высовывается из-под земли. Вследствие этого было предписано откопать зарытых... У меня

нет ни малейшего сомнения в том, что многие раненые были заживо погребены. Один факт я могу засвидетельствовать. Когда Брюнель был застрелен вместе со своей возлюбленной 24-го во дворе одного дома на Вандомской площади, тела лежали там до вечера 27-го. Когда погребальный отряд явился, чтобы убрать тела, он увидел, что женщина еще жива, и отвез ее в больницу. Хотя в нее попали четыре пули, она теперь вне опасности». (Парижский корреспондент «Evening Standard»[253], 8 июня.)

II

Следующее письмо появилось в лондонском «Times» от 13 июня[254]:

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES»

Милостивый государь!

6 июня 1871 г. Жюль Фавр разослал циркуляр всем европейским державам, в котором он призывал их бороться с Международным Товариществом Рабочих вплоть до его уничтожения. Для характеристики этого документа достаточно всего лишь нескольких замечаний.

Уже во введении к нашему Уставу указывалось, что Интернационал был основан «28 сентября 1864 г. на публичном собрании в Сент-Мартинс-холле, Лонг-Эйкр, в Лондоне»[255]. По причинам, лучше всего известным ему самому, Жюль Фавр переносит дату его возникновения на время до 1862 года.

Для разъяснения наших принципов он берется цитировать «его» (Интернационала) «листовку от 25 марта 1869 года». Но что же он в действительности цитирует? Листовку одного общества, которое вовсе не является Интернационалом. К такого рода маневрам он уже прибегал, будучи еще довольно молодым адвокатом, при защите парижской газеты «National» от обвинения в клевете, возбужденного против нее Кабе. Тогда он утверждал, что читает выдержки из брошюр Кабе. а в действительности читал им же самим вставленные предложения. Этот обман был обнаружен еще во время судебного заседания, и, если бы не снисходительность Кабе, Жюль Фавр был бы наказан исключением из парижской адвокатской корпорации. Из всех документов, которые Жюль Фавр цитирует в качестве документов Интернационала, ни один не принадлежит Интернационалу. Так, например, он говорит:

«Альянс объявляет себя атеистическим, как это заявляет Генеральный Совет, учрежденный в Лондоне в июле 1869 года».

Генеральный Совет никогда не выпускал такого документа. Напротив,он выпустил документ[256], объявлявший недействительным тот самый устав Альянса — L'Alliance de la Democratie

Socialiste[*] в Женеве, — который как раз Жюль Фавр и цитирует.

Во всем этом циркуляре, якобы направленном в известной части также и против империи, Жюль Фавр лишь повторяет те полицейские вымыслы бонапартовских прокуроров, которые были опровергнуты даже перед судами самой империи.

Известно, что в своих двух воззваниях (от июля и сентября прошлого года) о последней войне[**] Генеральный Совет Интернационала разоблачил завоевательные планы Пруссии, направленные против Франции. Впоследствии г-н Ретленжер, личный секретарь Жюля Фавра, обращался, и, разумеется, напрасно, к некоторым членам Генерального Совета с просьбой добиться демонстративного выступления Совета против Бисмарка в поддержку правительства национальной обороны; при этом их особенно просили не упоминать о республике. Приготовления к демонстрации, ввиду ожидавшегося прибытия Жюля Фавра в Лондон, были сделаны, — несомненно с самыми лучшими намерениями, — вопреки желанию Генерального Совета, который в своем воззвании от 9 сентября определенно предостерегал парижских рабочих в отношении Жюля Фавра и его коллег.

Что сказал бы тот же Жюль Фавр, если бы Генеральный Совет Интернационала обратился, в свою очередь, с циркулярным письмом о Жюле Фавре ко всем европейским кабинетам, предлагая их особому вниманию документы, опубликованные в Париже покойным г-ном Мильером?

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Джон Хейлз,
секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих

256, Хай Холборн,
Лондон, Уэстерн Сентрал,
12 июня

В статье «Международное Товарищество и его цели» лондонский «Spectator»[257] (от 24 июня), в качестве благочестивого доносчика, цитирует, пожалуй, еще более основательно, чем это сделал Жюль Фавр, вместе с другими подобными же художествами, упомянутый выше документ Альянса как произведение Интернационала. Он напечатал это одиннадцать дней спустя после того как вышеприведенное опровержение было опубликовано в газете «Times». Это нас не удивляет. Уже Фридрих Великий говорил, что из всех иезуитов протестантские хуже всех.

---

[*] — Альянса социалистической демократии. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 1—6, 274—282. *Ред.*

К. МАРКС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «PALL MALL GAZETTE»

Ф. ГРИНВУДУ, ЭСКВАЙРУ

8 июня 1871 г.

Милостивый государь!

Не будете ли Вы столь любезны поместить следующие несколько строк в ближайшем номере Вашей газеты?

С уважением

К. Маркс

РЕДАКТОРУ «PALL MALL GAZETTE»

Милостивый государь!

Из парижской корреспонденции, помещенной во вчерашнем номере Вашей газеты, я узнал, что, в то время как я воображал, будто живу в Лондоне, меня по требованию Бисмарка — Фавра, оказывается, арестовали в Голландии. Не кажется ли Вам, что это сообщение лишь один из тех бесчисленных сенсационных вымыслов об *Интернационале,* которые за последние два месяца неустанно фабриковались франко-прусской полицией, публиковались версальской прессой и перепечатывались остальной европейской прессой.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга.

Карл Маркс

1, Модена-Виллас, Мейтленд-парк,
8 июня 1871 г.

Напечатано в «The Pall Mall Gazette» № 1972, 9 июня 1871 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью; сопроводительная записка публикуется по рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ЦИРКУЛЯРА ЖЮЛЯ ФАВРА [258]

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES»

Милостивый государь!

6 июня 1871 г. Жюль Фавр разослал циркуляр всем европейским державам, в котором он призывал их бороться с Международным Товариществом Рабочих вплоть до его уничтожения. Для характеристики этого документа достаточно всего лишь нескольких замечаний.

Уже во введении к нашему Уставу указывалось, что Интернационал был основан «28 сентября 1864 г. на публичном собрании в Сент-Мартинс-холле, Лонг-Эйкр» в Лондоне». По причинам, лучше всего известным ему самому, Жюль Фавр переносит дату его возникновения на время до 1862 года.

Для разъяснения наших принципов он берется цитировать «его» (Интернационала) «листовку от 25 марта 1869 года». Но что же он в действительности цитирует? Листовку одного общества, которое вовсе не является Интернационалом. К такого рода маневрам он уже прибегал, будучи еще довольно молодым адвокатом, при защите парижской газеты «National» от обвинения в клевете, возбужденного против нее Кабе. Тогда он утверждал, что читает выдержки из брошюр Кабе, а в действительности читал им же самим вставленные предложения. Этот обман был обнаружен еще во время судебного заседания, и, если бы не снисходительность Кабе, Жюль Фавр был бы наказан исключением из парижской адвокатской корпорации. Из всех документов, которые Жюль Фавр цитирует в качестве документов Интернационала, ни один не принадлежит Интернационалу. Так, например, он говорит:

«Альянс объявляет себя атеистическим, как это заявляет Генеральный Совет, учрежденный в Лондоне в июле 1869 года».

Генеральный Совет никогда не выпускал такого документа. Напротив, он выпустил документ, объявлявший недействительным тот самый устав «Альянса» — L'Alliance de la Democratie Socialiste* в Женеве, — который как раз Жюль Фавр и цитирует.

Во всем этом циркуляре, якобы направленном в известной части также и против империи, Жюль Фавр лишь повторяет те полицейские вымыслы бонапартовских прокуроров, которые были опровергнуты даже перед судами самой империи.

Известно, что в своих двух воззваниях (от июля и сентября прошлого года) о последней войне**, Генеральный Совет Интернационала разоблачил завоевательные планы Пруссии, направленные против Франции. Впоследствии г-н Ретленжер, личный секретарь Жюля Фавра, обращался, и, разумеется, напрасно, к некоторым членам Генерального Совета с просьбой добиться демонстративного выступления Совета против Бисмарка в поддержку правительства национальной обороны; при этом их особенно просили не упоминать о республике. Приготовления к демонстрации, ввиду ожидавшегося прибытия Жюля Фавра в Лондон, были сделаны, — несомненно с самыми лучшими намерениями, — вопреки желанию Генерального Совета, который в своем воззвании от 9 сентября определенно предостерегал парижских рабочих в отношении Жюля Фавра и его коллег.

Что сказал бы тот же Жюль Фавр, если бы Интернационал обратился, в свою очередь, с циркулярным письмом о Жюле Фавре ко всем европейским кабинетам, предлагая их особому вниманию документы, опубликованные в Париже покойным г-ном Мильером?

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Джон Хейлз,
секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих

256, Хай Холборн,
Лондон, Уэстерн Сентрал,
12 июня 1871 г.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом

Напечатано в газетах «The Times» № 27088, 13 июня 1871 г., а также «The Eastern Post» № 142, 17 июня 1871 г., «L'Internationale» №127, 18 июня 1871 г., «Der Volksstaat» № 50, 21 июня 1871 г. и других органах Интернационала

Печатается по тексту газеты «The Times»

Перевод с английского

* — Альянса социалистической демократии. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 1—6, 274—282. *Ред.*

К. МАРКС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «TIMES» [259]

В ГАЗЕТУ «TIMES»

Генеральный Совет нашего Товарищества поручил мне в ответ на передовую Вашей газеты об Интернационале, помещенную в номере от 19 июня 1871 г., сообщить Вам следующее:

Мнимые парижские манифесты, опубликованные «Paris-Journal» и тому подобными органами — манифесты, которые просто фабрикуются версальской полицией, — Вы ставите на одну доску с нашим воззванием «Гражданская война во Франции».

Вы утверждаете:

««Политические заметки», опубликованные профессором Бизли и цитированные на днях в нашей газете, цитируются с полным одобрением и в воззвании Совета, и теперь мы можем понять, как справедливо было наградить бывшего императора титулом спасителя общества».

Но Совет в своем воззвании ничего не цитирует из «Политических заметок», за исключением свидетельства одного автора, который является известным и почтенным французским ученым, о личных качествах *членов Интернационала,* принимавших участие в последней парижской революции*. Какое это имеет отношение к «бывшему императору» и к спасенному им обществу? «Программа» Товарищества вовсе не была «подготовлена» гг. Толеном и Оджером «семь лет тому назад», как Вы это утверждаете. Она была принята Временным Советом, избранным на публичном собрании в Сент-Мартинс-холле, Лонг-Эйкр, 28 сентября 1864 года. Г-н Толен никогда не был членом этого Совета и вообще не был в Лондоне, когда составлялась эта программа.

* См. настоящий том, стр. 366. *Ред.*

Вы утверждаете, что «Мильер» был «одним из самых жестоких членов Коммуны». Однако Мильер никогда не был членом Коммуны.

«Мы», — говорите Вы далее, — «должны также указать на *Асси,* бывшего до недавнего времени председателем Товарищества», и т. д.

Асси никогда не был членом Интернационала, а что касается должности «председателя Товарищества», то она давно, в 1867 г., упразднена[260].

Написано К. Марксом около 20 июня 1871 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XIII, ч. II, 1940 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «STANDARD» [261]

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «STANDARD»

В передовой об *Интернационале* (от 19 июня) Вы пишете:

«Из двух обращений (лондонского и парижского), недавно выпущенных в защиту Коммуны, обращение парижской организации имеет то достоинство, что оно более правдиво и более откровенно».

К несчастью для Вас, «парижский» манифест выпущен не нашей организацией в Париже, а «версальской полицией». Вы утверждаете:

«Лондонские интернационалисты не менее горячо, тем их парижская братия, настаивают на том, что «старое общество должно быть разрушено и будет разрушено». Они говорят о поджоге общественных зданий и расстреле заложников, как о «гигантском усилии для того, чтобы уничтожить общество», усилии, которое на этот раз хотя и не увенчалось успехом, но будет повторяться, пока не достигнет цели».

Генеральный Совет Товарищества предлагает Вам точно указать страницы и строки нашего воззвания, где находятся слова, которые Вы нам приписываете!

Написано К. Марксом около 20 июня 1871 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XIII, ч. II, 1940 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ХОЛИОКА [262]

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «DAILY NEWS»

Милостивый государь!

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих в ответ на письмо г-на Джорджа Джекоба Холиока, помещенное во вторник в «Daily News», поручил мне сделать следующее заявление:

1. Что касается инсинуации, будто воззвание, выпущенное Советом, «может стать в Версале причиной казней или ссылок», Совет полагает, что его парижские друзья могут судить об этом лучше, чем г-н Холиок.

2. В Совете принято за правило, чтобы под всеми его официальными документами помещались фамилии всех его членов, как присутствующих, так и отсутствующих*.

3. Что касается утверждения, будто это воззвание

> «не может быть произведением англичанина, хотя и явно отредактированным каким-то саксонским или кельтским пером».

Совет просит учесть, что произведения интернациональной организации не могут, само собой разумеется, носить специфически национального характера. Впрочем, Совету тут нечего скрывать. Воззвание, как и многие ранее выпущенные публикации Совета, было составлено секретарем-корреспондентом для Германии д-ром Карлом Марксом. Оно было принято единогласно, и никто его не редактировал.

---

* В рукописи Энгельса далее следует: «Однако в данном случае в виде исключения было официально запрошено согласие отсутствовавших членов». *Ред.*

4. В прошлом году Джордж Джекоб Холиок выставлял свою кандидатуру в члены Совета, но кандидатура его была отвергнута.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Джон Хейлз,
секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих

256, Хай Холборн,
Лондон, Уэстерн Сентрал,
21 июня 1871 г.

Написано Ф. Энгельсом 20 июня 1871 г.

Напечатано в газетах «The Daily News», 23 июня 1871 г. и «The Eastern Post» № 143, 24 июня 1871 г.

Печатается по тексту газеты «The Daily News», сверенному с рукописью

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТ «SPECTATOR» И «EXAMINER» [263]

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «SPECTATOR» (СООТВЕТСТВЕННО «EXAMINER»)

Милостивый государь!

Вы весьма обяжете Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих, предав гласности тот факт, что все мнимые манифесты и другие издания «Интернационала» в Париже, которыми ныне кишит английская пресса (впервые они все опубликованы в пресловутом «Paris-Journal»), все без единого исключения были сфабрикованы версальской полицией.

Остаюсь и т. д.

Написано Ф. Энгельсом около 21 июня 1871 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XIII, ч. II, 1940 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «DAILY NEWS» [264]

Милостивый государь!

Совет, состоящий более чем из 30 членов, не может, конечно, непосредственно сам составлять свои документы. Ему приходится поручать эту работу тому или иному из своих членов, оставляя за собой право отвергнуть документ или внести в него поправки. Воззвание «Гражданская война во Франции», написанное мной, было единогласно принято Генеральным Советом Интернационала и является, следовательно, официальным выражением его взглядов. Что же касается личных обвинений, выдвинутых против Жюля Фавра и К°, то здесь дело обстоит иначе. В этом вопросе подавляющему большинству Совета пришлось положиться на мою добросовестность. Вот почему я поддержал предложение одного из членов Совета[*], чтобы г-н Джон Хейлз в своем ответе г-ну Холиоку[**] назвал меня автором воззвания. Ответственность за эти обвинения несу один лишь я и настоящим своим заявлением предлагаю Жюлю Фавру и К° возбудить против меня судебное преследование за клевету. В своем письме г-н Луэллин Девис пишет:

> «Печально читать обвинения в личной подлости, столь щедро расточаемые французами по отношению друг к другу».

Не отдает ли эта сентенция духом того фарисейского самомнения, которое так часто высмеивал у англичан Уильям Коббет? Разрешите спросить г-на Луэллина Девиса, что хуже:

[*] — Ф. Энгельса. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 377—378. *Ред.*

французская petite presse*, которая, находясь на службе у полиции, фабрикует гнуснейшую клевету против коммунаров, — убитых, захваченных в плен или скрывающихся, — или же английская пресса, которая по сей день продолжает повторять эту самую клевету, несмотря на свое показное презрение к petite presse. Ведь не для французов же унизителен тот факт, что именно в Англии, например, а не во Франции, можно было замять столь серьезные обвинения, которые выдвигались в продолжение целой четверти века против покойного лорда Пальмерстона таким человеком, как г-н Давид Уркарт[265].

Карл Маркс

1, Модена-Виллас, Мейтленд-парк,
Хаверсток-Хилл, 26 июня

Напечатано в газетах «The Eastern Post» № 144, 1 июля 1871 г. и (с произвольными сокращениями) «The Daily News» 27 июня 1871 г.

Печатается по тексту газеты «The Eastern Post», сверенному с текстом газеты «The Daily News»

Перевод с английского

* — бульварная пресса. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ПИСЕМ ХОЛИОКА И ЛЕКРАФТА [266]

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «DAILY NEWS»

Милостивый государь,

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих уполномочил меня ответить на опубликованные в понедельник в Вашей газете письма гг. Дж. Дж. Холиока и Б. Лекрафта. Из протокола заседания Совета видно, что г-н Холиок, получив на это разрешение, присутствовал на заседании Совета 16 ноября 1869 г. и на этом заседании изъявил желание стать членом Совета, а также принять участие в ближайшем общем конгрессе Интернационала, который должен был состояться в Париже в сентябре 1870 года. После ухода г-на Холиока г-н Джон Уэстон выставил его кандидатуру в члены Совета, но это предложение встретило такой прием, что г-н Уэстон не настаивал на своем предложении и снял его. Что касается заявления г-на Лекрафта о том, что он не присутствовал на заседании, когда голосовалось воззвание, я должен сказать, что г-н Лекрафт присутствовал на заседании Совета, состоявшемся 23 мая 1871 г., когда было официально объявлено, что проект воззвания «Гражданская война во Франции» будет зачитан и обсужден на следующем очередном заседании Совета 30 мая. Поэтому г-н Лекрафт имел полную возможность решить, будет ли он присутствовать на заседании по этому вопросу или не будет. Он не только знал, что, согласно установившемуся в Совете правилу, под официальными документами Совета помещались фамилии всех его членов, как присутствующих, так и отсутствующих, но был одним из самых ярых сторонников этого правила и не раз выступал против попыток его нарушить; между прочим и 23 мая он вместе с другими высказался против таких попыток. Тогда

же он по собственному побуждению сообщил Совету, что «все его симпатии на стороне Парижской Коммуны». На заседании Совета во вторник вечером 20 июня г-н Лекрафт вынужден был признать, что даже и к тому времени он не прочитал самого воззвания, но судит о нем только на основании отзывов печати. Относительно опровержения г-на Оджера могу только сказать, что на заседании Совета ожидали его присутствия и что он был осведомлен о намерении Совета в ближайшее время выпустить воззвание; у него спросили, не возражает ли он против того, что в связи с этим будет фигурировать его имя, на что он ответил «нет». Пусть общественное мнение само делает выводы. Я могу добавить, что отставку гг. Лекрафта и Оджера Совет принял единогласно.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Джон Хейлз,
секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих

256, Хай Холборн, Лондон,
Уэстерн Сентрал

Написано Ф. Энгельсом 27 июня 1871 г.

Напечатано в газетах «The Daily News» 29 июня 1871 г. и «The Eastern Post» № 144, 1 июля 1871 г.

Печатается по тексту газеты «The Daily News»

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «NEUE FREIE PRESSE» ФРИДЛЕНДЕРУ [267]

Уважаемый друг!

Не будете ли Вы столь любезны поместить следующее заявление в Вашей газете и переслать мне соответствующий номер.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «NEUE FREIE PRESSE»

В венской «Presse»[268] под заглавием «Социалистическая вечеринка» помещен фельетон, помеченный инициалом В.; в этом фельетоне имею честь фигурировать я. Как утверждает В., он встречал меня на вечеринке у *Герцена.* Он даже вспоминает речи, которые я там произносил.

Будучи решительным противником Герцена, я постоянно избегал встречи с ним и потому *никогда* в жизни не видел этого человека.

Я сомневаюсь в том, что В., обладающий такой пылкой фантазией, вообще когда-либо бывал в Лондоне. *«Мраморные лестницы»,* которые В. видел даже в «коттедже» Герцена, здесь бывают только во дворцах.

Настоящим предлагаю этому В., которому не дают покоя лавры «Paris-Journal» и подобных полицейских органов, назвать себя.

Карл Маркс

Лондон, 30 июня 1871 г.

Напечатано в газете «Neue Freie Presse» № 2462, 4 июля 1871 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью; сопроводительная записка публикуется по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ «PALL MALL GAZETTE» ГРИНВУДУ [269]

Милостивый государь!

Я заявил в «Daily News» — и Вы перепечатали мое заявление в «Pall Mall Gazette», — что «ответственность за обвинения, выдвинутые против Жюля Фавра и К°, несу один лишь я»[*].

Во вчерашнем номере Вашей газеты Вы заявили, что эти обвинения являются *«клеветой»* Я заявляю, что *клеветник* — Вы. Не моя вина, что Вы так же *невежественны,* как и *наглы.* Если бы мы жили на континенте, я бы привлек Вас к ответу иным способом.

Ваш покорный слуга

Карл Маркс

Хаверсток-Хиглл, Лондон,
Норд-Уэст, 30 июня 1871 г.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 145, 8 июля 1871 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с рукописью

Перевод с английского

---

[*] См. настоящий том, стр. 380. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ВОЗЗВАНИЕ «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ» И АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА

Лондон, 30 июня. — С тех пор как существует Лондон, ни одно печатное произведение не производило такого сильного впечатления, как воззвание Генерального Совета Интернационала. Большая пресса попыталась было сначала пустить в ход свой излюбленный прием полного замалчивания, но уже через несколько дней они убедились, что на сей раз это ей не удастся. «Telegraph»[270], «Standard», «Spectator», «Pall Mall Gazette», «Times» должны были, одна за другой, посвятить этому «достопримечательному документу» свои передовые. Затем в газетах появились письма читателей, обращавшие особое внимание на те или другие места воззвания. Затем — снова передовые, а в конце недели опять отзывы в еженедельниках. Вся печать должна была единодушно признать, что Интернационал — это европейская великая держава, с которой приходится считаться и которую нельзя устранить, замалчивая ее существование. Все должны были признать также мастерство литературного стиля воззвания; по словам «Spectator», язык воззвания столь же могуч, как язык Уильяма Коббета. Что буржуазная печать почти единодушно ополчится против документа, который так энергично отстаивает пролетарскую точку зрения и решительно берет под защиту Парижскую Коммуну, — этого следовало ожидать. Неудивительно также, что сфабрикованные парижскими полицейскими газетками штибериады[271] и документы совершенно другой организации (бакунинского Альянса социалистической демократии), ответственность за которые Жюль Фавр хотел свалить на Интернационал, несмотря на публичный протест Генерального Совета, все же были приписаны Ин-

тернационалу. Однако под конец вся эта шумиха надоела даже филистеру. «Daily News» забила отбой, а «Examiner» — единственная газета, которая вела себя действительно прилично, — в обстоятельной статье решительно вступилась за Интернационал. Под влиянием газетной шумихи два английских члена Генерального Совета, — из которых один *(Оджер)* уже давно спелся с буржуазией, а другой *(Лекрафт),* с тех пор как был избран в лондонский школьный совет, стал, по-видимому, гораздо больше прислушиваться к мнению «респектабельных» людей, — заявили о своем выходе из Генерального Совета, и отставка их была принята единогласно. Они уже заменены двумя другими английскими рабочими* и вскоре почувствуют, что значит предать пролетариат в решительный момент.

Один английский поп, Луэллин Девис, сетовал в «Daily News» по поводу содержащихся в воззвании резкостей в адрес Жюля Фавра и К°; он высказал пожелание, чтобы правильность или лживость этих обвинений была установлена хотя бы путем судебного процесса французского правительства против Генерального Совета. На следующий день *Карл Маркс заявил в той же газете, что он как автор воззвания берет на себя личную ответственность за эти обвинения*** *;* однако французское посольство не получило, по-видимому, предписания предъявить ему обвинение в клевете. Наконец «Pall Mall Gazette» заявила, что в этом дескать и нет надобности, что личность государственного деятеля как таковая всегда священна, нападкам же могут подвергаться лишь его публичные действия. Разумеется, если бы то, что характеризует личность *английских* государственных деятелей, было бы предано гласности, то настал бы день страшного суда для олигархического и *буржуазного* мира.

Появившаяся в венской газете «Wanderer»[272] статья негодяя Нечаева о Нечаеве обошла всю немецкую прессу; в ней прославляются его подвиги вместе с подвигами Серебренникова и Элпидина. Если это повторится, мы выскажемся подробнее об этой почтенной троице. А пока заметим только, что Элпидин — известный *русский шпион.*

Написано Ф. Энгельсом 30 июня 1871 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 54, 5 июля 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — Дж. Рочем и А. Тейлором. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 380. *Ред.*

К. МАРКС

Г-н УОШБЕРН, АМЕРИКАНСКИЙ ПОСОЛ В ПАРИЖЕ [273]

НЬЮ-ЙОРКСКОМУ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ СЕКЦИЙ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ
В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Граждане!

Генеральный Совет Товарищества считает своим долгом сообщить вам через печать данные о поведении американского посла г-на Уошберна во время гражданской войны во Франции.

I

Нижеследующее заявление сделано г-ном Робертом Ридом, шотландцем, который прожил в Париже 17 лет и во время гражданской войны состоял корреспондентом лондонской газеты «Daily Telegraph» и «New-York Herald»[274]. Следует отметить, кстати, что газета «Daily Telegraph» искажала в интересах версальского правительства даже те краткие телеграфные сообщения, которые посылал в эту газету г-н Рид.

Г-н Рид, находящийся теперь в Англии, готов подтвердить свое заявление в форме affidavit*.

«Звон набата, смешиваясь с грохотом пушек, продолжался всю ночь. Спать было невозможно. Где же, думал я, представители Европы и Америки? Возможно ли, чтобы при виде этого потока невинно пролитой крови они не сделали попыток к примирению? Я не мог больше мириться с этой мыслью и, зная, что г-н Уошберн в городе, решил немедленно же повидаться с ним. Кажется, это было 17 апреля; впрочем, точная дата может быть установлена по моему письму лорду Лайонсу, которому я писал в тот же день. Направляясь к резиденции Уошберна, я встретил по дороге, когда пересекал Елисейские поля, множество санитарных повозок, заполненных ранеными и умирающими. Снаряды рвались вокруг Триумфальной арки, и к длинному списку жертв Тьера прибавилось еще множество невинных людей.

Дойдя до № 95 на улице Шайо, я спросил консьержа, как пройти к послу Соединенных Штатов, и был направлен на второй этаж. В Париже

* — заявления перед судьей, равносильного показанию под присягой. *Ред.*

ваше имущественное и общественное положение почти безошибочно определяется лестницей или этажом, где расположена ваша квартира; это своего рода социальный барометр. В квартире первого этажа с окнами на улицу вы обнаружите маркиза, а на пятом этаже с окнами во двор — скромного мастерового; разделяющие их лестницы указывают на существующую между ними социальную пропасть. Не встретив, поднимаясь по лестнице, дюжих лакеев в красных штанах и шелковых чулках, я подумал: «Да! американцы зря не бросаются деньгами, — мы же их просто расточаем».

Войдя в комнату секретаря, я спросил г-на Уошберна. — «Желаете ли Вы видеть его лично?» — «Да». Обо мне доложили, и я был допущен к нему. Он сидел, развалясь в удобном кресле, и читал газету. Я ожидал, что он встанет, но он продолжал сидеть, по-прежнему не выпуская из рук газеты, — поступок крайне грубый в стране, где люди обычно так вежливы.

Я сказал г-ну Уошберну, что с нашей стороны было бы бесчеловечно, если бы мы не попытались добиться примирения. Удастся нам это или нет — во всяком случае, наш долг попытаться это сделать; и момент для этого казался особенно благоприятным, так как пруссаки в то время настойчиво требовали от Версаля окончательного урегулирования положения. Совместное воздействие Америки и Англии склонило бы чашу весов в пользу мира.

«Парижане — бунтовщики, — ответил г-н Уошберн, — *пусть они сложат оружие».* Я возразил, что национальная гвардия имеет законное право носить свое оружие, но что вопрос не в этом. Когда гуманность поругана, цивилизованный мир имеет право вмешаться, и я прошу Вас о сотрудничестве с лордом Лайонсом в этом деле. Г-н Уошберн: «Эти версальцы ничего не желают слушать». — «Если они откажутся, моральная ответственность ляжет на них». Г-н Уошберн: «Я этого не нахожу. Я тут ничего не могу сделать. Вам бы лучше повидаться самому с лордом Лайонсом».

Так кончилось наше свидание. Я покинул г-на Уошберна глубоко разочарованный. В его лице я встретил грубого и надменного человека, совершенно лишенного тех братских чувств, которых можно было бы ожидать от представителя демократической республики. Я имел честь дважды беседовать с лордом Каули, когда он был нашим представителем во Франции. Его откровенность и любезное обращение составляли разительный контраст с холодным, самонадеянным и лжеаристократическим тоном американского посла.

Я убеждал также и лорда Лайонса, что Англия обязана во имя человечности всемерно содействовать примирению, так как был уверен, что британское правительство не может, не навлекая на себя проклятия каждого гуманного человека, равнодушно смотреть на такие зверства, как бойня на станции Кламар и в Мулен-Саке, не говоря уже об ужасах в Нейи. Лорд Лайонс ответил мне устно через своего секретаря, г-на Эдуарда Малита, что он препроводил мое письмо правительству и охотно перешлет любое другое сообщение, которое я мог бы сделать по данному вопросу. Был момент, когда обстоятельства складывались особенно благоприятно для примирения, и, если бы наше правительство бросило тогда на чашу весов свое влияние, мир был бы избавлен от парижской резни. Во всяком случае, не вина лорда Лайонса, если британское правительство не исполнило своего долга.

Но вернемся к г-ну Уошберну. В среду утром, 24 мая, я проходил по бульвару Капуцинов; услышав свое имя, я обернулся и увидел д-ра Хоссарта, стоявшего около г-на Уошберна, который сидел в открытом экипаже, окруженный большой группой американцев. После обычных

приветствий я вступил в беседу с д-ром Хоссартом. Вскоре завязался общий разговор об ужасах, происходивших вокруг; тогда г-н Уошберн, обращаясь ко мне с видом человека, уверенного в правоте своих слов, сказал: *«Каждый, кто принадлежит к Коммуне, и все, кто ей сочувствуют, будут расстреляны».* Увы, я знал, что они убивали стариков и детей, все преступление которых состояло лишь в том, что они *сочувствовали* Коммуне, но я не ожидал услышать об этом полуофициально от г-на Уошберна; а между тем, когда он *повторял* эту кровожадную фразу, у него еще было время спасти архиепископа»[275].

II

«24 мая секретарь г-на Уошберна явился на заседание Коммуны, собравшейся в мэрии 11-го округа, с предложением от пруссаков о посредничестве между версальцами и коммунарами на следующих условиях:

Приостановление военных действий.

Переизбрание Коммуны, с одной стороны, и Национального собрания — с другой.

Версальские войска оставляют Париж и размещаются в укреплениях и вокруг них.

Национальная гвардия продолжает охранять Париж.

Лица, которые служат или служили в армии Коммуны, не подлежат никакому наказанию.

Коммуна на чрезвычайном заседании приняла эти предложения с оговоркой, что Франции должен быть предоставлен двухмесячный срок для подготовки всеобщих выборов в Учредительное собрание.

Состоялась и вторая встреча с секретарем американского посольства. На своем утреннем заседании 25 мая Коммуна решила послать в качестве уполномоченных 5 граждан — в том числе Вермореля, Делеклюза и Арнольда — в Венсенн, где, согласно сообщению секретаря г-на Уошберна, должен был находиться прусский представитель. Однако эта депутация не была пропущена караулом национальной гвардии у Венсеннских ворот. В результате еще одного и последнего свидания с тем же секретарем американского посольства гражданин Арнольд, которому тот вручил пропуск, 26 мая отправился в Сен-Дени, где он... *не* был принят пруссаками.

Результатом этого американского вмешательства (которое возбудило веру в возобновление нейтралитета со стороны пруссаков и в их намерение выступить в роли посредников между воюющими сторонами) было то, что в самый критический момент оборона на два дня была парализована. Несмотря на предосторожности, принятые для сохранения этих переговоров в тайне, они вскоре стали известны национальным гвардейцам, которые, вполне доверяя прусскому нейтралитету, бежали к прусским линиям, сдаваясь там в плен. Известно, как гнусно воспользовались этим доверием пруссаки; часть беглецов была расстреляна их часовыми, а сдавшиеся в плен были выданы версальскому правительству.

В течение всей гражданской войны г-н Уошберн не переставал через своего секретаря уверять Коммуну в своем горячем сочувствии, открыто проявить которое ему якобы препятствовало только его положение дипломата, и в своем решительном осуждении версальского правительства».

Это второе заявление сделано одним из членов Парижской Коммуны*, который, как и г-н Рид, готов в случае надобности подтвердить его в форме affidavit.

* — О. Серрайе. *Ред.*

Чтобы вполне оценить поведение г-на Уошберна, необходимо связать воедино заявления г-на Рида и члена Парижской Коммуны, указывающие на две стороны одного и того же замысла. Заявляя г-ну Риду, что коммунары — «бунтовщики», достойные своей участи, г-н Уошберн в то же время заверяет Коммуну в своем сочувствии ее делу и в своем презрении к версальскому правительству. *В тот же самый день, 24 мая,* когда в присутствии д-ра Хоссарта и многих американцев он заявляет г-ну Риду, что не только коммунары, но даже просто сочувствующие им лица безусловно осуждены на смерть, он вместе с тем сообщает Коммуне через своего секретаря, что не только ее членам, но и всем бойцам армии Коммуны будет сохранена жизнь.

Мы просим вас, дорогие граждане, сообщить эти факты рабочему классу Соединенных Штатов и призвать его решить, является ли г-н Уошберн подходящим представителем американской республики.

Генеральный Совет

Международного Товарищества Рабочих:

М. Дж. Бун, Ф. Брадник, Г. Х. Баттери, Кэйхил, Уильям Хейлз, Кольб, Ф. Лесснер, Джордж Милнер, Т. Моттерсхед, Ч. Марри, П. Мак-Доннел, Пфендер, Джон Роч, Рюль, Садлер, Кауэлл Степни, Альфред Тейлор, У. Таунсенд

Секретари-корреспонденты:

Эжен Дюпон — для Франции; ***Карл Маркс*** — для Германии и Голландии; ***Ф. Энгельс*** **—** для Бельгии и Испании; ***Г. Юнг*** — для Швейцарии;

П. Джоваккини — для Италии; ***Зеви Морис*** — для Венгрии; ***Антоний Жабицкий***— для Польши; ***Джемс Кон***— для Дании; ***И. Г. Эккариус*** — для Соединенных Штатов

Герман Юнг, председательствующий
Джон Уэстон, казначей
Джордж Харрис, финансовый секретарь
Джон Хейлз, генеральный секретарь

256, Хай Холборн, Лондон,
Уэстерн Сентрал,
11 июля 1871 г.

Написано К. Марксом.

Напечатано в виде листовки около 13 июля 1871 г., а также в ряде органов Интернационала в июле — сентябре 1871 г.

Печатается по тексту листовки

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «MORNING ADVERTISER» [276]

Милостивый государь!

В одной из сегодняшних передовых Вы цитируете ряд таких выражений, вроде «Лондон, Ливерпуль и Манчестер восстали против ненавистного капитала» и т. д., причем авторство Вы любезно приписываете мне.

Позвольте мне заявить, что все цитаты, на которых основана Ваша статья, представляют собой от начала до конца фальсификацию. Вас, вероятно, ввели в заблуждение некоторые из фальшивок, которые парижская полиция взяла за обыкновение чуть ли не ежедневно выпускать от моего имени, чтобы добыть улики против пленных членов Интернационала в Версале.

Примите, милостивый государь, и пр.

Карл Маркс

1, Модена-Виллас, Мейтленд-парк,
Хаверсток-Хилл, 11 июля 1871 г.

Напечатано в газете «The Morning Advertiser», 13 июля 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «STANDARD»

Милостивый государь!

В сегодняшнем утреннем номере «Standard» Ваш парижский корреспондент приводит письмо из «Gazette de France»[277], помеченное: «Берлин, 28 апреля 1871 г.» и якобы подписанное мной. Я позволю себе указать, что это письмо от начала до конца является подделкой, точно так же, как и все предыдущие приписываемые мне письма, которые недавно были опубликованы в «Paris-Journal» и других французских полицейских газетах. Если «Gazette de France» утверждает, что это письмо взято из немецких газет, то и тут она лжет. Немецкая газета никогда не пометила бы фальшивку Берлином.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Карл Маркс

Лондон, 13 июля

Напечатано в газете «The Standard», 17 июля 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ВЫСТУПЛЕНИЕ МАДЗИНИ ПРОТИВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА [278]

Мадзини в своем обращении «К итальянским рабочим» заявляет:

«Это Товарищество, которое было основано несколько лет тому назад в Лондоне, и от сотрудничества с которым я отказался с самого начала... Кучка индивидуумов, пытавшихся непосредственно руководить огромной массой людей, у которых все разное: родина, стремления, политическое положение, экономические интересы и способы действия, эта кучка кончит тем, что или вообще перестанет действовать или должна будет действовать тиранически. Вот почему я отказался иметь с ними дело, а немного спустя от этого отказалась и секция итальянских рабочих и т. д.».

Перейдем к фактам. После собрания 28 сентября 1864 г., на котором было основано Международное Товарищество Рабочих, как только собрался избранный на этом собрании Временный Совет, майор Л. Вольф представил манифест и проект устава, составленные самим Мадзини. В этом проекте не только не выдвигалось возражений против того, чтобы *«непосредственно руководить массой людей»* и т. д., не только не говорилось, что эта *«кучка индивидуумов... кончит тем, что или вообще перестанет действовать, или должна будет действовать тиранически»,* а наоборот, устав был составлен в духе централизованного заговора, дающего *тираническую* власть центральному органу. Манифест был составлен в обычном стиле Мадзини: буржуазная демократия, предоставляющая *политические права* рабочим с целью сохранения *социальных привилегий* средних и высших классов.

Этот манифест и проект устава были, естественно, отвергнуты. Но итальянцы оставались членами Товарищества до тех

пор, пока некоторые вопросы не были поставлены вновь благодаря стараниям неких французских буржуа, которые хотели использовать Интернационал в своих целях. После того как они потерпели неудачу, сначала Вольф, а затем и другие вышли из Товарищества[279]. И таким образом Интернационал покончил с Мадзини. Немного позднее Временный Центральный Совет, в ответ на статью Везинье, заявил в льежской газете, что Мадзини никогда не был членом Международного Товарищества и что его проекты манифеста и устава были отклонены[280]. Мадзини яростно нападал на Парижскую Коммуну, в том числе и в английской печати. Именно так он всегда поступал, когда пролетарии поднимали восстание; после июньского восстания 1848 г. он сделал то же самое, он так возмутительно поносил восставших пролетариев, что даже Луи Блан выступил против него в печати. А Луи Блан неоднократно заявлял тогда, что июньское восстание 1848 г. было делом бонапартистских агентов!

Мадзини называет Маркса человеком *«разрушительного... ума, нетерпимого нрава»* и т. д. видимо потому, что Маркс сумел с большим успехом разрушить интриги, которые Мадзини плел против Интернационала, с такой *нетерпимостью* выступив против плохо скрытой жажды власти старого конспиратора, что сделал его навсегда безвредным для Товарищества. И поэтому Интернационал должен быть очень доволен, что он имеет в числе своих членов человека, чей *«ум»* и *«нрав»* столь *«разрушительны»* и *«нетерпимы»,* что он сумел в течение семи лет обеспечить существование Товарищества, сделав больше, чем кто-либо, для того, чтобы привести его в теперешнее славное состояние.

Что касается раскола в Товариществе, который, по словам Мадзини, уже начался в Англии, то действительно два английских члена Совета*, спевшиеся с буржуазией, нашли наше воззвание о гражданской войне слишком резким и вышли из Товарищества. Вместо них в Генеральный Совет вошли четыре других англичанина** и один ирландец***, в результате чего Совет стал еще более сильным, чем раньше.

Вместо того чтобы оказаться в состоянии распада, Интернационал впервые публично признан теперь всей английской печатью как крупная европейская сила, и никогда небольшая брошюра, изданная в Лондоне, не производила такого впечатления, как воззвание Генерального Совета о гражданской войне

* — Оджер и Лекрафт. *Ред.*
** — Тейлор, Роч, Милс, Лохнер. *Ред.*
*** — Мак-Доннел. *Ред.*

во Франции; третье издание этой брошюры сейчас выходит в свет.

Необходимо, чтобы итальянские рабочие знали, что у великого агитатора и заговорщика Мадзини для них только один совет: *Просвещайтесь, обучайтесь как можно лучше* (как будто это возможно сделать, не имея средств!)... *старайтесь как можно больше создавать кооперативные потребительские общества* (даже не производственные?) — *и уповайте на будущее!!!*

Написано Ф. Энгельсом 28 июля 1871 г.

Напечатано в журнале «Il Libero Pensiero» № 9, 31 августа 1871 г., в «Gazzettino Rosa» № 255, 13 сентября 1871 г. (частично) и в ряде других итальянских газет

Печатается по тексту журнала «Il Libero Pensiero»

Перевод с итальянского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959 г. (в переводе с другого итальянского текста)

К. МАРКС

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «TIMES» [281]

7 августа 1871 г.
4, Мейтленд-парк род, Хаверсток-Хилл,
Лондон, Норд-Уэст

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES»

Милостивый государь!

Ввиду того что заметка «Journal Officiel» с возражениями на статью «Times» об отсрочке версальского процесса вызвала многочисленные отклики в европейской печати, прилагаемое может представить интерес для Ваших читателей[*]. Цитируемое письмо принадлежит адвокату, взявшему на себя защиту на суде нескольких лиц из числа арестованных.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Карл Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XIII, ч. II, 1940 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с английского

[*] См. настоящий том, стр. 398—399. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES»

Милостивый государь!

Замечания «Times» по поводу новой отсрочки судебного процесса пленных коммунаров в Версале, несомненно, попали в цель и выразили чувства французской публики. Сердитый ответ «Journal Officiel» на эти замечания лишний раз это подтверждает. В связи с появлением статьи «Times» в парижскую прессу было направлено множество протестов, но при существующих условиях эти протесты, конечно, не будут напечатаны. Передо мной письмо одного француза, официальное положение которого дает ему возможность быть в курсе дела, и поэтому его показания о причинах непонятной отсрочки процесса могут представить известную ценность. Вот несколько выдержек из этого письма:

«До сих пор никому не известно, когда начнутся заседания 3-го военного суда. Причина этого, по-видимому, заключается в том, что капитан Грималь, Commissaire de la Republique (государственный обвинитель) заменен другим, более надежным лицом. В последнюю минуту, после ознакомления с составленным им обвинительным актом, подлежавшим оглашению на суде, выяснилось, что обвинитель, пожалуй, в некотором роде республиканец, что он служил под командованием Федерба и т. п. в Северной армии и т. д. Внезапно в его служебный кабинет является другой офицер, предъявляет ему свои полномочия и заявляет: я Ваш преемник. Для бедняги капитана это было такой неожиданностью, что он чуть не сошел с ума...

Г-н Тьер решительно все желает делать сам. Эта мания заходит у него так далеко, что он не только вопреки установленным правилам беспристрастности суда собирает в своем кабинете всех juges d'instructions*,

* — судебных следователей. *Ред.*

но старается даже подобрать состав публики, допускаемой в зал суда. Он сам распределяет входные билеты, через г-на де Сент-Илера...

А между тем в Сатори арестованные мрут, как мухи, — безжалостная смерть делает свое дело быстрее, чем правосудие этого ничтожного государственного человечка. В версальской одиночной тюрьме находится один рослый парень, не говорящий ни слова по-французски. Предполагают, что он ирландец. Каким образом он попал в эту беду, все еще остается тайной. Среди арестованных есть также человек высокой честности по имени... Он сидит в своей камере уже два месяца и до сих пор не был допрошен. Как это гнусно».

Ваш покорный слуга

Юстиция

Лондон, 7 августа 1871 г.

Написано Ф. Энгельсом

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XIII, ч. II, 1940 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «L'INTERNATIONAL» [282]

Милостивый государь!

В статье, озаглавленной «Общество Интернационал», Вы заявляете:

«Рабочие в своем ослеплении создают за счет своих скудных сбережений всяческий комфорт членам Совета, позволяющий им жить в Лондоне в свое удовольствие».

Должен Вам заметить, что за исключением генерального секретаря, получающего вознаграждение в размере 10 шиллингов в неделю, все члены Совета выполняют и всегда выполняли свои обязанности *безвозмездно*.

Я требую опубликования этих строк в ближайшем номере Вашей газеты.

Если Ваша газета продолжит распространение клеветы подобного рода, она будет привлечена к судебной ответственности.

Имею честь кланяться

К. Маркс

Лондон, 17 августа 1871 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 68, 23 августа 1871 г.

Печатается по черновой рукописи, сверенной с текстом газеты

Перевод с французского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «PUBLIC OPINION» [283]

В ЧАСТНОМ ПОРЯДКЕ

Милостивый государь!

Я не только требую от Вас помещения в ближайшем номере прилагаемого ответа[*], но и настаиваю *на подробном и полном опровержении* на том самом месте Вашей газеты, на котором Вы поместили клевету.

Мне было бы очень жаль, если бы мне пришлось прибегнуть к судебному процессу против Вашей газеты.

Ваш покорный слуга

К. М.

Написано 19 августа 1871 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIV, 1931 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с английского

[*] См. настоящий том, стр. 402. *Ред.*

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «PUBLIC OPINION»

Милостивый государь!

В сегодняшнем номере газеты Вы переводите из пресловутого органа Бисмарка «National-Zeitung»[284] в высшей степени злостный пасквиль, направленный против Международного Товарищества Рабочих, в котором имеется следующее место:

««Капитал, — утверждает Карл Маркс; — торгует силами и жизнью рабочего», но этот новый мессия сам недалеко ушел от этого; он берет у мастерового деньги, которые последний получает у капиталиста за свой труд, а взамен великодушно выдает ему вексель на государство, которое, быть может, будет существовать тысячу лет спустя. Какие назидательные факты сообщают нам о подлой продажности социалистических агитаторов, как бесстыдно злоупотребляют они доверенными им деньгами и какие взаимные обвинения бросают они друг Другу в лицо, — обо всем этом мы достаточно узнали благодаря конгрессам и печатным органам партии. Это чудовищный вулкан грязи, из извержений которого не могло выйти ничего лучшего, чем Парижская Коммуна».

В ответ продажным писакам из «National-Zeitung» я думаю достаточно сказать, что я никогда не просил и не получал ни гроша от рабочего класса Англии или какой-либо другой страны.

За исключением генерального секретаря, который получает заработную плату в размере десяти шиллингов в неделю, все члены Генерального Совета Интернационала выполняют свою работу *безвозмездно.* Финансовые отчеты Генерального Совета, которые ежегодно представлялись общему конгрессу Товарищества, всегда утверждались единогласно, не вызывая никаких споров.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Карл Маркс

Хаверсток-Хилл, 19 августа 1871 г.

Напечатано в газете «Public Opinion» № 518, 26 августа 1871 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с черновой рукописью

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «GAULOIS» [285]

Брайтон, 24 августа 1871 г.

Милостивый государь!

Так как Вы опубликовали выдержки из отчета о моей беседе с одним из корреспондентов «New-York Herald», я надеюсь, что Вы опубликуете также и следующее заявление, которое я отправил в «New-York Herald». Прилагаю это заявление в его подлинном виде, то есть на английском языке*. Имею честь быть Вашим слугой

Карл Маркс

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «NEW-YORK HERALD»

Лондон, 17 августа 1871 г.

Милостивый государь!

В «Herald» от 3 августа я увидел отчет о моей беседе с одним из корреспондентов Вашей газеты. Позволю себе заявить, что я должен снять с себя всякую ответственность за те заявления, которые приписываются мне в этом отчете, будь то высказывания относительно отдельных лиц, связанных с последними событиями во Франции, или соображения по политическим и экономическим вопросам. Из того, что мне приписывается в отчете, одна часть содержит то, о чем я действительно говорил, но сказал иначе, другая же — то, чего я вообще не говорил.

Ваш покорный слуга

Карл Маркс

Напечатано в газете «Le Gaulois» № 1145, 27 августа 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского и английского

---

* При публикации в «Gaulois» язык подлинника был сохранен. *Ред.*

К. МАРКС

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «SUN» ДАНА [286]

Брайтон, 25 августа 1871 г.

Милостивый государь!

Прежде всего я должен просить Вас извинить меня за длительное молчание. Я давно ответил бы на Ваше письмо, если бы не был совершенно завален работой, настолько, что это расстроило мое здоровье, и мой врач счел необходимым сослать меня на несколько месяцев сюда на морские купанья, строго запретив мне какие-либо занятия.

Я выполню Ваше пожелание после возвращения в Лондон, когда представится благоприятная возможность что-нибудь быстро подготовить для печати.

Я послал заявление в «New-York Herald», в котором я полностью снимаю с себя всякую ответственность за вздор и прямую ложь, приписываемые мне корреспондентом этой газеты[*]. Опубликовал ли «Herald» это заявление, я не знаю.

Число эмигрантов-коммунаров, прибывающих в Лондон, все увеличивается, в то время как наши средства помощи им с каждым днем тают, поэтому положение многих из них весьма плачевно. Мы собираемся обратиться с призывом о помощи к американцам.

Чтобы дать Вам представление об обстановке во Франции при Republique Thiers[**], я должен сообщить Вам, что произошло с моими собственными дочерьми.

---

[*] См. настоящий том, стр. 403—404. *Ред.*
[**] — тьеровской республике. *Ред.*

Моя вторая дочь Лаура замужем за г-ном Лафаргом, медиком. За несколько дней до начала первой осады Парижа они уехали из этого города в Бордо, где жил отец Лафарга. Последний был тяжело болен и желал видеть своего сына, который ухаживал за ним и находился у постели больного до самой его смерти. После этого Лафарг и моя дочь остались в Бордо, где у Лафарга есть дом. Во время Коммуны Лафарг, будучи секретарем бордоской секции Интернационала, был поэтому послан в качестве ее делегата в Париж, в котором он пробыл шесть дней для ознакомления с положением дел в городе. В течение всего этого времени бордоская полиция его не беспокоила. Приблизительно в середине мая две мои незамужние дочери отправились в Бордо и оттуда вместе с семьей Лафаргов в Баньер-де-Люшон, в Пиренеях, неподалеку от испанской границы. Там моя старшая дочь, которая перенесла тяжелый плеврит, принимала минеральные ванны и проходила курс лечения. Лафарг и его жена ухаживали за умирающим ребенком, а моя младшая дочь, насколько позволяли семейные горести, наслаждалась прелестными окрестностями Люшона. Люшон — курорт, посещаемый больными и beau monde*, и поэтому он меньше всего может служить местом для политических интриг. Мою дочь, г-жу Лафарг, к тому же постигло несчастье — она потеряла своего ребенка; и вот, вскоре после его похорон, кто же должен был появиться на второй неделе августа у них на квартире? — Знаменитый Кератри, широко известный гнусностями, которые он совершил во время мексиканской войны, и той двусмысленной ролью, которую он играл во время франко-прусской войны, сначала в качестве префекта парижской полиции, затем в качестве soi-disant** главнокомандующего в Бретани, ныне же являющийся префектом департамента Верхней Гаронны, а также г-н Дельпек, тулузский генеральный прокурор. Эту достойную пару сопровождали жандармы.

Лафарг был предупрежден накануне вечером и тотчас же перешел испанскую границу; еще в Бордо он запасся испанским паспортом.

Хотя его родители французы, но он родился на Кубе и поэтому считается испанцем. На квартире моих дочерей был произведен домашний обыск, и сами они были подвергнуты суровому перекрестному допросу этими двумя высокопоставленными представителями République Thiers. Их обвинили в перевозке революционной корреспонденции. Эта корреспонденция

* — высшим светом. *Ред.*
** — так называемого. *Ред.*

состояла всего лишь из их писем к матери, содержание которых, конечно, было нелестным для французского правительства, и нескольких номеров некоторых лондонских газет! Почти неделю их дом караулили жандармы. Мои дочери должны были дать обещание покинуть Францию, где их пребывание представляло такую опасность, как только они смогут сделать необходимые приготовления к отъезду, но в то же самое время они обнаружили, что находятся на положении людей, поставленных под haute surveillance* полиции. Кератри и Дельпек льстили себя надеждой, что у моих дочерей не окажется паспортов, но к счастью у них были исправные английские паспорта. Иначе с ними обошлись бы так же подло, как с сестрой Делеклюза и другими французскими женщинами, столь же невинными, как и они. Они все еще не вернулись и, возможно, ожидают вестей от Лафарга.

Тем временем парижские газеты стали распространять самую невероятную ложь. Газета «Gaulois», например, превратила трех моих дочерей в трех моих братьев, — хотя у меня их нет вовсе, являющихся якобы всем известными и опасными агентами-пропагандистами Интернационала. В тот самый момент, когда газета «La France», парижский орган Тьера, лживо изображала события в Люшоне в крайне приукрашенном виде и уверяла, что г-н Лафарг может, не подвергаясь ни малейшей опасности, спокойно вернуться во Францию, французское правительство ходатайствовало перед испанским об аресте Лафарга как *члена Парижской Коммуны* (!), к которой он никогда не принадлежал, да и не мог принадлежать, будучи жителем Бордо. И действительно Лафарг был арестован и под конвоем жандармов препровожден сначала в Барбастро, где он провел ночь в городской тюрьме, затем в Уэску, губернатор которой, на основании телеграфного распоряжения испанского министра внутренних дел, должен был отправить его в Мадрид. Как сообщает газета «Daily News» от 23 августа, он был, наконец, освобожден.

Все происшедшее в Люшоне и все поведение газет** явилось лишь жалкой попыткой г-на Тьера и К° отомстить мне как автору воззвания Генерального Совета Интернационала о гражданской войне. Между их мщением и моими дочерьми стоял английский паспорт, а ведь г-н Тьер настолько же труслив в своих сношениях с иностранными державами, насколько он неразборчив в средствах, когда имеет дело со своими безоружными соотечественниками.

* — высочайший надзор. *Ред.*

** В сохранившемся отрывке рукописи письма вместо слов: «и все поведение газет» написано: «и в Испании». *Ред.*

Что касается Клюзере, то я не думаю, чтобы он был предателем, но, конечно, он взялся за дело, для которого ему не хватало энергии, и таким образом причинил Коммуне огромный вред. Где он сейчас находится, я не знаю. А теперь addio*.

Ваш старый друг

Карл Маркс

Напечатано в газете «The Sun» 9 сентября 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке полностью публикуется впервые

* — прощайте. *Ред.*

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «VERITE» [287]

Международное Товарищество Рабочих,
256, Хай Холборн, Лондон, Уэстерн Сентрал,
30 августа 1871 г.

Господин редактор!

Прочитав сегодня в «Daily News», что г-н Рено приписывает *Интернационалу* манифест, призывающий французских крестьян сжигать все на свете замки и т. п., г-н Джон Хейлз, генеральный секретарь Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, немедленно послал г-ну Л. Биго, защитнику Асси, следующую телеграмму:

«Приписываемое Интернационалу воззвание о поджогах является фальшивкой. Готовы подтвердить это заявление под присягой перед английским судьей».

В связи с этим я спешу через посредство Вашей уважаемой газеты предупредить французскую публику о том, *что все манифесты, напечатанные в Париже от имени Интернационала со времени вступления войск французского правительства в Париж, — все эти манифесты, без исключения, являются фальшивками.*

Я не только подтверждаю это заявление своим честным словом, но готов сделать соответствующее заявление под присягой *(«the affidavit»)* перед английским судьей.

Я имею основания полагать, что эта гнусная фабрикация дело рук даже не непосредственно полиции, а некоего г-на Б., субъекта, связанного с одной из тех парижских газет, которых «Standard» (торийская газета) называет в одном из своих последних номеров «органами полусвета».

Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном почтении.

Карл Маркс

Напечатано в газете «Le Soir» № 862, 3 сентября 1871г. и в других буржуазных газетах, а также в газетах «L'Internationale» № 139, 10 сентября 1871 г. и «Der Volksstaat» № 74, 13 сентября 1871 г.

Печатается по тексту газеты «Le Soir», сверенному с рукописью

Перевод с французского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EVENING STANDARD»

Милостивый государь!

В номере Вашей газеты от 2 сентября Ваш берлинский корреспондент публикует «перевод интересной статьи об Интернационале из «Кёльнской газеты»». В этой статье на меня возводятся обвинения в том, будто я живу за счет рабочего класса. До 30 августа, которым датированы письма Вашего корреспондента, в «Кёльнской газете» подобной статьи не появлялось, следовательно, Ваш корреспондент никак не мог дать ее перевод из этой газеты. В действительности, статья, о которой идет речь, более двух недель тому назад появилась в берлинской «National-Zeitung», а английский перевод ее, дословно совпадающий с переводом Вашего корреспондента, был помещен еще 19 августа в лондонском еженедельнике «Public Opinion». Но следующий номер «Public Opinion» уже содержал мое опровержение этой клеветы*, и настоящим я требую, чтобы Вы напечатали в ближайшем номере Вашей газеты это опровержение, копию которого при сем прилагаю. У прусского правительства есть свои причины добиваться всеми доступными ему средствами распространения этой подлой клеветы через английскую прессу. Эта статья — лишь предвестник предстоящих преследований Интернационала со стороны правительства.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Карл Маркс

Хаверсток-Хилл, 4 сентября 1871 г.

Напечатано в газете «The Evening Standard», 6 сентября 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* См. настоящий том, стр. 402. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ ПО ПОДГОТОВКЕ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ [288]

Финансовый отчет

1) Найти помещение для заседаний конференции.

2) Найти гостиницу, где могли бы остановиться делегаты конференции; предложить ту же гостиницу, что и раньше, — на Лейстер-сквер.

3) Назначить комиссию, чтобы урегулировать эти два вопроса.

4) Совет в целом присутствует на заседаниях конференции с правом участия в обсуждении, но лишь известное число членов Совета делегируется с правом решающего голоса. Количество этих членов будет установлено Советом, когда станет известно общее число делегатов конференции.

5) Французы, проживающие в настоящий момент в Лондоне и являющиеся признанными членами Интернационала, должны обеспечить представительство от Франции на конференции, послав трех делегатов.

6) В случае, если на конференции не будут представлены члены Интернационала какой-либо страны, то их представителем будет назначен секретарь-корреспондент для данной страны.

Внесено Марксом на заседании Генерального Совета 5 сентября 1871 г.

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Лондонская конференция Первого Интернационала», 1936

Печатается по рукописи Ф. Энгельса

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РЕЗОЛЮЦИЙ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ [289]

Предложения, которые следует внести на конференции
от имени Генерального Совета

1). 1) По окончании конференции ни одна секция не будет признана входящей в Товарищество ни Генеральным Советом, ни центральными советами различных стран до тех пор, пока она не уплатит Генеральному Совету взноса за текущий год в размере 1 пенса с каждого члена.

2). 2) L) Что касается стран, в которых регулярная организация Интернационала вследствие препятствий со стороны правительств стала в настоящий момент неосуществимой, то делегатам таких стран предлагается представить планы организации в соответствии со специфическими условиями каждой данной страны; N) Товарищество может быть реорганизовано под другими названиями; J) категорически запрещаются, однако, какие бы то ни было тайные общества.

3). 3) Генеральному Совету надлежит представить конференции отчет о ведении им дел Интернационала со времени последнего конгресса.

5). 5) Генеральный Совет предложит конференции обсудить вопрос о своевременности опубликования ответа правительствам различных стран, преследовавшим и в настоящее время преследующим Интернационал; конференция должна выделить комиссию, поручив ей составление этого ответа после закрытия конференции.

4). 4) *Следует ввести в действие резолюцию Базельского конгресса:* предложить центральным советам различных стран во избежание недоразумений впредь именоваться *федеральными советами* с прибавлением названия страны, которую они представляют; местные секции, а также их комитеты,

именуются секциями или комитетами соответствующих местностей[290].

6). 6)*

3). 7) Все делегаты, назначаемые Генеральным Советом для выполнения особых поручений, вправе присутствовать и высказываться на всех заседаниях федеральных советов и местных комитетов и секций, но не имеют при этом решающего голоса.

8) Поручить Генеральному Совету опубликовать новое издание Устава с включением относящихся к нему резолюций конгрессов; поскольку во Франции до сих пор находился в обращении искаженный французский перевод Устава, с которого был сделан также перевод на испанский и итальянский языки, то Генеральному Совету надлежит обеспечить аутентичный французский перевод и переслать его в Испанию и Италию, а также Голландию. Немецкое издание.

Тексты на трех языках, напечатанные рядом.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом около 9 сентября 1871 г.

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Лондонская конференция Первого Интернационала», 1936

Печатается по рукописи Ф. Энгельса

Перевод с английского

* Ниже приводится текст шестого пункта, который в рукописи вычеркнут: «Федеральные советы стран, в которых существует регулярная организация Товарищества, посылают отчеты о суммах, взимаемых ими в виде взносов от отдельных мест и областей». *Ред.*

ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

17—23 СЕНТЯБРЯ 1871 г. [291]

К. МАРКС

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ [292]

ЗАПИСЬ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ КОНФЕРЕНЦИИ 18 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Маркс: Спор начался со времени образования в Женеве Альянса социалистической демократии, основанного Бакуниным и другими. Маркс оглашает два сообщения, сделанные Альянсу Генеральным Советом в 1868 и в марте 1869 года[293]; во втором из них роспуск Альянса и сообщение им данных о личном составе и численности его секций выставлены в качестве условий приема их в Интернационал. Эти условия никогда не были выполнены; на деле Альянс никогда не распускался, а всегда сохранял своеобразную организацию. Орган женевских секций «Egalite» 11 декабря 1869 г. обвинил Генеральный Совет в том, что Совет не выполнил своего долга — не ответил на статьи газеты. На это Генеральный Совет возразил, что вмешательство в газетную полемику не входит в его обязанности, но что он готов ответить на требования и жалобы Романского федерального совета. Этот циркуляр был сообщен всем секциям[294]; все они одобрили поведение Генерального Совета. Швейцарский совет осудил «Egalite», с редакцией которой он порвал. Состав редакции был изменен, и с тех пор органом приверженцев Альянса стал «Progres», позднее «Solidarite»[295]. Затем состоялся конгресс в Локле, на котором обе стороны, Романская федерация и Юрская федерация (Альянс), открыто раскололись[296]. Генеральный Совет оставил положение вещей таким, как оно сложилось; он лишь запретил новому совету выступать в качестве Романского совета наряду с уже

существующим Романским советом. Гильом, проповедовавший, вопреки нашему Уставу, воздержание от всякой политики, опубликовал, как только разразилась война, воззвание[297], в котором он от имени Интернационала требовал создания армии для оказания помощи Франции, что в еще большей мере противоречит нашему Уставу.

Записано Ф. Энгельсом

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Лондонская конференция Первого Интернационала», 1936

Печатается по рукописи

Перевод с французского

Ф. ЭНГЕЛЬС

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА [298]

ПЛАН РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ КОНФЕРЕНЦИИ 21 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

1) Лоренцо — вопрос принципа; — это уже решено.

2) Воздержание от политики невозможно. Газетная политика — тоже политика; все газеты сторонников воздержания нападают на правительство. Вопрос лишь в том, *как* и в какой мере вмешиваться в политику. Это — в зависимости от обстоятельств, а не по предписанию.

2) Воздержание — бессмыслица; предлагают воздерживаться, потому что могут быть избраны негодные люди — стало быть, не платить членских взносов, потому что кассир может удрать. Стало быть, не издавать газет, потому что редактор может оказаться продажным, как и депутат.

3) Политическая свобода — в особенности свобода союзов, собраний и печати — наши агитационные средства; разве это безразлично, отнимут их у нас или нет? Разве мы не должны сопротивляться, если на эти средства посягают?

4) Проповедуют воздержание, ибо участие равносильно признанию существующего порядка. Существующее существует и se fiche pas mal*, признаем мы его или нет. Но если те средства, которые нам дает существующий порядок, мы используем для борьбы против него, то разве это — признание?**

* — ему дела нет. *Ред.*

** Пункты 2, 3, 4, отчеркнутые в рукописи Энгельса фигурной скобкой, написаны в рукописи справа и представляют собой вставку в текст. *Ред.*

3) Воздержание невозможно. Рабочая партия, как политическая партия, *существует* и хочет политически действовать; проповедовать ей воздержание — значит разрушать Интернационал. Простой учет обстановки, политический гнет в социальных целях *вынуждают* рабочих заниматься политикой, проповедники воздержания толкают их в объятия буржуазных политиков. После Коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие рабочих, воздержание невозможно.

4) Мы хотим уничтожения классов. Единственное средство — политическая власть в руках пролетариата; и мы не должны заниматься политикой? Все сторонники воздержания от политики именуют себя революционерами. Революция — высший акт политики, и тот, кто к ней стремится, должен признавать и средства, которые подготовляют революцию, воспитывают рабочих для революции, и позаботиться о том, чтобы рабочие на другой день после революции не были снова одурачены Фаврами и Пиа. Дело только в том, *какую* проводить политику — *исключительно пролетарскую, а не идти в хвосте у буржуазии.*

Написано Ф. Энгельсом около 21 сентября 1871 г.

Впервые опубликовано на французском языке в журнале «Cahiers du Bolchevisme» № 20, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Рукопись плана речи Ф. Энгельса
о политическом действии рабочего класса

Ф. ЭНГЕЛЬС

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

АВТОРСКАЯ ЗАПИСЬ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ КОНФЕРЕНЦИИ 21 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Абсолютное воздержание от политики невозможно; все газеты сторонников воздержания тоже занимаются политикой. Дело только в том, как и какую политику проводить. Для нас, к тому же, воздержание невозможно. Рабочая партия, как политическая партия, уже существует в большинстве стран. Не нам ее разрушать, проповедуя воздержание от политики. Практика современной жизни, политический гнет, которому подвергают рабочих существующие правительства, — как в политических, так и в социальных целях, — заставляют рабочих волей-неволей заниматься политикой. Проповедовать им воздержание от политики означало бы толкать их в объятия буржуазной политики. Воздержание от политики совершенно невозможно в особенности после Парижской Коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие пролетариата.

Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата. И вот, когда это стало яснее ясного, от нас требуют невмешательства в политику! Все проповедники воздержания от политики именуют себя революционерами, и даже революционерами по преимуществу. Но революция есть высший акт политики; тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства, политические действия, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены Фаврами и Пиа. Политика же, которую следует проводить, это — рабочая политика; рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться

как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика.

Политические свободы, право собраний и союзов, свобода печати — вот наше оружие; разве мы можем сложить руки и воздерживаться от политики, если это оружие хотят у нас отнять? Говорят, что всякое политическое действие равносильно признанию существующего порядка. Но раз этот порядок дает в наши руки средства для борьбы против него, то использование этих средств не означает признания существующего порядка.

Впервые полностью опубликовано в журнале «Коммунистический Интернационал» № 29, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ ДЕЛЕГАТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ,

СОСТОЯВШЕЙСЯ В ЛОНДОНЕ
С 17 ПО 23 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА [299]

I
О СОСТАВЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА [300]

Конференция рекомендует Генеральному Совету ограничить количество членов, которыми он пополняет свой состав, и избегать того, чтобы это пополнение производилось преимущественно из числа граждан одной национальности.

II
О НАИМЕНОВАНИЯХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОВЕТОВ и т. д. [301]

1. В соответствии с постановлением Базельского конгресса (1869 г.) центральные советы различных стран, в которых существует регулярная организация *Интернационала,* должны впредь именоваться *федеральными советами* или *федеральными, комитетами с* прибавлением названий соответствующих стран; наименование *Генеральный Совет* сохраняется за центральным советом Международного Товарищества Рабочих.

2. Все местные отделения, секции, группы и их комитеты впредь именуются и конституируются исключительно как отделения, секции, группы и комитеты *Международного Товарищества Рабочих* с прибавлением названий соответствующих местностей.

3. Ввиду этого всем отделениям, секциям и группам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как например, позитивисты, мютюэлисты, коллективисты, коммунисты и т. п., или создавать сепаратистские организации под названием *«секций пропаганды»* и т. п., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества.

4. На *профессиональные союзы,* присоединившиеся к Интернационалу, постановления 1 и 2, однако, не распространяются.

III
О ДЕЛЕГАТАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА [302]

Все делегаты, назначаемые Генеральным Советом для выполнения особых поручений, вправе присутствовать и высказываться на всех заседаниях федеральных советов или комитетов, областных и местных комитетов и секций, но не имеют при этом решающего голоса.

IV
О ВЗНОСАХ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ В РАЗМЕРЕ 1 ПЕНСА* С КАЖДОГО ЧЛЕНА [303]

1. Генеральному Совету надлежит отпечатать наклеивающиеся марки стоимостью в 1 пенс каждая и ежегодно снабжать ими в требуемом количестве федеральные советы или комитеты.

2. Федеральные советы или комитеты посылают местным комитетам или, при отсутствии их, соответствующим секциям количество марок по числу их членов.

3. Эти марки наклеиваются на специальный листок в членскую книжку или в Устав, который обязан иметь каждый член Товарищества.

4. Ежегодно 1 марта федеральные советы или комитеты различных стран пересылают Генеральному Совету сумму, соответствующую стоимости использованных марок, и возвращают обратно оставшиеся у них марки.

5. Эти марки с обозначением размера индивидуальных взносов помечаются датой текущего года.

V
ОБ ОБРАЗОВАНИИ СЕКЦИЙ ЖЕНЩИН-РАБОТНИЦ [304]

Конференция рекомендует создавать среди рабочего класса женские секции. Разумеется, однако, что эта резолюция отнюдь не должна препятствовать существованию старых и образованию новых секций, состоящих из рабочих обоего пола.

---

* В немецком издании после слова «пенса» вставлено: («грош»); во французском издании вместо слов «1 пенса» здесь и ниже напечатано: «10 сантимов». *Ред.*

VI
О ВСЕОБЩЕЙ СТАТИСТИКЕ РАБОЧЕГО КЛАССА [305]

1. Конференция предлагает Генеральному Совету ввести в действие статью 5 первоначального Устава, касающуюся всеобщей статистики рабочего класса, а также резолюцию Женевского конгресса 1866 г. по данному вопросу[306].

2. Каждая местная секция должна назначить специальный статистический комитет, чтобы быть всегда готовой в меру своих средств ответить на вопросы, с которыми к ней могут обратиться федеральный совет или комитет ее страны или Генеральный Совет. Всем секциям рекомендуется оплачивать секретарей статистических комитетов, принимая во внимание, что их деятельность принесет общую пользу рабочему классу.

3. Ежегодно 1 августа федеральные советы или комитеты отсылают собранные в их странах материалы Генеральному Совету, который, в свою очередь, составляет на основании этих данных общий доклад для представления конгрессам или конференциям, происходящим ежегодно в сентябре.

4. О профессиональных союзах и секциях Интернационала, отказывающихся представить требуемые сведения, следует сообщать Генеральному Совету, который примет в связи с этим соответствующие меры.

VII
О МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ [307]

Генеральному Совету предлагается по-прежнему содействовать растущему стремлению профессиональных союзов различных стран к установлению связи с союзами соответствующих профессий всех других стран. Успешность его деятельности в качестве международного органа, осуществляющего связь между национальными профессиональными союзами, будет существенным образом зависеть от того содействия, которое сами общества окажут проводимой *Интернационалом* всеобщей статистике труда.

Советам профессиональных союзов всех стран предлагается сообщать Генеральному Совету свои адреса.

VIII
О ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАХ [308]

1. Конференция предлагает Генеральному Совету, а также федеральным советам или комитетам подготовить к очередному конгрессу доклады о том, какими средствами обеспечить

присоединение земледельцев к движению промышленного пролетариата.

2. В то же время федеральным советам или комитетам предлагается направлять в сельские районы агитаторов с целью организации публичных собраний, пропаганды принципов Интернационала и основания сельских секций.

IX
О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА[309]

Принимая во внимание,

что во введении к Уставу сказано: «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено *как средство»;*

что Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих (1864 г.) гласит: «Магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути... Завоевание политической власти стало. следовательно, великой обязанностью рабочего класса»[310];

что на Лозаннском конгрессе (1867 г.) была принята следующая резолюция: «Социальное освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением»[311];

что в заявлении Генерального Совета по поводу мнимого заговора французских членов Интернационала накануне плебисцита (1870 г.) сказано: «По смыслу нашего Устава особая задача всех наших секций в Англии, на европейском континенте и в Америке бесспорно заключается не только в том, чтобы служить организационными центрами борьбы рабочего класса, но также и в том, чтобы поддерживать в соответствующих странах всякое политическое движение, способствующее достижению нашей конечной цели — экономического освобождения рабочего класса»[312];

что искаженные переводы первоначального Устава дали повод к ложным толкованиям, которые нанесли вред развитию и деятельности Между нар одного Товарищества Рабочих;

перед лицом необузданной реакции, жестоко подавляющей всякую попытку к освобождению со стороны рабочих и стремящейся путем грубого насилия сохранить классовые различия и порождаемое ими[*] политическое господство имущих классов;

[*] В немецком издании вместо слов «порождаемое ими» напечатано: «основанное на них». *Ред.*

принимая во внимание:

что против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами;

что эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов;

что то объединение сил, которое уже достигнуто рабочим классом в результате экономической борьбы, должно служить ему также рычагом в его борьбе против политической власти крупных землевладельцев и капиталистов*, —

конференция напоминает членам *Интернационала,*

что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и политическое действие неразрывно связаны между собой.

X
ОБЩАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СТРАН, В КОТОРЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРЕПЯТСТВУЮТ РЕГУЛЯРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА [313]

В странах, в которых регулярная организация *Интернационала* вследствие препятствий со стороны правительств стала в настоящий момент неосуществимой, Товарищество и его местные группы могут быть реорганизованы под различными другими названиями; совершенно исключаются, однако, как сейчас, так и впредь, какие бы то ни было тайные общества в собственном смысле слова.

XI
РЕЗОЛЮЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ФРАНЦИИ [314]

1. Конференция выражает твердое убеждение в том, что все преследования лишь удвоят энергию сторонников *Интернационала* и что организация секций будет продолжаться если и не путем создания крупных центров, то, по крайней мере, в мастерских и в федерациях мастерских, которые установят между собой связь через своих делегатов.

* В немецком и французском изданиях вместо слов «крупных землевладельцев и капиталистов» напечатано; «его эксплуататоров». *Ред.*

2. Исходя из этого, конференция предлагает всем секциям настойчиво продолжать во Франции пропаганду наших принципов и ввозить в свою страну возможно большее количество экземпляров всех изданий и Устава *Интернационала.*

XII
РЕЗОЛЮЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО АНГЛИИ [315]

Конференция предлагает Генеральному Совету призвать английские секции в Лондоне к образованию Федерального комитета для Лондона, который, после того как его признают провинциальные секции и присоединившиеся общества*, будет признан Генеральным Советом в качестве *Федерального совета для Англии.*

XIII
ОСОБЫЕ РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ [316]

1. Конференция одобряет пополнение состава Генерального Совета участниками Парижской Коммуны.

2. Конференция заявляет, что немецкие рабочие во время франко-прусской войны выполнили свой долг.

3. Конференция выражает братскую благодарность членам Испанской федерации за представленный ими доклад об организации Интернационала, который вновь доказал их преданность нашему общему делу.

4. Генеральный Совет должен немедленно опубликовать заявление о том, что Международное Товарищество Рабочих совершенно непричастно к так называемому заговору Нечаева, который обманным путем узурпировал имя Интернационала**.

XIV
О ПОРУЧЕНИИ ГРАЖДАНИНУ УТИНУ [317]

Гражданину Утину предлагается опубликовать в газете «Egalite» краткий отчет о нечаевском процессе по материалам русских газет. Отчет до опубликования следует представить Генеральному Совету.

---

* В немецком издании вместо слова «общества» напечатано: «Gewerksgenossenschaften», а во французском «Societes de resistance» — то есть профессиональные союзы. *Ред.*

** В немецком и французском изданиях после слова «узурпировал» вставлено: «и использовал». *Ред.*

XV
О СОЗЫВЕ ОЧЕРЕДНОГО КОНГРЕССА [318]

Конференция предоставляет Генеральному Совету установить — в зависимости от событий — время и место очередного конгресса или конференции*.

XVI
ОБ АЛЬЯНСЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ [319]

Принимая во внимание:

что Альянс социалистической демократии объявил о своем роспуске (см. письмо Генеральному Совету от 10 августа 1871 г., помеченное Женевой, за подписью секретаря Альянса, гражданина Н. Жуковского);

что на своем заседании 18 сентября (см. № II настоящего циркуляра) конференция постановила, что все существующие организации *Интернационала* отныне должны именоваться и конституироваться, согласно духу и букве Общего Устава, исключительно как отделения, секции, федерации и т. д. Международного Товарищества Рабочих с прибавлением названий соответствующих местностей;

что вследствие этого существующим секциям и обществам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как, например позитивисты, мютюэлисты, коллективисты, коммунисты и т. п., или создавать сепаратистские организации под названием *секций пропаганды, Альянса социалистической демократии* и т. п., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества**;

что Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих впредь надлежит в этом духе толковать и применять статью V резолюций Базельского конгресса по организационным вопросам[320], гласящую: «Генеральный Совет имеет право принимать новые секции и группы или отказывать им в приеме» и т. д.***, —

конференция объявляет вопрос об Альянсе социалистической демократии исчерпанным.

---

* В немецком и французском изданиях после слова «конференции» добавлено: «которая может быть созвана вместо конгресса». *Ред.*

** Во французском издании вместо слов «от общих целей Товарищества» напечатано: «от общих целей, преследуемых массой борющегося пролетариата, объединенного в Международное Товарищество Рабочих». *Ред.*

*** В немецком и французском изданиях вместо «и т. д.» напечатано; «оставляя, однако, за ними право апеллировать к очередному конгрессу». *Ред.*

XVII
О РАСКОЛЕ В РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ [321]

1. Различные возражения федерального комитета юрских секций против компетенции конференции объявляются несостоятельными. (Сказанное выше является лишь кратким изложением пункта 1, который будет напечатан полностью в женевской «Egalite»[*].)

2. Конференция подтверждает резолюцию Генерального Совета от 29 июня 1870 года[322].

Вместе с тем, принимая во внимание преследования, которым в настоящий момент подвергается *Интернационал,* конференция взывает к чувствам солидарности и единения, которые более чем когда-либо должны воодушевлять рабочий класс;

конференция предлагает всем честным рабочим юрских секций снова присоединиться к секциям Романской федерации;

в случае, если такое объединение окажется неосуществимым, конференция постановляет, чтобы отколовшиеся юрские секции именовались «Юрской федерацией».

Конференция предупреждает, что Генеральный Совет впредь будет обязан публично разоблачать и дезавуировать все те органы Интернационала[**], которые, по примеру «Progres» и «Solidarite», стали бы на своих страницах обсуждать перед буржуазной публикой такие вопросы, которые подлежат обсуждению исключительно на заседаниях местных и федеральных комитетов и Генерального Совета или же на закрытых заседаниях федеральных или общих конгрессов по организационным вопросам.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Резолюции, не предназначенные для опубликования, будут сообщены федеральным советам или комитетам различных стран через секретарей-корреспондентов Генерального Совета.

По постановлению и от имени конференции —

Генеральный Совет:

Р. Аплгарт, М. Дж. Бун, Фред. Брадник,
Г. Х. Баттери, Делаэ, Эжен Дюпон (в отъезде
по поручению)***, У. Хейлз, Дж. Харрис,***

---

[*] См. настоящий том, стр. 432—435. *Ред.*

[**] Во французском и немецком изданиях вместо слов «все те органы Интернационала» напечатано: «все газеты, выдающие себя за органы Интернационала». *Ред.*

Хурлиман, Жюль Жоаннар, Ф. Лесснер, Лохнер, Ш. Лонге, К. Мартен, Зеви Морис, Генри Мейо, Джордж Милнер, Чарлз Марри, Пфендер, Джон Роч, Рюль, Садлер, Кауэлл Степни, Альф. Тейлор, У. Таунсенд, Э. Вайян, Джон Уэстон

Секретари-корреспонденты:

О. Серрайе **—** для Франции; ***Карл Маркс*** — для Германии и России; ***Ф. Энгельс*** — для Италии и Испании; ***А. Эрман*** — для Бельгии; ***Дж. П. Мак-Доннел*** — для Ирландии; ***Ле Муссю*** — для французских секций Соединенных Штатов; ***Валерий Врублевский*** — для Польши; ***Герман Юнг*** — для Швейцарии; ***Т. Моттерсхед*** — для Дании; ***Ш. Роша*** **—** для Голландии; ***И. Г. Эккариус*** — для Соединенных Штатов; ***Лео Франкель*** — для Австрии и Венгрии.

Ф. Энгельс, председательствующий;

Герман Юнг*,* казначей;

Джон Хейлз*,* генеральный секретарь

Лондон, 17 октября 1871 г.

256, Хай Холборн, Уэстерн Сентрал

Составлено, отредактировано и подготовлено к изданию К. Марксом и Ф. Энгельсом в сентябре —- октябре 1871 г.

Напечатано в виде отдельных брошюр на английском, немецком и французском языках и опубликовано в ряде органов Интернационала в ноябре — декабре 1871 г.

Печатается по тексту английского издания, сверенного с немецким и французским изданиями

Перевод с английского

Samedi 21 Octobre 1871. PAS DE DROITS SANS DEVOIRS, PAS DE DEVOIRS SANS DROITS. Troisième année. № 20.

SUISSE
Un an. . . . . . . 3 fr. 60
Six mois . . . . . 1 » 80
Trois mois . . . . » 90
Par la poste, 20 c. en plus.
Prix du numéro 15 cent.

L'ÉGALITÉ

ÉTRANGER
France, un an . . 4 fr. 80
Belgique — . . 4 » 80
Italie — . . 4 » 40
Espagne — . . 6 » —
Allemagne— . . 4 » 80
Angleterre— . . 6 » —

Journal de l'Association Internationale des Travailleurs de la Suisse romande

К. МАРКС

РЕЗОЛЮЦИЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ О РАСКОЛЕ В РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

По поводу раскола:

1. Конференция должна прежде всего рассмотреть возражения против ее компетенции, выдвинутые федеральным комитетом юрских обществ, не принадлежащих к Романской федерации (см. письмо от 4 сентября, адресованное конференции федеральным комитетом этой секции).

Первое возражение:

«Только общий конгресс, созванный в обычном порядке, может быть компетентен вынести суждение о столь серьезном деле, как раскол внутри Романской федерации».

Принимая во внимание:

что в тех случаях, когда между обществами или секциями, входящими в одну национальную группу, или между различными национальными группами возникают конфликты, Генеральный Совет вправе их разрешать, оставляя, однако, за ними право апеллировать к очередному конгрессу, на котором должно быть вынесено окончательное решение (см. статью VII резолюций Базельского конгресса);

что согласно статьи VI резолюций Базельского конгресса, Генеральный Совет имеет также право исключать из Интернационала любую секцию на время до очередного конгресса[323];

что эти права Генерального Совета были признаны, — правда только теоретически, — федеральным комитетом отколовшихся юрских секций, ибо гражданин Робен от имени этого комитета неоднократно просил Генеральный Совет принять окончательное решение по этому вопросу (см. протоколы Генерального Совета);

что если конференция и не пользуется теми правами, которые имеет общий конгресс, то во всяком случае она имеет больше прав, чем Генеральный Совет;

что в действительности именно федеральный комитет отколовшихся юрских секций, а не Федеральный комитет Романской федерации, требовал через посредство гражданина Робена созыва конференции для вынесения окончательного решения по поводу этого раскола (см. протокол Генерального Совета от 25 июля 1871 г.);

исходя из этого, конференция отвергает первое возражение.

Второе возражение:

«Осудить федерацию, которой не дали возможности защитить себя, противоречило бы самой элементарной справедливости... Сегодня (4 сентября 1871 г.) мы косвенным образом узнали о том, что на 17 сентября созывается в Лондоне чрезвычайная конференция... Генеральный Совет обязан был уведомить о ней все местные группы; нам неизвестно, почему он хранил молчание, когда дело касалось нас».

Принимая во внимание:

что Генеральный Совет поручил всем своим секретарям известить о созыве конференции секции тех стран, представителями которых они являются;

что гражданин Юнг, секретарь-корреспондент для Швейцарии, не известил комитет юрских секций по следующим причинам:

этот комитет, явно нарушая постановление Генерального Совета от 29 июня 1870 г.[324], даже в своем последнем письме, адресованном конференции, продолжал именоваться комитетом *Романской федерации;*

комитет имел право обжаловать постановление Генерального Совета на предстоящем конгрессе, но он не был вправе игнорировать постановление Генерального Совета;

для Генерального Совета, следовательно, комитет юридически не существовал, и гражданин Юнг не имел права его признать, непосредственно пригласив его послать делегатов на конференцию;

на вопросы, поставленные от имени Генерального Совета, комитет не прислал никакого ответа гражданину Юнгу; с того времени как гражданин Робен был введен в состав Генерального Совета заявления вышеназванного комитета всегда передавались Генеральному Совету через гражданина Робена и никогда — через секретаря-корреспондента для Швейцарии;

принимая также во внимание:

что гражданин Робен просил от имени вышеназванного комитета поставить вопрос о расколе сначала перед Генеральным

Советом, а затем, ввиду отказа Генерального Совета, — перед конференцией; что, таким образом, Генеральный Совет и его секретарь-корреспондент для Швейцарии имели полное основание предполагать, что гражданин Робен информирует своих корреспондентов о созыве конференции, которой они сами добивались;

что комиссия, избранная конференцией для расследования швейцарского конфликта, заслушала гражданина Робена в качестве свидетеля; что все документы, представленные Генеральному Совету обеими сторонами, были переданы этой комиссии; что невозможно допустить, чтобы вышеназванный комитет был информирован о созыве конференции лишь 4 сентября, так как уже в августе он предлагал гражданину М.* делегировать его на конференцию;

исходя из этого, конференция отвергает второе возражение.

Третье возражение:

«Постановление, аннулирующее права нашей федерации, имело бы самые пагубные последствия для существования Интернационала в нашей стране».

Принимая во внимание:

что никто не требовал аннулирования прав вышеназванной федерации,

конференция отвергает возражение.

2. Конференция подтверждает резолюцию Генерального Совета от 29 июня 1870 года.

Вместе с тем, принимая во внимание преследования, которым в настоящий момент подвергается Интернационал, конференция взывает к чувствам солидарности и единения, которые более чем когда-либо должны воодушевлять рабочий класс;

конференция предлагает всем честным рабочим юрских секций снова присоединиться к секциям Романской федерации.

В случае, если такое объединение окажется неосуществимым, конференция постановляет, чтобы отколовшиеся юрские секции именовались «Юрской федерацией».

Конференция предупреждает, что Генеральный Совет впредь будет обязан публично разоблачать и дезавуировать все газеты, выдающие себя за органы *Интернационала,* которые, по примеру «Progres» и «Solidarite», стали бы на своих страницах

* — Малону. *Ред.*

обсуждать перед буржуазной публикой такие вопросы, которые подлежат обсуждению исключительно на заседаниях местных и федеральных комитетов и Генерального Совета или же на закрытых заседаниях федеральных или общих конгрессов по организационным вопросам.

Лондон, 26 сентября 1871 г.

Внесено К. Марксом 21 сентября 1871 г.

Напечатано в газете «L'Egalite» № 20, 21 октября 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

К. МАРКС

ИЗДАТЕЛЬНИЦАМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «WOODHULL AND CLAFLIN'S WEEKLY» [325]

Лондон, Норд-Уэст, 23 сентября 1871 г.

Милостивые государыни!

Честь имею переслать вам для помещения в вашем еженедельнике — если вы сочтете это достаточно интересным для ваших читателей — краткий отчет моей дочери Женни о преследованиях, которым подвергались она и ее сестры со стороны французского правительства во время пребывания их в Баньер-де-Люшоне (Пиренеи)*. Этот трагикомический эпизод, по-моему, характерен для тьеровской республики.

Известие о моей смерти было состряпано в Париже бонапартистской газетой «Avenir liberal».

С воскресенья в Лондоне заседает закрытая конференция делегатов Международного Товарищества Рабочих. Сегодня она заканчивает свою работу.

С искренней благодарностью за весьма интересные газеты, которые вы любезно посылаете мне,

честь имею остаться, милостивые государыни,

искренне ваш

Карл Маркс

Напечатано в еженедельнике «Woodhull and Claflin's Weekly» № 23/75, 21 октября 1871 г.

Печатается по тексту еженедельника

Перевод с английского

* См. настоящий том, стр. 653—663. *Ред.*

К. МАРКС

О СЕМИЛЕТИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА [326]

КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ ЗАПИСЬ РЕЧИ,
ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ В ЛОНДОНЕ
25 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Об Интернационале К. Маркс сказал, что огромный успех, которым до сих пор завершались его усилия, объясняется обстоятельствами, над которыми сами члены Интернационала не властны. Результатом этих обстоятельств, а отнюдь не усилий его участников явилось и само основание Интернационала. Оно не было делом какой-либо группы искусных политических деятелей; все политические деятели мира не смогли бы создать той обстановки и тех условий, которые необходимы для успеха Интернационала. Интернационал не выдвинул какого-либо особого символа веры. Его задача — организовать силы труда, установить связь между различными проявлениями рабочего движения и объединить их. Обстоятельства, вызвавшие такое сильное развитие Интернационала, обусловлены тем усиливающимся угнетением, которому подвергался трудящийся народ во всем мире, и в этом секрет его успеха. События последних нескольких недель неопровержимо доказали, что рабочий класс должен бороться за свое освобождение. Преследования Интернационала правительствами напоминают преследования первых христиан в Древнем Риме. Вначале они также были немногочисленны, но римские патриции инстинктивно чувствовали, что Римская империя погибнет, если христиане достигнут успеха. Преследования в Риме не спасли империи, и нынешние преследования Интернационала не спасут существующего порядка.

Новым в Интернационале является то, что он был основан самими рабочими и для рабочих. До создания Интернационала все различные организации рабочего класса были обществами,

основанными для него радикальными элементами из среды господствующих классов, Интернационал же был организован рабочими для самих себя. Чартистское движение в Англии началось с согласия буржуазных радикалов и при их помощи, хотя, если бы оно было успешным, то это могло бы быть только на пользу рабочему классу. Англия — единственная страна, где рабочий класс достаточно развит и организован для того, чтобы использовать всеобщее избирательное право действительно в своих собственных интересах.

Затем он заметил, что февральская революция[327] представляла собой движение, которое поддержала часть буржуазии против правящей партии. Февральская революция дала рабочему классу одни лишь обещания и поставила на место одной группы людей из правящего класса другую. Июньское восстание было восстанием против всего правящего класса, включая и его наиболее радикальную часть. Рабочие, которые в 1848 г. поставили у власти новых людей, инстинктивно чувствовали, что они лишь заменили одну группу угнетателей другой и что их предали.

Последним и величайшим из всех когда-либо происходивших движений была Коммуна. Коммуна представляла собой — и об этом не может быть двух мнений — завоевание политической власти рабочим классом. Многое в отношении Коммуны было понято неправильно. Коммуна не могла создать новой формы классового господства. Уничтожив существующие условия угнетения путем передачи всех средств труда производителю и заставив, таким образом, каждого физически пригодного индивидуума работать, чтобы обеспечить себе существование, мы устраним единственную основу классового господства и угнетения. Но прежде чем осуществление такой перемены станет возможным, необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и объединить силы рабочего класса для предстоящей борьбы.

Напечатано в газете «The World»
15 октября 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ДЮРАНА [328]

Получив исчерпывающие доказательства того, что Гюстав Дюран, рабочий-ювелир из Парижа, бывший делегат ювелиров в федеральной палате парижских рабочих обществ[329], бывший командир батальона национальной гвардии, бывший главный кассир Комиссии финансов Коммуны, выдавая себя в Лондоне за эмигранта, состоял и продолжает состоять на службе французской полиции в качестве шпиона, занимающегося слежкой за эмигрантами Коммуны и в особенности за Генеральным Советом Международного Товарищества Рабочих, и уже получил за свои услуги 725 франков, —

Генеральный Совет клеймит позором вышеупомянутого Гюстава Дюрана и исключает его из Международного Товарищества.

Эта резолюция подлежит опубликованию во всех органах Интернационала.

Внесено Ф. Энгельсом 7 октября 1871 г.

Напечатано в газетах «Der Volksstaat» № 83, 14 октября 1871 г., «La Plebe» № 122, 19 октября 1871 г., «L'Egalite» № 20, 21 октября 1871 г., «La Emancipacion» № 19, 23 октября 1871 г. и других органах печати

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

К. МАРКС
ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ НЕЧАЕВЫМ ИМЕНЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛА [330]

Международное Товарищество Рабочих

Конференция делегатов Международного Товарищества Рабочих, состоявшаяся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г., поручила Генеральному Совету заявить публично:

что *Нечаев* никогда не был ни членом, ни представителем Международного Товарищества Рабочих;

что его утверждение*, будто он основал секцию Интернационала в Брюсселе и был направлен брюссельской секцией с поручением в Женеву, является ложью;

что упомянутый Нечаев злоупотреблял присвоенным им именем Международного Товарищества Рабочих для того, чтобы обманывать людей в России и приносить их в жертву.

По поручению Генерального Совета

14 октября 1871 г.

Написано К. Марксом

Напечатано в газетах «Der Volksstaat» № 88, 1 ноября 1871 г., «Gazzettino Rosa» № 306, 3 ноября 1871 г., «L'Egalite» № 21, 5 ноября 1871 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом газеты «Der Volksstaat»

Перевод с английского

* В немецком тексте, опубликованном в газете «Volksstaat» вставлено: «(ставшее известным благодаря политическому процессу в Санкт-Петербурге)». *Ред.*

К. МАРКС

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ОБ УСТАВЕ ФРАНЦУЗСКОЙ СЕКЦИИ 1871 ГОДА [331]

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА, ПРИНЯТАЯ НА ЗАСЕДАНИИ 17 ОКТЯБРЯ 1871 ГОДА

ГРАЖДАНАМ ЧЛЕНАМ ФРАНЦУЗСКОЙ СЕКЦИИ 1871 года

Граждане!

Принимая во внимание следующие статьи резолюций по организационным вопросам, принятые Базельским конгрессом:

статья IV: «Каждая вновь образованная секция или общество, желающие вступить в Интернационал, обязаны немедленно сообщить о своем присоединении Генеральному Совету»;

статья V: «Генеральный Совет имеет право принимать новые секции и группы, или отказывать им в приеме и т. д.»[332].

Генеральный Совет утверждает устав Французской секции 1871 г. со следующими изменениями:

I. В статье 2 должны быть исключены слова: *«представить сведения о своих средствах существованиям,* и сказано просто: «Для того, чтобы быть принятым в число членов секции, необходимо представить гарантии нравственности и т. п.».

Статья 9 Общего Устава гласит:

«Членом Международного Товарищества Рабочих может стать каждый, кто признает и защищает его принципы. Каждая секция ответственна за безупречность принимаемых ею членов» *(«Every branch is responsible for the integrity of the members it admits»)*[333].

В сомнительных случаях секция сможет навести справки о средствах существования как «гарантии нравственности», хотя в ряде других случаев, — например, когда речь идет об эмигрантах, бастующих рабочих и т. д. и т. д., — отсутствие средств существования вполне может служить гарантией нравственности. Но требовать от кандидатов в качестве общего условия приема в Интернационал представление сведений

о своих средствах существования было бы буржуазным нововведением, противоречащим букве и духу Общего Устава.

II. 1) Принимая во внимание, что статья 4 Общего Устава гласит: «The Congress elects the members of the General Council with power to add to their number» («Конгресс избирает членов Генерального Совета, предоставляя ему право пополнять свой состав новыми членами»)[334]; что, следовательно, Общий Устав признает только два способа избрания членов Генерального Совета: либо их выбирает конгресс, либо их кооптирует Генеральный Совет; что следующее место в статье 11 устава Французской секции 1871 года: «В Генеральный Совет будут посылаться один или несколько делегатов» — противоречит, следовательно, Общему Уставу, который не дает никакому отделению, секции, группе или федерации *права* посылать делегатов в Генеральный Совет;

что статья 12 Регламента предписывает: «Каждая секция имеет право выработать свой местный устав и регламент применительно к местным условиям и законам своей страны, *они не должны, однако, содержать ничего, противоречащего Общему Уставу»*[335] — принимая все это во внимание,

Генеральный Совет не может утвердить вышеупомянутый параграф устава Французской секции 1871 года.

2) Совершенно верно, что различным секциям в Лондоне предлагалось посылать делегатов в Генеральный Совет, который, чтобы не нарушать Общего Устава, поступал всегда следующим образом:

Прежде всего он определял число делегатов, посылаемых в Генеральный Совет от каждой секции, оставляя за собой право принимать или отвергать этих делегатов, в зависимости от того, считал ли он их способными выполнять возложенные на него функции общего руководства. Эти делегаты становились членами Генерального Совета не в силу того, что они были делегированы своими секциями, а в силу того, что Совет, согласно Общему Уставу, имеет право кооптировать новых членов.

До решения последней конференции лондонский Совет функционировал и как Генеральный Совет Международного Товарищества, и как центральный совет для Англии, поэтому он счел целесообразным принять в свой состав, помимо членов, которых он непосредственно кооптировал, также и таких членов, кандидатуры которых выдвигались первоначально соответствующей секцией.

Было бы большой ошибкой отождествлять порядок избрания Генерального Совета Международного Товарищества

Рабочих с выборами Парижского федерального совета, который не являлся даже национальным советом, избранным национальным съездом, как например Федеральный совет в Брюсселе и Федеральный совет в Мадриде.

Так как Парижский федеральный совет состоял лишь из делегатов парижских секций, то делегаты этих секций вполне могли быть снабжены императивным мандатом для участия в таком совете, где им надлежало защищать интересы своей секции. Наоборот, порядок избрания Генерального Совета определен Общим Уставом, и его члены не могли бы принимать никаких императивных мандатов, кроме мандата, определяемого Общим Уставом и Организационным регламентом.

3) Генеральный Совет готов принять в свой состав двух делегатов Французской секции 1871 г. на условиях, предписанных Общим Уставом и никогда не оспаривавшихся другими секциями, существующими в Лондоне.

III. В статье 11 устава Французской секции 1871 г. имеется такой параграф:

«*Каждый член секции обязуется входить в состав Генерального Совета не иначе как в качестве делегата своей секции*».

Если этот параграф истолковать буквально, то он мог бы быть принят, поскольку он означал бы лишь, что член Французской секции 1871 г. не может явиться в Генеральный Совет в качестве представителя какой-нибудь другой секции.

Но если принять во внимание предшествующий ему параграф, то смысл упомянутого выше параграфа заключается только в том, чтобы полностью изменить порядок избрания Генерального Совета и превратить его, вопреки статье 3 Общего Устава, в собрание делегатов от лондонских секций, в котором влияние всего *Международного Товарищества Рабочих* подменялось бы влиянием местных групп.

Такой смысл упомянутого параграфа статьи 11 устава Французской секции 1871 г. полностью подтверждается возлагаемым им обязательством сделать выбор между званием члена секции и функцией члена Генерального Совета.

По этим соображениям Генеральный Совет не может утвердить вышеуказанный параграф, как противоречащий Общему Уставу и как лишающий Генеральный Совет его права свободно пополнять свой состав в общих интересах Международного Товарищества Рабочих.

IV. Генеральный Совет убежден, что Французская секция 1871 г. поймет необходимость предложенных изменений и без колебаний приведет в соответствие свой местный устав с буквой

и духом Общего Устава и Организационного регламента и что таким образом она предотвратит всякое разногласие, которое в современных условиях может только воспрепятствовать развитию Международного Товарищества Рабочих.

Привет и равенство.

От имени и по поручению Генерального Совета

Огюст Серрайе,
секретарь-корреспондент для Франции

Внесено К. Марксом 17 октября 1871 г.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи О. Серрайе

Перевод с французского

К. МАРКС

ОБЩИЙ УСТАВ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ РЕГЛАМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [336]

ОБЩИЙ УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Принимая во внимание:

что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран;

что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

что нынешний новый подъем движения рабочего класса в наиболее развитых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем серьезным предупреждением

против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения все еще разрозненных движений;

принимая во внимание указанные соображения было основано Международное Товарищество Рабочих.

Оно заявляет:

что все вступившие в него общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость и нравственность основой в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от цвета их кожи, их верований или национальности;

что оно признает: *нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав*[337].

Исходя из всего этого и был составлен следующий Устав:

1. Настоящее Товарищество основано для того, чтобы служить центром сношений и сотрудничества* между рабочими обществами, существующими в различных странах и преследующими одинаковую цель, а именно — защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса.

2. Общество принимает название «Международное Товарищество Рабочих».

3. Ежегодно созывается общий рабочий конгресс, состоящий из делегатов от отделений Товарищества. Конгресс призван провозглашать общие стремления рабочего класса, принимать меры, необходимые для успешной деятельности Международного Товарищества, и назначать Генеральный Совет Товарищества.

4. Каждый конгресс назначает время и место созыва следующего конгресса. Делегаты собираются в назначенный срок в установленном месте без специального приглашения. Генеральный Совет может в случае необходимости изменить место созыва конгресса, но не вправе отсрочить время его созыва. Конгресс ежегодно определяет местопребывание Генерального Совета и избирает его членов. Избранный таким образом Генеральный Совет имеет право пополнять свой состав новыми членами.

На своих ежегодных заседаниях общий конгресс заслушивает гласный отчет о годичной деятельности Генерального Совета. В случае крайней необходимости Генеральный Совет может созвать общий конгресс ранее установленного годичного срока.

5. В состав Генерального Совета входят рабочие различных стран, представленных в Международном Товариществе.

* В немецком издании перед словом «сотрудничество» вставлено «планомерного». *Ред.*

Он избирает из своей среды должностных лиц, необходимых для ведения дел, а именно: казначея, генерального секретаря, секретарей-корреспондентов для разных стран и т. д.

6. Генеральный Совет служит международным органом, осуществляющим связь между различными национальными и местными группами Товарищества, добиваясь того, чтобы рабочие одной страны были постоянно осведомлены о движении их класса во всех других странах; чтобы одновременно и под общим руководством проводилось обследование социальных условий в различных странах Европы; чтобы вопросы, поднятые в одном обществе, но представляющие общий интерес, обсуждались всеми и чтобы в тех случаях, когда требуются немедленные практические меры, например в случае международных конфликтов, общества, входящие в Товарищество, действовали одновременно и согласованно. Во всех надлежащих случаях Генеральный Совет берет на себя инициативу внесения предложений различным национальным или местным обществам. Для облегчения связей Генеральный Совет публикует периодические отчеты.

7. Так как успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией, а с другой стороны, польза, приносимая международным Генеральным Советом, в значительной степени зависит от того, будет ли он иметь дело с немногими национальными центрами рабочих товариществ или с множеством мелких и разрозненных местных обществ, то члены Международного Товарищества должны, каждый в своей стране, приложить все усилия для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные национальными центральными органами. Само собой разумеется, однако, что применение этой статьи устава зависит от особенностей законов каждой страны и что, независимо от наличия препятствий, чинимых законами, самостоятельным местным обществам не возбраняется входить в непосредственные сношения с Генеральным Советом.

8. Каждая секция имеет право назначить своего секретаря для переписки с Генеральным Советом.

9. Членом Международного Товарищества Рабочих может стать каждый, кто признает и защищает его принципы. Каждая секция ответственна за безупречность принимаемых ею членов.

10. Каждый член Международного Товарищества, переезжающий на жительство из одной страны в другую, получит братскую поддержку со стороны объединенных в Товариществе рабочих.

11. Объединяясь в нерушимый союз братского сотрудничества, рабочие общества, вступающие в Международное Товарищество, сохраняют, однако, в неприкосновенности свои существующие организации.

12. Настоящий Устав может быть пересмотрен на каждом конгрессе — при условии, если за пересмотр выскажутся $^{2}/_{3}$ присутствующих делегатов.

13. Все не предусмотренное настоящим Уставом будет дополнено в особом Регламенте, подлежащем пересмотру на каждом конгрессе.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ РЕГЛАМЕНТ, ПЕРЕСМОТРЕННЫЙ В СООТВЕТСТВИИ С РЕЗОЛЮЦИЯМИ КОНГРЕССОВ (1866—1869) И ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1871)

I
ОБЩИЙ КОНГРЕСС

1. Каждый член Международного Товарищества Рабочих имеет право участвовать в выборах делегатов на общий конгресс и быть самому избранным делегатом.

2. Каждая секция, независимо от количества ее членов, вправе послать на конгресс делегата.

3. Каждый делегат имеет на конгрессе только один голос.

4. Издержки делегатов оплачиваются избравшими их секциями и группами.

5. В случае, если какая-либо секция не в состоянии послать делегата, она может объединиться с соседними секциями для избрания делегата сообща.

6. Секция или группа, насчитывающая более 500 членов, имеет право дополнительно послать делегата от каждых 500 членов сверх этого количества.

7. К участию в конгрессах с правом решающего голоса впредь допускаются лишь делегаты тех обществ, секций или групп, которые входят в состав Интернационала и уплатили Генеральному Совету членские взносы. Вместе с тем делегаты профессиональных союзов и рабочих кооперативных обществ тех стран, в которых законы препятствуют регулярной организации Интернационала, допускаются к участию в обсуждении на конгрессах вопросов, касающихся принципов, но не уча-

ствуют в обсуждении организационных вопросов и в голосовании по этим вопросам.

8. Заседания конгресса бывают двух видов: закрытые, по организационным вопросам, и открытые, на которых обсуждаются и ставятся на голосование общие вопросы, намеченные в программе конгресса.

9. Генеральный Совет вырабатывает программу конгресса, включающую вопросы, поставленные в порядок дня предыдущим конгрессом, а также вопросы, внесенные дополнительно Генеральным Советом, равно как и те, которые представлены на утверждение Генерального Совета различными секциями и группами или их комитетами.

Все секции, группы или комитеты, которые пожелают предложить на обсуждение предстоящего конгресса вопрос, не поставленный предшествовавшим конгрессом, должны сообщить об этом Генеральному Совету до 31 марта.

10. Генеральному Совету поручается организовывать конгрессы и своевременно доводить их программы до сведения секций через посредство федеральных советов или комитетов.

11. Конгресс назначает по каждому вопросу, подлежащему его обсуждению, особую комиссию. Каждый делегат называет комиссию, в которую он предпочитает войти. Каждая комиссия изучает представленные различными секциями и группами доклады по определенному вопросу, переданному на ее рассмотрение. Комиссия составляет на основании этих докладов один общий доклад, и только он оглашается на открытом заседании. Комиссия кроме того решает, какие из упомянутых докладов должны быть приложены к официальному отчету о работе конгресса.

12. На своих открытых заседаниях конгресс занимается в первую очередь вопросами, поставленными в порядок дня Генеральным Советом; вслед за тем подлежат обсуждению остальные вопросы.

13. Все резолюции по вопросам, касающимся принципов, ставятся на поименное голосование (appel nominal).

14. Каждая секция или федерация секций представляет Генеральному Совету не позднее чем за два месяца[*] до ежегодного конгресса подробный отчет о своей деятельности и о своем развитии в течение текущего года. Генеральный Совет составляет на основании этих отчетов один общий отчет, который и оглашается на конгрессе.

[*] Во французском издании: «за месяц». *Ред.*

II
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ

1. Наименование Генеральный Совет сохраняется за центральным советом Международного Товарищества Рабочих. Центральные советы различных стран, в которых существует регулярная организация Интернационала, должны именоваться федеральными советами или федеральными комитетами с прибавлением названий соответствующих стран.

2. Генеральный Совет обязан приводить в исполнение резолюции конгрессов.

3. Генеральный Совет издает так часто, как это позволяют его средства, бюллетень или отчет, содержащий все, что представляет интерес для Международного Товарищества Рабочих.

Для этой цели он собирает все материалы, пересылаемые ему федеральными советами или комитетами различных стран, равно как и другие материалы, которые он в состоянии получить иным путем.

Бюллетень, составленный на разных языках, бесплатно рассылается федеральным советам или комитетам, которые пересылают по одному экземпляру каждой из своих секций.

В случае невозможности публиковать такие бюллетени Генеральный Совет посылает каждые три месяца различным федеральным советам и комитетам письменное сообщение для опубликования в газетах соответствующих стран и главным образом в органах Интернационала.

4. Каждая новая секция или общество, желающие вступить в Интернационал, обязаны немедленно сообщить о своем присоединении Генеральному Совету.

5. Генеральный Совет имеет право принимать новые секции и группы или отказывать им в приеме, оставляя, однако, за ними право апеллировать к очередному конгрессу.

Однако там, где существуют федеральные советы или комитеты, Генеральный Совет обязан выслушать их мнение в пределах их компетенции, прежде чем принять новую секцию или общество или отказать им в приеме; тем не менее за ним остается право временно разрешать вопрос.

6. Генеральный Совет имеет также право исключать из Интернационала любую секцию на время до очередного конгресса.

7. Генеральный Совет имеет право разрешать конфликты, которые могут возникнуть между обществами или секциями,

входящими в одну национальную группу, или между различными национальными группами, оставляя, однако, за ними право апеллировать к очередному конгрессу, решение которого является окончательным.

8. Все делегаты, назначаемые Генеральным Советом для выполнения особых поручений, вправе присутствовать и высказываться на всех заседаниях федеральных советов или комитетов, областных и местных комитетов и местных секций, но не имеют при этом решающего голоса.

9. Английские, французские и немецкие издания Общего Устава и Регламента должны воспроизводить официальные тексты, опубликованные Генеральным Советом.

Все переводы Общего Устава и Регламента на другие языки должны быть до их опубликования представлены на утверждение Генерального Совета.

III

ВЗНОСЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ УПЛАТЕ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ

1. Генеральный Совет взимает со всех секций и присоединившихся обществ ежегодный взнос в размере 1 пенса с каждого члена.

Этот взнос предназначается для покрытия таких расходов Генерального Совета, как оплата генерального секретаря, расходы на переписку, публикации, подготовительную работу к конгрессам и т. д. и т. д.

2. Генеральному Совету надлежит отпечатать наклеивающиеся марки определенного образца стоимостью в 1 пенс и ежегодно снабжать ими в требуемом количестве федеральные советы или комитеты.

3. Эти марки наклеиваются на специальный листок в членскую книжку или в Устав, экземпляр которого обязан иметь каждый член Товарищества*.

4. Ежегодно 1 марта федеральные советы или комитеты различных стран пересылают Генеральному Совету сумму, соответствующую стоимости использованных марок, и возвращают обратно оставшиеся у них марки.

5. Эти марки с обозначением размера индивидуальных взносов помечаются датой текущего года.

* В немецком и французском изданиях в пункте 3 говорится: «Федеральные советы или комитеты посылают местным комитетам или, при отсутствии их, соответствующим секциям количество марок по числу их членов». Далее в немецком и французском изданиях следуют пункты 4, 5 и 6, соответствующие 3, 4 и 5 пунктам английского издания. *Ред.*

IV

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СОВЕТЫ ИЛИ КОМИТЕТЫ

1. Расходы федеральных советов или комитетов покрываются соответствующими секциями.

2. Федеральные советы или комитеты не реже одного раза в месяц посылают отчет Генеральному Совету.

3. Федеральные советы или комитеты каждые три месяца представляют Генеральному Совету отчет об организационной работе и финансовом положении их секций.

4. Каждая федерация имеет право отказывать в приеме или исключать из своей среды отдельные общества или секции. Она, однако, не имеет права лишать их звания организаций Интернационала; она может лишь обратиться в Генеральный Совет с предложением об их временном исключении.

V

МЕСТНЫЕ ОБЩЕСТВА, СЕКЦИИ И ГРУППЫ

1. Каждая секция имеет право выработать свой местный устав и регламент применительно к местным условиям и законам своей страны. Этот устав и этот регламент не должны, однако, содержать ничего, противоречащего Общему Уставу и Регламенту.

2. Все местные секции, группы и их комитеты впредь именуются и конституируются исключительно как секции, группы и комитеты Международного Товарищества Рабочих с прибавлением названий соответствующих местностей.

3. Ввиду этого всем секциям и группам запрещается впредь именоваться сектантскими названиями, как, например, позитивисты, мютюэлисты, коллективисты, коммунисты и т. п., или создавать сепаратистские организации под названием *«секций пропаганды»* и т. п., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества.

4. На профессиональные союзы, присоединившиеся к Интернационалу, пункт 2 настоящего раздела не распространяется.

5. Всем секциям и отделениям Интернационала, а также присоединившимся к нему рабочим обществам предлагается упразднить должность председателя соответствующей секции или общества.

6. Рекомендуется создавать среди рабочего класса женские секции. Разумеется, однако, что эта резолюция отнюдь не должна препятствовать существованию старых и образованию новых секций, состоящих из рабочих обоего пола.

7. В случае появления где-либо в печати нападок на Интернационал ближайшая секция или комитет обязаны немедленно переслать Генеральному Совету экземпляр такой публикации.

8. Каждые три месяца во всех органах Товарищества должны публиковаться адреса всех комитетов Интернационала, а также адрес Генерального Совета.

VI
О ВСЕОБЩЕЙ СТАТИСТИКЕ ТРУДА

1. Генеральному Совету надлежит ввести в действие 6 статью Устава, касающуюся всеобщей статистики рабочего класса, а также резолюцию Женевского конгресса 1866 г. по данному вопросу.

2. Каждая местная секция должна назначить специальный статистический комитет, чтобы быть всегда готовой в меру своих средств ответить на вопросы, с которыми к ней могут обратиться федеральный совет или комитет ее страны или Генеральный Совет.

Всем секциям рекомендуется оплачивать секретарей статистических комитетов, принимая во внимание, что их деятельность принесет общую пользу рабочему классу.

3. Ежегодно 1 августа федеральные советы или комитеты отсылают собранные в их странах материалы Генеральному Совету, который, в свою очередь, составляет на основании этих данных общий доклад для представления конгрессам или конференциям, происходящим ежегодно в сентябре.

4. О профессиональных союзах и секциях Интернационала, отказывающихся представить требуемые сведения, следует сообщать Генеральному Совету, который примет в связи с этим соответствующие меры.

5. Резолюция Женевского конгресса 1866 г., упомянутая в статье 1 настоящего раздела, гласит:

Великим примером интернационального объединения действий явится статистическое обследование положения рабочего класса во всех цивилизованных странах, осуществляемое самим рабочим классом. Чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать. Приступив к такому большому труду, рабочие докажут, что они способны взять свою судьбу в собственные руки.

Конгресс поэтому предлагает в каждой местности, где существуют отделения нашего Товарищества, немедленно приступить к работе и собирать фактические данные по различным пунктам, указанным в прилагаемой схеме обследования; конгресс призывает рабочих Европы и Соединенных Штатов Америки принять участие в собирании статистических сведений о рабочем классе; доклады и фактические данные следует направлять Генеральному Совету. Генеральный Совет на основании этих материалов составит доклад, присоединив к нему фактические данные в виде приложения. Этот доклад вместе с приложением представляется очередному ежегодному конгрессу и, после утверждения им, печатается на средства Товарищества.

Общая схема обследования, в которую, разумеется, могут быть внесены изменения в каждой местности: 1. Наименование производства. 2. Возраст и пол занятых в нем лиц. 3. Число занятых в нем лиц. 4. Заработная плата: a) учеников; b) поденная или сдельная оплата труда. Размер оплаты посредниками. Средний недельный, годовой заработок. 5. a) Продолжительность рабочего дня на фабриках; b) продолжительность рабочего дня у мелких предпринимателей и в домашнем производстве, в случае наличия всех этих видов производства; c) ночной и дневной труд. 6. Перерывы на еду и обращение с рабочими. 7. Характеристика мастерской и условий труда: теснота помещения, плохая вентиляция, недостаток солнечного света, применение газового освещения, чистота и т. д. 8. Влияние работы на физическое состояние. 9. Моральные условия. Воспитание. 10. Состояние производства: является ли оно сезонным или действует более или менее равномерно в течение всего года, испытывает ли значительные колебания, подвергается ли иностранной конкуренции, обслуживает ли оно преимущественно внутренний или внешний рынок и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Конференция, происходившая в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 г., поручила Генеральному Совету опубликовать на английском, французском и немецком языках аутентичное, заново пересмотренное издание «Общего Устава и Регламента Международного Товарищества Рабочих», исходя из следующих соображений:

I. ОБЩИЙ УСТАВ

Женевский конгресс (1866 г.) принял с немногими добавлениями Временный Устав Товарищества, опубликованный в Лондоне в ноябре 1864 года. Он вынес также постановление (см. «Рабочий конгресс Международного Товарищества Рабочих, заседавший в Женеве с 3 по 8 сентября 1866 года», Женева, 1866, стр. 27, примечание), чтобы Генеральный Совет опубликовал официальный, обязательный для всех текст Устава и Регламента, принятых конгрессом. Генеральный Совет был лишен возможности выполнить это предписание ввиду того, что протоколы Женевского конгресса в то время, когда их провозили через Францию, были конфискованы бонапартистским правительством. Когда же благодаря вмешательству лорда Стэнли, тогдашнего английского министра иностранных дел, протоколы были, наконец, возвращены, в Женеве уже было выпущено французское издание, причем содержащийся в нем текст Устава и Регламента был тотчас же перепечатан во всех странах, население которых говорит по-французски. Этот текст был ошибочен во многих отношениях.

1. Парижское издание лондонского Временного Устава считалось точным переводом; но парижский комитет, которому этот перевод обязан своим появлением, внес во введение к Уставу весьма важные изменения. В ответ на запрос Генерального Совета Парижский комитет сообщил, что эти изменения необходимы при существующем во Франции политическом положении. Вследствие недостаточного знания английского языка некоторые статьи Устава были им вдобавок ложно истолкованы.

2. На Женевском конгрессе, который должен был придать Временному уставу окончательный характер, комиссия, назначенная для этой цели, просто вычеркнула все те места, в которых упоминалось о чем-либо, носившем временный характер, но не заметила, что многие из этих мест содержали весьма важные положения отнюдь не временного характера. В английском издании, опубликованном после Лозаннского конгресса (1867 г.), были вновь допущены те же пропуски.

II. ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ РЕГЛАМЕНТ

До сих пор вместе с Уставом публиковался лишь тот Организационный регламент, который был принят Женевским конгрессом (1866 г.). Поэтому необходимо было свести

в одно целое позднейшие регламенты, принятые последующими конгрессами и недавно состоявшейся Лондонской конференцией.

Для настоящего пересмотренного издания были использованы следующие публикации:

«Манифест и Временный устав Международного Товарищества Рабочих» и т. д. Лондон, 1864.

«Устав Международного Товарищества Рабочих». Лондон, 1867.

«Рабочий конгресс Международного Товарищества Рабочих, заседавший в Женеве с 3 по 8 сентября 1866 года». Женева, 1866.

«Протоколы конгресса Международного Товарищества Рабочих, заседавшего в Лозанне со 2 по 8 сентября 1867 года». Шо-де-Фон, 1867.

«Третий конгресс Международного Товарищества Рабочих (Брюссельский конгресс) — Официальный отчет». Брюссель, 1868.

«Международное Товарищество Рабочих. Резолюции Женевского конгресса 1866 г. и Брюссельского конгресса 1868 года». Лондон, 1868.

«Отчет о четвертом международном конгрессе, состоявшемся в Базеле в сентябре 1869 года». Брюссель, 1869.

«Отчет о четвертом ежегодном конгрессе Международного Товарищества Рабочих, состоявшемся в Базеле в 1869 году». Опубликован Генеральным Советом. Лондон, 1869.

«Четвертый конгресс Международного Товарищества Рабочих, состоявшийся в Базеле в 1869 году. Отчет делегата рабочим секциям Женевы». Женева, 1869.

«Резолюции конференции Международного Товарищества Рабочих, состоявшейся в Лондоне в 1871 году». Лондон, 1871[338].

В отношении Базельского конгресса были также приняты во внимание издававшиеся в Базеле в виде листовок немецкие отчеты о заседаниях конгресса и записи, сделанные во время конгресса генеральным секретарем.

Каким образом эти различные источники использованы для настоящего пересмотренного издания, видно из нижеследующего.

ОБЩИЙ УСТАВ

Вводная часть. — После слов *«По указанным соображениям»* восстановлены слова «было основано Международное Товарищество Рабочих». См. Временный Устав, стр. 13[339].

Положение: «Они считают долгом человека» и т. д.[340] опущено, так как оно имеется в двух в равной мере аутентичных вариантах, противоречащих друг другу. К тому же подлинный смысл этого положения содержится уже как в непосредственно предшествующих, так и в непосредственно следующих за ним словах: «Нет прав без обязанностей» и т. д.

Статья 3 восстановлена согласно статье 3 Временного Устава.

Статья 4 — часть статьи 3 и вся статья 4 Устава, Лондон, 1867.

Статья 5 — вводная часть статьи 3 Устава 1867 года. Слово «председателя» опущено в соответствии с резолюцией 1 по организационному вопросу, принятой Базельским конгрессом[341].

Статья 6 — статья 5 Устава 1867 года. Слова «сотрудничающие [cooperating] общества» заменены словами «национальные и местные группы Товарищества» ввиду того, что в некоторых переводах это выражение было неправильно истолковано как означающее «кооперативные [cooperative] общества».

Статья 7 — статья 6 Устава, 1867.

Статья 8 — статья 10 Устава, 1867.

Статья 10 — статья 8 Устава, 1867.

Статья 12 составляет статью 13 Организационного регламента в Уставе 1867 года.

Статья 13 — статья 12 Устава, 1867.

Статья 7 Устава 1867 года опущена, так как ее включение противоречило одной из резолюций Лозаннского конгресса. См. «Протоколы Лозаннского конгресса», стр. 36.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ РЕГЛАМЕНТ

I. Общий конгресс

Статья 1 — статья 11 Регламента, принятого Женевским конгрессом («Женевский конгресс», Женева, 1866 г., стр. 27 и т. д.); статья 10, Устав и т. д., 1867, которая является неполной.

Статья 2 — статья 9, Женевский конгресс; статья 6, Устав и т. д., 1867.

Статья 3 — статья 13, Женевский конгресс; статья 11, Устав и т. д., 1867.

Статья 4 — статья 10, Женевский конгресс; статья 9, Устав и т. д., 1867.

Статья 5 — статья 9, Женевский конгресс; статья 7, Устав и т. д., 1867.

Статья 6 — статья 12, Женевский конгресс; статья 8, Устав и т. д., 1867.

Статья 7 — Организационный регламент, принятый в Базеле, статья VIII.

Статья 8. — Для этой статьи «Порядок ведения конгресса Интернационала» («Отчет о Базельском конгрессе», Брюссель, 1869) был дополнен другими, цитированными выше, материалами Базельского конгресса.

Статья 9. Первая часть — то же, что и для статьи 8. Вторая часть — резолюция Лозаннского конгресса (Протоколы, стр. 74, 1).

Статья 10 — статья lb, Женевский конгресс; статья 1b, Устав и т. д., 1867.

Статья 11 — Базельский конгресс, Порядок ведения, статьи 3 и 11.

Статья 12 — Порядок ведения и т. д., статья 10.

Статья 13 — Порядок ведения и т. д., статья 7.

Статья 14 — Порядок ведения и т. д., статья 4.

II. Генеральный Совет

Статья 1 — Лондонская конференция, 1871, II, 1.

Статья 2 — Женевский конгресс, статья 1; Устав и т. д., 1867, статья 1.

Статья 3. Два первых абзаца — статья 2 и статья 1а, Женевский конгресс и Устав и т. д., 1867. Третий абзац — статья 3, Женевский конгресс. Последний абзац — Лозаннский конгресс, Протоколы, стр. 37, статья 2.

Статьи 4—7 — Резолюции по организационным вопросам, принятые в Базеле, IV—VII.

Статья 8 — Лондонская конференция, III.

Статья 9 — Резолюции Лондонской конференции, заседания от 18 и от 22 сентября.

III. Взносы, подлежащие уплате Генеральному Совету

Статья 1. Первый абзац — Лозаннский конгресс. Протоколы, стр. 37, 3, а также статья IX Резолюций по организационным вопросам, принятых в Базеле. Второй абзац — статья 4, Женевский конгресс и Устав, 1867.

Статьи 2—6 — Лондонская конференция, IV, 1—5.

IV. Федеральные советы или комитеты

Статья 1 — статья 6, Женевский конгресс и Устав, 1867.

Статья 2 — там же, статья 5.

Статья 3 — Брюссельский конгресс. «Официальный отчет», стр. 50. Приложение. Заседания по организационным вопросам. Резолюция № 3.

Статья 4 — статья VI Резолюций по организационным вопросам, принятых в Базеле.

V. Местные общества, секции и группы

Статья 1 — статья 14, Женевский конгресс; статья 12, Устав и т. д., 1867.

Статьи 2—4 — Лондонская конференция, II, 2—4.

Статья 5 — статья I Резолюций по организационным вопросам, принятых в Базеле.

Статья 6 — Лондонская конференция, V.

Статья 7 — статья II Резолюций по организационным вопросам, принятых в Базеле.

Статья 8 — там же, статья III.

VI. Всеобщая статистика труда

Статьи 1—4 — Лондонская конференция, VI, 1—4.

Статья 5 — резолюция Женевского конгресса (лондонское издание Резолюций Женевского и Брюссельского конгрессов, стр. 4).

По постановлению и от имени Лондонской конференции 1871 г.

Генеральный Совет:

Р. Аплгарт, М. Дж. Бун, Фред. Брадник, Г. Х. Баттери, Э. Делаэ, Эжен Дюпон (в отъезде по поручению), У. Хейлз, Дж. Харрис, Хурлиман, Жюль Жоаннар, Харриет Ло, Ф. Лесснер, Лохнер, Ш. Лонге, К. Мартен, Зеви Морис, Генри Мейо, Джордж Милнер, Ч. Марри, Пфендер, Джон Роч, Рюль, Садлер, Кауэлл Степни, Альфред Тейлор, У. Таунсенд, Э. Вайян, Джон Уэстон

Секретари-корреспонденты:

Лео Франкель — для Австрии и Венгрии; ***А. Эрман*** — для Бельгии; ***Т. Моттерсхед*** — для Дании; ***О. Серрайе*** — для Франции; ***Карл Маркс*** — для Германии и России; ***Шарль Роша*** — для Голландии; ***Дж. П. Мак-Доннел*** — для Ирландии; ***Фридрих Энгельс*** — для Италии и Испании; ***Валерий Врублевский*** — для Польши; ***Герман Юнг*** — для Швейцарии; ***И. Г. Эккариус*** — для Соединенных Штатов; ***Ле Муссю*** — для французских секций в Соединенных Штатах.

Шарль Лонге, председательствующий

Герман Юнг, казначей

Джон Хейлз, генеральный секретарь

256, Хай Холборн, Лондон, Уэстерн
Сентрал, 24 октября 1871 г.

Напечатано в виде отдельных брошюр на английском и французском языках в ноябре — декабре 1871 г. и на немецком языке в феврале 1872 г.

Печатается по тексту английского издания, сверенному с немецким и французским изданиями

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ПИСЬМА КОКРЕНА [342]

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EASTERN POST»

Милостивый государь!

31 октября в «Times» появилось письмо об Интернационале за подписью Александера Бэйли Кокрена. Прошу Вас поместить в Вашей газете ответ на это письмо. Начнем с того, что г-ну А. Б. К.

«неизвестно, остается ли г-н Оджер председателем английского отделения названного общества».

Еще в сентябре 1867 г. должность председателя Генерального Совета Интернационала, который г-н А. Б. К. называет английским отделением этого общества, была упразднена. Как известно, после опубликования нашего воззвания о гражданской войне во Франции (в июне этого года) г-н Оджер вышел из Генерального Совета.

Прочитав в европейских газетах кое-какие сплетни о составе нашей конференции делегатов, состоявшейся в сентябре этого года в Лондоне, г-н А. Б. К. относит эти сведения к публичному собранию, состоявшемуся в Сент-Мартинс-холле 28 сентября 1864 года. На этом собрании, как совершенно правильно отмечал автор статьи в «Times» от 27 октября, был избран Временный Совет Международного Товарищества Рабочих, но вовсе не были избраны «г-н Оджер председателем, а г-н Кример и г-н Уилер секретарями», как это утверждает г-н А. Б. К.

Г-н А. Б. К. подтверждает далее достоверность своей информации следующим «подлинным документом».

Во-первых,

«Красное знамя — символ всеобщей любви».

Этот подлинный документ представляет собой не что иное, как вступление к одной из бесчисленных фальшивок, недавно опубликованных от имени Интернационала парижской полицией и своевременно опровергнутых Генеральным Советом.

Во-вторых,

«Женевская программа, под председательством» (довольно трудно себе представить, как программа может быть под председательством) «русского, Михаила Бакунина, была принята лондонским Генеральным Советом в июле 1869 года».

Эта женевская программа есть не что иное, как устав женевского Альянса социалистической демократии; она уже цитировалась в циркуляре Жюля Фавра об Интернационале. В ответ на этот циркуляр мной было заявлено (см. «Times» от 13 июня), что Генеральный Совет никогда не выпускал такого документа. Напротив, он выпустил документ, в котором объявил недействительным устав Альянса*.

Могу прибавить к этому, что конференция, недавно состоявшаяся в Лондоне, окончательно покончила счеты с Альянсом, основанным Михаилом Бакуниным, и что газета «Journal de Geneve»[343] — достойная представительница догматов той партии, к которой принадлежит г-н А. Б. К., — взяла под защиту Альянс против Интернационала.

В-третьих, г-н А. Б. К. вытащил из своей пачки «подлинных документов» искаженную выдержку из частного письма, написанного нашим другом Эженом Дюпоном, и давным-давно опубликованную бывшим бонапартистским прокурором Оскаром Тестю[344]. Эта выдержка обошла всю английскую печать еще до того, как г-н А. Б. К. отправился в Европу на поиски подобной «достоверной информации».

Г-н Александер Бэйли Кокрен называет наше общество «гнусным». Как я должен назвать общество, поручающее дело законодательства этому самому Александеру Бэйли Кокрену?

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Джон Хейлз,
генеральный секретарь Международного
Товарищества Рабочих

256, Хай Холборн

Написано Ф. Энгельсом 31 октября 1871 г.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 163, 11 ноября 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* См. настоящий том, стр. 372—373. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

* О ГРЮНДЕРСКОМ АЖИОТАЖЕ В АНГЛИИ

Лондон, 4 ноября. — Мы сейчас находимся в разгаре процветания и коммерческого оживления — *мы,* то есть официальная Англия, крупные капиталисты. На рынке избыток капитала, и он ищет повсюду прибыльного приложения; мошеннические компании, учреждаемые для облагодетельствования человечества и обогащения предпринимателей, растут, как грибы после дождя. По-видимому, больше всего сейчас в моде рудники, разработка залежей асфальта, конные железные дороги в больших городах, металлургические заводы; есть объявления о продаже рудников на Волге и в Новой Мексике; в Савойе, Юрской области, Ганновере скупаются месторождения асфальтов; возвещается о прокладке конных железных дорог в Лиссабоне и Буэнос-Айресе и т. д. У всех этих акционерных обществ, разумеется, одна только цель — взвинтить на какое-то время курс акций, с тем чтобы предприниматели могли выгодно сбыть свою долю, а что потом будет с акционерами, это их не интересует: «после нас хоть потоп!» Через три— четыре года пять шестых всех этих мошеннических компаний бесследно сгинут вместе с деньгами попавшихся на удочку акционеров. В эти «весьма солидные и выгодные» предприятия вкладывают свои сбережения, как всегда, главным образом люди с небольшим достатком, и вкладывают как раз в тот момент, когда курсы акций мошенническим образом взвинчиваются до наивысшего предела, — и поделом им. Спекуляция акциями — одно из самых сильных средств для перекладывания в карманы крупных капиталистов состояния людей с небольшим достатком — состояния, приобретенного якобы, а отчасти и на самом

деле, ими лично. При этом даже отъявленным дуракам становится очевидным, что при нынешнем общественном строе вообще не может быть капитала, «добытого собственным трудом», и что, напротив, всякий существующий капитал есть не что иное, как присвоенный неоплаченный продукт чужого труда. И если грюндерский ажиотаж достиг широкого размаха в последнее время также в Германии и Австрии, если князья и ростовщики, рейхсканцлеры и попы сообща охотятся на сбережения мелкого люда, то нам это только на руку.

Этот избыток капиталов на денежном рынке является лишь отражением того процветания, которое переживает сейчас крупная промышленность. Почти во всех отраслях производства царит давно уже небывалое оживление, особенно же в двух главных отраслях английской промышленности, для которых сырьем являются железо и хлопок.

У ланкаширских бумагопрядильных фабрикантов наконец-то опять достаточно хлопка для массового расширения производства, — и они не зевают. В одном только маленьком Олдеме строится пятнадцать новых бумагопрядильных фабрик в среднем на пятьдесят тысяч веретен каждая, что составляет в целом 750000 веретен, то есть почти столько же, сколько их имеется во всех землях (без Эльзаса) Таможенного союза![345] К этому надо прибавить соответствующее количество ткацких станков. Также обстоит дело и в других городах Ланкашира. Машиностроительные заводы завалены заказами на несколько месяцев, а некоторые на год вперед, и им платят любую цену, лишь бы они доставили требуемые машины. Короче говоря, повторяется 1844 г., когда после открытия китайского рынка[346], фабриканты заботились лишь о том,чтобы выпускать как можно больше товара: ведь, как они говорили, они должны были снабдить одеждой 300 миллионов человек! Затем последовал охлаждающий удар 1845 и 1847 гг., когда вдруг обнаружилось, что 300 миллионов китайцев до сих пор свободно изготовляли себе одежду сами. Произведенные в чрезмерном количестве английские товары грудами лежали на складах всех рынков, не находя себе сбыта, а владельцы предприятий и спекулянты сотнями терпели банкротство. То же самое снова произойдет и теперь; эти люди ничему не научились; впрочем, если бы они и научились чему-нибудь, имманентный закон капиталистического производства все равно заставит их непрестанно повторять все тот же давно известный цикл экономического подъема, перепроизводства и кризиса, повторять каждый раз во все большем масштабе, пока восстание пролетариата не освободит, наконец, общество от неизбежности этого бессмысленного круговращения.

Некий г-н *Швицгебель* от имени какого-то неизвестного мне федерального комитета Романской Швейцарии требует в «Volksstaat», чтобы я дал подробные объяснения относительно того, что мной напечатано в «Volksstaat» о г-не *Элпидине*[*]. Мне не о чем разговаривать с г-ном Швицгебелем, и я вообще не могу вступать в объяснения по этому делу с первым встречным. Но если бы сам г-н Элпидин пожелал обратиться по этому поводу в редакцию «Volksstaat», то я к его услугам и прошу редакцию в этом случае сообщить г-ну Элпидину мой адрес, чтобы он мог обратиться непосредственно ко мне.

Написано Ф. Энгельсом 4 ноября 1871 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 91, 10 ноября 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[*] См. настоящий том, стр. 387. *Ред.*

К. МАРКС

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ФРАНЦУЗСКОЙ СЕКЦИИ 1871 ГОДА [347]

Международное Товарищество Рабочих

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА, ПРИНЯТАЯ НА ЗАСЕДАНИИ 7 НОЯБРЯ 1871 ГОДА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Генеральный Совет считает, что высказанные Французской секцией 1871 г. взгляды о радикальных изменениях, которые должны быть внесены в статьи Общего Устава, касающиеся состава Генерального Совета, не имеют никакого отношения к вопросу, который ему надлежит обсудить.

Что касается оскорблений, нанесенных этой секцией Генеральному Совету, то они будут оценены по достоинству советами и федеральными комитетами различных стран.

Совет отмечает лишь:

что со времени Базельского конгресса (который заседал с 6 по 11 сентября *1869 г.)* не прошло *трех лет,* как это умышленно утверждает упомянутая секция;

что в 1870 г., накануне франко-прусской войны, Совет в общем циркуляре, адресованном всем федерациям, в том числе и Парижскому федеральному совету, предложил перенести из Лондона местопребывание Генерального Совета[348];

что полученные ответы единодушно настаивали на сохранении настоящего местопребывания Совета и на продлении его полномочий;

что в 1871 г., как только позволили обстоятельства, Генеральный Совет созвал конференцию делегатов — единственное мероприятие, возможное в данных условиях;

что на этой конференции делегаты с континента заявили о возникших в их странах опасениях, как бы кооптация в Генеральный Совет слишком большого числа французских эмигрантов не нарушила его интернациональный характер;

что конференция (см. ее «Резолюции и т. д.», XV*) «предоставляет Генеральному Совету установить — в зависимости от событий — время и место очередного конгресса или конференции, которая может быть созвана вместо конгресса».

Что же касается притязания означенной секции на исключительное представительство «французского революционного элемента», поскольку в числе ее членов находятся бывшие председатели парижских рабочих обществ, то Совет обращает внимание на следующее:

Генеральный Совет, конечно, может принять во внимание, что данное лицо в прошлом являлось председателем рабочего общества, но это ни в коей мере не может служить основанием для того, чтобы это лицо «по праву» было принято в Генеральный Совет и там представляло «революционный элемент». Если бы это было так, то Совет должен был бы принять в число своих членов г-на Гюстава Дюрана, который был председателем союза парижских ювелиров и секретарем Французской секции в Лондоне. К тому же, ведь члены Генерального Совета должны представлять принципы Международного Товарищества Рабочих, а не мнения и интересы той или иной корпораций.

II. ВОЗРАЖЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКОЙ СЕКЦИЕЙ 1871 г. НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 31 ОКТЯБРЯ ПРОТИВ РЕЗОЛЮЦИИ 17 ОКТЯБРЯ

1) По поводу следующего места статьи 2 устава секции:

«Для того, чтобы быть принятым в число членов секции, необходимо представить сведения о своих средствах существования, гарантии нравственности и т. п.»

секция замечает:

«Общий Устав возлагает на секции ответственность за нравственность своих членов и, следовательно, признает за секциями право обеспечивать себя гарантиями *любым способом, который они сочтут нужным».*

С этой точки зрения секция Интернационала, основанная teetotalers**, могла бы включить в свой местный устав статью такого рода: «Для того, чтобы быть принятым в число членов секции, необходимо принести присягу в воздержании от всяких алкогольных напитков». Одним словом, отдельные секции под тем предлогом, что они «считают нужным таким способом»

* См. настоящий том, стр. 429. *Ред.*
** — членами общества трезвости. *Ред.*

снять с себя ответственность за безупречность своих членов, всегда смогут в местных уставах оговорить прием в Интернационал самыми нелепыми и самыми несообразными условиями.

Генеральный Совет заявил в пункте I своей резолюции от 17 октября, что бывают «случаи, когда отсутствие средств существования вполне может служить гарантией нравственности». Он полагает, что секция могла бы избавить себя от повторения этой мысли и не говорить, что «эмигранты ограждены от всех подозрений красноречивым свидетельством своей бедности».

В ответ на замечание о том, что источником «средств существования» стачечников является «стачечная касса», можно возразить, прежде всего, что эта «касса» зачастую бывает фиктивной.

К тому же, официальные английские обследования показали, что большинство английских рабочих, которые, вообще говоря, находятся в лучшем положении, чем их собратья на континенте, вынуждено — то ли в результате стачек и безработицы, то ли вследствие недостаточных размеров заработной платы и несвоевременной ее выплаты, или по другим причинам — постоянно прибегать к ломбарду и к *долгам,* то есть к «средствам существования», которые не могут быть подтверждены без недопустимого вмешательства в частную жизнь граждан.

Одно из двух.

Либо секция видит в «средствах существования» лишь «гарантии нравственности», и тогда предложение Генерального Совета, гласящее: «Для того, чтобы быть принятым в число членов секции, необходимо представить гарантии нравственности», отвечает этой цели, поскольку оно предполагает (см. пункт I резолюции от 17 октября), что «в сомнительных случаях секция сможет навести справки о средствах существования *как гарантии нравственности».*

Либо секция в статье 2 своего устава намеренно говорила о предоставлении сведений относительно «средств существования» как об условии приема в члены, помимо «гарантий нравственности», которые она имеет право требовать, и в этом случае Генеральный Совет утверждает, что «это — буржуазное нововведение, противоречащее букве и духу Общего Устава».

2) По поводу отклонения Генеральным Советом
следующего параграфа статьи 11 устава секции:

«В Генеральный Совет будут посылаться один или несколько делегатов»

секция отвечает:

«Нам отнюдь небезызвестно... что буквальный смысл Общего Устава дает ему» (Генеральному Совету) «право принимать или отвергать делегатов».

Это с очевидностью доказывает, что буквальный смысл Общего Устава секции не знаком.

В самом деле, Общий Устав, признавая лишь *два* способа избрания Генерального Совета — либо назначение конгрессом, либо кооптация, самим Советом, *нигде* не говорит о том, что Совет может принять или отвергнуть делегатов секций или групп.

Включение в свой состав делегатов, выдвинутых первоначально лондонскими секциями, всегда являлось простой *административной мерой* со стороны Генерального Совета, который в этом случае лишь пользовался принадлежащим ему правом кооптации (см. пункт II, 2 резолюции Генерального Совета от 17 октября).

Исключительные обстоятельства, которые заставили Генеральный Совет прибегнуть к подобному способу кооптации, нашли достаточное объяснение в его резолюции от 17 октября.

В той же резолюции (II, 3) Совет заявляет, что он готов принять делегатов Французской секции 1871 г. *на тех же условиях,* что и других делегатов лондонских секций. Но он не может рассматривать всерьез требование установить для этой секции привилегированное положение вопреки Общему Уставу.

Включая в статью 11 своего устава следующий параграф: «В Генеральный Совет *будут посылаться* один или несколько делегатов», Французская секция 1871 г. претендует на право посылать делегатов в Генеральный Совет, основываясь якобы на Общем Уставе. Она делала вид, будто совершенно уверена в этом воображаемом праве, и еще до признания ее Генеральным Советом (см. статью VI резолюций Базельского конгресса по организационным вопросам[349]) без колебаний, «по праву» послала 17 октября на заседание Генерального Совета двух делегатов, снабженных «императивными мандатами» от имени 20 правомочных членов секции. Наконец, в своем последнем послании она снова настаивает на «обязанности и праве посылать делегатов в Генеральный Совет».

Для оправдания своих притязаний секция пытается найти прецедент в положении гражданина Эрмана в Генеральном Совете. Она притворяется, будто ей неизвестно, что гражданин Эрман был кооптирован в Генеральный Совет по рекомендации *бельгийского съезда*[350] и отнюдь не представляет там льежскую секцию.

3) По поводу отказа Генерального Совета признать следующее место устава секции:

«Каждый член секции обязуется входить в состав Генерального Совета не иначе как в качестве делегата своей секции»,

секция отвечает:

«В ответ на это мы ограничимся замечанием, что наш устав действует в пределах нашей секции; наши соглашения имеют в виду и касаются только нас, и это требование ни в чем не противоречит Общему Уставу, который умалчивает об этом».

Трудно понять, каким образом Устав, который умалчивает о праве представительства в Генеральном Совете, мог бы быть красноречивым по поводу условий представительства в нем. Но гораздо легче понять, что местный устав секции действует только в ее пределах. Тем не менее нельзя согласиться с тем, что местный устав секции «имеет в виду и касается только ее». Ибо если бы, например, Генеральный Совет допустил статью 11 устава Французской секции 1871 г., он был бы вынужден ввести ее в уставы всех других секций, и эта статья, приняв общий вид, совершенно уничтожила бы право кооптации, которым располагает Генеральный Совет согласно Общему Уставу.

По этим соображениям:

I) Генеральный Совет сохраняет в силе целиком и полностью свою резолюцию от 17 октября 1871 года.

II) В том случае, если эта резолюция не будет принята секцией до заседания Совета 21 ноября, секретари-корреспонденты должны будут довести до сведения федеральных советов или комитетов различных стран, или, за неимением их, до сведения местных групп, устав Французской секции 1871 г., мандат делегатов означенной секции, переданный Генеральному Совету на заседании 17 октября, резолюцию Генерального Совета от 17 октября, ответ Французской секции 1871 г., переданный Генеральному Совету на заседании 31 октября, и окончательную резолюцию Генерального Совета от 7 ноября.

Лондон, 7 ноября 1871 г.

От имени и по поручению
Генерального Совета

Написано К. Марксом *Печатается по рукописи*

Публикуется впервые *Перевод с французского*

К. МАРКС
ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ «FRANKFURTER ZEITUNG UND HANDELSBLATT» [351]

В № 326 «Frankfurter Zeitung», на второй странице, в корреспонденции, помеченной *«Лондон,* 18 ноября», напечатано следующее:

«Лондонская секция *Интернационала* приняла на своем последнем заседании следующую резолюцию: «Выдающиеся заслуги сэра Чарлза Дилка в борьбе за народное дело дают ему право на признательность со стороны народа; поэтому ему предлагается принять звание почетного члена международного рабочего союза». На одном из прежних собраний в члены был избран Кошут».

Интернационал не знает института почетных членов. Вышеупомянутые резолюции исходят, вероятно, от одного небольшого лондонского общества, которое вначале именовало себя «Интернациональной демократической ассоциацией», а затем приняло название «Всеобщей республиканской лиги». Оно не состоит ни в каких отношениях с *Интернационалом.*

От имени Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих

Секретарь-корреспондент для Германии
Карл Маркс

Написано 24 ноября 1871 г.

Напечатано в «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» № 333, 28 ноября 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС
ИСПАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В МАДРИД

Лондон, 25 ноября 1871 г.

С тех пор как гражданин Лоренцо вернулся с последней конференции, мы не имеем от вас никаких известий. Я вам написал два письма; в последнем, заказном письме от 8 ноября, я просил вас немедленно написать нам и объяснить это молчание. До сих пор мы не получили никакого ответа; однако у нас есть сведения о том, что незначительное меньшинство членов Интернационала, стремясь посеять раздор в рядах Товарищества, составляет заговор против резолюций конференции и против Генерального Совета, распространяя всякого рода клевету[352]. Не приходится сомневаться в том, что причиной вашего загадочного молчания, по-видимому, является получение вами выдержанных в подобном духе писем. Если это так, просим вас довести до нашего сведения, — как этого требует ваш долг, — выдвигаемые против нас обвинения или инсинуации, чтобы мы могли их опровергнуть.

Во всяком случае вы не можете дольше молчать, это противоречит нашему Общему Уставу, предписывающему вам посылать нам регулярные отчеты. Мы требуем немедленного ответа на настоящее письмо; если вы на него не ответите, то мы должны будем заключить, что ваше молчание является преднамеренным и что вы поверили вышеупомянутой клевете, не имея мужества сообщить нам об этом. И мы будем вынуждены поступить в этом случае так, как от нас этого потребуют интересы Интернационала.

Написано Ф. Энгельсом

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVI, 1935 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с испанского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «PROLETARIO ITALIANO» [353]

В РЕДАКЦИЮ «PROLETARIO ITALIANO»

Граждане!

В № 39 вашей газеты помещена декларация туринских рабочих, в которой мы читаем:

«Мы заявляем публично, что решение лондонского Большого Совета — поставить социализм на второй план после политики — было сообщено нам редакцией «Proletario» немедленно по его обнародовании и что такое решение не носило официального характера, потому что оно было снова отменено Большим Советом ввиду того, что многие европейские ассоциации отвергли бы его так же, как его отвергли бы и мы».

Это утверждение вынуждает Генеральный Совет заявить:

1) что он никогда не принимал никакого решения поставить социализм на второй план после политики;

2) что поэтому он не мог отменить такого решения;

3) что никакая европейская или американская ассоциация не могла отвергнуть такое решение и не отвергала никакого другого решения Генерального Совета.

Позиция Генерального Совета в отношении политического действия пролетариата достаточно определенна.

Она определяется:

1) Общим Уставом, четвертый абзац *мотивировочной части,* которого гласит: «что экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, *которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство»*[*].

2) Текстом Учредительного Манифеста Товарищества (1864 г.), этим официальным и обязательным комментарием к Уставу, в котором говорится:

[*] См. настоящий том, стр. 445. *Ред.*

«Магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути... Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса»[354].

3) Резолюцией Лозаннского конгресса (1867 г.), в которой по этому поводу сказано: «Социальное освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением»[355].

4) IX резолюцией Лондонской конференции (сентябрь 1871 г.), которая, в согласии со всем предшествующим, напоминает членам Интернационала, что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и политическое действие неразрывно связаны между собой*.

Этой предписанной таким образом линии поведения Совет всегда следовал и будет следовать в будущем. Поэтому вышеупомянутое сообщение, сделанное неизвестно кем редакции «Proletario», он объявляет ложным и клеветническим.

По поручению и от имени Генерального Совета

Секретарь для Италии,

Ф. Э.

P. S. Только что получил из Женевы «La Revolution Sociale»[356], в которой сообщается, что небольшая группа из Юры отвергла решения Лондонской конференции**. Никакого официального сообщения Генеральному Совету сделано не было. Как только Совет получит это сообщение, он примет необходимые меры.

29 ноября 1871 г.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVI, 1935 г.

Печатается по черновой рукописи

Перевод с итальянского

* См. настоящий том, стр. 427. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 480—486. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛНОМОЧИЯ ДЖ. БОРИАНИ [357]

Международное Товарищество Рабочих,
256, Хай Холборн, Лондон, Уэстерн Сентрал
30 ноября 1871 г.

Гражданин Джузеппе Бориани принят в члены Международного Товарищества Рабочих и уполномочен принимать новых членов и организовывать новые секции при условии, что как он, так и вновь принимаемые члены и секции признают для себя обязательными официальные документы Товарищества, а именно:

Общий Устав и Организационный регламент,

Учредительный Манифест,

Резолюции конгрессов,

Резолюции Лондонской конференции, состоявшейся в сентябре 1871 года.

По поручению и от имени Генерального Совета

Секретарь для Италии,

Фридрих Энгельс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXVI, 1935 г.

Печатается по рукописи

Перевод с итальянского

Anno IV — 22 GLACIALE 90 — LODI — 12 DICEMBRE 1871 — Num. 144

LA PLEBE

GIORNALE REPUBBLICANO

I cosi detti Grandi non sono tali se non perchè noi siamo in ginocchio: leviamoci. Loustalot.

Eguaglianza

CONDIZIONI

Lodi a domicilio e per tutto il Regno: Anno L. 10. — Semestre L. 5.50. — Trim. L. 3. Un numero cent. 10. — Arretrato cent. 20. — Per l'estero si aggiungono le spese postali. — Per ora si pubblica solo tre volte alla settimana.

Libertà

Fratellanza

CONDIZIONI

Si respingono i pieghi non affrancati. — Non si restituiscono i manoscritti. — Si fa l'annuncio delle opere che vengono spedite in dono. — Per le inserzioni il prezzo è da convenirsi coll'Amministrazione. — Pagamenti anticipati.

Lavoro

Per Associazioni e Annunci rivolgersi all'AMMINISTRAZIONE DEL GIORNALE, Corso Palestro N. 7, pian terreno, e allo Stabilimento Cooperativo-Tipografico Via Cavour N. 49.

Ф. ЭНГЕЛЬС

* О ПОЛОЖЕНИИ СЕКЦИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ [358]

В отношении резолюции конференции о политическом действии я рад сообщить вам, что Испанская федерация полностью одобрила ее, как явствует из последних номеров мадридской «Emancipacion»[359] и барселонской «Federacion» (от 3 декабря). Превращение *Интернационала* в Испании в особую и независимую политическую партию теперь уже дело решенное. Наши дела в Испании идут великолепно: от 19000 до 20000 новых членов менее чем за три месяца! В Дании, где *Интернационал* существует всего три месяца, только в одной столице он насчитывает 2000 членов, а этот город меньше Милана; там к Интернационалу примыкают в массе также крестьяне и подготовляется большая кампания в связи с ближайшими выборами, что обещает нам сильное и внушительное представительство в датском парламенте.

В Германии и Голландии дела идут хорошо. Во Франции мы имеем 26 газет, секции там восстанавливаются на зло г-ну Тьеру.

Написано Ф. Энгельсом между 5 и 10 декабря 1871 г.

Напечатано в газете «La Plebe» № 144, 12 декабря 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ ИТАЛЬЯНСКИХ ГАЗЕТ ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ МАДЗИНИ ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ [360]

Международное Товарищество Рабочих,
256, Хай Холборн, Лондон, Уэстерн Сентрал
6 декабря 1871 г.

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «LA ROMA DEL POPOLO»

Г-н редактор!

Рассчитывая на Вашу честность, прошу Вас опубликовать прилагаемое заявление. Если уж воевать, так воевать честно.

Примите уверения в совершенном почтении

Ф. Энгельс,
секретарь Генерального Совета для Италии
Международное Товарищество Рабочих

В РЕДАКЦИЮ «ROMA DEL POPOLO»

В № 38 «Roma del Popolo» гражданин Дж. Мадзини публикует первую из серии статей, озаглавленных «Документы об Интернационале». Он предупреждает читателей:

«Я... собрал из всех источников, которые были мне доступны, все его постановления, все устные или письменные заявления его влиятельных членов».

Таковы документы, публикацию которых он предпринимает. Для начала он приводит два образца.

I. «С отказом» (от политического действия) «дело зашло так далеко что некоторые из французских основателей Интернационала обещали Луи-Наполеону прекратить всякие политические действия, лишь бы он предоставил рабочим не знаю уж какие материальные выгоды».

Мы требуем от гражданина Мадзини обоснования этих утверждений, которые мы расцениваем как клеветнические.

II. «Бакунин в одной из своих речей, произнесенной на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне в 1868 г., сказал: Я хочу уравнения отдельных личностей и классов; без этого невозможна идея справедливости и не может быть установлен мир. Довольно обманывать рабочего длинными речами. *Надо сказать ему, чего он должен хотеть, если он этого сам не знает.* Я коллективист, а не коммунист, и если я требую упразднения права наследования, то требую этого для того, чтобы скорее прийти к социальному равенству».

Произнес гражданин Бакунин эти слова или нет, нас это совершенно не касается. Генеральному Совету важно лишь констатировать следующее:

1) что эти слова, как говорит сам Мадзини, были произнесены не на конгрессе Интернационала, а на конгрессе буржуазной Лиги мира и свободы;

2) что конгресс Интернационала, собравшийся в Брюсселе в сентябре 1868 г., в специальном постановлении заявил, что он не имеет ничего общего с этим конгрессом *Лиги мира и свободы*[361];

3) что когда гражданин Бакунин произносил эти слова, он вовсе не был членом Интернационала;

4) что Генеральный Совет всегда выступал против неоднократных попыток подменить широкую программу Интернационала (открывавшую доступ в его ряды и приверженцам Бакунина) узкой и сектантской программой Бакунина, принятие которой сразу повлекло бы за собой исключение огромного большинства членов Интернационала;

5) что, следовательно, Интернационал никоим образом не может нести ответственность за частные действия и декларации гражданина Бакунина.

Что касается других документов об Интернационале, которые гражданин Мадзини обещает опубликовать в ближайшем будущем, то Генеральный Совет заранее заявляет, что Интернационал несет ответственность только за выпущенные им официальные документы.

По поручению и от имени Генерального Совета

Международного Товарищества Рабочих

Секретарь для Италии,

Фридрих Энгельс

Напечатано в газетах «La Plebe» № 144, 12 декабря 1871 г., «Gazzettino Rosa» № 345, 12 декабря 1871 г. и «La Roma del Popolo» № 43, 21 декабря 1871 г.

Печатается по тексту газеты «La Roma del Popolo», сверенному с черновой рукописью Энгельса на французском и итальянском языках

Перевод с итальянского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EASTERN POST» [362]

Милостивый государь!

В последнем послании к Вам г-н Чарлз Брэдло использует отчет о заседании Генерального Совета 12 декабря — на этом заседании я по болезни не присутствовал — в качестве предлога для того, чтобы обрушиться на меня с грубой бранью. Он пишет: «Я весьма обязан Карлу Марксу за его вражду ко мне».

Моя вражда к г-ну Чарлзу Брэдло! Со времени опубликования воззвания «Гражданская война во Франции» голос г-на Брэдло слился с всемирным хором клеветы на Интернационал и на меня лично. Я отвечал ему, как и прочим хулителям, презрительным молчанием. Смехотворное тщеславие этого до крайности самовлюбленного человека не могло этого перенести. Я «оклеветал» его тем, что не обращал внимания на его клевету. Мое молчание привело его в исступление; на публичном собрании он объявил меня *бонапартистом* потому, видите ли, что в воззвании «Гражданская война» я раскрыл исторические условия, породившие Вторую империю. Сейчас он идет еще дальше, превращая меня в *полицейского агента Бисмарка.* Бедняга! Ему обязательно нужно показать, что уроки, которые он недавно получил в Париже у подлого Эмиля де Жирардена и его клики, не пропали для него даром. Теперь же, способствуя самому широкому распространению его послания, я «предаю его» немецкой публике. Если он будет настолько любезен, что облечет свою клевету в более осязательную форму, то я «предам его» и английскому суду.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Карл Маркс

Лондон, 20 декабря 1871 г.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 169, 23 декабря 1871 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

СЪЕЗД В СОНВИЛЬЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ [363]

Едва ли нужно говорить о том, каково в настоящее время положение Международного Товарищества Рабочих. С одной стороны, грандиозные парижские события придали ему такую мощь и такое распространение, каких оно никогда еще не имело; с другой — мы видим, что против него объединились почти все европейские правительства: Тьер и Горчаков, Бисмарк и Бёйст, Виктор-Эммануил и папа, Испания и Бельгия. Интернационал травят повсюду: все силы старого мира, суды военные и гражданские, полиция и пресса, ретрограды-помещики и буржуа соревнуются в преследованиях Интернационала, и на всем континенте вряд ли найдется такое место, где не пускались бы в ход все средства, чтобы поставить вне закона это вселяющее ужас великое братство рабочих.

И вот как раз в этот момент, когда все силы старого общества объединились, чтобы насильственным путем дезорганизовать Интернационал, когда единство и сплоченность необходимы больше, чем в любое другое время, как раз в этот момент небольшая и, по ее собственному признанию, с каждым днем все уменьшающаяся группа членов Интернационала в каком-то уголке Швейцарии сочла нужным выступить с гласным циркуляром, чтобы посеять раздор среди членов Товарищества. Эта группа, именующая себя *Юрской федерацией,* состоит в основном из тех же людей, которые под руководством Бакунина вот уже больше двух лет непрестанно подрывают единство во французской Швейцарии и своей усердно ведущейся частной перепиской с кое-какими родственными им великими личностями в разных странах противодействуют единодушной деятельности

Интернационала. Пока эти интриги ограничивались Швейцарией или велись втихомолку, мы не хотели давать им более широкой огласки, но упомянутый циркуляр вынуждает нас выступить.

Ссылаясь на то, что Генеральный Совет созвал в этом году не конгресс, а конференцию, Юрская федерация на своем съезде в Сонвилье 12 ноября приняла циркуляр ко всем секциям Интернационала, который был отпечатан во множестве экземпляров и распространен затем по всем странам мира и в котором секциям предлагалось настаивать на немедленном созыве конгресса. Почему конгресс *надо* было заменить конференцией, это, по крайней мере для нас в Германии и Австрии, ясно, как день. Если бы мы послали своих делегатов на конгресс, то тотчас же по возвращении они неизбежно были бы арестованы и брошены в тюрьму; в таком же положении оказались бы делегаты из Испании, Италии, Франции. Конференция же, на которой не бывает открытых дискуссий, а проводятся только деловые заседания, была вполне возможна, потому что имена ее делегатов не стали бы достоянием гласности. Недостаток конференции состоял в том, что она не могла решать вопросов, касающихся принципов, или вносить изменения в Устав и вообще принимать меры законодательного характера: она должна была ограничиться принятием деловых решений, обеспечивающих лучшее проведение в жизнь организационных принципов, предписываемых Уставом и резолюциями конгрессов. Но при данных условиях только это и требовалось: дело шло о мерах, крайне необходимых в данный момент, а для этого было достаточно и конференции.

Впрочем, нападки на конференцию и ее резолюции были только предлогом. Да и в данном циркуляре говорится об этом только мимоходом. Наоборот, авторы циркуляра видят источник зла гораздо глубже. Они утверждают, что, согласно Уставу и первоначальным резолюциям конгрессов, Интернационал является якобы не чем иным, как «свободной федерацией автономных» (самостоятельных) «секций», ставящей себе целью освобождение рабочих самими рабочими,

«без всякого, хотя бы и созданного по свободному соглашению, руководящего авторитарного органа».

Поэтому и Генеральный Совет якобы представляет собой не что иное, как «простое статистическое и корреспондентское бюро». Но эта первоначальная основа была якобы вскоре искажена — сперва предоставлением Генеральному Совету права самому пополнять свой состав новыми членами, а затем

еще в большей степени резолюциями Базельского конгресса, согласно которым Генеральный Совет получил право временно исключать отдельные секции впредь до созыва следующего конгресса и предварительно, до решения конгресса, разрешать спорные вопросы[364]. Этим самым Генеральному Совету якобы была предоставлена опасная власть, а свободное объединение самостоятельных секций было превращено в иерархическую и авторитарную организацию «подчиненных дисциплине секций», так что

«секции целиком оказались в руках Генерального Совета, который может по своему произволу отказать им в приеме или временно приостановить их деятельность».

Нашим немецким читателям, достаточно хорошо понимающим, какую цену имеет организация, способная постоять за себя, все это покажется весьма странным. И это вполне понятно, так как теории г-на Бакунина, раскрывшиеся тут во всей своей красе, не проникли пока в Германию. Выходит, что рабочая организация, начертавшая на своем знамени прежде всего лозунг борьбы за освобождение рабочего класса, должна возглавляться не исполнительным комитетом, а простым статистическим и корреспондентским бюро! Но борьба за освобождение рабочего класса для Бакунина и его приспешников — пустой предлог; их подлинная цель совсем иная.

«Будущее общество должно представлять собой не что иное, как сделанную всеобщей форму организации, которую придаст себе Интернационал. Мы должны поэтому добиться того, чтобы эта организация была возможно ближе к нашему идеалу... Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации и должен выбросить всякий закравшийся в него принцип, который ведет к авторитарности и к диктатуре».

Нас, немцев, ославили за наш мистицизм, но до такого мистицизма нам далеко. Интернационал — прообраз грядущего общества, в котором не будет больше ни версальских расстрелов, ни военных судов, ни постоянных армий, ни перлюстрации переписки, ни брауншвейгского уголовного суда[365]! Как раз теперь, когда мы должны защищаться всеми силами, пролетариату предлагают организоваться не в соответствии с потребностями борьбы, ежедневно и ежечасно ему навязываемой, а в соответствии с неопределенными представлениями некоторых фантазеров об обществе будущего! Представим себе, какой была бы наша собственная немецкая организация согласно этому образцу. Вместо того чтобы бороться против правительств и буржуазии, мы стали бы ломать себе голову над тем, является

ли каждый параграф нашего Устава, каждое постановление съезда точным отображением будущего общества. Вместо нашего исполнительного комитета у нас было бы простое статистическое и корреспондентское бюро. Пусть уж оно справляется, как знает, с самостоятельными секциями, — настолько самостоятельными, что они не должны признавать никакого руководящего авторитарного органа, хотя бы даже созданного по их собственному свободному соглашению; ведь этим они нарушили бы свою первейшую обязанность — быть точным прообразом будущего общества! О сплочении сил, о совместных действиях не может быть и речи. Если в каждой отдельной секции меньшинство подчиняется большинству, то оно совершает преступление против принципов свободы и признает принцип, который ведет к авторитарности и к диктатуре! Если Штибер со всеми своими сподручными, если весь черный кабинет[366], если все прусское офицерство вступят по приказу свыше в социал-демократическую организацию, чтобы погубить ее, то комитет, или, вернее, статистическо-корреспондентское бюро, ни в коем случае не смеет воспрепятствовать этому; ведь это значило бы ввести иерархическую и авторитарную организацию! А главное — никаких подчиненных дисциплине секций! И никакой партийной дисциплины, никакой централизации сил в одном пункте, никаких орудий борьбы! Что же стало бы тогда с прообразом будущего общества? Короче говоря, к чему при-тли бы мы с подобной новой организацией? К трусливой, угоднической организации первых христиан, этих рабов, которые с благодарностью принимали каждый пинок и добились, правда, своим пресмыкательством через триста лет торжества своей религии, — а уж такому методу революции пролетариат во всяком случае не станет подражать! Подобно тому как первые христиане взяли за образец для своей организации свой воображаемый рай, точно так же и мы, видите ли, должны сделать своим образцом будущий общественный рай г-на Бакунина, а вместо того, чтобы бороться, — творить молитвы и надеяться. И эти люди, проповедующие нам подобный вздор, выдают себя за единственных подлинных революционеров!

Возвращаясь к Интернационалу, мы должны все-таки сказать, что пока дела его идут не плохо. Генеральный Совет обязан до принятия решения новым конгрессом проводить в жизнь базельские резолюции, и он свою обязанность выполнит. И так же, как он не постеснялся выбросить вон Толенов и Дюранов, он позаботится о том, чтобы Штиберам и К° был закрыт доступ в Интернационал, хотя бы Бакунин и усмотрел в этом диктаторство.

Но каким же образом появились на свет эти скверные базельские резолюции? Очень просто. Они были предложены бельгийскими делегатами, *и никто не высказывался за них так горячо, как Бакунин и его друзья,* в частности Швицгебель и Гильом, подписавшие нынешний циркуляр! Правда, тогда дело обстояло иначе. Тогда эти господа надеялись получить большинство и захватить в свои руки Генеральный Совет. Тогда любое расширение прав Генерального Совета казалось им недостаточным. Ну, а теперь совсем другое дело! Теперь, оказывается, виноград зелен. Теперь Генеральный Совет должен быть низведен до положения простого статистического и корреспондентского бюро, лишь бы только не пострадала репутация бакунинского общества будущего.

И эти люди, профессиональные сектанты, которые, со всеми своими мистическими раннехристианскими доктринами, составляют ничтожное меньшинство в Интернационале, не стыдятся упрекать Генеральный Совет в том, что его члены хотят

«свою особую программу, свою личную доктрину сделать господствующими в Интернационале; свои частные взгляды они выдают за официальную теорию, которая одна только имеет право гражданства в Товариществе».

Это уж действительно чересчур. Кто имел возможность следить за внутренней историей Интернационала, тот знает, что эти самые люди уже почти три года занимаются главным образом тем, что стараются навязать Товариществу свои сектантские доктрины в качестве общей программы; а когда это не удалось, они стали жульнически выдавать бакунистские фразы за общую программу Интернационала. И, тем не менее, Генеральный Совет только протестовал против этой фальсификации, но не оспаривал у них до сих пор права принадлежать к Интернационалу или распространять, сколько им угодно, их сектантские выдумки под их собственной маркой. Как Генеральный Совет отнесется к этому новому циркуляру, об этом сейчас говорить преждевременно.

Эти люди сами блестяще доказали, чего им удалось добиться посредством своей новой организации. Везде, где этому не препятствовало насильственное противодействие реакционных правительств, Интернационал сделал со времени Парижской Коммуны гигантские успехи. А как обстоит дело в швейцарской Юре, где в течение последних полутора лет безраздельно хозяйничали эти господа? Послушаем их собственный отчет на съезде в Сонвилье (см. женевский еженедельник «Revolution Sociale» от 23 ноября):

«Эти ужасные события должны были оказать *отчасти деморализующее,* а отчасти благотворное влияние на наши секции... Затем наступает начало гигантского боя, который пролетариат должен дать буржуазии, и люди начинают задумываться... Одни отходят (s'en vont), скрывая свою трусость, другие тверже чем когда-либо выражают свою преданность обновляющим принципам Интернационала. — Таковы определяющие факты современной внутренней истории Интернационала вообще и нашей федерации в частности».

Ново здесь утверждение, что все это происходило в Интернационале вообще, в то время как на самом деле происходило как раз обратное. Но совершенно верно, что так обстояло дело в Юрской федерации. Послушайте только самих этих господ! Секция в Мутье пострадала меньше всего, но и она ничего не добилась:

«Если и не было основано новых секций, то все же надо надеяться и т. д.»; а между тем эта секция «находилась в особенно благоприятных условиях благодаря превосходному настроению населения». — «Секция Гранж сократилась до небольшого ядра рабочих».

Две секции в Биле ни разу не ответили на письма комитета, равно как и невшательские секции и секция в Локле; третья секция в Биле

«в настоящий момент мертва»... хотя «есть еще некоторая надежда, что Интернационал снова оживет в Биле».

Секция в Сен-Блезе мертва; секция в Валь-де-Рю исчезла неизвестно как; центральная секция в Локле после длительной агонии распалась, но теперь с грехом пополам восстановлена, очевидно, ради выборов на съезд; секция в Ла-Шо-де-Фоне находится в критическом положении; секция часовщиков в Куртелари превращается сейчас в профессиональный союз с уставом союза швейцарских часовщиков, она принимает, стало быть, устав общества, не принадлежащего к Интернационалу. Центральная секция того же округа временно прекратила свою деятельность, потому что ее члены в Сент-Имье и Сонвилье основали какую-то сепаратную секцию (что не помешало этой центральной секции послать на съезд двух делегатов наряду с делегатами от обеих секций в Сент-Имье и Сонвилье); секция в Катеба, пережив период блестящих успехов, распалась вследствие интриг местных буржуа, так же как и секция в Коржемоне; наконец, в Женеве существует пока еще одна секция.

Вот что сделали за полтора года представители свободной федерации независимых секций, со статистическим и корреспондентским бюро во главе, из, правда, не очень обширной и многочисленной, но все же процветающей федерации. И это в стране,

где они имели полную свободу действий, и в такое время, когда во всех других местах Интернационал делал гигантские успехи! И в тот самый момент, когда они сами демонстрируют перед нами эту плачевную картину своих неудач, когда они издают этот вопль бессилия и отчаяния, — они требуют от нас, чтобы мы насильственно заставили Интернационал сойти с того пути, следуя которому, он стал тем, чем является теперь; они требуют от нас, чтобы Интернационал вступил надуть, который привел Юрскую федерацию от относительного процветания к полнейшему развалу!

Написано Ф. Энгельсом, около 3 января 1872 г.

Напечатано в газете «Der Volksstaat» № 3, 10 января 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EASTERN POST»

Милостивый государь!

В «National Reformer»[367] от 7 января г-н Чарлз Брэдло пишет:

«Мы хотели лишь указать на то, что в прежние времена д-р Маркс осведомлял свое собственное правительство».

Настоящим заявляю, что это — клевета, настолько же нелепая, насколько и подлая. От г-на Брэдло я требую, чтобы он огласил хотя бы один факт, который давал бы ему малейший повод для такого заявления. Для его личного спокойствия добавляю, что «вызывать на дуэль» его я не собираюсь.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

16 января 1872 **г.**

Карл Маркс

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 173, 20 января 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EASTERN POST»

Милостивый государь!

Данте в своей бессмертной поэме говорит, что одна из самых жестоких пыток изгнанника — это необходимость иметь дело со всяким сбродом[*]. Я глубоко почувствовал правдивость этой жалобы, когда вынужден был на какое-то время вступить в публичную полемику с субъектами, вроде гг. Чарлза Брэдло и К°. Но как бы то ни было, я более не допущу, чтобы он использовал свою попытку затеять со мной распрю в качестве дешевого и удобного средства для саморекламы за границей.

Он опубликовал против меня обвинение, которое, будь оно обнародовано в Германии, сделало бы его посмешищем в глазах всех партий. Я тогда же потребовал от него, чтобы он огласил факты, дающие хотя бы малейший повод для клеветы, настолько же нелепой, насколько и подлой[**]. Поступил я так вовсе не для того, чтобы оправдываться, а для того, чтобы разоблачить его. С недостойной изворотливостью мелкого стряпчего он пытается ускользнуть от ответственности, приглашая меня на «суд чести».

Неужели же он воображает на самом деле, что какому-нибудь Брэдло или редакторам парижской demi-monde[***] прессы, или бисмарковских газет в Берлине, или «Tages-Presse» в Вене, или «Criminal-Zeitung» в Нью-Йорке, или «Московским Ведомостям»[368] достаточно меня оклеветать, чтобы я был обязан защищать свою общественную репутацию, и даже перед

[*] Данте. «Божественная комедия», «Рай», песнь XVII. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 487. *Ред.*
[***] — бульварной, принадлежащей к полусвету. *Ред.*

«судом чести», в состав которого должны будут войти друзья этих «честных господ»?

Расчеты мои с г-ном Чарлзом Брэдло покончены, и я предоставляю ему целиком, насколько это может его утешить, наслаждаться безмятежным созерцанием своей собственной персоны.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Карл Маркс

Написано около 27 января 1872 г.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 174, 28 января 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «GAZZETTINO ROSA» [369]

Международное Товарищество Рабочих,
256 Хай Холборн, Лондон, Уэстерн Сентрал,
7 февраля

ГРАЖДАНИНУ РЕДАКТОРУ «GAZZETTINO ROSA»

Гражданин!

Вот уже несколько месяцев, как флорентийский журнал «Libero Pensiero» ведет непрерывные атаки на Интернационал; можно подумать, что великое Товарищество Рабочих является соперником общества пребендариев-рационалистов, в защиту которого выступает этот журнал. До сих пор мне казалось излишним отвечать на эти выпады, но когда упомянутый листок пал так низко, что стал распространять в Италии клеветнические измышления бисмарковской печати об Интернационале и его Генеральном Совете, то настало время заявить протест. Вот почему я обратился в «Libero Pensiero» с нижеследующим письмом, которое прошу Вас также опубликовать в «Gazzettino Rosa».

Привет и братство

Ф. Энгельс,
секретарь Генерального Совета для Италии

Г-ну ЛУИДЖИ СТЕФАНОНИ,
РЕДАКТОРУ «LIBERO PENSIERO»

Милостивый государь!

В № 1 «Libero Pensiero» от 4 января 1872 г. помещена статья «Интернационал и лондонский Верховный Совет», по поводу которой я должен сказать несколько слов.

В этой статье задается вопрос:

«Желательно бы знать, в силу каких полномочий г-н Энгельс выступает в качестве представителя Италии?»

Я отнюдь не претендую и никогда не претендовал на то, чтобы представлять Италию. Я имею честь быть в Генеральном Совете тем секретарем, которому специально поручено вести переписку с Италией, и при выполнении этого поручения я должен представлять Совет, а не Италию.

Далее, в статье приводятся некоторые лондонские корреспонденции, заимствованные из берлинской газеты «Neuer Social-Democrat»[370], которые полны самой гнусной клеветы на Генеральный Совет и Интернационал в целом. На нее я отвечать не буду. С подобной газетой не вступают в полемику. Всей Германии хорошо известно, что представляет собой «Neuer Social-Democrat»: газета, оплачиваемая Бисмарком, орган прусского правительственного социализма. Если Вам нужны более точные сведения об этой газете, напишите своему лейпцигскому корреспонденту Либкнехту, и он наверняка представит их Вам в достаточном количестве. Я позволю себе только добавить, что если Вы проявляете столь острый интерес к подобной клевете на Интернационал, то Вы найдете тысячи ее образчиков в «Figaro», «Gaulois», «Petit-Journal» и в прочей парижской demi-monde* прессе, в лондонском «Standard», в «Journal de Genеve», в венской «Tages-Presse» и в «Московских Ведомостях», — это авторитеты, которые избавят Вас от необходимости ссылаться на беднягу Шнейдера.

В примечании редакции говорится:

«Может быть, это намек на тайное коммунистическое общество, созданное Карлом Марксом в 1850 г. в Кёльне; как всегда бывает в подобных случаях, когда оно было раскрыто, то многие бедняги попали в руки прусской полиции, а главные действующие лица оказались в безопасности в Лондоне».

Кто бы ни говорил подобные вещи, он — лжец. Я принадлежал к этому обществу[371]. Основано оно было не Марксом, не в 1850 г., и не в Кёльне. Оно уже существовало за 10 лет до этого. Маркс и я уже год находились в Англии, куда мы эмигрировали, преследуемые прусским правительством, когда кёльнская секция в результате собственной неосмотрительности попала в руки полиции. Если Вы желаете иметь более подробные сведения, Вы можете обратиться к г-ну Беккеру, бургомистру Дортмунда и депутату прусского и германского парламентов,

* — бульварной, принадлежащей к полусвету. *Ред.*

Клейну, врачу, члену городского совета в Кёльне, Бюргерсу, редактору «Wiesbadener Zeitung»[372], Лесснеру, портному, члену Генерального Совета в Лондоне. Все они были осуждены по этому процессу коммунистов[373].

Прошу Вас опубликовать в ближайшем номере Вашего органа настоящее опровержение.

Остаюсь с совершенным почтением

Фридрих Энгельс

Напечатано в газете «Gazzettino Rosa» № 50, 20 февраля 1872 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с итальянского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПОЛИЦЕЙСКОМ ПРОИЗВОЛЕ ШВЕЙЦАРСКИХ ВЛАСТЕЙ [374]

Швейцарские власти сочли уместным по простому требованию русского министерства иностранных дел, направленному, в нарушение федеральной конституции, непосредственно судье в Ивердён, произвести обыск на квартире гражданина Утина в Женеве под гнусным предлогом, будто он, возможно, замешана подделке русских кредитных билетов, — скандальном деле, в котором, как это ни странно, русский статский советник Каменский, уполномоченный вести преследование фальшивомонетчиков, в то же самое время фигурирует в качестве их главного заправилы. На бумаги Утина был наложен арест, и вся его русская, немецкая и английская переписка была передана на просмотр русскому переводчику, причем власти отказываются сообщить даже фамилию этого переводчика. Гражданин Утин до декабря 1871 г. был редактором органа Интернационала «L'Egalite», и, следовательно, его переписка была большей частью корреспонденцией Интернационала, причем на письмах имелись печати его различных комитетов. Если бы в дело не вмешался поверенный Интернационала по юридическим делам, гражданин Амберни, которому Генеральный Совет выражает свою глубокую благодарность, то и бумаги Утина и он сам были бы выданы русскому правительству, с которым у Швейцарии даже нет договора о выдаче преступников.

Русское правительство, сталкиваясь внутри страны с растущей с каждым днем оппозицией, использует показные заговоры людей типа Нечаева, не имеющих никакого отношения к Интернационалу, для того чтобы в своей стране предавать суду своих противников под тем предлогом, что они являются членами

Интернационала. Теперь оно идет еще дальше. При поддержке Пруссии, своего верного вассала, оно начинает вмешиваться во внутренние дела западных стран, требуя, чтобы их судьи, в угоду ему, преследовали Интернационал. Оно начало свою кампанию в республике, и республиканские власти поспешили сделаться покорнейшими слугами России. Генеральный Совет считает достаточным публично заклеймить перед рабочими всех стран замыслы русского правительства и лакейство его западных пособников.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 20 февраля 1872 г.

Напечатано в газетах «The Eastern Post» № 178, 24 февраля 1872 г., «The International Herald» № 1, 2 марта 1872 г. и в других органах печати

Печатается по тексту газеты «The Eastern Post»

Перевод с английского

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

К. МАРКСА

К. МАРКС

НАБРОСКИ «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ»[375]

Написано К. Марксом в апреле — мае 1871 г.

Впервые полностью опубликовано на английском и русском языках в «Архиве Маркса и Энгельса», т. III (VIII), 1934

Печатается по тексту рукописи

Перевод с английского

ПЕРВЫЙ НАБРОСОК «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ»

ПРАВИТЕЛЬСТВО ОБОРОНЫ

Четыре месяца спустя после начала военных действий, когда правительство обороны бросило подачку парижской национальной гвардии, разрешив ей показать свою боеспособность в Бюзанвале[376], оно сочло, что настал подходящий момент подготовить Париж к капитуляции. На собрании парижских мэров по вопросу о капитуляции Трошю, в присутствии и при поддержке Жюля Фавра и некоторых других своих коллег, раскрыл наконец *свой «план».* Он сказал буквально следующее:

«Первый вопрос, который задали мне мои коллеги *вечером 4 сентября,* был таков: имеет ли Париж какие-нибудь шансы успешно выдержать осаду прусской армии? *Я не колеблясь ответил отрицательно.* Некоторые из присутствующих здесь моих коллег подтвердят, что я говорю правду и *что я постоянно придерживался этого мнения.* Я сказал им точно то же, что говорю теперь: при настоящем положении дел попытка Парижа выдержать осаду прусской армии была бы *безумием.* Несомненно *геройским безумием,* — прибавил я, — но все-таки не больше, как безумием... *События подтвердили мои предсказания».*

Итак, план Трошю с первого же дня провозглашения республики *состоял в капитуляции Парижа* и Франции. Фактически он был главнокомандующим пруссаков. В письме к Гамбетте Жюль Фавр сам признавался, что враг, которого надо разбить, это не прусский солдат, а парижский (революционер) «демагог». Следовательно, высокопарные обещания, данные правительством обороны народу, были преднамеренной ложью. Свой «план» оно систематически проводило в жизнь, поручив оборону Парижа бонапартовским генералам, дезорганизуя национальную гвардию и организуя голод во время хозяйничания Жюля Ферри. Попытки парижских рабочих 5 октября, 31 октября

и т. д. заменить этих предателей Коммуной были подавлены как заговор с пруссаками![377] После капитуляции маска была сброшена (отброшена прочь). Capitulards[378] сделались правительством с соизволения Бисмарка. Будучи его пленниками, они заключили с ним общее перемирие, условия которого разоружили Францию и сделали невозможным всякое дальнейшее сопротивление. Вновь воскреснув в Бордо в виде правительства республики, эти же самые capitulards через посредство Тьера, своего бывшего посла, и Жюля Фавра, своего министра иностранных дел, стали горячо умолять Бисмарка от имени большинства так называемого Национального собрания, задолго до восстания Парижа, чтобы он разоружил и занял Париж и подавил «его canaille»*, — как сам Бисмарк, возвращаясь из Франции в *Берлин,* с издевкой поведал своим поклонникам во Франкфурте. Занятие Парижа пруссаками — таково было последнее слово «плана» правительства обороны. Циничная наглость, с которой эти люди, с тех пор как они водворились в Версале, раболепствовали перед Пруссией и взывали к ее вооруженному вмешательству, ошеломила даже продажную европейскую прессу. Героические подвиги парижской национальной гвардии, с тех пор как она сражается уже не *под начальством* capitulards, а *против* них, вынудили даже самых отъявленных скептиков поставить клеймо «предатель» на медных лбах Трошю, Жюля Фавра и К°. Документы, захваченные Коммуной, представили наконец юридические доказательства их государственной измены. Среди этих бумаг имеются письма бонапартовских sabreurs**, которым было поручено выполнение «плана» Трошю; в своих письмах эти подлые негодяи отпускают шутки и потешаются над своей собственной «обороной Парижа» (см., например, опубликованное в «Journal Officiel» Коммуны письмо командующего артиллерией Парижской армии, кавалера большого креста ордена Почетного легиона, *Адольфа Симона Гио* к артиллерийскому дивизионному генералу *Сюзану).*

Ясно поэтому, что люди, которые составляют теперь версальское правительство, могут избавиться от участи изобличенных изменников лишь путем гражданской войны, гибели республики и монархической реставрации под охраной прусских штыков.

Однако, — и это в высшей степени характерно для деятелей империи, равно как и для тех, кто лишь на ее почве и в ее атмо-

---

* — чернь, сброд. *Ред.*

** — рубак. *Ред.*

сфере мог превратиться в мнимых народных трибунов, — республика, одержав победу, не только заклеймила бы их как изменников, но и должна была бы предать их уголовному суду как обыкновенных уголовных преступников. Взгляните только на *Жюля Фавра, Эрнеста Пикара* и *Жюля Ферри,* на этих великих мужей правительства обороны, возглавляемого Тьером!

Целый ряд подлинных юридических документов, относящихся к периоду продолжительностью примерно в 20 лет и опубликованных г-ном Мильером, депутатом Национального собрания, доказывает, что *Жюль Фавр,* сожительствуя с женой некоего горького пьяницы, находившегося в Алжире, сумел при помощи сложнейшей цепи наглых подлогов захватить от имени своих незаконнорожденных детей крупное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что на процессе, который вели против него законные наследники, только покровительство бонапартистских судов спасло его от разоблачения. Таким образом, Жюль Фавр, этот елейный защитник семьи, религии, собственности и порядка, давно уже подлежал ведению Code penal[*]. При всяком честном правительстве его неизбежным уделом была бы пожизненная каторга.

Эрнест Пикар, нынешний версальский министр внутренних дел, который сам себя произвел 4 сентября в министры внутренних дел правительства обороны[**], после того как он тщетно пытался получить назначение от Луи Бонапарта, — этот Эрнест Пикар приходится братом некоему *Артуру Пикару.* Когда, вместе с Жюлем Фавром и К°, он имел бесстыдство выставить этого своего почтенного братца кандидатом в члены Законодательного корпуса в департаменте Сены и Уазы, правительство империи опубликовало два документа: донесение префектуры полиции (от 31 июля 1867 г.) о том, что этот Артур Пикар был изгнан с биржи как «escroc»[***], и другой документ от *11 декабря 1868 г.,* согласно которому Артур признался, что он совершил кражу 300000 франков в бытность свою директором филиального отделения Societe Generale[379] на улице Палестро, № 5. Эрнест не только назначил этого достойного Артура *главным редактором* своей газеты «Electeur libre», основанной во время империи и продолжающей выходить до сих пор, — газеты, которая изо дня в день поносит республиканцев, называя их

[*] — Уголовного кодекса. *Ред.*

[**] В окончательном тексте «Гражданской войны во Франции» Марксом внесено в текст уточнение: Эрнест Пикар был министром финансов правительства национальной обороны (см. настоящий том, стр. 324). *Ред.*

[***] — мошенник. *Ред.*

«грабителями, бандитами и partageux»[*], но, сделавшись министром внутренних дел правительства «обороны», Эрнест использовал Артура как своего финансового посредника между министерством внутренних дел и биржей, чтобы наживаться там, используя доверенные ему государственные тайны.

Вся «финансовая» переписка между Эрнестом и Артуром попала в руки Коммуны. Подобно склонному проливать слезы Жюлю Фавру и Эрнест Пикар, этот Джо Миллер версальского правительства, является человеком, подлежащим ведению Code penal и заслуживающим каторги!

И, наконец, последний в этом трио, *Жюль Ферри,* бывший до 4 сентября нищим адвокатом без практики, не ограничился тем, что организовал голод в Париже, но ухитрился еще сколотить себе состояние за счет голода столицы. Тот день, когда ему пришлось бы дать отчет в своих хищениях во время осады Парижа, был бы днем вынесения ему приговора.

Не удивительно поэтому, что эти люди, которые могут надеяться спастись от каторги только при монархии, под охраной прусских штыков, которые только в водовороте гражданской войны могут добыть себе отпускные билеты [ticket-of-leave][**], — не удивительно, что эти головорезы были сразу же *избраны* Тьером и приняты «помещичьей палатой» как самые надежные орудия контрреволюции!

Не удивительно, что, когда в начале апреля захваченные в плен национальные гвардейцы подвергались в Версале жесточайшим насилиям со стороны «овечек» Пьетри и версальской черни, г-н Эрнест Пикар, «засунув руки в карманы штанов. переходил от одной группы пленных к другой, отпуская шуточки», между тем как «с балкона префектуры г-жа Тьер, г-жа Фавр и компания подобных им дам, цветущих и веселых», упивались этой отвратительной сценой. Не удивительно, что когда одна часть Франции стонет под пятой завоевателей, когда Париж, сердце и голова Франции, ежедневно проливает потоки своей лучшей крови, защищая себя против внутренних изменников ... Тьеры, Фавры и К° устраивают шумные пиршества во дворце Людовика XIV, — таково, например, грандиозное fete[***], устроенное Тьером в честь Жюля Фавра после его возвращения из Руана (куда он был послан для сговора (пресмыкательства перед) с пруссаками). Это — циничная оргия скрывшихся от суда преступников!

---

[*] — сторонниками раздела имущества, собственности. *Ред.*
[**] — в Англии выдавались преступникам, отпущенным под надзор полиции. *Ред.*
[***] — празднество. *Ред.*

Если правительство обороны сначала сделало Тьера своим послом, попрошайничавшим при всех европейских дворах, предлагая им восстановить во Франции монархию в обмен на их вмешательство против Пруссии; если позднее оно послало его в поездку по французской провинции для сговора с chateaux[*] и для тайной подготовки всеобщих выборов, которые вместе с капитуляцией должны были захватить Францию врасплох, — то Тьер в свою очередь сделал этих людей своими министрами и высшими сановниками. Это были надежные люди.

В действиях Тьера есть одна весьма загадочная черта — это то, что он сам безрассудно ускорял наступление парижской революции. Не довольствуясь тем, что он раздражал Париж антиреспубликанскими демонстрациями своей «помещичьей палаты», угрозами *обезглавить* Париж и *лишить его звания столицы,* законом Дюфора — тьеровского министра юстиции — от 10 марта о echeances[**] векселей, поставившим под угрозу банкротства всю парижскую торговлю, назначением орлеанистов послами, переводом Собрания в Версаль, введением нового налога на прессу, конфискацией республиканских парижских газет, возобновлением осадного положения, впервые объявленного Паликао и потерявшего силу 4 сентября с падением бонапартистского правительства, назначением Винуа, decembriseur[380] и бывшего сенатора, губернатором Парижа, бонапартистского жандарма *Валантена* префектом полиции и генерала-иезуита Орель де Паладина главнокомандующим парижской национальной гвардией, — не довольствуясь всем этим, со слабыми силами он начал гражданскую войну нападением Винуа на высоты Монмартра, попыткой прежде всего украсть у национальной гвардии принадлежавшие ей пушки, которые были оставлены ей по конвенции о капитуляции Парижа только потому, что они были ее собственностью; таким образом он думал разоружить Париж.

Откуда это лихорадочное стремление d'en finir[***]? Разоружение и подавление Парижа было, конечно, первым условием для монархической контрреволюции, но только исключительно важная причина могла побудить такого хитрого интригана, как Тьер, пойти на риск провала этого трудного предприятия, приступая к нему без надлежащей подготовки, с недостаточными до смешного средствами. Эта причина заключалась в следующем. При посредстве своего министра финансов Пуйе-Кертье Тьер заключил заем в два миллиарда, которые подлежали

[*] — замками (то есть с крупными землевладельцами). *Ред.*
[**] — сроках оплаты. *Ред.*
[***] — покончить с этим. *Ред.*

немедленной выплате, и еще в несколько миллиардов, которые должны были быть получены позже, в определенные сроки. При этой сделке о займе для таких великих граждан, как Тьер, Жюль Фавр, Эрнест Пикар, Жюль Симон, Пуйе-Кертье и др., были предусмотрены подлинно королевские pot-de-vin (чаевые). Но для осуществления этой сделки была одна помеха. Прежде чем окончательно подписать договор, заимодавцы требовали одной гарантии — *умиротворения Парижа.* Отсюда безрассудные действия Тьера. Отсюда его дикая ненависть к парижским рабочим, оказавшимся достаточно испорченными, чтобы помешать этому превосходному дельцу.

Что касается Жюлей Фавров, Пикаров и т. д., то сказанного достаточно, чтобы доказать, что они были достойными соучастниками этой сделки, на которой они грели руки. Что же касается самого Тьера, то, как известно, за то время, когда он дважды был в министерстве при Луи-Филиппе, он сколотил 2 миллиона и в бытность его премьер-министром (с марта 1840 г.) был обвинен с трибуны палаты депутатов в биржевых спекуляциях; в ответ на это обвинение он заплакал — ему не много стоил этот ответ, которым легко отделывались и Жюль Фавр и знаменитый актер Фредерик Леметр. Не менее известно, что первая мера, которую предпринял г-н Тьер для спасения Франции от финансового краха, к которому ее привела война, заключалась в том, что он наделил себя годовым окладом в 3 миллиона франков; это была как раз та самая сумма, которую Луи Бонапарт получил в 1850г. от г-на Тьера и его банды в *Законодательном собрании* за то, что разрешил им упразднить всеобщее избирательное право[381]. Наделение Тьера 3 миллионами было первым словом той *«бережливой республики»,* перспективы которой он открыл своим парижским избирателям в 1869 году. Что касается Пуйе-Кертье, то он — руанский хлопчатобумажный фабрикант. В 1869 г. он был руководителем совещания фабрикантов, объявившего, что снижение заработной платы необходимо для «завоевания» английского рынка, — эта интрига была тогда расстроена *Интернационалом*[382]. Пуйе-Кертье, во всех отношениях горячий и даже холопский сторонник империи, находил в ней только один недостаток — торговый договор с Англией, который вредил его интересам как фабриканта. Став министром финансов г-на Тьера, он стал нападать на этот «ненавистный» договор, провозгласив необходимость восстановления старых покровительственных пошлин для охраны его собственной фабрики. Вторым его шагом была *патриотическая* попытка нанести удар Эльзасу восстановлением старых покровительственных пошлин под тем предлогом, что в данном случае никакой между-

народный договор не мешает ввести их вновь. Благодаря этому мастерскому ходу его собственная фабрика в Руане избавилась бы от опасной конкуренции соперничающих с ней мюлузских фабрик. Последний его шаг состоял в том, что он подарил своему зятю, г-ну Рош-Ламберу, должность главного сборщика налогов в Луаре, один из тех жирных кусков, которые попадают в руки *правящей* буржуазии; и этот самый Пуйе-Кертье так усиленно поносил своего бонапартовского предшественника г-на Маня за то, что тот устроил на это теплое местечко своего собственного сына. Пуйе-Кертье был таким образом самым подходящим человеком для заключения вышеупомянутой преступной сделки.

---

30 марта. «Rappel»[383]. Жюль Ферри, бывший мэр Парижа, запретил циркуляром от 28 марта чиновникам управления городских пошлин взимать впредь какие бы то ни было сборы в пользу города Парижа.

Мелкие государственные плутни, — мелочный характер... нечистая совесть... вечный зачинщик парламентских интриг... жалкие уловки и затеи... повторяющий свои проповеди о либерализме, о «libertes necessaires»[*] ... усердно домогающийся... веские соображения против возможной неудачи... неоспоримые аргументы, которые уравновешивают... своего рода героизм в крайней низости... удачные парламентские хитрости...

Г-н Э. Пикар — мошенник, который в течение всей осады спекулировал на поражениях наших армий.

Резня, измена, поджог, убийство, клевета, ложь.

В своей речи на собрании мэров и т. д. (25 апреля) Тьер сам говорит, что

«убийцы Клемана Тома и Леконта» — это маленькая кучка преступников, — «как и те, кого по справедливости можно считать идейными или фактическими соучастниками этих преступлений, то есть *очень небольшое* количество людей».

---

[*] — «необходимых свободах». *Ред.*

Дюфор

Дюфор хочет сломить Париж преследованиями печати в провинции. Чудовищно — привлекать газеты к суду за призывы к *«примирению»*.

Дюфор играет важную роль в интригах Тьера. Своим законом от 10 марта он возмутил всю обремененную долгами парижскую торговлю. Своим законом о квартирной плате в Париже он угрожал всему городу. Оба закона должны были наказать Париж за то, что он спас честь Франции и на 6 месяцев отсрочил сдачу Бисмарку. Дюфор — орлеанист и «либерал» в парламентском смысле слова. Вследствие этого он всегда был министром карательных мер и осадного положения.

Он впервые получил министерский портфель 13 мая 1839 г. после разгрома dernière prise d'armes* республиканской партии[384] и был поэтому министром беспощадных репрессий правительства Июльской монархии того времени.

2 июня 1849 г.[385] Кавеньяк, вынужденный 29 октября (1848 г.) снять осадное положение, призвал в свой кабинет двух министров Луи-Филиппа *(Дюфора,* министром внутренних дел, и *Вивьена)*. Он назначил их по настоянию *улицы Пуатье* (Тьера)[386], которая требовала гарантий. Таким путем он надеялся обеспечить себе поддержку роялистов на предстоявших вскоре президентских выборах. Дюфор пустил в ход самые незаконные средства для обеспечения кандидатуры Кавеньяка. Запугивание и коррупция на выборах никогда не практиковались в более широких размерах. Дюфор наводнил Францию памфлетами, поносившими других кандидатов и особенно Луи Бонапарта, что не помешало ему позднее сделаться министром Луи Бонапарта. Дюфор снова сделался министром *осадного положения 13 июня 1849 г.* (в связи с демонстрацией национальной гвардии против бомбардировки Рима и т. д. французской армией). Теперь он опять министр осадного положения, объявленного в Версале (для департамента Сены и Уазы). Тьеру даны полномочия объявлять осадное положение в любом департаменте. Теперь, так же как и в 1839 и 1849 гг., Дюфор требует новых репрессивных законов, новых законов о печати, закона о «сокращении формальностей военных судов». В циркуляре к государственным прокурорам он объявляет призывы газет к *«примирению»* преступлением, за которое надлежит строжайшим образом преследовать. Характерно для французского судейского сословия, что только один гене-

* — последнего вооруженного восстания. *Ред.*

ральный прокурор (майеннский)* подал Дюфору прошение об отставке...

«Я не могу служить правительству, которое приказывает мне в момент гражданской войны ринуться в партийную борьбу и преследовать граждан, которых я по совести считаю ни в чем неповинными, за одно лишь слово о *примирении».*

Дюфор входил в 1847 г. в «Либеральный союз», устраивавший заговоры против Гизо, равно как и в «Либеральный союз» 1869 г., устраивавший заговоры против Луи Бонапарта[387].

По поводу закона от 10 марта и закона о квартирной плате следует заметить, что лучшими клиентами Дюфора и Пикара — оба они адвокаты — являются домовладельцы и *денежные тузы,* не желающие ничего потерять из-за осады Парижа.

Теперь, как и после февральской революции 1848 г., эти люди говорят республике, как палач говорил дону Карлосу: «Je vais t'assassiner, mais c'est pour ton bien» *(«Я убью тебя, но для твоего же блага»).*

Леконт и Клеман Тома

После попытки Винуа захватить высоты Монмартра (18 марта они были расстреляны в парке Шато-Руж, в 4 часа) генерал Леконт и Клеман Тома были взяты в плен и расстреляны самими возбужденными солдатами 81-го линейного полка. Это был скорый акт суда Линча, совершенный вопреки настояниям некоторых делегатов *Центрального комитета.* Леконт, головорез в эполетах, четыре раза отдавал приказ своим войскам на площади Пигаль стрелять по безоружной толпе женщин и детей. Вместо того, чтобы направить оружие против народа, солдаты расстреляли его самого. Клеман Тома, бывший вахмистр, наспех произведенный в «генералы» накануне июньской бойни (1848 г.) людьми из «National», где он был gerant**, никогда не обагрял своего меча кровью каких-либо врагов, кроме парижских рабочих. Он был одним из злостных заговорщиков, сознательно спровоцировавших июньское восстание, и одним из самых свирепых его палачей. Когда 31 октября 1870 г. пролетарская национальная гвардия Парижа застигла врасплох правительство обороны в ратуше и взяла его в плен, эти люди,

---

* — Л. Вашрон. *Ред.*

** — подставной ответственный редактор. *Ред.*

сами назначившие себя на министерские посты, эти gens de paroles*, как один из них же, Пикар, недавно назвал их, дали *честное слово,* что они уступят место *Коммуне.* Выпущенные после этого на волю, они бросили бретонцев Трошю против своих слишком доверчивых победителей. Впрочем, один из них, *г-н Тамизье,* сложил с себя звание главнокомандующего национальной гвардией. Он отказался *нарушить* данное им честное слово. Тогда снова настал час Клемана Тома. Он был назначен вместо Тамизье главнокомандующим национальной гвардии. Это был самый подходящий человек для выполнения «плана» Трошю. Он никогда не воевал против пруссаков; он воевал против национальной гвардии, которую дезорганизовывал, раскалывал, на которую клеветал, отстраняя всех офицеров, враждебных «плану» Трошю, науськивая одну часть национальной гвардии на другую, жертвуя ею в «вылазках», организованных им с таким расчетом, чтобы выставить ее на посмешище. Преследуемый призраками своих июньских жертв, этот человек, не занимавший никакого официального поста, непременно должен был вновь появиться на военной сцене 18 марта, когда он почуял, что приближается новая резня парижского народа, Он пал жертвой суда Линча в первый момент народного возмущения. Люди, которые отдали Париж на милость décembriseur Винуа, чтобы умертвить республику и получить pot-de-vin, предусмотренные для них в сделке, заключенной Пуйе-Кертье, подняли теперь крик: убийцы, убийцы! Их вопли были подхвачены европейской печатью, столь жадной до крови «пролетариев». В «помещичьей палате» был инсценирован фарс истерической «чувствительности», и, теперь так же, как и прежде, трупы их друзей были для них самым желанным оружием против их врагов. На Париж и Центральный комитет была возложена ответственность за инцидент, который произошел помимо их воли. Известно, как в июньские дни 1848 г. «люди порядка» подняли на всю Европу крик негодования против инсургентов по поводу убийства парижского архиепископа. Уже тогда они отлично знали, из свидетельских показаний г-на Жакме, генерального викария архиепископа, сопровождавшего его на баррикады, что епископ был застрелен солдатами Кавеньяка, а не восставшими, но его труп сослужил для них службу. У нынешнего парижского архиепископа, г-на Дарбуа, взятого Коммуной в числе других заложников для самозащиты против диких зверств версальского правительства, возникло странное опасение — это явствует из его письма к Тьеру, — что *папаша Трансно-*

* — люди слова. *Ред.*

нен[388] весьма не прочь поспекулировать его трупом, как объектом священного негодования. Почти не проходило дня, чтобы версальские газеты не сообщали о его казни, которая ввиду непрекращавшихся зверств и нарушения всех правил ведения войны со стороны «людей порядка» была бы уже санкционирована всяким другим правительством, кроме правительства Коммуны. Едва версальское правительство одержало первый военный успех, как капитан *Демаре,* который во главе своих жандармов убил рыцарски великодушного Флуранса, получил орден от Тьера. Флуранс 31 октября спас жизнь членам правительства «обороны». Винуа, бежавший из Парижа (беглец), был награжден большим крестом ордена Почетного легиона за то, что он расстрелял внутри линии редутов взятого в плен нашего храброго товарища Дюваля, а также за второй подвиг, состоявший в том, что он расстрелял около десятка взятых в плен отрядов линейных войск, присоединившихся к парижскому народу, и за то, что он «декабрьскими приемами»[389] положил начало нынешней гражданской войне. Генерал Галиффе — «супруг той очаровательной маркизы, туалеты которой на балах-маскарадах были одним из чудес империи», по деликатному выражению одного из лондонских газетных писак — «захватил врасплох» близ Рюэя капитана, лейтенанта и рядовых национальной гвардии и тут же расстрелял их всех, после чего немедленно издал прокламацию, в которой прославлял сам себя за этот подвиг. Таковы немногие из тех убийств, о которых *официально* сообщало и которыми гордилось версальское правительство. 25 солдат 80-го линейного полка были расстреляны как «бунтовщики» солдатами 75-го полка.

«Всякий, кто был захвачен в мундире регулярных войск среди коммунистов, расстреливался на месте без малейшей пощады. Правительственные войска проявляли невиданную жестокость».

«Г-н *Тьер сообщил Национальному собранию* ***ободряющие*** *подробности смерти Флуранса».*

Версаль. 4 апреля. Тьер, этот уродливый карлик, сообщает о своих пленниках, доставленных в Версаль (в своей прокламации):

«Никогда опечаленный взор честных людей» (молодцов Пьетри!) «еще не видел более бесчестных представителей бесчестной демократии».

«Винуа протестует против пощады восставшим офицерам и рядовым».

6 апреля появился *декрет Коммуны о репрессиях* (и заложниках):

«Принимая во внимание, что версальское правительство открыто попирает законы человечности и законы ведения войны и что оно виновно в ужасах, какими не запятнали себя даже чужеземные завоеватели Франции... постановляется и т. д.» *(следуют пункты)*[390].

5 апреля. Прокламация Коммуны.

«Ежедневно версальские бандиты убивают или расстреливают наших пленных, и ежечасно мы узнаем о совершении нового убийства... Народ, даже в своем гневе, ненавидит кровопролитие, как ненавидит и гражданскую войну, но его долг — защитить себя от зверских покушений своих врагов, и чего бы это ни стоило, отныне будет — око за око и зуб за зуб»[391].

«Полицейские, сражающиеся против Парижа, получают по 10 франков в день».

Версаль. 11 апреля. Ужасающие подробности о хладнокровных расстрелах пленных, не перебежчиков, передаваемые с явным удовольствием старшими офицерами и другими очевидцами.

В своем письме к Тьеру Дарбуа протестует

«против чудовищных эксцессов, усугубляющих ужас нашей братоубийственной войны».

В таком же духе пишет Дегерри (священник церкви Ла-Мадлен):

«Эти казни вызывают великий гнев в Париже и могут привести к страшным репрессиям». «Так, уже принято решение в ответ на каждую новую казнь казнить двоих из многочисленных заложников, которых держат в своих руках. Судите же, до какой степени настоятельно и безусловно необходимо то, чего я добиваюсь от вас как священник».

Среди этих ужасов Тьер пишет префектам: «L'Assemblee siege paisiblement». (Elle aussi a le coeur leger.)*

Тьер и комиссия из пятнадцати депутатов «помещичьей палаты»[392] с хладнокровным бесстыдством «официально опровергают» сообщения о «мнимых *массовых казнях а репрессиях, приписываемых версальским войскам».* Но папаша Транснонен в своем *циркуляре от 16 апреля по поводу бомбардировки Парижа* пишет:

«Если и было сделано несколько пушечных выстрелов, то не версальской армией, а некоторыми инсургентами, которые хотели показать, что они сражаются, хотя на деле они боялись нос показать».

Тьер доказал, что он превосходит своего героя, Наполеона I, по крайней мере в одном — в печатании лживых бюллетеней. (Разумеется, Париж бомбардирует сам себя, чтобы иметь возможность клеветать на г-на Тьера!)

В ответ на эти чудовищные провокации бонапартовских мошенников Коммуна ограничилась тем, что взяла заложников

* — «Собрание мирно заседает» (Оно тоже относится к событиям с легким сердцем). — Здесь обыгрывается выражение председателя совета министров Оливье, заявившего накануне объявления войны Пруссии, что он «с легким сердцем» берет на себя ответственность за войну. *Ред.*

и пригрозила репрессиями, но ее угрозы остались мертвой буквой! Даже жандармы, переряженные в офицеров, даже захваченные в плен полицейские, при которых были найдены разрывные бомбы, не были преданы военному суду! Коммуна отказалась запачкать свои руки кровью этих гнусных ищеек!

За несколько дней до 18 марта Клеман Тома представил военному министру Лефло план разоружения трех четвертей национальной гвардии.

«Цвет парижской черни, — заявил он, — сосредоточился вокруг Монмартра и действует заодно с Бельвилем».

Национальное собрание

Собрание, выбранное 8 февраля под давлением неприятеля, которому версальские правители сдали все форты и выдали беззащитный Париж, — это Версальское собрание было созвано с одной единственной целью, ясно указанной в самой конвенции, подписанной в Версале 28 января: решить, можно ли продолжать войну, или заключить мир; и в этом последнем случае договориться об условиях мира и обеспечить возможно более быстрое очищение французской территории от неприятеля.

Шанзи, парижский архиепископ и т. д.

Освобождение Шанзи состоялось почти одновременно с бегством Сессе. Роялистские журналисты единогласно *предрешили смерть генерала.* Они хотели навязать красным эту милую процедуру. Трижды-де отдавался приказ о его казни, и на этот раз, мол, его действительно собираются расстрелять.

*После стычки на Вандомской площади** в Версале царила растерянность. Атаки на Версаль ждали 23 марта, потому что вожди коммунального движения объявили, что они двинутся на Версаль, если Национальное собрание предпримет какие-либо военные действия. Собрание ничего не предприняло. Наоборот, оно приняло, как безотлагательное, предложение о проведении коммунальных выборов в Париже и т. д. Этими уступками Собрание признало свое бессилие. В то же самое время — *роялистские интриги в Версале.* Бонапартовские генералы и герцог Омальский[393]. Фавр открыто заявил, что он получил

* См. настоящий том, стр. 574—576. *Ред.*

письмо от Бисмарка, в котором говорилось, что если порядок не будет восстановлен к 26 марта, то Париж будет занят германскими войсками. Красные сразу разглядели эту жалкую выдумку. Стычка на Вандомской площади была спровоцирована подделывателем документов *Ж. Фавром, этим подлым иезуитом,* который (21 марта?) взошел на трибуну Версальского собрания, чтобы надругаться над народом, извлекшим его из ничтожества, и поднять Париж против департаментов. *30 марта. Прокламация Коммуны:*

«Сегодня преступники, которых вы даже не пожелали преследовать, злоупотребляют вашим великодушием, чтобы у самых ворот города организовать очаг монархического заговора. Они подстрекают к гражданской войне, они пускают в ход все средства коррупции, они вступают в сообщничество со всеми, они дошли до того, что даже клянчат о помощи у иностранцев»[394].

Тьер

25 апреля, на приеме мэров, их помощников и членов пригородных муниципальных советов Сенского департамента, Тьер сказал:

«Республика существует. Глава исполнительной власти — простой гражданин».

Прогресс Франции с 1830 до 1871 г. заключается, по Тьеру, в следующем: в 1830 г. Луи-Филипп был «лучшей из республик»; в 1871 г. *лучшей из республик* является сам маленький Тьер — министерское ископаемое времен царствования Луи-Филиппа.

Г-н Тьер начал свое правление с акта узурпации. Национальное собрание назначило его главой министерства Собрания; главой же исполнительной власти Франции он назначил себя сам.

Национальное собрание и парижская революция

Собрание, созванное по указке иноземного завоевателя, было выбрано, как это ясно изложено в версальской конвенции от 28 января, с одной единственной целью: оно должно было решить, продолжать ли войну или заключить мир. Призывая французский народ к избирательным урнам, парижские capitulards сами ясно определили это специальное назначение Собрания, чем в значительной мере объясняется и самый его состав. Так как продолжать войну стало невозможным в силу

самих условий перемирия, покорно принятых capitulards, то Собранию фактически оставалось только зарегистрировать позорный мир, а для этого специфического дела наихудшие люди Франции годились лучше всего.

Республика была провозглашена 4 сентября — не жалкими стряпчими, водворившимися в парижской городской ратуше в качестве правительства обороны, а парижским народом. Вся Франция единодушно приветствовала ее. Она завоевала себе право на существование войной, которая велась в течение пяти месяцев и краеугольным камнем которой было длительное сопротивление Парижа. Без этой войны, которая велась республикой и от имени республики, империя была бы восстановлена Бисмарком после капитуляции в Седане, и жалкие стряпчие с г-ном Тьером во главе должны были бы капитулировать не ради Парижа, а ради того, чтобы самим избежать путешествия в Кайенну, а «помещичьей палаты» не было бы и в помине. Собрание заседает только по милости республиканской революции, начатой в Париже. Не будучи учредительным собранием, как это до тошноты часто повторяет сам г-н Тьер, оно могло бы быть только простым регистратором уже совершившихся событий республиканской революции, и не имело бы даже права провозгласить низложение бонапартовской династии. Таким образом, единственной законной властью во Франции является сама *революция,* центром которой является Париж. Эта революция была произведена не против Наполеона Малого, а против тех социальных и политических условий, которые породили Вторую империю, которые достигли при ее господстве своего предела и которые, как это ярко обнаружила война с Пруссией, превратили бы Францию в труп, если бы они не были заменены возрождающей силой французского рабочего класса. Попытки помещичьего Собрания, имеющего доверенность от революции лишь на то, чтобы подписать злополучное обязательство, взятое на себя его нынешней «исполнительной властью» перед чужеземным завоевателем, попытки обходиться с революцией как будто она, подобно ему самому, является капитулянтом, представляют собой поэтому чудовищную узурпацию. Его война против Парижа есть не что иное, как трусливый Chouannerie[395] под прикрытием прусских штыков. Это подлый заговор с целью умертвить Францию, чтобы спасти привилегии, монополии и роскошь выродившихся, бессильных и прогнивших классов, которые привели Францию на край пропасти, откуда ее может спасти только геркулесова рука подлинной социальной революции.

Наилучшая армия Тьера

Еще прежде чем стать «государственным мужем» г-н Тьер обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Но тщеславие, столь характерное для карликовых людишек, довело его на этот раз до столпов смехотворного. Его армия порядка — это подонки бонапартовской солдатни, только что возвращенные по милости Бисмарка из прусских тюрем, папские зуавы, шуаны Шарета, вандейцы Кателино, «муниципалы»[396] Валантена, бывшие полицейские Пьетри и корсиканские жандармы Валантена, которые при Луи Бонапарте были только шпионами в армии, а при г-не Тьере образуют цвет его войск, причем все они находятся под надзором сановных mouchards[*] и под командой трусливых маршалов декабрьского режима, которым нечего бояться потерять честь, так как ее у них не было. Эту пеструю разношерстную толпу висельников г-н Тьер гордо именует *«наилучшей из армий, которую когда-либо имела Франция!».* И если он позволяет пруссакам все еще оставаться в Сен-Дени, то только для того, чтобы пугать их зрелищем этой «наилучшей армии» Версаля.

Тьер

Мелкие государственные плутни. Вечный зачинщик парламентских интриг, г-н Тьер всегда был не более как «способным» журналистом и ловким словесным «фехтовальщиком», мастером парламентской плутни, виртуозом в вероломстве, набившим руку во всевозможных мелочных подвохах, гнусном коварстве и тонких уловках парламентской борьбы партий. Этот злобный карлик в течение полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собой самое верное идейное выражение ее собственной классовой испорченности. Находясь в рядах оппозиции, он без конца повторял свои избитые проповеди о libertes necessaires, чтобы растоптать их, придя к власти. Когда Тьер не занимал официального поста, он любил угрожать Европе мечом Франции. А каковы были в действительности его подвиги на дипломатическом поприще? Он проглотил в 1841 г. унижение Лондонской конвенции[397], ускорил войну с Пруссией своими высокопарными речами против единства Германии, скомпрометировал Францию в 1870 г. своим странствованием по всем европейским дворам, где он занимался попрошайничеством, подписал в 1871 г. капитуляцию Парижа, принял «мир любой ценой» и вымолил у Пруссии уступку — разрешение и средства разжечь гражданскую

[*] — шпионов. *Ред.*

войну в своей собственной растоптанной стране. Естественно, что для такого рода человека скрыто действующие силы современного общества всегда оставались неведомыми; но он не мог понять даже осязательных изменений, совершающихся на поверхности общества. Так, например, он обличал как святотатство всякое уклонение от устаревшей французской протекционистской системы и в свою бытность министром Луи-Филиппа дошел до того, что презрительно отнесся к строительству железных дорог как к вздорной химере; и даже при Луи Бонапарте он энергично выступал против всякой реформы гнилой французской военной организации. Человек без идей, без убеждений и без мужества.

Профессиональный «революционер» в том смысле, что в своей жажде позы, жажде властвовать и запускать руки в государственную казну он никогда не стеснялся, когда его изгоняли в ряды оппозиции, возбуждать народные страсти и вызывать катастрофу, чтобы вытеснить своего соперника, — он в то же время самый плоский рутинер и т. д. Рабочий класс он поносил как *«подлую чернь».* Один из его бывших коллег по законодательным собраниям, его современник, капиталист, и тем не менее член Парижской Коммуны, г-н *Беле,* публично обратился к нему со следующими словами:

«Порабощение (asservissement) труда капиталом — было всегда краеугольным камнем Вашей политики, и с тех пор как в парижской городской ратуше установлена *республика труда,* Вы без устали кричите Франции: Вот они, преступники!»

Не удивительно, что г-н Тьер через своего министра внутренних дел Эрнеста Пикара отдал приказ воспрепятствовать сношениям Международного Товарищества с Парижем. *(Заседание Собрания* от 28 марта.) *Циркуляр Тьера префектам и их помощникам:*

«Честные рабочие, которых гораздо больше, чем плохих, должны знать, что если хлеб еще раз уходит от их рта, то они этим обязаны приверженцам *Интернационала,* которые являются тиранами труда хотя выдают себя за его освободителей».

Без *Интернационала...*[*]

(Теперь история с деньгами.) (Он и Фавр перевели свои деньги в Лондон.) Есть поговорка, что, когда мошенники дерутся, правда выходит наружу. Поэтому лучше всего закончить портрет Тьера словами лондонского «Moniteur», принадлежащего

[*] Эта фраза в рукописи не окончена. *Ред.*

хозяину его версальских генералов. «Situation»[398] пишет в номере от 28 марта:

«Когда г-н Тьер занимал пост министра, он всегда толкал солдат на кровавую расправу с народом, — он отцеубийца, кровосмеситель, расхититель казенного добра, плагиатор, изменник, честолюбец, импотент».

Мастер хитрых уверток и ловких происков.

Связанный до июльской революции с республиканцами, он пробрался в первый раз в министерство при Луи-Филиппе, вытеснив своего старого покровителя Лаффита. Первым делом он заточил в тюрьму своего прежнего сотрудника Армана Карреля. Он втерся в доверие к Луи-Филиппу тем, что выполнял роль шпиона и тюремщика-акушера по отношению к герцогине Беррийской; но главным моментом в его деятельности была кровавая расправа с восставшими парижскими республиканцами на улице Транснонен и сентябрьские законы против печати, которые впоследствии были отброшены, когда это оружие притупилось. Придя снова с помощью интриг к власти в 1840 г., он составил план парижских укреплений; этот план, как покушение на свободу Парижа, вызвал протест всей демократической партии за исключением буржуазных республиканцев из «National». Г-н Тьер ответил на крики протеста с трибуны палаты депутатов:

«Как? Вы воображаете, что какие бы то ни было укрепления могут стать опасными для свободы?.. Это значит потерять всякое чувство реальности. И прежде всего, вы клевещете, допуская, что *какое-либо правительство* решится когда-нибудь бомбардировать Париж, чтобы удержать власть в своих руках. Неужели, пробив своими бомбами купол Дома инвалидов или Пантеона, обрушив свой огонь на жилища ваших семей, оно смогло бы предстать перед вами с просьбой утвердить его существование! *Ведь такое правительство стало бы после победы во сто крат более невозможным, чем до нее».*

Действительно, ни правительство Луи-Филиппа, ни правительство времен бонапартистского регентства не посмело удалиться из Парижа и подвергнуть его бомбардировке. Возможность использовать таким образом укрепления была сохранена за г-ном Тьером, который первоначально и составил их план.

Когда в январе 1848 г. неаполитанский король-бомба* подверг Палермо бомбардировке, г-н Тьер снова заявил в палате депутатов:

---

* — Фердинанд II. *Ред.*

«Вы знаете, господа, что происходит в Палермо: вы все содрогаетесь от ужаса при вести, что большой город был в течение 48 часов подвергнут бомбардировке. И кем же? Чужеземным неприятелем, осуществлявшим право войны? Нет, господа, *своим же правительством.* И за что? *За то, что этот несчастный город требовал своих прав.* Да, за требование своих прав он подвергся 48-часовой бомбардировке. Позвольте мне апеллировать к общественному мнению Европы. Подняться и сказать во всеуслышание с величайшей, может быть, трибуны Европы *несколько слов возмущения подобными действиями* — это будет заслугой перед человечеством. Господа, когда 50 лет тому назад австрийцы, пользуясь правом войны, с целью избежать длительной осады хотели бомбардировать Лилль; когда позднее англичане, тоже пользуясь правом воины, бомбардировали Копенгаген; и совсем недавно, *когда регент Эспартеро,* оказавший услуги своей родине, *вздумал бомбардировать Барселону для подавления вспыхнувшего там восстания,* — со всех концов мира раздался общий крик негодования».

Прошло немного больше года, и Тьер уже был самым рьяным защитником бомбардировки Рима войсками Французской республики и прославлял своего друга, генерала Шангарнье, за то, что тот изрубил саблями парижских национальных гвардейцев, протестовавших против этого нарушения французской конституции.

За несколько дней до февральской революции 1848 г. раздраженный тем, что Гизо надолго отстранил его от власти, и почуяв нарастающее возмущение масс, которое, как он надеялся, позволит ему вытеснить своего соперника и навязать Луи-Филиппу самого себя, *Тьер* воскликнул в палате депутатов:

«Я принадлежу к партии революции не только во Франции, но и во всей Европе. Я желал бы, чтобы правительство революции оставалось в руках умеренных людей... Но если бы оно перешло в руки людей горячих, даже в руки радикалов, я из-за этого не отказался бы от дела, которое отстаиваю. *Я всегда буду принадлежать к партии революции».*

С того дня, как была провозглашена республика, и вплоть до coup d'etat* он был занят исключительно подавлением февральской революции.

Первые дни после февральского взрыва охваченный страхом он прятался, но парижские рабочие слишком презирали его, чтобы ненавидеть. Тем не менее из-за своей известной трусости, которая заставила Армана Карреля на его хвастливые слова о том, что он «умрет когда-нибудь на берегах Рейна», ответить: «Ты умрешь в канаве», — он не осмелился выступить на общественной арене, прежде чем народные силы не были сломлены кровавой расправой с участниками июньского восстания. Вначале, до тех пор, пока арена не была достаточно очищена, чтобы он мог снова открыто появиться на ней, он ограничивался

* — государственного переворота. *Ред.*

тем, что тайно руководил заговором собрания улицы Пуатье, приведшим к реставрации империи.

Во время осады Парижа в ответ на вопрос, готов ли Париж капитулировать, Жюль Фавр заявил, что для того, чтобы заставить произнести слово «капитуляция», требуется бомбардировка Парижа! Это объясняет его мелодраматические протесты против прусской бомбардировки, так же как и причину того, что последняя была лишь пародией на бомбардировку, тогда как бомбардировка Тьера есть суровая действительность.

Парламентский шут.

Тьер подвизается 40 лет на общественной арене. Он ни разу не был инициатором ни одной полезной меры в какой-нибудь области государственного управления или жизни. Тщеславный, скептический эпикуреец, он никогда не писал и не говорил ради дела. В его глазах само дело было лишь предлогом, для того чтобы блистать пером или речами. За исключением его жажды власти, наживы и видного положения, все в нем не настоящее — даже его шовинизм.

В типичном стиле вульгарного профессионального газетного писаки он то издевается в своих бюллетенях над плохим видом своих версальских пленников, то сообщает, что «помещичья палата» «чувствует себя прекрасно», то выставляет себя на посмешище своим бюллетенем о взятии «Мулен-Саке» (4 мая), где было захвачено 300 пленных:

«Остальные мятежники бежали без оглядки, оставив на поле битвы 150 человек убитыми и ранеными», — и ядовито прибавляет: «Такова победа, которую Коммуна сможет прославлять завтра в своих бюллетенях». «Париж скоро будет освобожден от угнетающих его жестоких тиранов».

Париж — Париж народных масс, сражающихся против него, для него не «Париж». «Париж — это Париж богатый, капиталистический, тунеядствующий» (разве он не космополитический притон?). Таков Париж г-на Тьера. Действительный Париж, трудящийся, мыслящий, борющийся Париж, Париж народа, Париж Коммуны — это «подлая чернь». В этом заключается вся суть отношения г-на Тьера не только к Парижу, но и к Франции. Париж, который показал свою храбрость в «мирной процессии» и в паническом бегстве Сессе, который заполняет сейчас Версаль, Рюэй, Сен-Дени, Сен-Жермен-ан-Ле, куда за ним последовали все кокотки, льнущие к «людям религии,

семьи, порядка и собственности», (Париж действительно «опасных», эксплуататорских и тунеядствующих классов), («franc-fileurs»[399]), Париж, который забавляется тем, что смотрит в подзорную трубу на происходящую битву, для которого «гражданская война — лишь приятное развлечение», — таков Париж г-на Тьера (точно так же как кобленцская эмиграция[400] была Францией г-на де Калонна). Обладая склонностями типичного вульгарного писаки, он не умеет даже соблюдать внешнее достоинство, однако, чтобы не уклониться от этикета «легитимизма», он убивает женщин, девушек и детей, найденных под развалинами Нейи. Он не может отказать себе в том, чтобы с помощью зарева Кламара, подожженного керосиновыми бомбами, не устроить иллюминацию в честь муниципальных выборов, назначенных им по всей Франции. Римские историки завершают характеристику Нерона рассказом о том, что это чудовище славилось своими талантами рифмоплета и комедианта. Но дайте стать у власти простому профессиональному газетному писаке и парламентскому шуту вроде Тьера, и он перещеголяет Нерона.

Когда Тьер позволяет бонапартовским «генералам» мстить Парижу, он лишь играет свою роль слепого орудия классовых интересов, свою же собственную роль он играет в маленькой комедии бюллетеней, речей, обращений, в которых обнаруживается его тщеславие, вульгарность и пошлейший вкус газетного писаки.

Он сравнивает себя с Линкольном, а парижан — с мятежными рабовладельцами Юга. Южане сражались за рабство труда и за территориальное отделение от Соединенных Штатов. Париж сражается за освобождение труда и за отделение от власти тьеровских государственных паразитов, желающих быть рабовладельцами Франции!

В своем обращении к мэрам Тьер говорит:

«Вы можете довериться моему слову, я никогда не нарушал его!»

«Настоящее Собрание — одно из самых либеральных, какие когда-либо избирались Францией».

Он спасет республику,

«лишь бы только порядок и труд не находились под постоянной угрозой со стороны тех, кто претендует на роль особых блюстителей блага республики».

На заседании Собрания 27 апреля он говорит, что «Собрание еще более либерально, чем он сам!»

Тьер, у которого главным козырем в его риторике всегда было обличение Венских трактатов, подписывает Парижский договор[401], то есть дает согласие не только на отторжение одной части Франции, не только на оккупацию почти половины ее территории, но и на миллиарды контрибуции, даже не попросив Бисмарка точно определить и подтвердить военные издержки Германии! Он даже не разрешает Собранию в Бордо обсудить отдельные пункты его капитуляции!

Он, всю свою жизнь упрекавший Бурбонов за то, что они вернулись в арьергарде иноземных армий и за то, что их поведение по отношению к союзникам, оккупировавшим Францию после заключения мира[402], было лишено достоинства, — он просит Бисмарка сделать в договоре только одну уступку: предоставить 40000 войск для усмирения Парижа (как Бисмарк заявил об этом в рейхстаге). Вооруженная национальная гвардия полностью обеспечивала как внутреннюю оборону Парижа, так и защиту его от иноземных завоевателей, но Тьер к капитуляции Парижа перед иноземным завоевателем сразу же прибавил капитуляцию Парижа перед самим Тьером и К°. Это условие должно было вызвать гражданскую войну. И саму гражданскую войну он начинает не только с молчаливого согласия Пруссии, но и при ее содействии, с помощью пленных французских войск, которые Пруссия великодушно посылает ему из германских тюрем! В своих бюллетенях, в своих речах и в речах Фавра в Собрании он пресмыкается перед Пруссией, и не проходит недели, чтобы он не грозил Парижу прусской интервенцией даже после того, как ему не удалось добиться ее, как об этом заявил сам Бисмарк. Бурбоны были само достоинство по сравнению с этим шутом, с этим великим апостолом шовинизма!

После разгрома Пруссии (Тильзитский мир 1807 г.) ее правительство почувствовало, что оно сможет спасти себя и страну только посредством великого социального возрождения (больших перемен). Оно пересадило в Пруссию в незначительных масштабах, в рамках феодальной монархии, результаты французской революции. Оно освободило крестьян и т. д.[403]

После поражения России в Крымской войне, которое в самой стране вскрыло гнилость ее социальной и политической

системы, — пусть Россия защитой Севастополя даже спасла свою честь и ослепила иноземные государства своими дипломатическими триумфами в Париже, — ее правительство освободило крепостных и преобразовало всю свою административную и судебную систему[404]. В обеих странах смелые социальные реформы были скованы и ограничены по своему характеру потому, что они были дарованы троном, а не (вместо того, чтобы быть) завоеваны народом. Тем не менее, произошли огромные социальные перемены, уничтожавшие худшие привилегии правящих классов и изменявшие экономическую основу старого общества. В обеих странах почувствовали, что тяжелая болезнь может быть исцелена только героическими средствами. Почувствовали, что победителям можно ответить только социальными реформами, вызвав к жизни элементы народного возрождения. Французская катастрофа 1870 г. не имеет параллелей в истории нового времени! Она показала, что официальная Франция, Франция Луи Бонапарта, Франция правящих классов и их государственных паразитов — гниющий труп. И что же пытаются прежде всего сделать негодяи, которые, застигнув народ врасплох, захватили власть и продолжают удерживать ее в своих руках, благодаря заговору с иноземным завоевателем, — что пытаются они прежде всего сделать? Умертвить при покровительстве Пруссии руками солдатни Луи Бонапарта и полицейских Пьетри славное дело народного возрождения, начатое в Париже, воскресить все старые легитимистские призраки, побежденные июльской революцией, допотопных мошенников Луи-Филиппа, побежденных февральской революцией, и справить торжественно оргию контрреволюции! Такой героизм крайнего самоунижения неслыхан в летописях истории! Но — и это в высшей степени характерно — вместо того, чтобы вызвать всеобщий крик негодования со стороны официальной Европы и Америки, он вызывает волну сочувствия и поток бешеных нападок на Париж! Это доказывает, что Париж, верный своему историческому прошлому, стремится возродить французский народ, делая его борцом за обновление старого общества, превращая социальное возрождение человечества в национальное дело Франции! Это — освобождение производящего класса от эксплуататорских классов, от их челяди и их государственных паразитов, которые подтверждают правильность французской поговорки: «les valets du diable sont pire que le diable»[*]. Париж поднял знамя человечества!

[*] — «слуги дьявола хуже, чем сам дьявол». *Ред.*

18 марта. Правительство ввело

«2-сантимовый штемпельный сбор на каждый экземпляр любого периодического издания, каков бы ни был его характер». «Запрещено основывать новые газеты до снятия осадного положения».

Различные фракции французской буржуазии последовательно приходили к *власти:* крупные земельные собственники во время *Реставрации* (при старых Бурбонах), капиталисты — во время парламентской Июльской монархии (при Луи-Филиппе), тогда как бонапартистские и республиканские ее элементы, томясь завистью, оставались на заднем плане. Их партийные распри и интриги велись, конечно, под предлогом борьбы за *общее благо,* и когда народная революция избавлялась от одной из этих монархий, возникала другая. Все это изменилось с установлением республики (февральской). Все фракции буржуазии объединились тогда в *партию порядка,* то есть партию земельных собственников и капиталистов, сплотившихся, чтобы сохранить экономическое порабощение труда и угнетательскую государственную машину, которая поддерживает это порабощение. В отличие от монархии, самое имя которой означало преобладание одной фракции буржуазии над другой, победу одной стороны и поражение другой (торжество одной стороны и унижение другой), — *республика* была анонимным акционерным обществом объединившихся фракций буржуазии, всех *эксплуататоров* народа, сплотившихся воедино; и в самом деле, легитимисты, бонапартисты, орлеанисты, буржуазные республиканцы, иезуиты и вольтерьянцы заключили друг друга в объятия. Они не укрываются больше под сенью трона, они уже не могут заинтересовывать народ своими партийными распрями, маскируя их видимостью борьбы за народные интересы, одни из них не находятся больше в подчинении у других. Их классовое господство прямо и открыто враждебно освобождению производящих масс; *порядок* — вот имя для экономических и политических условий их классового господства и рабства труда; эта анонимная, или республиканская, форма буржуазного режима, эта буржуазная республика, эта республика *партии порядка* есть самый *гнусный* из всех политических режимов. Ее прямое дело, ее единственный raison d'etre* — подавление народа. Она представляет собой *террор* классового господства. Достигается это следующим образом. Народ сражается и совершает революцию, провозглашает республику и очищает место для Национального собрания, после чего буржуа, известные

* — смысл существования. *Ред.*

республиканские декларации которых являются гарантией для их «республики», выдвигаются на передний план большинством собрания, состоящего из побежденных открытых врагов республики. На республиканцев возлагается задача — загнать народ в западню восстания, чтобы затем подавить его огнем и мечом. Эта роль была выполнена партией «National» с Кавеньяком во главе после февральской революции (июньское восстание). Совершив преступление против масс, эти республиканцы затем потеряли свое влияние. Они сделали свое дело, и если им и разрешают еще поддерживать *партию порядка,* в ее общей борьбе против пролетариата, то в то же самое время их удаляют из правительства, вытесняют в последние ряды, и их только «терпят». Столпом республики становится объединенная роялистская буржуазия, наступает истинное господство партии порядка. Материальные силы народа на время сломлены, и работа реакции — уничтожение всех уступок, завоеванных в четырех революциях, — начинается шаг за шагом. Народ доводится до бешенства не только подвигами *партии порядка,* но и той циничной наглостью, с которой его третируют как побежденного и с которой эта подлая банда самовластно правит им от его же собственного имени, от имени республики. Конечно, эта спазматическая форма *анонимного* классового деспотизма не может продолжаться долго, она может быть только переходной фазой. Правящая банда сознает, что находится на революционном вулкане. С другой стороны, если партия порядка объединена в своей войне против рабочего класса, в качестве *партии порядка,* то происки и интриги ее различных фракций, их борьба между собой за преобладание своих особых интересов в рамках старого общественного порядка, за то, чтобы посадить на трон своего собственного претендента и за удовлетворение честолюбивых стремлений отдельных лиц, снова начинаются со всей силой, как только господство этой партии кажется обеспеченным (гарантированным) в результате уничтожения материальных революционных сил. Это соединение общей войны против народа с общим заговором против республики, в сочетании с внутренними распрями ее правителей и их происками и интригами, парализует общество, вызывает чувство отвращения и недоумения у массы буржуазии, «нарушает» деловую жизнь, держит этот класс в состоянии хронического беспокойства. Все условия деспотизма создаются (порождаются) при этом режиме, — но деспотизма без спокойствия, деспотизма с парламентской анархией во главе. Тогда наступает час *coup d'etat,* и неспособная банда должна уступить место какому-нибудь удачливому претенденту, который кладет конец *анонимной*

форме классового господства. Таким путем Луи Бонапарт положил конец буржуазной республике после ее четырехлетнего существования. Все это время *Тьер* был «ame damnee»* партии порядка, которая именем республики вела войну против республики, классовую войну против народа, и, в действительности, создала империю. Теперь он сыграл точно такую же роль, как и тогда, только тогда лишь в качестве парламентского интригана, а теперь — в качестве главы исполнительной власти. Если только он не будет побежден революцией, то теперь, как и тогда, он будет использован и выброшен вон. Какая бы из соперничающих групп ни пришла к власти, ее первым делом будет устранить человека, который выдал Францию Пруссии и бомбардировал Париж.

У Тьера было много причин для недовольства Луи Бонапартом. Этот последний использовал его как орудие и оставил в дураках. Он напугал его (расстроил его нервы), арестовав после coup d'etat. Он уничтожил его, покончив с парламентским режимом — единственным режимом, при котором простой государственный паразит, каким является Тьер, простой болтун может играть политическую роль. Важно, наконец, и то, что Тьер, который в своих исторических трудах только и делал, что чистил сапоги Наполеона, так долго описывал его подвиги, что под конец вообразил, будто совершил их сам. Законной карикатурой на Наполеона I был в его глазах не Наполеон Малый, а маленький Тьер. При всем этом не было такой подлости, совершенной Луи Бонапартом, которая не была бы поддержана Тьером, начиная с занятия Рима французскими войсками и кончая войной с Пруссией.

Только такой поверхностный человек может хоть на минуту вообразить, что возглавляемая им республика с полулегитимистским, полуорлеанистским Национальным собранием, с армией под начальством бонапартовских генералов, в случае своей победы, не выбросит его вон.

Нет ничего более уродливого до отвращения, чем этот мальчик с пальчик, желающий разыгрывать роль (играющий роль) Тимура-Тамерлана. Жестокие расправы для него — не только выполняемое им дело, но и предмет театральной рисовки (сценического эффекта), фантастического тщеславия. Писать «свои» бюллетени, выставлять напоказ «свою» суровость, иметь «свои» войска, «свою» стратегию, «свои» бомбардировки, «свои» керосиновые бомбы, скрывать «свою» трусость под маской

---

* — предан душой и телом. *Ред.*

хладнокровия, с каким он разрешает мошенникам декабрьского режима мстить Парижу! Это своеобразный героизм крайней низости! Он упивается той важной ролью, которую играет, и тем шумом, который он поднимает во всем мире! Он решительно воображает себя великим человеком! Каким гигантом (титаном) он, карлик, парламентский слюнтяй, должен выглядеть в глазах мира! Среди ужасных сцен настоящей войны нельзя не улыбнуться при виде смехотворных вывертов тьеровского тщеславия! Г-н Тьер — человек с живым воображением, у него, несомненно, есть актерская жилка и актерское тщеславие, способное заставить его поверить своей собственной лжи и уверовать в свое собственное величие.

Все речи, бюллетени и т. д. Тьера проникнуты духом надутого тщеславия.

Этот отвратительный Трибуле.

Великолепная бомбардировка (керосиновыми бомбами) с Мон-Валерьена разрушает часть домов в квартале Терн внутри крепостного вала, это сопровождается грандиозным пожаром и страшным грохотом орудий, потрясающим весь Париж. Бомбами умышленно забрасывают кварталы Терн и Елисейские поля.

Разрывные бомбы, керосиновые бомбы.

Коммуна

Достославный английский наемный писака сделал блестящее открытие, что Коммуна это не то, что *мы* обыкновенно разумеем под самоуправлением. Конечно, это не то. Это не самоуправление городов, в которых хозяйничают чревоугодники-ольдермены, стяжатели из числа членов приходских собраний и свирепые попечители работных домов. Это не самоуправление графств, в которых хозяйничают пустоголовые владельцы крупных поместий и толстых кошельков. Это не судебная мерзость «великих неоплачиваемых»[405]. Это не политическое самоуправление страны при помощи олигархического клуба и чтения газеты «Times». Это народ, действующий сам и для самого себя.

В этой каннибальской войне отвратительнее всего «литературные» вопли мерзкого карлика, восседающего во главе правительства!

Зверское обращение с версальскими пленными не прекращалось ни на минуту, и хладнокровные убийства их возобновились, как только Версаль убедился, что Коммуна слишком гуманна, чтобы привести в исполнение свой декрет о репрессиях!

«Paris-Journal» (в Версале) сообщает, что тринадцать солдат линейных войск, взятые в плен на железнодорожной станции Кламар, были расстреляны на месте, и что все прибывающие в Версаль пленные в форме линейных войск будут казнены тотчас же по выяснении их личности!

Г-н Александр Дюма-сын рассказывает, что один молодой человек, выполнявший обязанности генерала, хотя и без генеральского чина, был застрелен после того как прошел (под конвоем) несколько сот ярдов по дороге.

5 мая, «Mot d'Ordre»[406]: по сообщению «Liberte», выходящей в Версале, «все солдаты регулярной армии, схваченные в Кламаре в числе восставших, были расстреляны на месте» (Линкольном-Тьером!) (Линкольн признавал за противником право воюющей стороны). «Таковы люди, которые на стенах во всех французских общинах обличают парижан как убийц!» Бандиты!

Демаре.

Депутация Коммуны отправилась в Бисетр (27 апреля) для расследования по делу четырех национальных гвардейцев 185-го маршевого батальона и посетила там оставшегося в живых (тяжело раненого) *Шеффера.*

«Больной заявил, что 25 апреля в Бель-Эпине, недалеко от Вильжюифа, он вместе с тремя товарищами был настигнут конными стрелками, предложившими им сдаться. Так как сопротивление окружившему их отряду было бесполезно, они бросили на землю оружие и сдались. Солдаты окружили их и взяли в плен, не применяя в отношении их никаких насилий или угроз. Они были в плену уже несколько минут, когда появился капитан конных стрелков и бросился на них с револьвером в руке. Не сказав ни слова, он выстрелил в одного из них и убил его наповал, затем выстрелил также в гвардейца Шеффера, который был ранен прямо в грудь и упал около своего товарища. Два других гвардейца попытались скрыться, испуганные этим подлым нападением, но рассвирепевший капитан помчался за обоими пленными и убил их двумя другими выстрелами из револьвера. После этой зверской и подлой расправы конные стрелки удалились вместе со своим начальником, оставив свои жертвы распростертыми на земле»[407].

«New-York Tribune»[408] *перещеголяла лондонские газеты.*

Тьеровское «самое либеральное и наиболее свободно избранное из всех собраний, которые когда-либо имела Франция», вполне соответствует его же «наилучшей из армий, которую

когда-либо имела Франция». Эта старческая chambre introuvable*, избранная под лживым предлогом, состоит почти исключительно из легитимистов и орлеанистов. Муниципальные выборы, проведенные самим Тьером 30 апреля, показывают, насколько они далеки французскому народу! Из 700000 (в круглых цифрах) муниципальных советников, выбранных в 35000 общинах, которые еще оставались у изувеченной Франции, 200 являются легитимистами, 600 — орлеанистами, 7000 — открытыми бонапартистами, а все остальные — республиканцами или сторонниками Коммуны. *(Версальский корреспондент* «Daily News» от 5 мая.) Разве нужны еще какие-либо доказательства того, что это Собрание с орлеанистской мумией Тьером во главе представляет собой узурпаторское меньшинство?

Париж

Г-н Тьер не переставал изображать Коммуну как орудие кучки «каторжников», «преступников», подонков Парижа. Но эта «кучка» отъявленных преступников вот уже больше шести недель дает отпор «наилучшей из армий, которую когда-либо имела Франция», предводительствуемой непобедимым Мак-Магоном и вдохновляемой гением самого Тьера!

Тьер опровергнут не только подвигами парижан. Высказались все слои парижского населения.

«Не следует смешивать парижское движение с захватом Монмартра, который послужил для него только поводом и исходным пунктом; это движение является общим и глубоко коренится в сознании Парижа; большинство даже тех, кто по той или иной причине держится в стороне от него, не отрицает все же его социальной обоснованности».

Чьи это слова? *Делегатов синдикальных палат,* людей, говорящих от имени 7—8 тысяч купцов и промышленников. Они отправились в Версаль, чтобы сказать ему это... *Лига республиканского союза... манифестация франкмасонов*[409] и т. д.

Провинция

Les provinciaux espiegles**.

Если бы Тьер хоть на мгновение вообразил себе, что провинция действительно враждебна парижскому движению, он сделал бы все, что было в его силах, для того чтобы предоставить ей всяческую возможность ознакомиться с этим движением и всеми «его ужасами». Он попросил бы ее взглянуть на это движение в его неприкрашенной действительности, убедиться

* — бесподобная палата. *Ред.*
** — проказники провинциалы. *Ред.*

собственными глазами и самой услышать о том, что оно собой представляет. Но он не сделал этого! Тьер и его «люди обороны», подобно тому как они не пропускали известий из провинции в Париж во время его осады пруссаками, пытаются окружить провинцию *стеной лжи,* чтобы удержать ее в подчинении и предотвратить там общее восстание в защиту Парижа. Провинции разрешается смотреть на Париж только сквозь версальскую *камеру-обскуру* (искажающее стекло). (Только ложь и клевета версальских газет проникают в департаменты и царят там безраздельно.) Грабежи и убийства, совершаемые 20000 «преступников», бесчестят столицу.

«*Лига* считает своим первейшим долгом осветить факты и восстановить нормальные отношения между провинцией и Парижем»[410].

Какими были эти люди в осажденном Париже, таковы они и теперь, когда сами осаждают его.

«*Ложь, как и прежде, остается их излюбленным оружием.* Они запрещают, конфискуют столичные газеты, перехватывают сообщения, вскрывают письма, так что провинции приходится довольствоваться теми известиями, которые Жюлю Фавру, Пикару и К° угодно ей сообщить, причем она не имеет возможности проверить их правильность».

Бюллетени Тьера, циркуляры Пикара, Дюфора... Плакаты в общинах. Преступная версальская печать и немцы. Маленький «Moniteur»[411]. Введение вновь паспортов для переезда с одного места в другое. Армия mouchards[*], разосланная во всех направлениях. Аресты (в Руане и других городах при прусских властях) и т. д. Тысячи полицейских комиссаров, рассеянных в окрестностях Парижа, получили от префекта полиции жандарма Валантена приказ отбирать все газеты любого направления, которые печатаются в восставшем городе, и сжигать их публично, как в лучшие времена святой инквизиции.

Правительство Тьера обратилось сперва к провинции с призывом[**] формировать батальоны национальной гвардии и посылать их в Версаль против Парижа.

«Провинция», — как пишет лиможская газета[412], — «проявила свое недовольство, отказавшись прислать батальоны добровольцев, которые просили у нее Тьер и его «помещичья палата»».

Кучка бретонских идиотов, которые сражались под белым знаменем, с нашитым на груди у каждого из них сердцем Христа из белой ткани и с боевым кличем: «Vive le Roi!»[***] — вот и вся «провинциальная» армия, собравшаяся вокруг Тьера.

[*] — шпионов. *Ред.*
[**] В рукописи над этими словами написано: «в тревоге обратилось с призывом... до того как получило от Бисмарка армию военнопленных». *Ред.*
[***] — «Да здравствует король!». *Ред.*

Выборы, «vengeur» от 6 мая[413].

Закон о печати г-на Дюфора (8 апреля) открыто направлен против «эксцессов» провинциальной печати.

Далее многочисленные аресты в провинции. Там действуют *законы о подозрительных*[414].

Идейная и полицейская блокада провинции.

23 апреля. Гавр. Муниципальный совет послал трех своих членов в Париж и Версаль с поручением предложить свое посредничество для прекращения гражданской войны на основе сохранения республики и предоставления муниципальных вольностей всей Франции... *23 апреля делегаты из Лиона приняты Пикаром и Тьером: «война во что бы то ни стало»* — таков их ответ.

Адрес лионских делегатов передан Собранию депутатом Греппо 24 апреля[415].

Муниципалитеты провинциальных городов совершили неслыханную дерзость, направив свои депутации в Версаль, чтобы обратиться к версальцам с призывом удовлетворить требования Парижа. Ни одна община Франции не послала адреса, одобряющего действия Тьера и «помещичьей палаты». Провинциальные газеты, подобно этим муниципальным советам, как Дюфор жалуется в *своем циркуляре против примирения, направленном генеральным прокурорам,*

«ставят на одну доску Собрание, выбранное на основе всеобщего избирательного права, и самозванную Парижскую Коммуну; упрекают первое в том, что оно не признает муниципальных прав Парижа и т. д.»

и — что еще хуже — эти муниципальные советы, например, *совет города Оша,*

«единодушно требуют, чтобы оно *немедленно предложило перемирие Парижу* и чтобы Собрание, выбранное 8 февраля, распустило себя ввиду истечения срока его полномочий». *(Дюфор, Версальское собрание, 26 апреля.)*

Следует помнить, что это были старые муниципальные советы[416], а не те, которые были выбраны 30 апреля. Их делегации были так многочисленны, что Тьер решил больше не принимать их лично, а направлять к одному из своих министерских помощников.

Наконец, выборы 30 апреля — окончательный приговор Собранию и тем выборам, захватившим Францию врасплох, в результате которых оно возникло. Если, таким образом, провинция оказывала до сих пор только пассивное сопротивление Версалю, не поднимая восстания в защиту Парижа, то это объясняется тем, что старые власти все еще сохранили

там опорные пункты, а также и тем, что империя повергла провинцию в состояние транса, а война удерживала ее в этом состоянии. Очевидно, что только версальская армия, версальское правительство и китайская стена лжи стоят между провинцией и Парижем. Если эта стена падет, то провинция объединится с Парижем.

В высшей степени характерно, что те же самые люди (Тьер и К°), которые в мае 1850 г. упразднили с помощью парламентского заговора *всеобщее избирательное право* (Бонапарт помогал им, чтобы заманить их в ловушку, держать их всецело в своей власти и после coup d'etat объявить, что именно он восстанавливает всеобщее избирательное право вопреки партии порядка и ее Собранию), потому что при республике оно могло все же привести к неугодным им результатам, характерно, что эти люди теперь являются его фанатическими приверженцами, используют его в качестве обоснования «законности» своей власти в борьбе против Парижа, после того, как при Бонапарте всеобщее избирательное право было организовано таким образом, что сделалось простой игрушкой в руках исполнительной власти, простой машиной обмана, неожиданных махинаций и подлогов со стороны исполнительной власти. *(Съезд Союза городов) («Rappel», 6 мая!)*[417].

Трошю, Жюль Фавр и Тьер, провинциалы

Может возникнуть вопрос, каким образом эти устарелые парламентские шуты и интриганы, вроде Тьера, Фавра, Дюфора, Гарнье-Пажеса (лишь с небольшим подкреплением из нескольких негодяев того же сорта), все еще продолжают, после каждой революции, вновь всплывать на поверхность и узурпировать исполнительную власть? Как удается добиться этого людям, которые всегда используют в своих интересах и предают революцию, расстреливают народ, осуществивший ее, и отнимают немногие либеральные уступки, отвоеванные у прежних правительств? (Против которых они же сами выступали.)

Дело объясняется очень просто. Прежде всего, если они очень непопулярны, как было с Тьером после февральской революции, они остаются целы благодаря великодушию народа. После каждого успешного восстания народа его неумолимые враги поднимают крик о примирении, и народ, охваченный энтузиазмом ввиду своей собственной победы, в первую минуту подхватывает этот крик.. После этой первой минуты люди, подобные Тьеру и Дюфору, сознательно остаются в тени, пока материальная сила находится в руках народа, и делают свое дело исподтишка. Они вновь появляются на сцене, как только

народ оказывается обезоруженным, и тогда буржуазия приветствует их как своих chefs de file*.

Или же, подобно Фавру, Гарнье-Пажесу, Жюлю Симону и т. д. (с добавлением нескольких более молодых людей того же сорта) и подобно самому Тьеру после 4 сентября, их рассматривают как «респектабельную» республиканскую оппозицию при Луи-Филиппе; позднее — парламентскую оппозицию при Луи Бонапарте. Реакционные режимы, которым они сами положили начало, когда были подняты к власти революцией, обеспечивают им пребывание в рядах оппозиции, между тем как подлинных революционеров ссылают, убивают, обрекают на изгнание. Народ забывает об их прошлом, буржуазия смотрит на них как на своих людей, их подлое прошлое забыто, — и таким образом они появляются снова, чтобы снова начать свое предательское и гнусное дело.

Ночь с 1 на 2 мая: деревня Кламар была в руках войск, железнодорожная станция — в руках восставших (эта станция господствует над фортом Исси). Внезапно там появляется 22-й батальон стрелков (его патрули, которым *предательски выдали пароль,* были пропущены часовым), нападает врасплох на гарнизон, в то время, когда большинство восставших спало в своих постелях, берет только 60 человек в плен и *закалывает штыками 300 восставших.* К тому же солдаты линейных полков были потом расстреляны без всякого суда. *Тьер в своем циркуляре от 2 мая к префектам, гражданским и военным властям* имеет наглость заявить:

«Она» (Коммуна) «арестовывает генералов» (Клюзере!) «лишь для того, чтобы расстрелять их, и учреждает Комитет общественного спасения из совершенно недостойных лиц!»

Войска, которыми командовал генерал Лакретель, взяли в результате coup de main** *редут Мулен-Саке,* расположенный между фортом Исси и Монружем. Гарнизон был захвачен врасплох вследствие измены коменданта *Гальена,* который за деньги сообщил пароль версальским войскам. 150 коммунаров было заколото штыками, свыше 300 взято в плен. Г-н Тьер, — говорит корреспондент «Times», — был слаб, когда требовалась твердость (этот трус всегда слаб, *когда он видит опасность для самого себя),* и стал тверд, когда всего можно было достигнуть несколькими уступками. (Этот негодяй всегда тверд, когда

* — вожаков. *Ред.*
** — внезапного удара, внезапного нападения. *Ред.*

применение материальной силы обескровливает Францию и позволяет ему встать в величественную позу, между тем как он лично находится в безопасности. В этом вся его премудрость. Тьер, — говоря словами Антония, — «честный человек»[*].)

Бюллетень *Тьера* по поводу *Мулен-Саке* (4 мая):

«Освобождение Парижа от угнетающих его отвратительных тиранов». («Версальцы были переряжены в национальных гвардейцев»); («большинство коммунаров спало и было убито или захвачено во время сна»).

Пикар: «Наша артиллерия не бомбардирует, — но, правда, обстреливает» («Moniteur des communes», газета Пикара).

«Бланки, заключенный умирающим в темницу, Флуранс, изрубленный жандармами, Дюваль, расстрелянный по приказу Винуа, держали их в своих руках 31 октября и ничего им не сделали».

[*] Шекспир. «Юлий Цезарь», акт III, сцена вторая (слова Антония о Бруте). *Ред.*

КОММУНА

1. МЕРОПРИЯТИЯ В ПОЛЬЗУ РАБОЧЕГО КЛАССА

Отменена *ночная работа булочников* (20 апреля). В государственных и частных мастерских уничтожена *частная юрисдикция,* узурпированная владельцами фабрик и т. д. (фабрикантами) (крупными и мелкими *предпринимателями},* которые являлись одновременно судьями, исполнителями приговоров, сторонами в спорах и неизменно выигрывали дело,— уничтожено их право иметь *свой собственный уголовный кодекс,* позволявший им грабить у трудящихся заработную плату посредством *штрафов, вычетов,* производившихся под видом наказания, и т. д.; наказания, грозящие предпринимателям за нарушение этого закона; *штрафы и вычеты,* взысканные после 18 марта, должны быть выплачены рабочим обратно (27 апреля). Приостановлена продажа вещей, заложенных в ломбардах (29 марта).

Очень многие мастерские и фабрики в Париже закрылись, так как их владельцы бежали. Это — старый метод капиталистов-промышленников, считающих себя в праве, «в силу стихийного действия законов политической экономии», не только извлекать прибыль из труда рабочих, рассматривая это как условие труда, но и совершенно приостанавливать работу и выбрасывать рабочих на мостовую, чтобы вызывать искусственный кризис всякий раз, кбгда победоносная революция угрожает «порядку» их «системы». Коммуна, действуя очень мудро, назначила коммунальную комиссию, которая в сотрудничестве с делегатами от различных отраслей промышленности должна определить способ передачи покинутых фабрик и мастерских кооперативным рабочим обществам, с уплатой некоторой компенсации бежавшим капиталистам (16 апреля); (этой комиссии поручено также вести статистический учет покинутых мастерских).

Коммуна предписала мэриям не делать различия при выплате пособия в 75 сантимов между так называемыми незаконными женами и матерями и вдовами национальных гвардейцев.

Проститутки, содержавшиеся до сих пор в Париже для «людей порядка», находились, ради «безопасности» последних, в личной рабской зависимости, будучи всецело во власти полиции. Коммуна освободила проституток от этого унизительного рабства, но вместе с тем смела прочь самую почву, на которой расцветает проституция, и тех мужчин, благодаря которым она расцветает. Проститутки более высокого ранга — кокотки — были, впрочем, при режиме порядка не рабынями, а госпожами полиции и правителей.

У Коммуны не было, конечно, времени реорганизовать народное просвещение (образование); но, очистив его от религиозных и клерикальных элементов, Коммуна положила начало умственному раскрепощению народа. Она назначила комиссию для организации обучения (начального (элементарного) и профессионального) (28 апреля). Она постановила, чтобы все учебные пособия, такие как книги, карты, бумага и т. д., — выдавались бесплатно школьными учителями, которые должны в свою очередь получать их от соответствующих мэрий. Учителям ни под каким видом не разрешается взимать с учеников плату за эти учебные пособия *(28 апреля)*.

Ломбарды: по всем ломбардным квитанциям, выданным до 25 апреля 1871 г., заложенные одежда, мебель, белье, книги, постельные принадлежности и орудия труда, стоимостью не выше 20 франков, могут быть истребованы обратно без выкупа, начиная с 12 мая *(7 мая)*.

2. МЕРОПРИЯТИЯ В ИНТЕРЕСАХ РАБОЧЕГО КЛАССА, НО ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В ИНТЕРЕСАХ СРЕДНИХ КЛАССОВ

Квартирная плата за последние 3 квартала до апреля полностью аннулируется: всякий уплативший какую-либо сумму за любой из этих кварталов, имеет право зачесть ее в счет будущих платежей. Этот закон распространяется и на меблированные помещения. Никакие требования домовладельцев о выселении жильцов не будут иметь силу в течение ближайших 3 месяцев *(29 марта)*.

Echeances (оплата векселей, по которым наступил срок платежа) *(истечение сроков векселей):* все иски за просроченные векселя приостанавливаются *(12 апреля)*.

Все платежи по торговым обязательствам этого рода должны быть произведены в течение 2 лет (уплата производится в рас-

срочку), начиная с 15 июля, без начисления процентов на сумму долга. Общая сумма долга разделяется на 8 *равных частей, выплачиваемых по триместрам* (первый триместр начинается с 15 июля). Судебное преследование допускается только в том случае, если эти частичные платежи не внесены в срок *(16 апреля).* Законы Дюфора об арендной плате и векселях влекли за собой банкротство большинства добропорядочных парижских торговцев.

Нотариусы, судебные приставы, их помощники, аукционисты и прочие судейские чиновники, наживавшие до сих пор состояния, используя свои должности, превращены в служащих Коммуны, получающих от нее установленную заработную плату, подобно другим рабочим.

Так как профессора Медицинской школы бежали из Парижа, то Коммуна назначила комиссию для основания *вольных университетов,* уже не являющихся государственными паразитами; студентам, сдавшим экзамен, предоставляется возможность практиковать без докторского звания (звание должно даваться факультетом).

Так как судьи *гражданского суда департамента Сены,* всегда готовые, подобно остальным судьям, работать при любом классовом правительстве, бежали из Парижа, то Коммуна назначила особого адвоката для ведения наиболее неотложных дел впредь до реорганизации судов на основе всеобщего избирательного права *(26 апреля).*

3. МЕРОПРИЯТИЯ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Отменен рекрутский набор. В нынешнюю войну должен служить всякий пригодный к военной службе человек (в национальной гвардии). Эта мера — превосходный способ избавиться от всех изменников и трусов, скрывающихся в Париже *(29 марта).*

Запрещены азартные игры (2 апреля).

Церковь отделена от государства; ликвидирован бюджет на религиозные цели; все церковные имущества объявлены национальной собственностью *(3 апреля).*

Коммуна, произведя расследования на основании частных сведений, выяснила, что *«правительство порядка»,* не довольствуясь старой гильотиной, распорядилось изготовить новую (более удобную и портативную) и заранее за нее заплатило. Коммуна приказала публично сжечь 6 апреля обе гильотины, старую и новую. Версальские газеты, которым вторила пресса «порядка» во всем мире, изобразили дело так, будто эти гильотины

были сожжены парижским народом в знак протеста против кровожадности коммунаров! *(6 апреля.)* После революции 18 марта все политические заключенные были немедленно освобождены. Но Коммуна знала, что при *режиме Луи Бонапарта,* и его достойного преемника — правительства обороны многие были брошены в тюрьму без всякого обвинения, просто как подозрительные в политическом отношении. Поэтому она поручила одному из своих членов — Прото — провести расследование. Он освободил 150 человек, которые находились в заключении уже полгода, но по делу которых не было проведено какого-либо судебного следствия; многие из них, арестованные еще при Бонапарте, находились в тюрьме в течение года без предъявления им какого-либо обвинения и без судебного следствия *(9 апреля).* Этот факт, столь характерный для правительства обороны, привел его в ярость. Оно стало утверждать, что Коммуна выпустила на волю всех преступников. Но кто действительно выпустил осужденных преступников? Подделыватель документов Жюль Фавр. Едва захватив власть, он поспешил освободить *Пика и Тайфера,* осужденных за кражу и подлог в связи с историей с газетой «Etendard». Один из этих господ, Тайфер, был настолько дерзок, что вернулся в Париж, но был водворен обратно в приличествующее ему помещение. Но этого мало. Версальское правительство выпустило воров из *Maisons Centrales*[*] по всей Франции на том условии, что они вступят в армию г-на Тьера!

Декрет о разрушении Вандомской колонны как

«памятника варварства, символа грубой силы и ложной славы, как утверждения милитаризма и отрицания международного права» *(12 апреля)*[418].

Избрание Франкеля (немца, члена Интернационала) в состав Коммуны объявлено действительным: «ввиду того, что знамя Коммуны есть знамя всемирной республики и что членами ее могут быть и иностранцы» *(4 апреля)*[419]; несколько позже Франкель выбран в члены Исполнительной комиссии Коммуны *(21 апреля).*

«Journal Officiel» начал публикацию отчетов о заседаниях Коммуны *(15 апреля).*

Декрет Паскаля Груссе о защите иностранцев от реквизиций. Ни одно правительство в Париже никогда не было так обходительно с иностранцами *(27 апреля).*

Коммуна отменила политическую и профессиональную присяги *(4 мая).*

[*] — центральных тюрем. *Ред.*

Разрушение памятника, именуемого «Часовней во искупление казни Людовика XVI», на улице д'Анжу-Сент-Оноре (воздвигнута «chambre introuvable» 1816 г.) *(7 мая).*

4. МЕРЫ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Разоружение «лояльных» национальных гвардейцев *(30 марта).*

Коммуна объявляет о несовместимости пребывания в ее рядах с занятием места в Версальском собрании *(29 марта).*

Декрет о репрессиях. Никогда не был приведен в исполнение. Арестованы только духовные лица: *парижский архиепископ и священник церкви Ла-Мадлен,* вся головка колледжа иезуитов, настоятели всех главнейших церквей; *одни из этих лиц арестованы* в качестве заложников, другие — как находящиеся в заговоре с Версалем, третьи — за попытки спасти церковное имущество от изъятия его Коммуной *(6 апреля).*

«Монархисты ведут войну как дикари; они расстреливают пленных, убивают раненых, обстреливают перевязочные пункты; их войска поднимают винтовки в воздух прикладами вверх и потом предательски открывают огонь» *«прокламация Коммуны»*[420].

По поводу этих декретов о репрессиях надо отметить следующее:

Во-первых, все слои парижского населения — после того как капиталисты, тунеядцы и паразиты выехали из Парижа — обращались в Версаль с требованием прекратить гражданскую войну, *за исключением парижского духовенства.* Архиепископ и священник церкви Ла-Мадлен писали Тьеру, когда уже были заложниками, только потому, что не хотели *«пролития их собственной крови».*

Во-вторых, после опубликования Коммуной декрета о репрессиях, о взятии заложников и т. д., зверское обращение с версальскими пленными со стороны овечек Пьетри и жандармов Валантена не прекратилось, но убийства захваченных в плен парижских солдат и национальных гвардейцев были приостановлены, а затем возобновились с еще большей яростью, как только версальское правительство убедилось, что Коммуна слишком гуманна, чтобы привести в исполнение свой декрет от 6 апреля. Тогда массовые убийства начались снова. Коммуна не казнила ни одного заложника, ни одного пленного; даже несколько жандармских офицеров, которые как шпионы проникли в Париж в мундирах национальных гвардейцев, были только арестованы, но не казнены.

Неожиданное нападение на редут Кламар (2 мая). *Железнодорожная станция была в руках парижан,* резня, закалывают штыками, 22-й батальон стрелков *(Галиффе?)* расстреливает солдат линейных полков на месте, не соблюдая никаких формальностей *(2 мая). Редут Мулен-Саке,* расположенный между фортом Исси и Монружем, захвачен внезапно ночью вследствие измены коменданта *Гальена,* который за деньги сообщил пароль версальским войскам. Коммунары, захваченные врасплох спящими в своих постелях, большей частью перебиты. *(4 мая?)*

25 апреля четыре национальных гвардейца (это установлено комиссарами, посланными в Бисетр, где находился единственный из национальных гвардейцев, оставшийся в живых в Бель-Эпине, недалеко от Вильжюифа; его фамилия *Шеффер).* Эти национальные гвардейцы были окружены конными стрелками; по требованию последних, ввиду невозможности сопротивления, они сдались и были обезоружены, причем солдаты не причинили им никакого вреда. Но затем появляется капитан стрелков и расстреливает их поодиночке из револьвера. Их оставили там лежать на земле; Шеффер, несмотря на страшную рану, выжил.

Тринадцать солдат регулярной армии, взятые в плен на железнодорожной станции Кламар, были расстреляны на месте, все прибывающие в Версаль пленные в форме линейных войск будут казнены тотчас же по выяснении их личности (версальская «Liberte»). Александр Дюма-сын, находящийся сейчас в Версале, рассказывает, что один молодой человек, выполнявший обязанности генерала, хотя и без генеральского чина, был застрелен по приказу одного бонапартовского генерала, после того как прошел под конвоем несколько сот ярдов по дороге... Жандармы окружают дома, в которых укрываются парижские войска и национальные гвардейцы, обливают эти дома керосином и затем поджигают их. Несколько трупов национальных гвардейцев (обугленных) были доставлены санитарным отрядом прессы в квартале Терн («Mot d'Ordre», 20 апреля). «Они не имеют права на лазареты».

Тьер. Бланки. Архиепископ. Генерал Шанзи. (Тьер сказал, что его бонапартисты предпочли бы быть расстрелянными.)

Обыски в домах и т. д. Казимир Буи назначен председателем комиссии по расследованию действий диктаторов 4 сентября *(14 апреля).* Были произведены обыски в частных домах и конфискованы бумаги, но никаких вещей при этом не забирали и не продавали с молотка. (Конфискованы бумаги лиц, причастных к 4 сентября, Тьера и т. д. и бонапартовских полицейских.) Например, в особняке *Лафона,* главного инспектора тюрем *(11 ап-*

реля). Произведены обыски в домах (собственных) Тьера и К°, как изменников, но конфискованы *только бумаги.*

Аресты в своей собственной среде.. Это особенно шокирует буржуа, которому непременно нужны политические идолы и «великие люди».

«Раздражает» («Daily News», 6 мая. Корреспонденция из Парижа) «и отталкивает то, что, какова бы ни была власть Коммуны, она все время переходит из рук в руки, и мы не знаем сегодня, кому будет принадлежать власть завтра... Во всех этих вечных переменах более чем когда-либо можно видеть отсутствие направляющей руки. Коммуна представляет собой собрание равноценных атомов, из которых каждый относится с недоверием к другому и *ни один не наделен верховной властью над всеми остальными».*

Закрытие газет!

5. ФИНАНСОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

См. «Daily News», 6 мая.

Главные расходы на войну!

Только 8928 франков получено от конфискаций, причем все это взято у духовных лиц и т. д. «Vengeur», 6 мая.

КОММУНА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНЫ И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Коммуна после Седана была провозглашена в Лионе, затем в Марселе, Тулузе и т. д. Гамбетта приложил все усилия, чтобы подавить ее[421].

Различные движения в Париже в начале октября имели целью установление Коммуны как средства защиты против иноземного нашествия, как осуществление задач восстания 4 сентября. Движение 31 октября не привело к установлению Коммуны только потому, что Бланки, Флуранс и другие тогдашние вожди движения поверили gens de paroles*, давшим parole d'honneur** отказаться от власти и уступить место Коммуне, свободно выбранной всеми округами Парижа. Движение 31 октября закончилось неудачей потому, что его вожди спасли жизнь этих людей, жаждавших убить своих спасителей. Как только они позволили Трошю и Ферри ускользнуть, последние неожиданно бросили на них бретонцев Трошю. Следует помнить, что 31 октября самозванное «правительство обороны» существовало только благодаря терпению народа. Оно даже не проделало еще фарса с плебисцитом[422]. При таких обстоятельствах легче всего было, конечно, представить характер движения в ложном свете, опорочить его как изменнический заговор с пруссаками, использовать уход в отставку единственного среди них человека, не захотевшего нарушить свое слово***, для назначения Клемана Тома главнокомандующим национальной гвардии, чтобы таким образом укрепить силы бретонцев Трошю, бывших для правительства обороны тем же, чем корсиканские spadassins**** были для Луи Бонапарта. Для этих людей, столь опытных в распространении паники,

* — людям слова. *Ред.*
** — честное слово. *Ред.*
*** — Тамизье. *Ред.*
**** — бандиты. *Ред.*

легче всего было, апеллируя к трусливым опасениям мелкой буржуазии, которые вызывали у нее рабочие батальоны, взявшие инициативу в свои руки, сеять под видом призыва к патриотизму взаимное недоверие и разлад среди самих этих рабочих батальонов, и создать таким образом один из тех моментов слепой реакции и пагубных раздоров, с помощью которых они всегда ухитрялись удерживать за собой узурпированную ими власть. Подобно тому как 4 сентября они пробрались к власти, захватив народ врасплох, так теперь они получили возможность дать этой власти фиктивную санкцию посредством плебисцита чисто бонапартистского образца времен реакционного террора.

Если бы в начале ноября 1870 г. в Париже победу одержала Коммуна (когда ей уже было положено начало в других больших городах страны, примеру которых несомненно последовала бы вся Франция), то не только дело обороны было бы вырвано из рук изменников и оборона велась бы с тем энтузиазмом, которым преисполнена героическая борьба Парижа, но и совершенно изменился бы весь характер войны. Она превратилась бы в войну республиканской Франции, поднимающей знамя социальной революции XIX века, против Пруссии, этого знаменосца завоеваний и контрреволюции. Вместо того, чтобы посылать старого тертого интригана обивать пороги всех европейских дворов, Коммуна наэлектризовала бы трудящиеся массы Старого и Нового света. *Мошенническим срывом* Коммуны 31 октября Жюль Фавр и К° обеспечили капитуляцию Франции перед Пруссией и положили начало нынешней гражданской войне.

Одно во всяком случае ясно: революция 4 сентября была не только восстановлением республики, провозглашенной потому, что место узурпатора опустело после его капитуляции при Седане, она не только отвоевала эту республику у иноземных завоевателей длительным сопротивлением Парижа, хотя он и сражался под командой ее же врагов, — эта революция проложила себе путь к сердцу рабочего класса. Республика перестала быть названием чего-то отошедшего в прошлое. Она несла в своем чреве новый мир. Ее истинная тенденция, скрытая от глаз всего мира обманами, ложью и вульгарными извращениями банды погрязших в интригах адвокатов и краснобаев, снова и снова выступала наружу в повторяющихся вспышках движения парижского рабочего класса (и рабочих юга Франции), лозунг которых всегда был один и тот же: *Коммуна!*

Коммуна, эта положительная форма революции против империи и условий ее существования, — первая попытка

создания которой была сделана в городах Южной Франции, которая затем вновь и вновь провозглашалась при вспышках движения во время осады Парижа и мошеннически срывалась ловкими маневрами правительства обороны и бретонцами Трошю, героя «плана капитуляции», — была, наконец, победоносно установлена 26 марта. Но она не возникла внезапно в этот день. Она была неизменной целью рабочей революции. Капитуляция Парижа, открытый заговор против республики в Бордо, coup d'etat, начавшийся с ночного нападения на Монмартр, сплотили вокруг борьбы за Коммуну все живые элементы Парижа, не позволяя «людям обороны» далее сводить ее к одним только изолированным усилиям наиболее сознательной и революционной части рабочего класса Парижа.

Правительство обороны терпели лишь как pis aller* в первую минуту неожиданности, как военную необходимость. Истинным ответом народа Парижа на Вторую империю, империю лжи, была Коммуна.

Таким образом восстание против правительства обороны всего, что было живого в Париже, — за исключением столпов бонапартизма и его официальной оппозиции, крупных капиталистов, финансовых дельцов, мошенников, тунеядцев и старых государственных паразитов, — началось не 18 марта, хотя в этот день оно одержало свою первую победу над заговором; оно берет свое начало с 28 января, с самого дня капитуляции! Национальная гвардия, то есть все вооруженное мужское население Парижа, организовалась и действительно управляла Парижем начиная с этого дня, независимо от узурпаторского правительства capitulards, созданного с соизволения Бисмарка. Она отказалась выдать свое оружие и свою артиллерию, которые составляли ее собственность и только поэтому были оставлены ей согласно условиям капитуляции. Не великодушие Жюля Фавра спасло это оружие от Бисмарка, а готовность вооруженного Парижа сражаться за свое оружие против Жюля Фавра и Бисмарка. Ввиду иноземного нашествия и мирных переговоров Париж не захотел усложнять положение. Он страшился гражданской войны. Он придерживался чисто оборонительной позиции и довольствовался тем, что в нем de facto** осуществляется самоуправление. Но он спокойно и упорно организовывался для сопротивления. (Даже в условиях самой капитуляции capitulards недвусмысленно обнаружили свое стремление превратить эту сдачу Франции

* — средство, к которому прибегают на худой конец. *Ред.*
** — фактически. *Ред.*

Пруссии в то же время в средство для подчинения Парижа своему господству. Единственная уступка, которой они домогались у Пруссии и которую Бисмарк навязал бы им как условие, если бы они не вымаливали ее как уступку, — это были 40000 солдат для усмирения Парижа. При наличии национальной гвардии в 300000 человек, — количество более чем достаточное для того, чтобы обезопасить Париж от всяких попыток вторгшегося врага захватить его и для охраны его внутреннего порядка, — требование этих 40000 солдат не могло иметь иной цели, о чем впрочем и было открыто заявлено.) Свою существующую военную организацию Париж дополнил политической федерацией, построенной по очень простому плану. Это был союз всех национальных гвардейцев, связанных друг с другом *через делегатов* от каждой роты, которые, со своей стороны, выбирали батальонных делегатов, а те в свою очередь — главных делегатов, командиров легионов, каждый из которых представлял свой округ и действовал согласованно с делегатами 19 остальных округов. Эти 20 делегатов, выбранные большинством батальонов национальной гвардии, составили *Центральный комитет,* который 18 марта начал величайшую революцию нашего века и до сих пор стоит на своем посту в нынешней славной борьбе Парижа. Никогда выборы не производились более тщательно, никогда делегаты не представляли с такой полнотой масс, из которых они сами вышли. На возражения посторонних, что это неизвестные лица, — и действительно они известны лишь рабочему классу, это не старые фигляры, не люди, прославившиеся своим подлым прошлым, своей погоней за доходами и местами, — члены Центрального комитета гордо отвечали: «Так же неизвестны были 12 апостолов», — и они отвечали своими делами.

ХАРАКТЕР КОММУНЫ

Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими, церковными и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии как оружие нарождавшегося современного общества в его борьбе за освобождение от феодализма. Сеньоральные привилегии средневековых баронов, городов и духовенства были превращены в атрибуты единой государственной власти, которая заменила феодальных сановников получающими жалованье государственными чиновниками, передала оружие из рук средневековой челяди феодалов

и корпораций горожан в руки постоянной армии, создала вместо пестрой (беспорядочной) анархии соперничающих средневековых властей упорядоченный план государственной власти с систематическим и иерархическим разделением труда. Первая французская революция, поставившая себе задачу создать единство нации (создать нацию), должна была уничтожить всякую местную, территориальную, городскую и провинциальную независимость. Она была поэтому вынуждена развить далее то, что было начато абсолютной монархией, то есть централизацию и организацию государственной власти, и расширить объем и атрибуты этой власти, число ее пособников, ее независимость и ее сверхъестественное господство над действительным обществом — господство, которое фактически заменило собой средневековое сверхъестественное небо сего святыми. Всякий второстепенный отдельный интерес, порождаемый взаимоотношениями социальных групп, отрывался от самого общества, фиксировался и делался независимым от него и противопоставлялся ему в форме государственного интереса, обслуживаемого государственными жрецами с точно установленными иерархическими функциями.

Этот паразитический нарост на гражданском обществе, выдающий себя за его идеального двойника, достиг своего полного развития при господстве первого Бонапарта. Реставрация и Июльская монархия не прибавили к нему ничего, кроме большего разделения труда, увеличивавшегося по мере того, как разделение труда внутри гражданского общества создавало новые группы интересов и, следовательно, новые объекты для деятельности государства. В своей борьбе против революции 1848 г. парламентарная республика во Франции и все правительства континентальной Европы были вынуждены усилить, вместе с репрессивными мерами против народного движения, также и средства действия и централизацию этой правительственной власти. Таким образом, все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар. Фракции и партии господствующих классов, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали овладение (контроль) (захват) и управление этой огромной правительственной машиной как главную добычу при своей победе. В центре ее деятельности было создание громадных постоянных армий, целых полчищ государственных паразитов и неисчислимых национальных долгов. В эпоху абсолютной монархии государственная машина была средством борьбы современного общества против феодализма, борьбы, нашедшей свое завершение во

французской революции, а при первом Бонапарте она служила не только для подавления революции и уничтожения всех народных свобод, но являлась также и орудием французской революции для нанесения удара вовне, для создания на европейском континенте, в интересах Франции, вместо феодальных монархий, государств в большей или меньшей степени по французскому образцу. Во время Реставрации и Июльской монархии она сделалась не только средством насильственного классового господства буржуазии, но и средством дополнять непосредственную экономическую эксплуатацию народа вторичной эксплуатацией его путем обеспечения за буржуазными семьями всех доходных мест в государственном хозяйстве. Наконец, в период революционной борьбы 1848 г. она служила средством уничтожения этой революции и всех стремлений народных масс к освобождению. Но своего окончательного развития это государство-паразит достигло лишь во времена Второй империи. Правительственная власть с ее постоянной армией, все регулирующей бюрократией, отупляющим духовенством и раболепной судейской иерархией стала настолько независимой от самого общества, что достаточно было смехотворно посредственного авантюриста в сопровождении голодной банды головорезов, чтобы овладеть ею. Ей уже не был нужен больше предлог в виде вооруженной коалиции старой Европы против нового мира, созданного революцией 1789 года. Она уже не выступала более как средство классового господства, подчиненное парламентскому министерству или Законодательному собранию. Попирающая даже интересы господствующих классов, парламентскую комедию которых она заменила назначаемым ею же Законодательным корпусом и оплачиваемым ею сенатом, санкционированная в своем всевластии всеобщим избирательным правом, признанная необходимой для сохранения «порядка», то есть господства землевладельцев и капиталистов над производителями, прикрывающая маскарадными лохмотьями прошлого оргии растленности в настоящем и победу наиболее паразитической группы, биржевых спекулянтов, *разнуздавшая* все реакционные силы прошлого, — кромешный ад гнусностей, — государственная власть нашла свое последнее и высшее выражение во Второй империи. На первый взгляд это была окончательная победа правительственной власти над обществом, на деле же — оргия всех растленных элементов этого общества. Непосвященным она казалась только победой исполнительной власти над законодательной, окончательным поражением той формы классового господства, которая выдает себя за самодержавие самого

общества, нанесенным ей другой его формой, которая выдает себя за власть, стоящую над обществом. На самом же деле это была лишь достигшая последней степени вырождения и единственно возможная форма этого классового господства, столь же унизительная для самих господствующих классов, как и для рабочего класса, закованного в ее цепи.

4 сентября было только восстановлением республики вопреки нелепому авантюристу, который умертвил ее. Истинной противоположностью *самой империи,* то есть государственной власти, централизованной исполнительной власти, которая во Второй империи лишь нашла свою исчерпывающую формулу, — была *Коммуна.* Эта государственная власть в действительности есть творение буржуазии, сначала как средство для уничтожения феодализма, а затем — как средство подавления освободительных стремлений производителей, рабочего класса. Все реакции и все революции служили только для передачи этой организованной власти — этой организованной силы для порабощения труда — из одних рук в другие, от одной фракции господствующих классов к другой. Государственная власть служила для господствующих классов средством порабощения и обогащения. В каждой новой перемене она черпала новые силы. Государственная власть служила орудием для подавления всякого народного восстания, а также и сопротивления рабочего класса, после того как он сражался и его использовали для того, чтобы обеспечить передачу государственной власти от одной части его угнетателей к другой. Поэтому Коммуна была революцией не против той или иной формы государственной власти — легитимистской, конституционной, республиканской или императорской. Она была революцией против самого *государства,* этого сверхъестественного выкидыша общества; народ снова стал распоряжаться сам и в своих интересах своей собственной общественной жизнью. Коммуна не была революцией с целью передать государственную власть из рук одной части господствующих классов в руки другой, это была революция с целью разбить саму эту страшную машину классового господства. Это была не одна из мелочных стычек между парламентской формой классового господства и классового господства в форме исполнительной власти, а восстание против обеих этих форм, восполняющих друг друга, причем парламентская форма была только обманчивым придатком исполнительной власти. Вторая империя была последней формой этой узурпации, совершенной государством. Коммуна была решительным отрицанием этой государственной власти и потому началом социальной революции

XIX века. И поэтому, какова бы ни была ее судьба в Париже, она обойдет *весь мир.* Рабочий класс Европы и Соединенных Штатов Америки сразу же приветствовал Коммуну как волшебное слово освобождения. Слава прусского завоевателя и его допотопные подвиги стали выглядеть только призраками далекого прошлого.

Только рабочий класс мог сформулировать в слове «Коммуна» и впервые воплотить в жизнь в борющейся Парижской Коммуне это новое устремление. Даже последнее выражение этой государственной власти — Вторая империя, — хотя она и была унизительна для гордости господствующих классов и развеяла все их парламентские притязания на самоуправление, — была только последней возможной формой их классового господства. Хотя Вторая империя и лишила их прежнего политического положения, она была оргией, при которой все экономические и социальные гнусности их режима получили полный простор. Средняя буржуазия и мелкая буржуазия в силу экономических условий своего существования были неспособны начать новую революцию и были вынуждены идти либо за господствующими классами, либо за рабочим классом. Крестьяне были пассивной экономической базой Второй империи, этого последнего торжества *государства,* оторванного от общества и независимого от него. Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества, — задачей уничтожения всех классов и классового господства — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, централизованную и организованную правительственную власть, ставшую путем узурпации господином общества вместо того, чтобы быть его слугой. Вторая империя — это последнее увенчание и в то же время самое отъявленное проституирование государства, занявшего место средневековой церкви, — возникла, опираясь на пассивную поддержку крестьянства, в активной борьбе, которую вели против пролетариев господствующие классы. Вторая империя возникла против пролетариев. И ими же она была сломлена, не как особая форма правительственной (централизованной) власти, а как ее наиболее мощное выражение, принявшее вид ее кажущейся независимости от общества, и именно поэтому ставшей ее наиболее проституированной реальностью, покрытой позором сверху донизу, получившей свое концентрированное выражение в полнейшей коррупции внутри страны и в полнейшем бессилии вовне.

Но после крушения этой формы классового господства исполнительная власть, правительственная государственная

машина, сделалась главным и единственным объектом, против которого направились удары революции.

Парламентаризм во Франции пришел к концу. Его последним периодом и наиболее полным господством была парламентарная республика с мая 1848 г. до coup d'etat*. Империя, умертвившая парламентаризм, была его собственным созданием. Во время империи с ее Законодательным корпусом и сенатом парламентаризм — и в этой форме он был воспроизведен в военных монархиях Пруссии и Австрии — был просто фарсом, просто придатком деспотизма в его самой грубой форме. Парламентаризм тогда умер во Франции, и уж конечно но рабочей революции воскрешать его из мертвых.

Коммуна — это обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабощающих общество, становятся его собственные живые силы; это переход власти к самим народным массам, которые на место организованной силы их угнетения создают свою собственную силу; это политическая форма их социального освобождения, занявшая место искусственной силы общества (присвоенной себе их угнетателями) (их собственной силы, противопоставленной им и организованной против них же), используемой для их же угнетения их врагами. Эта форма была проста, как все великое. В противоположность прежним революциям, когда время, нужное для всякого исторического развития, в прошлом всегда бывало упущено, и в первые же дни народного торжества, как только народ сдавал свое победоносное оружие, это оружие направлялось против него же самого, — Коммуна прежде всего заменила армию национальной гвардией.

«Впервые с 4 сентября республика освобождена от *правительства своих врагов...* В городе национальная милиция, защищающая граждан от власти (правительства), *вместо постоянной армии, защищающей правительство от граждан». (Воззвание* Центрального комитета от 22 марта.)[423]

(Народу надо было только организовать эту милицию в национальном масштабе, чтобы покончить с постоянными армиями; это — первое экономическое conditio sine qua non** для всех социальных улучшений, сразу же устраняющее этот источник налогов и государственного долга и эту постоянную опасность правительственной узурпации классового господства — в форме обыкновенного классового господства или же в форме господства

* — государственного переворота. *Ред.*

** — необходимое условие. *Ред.*

какого-нибудь авантюриста, выдающего себя за спасителя всех классов.) Вместе с тем это вернейшая гарантия против иноземного нападения, делающая фактически невозможным дорогостоящий военный аппарат во всех других государствах; это — освобождение крестьянина от налога кровью и от обильнейшего источника всех государственных налогов и государственных долгов. Уже здесь обнаруживается, чем Коммуна должна *привлечь крестьянина,* благодаря чему она явится первым словом его освобождения. Одновременно уничтожена «независимая полиция», и ее головорезы заменены слугами Коммуны. Всеобщее избирательное право, которым до сих пор злоупотребляли либо как средством парламентского санкционирования священной государственной власти, либо как игрушкой в руках господствующих классов, когда оно использовалось народом только для того, чтобы раз в несколько лет санкционировать парламентское классовое господство (выбирать орудия этого господства), — всеобщее избирательное право приспособлено теперь согласно своему подлинному назначению для избрания коммунами своих собственных должностных лиц в области управления и законодательного почина. Исчезла иллюзия, будто административное и политическое управление — это какие-то тайны, какие-то трансцендентные функции, которые могут быть доверены только обученной касте, состоящей из государственных паразитов, щедро оплачиваемых сикофантов и любителей синекур, касте, впитывающей в себя образованные элементы масс — на высоких постах и направляющей их против самих же масс — на низших ступенях иерархической лестницы. В результате того, что полностью уничтожена вся государственная иерархия и надменные господа народа заменены его сменяемыми в любую минуту слугами, показная ответственность заменена действительной, поскольку их деятельность проходит под постоянным общественным контролем. Они оплачиваются как квалифицированные рабочие, получая 12 ф. ст. в месяц; высший размер вознаграждения не превышает 240 ф. ст. в год, что, по словам крупного авторитета в науке, профессора Гексли, чуть превышает одну пятую часть жалованья, которым удовлетворился бы секретарь лондонского школьного совета. Весь хлам государственных тайн и государственных притязаний был выметен вон Коммуной, состоявшей главным образом из простых рабочих, которые организовали оборону Парижа, вели войну против преторианцев Бонапарта, снабжали продовольствием этот огромный город, занимали все посты, распределявшиеся до тех пор между правительством, полицией и префектурой; при этом они делали свое дело открыто, просто,

в исключительно трудной и сложной обстановке, и делали его так же, как Мильтон писал свой «Потерянный рай», то есть за очень скромное вознаграждение, действуя на глазах у всех, не претендуя на непогрешимость, не скрываясь за канцелярской канителью, не стыдясь сознаваться в своих ошибках, исправляя их. Они сразу же сделали общественные функции, военные, административные, политические, которые были скрытыми атрибутами обученной касты, — *действительно функциями рабочих;* (поддерживали порядок в бурях гражданской войны и революции), (предприняли меры для общего возрождения). Каковы бы ни были достоинства отдельных мероприятий Коммуны, ее величайшим мероприятием было создание самой Коммуны, которая возникла в такое время, когда иноземный враг стоял у одних ворот, а классовый враг у других, которая доказывает своим существованием свою жизнеспособность и подтверждает свои теории своими делами. Ее появление было победой над победителями Франции. Пленный Париж одним отважным шагом вернул себе свое руководство Европой, основанное не на грубой силе, а на том, что он встал во главе социального движения и воплотил в себе чаяния рабочего класса всех стран.

Если бы все крупные города организовались в коммуны по образцу Парижа, никакое правительство не смогло бы подавить это движение внезапным натиском реакции. Даже эта подготовительная мера обеспечивала время для внутреннего развития, создавала гарантию движения. Вся Франция была бы организована в самостоятельно действующие и самоуправляющиеся коммуны, постоянная армия была бы заменена народной милицией, армия государственных паразитов ликвидирована, церковная иерархия вытеснена школьными учителями, государственные суды превращены в органы Коммуны, выборы в национальное представительство превращены из орудия шулерских проделок всемогущего правительства в сознательное выражение воли организованных коммун, государственные функции сведены к нескольким функциям по обеспечению общих национальных интересов.

Такова *Коммуна — политическая форма социального раскрепощения,* освобождения труда от узурпаторской власти (рабовладельческой власти) монополистов средств труда, созданных самими трудящимися или даруемых природой. Как государственная машина и парламентаризм не составляют действительной жизни господствующих классов, а являются лишь организованными общими органами их господства, политическими гарантиями, формами и выражениями старого порядка вещей,

Абзац из рукописи первого наброска
«Гражданской войны во Франции»

так и Коммуна — не социальное движение рабочего класса и, следовательно, не движение общего возрождения человечества, а организованное средство действия. Коммуна не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс добивается уничтожения всех классов, и следовательно всякого классового господства (ибо она не представляет чьих-либо частных интересов; она представляет освобождение «труда», то есть основного и естественного условия индивидуальной и общественной жизни, труда, который меньшинство может переложить на большинство лишь посредством узурпации, обмана и искусственных уловок), но Коммуна создает рациональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем. Коммуна могла бы повлечь за собой насильственную реакцию и вызвать столь же насильственные революции. Коммуна кладет начало *освобождению труда,* — которое является ее великой целью, — с одной стороны, тем, что уничтожает непроизводительную и вредоносную работу государственных паразитов, устраняет причины, по которым приносится в жертву огромная доля национального продукта для того, чтобы насыщать чудовище-государство, а, с другой стороны, тем, что она выполняет за заработную плату рабочего подлинную работу управления, местного и общенационального. Она начинает, таким образом, с громадной экономии, с экономической реформы так же, как с политического преобразования.

Если бы коммунальная организация прочно установилась в национальном масштабе, то катастрофами, которые ей возможно пришлось бы пережить, были бы спорадические мятежи рабовладельцев, которые, прерывая на какой-то момент дело мирного прогресса, только ускорили бы движение, вложив меч в руки Социальной Революции.

Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии классовой борьбы. Он знает, что замена экономических условий рабства труда условиями свободного и ассоциированного труда может быть только прогрессивным делом времени (это экономическое преобразование), что эти условия требуют не только изменения распределения, но и новой организации производства или, вернее, избавления (освобождения) общественных форм производства при существующем организованном труде (порожденном современной промышленностью) от пут рабства, от их нынешнего классового характера, и гармоничной национальной и интернациональной координации общественных форм производства. Рабочий класс знает, что эта работа возрождения будет снова и снова замедляться

и задерживаться сопротивлением традиционных интересов и классовых эгоизмов. Он знает, что нынешнее «стихийное действие естественных законов капитала и земельной собственности» может быть заменено «стихийным действием законов общественной экономики свободного и ассоциированного труда» только в результате длительного процесса развития новых условий, как было заменено «стихийное действие экономических законов рабства» и «стихийное действие экономических законов крепостничества». Но рабочий класс знает в то же время, что огромные шаги по этому пути могут быть сделаны сразу же благодаря политической организации в форме Коммуны и что настало время начать это движение в своих собственных интересах и в интересах человечества.

КРЕСТЬЯНСТВО

(Военная контрибуция.) Еще до установления Коммуны Центральный комитет заявил через свой «Journal Officiel»: *«Большая часть военной контрибуции должна быть уплачена виновниками войны»*[424]. В этом и заключается тот великий «заговор против цивилизации», которого больше всего боятся «люди порядка». Это сугубо практический вопрос. Если победит Коммуна, контрибуцию должны будут платить виновники войны; если победит Версаль, тогда производящие массы, уже заплатившие своей кровью, разорением и налогами, должны будут платить снова, а финансовые магнаты сумеют даже извлечь из этого дела барыши. Вопрос о покрытии военных издержек предстоит разрешить гражданской войной. Коммуна представляет в этом жизненно важном вопросе не только интересы рабочего класса, мелкой буржуазии, но в сущности всего среднего класса, за исключением *буржуазии* (богатых капиталистов), (богатых землевладельцев и их государственных паразитов). Она представляет прежде всего интересы *французского крестьянства.* Если победит Тьер и его «ruraux»[*], на плечи крестьянства будет переложена большая часть военных налогов. И еще находятся такие глупцы, которые повторяют вслед за «ruraux», что они — крупные земельные собственники — представляют крестьянина, того крестьянина, который, конечно, по простоте душевной горит желанием уплатить миллиарды военной контрибуции за этих добрых «землевладельцев», которые уже заставили его уплатить им миллиард возмещения за революцию![425]

[*] — «помещичья палата», «деревенщина», помещики. *Ред.*

Те же самые люди преднамеренно скомпрометировали февральскую республику дополнительным налогом на крестьянина в 45 сантимов[426], но тогда они сделали это именем революции, именем созданного ею «временного правительства». Теперь уже от своего собственного имени они ведут гражданскую войну с Республикой Коммуны, чтобы свалить бремя военной контрибуции со своих плеч и взвалить его на плечи крестьянина! Он будет от этого, разумеется, в полном восторге!

Коммуна отменит рекрутский набор, партия порядка навяжет крестьянину налог кровью. Партия порядка посадит на шею крестьянина сборщика податей для покрытия расходов на паразитическую и дорогостоящую государственную машину, Коммуна даст ему дешевое правительство. Партия порядка будет по-прежнему предоставлять городскому ростовщику обирать и разорять его. Коммуна освободит его от кошмара закладных, тяготеющего над его клочком земли. Коммуна заменит паразитический судебный аппарат — нотариуса, судебного пристава и т. д., — пожирающий главную часть его дохода, коммунальными служащими, которые будут работать за плату рабочего, а не обогащаться за счет крестьянского труда. Она разорвет всю эту судебную паутину, которая опутывает французского крестьянина и в которой ютятся адвокаты и мэры буржуазных пауков, высасывающих его кровь! Партия порядка по-прежнему подчинит его власти жандарма, Коммуна возвратит его к самостоятельной общественной и политической жизни! Коммуна просветит его, утвердив руководство школьного учителя, партия порядка навяжет ему отупляющее руководство священника! Но французский крестьянин — прежде всего расчетлив! Он найдет весьма разумным, если оплата духовенства не будет больше взыскиваться с него сборщиком податей, а будет зависеть от «добровольного проявления» его набожности!

Луи Бонапарт был избран французским крестьянством в президенты республики, но Вторую империю создала партия порядка (во время анонимного режима республики при Учредительном и Законодательном собраниях)! В 1849 и 1850 гг. французский крестьянин, противопоставляя своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя правительственному священнику, себя самого — правительственному жандарму, начал этим показывать, что ему нужно на самом деле. Реакционные законы партии порядка в 1849 г., и особенно в январе и феврале 1850 г.[427], по самому своему существу были специально направлены против французского крестьянства! Если французский крестьянин возвел Луи Бонапарта в президенты республики,

потому что по традиции все выгоды, извлеченные им из первой революции, он фанатически переносил на первого Наполеона, то крестьянские вооруженные восстания в некоторых департаментах Франции и жандармская охота на крестьян после coup d'état доказали, что этот самообман быстро рассеивается! Империя опиралась на искусственно поддерживаемые иллюзии и традиционные предрассудки крестьянина, Коммуна опиралась бы на его жизненные интересы и действительные потребности.

Ненависть французского крестьянина сосредоточена на помещике, на владельце замка, на том, кто получил миллиардное возмещение и на городском капиталисте в маске земельного собственника, чьи захваты крестьянской земли никогда не происходили так быстро, как при Второй империи, отчасти потому, что они искусственно поощрялись государственными мерами, отчасти потому, что они естественно вырастали из самого развития современного сельского хозяйства. Помещики знают, что три месяца господства Республики Коммуны во Франции явились бы сигналом к восстанию крестьянства и сельского пролетариата против них. Вот откуда их свирепая ненависть к Коммуне! Освобождения крестьян они боятся даже больше, чем освобождения городского пролетариата! Крестьяне вскоре провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим братом. Правда, во Франции, как и в большинстве континентальных стран, существует глубокое противоречие между городскими и сельскими производителями, между промышленным пролетариатом и крестьянством. Стремлением пролетариата, материальной основой его движения является труд, организованный в крупном масштабе, хотя в настоящее время организация труда является деспотической, и централизация средств производства, хотя они в настоящее время централизованы в руках монополиста не только как средства производства, но и как средства эксплуатации и порабощения производителя. Задача пролетариата состоит в том, чтобы преобразовать нынешний капиталистический характер этого организованного труда и этих централизованных средств труда, превратить их из орудий классового господства и классовой эксплуатации в формы свободного ассоциированного труда и в общественные средства производства. С другой стороны, труд крестьянства разъединен, и его средства производства раздроблены, распылены. На этих экономических различиях покоится в качестве надстройки целый мир различных социальных и политических взглядов. Но эта крестьянская собственность давно уже переросла свою нормальную фазу,

то есть фазу, когда она была реальностью, была способом производства и формой собственности, которые отвечали экономическим потребностям общества и ставили самих сельских производителей в нормальные условия жизни. Крестьянская собственность вступила в период своего упадка. С одной стороны, из нее вырос обширный proletariat foncier (сельский пролетариат), интересы которого совпадают с интересами городских наемных рабочих. Самый способ производства изжил себя вследствие современного развития агрономии. Наконец, сама крестьянская собственность стала номинальной, оставляя крестьянину иллюзию собственности и экспроприируя у него плоды его собственного труда. Конкуренция крупных сельских хозяев, налог кровью, государственный налог, ростовщичество городских кредиторов по закладным и всяческое обирание крестьянина с помощью судебной системы, опутывающей его со всех сторон, низвели крестьянина до положения индийского райята, в то же время повседневным фактом стала его экспроприация — экспроприация даже его номинальной собственности — и низведение его до степени сельского пролетария. Следовательно, крестьянина отделяет от пролетария уже не его действительный интерес, а вводящий его в заблуждение предрассудок. Коммуна, как мы показали, является единственной властью, которая может, даже при своем нынешнем экономическом положении, немедленно дать ему крупные блага, вместе с тем она представляет собой единственную форму правления, которая может обеспечить преобразование его нынешних экономических условий, спасти его, с одной стороны, от экспроприации крупным землевладельцем, и избавить его, с другой стороны, от каторжного труда и нищеты, на которые он обречен под предлогом мнимой собственности; она может превратить его номинальную собственность на землю в действительную собственность на плоды его труда, может сочетать для него выгоды современной агрономии,—вызванной к жизни общественными потребностями, но теперь постоянно выступающей против него как враждебная сила, — с сохранением его положения как действительно независимого производителя. Получив сразу выгоды от Республики Коммуны, он скоро проникся бы доверием к ней.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ СОЮЗ (РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ЛИГА)

Партия беспорядка, режим которой достиг своей высшей точки в обстановке коррупции Второй империи, оставила Париж (исход из Парижа), и за ней последовали ее приспешники, ее челядь, ее лакеи, ее государственные паразиты, ее

mouchards*, ее «кокотки», и вся свора низшей *богемы* (обыкновенные уголовные преступники), дополняющей собой *богему знати*. Но действительно живые элементы среднего класса, освобожденные рабочей революцией от своих лжепредставителей, впервые в истории французских революций отделились от этой партии и выступают в своем истинном виде. Это — «Лига республиканской свободы»[428], играющая роль посредника между Парижем и провинцией, отрекшаяся от Версаля и шествующая под знаменами Коммуны.

КОММУНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ВСЕХ КЛАССОВ ОБЩЕСТВА, НЕ ЖИВУЩИХ ЧУЖИМ ТРУДОМ

Мы видели, что парижский пролетарий сражается за французского крестьянина, Версаль же сражается против него, что «ruraux» больше всего боится, как бы Париж не был услышан крестьянами» как бы не исчезла разделяющая их блокада, что основной причиной их войны против Парижа является попытка удержать крестьян в кабальной зависимости и по-прежнему обращаться с ними, как со своей вещью, «taillable a merci et misericorde»**.

Впервые в истории мелкая буржуазия и средняя буржуазия открыто объединились вокруг рабочей революции и провозгласили ее единственным средством своего собственного спасения и спасения Франции! Они образуют вместе с рабочими основную массу национальной гвардии, они заседают с ними в Коммуне, они играют роль посредника в интересах рабочих в Республиканском союзе!

Главные меры, которые были предприняты Коммуной, были предприняты для спасения среднего класса — класса-должника Парижа от класса-кредитора! Этот средний класс сплотился во время июньского восстания (1848 г.) против пролетариата под знаменами капиталистического класса, его генералов и его государственных паразитов. И он тотчас же был наказан 19 сентября 1848 г., когда были отвергнуты «concordats a l'amiable»[429]. Победа над июньским восстанием сразу же оказалась вместе с тем победой кредитора, богача-капиталиста над должником, над средним классом. Кредитор беспощадно требовал своего «фунта мяса»***. 13 июня 1849 г.

* — шпионы. *Ред.*

** — бесправным низшим сословием. *Ред.*

*** Шекспир. «Венецианский купец», акт IV, сцена первая. *Ред.*

национальная гвардия этого среднего класса была разоружена и изрублена армией буржуазии! Во времена империи, когда расхищались государственные ресурсы, за счет чего жирел богач-капиталист, этот средний класс был отдан на разграбление биржевому спекулянту, железнодорожным королям, мошенническим обществам Crédit Mobilier и т. д. и был экспроприирован капиталистическими объединениями (акционерными компаниями). В политическом отношении средний класс был принижен; велось наступление на его экономические интересы, вместе с тем средний класс был морально возмущен оргиями этого режима. Гнусности войны переполнили чашу терпения и пробудили в нем чувства француза. При виде бедствий, обрушившихся на Францию в результате этой войны, при виде переживаемого ею кризиса — национального крушения и финансового разорения — средний класс чувствует, что не растленный класс, претендующий на роль рабовладельцев Франции, а единственно лишь отважные устремления и геркулесова сила рабочего класса могут принести спасение!

Средний класс чувствует, что лишь рабочий класс может освободить его от господства попов, превратить науку из орудия классового господства в народную силу, превратить самих ученых из пособников классовых предрассудков, из честолюбивых государственных паразитов и союзников капитала в свободных тружеников мысли! Наука может выполнять свою истинную роль только в Республике Труда.

РЕСПУБЛИКА ВОЗМОЖНА ЛИШЬ КАК ОТКРЫТО ПРИЗНАННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА

Нынешняя гражданская война рассеяла последние иллюзии насчет «республики», так же как империя рассеяла обманчивую иллюзию неорганизованного «всеобщего избирательного права» в руках государственного жандарма и попа. Все живые элементы Франции признают, что во Франции и в Европе республика возможна лишь как «социальная республика», то есть как республика, отнимающая у класса капиталистов и крупных землевладельцев его государственную машину, чтобы заменить ее Коммуной, которая открыто объявляет «социальное освобождение» великой целью республики и таким образом обеспечивает это социальное преобразование коммунальной организацией. Всякая другая республика может быть лишь *анонимным* террором всех монархических фракций, объединенных легитимистов, орлеанистов и бонапартистов, который приведет к империи того или иного сорта, являющейся его конечной

целью, — *анонимным* террором классового господства, который, сделав свое грязное дело, обязательно завершится империей!

Профессиональные республиканцы помещичьего Собрания — это люди, которые действительно верят, несмотря на опыт 1848—1851 гг., несмотря на гражданскую войну против Парижа, что *республиканская форма* классового деспотизма является возможной, прочной формой, тогда как партия порядка признает ее лишь как форму заговора для борьбы против республики и восстановления единственно отвечающей стремлениям этой партии формы классового деспотизма — монархии или скорее империи. В 1848 г. эти люди, по своей воле ставшие жертвами обмана, были выдвинуты на передний план, пока, в результате подавления июньского восстания, они не расчистили путь для *анонимного* господства всех фракций, претендующих на роль рабовладельцев во Франции. В 1871 г. в Версале они с самого начала отодвинуты на задний план, чтобы служить «республиканской» декорацией для власти Тьера и санкционировать своим присутствием войну бонапартовских генералов против Парижа! С бессознательной иронией по отношению к самим себе эти жалкие люди устраивают собрания своей партии в Саль-де-Пом (зале для игры в мяч), чтобы продемонстрировать, как они выродились по сравнению с их предшественниками в 1789 году![430] Они пытались через своих Шёльше и т. п. склонить Париж к выдаче своего оружия Тьеру и насильно разоружить его с помощью национальной гвардии «порядка» под командой Сессе! Мы не говорим о так называемых социалистических депутатах Парижа вроде Луи Блана. Они покорно переносят оскорбления какого-нибудь Дюфора и «ruraux», бредят «законными» правами Тьера и нытьем в присутствии бандитов покрывают себя позором!

Рабочие и Конт

Рабочие переросли времена социалистического сектантства, вместе с тем не следует забывать, что они никогда не шли на поводу у контизма. Эта секта не дала *Интернационалу* ничего, кроме *секции* в полдюжины человек, программа которой была отвергнута Генеральным Советом[431]. Конт известен парижским рабочим как пророк режима империи (личной *диктатуры)* — в политике, капиталистического господства — в политической экономии, иерархии во всех сферах человеческой деятельности, даже в сфере науки, и как автор нового катехизиса с новым папой и новыми святыми вместо старых.

Если его последователи в Англии играют более видную роль, чем его французские последователи, то не в результате того, что они проповедуют свои сектантские доктрины, а благодаря своим личным достоинствам и благодаря тому, что их секта приемлет формы пролетарской классовой борьбы, созданные без них, такие, например, как тред-юнионы и стачки в Англии, которые, между прочим, их парижские единоверцы осуждают как ересь.

КОММУНА (СОЦИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ)

В том, что рабочие Парижа взяли на себя инициативу нынешней революции и с геройской самоотверженностью выносят главные удары в этой борьбе — нет ничего нового. Это — поразительная черта всех французских революций! Это — лишь повторение прошлого! То, что революция произведена *от имени* и открыто в *интересах* народных масс, то есть производящих масс, — эта черта настоящей революции присуща также и всем ее предшественницам. Новая ее черта заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и но отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, установив *Коммуну,* он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, держать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной. Вот в чем его неслыханное преступление! Рабочие посягают на привилегию управления государством «верхних десяти тысяч» и заявляют о своем твердом намерении разрушить экономическую основу того классового деспотизма, который в своих собственных интересах распоряжался организованной государственной силой общества! Вот что привело в исступление респектабельные классы в Европе и в Соединенных Штатах Америки, вот чем объясняются их негодующие вопли о святотатстве, их яростные призывы к кровавой расправе с народом, площадная ругань и клевета с их парламентских трибун и в их лакейской прессе.

Величайшим мероприятием Коммуны является ее собственное существование, ее работа, ее деятельность в неслыханно тяжелых условиях! Красное знамя, поднятое Парижской Коммуной, в действительности увенчивает только правительство рабочих Парижа! Они ясно, сознательно провозгласили своей целью освобождение труда и преобразование общества!

Но подлинный «социальный» характер их Республики заключается лишь в том, что Парижской Коммуной управляют рабочие! Что же касается их мероприятий, то они, естественно, должны ограничиваться главным образом военной обороной Парижа и его снабжением!

Некоторые друзья-покровители рабочего класса, с трудом скрывая свое отвращение даже к тем немногим мероприятиям Коммуны, которые они считают «социалистическими», хотя в этих мероприятиях помимо их тенденции нет ничего социалистического, в то же время выражают свое удовлетворение и пытаются привлечь к Парижской Коммуне симпатии «благородных господ» великим открытием, что рабочие, в конце концов, люди разумные и что, когда бы они ни оказались у власти, они всегда решительно отворачиваются от социалистических начинаний. В самом деле, они не пытаются создать в Париже ни *фаланстер,* ни *Икарию*[432]. Мудрецы своего поколения! Эти благожелательные покровители, глубоко невежественные в том, что касается действительных стремлений и действительного движения рабочего класса, забывают об одном. Все социалисты — основатели сект принадлежат к тому периоду, когда ни рабочий класс не был еще достаточно вышколен и организован ходом развития самого капиталистического общества, чтобы выступить на мировой арене в качестве двигателя истории, ни материальные условия его освобождения не созрели в достаточной мере в недрах самого старого мира. Нищета рабочего класса существовала, но еще не существовали условия для его собственного движения. Утописты, основатели сект, ясно описав в своей критике современного общества цель социального движения — отмену системы наемного труда со всеми ее экономическими условиями классового господства, — не нашли ни в самом обществе материальных условий его преобразования, ни в рабочем классе организованной и сознательной силы движения. Отсутствие исторических условий движения они старались возместить фантастическими картинами и планами нового общества, в пропаганде которых они усматривали истинное средство спасения. С того момента как движение рабочего класса стало действительностью, фантастические утопии исчезли — не потому, что рабочий класс отказался от цели, к которой стремились эти утописты, а потому, что он нашел действительные средства для ее осуществления, — но на смену фантастическим утопиям пришло действительное понимание исторических условий движения и все больше начали собираться силы боевой организации рабочего класса. Но две конечные цели движения, провозглашенные утопистами,

являются и конечными целями, провозглашенными Парижской революцией и Интернационалом. Только средства различны, и реальные условия движения не окутаны больше туманом утопических басен. И потому эти друзья-покровители пролетариата, превратно толкуя громко провозглашенные социалистические тенденции нынешней революции, являются лишь жертвами своего собственного невежества. Не парижский пролетариат виноват в том, что для них утопические творения пророков рабочего движения все еще являются «социальной революцией», иначе говоря, что социальная революция для них все еще «утопична».

«Journal Officiel» Центрального комитета, 20 марта:

«Парижские пролетарии, видя *defaillances*[*] и измену правящих (господствующих) классов, поняли (compris), что для них пробил час, когда они должны *спасти положение, взяв в свои руки управление (заведование) общественными делами* (государственными делами)».

Они клеймят «политическую неспособность и моральную дряхлость буржуазии» как источник «бедствий Франции».

«Неужели рабочим, которые производят все и не пользуются ничем, которые страдают от нищеты среди накопленных ими же продуктов, плодов их труда и их пота... *неужели никогда не будет, им дана возможность работать для своего освобождения?...* Пролетариат, перед лицом постоянного посягательства на его права, полнейшего отрицания всех его законных стремлений, гибели страны и всех его надежд, понял, что на него возложен этот повелительный долг, что ему принадлежит неоспоримое право — стать господином собственной судьбы и обеспечить свое торжество, взяв в свои руки государственную власть (en s'emparant du pouvoir)»[433].

Здесь прямо утверждается, что правительство рабочего класса необходимо в первую очередь для спасения Франции от гибели и разложения, угрожающих ей по вине господствующих классов, что отстранение этих классов от власти (тех классов, которые утратили способность управлять Францией) есть *необходимое условие национального спасения.*

Но не менее ясно высказано и то, что правительство рабочего класса сможет спасти Францию и совершить национальное дело только в том случае, если оно будет работать *для освобождения рабочего класса,* ибо условия этого освобождения являются вместе с тем и условиями возрождения Франции.

Рабочее правительство провозглашено как война труда против монополистических собственников средств труда, против капитала.

---

[*] — несостоятельность. *Ред.*

Шовинизм буржуазии представляет собой лишь тщеславие, придающее национальное обличье всем ее собственным притязаниям. Шовинизм является средством увековечить, с помощью постоянных армий, международную борьбу и поработить производителей в каждой отдельной стране, натравливая их на их же братьев во всех других странах; шовинизм является средством помешать интернациональному сотрудничеству рабочего класса, которое является первым условием его освобождения. Истинный характер этого шовинизма (давно уже ставшего пустой фразой) обнаружился после Седана во время оборонительной войны, которую повсюду парализовала шовинистическая буржуазия; он проявился в капитуляции Франции, в гражданской войне, которая ведется с позволения Бисмарка под началом верховного жреца шовинизма Тьера! Он обнаружился в мелкой полицейской интриге Антинемецкой лиги*, в травле иностранцев в Париже после капитуляции. Надеялись, что народ Парижа (и весь французский народ) может быть одурманен страстной национальной ненавистью и за искусственно разжигаемой враждой к иностранцам забудет свои действительные стремления и изменников внутри страны!

Как исчезло (развеялось) это искусственное движение от? дыхания революционного Парижа! Громко провозгласив свои интернациональные тенденции, — ибо дело, за которое борется производитель, везде одно и то же, и его враг повсюду один и тот же, какова бы ни была его национальность (в каком бы национальном облачении он ни выступал), — Париж провозгласил в качестве принципа допущение иностранцев в состав Коммуны, он даже выбрал иностранного рабочего** (члена Интернационала) в ее Исполнительную комиссию, он декретировал разрушение символа французского шовинизма — Вандомской колонны!

И в то время как буржуазные шовинисты расчленили Францию и действуют под диктатом иноземного завоевателя, парижские рабочие побили иноземного врага тем, что нанесли удар своим собственным классовым властителям, и уничтожили границы, завоевав место передового отряда рабочих всех стран!

От подлинного патриотизма буржуазии — столь естественного для действительных собственников различных «национальных» имуществ — осталась одна лишь видимость вследствие того, что ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер. При аналогичных обстоятельствах это прорвалось бы наружу во всех странах так же, как прорвалось во Франции.

---

* См. настоящий том, стр. 299—300. *Ред.*
** — Лео Франкеля. *Ред.*

ДЕЦЕНТРАЛИЗАТОРСКИЕ СТРЕМЛЕНИЯ «ПОМЕЩИЧЬЕЙ ПАЛАТЫ» И КОММУНА

Утверждали, что Париж и вместе с ним другие французские города были угнетены господством крестьян и что нынешняя борьба Парижа представляет собой борьбу за его освобождение от господства крестьянства! Нельзя себе представить более глупой лжи!

Париж, как центральное местопребывание и оплот централизованной правительственной машины, подчинил крестьянство власти жандарма, сборщика налогов, префекта, священника и земельных магнатов, то есть деспотизму его врагов, и лишил его всякой жизни (измотал его). Он подавил все органы независимой жизни в сельских округах. С другой стороны, правительство, земельный магнат, жандарм и священник, в руки которых централизованная государственная машина с центром в Париже передала таким образом все влияние провинции, использовали это влияние в интересах правительства и тех классов, правительством которых оно было, не против Парижа правительственного, паразитического, капиталистического, праздного, служившего космополитическим притоном, а против Парижа рабочего и мыслителя. Таким образом, при помощи правительственной централизации, базой которой являлся Париж, крестьяне были подавлены Парижем правительства и капиталистов, а Париж рабочих был подавлен силой провинции, переданной в руки врагов крестьянства.

Версальский «Moniteur» (от 29 марта) заявляет, что

«Париж не может быть *свободным городом,* потому что он — *столица».*

Вот это верно. Париж, столица господствующих классов и их правительства, не может быть «свободным городом», и провинция не может быть «свободной», раз такой Париж является столицей. Провинция может быть свободной только при наличии в Париже *Коммуны. Партия порядка* была в меньшей степени охвачена яростью против Парижа за то, что он провозгласил свое собственное освобождение от нее и от ее правительства, чем за то, что он такими действиями подал сигнал к освобождению крестьянина и провинции от ее господства.

«Journal Officiel» Коммуны, 1 апреля:

«Революция 18 марта не имела единственной целью обеспечить Парижу выборное, но подчиненное *деспотической опеке строго централизованной национальной власти* коммунальное представительство. *Она должна завоевать и обеспечить независимость для всех коммун* Франции, а также для всех более крупных единиц, департаментов и провинций, объединенных

между собой в своих общих интересах подлинно национальным соглашением; она должна гарантировать и увековечить республику... Париж *отказался от своего кажущегося всемогущества,* которое тождественно с его злоупотреблением своей ролью, но он не отказался от той моральной власти, от того интеллектуального влияния, которое так часто доставляло ему победу в его пропаганде во Франции и в Европе»[434].

«Теперь Париж снова работает и страдает ради всей Франции, для которой он готовит своими боями и своими жертвами интеллектуальное, моральное, административное и экономическое возрождение, славу и процветание» *(Программа Парижской Коммуны, распространявшаяся с воздушного шара)*[435].

Г-н Тьер во время своей поездки по провинции руководил выборами, и прежде всего своими собственными выборами в разных местах. Но тут было одно затруднение. Бонапартисты-провинциалы сделались в тот момент совершенно неприемлемы. (К тому же он не хотел их, как и они не хотели его.) Многие из старых искушенных орлеанистов разделили судьбу бонапартистов. Поэтому было необходимо обратиться к удалившимся в деревню легитимистским землевладельцам, которые совершенно отстранились от политики и которых легче всего было одурачить. Они-то и придали Версальскому собранию ярко выраженный характер «chambre introuvable» Людовика XVIII, его помещичий характер. В своем тщеславии они, конечно, поверили, что с падением бонапартовской Второй империи и под покровительством иноземного завоевателя наконец-то наступило их время, так же как в 1814 и 1815 годах. И по-прежнему они оказываются в дураках. Поскольку они действуют, они могут действовать только в качестве элементов партии порядка и орудий ее «анонимного» террора, как в 1848—1851 годах. Их собственные партийные излияния придают всему этому сообществу только комический характер. Они вынуждены поэтому терпеть в качестве президента тюремщика-акушера герцогини Беррийской и в качестве своих министров псевдореспубликанцев правительства обороны. Их отшвырнут в сторону, как только они выполнят свое дело. Но благодаря этому любопытному стечению обстоятельств — причуда истории — они вынуждены нападать на Париж за его восстание против «République une et indivisible»* (это — выражение Луи Блана, Тьер называет это единством Франции), тогда как их первым подвигом был именно мятеж против единства, когда они заявили, что Париж должен быть «обезглавлен и лишен звания столицы», и хотели, чтобы Собрание занялось своими высокими обязанностями в провинциальном городе.

* — единой и неделимой республики. *Ред.*

Вернуться к тому, что предшествовало централизованной государственной машине, сделаться более или менее независимыми от ее префектов и министров и заменить ее провинциальным и местным вотчинным влиянием помещичьих усадеб — вот чего они действительно хотят. Они стремятся к реакционной *децентрализации* Франции. Париж же желает заменить ту централизацию, которая сослужила службу в борьбе против феодализма, но затем превратилась в единство чисто искусственного целого, опирающегося, на жандармов, на красное и черное воинство, подавляющего жизнь действительного общества, тяготеющего над ним, как кошмар, придающего Парижу «кажущееся всемогущество» благодаря тому, что оно включает в себя Париж и не включает провинцию, — заменить эту единую Францию, существующую вне французского общества, политическим объединением самого французского общества при помощи коммунальной организации.

Действительными сторонниками разрушения единства Франции являются поэтому депутаты «помещичьей палаты», которые восстают против единой государственной машины, поскольку она умаляет их собственное местное значение (их сеньоральные права), поскольку она является антагонистом феодализма.

Париж же стремится разрушить эту искусственную унитарную систему, поскольку она является антагонистом действительного, живого единства Франции и простым орудием классового господства.

Контистские взгляды

Люди, решительно ничего не понимающие в существующей экономической системе, еще менее способны, конечно, понять что-нибудь в отрицании этой системы рабочими. Они не могут, конечно, понять, что социальное преобразование, к которому стремится рабочий класс, есть необходимое, историческое, неизбежное порождение самой же нынешней системы. Они говорят в предостерегающем тоне об угрозе уничтожения «собственности», потому что в их глазах их нынешняя классовая форма собственности — преходящая историческая форма — и *есть* сама собственность, и уничтожение этой формы было бы поэтому уничтожением собственности. Как теперь они защищают «вечность» капиталистического господства и системы наемного труда, так они защищали бы, если бы жили во времена феодализма или рабства, феодальную систему или систему рабства, как основанную на природе вещей, как возникающую из самой природы; они произносили бы неистовые тирады

против связанных с этими общественными системами «злоупотреблений», но в то же время на все предсказания об уничтожении этих систем они отвечали бы с высоты своего невежества догмой об их «вечности», о том, что они исправляются «моральным сдерживанием» («ограничениями»).

Они так же правы в своей оценке целей рабочего класса Парижа, как г-н Бисмарк в своем заявлении, что Коммуна стремится к прусскому городскому устройству.

Жалкие люди! Они даже не знают, что всякой *общественной форме* собственности соответствует своя мораль и что та форма общественной собственности, которая превращает собственность в атрибут труда, отнюдь не создавая индивидуальных «моральных ограничений», освободит «мораль» индивидуума от ее классовой ограниченности.

Как дыхание народной революции преобразило Париж! Февральскую революцию прозвали революцией морального презрения! Она была провозглашена под крики народа: A bas les grands voleurs! A bas les assassins![*] Таково было настроение народа. Что касается буржуазии, то она добивалась лишь большего простора для коррупции! Она получила полный простор для коррупции при Луи Бонапарте (Наполеоне Малом). Париж, этот гигантский город, город исторической инициативы, был превращен в Maison doree для тунеядцев и мошенников всего мира — в космополитический притон! После исхода «высших слоев населения» на сцене снова появился Париж рабочих, героический, самоотверженный, полный энтузиазма в сознании своей геркулесовой задачи! В морге ни одного трупа, полная безопасность на улицах. В Париже никогда не было большего спокойствия. Вместо кокоток — героические женщины Парижа! Мужественный, суровый, борющийся, трудящийся, мыслящий Париж! Великодушный Париж! Перед лицом каннибализма своих врагов он только принимает меры, чтобы арестованные им лица не могли нанести вреда! Чего Париж не хочет более терпеть, так это существования кокоток и хлыщей. Он исполнен решимости либо выгнать вон, либо переделать эту бесполезную, скептическую и эгоистичную породу людей, которая завладела гигантским городом, чтобы пользоваться им как своей собственностью. Ни одна знаменитость империи не будет вправе сказать; «Париж очень приятен в лучших кварталах, но в остальных местах в нем слишком много бедняков».

[*] — «Долой крупных воров! Долой убийц!». *Ред.*

(«Verite» 23 апреля):

«Число преступлений в Париже поразительно уменьшилось. Нет воров и кокоток, нет убийств и нападений на улицах: все консерваторы бежали в Версаль!»

«Не было зарегистрировано ни одного ночного нападения даже в наиболее отдаленных и малолюдных кварталах, с тех пор как граждане сами выполняют обязанности полиции».

* ФРАГМЕНТЫ

Тьер о помещичьих депутатах

Эта партия

«признает только три средства: иноземное вторжение, гражданскую войну и анархию... Такое правительство никогда не будет правительством Франции». *(Палата депутатов, 5 января 1833 г.)*

Правительство обороны

И этот же самый Трошю заявил в своей знаменитой программе: «Губернатор Парижа никогда не капитулирует», а Жюль Фавр в своем циркуляре: «Ни одного камня наших крепостей, ни одной пяди нашей земли», — равно как и Дюкро: «Я вернусь в Париж либо мертвым, либо победителем». Впоследствии он нашел в Бордо, что его жизнь необходима для подавления парижских «мятежников». (Эти негодяи знают, что в своем бегстве в Версаль они оставили в Париже доказательства своих преступлений, и для уничтожения этих доказательств они не остановились бы перед превращением Парижа в груду развалин, затопленную морем крови.) *(Манифест к провинции,* распространявшийся с воздушного шара[436].)

«Единство, которое навязывалось нам до сих пор империей, монархией и парламентаризмом, есть не что иное, как централизация, деспотическая, неразумная, произвольная и тягостная. Политическое единство, которого желает Париж, есть добровольное объединение всей местной инициативы...» центральная делегация от федеральных коммун. «Конец старого правительственного и клерикального мира, милитаризма и бюрократии, спекуляции, монополий и привилегий, — всего, чему *пролетариат был обязан своим рабством, а страна — своими бедствиями и катастрофами».* (Прокламация Коммуны от 19 апреля.)[437]

Жандармы и полицейские

20000 жандармов (собранных в Версаль со всей Франции, во время империи их общее число составляло 30000 человек) и 12000 парижских полицейских — такова основа наилучшей из армий, которую когда-либо имела Франция.

Республиканские депутаты Парижа

«Республиканские депутаты Парижа не протестовали ни против бомбардировки Парижа, ни против казней пленных на месте, ни против клеветы на народ Парижа. Напротив, своим присутствием в Собрании и своим молчанием они дали свое благословение всем этим действиям, поддержав их тем авторитетом, которым они пользовались как члены республиканской партии. Они сделались союзниками и сознательными сообщниками монархической партии. Мы объявляем их предателями, изменившими своим мандатам и республике» *(Генеральная ассоциация защитников республики*[438]*) (9 мая).*

«Централизация приводит к апоплексии в Париже и к отсутствию жизни во всех других местах» *(Ламенне).*

«Теперь все тяготеет к центру, и этот центр есть, так сказать, само государство» *(Монтескьё)*[439].

Стычка на Вандомской площади и т. д.

При вступлении пруссаков в Париж Центральный комитет национальной гвардии, который образовался из делегатов от каждой роты, переправил на Монмартр, в Бельвиль и Ла-Виллет все пушки и митральезы, отлитые на суммы, собранные самой национальной гвардией; эти пушки и митральезы были оставлены на произвол судьбы правительством национальной обороны именно в тех кварталах, в которые должны были вступить пруссаки.

Утром 18 марта правительство обратилось с энергичным призывом к национальной гвардии, но из 400000 национальных гвардейцев отозвалось только 300 человек.

18 марта, в 3 часа утра, полицейские и несколько линейных батальонов появились на Монмартре, в Бельвиле и Ла-Виллете с целью напасть врасплох на людей, охранявших артиллерию, и отнять ее силой.

Национальная гвардия оказала сопротивление, солдаты же leverent la crosse en l'air*, *несмотря на угрозы и приказы генерала Леконта,* который в тот же день был расстрелян своими солдатами одновременно с Клеманом Тома.

(«Линейные войска подняли ружья прикладами вверх и братались с восставшими».)

Извещение Орель де Паладина о победе было уже отпечатано; были также найдены документы о подготовлявшемся decembrisation** в Париже.

* — подняли ружья прикладами вверх. *Ред.*
** — т. е. государственном перевороте по образцу 2 декабря 1851 года. *Ред.*

19 марта Центральный комитет объявил о снятии осадного положения в Париже, 20-го Пикар объявил на осадном положении департамент *Сены и У азы.*

18 марта (утром: он все еще верил в свою победу) на стенах была расклеена *прокламация Тьера:*

«Правительство решило действовать. Преступники, собирающиеся образовать правительство, должны быть выданы в руки правосудия, а захваченные пушки должны быть возвращены в арсеналы».

Ближе к вечеру, поскольку ночное нападение потерпело неудачу, Тьер обращается с призывом к *национальной гвардии:*

«Правительство не подготовляет coup d'etat. У правительства республики нет и не может быть иной цели, кроме безопасности республики».

Он хочет только

«покончить с мятежным Комитетом»... «почти целиком состоящим из людей неизвестных населению».

Поздно вечером появляется третья прокламация к *национальной гвардии,* подписанная Пикаром и Орелем:

«Некоторые введенные в заблуждение люди... *оказывают упорное сопротивление* национальной гвардии и армии... Правительство *сочло нужным оставить вам ваше оружие.* Возьмите же его в руки с решимостью установить царство закона и *спасти республику от анархии».*

(17-го Шёльше пытается льстивыми речами склонить их к разоружению.)

Прокламация Центрального комитета от 19 марта

«Осадное положение снято. Парижский народ приглашается на коммунальные выборы».

Там же к национальной гвардии:

«Вы поручили нам организовать защиту Парижа и ваших прав... В настоящий момент срок наших мандатов истек; мы возвращаем их вам, мы не станем занимать место тех, кого только что смело дыхание народной бури»[440].

Они дали членам правительства спокойно удалиться в Версаль (даже тем, кто, как Ферри, был у них в руках).

Коммунальные выборы, назначенные на 22 марта, были отложены до 26 марта из-за демонстрации партии порядка.

21 марта. Собрание поднимает бешеный вой протеста против того, чтобы слова «Vive la Republique!»[*], были поставлены в конце прокламации «*К гражданам и армии* (солдатам)». *Тьер:* «Это предложение, может быть, и вполне законно и т. д.» (Протест

[*] — «Да здравствует республика!». *Ред.*

«помещичьей палаты».) *Жюль Фавр* разглагольствует против доктрины, согласно которой республика выше всеобщего избирательного права, льстит помещичьему большинству, грозит парижанам прусской интервенцией и провоцирует *демонстрацию Парижа порядка. Тьер: «будь, что будет, он не пошлет вооруженные силы против Парижа»* (у него тогда еще не было войск для этого).

Центральный комитет был так не уверен в своей победе, что поспешил принять посредничество мэров и депутатов Парижа... Упрямство Тьера дало ему (Комитету) возможность продержаться один-два дня, а тогда он осознал свою силу. Бесчисленные ошибки революционеров. Вместо того, чтобы обезвредить полицейских, перед ними раскрыли двери; они ушли в Версаль, где были встречены как спасители; дали уйти 43-му линейному полку; распустили по домам всех солдат, братавшихся с народом; позволили реакции организоваться в самом центре Парижа; оставили в покое Версаль. Тридон, Жаклар, Варлен, Вайян считали нужным немедленно выбить роялистов... Фавр и Тьер предпринимали настойчивые шаги перед прусскими властями, чтобы добиться их содействия... в подавлении движения восставшего Парижа.

Трошю и Клеман Тома только тем и заняты, что препятствуют всем попыткам вооружить и организовать национальную гвардию. Поход на Версаль был решен, подготовлен и предпринят Центральным комитетом без ведома Коммуны и даже прямо вопреки ее ясно выраженной воле...

Бержере... вместо того, чтобы взорвать мост у Нейи, который коммунары не могли удержать из-за Мон-Валерьена и батарей, установленных в Курбевуа, дал роялистам возможность овладеть им, сильно укрепиться на нем и обеспечить себе таким образом путь сообщения с Парижем...

Как отмечалось в письме г-на *Литтре* («Daily News», 20 апреля):

«Раз Париж обезоружен, раз Париж скован по рукам всеми этими Винуа, Валантенами, Паладинами, — республика погибла. Это понимали парижане. Поставленные перед выбором: либо сдаться без боя, либо отважиться на страшную борьбу, исход которой неизвестен, они выбрали борьбу, и я могу только похвалить их за это».

Поход на Рим — это дело Кавеньяка, Жюля Фавра и Тьера.

«Правительство, имеющее все внутренние достоинства республиканского правления и всю внешнюю силу монархического. Я говорю о *федеративной республике...* Это — общество обществ, новое общество, которое может увеличиваться за счет многочисленных вновь *примкнувших членов,* пока оно не станет достаточно сильным, чтобы обеспечить безопасность объединившихся. Такого рода республика... может сохранять свои

размеры, *не* подвергаясь *внутренней* порче. Форма этого общества предотвращает все затруднения» *(Монтескьё, «О духе законов»,* кн. IX, гл. I)[441].

Конституция 1793 года[442]:

§ 78. В *каждой коммуне* республики имеется муниципальное управление. В *каждом округе* — промежуточное управление, в *каждом департаменте*—центральное управление. *§ 79.* Муниципальные должностные лица избираются на собраниях коммуны. *§ 80.* Члены местных управлений назначаются собраниями выборщиков департамента и округа.

§ 81. Муниципалитеты и управления обновляются в своем составе ежегодно наполовину.

Исполнительный совет. § 62. Состоит из 24 членов. *§ 63.* Собрание выборщиков каждого департамента выбирает одного кандидата. Законодательный корпус выбирает членов совета по общему списку. *§ 64.* Исполнительный совет обновляется наполовину в последний месяц сессии каждого законодательного периода. *§ 65.* На исполнительный совет возлагается руководство общим управлением и наблюдение за ним. *§ 66.* Исполнительный совет назначает главных должностных лиц по общему управлению республикой, из числа лиц, не входящих в его состав. *§68.* Эти должностные лица не образуют совета; они действуют отдельно, не связаны между собой непосредственно; они не пользуются никакой личной властью. *§ 73.* Исполнительный совет смещает и замещает назначаемых им должностных лиц.

Партия порядка в Париже, подстрекаемая, с одной стороны, призывом Жюля Фавра в Собрании к гражданской войне — он заявил, что пруссаки пригрозили вмешательством в случае отказа парижан немедленно сдаться, — и поощряемая долготерпением народа и пассивным отношением к ней Центрального комитета, решилась на coup de main*, который и нанесла 22 марта под видом *мирного шествия,* мирной демонстрации против революционного правительства. Действительно, это была мирная демонстрация совсем особого свойства.

«Все движение казалось совершенно неожиданным. Не было сделано никаких приготовлений, чтобы дать ему отпор».

«Мятежная толпа благородных господ», во главе с такими выкормышами империи, как Геккерен, Кётлогон, Анри де Пен и т. д., двигается, оскорбляя и обезоруживая отдельных национальных гвардейцев из числа выдвинутых патрулей (постов), которые бежали на Вандомскую площадь, откуда национальная гвардия сразу же двинулась на улицу Нёв-де-Пти-Шан. При встрече с мятежниками ей был дан приказ не стрелять, но мятежники наступают с криками: «Долой убийц! Долой Комитет!», оскорбляют гвардейцев, выхватывают у них ружья, стреляют

* — внезапный удар, внезапное нападение. *Ред.*

из револьвера в гражданина *Мальжурналя* (лейтенанта штаба на Вандомской площади) (члена Центрального комитета). Генерал Бержере требует, чтобы они удалились (разошлись) (ушли). Около пяти минут длится барабанный бой и повторяются sommations (которым у англичан соответствует оглашение акта о беспорядках)[443]. Те отвечают оскорбительными криками. Два национальных гвардейца падают тяжело раненные. Тем временем их товарищи все еще колеблются и стреляют в воздух. *Мятежники пытаются силой прорваться сквозь ряды гвардейцев и обезоружить их.* Тогда Бержере скомандовал стрелять, и трусы обращаются в бегство. *Emeute*[*] сразу ликвидирован, и огонь прекращается. В национальных гвардейцев стреляли из домов. Двое из них, Вален и Франсуа, были убиты, восемь человек ранены. Улицы, по которым разбежались «мирные» демонстранты, были усеяны револьверами и палками со стилетами (много их было подобрано на улице де ла Пе). При виконте де Молине, убитом в спину (своими же людьми), был найден *кинжал* на цепочке.

Был дан отбой. Множество палок со стилетами, револьверов и кинжалов было разбросано по улицам, по которым прошла «безоружная» демонстрация. Револьверные выстрелы стали раздаваться прежде, чем восставшим был дан приказ стрелять в толпу. Нападающей стороной были манифестанты (как видел собственными глазами генерал Шеридан из окна).

Итак, это была просто попытка парижских реакционеров, вооружившихся револьверами, палками со стилетами и кинжалами, добиться того, чего не сумел добиться Винуа со своими полицейскими, солдатами, пушками и митральезами. Что «низшие классы» Парижа не дали разоружить себя даже парижским «благородным господам» — это в самом деле было уж чересчур!

Когда 13 июня 1849 г. национальная гвардия Парижа, протестуя против преступления, против нападения французских войск на Рим, устроила действительно «безоружную» и «мирную» демонстрацию, генерал Шангарнье удостоился похвал от своего друга Тьера за то, что он рубил саблями и расстреливал демонстрантов. Тогда было объявлено осадное положение, изданы новые репрессивные законы, начались новые ссылки, новое царство террора! В противоположность всему этому Центральный комитет и парижские рабочие строго держались оборонительной тактики во время самого столкновения, позволили напавшим на них (бандитам) спокойно разойтись по домам и своей снисходительностью, непривлечением

[*] — Мятеж. *Ред.*

их к ответу за их наглое выступление, придали им столько храбрости, что два дня спустя они под предводительством адмирала Сессе, присланного из Версаля, объединились снова и снова попытали свои силы в гражданской войне.

И эта-то стычка на Вандомской площади вызвала в Версале негодующие вопли об «убийстве безоружных граждан», разнесшиеся по всему миру. Заметим, что даже Тьер, который вечно твердит об убийстве двух генералов, ни разу не посмел напомнить миру об этом «убийстве безоружных, граждан».

Как в средние века: господин может пустить в ход любое оружие против плебея, но последний не смеет даже защищаться.

(27 марта. *Версаль. Тьер:*

«Я официально опровергаю *тех,* кто обвиняет меня, будто я веду дело к установлению монархии. *Я вступил в должность, когда республика была уже совершившимся фактом.* Перед богом и людьми я заявляю, что не изменю ей».)

После второго восстания партии порядка народ Парижа тоже не предпринял никаких репрессивных мер. Центральный комитет совершил даже ту огромную ошибку, что вопреки советам своих наиболее энергичных членов не двинулся сразу же на Версаль, где после бегства адмирала Сессе и смехотворного краха национальной гвардии порядка воцарилась величайшая растерянность, потому что еще не было организовано никаких сил для сопротивления.

После выборов Коммуны, когда партия порядка снова испробовала свои силы, в избирательной борьбе, и была снова побита, она совершила свой исход из Парижа. Во время выборов буржуа обмениваются рукопожатиями и братаются (в помещениях мэрий) с восставшими национальными гвардейцами, тогда как между собой они только и говорят о «массовых казнях», «митральезах», «поджаривании в Кайенне», «массовых расстрелах».

«Вчерашние беглецы думают сегодня своими льстивыми речами уговорить людей из городской ратуши сохранять спокойствие до тех пор, пока депутаты «помещичьей палаты» и бонапартовские генералы, собирающиеся в Версале, не будут в состоянии открыть по ним огонь».

Во второй раз Тьер начал вооруженное нападение на национальную гвардию схваткой *2 апреля.* Сражение произошло между Курбевуа и Нейи, около Парижа. Национальная гвардия была разбита, мост у Нейи занят солдатами Тьера. Несколько тысяч национальных гвардейцев, выступивших из Парижа и занявших Курбевуа и Пюто и мост у Нейи, понесли поражение. Захвачено много пленных. Многие восставшие немедленно расстреляны как бунтовщики. Версальские войска первыми открыли огонь.

Коммуна:

«Версальское правительство напало на нас. Не рассчитывая на армию, оно послало папских зуавов Шарета, бретонцев Трошю и жандармов Валантена бомбардировать Нейи»[444].

2 апреля версальское правительство выслало вперед дивизию, состоявшую главным образом из *жандармов, морской пехоты, лесных стражников и полиции. Винуа* с двумя пехотными бригадами и *Галиффе* во главе кавалерийской бригады и с артиллерийской батареей двинулись на Курбевуа.

Париж. 4 апреля. Мильер (заявление):

«Народ Парижа не предпринимал никаких агрессивных шагов... когда правительство приказало напасть на него бывшим полицейским империи, организованным в преторианские отряды, под командой бывших сенаторов»[445].

ВТОРОЙ НАБРОСОК «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ»

1) ПРАВИТЕЛЬСТВО ОБОРОНЫ. ТРОШЮ, ФАВР, ПИКАР, ФЕРРИ КАК ДЕПУТАТЫ ПАРИЖА

Республику, провозглашенную парижскими рабочими 4 сентября, единодушно приветствовала вся Франция. Борьба за право существования республики велась в течение пяти месяцев оборонительной войны, (центром) основой которой было сопротивление Парижа. Без этой оборонительной войны от имени республики Вильгельм Завоеватель восстановил бы империю своего «доброго брата» Луи Бонапарта. Шайка адвокатов, — государственным деятелем ее был Тьер, а генералом был Трошю — завладела в момент замешательства городской ратушей, когда действительные вожди парижских рабочих еще были заперты в бонапартовских тюрьмах, а прусская армия уже шла на Париж... Тьеры, Жюли Фавры, Пикары были тогда столь глубоко проникнуты верой в историческое право Парижа на руководство, что свои претензии на законность титула правительства национальной обороны они обосновывали исключительно фактом избрания их там в Законодательный корпус во время выборов в 1869 году.

В нашем втором воззвании по поводу последней войны, спустя пять дней после прихода этих людей к власти, мы объяснили вам, кто они такие*. Если они захватили правительственную власть без согласия Парижа, то Париж провозгласил республику вопреки их сопротивлению. Прежде всего они отправили Тьера околачивать пороги всех европейских дворов, чтобы выторговать там, если возможно, иностранное посредничество, предлагая за то променять республику на короля.

---

* См. настоящий том, стр. 280. *Ред.*

Париж терпел их режим (присвоение власти), потому что они торжественно поклялись пользоваться этой властью исключительно для целей *национальной обороны.* Однако серьезно защищать Париж можно было, только (нельзя было не) вооружив его рабочих, организовав их в национальную гвардию и научив их военному искусству на самой войне. Но вооружить Париж значило вооружить социальную революцию. Победа Парижа над осаждающими его пруссаками была бы победой республики над классовым господством во Франции. Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами правительство национальной обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной измены. В письме к Гамбетте Жюль Фавр признавался, что Трошю оборонялся не от прусских солдат, а от парижских рабочих. Четыре месяца спустя после начала осады Парижа ото правительство сочло, что настал подходящий момент завести речь о капитуляции; Трошю в присутствии Жюля Фавра и других своих коллег обращается к собранию парижских мэров со следующими словами:

«Первый вопрос, который задали мне мои коллеги *вечером же 4 сентября,* был таков: имеет ли Париж какие-нибудь шансы успешно выдержать осаду прусской армии? *Я, не колеблясь, ответил отрицательно.* Некоторые из присутствующих здесь моих коллег подтвердят, что я говорю правду и что я *постоянно придерживался этого мнения.* Я сказал им точно то же, что говорю теперь: при настоящем положении дел попытка Парижа выдержать осаду прусской армии была бы *безумием.* Несомненно, *геройским безумием,* — прибавил я, — но все-таки не больше, как безумием... *События»* (он сам ими управлял) *«подтвердили мои предсказания».*

(Эту маленькую речь Трошю один из присутствовавших мэров, г-н Корбон, опубликовал после заключения перемирия.) Итак, уже вечером в день провозглашения республики коллеги Трошю знали, что «план» его состоит не в чем ином, как в *капитуляции Парижа и Франции.* Чтобы излечить Париж от его «геройского безумия», его надо было подвергнуть кровопусканию и морить голодом достаточно продолжительное время для ограждения узурпаторов 4 сентября от мести героев декабрьского переворота. Если бы «национальная оборона» не была только лживым предлогом для «правительства», то его самозванные члены сложили бы уже 5 сентября свою власть, довели до всеобщего сведения «план» Трошю и предложили бы населению Парижа или немедленно сдаться победителю, или взять дело обороны в свои собственные руки. Вместо этого обманщики стали издавать высокопарные манифесты, в которых говорилось, что Трошю, «губернатор, никогда не капитулирует», что министр иностранных дел Жюль Фавр «не уступит ни одного

камня наших крепостей, ни одной пяди нашей земли». Во все время осады план Трошю систематически проводился в жизнь. Действительно, подлые бонапартистские разбойники, которым было поручено верховное командование в Париже, нагло глумились в своей частной переписке над всей этой комедией обороны, тайну которой они хорошо знали. (См., например, опубликованное в «Journal Officiel» Коммуны письмо командующего артиллерией Парижской армии, кавалера большого креста ордена Почетного легиона, *Адольфа Симона Гио* к артиллерийскому дивизионному генералу *Сюзанну.)* При капитуляции Парижа мошенники сбросили маску. *«Правительство национальной обороны»* разоблачило себя (предстало) как *«правительство Франции, состоящее из пленников Бисмарка»* — роль, которую сам Луи Бонапарт в Седане счел слишком гнусной даже для человека такого сорта, как он. В своем паническом бегстве в Версаль, после событий 18 марта, capitulards[446] оставили в руках Парижа свидетельствовавшие об их измене документы, для уничтожения которых, как писала Коммуна в *манифесте к провинции,*

> «они не остановились бы перед превращением Парижа в груду развалин, затопленную морем крови»[447].

Некоторые из наиболее влиятельных членов правительства обороны страстно стремились к такой развязке и по своим личным весьма серьезным соображениям. Взгляните только на Жюля Фавра, Эрнеста Пикара и Жюля Ферри!

Вскоре после заключения перемирия один из парижских депутатов Национального собрания, *г-н Мильер,* опубликовал целый ряд подлинных юридических документов, доказывавших, что *Жюль Фавр,* сожительствуя с женой некоего горького пьяницы, находившегося в Алжире, сумел при помощи самых наглых подлогов, совершенных им в продолжение многих лет кряду, захватить от имени своих незаконнорожденных детей крупное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что на процессе, который вели против него законные наследники, он избежал разоблачения только потому, что пользовался покровительством бонапартистских судов. Так как против этих сухих юридических документов было бессильно какое угодно красноречие, то Жюль Фавр, с тем же героизмом самоунижения, на этот раз держал язык за зубами до тех пор, пока буря гражданской войны не дала ему возможность обозвать в Версальском собрании народ Парижа бандой «беглых каторжников», дерзко восставших против семьи, религии, порядка и собственности!

(Дело Пика.) Этот же самый подделыватель документов, едва захватив власть, поспешил из чувства солидарности освободить двух других собратьев-подделывателей, Пика и Тайфера, которые были даже при империи приговорены к каторге за кражу и подлоги. Один из них, Тайфер, был настолько дерзок, что вернулся после установления Коммуны в Париж, но был тотчас же водворен обратно в приличествующее ему помещение; и после этого Жюль Фавр заявлял всей Европе, что Париж выпускает на волю всех преступных обитателей своих тюрем!

Эрнест Пикар, который после неудачных попыток попасть в министры внутренних дел Луи Бонапарта, сам себя произвел 4 сентября в министры внутренних дел Французской республики, приходится братом некоему *Артуру Пикару,* субъекту, выгнанному с парижской биржи за мошенничество (см. донесение префектуры полиции от 31 июля 1867 г.) и осужденному, на основании собственного признания, за кражу 300000 франков, которую он совершил в бытность свою директором филиального отделения Sociеtе Gеnеrale[448] (см. донесение префектуры полиции от 11 декабря 1868 г.). Оба эти донесения были опубликованы еще во времена империи. И вот этого-то Артура Пикара Эрнест Пикар назначил *главным редактором* своей газеты «Electeur libre», сделав его таким образом на все время осады своим финансовым посредником, который наживался на бирже, используя государственные тайны, доверенные Эрнесту, и безошибочно спекулировал на поражениях французской армии, вводя в заблуждение в то же время рядовых биржевых спекулянтов фальшивыми сообщениями и официальной ложью, публиковавшимися в органе министерства внутренних дел «Electeur libre»[*]. Вся финансовая переписка этой парочки почтенных братьев попала в руки Коммуны. Не удивительно, что Эрнест Пикар, этот Джо Миллер версальского правительства, «засунув руки в карманы штанов, переходил от одной группы пленных к другой, отпуская шуточки», когда первая партия пленных парижских национальных гвардейцев подвергалась в Версале жесточайшим насилиям со стороны «овечек» Пьетри.

Жюль Ферри, бывший до 4 сентября нищим адвокатом, ухитрился сколотить себе во время осады как мэр Парижа состояние за счет голода столицы, вызванного в значительной мере его же хозяйничаньем. Документальные доказательства

[*] В окончательном тексте «Гражданской войны во Франции» Марксом было внесено уточнение: Эрнест Пикар был министром финансов правительства национальной обороны; газета «Electeur libre» являлась органом министерства финансов (см. настоящий том, стр. 324). *Ред.*

этого находятся в руках Коммуны. Тот день, когда ему пришлось бы дать отчет в своем хозяйничаньи, был бы днем вынесения ему приговора.

Эти люди являются поэтому смертельными врагами рабочего Парижа, не только как паразиты господствующих классов, не только как люди, предавшие Париж во время осады, но прежде всего как обычные уголовные преступники, которые только на развалинах Парижа, этого оплота французской революции, могут надеяться добыть себе отпускные билеты [tickets-of-leave]*. Эти отъявленные мошенники были самыми подходящими людьми, чтобы стать министрами Тьера.

2) ТЬЕР, ДЮФОР, ПУЙЕ-КЕРТЬЕ

В «парламентском смысле» вещи — только предлог для слов, которые служат ловушкой для противника, засадой для народа или предметом актерской рисовки для самого оратора.

Злобный карлик г-н Тьер, мастер в этих делах, в течение почти полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собой самое совершенное идейное выражение ее собственной классовой испорченности. Еще до того как стать государственным мужем, он обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Стремящийся блистать, подобно всем карликовым людишкам, жадный до постов и доходов, с бесплодным умом, по живой фантазией, эпикуреец и скептик, с энциклопедической легкостью овладевающий (усваивающий) внешней стороной вещей и превращающий вещи в простой предлог для болтовни, преуспевающий фехтовальщик в словесных дуэлях, писатель в высшей степени плоский, мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве, набивший руку во всевозможных банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий, напичканный национальными и классовыми предрассудками вместо идей и вместо совести наделенный тщеславием, всегда готовый устранить соперника и расстреливать народ, чтобы задушить революцию, пышащий злобой, когда он находится в оппозиции, гнусный, когда стоит у власти, никогда не останавливающийся перед тем, чтобы спровоцировать революцию, — история его общественной деятельности является летописью бедствий его страны. Этот карлик любил перед лицом Европы размахивать мечом Наполеона I, в своих исторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона, на

* — в Англии выдавались преступникам, отпущенным под надзор полиции. *Ред.*

деле же его внешняя политика всегда приводила к крайнему унижению Франции, начиная от Лондонской конвенции 1841 г.[449] до капитуляции Парижа 1871 г. и теперешней гражданской войны, которую он ведет под покровительством прусских завоевателей. Нечего и говорить, что более глубокие движения, происходящие в современном обществе, оставались для такого человека книгой за семью печатями; его мозг, все силы которого ушли в язык, не мог освоиться даже с самыми осязательными изменениями, совершающимися на поверхности общества. Он, например, неустанно обличал как святотатство всякое уклонение от устаревшей французской протекционистской системы. Когда он был министром Луи-Филиппа, он всячески издевался над железными дорогами как над вздорной химерой, а при Луи Бонапарте он клеймил любую реформу гнилой французской военной системы как кощунство. Несмотря на свои гибкие способности и изменчивость своих стремлений он был закоренелым рутинером, преданным отжившим традициям, и ни разу в течение всей своей длительной государственной карьеры не провел ни одной сколько-нибудь практически полезной, пусть даже самой незначительной, меры. Только старый мир может гордиться тем, что его здание увенчается двумя такими людьми, как Наполеон Малый и маленький Тьер. Так называемые достоинства высокой культуры проявляются в таком: человека только в виде утонченного разврата и ...[*] своекорыстия.

Связанный во время Реставрации с республиканцами, Тьер втерся в доверие к Луи-Филиппу тем, что выполнял роль шпиона и тюремщика-акушера по отношению к герцогине Беррийской. Когда же он впервые пробрался в министерство (1834—1835 гг.), то главным моментом в его деятельности была кровавая расправа с восставшими республиканцами на улице Транснонен и подготовка свирепых сентябрьских законов против печати[450].

В марте 1840 г. он вновь выступил на сцену уже в качестве премьер-министра и выдвинул заговорщический план постройки парижских укреплений. На протест республиканской партии против этого злостного покушения на свободу Парижа он ответил:

«Как? Вы воображаете, что какие бы то ни было укрепления могут когда-нибудь стать опасными для свободы! И прежде всего, вы клевещете, допуская, что *какое-либо правительство* решится когда-нибудь бомбардировать Париж, чтобы удержать власть в своих руках. Ведь такое правительство стало бы после победы во сто крат более невозможным, чем до нее».

---

[*] Здесь в рукописи пропуск. *Ред.*

Да, никакое французское правительство не решилось бы сделать это, кроме правительства самого г-на Тьера с его уголовными преступниками-министрами и его скотоподобной «помещичьей палатой»! Правительство Тьера осуществило это к тому же в самой классической форме, когда часть укреплений находилась в руках его прусских завоевателей и покровителей.

Когда в январе 1848 г. король-бомба* испробовал свою силу на Палермо, Тьер произнес в палате депутатов речь:

«Вы знаете, господа, что происходит в Палермо. Вы все содрогаетесь от ужаса» (в «парламентском» смысле) «при вести, *что большой город был в течение 48 часов подвергнут бомбардировке.* И кем же? Чужеземным неприятелем, осуществлявшим право войны? Нет, господа, *своим же правительством».*

(Если бы это было сделано его же собственным правительством на глазах и при попустительстве иноземного врага, все было бы, конечно, в порядке.)

«И за что? За то, что этот несчастный город требовал своих прав. Да, за требование своих прав он подвергся 48-часовой бомбардировке».

(Если бы бомбардировка продолжалась 4 недели и больше, все было бы в порядке.)

... «Позвольте мне апеллировать к общественному мнению Европы. Подняться и сказать во всеуслышанье с величайшей, может быть, трибуны Европы несколько *слов»* (да, действительно, слов!) *«возмущения* подобными действиями — это будет заслугой перед человечеством... Когда регент Эспартеро, оказавший услуги своей родине» (чего Тьер никогда не делал) «вздумал *бомбардировать Барселону для подавления вспыхнувшего там восстания,* — со всех концов мира раздался общий крик негодования».

И что же? Приблизительно год спустя этот человек с добрым сердцем сделался злостным подстрекателем и самым рьяным защитником (апологетом) бомбардировки Рима войсками Французской республики под командованием легитимиста Удино.

За несколько дней до февральской революции Тьер, раздраженный тем, что Гизо надолго отстранил его от власти, и почуяв в воздухе бурю, снова воскликнул в палате депутатов:

«Я принадлежу к партии революции не только во Франции, но и во всей Европе. Я желал бы, чтобы правительство революции оставалось в руках умеренных людей. Но если бы оно перешло в руки людей горячих, даже в руки радикалов, я из-за этого не отказался бы (не отрекся бы) от дела, которое отстаиваю. *Я всегда буду принадлежать к партии революции».*

Разразилась февральская революция. Вместо того, чтобы поставить на место министерства Гизо министерство Тьера,

* — Фердинанд II. *Ред.*

о чем мечтал этот ничтожный человек, революция заменила Луи-Филиппа республикой. Со времени провозглашения республики и вплоть до coup d'etat* г-н Тьер был занят исключительно подавлением этой революции. В первый день народной победы охваченный страхом он прятался, забывая, что от ненависти народа его спасало презрение народа к нему. Прославленный храбрец, он продолжал избегать общественной арены, пока материальные силы парижского пролетариата не были сломлены в результате кровавой резни, учиненной буржуазным республиканцем Кавеньяком. Арена тогда была очищена для деятельности людей такого сорта, как он. Его час снова настал. Он стал идейным вождем *«партии порядка»* и ее *«парламентарной республики»,* этого анонимного царства, во время которого все соперничающие фракции господствующих классов тайно сговаривались между собой, чтобы подавить рабочий класс, и интриговали друг против друга, чтобы каждой восстановить свою собственную монархию.

(Реставрация была царством аристократических земельных собственников, Июльская монархия царством капиталистов, республика Кавеньяка царством «республиканской» фракции буржуазии, тогда как банда алчных авантюристов, составляющих бонапартистскую партию, во времена всех этих режимов тщетно рвалась к тому, чтобы получить возможность грабить Францию, что дало бы ей право на звание «спасителей порядка и собственности, семьи и религии».

Эта республика была анонимным царством объединившихся легитимистов, орлеанистов и бонапартистов, в хвосте которых плелись буржуазные республиканцы.)

3) ПОМЕЩИЧЬЕ СОБРАНИЕ

Если помещичье Собрание, заседающее в Бордо, и создало это правительство, то «правительство людей обороны» заранее приняло все меры к созданию этого Собрания. С этой целью оно отправило Тьера в поездку по провинции, где он должен был сыграть роль предвестника наступающих событий и подготовить почву для внезапного проведения общих выборов. Тьеру нужно было преодолеть одно затруднение. Не говоря уже о том, что бонапартисты вызывали отвращение у французского народа, если бы многие из них оказались избранными, то они тотчас же восстановили бы империю и снарядили бы г-на Тьера и К° в путешествие в Кайенну. Орлеанисты были

* — государственного переворота. *Ред.*

слишком разбросаны, для того чтобы заполнить свои собственные места и места, освобожденные бонапартистами. Поэтому неизбежно надо было оживить труп партии легитимистов. Тьер не боялся этой задачи. Как правительство современной Франции легитимисты были немыслимы, а потому как соперники в погоне за местами и доходами ничего не значили. Вместе с тем не было более удобного слепого орудия контрреволюции, чем легитимисты — партия, вся деятельность которой, по словам Тьера, постоянно держалась на трех столпах: «иноземном вторжении, гражданской войне и анархии». *(Речь Тьера в палате депутатов 5 января 1833 г.)* Избранная часть легитимистов, экспроприированных революцией 1789 г., возвратила себе свои имения, поступив в лакеи к Наполеону I, а большинство легитимистов — благодаря миллиарду возмещения и личным пожалованиям во времена Реставрации. При последующих режимах Луи-Филиппа и Наполеона Малого они отстранились от активного участия в политической жизни — и даже это послужило им рычагом для восстановления своего богатства как земельных собственников. Избавленные от расходов на придворную жизнь и представительство в Париже, они, оставаясь в далеких уголках провинциальной Франции, только и делали, что собирали золотые яблоки, падавшие в их chateaux* с древа современной промышленности, так как железные дороги повышали цену их земель, агрономическая наука, применяемая на их землях капиталистическими сельскими хозяевами, увеличивала ее продукцию, а неиссякаемый спрос быстро возрастающего городского населения обеспечивал рост рынков для сбыта этой продукции. И те же самые социальные факторы, которые восстановили их материальное богатство и вернули им важную роль участников акционерной компании современных рабовладельцев, предохранили их также от заразы современных идей и дали им возможность, пребывая в своем сельском неведении, ничего не забыть и ничему не научиться. Подобные люди представляли собой чисто пассивный материал, на который такой человек, как Тьер, мог воздействовать. Выполняя миссию, возложенную на него правительством обороны, этот злобный бес превысил свои полномочия, обеспечив себе такое количество мандатов, которое должно было превратить членов правительства обороны из его строптивых господ в людей, признающих себя его слугами.

Когда ловушки для избирателей были таким образом расставлены, парижские capitulards неожиданно предложили

---

* — замки, помещичьи усадьбы. *Ред.*

французскому народу выбрать в недельный срок Национальное собрание, единственной задачей которого должно быть — согласно условиям конвенции от 28 января, продиктованной Бисмарком, — решение вопроса о войне и мире. Помимо того, что выборы проходили при чрезвычайных обстоятельствах, когда некогда было обдумывать и когда одна половина Франции находилась под властью прусских штыков, а на другую тайно оказывалось давление с помощью правительственных интриг, когда Париж был отрезан от провинции, — французский народ инстинктивно чувствовал, что сами условия перемирия, принятые capitulards, не оставляют Франции другого выбора (альтернативы), кроме мира a outrance*, и что наихудшие люди Франции лучше всего подходят для того, чтобы его санкционировать. Поэтому и появилась на свет «помещичья палата» в Бордо.

Мы все же должны делать различие между старорежимными оргиями и действительными историческими делами помещичьих депутатов. Изумленные тем, что они оказались сильнейшей фракцией огромного большинства, состоящего кроме них из орлеанистов с примесью буржуазных республиканцев и лишь отдельных бонапартистов, они всерьез (наивно) уверовали в долгожданное пришествие их прежнего тысячелетнего царства. И в самом деле, сапог иноземного завоевателя снова топтал Францию, империя была опять ниспровергнута, Бонапарт опять попал в плен, а легитимисты опять воскресли. Очевидно, колесо истории повернуло вспять, чтобы докатиться до «chambre introuvable»** 1816 г. — с ее неистовыми и яростными проклятиями революционному потопу и его ужасам, с ее требованием «обезглавить Париж и лишить его звания столицы», с ее «децентрализацией», при которой сеть государственного аппарата должна быть прорвана местными влияниями помещичьих усадеб, с ее религиозными проповедями и догматами допотопной политики, с ее дворянской спесью, наглостью, генеалогической ненавистью к трудящимся массам и взглядом на мир через oeil de boeuf***. В действительности однако, легитимисты могли играть только роль держателей акций партии порядка как монополисты средств производства. С 1848 до 1851 г. они могли образовать только одну из фракций междуцарствия «парламентарной республики» — с той разницей, что тогда они были представлены своими образованными и искушенными в парламентской борьбе лидерами, Берье, Фаллу,

* — во что бы то ни стало. *Ред.*

** — «бесподобной палаты». *Ред.*

*** — буквально: «бычий глаз», исторически — передняя в Версальском дворце с опальным окном, где собирались придворные в ожидании короля. *Ред.*

Ларошжакленами, тогда как теперь им приходилось искать себе представителей среди заурядных деревенских помещиков, что придало иной оттенок всему Собранию и скрыло его буржуазную действительность под феодальным нарядом. Их нелепые преувеличения (проповеди) служат только для того, чтобы оттенить либерализм их бандитского правительства. Завлеченные на путь узурпации полномочий, не соответствующих их избирательным мандатам, они существуют только по милости своих самозванных правителей. Хотя иноземное вторжение в 1814 и 1815 гг.[451] явилось смертоносным оружием против них в руках буржуазных выскочек, они в слепом безрассудстве взяли на себя ответственность за нынешнюю беспрецедентную капитуляцию Франции, которую их буржуазные недруги выдали иноземцу. И французский народ, пораженный и возмущенный возвращением всех этих высокородных Пурсоньяков, которые, как он считал, уже давно лежат в могилах, убедился, что он должен не только произвести революцию XIX века, но и завершить революцию 1789 г., отправив этих скотов туда же, куда в конце концов попадает в деревне весь скот — на живодерню.

5) НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. РЕВОЛЮЦИЯ 18 МАРТА. КЛЕМАН ТОМА. ЛЕКОНТ. СТЫЧКА НА ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ

Если бы разоружение Парижа являлось просто необходимой частью контрреволюционного заговора, то его можно было бы осуществить более медленно и осторожно, но поскольку оно было обусловлено в финансовом соглашении, которое не терпело отлагательства и привлекало к себе неотразимыми прелестями, то Париж нужно было разоружить без всякого промедления. Тьер должен был поэтому сделать попытку совершить coup d'etat. И вот он сам начал гражданскую войну: он отправил decembriseur[452] Винуа во главе многочисленного отряда полицейских и нескольких линейных полков в разбойничий ночной поход на высоты Монмартра. Когда эта преступная попытка не удалась благодаря сопротивлению национальной гвардии и ее братанию с солдатами, то на следующий день Тьер возвестил национальным гвардейцам в манифесте, расклеенном на стенах Парижа, о своей благородной решимости оставить им их же оружие, с которым, заявлял он, национальная гвардия несомненно с готовностью сплотится вокруг правительства против «бунтовщиков». Из 300000 национальных гвардейцев только 300 человек отозвались на его призыв. Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела (воцарилась над) Парижем.

Центральный комитет, руководивший обороной Монмартра и выступивший утром 18 марта в качестве вождя революции, не был создан наспех для потребностей момента и не представлял собой результат какого-то тайного заговора. Париж был на страже с самого дня капитуляции, в результате которой правительство национальной обороны разоружило Францию, выговорив для себя личную охрану в 40000 человек с целью усмирения Парижа. Национальная гвардия реорганизовалась и поручила верховное командование Центральному комитету, состоящему из делегатов отдельных рот, по большей части из рабочих; его главная сила заключалась в рабочих окраинах, но вскоре он был признан национальной гвардией в целом, за исключением ее старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет принял меры для перевозки на Монмартр, в Бельвиль и Ла-Виллет пушек и митральез, изменнически оставленных capitulards именно в тех кварталах, в которые должны были вступить пруссаки. Он обеспечил таким образом безопасность артиллерии, которая была создана на суммы, собранные самой национальной гвардией, и официально признана в конвенции от 28 января ее частной собственностью и как таковая не была включена в общую массу оружия, подлежавшего выдаче победителю. В течение всего времени с момента созыва Национального собрания в Бордо и до 18 марта Центральный комитет был народным правительством столицы, достаточно сильным, чтобы твердо придерживаться своей оборонительной позиции, не обращая внимания ни на провокационные выходки Собрания, ни на насильственные меры исполнительной власти, ни на угрожающую концентрацию войск.

Революция 4 сентября восстановила республику. Упорное сопротивление Парижа во время осады, послужившее базой для оборонительной войны в провинции, вырвало у иноземных завоевателей признание республики, но ее смысл и цель были раскрыты только революцией 18 марта, и само это раскрытие было революцией. Революция должна была устранить социальные и политические условия классового господства, на которых покоится система старого мира, которые породили Вторую империю и сами в свою очередь под ее опекой дошли до полного разложения. Европа содрогнулась как от электрического удара. Она, казалось, на минуту усомнилась в реальности совершившихся на ее глазах последних поразительных государственных и военных событий: не видения ли это из области давно минувшего.

Поражение, нанесенное национальной гвардией Винуа, было лишь отпором контрреволюционному заговору господствующих

классов, но парижский народ сразу же превратил этот эпизод своей самообороны в первый акт социальной революции. Революция 4 сентября восстановила республику после того, как трон узурпатора опустел. Упорное сопротивление Парижа во время осады, послужившее базой для оборонительной войны в провинции, вырвало у иноземного завоевателя признание этой республики, но ее истинный смысл и истинная цель раскрылись только 18 марта. Революция должна была устранить социальные и политические условия классового господства, на которых покоится система старого мира, которые породили Вторую империю и сами под ее опекой дошли до полного разложения. Европа содрогнулась как от электрического удара. Она, казалось, на минуту усомнилась в реальности совершившихся на ее глазах последних поразительных государственных и военных событий: может быть это только кровавые сновидения из области давно минувшего. Рабочие Парижа, на лицах которых лежали следы перенесенного ими длительного голода и которым угрожали направленные на них прусские штыки, одним ударом завоевали передовое место в борьбе за прогресс и т. д.

Исполненная возвышенного энтузиазма исторической инициативы революция парижских рабочих считала делом чести удержать пролетариат от преступлений, которыми изобилуют революции и еще больше контрреволюции его естественного начальства («высших классов»).

Клеман Тома. Леконт и т. д.

Но страшные «зверства», запятнавшие эту революцию?

Поскольку эти зверства, приписываемые революции ее врагами, не являются сознательной клеветой Версаля или страшным бредом — плодом собственного воображения газетных писак, речь идет только о двух фактах: о расстреле генералов Леконта и Клемана Тома и о стычке на Вандомской площади, о которых мы скажем несколько слов.

Один из наемных головорезов, выделенных для (преступного дела) ночного coup de main* на Монмартр, генерал Леконт, четыре раза отдавал своим солдатам 81-го линейного полка приказ стрелять по безоружной толпе на площади Пигаль; когда же солдаты отказались выполнить его приказ, он обругал их площадной бранью. Вместо того, чтобы направить оружие против женщин и детей, некоторые из его солдат расстреляли его самого, арестовав его днем 18 марта, в парке Шато-Руж.

* — внезапного удара, внезапного нападения. *Ред.*

Укоренившиеся привычки, приобретенные французскими солдатами в школе врагов рабочего класса, не могут, разумеется, бесследно исчезнуть в ту самую минуту, когда они переходят на сторону рабочих. Те же солдаты расстреляли и Клемана Тома.

«Генерал» Клеман Тома, недовольный своей карьерой бывший вахмистр, завербованный в последние годы царствования Луи-Филиппа в «республиканскую» газету «National» исполнял там двойные обязанности подставного ответственного редактора (ответственный gerant) и бреттера-дуэлянта. Люди из «National», использовавшие февральскую революцию, чтобы путем обмана пробраться к власти, превратили своего бывшего вахмистра в «генерала». Это было накануне июньской бойни, и он был одним из злостных заговорщиков, который, подобно Жюлю Фавру, спровоцировал ее и играл в ней роль одного из самых безжалостных палачей. Затем его генеральству внезапно наступил конец. Он исчез из виду и не появлялся уже до 1 ноября 1870 года. Накануне этого дня правительство обороны, захваченное в ратуше, дав честное слово, торжественно обещало Бланки, Флурансу и другим представителям рабочих передать узурпированную ими власть в руки свободно избранной Парижем Коммуны. Но они, конечно, нарушили свое слово и натравили бретонцев Трошю, занявших теперь место корсиканцев Луи Бонапарта, на народ, вина которого заключалась в том, что он положился на их честь. Только г-н Тамизье не захотел запятнать себя таким вероломством и тотчас же подал прошение об отставке от должности главнокомандующего национальной гвардии; на его место подсунули «генерала» Клемана Тома. В продолжение всего своего командования он воевал не против пруссаков, а против парижской национальной гвардии. Он оказался неистощимым в изобретении предлогов, чтобы не допустить ее всеобщего вооружения, в различных уловках, с помощью которых он дезорганизовал ее, науськивая ее буржуазные элементы на рабочие, отстранял офицеров, враждебных «плану» Трошю, распускал пролетарские батальоны, позоря их обвинением в трусости, и это те самые пролетарские батальоны, героизму которых удивляются теперь самые ярые их враги. Клеман Тома кичился тем, что ему снова удалось доказать на деле свою личную ненависть к парижскому пролетариату, которая так ярко проявилась в июньской бойне 1848 года. Всего за несколько дней до 18 марта он представил военному министру Лефло свой проект раз и навсегда покончить с «la fine fleur (цветом) парижской canaille*». После поражения

* — черни, сброда. *Ред.*

Винуа, словно преследуемый июньскими призраками, он не мог отказать себе в удовольствии появиться на сцене в качестве сыщика-*любителя*.

Центральный комитет тщетно пытался спасти этих двух преступников, Леконта и Клемана Тома, от стихийного солдатского суда Линча, в котором он сам и парижские рабочие были так же повинны, как принцесса Александра в гибели людей, раздавленных в толпе при въезде ее в Лондон. Жюль Фавр со своим фальшивым пафосом посылал проклятия Парижу, этому вертепу убийц. Помещичье Собрание инсценировало истерические приступы «чувствительности». Эти люди проливали крокодиловы слезы, всегда служившие им лишь предлогом, чтобы проливать кровь народа. Орудовать трупами достопочтенных людей как оружием в гражданской войне всегда было излюбленным трюком партии порядка. Какими криками возмущения оглашали они всю Европу в 1848 г. по поводу убийства парижского архиепископа, совершенного якобы июньскими инсургентами! На деле они прекрасно знали из показаний викария архиепископа г-на Жакме, бывшего очевидцем, что епископ был застрелен солдатами самого Кавеньяка! В письмах к Тьеру нынешнего парижского архиепископа*, — у него не было никакой склонности к мученичеству, — чувствуется острое подозрение, что в случае его будущей казни его версальские друзья найдут утешение в том, что осуществилось их страстное желание навязать эту милую процедуру Коммуне! Впрочем, когда вопли об «убийцах» сослужили свою службу, Тьер хладнокровно положил им конец, заявив с трибуны Национального собрания, что «убийство» было частным делом «весьма немногих» темных субъектов.

«Люди порядка», парижские реакционеры, трепетавшие от страха перед народной победой — сигналом к возмездию, — были крайне изумлены действиями восставших, находившимися в удивительном противоречии с их собственными традиционными способами праздновать поражение народа. Даже полицейских не только не обезоружили и не арестовали, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа, чтобы они могли благополучно удалиться в Версаль. «Людей порядка» не только оставили в покое, но им дана была возможность объединиться и беспрепятственно захватить сильные позиции в самом сердце Парижа. Эту снисходительность Центрального комитета и это великодушие вооруженных рабочих они, конечно, истолковали просто как сознание рабочими своего бессилия. Вот почему у партии порядка явился план — попробовать под видом якобы «нево-

* — Дарбуа. *Ред.*

оруженной» демонстрации добиться того, чего четыре дня до этого не достиг Винуа со своими пушками и митральезами. Из богатейших кварталов появилась шумная толпа «благородных господ»; она состояла из всяких petits creves*, а во главе ее были такие выкормыши империи, как Геккерен, Кётлогон, Анри де Пен и т. д. Эти люди двинулись вперед в походном порядке, с криками: «Долой убийц! Долой Центральный комитет! Да здравствует Национальное собрание!», оскорбляя и обезоруживая отдельные посты национальной гвардии, встречавшиеся им по пути. Когда они, наконец, вышли на Вандомскую площадь, то попытались, выкрикивая непристойные ругательства, вытеснить национальных гвардейцев из здания их генерального штаба и силой прорваться сквозь их ряды. На выстрелы из револьверов им ответили обычными sommations** (французский эквивалент для английского чтения акта о беспорядках), по этого оказалось недостаточно, чтобы остановить нападающих. Тогда генерал национальной гвардии*** скомандовал стрелять, и мятежники обратились в беспорядочное бегство. Два убитых и восемь тяжело раненных национальных гвардейцев и улицы, по которым бежали мятежники (обращенные в бегство господа), усеянные револьверами, кинжалами и палками со стилетами, ясно показывали «безоружный» характер их «мирной» демонстрации. Когда 13 июня 1849 г. парижская национальная гвардия в знак протеста против разбойничьего нападения французских войск на Рим, устроила действительно невооруженную демонстрацию, Шангарнье, генерал партии порядка, рубил демонстрантов саблями, топтал их копытами своей кавалерии и расстреливал. Тотчас же было объявлено осадное положение, начались новые аресты, ссылки, — новое царство террора. Но «низшие классы» поступают в таких случаях иначе. Никто не преследовал обращенных 22 марта в бегство господ, им дали беспрепятственно удалиться, не были они позже вызваны также и к судебному следователю (juge d'instruction), так что спустя два дня они смогли устроить уже «вооруженную» демонстрацию под предводительством адмирала Сессе. И даже после жалкого провала этого второго их восстания им дали возможность, как всем другим гражданам Парижа, испытать свои силы на выборах в Коммуну. Потерпев поражение в этом бескровном бою, они очистили, наконец, Париж от своего присутствия, беспрепятственно совершив исход, увлекая за собой кокоток, всякие городские подонки и прочие опасные

* — хлыщей, пшютов. *Ред.*
** — требованием разойтись. *Ред.*
*** — Бержере. *Ред.*

элементы населения города. Убийство «безоружных граждан» 22 марта — сказка, которую никогда не посмели повторять даже г-н Тьер и его «помещичья палата», предоставив это исключительно лакеям европейской журналистики.

Если можно найти какую-нибудь ошибку в поведении Центрального комитета и парижских рабочих по отношению к этим «людям порядка», начиная с 18 марта и до момента их исхода, то эта ошибка заключалась в чрезмерной умеренности, граничившей с нерешительностью.

Посмотрим теперь на оборотную сторону медали! После неудачи своего внезапного ночного нападения на Монмартр партия порядка в начале апреля начала свою регулярную кампанию против Парижа. Винуа, бежавший из Парижа, получает от Тьера большой крест ордена Почетного легиона за то, что он положил начало гражданской войне декабрьскими приемами, за хладнокровное истребление взятых в плен солдат линейных войск и за подлое убийство нашего храброго друга Дюваля. Галиффе, сутенер женщины, столь известной своими бесстыдными маскарадными костюмами на оргиях Второй империи, хвастается в официальной прокламации трусливым убийством нескольких парижских национальных гвардейцев вместе с их лейтенантом и капитаном, предательски захваченных врасплох. Жандарма Демаре наградили орденом за то, что он, как мясник, изрубил рыцарски великодушного Флуранса; об «ободряющих» подробностях его смерти Тьер торжествующе сообщил Собранию. С чудовищно нелепым упоением мальчика с пальчик, играющего роль Тимура-Тамерлана, Тьер отказался признать за людьми, «взбунтовавшимися» против его карликового величия, все обычные права воюющей стороны, даже право «неприкосновенности перевязочных пунктов».

Когда Коммуна опубликовала 7 апреля свой декрет о репрессиях, в котором объявлялось, что ее обязанность защищать себя от каннибальства версальских разбойников и требовать око за око и зуб. за зуб, — тогда расстрелы версальских пленных были приостановлены, хотя и не прекратилось зверское обращение с пленными, о которых Тьер говорит в одном из своих бюллетеней, что

«никогда опечаленный взор честных людей еще не видел более бесчестных представителей бесчестной демократии».

Но как только Тьер и его генералы — герои декабрьского переворота — узнали, что декрет Коммуны был лишь простой угрозой, что были пощажены даже шпионы-жандармы, пойманные

в Париже переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с разрывными бомбами, — тотчас же стали в массовых масштабах применяться прежние методы, которые применяются и по сей день. Национальные гвардейцы, сдавшиеся в Бель-Эпине превосходившему их по численности peloton* конных стрелков, были затем расстреляны поодиночке сидевшим верхом на лошади капитаном этих стрелков; дома, в которых укрывались солдаты парижских войск и национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином и поджигали; обугленные трупы были извлечены впоследствии парижскими санитарными отрядами; гибель в редуте Мулен-Саке национальных гвардейцев, предательски захваченных врасплох и заколотых штыками в своих постелях (коммунары, захвачены врасплох, сонными, в своих постелях); кровавая расправа (массовые расстрелы) в Кламаре, расстрел на месте пленных, носивших форму линейных войск, — все эти подвиги, о которых развязно повествует Тьер в своих бюллетенях, представляют собой лишь отдельные эпизоды этого мятежа рабовладельцев! Но не нелепо ли приводить отдельные факты зверской жестокости перед лицом нынешней гражданской войны, затеянной версальскими заговорщиками среди развалин Франции по самым низким мотивам классового своекорыстия, перед лицом бомбардировки Парижа, которая ведется под покровительством Бисмарка, на глазах у его солдат! Небрежный тон, в каком Тьер сообщает обо всем этом в своих бюллетенях, подействовал на нервы даже газеты «Times», не отличающейся особенной чувствительностью. А впрочем все это, как говорят испанцы, «в порядке вещей». Вся борьба господствующих классов против классов производящих, когда они угрожают их привилегиям, изобилует такими же ужасами, хотя никогда еще в ней не проявлялась такая чрезмерная гуманность со стороны угнетенных и лишь в редких случаях проявлялась такая крайняя низость их противников... Тьер всегда придерживался старой аксиомы средневековых странствующих рыцарей, что всякое оружие хорошо в борьбе против плебея.

«L'Assemblee siege paisiblemeut»**, — пишет *Тьер префектам.*

Инцидент в Бель-Эпине

Инцидент в Бель-Эпине, недалеко от Вильжюифа, заключался в следующем: 25 апреля четыре национальных гвардейца были окружены отрядом конных стрелков, которые предложили им сдаться и сложить оружие. Ввиду того, что сопротивление

---

* — взводу. *Ред.*

** — «Собрание мирно заседает». *Ред.*

было бесполезно, они повиновались, и стрелки не тронули их. Вскоре после этого подскакал на лошади, несущейся во весь опор, капитан отряда; этот офицер, достойный служить под командованием Галиффе, расстрелял поодиночке пленных из револьвера и затем уехал со своим отрядом. Трое из гвардейцев были убиты, а один, по имени Шеффер, тяжело раненный, остался жив и был впоследствии доставлен в госпиталь в Бисетре. Коммуна направила туда комиссию, чтобы получить показания умирающего, которые комиссия и опубликовала в своем отчете. Когда один из парижских членов Собрания сделал по поводу этого доклада запрос военному министру, депутаты «помещичьей палаты» заглушили его слова криком и не дали министру отвечать. Было бы оскорблением для их «славной» армии — не совершать убийства, а говорить о них.

Душевное спокойствие, с каким Собрание относится к ужасам гражданской войны, проявляется в словах одного из бюллетеней Тьера к его префектам: «L'Assemblee siege paisiblement» (оно, подобно Оливье, относится к событием с coeur leger[*]); правительство, состоящее из уголовных преступников, доказывает своими гастрономическими празднествами у Тьера и за столом немецких принцев, что их пищеварение не испортили даже тени Леконта и Клемана Тома.

6) КОММУНА

Коммуна после Седана была провозглашена рабочими Лиона, Марселя и Тулузы[453]. Гамбетта приложил все усилия, чтобы уничтожить ее. Во время осады Парижа все снова и снова повторявшиеся рабочие восстания, — которые всякий раз подавлялись под разными лживыми предлогами бретонцами Трошю, этими достойными преемниками корсиканцев Луи Бонапарта — представляли собой попытки заменить правительство узурпаторов Коммуной. Коммуна, которую пролетариат молчаливо вынашивал тогда в своем сознании, составляла истинную тайну революции 4 сентября. Поэтому-то утром 18 марта, после поражения контрреволюции, дремлющая Европа была разбужена от сна, в котором ей виделась прусская империя, громовыми криками Парижа: «Vive la Commune!»[**].

Что же такое Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую загадку буржуазным умам?

В своем наиболее простом понимании — это та форма, в которой рабочий класс берет в свои руки политическую

[*] — с легким сердцем (обыгрывается выражение председателя совета министров Оливье — см. настоящий том, стр. 510). *Ред.*

[**] — «Да здравствует Коммуна!» *Ред.*

власть в Париже и других промышленных центрах, являющихся его социальным оплотом.

Центральный комитет в своем манифесте от 20 марта заявил:

«Парижские пролетарии, видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот повелительный долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки политическую власть» (государственную власть).

Но пролетариат не может, как это делали господствующие классы и их различные соперничающие группы в поочередные моменты своего торжества, просто овладеть существующим государственным аппаратом и пустить в ход эту готовую силу для своих собственных целей. Первое условие для удержания политической власти — переделать традиционный рабочий механизм государства и уничтожить его как орудие классового господства. Эта громадная правительственная машина, опутывающая, как удав, действительный общественный организм своими всеохватывающими петлями — постоянной армией, иерархической бюрократией, послушной полицией, духовенством и раболепным судейским сословием — была впервые создана во времена абсолютной монархии как оружие нарождавшегося буржуазного общества в его борьбе за освобождение от феодализма. Первая французская революция, поставившая себе задачу дать полный простор свободному развитию современного буржуазного общества, должна была смести прочь все местные, территориальные, городские и провинциальные твердыни феодализма, и, таким образом, одновременно она подготовила общественную почву для той надстройки, которой является централизованная государственная власть с ее вездесущими органами, разветвляющимися по принципу систематического и иерархического разделения труда.

Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей. Политическое орудие его порабощения не может служить политическим орудием его освобождения.

Современное буржуазное государство воплощается в двух важных органах — парламенте и правительстве. Парламентское всемогущество породило в период республики партии порядка, с 1848 по 1851 г., свое собственное отрицание — Вторую империю, — и режим империи, с его простой пародией на парламент, есть тот режим, который процветает ныне в большинстве крупных милитаристских государств европейского континента. Узурпаторская диктатура правительственного

аппарата, которая на первый взгляд создает видимость диктатуры над самим обществом, возвышающейся равно над всеми классами и унижающей в равной мере все классы, в действительности стала, по крайней мере на европейском континенте, единственно возможной государственной формой, при которой присваивающий класс может сохранять свое господство над производящим классом. Сборище призраков всех отошедших в прошлое французских парламентов, все еще витающее над Версалем, не обладает никакой другой реальной силой помимо правительственной машины в том виде, как она была создана Второй империей.

Гигантский правительственный паразит, опутывающий, как удав, общественный организм своими всеохватывающими петлями — бюрократией, полицией, постоянной армией, духовенством и судейским сословием — существует со времен абсолютной монархии. Централизованная государственная власть должна была тогда служить сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе за освобождение от феодализма. Французская революция XVIII века, поставившая себе задачу вымести вон средневековый хлам сеньоральных, местных, городских и провинциальных привилегий, не могла не очистить одновременно общественную почву от последних помех, которые еще задерживали полное развитие централизованной государственной власти с ее вездесущими органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда. В таком виде она возникла во времена Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы против новой Франции. При последующих парламентских режимах — Реставрации, Июльской монархии и республики партии порядка — высшее управление этой государственной машиной не только стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями господствующих классов, которых непреодолимо влекли к нему предоставляемые им доходы и выгодные должности, но по мере того, как экономический прогресс современного общества умножал ряды рабочего класса, увеличивал его нищету и бедствия, организовывал его сопротивление и развивал в нем стремление к освобождению, — словом, по мере того, как современная классовая борьба, борьба между трудом и капиталом, принимала отчетливую форму, — в облике и характере государственной власти также происходила разительная перемена. Государственная власть всегда была властью, охраняющей порядок, то есть существующий общественный строй, и, следовательно, подчинение и эксплуатацию производящего класса присваи-

вающим классом. Но до тех пор пока этот строй принимался как непреложная и неоспоримая необходимость, государственная власть могла принимать вид беспристрастия. Она поддерживала существующее подчинение масс как незыблемый порядок вещей, как социальный факт, который массы переносят, не вступая в борьбу, а их «естественное начальство» осуществляет без особых забот. Со вступлением самого общества в новую фазу, фазу классовой борьбы, характер его организованной общественной силы, государственной власти, также должен был неизбежно измениться (подвергнуться резким переменам), — все больше развивался характер государственной власти как орудия классового деспотизма, политической машины, существующей для того, чтобы увековечить с помощью насилия социальное порабощение производителей богатства теми, кто его присваивает, как орудия экономического господства капитала над трудом. После каждой новой народной революции, приводившей к тому, что управление государственной машиной переходило от одной группировки господствующих классов к другой, угнетательский характер государственной власти развивался все полнее и использовался все беспощаднее, потому что обещания, данные революцией и, как казалось, обеспеченные ею, могли быть нарушены только с помощью применения силы. К тому же перемены, наступавшие в результате следовавших одна за другой революций, только давали политическую санкцию социальному факту возрастания власти капитала и поэтому передавали саму государственную власть все более непосредственно в руки прямых врагов рабочего класса. Так, июльская революция передала власть из рук землевладельцев в руки крупных фабрикантов (крупных капиталистов), а февральская революция — в руки объединившихся фракций господствующего класса, объединившихся на почве антагонизма к рабочему классу в «партию порядка» — порядка их собственного классового господства. В период парламентарной республики государственная власть сделалась, наконец, открыто признанным орудием войны присваивающего класса против производящих народных масс. Но как открытое орудие гражданской войны ее можно было использовать только во время гражданской войны, и поэтому условием существования парламентарной республики было продолжение открыто провозглашенной гражданской войны, то есть отрицание того самого «порядка», от имени которого велась эта гражданская война. Такое положение вещей могло носить только спазматический, исключительный характер. Оно было невозможным как нормальная политическая форма общества, невыносимым даже для большей

части буржуазии. И поэтому, когда все элементы народного сопротивления были разгромлены, парламентарная республика должна была исчезнуть (очистить путь), уступив место Второй империи.

Империя, которая заявляла, что она опирается на производителей, составляющих большинство нации, — на крестьян, не втянутых, как казалось, в классовую борьбу между капиталом и трудом (безразличных и враждебных к обеим борющимся общественным силам), которая использовала государственную власть, как будто бы она была силой, стоящей над господствующими классами и классами, над которыми осуществляется это господство, которая навязала этим классам перемирие (приглушив классовую борьбу в ее политической, а, значит, и революционной форме), которая лишила государственную власть ее открытой формы классового деспотизма, сломив парламентскую власть, то есть непосредственно осуществляемую политическую власть присваивающих классов, — эта империя была единственно возможной государственной формой, способной временно продлить существование старого общественного порядка. Поэтому весь мир приветствовал империю как «спасительницу порядка», и во всем мире люди, претендующие на роль рабовладельцев, восхищались ею в течение 20 лет. Под ее господством, которое совпало с переменами, произведенными на мировом рынке Калифорнией, Австралией[454] и удивительным развитием Соединенных Штатов, начался период небывалой промышленной активности, оргия биржевой спекуляции, финансового мошенничества, авантюризма акционерных компаний, а все это повело к быстрой централизации капитала путем экспроприации среднего класса и к расширению пропасти между классом капиталистов и рабочим классом. Вся мерзость капиталистического строя, внутренние тенденции которого получили полный простор, беспрепятственно выступила наружу. И в то же самое время — оргия утопающего в роскоши распутства, блеск разврата, бесовский шабаш всех низменных страстей «высших классов». Эта последняя форма правительственной власти была вместе с тем ее наиболее проституированной формой, бесстыдным грабежом государственных средств бандой авантюристов, рассадником огромных государственных долгов, венцом растленности, искусственной жизнью, полной лживого притворства. Правительственная власть со всей ее мишурой, покрывающей ее сверху донизу, погрузилась в грязь. Штыки Пруссии, которая сама жаждала перенести европейский центр этого режима золота, крови и грязи из Парижа в Берлин, обнажили полную гнилость самой государственной машины и гниение

всего того общественного организма, который процветал при этом режиме.

Это была государственная власть в ее последней и наиболее проституированной форме, в ее высшей и гнуснейшей действительности, которую рабочий класс Парижа должен был одолеть и от которой только он мог избавить общество. Что же касается парламентаризма, то он был умерщвлен своим же собственным триумфом и империей. Рабочему классу оставалось только — не воскрешать его.

Рабочие должны были разбить не более или менее незавершенную форму правительственной власти старого общества, а саму эту власть в ее последней и исчерпывающей форме — *империю.* Прямой противоположностью *империи* была *Коммуна.*

В своем наиболее простом понимании Коммуна означала прежде всего предварительное разрушение старой правительственной машины в ее центральных пунктах, в Париже и в других больших городах Франции, и замену ее подлинным самоуправлением, которое в Париже и в больших городах, являющихся социальным оплотом рабочего класса, было правительством рабочего класса. Вследствие осады Париж избавился от армии, которая была заменена национальной гвардией, состоящей в основной массе из рабочих Парижа. Восстание 18 марта стало возможным только благодаря такому положению вещей. Этот факт надо было превратить в установленный порядок, и заменить постоянную армию, которая защищает правительство и направлена против народа, национальной гвардией больших городов, то есть народом, вооруженным, чтобы не допустить правительственной узурпации. Коммуна должна была состоять из выбранных всеобщим голосованием по различным округам городских гласных (так как Париж был инициатором Коммуны и служил ее образцом, то мы должны сослаться на него), ответственных и в любое время сменяемых. Большинство их состояло бы, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полицейские, бывшие до сих пор орудием центрального правительства, стали бы слугами Коммуны и, подобно должностным лицам всех остальных областей управления, должны были назначаться Коммуной и всегда могли быть смещены ею; все должностные лица, подобно самим членам Коммуны, должны были выполнять свою работу за заработную плату рабочего. Судьи тоже впредь должны были избираться, быть сменяемыми и ответственными. Инициатива во

всех вопросах общественной жизни должна была остаться за Коммуной. Словом, все общественные функции, даже те немногие, которые принадлежали бы центральному правительству, выполнялись бы коммунальными чиновниками и, стало быть, под контролем Коммуны. Одно из нелепейших утверждений заключается в том, что центральные функции — не функции правительственной власти над народом, а функции, необходимость которых вызывается главными и общими потребностями страны, — сделались бы невозможными. Эти функции существовали бы, но выполняющие их лица не могли бы, как при старой правительственной машине, встать над действительным обществом, потому что эти функции должны были выполняться *коммунальными чиновниками* и, стало быть, всегда под действительным контролем. Общественные должности перестали бы быть частной собственностью, пожалованной центральным правительством своим ставленникам. Устранение постоянного войска и правительственной полиции сломило бы материальную силу угнетения. Отделение церкви от государства и экспроприация всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом, и изгнание религиозного преподавания из всех общественных школ (одновременно с введением бесплатного обучения) в уединение частной жизни, где оно существовало бы милостыней верующих, освобождение всех учебных заведений от правительственной опеки и порабощения, — все это должно было сломить силу духовного угнетения, сделать науку не только доступной для всех, но и свободной от оков правительственного гнета и классовых предрассудков. Муниципальные налоги устанавливались и взимались бы Коммуной, налоги для общегосударственных целей взимались бы коммунальными должностными лицами и расходовались бы самой Коммуной на общие нужды (их расходование на общие нужды контролировалось бы самой Коммуной).

Правительственная сила подавления и власти над обществом была бы таким образом сломлена благодаря уничтожению ее чисто угнетательских органов, а функции, правомерно принадлежащие правительственной власти, должны были осуществляться не органами, стоящими над обществом, а ответственными слугами самого общества.

7) ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борющемуся, трудящемуся, мыслящему Парижу, наэлектризованному энтузиазмом исторической инициативы и исполненному героизма происходящего, новому обществу, рождающемуся

в муках, противостоит в Версале старое общество, мир традиционного лицемерия и нагромождения лжи. Его истинный представитель — это помещичье Собрание, заполненное косноязычными вампирами всех отживших режимов, в которых последовательно воплощалось классовое господство во Франции; их глава — дряхлый шут парламентаризма, а их меч — в руках бонапартистских capitulards, бомбардирующих Париж на глазах у своих прусских победителей.

Горы развалин, которыми при падении Второй империи оказалась покрыта Франция, для них — только благоприятная возможность откапывать и вытаскивать наружу весь хлам прежних развалин — хлам легитимизма или орлеанизма.

Пламя жизни они стараются разжечь в атмосфере, отравленной могильным тлением всех эмиграции прошлого. (Самый воздух, которым они дышат, отравлен могильным тлением всех эмиграций прошлого.)

У них нет ничего реального, помимо их совместного заговора против жизни, своекорыстия их классовых интересов, их желания растерзать труп французского общества, помимо их общих рабовладельческих интересов, их ненависти к настоящему и их войны с Парижем.

Все в них карикатурно, начиная с этой старой мумии времен режима Луи-Филиппа, графа Жобера, восклицающего в Национальном собрании, во дворце Людовика XIV: «Мы — государство!» («Государство — это мы»)[455] (они действительно — призрак государства, оторванного от общества), до пресмыкающихся перед Тьером республиканцев, которые устраивают свои собрания в *Же-де-Пом* (зале для игры в мяч), чтобы продемонстрировать свое вырождение по сравнению с их предшественниками 1789 года.

Во главе их Тьер, подавляющее большинство их распадается на две группы — легитимистов и орлеанистов, в хвосте — республиканцы «старого стиля». Каждая из этих фракций интригует, добиваясь своей собственной реставрации; республиканцы добиваются реставрации парламентарной республики, возлагая свои надежды на старческое тщеславие Тьера, а пока что образуют республиканскую декорацию для его правления и санкционируют своим присутствием войну бонапартовских генералов против Парижа, после того как они пытались завлечь Париж в объятия Тьера и разоружить его под командой Сессе! Рыцари печального образа! Унижения, которые они добровольно переносят, показывают, во что выродился республиканизм как особая форма классового господства. Именно их имел в виду Тьер, когда спросил собравшихся мэров департамента Сены

и Уазы, чего им еще нужно: «Не стоит ли он, простой гражданин, во главе государства?» Прогресс, происшедший с 1830 до 1870 г., заключается в том, что тогда Луи-Филипп был лучшей из республик, а теперь лучшей из республик является сам маленький Тьер, министр Луи-Филиппа.

Вынужденные делать свое настоящее дело — вести войну против Парижа — с помощью бонапартовских солдат, жандармов и полицейских под командой отставных бонапартовских генералов, они дрожат от страха, подозревая, что они — как и в период их режима с 1848 по 1851 г. — лишь выковывают орудие для второй реставрации империи. Папские зуавы, вандейцы Кателино, бретонцы Шарета — вот что такое в действительности их «парламентская» армия, пустой призрак армии по сравнению с реальной силой империи. Приходя в исступление при одном слове «республика», они в то же время принимают все требования Бисмарка от ее имени, растрачивают от ее имени остатки достояния Франции на гражданскую войну, от ее имени поносят Париж, от ее имени готовят законы для будущей расправы с мятежниками, от ее имени узурпируют диктаторскую власть над Францией.

Законность своей власти они обосновывают всеобщим избирательным правом, против которого всегда боролись, когда сами были у власти с 1815 по 1848 г., которое они отменили в мае 1850 г., после того как оно было введено республикой вопреки им, и которое они теперь принимают в виде проституированного наследия империи, забывая при этом, что вместе с ним они принимают империю плебисцитов! Сами они немыслимы даже со своим всеобщим избирательным правом.

Они упрекают Париж в том, что он восстал против национального единства, а их первым словом было требование *обезглавить* это единство, лишив Париж звания столицы. Париж совершил то, чего они якобы сами желали, но он осуществил это не так, как они желали, не как реакционную фантазию прошлого, а как революционное утверждение будущего. Шовинист Тьер, начиная с 18 марта, угрожает Парижу «интервенцией Пруссии», в Бордо он настаивал на «интервенции Пруссии», он фактически действует против Парижа только с помощью тех средств, которые предоставлены ему Пруссией. Бурбоны были само достоинство по сравнению с этим шутом шовинизма.

Какое бы имя ни носила — в случае их победы — их реставрация, какой бы удачливый претендент ни возглавил ее, ее действительностью может быть только империя — последняя и неизбежная политическая форма господства этих прогнивших классов. Если они сумеют восстановить ее, — а в случае успеха

любого из их планов реставрации им придется восстановить ее, — то они сумеют лишь ускорить гниение представляемого ими старого общества и созревание того нового общества, против которого они борются. Их тусклые глаза видят только политический фасад отживших режимов, и они мечтают воскресить их, поставив во главе какого-нибудь Генриха V или графа Парижского. Они не видят, что социальные основы, на которых покоились эти политические надстройки, уже истлели, что эти режимы были возможны только в прошедших фазах развития французского общества, при условиях, которые это общество уже переросло, и что теперь оно может допустить только режим империи, как состояние своего гниения, и только Республику Труда, как состояние возрождения. Они не понимают, что циклы политических форм представляли собой только политическое выражение действительных изменений, происходивших в обществе.

Пруссаки, которые в грубом упоении своим военным триумфом смотрят на агонию французского общества и используют ее для своих целей с грязной расчетливостью Шейлока и с грубой наглостью Krautjunker* уже сами наказаны тем, что империя пересажена на германскую почву. Они сами обречены на то, чтобы освободить во Франции подземные силы, которые поглотят их вместе со старым порядком вещей. Парижская Коммуна может пасть, но Социальная Революция, которой она положила начало, восторжествует. Место ее рождения — повсюду.

---

* ФРАГМЕНТЫ

Ложь в бюллетенях Тьера

Непомерные мошенничества Версаля, его лживый характер полнее всего воплощаются и концентрируются в Тьере, этом профессиональном лжеце, для которого «реальность вещей» существует только в их «парламентском смысле», то есть в качестве лжи.

В своем ответе на письмо архиепископа он хладнокровно отрицает «мнимые казни и *репрессии* (!), приписываемые версальским войскам», и эту бесстыдную ложь подтверждает комиссия, специально для этого назначенная его «помещичьей палатой». Он знает, конечно, что об этих расправах с торжеством возвещают сами бонапартовские генералы. Но в «парламентском смысле» их не существует.

В *своем циркуляре от 16 апреля по поводу бомбардировки Парижа* он пишет:

* — заскорузлого юнкера. *Ред.*

«Если и было сделано несколько пушечных выстрелов, то не версальской армией, а некоторыми инсургентами, *которые хотели показать, что они сражаются,* хотя на самом деле они боялись нос показать».

Разумеется, Париж бомбардирует сам себя, чтобы показать миру, что он сражается!

И через некоторое время: *«Наша артиллерия не бомбардирует;* но, *правда, обстреливает».*

Бюллетень Тьера по поводу Мулен-Саке (4 мая): «Освобождение Парижа от угнетающих его отвратительных тиранов» (освобождение — посредством убийства спящих национальных гвардейцев).

Разношерстный сброд вооруженных отрядов — подонки бонапартовской солдатни, выпущенной из тюрем по милости Бисмарка, с жандармами Валантена и полицейскими Пьетри в качестве основного ядра, с украшением из папских зуавов, шуанов Шарета, вандейцев Кателино, и все это под командой трусливых генералов декабрьского режима и капитуляции, — этот сброд он величает *«наилучшей из армий, которую когда-либо имела Франция».* И если пруссаки до сих пор стоят в Сен-Дени, то лишь потому, что Тьер хочет пугать их зрелищем этой «лучшей из лучших армий».

Если такова «наилучшая армия», то версальское допотопное Собрание — «самое либеральное и наиболее свободно избранное из всех собраний, которые когда-либо имела Франция». Но вершины своей эксцентричности Тьер достигает в своем заявлении мэрам и т. д., что он — «человек, который никогда не нарушал своего слова», — разумеется, он держал слово в парламентском смысле.

Он самый подлинный из республиканцев, а «Собрание еще более либерально, чем он сам» (заседание от 27 апреля).

В обращении *к мэрам:* «Можете довериться моему слову, я никогда не нарушал его», то есть в непарламентском смысле — я ни разу не сдержал его. «Настоящее собрание — одно из самых либеральных, какие когда-либо избирались Францией».

Он сравнивает себя с Линкольном, а парижан — с мятежными рабовладельцами Юга. Но южане добивались территориального отделения от Соединенных Штатов ради сохранения рабства. Париж же добивается отделения самого г-на Тьера и представляемых им интересов от власти ради освобождения труда.

Мстительная злоба, с какой бонапартовские генералы, жандармы и шуаны обрушиваются на Париж, неизбежна в классовой войне против труда, однако в маленькой комедии своих бюллетеней Тьер использует это как предлог для того, чтобы изображать собой карикатуру на Наполеона I и делать

себя посмешищем Европы, с бесстыдством заявляя, что французская армия своей войной против парижан вернула себе славу, которую она потеряла в войне с пруссаками. Таким образом, вся война принимает вид простой детской игры, затеянной с целью дать выход детскому тщеславию карлика, упоенного тем, что он может описывать *свои* собственные сражения, которые ведутся *его* собственной армией, под *его* собственным тайным командованием.

И его ложь достигает высшей точки там, где дело касается Парижа и провинции.

Париж, который в действительности вот уже два месяца дает отпор «наилучшей из армий, которую когда-либо имела Франция», несмотря на тайную помощь, получаемую этой армией от пруссаков, оказывается жаждет только, чтобы Тьер избавил его от «жестоких тиранов», и поэтому сражается против Тьера, хотя и представляет собой только кучку преступников.

Тьер без устали изображает Коммуну кучкой каторжников, преступниками, подонками. Париж сражается против Тьера, потому что хочет, чтобы Тьер избавил его от «угнетающих его отвратительных тиранов». По эта «кучка» отъявленных преступников вот уже два месяца дает отпор «наилучшей из армий, которую когда-либо имела Франция», предводительствуемой непобедимым Мак-Магоном и вдохновляемой наполеоновским гением самого Тьера!

Сопротивление Парижа якобы не является действительностью, — но зато ложь Тьера о Париже является таковой.

Не довольствуясь тем, что они опровергают Тьера своими подвигами, все живые элементы Парижа тщетно обращались к нему, чтобы вывести его из созданного им мира лжи.

«Не следует смешивать парижское движение с захватом Монмартра, который послужил для него только поводом и исходным пунктом; это движение является общим и глубоко коренится в сознании Парижа; большинство даже тех, кто по той или иной причине не примкнул к нему (держится в стороне), не отрицает все же его социальной обоснованности».

Кто же заявил это Тьеру? Делегаты синдикальных палат, люди, говорящие от имени 7—8 тысяч купцов и промышленников. Они отправились в Версаль, чтобы сказать ему это лично. То же самое заявили *Лига республиканского союза и масонские ложи*[456] устами своих делегатов и своими демонстрациями. По Тьер стоит на своем.

В своем бюллетене по поводу Мулен-Саке он пишет (4 мая):

«300 человек взято в плен... остальные мятежники бежали без оглядки, оставив на поле битвы 150 человек убитыми и ранеными... Такова победа, которую Коммуна сможет прославлять в своих бюллетенях. Париж скоро будет освобожден от угнетающих его жестоких тиранов».

Но борющийся Париж, действительный Париж — это не *его* Париж. Его Париж сам является парламентской ложью. «Богатый, капиталистический, тунеядствующий Париж», космополитический притон, — вот его Париж. Вот Париж, который хочет, чтобы его возвратили Тьеру; действительный же Париж — это Париж «подлой черни». Париж, который показал свою храбрость в «мирной процессии» и в паническом бегстве Сессе, который заполняет сейчас Версаль, Рюэй, Сен-Дени, Сен-Жермен-ан-Ле, куда за ним последовали кокотки, льнущие к «людям семьи, религии, порядка», а больше всего — к «людям собственности»; Париж тунеядствующих классов, Париж franc-fileurs, который забавляется тем, что смотрит в подзорные трубы на происходящие битвы, для которого гражданская война лишь приятное развлечение, — таков Париж г-на Тьера, точно так же, как кобленцская эмиграция[457] была Францией г-на де Калонна и как версальская эмиграция представляет собой Францию г-на Тьера.

Если лживой выдумкой является Париж, который якобы хочет, чтобы Тьер, его «помещичья палата», decembriseurs и жандармы освободили его от Коммуны, то и «провинция», желающая освободиться от Парижа с помощью Тьера и его «помещичьей палаты» — так же выдумка.

Еще до окончательного заключения мирного договора во Франкфурте[458] Тьер призывал провинцию направлять свои батальоны национальной гвардии и добровольческие батальоны в Версаль для борьбы с Парижем. Провинция отказалась наотрез. Только Бретань прислала кучку шуанов, «сражающихся под белым знаменем, с нашитым на груди у каждого из них сердцем Христа из белой ткани и с боевым кличем «Vive le roi!»*». Вот как провинция Франции откликнулась на его призывы, так что ему пришлось выпросить у Бисмарка пленные французские войска, пустить в ход папских зуавов (подлинных вооруженных представителей *его* французской провинции) и образовать из 20000 жандармов и 12000 полицейских основное ядро своей армии.

Несмотря на стену лжи, идейную и полицейскую блокаду, которой он пытался (отделить) отгородить Париж от провинции, провинция не только не послала ему батальонов для ведения войны против Парижа, но и направила к нему такой поток депутаций, настаивавших на заключении мира с Парижем, что он отказался дальше принимать их лично. Тон присланных из провинции адресов, в которых большей частью предлагалось немедленно заключить перемирие с Парижем, распустить Собра-

---

* — «Да здравствует король!» *Ред.*

ние, «ввиду истечения срока его полномочий», и предоставить требуемые Парижем муниципальные права, был так оскорбителен, что Дюфор ополчается против них в своем «циркуляре против примирения», адресованном префектам. С другой стороны, «помещичья палата» и Тьер не получили от провинции ни одного сочувственного адреса.

Но grand *defi*[*], брошенным провинцией в ответ на «лживые наветы» Тьера на нее, явились муниципальные выборы от 30 апреля, проведенные при его правительстве и на основе закона. выработанного его Собранием. Из 700000 (в круглых цифрах) муниципальных советников, выбранных в 35000 общинах, которые еще оставались у изувеченной Франции, легитимисты, орлеанисты и бонапартисты не смогли вместе провести даже 8000 своих приверженцев! Дополнительные выборы были еще более враждебны! Это ясно показало, в какой мере *Национальное собрание,* выбранное внезапно и под лживым предлогом, представляет Францию, провинциальную Францию, Францию без Парижа!

Но проект созыва в Бордо собрания муниципальных делегатов от крупных провинциальных городов, осуществить который Тьер воспретил на основании своего собственного закона от 1834 г. и бонапартовского закона от 1855 г.[459], вынудил его признать, что «его провинция» — такая же ложь, как и «его» Париж. Он обвиняет провинцию в том, что она походит на «вероломный» Париж своим горячим желанием «заложить основы коммунизма и мятежа». Еще раз ему был дан ответ в последних резолюциях муниципальных советов Нанта, Вьенна, Шамбери, Лиму, Каркассонна, Анже, Карпантра, Монпелье, Прива, Гренобля и др., которые настойчиво предлагали заключить мир с Парижем, настаивая на

> «безоговорочном признании республики и признании коммунальных прав; все это», как *заявляет* муниципальный *совет Вьенна,* «выбранные 8 февраля лица обещали в своих циркулярных посланиях, когда они были еще кандидатами. Чтобы прекратить внешнюю войну, оно» (Национальное собрание) «уступило две провинции и обещало Пруссии 5 миллиардов. Что только оно не должно сделать, чтобы положить конец гражданской войне?»

(Как раз наоборот: две провинции не являются «частной» собственностью этих лиц, что же касается обещанных 5 миллиардов, то ведь все дело в том, что они должны быть уплачены французским народом, а не ими.)

Поэтому, хотя Париж и может с полным основанием жаловаться на провинцию за то, что она ограничивается мирными

[*] — главным вызовом. *Ред.*

демонстрациями, не оказывая ему помощи в его борьбе против всех сил правительства... все же провинция самым недвусмысленным образом опровергла ложь Тьера и Собрания, будто они являются ее представителями, она заявила, что их провинция это ложь, подобно тому, как и все их существование — пустое притворство и обман.

Генеральный Совет гордится той выдающейся ролью, которую парижские секции *Интернационала* сыграли в славной парижской революции. Дело не в том, как воображают глупцы, будто парижская или какие-либо другие секции Интернационала получали mot d'ordre* из центра. Но так как лучшая часть рабочего класса во всех цивилизованных странах принадлежит к *Интернационалу* и проникнута его идеями, то повсюду в движениях рабочего класса она несомненно должна идти во главе.

Париж** был на страже с самого дня капитуляции, по которой правительство из пленников Бисмарка выдало ему Францию, но получило взамен разрешение сохранить личную охрану с очевидной целью усмирения Парижа. Национальная гвардия реорганизовалась и поручила верховное командование Центральному комитету, избранному всеми ротами, батальонами и батареями столицы, за исключением кое-каких остатков старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет принял меры к перевозке на Монмартр, в Бельвиль и Ла-Виллет пушек и митральез, изменнически оставленных capitulards именно в тех кварталах, в которые собирались вступить пруссаки.

Вооруженный Париж являлся единственным серьезным препятствием на пути контрреволюционного заговора. Стало быть Париж надо было обезоружить. По этому вопросу бордоская палата высказалась-с полнейшей откровенностью. Даже если бы яростный рев депутатов «помещичьей палаты» и не свидетельствовал об этом так ясно, то отдача Парижа Тьером под начало триумвирата из desembriseur Винуа, бонапартистского жандарма Валантена и генерала-иезуита Орель де Паладина не оставляла места ни малейшему сомнению насчет конечной цели разоруже-

---

* — приказы. *Ред.*

** С этого места начинается текст, который содержится на трех отдельных страницах рукописи, не имеющих пагинации; ко второму абзацу сделана приписка: «стр. 9». *Ред.*

ния Парижа. Но если эти чудовищные преступники и признали открыто, какую цель они преследуют, то предлог, который они выставили, чтобы начать гражданскую войну, представлял собой самую бесстыдную, самую наглую (вопиющую) ложь. Артиллерия парижской национальной гвардии, — заявлял Тьер, — есть собственность государства, а посему должна быть возвращена государству. Па самом же деле факты были таковы: Париж был на страже с самого дня капитуляции, по которой пленники Бисмарка выдали ему Францию, выговорив для себя значительную личную охрану с очевидной целью усмирения Парижа. Национальная гвардия реорганизовалась и поручила верховное командование Центральному комитету, избранному всей массой национальных гвардейцев, за исключением кое-каких остатков старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж ее Центральный комитет принял меры к перевозке на Монмартр, в Бельвиль и Ла-Виллет пушек и митральез, изменнически оставленных capitulards именно в тех кварталах, в которые собирались вступить пруссаки. Эта артиллерия была создана на суммы, собранные самой национальной гвардией. В конвенции от 28 января она была официально признана частной собственностью национальной гвардии и как таковая не была включена в общую массу государственного оружия, подлежавшего выдаче победителю. И Тьер посмел начать гражданскую войну под тем лживым предлогом, что артиллерия национальной гвардии будто бы являлась государственной собственностью!

Захват этой артиллерии должен был послужить, очевидно, лишь подготовительной мерой к общему разоружению парижской национальной гвардии, а следовательно и к разоружению революции 4 сентября. Но эта революция стала узаконенным состоянием Франции. Республику во Франции признал победитель в самом тексте капитуляции, а после капитуляции ее признали иностранные державы, от ее имени было созвано Национальное собрание. Единственным законным основанием бордоского Национального собрания и его исполнительной власти являлась революция парижских рабочих 4 сентября. Если бы не революция 4 сентября, это Национальное собрание немедленно должно было бы уступить свое место Законодательному корпусу, который был избран на основе всеобщего избирательного права и разогнан революцией. Тьер и его банда должны были бы капитулировать, чтобы добиться охранных грамот и удостоверений, избавлявших их от путешествия в Кайенну. Национальное собрание, с его полномочием заключить мир с Пруссией, было только одним из эпизодов революции. Ее

действительным воплощением был вооруженный Париж, тот Париж, который произвел эту революцию, который выдержал ради нее пятимесячную осаду со всеми ужасами голода, Париж, который, не взирая на «план» Трошю, своим продолжительным сопротивлением дал возможность вести очень упорную оборонительную войну в провинции. И ныне либо этот Париж по оскорбительному приказу мятежных бордоских рабовладельцев должен был разоружиться и признать, что народная революция 4 сентября не имела иной цели, кроме простой передачи власти из рук Луи Бонапарта и его фаворитов в руки других претендентов на трон, — либо же Парижу предстояло самоотверженно бороться за дело Франции, которую можно было спасти от полного падения и возродить к новой жизни только путем революционного разрушения тех политических и социальных условий, которые породили Вторую империю и сами под ее покровительством дошли до полного разложения. Париж, измученный пятимесячным голодом, не колебался ни одной минуты. Он был полон геройской решимости пройти через все опасности борьбы с французскими заговорщиками прямо на глазах у прусской армии, стоявшей у его ворот. Но из глубочайшего отвращения к гражданской войне народное правительство Парижа, Центральный комитет национальной гвардии, продолжало придерживаться чисто оборонительной позиции, не обращая внимания ни на провокационные выходки Национального собрания, ни на узурпаторские действия исполнительной власти, ни на угрожающую концентрацию войск в Париже и вокруг него.

Утром 18 марта Париж был разбужен громовыми криками: «Vive la Commune!»* Что же такое Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую загадку буржуазным умам?

«Парижские пролетарии», — писал Центральный комитет в своем манифесте о 18 марта, — «видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот повелительный долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки политическую власть».

Но рабочий класс не может, как это делали соперничающие фракции присваивающего класса во времена своего торжества, просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, ду-

* — «Да здравствует Коммуна!» *Ред.*

ховенством и судейским сословием, — органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, — существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе за освобождение от феодализма. Французская революция XVIII века вымела вон хлам сеньоральных, местных, городских и провинциальных привилегий, очистив таким образом общественную почву от последних средневековых помех для этой государственной надстройки. Она приобрела свою окончательную форму во время Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой, полуфеодальной Европы против новой Франции. При последующих парламентских режимах обладание правительственной властью не только стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями господствующих классов, которых непреодолимо влекли к ней предоставляемые ею доходы и влиятельные и выгодные должности, — вместе с экономическими изменениями в обществе изменялся и ее политический характер. По мере того как прогресс промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, правительственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, политической силы, организованной для того, чтобы с помощью насилия обеспечивать социальное порабощение, характер простой машины классового господства. Вслед за каждой народной революцией, означающей новый шаг вперед в ходе (развитии) борьбы классов (классовой борьбы), угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более беспощадно, все более обнаженно. Июльская революция, передав управление государственной машиной из рук земельного собственника в руки капиталиста, передала его тем самым из рук более отдаленного врага рабочих в руки непосредственного их врага. Поэтому государственная власть занимает по отношению к рабочему классу более ясно выраженную позицию враждебности и подавления. Февральская революция поднимает знамя «социальной республики» и таким образом с самого начала доказывает, что уже разоблачен истинный смысл государственной власти,что отвергнуто ее притязание на роль вооруженной силы, якобы охраняющей общественное благоденствие, на то, что она будто бы является воплощением общих интересов общества, стоит выше враждующих частных интересов, которым отводятся их соответственные сферы, — эта революция доказывает, что тайна государственной власти как орудия классового деспотизма раскрыта, что рабочие добиваются республики уже

не как политической разновидности старой системы классового господства, а как революционного средства для уничтожения самого классового господства. Видя, чем им угрожает «социальная республика», господствующий класс инстинктивно чувствует, что анонимное царство парламентарной республики может быть превращено в акционерную компанию его враждующих фракций, между тем как монархии прошлого уже самим своим названием свидетельствуют о победе одной фракции и о поражении другой, о преобладании интересов одной части господствующего класса над интересами другой, земельной собственности над капиталом — или капитала над земельной собственностью. В противоположность рабочему классу господствующий до настоящего времени класс, в каких бы специфических формах он ни присваивал себе труд масс, имеет один и тот же *экономический* интерес: сохранить порабощение труда и пожинать его плоды либо непосредственно в качестве земельного собственника и капиталиста, либо косвенным путем в качестве государственных паразитов земельного собственника и капиталиста; поддерживать насильственными методами такой «порядок», при котором производящая масса, «подлая чернь», служит только источником богатства и господства для «высших классов». Поэтому легитимисты, орлеанисты, буржуазные республиканцы и бонапартистские авантюристы, жаждущие оправдать свое звание защитников собственности прежде всего расхищением ее, сплачиваются воедино и входят в *«партию порядка»,* явившуюся практическим итогом революции, совершенной пролетариатом, который восторженно провозглашал лозунг *«социальной республики».* Парламентарная республика партии порядка это не только царство террора господствующего класса: государственная власть становится в ее руках *открыто признанным орудием гражданской войны* капиталиста и земельного собственника, не говоря уже об их государственных паразитах, против революционных стремлений производителя.

При монархических режимах меры подавления стоящего в данный момент у власти правительства и провозглашаемые им принципы разоблачаются перед народом теми фракциями господствующего класса, которые не находятся у власти; оппозиция в среде господствующего класса стремится заинтересовать народ в своих партийных распрях тем, что апеллирует к его собственным интересам, принимает позу народных трибунов, отстаивая народные свободы. Но в анонимном царстве республики, где слиты воедино способы подавления, применявшиеся при всех отошедших в прошлое режимах (которая берет орудия подавления из арсеналов всех отошедших в прош-

лое режимов) и где эти способы применяются беспощадно, различные фракции господствующего класса справляют настоящую оргию ренегатства. Они с циничной наглостью отрекаются от сделанных ими в прошлом заявлений, попирают свои «так называемые» принципы, проклинают революции, которые они во имя этих принципов сами провоцировали, проклинают само имя республики, хотя лишь ее анонимное царство дает достаточный простор, чтобы включить их в общий крестовый поход против народа.

Таким образом, эта наиболее жестокая форма классового господства является вместе с тем его наиболее ненавистной и вызывающей наибольшее возмущение формой. Используя государственную власть только как орудие гражданской войны, она может удерживать эту власть, только увековечив гражданскую войну. Господство партии порядка с парламентской анархией во главе, увенчанное непрерывными интригами фракций партии «порядка», каждая из которых стремится восстановить свой излюбленный режим, находясь в открытой войне со всем обществом, существующим вне ее собственного узкого круга, — это господство партии порядка становится самым невыносимым господством беспорядка. После того как партия порядка сломила в своей войне против народных масс все сродства их сопротивления и отдала обессиленные народные массы на расправу исполнительной власти, меч исполнительной власти устранил со сцены ее саму вместе с ее парламентским режимом. Эта парламентарная республика партии порядка может поэтому быть только междуцарствием. Ее естественным результатом является *режим империи,* какой бы по счету эта империя ни была. Государственная власть в форме империи, которой сабля служила скипетром, заявляла, что она опирается на крестьянство, на эту обширную массу производителей, стоящих как будто в стороне от классовой борьбы между трудом и капиталом; империя выдавала себя за спасительницу рабочего класса на том основании, что она разрушила парламентаризм, а вместе с ним прямое подчинение государственной власти господствующим классам, и за спасительницу самих господствующих классов на том основании, что она держит в подчинении рабочий класс, не оскорбляя его чувств; она заявляет, что ее цель — если не общественное благоденствие, то, по крайней мере, национальная слава. И поэтому империю объявляют «спасительницей порядка». Как ни оскорбительна империя для политической гордости господствующего класса и его государственных паразитов, она показала, что является режимом, который действительно адекватен буржуазному «порядку», поскольку она

предоставляет полный простор всем оргиям его промышленности, всем гнусностям его спекуляции, всей распутной роскоши его жизни. Государство, якобы поднявшееся таким образом над гражданским обществом, само становится в действительности рассадником всяческой мерзости в этом обществе. Штыки Пруссии обнажили полную гнилость этого государства и одновременно гнилость того общества, которое оно якобы должно спасти; но этот режим империи до такой степени неизбежен как политическая форма «порядка», то есть «порядка» буржуазного общества, что сама Пруссия, казалось, уничтожила его центр в Париже лишь для того, чтобы перенести его в Берлин.

Империя не является подобно своим предшественницам — легитимной монархии, конституционной монархии и парламентарной республике — просто одной из политических форм буржуазного общества, она в то же самое время представляет собой его наиболее проституированную, наиболее законченную и последнюю политическую форму. Это и *есть* государственная власть современного классового господства, по крайней мере, на европейском континенте.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПРАВИТЕЛЬСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ [460]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 17 ЯНВАРЯ 1871 ГОДА

Гражданин Маркс говорит, что, пользуясь присутствием большого числа английских членов, он намерен сделать весьма важное заявление. То, что Оджер говорил о французском правительстве на последнем митинге в Сент-Джемс-холле, противоречит истине. В нашем втором воззвании мы писали, что на некоторых членах временного правительства лежит пятно позора еще со времени революции 1848 года*. Оджер же заявил, что их нельзя ни в чем обвинить. Фавра можно встретить лишь как представителя республики, а отнюдь не как безупречного патриота Жюля Фавра. Но то, как сейчас говорят о Фавре, выдвигает его на передний план, а республика почти исчезает из поля зрения. Вот пример деятельности Фавра. После революции 1848 г. Фавр, в связи с болезнью Флокона, стал секретарем министерства внутренних дел. Его выбрал Ледрю-Роллен. Одним из первых мероприятий Фавра было возвращение армии в Париж, что впоследствии дало буржуазии возможность расстреливать рабочих. Несколько позже народ убедился в том, что Собрание состоит из представителей буржуазии, и выступил с демонстрацией сочувствия Польше, во время которой массы ворвались в зал заседаний[461]. Председатель настоятельно просил Луи Блана обратиться к демонстрантам с речью и умиротворить их, что он и сделал. Война с Россией спасла бы республику. В ближайшие же дни Жюль Фавр первым долгом запросил полномочий для преследования Луи Блана как сообщника демонстрантов. Собрание полагало, что Фавр

* См. настоящий том, стр. 280. *Ред.*

получил соответствующие указания от правительства, однако все остальные члены правительства осуждали эту меру как личную затею Фавра. Временное правительство организовало заговор, чтобы спровоцировать июньское восстание. После расстрела народа Фавр предложил упразднить исполнительную комиссию[462]. 27-го он подготовил декрет о ссылке арестованных без суда, и 15000 человек были сосланы на каторжные работы. В ноябре Собрание было вынуждено рассмотреть дела части арестованных, которых еще не отправили на каторгу. В одном только Бресте оказалось 1000 человек, которых пришлось освободить. Из числа тех арестованных, которых предали суду военной комиссии как наиболее опасных, многих также пришлось освободить, другие были приговорены лишь к коротким срокам тюремного заключения. Впоследствии,, когда вносились предложения об амнистии, Фавр всегда был против них. Он был в числе тех, кто добивался создания комиссии по расследованию всей революции, за исключением февральских событий. Он содействовал принятию гнуснейших из всех когда-либо существовавших законов о печати[463], которые Наполеон ловко сумел использовать. У Фавра были некоторые связи с бонапартистами при Июльской монархии, и он использовал все свое влияние, чтобы провести Наполеона в Национальное собрание. Он приложил все усилия, чтобы добиться осуществления римской экспедиции[464], которая была первым шагом к установлению империи.

Изложение речи напечатано (без упоминания автора) в газете «The Eastern Post» № 121, 21 января 1871 г.

Данный вариант записи публикуется впервые

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

The Eastern Post.
No. 130. LONDON, SATURDAY, MARCH 25, 1871. ONE PENNY.

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О РЕВОЛЮЦИИ 18 МАРТА В ПАРИЖЕ [465]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 21 МАРТА 1871 ГОДА

Гражданин Энгельс описывает положение дел в Париже. Он говорит, что письма из Парижа, полученные в течение этой недели, о которых уже упомянул Серрайе, объяснили то, что ранее оставалось непонятным. Создавалось впечатление, будто небольшое число людей внезапно захватили значительное количество пушек и удерживали их. Вся пресса и все корреспонденты писали, что следует расправиться с этими людьми, но французское правительство медлит, выжидая подходящего момента. Информация, полученная от нашего Парижского комитета, говорит, что национальные гвардейцы уплатили за изготовление этих пушек и хотели оставить их у себя. После выборов они поняли, что при таком Собрании, которое было избрано[466], республика отнюдь не находится в безопасности. Когда пруссаки вступили в Париж, пушки были перевезены в другую часть города, чтобы держать их вне досягаемости пруссаков. Тогда правительство предъявило на них свои претензии и пыталось отнять их у национальной гвардии. Орель де Паладин был назначен главнокомандующим национальной гвардии и префектом полиции*. При Наполеоне он был главой жандармерии и приверженцем духовенства. По приказанию орлеанского епископа Дюпанлу он отбывал в церкви пятичасовую эпитимию, в то время как его армия терпела поражение в сражении с немцами. Это назначение не оставляло никаких сомнений относительно намерений правительства.

* На следующем заседании, 28 марта 1871 г., Энгельс заявил, что в записи его речи от 21 марта допущена ошибка: «генералы Орель де Паладин и Валантен превращены в одно лицо. Префектом полиции был назначен последний». *Ред.*

Тогда национальная гвардия приготовилась к сопротивлению. 215 батальонов из 260, солдаты и офицеры совместно, организовали Центральный комитет. Каждая рота избрала одного делегата, из них образовались местные комитеты округов, или кварталов, а последние избрали Центральный комитет.

Из 20 округов только 5 не выбрали делегатов. Когда Собрание переехало в Версаль, правительство попыталось очистить Париж от революционеров и отнять у них пушки. Только что прибывшие в Пария; войска предполагалось использовать во главе с Винуа, под командой которого солдаты во время coup d'etat* 1851 г. расстреливали народ на бульварах. Рано утром войска частично добились успеха, но когда национальная гвардия обнаружила, что произошло, она стала отнимать пушки обратно, солдаты же братались с народом. Город теперь находится в руках народа; войска, которые не перешли на сторону народа, были отправлены в Версаль, и Собрание не знает, что делать.

Ни один из членов Центрального комитета не принадлежит к числу знаменитостей — там нет Феликсов Пиа и подобных ему людей, — но они хорошо известны в среде рабочего класса. В Комитет входят 4 члена Интернационала.

Коммуна должна была быть избрана в ближайший день. Центральный комитет объявил, что должна соблюдаться свобода печати, но не для прогнившей бонапартистской прессы. В наиболее важном из принятых постановлений говорится, что должны соблюдаться предварительные условия мира. Пруссаки все еще находятся близко, и, если их удастся удержать в стороне от борьбы, шансы на успех увеличатся.

Изложение речи напечатано (без упоминания автора) в газете «The Eastern Post» № 130, 25 марта 1871 г.

Данный вариант записи впервые опубликован на русском языке в газете «Правда» № 77, 18 марта 1932 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

* — государственного переворота. *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧЕЙ Ф. ЭНГЕЛЬСА И К. МАРКСА О РЕСПУБЛИКАНСКОМ ДВИЖЕНИИ В АНГЛИИ [467]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 28 МАРТА 1871 ГОДА

Гражданин *Энгельс* говорит, что вопрос не в том, поддерживаем ли мы республиканское движение, а в том, направится ли это движение при существующих обстоятельствах по нашему пути. Есть люди, которые подобно Питеру Тейлору и другим не идут дальше требования республики; но надо иметь в виду, что уничтожение монархии повлечет за собой уничтожение государственной церкви, палаты лордов и многого другого. Никакое республиканское движение не может развиваться в Англии, не перерастая в движение рабочего класса, и, раз такое движение возникает, то нужно также знать, как оно будет развиваться дальше. Прежде чем наши идеи могут осуществиться на практике, должна быть установлена республика. Мы должны наблюдать за республиканским движением, и членам Интернационала следует принимать в нем участие, стремясь дать ему нужное направление. Если республиканское движение примет буржуазный характер, то оно превратится в клику. Рабочий класс не может не порвать со всеми установившимися формами.

Гражданин *Энгельс* говорит, что в Америке существует такое же угнетение, как в Англии, но республиканский строй предоставляет рабочему классу широкую возможность для агитации. В густонаселенных штатах рабочее движение организовано,

но наличие больших пространств незаселенной земли мешает ему усилиться.

Гражданин *Маркс* высказывает убеждение, что никакое республиканское движение не может стать серьезной силой, не превратившись в социальное. Заправилы нынешнего движения, конечно, не имели таких намерений.

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», 1941

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 11 АПРЕЛЯ 1871 ГОДА

Гражданин Энгельс говорит, что он должен сообщить еще об одном факте. В последнее время пресса полна россказней о чудесах, совершаемых Товариществом. О последнем из них сообщила одна парижская газета, объявившая, будто бы в 1857 г. Маркс был личным секретарем Бисмарка.

Далее Энгельс говорит, что нельзя не остановиться на парижских событиях. Пока делами руководил Центральный комитет национальной гвардии, они шли хорошо, но после выборов[468] велись разговоры, а действий не было. Действовать против Версаля надо было тогда, когда он был слаб, но этот благоприятный момент был упущен, и теперь, по-видимому, Версаль берет верх и теснит парижан. Народ не станет долго терпеть то, что его ведут к поражению. Парижане теряют территорию, почти бесцельно расходуют боевые припасы и съедают свои продовольственные запасы. Их нельзя заставить сдаться голодом, пока с одной стороны Париж открыт. Фавр отклонил помощь пруссаков[469]. В июне 1848 г. бои закончились в четыре дня, но тогда рабочие не имели пушек. Теперь бои не кончатся так быстро. Луи-Наполеон проложил широкие улицы, чтобы можно было обстреливать на них рабочих из пушек, но сейчас это обстоятельство благоприятствует рабочим: они будут на улицах обстреливать противника из пушек. Рабочих — 200000, они организованы гораздо лучше, чем при всех прежних восстаниях. Положение трудное, шансы не так хороши, как две недели тому назад.

Впервые опубликовано на русском языке в газете «Правда» № 77, 18 марта 1932 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 25 АПРЕЛЯ 1871 ГОДА

Маркс... или газеты[*]. В дальнейшем это будет налажено, так как торговые сношения между Коммуной и Лондоном будут обслуживаться разъездным агентом, который возьмет на себя также и обеспечение нашей связи.

Serrайе и Дюпон выставлены кандидатами на вакантные места в 17-м округе[470]. Серрайе писал, что Дюпона несомненно изберут, но со времени выборов он ничего не писал; возможно, впрочем, что он писал в Манчестер. Оказывается, что далеко не все отправленные письма дошли по назначению.

Феликс Пиа и Везинье клевещут в Париже на Серрайе и Дюпона, а когда Серрайе пригрозил им судом, они стали отрицать это. Необходимо сейчас же написать в Париж и разъяснить, почему Пиа клевещет на Серрайе и Дюпона. (По предложению гражданина Моттерсхеда Совет поручает составление этого письма гражданину Марксу[471].)

Лафарг отправил письма почтой за линией парижских укреплений, и поэтому они задержались при доставке по железной дороге: письма просматривались как французским, так и прусским правительствами. Большая часть сведений, содержащихся в письмах, устарела, но в них упоминаются некоторые факты, о которых не говорилось в газетах. В письмах сообщается, что провинция знает так же мало о том, что творится в Париже, как и во время осады. В самом Париже, если не считать тех мест, где происходят сражения, никогда не было так спокойно. Значительная часть среднего класса присоединилась к бель-

[*] Начало речи Маркса не сохранилось, так как в протокольной книге Генерального Совета отсутствует соответствующий лист. *Ред.*

вильской национальной гвардии. Крупные капиталисты бежали, а мелкий торговый и ремесленный люд идет с рабочим классом. Невозможно представить себе, как велик энтузиазм народа и национальной гвардии; версальцы — глупцы, если они надеются войти в Париж. Париж не верит в восстание в провинции и знает, что против него стягиваются превосходящие силы, но он не боится этого, он опасается прусской интервенции и недостатка продовольствия. Декреты о квартирной плате и коммерческих векселях — поистине мастерский ход; если бы не были изданы эти декреты, то три четверти торговцев и ремесленников разорились бы. Убийство Дюваля и Флуранса вызвало стремление отомстить за них. Семья Флуранса и Коммуна направили должностное лицо для того, чтобы более обстоятельно выяснить причины их смерти, но. ему ничего не удалось сделать, Флуранс был убит в одном доме.

Получены также кое-какие сообщения относительно того, как фабрикуются телеграммы. Когда Брютто просмотрел денежные счета правительства национальной обороны, он обнаружил, что уплачены деньги за изготовление усовершенствованной переносной гильотины. Гильотина была найдена и публично сожжена по распоряжению Коммуны. Газовая компания задолжала муниципалитету более одного миллиона франков, но не проявляла никакого желания уплатить свой долг; только после наложения ареста на ее имущество она выдала вексель на соответствующую сумму на Французский банк. Телеграммы и сообщения корреспондентов изображают все это совершенно в другом свете. Больше всего раздражения вызывает то, что Коммуна управляет так дешево. Высшие должностные лица получают только по 6000 франков в год, остальные — лишь заработную плату рабочего.

Воззвание[*] будет готово к следующему заседанию.

Изложение речи напечатано (без упоминания автора) в газете «The Eastern Post» № 135, 29 апреля 1871 г.

Данный вариант записи впервые опубликован на русском языке в книге «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», 1941

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

[*] — «Гражданская война во Франции». *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 9 МАЯ 1871 ГОДА

Затем гражданин Энгельс сообщил, что воззвание* еще не готово. Гражданин Маркс был серьезно болен, и работа над воззванием ухудшила его состояние. Но в субботу воззвание будет готово, и Подкомитет[472] сможет собраться у Маркса в любое время после пяти часов дня.

В Лондоне был посланец Коммуны и привез хорошие известия. Пришлось принять строгие меры, чтобы люди не проникали в город без пропусков. Обнаружилось, что версальские шпионы свободно разгуливают по городу. Главная атака была отбита. Версальская армия пыталась прорваться между позициями национальной гвардии и крепостным валом, но теперь она может нападать лишь в одном месте — в том самом, в котором она раньше уже потерпела неудачу. Оборона усиливается. Коммуна потеряла небольшую территорию и вновь овладела Кламаром. Даже если армии удастся взять крепостной вал, то за ним находятся баррикады, на которых предстоит борьба, какой еще никогда не бывало. Впервые баррикады будут защищаться пушками, ружьями военного образца и правильно организованными войсками. Сражающиеся армии теперь приблизительно равны. Версаль не смог набрать войска в провинции, версальцы вынуждены направить туда часть своих сил для поддержания порядка в городах. Тьер не может даже разрешить представителям муниципальных советов собраться в Бордо и обсудить политические вопросы — он должен прибегнуть к наполеоновскому закону, чтобы воспрепятствовать этому[473].

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», 1941

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

* — «Гражданская война во Франции». *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ [474]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 23 МАЯ 1871 ГОДА

Гражданин Маркс объяснил, что он был болен и не смог закончить воззвание, которое он обещал подготовить, но он надеется, что оно будет готово к ближайшему вторнику. Переходя к вопросу о борьбе в Париже, Маркс сказал: он опасается, что конец близок, но если Коммуна будет разбита, борьба будет только отсрочена. Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения. Парижскую Коммуну подавляют с помощью пруссаков, которые действуют в качестве жандармов Тьера. Бисмарк, Тьер и Фавр вступили в заговор с целью ее уничтожения; Бисмарк во Франкфурте утверждал, что Тьер и Фавр просили его вмешаться. Результаты показали, что он готов был сделать все возможное, чтобы им помочь, не рискуя жизнью немецких солдат, — не потому, что он ценит человеческую жизнь, когда дело идет о выгоде, а потому, что он хотел еще большего унижения Франции, чтобы он мог предъявить ей еще большие требования. Тьеру он позволил иметь солдат больше, чем это было обусловлено в конвенции, но подвоз продовольствия Парижу он разрешал только в ограниченном количестве. Все это было лишь повторением старой истории. Высшие классы всегда объединялись для подавления рабочего класса. В XI столетии происходила война между французскими и нормандскими рыцарями, а крестьяне подняли восстание. Рыцари немедленно же забыли свои раздоры и объединились, чтобы раздавить крестьянское движение. Чтобы показать, как пруссаки выполняли полицейскую работу, можно упомянуть, что в Руане, занятом пруссаками, 500 человек было арестовано под тем предлогом, что они принадлежат

к Интернационалу. Интернационал внушает страх. Во французском Национальном собрании граф Жобер — иссохшая мумия, министр 1834 г., человек, известный своей поддержкой мер, направленных против прессы, — произнес речь, в которой он говорил, что после восстановления порядка первой обязанностью правительства должно быть расследование деятельности Интернационала и сокрушение его.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 139, 27 мая 1871 г.

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета, сверенному с текстом газеты

Перевод с английского

ИЗЛОЖЕНИЕ РЕЧИ К. МАРКСА ПРОТИВ КЛЕВЕТЫ БУРЖУАЗНОЙ ПРЕССЫ НА ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ПАРИЖСКУЮ КОММУНУ

ИЗ ГАЗЕТНОГО ОТЧЕТА О ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 6 ИЮНЯ 1871 ГОДА

Гражданин Маркс обращает внимание Совета на то, что английская пресса распространяет бесстыдную ложь о Парижской Коммуне. Эти лживые измышления фабриковались французской и прусской полицией, боявшейся, что истина станет известной. Утверждали, что Мильер якобы был одним из самых свирепых членов Коммуны. В действительности он никогда не был членом Коммуны, но так как он являлся депутатом Парижа, то нужно было найти какой-либо предлог, чтобы расстрелять его. Английская пресса помогала Тьеру, выступая в роли полиции и ее ищеек. Чтобы оправдать кровожадную политику Тьера, занимались клеветой на Коммуну и Интернационал. Прессе достаточно хорошо известны цели и принципы Интернационала. В прессе сообщалось о преследованиях Интернационала в Париже во времена империи. Представители прессы присутствовали на различных конгрессах Товарищества, и в печати помещались сообщения о работе конгрессов. Несмотря на это, газеты обошло сообщение о том, что в Товарищество якобы входило фенианское братство, карбонарии и общество Марианна[475], а также и другие тайные общества. В прессе задавали вопрос, известно ли полковнику Хендерсону местопребывание Генерального Совета, который по слухам находится в Лондоне. Все это было выдумано только для того, чтобы оправдать любую меру, предпринятую против Интернационала. «Высшие классы» испытывают страх перед принципами Интернационала.

Маркс хочет также обратить внимание на то, что Мадзини написал статью, опубликованную в журнале «Contemporary Review»[476], в которой он порицает Парижскую Коммуну. Тот

факт, что Мадзини всегда выступал против движений рабочих, известен не так широко, как следовало бы. Мадзини осуждал восставших в июне 1848 года. На это ему ответил Луи Блан, обладавший тогда большим мужеством, чем в настоящее время.

Когда Пьер Леру, имевший большую семью, получил работу в Лондоне, не кто иной, как Мадзини сделал на него донос. Факты говорят о том, что Мадзини с его старомодным республиканизмом ничего не понял и ничего не свершил. Своими призывами к национализму он привел Италию к военному деспотизму. То государство, которое он создал в своем воображении, для него — все, а общество, которое является реальностью, для него — ничто. Чем скорее народ избавится от подобных людей, тем лучше.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 141, 10 июня 1871 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с текстом протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ К. МАРКСА С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «THE WORLD» [477]

Лондон, 3 июля

... Я прямо приступил к делу. Мир, сказал я, как видно, плохо представляет себе, что такое Интернационал; к нему питают сильную ненависть, но вряд ли сумели бы объяснить, что именно ненавидят. Некоторые люди, считающие, что сумели глубже других проникнуть в тайну Интернационала, утверждают, что это своего рода двуликий Янус, с честной и доброй улыбкой рабочего на одном лице и с усмешкой злодея-заговорщика на другом. Я попросил Маркса пролить свет на тайну, раскрыть которую бессильны подобные теории. Ученый засмеялся, ему стало смешно, как мне показалось, при мысли, что мы его так боимся.

— Тут нет никакой тайны, милостивый государь, — начал Маркс в очень изысканной форме диалекта Ганса Брайтмана[478], — разве только тайна глупости людей, которые упорно игнорируют тот факт, что наше Товарищество действует открыто и что подробнейшие отчеты о его деятельности печатаются для всех, кто пожелает их прочесть. Вы можете купить наш Устав за пенни, а за шиллинг Вы будете иметь брошюры, из которых узнаете о нас почти все, что знаем мы сами.

Я. — «Почти» — это весьма возможно; но не будет ли в том, чего я не узнаю, заключаться самое важное? Буду вполне откровенен с Вами и поставлю вопрос так, как он представляется постороннему наблюдателю: не свидетельствует ли это всеобщее недоброжелательное отношение к вашей организации о чем-то большем, чем невежественная злоба толпы? И не позволите ли Вы спросить Вас еще раз, несмотря на сказанное Вами, что такое Интернационал?

Д-р Маркс. — Вам достаточно взглянуть на людей, из которых он состоит, — на рабочих.

Я. — Да, но солдат не всегда показателен для того правительства, которое им распоряжается. Я знаю некоторых из ваших членов и вполне допускаю, что они — не из того теста, из которого делаются заговорщики. К тому же тайна, которая известна миллиону человек, вовсе не была бы

тайной. Но что, если эти люди только орудия в руках какой-нибудь смелой и, — Вы, надеюсь, простите меня, если я добавлю, — не слишком разборчивой в средствах коллегии?

Д-р Маркс. — Ничто не доказывает, что это так.

Я. — А последнее восстание в Париже?

Д-р Маркс. — Во-первых, я попрошу Вас доказать, что тут был вообще какой-нибудь заговор, что все происшедшее не было закономерным следствием сложившихся обстоятельств. А если исходить из существования заговора, то чем может быть доказано участие в нем Международного Товарищества?

Я. — Наличием многочисленных членов Товарищества в органах Коммуны.

Д-р Маркс. — В таком случае это был также и заговор франкмасонов, потому что их индивидуальное участие в деятельности Коммуны было далеко не малым. Я, право, не удивился бы, если бы папа объявил все восстание делом рук франкмасонов. Но попытайтесь найти иное объяснение. Восстание в Париже было совершено рабочими Парижа. Наиболее способные рабочие неизбежно должны были стать его вождями и организаторами; но наиболее способные рабочие обычно являются в то же время и членами Международного Товарищества. Однако Товарищество, как таковое, нельзя делать ответственным за их действия.

Я. — Мир смотрит на это иначе. Люди толкуют о тайных инструкциях из Лондона и даже о денежной поддержке. Можно ли утверждать, что открытый характер деятельности Товарищества, на который Вы сослались, исключает возможность всяких тайных сношений?

Д-р Маркс. — Возникала ли когда-нибудь организация, которая вела бы свою работу без использования как негласных, так и гласных средств связи? Но говорить о тайных инструкциях из Лондона, как о декретах в вопросах веры и морали, исходящих из какого-то центра папского владычества и интриг, значит совершенно не понимать сущности Интернационала. Для этого потребовалось бы централизованное правительство в Интернационале; в действительности же форма его организации предоставляет как раз наибольшую свободу местной самодеятельности и независимости. В самом деле, Интернационал вовсе не является собственно правительством рабочего класса; он представляет собой скорее объединение, чем командующую силу.

Я. — Объединение с какой целью?

Д-р Маркс. — С целью экономического освобождения рабочего класса посредством завоевания политической власти;

с целью использования этой политической власти для осуществления социальных задач. Наши цели должны быть настолько широкими, чтобы включать в себя все формы деятельности рабочего класса. Придать им специальный характер значило бы приспособить их к потребностям только одной какой-нибудь группы рабочих, к нуждам рабочих одной какой-нибудь нации. Но как можно призвать всех людей к объединению в интересах немногих? Если бы наше Товарищество вступило на этот путь, оно потеряло бы право называться Интернационалом. Товарищество не предписывает определенную форму политических движений; оно только требует, чтобы эти движения были направлены к одной цели. Оно представляет собой сеть объединенных обществ, раскинутую по всему миру труда. В каждой части света наша задача представляется с какой-либо особой стороны, и рабочие там подходят к ее выполнению своим собственным путем. Организации рабочих не могут быть совершенно одинаковыми во всех деталях в Ньюкасле и Барселоне, в Лондоне и Берлине. В Англии, например, перед рабочим классом открыт путь проявить свою политическую мощь. Восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем. Во Франции множество репрессивных законов и смертельный антагонизм между классами делают, по-видимому, неизбежным насильственную развязку социальной войны. Но выбрать, каким способом добиться развязки, должен сам рабочий класс этой страны. Интернационал не берется диктовать что-нибудь в этом вопросе, и вряд ли будет даже советовать. Но к каждому движению он проявляет свое сочувствие и оказывает свою помощь в рамках, установленных его собственными законами.

Я. — А каков характер этой помощи?

Д-р Маркс. — Объясню Вам это на примере. Одной из наиболее обычных форм движения за освобождение является стачка. Прежде при объявлении стачки в одной стране она проваливалась вследствие ввоза рабочих из других стран. Интернационал почти совершенно покончил с таким положением дел. Он получает сведения о предполагаемой стачке и распространяет эти сведения среди своих членов, которые сразу же узнают, что местность, охваченная борьбой, должна быть для них запретной зоной. Хозяевам приходится, таким образом, иметь дело только со своими рабочими. В большинстве случаев стачечники не нуждаются ни в какой другой помощи. Необходимые денежные средства собираются по подписке среди них самих или среди членов обществ, с которыми они более непосредственно

связаны; но если их положение оказывается слишком тяжелым и если стачка получила одобрение Товарищества, стачечники снабжаются деньгами из общего фонда. Таким образом была, например, выиграна на днях забастовка сигарочников Барселоны[479]. Но Товарищество заинтересовано не в стачках, хотя оно и поддерживает их при известных условиях. В денежном отношении оно ничего не может выиграть от них, а потерять может легко. Резюмируем вкратце суть. дела. Рабочий класс остается неимущим среди возрастающего богатства, нищим среди возрастающей роскоши. Материальные лишения уродуют рабочих как в моральном, так и в физическом отношении. Рабочие не могут рассчитывать на постороннюю помощь. Поэтому перед ними возникла повелительная необходимость взять свое дело в собственные руки. Рабочие должны изменить существующие отношения между ними, с одной стороны, и капиталистами и земельными собственниками, с другой, а это значит, что они должны преобразовать общество. Такова общая цель любой из известных рабочих организаций; лиги земли и труда, профессиональные союзы и общества взаимопомощи, кооперативная торговля и кооперативное производство — все это лишь средства для достижения этой цели. Установить полную солидарность между этими организациями — дело Международного Товарищества. Его влияние начинает ощущаться повсюду. Две газеты пропагандируют его взгляды в Испании, три — в Германии, столько же — в Австрии и Голландии, шесть — в Бельгии, шесть — в Швейцарии. А теперь, когда я рассказал Вам, что такое Интернационал, Вы, пожалуй, сумеете сами составить себе мнение о его мнимых заговорах.

Я. — А Мадзини тоже член вашей организации?

Д-р Маркс (смеясь). — О, нет! Наши успехи были бы не очень-то велики, если бы мы не пошли дальше его идей.

Я. — Вы меня удивляете. Я был уверен, что он является представителем самых передовых взглядов.

Д-р Маркс. — Он представляет всего-навсего старую идею буржуазной республики. Мы же не хотим иметь ничего общего с буржуазией. Мадзини отстал от современного движения не меньше, чем немецкие профессора, которые, однако, до сих пор считаются в Европе апостолами развитой демократии будущего. Они были таковыми когда-то — может быть, до 1848 г., когда немецкая буржуазия, в английском понимании этого слова, едва достигла своего собственного развития. Но теперь эти профессора перешли целиком на сторону реакции, и пролетариат больше не желает их знать.

Я. — Некоторые полагают, что в вашей организации есть элементы позитивизма.

Д-р Маркс. — Ни в коей мере. Среди нас есть позитивисты, есть и позитивисты, не принадлежащие к нашей организации и с успехом делающие свое дело. Однако это отнюдь не заслуга их философии, которая не имеет ничего общего с идеей народной власти, как мы ее понимаем; эта философия стремится лишь заменить старую иерархию новой.

Я. — Мне кажется, в таком случае, что вожди современного интернационального движения должны были бы выработать свою собственную философию, как они создали свое собственное Товарищество.

Д-р Маркс; — Совершенно верно. Трудно ожидать, например, что мы могли бы добиться успеха в нашей войне против капитала, если бы стали строить нашу тактику, основываясь, скажем, на политической экономии Милля. Он нарисовал картину одного вида отношений между трудом и капиталом. Мы надеемся показать, что возможно установить иные отношения.

Я. — Что Вы скажете о Соединенных Штатах?

Д-р Маркс. — Основные центры нашей деятельности находятся сейчас в старых европейских странах. Многие обстоятельства позволяли до сих пор думать, что рабочий вопрос не приобретет такого всепоглощающего значения в Соединенных Штатах. Но эти обстоятельства быстро исчезают, и рабочий вопрос быстро выдвигается там на первый план вместе с ростом, как и в Европе, рабочего класса, отличного от остальных слоев общества и отделенного от капитала.

Я. — Я думаю, что в Англии ожидаемая развязка, какова бы она ни была, могла бы быть достигнута не путем насильственной революции. Английский метод агитировать на митингах и в печати до тех пор, пока меньшинство не обратится в большинство, позволяет надеяться на это.

Д-р Маркс. — Я в этом пункте не так оптимистичен, как Вы. Английская буржуазия всегда проявляла готовность припять решение большинства, пока она монопольно распоряжалась правом голоса. Но поверьте, что в тот момент, когда она окажется в меньшинстве по вопросам, которые она считает жизненно важными, мы будем иметь здесь новую войну рабовладельцев...

Напечатано в газете «The World» 18 июля 1871 г. и в еженедельнике «Woodhull and Claflin's Weekly» №13/65, 12 августа 1871 г.

Печатается по тексту «Woodhull and Claflin's Weekly»

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в книге «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», 1941

ИЗЛОЖЕНИЕ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА ОБ ОТНОШЕНИИ МАДЗИНИ К ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

ИЗ ГАЗЕТНОГО ОТЧЕТА О ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 25 ИЮЛЯ 1871 ГОДА

Гражданин Энгельс говорит, что после папы следует сказать об антипапе[480]; он должен сообщить, что Джузеппе Мадзини выступил на страницах своей газеты с нападками на Интернационал[*]. Заявив, что, как он уверен, итальянский народ исполнен любви к нему, а сам он исполнен любви к итальянскому народу, Мадзини продолжал:

«Возникло Товарищество, основанное несколько лет тому назад, которое угрожает совершенно подорвать порядок» (те же самые слова, которые употребил и папа). «Я с самого начала отказался принадлежать к нему. Товарищество управляется Советом, находящимся в Лондоне, душой которого является Карл Маркс — человек большого, но, как и у Прудона, разрушительного ума, человек нетерпимого нрава, который с завистью относится к влиянию других людей. Совет, состоящий из людей различных национальностей, не может иметь ни единой цели при обсуждении бедствий современного общества, ни единства мнений для устранения этих бедствий. Именно по этим причинам я и итальянская секция Демократического альянса (Лондон) вышли из Товарищества. Тремя основными принципами Товарищества являются: во-первых, отрицание бога, то есть отрицание всякой морали; во-вторых, отрицание отечества, которое оно растворяет в конгломерате коммун — неизбежной участью их явилась бы взаимная вражда; в-третьих, отрицание собственности, что означает лишение рабочего плодов его труда, ибо право личной собственности заключается в праве каждого на то, что он произвел».

Свои замечания по этим трем пунктам Мадзини заканчивает советом итальянскому рабочему классу прочно организоваться под его знаменем, объединиться в лигу борьбы с Интернационалом; он советовал итальянским рабочим верить в будущее Италии, работать для ее будущего и ее славы, создавать в своей среде кооперативные лавки (не производственные кооперативы), чтобы все могли получать возможно больше выгод.

Заметьте, что в одном важном вопросе Мадзини вступает в противоречие с самим собой: в одном месте он заявляет, что

---

[*] См. настоящий том, стр. 394—396. *Ред.*

«отказался принадлежать к Интернационалу с самого начала», однако ниже он пишет, что вышел из Интернационала. Попробуйте вообразить, как может кто-либо выйти из того, к чему никогда не принадлежал. В действительности Мадзини никогда не был членом Интернационала, но он пытался превратить Интернационал в свое орудие. Мадзини составил программу и представил ее на рассмотрение Временного Совета, однако эта программа была отвергнута. Впоследствии Мадзини предпринял новые попытки с той же целью, — через майора Вольфа, позднее разоблаченного как полицейского шпика, — но после того как эти попытки провалились, он до последнего времени воздерживался от вмешательства в дела Интернационала.

Что же касается упомянутых обвинений против Интернационала, то они либо лживы, либо нелепы. Первое обвинение, будто Интернационал выдвигает в качестве обязательного требования атеизм, является ложью, уже опровергнутой в письме секретаря Генерального Совета в ответ на циркуляр Жюля Фавра[*]. Второе обвинение — об отрицании Интернационалом отечества — нелепо. Интернационал добивается единства, а не распада. Он борется против лозунга о национальностях, потому что этот лозунг направлен на разделение народов и используется тиранами, чтобы насаждать предрассудки и вражду[481]; соперничество, существующее между латинской и тевтонской расами, привело к последней губительной войне, и ее в равной мере использовали как Наполеон, так и Бисмарк. Третье обвинение лишь обнаруживает невежество Мадзини в самых элементарных вопросах политической экономии. Интернационал стремится не упразднить, а, напротив, установить эту личную собственность, которая обеспечивает каждому плоды его труда. В настоящее время плоды труда масс попадают в карманы немногих, и эту систему капиталистического производства Мадзини предлагает оставить без изменений, Интернационал же стремится ее уничтожить. Интернационал добивается того, чтобы каждый получал продукт своего труда. Поступившие из Италии письма говорят о том, что итальянские рабочие идут вместе с Интернационалом, что поверхностная софистика Мадзини не может ввести их в заблуждение.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 148, 29 июля 1871 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с текстом протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] См. настоящий том, стр. 372—373. *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О СОЗЫВЕ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1871 ГОДА [482]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 25 ИЮЛЯ 1871 ГОДА

Гражданин Энгельс вносит предложение: «созвать в Лондоне на третье воскресенье сентября закрытую конференцию Товарищества». Он говорит,что в прошлом году ввиду обстоятельств, вызванных войной, секции предоставили Генеральному Совету право отсрочить ежегодный конгресс; в настоящий момент положение не на много улучшилось. Во Франции созвать конгресс невозможно. В Германии Товарищество подвергается преследованиям, и всякий, кто имел бы мужество принять участие в конгрессе, сделал бы это с риском попасть в тюрьму. В Испании Товарищество также преследуется, а в Бельгии отсутствует всякая свобода. Итак, если учесть все обстоятельства, то существуют только два места, где можно собраться, — Англия и Швейцария. Но гражданин Робен уже говорил о расколе среди членов Товарищества в последней из этих стран. К тому же положение таково, что если бы конгресс и был созван, то лишь очень немногие секции могли бы прислать делегатов, между тем Генеральному Совету необходимо посовещаться с секциями по вопросу о будущей политике и получить подтверждение своих полномочий, а это возможно лишь путем созыва предлагаемой им закрытой конференции.

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Лондонская конференция Первого Интернационала», 1936

Печатается по тексту протокольной книги Генерального Совета

Перевод с английского

ИЗЛОЖЕНИЕ РЕЧИ К. МАРКСА ПРОТИВ ОДЖЕРА [483]

ИЗ ГАЗЕТНОГО ОТЧЕТА О ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 1 АВГУСТА 1871 ГОДА

Гражданин Маркс сказал, что он хотел бы остановиться еще на одном вопросе. Как оказалось, на собрании Лиги земли и труда[484] некий неизвестный ему г-н Шиптон, который, судя по его репутации, является подручным г-на Оджера, критиковал воззвание «Гражданская война во Франции» и заявил, что Маркс якобы отрекся от Совета. Такое заявление показывает лишь невежество г-на Шиптона и не делает чести его способностям, даже если он и выступает как марионетка в руках г-на Оджера. Признав себя автором обвинений, содержащихся в воззвании, Маркс якобы отрекся от Совета, — но ведь это было сделано с санкции Совета, для того чтобы люди, подобные г-ну Оджеру и являющиеся апологетами господ Тьеров и Фавров, не смогли бы больше говорить, что они не знают, справедливы или нет те обвинения, которые были выдвинуты в воззвании. В письме, в котором автором воззвания был признан К. Маркс, брошен вызов тем, против кого направлены обвинения; им предлагалось возбудить против автора дело о клевете с тем, чтобы оно рассматривалось в суде*. Но поступать так было не в их интересах, так как они хорошо знали, к какому результату это приведет. Нетрудно, разумеется, понять, почему г-н Оджер был недоволен; он обнаружил такое глубокое невежество в вопросах внешней политики, которого не простили бы и любому читателю газет. Оджер сказал, что репутация Жюля Фавра безупречна, тогда как хорошо известно, что в течение всей своей жизни Фавр был ярым врагом французского рабочего

---

* См. настоящий том, стр. 380. *Ред.*

класса и всех рабочих движений; он был главным подстрекателем к кровавой расправе в июне 1848 года; он являлся инициатором экспедиции против Рима в 1849 г., именно он добился изгнания Луи Блана из Франции; он был в числе тех, кто вернул Бонапарта, И несмотря на все это, г-н Оджер, не краснея от стыда, встал и заявил, что «ничего нельзя сказать плохого о репутации Жюля Фавра». Но если бы г-н Оджер. претендующий на роль одного из самых активных членов Интернационала, хоть в какой-то мере выполнял свои обязанности, он должен был бы знать, что такое заявление ни на чем не основано. Либо он преднамеренно выступил со лживым заявлением, либо это заявление обнаруживает непростительное невежество. Г-н Оджер ничего не знает об Интернационале за последние пять лет, так как он никогда не выполнял своих обязанностей. Должность председателя была упразднена конгрессом[485], потому что она оказалась бесполезной и носила показной характер. Г-н Оджер был первым и единственным председателем Интернационала; он никогда не выполнял своих обязанностей, Совет прекрасно обходился без него; поэтому должность председателя была упразднена.

Напечатано в газете «The Eastern Post» № 149,
5 августа 1871 г.

Печатается по тексту газеты,
сверенному с текстом протокольной книги
Генерального Совета

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА ПРИ ОТКРЫТИИ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ [486]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 17 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Маркс: Генеральный Совет созвал конференцию, чтобы договориться с делегатами различных стран о мерах, необходимых для того, чтобы отразить опасность, которой подвергается Товарищество во многих странах, и приступить к новой организации, отвечающей потребностям обстановки.

Во-вторых, чтобы выработать ответ различным правительствам, которые всеми средствами, находящимися в их распоряжении, непрестанно добиваются разрушения Товарищества.

Наконец, чтобы окончательно разрешить вопрос о швейцарском конфликте.

В ходе конференции, несомненно, возникнут и другие, второстепенные вопросы; они должны будут найти свое разрешение.

Гражданин Маркс добавляет, что необходимо будет обратиться с публичной декларацией к русскому правительству, которое пытается впутать Товарищество в известный процесс о тайном обществе, главные вожаки которого совершенно чужды или враждебны Товариществу[487].

Настоящая конференция является негласной, но когда все делегаты вернутся в свои страны, Генеральный Совет опубликует те резолюции, которые конференция сочтет необходимым опубликовать.

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Лондонская конференция Первого Интернационала», 1936

Печатается по протокольной записи Роша, сверенной с черновой записью Роша

Перевод с французского

ЗАПИСИ РЕЧЕЙ К. МАРКСА О ТРЕД-ЮНИОНАХ [488]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 20 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

I

Маркс полагает, что подобной резолюции не было принято на Базельском конгрессе; после проверки он признает, что конгресс такого рода решение принял[489]. Это было благое пожелание; он и сам считал в то время это дело возможным, теперь он убежден, что тред-юнионы не согласятся на подобную федерацию. Маркс говорит, что тред-юнионы представляют собой аристократическое меньшинство. Низкооплачиваемые рабочие состоять в них не могут: огромные массы рабочих, которых экономическое развитие ежедневно гонит из деревень в города, длительное время остаются вне тред-юнионов, а самые обездоленные массы никогда в них не попадают. То же относится К рабочим, рожденным в восточных кварталах Лондона, в тред-юнионы там входит один рабочий из десяти. Крестьяне, поденные рабочие никогда не входят в эти общества.

Тред-юнионы сами по себе бессильны — они останутся меньшинством. Они не могут вести за собой массы пролетариев, тогда как Интернационал оказывает на этих людей непосредственное воздействие; он не нуждается в организации тред-юнионов для вовлечения рабочих; идея интернационализма увлекает их сразу. Это единственное общество, внушающее рабочим полное доверие.

Интернациональному объединению тред-юнионов препятствует также различие языков.

II

Маркс не разделяет опасений Стеенса относительно тред-юнионов[490]; они никогда не могли ничего сделать, не обратившись к нам, — даже те из них, которые организованы наилуч-

шим образом, те, которые имеют ответвления в Соединенных Штатах; тред-юнионы остались в стороне от самого крупного революционного движения в Англии[491].

С тех пор, как существует Интернационал, положение изменилось; если тред-юнионы хотят использовать свои силы, то с нашей помощью они могут всего добиться. В уставе тред-юнионов был параграф, запрещавший им вмешиваться в политику; они предприняли политические выступления только под влиянием Интернационала. В течение ряда лет Генеральный Совет был связан с тред-юнионами; существовал комитет[492]; в настоящий момент Генеральный Совет связан также с тред-юнионами трех крупных городов — Манчестера, Бирмингема, Шеффилда.

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Лондонская конференция Первого Интернационала», 1936

Печатается по протокольной записи Мартена, сверенной с черновыми записями Мартена и Роша

Перевод с французского

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА [493]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 20 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Гражданин Лоренцо призвал нас соблюдать Регламент, его примеру последовал гражданин Бастелика. Я беру подлинный «Устав» и «Манифест» и читаю и в том и в другом, что Генеральный Совет обязан представлять на обсуждение конгрессов программу их работы[494]. В программе, которую Генеральный Совет представляет на обсуждение конференции, речь идет об организации Товарищества, и предложение Вайяна относится именно к этому вопросу; следовательно, возражение Лоренцо и Бастелика не обосновано.

Почти во всех странах некоторые члены Интернационала, основываясь на искаженном толковании Устава, принятого на Женевском конгрессе[495], вели пропаганду воздержания от политики, и эту пропаганду правительства отнюдь не собирались пресекать; даже в Германии Швейцер и другие лица, состоящие на жалованье у Бисмарка, пытались приспособить деятельность секций к правительственной политике. Во Франции это преступное воздержание от политики позволило Фавру, Пикару и другим завладеть 4 сентября властью; подобное же воздержание дало возможность 18 марта образовать в Париже диктаторский комитет, в котором было много бонапартистов и интриганов, умышленно потерявших в бездействии первые дни революции, которые они обязаны были посвятить ее укреплению[496].

Недавно происходивший в Америке съезд[497], состоявший из рабочих, постановил заняться вплотную вопросом политики и вместо субъектов, профессией которых является политиканство, избирать впредь своими представителями таких же

рабочих, как они сами, призванных защищать интересы своего класса.

В Англии рабочему труднее попасть в парламент. Так как депутаты не получают никакого вознаграждения, а рабочий располагает лишь средствами существования, добытыми собственным трудом, то парламент для него недоступен, и буржуазия, упорно отказываясь ввести вознаграждение депутатам, прекрасно понимает, что это является средством помешать рабочему классу иметь своих представителей.

Но не следует думать, что иметь в парламентах рабочих — маловажное дело. Если им зажимают рот, как это было с Де Поттером и Кастио, если их изгоняют, как это было с Мануэлем, то такие репрессии и нетерпимость оказывают сильное воздействие на народ; если же они, напротив, подобно Бебелю и Либкнехту, получают возможность говорить с парламентской трибуны, то к ним прислушивается весь мир; и в том и в другом случае это создает нашим принципам большую популярность. Достаточно сослаться на один пример: когда во время войны, которая велась с Францией, Бебель и Либкнехт начали борьбу против войны, желая снять с рабочего класса всякую ответственность за происходившее, то вся Германия была потрясена, и даже в Мюнхене, где революции совершаются только из-за цены на пиво, произошли крупные манифестации с требованием прекращения войны.

Правительства нам враждебны[*]; необходимо давать им отпор всеми возможными средствами, которыми мы располагаем. Каждый рабочий, проведенный в парламент, — победа над ними, по выбирать надо настоящих людей, а не Толенов.

Маркс поддерживает предложение гражданина Вайяна с поправкой Франкеля о необходимости предпослать этому предложению мотивировку, в которой разъяснялся бы смысл этого заявления, то есть указывалось бы, что Товарищество не первый день требует, чтобы рабочие занимались политикой, а выдвигало это требование всегда.

Впервые опубликовано в журнале «Коммунистический Интернационал» № 29, 1934 г.

Печатается по протокольной записи Роша, сверенной с черновыми записями Мартена и Роша

Перевод с французского

[*] В черновой записи Мартена перед этой фразой написано: «Со времени июльской революции буржуазия предпринимает все возможное, чтобы незаметно для рабочих чинить им препятствия. Наши газеты не доходят до масс. Трибуна — лучшее орудие для завоевания популярности». *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 21 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Маркс говорит, что вчера он уже высказывался за предложение Вайяна и, следовательно, не станет выступать против него. Возражая Бастелика, он заявляет, что с самого начала конференции было решено, что обсуждается исключительно вопрос организации, а не вопрос принципа. Что касается ссылок на Регламент, то он напоминает о том, что Устав и Учредительный Манифест следует читать как одно целое; он снова их зачитывает*.

Он излагает историю вопроса о воздержании от политики и говорит, что не следует так много спорить по этому поводу. Люди, создавшие эту теорию, были добросовестными утопистами, но те, кто сейчас становится снова на этот путь, уже не являются таковыми; после опыта жестокой борьбы они отказываются от политики и, таким образом, толкают народ в ряды формальной, буржуазной оппозиции, против которой мы обязаны бороться одновременно с борьбой против правительств. Мы должны разоблачить Гамбетту для того, чтобы народ не оказался еще раз обманутым. Маркс разделяет мнение Вайяна. В ответ на преследования, которым подвергается Интернационал, нам необходимо бросить вызов всем правительствам.

Реакция существует на всем континенте; она повсеместна и перманентна — даже в Соединенных Штатах и в Англии, лишь в иной форме.

* В одной из черновых записей далее следует: «Он выступает против сторонников воздержания от политики, говоря, что они являются сектантами». *Ред.*

Мы должны заявить правительствам; мы знаем, что вы — вооруженная сила, направленная против пролетариев; мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием — когда это станет необходимым.

Маркс считает, что следует внести кое-какие изменения в редакцию предложения Вайяна, и поэтому присоединяется к предложению Утина[498].

Впервые опубликовано в журнале «Коммунистический Интернационал» № 29, 1934 г.

Печатается по протокольной записи Мартена, сверенной, с черновыми записями

Перевод с французского

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПОЛОЖЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В ГЕРМАНИИ И АНГЛИИ [499]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 22 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Вы знаете, что в Германии Товарищество не может существовать под своим настоящим именем, так как местным обществам запрещено законом примыкать к какому бы то ни было иностранному обществу. Тем не менее Товарищество в этой стране существует и достигло огромного роста под названием Социал-демократической партии, давно присоединившейся к Товариществу. На Дрезденском съезде присоединение было вторично торжественно подтверждено[500]. В отношении этой страны незачем, следовательно, предлагать ту или иную меру или декларацию, аналогичную принятым для тех стран, в которых Товарищество подвергается преследованиям.

Маркс говорит, что если он плохо отзывался о немецких студентах, то против рабочих он ничего сказать не может. Во время последней войны, в связи с которой разгорелась борьба классов, поведение немецких рабочих было выше всякой похвалы; к тому же *Социал-демократическая партия* прекрасно понимала, что эта война была предпринята Бонапартом и Вильгельмом в большей мере для подавления современных идей, чем в завоевательных целях. Брауншвейгский Комитет был в полном составе арестован* и отправлен в крепость на русской границе; большая часть его членов до сих пор заключена в тюрьму по обвинению в государственной измене. Представители немецкого рабочего класса Бебель и Либкнехт не побоялись перед лицом рейхстага заявить, что они являются членами Международного Товарищества и что они протестуют

* См. настоящий том, стр. 283. *Ред.*

против войны и отказываются голосовать за какие бы то ни было военные кредиты. Правительство не посмело арестовать их во время заседания; лишь при выходе оба они были схвачены полицией и отправлены в тюрьму.

Во время Коммуны немецкие рабочие на собраниях и в своих газетах непрестанно заявляли о своей солидарности с парижскими революционерами. А когда Коммуна пала, они созвали в Бреславле собрание, которому прусская полиция тщетно пыталась помешать. На этом собрании, как и на других, происходивших в различных городах Германии, они приветствовали Парижскую Коммуну. Наконец, во время триумфального вступления в Берлин императора Вильгельма и его армии народ встретил победителей криками: «Да здравствует Коммуна!»*

Гражданин Маркс отмечает, что, говоря об Англии, он забыл сообщить следующее: вам известно, что между английскими и ирландскими рабочими издавна существовал весьма сильный антагонизм, причины которого впрочем нетрудно перечислить. Источником антагонизма были различия языка и религии**, а также конкуренция из-за заработной платы, которую ирландские рабочие создавали английским. В Англии этот антагонизм служит помехой для революции и ловко используется правительством и правящими классами, которые убеждены, что английских рабочих никакими узами невозможно связать с ирландскими. Действительно, на политической почве объединение было бы невозможным; не так, однако, обстоит дело на почве экономической; с той и с другой стороны создаются секции Интернационала, которые должны будут в качестве таковых идти совместно к единой цели. Ирландские секции будут вскоре весьма многочисленны.

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Лондонская конференция Первого Интернационала», 1936

Печатается по протокольной записи Роша, сверенной с черновыми записями Мартена и Роша

Перевод с французского

* В черновой записи Мартена далее следует: «Рабочие показали, что они являются единственной партией в Германии, которая выражает социалистические стремления». *Ред.*

** В черновой записи Мартена после слова «религии» вставлено; «длительное угнетение Ирландии». *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА
О ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 22 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Маркс оглашает следующее предложение: «В странах, в которых регулярная организация Международного Товарищества вследствие препятствий со стороны правительств стала в настоящий момент неосуществимой, Товарищество и его местные группы могут быть реорганизованы под различными наименованиями. Категорически воспрещаются, однако, какие бы то ни было тайные общества в собственном смысле слова»*.

Одно дело — тайная организация, а другое дело — тайные общества в собственном смысле слова, против которых, *наоборот,* следует вести борьбу.

Во Франции и в Италии, где политическое положение таково, что право собраний является преступлением, тенденция к участию в тайных обществах, результат которых всегда отрицателен, будет весьма сильной; к тому же этот тип организации мешает развитию пролетарского движения, поскольку вместо того, чтобы воспитывать рабочих, эти общества подчиняют их принудительным и мистическим законам, которые стесняют их самостоятельность и затемняют их сознание**.

Маркс высказывается за принятие оглашенного им предложения.

Печатается по протокольной записи Роша, сверенной с черновыми записями Мартена и Роша

Впервые опубликовано на русском языке в книге «Лондонская конференция Первого Интернационала», 1936

Перевод с французского

---

* Ср. настоящий том, стр. 427. *Ред.*

** В черновой записи Мартена в этом абзаце имеются следующие слова: «Тайные общества нарушили бы самый характер Международного Товарищества; они пригодны для карбонариев; они не отвечают интересам пролетарского движения». *Ред.*

ПИСЬМО ЖЕННИ МАРКС
РЕДАКТОРУ «WOODHULL AND CLAFLIN'S WEEKLY» [501]

Милостивая государыня!

Нижеследующее частное письмо (первоначально адресованное одному другу) может представить и общественный интерес, если с помощью его будет пролит некоторый свет на акты произвола, совершаемые нынешним французским правительством, которое, относясь с величайшим презрением к личной безопасности и свободе, не останавливается перед арестом, — под абсолютно ложными предлогами, — как иностранцев, так и собственных подданных.

Г-н Лафарг, муж моей сестры, его жена и дети, младшая моя сестра и я провели июнь и июль в Баньер-де-Люшоне, где предполагали остаться до конца сентября. Я надеялась, что продолжительное пребывание в Пиренеях и ежедневное пользование минеральными водами, которыми славится Люшон, помогут мне избавиться от последствий перенесенного мной тяжелого плеврита. Mais dans la Republique Thiers l'homme propose et la police dispose*. 1 или 2 августа друг г-на Лафарга сообщил ему, что к нему со дня на день может нагрянуть полиция, и если его застанут дома, то безусловно арестуют под тем предлогом, что во время Коммуны он на короткое время посетил Париж, что он действовал в Пиренеях в качестве эмиссара Интернационала и — последнее, но не менее важное обстоятельство — потому что он муж своей жены, следовательно, зять Карла Маркса. Зная, что при теперешнем правительстве

* — Но в тьеровской республике человек предполагает, а полиция располагает. *Ред.*

законоведов закон является мертвой буквой, что людей беспрестанно сажают под замок без всякого указания причин их ареста, г-н Лафарг последовал данному ему совету, перешел границу и обосновался в Бососте, маленьком испанском городке. Несколько дней спустя после его отъезда, 6 августа, г-жа Лафарг, ее сестра Элеонора и я посетили Лафарга в Бососте. Г-жа Лафарг, считая, что ее сынишка по состоянию здоровья не может выехать из Бососта в тот же день (она очень беспокоилась за ребенка, так как его брат умер за несколько дней до этого), решила остаться на один-два дня с мужем. Поэтому сестра моя Элеонора и я вернулись в Люшон одни.

Нам удалось без приключений проехать по плохим испанским дорогам и благополучно добраться до Фоса. Там французские таможенные чиновники задают нам обычные вопросы и заглядывают в нашу коляску, чтобы убедиться, нет ли у нас какой-нибудь контрабанды. Так как у нас ничего нет, кроме наших пальто, я говорю кучеру, чтобы он трогал, как вдруг появляется перед нами некая особа, — не более, не менее, как procureur de la République*, барон Дезагарр, — и заявляет: «Именем республики предлагаю вам следовать за мной». Мы оставляем нашу коляску и входим в маленькую комнатку, где нас ожидает существо отталкивающего вида — весьма неженственная женщина, — которой было поручено нас обыскать. Так как мы не хотели, чтобы эта грубая особа дотрагивалась до нас, мы предлагаем сами снять наши платья. Мужеподобная женщина и слышать не хочет об этом. Она выбегает из комнаты и вскоре возвращается в сопровождении прокурора республики, который весьма грубо говорит моей сестре: «Если вы не позволите, этой женщине обыскать вас, я сделаю это сам». Моя сестра отвечает: «Вы не имеете права прикасаться к британскому подданному. У меня английский паспорт». Видя, однако, что с английским паспортом не очень считаются, что предъявитель такого паспорта не внушает г-ну барону Дезагарру особого уважения, ибо похоже на то, что он совершенно серьезно готов перейти от слов к делу, мы разрешаем женщине поступать, как она хочет. Она распарывает даже швы наших платьев, заставляет нас снять даже чулки. Мне кажется, что я до сих пор чувствую, как ее паучьи пальцы перебирают мои волосы. Найдя у меня лишь газету, а у сестры — разорванное письмо, она бежит с ними к своему другу и союзнику, г-ну барону Дезагарру. Нас провожают к нашей коляске; нашего собственного кучера, который служил нам «гидом» во время всего нашего пре-

* — прокурор республики (прокурор при суде первой инстанции). *Ред.*

бывания в Пиренеях и очень привязался к нам, насильно удаляют и заменяют другим; против нас в коляске усаживаются два чиновника, и так мы отправляемся в сопровождении повозки, битком набитой таможенными стражниками и полицейскими. Через некоторое время, убедившись, без сомнения, что мы не так уж опасны, что мы не покушаемся на убийство наших часовых, наш эскорт покидает нас, и мы остаемся на попечении двух чиновников в коляске. Под такой охраной мы проезжаем одну деревню за другой, через Сен-Беа, причем обитатели этого сравнительно большого города собираются толпами, принимая нас, очевидно, за воровок или, по меньшей мере, за контрабандисток. В 8 часов, в совершенном изнеможении, мы приезжаем в Люшон, пересекаем городской сад, где собрались сотни людей слушать музыку, так как дело было в воскресенье и в разгар сезона. Наша коляска останавливается перед домом префекта, г-на графа де Кератри. Так как этой важной особы нет дома, то нас — все время под стражей — заставляют ждать у его двери по меньшей мере полчаса. Наконец, отдается распоряжение доставить нас в наш дом, который оказывается окруженным жандармами. Мы тотчас же идем наверх с намерением умыться (мы были в дороге с пяти часов утра), но так как жандарм и полицейский в штатском следуют за нами даже в нашу спальню, то мы возвращаемся в гостиную, не освежившись, чтобы ждать прибытия префекта. Часы бьют девять, десять; г-н де Кератри не явился — он слушает музыку в парке и, как говорят, твердо решил не уходить до тех пор, пока не отзвучит последний аккорд. Тем временем дом наш наводняется mouchards*; они входят в комнату, как будто в свою собственную, устраиваются, как у себя дома, располагаясь на наших стульях и диване. Вскоре нас окружает пестрая толпа полицейских; по всему видно, что эти преданные слуги республики прошли срок своего ученичества при империи, — они вполне владеют своим почетным ремеслом. Они прибегают к самым невероятным хитростям и уловкам, чтобы втянуть нас в разговор, но, видя, что все их усилия напрасны, пялят на нас глаза так, как это могут делать лишь «профессионалы», пока, наконец, в половине одиннадцатого не появляется префект в сопровождении генерального прокурора, г-на Дельпека, судебного следователя, мирового судьи, тулузского и люшонского комиссаров и т. д. Моей сестре велят удалиться в соседнюю комнату; с ней уходят тулузский комиссар и один жандарм. Начинается мой допрос. Я отказываюсь сообщать какие бы то ни было

* — шпионами. *Ред.*

сведения о моем зяте и других родственниках и друзьях. Относительно меня самой я заявляю, что лечусь и приехала в Люшон на воды. Больше двух часов г-н де Кератри увещевает и убеждает меня; а в конце концов угрожает, что, если я буду и дальше отказываться выступить в качестве свидетеля, меня будут считать сообщником. «Завтра, — говорит он, — закон *заставит* Вас дать показание под присягой, ибо — разрешите мне сказать Вам — г-н Лафарг и его жена арестованы». Тут я встревожилась, ведь ребенок моей сестры был болен.

Наконец, приходит очередь моей сестры Элеоноры. Мне приказывают повернуться к ней спиной, пока она будет говорить. Передо мной становится офицер, на случай если я попытаюсь сделать какой-нибудь знак. К досаде моей, я слышу, что сестру постепенно вынуждают отвечать да или нет на задаваемые ей бесчисленные вопросы. Позже я узнала, каким образом ее заставили говорить. Указывая на мое письменное заявление, г-н де Кератри (стоя к нему спиной, я не могла видеть его жестов) утверждал как раз обратное тому, что я в действительности говорила. Поэтому, боясь вступить со мной в противоречие, сестра не опровергала заявлений, которые я будто бы сделала. Ее допрос кончился только в половине третьего. Шестнадцатилетняя молодая девушка, бывшая на ногах с пяти часов утра, пропутешествовавшая девять часов в невероятно жаркий августовский день и ничего не евшая с самого Бососта, подвергалась перекрестному допросу до половины третьего ночи!

Остаток этой ночи тулузский комиссар и несколько жандармов провели в нашем доме. Мы легли, но спать не могли, так как ломали себе голову, как бы послать человека в Босост предупредить г-на Лафарга, если он еще не арестован. Мы выглянули в окошко. Жандармы разгуливали по саду. Выйти из дому было невозможно. Мы были в строгом заключении — нам не позволяли видеться даже с горничной и квартирной хозяйкой. На следующий день хозяйка и прислуга давали показания под присягой. Меня опять более часу допрашивали генеральный прокурор, г-н Дельпек, и procureur de la Republique. Этот хвастливый герой, г-н барон Дезагарр, читал мне длинные цитаты, указывая на наказания, которым я могу подвергнуться, если буду продолжать отказываться выступить в качестве свидетеля. Однако эти господа напрасно расточали свое красноречие. Я спокойно, но твердо заявила, что не буду присягать, и осталась непоколебима.

Допрос моей сестры длился на этот раз только несколько минут. Она также категорически отказалась присягать.

Перед уходом генерального прокурора мы попросили у него разрешения написать несколько строк нашей матери, так как боялись, что известие о нашем аресте может попасть в газеты и взволновать наших родителей. Мы предложили написать это письмо по-французски, в присутствии самого г-на Дельпека. Оно должно было состоять лишь из нескольких фраз «мы здоровы» и т. д. Прокурор отказал в нашей просьбе под предлогом, что у нас может быть условный язык, что под словами: мы здоровы, может скрываться какой-нибудь тайный смысл.

Эти судьи превзошли Догбери и Верджеса. Вот еще одно доказательство их невероятной глупости: найдя, как нам передала наша горничная, множество коммерческих писем, принадлежащих г-ну Лафаргу, в которых упоминалось об экспорте овец и быков, они воскликнули: «Быки, овцы — интриги, интриги! Овцы — коммунары; быки — члены Интернационала».

До конца дня и ночью мы снова были поручены заботам нескольких жандармов; один из них сидел против нас, даже когда мы обедали.

На следующий день, 8-го, мы удостоились визита префекта и еще одного лица, по нашим предположениям, его секретаря. Весьма неточный и фантастический отчет о нашей беседе появился в «France» и оттуда был перепечатан многими газетами, Но вернемся к префекту.

Г-н де Кератри, после очень длинного предисловия, сообщил нам весьма благодушно, что власти ошиблись; выяснилось, что нет никаких оснований для возбуждения дела против г-на Лафарга, что он невиновен и поэтому волен вернуться во Францию. «Что же касается Вашей сестры и Вас самих, — сказал г-н де Кератри, думая, как я полагаю, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, — против вас значительно больше улик, чем против г-на Лафарга (таким образом, мы вдруг превратились из свидетелей в обвиняемых) и по всей вероятности вас вышлют из Франции. Однако в течение дня должен прийти приказ правительства о вашем освобождении». Затем, приняв отеческий тон, он сказал: «Во всяком случае, разрешите мне посоветовать вам умерить в будущем ваш пыл, pas trop de zele!». Вслед за этим предполагаемый секретарь внезапно спросил: «Что, Интернационал в Англии — могущественная организация?» — «Да, — ответила я, — весьма могущественная, и в других странах тоже». «Ах, — воскликнул г-н де Кератри, — Интернационал — это религия!» Перед своим уходом г-н де Кератри еще раз заверил нас честным словом, что Поль Лафарг свободен и попросил немедленно написать ему об этом в Босост и предложить ему вернуться во Францию. Но мне показалось,

что петлицу де Кератри украшает красная ленточка Почетного легиона, и так как я держусь того мнения, что честь рыцарей Почетного легиона весьма отлична от чести простых смертных, то я подумала, что осторожность не повредит, и, вместо того чтобы посоветовать г-ну Лафаргу вернуться в Люшон, я решила поступить наоборот и попросила одного друга послать ему денег, которые дали бы ему возможность уехать дальше в глубь Испании.

Сопровождаемые повсюду нашей тенью, жандармами, мы тщетно ожидали обещанного приказа об освобождении. В 11 часов ночи procureur de la République вошел в нашу комнату, но вместо того, чтобы передать нам приказ об освобождении, он предложил нам уложить необходимые вещи и последовать за ним в une maison particulière*. Я знала, что это незаконно, — но что нам было делать? С нами в доме было лишь несколько женщин, в то время как прокурора сопровождало изрядное количество жандармов. Поэтому, не желая доставить этому трусливому хвастуну, г-ну Дезагарру, удовольствие применить грубую силу, мы велели плачущей горничной приготовить наши платья и т. д. и, попытавшись утешить дочь нашей хозяйки обещанием, что мы скоро вернемся, сели в коляску, где находились уже два жандарма; нас повезли неизвестно куда, глубокой ночью, в чужой стране.

Местом нашего назначения оказались бараки gendarmerie**, нам указали нашу спальню, нашу дверь должным образом забаррикадировали снаружи и оставили нас одних. Здесь мы провели весь следующий день до половины шестого, когда, решив узнать, что все это означает, я попросила свидания с префектом. Г-н де Кератри пришел. Я спросила его, как это случилось, что нас привезли в gendarmerie после того, как он нам обещал свободу.

«Благодаря моему вмешательству, — ответил он, — вам разрешено было провести ночь в gendarmerie. Правительство (г-н Тьер) послало бы вас в тюрьму Сен-Годенс, близ Тулузы». Затем г-н де Кератри вручил мне письмо с 2000 фр., которое было послано г-ну Лафаргу его бордоским банкиром и которое он, г-н де Кератри, до сих пор задерживал; он объявил, что мы свободны и не будем изгнаны из Франции, а, подобно г-ну Лафаргу, вольны остаться в этой стране.

На этот раз мы допустили неосторожность и известили г-жу Лафарг о том, что говорил г-н де Кератри относительно ее мужа.

* — специальное здание. *Ред.*
** — жандармских казарм. *Ред.*

10-го мы получили laisser-passer* на выезд в Испанию, но наш английский паспорт нам не вернули. В течение десяти дней мы тщетно добивались его. Г-н де Кератри написал нам, что он послал его в Париж и его ему не возвращают, несмотря на многократные напоминания.

Мы убедились тогда, что нас выпустили из маленькой gendarmerie Люшона только для того, чтобы запереть в большой gendarmerie — тьеровской республике. Мы оставались пленницами. Без паспорта мы не могли выехать из Франции, где нас, очевидно, собирались держать до тех пор, пока, придравшись к какому-нибудь случаю, можно будет снова нас арестовать.

Полицейские органы Тулузы ежедневно обвиняли нас в том, что мы действуем в качестве эмиссаров Интернационала на французской и испанской границах. «Но, — прибавляли они, — префект принимает энергичные меры к тому, чтобы успокоить (pour rassurer) жителей Верхней Гаронны». Правда, нам был дан laisser-passer для выезда в Испанию, но переживания оставшейся там г-жи Лафарг были такого свойства, что у нас не могло явиться желание искать убежища в стране Сида.

Факты, о которых нам поведала г-жа Лафарг, возвращают нас опять к 6 августа.

Я упомянула выше, что нашего кучера заставили покинуть нас в Фосе. Вслед за тем г-н Дезагарр, procureur de la République, и несколько «джентльменов» из полиции пытались убедить его, с самым невинным видом, чтобы он вернулся в Босост и под ложным предлогом уговорил бы г-на Лафарга приехать в Фос. К счастью, один честный человек сильнее полдюжины полицейских агентов. Догадливый малый сообразил, что под этим красноречием кроется что-то неладное, и категорически отказался ехать за г-ном Лафаргом, в результате чего жандармы и таможенные стражники с прокурором во главе отправились в экспедицию в Босост. Г-н барон Дезагарр, в глазах которого «благоразумие есть лучшее проявление храбрости»**, заявил ранее, что он не отправится в Фос для поимки г-на Лафарга без достаточного эскорта; что он с одним или двумя жандармами не справится с человеком, подобным г-ну Лафаргу, который, наверное, прибегнет к огнестрельному оружию. Г-н Дезагарр ошибался — ему была уготована не пуля, а пинки и тумаки. Вернувшись из Бососта, он вздумал мешать крестьянам,

* — пропускное свидетельство. *Ред.*

** Это выражение, ставшее крылатым, взято из пьесы Шекспира «Король Генрих IV», часть 1, акт V. сцена четвертая. *Ред.*

собравшимся на деревенский праздник. Славные горцы, любящие свою свободу не меньше, чем свой горный воздух, задали благородному барону изрядную трепку и выпроводили его вон, если не поумневшим, то во всяком случае более мрачно настроенным! Но я забегаю вперед.

Я остановилась на том, что г-н Дезагарр и его спутники отбыли в Босост. Скоро они достигли этого города и нашли гостиницу, где остановились Лафарги, ибо жители Бососта располагают лишь двумя гостиницами, или, вернее, постоялыми дворами. Они еще не настолько цивилизованы, чтобы иметь полагающееся количество постоялых дворов. Так вот, в то время, как г-н Дезагарр стоит у парадной двери гостиницы Массе, г-н Лафарг, при содействии своих добрых друзей, крестьян, выходит из дома через черный ход, взбирается на гору и спасается по тропинкам, известным только проводникам, козам и английским туристам, — все проезжие дороги охранялись испанскими карабинерами. Испанская полиция с энтузиазмом пришла на помощь своим французским собратьям. Г-же Лафарг суждено было испытать на себе все благодеяния международного товарищества полицейских. В 3 часа утра в ее спальню вламываются четыре испанских офицера с карабинами, направленными на кровать, где спит г-жа Лафарг с ребенком. Бедный больной малютка, внезапно разбуженный и испуганный, начинает кричать; но это не мешает испанским офицерам заглядывать в каждую дырку и щель в комнате, — нет ли там г-на Лафарга. Убедившись, наконец, что их добыча ускользнула от них, они объявляют, что заберут г-жу Лафарг. Тут вмешался хозяин гостиницы — весьма достойный человек, — заявляя, что испанское правительство безусловно не даст своего согласия на выдачу женщины. Он был прав. Г-же Лафарг разрешили остаться в Бососте, но с тех пор за ней не прекращалась тягостная слежка агентов полиции. Отряд шпионов устроил свой главный штаб в гостинице. В один воскресный день сам префект и procureur de la Republique потрудились совершить весь путь от Люшона до Бососта, чтобы посмотреть на г-жу Лафарг. Но так как любопытства своего им удовлетворить не удалось, то они утешились, играя в rouge et noir*; эта игра, вместе с баккара, составляет единственно серьезное занятие версальской petits gras**, находящейся сейчас в Пиренеях.

Но я чуть не забыла объяснить, почему г-ну де Кератри не удалось повидать г-жу Лафарг. Дело в том, что один фран-

* — красное и черное (азартная карточная игра). *Ред.*
** — золотой молодежи. *Ред.*

цузский крестьянин из Люшона известил некоторых своих испанских друзей в Бососте о предполагаемом визите г-на де Кератри, а те, конечно, немедленно предупредили г-жу Лафарг.

Французское и испанское население Пиренеев образуют союз — наступательный и оборонительный — против своих правительств. В данном случае они шпионили за официальными шпионами префекта; хотя их часто задерживали на французской границе, они вновь и вновь пытались доставлять интересующие нас известия. В конце концов, г-н де Кератри распорядился, чтобы никто — *даже проводники* — не смел переходить в Босост без надлежащего пропуска. Эта мера, само собой разумеется, не помешала нам получать сведения, как и раньше; она только еще более озлобила пиренейских крестьян, уже и так враждебно настроенных по отношению к «помещичьей палате» Версаля.

Я впоследствии слышала, что в других местах Франции крестьяне совершенно так же ненавидят своих *так называемых* представителей, правящих помещиков. Г-н Тьер исправляет крупное упущение революции! При помощи своих префектов, попов, стражников и жандармов он в короткий срок вызовет всеобщее восстание крестьянства!

О бегстве г-на Лафарга г-жа Лафарг известила нас вскоре после нашего освобождения из gendarmerie. Позднее мы узнали от одного обитателя Бососта, что г-на Лафарга арестовали в Уэске и что испанцы предложили выдать его французскому правительству. В тот день, когда мы получили это сообщение, наш английский паспорт был нам возвращен мировым судьей. Тогда, чтобы положить конец тревоге, в которой, как мы знали, находилась г-жа Лафарг, прикованная к Бососту болезнью ребенка, в неведении о судьбе мужа, мы немедленно решились ехать в Уэску, чтобы попытаться узнать у губернатора провинции, каковы действительные намерения испанского правительства относительно г-на Лафарга. Приехав в Сан-Себастьян, мы, к нашей радости, узнали, что г-н Лафарг выпущен на свободу. Тогда мы тотчас же вернулись в Англию.

Не могу закончить этого письма, не упомянув вкратце о том обращении, которому подверглись наша хозяйка, г-жа С., и прислуга 6 августа, во время нашего отсутствия, ибо по сравнению с этим обращение полиции с нами можно было бы считать верхом вежливости. В 11 часов утра префект, генеральный прокурор, procureur de la Republique и т. д. совершили набег на наш дом. Взбешенные тем, что им не удалось захватить в свои лапы г-на Лафарга, они излили свою злобу на г-же С., женщине, страдающей застарелой болезнью сердца, и на

нашей горничной. С этой бедной девушкой обращались очень грубо, потому что она не хотела говорить, куда уехал ее хозяин.

Однако префекту удалось узнать об этом от одного мальчика, садовника г-жи С., которого он тут же отправил в Фос, чтобы он подстерег нас, спрятавшись за изгородью, и известил о нашем прибытии господина procureur de la République и K°.

Если бы, воюя против пруссаков, г-н де Кератри пользовался тем же методом, чтобы защищать свои фланги и тыл от внезапного Нападения, чтобы застигать врасплох вражеские отряды, устанавливая наблюдательные посты и высылая вперед лазутчиков, — дела в Бретани шли бы лучше, если судить, конечно, по успеху тактики де Кератри в Фосе!

Нашей хозяйке не разрешали разжечь огонь в собственной кухне; ей приказали спать не в постели, а на полу. Последнему приказанию, однако, она отказалась повиноваться. Схватив ее сына, ребенка, которому нет еще трех лет, префект утверждал, что это сын г-на Лафарга. Г-жа С. неоднократно убеждала его, что он ошибается, но напрасно; наконец, стремясь удостоверить личность ребенка (она боялась, что его заберут), она воскликнула: «Помилуйте, мальчик говорит только на местном наречии!». Сначала даже этот аргумент как будто бы показался префекту недостаточно убедительным. Может быть, г-н де Кератри, утверждающий, что «Интернационал — это религия», вспомнил при этом о чуде в виде спустившихся на апостолов с неба разделяющихся языков[502].

Одной из причин, почему с г-жой С. так плохо обращались, было то, что она никогда в жизни не слышала об Интернационале и потому не могла дать сведений о деяниях этого таинственного общества в Люшоне. Кстати говоря, это было бы непосильной задачей для самого осведомленного члена — во всяком случае до того времени, как г-н де Кератри начал свою активную пропаганду в пользу Международного Товарищества. Затем г-жа С. оказалась виновной в том, что с похвалой отзывалась о своем жильце, г-не Лафарге. Но главным преступлением было то, что она не могла указать, где спрятаны бомбы и керосин.

Да! Это факт, в нашем доме искали бомбы и керосин.

Заметив маленький ночничок, которым пользовались для подогревания молока ребенку, синклит властей стал внимательно разглядывать лампочку, обращаясь с ней с такой осторожностью, будто это была адская машина, с помощью которой можно было бы, находясь в Люшоне, залить керосином улицы Парижа. Даже Мюнхаузен не продавался такому буйному полету

фантазии. Французское правительство — capable de tout*. Власти на самом деле верят в дикие басни о керосине — порождение их собственного больного мозга. Они, действительно, думают, что женщины Парижа «не звери и не люди, не мужчины и не женщины», но «pеtroleuses»[503] — разновидность саламандр, обожающих свою родную стихию — огонь.

Они мало в чем уступают Анри де Пену из «Paris-Journal», их пророку и учителю, который, как мне говорили, действительно воображает, что пресловутые письма, изготовленные им самим от имени моего отца, были написаны не Анри де Пеном, а Карлом Марксом.

Можно было бы обойти презрительным молчанием обезумевшее правительство и посмеяться над фарсами, в которых праздные шуты, на службе у этого правительства, разыгрывают свои путаные и надоедливые роли, если бы эти фарсы не превращались в трагедию для тысяч мужчин, женщин и детей. Подумайте только о «petroleuses» перед военным судом в Версале и о женщинах, которых за последние три месяца медленно умерщвляют в плавучих тюрьмах.

Женни Маркс

Лондон, сентябрь, 1871 г.

Напечатано в еженедельнике «Woodhull and Claflin's Weekly» № 23/75, 21 октября 1871 г.

Печатается по тексту еженедельника

Перевод с английского

* — способно на все. *Ред.*

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ СЕКЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ [504]

РЕЗОЛЮЦИЯ, СОСТАВЛЕННАЯ ПОДКОМИТЕТОМ

Принимая во внимание,

1) что каждая секция в Америке имеет право быть представленной в нью-йоркском Федеральном комитете для Соединенных Штатов, который тем самым приобретает характер действительно представительного учреждения;

2) что своей организацией и успехами в Соединенных Штатах Интернационал в значительной степени обязан нью-йоркскому Федеральному комитету;

3) что ни в Уставе Товарищества, ни в специальных организационных принципах Интернационала для Соединенных Штатов не содержится ничего, что препятствовало бы любой секции распространять влияние Товарищества среди своей национальности;

Совет рекомендует сохранить в силе полномочия нью-йоркского Центрального комитета для Соединенных Штатов, до тех пор пока распространение Интернационала в Америке не сделает своевременным созыв всех секций Соединенных Штатов для избрания нового Федерального комитета.

Принято Генеральным Советом
5 ноября 1871 г.

Напечатано в газете «Le Socialiste» № 8, 25 ноября 1871 г. и в еженедельнике «Woodhull and Claflin's Weekly» № 3/81, 2 декабря 1871 г.

Печатается по рукописи Эккариуса

Перевод с английского

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне»* («The General Council of the International Working-Men's Association on the War») было написано К. Марксом между 19 и 23 июля 1870 года. 19 июля 1870 г. — в день начала франко-прусской войны — Генеральный Совет поручил Марксу подготовить воззвание по поводу этой войны; воззвание было принято Постоянным комитетом Генерального Совета 23 июля и затем единогласно одобрено на заседании Совета 26 июля 1870 года. Впервые оно было напечатано на английском языке в лондонской «The Pall Mall Gazette» («Газета Пэл-Мэл») № 1702, 28 июля 1870 г., и через несколько дней вышло в виде листовки тиражом в 1000 экземпляров. Воззвание было полностью или частично перепечатано также целым рядом провинциальных английских газет. Газета «The Times» («Времена»), в редакцию которой было направлено воззвание, отказалась его опубликовать.

Поскольку первое издание воззвания быстро разошлось и выпущенный тираж далеко не удовлетворил спроса, Генеральный Совет 2 августа 1870 г. принял решение о выпуске дополнительного тиража воззвания в количестве 1000 экземпляров. В сентябре 1870 г. первое воззвание было вновь переиздано на английском языке совместно со вторым воззванием Генерального Совета о франко-прусской войне; в этом издании в тексте первого воззвания Марксом были исправлены опечатки, допущенные в первом издании.

9 августа Генеральный Совет назначил комиссию для перевода первого воззвания на немецкий и французский языки и для его распространения. В комиссию вошли: Маркс, Юнг, Серрайе и Эккариус. На немецком языке воззвание было впервые опубликовано в Лейпциге в газете «Der Volksstaat» № 63, 7 августа 1870 г. в переводе В. Либкнехта. Получив этот немецкий текст воззвания, Маркс подверг перевод корённой переработке и заново перевел около половины всего текста. В этом новом переводе на немецкий язык воззвание было опубликовано в Женеве в журнале «Der Vorbote» № 8, за август 1870 г. и выпущено также в виде отдельной листовки. В 1891 г., к двадцатой годовщине Парижской Коммуны, Ф. Энгельс опубликовал первое и второе воззвания Генерального Совета в немецком издании «Гражданской

войны во Франции», выпущенном в Берлине издательством газеты «Vorwarts». Перевод первого и второго воззваний для этого издания был сделан Луизой Каутской под наблюдением Энгельса.

На французском языке воззвание было опубликовано в августе 1870 г. в газете «L'Egalite» и в газетах «L'Internationale» № 82, 7 августа 1870 г. и «Le Mirabeau» № 55, 7 августа 1870 года. Воззвание было выпущено также в виде листовки на французском языке в переводе комиссии Генерального Совета.

На русском языке первое воззвание было впервые опубликовано в августе — сентябре 1870 г. в газете «Народное дело» № 6—7, август — сентябрь 1870 г. в Женеве; в 1905 г. первое и второе воззвания вошли в издание «Гражданской войны во Франции», выпущенное под редакцией В. И. Ленина в переводе с немецкого издания 1891 года (см. примечание 191). Впоследствии первое и второе воззвания о франко-прусской войне многократно публиковались на русском языке вместе с основным текстом «Гражданской войны во Франции».

«Der Volksstaat» («Народное государство») — центральный орган немецкой Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), издавался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. (два раза в неделю, с июля 1873 г. — три раза). Газета выражала взгляды революционного течения в рабочем движении Германии. За свой смелый революционный тон газета подвергалась постоянным правительственным и полицейским преследованиям. Состав ее редакции непрерывно менялся в связи с арестами редакторов, но общее руководство газетой оставалось в руках В. Либкнехта. Значительную роль в газете сыграл А. Бебель, заведовавший издательством «Volksstaat». Маркс и Энгельс являлись сотрудниками газеты с момента ее основания, постоянно оказывали помощь ее редакции и систематически выправляли линию газеты. Несмотря на отдельные промахи и ошибки, «Volksstaat» была одной из лучших рабочих газет 70-х годов XIX века.

«Der Vorbote» («Предвестник») — ежемесячный журнал, официальный орган немецких секций Интернационала в Швейцарии; издавался на немецком языке в Женеве с 1866 по 1871 год; ответственным редактором был И. Ф. Беккер. Журнал в общем проводил линию Маркса и Генерального Совета, систематически публикуя документы Интернационала и давая информацию о деятельности секций Товарищества в различных странах.

«L'Egalite» («Равенство»)—еженедельная швейцарская газета, орган Романской федерации Интернационала; выходила в Женеве на французском языке с декабря 1868 по декабрь 1872 года. В ноябре 1869 — январе 1870 гг. проникшие в редакцию газеты бакунисты Перрон, Робен и др. пытались использовать ее для нападок на Генеральный Совет Интернационала. Однако в январе 1870 г. Романский федеральный совет добился изменения состава редакции и вывода из нее бакунистов, после чего газета стала поддерживать линию Генерального Совета.

«L'Internationale» («Интернационал») — еженедельная бельгийская газета, орган бельгийских секций Интернационала; издавалась в Брюсселе при ближайшем участии Де Папа с 1869 по 1873 год. В газете публиковались документы Интернационала.

«Le Mirabeau» («Мирабо») — еженедельная бельгийская газета, выходила в Вервье с 1868 по 1874 год; орган бельгийских секций Интернационала.

«Народное дело» — газета (до апреля 1870 г. — журнал), издававшаяся в 1868—1870 гг. в Женеве группой русских революционеров-эмигран-

тов; первый номер был подготовлен Бакуниным, затем, с октября 1868 г., редакция, в которую входили Н. Утин и др., порвала с Бакуниным и выступила против его взглядов; с апреля 1870 г. — орган Русской секции Международного Товарищества Рабочих, проводивший линию Маркса и Генерального Совета; публиковал документы Интернационала. — *1*.

[2] См. настоящее издание, т. 16, стр. 11. — *1*.

[3] В мае 1870 г. правительство Наполеона III провело плебисцит (всенародное голосование), пытаясь укрепить пошатнувшийся режим Второй империи, который вызывал недовольство широких слоев населения. Поставленные на голосование вопросы были сформулированы таким образом, что нельзя было выразить неодобрение политике Второй империи, не высказавшись тем самым против всяких демократических реформ. Несмотря на этот демагогический маневр плебисцит показал возрастание оппозиционных правительству сил: 1,5 миллиона голосов было подано против правительства, 1,9 миллиона человек воздержалось от участия в голосовании. Подготавливая плебисцит, правительство организовало широкую кампанию репрессий против рабочего движения, в больших масштабах прибегало к клевете на рабочие организации, извращая их цели и запугивая средние слои «красной опасностью».

Парижская федерация Интернационала и федеральная палата профессиональных рабочих обществ в Париже выпустили 24 апреля 1870 г. манифест, в котором разоблачали бонапартистский маневр с плебисцитом и призывали рабочих воздержаться от голосования. Накануне плебисцита члены Парижской федерации были арестованы на основании сфабрикованного полицией обвинения в заговоре с целью убийства Наполеона III; обвинение было использовано правительством для организации широкой кампании преследований и травли членов Интернационала в различных городах Франции. На судебном процессе над членами Парижской федерации, происходившем с 22 июня по 5 июля 1870 г., был полностью раскрыт лживый характер обвинения в заговоре; однако ряд членов Интернационала во Франции был приговорен бонапартистским судом к тюремному заключению только за принадлежность к Международному Товариществу Рабочих.

Преследование Интернационала во Франции вызвало массовые протесты со стороны рабочего класса. — *1*.

[4] Имеется в виду государственный переворот, произведенный Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г. и положивший начало существованию бонапартистского режима Второй империи. — *2*.

[5] *«Le Reveil»* («Пробуждение») — французская еженедельная, а с мая 1869 г. ежедневная газета, орган левых республиканцев, издавалась под редакцией Ш. Делеклюза в Париже с июля 1868 по январь 1871 года. С октября 1870 г. выступала против правительства национальной обороны. — *2*.

[6] *«La Marseillaise»* («Марсельеза») — французская ежедневная газета. орган левых республиканцев, издавалась в Париже с декабря 1869 по сентябрь 1870 года. Газета помещала материалы о деятельности Интернационала и о рабочем движении. — *3*.

[7] Имеется в виду *Общество 10 декабря* (названо так в честь избрания покровителя общества Луи Бонапарта президентом Французской республики 10 декабря 1848 г.) — тайное бонапартистское общество, созданное в 1849 г. и состоявшее преимущественно из деклассированных элементов, политических авантюристов, представителей военщины и т. д. Хотя формально Общество и было распущено в ноябре 1850 г., в действительности принадлежавшие к нему элементы продолжали вести бонапартистскую пропаганду и явились активными участниками государственного переворота 2 декабря 1851 года. Подробная характеристика Общества 10 декабря дана Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 167—170).

Шовинистическая манифестация в поддержку захватнических планов Луи-Наполеона была организована бонапартистами 15 июля 1870 г. при содействии полиции. — *3*.

[8] *Битва при Садове* произошла 3 июля 1866 г. в Чехии между австрийскими и саксонскими, с одной стороны, и прусскими войсками — с другой, и явилась решающим сражением в австро-прусской войне 1866 г., которая закончилась победой Пруссии над Австрией. В истории это сражение известно также как сражение при Кёниггреце (в настоящее время — Градец-Кралов). — *3*.

[9] Рабочие собрания в Брауншвейге 16 июля и в Хемнице 17 июля 1870 г. были созваны руководством немецкой Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев) для выражения протеста против завоевательной политики правящих классов.

Резолюцию собрания в Брауншвейге 16 июля 1870 г. Маркс цитирует по газете «Volksstaat» № 58 от 20 июля 1870 года. — *4*.

[10] *«Заметки о войне»* — одно из крупных военных произведений Ф. Энгельса, в котором он с позиций исторического материализма проанализировал события франко-прусской войны 1870—1871 гг., — представляют собой серию тесно связанных между собой 59 статей, написанных В форме военных обзоров. Из этого числа 40 статей озаглавлены «Заметки о войне» с добавлением соответствующего номера, остальные имеют различные заглавия.

Непосредственным поводом для написания статей о франко-прусской войне было предложение посылать в «Pall Mall Gazette» военные корреспонденции, сделанное Марксу Тиблиным (Тараном) — одним из сотрудников этой газеты. Маркс передал это предложение Энгельсу. Первые три статьи Энгельс направил Марксу, который, ознакомившись с ними, переслал их в редакцию. Последующие статьи для ускорения их публикации Энгельс посылал непосредственно в редакцию «Pall Mall Gazette».

Статьи Энгельса о франко-прусской войне были написаны по горячим следам происходивших событий. Энгельс тщательно изучал все доступные ему материалы о военных действиях: сообщения английских, немецких и французских газет, последние телеграммы из Франции и Германии. Несмотря на неполноту и противоречивость этих сообщений, Энгельс сумел, при всех неизбежных в таких условиях неточностях в отдельных деталях, воссоздать в своих статьях подлинный ход военных действий.

Приступая к работе над «Заметками о войне», Энгельс предполагал писать по 2 статьи в неделю; после опубликования первых трех

статей, которые вызвали глубокий интерес читателей и привлекли внимание всей прессы, редактор «Pall Mall Gazette» Гринвуд предложил Энгельсу посылать статьи в газету в неограниченном количестве; в периоды наиболее активных военных действий Энгельс писал по 3 и даже по 4 статьи в неделю.

Гринвуд неоднократно вносил изменения в текст статей Энгельса без согласия автора. Как отмечал в своих письмах Энгельс, в «Заметках о войне. — III» были произвольно изменены различные военные термины, причем эти изменения свидетельствовали о незнакомстве Гринвуда с военной терминологией; в «Заметках о войне. — XIII» был добавлен последний абзац (см. примечание 44).

«Заметки о войне» публиковались в «Pall Mall Gazette» с 29 июля 1870 г. по 18 февраля 1871 года; за исключением первых трех статей, подписанных «Z.», они печатались без подписи, причем то, что их автором является Энгельс, было известно только ограниченному кругу лиц. Статьи Энгельса о франко-прусской войне имели большой успех. Целый ряд газет воспроизводил в своих обзорах их содержание. В кругу друзей Энгельса за ним прочно закрепилось прозвище «Генерал».

При жизни Энгельса его статьи о франко-прусской войне не переиздавались. Находившиеся в распоряжении одного из руководителей австрийской социал-демократии В. Адлера вырезки из «Pall Mall Gazette» с собственноручной подписью Энгельса, сделанной в верхнем правом или левом углу каждой публикации, в течение многих лет не были известны широкому кругу читателей. Только спустя несколько лет после смерти В. Адлера, в 1923 г., статьи Энгельса были опубликованы в Вене отдельным изданием на английском языке, отпечатанным литографским способом под общим заглавием «Заметки о войне». На русском языке «Заметки о войне» были впервые изданы в 1924 году.

«The Pall Mall Gazette» («Газета Пэл-Мэл») — лондонская ежедневная газета, выходила с 1865 по 1920 год; в 60—70-х годах газета придерживалась консервативного направления. Маркс и Энгельс поддерживали связь с этой газетой с июля 1870 по июнь 1871 года.

Помимо статей Энгельса о франко-прусской войне в газете было опубликовано первое воззвание и выдержки из второго воззвания Генерального Совета о франко-прусской войне. Как отмечал Маркс, «Pall Mall Gazette» в течение некоторого времени являлась «единственной непродажной газетой в Лондоне». Однако в конце июня 1871 г. газета включилась в общую кампанию клеветы на Интернационал, поднятую буржуазной печатью в связи с революцией в. Париже. Это обстоятельство заставило Маркса и Энгельса порвать с газетой всякие связи. — *7*.

11 *Северогерманский союз* — союзное германское государство, образованное в 1867 г. под главенством Пруссии после ее победы в австро-прусской войне, вместо распавшегося Германского союза (см. примечание 29). В Северогерманский союз вошло 19 германских государств и 3 вольных города, которые формально были признаны автономными. Конституция Северогерманского союза обеспечивала господствующее положение в нем Пруссии: прусский король был объявлен президентом Союза и главнокомандующим союзными вооруженными силами, ему передавалось руководство внешней политикой. Законодательные полномочия рейхстага Союза, избиравшегося на основе всеобщего избирательного права, были сильно ограничены: принятые им законы вступали в силу после одобрения их реакционным по своему составу союзным советом и утверждения президентом. В 1870 г. к Союзу были

присоединены остававшиеся ранее вне его Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт. Создание Северогерманского союза являлось шагом вперед по пути к национальному единству Германии; в январе 1871 г. Союз прекратил свое существование в связи с образованием Германской империи. — *9.*

[12] Энгельс имеет в виду герцогства Шлезвиг и Лауэнбург, попавшие под господство Пруссии в результате войны с Данией в 1864 г., а затем присоединенные ею, а также аннексированные Пруссией в результате ее победы в австро-прусской войне 1866 г. королевство Ганноверское, курфюршество Гессен-Кассельское, великое герцогство Нассау, вольный город Франкфурт, герцогство Гольштейн, а также некоторые части территории Баварии и Гессен-Дармштадта. — *9.*

[13] *Прусская система ландвера* — система формирования части вооруженных сил из военнообязанных старших возрастов (от 27 до 32 лет), зачислявшихся на 5 лет в ландвер, после того как они прошли действительную службу в регулярной армии и пробыли установленный срок в резерве. Впервые система ландвера возникла в Пруссии в 1813— 1814 годах; в дальнейшем она была введена в других германских государствах и в Австрии. В мирное время проводились только отдельные учебные сборы частей ландвера; во время войны ландвер должен был призываться для службы в тылу и гарнизонной службы. В период франко-прусской войны 1870—1871 гг. ландвер использовался для ведения боевых действий наряду с регулярными войсками; во время войны в ландвер зачислялись лица в возрасте до 40 лет. — *9.*

[14] *Митральеза,* или *картечница,* — многоствольное скорострельное оружие, установленное на тяжелом лафете. Митральеза, бывшая на вооружении французской армии в 1870—1871 гг., состояла из 25 стволов, стрельба из которых производилась последовательно при помощи специального механизма. Опыт франко-прусской войны показал неприменимость митральез в полевых условиях вследствие несовершенства их конструкции. — *10.*

[15] *Зуавы* — род французской легкой пехоты (название «зуавы» происходит от наименования одного из алжирских племен). Впервые части зуавов были сформированы в первой трети XIX века как колониальные войска в Алжире из местного населения, впоследствии комплектовались из французов, при этом у них сохранялась прежняя восточная одежда.

Тюркосы, или *алжирские стрелки,* — род французской легкой пехоты, сформированный в начале 40-х годов XIX века и комплектовавшийся из туземного населения Алжира, за исключением офицерского и частично унтер-офицерского состава. — *10.*

[16] *Национальная гвардия* во Франции, согласно закону 1868 г., разделялась на *мобильную* и *местную. Мобильная* национальная гвардия должна была комплектоваться из военнообязанных призывного возраста, не зачисленных на военную службу и в резерв, и предназначалась для охраны границ, для несения службы в тылу и гарнизонной службы. К началу франко-прусской войны 1870—1871 гг. формирование мобильной гвардии еще не было развернуто; во время войны в мобильную национальную гвардию зачислялись лица в возрасте от 20 до 40 лет.

В *местную* национальную гвардию зачислялись лица, освобожденные от действительной военной службы, и военнообязанные старших возрастов.

После того как французские регулярные войска были разбиты, национальная гвардия составила основное ядро вооруженных сил Франции. В 1872 г. национальная гвардия была распущена. — *11.*

17 Это предвидение Энгельса, как и многие другие его прогнозы относительно вероятного хода военных событий, полностью оправдалось. Упомянутый Энгельсом район стал в начале августа ареной первых крупных сражений франко-прусской войны (см. статью «Прусские победы», настоящий том, стр. 25—29). — *13.*

18 В *сражении при Сольферино* (Северная Италия) 24 июня 1859 г. во время войны Франции и Пьемонта против Австрии французские и пьемонтские войска нанесли поражение австрийской армии. Поражение австрийской армии при Сольферино определило исход войны в пользу Франции и Пьемонта. Ход сражения проанализирован Энгельсом в статьях «Сражение при Сольферино», «Правосудие истории» и «Сражение при Сольферино» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 419—431). — *14.*

19 Имеется в виду книга: G. Cardinal von Widdern. «Der Rhein und die Rheinfeldzuge. Militair-geographische und Operations-Studien im Bereich des Rheins und der benachbarten deutschen und franzosischen Landschaften». Berlin, 1869 (Г. Кардинал фон Виддерн. «Рейн и рейнские кампании. Военно-географические и тактические исследования района Рейна и прилегающей немецкой и французской территории». Берлин, 1869). — *15.*

20 *«Le Temps»* («Время») — ежедневная газета консервативного направления, орган крупной французской буржуазии; выходила в Париже с 1861 по 1943 год. Газета находилась в оппозиции ко Второй империи и выступала против войны с Пруссией; после падения империи поддерживала правительство национальной обороны. — *17.*

21 Энгельс имеет в виду передовую газеты «Times» от 5 августа 1870 г., в которой без ссылок на источник воспроизводился ряд положений статьи Энгельса «Заметки о войне. — III», опубликованной 2 августа 1870 года.

«The Times» («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. - *21.*

22 В бою при *Виссамбуре* 4 августа 1870 г. немецкие войска в составе трех корпусов Третьей армии под командованием прусского кронпринца, воспользовавшись разбросанностью французских войск, атаковали и разбили значительно уступавшую им по численности французскую дивизию под командованием Дуэ из 1-го корпуса Мак-Магона. Эта победа открыла немецким войскам пути продвижения в Эльзас. — *23.*

23 *Ружье Шаспо* — система заряжающейся с казенной части винтовки, названной по имени изобретателя; была принята на вооружение французской армии в 1868 г., отличалась высокими для того времени боевыми качествами. — *24.*

[24] *Сражение при Вёрте* (Эльзас) — одно из первых крупных сражений франко-прусской войны, происшедшее 6 августа 1870 г., окончилось поражением французских войск под командованием Мак-Магона. — *26.*

[25] В *сражении при Мадженте* на подступах к Милану 4 июня 1859 г. во время войны Франции и Пьемонта против Австрии французские войска нанесли поражение австрийской армии и овладели Маджентой, а затем вступили в Милан; австрийская армия в результате поражения при Мадженте была вынуждена очистить большую часть Ломбардии. Ход сражения освещен в статьях Энгельса «Военные события», «Поражение австрийцев», «Сражение при Мадженте» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 391—405). — *26.*

[26] В *сражении при Форбахе* (Лотарингия) 6 августа 1870 г. прусскими войсками был разбит 2-й корпус французской армии под командованием генерала Фроссара. В исторической литературе сражение при Форбахе называется также сражением при Шпихерне. В дальнейшем Энгельс употребляет также и это второе наименование. — *27.*

[27] Имеется в виду один из эпизодов австро-прусской войны 1866. года. После поражения при Садове 3 июля 1866 г. австрийские войска отступили к Ольмюцу (чешское название Оломоуц) с расчетом отвлечь таким образом прусскую армию от наступления на Вену. Этот план не имел успеха, так как прусские войска, выставив заслон против Ольмюца, повели наступление на столицу Австрии.— *22.*

[28] Энгельс имеет в виду антибонапартистские выступления парижских батальонов мобильной гвардии, состоявших из. рабочих и мелкой буржуазии; эти выступления произошли в Шалонском лагере в начале августа 1870 года. — *33.*

[29] *Германский союз* — объединение немецких государств, созданное в 1815 г. Венским конгрессом и первоначально включавшее 34 государства и 4 вольных города. Союз не имел ни централизованной армии, ни финансовых средств и сохранял все основные черты феодальной раздробленности; его единственный центральный орган— Союзный сейм, заседавший под председательством представителя Австрии, обладал ограниченными правами и служил орудием реакционных сил в борьбе против революционного движения. Распавшийся во время революции 1848—1849 гг., Германский союз был в 1850 г. восстановлен. Союз окончательно прекратил свое существование во время австро-прусской войны 1866 г. и был заменен Северогерманским союзом (см. примечание 11). — *24.*

[30] 7—9 августа 1870 г. в связи с поражениями французской армии при Форбахе и Вёрте, которые обнаружили гнилость режима Второй империи, в Париже, Лионе, Марселе и других городах происходили антиправительственные выступления народных масс. Одна из бурных манифестаций произошла в Париже 9 августа, когда многочисленные толпы, состоявшие преимущественно из рабочих, окружили здание Законодательного корпуса, провозглашая требования установления республики и вооружения народа. Для разгона манифестаций правительство широко использовало жандармерию и регулярные войска. В целях борьбы с революционной опасностью вместо кабинета Оливье

было сформировано правительство во главе с Паликао, состоявшее из ярых бонапартистов. Буржуазные республиканцы, «левые» депутаты Законодательного корпуса (Ферри, Гамбетта и др.), напуганные перспективой народной революции, отказались поддержать выступления народных масс и фактически содействовали сохранению бонапартистского режима. — *40.*

[31] Имеется в виду реорганизация французской армии в период якобинской диктатуры 1793—1794 гг., проведенная революционным правительством — Комитетом общественного спасения, членом которого был Карно. Важную роль в этой реорганизации сыграли направленные для ее проведения в армии комиссары Конвента. В соответствии с декретом Конвента от 23 августа 1793 г. о всеобщем наборе численность революционных армий к концу 1793 г. резко возросла и превысила 600 тысяч человек; было проведено слияние добровольческих батальонов с регулярной армией, осуществлена замена старого командного состава способными людьми, пользовавшимися доверием солдатских масс. Якобинское правительство организовало в широких масштабах производство оружия и боеприпасов для армии. Все эти меры дали французской армии возможность одержать ряд побед и к весне 1794 г. очистить территорию Франции от интервентов. — *45.*

[32] Энгельс имеет в виду сражение при Коломбей-Нуайи (называемое также сражением при Борни), происходившее 14 августа 1870 г. к востоку от Меца. Подробное описание этого сражения дается в «Заметках о войне. — XI» (см. настоящий том, стр. 59—60). — *47.*

[33] *Сражение при Марс-ла-Туре* (ниже, стр. 139, названо сражением при Вьонвиле) произошло 16 августа 1870 года. В результате этого сражения немецким войскам удалось остановить начавшийся отход французской Рейнской армии от Меца и затем отрезать ей пути отступления. — *51.*

[34] *«Le Siecle»* («Век»)— ежедневная газета либерально-республиканского направления, выходила в Париже с 1836 по 1939 год; в 1870—1871 гг. выходила одновременно в Париже и в Туре, а затем в Бордо. — *52.*

[35] *Франтиреры* (от французского francs-tireurs — вольные стрелки) — добровольцы-партизаны, организованные в мелкие отряды и принимавшие участие в защите страны от нашествия вражеских войск на Францию. Впервые отряды франтиреров начали создаваться в период войн против антифранцузских коалиций конца XVIII — начала XIX века, во время вторжения во Францию неприятельских войск. В 1867 г. во Франции стали создаваться общества франтиреров. После начала франко-прусской войны и вступления прусских войск на территорию Франции члены этих обществ специальным декретом были призваны к оружию. Когда регулярные армии Франции были разбиты и блокированы в крепостях, число отрядов франтиреров резко возросло. — *52.*

[36] В *сражении при Йене* (Тюрингия) 14 октября 1806 г. французские войска под командованием Наполеона I разгромили часть прусской армии. В этот же день войска наполеоновского маршала Даву нанесли поражение главным силам пруссаков при Ауэрштедте. В ходе

дальнейшего преследования обеих разбитых группировок подавляющая часть прусских войск была взята в плен французами, что повлекло за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией. — *55.*

[37] Энгельс цитирует телеграмму прусского короля Вильгельма о победе немецких войск над французской Рейнской армией при Гравелоте 18 августа 1870 года. После сражения при Гравелоте (называемом в исторической литературе также сражением при Сен-Прива) Рейнская армия была блокирована в Меце. — *57.*

[38] *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — ежедневная английская буржуазная газета, орган либералов; выходит в Манчестере с 1821 года.— *59.*

[39] Во время итальянского похода Бонапарта (1796—1797 гг.) часть французских войск в июне 1796 г. приступила к осаде Мантуи (Северная Италия), оборонявшейся австрийским гарнизоном, в то время как главные силы французской армии действовали против австрийских войск, пытавшихся деблокировать крепость. В сентябре 1796 г. в Мантуе укрылась австрийская армия Вурмзера, разбитая Бонапартом; в феврале 1797 г. после длительной осады и блокады Мантуи находившиеся в ней войска, не имевшие необходимых запасов продовольствия, были вынуждены сдаться.

В крепости Ульм в октябре 1805 г., во время войны наполеоновской Франции с третьей коалицией европейских государств, в результате искусного марш-маневра Наполеона I была окружена и вынуждена сдаться австрийская армия под командованием Макка. — *63.*

[40] *«The Standard»* («Знамя») — английская ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1827 году. — *65.*

[41] После победы в октябре 1806 г. при Йене и Ауэрштедте авангард войск Наполеона I, опередив прусские войска во время их отступления, лишил их возможности достигнуть Штеттина (польское название Щецин) и переправиться через реку Одер; остатки разгромленной в ходе кампании прусской армии вынуждены были сдаться, — *68.*

[42] На южной границе указанного Энгельсом района находится Седан, где 1—2 сентября 1870 г., как и предвидел Энгельс, прусские войска нанесли поражение французской армии Мак-Магона и, отрезав ей пути отступления, вынудили ее капитулировать. Таким образом, Энгельсом не только заранее была предсказана вероятность седанской катастрофы, но и довольно точно определено место, где она должна была произойти. — *65.*

[43] *«Алжирцами»* или *«африканцами»* называли во Франции генералов и офицеров, сделавших военную карьеру в колониальных войнах против алжирских племен, боровшихся за свою независимость. Мак-Магон принимал активное участие в этих войнах, в которых французское командование широко применяло тактику варварских набегов на алжирские племена, сопровождавшихся жестоким истреблением местного населения, вероломно нарушало заключенные соглашения, полностью игнорируя все правила ведения войны и не признавая за противником прав воюющей стороны. — *69.*

[44] В конце данной статьи редактором «Pall Mall Gazette» Гринвудом был добавлен следующий абзац, опущенный в настоящем издании: «Вполне вероятно, что осада Страсбурга вскоре закончится капитуляцией крепости. Немцы, по-видимому, совершенно серьезно взялись за дело. До вчерашнего утра бомбардировка со стороны Келя продолжалась беспрерывно днем и ночью в течение трех суток. В то же самое время пруссаки продвинули свои передовые посты на расстояние от 500 до 800 ярдов от крепости. Арсенал подожжен, и несколько тяжелых орудий, только что установленных на позициях, немедленно возьмут под обстрел данный участок».

В письме Марксу от 4 сентября 1870 г. Энгельс отметил, что Гринвуд ради заполнения места прибавил к статье «несколько совершенно бессмысленных строк по поводу осады Страсбурга. При первом подходящем случае я напишу об этом статью и выскажу мнение совершенно противоположное». Это намерение Энгельс осуществил в статье «Заметки о войне. — XVII» (см. настоящий том, стр. 90—93). — *70.*

[45] В марте 1814 г., во время войны с шестой антифранцузской коалицией европейских государств, Наполеон I после неудачных для него сражений при Лаоне и Арси-сюр-Об и соединения действовавших против него армий Блюхера и Шварценберга сделал попытку зайти в тыл войскам союзников и перерезать своими главными силами коммуникации, связывавшие их с Рейном, с тем чтобы задержать продвижение войск союзников на Париж. Однако союзники, значительно превосходившие по численности своих войск наполеоновскую армию и осведомленные о назревавшем в Париже недовольстве режимом Наполеона, продолжали свое наступление на столицу Франции и заняли ее 31 марта 1814 **г.**, что ускорило падение наполеоновской империи. — *71.*

[46] Немецкие войска в составе Третьей и Четвертой (Маасской) армий, как и предсказывал Энгельс, двинулись в северном направлении за Шалонской армией Мак-Магона, которая была оттеснена к Седану и после ее окружения вынуждена капитулировать. — *72.*

[47] У деревни Дембе-Вельке, неподалеку от Варшавы, 31 (18) марта 1831 г. во время польского освободительного восстания 1830—1831 гг. произошло сражение между повстанческими польскими и царскими войсками, окончившееся победой поляков; царские войска были вынуждены отступить со значительными потерями. Победа поляков при Дембе-Вельке заставила командующего царскими войсками Дибича отказаться от переправы через Вислу. — *78.*

[48] Бой при *Луаре* происходил в понедельник 29 августа 1870 г. между авангардными частями 12-го северогерманского и 5-го французского корпусов.

В сражении при *Бомоне* 30 августа 1870 г. войска 4-го и 12-го северогерманских корпусов и 1-го баварского корпуса разгромили 5-й французский корпус генерала де Файи, действовавший в составе Шалонской армии Мак-Магона. Оба сражения представляли собой этапы военной операции пруссаков против армии Мак-Магона, завершившейся ее разгромом при Седане. — *78.*

[49] Энгельс имеет в виду неудачную попытку прорыва Рейнской армии из Меца в северо-восточном направлении 31 августа — 1 сентября 1870 года. В результате боев, получивших наименование сражения при Нуасвиле, обе стороны остались на своих прежних позициях. — *81.*

[50] Речь идет о завершающем сражении 1 сентября 1870 г. между Третьей и Четвертой прусскими армиями и Шалонской армией Мак-Магона, в результате которого окруженная войсками пруссаков французская армия была разгромлена. 2 сентября французским командованием был подписан акт о капитуляции, согласно которому сдались в плен свыше 80 тысяч солдат, офицеров и генералов во главе с Наполеоном III.

Седанская катастрофа ускорила крах Второй империи и привела к провозглашению 4 сентября 1870 г. республики во Франции.

С разгромом французских регулярных армий и провозглашением республики, когда со всей очевидностью проявились завоевательные стремления прусской военщины, юнкерства и буржуазии, война полностью утратила оборонительный характер со стороны Пруссии. С этого времени одной из важных задач международного пролетариата стала организация поддержки Франции в ее оборонительной войне против прусских завоевателей. Вопрос об изменении характера войны и о задачах, вставших в связи с этим перед пролетариатом, Маркс рассматривает во втором воззвании Генерального Совета о франко-прусской войне (см. настоящий том, стр. 274—282). — *81.*

[51] Данциг (Гданьск) во время войн Наполеона I против антифранцузских коалиций европейских государств дважды подвергался осаде.

В марте—мае 1807 г., во время войны Наполеона с четвертой антифранцузской коалицией, гарнизон Данцига, состоявший из прусских войск и русского союзного отряда, оказал упорное сопротивление осадившему город французскому корпусу. Действия гарнизона были поддержаны другим русским отрядом, предпринявшим попытки прорвать блокаду. Данциг сдался из-за недостатка военных запасов на условиях свободного выхода гарнизона из крепости.

В начале 1813 г. войска России и Пруссии, входивших в шестую антифранцузскую коалицию европейских государств, обложили Данциг, занятый наполеоновскими войсками, но встретились с упорной обороной на подступах к городу. Данциг продолжал сопротивление около года и выдержал три правильных осады, но в конечном счете был вынужден капитулировать. — *87.*

[52] *Итальянский,* или *венецианский, четырехугольник крепостей* — сильнейшая укрепленная позиция, образованная крепостями Северной Италии — Вероной, Лепьяго, Мантуей и Пескьерой. Четырехуголь-пик крепостей играл большую роль в войнах XIX века в качестве опорного района для действий войск. Во время буржуазной революции 1848—1849 гг. в Италии Верона, занимавшая выгодное стратегическое положение и прикрывавшая пути в Австрию, служила основной операционной базой контрреволюционной австрийской армии Радецкого в ее действиях против пьемонтских войск (см. настоящее издание, т. 13, стр. 202—209, 249—253). — *87.*

[53] Героическая оборона русской армией Севастополя, осажденного во время Крымской войны 1853—1856 гг. войсками Франции, Англии, Турции и Сардинии, продолжалась с сентября 1854 по август 1855 года. — *87.*

[54] *Горнверк* и *кронверк* — вспомогательные наружные укрепления, возводившиеся перед главным валом крепости. — *87.*

[55] В *сражении при Ватерлоо* (Бельгия) 18 июня 1815 г. во время войны седьмой антифранцузской коалиции против наполеоновской Франции армия Наполеона I была разбита англо-голландскими войсками под командованием Веллингтона и прусской армией под командованием Блюхера. Поражение при Ватерлоо привело к окончательному падению империи Наполеона после кратковременного восстановления ее в марте 1815 года. — *90.*

[56] Энгельс перефразирует слова из речи Луп-Наполеона, произнесенной им 9 октября 1852 г. в Бордо незадолго до плебисцита и провозглашения Второй империи во Франции; пытаясь завоевать симпатии населения, Луи-Наполеон демагогически заявил, что «империя — это мир». — *94.*

[57] Энгельс имеет в виду победу Австрии в австро-итальянской войне 1848—1849 гг. над пьемонтскими войсками во время буржуазной революции в Италии и ряд поражений, которые потерпели австрийские войска при подавлении буржуазной революции в Венгрии в 1848— 4849 гг., а также действия русской армии, посланной царским правительством в 1849 г. в Венгрию на помощь австрийским Габсбургам, и прусскую интервенцию в Южную Германию для подавления баденско-пфальцского восстания в 1849 году. — *94.*

[58] *Система заместительства в армии* была долгое время широко распространена во Франции и составляла одну из привилегий имущих классов, позволявшую состоятельным лицам откупаться от военной службы и за известную плату нанимать себе заместителей. В период французской революции конца XVIII века заместительство было запрещено, однако Наполеон I вновь его узаконил. В апреле 1855 г. в систему заместительства в армии были внесены изменения: по новому закону заместители, если они не являлись близкими родственниками призываемого, подбирались государственными органами, а денежные суммы на замещение вносились в специальный фонд «дотации армии». Закон 1868 г. подтвердил установленную систему заместительства. В 1872 г. система заместительства во Франции была отменена. — *94.*

[59] Имеется в виду война Франции и Пьемонта против Австрии, продолжавшаяся с 29 апреля по 8 июля 1859 года. Война была развязана Наполеоном III, стремившимся под флагом «освобождения» Италии к территориальным захватам и укреплению бонапартистского режима *г,о* Франции посредством успешной «локальной» военной кампании. Итальянская крупная буржуазия и либеральное дворянство надеялись в результате войны осуществить объединение Италии под властью правившей в Пьемонте Савойской династии. После поражений австрийской армии при Мадженте и Сольферино (см. примечания 25 и 18), Наполеон III, напуганный развивавшимся национально-освободительным движением в Италии и не желая содействовать ее объединению, сепаратно заключил с Австрией Виллафранкский прелиминарный мирный договор. В результате войны Франция получила Савойю и Ниццу, Ломбардия была присоединена к Сардинскому королевству (Пьемонту). Венецианская область продолжала до 1866 г. оставаться под властью австрийцев. — *95.*

[60] В 1850 г. в связи с обострением австро-прусских отношений, вызванным борьбой за гегемонию в Германии, была проведена мобилизация

прусской армии. Вскрытые мобилизацией серьезные недостатки военной системы и устаревшее вооружение прусской армии, а также энергичное противодействие России, поддерживавшей в германском конфликте Австрию, вынудили Пруссию отказаться от военных действий и капитулировать перед Австрией (Ольмюцское соглашение 1850 г.).

Энгельс иронически сравнивает это дипломатическое поражение Пруссии с поражением римлян в Кавдинском ущелье близ города Кавдия в 321 г. до н. э. во время второй Самнитской войны. Самниты нанесли поражение римским легионам и вынудили их пройти под «ярмом», что считалось наивысшим позором для побежденной армии. Отсюда выражение «пройти через Кавдинское ущелье», то есть подвергнуться крайнему унижению. — *96.*

[61] Имеется в виду отказ в феврале 1860 г. буржуазного большинства нижней палаты (палаты представителей) прусского ландтага утвердить внесенный военным министром фон Рооном проект реорганизации армии. Однако правительство вскоре добилось от буржуазии утверждения ассигнований на «поддержание боевой готовности армии», использовав эти средства на осуществление намеченной реорганизации армии. В марте 1862 г., когда либеральное большинство палаты снова отказалось утвердить военные расходы, правительство распустило ландтаг и назначило новые выборы. В конце сентября 1862 г. было сформировано контрреволюционное министерство Бисмарка, которое в октябре того же года распустило вновь избранный ландтаг и начало проводить военную реформу, расходуя на это средства без утверждения ландтага. — *97.*

[62] *Датская война* — война Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г., явившаяся важным этапом в объединении Германии под гегемонией Пруссии. Юнкерское правительство Бисмарка стремилось присоединить к Пруссии герцогства Шлезвиг и Гольштейн, подвластные Дании, но населенные в основном немцами, усилить влияние Пруссии в Германии, подавить оппозицию либеральной буржуазии. В этой войне приняла участие Австрия, стремившаяся так же, как и Пруссия, к захвату Шлезвига и Гольштейна. Война закончилась поражением Дании. Шлезвиг и Гольштейн были объявлены совместным владением Австрии и Пруссии, а после австро-прусской войны 1866 г. были присоединены к Пруссии. — *98.*

[63] В 50—60-х годах XIX века в Париже под руководством префекта департамента Сены Османа в больших масштабах производились работы по перепланировке и перестройке города; помимо благоустройства аристократических кварталов эти работы имели целью путем расширения существовавших улиц и создания новых прямых магистралей облегчить действия войск и применение артиллерии в случае народных восстаний. Выделенные для этого средства беззастенчиво расхищались Османом и его подчиненными. — *98.*

[64] Энгельс имеет в виду написанную в начале 1860 г. и напечатанную тогда же отдельным изданием памятную записку принца Фридриха-Карла «Ueber die Kampfweise der Franzosen» («О тактике французов»). — *104.*

[65] Имеются в виду следующие события из истории войн шестой и седьмой коалиций европейских держав против наполеоновской Франции

в 1813—1814 и 1815 годах: капитуляция Парижа 31 марта 1814 г. после победы русских и прусских войск над защищавшими Париж французскими войсками и капитуляция Парижа без боя перед войсками Англии и Пруссии 3 июля 1815 года. — *108.*

66 19 сентября 1870 г. 14-й французский корпус под командованием генерала Дюкро совершил вылазку с целью помешать немецким войскам овладеть важными высотами с южной стороны Парижа. Происшедшие бои у Пти-Бисетра и Шатильона окончились поражением и беспорядочным отступлением французских войск и завершением обложения Парижа пруссаками. — *108.*

67 Переговоры между Фавром, представлявшим правительство национальной обороны, и Бисмарком происходили 19 и 20 сентября 1870 г. в От-Мезон и Ферьере. В качестве условий перемирия Бисмарк выдвинул требование сдачи Бича, Туля и Страсбурга, сохранения обложения Парижа или сдачу одного из его фортов и продолжения военных действий под Мецем. В качестве условия заключения мирного договора Бисмарк требовал передачи Германии Эльзаса и трети Лотарингии. После отказа Фавра принять эти требования переговоры были прерваны. — *112.*

68 В период Второй империи во Франции в мирное время все войска, находящиеся в данном округе, объединялись под командованием общего военачальника (называвшегося командующим армейским корпусом), который мог распоряжаться ими для поддержания существующего режима и подавления революционных выступлений масс. Однако в вопросах расположения, организации и обучения войск функции его были крайне ограничены. Постоянные армейские корпуса и армии должны были формироваться только в случае войны, что предопределяло слабую организацию высших войсковых соединений и отражалось на подготовке войск к военным действиям. — *117.*

69 Имеется в виду книга: Th. Lavallee. «Les frontieres de la France». Paris, 1864 (Т. Лавалле. «Границы Франции». Париж, 1864). — *118.*

70 Лионской армией в прессе называли войска формировавшегося в этом городе 24-го французского корпуса. Впоследствии корпус вошел в состав Восточной (1-й Луарской) армии Бурбаки. — *123.*

71 Энгельс имеет в виду книгу Трошю «L'Armee francaise en 1867». Paris, 1867 («Французская армия в 1867 году». Париж, 1867). — *123.*

72 Указанные данные опубликованы в «Zeitschrift des koniglich preussischen statistischen Bureaus» №3, Marz 1864 («Журнал прусского королевского статистического бюро» № 3, март 1864 года»). — *124.*

73 *«Вооруженный народ»* — распространенное название вооруженных сил Пруссии, употреблявшееся как в буржуазно-юнкерской военной литературе, так и в официальных документах. Как неоднократно указывал Энгельс, прусская армия ни в коей мере не представляла собой «вооруженный народ»; она противостояла народным массам и являлась орудием завоевательной политики прусского буржуазно-юнкерского государства. Энгельс подробно рассматривает вопрос о прусской военной системе в работе «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 35—78). — *124.*

[74] *Эрзац-резервом* в прусской армии называлась часть запаса, состоявшая из лиц, призывного возраста, которые в мирное время по разным причинам получали отсрочку от действительной военной службы; эрзац-резерв, срок пребывания в котором был установлен в 12 лет, использовался для пополнения армии во время войны. — *124.*

[75] Имеется в виду восстание в Испании в 1808 г. против наполеоновского господства, положившее Начало национально-освободительной войне испанского народа против французских оккупантов в 1808—1814 годах. В борьбе против наполеоновских войск испанцы особенно широко применяли партизанские методы ведения войны. — *131.*

[76] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета; орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *132.*

[77] Речь идет о черте уничтоженных в XVIII веке старых городских укреплений, на месте которых были разбиты бульвары. — *133.*

[78] *Пале де Жюстис* (Дворец правосудия) — здание суда в Париже. — *133.*

[79] *Зондербург* (современное название Сённерборг) — один из пунктов на Дюппельской укрепленной позиции, прикрывавшей переправу на остров Альзен во время войны Пруссии и Австрии против Дании в 1864 году (см. примечание 62). После продолжительной осады прусские войска 18 апреля 1864 г. овладели Дюппельскими позициями, заставив датскую армию отступить на Альзен. Бои за Дюппельские позиции продемонстрировали возросшую роль артиллерии в осадных действиях. — *134.*

[80] Имеется в виду Гражданская война в США 1861—1865 годов. — *145.*

[81] Речь идет о военных действиях армии северных штатов с целью овладения двумя важнейшими пунктами южан: Виксбергом (штат Миссисипи) и Ричмондом (штат Виргиния, столица южной Конфедерации). В течение 1862—1863 г. северяне неоднократно пытались овладеть Виксбергом, но лишь организовав взаимодействие сухопутных войск и речной флотилии, они 1 июля 1863 г. после ожесточенной бомбардировки захватили один из редутов крепости. 3 июля 1863 г. Виксберг сдался.

Первая попытка овладеть Ричмондом, предпринятая северянами в апреле 1862 г., окончилась поражением их войск в сражениях на подступах к городу. Вторичная осада Ричмонда была организована во время общего наступления всех военных сил северных штатов, начавшегося в мае 1864 года. Сопротивление находившихся в Ричмонде войск южных штатов, использовавших сооруженный у Ричмонда укрепленный лагерь, продолжалось до апреля 1865 г., когда город был взят войсками генерала Гранта. — *145.*

[82] В *сражении под Туделой* (Северная Испания) 23 ноября 1808 г. во время национально-освободительной войны Испании против наполеоновского господства французский корпус маршала Ланна нанес поражение испанским войскам, воспользовавшись их разбросанностью. Остатки разбитых испанских войск отступили к Сарагосе. — *146.*

[83] Речь идет об австро-французской войне 1809 г., которая вынудила Наполеона I отозвать из Испании гвардию и кавалерию; война была проиграна Австрией в результате поражения австрийской армии под Ваграмом 5—6 июля 1809 года. По Шёнбруннскому мирному договору, заключенному в октябре 1809 г. между Францией и Австрией, последняя лишилась значительной части территории и фактически теряла политическую самостоятельность. — *147.*

[84] Для создания на улицах города третьей оборонительной линии на случай прорыва противника через линии фортов и крепостного вала в Париже в сентябре 1870 г. была учреждена «комиссия баррикад» во главе с А. Рошфором. Комиссия организовала постройку на улицах Парижа оборонительных сооружений — баррикад и рвов, — которые, однако, во время осады использованы не были. — *148.*

[85] Энгельс имеет в виду переговоры между Базеном и Бисмарком о заключении перемирия, происходившие в сентябре—октябре и прерванные 24 октября 1870 г.; примерно в то же время велась подготовка к переговорам между правительством национальной обороны и Бисмарком на основе предложения Англии о мирном посредничестве; эти переговоры происходили между Тьером и Бисмарком в Версале с 1 по 6 ноября 1870 г. и окончились безрезультатно. — *149.*

[86] Имеются в виду провинции, входившие в Пруссию до расширения ее территории за счет присоединения в 1864—1866 гг. новых земель, а именно: Восточная и Западная Пруссия, Бранденбург, Померания, Силезия, Познань, Саксония, Вестфалия, Рейнская провинция. — *149.*

[87] Имеется в виду делегация правительства национальной обороны в составе Гле-Бизуена, Кремьё и Фуришона, направленная в Тур в середине сентября 1870 г. для организации сопротивления немецкому вторжению в провинциях и осуществления внешних сношений. С начала октября и до конца войны делегацию возглавлял Гамбетта, руководивший военным министерством и министерством внутренних дел. Деятельность Турской делегации была направлена на формирование и вооружение новых крупных воинских сил. В начале декабря 1870 г. делегация переехала в Бордо. — *150.*

[88] *Поляки-сплавщики* (Wasserpolacken) — употреблявшееся с XVII века название поляков, проживавших в Верхней Силезии и занимавшихся сплавом леса по Одеру; в дальнейшем это название закрепилось за польским населением Верхней Силезии, в течение нескольких столетий находившимся под господством Пруссии.

Мазуры — поляки, населяющие северо-восточную часть Польши и южную часть бывшей Восточной Пруссии. Несмотря на политику насильственной германизации, поляки-мазуры, проживавшие на территории бывшей Восточной Пруссии, сохраняли свои национальные особенности. В немецкой исторической литературе XIX века распространялось ошибочное мнение о том, что мазуры, проживавшие в Восточной Пруссии, утратили всякую связь с польским народом. — *152.*

[89] *Баденские Freischaaren* — добровольческие отряды, сражавшиеся в составе революционной баденско-пфальцской армии против вторгшихся в Пфальц и Баден прусских войск во время восстания 1849 г.

в Южной и Западной Германии в защиту имперской конституции. Добровольческие отряды Бадена и Пфальца не имели четкой организации и отличались слабой дисциплиной и плохой военной подготовкой. В действиях добровольческого отряда Виллиха, сформированного из рабочих и выделявшегося своей дисциплиной и боеспособностью, принимал участие Энгельс. Подробную характеристику добровольческих отрядов баденско-пфальцской революционной армии Энгельс дал в своей работе «Германская кампания за имперскую конституцию» (см. настоящее издание, т. 7, стр. III—207).

На реке *Булл-Ран* около Манассаса (в 30 км. от Вашингтона) 21 июля 1861 г. произошло первое крупное сражение Гражданской войны в США 1861—1865 годов. В этом сражении войска Севера, состоявшие из плохо обученных добровольцев, большинство которых находилось в рядах армий лишь несколько месяцев, потерпели поражение от кадровой армии южных рабовладельческих штатов.

Британские волонтеры — территориальное ополчение, образованное в Англии в 1859—1861 годах. Согласно закону об организации волонтерских войск 1863 г., волонтеры были обязаны пройти не менее 30 учений и могли быть призваны только в случае вторжения противника в Англию. В статьях о волонтерах (см. настоящее издание, т. 15) Энгельс подверг критике их плохую военную организацию, слабую подготовку офицерского состава и неудовлетворительную систему обучения. — *154.*

[90] *Гиды* — специальные подразделения в ряде европейских армий, использовавшиеся в качестве проводников войск; во французской армии в период Второй империи, так же как и во времена Наполеона I, гиды несли службу по охране штаба и являлись личной охраной императора. — *157.*

[91] В *сражении при Лейпциге 16*—19 октября 1813 г. армия Наполеона I потерпела поражение от союзных войск участников шестой антифранцузской коалиции: России, Пруссии, Австрии и Швеции. Результатом этой победы явилось полное освобождение Германии от наполеоновского господства. — *158.*

[92] После падения режима Второй империи 4 сентября 1870 г. Базен, отказавшись от решительного прорыва блокады Меца, в сентябре— октябре этого года начал непосредственно переговоры с Бисмарком (см. о них также примечание 85) с целью добиться снятия обложения Меца немецкой армией и использования запертых в нем войск для восстановления империи. В качестве предварительного условия Бисмарк выдвинул признание бывшей императрицей-регентшей передачи Германии Эльзаса и Лотарингии. Переговоры были прекращены после отказа Евгении, наводившейся в эмиграции в Англии, принять условие Бисмарка. — *159.*

[93] *Мексиканская экспедиция* — вооруженная интервенция Франции, первоначально совместно с Испанией и Англией, предпринятая в Мексику в 1862—1867 годах; преследовала цель подавления мексиканской революции и превращения Мексики в колонию европейских государств. Англия и Франция стремились также, захватив Мексику, использовать ее в качестве плацдарма для вмешательства в Гражданскую войну в США на стороне рабовладельческого Юга. Хотя французским войскам и удалось занять столицу Мексики Мехико и про-

возгласить «империю» во главе со ставленником Наполеона III австрийским эрцгерцогом Максимилианом, в результате героической освободительной борьбы мексиканского народа французские интервенты потерпели поражение и были вынуждены в 1867 г. отозвать из Мексики свои войска. Мексиканская экспедиция, стоившая Франции огромных затрат, нанесла Второй империи серьезный ущерб. — *159.*

[94] Энгельс имеет в виду анонимно выпущенную осенью 1870 г. в Брюсселе брошюру Наполеона III: «Campagne de 1870. Des causes qui ont amene la capitulation de Sedan. Par un Officier attache a l'Etat-Major General, avec les plans de la place et de bataille». («Кампания 1870 года. О причинах, вызвавших седанскую капитуляцию. Написано офицером, прикомандированным к главному штабу, с приложением планов района и сражения»). — *161.*

[95] «Memoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph». Paris, 1854, t. IV, p. 425 («Военно-политические мемуары и переписка короля Жозефа». Париж, 1854, т. IV, стр. 425). — *164.*

[96] *Аркадские простачки* или *аркадские пастушки* — ироническое прозвище наивных и беспечных людей; выражение ведет свое происхождение от названия области древнего Пелопоннеса — Аркадии, жители которой, согласно греческой мифологии, отличались наивностью и простотой нравов. — *164.*

[97] Речь идет о позиции англичан во время войны американских колоний Англии за независимость (1775—1782), сопровождавшейся массовым партизанским движением в стране и действиями добровольческой милиции, из которой в основном состояли войска американских колонистов. — *170.*

[98] При *Ментане* 3 ноября 1867 г. французские войска, действуя совместно с папской наемной гвардией, нанесли поражение войскам Гарибальди, предпринявшим поход на Рим с целью воссоединения Папской области с Италией; поражение гарибальдийцев послужило сигналом для усиления реакции. — *171.*

[99] В Индии в 1857—1859 гг. происходило крупнейшее народное восстание против английского владычества. Восстание вспыхнуло весной 1857 г. среди так называемых синайских частей бенгальской армии, вербовавшихся из местных жителей, и охватило крупнейшие районы Северной и Центральной Индии. Основной движущей силой восстания было крестьянство и ремесленная беднота городов. Руководимое местными феодалами восстание потерпело поражение из-за феодальной раздробленности Индии, религиозных и кастовых различий, а также ввиду военно-технического превосходства колонизаторов. — *171.*

[100] В сражении при *Кульмье* близ Орлеана 9 ноября 1870 г. вновь сформированные 15-й и 16-й французские корпуса Луарской армии под общим командованием генерала д'Орель де Паладина нанесли поражение уступавшему им по численности 1-му баварскому корпусу генерала фон дер Танна. — *173.*

[101] Речь идет о договорах, которые Франция была вынуждена подписать с участниками шестой и седьмой антифранцузских коалиций — Англией,

Австрией, Пруссией и Россией после падения наполеоновской империи в 1814 г. и вторичного низложения Наполеона в 1815 г., последовавшего за кратковременным восстановлением его власти.

По *Парижскому мирному договору,* заключенному 30 мая 1814 г., Франция теряла почти все территории, завоеванные в период республики и империи, и сводилась к границам, существовавшим на 1 января 1792 г., за исключением незначительных территорий на ее северной, восточной и юго-восточной границах.

Согласно *Парижскому мирному договору,* заключенному 20 ноября 1815 г., Франция утратила важные в стратегическом отношении пункты на ее северной, восточной и юго-восточной границах, сохраненные за ней Парижским договором 1814 года. С целью укрепления режима реставрированной монархии Бурбонов пограничные крепости Северо-Восточной Франции были заняты стопятидесятитысячной армией союзников, остававшейся там до конца 1818 года. — *177.*

[102] 15 июля 1840 г. Англия, Россия, Пруссия, Австрия и Турция без участия Франции подписали в Лондоне конвенцию об оказании помощи турецкому султану против египетского правителя Мухаммеда-Али, которого поддерживала Франция. В результате заключения конвенции возникла угроза войны между Францией и коалицией европейских держав, однако король Луи-Филипп не решился на войну и отказался от поддержки Мухаммеда-Али. — *177.*

[103] *Демонтирные батареи* — осадные батареи, предназначенные для разрушения амбразур и уничтожения орудий осажденной крепости. — *180.*

[104] Энгельс имеет в виду дипломатический кризис, возникший в начале ноября 1870 г. в результате денонсации Россией тех статей Парижского договора 1856 г. (мирный договор, подписанный 30 марта 1856 г. участниками Крымской войны: Францией, Англией, Сардинией и Турцией, а также Австрией и Пруссией, с одной стороны, и Россией — с другой), которые запрещали ей держать военно-морской флот на Черном море. Эти действия России были поддержаны правительством Бисмарка, рассчитывавшим таким путем обеспечить благоприятную позицию царского правительства в отношении прусских условий мира с Францией. Англия и Австро-Венгрия, выразившие протест против пересмотра Парижского договора, не смогли оказать серьезного сопротивления требованиям России. На международной конференции представителей России, Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции, Италии и Турции, заседавшей в январе—марте 1871 г. в Лондоне, 13 марта была подписана конвенция, отменявшая статьи XI, XIII и XIV Парижского договора 1856 года. Тем самым было отменено запрещение России и Турции иметь военные корабли и крепости на Черном море и суверенные права России в этом районе были восстановлены. — *180.*

[105] Имеется в виду редакционная статья, опубликованная в «Pall Mall Gazette» № 1805, 25 ноября 1870 года. — *186.*

[106] Джузеппе Гарибальди вместе со своими сыновьями, Риччотти и Менотти, командовал частями национальной гвардии и иностранных добровольцев, участвовавших с осени 1870 г. во франко-прусской войне на стороне Французской республики. Войска Гарибальди, объединенные в Вогезскую армию, вели активные боевые действия в Восточной Франции.

Один из отрядов войск Гарибальди под командованием его сына Риччотти в результате боев у Шатильона, продолжавшихся в течение двух недель, начиная с 19 ноября 1870 г., нанес поражение отряду немецкого ландвера. — *186.*

[107] *«Journal de Bruxelles»* («Брюссельская газета») — бельгийская консервативно-клерикальная газета, орган католических кругов; выходила с 1820 года. — *193.*

[108] *«Moniteur»* — сокращенное название французской ежедневной газеты «Le Moniteur universel» («Всеобщий вестник»), выходившей в Париже с 1789 по 1901 год. С 1799 до 1869 г. — официальный правительственный орган. Во время осады Парижа выходила одновременно в Парижа и в Туре, а затем в Бордо, являясь официальным органом делегации правительства национальной обороны во главе с Гамбеттой. — *198.*

[109] В *сражении при Луаньи-Пупри,* примерно в 40 *км к* северо-западу от Орлеана, 2 декабря 1870 г. немецкие войска армейской группы герцога Мекленбургского нанесли поражение входившим в Луарскую армию 16-му и 17-му французским корпусам под командованием генералов Шанзи и Сони. — *199.*

[110] Имеется в виду *«Berliner Borsen-Courier»* («Берлинский биржевой курьер») — ежедневная газета, орган берлинской биржи, выходила в 1868—1933 годах. — *206.*

[111] *«Die Tages-Presse»* («Ежедневная пресса») — австрийская ежедневная газета, орган мелкобуржуазной немецкой Народной партии, издавалась в Вене с 1869 года. — *206.*

[112] G. H. Pertz. «Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithardt von Gneisenau». Band II. Berlin, 1865 (Г. Пертц. «Жизнь фельдмаршала графа Нейтхардта фон Гнейзенау». Т. II. Берлин, 1865). — *209.*

[113] Речь идет о преследовании участников оппозиционного движения среди немецкой интеллигенции в период, последовавший за войнами с наполеоновской Францией. Многие члены студенческих гимнастических обществ, возникших еще в период освободительной борьбы против владычества Наполеона и принимавших в ней активное участие, выступали против реакционного строя немецких государств, организовывали политические манифестации с требованиями объединения Германии. На Карлсбадской конференции министров главных немецких государств в августе 1819 г. против участников этого движения, прозванных «демагогами», были приняты репрессивные меры. — *209.*

[114] Имеется в виду полк папской гвардии, организованный и обученный по образцу зуавов (см. примечание 15) и комплектовавшийся добровольцами из французской дворянской молодежи. После занятия Рима итальянскими войсками и ликвидации светской власти папы в сентябре 1870 г. папские зуавы были перевезены во Францию, преобразованы в «легион добровольцев Запада» и участвовали в боях с немецкими войсками в составе 1-й и 2-й Луарских армий. По окончании войны легион участвовал в подавлении Парижской Коммуны, а затем был расформирован. — *212.*

[115] См. примечание 79. — *227.*

[116] В *бою под Виллер-Бретоннё* (называемом также сражением при Амьене; под этим названием оно было уже выше упомянуто Энгельсом в «Заметках о войне. — XXIX», см. настоящий том, стр. 191) в Нормандии 27 ноября 1870 г. французская Северная армия потерпела поражение от немецкой Первой армии генерала Мантёйфеля. — *232.*

[117] *«Karlsruher Zeitung»* («Газета Карлсруэ») — ежедневная газета, орган баденского правительства, издавалась в Карлсруэ с 1757 года. — *233.*

[118] Имеется в виду *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета; под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года, отражала позицию либерально-монархической буржуазии; во время франко-прусской войны активно поддерживала шовинистические требования аннексии Эльзаса и Лотарингии и выступала против республики во Франции; в период Парижской Коммуны призывала к вооруженному подавлению революции в Париже. — *233.*

[119] Предположение Энгельса полностью оправдалось. Решительное сражение между французской Восточной армией генерала Бурбаки и немецкими войсками генерала Вердера произошло на реке Лизен в окрестностях Бельфора 15—17 января 1871 года. Французские войска, несмотря на свое значительное численное превосходство, не смогли добиться победы и после сражения были вынуждены начать отступление, в ходе которого армия Бурбаки была окончательно разбита. Описание этого сражения (называемого также сражением при Эрикуре) и последующего отступления французов Энгельс дает в статьях «Заметки о войне. — XXXVII» и «Катастрофа Бурбаки» (см. настоящий том, стр. 246—247, 264—267). — *235.*

[120] В сражении при Ле-Мане в Западной Франции 10—12 января 1871 г. немецкие войска под командованием принца Фридриха-Карла нанесли поражение вновь сформированной второй Луарской армии под командованием генерала Шанзи, которая была вынуждена отступить со значительными потерями. — *238.*

[121] Речь идет о *«Koniglich-Preusischer Staats-Anzeiger»* («Королевско-прусском государственном вестнике») — немецкой ежедневной газете, официальном органе прусского правительства; под этим названием выходила в Берлине с 1851 по 1871 год. — *241.*

[122] Имеется в виду переброска англо-французских войск во время Крымской войны с места их первой стоянки в Турции — Галлиполи — в Варну для оказания помощи турецкой армии на дунайском театре военных действий в связи с начатыми русской армией в мае 1854 г. операциями против Силистрии. Этот план не был осуществлен в силу того, что царское правительство под угрозой выступления совместно с союзниками Австрии, начавшей военные приготовления, вынуждено было прекратить осаду Силистрии и вывести свои войска из Дунайских княжеств. Переправленные за это время в Варну войска союзников были позднее использованы против Севастополя. — *244.*

[123] A. W. Kinglake. «The Invasion of the Crimea; its Origin, and an Account of its Progress down to the Death of Lord Raglan». Vol. II, p. 38—40. Edinburg and London, 1863 (А. У. Кинглек. «Вторжение в Крым; начало вторжения и его дальнейшее развитие вплоть до смерти лорда Раглана». Т. II, стр. 38—40, Эдинбург и Лондон, 1863). — *244.*

[124] В *сражении при Сен-Кантене,* в Северо-Восточной Франции, 19 января 1871 г. немецкая Первая армия под командованием генерала Гёбена нанесла поражение французской Северной армии генерала Федерба. Это поражение окончательно деморализовало французские войска и положило конец их активным действиям в этом районе. — *246.*

[125] Энгельс имеет в виду роялистский мятеж во время французской буржуазной революции конца XVIII века, начавшийся в марте 1793 г. в департаменте Вандея и распространившийся затем на провинции Бретань и Нормандию. Главную массу мятежников составляла часть местного крестьянства, подстрекаемая и руководимая контрреволюционными священниками и дворянами. Мятеж в Вандее и Бретани был подавлен в 1795—1796 гг., однако попытки его возобновления повторялись в 1799 и последующие годы. — *249.*

[126] *Сражение при Бюзанвале* (называемое также сражением при Монтрету или Мон-Валерьене) произошло 19 января 1871 г., через четыре месяца после начала осады Парижа. Это была последняя вылазка из осажденного Парижа, организованная Трошю с целью окончательно подорвать силы национальной гвардии, деморализовать ее и тем самым убедить население и войска в невозможности продолжать оборону города. Во время вылазки, проведенной без должной подготовки, не была достигнута согласованность в действиях наступающих войск и отсутствовали необходимые резервы. Несмотря на храбрость, проявленную французскими войсками, вылазка была отбита во всех пунктах. — *250.*

[127] Восточная армия, как и предвидел Энгельс, при отступлении после неудачного для нее сражения 15—17 января 1871 г. у Эрикура оказалась прижатой к швейцарской границе и 1 февраля была вынуждена перейти на швейцарскую территорию и сложить оружие. — *252.*

[128] *«Provinzial-Correspondenz»* («Провинциальная корреспонденция») — правительственная прусская газета, основана в 1862 г. в Берлине. — *253.*

[129] В сентябре 1870 г. Бурбаки по приказанию командующего французской армией в Меце Базена, который начал переговоры с Бисмарком с целью восстановления империи с помощью войск, блокированных в Меце, направился в Числхерст в Англию, где находилась в эмиграции бывшая императрица-регентша Евгения. Непосредственным поводом для этой поездки послужили заявления французского авантюриста Ренье, сделанные Бисмарку и Базену, о том, что Евгения якобы выразила согласие вести переговоры и назначила его своим уполномоченным. Миссия Бурбаки однако не оправдала надежд бонапартистов, ввиду отказа Евгении санкционировать уступку Эльзаса и Лотарингии. — *255.*

[130] Имеется в виду *Конвенция о перемирии и капитуляции Парижа,* подписанная Бисмарком и Фавром 28 января 1871 года. Отказ правительства национальной обороны от дальнейшего сопротивления прусским завоевателям и позорная капитуляция означали предательство национальных интересов Франции, которые были принесены в жертву стремлению господствующих классов использовать все силы для подавления революционного движения в стране. При подписании конвенции

Фавр согласился на унизительные требования, предъявленные пруссаками: уплату в двухнедельный срок контрибуции в 200 миллионов франков, сдачу большей части парижских фортов, выдачу полевой артиллерии и боевых припасов Парижской армии. Однако Бисмарк и Фавр не осмелились включить в конвенцию условие о разоружении парижской национальной гвардии, состоявшей большей частью из рабочих. В конвенции было предусмотрено проведение в кратчайший срок выборов в Национальное собрание, которое должно было решить вопрос о заключении мира. — *257.*

[131] См. примечание 87. — *258.*

[132] Энгельс имеет в виду стремления прусского юнкерства, буржуазии и военщины к аннексии французской территории — Эльзаса и Лотарингии, а также выдвигаемое ими требование огромной контрибуции. — *260.*

[133] 19 февраля 1871 г. истекал срок перемирия, заключенного Бисмарком и Фавром 28 января 1871 г. (см. примечание 130). Однако несмотря на то, что средства сопротивления Франции не были исчерпаны, военные действия против пруссаков не возобновились. Официально назначенный Национальным собранием главою исполнительной власти Тьер немедленно приступил к переговорам о заключении мира, завершившимся подписанием в Версале 26 февраля продиктованных Бисмарком условий прелиминарного мирного договора, а затем 10 мая во Франкфурте-на-Майне — мирного договора (см. настоящий том, стр. 358—359, а также примечания 211 и 458). — *260.*

[134] *Конвенция в Ле-Верьере* (Швейцария) была заключена 1 февраля 1871 г. между заменившим Бурбаки на посту командующего Восточной армией генералом Кленшаном и главнокомандующим швейцарской армией генералом Херцогом; согласно конвенции, определявшей условия перехода французских войск на швейцарскую территорию, французская армия должна была сдать швейцарцам свое оружие, снаряжение и боевые припасы. — *267.*

[135] Письмо Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии было написано Марксом как секретарем-корреспондентом для Германии в связи с тем, что Генеральный Совет 2 августа 1870 г. ввиду начавшейся франко-прусской войны решил отсрочить созыв очередного конгресса, назначенного на 5 сентября 1870 г. в Майнце (о программе этого конгресса см. настоящее издание, т. 16, стр. 456), и обратиться к секциям Интернационала с целью получения санкции на это решение. Комитет Социал-демократической рабочей партии в принятом постановлении выразил свое полное согласие с предложением Генерального Совета об отсрочке конгресса.

Письмо Маркса Комитету Социал-демократической рабочей партии сохранилось в виде публикации с купюрами в книге W. Bracke. «Der Braunschweiger Ausschus der social demokratischen Arbeiter-Partei in Lotzen und vor dem Gericht». Braunschweig, 1872, S. 154 (В. Бракке. «Брауншвейгский Комитет Социал-демократической рабочей партии в Лётцене и перед судом». Брауншвейг, 1872, стр. 154). — *268.*

[136] Речь идет о просьбе руководителей немецкой Социал-демократической рабочей партии, высказанной, в частности, в письме Бонхорста

к Марксу от 25 октября 1869 г., разъяснить принципы политики, которую должна проводить социал-демократия в отношении немецкого крестьянства и, в частности, дать указания относительно применимости в германских условиях резолюции Базельского конгресса Международного Товарищества Рабочих (6—11 сентября 1869 г.) об общественной собственности на землю. Стремясь помочь руководству Социал-демократической рабочей партии занять правильную позицию в крестьянском вопросе, Маркс намеревался написать подробный ответ, но загруженность делами Интернационала помешала ему осуществить эту работу. Соответствующие разъяснения по этому вопросу сделал Энгельс в написанном им в феврале 1870 г. предисловии ко второму немецкому изданию его книги «Крестьянская война в Германии» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 412—420), а также в дополнении к этому предисловию, написанном им в 1874 г. в связи с подготовкой третьего немецкого издания книги (см. настоящее издание, т. 18). — *268.*

137 См. настоящее издание, т. 16, стр. 546. — *268.*

138 Данный набросок статьи был написан Марксом и Энгельсом, по-видимому, в конце августа 1870 г. в связи с их намерением публично разоблачить К. Блинда, мелкобуржуазного вульгарного демократа, все больше скатывавшегося на позиции национал-либерализма. Сыграв в полемике Маркса против бонапартистского агента К. Фогта неприглядную роль пособника последнего, Блинд распространял в 60-х годах в немецкой и американской печати инсинуации против деятелей рабочего движения, сопровождаемые саморекламой (см. письмо Маркса редактору газеты «Beobachter», настоящее издание, т. 16, стр. 21—23). Во время франко-прусской войны Блинд выступил в английской и немецкой прессе с пропагандой националистических, пангерманистских идей. В письме Энгельсу от 15 августа 1870 г. Маркс подчеркнул вредное влияние выступлений Блинда и предложил Энгельсу воспользоваться связями с «Pall Mall Gazette» для их критики. Маркс предпринял также шаги для разоблачения Блинда перед немецкими рабочими на страницах газеты «Volksstaat». В сохранившейся рукописи, большая часть которой написана рукой Энгельса, ряд дополнений внесен Марксом. — *269.*

139 Речь идет о временном правительстве во главе с мелкобуржуазным демократом Брентано, которое было создано в Бадене весной 1849 г. во время восстания в Южной и Западной Германии в защиту имперской конституции, принятой франкфуртским Национальным собранием, по отвергнутой рядом германских государств во главе с Пруссией. Временное правительство, политика которого отличалась крайней нерешительностью, фактически саботировало революционные действия масс. Перед лицом готовившейся интервенции прусских войск в Баден и Пфальц оно решило обратиться за помощью к Франции; с этой целью в Париж был послан Блинд. Однако после поражения июньского восстания 1848 г. обстановка во Франции характеризовалась дальнейшим наступлением контрреволюции, а партия мелкобуржуазных демократов во главе с Ледрю-Ролленом, на поддержку которых надеялось баденское правительство, была оттеснена объединившимися для борьбы с ней буржуазной «партией порядка» и бонапартистами. Это предопределило провал и без того достаточно беспочвенной миссии Блинда. — *269.*

[140] 13 июня 1849 г. в Париже мелкобуржуазная партия Горы организовала мирную демонстрацию протеста против посылки французских войск для подавления революции в Италии, что означало нарушении конституции Французской республики, запрещавшей применять французские войска против свободы другого народа. Провал этой демонстрации, разогнанной войсками, подтвердил банкротство мелкобуржуазной демократии во Франции. После 13 июня многие лидеры Горы, а также связанные с ними иностранные мелкобуржуазные демократы подверглись арестам и высылке или были вынуждены эмигрировать из Франции. — *269.*

[141] После подавления буржуазной революции в Италии французские войска, посланные в 1849 г. в Папскую область для восстановления светской власти папы, продолжали оккупировать Рим. Отказ Луи-Наполеона освободить итальянскую столицу вызвал в обстановке борьбы за объединение Италии резко враждебное отношение к французскому правительству со стороны всех слоев итальянского населения, что особенно сказалось в период внешнеполитической изоляции Франции в начале франко-прусской войны, когда итальянское правительство отвергло предложение о заключении союза против Пруссии в связи с тем, что французские войска продолжали оккупировать Рим. Воспользовавшись военными поражениями Франции, итальянское правительство присоединило Рим 20 сентября 1870 г. к Итальянскому королевству. — *270.*

[142] Письмо Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии было написано в ответ на обращение к Марксу членов брауншвейгского Комитета за разъяснениями о позиции немецкого пролетариата в отношении франко-прусской войны. Маркс счел необходимым высказать свое мнение также в связи с тем, что редакция газеты «Volksstaat» (Либкнехт и др.), занимая в целом интернационалистскую позицию, допустила в начале войны односторонний подход к ее оценке и известное игнорирование задачи национального объединения страны.

В своей переписке Маркс и Энгельс подвергли вопрос подробному рассмотрению. Так, в письме от 15 августа 1870 г. Энгельс наметил тактическую линию немецкой социал-демократии, подчеркнув необходимость бороться против аннексии Эльзаса и Лотарингии, участвуя в движении за объединение Германии, проводить различие между германскими национальными и династическими прусскими интересами, постоянно ставить на первый план единство интересов немецких и французских рабочих. Придавая исключительное значение ответу руководителям Социал-демократической рабочей партии, поскольку речь шла о *«директивах, намечающих линию поведения немецких рабочих»* (см. письмо Маркса Энгельсу от 17 августа 1870 г.), Маркс выработал окончательный текст этого ответа совместно с Энгельсом во время встречи с ним в Манчестере, состоявшейся между 22 и 30 августа 1870 года. В Германию письмо было послано за подписью Маркса.

Часть письма Комитету Социал-демократической рабочей партии была включена в манифест о войне, выпущенный им 5 сентября 1870 г. в виде отдельной листовки. Манифест провозглашал верность немецкого рабочего класса международному делу пролетариата и предлагал немецким рабочим организовать массовые митинги и собрания протеста против аннексионистских планов прусского правительства. В манифесте отмечалось, что включенный в него текст написан «одним из наших старейших и заслуженных товарищей в Лондоне».

До нас дошла только та часть письма Маркса и Энгельса Комитету Социал-демократической рабочей партии, которая была воспроизведена в манифесте. В имеющемся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС экземпляре листовки с манифестом рукой Энгельса сделаны пометки, свидетельствующие о совместной работе Маркса и Энгельса над составлением этого документа. — *271.*

[143] *Тильзитский мир* — мирные договоры, заключенные 7 и 9 июля 1807 г. между наполеоновской Францией и участниками четвертой антифранцузской коалиции, Россией и Пруссией, потерпевшими поражение в войне. Условия мира были крайне тяжелы для Пруссии, которая лишилась значительной части своей территории (в том числе всех владений к западу от Эльбы). Россия не понесла никаких территориальных потерь и даже приобрела Белостокский округ, отошедший к ней от Пруссии. Но Александр I должен был признать французские завоевания в Германии и произведенные там Наполеоном территориальные изменения, согласиться на образование герцогства Варшавского, являвшегося французским плацдармом у границ России, и присоединиться к блокаде Англии (так называемой континентальной блокаде). Продиктованный Наполеоном I грабительский Тильзитский мир породил острое недовольство среди населения Германии, подготовив тем самым почву для освободительного движения против наполеоновского господства, развернувшегося в 1813 году. — *271.*

[144] *Национал-либералы* — партия немецкой, в первую очередь прусской, буржуазии, образовавшаяся осенью 1866 г. в результате раскола буржуазной партии прогрессистов. Национал-либералы отказались от требования политического господства буржуазии ради удовлетворения материальных интересов этого класса и ставили своей основной целью объединение немецких государств под главенством Пруссии; их политика отражала капитуляцию немецкой либеральной буржуазии перед Бисмарком.

Немецкая Народная партия, возникшая в 1865 г., состояла из демократических элементов мелкой буржуазии и отчасти буржуазии, главным образом южногерманских государств. В противоположность национал-либералам, Немецкая Народная партия выступила против установления гегемонии Пруссии в Германии и отстаивала план так называемой «Великой Германии», в которую должна была входить как Пруссия, так и Австрия. Проводя антипрусскую политику и выдвигая общедемократические лозунги, эта партия в то же время являлась выразительницей партикуляристских стремлений некоторых германских государств. Пропагандируя идею федеративного германского государства, она выступала против объединения Германии в форме единой централизованной демократической республики. — *273.*

[145] *«Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне»* («Second Address of the General Council of the International Working-Men's Association on the War») было написано Марксом между 6 и 9 сентября 1870 года.

6 сентября 1870 г. Генеральный Совет Интернационала, рассмотрев новую обстановку, сложившуюся в связи с падением Второй империи и началом нового этапа войны, принял постановление о выпуске второго воззвания о франко-прусской войне и избрал для этого комиссию в составе Маркса, Юнга, Милнера и Серрайе.

Работая над воззванием, Маркс использовал присланные ему Энгельсом материалы, в которых разоблачались попытки оправдать военно-стратегическими соображениями стремление прусской военщины, юнкерства и буржуазии к аннексии французских территорий. Написанное Марксом воззвание было единогласно принято на специально созванном заседании Генерального Совета 9 сентября 1870 г. и разослано во все лондонские буржуазные газеты, которые обошли воззвание молчанием, за исключением «Pall Mall Gazette», опубликовавшей 16 сентября 1870 г. выдержку из него. 11—13 сентября воззвание было выпущено в виде листовки на английском языке тиражом в 1000 экземпляров; в конце сентября вышло новое издание, в котором первое и второе воззвания были опубликованы вместе. В этом издании исправлены опечатки, допущенные в первом издании, и внесены отдельные редакционные исправления.

Перевод второго воззвания на немецкий язык был сделан Марксом, который, переводя текст, дополнил его несколькими фразами, предназначенными для немецких рабочих, и опустил отдельные места. В этом переводе второе воззвание было опубликовано в газете «Volksstaat» № 76, 21 сентября 1870 г. и в журнале «Vorbote» № 10—11, октябрь—ноябрь 1870 г., а также издано в Женеве в виде листовки. В 1891 г. Энгельс опубликовал второе воззвание в немецком издании «Гражданской войны во Франции»; перевод воззвания для этого издания был сделан Луизой Каутской под наблюдением Энгельса.

На французском языке второе воззвание было напечатано в газетах «Internationale» (№ 93, 23 октября 1870 г.) и неполностью (публикация не была закончена) в «Egalite» (.№ 35, 4 октября 1870 г.).

На русском языке второе воззвание впервые вышло в 1905 г. в издании «Гражданской войны во Франции» в переводе с немецкого издания 1891 г. под редакцией В. И. Ленина. — *274.*

[146] В 1618 г. курфюршество Бранденбургское объединилось с герцогством Прусским (Восточной Пруссией), образованным в начале XVI века из владений Тевтонского ордена и находившимся в ленной зависимости от Речи Посполитой. Бранденбургский курфюрст в качестве герцога Прусского оставался вассалом Польши до 1657 г., когда, воспользовавшись ее затруднениями в войне со Швецией, он добился признания за ним суверенных прав на прусские владения. — *276.*

[147] Имеется в виду *Базельский мирный договор,* заключенный Пруссией сепаратно с Французской республикой 5 апреля 1795 г. и положивший начало распаду первой антифранцузской коалиции европейских государств. — *276.*

[148] В октябре 1865 г. во время свидания в Биаррице Бисмарк добился от Наполеона III фактического согласия Франции на союз Пруссии с Италией и на войну Пруссии против Австрии; давая это согласие, Наполеон III рассчитывал с выгодой для себя вмешаться в конфликт в случае поражения Пруссии.

В начале франко-прусской войны 1870—1871 гг. министр иностранных дел царского правительства Горчаков в переговорах, происходивших между ним и Бисмарком в Берлине, заявил, что Россия будет придерживаться благожелательного нейтралитета в войне и окажет дипломатическое давление на Австрию; в свою очередь прусское правительство обязывалось не оказывать препятствий царской России в ее политике в восточном вопросе. — *278.*

[149] Маркс имеет в виду торжество феодальной реакции в Германии после крушения наполеоновского господства.

Результатами освободительной войны против владычества Наполеона **I**, в которой вместе с народами ряда европейских стран приняли участие широкие слои немецкого народа, воспользовались правители европейских феодально-абсолютистских государств, опиравшиеся на реакционное дворянство. Вершителем судеб европейских государств сделалось контрреволюционное объединение монархов — Священный союз, ядро которого составили Австрия, Пруссия и царская Россия. С созданием Германского союза (см. о нем примечание 29) в Германии сохранилась феодальная раздробленность, в германских государствах укрепился феодально-абсолютистский строй, сохранились все привилегии дворянства, усилилась полукрепостническая эксплуатация крестьян. — *279.*

[150] «Manifest des Ausschusses der social-demokratischen Arbeiterpartei. An alle deutschen Arbeiter!» («Манифест Комитета Социал-демократической рабочей партии. Ко всем немецким рабочим!»). Манифест был выпущен в виде отдельной листовки 5 сентября 1870 г. и опубликован в газете «Volksstaat» *№* 73, 11 сентября 1870 года. (О манифесте см. также примечание 142). — *279.*

[151] Речь идет о героическом восстании парижских рабочих 23—26 июня 1848 года. — *280.*

[152] Маркс имеет в виду движение английских рабочих под лозунгом борьбы за признание Французской республики, установленной 4 сентября 1870 г., и за оказание ей дипломатической поддержки. Начиная с 5 сентября, в Лондоне, Бирмингеме, Ньюкасле и других крупных городах происходили митинги и демонстрации, в которых принимали участие широкие массы трудящихся; активную роль в этом играли тред-юнионы. Участники митингов и демонстраций выражали свои симпатии французскому народу и в своих резолюциях и петициях требовали от английского правительства немедленного признания Французской республики.

Непосредственное участие в организации движения за признание республики во Франции принимал Генеральный Совет Интернационала. — *281.*

[153] Маркс намекает на активное участие буржуазно-аристократической Англии в создании коалиции феодально-абсолютистских государств, начавших в 1792 г. войну против революционной Франции (сама Англия вступила в эту войну в 1793 г.), а также на то обстоятельство, что английская правящая олигархия первая в Европе признала бонапартистский режим во Франции, установленный в результате coup d'etat (государственного переворота) Луи Бонапарта 2 декабря 1851 года. — *281.*

[154] Арестом членов Комитета немецкой Социал-демократической рабочей партии Бракке, Бонхорста, Шпира, Кюна и Гралле, а также типографа Сиверса 9 сентября 1870 г. за выпуск манифеста о войне (см. примечание 142) военные и полицейские власти стремились нанести удар по рабочему движению и помешать выступлениям против милитаристских планов прусского правительства. Маркс немедленно после получения от В. Либкнехта известия об аресте брауншвейгского

Комитета предпринял меры для того, чтобы предать гласности этот акт произвола немецких властей, открывший собой полосу грубых полицейских преследований социал-демократов в Германии. Сообщения об аресте брауншвейгского Комитета были направлены в «Pall Mall Gazette», буржуазно-либеральную газету «The Echo» («Эхо») и в ряд других газет. 20 сентября 1870 г. Маркс сделал на заседании Генерального Совета сообщение об аресте членов брауншвейгского Комитета, подчеркнув, что арест не имел никаких юридических оснований. В октябре 1871 г. после многих месяцев тюремного заключения члены брауншвейгского Комитета были преданы суду по сфабрикованному полицией обвинению в нарушении законов об общественном порядке. Одним из главных пунктов обвинения была запрещенная прусскими законами принадлежность к международной рабочей организации — Интернационалу. Суд приговорил членов брауншвейгского Комитета к тюремному заключению на различные сроки. Несмотря на полицейские репрессии, Социал-демократическая рабочая партия во главе с Бебелем и Либкнехтом развернула пропаганду против захватнических планов Пруссии, за заключение почетного мира с Францией. — *282.*

155 Письмо VI съезду Бельгийской федерации Международного Товарищества Рабочих было написано Энгельсом по поручению Генерального Совета после обсуждения на заседании Совета 20 декабря 1870 г. вопроса о бельгийских секциях. При публикации были опущены три последних абзаца письма, имеющиеся в черновой рукописи Энгельса, не предназначавшиеся для опубликования и носившие характер конфиденциального сообщения.

Очередной VI полугодовой съезд Бельгийской федерации Международного Товарищества Рабочих происходил 25—26 декабря 1870 г. в Брюсселе; на съезде были заслушаны финансовый отчет, отчет о деятельности органа федерации, газеты «Internationale» (о ней см. примечание 1), и доклад о положении Международного Товарищества Рабочих в Бельгии. — *284.*

156 *«Moniteur»* («Вестник») — сокращенное название официозной прусской газеты для французского населения, выходившей с 15 октября 1870 г. по 5 марта 1871 г. в Версале под надзором Бисмарка. Во время опубликования настоящей статьи выходила под названием «Moniteur officiel du Gouvernement general du Nord de la France et de la Prefecture de Seine-et-Oise» («Официальный вестник общего правительства Севера Франции и префектуры департамента Сены и Уазы»). — *286.*

157 *«Der Volksstaat»* — см. примечание 1. — *286.*

158 *Лондонский договор о нейтралитете Люксембурга* был заключен 11 мая 1867 г. между Австрией, Бельгией, Францией, Англией, Италией, Нидерландами, Люксембургом, Пруссией и Россией, закончив так называемый люксембургский кризис, вызванный попыткой Наполеона III добиться от Пруссии согласия на аннексию Люксембурга Францией в виде компенсации за нейтралитет во время австро-прусской войны 1866 года. Согласно договору, Люксембург объявлялся постоянно нейтральным государством, его нейтралитет гарантировался государствами, подписавшими договор.

9 декабря 1870 г. Бисмарк, считая, что Люксембург занимает позицию слишком дружественную Франции, заявил о намерении не при-

знавать отныне его нейтралитета, но уже 19 декабря под давлением Англии отказался от этой угрозы. — *287.*

[159] *«Голос»* — русская ежедневная политическая и литературная газета, выражавшая интересы либеральной буржуазии, выходила в Петербурге с 1863 по 1884 год. — *288.*

[160] Настоящий проект резолюций был написан Энгельсом и внесен им на заседании Генерального Совета 31 января 1871 г. в качестве основы для обсуждения вопроса о позиции английского рабочего класса на данном этапе франко-прусской войны. Подготовленное Марксом и Энгельсом и проведенное под их руководством обсуждение имело целью обеспечить влияние Интернационала на усилившееся в январе 1871 г, в Англии движение в защиту Французской республики (см. примечание 152). Несмотря на то, что установленную во Франции 4 сентября 1870 г. республику возглавляли представители контрреволюционной буржуазии, Маркс и Энгельс считали, что в условиях прусской интервенции во Францию пролетариат должен принять активное участие в движении за дипломатическое признание Французской республики, поскольку оно должно было содействовать укреплению национальной обороны Франции и развертыванию народного сопротивления прусским завоевателям. При этом Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали необходимость проводить самостоятельную пролетарскую политику в отношении Французской республики, подвергая сокрушительной критике ее антинародное, капитулянтское правительство и имея в виду перспективу дальнейшего усиления революционной классовой борьбы пролетариата во Франции.

Внесенные Энгельсом резолюции были направлены против позиции претендовавших на руководящую роль в движении в защиту Французской республики буржуазных радикалов-позитивистов (Бизли, Конгрив и др.); стремясь в конечном счете подчинить пролетарское движение своему влиянию, эта группа пыталась увлечь массы авантюристическим в условиях поражения регулярной французской армии требованием военного вмешательства Англии на стороне Франции, что привело к расколу и ослаблению движения за признание Французской республики.

Маркс и Энгельс приняли активное участие в обсуждении вопроса о позиции английского рабочего класса на данном этапе франко-прусской войны, которое происходило на заседаниях Генерального Совета 31 января, 7, 14, 21 февраля, 7 и 14 марта. Сохранившиеся протокольные записи речей Маркса и Энгельса и отчеты, опубликованные в газете «Eastern Post», отрывочны и содержат большое количество неточностей.

Генеральным Советом 14 марта 1871 г. была единогласно принята третья резолюция, так как в связи с заключением перемирия между Францией и Германией и признанием Англией контрреволюционного правительства Тьера необходимость в двух первых резолюциях отпала.

«The Eastern Post» («Почта Ист-Энда») — рабочая еженедельная газета, выходила в Лондоне с 1868 по 1873 год. С февраля 1871 г. по июнь 1872 г. — орган Генерального Совета Интернационала. — *289.*

[161] Энгельс имеет в виду приложенную к Парижскому мирному договору (о нем см. примечание 104) *«Декларацию о принципах морского международного права»,* подписанную представителями Австрии, Франции,

Англии, Пруссии, России, Сардинии и Турции 16 апреля 1856 года. Декларация устанавливала правила войны на море, основывавшиеся на принципах вооруженного нейтралитета, провозглашенных правительством Екатерины II в 1780 г. и предусматривавших запрещение каперства, неприкосновенность нейтрального груза на вражеском корабле и вражеского на нейтральном, за исключением военной контрабанды, признание только действительной блокады.

Выдвигая в своем проекте резолюций требование об отказе Англии от Парижской декларации, Энгельс исходил из условий сложившейся в 1871 г. международной обстановки, при которой, по убеждению Маркса и Энгельса, этот акт послужил бы средством предотвращения вступления в европейскую войну на стороне Пруссии царской России и мог быть использован в борьбе против усилившегося влияния контрреволюционных правительств России и Пруссии. — *289.*

[162] Письмо Испанскому федеральному совету было написано Энгельсом в качестве временного секретаря-корреспондента Генерального Совета для Испании в ответ на письмо Испанского федерального совета от 14 декабря 1870 года. Установив связь с испанскими секциями Интернационала, Энгельс оказывал им помощь в борьбе против бакунизма, ареной которой стала с начала 1871 г. также и Испания. В этой стране бакунисты создали в рамках Интернационала организации Альянса социалистической демократии и пытались захватить в свои руки руководство Испанским федеральным советом, в котором до Сарагосского съезда испанских секций Интернационала, состоявшегося 4—11 апреля 1872 г., преобладали сторонники Генерального Совета. Несмотря на раскольническую деятельность бакунистов, идеи Интернационала в Испании завоевывали все большую поддержку среди рабочего класса, что нашло свое выражение в создании многочисленных новых секций Международного Товарищества Рабочих. — *290.*

[163] *«La Federacion»* («Федерация») — испанская еженедельная рабочая газета, орган Барселонской федерации Интернационала, выходила в Барселоне с 1869 по 1873 г., находилась под влиянием бакунистов.

«La Solidaridad» («Солидарность») — испанская газета, орган мадридских секций Интернационала, выходила в Мадриде с января 1870 г., в январе 1871 г. была запрещена правительством.

«El Obrero» («Рабочий») — испанская еженедельная газета, выходившая в Пальме (остров Майорка) с 1870 по 1871 год. После запрещения правительством в январе 1871 г. продолжала выходить под названием «La Revolucion social» («Социальная революция»). После выпуска трех номеров «La Revolucion social» газета была закрыта, так как редактор был по обвинению в «оскорблении короля» предан суду. — *290.*

[164] Энгельс имеет в виду аргентинскую рабочую газету *«Anales de la Sociedad Tipografica Bonaerense»* («Хроника общества печатников Буэнос-Айреса»), выходившую в 1871—1872 годах. — *292.*

[165] Имеется в виду *Национальный рабочий союз,* созданный в США в августе 1866 г. на съезде в Балтиморе; активное участие в создании Союза принял видный деятель американского рабочего движения У. Силвис. Союз, сыгравший крупную роль в развертывании в США борьбы за самостоятельную политику рабочих организаций, за солидарность негров и белых рабочих, 8-часовой рабочий день, права жен-

щин-работниц, вскоре установил связь с Международным Товариществом Рабочих. В 1869 г. делегат Союза Камерон присутствовал на последних заседаниях Базельского конгресса Интернационала, а в августе 1870 г. на своем съезде в Цинциннати Союз принял резолюцию, в которой говорилось о приверженности его принципам Международного Товарищества Рабочих и о его намерении присоединиться к Товариществу. Однако это решение в жизнь проведено не было. Руководство Национального рабочего союза вскоре увлеклось утопическими проектами денежной- реформы, целью которой было уничтожение банковой системы и обеспечение государством дешевого кредита. В 1870—1871 гг. от Союза отошли тред-юнионы, и в 1872 г. он фактически прекратил свое существование. — *293.*

166 Непосредственным поводом для написания данной статьи Энгельса послужило размещение на фондовой бирже в Англии в марте 1871 г. займа России на сумму 12 миллионов фунтов стерлингов. Статья Энгельса, впервые опубликованная в «Pall Mall Gazette» 16 марта 1871 г., была включена в подготовленное литографским способом издание серии статей Энгельса «Заметки о войне», выпущенное в Вене в 1923 г., и впоследствии переиздавалась вместе с «Заметками о войне». — *294.*

167 *«Journal de Saint-Petersbourg»* («Санкт-Петербургская газета»)— орган русского министерства иностранных дел; выходила под данным названием на французском языке 3 раза в неделю с 1825 по 1914 год. — *294.*

168 Имеется в виду Лондонская конференция держав, происходившая в январе—марте 1871 г. и рассматривавшая вопрос о денонсации Россией статей Парижского договора 1856 г., ограничивавших ее суверенитет на Черном море (см. примечание 104). — *295.*

169 *«Ostsee-Zeitung»* («Остзейская газета») — немецкая ежедневная газета, выходила с 1835 г. в Штеттине (польское название Щецин). — *296.*

170 Текст данного письма был подготовлен по поручению Маркса Энгельсом в связи с опубликованием во французской полицейской газете «Paris-Journal» приписывавшегося Марксу подложного письма, которое газета рекламировала в качестве «свидетельства» наличия противоречий между членами Интернационала французской и немецкой национальности; письмо-фальшивка было воспроизведено в буржуазной печати различных стран, включившейся в клеветническую кампанию против Интернационала. На заседании Генерального Совета 21 марта 1871 г. Маркс разоблачил сообщение «Paris-Journal» как провокационную выдумку и заявил, что он уже направил опровержение редактору газеты «Times», заимствовавшей у «Paris-Journal» это сообщение.

Изложение письма было опубликовано в «Times» от 22 марта 1871 г., однако после этого газета, продолжая клеветническую кампанию против Интернационала, опубликовала заметку сотрудника бонапартистской газеты «La Liberte», извращавшую смысл письма Маркса. На заседании Генерального Совета 28 марта Маркс разоблачил эту новую клеветническую вылазку «Times».

«Paris-Journal» («Парижская газета») — ежедневная реакционная газета, связанная с полицией; издавалась Анри де Пеном в Париже

с 1868 по 1874 год. Выступала в поддержку политики Второй империи, а после ее падения поддерживала правительство национальной обороны и правительство Тьера; распространяла грязную клевету об Интернационале и Парижской Коммуне, призывая к расправе с коммунарами. — *298.*

171 Послужившая поводом для написания этого заявления клеветническая и провокационная версия об исключении немцев из секций Интернационала в Париже была пущена в ход реакционной газетой «Paris-Journal». Эта версия была опровергнута в специальном письме, присланном Парижским федеральным советом в ответ на запрос Генерального Совета. Текст написанного Марксом заявления Генерального Совета в редакцию «Times» и других газет был единогласно одобрен Генеральным Советом на заседании 21 марта. Заявление было опубликовано «Times» 23 марта 1871 года. Текст заявления был включен в письмо Маркса в редакцию «Volksstaat» от 23 марта 1871 года (см. настоящий том, стр. 302—303). — *299.*

172 *Жокей-клуб* — аристократический клуб в Париже, основан в 1833 году. — *299.*

173 В марте 1871 г. в Цюрихе было созвано торжественное собрание проживающих в этом городе немцев из имущих классов по случаю победы Германии во франко-прусской войне. Во время собрания произошло столкновение между группой французских офицеров, из числа интернированных в Швейцарии, и немцами. Реакционная печать, продолжая провокационную кампанию с целью подрыва интернациональных связей рабочих различных стран, пыталась приписать эти события деятельности Интернационала. Швейцарская секция Интернационала в специальном заявлении разоблачила клевету буржуазной прессы. С заявлениями о непричастности членов Интернационала к столкновению в Цюрихе выступил также ряд рабочих профессиональных союзов города. — *299.*

174 *«Le Courrier de Lyon»* («Лионский курьер») — ежедневная буржуазно-республиканская газета, выходила с 1834 по 1939 год.

«Courrier de la Gironde» («Курьер Жиронды») — реакционная газета, выходила с 1792 г. в Бордо.

«La Liberte» («Свобода») — ежедневная вечерняя газета консервативного направления, орган крупной буржуазии, издавалась в Париже с 1865 по 1944 год; в 1870—1871 гг., во время осады Парижа, выходила в Туре, затем в Бордо. В 1866—1872 гг. принадлежала Э. Жирардену; поддерживала политику Второй империи, выступала за войну с Пруссией и против правительства национальной обороны. — *299.*

175 В письмо Маркса в редакцию «Volksstaat» включен текст (с незначительными изменениями в немецком переводе) написанного им же заявления Генерального Совета в редакцию «Times» и других газет от 21 марта (см. настоящий том, стр. 299—300). Письмо в редакцию «Volksstaat» было напечатано на немецком языке в газете «Volksstaat» № 26, 29 марта 1871 г. и в журнале «Vorbote» № 4, 23 апреля 1871 г., на французском языке в газете «Egalite» № 6, 31 марта 1871 г.; в этой публикации первые два абзаца были изложены в сокращенном варианте. Помимо органов Интернационала письмо было опубликовано в газете «Die Zukunft» 26 марта 1871 года.

«Die Zukunft» («Будущее») — немецкая буржуазно-демократическая газета, орган Народной партии, издавалась с 1867 г. в Кенигсберге, а с 1868 г. в Берлине. — *301.*

[176] *«Haupt-Chef»* («Главный вожак») — так на кёльнском процессе Союза коммунистов в 1852 г. (см. примечание 373) один из чиновников прусской полиции, Штибер, называл агента-провокатора Шерваля, стремясь в провокационных целях приписать ему руководящую роль в Союзе и создать видимость связи Шерваля с Марксом и обвиняемыми (см. об этом памфлет К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», настоящее издание, т. 8, стр. 436—449). — *301.*

[177] Письмо в редакцию «De Werker» было написано Марксом в ответ на просьбу секретаря редакции Ф. Кёнена выступить с разоблачением фальшивок, публикуемых «Paris-Journal» и воспроизводимых в реакционной прессе различных стран с целью клеветы на Интернационал. Редакция газеты «De Werker» предпослала настоящему письму Маркса, опубликованному в переводе с французского на фламандский язык, следующий абзац: «Как давно известно, наши противники не останавливаются ни перед чем, чтобы достигнуть своих целей. Несмотря на это, нам не верилось, что они настолько бесстыдны, чтобы составлять поддельные письма от имени членов Интернационала. Однако такой факт действительно имел место. Некоторое время тому назад во всех крупных газетах можно было прочесть письмо «Карла Маркса» о поведении французских рабочих. Антверпенская секция обратилась в связи с этим к Карлу Марксу за разъяснением. — Вот что ответил член Генерального Совета Интернационала».

«De Werker» («Рабочий») — еженедельная газета, орган фламандской секции Интернационала, позднее орган Бельгийской социалистической партии, затем Бельгийской рабочей партии; выходила в Антверпене с 1868 по 1914 г. на фламандском языке. В газете печатались документы Интернационала. — *304.*

[178] Аналогичное письмо было направлено Марксом в газету «Daily News», где оно было напечатано 6 апреля 1871 года. — *305.*

[179] *«Le Gaulois»* («Галл») — ежедневная газета консервативно-монархического направления, орган крупной буржуазии и аристократии, выходила в Париже с 1867 по 1929 год. — *305.*

[180] *«Le Figaro»* («Фигаро») — французская консервативная газета; издается в Париже с 1826 года; была связана с правительством Второй империи. — *205.*

[181] Сообщение о начавшейся забастовке рабочих-сигарочников Антверпена было получено Марксом и Энгельсом в письме от 29 марта 1871 г. одного из организаторов секций Интернационала в Бельгии и Голландии Ф. Кёнена. Маркс и Энгельс немедленно приняли меры для организации интернациональной помощи бастующим рабочим-сигарочникам. По предложению Энгельса, выступившего с сообщением о забастовке на заседании Генерального Совета 4 апреля 1871 г., было принято решение послать с этой целью английским тред-юнионам письма и направить к ним делегации. 5 апреля 1871 г. Генеральным Советом было выпущено обращение к английским тред-юнионам о помощи антверпенским сигарочникам, напечатанное в виде отдельной

листовки за подписью И. Г. Эккариуса. С этой же целью Энгельс послал письмо В. Либкнехту, предлагая ему содействовать организации помощи антверпенским сигарочникам.

В ответ на призыв Генерального Совета денежную помощь сигарочникам Антверпена предоставили ряд английских тред-юнионов и рабочие Брюсселя, где сигарочники также объявили забастовку. Помощь Генерального Совета сигарочникам Антверпена, выступившим в защиту своего профессионального союза, позволила им продолжать забастовку до сентября 1871 г. и добиться принятия своих требований. — *367.*

[182] Резолюция Федерального совета парижских секций Интернационала об исключении из Международного Товарищества Рабочих Толена как предателя дела рабочего класса была опубликована в органе одной из парижских секций Интернационала, газете «La Revolution politique et sociale» («Политическая и социальная революция») 16 апреля 1871 года. Избранный в феврале 1871 г. депутатом Национального собрания в качестве представителя парижских рабочих Толен после провозглашения Парижской Коммуны продолжал оставаться в Версальском собрании, деятельность которого была направлена на подавление революции в Париже, и отказался выполнить требование Коммуны о разрыве рабочих депутатов с этим реакционным собранием. Предательство Толена означало открытый переход правых прудонистов на сторону контрреволюции. Еще до получения резолюции Федерального совета парижских секций Интернационала Генеральный Совет, на основании сообщений лондонских газет о переходе Толена на сторону буржуазии, на своем заседании 18 апреля в предварительном порядке обсудил вопрос о предательском поведении Толена, постановив публично заклеймить его измену. 25 апреля, получив текст резолюции, Генеральный Совет возобновил рассмотрение вопроса о Толене и утвердил резолюцию о его исключении из Интернационала.

В рукописи резолюции Генерального Совета об исключении Толена, написанной рукой Энгельса, отдельные исправления сделаны Марксом. Резолюция была опубликована на английском языке в газете «Eastern Post» № 135, 29 апреля; на французском — в газете «Internationale» № 122, 14 мая; на немецком — в газете «Volksstaat» № 42, 24 мая и журнале «Vorbote» № 7 за июль 1871 года. Последний абзац резолюции. имеющийся в рукописном тексте, воспроизведен только в тексте, опубликованном в газете «Internationale», поместившей резолюцию за подписью Ф. Энгельса в качестве временного секретаря-корреспондента для Бельгии. — *308.*

[183] Статья Энгельса *«Еще раз «господин Фогт»»* примыкает к опубликованному в 1860 г. памфлету Маркса «Господин Фогт» (см. настоящее издание, т. 14, стр. 395—691), в котором Маркс изобличил вульгарного мелкобуржуазного демократа К. Фогта как продажного бонапартистского агента и распространителя клеветнических измышлений о пролетарских революционерах.

Непосредственным поводом для написания настоящей статьи послужило появление осенью 1870 г., после падения Второй империи, новой брошюры Фогта «Политические письма Фридриху Кольбу» («Karl Vogt's Politische Briefe an Friedrich Kolb». Biel, 1870), в которой делались попытки замаскировать его прошлые связи с бонапартистами. В статье Энгельс использовал также опубликованные в печати новые данные, подтверждавшие сделанный Марксом в 1860 г. вывод о том,

что Фогт является платным бонапартистским агентом. Еще до появления статьи Энгельса Маркс сообщил эти сведения в письме к В. Либкнехту от 10 апреля 1871 года. В газете «Volksstaat» № 31 от 15 апреля было напечатано следующее короткое сообщение, в котором в основном воспроизводился текст из письма Маркса Либкнехту:

«В официальных опубликованных в докладе французского правительства» «Papiers et correspondance de la famille impériale» («Документах и переписке императорской фамилии») в разделе о лицах, получивших деньги от Бонапарта, перечисленных в алфавитном порядке, под буквой «V» говорится буквально следующее:

«Vogt; il lui est remis en aout 1859 40000 Fr.»

в переводе на немецкий:

«Фогт — ему было выдано в августе 1859 г. 40000 франков».

Это сообщение, опубликованное от имени Маркса, редакция газеты «Volksstaat» сопроводила примечанием, в котором говорилось:

«Те члены партии, которые упрекали нас за игнорирование фогтовских статей против аннексии Эльзаса и Лотарингии и не довольствовались отсылкой к известной брошюре Маркса, очевидно, будут теперь удовлетворены. Однако мы просим наших парижских друзей переслать нам весь список: мы убеждены в том, что найдем там кое-кого из наших старых знакомых, которые в свое время в качестве «сообщников» Фогта извлекали выгоды из бонапартизма, а теперь, из тех же самых побуждений и с тем же воодушевлением, являются разносчиками бисмарковского патриотизма». — *309.*

184 *«Аугсбургской кампанией»* Маркс в своем памфлете «Господин Фогт» иронически называл действия Фогта по привлечению к суду в 1859 г. аугсбургской «Allgemeine Zeitung» («Всеобщей газеты») за перепечатку листовки «Предостережение», разоблачавшей Фогта как бонапартистского агента. Суд отказал Фогту в иске, после чего он выпустил грязную книжонку «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»» с клеветой на пролетарских революционеров. Ответом на этот пасквиль был памфлет Маркса против Фогта. — *309.*

185 *«Серной бандой»* — первоначально название студенческого объединения в Йенском университете в 70-х годах XVIII века, пользовавшегося дурной славой из-за дебошей, учинявшихся его членами, — Фогт клеветнически назвал в 1859 г. пролетарских революционеров, сторонников Маркса (см. настоящее издание, т. 14, стр. 402—420). — *309.*

186 *«Наполеон Малый»* — прозвище Луи Бонапарта, которое дал ему Виктор Гюго в речи, произнесенной им на заседании французского Законодательного собрания в 1851 г.; получило широкое распространенно после выхода в свет памфлета Гюго «Наполеон Малый» («Napoléon le Petit»), опубликованного в 1852 году. — *310.*

187 Энгельс иронически называет фогтовским вестником («Moniteur»), по аналогии с одноименным французским официозом, «Schweizer Handels-Courier» («Швейцарский торговый курьер») — ежедневную буржуазную газету, издававшуюся в швейцарском городе Биле (кантон Берн). Под данным названием выходила с 1853 по 1909 год. В 50— 60-х годах выражала бонапартистские взгляды; редакция газеты была тесно связана с Фогтом. — *310.*

[188] C. Vogt. «Studien zur gegenwartigen Lage Europas». Genf und Bern, 1859. Характеристику этой книги см. в памфлете Маркса «Господин Фогт», глава VIII (см. настоящее издание, т. 14, стр. 502—551). — *310.*

[189] *«Norddeutsche Allgemeine Zeitung»* («Северогерманская всеобщая газета») — ежедневная реакционная газета, в 60—80-х годах — официальный орган правительства Бисмарка; выходила в Берлине с 1861 по 1918 год. — *311.*

[190] Выдержка взята Энгельсом из упомянутого им ниже издания: «Papiers et correspondance de la famille imperiale». Tome II, Paris, 1871, p. 161 («Документы и переписка императорской фамилии». Том II, Париж 1871, стр. 161). — *314.*

[191] *«Гражданская война во Франции»* — одно из важнейших произведений научного коммунизма, в котором на основе опыта Парижской Коммуны получили дальнейшее развитие основные положения марксистского учения о классовой борьбе, государстве, революции и диктатуре пролетариата. Написано как воззвание Генерального Совета Интернационала ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных Штатах.

Уже с первых дней после провозглашения Парижской Коммуны Маркс тщательно собирает и изучает все сведения о ее деятельности: материалы французских, английских и немецких газет, информацию в письмах из Парижа и т. д. 18 апреля 1871 г. на заседании Генерального Совета Маркс предложил выпустить воззвание ко всем членам Интернационала относительно «общей тенденции борьбы» во Франции; подготовка воззвания Генеральным Советом была поручена Марксу. Маркс начал работу над воззванием после 18 апреля и продолжал ее в течение всего мая; им были написаны первый и второй наброски «Гражданской войны во Франции», являющиеся подготовительными вариантами этого произведения (см. настоящий том, стр. 497—616 и примечание 375), после чего Маркс приступил к составлению окончательного текста воззвания. 30 мая 1871 г., через 2 дня после падения последней баррикады в Париже, Генеральный Совет единодушно одобрил зачитанный Марксом готовый текст «Гражданской войны во Франции».

«Гражданская война во Франции» была впервые опубликована в Лондоне около 13 июня 1871 г. на английском языке в виде брошюры в 35 страниц тиражом в 1000 экземпляров. Ввиду того, что первое издание быстро разошлось, вскоре было выпущено второе английское издание тиражом в 2000 экземпляров, которое распространялось по удешевленной цене среди рабочих. В этом издании Марксом были исправлены отдельные опечатки, допущенные в первом издании; был дополнен вторым документом раздел «Приложения». В списке подписей членов Генерального Совета, помещенном под воззванием, были произведены изменения: вычеркнуты фамилии тред-юнионистов Лекрафта и Оджера, которые в буржуазной печати выразили несогласие с воззванием и вышли из Генерального Совета, а также добавлены фамилии новых членов Генерального Совета. В августе 1871 г. было выпущено третье английское издание «Гражданской войны», в котором Марксом были устранены отдельные неточности предыдущих изданий.

В 1871—1872 гг. «Гражданская война во Франции» была переведена на французский, немецкий, русский, итальянский, испанский и гол-

ландский языки и опубликована в периодической печати и отдельными изданиями в разных странах Европы и в США.

Перевод на немецкий язык был сделан Энгельсом и опубликован в газете «Volksstaat» в июне — июле 1871 г. (№№ 52—61 от 28 июня, 1, 5, 8, 12, 16, 19, 22, 26 и 29 июля) и неполностью в журнале «Vorbote» за август—октябрь 1871 г., а также выпущен в виде отдельной брошюры в Лейпциге. В переводе Энгельс внес в текст несколько незначительных изменений. В 1876 г. в связи с пятилетием Парижской Коммуны было выпущено новое немецкое издание «Гражданской войны», в текст которого были внесены некоторые уточнения.

В 1891 г. при подготовке юбилейного немецкого издания «Гражданской войны во Франции», выпущенного к двадцатой годовщине Парижской Коммуны, Энгельс вновь провел редакцию текста перевода и написал к этому изданию введение, в котором подчеркнул историческое значение опыта Коммуны и его теоретического обобщения Марксом в «Гражданской войне во Франции», а также сделал некоторые дополнения, касающиеся деятельности входивших в Коммуну бланкистов и прудонистов. В это издание Энгельс включил написанные Марксом первое и второе воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне, которые в последующих отдельных изданиях на различных языках также обычно публиковались вместе с «Гражданской войной во Франции».

На французском языке «Гражданская война во Франции» была впервые напечатана в газете «Internationale» в Брюсселе в июле — сентябре 1871 года. В 1872 г. вышло отдельное французское издание в Брюсселе в переводе, отредактированном Марксом, который внес многочисленные изменения в присланную ему корректуру, сделав заново перевод многих мест текста.

В 1871 г. в Цюрихе вышло первое издание «Гражданской войны во Франции» на русском языке, положенное в основу ряда последующих типографских изданий и перепечаток на гектографе. В 1905 г. «Гражданская война во Франции» вышла на русском языке под редакцией В. И. Ленина в переводе с немецкого издания 1891 г. (издательство «Буревестник», Одесса). В. И. Ленин, редактируя перевод «Гражданской войны во Франции», внес в текст точную экономическую и политическую терминологию, устранил многочисленные искажения и неточности предыдущего издания 1905 г., восстановил те места текста, которые в предыдущем издании были выпущены царской цензурой. Особенно большие изменения В. И. Ленин внес при редактировании перевода III главы «Гражданской войны во Франции». В дальнейшем В. И. Ленин сделал новые переводы на русский язык многих мест из «Гражданской войны во Франции» (с немецких изданий 1876 и 1891 гг.), которые цитируются в его труде «Государство и революция» и в ряде других произведений. Редактирование В. И. Лениным русского перевода «Гражданской войны во Франции» и его переводы отдельных мест этого труда Маркса учтены при подготовке настоящего издания. — *317.*

[192] Письмо Адольфа Симона Гио к Сюзану было опубликовано в «Journal Officiel» № 115, 25 апреля 1871 года.

«Journal Officiel» — сокращенное название газеты «Journal Officiel de la Republique Francaise» («Официальная газета Французской республики»), выходившей с 20 марта по 24 мая 1871 г. и являвшейся официальным органом Парижской Коммуны; сохраняла название официальной газеты правительства Французской республики,

выпускавшейся в Париже с 5 сентября 1870 г. (во время Парижской Коммуны под этим же названием выпускалась в Версале газета правительства Тьера). Номер от 30 марта вышел под названием «Journal Officiel de la Commune de Paris» («Официальная газета Парижской Коммуны»). — *323.*

[193] 28 января 1871 г. Бисмарком и представителем правительства национальной обороны Фавром была подписана «Конвенция о перемирии и капитуляции Парижа» (о ней см. примечание 130). — *323.*

[194] *Capitulards* (капитуляры) — презрительное прозвище, данное сторонникам капитуляции Парижа во время осады в 1870—1871 годах. В дальнейшем вошло во французский язык для обозначения капитулянтов вообще. — *323.*

[195] Манифест был опубликован в газете «Le Vengeur» («Мститель») № 30 от 28 апреля 1871 года. — *323.*

[196] *«L'Etendard»* («Знамя») — французская газета бонапартистского направления, выходила в Париже с 1866 по 1868 год. Выход газеты был прекращен в связи с раскрытием мошеннических операций, служивших источником финансирования газеты. — *323.*

[197] Имеется в виду *Societe Generale du Credit Mobilier* — крупный французский акционерный банк, созданный в 1852 году. Главным источником доходов банка была спекуляция ценными бумагами учрежденных им акционерных обществ. Credit Mobilier был тесно связан с правительственными кругами Второй империи. В 1867 г. общество обанкротилось и в 1871 г. было ликвидировано. Сущность Credit Mobilier Маркс раскрыл в ряде статей, опубликованных в газете «New-York Daily Tribune» (см. настоящее издание, том 12, стр. 21—37, 209—217, 300— 303). — *324.*

[198] *«L'Electeur libre»* («Свободный избиратель») — еженедельная (со времени франко-прусской войны ежедневная) газета, орган правых республиканцев, выходила в Париже с 1868 по 1871 год; в 1870—1871 гг. была связана с министерством финансов правительства национальной обороны. — *324.*

[199] Имеются в виду антилегитимистские и антиклерикальные выступления 14 и 15 февраля 1831 г. в Париже, нашедшие отзвук в провинции. В знак протеста против легитимистской демонстрации на панихиде в память герцога Беррийского собравшаяся толпа разгромила церковь Сен-Жермен-л'Осерруа и дворец архиепископа Келена, известного своими легитимистскими симпатиями. Орлеанистское правительство, стремившееся нанести удар враждебной ему партии легитимистов, не приняло мер, чтобы помешать действиям толпы; присутствовавший при разгроме церкви и архиепископского дворца Тьер уговаривал национальных гвардейцев не препятствовать действиям толпы.

В 1832 г. по распоряжению Тьера, бывшего в то время министром внутренних дел, была арестована мать легитимистского претендента на французский престол графа Шамбора, герцогиня Беррийская. В дальнейшем она была поставлена под строгий надзор и подвергнута унизительному медицинскому освидетельствованию с целью дать огласку ее тайному браку и политически скомпрометировать ее. — *325.*

[200] Маркс имеет в виду неприглядную роль Тьера (в то время министра внутренних дел) в разгроме руководимого тайным республиканским Обществом прав человека восстания парижских рабочих и примкнувших к ним мелкобуржуазных слоев против режима Июльской монархий 13—14 апреля 1834 года. Подавление этого восстания сопровождалось зверствами военщины, которая в частности перебила жителей одного из домов на улице Транснонен. Тьер был главным вдохновителем жестоких репрессий, предпринятых против демократов во время восстания и после его подавления.

Сентябрьские законы — реакционные законы, изданные французским правительством в сентябре 1835 года. Законы ограничивали деятельность суда присяжных и вводили суровые меры против печати. В отношении печати предусматривалось увеличение денежных залогов для периодических издании, вводилось тюремное заключение и крупные денежные штрафы за выступления против собственности и существующего государственного строя, — *325.*

[201] В январе 1841 г. Тьер выступил в палате депутатов с проектом создания вокруг Парижа укреплений — крепостной стены и отдельных фортов. В революционно-демократических кругах этот проект был воспринят как подготовительная мера для подавления народных движений, предложенная под видом усиления обороны Парижа. Отмечалось, что именно с этой целью в проекте Тьера предусматривалось сооружение особенно сильно укрепленных и многочисленных фортов вблизи рабочих кварталов с восточной и северо-восточной стороны Парижа. —*325.*

[202] В январе 1848 г. неаполитанские войска Фердинанда II, получившего впоследствии за жестокую бомбардировку Мессины осенью этого же года прозвище короля-бомбы, подвергли артиллерийскому обстрелу Палермо, пытаясь подавить народное восстание, которое послужило сигналом к буржуазной революции в итальянских государствах в 1848—1849 годах. — *325.*

[203] В апреле 1849 г. французское буржуазное правительство в союзе с Австрией и Неаполем организовало интервенцию против Римской республики с целью ее подавления и восстановления светской власти папы. В результате вооруженной интервенции и осады Рима, который был подвергнут французскими войсками жестокой бомбардировке, Римская республика, несмотря на героическое сопротивление, была свергнута, а Рим оккупирован французскими войсками. — *325.*

[204] Маркс имеет в виду свирепое подавление правительством буржуазных республиканцев восстания парижского пролетариата 23—26 июня 1848 года. Подавление восстания сопровождалось разгулом контрреволюционных сил и привело к укреплению позиций консервативно-монархических кругов. — *326.*

[205] *Партия порядка* — возникшая в 1848 г. партия крупной консервативной буржуазии, представляла собой коалицию двух монархических фракций Франции: легитимистов (сторонников династии Бурбонов) и орлеанистов (сторонников династии Орлеанов); с 1849 г. вплоть до государственного переворота 2 декабря 1851 г. занимала руководящее положение в Законодательном собрании Второй республики. Банкротство антинародной политики партии порядка было

использовано кликой Луи Бонапарта для установления режима Второй империи. — *326.*

[206] См. примечание 102. — *326.*

[207] Желая усилить версальскую армию для подавления революционного Парижа, Тьер обратился к Бисмарку с просьбой разрешить ему увеличить контингент войск, численность которых по прелиминарному мирному договору, подписанному 26 февраля 1871 г., не должна была превышать 40 тысяч человек. Заверив Бисмарка, что войска будут использованы исключительно для подавления восстания в Париже, правительство Тьера, согласно Руанской конвенции, заключенной 28 марта 1871 г., получило разрешение увеличить численность версальских войск до 80 тысяч, а несколько позднее — до 100 тысяч человек. В соответствии с этими соглашениями немецкое командование спешно производило репатриацию французских военнопленных, главным образом из армий, капитулировавших в Седане и Меце. Версальское правительство размещало эти части в закрытых лагерях, где они подвергались идеологической обработке с целью внушения им ненависти к Парижской Коммуне. — *327.*

[208] *Легитимисты* — партия сторонников свергнутой во Франции в 1792 г. династии Бурбонов, представлявшая интересы крупной земельной аристократии и высшего духовенства; как партия оформилась в 1830 г., после вторичного свержения этой династии. В период Второй империи легитимисты, не пользовавшиеся никакой поддержкой среди населения, ограничивались тактикой выжидания и изданием отдельных критических памфлетов и активизировались лишь в 1871 г., включившись в общий поход контрреволюционных сил против Парижской Коммуны. — *328.*

[209] *«Chambre introuvable»* («бесподобная палата») — палата депутатов Франции в 1815—1816 гг. (первые годы режима Реставрации), состоявшая из крайних реакционеров. — *329.*

[210] У Маркса в оригинале «assembly of rurals» («rurals» соответствует французскому слову «les ruraux») — «собрание деревенщины», «помещичья палата» — презрительное прозвище Национального собрания 1871 г., состоявшего в большинстве своем из реакционеров-монархистов: провинциальных помещиков, чиновников, рантье и торговцев, избранных в сельских избирательных округах. Из 630 депутатов в собрании насчитывалось около 430 монархистов. — *329.*

[211] Речь идет о требовании уплаты контрибуции, выдвинутом Бисмарком в качестве одного из условий прелиминарного мирного договора. Договор был подписан 26 февраля 1871 г. в Версале Тьером и Ж. Фавром, с одной стороны, Бисмарком и представителями южно-германских государств, с другой. Согласно этому договору, Франция уступала Германии Эльзас и восточную Лотарингию и уплачивала контрибуцию в размере 5 миллиардов франков; до выплаты контрибуции сохранялась оккупация части французской территории немецкими войсками. Окончательный мирный договор был подписан во Франкфурте 10 мая 1871 г. (см. настоящий том, стр. 358—359). — *329.*

[212] 10 марта 1871 г. Национальное собрание приняло закон «Об отсрочке платежей по денежным обязательствам»; по этому закону для плате-

жей по обязательствам, заключенным с 13 августа по 12 ноября 1870 г., устанавливался семимесячный срок, считая со дня их заключения; для платежей по обязательствам, заключенным после 12 ноября, отсрочка не предоставлялась. Таким образом, закон фактически не давал отсрочки для большей части должников, что нанесло тяжелый удар по рабочим и малоимущим слоям населения, а также вызвало банкротство многих мелких промышленников и торговцев. — *330.*

[213] *Decembriseur* — участник бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 г. и сторонник действий в духе этого переворота. Винуа непосредственно участвовал в государственном перевороте, подавив с помощью войск попытки поднять республиканское восстание в одном из департаментов Франции. — *330.*

[214] По сообщениям газет, из внутреннего займа, который решило провести правительство Тьера, сам Тьер и другие члены его правительства должны были получить более 300 миллионов франков под видом «комиссионного» вознаграждения. Тьер впоследствии признал, что представители финансовых кругов, с которыми велись переговоры о займе, требовали быстрейшего подавления революции в Париже. 20 июня 1871 г. после подавления Парижской Коммуны версальскими войсками закон о займе был принят. — *330.*

[215] *Кайенна* — город во Французской Гвиане (Южная Америка), место каторги и ссылки политических заключенных. — *332.*

[216] *«Le National»* («Национальная газета») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 год; орган умеренных буржуазных республиканцев. — *334.*

[217] 31 октября 1870 г. после получения известий о капитуляции Меца, поражении при Ле-Бурже и о начатых Тьером по поручению правительства национальной обороны переговорах с пруссаками, парижские рабочие и революционная часть национальной гвардии подняли восстание и, захватив городскую ратушу, создали орган революционной власти — Комитет общественного спасения — во главе с Бланки. Под давлением рабочих правительство национальной обороны было вынуждено дать обещание уйти в отставку и назначить на 1 ноября выборы в Коммуну. Однако, воспользовавшись недостаточной организованностью революционных сил Парижа и разногласиями между руководившими восстанием бланкистами и мелкобуржуазными демократами-якобинцами, правительство с помощью оставшихся на его стороне батальонов национальной гвардии, нарушив свои обещания об отставке, завладело ратушей и восстановило свою власть. — *334.*

[218] *«Бретонцы»* — бретонская мобильная гвардия, которую Трошю использовал в качестве жандармских войск для подавления революционного движения в Париже.

Корсиканцы при Второй империи составляли значительную часть корпуса жандармов. — *334.*

[219] *22 января 1871 г.* по инициативе бланкистов произошло революционное выступление парижского пролетариата и национальной гвардии. Демонстрация, участники которой требовали свержения правительства

и создания Коммуны, была по распоряжению правительства -национальной обороны расстреляна бретонскими мобилями, охранявшими здание ратуши. Правительство предприняло аресты участников демонстрации, издало распоряжение о закрытии всех клубов Парижа, запрещении народных собраний и прекращении издания ряда газет. Подавив при помощи террора революционное движение, правительство приступило к подготовке капитуляции Парижа. — *335.*

220 *Sommations* (требование разойтись) — форма предупреждения при разгоне властями демонстраций, собраний, митингов и т. д. Согласно закону 1831 г. требование разойтись повторялось троекратно под барабанный бой или звуки труб, после чего власти имели право прибегнуть к силе.

Акт о беспорядках (Riot act), вступивший в силу в Англии в 1715 г., воспрещал всякие «мятежные сборища» более чем 12 человек: в подобных случаях представители власти были обязаны зачитывать специальное предупреждение и применять силу, если собравшиеся не расходились в течение часа. — *335.*

221 Во время событий 31 октября (см. примечание 217), когда члены правительства национальной обороны были задержаны в ратуше, Флуранс помешал их расстрелу, к которому призывал один из участников восстания. — *337.*

222 Вольтер. «Кандид», глава двадцать вторая. — *337.*

223 Маркс цитирует обращение Парижской Коммуны от 5 апреля 1871 г., опубликованное в «Journal Officiel» № 96, 6 апреля.

Упоминаемый Марксом декрет о заложниках, принятый Коммуной 5 апреля 1871 г., был опубликован в «Journal Officiel» 6 апреля (Маркс датирует декрет по публикации его в английской прессе). Согласно этому декрету все лица, обвиненные в сношениях с Версалем, в случае доказанности их вины объявлялись заложниками. Этой мерой Парижская Коммуна стремилась помешать расстрелам коммунаров версальцами. — *337.*

224 Маркс цитирует «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 80 от 21 марта 1871 года. — *339.*

225 *Инвеститура* — в средние века акт передачи земли сеньором своему вассалу или назначение на должность духовного лица. Для системы инвеституры характерна полная зависимость лиц, стоящих на более низкой ступени иерархической лестницы, от вышестоящих светских и церковных феодалов. — *344.*

226 *Жирондисты* — в период французской буржуазной революции конца XVIII века партия крупной торгово-промышленной и выросшей в годы революции землевладельческой буржуазии; название получила от департамента Жиронды, который представляли в Законодательном собрании и Конвенте многие руководители этой партии. Жирондисты выступали против якобинского правительства и поддерживавших его революционных масс под флагом защиты прав департаментов на автономию и федерацию. — *344.*

[227] *«Kladderadatsch»* («Кладдерадач») — иллюстрированный сатирический еженедельный журнал, издавался в Берлине с 1848 года.

«Punch» — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»), выходит в Лондоне с 1841 года. — *345.*

[228] Имеется в виду декрет Парижской Коммуны от 16 апреля 1871 г. о рассрочке на 3 года платежей по всем долговым обязательствам и об отмене выплаты по ним процентов. Декрет значительно облегчал финансовое положение мелкой буржуазии и был невыгоден крупным капиталистам, выступавшим в роли кредиторов. — *348.*

[229] Маркс имеет в виду отклонение Учредительным собранием 22 августа 1848 г. законопроекта о «полюбовных соглашениях» («concordats a l'amiable»), в котором предусматривалась отсрочка платежей для должников, доказавших, что они стали банкротами вследствие вызванного революцией застоя в делах. Вследствие этого значительная часть мелкой буржуазии совершенно разорилась и оказалась во власти кредиторов из крупной буржуазии. — *348.*

[230] *Freres ignorantins* («невежествующие братья») — прозвище религиозного ордена, возникшего в Реймсе в 1680 г., члены которого обязывались посвятить себя обучению детей бедняков; в школах ордена учащиеся получали, главным образом, религиозное воспитание, приобретая весьма скудные знания в других областях. Употребляя это выражение, Маркс намекает на низкий уровень и клерикальный характер начального обучения в буржуазной Франции. — *348.*

[231] *Республиканский союз департаментов* — политическая организация, состоявшая из представителей мелкобуржуазных слоев, уроженцев различных областей Франции, проживавших в Париже; выступала под знаменем Коммуны, призывала к борьбе против версальского правительства и монархического Национального собрания и к поддержке Парижской Коммуны во всех департаментах. — *348.*

[232] По-видимому, речь идет о воззвании Парижской Коммуны «К трудящимся деревень» («Aux travailleurs des campagnes»), опубликованном в апреле — начале мая 1871 г. в газетах Коммуны и выпущенном в виде отдельной листовки. — *348.*

[233] Маркс имеет в виду проведенный реакционным правительством Карла X закон от 27 апреля 1825 г. о выплате бывшим эмигрантам возмещения за конфискованные у них в годы французской буржуазной революции поместья. Большая часть этого возмещения, составившего около 1 миллиарда франков и выплачивавшегося в виде трехпроцентной государственной ренты, досталась высшей придворной аристократии, крупным помещикам Франции. — *348.*

[234] Имеется в виду указ о разделении Франции на военные округа и предоставление командующим округами широчайших полномочий на местах; предоставление президенту республики права смещать и назначать мэров; закон о сельских учителях, поставивший их под контроль префектов; закон о народном образовании, усиливавший влияние духовенства на руководство образованием. Характеристика этих

законов дана в работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 87). — *349.*

[235] *Вандомская колонна* — была воздвигнута в 1806—1810 гг. на Вандомской площади в Париже в память побед наполеоновской Франции. 16 мая 1871 г. по постановлению Парижской Коммуны Вандомская колонна была снесена. — *350.*

[236] В газете «Mot d'Ordre» («Пароль») 5 мая 1871 г. были опубликованы факты, которые свидетельствовали о преступлениях, совершавшихся в монастырях. В монастыре Пикпюс в Сент-Антуанском предместье в результате обысков обнаружились случаи многолетнего заточения монахинь в кельях, были найдены также орудия пыток; в церкви святого Лаврентия было найдено тайное кладбище, являвшееся доказательством совершенных убийств. Эти факты были преданы гласности также в выпущенной Коммуной с целью антирелигиозной пропаганды брошюре «Les Crimes des congregations religieuses» («Преступления церковников»). — *352.*

[237] *Вильгельмсхёэ* (близ Касселя) — замок прусских королей, где с 5 сентября 1870 г. по 19 марта 1871 г. находился бывший император Наполеон III, взятый в плен пруссаками. — *352.*

[238] *Абсентеисты* (от слова «absent» — «отсутствующий») — крупные землевладельцы, обычно не проживавшие в своих имениях; в данном случае речь идет о лендлордах, живших в Англии на доходы от ирландских поместий, которые управлялись земельными агентами или сдавались в аренду спекулянтам-посредникам, в свою очередь сдававшим их на кабальных условиях в субаренду мелким арендаторам. — *352.*

[239] *Francs-fileurs* (буквально «вольные беглецы») — насмешливое прозвище, данное парижским буржуа, бежавшим из города во время его осады. Иронический характер этому прозвищу придавало его созвучие со словом francs-tireurs (вольные стрелки) — название французских партизан, активно участвовавших в борьбе против пруссаков. — *354.*

[240] *Кобленц* — город в Германии, во время французской буржуазной революции конца XVIII века центр дворянско-монархической эмиграции и подготовки интервенции против революционной Франции; в Кобленце находилось поддерживаемое феодально-абсолютистскими государствами эмигрантское правительство во главе с ярым реакционером бывшим министром Людовика XVI де Калонном. — *354.*

[241] *«Шуанами»* во время Парижской Коммуны коммунары называли монархически настроенный отряд версальской армии, навербованный в Бретани, по аналогии с участниками контрреволюционного мятежа в Северо-Западной Франции в период французской буржуазной революции конца XVIII века. — *355.*

[242] Под влиянием пролетарской революции в Париже, приведшей к созданию Парижской Коммуны, в Лионе, Марселе и ряде других городов Франции происходили революционные выступления народных масс. В Лионе 22 марта национальные гвардейцы и трудящиеся города захватили ратушу. После прибытия делегации из Парижа в Лионе 26 марта была провозглашена Коммуна, однако временная комиссия, создан-

ная для подготовки выборов в Коммуну, располагавшая небольшими военными силами, недостаточно связанная с народными массами и национальной гвардией, отказалась от своих полномочий. Новое выступление трудящихся Лиона 30 апреля было жестоко подавлено войсками и полицией.

В Марселе восставшее население города завладело ратушей и арестовало префекта; в городе была создана комиссия департамента и назначены на 5 апреля выборы в Коммуну. Революционное выступление в Марселе было подавлено 4 апреля правительственными войсками, подвергшими город артиллерийскому обстрелу. — *356.*

[243] Речь идет о деятельности Дюфора, направленной на укрепление режима Июльской монархии, в период вооруженного выступления Общества времен года в мае 1839 г. и о роли Дюфора в борьбе против оппозиционной мелкобуржуазной партии Горы во время Второй республики в июне 1849 года.

Революционное выступление тайного республиканско-социалистического Общества времен года 12 мая 1839 г., возглавлявшегося Бланки и Барбесом, не опиралось на массы и носило заговорщический характер; выступление было подавлено правительственными войсками и национальной гвардией. Для борьбы с революционной опасностью было образовано новое министерство, в которое вошел Дюфор.

В июне 1849 г. в обстановке нараставшего политического кризиса, вызванного оппозиционными выступлениями партии Горы против президента республики Луи Бонапарта (см. примечание 140), Дюфор, заняв пост министра внутренних дел, выступил инициатором проведения ряда репрессивных законов против революционной части национальной гвардии, демократов и социалистов. — *357.*

[244] Имеется в виду принятый Национальным собранием закон «О преследовании за преступления прессы», снова вводивший в действие положения прежних реакционных законов о печати (1819 и 1849 гг.) и предусматривавший строгие наказания вплоть до закрытия печатных органов за выступления в них против властей, а также восстановление в должности ранее уволенных чиновников Второй империи, специальный закон о порядке возвращения конфискованной Коммуной собственности и установление наказания за ее конфискацию, как за уголовное преступление. — *357.*

[245] Закон о процедуре военных судов, внесенный Дюфором в Национальное собрание, еще более сокращал эту процедуру по сравнению с установленной военным кодексом 1857 года. Закон подтверждал право командующего армией и военного министра по своему усмотрению осуществлять судебное преследование без предварительного следствия; в этих случаях судебное дело, включая рассмотрение апелляций, должно было решаться и приговор должен был приводиться в исполнение в течение 48 часов.— *357.*

[246] Речь идет о торговом договоре между Англией и Францией, подписанном 23 января 1860 года. В этом договоре Франция отказывалась от запретительной таможенной политики и заменяла ее введением пошлин, которые не могли превышать 30% стоимости товаров. В договоре Франции предоставлялось право беспошлинного ввоза большинства французских товаров в Англию. Последствием заключения этого

договора было резкое усиление конкуренции на внутреннем рынке в результате притока товаров из Англии, что вызвало недовольство французских промышленников. — *358.*

[247] Имеется в виду обстановка террора и кровавых репрессий в период обострения социальной и политической борьбы в Древнем Риме на различных стадиях кризиса рабовладельческой Римской республики в I веке до нашей эры.

Диктатура Суллы (82—79 гг. до н. э.), ставленника рабовладельческой знати — нобилитета, сопровождалась массовым уничтожением представителей враждебной ему группировки рабовладельцев. При Сулле впервые были введены проскрипции — списки лиц, которых всякий римлянин имел право убить без суда.

Первый и второй римский триумвираты (60—53 и 43—36 гг. до н. э.) — диктатура наиболее влиятельных римских полководцев, договорившихся о разделе между собой власти, в первом случае — Помпея, Цезаря и Красса, во втором — Октавиана, Антония и Лепида. Правление триумвиров явилось этапом в борьбе за ликвидацию Римской республики и установление единоличной монархической власти в Риме. Триумвиры широко применяли метод физического уничтожения своих противников. За распадом первого и второго триумвиратов следовали кровопролитные междоусобные гражданские войны. — *360.*

[248] *«Journal de Paris»* («Газета Парижа»)— еженедельная газета, выходила в Париже с 1867 г., придерживалась монархическо-орлеанистского направления.— *361.*

[249] Маркс приводит выдержки из статьи французского публициста Эрве, напечатанной в «Journal de Paris» № 138, 31 мая 1871 г., в которой воспроизводится цитата из сочинения Тацита «Истории» (книга III, глава 83). — *361.*

[250] В августе 1814 г. во время войны между Англией и США английские войска, заняв Вашингтон, сожгли Капитолий (здание конгресса), Белый дом и другие общественные здания столицы.

В октябре 1860 г. во время захватнической колониальной войны Англии и Франции против Китая англо-французские войска разграбили и затем сожгли летний дворцовый городок близ Пекина — богатейшее собрание сокровищ китайской архитектуры и искусства. — *362.*

[251] *Преторианцами* в Древнем Риме называли привилегированную личную гвардию полководца или императора; в период Римской империи преторианцы постоянно участвовали во внутренних смутах и нередко возводили своих ставленников на престол. Слово «преторианцы» позже сделалось символом наемничества, бесчинств и произвола военщины. — *364.*

[252] Маркс называет прусской «chambre introuvable» — по аналогии с крайне реакционной «chambre introuvable» («бесподобной палатой») 1815—1816 гг. во Франции — Собрание, избранное в январе — феврале 1849 г. на основе конституции, октроированной прусским королем в день контрреволюционного государственного переворота в Пруссии 5 декабря 1848 года. В соответствии с конституцией Собрание состояло из привилегированной аристократической «палаты господ» и второй палаты, к двустепенным выборам в которую допускались только

так называемые «самостоятельные пруссаки», что обеспечивало преобладание в ней юнкерско-бюрократических и право-буржуазных элементов. Бисмарк, выбранный во вторую палату, являлся в ней одним из лидеров крайней правой юнкерской группировки. — *364.*

[253] *«The Evening Standard»* («Вечернее знамя») — вечерний выпуск газеты «Standard» (см. примечание 40); выходил в Лондоне в 1857—1905 годах. — *369.*

[254] Написанное Марксом и Энгельсом заявление Генерального Совета Интернационала по поводу циркуляра Жюля Фавра от 6 июня 1871 г. было включено во второе и третье английские издания «Гражданской войны во Франции» и немецкие издания 1871, 1876 и 1891 годов. Заявление было также напечатано в ряде газет в качестве самостоятельной публикации (см. настоящий том, стр. 372—373). — *369.*

[255] См. настоящее издание, т. 16, стр. 13. — *369.*

[256] Имеется в виду написанное Марксом циркулярное письмо «Международное Товарищество Рабочих и Альянс социалистической демократии» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 353—355). — *369.*

[257] *«The Spectator»* («Зритель») — английский еженедельник либерального направления, выходит в Лондоне с 1828 года. — *370.*

[258] Вопрос о циркуляре Жюля Фавра против Интернационала, который был направлен 6 июня 1871 г. европейским правительствам и призывал к организации совместных преследований Международного Товарищества Рабочих, обсуждался на заседании Постоянного комитета Генерального Совета 11 июня 1871 г., утвердившего составленный Марксом и Энгельсом текст данного заявления. Заявление было направлено в редакции печатных органов Интернационала и в английские буржуазные газеты. 13 июня 1871 г. текст заявления был зачитан и одобрен на заседании Генерального Совета; с сообщением по этому вопросу выступил Энгельс, отметивший, что из числа ежедневных буржуазных газет заявление было опубликовано только в газете «Times» и в выдержках в «Pall Mall Gazette» 13 июня 1871 года. В дальнейшем заявление Генерального Совета по поводу циркуляра Жюля Фавра было напечатано на английском языке в газете «Eastern Post» №142, 17 июня 1871 г., на французском языке в газетах «Internationale» № 127, 18 июня 1871 г., «Liberte» № 57, 17 июня 1871 **г.**, «Egalite» № 11, 27 июня 1871 г.; на немецком языке в газете «Volksstaat» № 50, 21 июня 1871 г.; на испанском языке в газете «Emancipacion» № 2, 26 июня 1871 года.

«La Liberte» («Свобода») — бельгийская демократическая газета, выходившая в Брюсселе с 1865 по 1873 год; с 1867 г. — один из органов Интернационала в Бельгии.

«L'Emancipacion» («Освобождение») — еженедельная газета, орган мадридских секций Интернационала, выходила в Мадриде с 1871 по 1873 год; вела борьбу против бакунизма в Испании. В 1872—1873 гг. в газете были опубликованы отдельные разделы из «Нищеты философии», «Манифеста Коммунистической партии», «Капитала» и ряд статей Маркса и Энгельса; в 1872 г. в редакцию газеты входил П. Лафарг. — *372.*

[259] Заявление Генерального Совета в редакцию газеты «Times» было написано Марксом в связи с опубликованием в номере этой газеты

от 19 июня передовой статьи, содержащей клеветнические выпады против Парижской Коммуны и Интернационала; автор статьи превозносил «заслуги» Луи Бонапарта в подавлении революционного рабочего движения. Редакция «Times» отказалась опубликовать заявление. В черновик письма, написанный Марксом, некоторые редакционные изменения были внесены Энгельсом. — *374.*

[260] Должность постоянного председателя Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих была упразднена по постановлению Генерального Совета 24 сентября 1867 года. — *375.*

[261] В последнем абзаце черновика письма, написанного Марксом, отдельные редакционные изменения были сделаны Энгельсом. Газетой «Standard» письмо не было опубликовано. — *376.*

[262] Данное заявление Генерального Совета было составлено Энгельсом в связи с опубликованием в газете «Daily News» 20 июня 1871 г. письма английского реформиста Дж. Холиока, который, пытаясь опорочить воззвание «Гражданская война во Франции» и ослабить его влияние на рабочих Англии, утверждал, что авторы воззвания не связаны с английским рабочим движением. Лестно отзываясь об английских тред-юнионистских лидерах, Холиок, имея в виду Оджера и Лекрафта, заявлял, что их подписи якобы поставлены под воззванием незаконно; тем самым он подстрекал их к выступлению против воззвания. В соответствии с пожеланием Маркса в данном заявлении от имени Генерального Совета сообщалось, что автором «Гражданской войны» является Маркс. Заявление было утверждено Генеральным Советом на заседании 20 июня 1871 года. — *377.*

[263] Составленное Энгельсом по предложению Маркса письмо в редакцию газет «Spectator» и «Examiner» было написано в связи с перепечаткой этими газетами сообщений реакционной французской прессы о так называемых манифестах Интернационала (сфабрикованных французской полицией). Предложение Маркса о том, чтобы направить в указанные газеты соответствующее опровержение, было одобрено Генеральным Советом на заседании 20 июня 1871 года. Редакции газет, однако, не опубликовали этого письма.

«The Examiner» («Наблюдатель») — английский еженедельник буржуазно-либерального направления, выходил в Лондоне с 1808 по 1881 год. — *379.*

[264] Письмо Маркса редактору газеты «Daily News» было написано по поводу опубликования в номере этой газеты от 26 июня 1871 г. писем английского священника Л. Девиса, тред-юниониста Б. Лекрафта и Дж. Холиока, который после заявления Генерального Совета от 21 июня снова выступил с клеветническими выпадами против воззвания «Гражданская война во Франции»; Лекрафт в своем письме открыто заявлял о несогласии с положениями «Гражданской войны во Франции» и о своем выходе из Генерального Совета. Поскольку редакция газеты «Daily News» отказалась напечатать вторую половину письма Маркса, где разоблачалась английская буржуазная пресса, письмо было направлено в газету «Eastern Post», где оно было опубликовано 1 июля 1871 г. вместе с отчетом о заседании Генерального Совета от 27 июня 1871 г., на котором Маркс отметил произвольное обращение

с его письмом редакции «Daily News». Выдержка из письма была напечатана в «Pall Mall Gazette» 27 июня 1871 года. — *380.*

[265] Имеются в виду изобличавшие внешнюю политику Пальмерстона статьи и документы, публиковавшиеся в 30-х и 40-х годах XIX в. английским консервативным публицистом и политическим деятелем Давидом Уркартом; эти материалы печатались в издававшемся им собрании дипломатических документов «The Portfolio» («Портфель»), а также в различных печатных органах. Маркс, который вел неустанную борьбу за разоблачение дипломатии правящих классов, в своей серии обличительных статей «Лорд Пальмерстон», написанной в 1853 г. (см. настоящее издание, т. 9, стр. 357—425), наряду с другими источниками использовал документы, опубликованные Уркартом. В то же время Маркс резко критиковал реакционные взгляды самого Уркарта. — *381.*

[266] Написанное Энгельсом заявление Генерального Совета по поводу писем Холиока и Лекрафта, опубликованных 26 июня 1871 г. в «Daily News», было утверждено на заседании Генерального Совета 27 июня 1871 года. На этом заседании Генеральный Совет единодушно заклеймил ренегатство тред-юнионистов Лекрафта и Оджера, отрекшихся от воззвания Генерального Совета «Гражданская война во Франции», и в ответ на их заявление о выходе из Совета принял решение, фактически ставившее их вне рядов Интернационала. — *382.*

[267] *«Neue Freie Presse»* («Новая свободная пресса») — австрийская буржуазная газета, выходила в Вене в 1864—1939 годах. — *384.*

[268] *«Die Presse»* («Пресса») — австрийская ежедневная буржуазная газета либерального направления, издавалась в Вене с 1848 по 1896 год; в 1861—1862 гг., когда газета занимала антибонапартистскую позицию, в ней публиковались статьи и корреспонденции Маркса. — *384.*

[269] В связи с тем, что редактор «Pall Mall Gazette» Гринвуд отказался опубликовать это письмо Маркса, оно было направлено в газету «Eastern Post» и опубликовано в № 145, 8 июля 1871 года. После появления в «Pall Mall Gazette» статей с нападками на воззвание Генерального Совета «Гражданская война во Франции» Маркс и Энгельс порвали всякие связи с этой газетой. — *385.*

[270] *«Daily Telegraph»* («Ежедневный телеграф») — английская либеральная, а с 80-х годов XIX в. — консервативная газета; под этим названием издавалась в Лондоне с 1855 по 1937 год; с 1937 г., после слияния с газетой «Morning Post» («Утренняя почта»), выходит под названием «Daily Telegraph and Morning Post». — *386.*

[271] Имеются в виду статьи и подложные «документы», фабриковавшиеся парижской полицейской прессой с целью клеветы на Парижскую Коммуну и Интернационал, подобные тем фальшивкам, к которым в борьбе с революционным движением прибегала прусская полиция под руководством Штибера, одного из главных организаторов провокационного кёльнского процесса деятелей Союза коммунистов (1852 г.). — *386.*

[272] Имеется в виду австрийская буржуазная газета *«Wanderer»* («Странник»), выходившая в Вене с 1809 года. — *387.*

[273] В составленном Марксом воззвании Генерального Совета к нью-йоркскому Центральному комитету секций Международного Товарищества Рабочих *«Г-н Уошберн, американский посол в Париже»* использовано письмо парижского корреспондента английской газеты «Daily Telegraph» Рида (раздел I) и сообщение члена Парижской Коммуны и Генерального Совета Серрайе (раздел II). По возвращении из Парижа в Англию Рид установил связь с Марксом и Генеральным Советом, чтобы присоединиться к выступлениям в защиту Парижской Коммуны, сочувствием к которой Рид проникся во время пребывания в Париже. Постоянный комитет Генерального Совета Интернационала, обсудив 7 июля вопрос о подрывной деятельности Уошберна против Коммуны, принял зачитанное Марксом воззвание. 11 июля воззвание было единогласно утверждено Генеральным Советом и впервые было опубликовано в Лондоне в виде отдельной листовки. Нью-йоркский Центральный комитет секций Интернационала, получив текст воззвания, добился опубликования его в распространенной нью-йоркской буржуазной газете «The Sun» («Солнце») 1 августа 1871 года. В этой публикации воззванию было предпослано предисловие, написанное Зорге и другими членами нью-йоркского Комитета, в котором разъяснялось истинное значение Коммуны; в предисловии Уошберн характеризовался как представитель обширного семейства паразитов, кормящихся за счет общества; нью-йоркский Комитет призвал рабочих не верить информации продажных буржуазных газет, которая исходит от врагов рабочего класса.

Воззвание «Г-н Уошберн, американский посол в Париже» было опубликовано на английском языке в газете «Eastern Post» № 151, 19 августа 1871 г., в американских газетах «The Workingman's Advocate» («Защитник рабочего») 5 августа 1871 **г.**, «The National Standard» («Национальное знамя») 9 сентября 1871 г., а также в еженедельнике «Woodhull and Claflin's Weekly» («Еженедельник Вудхалл и Клафлин») № 20/12, 30 сентября 1871 г.; на немецком языке в газете «Volksstaat» № 60, 26 июля 1871 **г.**; на французском языке в газете «Liberte» № 88, 19 июля 1871 г.; на испанском языке в газете «Emancipacion» № 14, 18 сентября 1871 года.

Правительство Тьера с целью воспрепятствовать разоблачению Уошберна приняло через своих агентов меры к запрещению публикации в печати воззвания Генерального Совета. — *388.*

[274] *«The New-York Herald»* («Нью-йоркский вестник») — американская ежедневная газета, орган республиканской партии; выходила в Нью-Йорке с 1835 по 1924 год. — *388.*

[275] Имеется в виду фактический отказ Уошберна повлиять на правительство Тьера и побудить его согласиться на предложение Парижской Коммуны об обмене архиепископа Дарбуа в числе других заложников, арестованных Коммуной в ответ на расстрелы коммунаров, на Бланки, который был заточен версальцами в тюрьму (см. об этом настоящий том, стр. 364). После казни архиепископа Уошберн в своих статьях и лекциях фарисейски использовал эту направленную на пресечение террора версальцев вынужденную меру Парижской Коммуны для клеветы на нее. — *390.*

[276] *«The Morning Advertiser»* («Утренний уведомитель») — английская ежедневная газета, орган радикальной буржуазии, выходила в Лондоне с 1794 по 1934 год. — *392.*

[277] *«La Gazette de France»* («Газета Франции») — ежедневная (с 1792 г.) газета легитимистского направления, выходила в Париже с 1631 по 1914 год. Во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны — одна из главных клерикально-монархических газет. — *393.*

[278] Статья Энгельса *«Выступление Мадзини против Интернационала»* была написана в связи с кампанией клеветы на Интернационал и Парижскую Коммуну, предпринятой Мадзини незадолго до XII съезда итальянских рабочих обществ (состоялся 1—6 ноября 1871 г.) с целью воспрепятствовать влиянию Интернационала на итальянское рабочее движение и созданию классовой организации пролетариата в Италии.

Получив от одного из руководителей неаполитанской секции Интернационала К. Кафьеро письмо и обращение Мадзини «К итальянским рабочим», опубликованное в газете «La Roma del Popolo» № 20, 13 июля 1871 г., в котором Мадзини клеветал на Интернационал, извращая историю его создания, программу и принципы, Энгельс выступил на заседании Генерального Совета 25 июля с речью об отношении Мадзини к Интернационалу (см. настоящий том, стр. 638—639). Главные положения этой речи Энгельс развил в данной статье, которая была послана им Кафьеро в письме от 28 июля 1871 года. В письме к Кафьеро Энгельс подчеркивал необходимость довести факты о деятельности Мадзини до сведения рабочих, разоблачив подлинный смысл его пропаганды. Кафьеро разослал статью Энгельса в ряд газет и, используя ее и присланную ему Энгельсом выписку из протокола заседания Генерального Совета, начал работу над собственной статьей против Мадзини, которая, однако, не была окончена в связи с арестом Кафьеро; черновик статьи был изъят полицией. — *394.*

[279] Имеется в виду уход итальянцев — приверженцев Мадзини из состава Генерального Совета в апреле 1865 г. в связи с обсуждением в Совете вопроса о конфликте в парижской секции Интернационала. Конфликт в парижской секции, возникший между журналистом А. Лефором, с одной стороны, и прудонистами Фрибуром, Толеном и др., с другой, буржуазные элементы пытались использовать в своих интересах. В результате обсуждения этого конфликта в Генеральном Совете были приняты резолюции, написанные Марксом (см. настоящее издание, т. 16, стр. 81—83). — *395.*

[280] Имеется в виду письмо редактору буржуазно-демократической газеты «L'Echo de Verviers» («Эхо Вервье»), написанное в феврале 1866 г. Юнгом в ответ на клеветнические выпады против руководства Интернационала на страницах этой газеты со стороны мелкобуржуазного республиканца Везинье. Письмо было отредактировано Марксом (см. настоящее издание, т. 16, стр. 536—543). — *395.*

[281] Сопроводительное письмо Маркса в редакцию газеты «Times» от 7 августа 1871 г., посланное вместе с публикуемым ниже письмом Энгельса, было написано в связи с появлением 29 июля 1871 г. в этой газете статьи, в которой наряду с призывами расправиться с руководителями Парижской Коммуны содержалось признание, что в версальских тюрьмах в течение 2-х месяцев без суда и следствия находится огромное количество граждан по подозрению в участии в парижской революции; газета была вынуждена отметить ужасные условия, в которых находились заключенные, и жестокое обращение с ними. Статья в «Times»

и попытка опровергнуть ее в официальном органе правительства Тьера вызвали в печати различных стран многочисленные отклики с выражением протеста против жестокого обращения с арестованными коммунарами. Однако попытка Маркса и Энгельса воспользоваться завязавшейся между «Times» и «Journal Officiel» Тьера полемикой для того, чтобы выступить на страницах распространенной английской газеты в защиту жертв версальского террора, не удалась. Редакция «Times» не поместила письма Энгельса. — *397.*

[282] В черновой рукописи письма Маркса редактору газеты «International» некоторые добавления сделаны рукой Энгельса.

«L'International» («Международная газета») — ежедневная газета на французском языке, издавалась в Лондоне с 1863 по 1871 год; официоз французского правительства. — *400.*

[283] *«Public Opinion»* («Общественное мнение») — английский буржуазно-либеральный еженедельный журнал, основан в Лондоне в 1861 году. Опубликовав приложенное к данному частному письму открытое письмо Маркса в «Public Opinion» № 518, 26 августа 1871 г., редакция газеты одновременно вынуждена была удовлетворить его требование и напечатать извинение в связи с перепечаткой пасквиля на Маркса и Интернационал из «National-Zeitung». — *401.*

[284] *«National-Zeitung»* («Национальная газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, под данным названием издавалась в Берлине с 1848 по 1915 год; в 1870—1871 гг. призывала к аннексии французских территорий, выступала за вооруженное подавление Парижской Коммуны. — *402.*

[285] Письмо Маркса редактору газеты «Gaulois» было написано в связи с перепечаткой в этой газетке выдержек из корреспондентского отчета о беседе с Марксом 20 июля 1871 г., опубликованного в американской газете «New-York Herald» 3 августа 1871 года. Отчет передавал содержание беседы в грубо фальсифицированном виде. — *403.*

[286] Данное письмо было написано Марксом в ответ на письмо к нему от 6 июля 1871 г. бывшего члена редакции газеты «New-York Daily Tribune» Чарлза Дана, хорошо знавшего Маркса со времени сотрудничества его в этой газете. Дана обратился к Марксу в качестве редактора газеты «Sun» с просьбой написать несколько статей об Интернационале. Маркс решил воспользоваться предложением Дана в первую очередь для разоблачения правительства Тьера и установленного этим правительством режима полицейского террора во Франции, предав, В частности, гласности факты о преследовании во Франции и Испании своих дочерей и П. Лафарга (позднее с этой же целью им было направлено в американскую прессу письмо своей дочери Женни, см. настоящий том, стр. 653—663). Отвечая Дана, Маркс рассчитывал, что тот в той или иной форме опубликует приводимый в письме материал о преследовании членов семьи Маркса французскими властями. Письмо Маркса прибыло в Нью-Йорк одновременно со слухами о его смерти, которые распустила одна бонапартистская газета, что побудило Дана опубликовать в газете «Sun» 9 сентября 1871 г. не только предназначавшийся для печати материал из письма, но и все письмо целиком вместе с кратким некрологом. Впоследствии Маркс специально опро-

верг в американской печати ложные слухи о своей смерти, указав на их источник (см. настоящий том, стр. 436).

Полный текст письма Маркса редактору «Sun» публикуется на русском языке впервые. В первом издании Сочинений Маркса и Энгельса, т. XIII, ч. II, была опубликована лишь сохранившаяся в виде отрывка черновой рукописи выдержка из этого письма под редакционным заглавием «Об аресте Лафарга».

«The Sun» («Солнце») — американская прогрессивная буржуазная газета, выходила в Нью-Йорке под редакцией Чарлза Дана с 1868 года. — *404.*

[287] *«La Verite»* («Истина») — ежедневная республиканская буржуазно-радикальная газета, выходила в Париже с октября 1870 по 3 сентября 1871 года. Первоначально поддерживала Коммуну, затем выступила против ее социальных мероприятий. — *408.*

[288] Предложения Генеральному Совету по подготовке Лондонской конференция Интернационала были внесены Марксом на рассмотрение Генерального Совета на заседании 5 сентября 1871 г. и одобрены Советом. В имеющейся рукописи предложений, написанной Энгельсом, рукой Маркса внесена поправка. Запись в начале рукописи — «Финансовый отчет» — относилась к предложению Генеральному Совету подготовить соответствующий отчет для конференции. — *410.*

[289] Предварительные проекты резолюций Лондонской конференции были сообщены Марксом Постоянному комитету Генерального Совета и одобрены им 9 сентября 1871 года. В дальнейшем проекты были дополнены, в частности были внесены пункты об образовании секций женщин-работниц и о всеобщей статистике рабочего класса. 12 сентября по докладу Энгельса проекты резолюций были обсуждены и одобрены Генеральным Советом. На конференции с этими предложениями от имени Генерального Совета выступил Маркс. Часть из них в отредактированном виде впоследствии вошла в официальное издание резолюций конференции (см. резолюции Лондонской конференции II, III, IV и X, — настоящий том, стр. 423, 424, 427). Имеющаяся в рукописи вторичная нумерация предварительных проектов резолюций (цифры, набранные полужирным шрифтом) была, по-видимому, сделана после их обсуждения на заседании Генерального Совета и отражает изменения предполагавшегося порядка их рассмотрения на конференции.

В рукописи, написанной рукой Энгельса, имеются добавления Маркса.— *411.*

[290] Ссылка на резолюции Базельского конгресса неточна. Базельский конгресс (1869 г.) резолюции о наименовании местных организаций Интернационала не принимал; такая резолюция была принята на Лондонской конференции 1871 г. и позднее внесена в Организационный регламент Международного Товарищества Рабочих (см. настоящий том, стр. 452 и 459). — *412.*

[291] Лондонская конференция Интернационала, ознаменовавшая собой важный этап борьбы Маркса и Энгельса за создание пролетарской партии, состоялась 17—23 сентября 1871 года.

Согласно постановлению Базельского конгресса (1869 г.), очередной конгресс Международного Товарищества Рабочих должен был состояться в Париже. Однако полицейские преследования секций Интернационала во Франции со стороны бонапартистского правительства заставили Генеральный Совет перенести место очередного конгресса в Германию, в Майнц (см. настоящее издание, т. 16, стр. 448). Начавшаяся франко-прусская война сделала невозможным созыв очередного конгресса; нельзя было его созвать и в обстановке жестоких репрессий, обрушившихся на членов Интернационала во время гражданской войны во Франции и особенно усилившихся после подавления Парижской Коммуны. В этих условиях большинство национальных федераций высказалось за то, чтобы отложить конгресс и предоставить Генеральному Совету полномочия назначить срок его созыва по своему усмотрению. В то же время необходимость принятия коллективных решений, способствующих идейному сплочению и организационному укреплению Интернационала, назревшие задачи борьбы с бакунистами и прочими сектантскими элементами, активизировавшими свою раскольническую деятельность, и другие неотложные задачи требовали созыва конференции представителей Интернационала от всех стран. Вопрос о конференции поднимался в Генеральном Совете по инициативе Маркса и Энгельса еще во время воины, начиная со 2 августа 1870 года. Однако реальная возможность созыва такой конференции наметилась лишь летом 1871 года. Большинство федераций выразило согласие с предложением Генерального Совета о целесообразности созыва закрытой конференции Международного Товарищества Рабочих. На заседании Генерального Совета 25 июля 1871 г. по предложению Энгельса было решено созвать закрытую конференцию Международного Товарищества Рабочих в Лондоне в третье воскресенье сентября. Маркс и Энгельс проделали огромную работу но подготовке Лондонской конференции. На заседаниях Генерального Совета 15 августа, 5, 12 и 16 сентября были обсуждены вопросы, касающиеся организации и программы конференции.

Вследствие обстановки, в которой происходила конференция, она была сравнительно узкой по своему составу: в работе ее приняли участие 22 делегата с решающим голосом и 10 с совещательным. Страны, которые не смогли послать делегата на конференцию, были представлены секретарями-корреспондентами. Маркс представлял на конференции Германию, Энгельс — Италию. Всего состоялось 9 заседаний конференции, которые носили характер закрытых рабочих заседаний. Отчеты о конференции не должны были публиковаться.

Протоколы конференции вместе с другими относящимися к ней материалами впервые были опубликованы на русском языке Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1936 году («Лондонская конференция Первого Интернационала». Москва, 1936).

В настоящем издании в основном тексте тома наряду с резолюциями Лондонской конференции публикуется изложение тех выступлений Маркса и Энгельса, которые дошли до нас в записи Энгельса. Изложение ряда речей Маркса, сохранившееся в виде несовершенных протокольных записей Роша и Мартена, публикуется в приложениях к тому (см. стр. 643—652). — *413.*

292 Речь Маркса о деятельности Альянса социалистической демократии была произнесена 18 сентября 1871 г. на заседании избранной Лондонской конференцией комиссии для рассмотрения вопроса о раскольни-

ческой деятельности бакунистов в секциях Интернационала в Романской Швейцарии. После провала попыток бакунистов на Базельском конгрессе 1869 г. добиться перевода Генерального Совета в Женеву с тем, чтобы захватить руководство Интернационалом в свои руки, бакунисты продолжали свою подрывную деятельность против Генерального Совета, использовав газеты «La Solidarite», «Le Progres» и временно попавшую под их влияние «Egalite» для нападок на Генеральный Совет и пропаганды бакунистских идей. На съезде в Шо-де-Фоне 4—6 апреля 1870 г. бакунистам с помощью махинаций удалось получить незначительное большинство делегатских мандатов; в ответ на попытки бакунистов дополнительно включить в число делегатов своих сторонников, представители женевских секций, поддерживавших Генеральный Совет, заявили о своем отказе подчиняться решениям бакунистского фиктивного большинства. Генеральный Совет отверг попытки бакунистов добиться передачи комитету образованной в результате раскола на съезде в Шо-де-Фоне бакунистской Юрской федерации полномочий центрального руководящего органа Интернационала в Швейцарии. В результате резкой критики раскольнической деятельности бакунистов Марксом и Энгельсом, позицию которых поддерживало большинство секций Интернационала, руководство Альянса социалистической демократии, не решившись открыто выступить на предстоящей конференции против Генерального Совета, за несколько недель до Лондонской конференции объявило о роспуски Альянса, намереваясь тайно продолжать свою подрывную деятельность в Интернационале.

Маркс и Энгельс считали первейшей задачей Лондонской конференции разоблачить деятельность бакунистов и пропагандируемые ими идеи, которые вносили в рабочее движение дезорганизацию и разлад. Комиссия Лондонской конференции выразила свое согласие с выводами, сделанными в речи Маркса, и разоблачила попытки бакуниста Робена завуалировать раскольническую деятельность бакунистов в Швейцарии. После рассмотрения комиссией вопроса о бакунистском Альянсе он был обсужден на заседании Лондонской конференции, которая 21 сентября одобрила доклад, сделанный Марксом от имени комиссии, и единогласно приняла предложенные им резолюции (см. настоящий том, стр. 429—430 и 432—435). — *415.*

[293] См. К. Маркс. «Международное Товарищество Рабочих и Альянс социалистической демократии» и «Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих — центральному бюро Альянса социалистической демократии», настоящее издание, т. 16, стр. 353—355 и 363—364. — *415.*

[294] См. К. Маркс. «Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии», настоящее издание, т. 16, стр. 402—409. — *415.*

[295] *«L'Egalite»* — см. примечание 1.

«Le Progres» («Прогресс») — бакунистская газета, открыто выступавшая против Генерального Совета; издавалась на французском языке в Локле под редакцией Гильома, с декабря 1868 по апрель 1870 года.

«La Solidarite» («Солидарность») — еженедельная бакунистская газета, выходила с апреля по сентябрь 1870 г. в Невшателе и с марта по май 1871 г. в Женеве. — *415.*

[296] В рукописи описка: имеется в виду съезд Романской федерации Интернационала в Шо-де-Фоне 4—6 апреля 1870 года (см. примечание 292). Упомянутый в рукописи Локль был одним из центров деятельности бакунистов. — *415.*

[297] Речь идет о воззвании «К секциям Интернационала», составленном бакунистами Дж. Гильомом и Г. Бланом и опубликованном в Невшателе (Швейцария) 5 сентября 1870 года. В воззвании буржуазная республика во Франции характеризовалась с внеклассовых позиций как «олицетворение европейской свободы», а членам Интернационала предлагалось организовать волонтерские отряды и выступить с оружием в руках в ее защиту. — *416.*

[298] Вопрос о политическом действии рабочего класса, который занимал главное место в работе Лондонской конференции и получил всестороннее освещение в речах Маркса и Энгельса, обсуждался на шестом и седьмом заседаниях конференции 20 и 21 сентября. Присутствовавшие на конференции бакунисты Бастелика и Робен, а также представитель испанских секций Лоренцо попытались сорвать обсуждение этого вопроса, заявив, что конференция якобы некомпетентна его рассматривать. В ходе прений бакунисты были разоблачены и изолированы. Конференция большинством голосов поручила Генеральному Совету подготовить окончательный текст резолюции (см. настоящий том, стр. 426—427). Помимо сохранившегося плана речи Энгельса о политическом действии рабочего класса ниже помещается сделанная самим Энгельсом и приложенная к протоколу конспективная запись его речи на заседании 21 сентября 1871 года; эта речь сохранилась также в виде более короткой протокольной записи на французском языке, сделанной Мартеном. — *417.*

[299] *Резолюции Лондонской конференции* большей частью были составлены и внесены на заседаниях конференции Марксом и Энгельсом. В основу ряда резолюций были положены предварительные проекты резолюций, подготовленные Марксом и Энгельсом (см. настоящий том, стр. 411—412), а также их речи на конференции; поэтому позицию Маркса и Энгельса отражал также ряд тех резолюций, которые были внесены другими делегатами конференции. Большая роль в составлении и редактировании резолюций принадлежала Энгельсу, который являлся секретарем конференции для редактирования и перевода текста резолюции.

По предложению Маркса конференция поручила делегатам сделать в секциях Интернационала устное сообщение о принятых резолюциях. Выпуск официального издания резолюций Лондонской конференции на английском, французском и немецком языках был возложен на Генеральный Совет, который в свою очередь поручил Марксу подготовить издание резолюций, подлежащих, согласно решению Совета, опубликованию. Маркс и Энгельс провели всю работу по редактированию и составлению окончательного текста резолюций конференции, в ряде случаев принятых в черновой, рабочей редакции. Перевод резолюций на французский и немецкий языки был выполнен также под непосредственным наблюдением Маркса и Энгельса.

На английском и французском языках резолюции Лондонской конференции были опубликованы отдельными изданиями в виде циркуляра Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих в начале ноября 1871 г. в Лондоне (на английском языке: «Resolu-

tions of the Conference of Delegates of the International Working Men's Association. Assembled at London from 17th to 23th September 1871». London, 1871); на немецком языке — в Лейпциге, по-видимому, в конце 1871 года; резолюции были опубликованы также на французском языке в газетах «Egalite» № 22, 19 ноября 1871 г., «Internationale» № 150, 26 ноября 1871 г., на немецком языке в газете «Volksstaat» № 92, 15 ноября 1871 г., в журнале «Vorbote» № 12 за декабрь 1871 г.; на испанском языке в газете «Emancipacion» № 24, 27 ноября 1871 г.; на итальянском языке в газете «La Plebe» № 136, 23 ноября 1871 г. была опубликована в сокращенном виде IX резолюция конференции. — *423.*

[300] Резолюция I — *«О составе Генерального Совета»* — была внесена Веррейкеном и Де Папом и после обсуждения, в ходе которого выступали Маркс и Энгельс, принята 22 сентября на восьмом заседании Лондонской конференции; из принятых на конференции четырех резолюций о составе Генерального Совета были опубликованы только первая (данная резолюция) и четвертая (см. пункт 1 раздела «Особые резолюции конференции. — XIII»). Вторая и третья резолюции, предусматривавшие увеличение до трех недель испытательного срока между предложением кандидатур в члены Совета и избранием **их,** а также предоставление секциям разных стран права намечать кандидатуры соответствующих секретарей-корреспондентов, сохранились в протоколах Лондонской конференции, а также в протокольной книге Генерального Совета (заседание 16 октября 1871 г.). — *423.*

[301] Резолюция II — *«О наименованиях национальных советов и т. д.»* -— была внесена Марксом от имени Генерального Совета и принята 18 сентября 1871 г. на втором заседании Лондонской конференции. Пункт 1 данной резолюции с некоторыми изменениями был включен в Организационный регламент в качестве пункта 1 раздела II; пункты 2—4 — соответственно в качестве 2—4 пунктов V раздела (см. настоящий том, стр. 450 и 452). Резолюция была направлена против сепаратистских попыток мелкобуржуазных элементов (правых прудонистов, называвших себя мютюэлистами, то есть сторонниками решения социального вопроса путем взаимопомощи, бакунистов, выдававших себя за поборников коллективизма, позитивистов, последователей буржуазного философа О. Конта и т. п.) навязать свои сектантские принципы местным организациям Интернационала в противовес его общей программе и Уставу, и отразить это в наименовании местных секций. — *423.*

[302] Резолюция III — *«О делегатах Генерального Совета»* — была внесена К. Марксом от имени Генерального Совета 19 сентября 1871 г. на четвертом заседании Лондонской конференции; первоначальная формулировка резолюции содержится в предварительных проектах резолюций, составленных Марксом и Энгельсом (см. настоящий том, стр. 412); резолюция была включена в Организационный регламент в качестве 8 пункта II раздела (см. настоящий том, стр. 451). — *424.*

[303] Резолюция IV — *«О взносах Генеральному Совету в размере 1 пенса с каждого члена»* — была внесена Франкелем, выступившим в качестве докладчика от комиссии по выработке мер для более регулярного поступления членских взносов, и принята на шестом заседании Лондонской конференции 20 сентября. В период подготовки конференции вопрос о членских взносах был поставлен в выступлении Маркса на

заседании Постоянного комитета Генерального Совета 9 сентября 1871 года. Настоящая резолюция с некоторыми изменениями была включена в Организационный регламент в качестве раздела III (см. настоящий том, стр. 451). — *424.*

304 Резолюция V — «Об *образовании секций женщин-работниц»* — была внесена Марксом от имени Генерального Совета и принята 19 сентября 1871 г. на третьем заседании Лондонской конференции. Обосновывая внесенную резолюцию, Маркс подчеркнул необходимость создания женских секций в тех странах, где в промышленности занято много женщин. Данная резолюция была включена в Организационный регламент в качестве 6 пункта V раздела (см. настоящий том, стр. 452). — *424.*

305 Резолюция VI — «О *всеобщей статистике рабочего класса»* — была внесена Марксом в качестве предложения Генерального Совета 19 сентября 1871 г. на третьем заседании Лондонской конференции и принята с добавлениями Утина и Франкеля.

Обосновывая резолюцию, Маркс отметил, что всеобщая статистика особенно важна для организации поддержки бастующих рабочих рабочими других стран и других совместных действий в духе международной пролетарской солидарности. Резолюция была включена в Организационный регламент в качестве 1—4 пунктов VI раздела (см. настоящий том, стр. 453). — *425.*

306 Имеется в виду текст Устава Международного Товарищества Рабочих, изданный Генеральным Советом в 1867 г. в Лондоне, в котором были отражены изменения, внесенные в Устав на Женевском (1866 г.) и Лозаннском (1867 г.) конгрессах. В тексте Временного Устава, опубликованного в 1864 г., эта статья — без последней фразы, дополненной впоследствии, — обозначена номером 6 (см. настоящее издание, т. 16, стр. 14).

В основу упомянутой резолюции Женевского конгресса Международного Товарищества Рабочих (текст ее приведен в разделе VI Организационного регламента, см. настоящий том, стр. 453—454) положен раздел 2 (с) написанной Марксом «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 195—196). — *425.*

307 Резолюция VII — «О *международных связях профессиональных союзов»* — была внесена 20 сентября 1871 г. на пятом заседании Лондонской конференции Франкелем, Бастелика, Утиным, Серрайе, Лоренцо, Де Папом в ходе обсуждения предложения Делаэ, которое подверглось критике со стороны Маркса и других делегатов конференции и было отклонено (см. примечание 488). Окончательная редакция резолюции принадлежит Марксу и Энгельсу. — *425.*

308 Резолюция VIII — «О *земледельцах»* — была внесена Марксом и принята 22 сентября 1871 г. на восьмом заседании Лондонской конференции. В своих выступлениях Маркс подчеркнул необходимость ведения пропаганды в деревне и предложил обсудить вопрос об обеспечении союза рабочего класса с трудящимися массами крестьянства. — *425.*

309 20 сентября 1871 г. на шестом заседании Лондонской конференции Вайян внес проект резолюции, в которой говорилось о неразрывной

связи политического и социального вопросов и о необходимости сплотить силы рабочих на политической почве. В ходе обсуждения резолюции Вайяна и дополнений к ней, сделанных Серрайе и Франкелем, с речами о политическом действии рабочего класса выступили Маркс и Энгельс (см. настоящий том, стр. 417—422, 646—649 и примечание 298). Эти речи легли в основу резолюции *«О политическом действии рабочего класса» (IX),* составление которой конференция поручила Генеральному Совету, выделившему для этой цели 7 октября 1871 г. комиссию, в состав которой вошел Энгельс. Марксом и Энгельсом был составлен новый текст резолюции, в котором было четко сформулировано положение о необходимости организации политической партии рабочего класса как непременном условии для обеспечения победы социалистической революции и достижения ее конечной цели — построения бесклассового общества.

16 октября 1871 г. Генеральный Совет утвердил сделанный Энгельсом доклад по поводу резолюции о политическом действии рабочего класса.

По решению Гаагского конгресса 1872 г. в Общий Устав Международного Товарищества Рабочих была включена статья 7а, в которой воспроизводилась основная часть резолюции IX Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса (см. настоящее издание, т. 18). — *426.*

[310] См. настоящее издание, т. 16, стр. 12 и 10. — *426.*

[311] «Procès-verbaux du congrès de l'Association Internationale des Travailleurs réuni à Lausanne du 2 au 8 septembre 1867». Chaux-de-Fonds, 1867, p. 19 («Протоколы конгресса Международного Товарищества Рабочих, состоявшегося в Лозанне с 2 по 8 сентября 1867 года». Шо-де-Фон, 1867, стр. 19). — *426.*

[312] К. Маркс. «О преследованиях членов французских секций Международного Товарищества Рабочих», настоящее издание, т. 16, стр. 445— 446.

Мнимый заговор французских членов Интернационала — см. примечание 3. — 426.

[313] *«Общая резолюция относительно стран, в которых правительства препятствуют регулярной организации Интернационала» (X),* была внесена Марксом от имени Генерального Совета 22 сентября 1871 г. на девятом заседании Лондонской конференции. Содержание резолюции было изложено в предварительных проектах резолюций, выработанных Марксом и Энгельсом (см. настоящий том, стр. 411). Обосновывая выдвинутую им резолюцию, Маркс выступил с речью о тайных обществах (см. настоящий том, стр. 652). — *427.*

[314] *«Резолюции относительно Франции (XI)* были внесены Утиным 22 сентября 1871 г. на восьмом заседании Лондонской конференции при обсуждении вопроса о состоянии организации Интернационала во Франции. Резолюции основывались на положениях, высказанных на этом заседании Марксом. Из числа принятых конференцией резолюций по этому вопросу опубликованы были первые две, приводимые в тексте; третья резолюция обязывала Бельгийский и Испанский федеральные советы и Федеральный совет Романской Швейцарии обеспечить связь между французскими секциями и Генеральным Советом

и принимать в состав соответствующих федераций секции, создаваемые французскими эмигрантами. Четвертая резолюция предлагала Генеральному Совету опубликовать воззвание к французским рабочим с призывом вести открытую борьбу с контрреволюционным правительством и, несмотря на преследования, создавать организации Интернационала в соответствии с положениями его Устава. Последняя резолюция не была приведена в исполнение: на заседании Генерального Совета 24 октября было решено воздержаться от опубликования воззвания, чтобы не нанести тем самым вред заключенным коммунарам. — *427.*

315 *«Резолюция относительно Англии» (XII)* была внесена Марксом 22 сентября 1871 г. на восьмом заседании Лондонской конференции. Обосновывая выдвинутое им предложение, Маркс отметил, что Генеральный Совет ранее выступал против образования федерального комитета или совета для Англии, поскольку представительство английских рабочих в Генеральном Совете способствовало воспитанию их в духе интернационализма и социалистического пролетарского учения, а также препятствовало тому, чтобы буржуазия захватила руководство рабочим движением в Англии. Однако, как указывал Маркс, огромные масштабы деятельности Генерального Совета со времени Коммуны вызвали необходимость в создании и в Англии федерального совета. — *428.*

316 *«Особые резолюции конференции» (XIII);* первая резолюция была внесена Де Папом и принята 22 сентября на восьмом заседании Лондонской конференции. В основе второй резолюции, принятой 22 сентября на девятом заседании конференции, лежат выводы, содержавшиеся в речи Маркса о положении Интернационала в Германии и Англии, в которой Маркс отметил солидарность немецких рабочих с Парижской Коммуной, а также предложение, внесенное Утиным. Третья резолюция была принята 20 сентября на пятом заседании, в связи с оглашением на конференции предложений Испанской федерации относительно организации Интернационала в Испании. Четвертая резолюция была внесена Де Папом 22 сентября на девятом заседании Лондонской конференции в связи с сообщением Утина о нечаевском процессе; в этом сообщении разоблачались происки бакунистов в России. Маркс, выступивший по этому вопросу, отметил использование буржуазной прессой заговора Нечаева для клеветы на Международное Товарищество Рабочих (см. также настоящий том, стр. 440). — *428.*

317 Резолюция XIV — «О *поручении гражданину Утину»* — была внесена Вайяном и принята 22 сентября 1871 г. на девятом заседании Лондонской конференции в связи с сообщением Утина о нечаевском процессе; Марксом было внесено предложение представить отчет о нечаевском процессе Генеральному Совету. — *428.*

318 Резолюция XV— *«О созыве очередного конгресса»* — была внесена в несколько иной редакции Де Папом и Стеенсом 22 сентября 1871 г. на девятом заседании Лондонской конференции. — *429.*

319 Резолюция XVI — *«Об Альянсе социалистической демократии»* — была внесена Марксом 21 сентября 1871 г. на седьмом заседании Лондонской конференции. На этом заседании после обсуждения данного вопроса в комиссии (см. настоящий том, стр. 415—416 и примечание

292) Маркс сделал доклад об Альянсе и раскольнической деятельности бакунистов в Швейцарии, по которому была принята как эта резолюция, так и резолюция XVII. — *429.*

[320] «Association Internationale des Travailleurs. Compte-rendu du IV[e] Congres International, tenu a Bale, en septembre 1869». Bruxelles, 1869, p. 172 («Международное Товарищество Рабочих. Отчет о четвертом международном конгрессе, состоявшемся в Базеле в сентябре 1869 года». Брюссель, 1869, стр. 172). — *429.*

[321] Резолюция XVII — *«О расколе в Романской Швейцарии»* — была внесена Марксом 21 сентября 1871 г. на седьмом заседании Лондонской конференции. В отдельном издании резолюций был опубликован сокращенный текст этой резолюции. В полном виде резолюция была напечатана в газете «Egalite» № 20, 21 октября 1871 года (см. настоящий том, стр. 432—435). — *430.*

[322] Имеется в виду написанная Марксом резолюция Генерального Совета, сохранившая — вопреки притязаниям бакунистов — за Романским федеральным комитетом его наименование и положение руководящего органа секций Интернационала в Романской Швейцарии (см. настоящее издание, т. 16, стр. 451). — *430.*

[323] «Association Internationale des Travailleurs. Compte-rendu du IV[e] Congres Internationale, tenu a Bale, en septembre 1869». Bruxelles, 1869, p. 172. — *432.*

[324] См. примечание 322. — *433.*

[325] Сопроводительное письмо Маркса издательницам еженедельника «Woodhull and Claflin's Weekly» было напечатано в еженедельнике 21 октября 1871 г. совместно с письмом дочери Маркса Женни, которое публикуется в приложениях к данному тому (см. стр. 653—663).

«Woodhull and Claflin's Weekly» («Еженедельник Вудхалл и Клафлин») — еженедельник, издававшийся в Нью-Йорке буржуазными феминистками В. Вудхалл и Т. Клафлин в 1870—1876 гг., орган американской секции Интернационала № 12, состоявшей из буржуазных реформистов и исключенной Генеральным Советом в марте 1872 г. из Интернационала. — *436.*

[326] *Речь К. Маркса о семилетии Интернационала* была произнесена им на специальном собрании, посвященном этой годовщине, состоявшемся в Лондоне 25 сентября 1871 года; на этом собрании, председателем которого был избран Маркс, присутствовали члены Генерального Совета Интернационала, участники Парижской Коммуны, соратники Маркса и Энгельса. Корреспондентский отчет о собрании 25 сентября был опубликован в газете «The World»; содержание речи Маркса передано в нем в сокращенном виде. В настоящем издании публикуется только та часть отчета, в которой излагается содержание речи.

«The World» («Мир») — американская ежедневная газета, орган демократической партии; выходила в Нью-Йорке с 1860 по 1931 год. — *437.*

[327] Имеется в виду февральская революция 1848 г. во Франции. — *438.*

[328] Вопрос о шпионской деятельности Дюрана, состоявшего на службе у французской полиции и проникшего в Интернационал в качестве одного из руководителей Французской секции 1871 г., рассматривался 7 октября 1871 г. на чрезвычайном заседании Генерального Совета, которому была представлена переписка Дюрана с чиновниками полиции. Согласно полицейским инструкциям, Дюран должен был проникнуть со шпионскими целями на Лондонскую конференцию, а также войти в состав Генерального Совета. Резолюция об исключении Дюрана была составлена и внесена на заседании Генерального Совета Энгельсом.

Резолюция была напечатана на немецком языке за подписью Маркса в газете «Volksstaat» № 83, 14 октября; на французском языке в газетах «Liberte» № 174, 15 октября, «Egalite» № 20, 21 октября, «Mirabeau» № 118, 22 октября; на итальянском языке в газете «Plebe» № 122, 19 октября; на испанском языке в газете «Emancipacion» № 19, 23 октября 1871 года. Вместе с текстом, опубликованным в «Plebe», была напечатана следующая сопроводительная записка Энгельса: «Лондон, 13 октября. Гражданин редактор «Plebe»! Генеральный Совет поручил мне направить Вам следующую резолюцию с просьбой опубликовать ее на страницах Вашей уважаемой газеты. Примите и пр. Фридрих Энгельс, секретарь для Италии».

«La Plebe» («Народ») — газета, издававшаяся с 1868 по 1875 г. в Лоди, с 1875 г. — в Милане под редакцией Э. Биньями; в 1871 г. выходила три раза в неделю. Вначале — орган левого крыла буржуазных демократов-республиканцев, в 1871—1873 гг. — орган секций Интернационала, проводила линию Генерального Совета; в газете был опубликован ряд статей Ф. Энгельса и документов Интернационала. — *439.*

[329] *Федеральная палата рабочих обществ* — объединение профессиональных союзов и других рабочих обществ в Париже; была создана по инициативе Интернационала в 1869 г., охватывала более 50 профессиональных союзов и рабочих обществ, посылавших в федеральную палату 1—3 делегатов. Федеральная палата организовывала взаимную помощь бастующим рабочим; поддерживала тесную связь с Интернационалом. — *439.*

[330] Настоящее заявление было написано Марксом согласно постановлению Лондонской конференции, поручившей Генеральному Совету опубликовать заявление о том, что Международное Товарищество Рабочих совершенно непричастно к так называемому заговору Нечаева. Текст-заявления был утвержден Генеральным Советом 16 октября 1871 года.

В 1869 г., установив связь с Бакуниным, Нечаев развернул деятельность по созданию в ряде городов России заговорщической организации «Народная расправа». В организованных Нечаевым кружках проповедовались вульгарные анархистские идеи «абсолютного разрушения», распространялись анархистские листовки. Представители революционно настроенной студенческой молодежи и разночинных слоев населения вступали в нечаевскую организацию, привлекаемые острой критикой царского режима и призывами к решительной борьбе с ним. Используя полученный от Бакунина мандат представителя «Европейского революционного союза», Нечаев пытался выдавать себя за представителя Интернационала и тем самым вводил в заблуждение участников созданной им организации.

В связи с разгромом нечаевской организации и судебным процессом над ее участниками, происходившим летом 1871 г. в Петербурге, были преданы гласности авантюристические методы, применявшиеся Нечаевым для достижения своих целей: шантаж, запугивание, обман и пр. Буржуазная печать использовала материалы процесса для того, чтобы фальсификаторскими приемами опорочить Интернационал, с которым у Нечаева в действительности не было никакой связи.

Перевод заявления Генерального Совета на французский язык был сделан Энгельсом. Заявление было опубликовано на немецком языке в газете «Volksstaat» № 88, 1 ноября 1871 г. (за подписью К. Маркса в качестве секретаря для Германии и России); на французском — в газете «Egalite» № 21, 5 ноября 1871 г. и «Qui vive!» № 14, 18 октября 1871 г.; на итальянском — в «Gazzettino Rosa» № 306, 3 ноября 1871 г. и «Plebe» № 122, 19 октября 1871 года. — *440.*

[331] *Резолюция об уставе Французской секции 1871 г.* была написана Марксом и единогласно утверждена Генеральным Советом 17 октября 1871 года.

Французская секция 1871 г. образовалась в Лондоне в сентябре 1871 г. из французских эмигрантов. В состав секции проник разоблаченный вскоре Генеральным Советом шпион Дюран. Руководство секции установило тесную связь с бакунистами в Швейцарии и действовало с ними в контакте, присоединившись к их нападкам на организационные принципы Интернационала. Устав Французской секции 1871 г. был представлен Генеральному Совету на его чрезвычайном заседании 14 октября 1871 г. и передан для рассмотрения в комиссию Генерального Совета. На заседании 17 октября Маркс сделал сообщение об уставе Французской секции 1871 г. и внес данную резолюцию. Текст резолюции сохранился в виде рукописи Серрайе, являвшегося в Генеральном Совете секретарем-корреспондентом для Франции. — *441.*

[332] См. примечание 320. — *441.*

[333] «Rules of the International Working Men's Association. Founded September 28th, 1864». London, [1867], p. 5 («Устав Международного Товарищества Рабочих. Основано 28 сентября 1864». Лондон, [1867], стр. 5). — *441.*

[334] «Rules of the International Working Men's Association. Founded September 28th, 1864». London, [1867], p. 5. — *442.*

[335] «Rules of the International Working Men's Association. Founded September 28th, 1864». London, [1867], p. 7. — *442.*

[336] Первоначальный текст Устава Международного Товарищества Рабочих был написан Марксом в октябре 1864 г. на английском языке и утвержден Центральным Советом 1 ноября этого же года в качестве Временного Устава (см. настоящее издание, т. 16, стр. 12—15). На Женевском конгрессе 1866 г. Устав был утвержден с некоторыми дополнениями и изменениями вместе с приложенным к нему Организационным регламентом. Осенью 1866 г. Устав и Организационный регламент были переведены Марксом и Лафаргом на французский язык и в конце

ноября выпущены в Лондоне отдельной брошюрой, в которой были учтены основные изменения, внесенные на Женевском конгрессе (см. настоящее издание, т. 16, стр. 545—549). Однако это издание не получило распространения. В 1867 г. в Лондоне был издан английский текст Устава и Организационного регламента, в котором были учтены изменения, внесенные с момента принятия Временного Устава 1864 г. Женевским и Лозаннским конгрессами. На последующих конгрессах Интернационала — Брюссельском (1868 г.) и Базельском (1869 г.) — был принят ряд постановлений, представлявших собой дополнения к Уставу. Однако в обращении находились тексты Устава, в которых не были учтены эти дополнения и изменения. Ряд существенных неточностей имелся и в английских изданиях, опубликованных после Женевского и Лозаннского конгрессов. Кроме того, отсутствовало официальное издание Устава на различных языках, что привело к появлению в ряде стран неточных переводов Устава; во французском переводе, вышедшем в 1866 г. и подготовленном правым прудонистом Толеном, было искажено важнейшее положение о роли политической борьбы для освобождения рабочего класса. Принимая во внимание все эти обстоятельства, Маркс и Энгельс, готовясь к Лондонской конференции, составили проект резолюции о выпуске нового издания Устава Международного Товарищества Рабочих (см. настоящий том, стр. 412). Лондонская конференция приняла предложенную Марксом резолюцию о выпуске нового аутентичного издания Устава и Организационного регламента на английском, немецком и французском языках, постановив при этом, что все переводы на другие языки должны также быть одобрены Генеральным Советом.

В конце сентября — октябре 1871 г. Маркс и Энгельс подготовили новое издание Устава и Организационного регламента, заново пересмотренное с учетом резолюций всех конгрессов Интернационала и Лондонской конференции. Одновременно из Устава и Регламента были исключены те положения, которые утратили свою силу. Заново был написан раздел «Приложения», в котором даны подробные обоснования всем внесенным изменениям и дополнениям. Под непосредственным наблюдением Маркса и Энгельса были подготовлены переводы Устава и Регламента на немецкий и французский языки. Официальное издание Общего Устава и Организационного регламента («General Rules and Administrative Regulations of the International Working Men's Association») вышло в Лондоне в виде отдельной брошюры на английском языке в первой половине ноября, на французском языке — в декабре 1871 г.; на немецком языке Устав и Регламент были . опубликованы в виде отдельной брошюры в Лейпциге, а также в газете «Volksstaat» № 12, 10 февраля 1872 года. Подготовленное при участии Энгельса официальное издание Устава и Регламента на итальянском языке не было выпущено из-за отсутствия у Генерального Совета денежных средств. В сокращенном виде Устав и Регламент были опубликованы на итальянском языке издательствами «Plebe» и «Eguaglianza» («Равенство»). — *445*.

[337] Этот и предшествующий абзацы, носящие декларативный характер, были включены Марксом в текст вводной части Временного Устава 1864 г. по настоянию остальных членов комиссии, избранной Центральным Советом для составления программных документов Интернационала. При подготовке издания Общего Устава в 1871 г. Маркс исключил в этом абзаце весь текст до слов «нет прав без обязанностей» (ср. настоящее издание, т. 16, стр. 13). — *446*.

338 Маркс перечисляет следующие издания документов Интернационала:

«Address and Provisional Rules of the Working Men's International Association, Established September 28, 1864, at a public meeting held at St. Martin's Hall, Long Acre, London», 1864.

«Rules of the International Working Men's Association. Founded September 28th, 1864». London, [1867].

«Congres ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs, tenu a Geneve du 3 au 8 septembre 1866». Geneve, 1866.

«Proces-verbaux du congres de l'Association Internationale des Travailleurs reuni a Lausanne du 2 au 8 septembre 1867». Chaux-de-Fonds, 1867.

«Troisieme Congres de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte rendu officiel». Bruxelles, 1868.

«The International Working Men's Association. Resolutions of the Congress of Geneva, 1866, and the Congress of Brussels, 1868». London, [1869]

«Association Internationale des Travailleurs. Compte-rendu du IVe Congres International, tenu a Bale, en septembre 1869». Bruxelles, 1869.

«Report of the Fourth Annual Congress of the International Working Men's Association, held at Basle, in Switzerland. From the 6th to the 11th September, 1869». Published by the General Council. London, [1869].

«Quatrieme Congres de l'Association Internationale des Travailleurs, tenu a Bale, du 6 au 11 septembre 1869. Rapport du delegue aux Sections de la Fabrique de Geneve». Geneve, 1869.

«Resolutions of the Conference of Delegates of the International Working Men's Association. Assembled at London from 17th to 23th September 1871». London, 1871. — *456.*

339 См. настоящее издание, т. 16, стр. 13 и настоящий том, стр. 446. — *456.*

340 См. настоящее издание, т. 16, стр. 13. — *457.*

341 Маркс имеет в виду резолюцию Базельского конгресса, подтвердившего решение Генерального Совета от 24 сентября 1867 г. об упразднении должности председателя Генерального Совета. — *457.*

342 Настоящее заявление написано Энгельсом по поводу опубликованного в газете «Times» 31 октября письма члена английского парламента, консерватора А. Б. Кокрена, который воспроизводил вымыслы об Интернационале, почерпнутые из реакционной французской и английской печати, и пытался клеветать на Международное Товарищество Рабочих, используя для этого документы бакунистского Альянса социалистической демократии. Заявление было зачитано Энгельсом и утверждено на заседании Генерального Совета 31 октября. В связи с тем, что редакция газеты «Times» отказалась опубликовать заявление Генерального Совета, оно было напечатано в газете «Eastern Post». — *461.*

343 *«Journal de Geneve»* («Женевская национальная, политическая и литературная газета») — ежедневная газета консервативного направления, издается с 1826 года. — *462.*

344 Имеется в виду опубликованный О. Тестю в выпущенном им в 1871 г. с охранительно-полицейскими целями собрании документов Интернационала отрывок из закрытого циркулярного письма Генерального Совета Федеральному Совету Романской Швейцарии, в котором

опровергались клеветнические измышления бакунистов о руководстве Интернационала. Написанное Марксом циркулярное письмо (см. настоящее издание, т. 16, стр. 402—409) было направлено Генеральным Советом во все секции за подписью соответствующих секретарей-корреспондентов. Отрывок, опубликованный Тестю, был взят из захваченного французской полицией экземпляра циркуляра, подписанного Э. Дюпоном в качестве секретаря-корреспондента для Франции (см. O. Testut. «L'Internationale», 3 edition. Paris — Versailles, 1871, p. 237— 238). — *462.*

[345] *Таможенный союз* германских государств, установивших общую таможенную границу, был основан в 1834 г. под главенством Пруссии. Со временем он охватил все германские государства, за исключением Австрии и некоторых мелких государств. Вызванный к жизни необходимостью создания общегерманского рынка, Таможенный союз способствовал политическому объединению Германии, завершенному в 1871 году. — *464.*

[346] Речь идет об устранении ограничений для торговой экспансии Англии, США и Франции в результате заключения Нанкинского договора 1842 г. и соглашений между Китаем и США, а также Китаем и Францией 1844 года. Нанкинский договор был навязан английскими колонизаторами Китаю после поражения его в первой «опиумной» войне (1839—1842 гг.). Согласно этому договору Англии передавался Гонконг, для английской торговли открывались пять важнейших портов: Кантон, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай, предусматривалось установление выгодных для английской торговли пошлин. 8 октября 1843 г. Китаю было навязано дополнительное соглашение, которое предоставляло Англии право учреждения в открытых портах своих поселений — сеттльментов, право экстерриториальности для них и право наибольшего благоприятствования. В 1844 г. аналогичные по условиям договоры Китай под угрозой войны вынужден был подписать с США, а затем с Францией. Эти договоры положили начало превращению Китая в полуколонию иностранных капиталистов. — *464.*

[347] Генеральный Совет на своем заседании 17 октября 1871 г. принял резолюцию об уставе Французской секции 1871 г., в которой указывал, что противоречие устава секции Общему Уставу препятствует ее приему в Интернационал (см. настоящий том, стр. 441—444). В письме от 31 октября секция заявила о своем несогласии с резолюцией Генерального Совета и выступила с нападками на Совет. Ответ секции после обсуждения его в комиссии был вынесен на обсуждение Генерального Совета 7 ноября 1871 года.

С сообщением по этому вопросу выступил секретарь-корреспондент для Франции Серрайе, который внес написанную Марксом резолюцию, единогласно одобренную Советом.

Данная резолюция сохранилась в виде двух рукописей. Одна написана рукой Маркса, вторая — рукой Серрайе. В рукописи Серрайе, которая представляет собой, видимо, окончательный текст принятой резолюции, последний абзац, имеющийся в первоначальном проекте Маркса, перечеркнут, а в предпоследнем абзаце сказано, что резолюция Генерального Совета от 17 октября является окончательной. К началу 1872 г. Французская секция 1871 г. распалась. В Лондоне была образована новая секция французских эмигрантов, поддерживавшая Генеральный Совет. — *466.*

[348] См. К. Маркс. «Конфиденциальное извещение всем секциям», настоящее издание, т. 16, стр. 455. — *466.*

[349] См. примечание 323. — *469.*

[350] См. примечание 155. — *469.*

[351] *«Frankfurter Zeitung und Handelsblatt»* («Франкфуртская газета и торговый листок») — ежедневная газета мелкобуржуазно-демократического направления; выходила во Франкфурте-на-Майне с 1856 (под данным названием с 1866) по 1943 год.

В тексте заявления упоминается *Всеобщая республиканская лига*— мелкобуржуазная организация, созданная в Англии в 1871 году. В числе ее руководителей были буржуазный радикал Брэдло, тред-юнионист Оджер, мелкобуржуазные публицисты Ле Любе, Везинье и другие. Провозгласив своей целью достижение всеобщего благоденствия путем объединения республиканцев всех стран, Лига выдвинула пеструю программу, в которой демократические требования сочетались с призывом к установлению всемирной федеративной республики и т. п. Деятели Лиги претендовали на руководство международным рабочим движением и вместе с другими враждебными марксизму элементами вели борьбу против Генерального Совета Интернационала. — *471.*

[352] Имеется в виду деятельность бакунистов, создавших в 1870—1871 гг. в ряде городов Испании отделения Альянса социалистической демократии (см. примечание 162). — *472.*

[353] Настоящее заявление написано Ф. Энгельсом в связи с опубликованием 23 ноября 1871 г. в газете «Proletario Italiano» так называемой декларации туринских рабочих, отразившей выпады бакунистов против Генерального Совета Интернационала и решений Лондонской конференции.

«Il Proletario Italiano» («Итальянский пролетарии») — итальянская газета, издававшаяся два раза в неделю в Турине в 1871 г. под редакцией тайного полицейского агента Терцаги; выступала в защиту бакунистов против Генерального Совета и решений Лондонской конференции. С 1872 по 1874 г. газета выходила под названием «Il Proletario» («Пролетарий»). — *473.*

[354] См. настоящее издание, т. 16, стр. 10. — *474.*

[355] «Procеs-verbaux du Congrеs de l'Association Internationale des Travailleurs rеuni а Lausanne du 2 au 8 septembre 1867». Chaux-de-Fonds, 1867, p. 19. — *474.*

[356] *«La Rеvolution Sociale»* («Социальная революция») — еженедельная газета, издавалась в Женеве с октября 1871 по январь 1872 г., с ноября 1871 г. — официальный орган бакунистской Юрской федерации. — *474.*

[357] Настоящие полномочия на имя Дж. Бориани для приема в Международное Товарищество Рабочих новых членов были составлены Энгельсом в ответ на письмо одного из руководителей секции Интернационала в Лоди Э. Биньями от 14 ноября 1871 г., в котором од сообщал об организации секций Интернационала в Ферраре и других

городах Италии и просил выслать документы на имя ряда романьольских граждан, в том числе Дж. Бориани, с полномочиями основывать новые секции Международного Товарищества Рабочих. — *475.*

[358] Настоящая заметка Энгельса была помещена в газете «Plebe» в разделе «Последние новости» и начиналась словами: «Член Интернационала пишет нам из Лондона». Заметка, по-видимому, представляет собой публикацию части не дошедшего до нас письма Энгельса редактору газеты Э. Биньями. — *476.*

[359] *«L'Emancipacion»* — см. примечание 258. — *476.*

[360] Написанное Энгельсом заявление Генерального Совета в редакцию итальянских газет по поводу содержащих ряд клеветнических выпадов статей Мадзини об Интернационале, помимо газеты «Roma del Popolo» было, судя по записи Энгельса, сделанной в черновой рукописи, в течение 5—7 декабря 1871 г. направлено в ряд других газет: «Il Motto d'Ordine» («Пароль»), «Il Ciceruacchio» («Чичероваккио»), «L'EguagIianza» («Равенство»), «Plebe», «Proletario Italiano», «Gazzettino Rosa».

«La Roma del Popolo» («Народный Рим. Еженедельное издание по вопросам религиозной философии, политики, литературы») — мелкобуржуазная демократическая газета, выходила в Риме с 1871 по 1872 год; публиковала статьи Мадзини против Интернационала. — *477.*

[361] Энгельс имеет в виду решение Брюссельского конгресса Международного Товарищества Рабочих (5—13 сентября 1868 г.) об отклонении приглашения принять официальное участие в предстоящем конгрессе Лиги мира и свободы в Берне. Резолюция разрешала членам Интернационала участвовать в этом конгрессе лишь в частном порядке (см. «Troisieme Congres de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte rendu officiel». Bruxelles, 1868, p. 40).

Лига мира и свободы — буржуазно-пацифистская организация, созданная в 1867 г. в Швейцарии рядом мелкобуржуазных и буржуазных республиканцев и либералов (в том числе В. Гюго, Дж. Гарибальди и др.). В 1867—1868 гг. в работе Лиги принимал участие Бакунин. В начале своей деятельности Лига под влиянием Бакунина пыталась использовать в своих целях рабочее движение и Международное Товарищество Рабочих. Заявлениями о возможности покончить с войной путем создания «Соединенных Штатов Европы» Лига мира и свободы сеяла в массах ложные иллюзии и отвлекала пролетариат от классовой борьбы. На втором конгрессе Лиги мира и свободы, состоявшемся в Берне 21—25 сентября 1868 г., Бакунин предложил резолюцию, которая провозглашала необходимость экономического и социального «уравнения классов». Не получив поддержки на конгрессе, отвергшем большинством голосов эту резолюцию, Бакунин и его сторонники вышли из состава Лиги мира и свободы и в том же году создали Альянс социалистической демократии. — *478.*

[362] Письмо редактору газеты «Eastern Post» было написано по поводу клеветнических выпадов против Маркса издателя газеты «The National Reformer» («Национальный реформатор»), буржуазного радикала Ч. Брэдло в его публичной лекции в Лондоне 11 декабря 1871 г., а также в письме в «Eastern Post» (напечатано 16 декабря). На заседании

Генерального Совета 19 декабря 1871 г. Маркс отметил тесную связь выпадов Брэдло с кампанией травли Интернационала со стороны буржуазных политиков и печати, особенно усилившейся после выпуска воззвания «Гражданская война во Франции», и указал на близость Брэдло к продажным буржуазным журналистским кругам Франции.

В связи с опубликованием в январе 1872 г. в «National Reformer» новых клеветнических писем Брэдло Марксом были написаны разоблачающие их ответные заявления (см. настоящий том, стр. 487 и 488— 489). — *479.*

363 Настоящая статья была написана Энгельсом в ответ на принятый съездом швейцарской бакунистской Юрской федерации в Сонвилье (ноябрь 1871 г.) циркуляр ко всем секциям Интернационала, направленный против решений Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих. Статья была послана Энгельсом с письмом Либкнехту от 3 января 1872 г., в котором Энгельс подчеркивал необходимость немедленного ее опубликования. После опубликования статьи в «Volksstaat» Энгельс обратился к Либкнехту с просьбой выслать ему несколько экземпляров газеты с текстом статьи для пересылки в Италию, где бакунисты, используя сонвильерский циркуляр, подняли клеветническую кампанию против Генерального Совета и решений Лондонской конференции. Против сонвильерского циркуляра выступил целый ряд органов Интернационала; в газете «Egalite» 24 декабря 1871 г. было опубликовано постановление Романского федерального комитета, осуждавшее циркуляр как попытку внести раскол в Международное Товарищество Рабочих. В Испании в газете «Emancipacion» в № 24 от 27 ноября 1871 г. была опубликована статья Лафарга, разоблачавшая клеветнические утверждения циркуляра.

Секции Интернационала в Германии, Англии, Голландии, Соединенных Штатах Америки, а также миланская секция в Италии отвергли сонвильерский циркуляр; не решился открыто присоединиться к сонвильерскому циркуляру и находившийся под влиянием бакунистов ряд секций в Испании. С целью окончательного разоблачения дезорганизаторской сектантской деятельности бакунистов Маркс и Энгельс приступили в январе 1872 г. к работе над циркуляром Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале» (см. настоящее издание, т. 18). — *480.*

364 См. «Report of the Fourth Annual Congress of the International Working Men's Association, held at Basle, in Switzerland. From the 6th to the 11th September, 1869». London, [1869], p. 21 («Отчет о четвертом ежегодном конгрессе Международного Товарищества Рабочих, состоявшемся в Базеле, в Швейцарии с 6 по 11 сентября 1869 года». Лондон, [1869], стр. 21). — *482.*

365 *Брауншвейгский уголовный суд* — имеется в виду окружной суд в Брауншвейге, в котором в октябре 1871 г. проходил процесс арестованных прусскими властями членов Комитета Социал-демократической рабочей партии (см. примечание 154). — *482.*

366 *Черный кабинет* — тайное учреждение при почтовых ведомствах Франции, Пруссии, Австрии и ряда других государств, занимавшееся перлюстрацией писем; существовал со времен абсолютистских монархий в Европе. — *483.*

[367] *«The National Reformer»* («Национальный реформатор») — еженедельный английский журнал, орган буржуазных радикалов, выходил в Лондоне с 1860 по 1893 год. — *487.*

[368] *«Criminal-Zeitung»* — сокращенное название еженедельной газеты «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» («Беллетристический листок и Нью-йоркская газета по вопросам криминалистики»), основанной в Нью-Йорке в 1852 г. представителями немецкой мелкобуржуазной эмиграции. Под данным названием выходила с 18 марта 1853 по 10 марта 1854 года. В 1853 г. газета помещала клеветнические статьи против Маркса и связанных с ним пролетарских революционеров.

«Московские Ведомости» — ежедневная газета реакционного направления, пользовавшаяся поддержкой чиновничьей бюрократии и верхушки помещиков; выходила с 1756 по 1917 год. — *488.*

[369] Письмо в редакцию «Gazzettino Rosa» было написано Энгельсом в связи с клеветнической кампанией против Интернационала, которая была поднята в Италии журналом «Il Libero Pensiero» («Свободная мысль»), выходившим во Флоренции с 1866 по 1876 г. под редакцией мелкобуржуазного демократа Л. Стефанони, члена бакунистского Альянса.

С целью подорвать влияние Интернационала Стефанони выступил за создание так называемого «Универсального общества рационалистов». Демагогически объявив это общество призванным осуществить принципы Интернационала, но «без его плохих сторон», Стефанони проповедовал мелкобуржуазные утопические идеи о выкупе земельной собственности у помещиков и создании земледельческих колоний, как якобы универсальном средстве полного избавления трудящихся от эксплуатации. Программа Стефанони была отвергнута итальянскими рабочими; выдвинутый им проект создания «Общества рационалистов» осуществлен не был.

Энгельс иронически называет рационалистов «пребендариями» (от слова «praebenda» — владения католической церкви, образованные путем дарения и завещания), намекая на их план разрешения социального вопроса посредством создания земельного фонда на средства от пожертвований.

Помимо публикации в «Gazzettino Rosa», письмо Энгельса было напечатано (без сопроводительной части) в журнале «Libero Pensiero» 22 февраля 1872 года.

«Gazzettino Rosa» — ежедневная итальянская газета, выходившая в Милане с 1867 по 1873 год; в 1871—1872 гг. выступала в защиту Парижской Коммуны, публиковала отчеты и документы Международного Товарищества Рабочих; с 1872 г. газета находилась под влиянием бакунистов. — *490.*

[370] *«Neuer Social-Democrat»* («Новый Социал-Демократ») — немецкая газета, выходила в Берлине с 1871 по 1876 г. три раза в неделю; орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза; направление газеты полностью отражало проводимую лассальянцами политику приспособления к бисмарковскому режиму и заигрывания с господствующими классами Германии, оппортунизм и национализм лассальянских лидеров. Выступая с сектантских позиций, газета вела систематическую борьбу против марксистского руководства Интернационала и против немецкой Социал-демократической рабочей партии, поддержи-

вала враждебную Генеральному Совету деятельность бакунистов и представителей других антипролетарских течений. — *491.*

[371] Имеется в виду Союз коммунистов — первая международная коммунистическая организация пролетариата, созданная под руководством Маркса и Энгельса в начале июня 1847 г. в Лондоне в результате реорганизации Союза справедливых — тайного объединения рабочих и ремесленников, возникшего в 30-е годы и имевшего свои общины в Германии, Франции, Швейцарии и Англии. Программные и организационные принципы Союза коммунистов были выработаны при непосредственном участии Маркса и Энгельса. По поручению второго конгресса Союза (29 ноября — 8 декабря 1847 г.) Марксом и Энгельсом был написан программный документ — «Манифест Коммунистической партия», опубликованный в феврале 1848 г. (см. настоящее издание, т. 4, стр. 419—459).

С началом революции во Франции Центральный комитет Союза в Лондоне передал в конце февраля 1848 г. руководство Союзом Брюссельскому окружному комитету во главе с Марксом. После высылки Маркса из Брюсселя местопребыванием нового Центрального комитета в начале марта становится Париж, куда переезжает Маркс. В состав Центрального комитета избирается также Энгельс.

Во второй половине марта — начале апреля 1848 г. Маркс, Энгельс и несколько сотен немецких рабочих, в большинстве членов Союза коммунистов, возвращаются на родину для участия в начавшейся германской революции. Политической платформой Союза коммунистов в этой революции явились сформулированные Марксом и Энгельсом в конце марта «Требования Коммунистической партии в Германии» (см. настоящее издание, т. 5, стр. 1—3). Руководящим и направляющим центром для членов Союза коммунистов явилась в это время редактируемая Марксом «Neue Rheinische Zeitung» («Новая Рейнская газета»).

Хотя поражение революции и нанесло удар Союзу коммунистов, но в 1849—1850 гг. он был реорганизован и продолжал свою деятельность. В написанном Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 257—267) подводились итоги революции 1848—1849 гг. и выдвигалась задача создания самостоятельной партии пролетариата. Летом 1850 г. в Центральном комитете Союза коммунистов обострились принципиальные разногласия по вопросу о тактике. Большинство Центрального комитета во главе с Марксом и Энгельсом решительно выступило против предлагаемой фракцией Виллиха — Шаппера сектантской, авантюристической тактики немедленного развязывания революции без учета объективных, закономерностей и реальной политической обстановки. Раскольническая деятельность фракции Виллиха — Шаппера привела к разрыву, с этой фракцией в середине сентября 1850 года. На заседании 15 сентября 1850. г. (см. настоящее издание, т. 8, стр. 581—585) по предложению Маркса полномочия Центрального комитета были переданы Кёльнскому окружному комитету. Полицейские преследования и аресты членов Союза привели в мае 1851 г. к фактическому прекращению деятельности Союза коммунистов в Германии. 17 ноября 1852 г. Союз по предложению Маркса объявил о своем роспуске, но члены его продолжали свою работу по выковыванию кадров для будущих революционных боев.

Союз коммунистов сыграл большую историческую роль как школа пролетарских революционеров, как зародыш пролетарской партии, предшественник Международного Товарищества Рабочих. — *491.*

[372] *«Wiesbadener Zeitung»* («Висбаденская газета») — немецкая консервативная газета, выходила в 1872—1881 годах. — *492.*

[373] *Кёльнский процесс коммунистов* (4 октября — 12 ноября 1852 г.) — провокационный процесс, организованный прусским правительством. Суду было предано 11 членов Союза коммунистов по обвинению в «носящем характер государственной измены заговоре». В качестве обвинительного материала фигурировали сфабрикованная прусскими полицейскими агентами «подлинная книга протоколов» заседаний Центрального комитета И другие фальшивки, а также документы, выкраденные полицией у авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, исключенной из Союза коммунистов. Семеро подсудимых, на основании подложных документов и лжесвидетельств, были приговорены к заключению в крепости сроком от трех до шести лет. Провокационные действия организаторов процесса и подлые методы, применявшиеся прусским полицейским государством против международного рабочего движения, были полностью разоблачены Марксом и Энгельсом (см. статью Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» и памфлет Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», настоящее издание, т. 8, стр. 416—422, 423—491). — *492.*

[374] Настоящее заявление, написанное Марксом и Энгельсом, было утверждено на заседании Генерального Совета 20 февраля 1872 года. Сохранилась копия этого заявления, написанная рукой Юнга. Помимо упомянутых в концовке английских газет заявление было опубликовано в США в еженедельнике «Woodhull and Claflin's Weekly» №. 99, 6 апреля 1872 г. и в Португалии в органе лиссабонских секций Интернационала газете «О Pensamento Social» («Социальная мысль») № 6, март 1872 года. — *493.*

[375] *«Наброски «Гражданской войны во Франции»»,* являющиеся подготовительными вариантами этого произведения, были написаны Марксом в апреле—мае 1871 года. Уже в первые дни после революции 18 марта Маркс начинает тщательно изучать все материалы о событиях в Париже, собирает газетные вырезки, делает многочисленные выписки из французских и английских газет. Во второй половине апреля Маркс приступает к работе над первым наброском и продолжает ее примерно до 10 мая, а затем пишет второй набросок «Гражданской войны во Франции», работу над которым он завершает в середине мая, после чего переходит к написанию окончательного текста «Гражданской войны во Франции» в форме воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. Вырезки из газет и выписки Маркса в его тетради, относящиеся к последней неделе существования Парижской Коммуны, были использованы не во втором наброске, а уже в тексте самого воззвания.

Рукописи первого и второго набросков «Гражданской войны во Франции» представляют собой листы большого формата. Рукопись наиболее обширного по объему первого наброска, сохранившаяся, по-видимому, полностью, занимает 11 исписанных на обеих сторонах листов или 22 страницы с 1-й по 22-ю, пронумерованные Марксом, за исключением страниц, являющихся по порядку 6-й и 13-й. Из рукописи второго наброска, состоявшей, как это можно предположить, исходя из пагинации Маркса (она имеется не на всех листах), по-видимому, из 13 листов, сохранилось 11 листов (8 из них исписаны с одной стороны, а на 3 листах запись сделана на обеих сторонах). На недо-

стающих листах рукописи, по-видимому, помещался параграф 4 работы, предшествующий сохранившемуся параграфу 5: «Начало Гражданской войны. Революция 18 марта. Клеман Тома. Леконт. Стычка на Вандомской площади». Последние три непронумерованные страницы (см. настоящий том, стр. 610—616) содержат, главным образом, новую редакцию отдельных мест второго наброска. Большая часть текста в рукописях первого и второго набросков перечеркнута Марксом вертикальными и наклонными линиями, которыми Маркс, по обыкновению, отмечал места, использованные при работе над окончательным текстом «Гражданской войны во Франции». В настоящем издании не воспроизводятся только те слова и фразы рукописи, которые были вычеркнуты Марксом горизонтальной чертой. В обеих рукописях имеются многочисленные отчеркивания на полях, скобки, квадратные скобки и т. д., носящие характер рабочих пометок (в настоящем издании они не воспроизводятся).

Приводя цитаты или упоминая декреты и прокламации Коммуны, Маркс в своих набросках часто ссылается на них по датам их опубликования или по датам сообщения о них в лондонских газетах.

«Наброски «Гражданской войны во Франции»» не публиковались при жизни Маркса и Энгельса и в течение длительного времени после смерти основоположников марксизма. Отдельные отрывки из первого наброска впервые были опубликованы в СССР в газете «Правда» №№ 72 и 76, 14 и 18 марта 1933 года. Полный текст первого и второго набросков был впервые опубликован в СССР в 1934 г. на языке оригинала (английском) и в русском переводе в изданном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Архиве Маркса и Энгельса», т. III (VIII). — *497.*

[376] *Сражение при Бюзанвале* или Мон-Валерьене — см. примечание 126. — *499.*

[377] 5 октября 1870 г. перед парижской ратушей под руководством Г. Флуранса состоялась демонстрация рабочих батальонов национальной гвардии. Рабочие потребовали от правительства национальной обороны проведения выборов в Коммуну, принятия мер для укрепления республики и решительной борьбы с вторгшимся в страну врагом. Правительство отвергло эти требования и запретило национальной гвардии сборы без приказа и вооруженные демонстрации.

О восстании 31 октября 1870 г. см. примечание 217. — 500.

[378] *Capitulards* — см. примечание 194. — *500.*

[379] См. примечание 197. — *501.*

[380] См. примечание 213. — *503.*

[381] Речь идет о введении новых избирательных цензов согласно закону 31 мая 1850 г., который был принят Законодательным собранием Французской республики по инициативе партии порядка во главе с Тьером, испуганной успехами демократов и социалистов на дополнительных выборах в Собрание в марте и апреле 1850 года. Новый избирательный закон, направленный против городских и сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты, вводил трехлетний ценз оседлости; к выборам допускались только лица, платящие личный налог; в связи с этим число избирателей во Франции сократилось почти на 3 миллиона человек.

Вскоре после принятия избирательного закона 1850 г. Собрание увеличило на 1850 г. жалованье, уплачиваемое из казны президенту республики Луи Бонапарту, с 600000 до 3 миллионов франков. — *504.*

[382] Попытки нормандских фабрикантов снизить заработную плату рабочим-текстильщикам в целях успешной конкуренции с английскими фабрикантами вызвали в конце 1868 — начале 1869 г. большую стачку рабочих этой отрасли промышленности в Сотвиль-ле-Руане. В ответ на просьбу стачечников о поддержке Генеральный Совет Интернационала организовал через лондонские тред-юнионы и французские профсоюзы сбор средств для бастующих рабочих. Как отмечалось в написанном Марксом «Отчете Генерального Совета IV ежегодному конгрессу Международного Товарищества Рабочих» (см. настоящее издание, т. 16, стр. 390—392), стачка, несмотря на ее поражение, содействовала организации и сплочению рабочих текстильной промышленности Нормандии, привела к созданию профессиональных союзов в Руане, Эльбёфе, Дарнетале и т. д., а также упрочила братский союз между английскими и французскими рабочими. — *504.*

[383] *«Le Rappel»* («Призыв») — ежедневная газета леволеспубликанского направления; основана В. Гюго и А. Рошфором; выходила с 1869 по 1928 год. Выступала с резкой критикой Второй империи, во время Парижской Коммуны высказывалась за ее поддержку. — *505.*

[384] Имеется в виду выступление 12 мая 1839 г. бланкистского Общества времен года (см. примечание 243). — *506.*

[385] В рукописи Маркса описка: Дюфор стал министром внутренних дел, а Вивьен — министром общественных работ в правительстве Кавеньяка 13 октября 1848 года. 2 июня 1849 г. Дюфор стал министром в кабинете Одилона Барро. — *506.*

[386] Имеется в виду *Комитет улицы Пуатье* — руководящий орган так называемой партии порядка (см. примечание 205). Преобладающую роль в Комитете улицы Пуатье играли орлеанисты во главе с Тьером. — *506.*

[387] Говоря о *«Либеральном союзе» 1847 г.* Маркс имеет в виду группу так называемых «прогрессивных консерваторов» во французской палате депутатов, оформившуюся после выборов 1846 года. Главными деятелями этой группы были орлеанисты Жирарден, Токвиль, Дюфор и др. «Прогрессивные консерваторы» требовали от правительства Гизо проведения ряда экономических реформ в интересах крупной промышленной буржуазии и известного расширения избирательного права с целью укрепления Июльской монархии. Выступая против Гизо, они прибегали к разоблачению скандальных сторон деятельности членов его правительства.

Либеральный союз — коалиция буржуазных республиканцев, орлеанистов и части легитимистов, образовавшаяся на почве общей оппозиции к империи во время выборов в Законодательный корпус в 1863 году. Попытка вновь организовать Либеральный союз во время предвыборной кампании 1869 г. потерпела неудачу по причине разногласий между партиями, входившими в эту коалицию в 1863 году. Умеренные буржуазные республиканцы (Ж. Фавр, Ж. Симон и др.) выступали в 1869 г. за союз с монархистами и поддерживали кандидатуру орлеаниста Дюфора, который, однако, не был избран. — *507.*

[388] Намек на роль, которую играл Тьер, являвшийся в то время министром внутренних дел, в зверском подавлении республиканского восстания в Париже 13—14 апреля 1834 г., в частности в кровавой расправе с населением на улице Транснонен (см. примечание 200). — *509.*

[389] Имеются в виду действия в духе бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 года. — *509.*

[390] «Journal Officiel de la République Francaise» № 96, 6 апреля 1871 года. — *509.*

[391] «Journal Officiel de la République Francaise» № 96, 6 апреля 1871 года. — *510.*

[392] *Комиссия пятнадцати* была назначена Национальным собранием 20 марта 1871 г. с целью содействия правительству Тьера в борьбе с революционным Парижем. В комиссию вошли главным образом монархисты, а также поддерживавшие Тьера буржуазные республиканцы. Комиссия обратилась к провинциям с призывом формировать добровольческие части для борьбы с Коммуной, который не встретил там поддержки. После поражения Коммуны комиссия прекратила свою деятельность. — *510.*

[393] Маркс, по-видимому, имел в виду использовать в «Гражданской войне во Франции» примеры, характеризующие происки монархистов в Версальском национальном собрании. В сделанных Марксом выписках из газет этого периода содержатся сведения об интригах герцога Омальского и его брата принца Жуанвиля в Версале, о распространявшихся слухах относительно слияния линий Бурбонов и Орлеанов и о проектах возведения герцога Омальского на французский престол. — *511.*

[394] «Journal Officiel de la Commune de Paris» № 1, 30 марта 1871 года. — *512.*

[395] *Chouannerie* — мятеж шуанов; см. примечание 125. — *513.*

[396] *«Муниципалы»,* или муниципальная гвардия (с 1871 г. — республиканская гвардия) — военизированная пешая и конная полиция Парижа, сформированная в 1830 г. правительством Июльской монархии для борьбы с революционным движением; в 1871 г. составляла ударную силу контрреволюционной версальской армии.

Папские зуавы — см. примечание 114.

Шуаны — см. примечание 241. — *514.*

[397] В 1840 г. в результате заключенной Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Турцией Лондонской конвенции, предусматривавшей помощь турецкому султану против египетского паши Мухаммеда-Али (см. примечание 102), Франция, поддерживавшая Мухаммеда-Али, оказалась перед лицом внешнеполитической изоляции и перед угрозой образования антифранцузской коалиции европейских держав. Ценой отказа от поддержки Мухаммеда-Али, что означало крупное поражение французской политики на Ближнем Востоке, французское правительство добилось участия Франции в заключении Лондонской конвенции 1841 г. о закрытии в мирное время черноморских проливов для иностранных военных кораблей. Конвенция была подписана 13 июля 1841 г. представителями России, Англии, Франции, Австрии, Пруссии, с одной стороны, и Турции, с другой.

В третьем английском издании «Гражданской войны во Франции» Маркс в качестве примера дипломатического поражения Франции приводит первую из упомянутых Лондонских конвенций (конвенцию 1840 года). — *514.*

[398] *«La Situation»* («Ситуация») — ежедневная газета бонапартистского направления, выходила на французском языке в Лондоне с сентября 1870 по 2 августа 1871 года; находилась в оппозиции к правительствам национальной обороны и Тьера. — *516.*

[399] *Francs-fileurs* — см. примечание 239. — *519.*

[400] *Кобленцская эмиграция* — см. примечание 240. — *519.*

[401] *Венские трактаты* — договоры, заключенные в Вене в мае—июне 1815 г, между государствами — участниками наполеоновских войн в результате работ Венского конгресса (1814—1815). Венские договоры перекроили карту Европы в целях реставрации легитимных монархий вопреки интересам национального объединения и независимости народов.

Парижский договор — прелиминарный мирный договор между Францией и Германией, подписанный 26 февраля 1871 г. (см. примечание 211). — *520.*

[402] См. примечание 101. — *520.*

[403] Маркс имеет в виду половинчатые буржуазные реформы, которые были проведены в Пруссии в 1807—1811 гг. после разгрома ее в 1806 г. в войне с наполеоновской Францией, показавшего гнилость социально-политического строя феодально-крепостнического прусского государства, В результате этих реформ была отменена личная крепостная зависимость крестьян, но с сохранением всех феодальных повинностей, выкуп которых разрешался только с согласия помещиков; в Пруссии было введено ограниченное местное самоуправление, реорганизована армия и центральные государственные органы управления. — *520.*

[404] Героическая оборона Севастополя, взятие русскими войсками турецкой крепости Карса и неудачи союзников на Балтийском море дали возможность русской дипломатии на Парижском мирном конгрессе (февраль — март 1856 г.), используя противоречия между Англией, Австрией и Францией, добиться значительного смягчения условий мира, завершившего проигранную царской Россией Крымскую войну: были существенно ограничены размеры территориальных уступок Турции, за Россией сохранились ее владения на Кавказе и право иметь флот и крепости на Азовском море. Конгресс вынес решение о прекращении австрийской оккупации Молдавии и Валахии, что значительно затруднило экспансию Австрии на Балканах.

Говоря о реформах, проведенных царским правительством после поражения России в Крымской войне, Маркс имеет в виду: крестьянскую реформу 1861 г., реформы в области местного управления (земская реформа 1864 г. и реформа городского управления 1870 г.), введение новых судебных уставов в 1864 г. и реформу финансовой системы. Проведение этих реформ явилось шагом на пути превращения России в буржуазную монархию. — *521.*

[405] *«Великий неоплачиваемый»* («Great Unpaid») — ироническое выражение, употребляемое в Англии в отношении лиц, занимающих должности мировых судей и не получающих вознаграждения. — *525.*

[406] *«Le Mot d'Ordre»* («Пароль») — ежедневная газета левореспубликанского направления, выходила в Париже под редакцией А. Рошфора с 3 февраля 1871 года. 11 марта издание было приостановлено приказом губернатора Парижа Винуа, возобновилось при Парижской Коммуне 8 апреля и продолжалось до 20 мая 1871 года. Газета резко выступала против версальского правительства и монархического большинства Национального собрания, но не стала полностью на сторону Коммуны, выступив против мер, направленных на подавление контрреволюционных элементов в Париже. — *526.*

[407] Сообщения о результатах расследования комиссией Коммуны обстоятельств расстрела национальных гвардейцев были опубликованы 29 апреля 1871 г. в № 119 газеты «Journal Officiel de la Republique Francaise» и в № 65 газеты «Mot d'Ordre». Маркс цитирует изложение отчета комиссии, опубликованное в «Mot d'Ordre». — *526.*

[408] *«New-York Daily Tribune»* («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, издававшаяся с 1841 по 1924 год. Газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. С августа 1851 по март 1862 г. в газете сотрудничал Маркс. Большое число статей для нее было по просьбе Маркса написано Энгельсом. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную, прогрессивную в то время газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества. Во время Гражданской войны в Америке прекратилось сотрудничество Маркса в газете. Значительную роль в разрыве Маркса с «New-York Daily Tribune» сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельцами и отход газеты от прогрессивных позиций. В дальнейшем направление газеты становилось все более правым. — *526.*

[409] Заявление делегатов синдикальных палат Маркс цитирует по газете «Rappel» № 669 от 13 апреля 1871 года.

Лига республиканского союза прав Парижа — буржуазная организация, возникшая в Париже в начале апреля 1871 года. Лига пыталась содействовать прекращению гражданской войны, рассчитывая, что соглашение между Версалем и Парижем на основе признания республики и муниципальных вольностей Парижа приведет к ликвидации Коммуны мирным путем.

Манифестация франкмасонов — состоявшееся 29 апреля 1871 г. шествие парижских франкмасонов к городским укреплениям с целью добиться прекращения военных действий со стороны версальцев. 26 и 29 апреля Коммуна устроила встречу с франкмасонами в городской ратуше для привлечения симпатий республиканской мелкой и средней буржуазии, политические взгляды которой они выражали. На этих встречах франкмасоны, предложения которых о перемирии были отклонены Тьером, заявили о своей поддержке Коммуны. После встречи 29 апреля состоялось упомянутое шествие, в котором приняла участие делегация Коммуны. — *527.*

[410] Маркс цитирует решение Лиги республиканского союза прав Парижа, опубликованное в газете «Rappel» № 673, 17 апреля 1871 года. — *528.*

[411] Маркс имеет в виду *«Moniteur des communes»* («Вестник общин»), французскую правительственную газету, выходившую во время Парижской Коммуны в Версале в качестве вечернего приложения к «Journal Officiel» правительства Тьера. — *528.*

[412] Маркс имеет в виду французскую республиканскую газету *«La Defense republicaine»* («Республиканская оборона»), выходившую в Лиможе в 1871 году. — *528.*

[413] По-видимому, имеется в виду оценка результатов выборов в муниципальные советы 30 апреля 1871 г., данная в газете «Vengeur» от 6 мая 1871 года.

«Le Vengeur» («Мститель») — ежедневная левореспубликанская газета. Выходила в Париже с 3 февраля 1871 г.; 11 марта была закрыта по приказу губернатора Парижа Винуа. Издание возобновилось при Парижской Коммуне 30 марта и продолжалось до 24 мая 1871 года. Газета выступала в поддержку Коммуны, печатала ее официальные документы и отчеты о ее заседаниях. — *529.*

[414] Маркс имеет в виду «закон о подозрительных», принятый Законодательным корпусом 19 февраля 1858 года. Закон давал правительству и императору неограниченное право ссылать в различные местности Франции и Алжира или вообще изгонять с французской территория всех лил, подозреваемых во враждебном отношении к режиму Второй империи. — *529.*

[415] В адресе муниципального совета Лиона, переданном Национальному собранию депутатом Греппо, выдвигалось требование прекращения гражданской войны и примирения Версаля и Парижа. В адресе предлагалось также установить четкое разграничение функций между Собранием и Парижской Коммуной и ограничить деятельность Коммуны муниципальными вопросами. — *529.*

[416] Речь идет о муниципальных советах, выбранных в 1865 г. при империи в обстановке сильного давления со стороны властей. — *529.*

[417] *Союз городов* (полное название Патриотический союз республиканских городов) — организация, которую пытались основать буржуазные республиканцы в апреле — мае 1871 г., опасавшиеся реставрации монархии после подавления Парижской Коммуны. Временный комитет Союза при активном участии Лиги республиканского союза прав Парижа (см. примечание 409) назначил на 9 мая 1871 г. съезд представителей городских муниципалитетов в Бордо с целью содействия прекращению гражданской войны и упрочению республики, а также организационного оформления Союза. Версальское правительство запретило съезд Союза городов, а его временный комитет вскоре прекратил свою деятельность.

В газете «Rappel» от 6 мая 1871 г. была опубликована программа предполагавшегося съезда Союза городов. — *530.*

[418] «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 103, 13 апреля 1871 года. — *536.*

[419] Маркс цитирует отчет комиссии по выборам в Коммуну, опубликованный в «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 90, 31 марта 1871 года. — *536.*

[420] «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 95, 5 апреля 1871 года. — *537.*

[421] Под влиянием известий о седанской катастрофе и революции в Париже, приведшей 4 сентября 1870 г. к падению империи, произошли революционные выступления рабочих во многих городах Франции. В ряде из них — Лионе, Марселе, Тулузе — были созданы народные органы власти — коммуны. Провинциальные коммуны, несмотря на кратковременность своего существования, провели, особенно коммуна в Лионе, ряд важных революционных мероприятий (замену полицейского и чиновничьего аппарата, освобождение политических заключенных, введение светского образования, обложение налогом крупных собственников, безвозмездная выдача вещей из ломбардов по мелким закладным и т. д.). Правительство национальной обороны жестоко подавило местные коммуны. — *540.*

[422] 3 ноября 1870 г. правительство национальной обороны, пытаясь укрепить свое положение, непрочность которого показали революционные события 31 октября 1870 г., провело в Париже плебисцит с вопросом о поддержке правительства. Хотя значительная часть населения Парижа голосовала против политики правительства, ему удалось получить большинство голосов в результате давления на население, непрекращавшейся демагогической пропаганды, фактически существовавшего осадного положения и т. п. — *540.*

[423] Маркс цитирует воззвание Центрального комитета национальной гвардии к населению Парижа от 22 марта, выпущенное отдельной афишей и напечатанное в «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 84, 25 марта 1871 года. — *548.*

[424] В этой фразе Маркс передает содержание статьи, отражающей позицию Центрального комитета национальной гвардии в вопросе о выплате контрибуции; статья была напечатана в «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 83, 24 марта 1871 года. — *554.*

[425] См. примечание 233. — *554.*

[426] *Дополнительный налог в 45 сантимов* на каждый франк прямых налогов был установлен временным правительством Второй республики 16 марта 1848 года. Налог, вся тяжесть которого легла на крестьянство, вызвал среди него глубокое недовольство, использованное крупными землевладельцами и католическими священниками для агитации против демократов и рабочих Парижа и превращения крестьянства в резерв контрреволюции. — *555.*

[427] См. примечание 234. — *555.*

[428] Речь идет, по-видимому, о Республиканском союзе департаментов (см. примечание 231). — *558.*

[429] *«Concordats a l'amiable»* — см. примечание 229. —*558.*

[430] 20 июня 1789 г. в ответ на попытку правительства Людовика XVI сорвать очередное заседание Генеральных Штатов, провозгласивших себя Национальным собранием, депутаты третьего сословия, собравшись в зале для игры в мяч и Версале, дали клятву не расходиться

до тех пор, пока не будет выработана конституция. Клятва в зале для игры в мяч явилась одним из событий, послуживших прологом к французской буржуазной революции конца XVIII века. — *560.*

431 Имеется в виду парижское Общество пролетариев-позитивистов, включившее в свою программу ряд принципов в духе буржуазной философии О. Конта. В начале 1870 г. Генеральный Совет, учитывая рабочий состав общества, принял его в Интернационал на правах секции; в то же время программа общества была подвергнута резкой критике. — *560.*

432 *Фаланстеры* — дворцы, в которых, согласно представлениям французского социалиста-утописта Ш. Фурье, должны были жить и работать члены производственно-потребительских ассоциаций в идеальном социалистическом обществе.

Икария — фантастическая коммунистическая страна, изображенная в социальном и философском романе представителя утопического коммунизма Э. Кабе «Путешествие в Икарию». — *562.*

433 Маркс цитирует «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 80, 21 марта 1871 года. — *563.*

434 Маркс цитирует редакционную статью «Journal Officiel de la Republique Francaiise» № 91, 1 апреля 1871 года. — *566.*

435 Цитируется манифест Парижской Коммуны «К французскому народу» от 19 апреля 1871 г., опубликованный в «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 110, 20 апреля 1871 года. — *566.*

436 *Манифест к провинции* — см. примечание 435. — *570.*

437 См. примечание 435. — *570.*

438 *Ассоциация защитников республики* — буржуазно-демократическая организация, основанная в Париже в феврале 1871 года; ставила своей целью борьбу за республику. Ассоциация выступала в поддержку Коммуны и осуждала политику версальского правительства. Цитируемое решение Ассоциации было напечатано в «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 129, 9 мая 1871 года. — *571.*

439 Ch. Montesquieu. «De l'esprit des loix». Geneve, 1748. Tome second, p. 165 (Ш. Монтескьё. «О духе законов». Женева, 1748. Том второй, стр. 165). — *571.*

440 «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 79, 20 марта 1871 года. — *572.*

441 Ch. Montesquieu. «De l'esprit des loix». Geneve, 1748. Tome premier, p. 204— 206. — *574.*

442 *Конституция 1793 г.* — конституция Французской республики, принятая Конвентом в период революционной диктатуры якобинцев во время французской буржуазной революции, самая демократическая из буржуазных конституций XVIII и XIX веков, — *574.*

443 См. примечание 220. — *575.*

[444] Маркс приводит отрывки из воззвания Исполнительной комиссии Коммуны «К национальной гвардии Парижа» от 2 апреля 1871 г., напечатанного в «Journal Officiel de la Republique Francaise» № 93, 3 апреля и выпущенного отдельной афишей. — *577.*

[445] Заявление Мильера цитируется по газете «Vengeur» № 6 от 4 апреля 1871 года. — *577.*

[446] *Capitulards* — см. примечание 194. — *580.*

[447] «Vengeur» № 30, 28 апреля 1871 года. — *580.*

[448] *Societe generale* — см. примечание 197. — *581.*

[449] *Лондонская конвенция* — см. примечание 397. — *583.*

[450] *Расправа с республиканцами на улице Транснонен и сентябрьские законы* — см. примечание 200. — *583.*

[451] Имеется в виду вторжение во Францию в 1814 и 1815 гг. войск шестой и седьмой антифранцузских коалиций во главе с Англией, Австрией, Пруссией и Россией с целью ниспровержения режима империи Наполеона I и реставрации легитимной монархии Бурбонов. — *588.*

[452] *Decembriseur* — см. примечание 213. — *588.*

[453] *Коммуны в Лионе, Марселе, Тулузе* — см. примечание 421. — *596.*

[454] Речь идет о влиянии на развитие международной торговли открытия в середине XIX века новых месторождений золота в Калифорнии и Австралии. — *600.*

[455] Маркс иронически намекает на известное изречение, приписываемое французскому королю Людовику XIV и ставшее девизом абсолютизма: «Государство — это я». — *603.*

[456] См. примечание 409. — *607.*

[457] *Francs-fileurs* — см. примечание 239.

Кобленцская эмиграция — см. примечание 240. — *608.*

[458] Франкфуртский мирный договор, заключенный 10 мая 1871 г., определил окончательные условия мира между Францией и Германией, подтвердив уступку Германии Эльзаса и восточной Лотарингии, предусмотренную прелиминарным мирным договором от 26 февраля 1871 г. (см. примечание 211). Согласно Франкфуртскому договору были ухудшены условия выплаты Францией контрибуции и продлены сроки оккупации немецкими войсками французской территории, что явилось ценой помощи, оказанной Бисмарком версальскому правительству в подавлении Коммуны. Ограбив Францию, франкфуртский мир сделал неизбежным в будущем военное столкновение между Францией и Германией. — *608.*

[459] Имеется в виду, по-видимому, «Закон о муниципальной организация» 1831 г., который резко ограничивал права муниципалитетов, а также

«Закон о муниципальной организации» 1855 г., запрещавший муниципальным советам входить в сношения друг с другом.

О проекте созыва в Бордо собрания муниципальных делегатов см. примечание 417. — *609.*

[460] Речь Маркса о правительстве национальной обороны, произнесенная на заседании Генерального Совета 17 января 1871 г., была направлена против восхваления Оджером на митинге в Сент-Джемс-холле в Лондоне 10 января этого правительства и его министра иностранных дел Жюля Фавра; приезд последнего в Лондон ожидался в связи с предстоящей международной конференцией по вопросу о пересмотре статей Парижского договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря. Оджером была предложена резолюция, превозносившая правительство национальной обороны и противоречившая классовой оценке, которая была дана этому правительству во втором воззвании Генерального Совета о франко-прусской войне. В связи с критикой Марксом выступления Оджера Генеральный Совет обсудил вопрос о необходимости принципиального поведения членов Интернационала на митингах и собраниях.

Данная речь, как и другие выступления Маркса и Энгельса на заседаниях Генерального Совета, сохранилась в виде записи в протокольной книге Генерального Совета. Эти записи, которые за период, охватываемый настоящим томом, велись до мая 1871 г. И. Г. Эккариусом, а затем Дж. Хейлзом, носят конспективный и отрывочный характер и часто содержат серьезные неточности. Такими же недостатками отличались составленные но протоколам И. Г. Эккариусом газетные отчеты о заседаниях Генерального Совета, публиковавшиеся в газете «Eastern Post». Иногда эти отчеты более полны, чем протоколы (поэтому в отдельных случаях в данном издании изложение речей Маркса и Энгельса дается по отчетам). Протокольные записи, согласно существовавшему в Генеральном Совете правилу, утверждались на каждом последующем заседании Совета, причем по требованию Маркса и Энгельса в протоколах нередко отмечались их заявления о наличии в записях ошибок. — *619.*

[461] Имеется в виду организованная революционными клубами народная демонстрация в Париже 15 мая 1848 г., в которой приняло участие 150 тысяч человек, преимущественно рабочих. Демонстранты направились к Учредительному собранию, которое должно было в тот день обсуждать польский вопрос, проникли в зал заседания и потребовали оказания военной помощи Польше, борющейся за свою независимость, а также принятия решительных мер для борьбы с безработицей и нищетой. Ввиду отказа удовлетворить эти требования участники демонстрации провозгласили роспуск Учредительного собрания и образование революционного правительства. Демонстрация была разогнана войсками и буржуазными отрядами национальной гвардии. — *619.*

[462] Имеется в виду Комиссия исполнительной власти — правительство Французской республики, созданное Учредительным собранием 10 мая 1848 г. вместо сложившего свои полномочия временного правительства; существовала до 24 июня 1848 г., когда была установлена диктатура Кавеньяка. — *620.*

[463] Речь идет о реакционных законах о печати, принятых Учредительным собранием 9 и 11 августа 1848 года. Согласно этим законам, устанавли-

валась уплата органами печати крупного денежного залога, что обрекало прогрессивные и рабочие газеты и журналы на закрытие, а также предусматривались строгие наказания (тюремное заключение и штрафы) за выступления против правительства, существующего режима и частной собственности. Эти законы были выработаны на основе аналогичных законов, существовавших во время Реставрации и Июльской монархии. — *620.*

[464] *Римская экспедиция* — см. примечание 203. — *620.*

[465] Настоящая речь Энгельса является первой из ряда речей и сообщений Маркса и Энгельса о пролетарской революции в Париже 18 марта 1871 г., героической борьбе коммунаров и деятельности Парижской Коммуны, с которыми они регулярно выступали на заседаниях Генерального Совета. В начале речи, основанной на письмах, полученных из Парижа, Энгельс опровергает сообщения буржуазной печати, искажавшей подлинный характер событий 18 марта. Протокол заседания Генерального Совета с записью речи Энгельса был первоначально ошибочно помечен 14 марта, и затем рукой Маркса, просматривавшего его, дата была исправлена на 21 марта. — *621.*

[466] Энгельс имеет в виду крайне реакционное по своему составу Национальное собрание, избранное 8 февраля и открывшееся в Бордо 12 февраля 1871 г. (см. примечание 210). — *621.*

[467] В речах о республиканском движении в Англии Маркс и Энгельс подвели итог обсуждению этого вопроса на заседании Генерального Совета 28 марта в связи с отчетом делегации Совета в составе Хейлза, Уэстона, Юнга и Серрайе о посещении ею республиканских митингов. В отчете делегации указывалось, что произнесенная на митинге в Веллингтон-Мюзик-холле речь Серрайе была тепло встречена присутствующими, которые единогласно приняли резолюцию в поддержку парижских рабочих. В то же время делегация указывала, что митингом была принята крайне умеренная, не выходящая за рамки буржуазных республиканских требований резолюция, предложенная Оджером.

В прениях члены Генерального Совета подвергли критике позицию Оджера и других оппортунистических лидеров тред-юнионов, которые ограничивали программу республиканского движения лозунгом установления буржуазной республики. — *623.*

[468] Имеются в виду выборы в Коммуну, происходившие 26 марта 1871 года. После победы народного восстания в Париже с 18 по 28 марта 1871 г. у власти находился Центральный комитет национальной гвардии, передавший затем полномочия Коммуне. — *625.*

[469] Это крайне лаконично записанное в протоколе замечание Энгельса касается речи Фавра в Национальном собрании 10 апреля 1871 г., в которой Фавр пытался отвести от версальского правительства обвинение в том, что оно фактически заключило союз с Бисмарком для подавления Парижской Коммуны, лицемерно заявив, что правительство якобы отказалось от помощи, которую ему предлагал Бисмарк. Предательский сговор французской контрреволюционной буржуазии с внешним врагом ради подавления рабочего движения был разоблачен Марксом и Энгельсом в ряде их устных и печатных выступлений, в первую очередь в работе Маркса «Гражданская война во Франции» (см. настоящий том, стр. 358— 367). — *625.*

[470] Серрайе был избран в Коммуну на дополнительных выборах 16 апреля 1871 г. от 2-го округа Парижа; была выдвинута также кандидатура члена Генерального Совета Эжена Дюпона, но последний не баллотировался ввиду невозможности уехать из Англии в Париж; от 17 округа в Коммуну на этих выборах был избран Ж. М. А. Дюпон. — *626.*

[471] Согласно поручению Генерального Совета Марксом 26 апреля было написано письмо в Париж Л. Франкелю, в котором он разоблачал клевету, распространявшуюся о Серрайе французским мелкобуржуазным радикалом Ф. Пиа. — *626.*

[472] Речь идет о Постоянном комитете или Подкомитете Генерального Совета Интернационала, возникшем из комиссии, образованной еще в начале деятельности Международного Товарищества Рабочих в 1864 г. для разработки его программы и устава. В Постоянный коми-ют входили секретари-корреспонденты для различных стран, генеральный секретарь Генерального Совета и казначей. Постоянный комитет, который не был предусмотрен Уставом Международного Товарищества Рабочих, играл роль рабочего исполнительного органа; под руководством К. Маркса он осуществлял широкий круг обязанностей по повседневному руководству деятельностью Интернационала, подготовке документов Интернационала, которые затем представлялись на рассмотрение Генерального Совета. — *628.*

[473] См. примечания 417 и 459. — *628.*

[474] Речь Маркса на заседании Генерального Совета 23 мая 1871 г. открыла собой обсуждение вопроса о разоблачении версальского правительства и о протесте против жестокой расправы с коммунарами, которую готовил Тьер. Энгельс в своем выступлении по этому вопросу (в протоколе сохранилась лишь чрезвычайно краткая запись этого выступления) отметил вероломство Тьера, лживо обещавшего в свое время пощаду участникам Парижской Коммуны. На этом же заседании Генеральный Совет принял решение образовать комиссию для выяснения, какие меры могут быть приняты в Англии в целях прекращения варварских действий версальского правительства. — *629.*

[475] *Фенианское братство* — Ирландское революционное братство — тайная организация, возникшая с конца 50-х годов среди ирландских эмигрантов в Америке, а затем и в самой Ирландии. Участники этой организации вели борьбу за независимость Ирландии и основание Ирландской республики. Отражая объективно интересы ирландского крестьянства, фении по своему социальному составу принадлежали преимущественно к городской мелкой буржуазии и разночинной интеллигенции. Маркс и Энгельс, неоднократно подчеркивавшие слабые стороны фенианского движения и критиковавшие фениев за их заговорщическую тактику, сектантские и буржуазно-националистические ошибки, тем не менее высоко ценили революционный характер этого движения и стремились направить его на путь массовых выступлений и совместных действий с английским рабочим классом.

Карбонарии — члены тайного заговорщического общества, действовавшего в Италии в первой трети и во Франции в 20-х годах XIX века.

Марианна — название тайного республиканского общества во Франции, возникшего в 1850 году; в период Второй империи общество ставило своей целью борьбу против Наполеона III. — *631.*

[476] *«The Contemporary Review»* («Современное обозрение») — ежемесячный английский журнал буржуазно-либерального направления, выходит в Лондоне с 1866 года. Упомянутая Марксом статья Мадзини была напечатана в июньском номере журнала за 1871 год. — *631.*

[477] Интервью с Марксом было записано лондонским корреспондентом нью-йоркской газеты «The World» Р. Ландором и опубликовано в этой газете 18 июля 1871 г., а также перепечатано в еженедельнике «Woodhull and Claf'lin's Weekly» № 13/65 от 12 августа 1871 года. Начало и последний абзац газетного отчета, где дается описание обстоятельств беседы и собственные рассуждения корреспондента, опущены. В конце статьи Ландор отмечает, что он записал содержание беседы по памяти. — *633.*

[478] Имеется в виду своеобразный англо-немецкий диалект, на котором написаны юмористические «Баллады Ганса Брайтмана» американского писателя-юмориста Чарлза Годфри Лиланда (1824—1903). — *633.*

[479] В записи корреспондента газеты «World» здесь, по-видимому, неточность. Весной 1871 г. в Барселоне происходила стачка не сигарочников, а текстильщиков. Стачка сигарочников в 1871 г. происходила в Антверпене и других городах Бельгии (см. примечание 181). — *636.*

[480] Перед тем, как взял слово Энгельс, Маркс сделал на заседании Генерального Совета сообщение о выступлении против Интернационала римского папы Пия IX. — *638.*

[481] Энгельс имеет в виду так называемый «принцип национальностей», выдвинутый правящими кругами Второй империи и широко использованный ими в качестве идеологического прикрытия завоевательных планов и внешнеполитических авантюр. Выставляя себя в фальшивой роли «защитника национальностей», Наполеон III спекулировал на национальных интересах угнетенных народов с целью укрепления гегемонии Франции и расширения ее границ, Не имея ничего общего с признанием права наций на самоопределение, «принцип национальностей» был направлен на разжигание национальной розни, на превращение национального движения, особенно движения малых народов, в орудие контрреволюционной политики соперничающих между собой крупных государств. Разоблачение бонапартистского «принципа национальностей» см. в памфлете К. Маркса «Господин Фогт» (настоящее издание, т. 14, стр. 502—551) и в работе Ф. Энгельса «Какое дело рабочему классу до Польши» (настоящее издание, т. 16, стр. 156—166). — *629.*

[482] Приняв предложение Ф. Энгельса о созыве Лондонской конференции, Генеральный Совет 25 июля 1871 г. поручил Постоянному комитету Совета разработать программу конференции; на этом же заседании было решено передать на рассмотрение конференции вопрос о раскольнической деятельности бакунистского Альянса социалистической демократии в Романской Швейцарии (см. примечание 292). — *640.*

[483] Речь Маркса против одного из оппортунистических лидеров английских тред-юнионов Оджера была произнесена в связи с окончательным переходом Оджера на позиции буржуазии, его открытым отказом от принципов Интернационала и клеветой на Генеральный

Совет и Парижскую Коммуну в прессе и в прочитанных им лекциях. — *641.*

[484] *Лига земли и труда* была основана в Лондоне при участии Генерального Совета в октябре 1869 года. В исполнительный комитет Лиги вошло более 10 членов Генерального Совета. В программу, составленную Эккариусом в соответствии с указаниями Маркса (см. настоящее издание, т. 16, стр. 598—603), наряду с отдельными общедемократическими требованиями (реформа финансовой и налоговой системы, народного образования и т. п.) были включены требования национализации земли, сокращения рабочего дня, а также чартистские требования всеобщего избирательного права и создания сельскохозяйственных колоний. Считая, что Лига может сыграть роль в революционизировании английского рабочего класса, Маркс видел в ней один из путей к образованию самостоятельной пролетарской партии в Англии. Однако уже к осени 1870 г. в Лиге усилилось влияние буржуазных элементов, и она постепенно потеряла связь с Интернационалом. — *641.*

[485] Решение об упразднении должности председателя Генерального Совета, принятое на заседании Генерального Совета 24 сентября 1867 г., было подтверждено Базельским конгрессом Интернационала (сентябрь 1869 г.). — *642.*

[486] Запись данной речи Маркса, как и других речей на Лондонской конференции, содержится в *протоколах* заседаний конференции, которые велись ее секретарями Мартеном и Роша на французском языке; протокольные записи на английском языке, сделанные Хейлзом, до нас не дошли. Помимо обработанных Мартеном и Роша протоколов (дошли до нас либо в записи одного из них, либо в двух вариантах, принадлежащих как тому, так и другому) сохранились также черновые записи каждого из них. Для публикуемых в приложениях к настоящему тому записей речей за основу был взят текст обработанного протокола. — *643.*

[487] Маркс имеет в виду происходивший с 1 июля 1871 г. в Петербурге судебный процесс участников нечаевской организации (см. примечание 330). — *643.*

[488] Маркс выступил с речами о тред-юнионах в развернувшихся на конференции прениях по проекту резолюции, внесенному на пятом заседании Лондонской конференции 20 сентября 1871 г. Делаэ; в этом проекте содержалось предложение образовать международную федерацию профсоюзов с целью «административной децентрализации» и создания «подлинной Коммуны будущего»; утопические предложения Делаэ, предвосхитившие идеи анархо-синдикализма и ведущие к отрицанию роли пролетарского государства и политической партии пролетариата, были подвергнуты критике Марксом, который в своей речи отметил также кастовую замкнутость существующих английских тред-юнионов, отрыв их от широких народных масс и отказ от политической борьбы. В то же время Маркс подчеркнул важность борьбы Интернационала за вовлечение тред-юнионов в политическую деятельность, за перевоспитание их членов в революционно-пролетарском в интернационалистском духе. Конференция, отвергнув проект Делаэ, приняла резолюцию, призывающую к укреплению международных связей профсоюзов на основе действительных задач, стоящих перед рабочим движением (см. настоящий том, стр. 425). — *644.*

[489] Речь идет о резолюции Базельского конгресса о профессиональных союзах, в одном из пунктов которой Генеральному Совету поручалось осуществить международное объединение профессиональных союзов (см. «Report of the Fourth Annual Congress of the International Working Men's Association, held at Basle, in Switzerland. From the 6th to the 11th September, 1869». London, [1869], p. 30). — *644.*

[490] Выступив в прениях по вопросу о международных связях профсоюзов, делегат от Бельгии Стеенс высказал опасение, что национальные профессиональные общества могут быть, в случае осуществления их международного объединения, поглощены английскими тред-юнионами. — *644.*

[491] Имеется в виду чартизм — политическое движение рабочих Великобритании в 30 — середине 50-х годов XIX века под лозунгом борьбы за проведение Народной хартии, содержавшей требование всеобщего избирательного права и ряда условий, обеспечивающих это право для рабочих. По определению В. И. Ленина, чартизм представлял собой «первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 29, стр. 282). Упадок чартистского движения был связан с укреплением промышленной и торговой монополии Англии и подкупом английской буржуазией за счет сверхприбылей верхушки английского рабочего класса («рабочей аристократии»), что привело к росту среди него оппортунистических тенденций, нашедших, в частности, выражение в отказе лидеров тред-юнионов от поддержки чартизма. — 645.

[492] Речь идет об исполнительном комитете английской Лиги реформы. Весной 1865 г. в Лондоне по инициативе и при ближайшем участии Генерального Совета Интернационала в качестве политического центра для руководства массовым движением рабочих за вторую избирательную реформу была основана Лига реформы. В состав руководящих органов Лиги — совета и исполнительного комитета — входили члены Генерального Совета, преимущественно лидеры английских тред-юнионов. Под влиянием Маркса, который добивался осуществления самостоятельной политики английского рабочего класса, Лига реформы, в противоположность требованию буржуазии о распространении избирательного права только на владельцев и съемщиков отдельных жилых домов, выставила требование всеобщего избирательного права для всего взрослого мужского населения страны. Этот лозунг нашел широкий отклик в рядах английского рабочего класса и обеспечил Лиге поддержку политически индифферентных до этого времени тред-юнионов. Однако в результате колебаний входивших в руководство Лиги реформы буржуазных радикалов, а также соглашательства оппортунистических лидеров тред-юнионов, Лига не смогла провести линию, намеченную Генеральным Советом; английской буржуазии удалось расколоть движение, и в 1867 г. была проведена куцая реформа, которая предоставляла избирательные права только мелкой буржуазии и верхушке рабочего класса. — *645.*

[493] Об обсуждении на Лондонской конференции Интернационала вопроса о политическом действии рабочего класса см. примечания 298 и 309. — *646.*

[494] Маркс имеет в виду текст Устава Интернационала, изданный в Лондоне в 1867 г., а также текст Временного Устава, изданный в Лондоне в 1864 г. вместе с Учредительным Манифестом (см. примечание 338). — *646.*

[495] См. примечание 336. — *646.*

[496] Маркс имеет в виду проникновение в Центральный комитет национальной гвардии в Париже, имевший довольно пестрый состав (в него входили бланкисты, неоякобинцы, прудонисты и т. д.), сомнительных элементов и предателей. Наличие подобных людей в составе Центрального комитета, выполнявшего функции революционного правительства с 18 марта до провозглашения Коммуны 28 марта 1871 г., отсутствие политического единства в его рядах было одной из главных причин серьезных ошибок, которые допустил Комитет в своей деятельности (отказ от немедленного наступления на Версаль и т. д., см. настоящий том, стр. 573). Эти ошибки явились также результатом вредной прудонистской доктрины воздержания от политики, которой следовали до событий 18 марта многие представители Парижской федерации Интернационала и которую они не смогли целиком преодолеть в период деятельности в Центральном комитете национальной гвардии и Парижской Коммуне. — *646.*

[497] Речь идет о происходившем 7—10 августа 1871 г. съезде американского Национального рабочего союза (о нем см. примечание 165). — *646.*

[498] Имеется в виду предложение Утина поручить Генеральному Совету составление резолюции «О политическом действии рабочего класса» с учетом внесенного при обсуждении этого вопроса на конференции предложения Вайяна и поправок к нему, сделанных Серрайе и Франкелем. Предложение Утина было принято конференцией. — *649.*

[499] Речь Маркса о положении Международного Товарищества Рабочих в Германии и Англии представляет собой его краткий отчет как секретаря-корреспондента Генерального Совета для Германии и была произнесена наряду с отчетами других секретарей-корреспондентов и делегатов от различных стран. Часть речи, посвященная Англии, являлась дополнением к его речам о тред-юнионах (см. настоящий том, стр. 644—645). — *650.*

[500] *Дрезденский съезд* немецкой Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев) происходил 12—15 августа 1871 года. На съезде были приняты решения о борьбе за сокращение рабочего дня, о требовании подлинного всеобщего избирательного права и другие. Свое отношение к Интернационалу съезд выразил в резолюции о партийном органе — газете «Volksstaat», признав правильной- ее линию в политических и социальных вопросах. Резолюция с особым одобрением отмечала «поддерживаемую «Volksstaat» идейную связь между немецкой социал-демократией и Международным Товариществом Рабочих». Этой резолюцией съезд фактически подтвердил решение о присоединении к Интернационалу, принятое в сентябре 1868 г. на съезде в Нюрнберге руководимым Бебелем Союзом немецких рабочих обществ, который в 1869 г. в Эйзенахе оформился в Социал-демократическую рабочую партию. — *650.*

[501] Письмо дочери Маркса Женни было послано издательницам «Woodhull and Claflin's Weekly» К. Марксом и опубликовано в журнале вместе с его сопроводительным письмом (см, настоящий том, стр. 436). — *653.*

[502] Намек на христианскую легенду о том, как апостолы чудесным образом получили возможность говорить на не известных им языках. — *662.*

[503] *Petroleuses* (керосинщицы) — прозвище, данное реакционной прессой парижским женщинам-работницам, лживо обвинявшимся версальскими судами в поджогах зданий Парижа во время боев на улицах города в мае 1871 года. — *663.*

[504] Резолюция о Центральном комитете секций Международного Товарищества Рабочих в Соединенных Штатах Америки была составлена Постоянным комитетом (см. примечание 472) при участии К. Маркса и принята Генеральным Советом 5 ноября 1871 года.

В декабре 1870 г. в Нью-Йорке из представителей нескольких секций был образован Центральный комитет в качестве руководящего органа Интернационала в Соединенных Штатах с полномочиями на один год. Присоединившиеся к этим секциям в июле 1871 г. секции № 9 и № 12 во главе с буржуазными феминистками В. Вудхалл и Т. Клафлин развернули от имени Интернационала агитацию за буржуазные реформы. Противопоставляя себя «иностранным секциям» (немецким, французским, ирландским), особенно руководимой Ф. А. Зорге немецкой секции № 1 Нью-Йорка, сторонники Вудхалл и Клафлин пытались подчинить организации Интернационала в США своему влиянию. 27 сентября 1871 г. втайне от нью-йоркского Центрального комитета секция № 12 обратилась в Генеральный Совет с требованием признать ее руководящей секцией Интернационала в Америке, одновременно ведя в печати кампанию против тех секций Товарищества, которые отстаивали пролетарский характер организации.

В своей резолюции от 5 ноября 1871 г. Генеральный Совет отверг притязания секции № 12 и подтвердил полномочия нью-йоркского Центрального комитета. Однако и после этого секция № 12 не прекратила своих нападок на Центральный комитет, пытаясь истолковать резолюцию Генерального Совета как поддержку своих требований.

Деятельность сторонников секции *№.* 12 привела к усилению мелкобуржуазных элементов в организациях Интернационала в США, что вызвало раскол между пролетарскими и мелкобуржуазными секциями и образование в декабре 1871 г. двух федеральных советов. Генеральный Совет решительно поддержал пролетарское крыло Североамериканской федерации и в марте 1872 г. исключил секцию № 12 из Интернационала.

Резолюция Генерального Совета от 5 ноября 1871 г, сохранилась в записи И. Г. Эккариуса, с поправкой К. Маркса. Резолюция была опубликована на французском языке в органе французских республиканских обществ (с декабря 1871 г. орган французских секций Интернационала в Америке) «Le Socialiste» («Социалист»), 25 ноября 1871 г., на английском языке с искажающими смысл резолюции комментариями в еженедельнике «Woodhull and Claflin's Weekly», 2 декабря 1871 года. Позднее она была приведена в книге: «Briefe und Auszuge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere», Stuttgart, 1906, S. 36 («Письма и отрывки из писем Иог. Фил. Беккера, Иос. Дицгена, Фридриха Энгельса, Карла Маркса и других к Ф. А. Зорге и другим», Штутгарт, 1906, стр. 36). — *664.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(июль 1870—февраль 1872)

1870

19 июля — Маркс принимает участие в заседании Генерального Совета Интернационала. Он сообщает о положении во Франции в связи с началом франко-прусской войны. Генеральный Совет поручает Марксу написать воззвание об отношении Интернационала к этой войне.

Между 19 и 23 июля — Маркс пишет первое воззвание Генерального Совета о франко-прусской войне.

20 июля — Маркс в письме к Энгельсу сообщает о возможности опубликования обзоров военных действий в лондонской ежедневной буржуазной «The Pall Mall Gazette» («Газете Пэл-Мэл»); информирует Энгельса о борьбе Генерального Совета против бакунистов.

22 июля — Энгельс в письме к Марксу анализирует соотношение сил воюющих сторон и приходит к выводу о неизбежном поражении бонапартистской Франции во франко-прусской войне. Энгельс выражает согласие писать для «Pall Mall Gazette» статьи о войне.

26 июля — Маркс зачитывает Генеральному Совету написанное им воззвание о франко-прусской войне. Одобрив воззвание, Генеральный Совет принимает решение опубликовать его в количестве 1000 экземпляров на английском языке и перевести на другие языки. Воззвание публикуется в виде листовок на английском, французском и немецком языках, а также в органах Интернационала и других газетах.

Маркс в письме к немецкому демократу, эмигранту в Лондоне Е. Освальду, обратившемуся к нему с просьбой подписать воззвание с протестом против войны, подчеркивает, что только рабочий класс представляет собой действительную силу, способную оказать сопро-

тивление дипломатии господствующих классов и проявлению национальных антагонизмов.

Около 27 июля 1870 — середина февраля 1871

Энгельс по договоренности с редакцией «Pall Mall Gazette» пишет серию из 59 статей о франко-прусской войне, которая печатается в газете с 29 июля 1870 по 18 февраля 1871 года. В этих статьях Энгельс прослеживает ход военных действий, высказывает ряд глубоких прогнозов, предугадывая во многих случаях развитие важнейших событий войны. Большая часть статей публикуется в газете под названием «Заметки о войне».

28 июля

Маркс в письме к Полю и Лауре Лафарг, анализируя политическое положение во Франции и Германии, отмечает, что борьба классов в обоих странах достигла такого развития, что никакая война не сможет на длительное время повернуть вспять колесо истории. Он указывает, что поражение Второй империи в войне может вызвать революцию во Франции.

29 июля

Маркс посылает В. Либкнехту текст первого воззвания Генерального Совета о франко-прусской войне для публикации в органе немецкой Социал-демократической рабочей партии, газете «Der Volksstaat» («Народное государство»); он сообщает также об одобрении Генеральным Советом выступления В. Либкнехта и А. Бебеля в рейхстаге против политики правящих кругов Пруссии, способствовавшей развязыванию войны.

2 августа

Маркс предлагает на заседании Генерального Совета, — в противовес инспирированному М. А. Бакуниным предложению представителей бельгийских секций созвать очередной конгресс Интернационала 5 сентября в Амстердаме, — отсрочить созыв конгресса ввиду начавшейся войны. Генеральный Совет принимает предложение Маркса и решает запросить секции относительно предоставления Генеральному Совету полномочий созвать конгресс, когда он сочтет это целесообразным. Ввиду быстрого распространения первого воззвания о франко-прусской войне, Генеральный Совет постановляет отпечатать дополнительно 1000 экземпляров этого воззвания.

Маркс в письме к Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии в Брауншвейг излагает причины, по которым необходимо отсрочить конгресс Интернационала, и просит поддержать это предложение Генерального Совета. С аналогичной просьбой Маркс обращается к руководителю немецких секций в Швейцарии И. Ф. Беккеру. Он также просит его сообщить точные сведения об интригах бакунистского Альянса в Швейцарии и посылает Комитету Русской секции сведения о деятельности Бакунина в 1848—1849 гг., необходимые для написания брошюры против Бакунина.

Маркс обращается через Беккера к членам Русской секции с просьбой прислать ему только что вышедший в Женеве IV том Сочинений Н. Г. Чернышевского. По получении книги Маркс читает работу Чернышевского «Очерки из политической экономии (по Миллю)».

6 августа Маркс в письме к секретарю-корреспонденту для Швейцарии Г. Юнгу посылает копии резолюций Генерального Совета об Альянсе социалистической демократии, принятых 9 марта 1869 г., для отправки их секретарю Романского федерального совета А. Перре с целью публикации их в Женеве.

9—31 августа Маркс в связи с плохим состоянием здоровья отдыхает вместе с семьей в Рамсгете, продолжая в то же время заниматься делами Интернационала.

10 августа Энгельс в письме к Марксу выражает уверенность в скором падении Второй империи и сообщает последние сведения о военных событиях.

12 августа Маркс редактирует немецкий перевод первого воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне, который отсылается секретарем Генерального Совета И. Г. Эккариусом в Женеву И. Ф. Беккеру и публикуется в августовском номере органа немецких секций Интернационала в Швейцарии, журнале «Der Vorbote» («Предвестник»).

Маркс пересылает в Лондон Юнгу для представления в Генеральный Совет полученные им от немецкой секции из Женевы и от Комитета немецкой Социал-демократической рабочей партии из Брауншвейга постановления с предложением об отсрочке конгресса Интернационала.

15 и 17 августа Маркс и Энгельс в письмах друг к другу обмениваются мнениями о тактике пролетариата Германии в связи с франко-прусской войной, подчеркивая необходимость постоянно бороться за единство интересов немецких и французских рабочих.

20—22 августа Маркс находится в Лондоне на консультации у врача.

Между 22 и 30 августа Маркс заезжает на короткое время в Манчестер к Энгельсу; они составляют письмо Комитету немецкой Социал-демократической рабочей партии, в котором, характеризуя завершающийся первый этап франко-прусской войны, отмечают опасность превращения ее в захватническую войну со стороны Германии. Указывая на тяжелые последствия завоевательной политики для будущего мира в Европе, Маркс и Энгельс обосновывают интернациональные задачи немецкого пролетариата как передового борца против политики аннексий и контрибуций. Комитет Социал-демократической рабо-

чей партии использует письмо Маркса и Энгельса и воспроизводит выдержки из него в своем манифесте к немецким рабочим, опубликованном в виде отдельной листовки 5 сентября, а также в газете «Volksstaat» 11 сентября.

25 августа Энгельс пишет статью XII из серии «Заметки о войне», в которой, рассматривая отступление войск Мак-Магона из Реймса, предсказывает седанскую катастрофу. Статья публикуется в «Pall Mall Gazette» 26 августа.

21 августа Маркс возвращается из Рамсгета в Лондон.

1 сентября Маркс как секретарь-корреспондент Генерального Совета для немецких секций в Америке пишет письмо Ф. А. Зорге, руководителю секции Интернационала в Хобокене; излагая в письме свой взгляд на последствия франко-прусской войны, он приходит к выводу о неизбежности будущего конфликта между Россией и Пруссией, который ускорит социальную революцию в России.

4 сентября Энгельс в письме к Марксу высказывается по поводу событий в Париже после поражения французской армии при Седане и рассматривает ход военных действий, приведших к седанской катастрофе.

5 сентября Маркс получает из Парижа телеграмму от члена Интернационала Ш. Лонге о свержении Второй империи во Франции и провозглашении республики.

5—10 сентября Маркс руководит деятельностью Генерального Совета по организации движения английских рабочих в защиту Французской республики, за признание ее английским правительством.

6 сентября Маркс сообщает Энгельсу о своем намерении написать второе воззвание Интернационала о франко-прусской войне и разоблачить в нем захватнические притязания прусского юнкерства и немецкой буржуазии на Эльзас и Лотарингию; он просит Энгельса сообщить ему необходимые для этой цели военно-стратегические данные.

Получив письмо от Парижского федерального совета Интернационала с просьбой к Генеральному Совету выпустить новый манифест о войне, обращенный специально к немцам, Маркс в ответном письме характеризует политическую и военную обстановку и разъясняет задачи, стоящие перед секциями Интернационала во Франции в данный момент.

Маркс встречается с О. Серрайе перед его отъездом в качестве представителя Генерального Совета в Париж. Он обсуждает с ним вопросы, связанные с оказанием

помощи парижским секциям Интернационала в определении правильной позиции.

Маркс на заседании Генерального Совета принимает участие в обсуждении вопроса о подготовке второго воззвания о франко-прусской войне. В своем выступлении Маркс разоблачает аннексионистские планы прусского правительства и немецкой буржуазии и определяет задачи рабочего класса и Интернационала в условиях начавшегося нового этапа франко-прусской войны. Генеральный Совет поручает Марксу, Юнгу, Милнеру и Серрайе написать второе воззвание Интернационала о франко-прусской войне. Маркс поддерживает предложение Серрайе избрать в члены Генерального Совета русского революционера Г. А. Лопатина.

Между 6 и 9 сентября Маркс работает над вторым воззванием Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. Он использует в нем присланный Энгельсом материал об Эльзасе и Лотарингии.

7 сентября Энгельс встречается в Манчестере с членом Генерального Совета Э. Дюпоном и обсуждает с ним вопросы о положении во Франции и о создании рабочей партии как насущной задаче французского пролетариата.

Энгельс в письме к Марксу останавливается на положении во Франции. Он критикует шовинизм, проявленный некоторыми деятелями французского рабочего движения; вскрывает происки монархических элементов и планы орлеанистской реставрации; предсказывает скорую капитуляцию буржуазного правительства национальной обороны.

9 сентября Маркс зачитывает на чрезвычайном заседании Генерального Совета написанное им второе воззвание о франко-прусской войне. Принятое Генеральным Советом второе воззвание издается на английском языке в количестве 1000 экземпляров.

12 сентября Маркс в письме к английскому политическому деятелю, буржуазному радикалу Э. С. Бизли просит его содействовать движению за признание английским правительством Французской республики.

Энгельс в письме к Марксу высказывается по поводу тактики французского пролетариата в случае заключения мира с Пруссией.

13 сентября Маркс присутствует на рабочем митинге в Лондоне в защиту Французской республики.

13 и 14 сентября Маркс и Энгельс в письмах Друг к Другу обмениваются мнениями по поводу полученного ими известия об аресте Комитета немецкой Социал-демократической рабочей партии.

Около 14 сентября — Маркс переводит на немецкий язык второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне; перевод публикуется в немецких органах Интернационала.

14 сентября — Маркс посылает заметку об аресте членов Комитета Социал-демократической рабочей партии в ряд английских газет; заметка, разоблачающая прусские власти, публикуется в «Pall Mall Gazette» 15 сентября. Маркс пишет подробные инструкции членам Интернационала в Бельгии, Швейцарии и Соединенных Штатах Америки о тактике рабочих в борьбе за признание Французской республики, а также посылает текст второго воззвания Генерального Совета о франко-прусской войне своим сторонникам в различных странах.

16 сентября — Энгельс пишет статью «Как вести борьбу с пруссаками» из серии «Заметок о войне», в которой разбирает вопрос о реорганизации французской военной системы для обороны страны. Статья публикуется в «Pall Mall Gazette» 17 сентября.

Чтобы преодолеть замалчивание буржуазной печатью второго воззвания, Маркс в письме к Бизли просит его написать для буржуазно-либерального журнала «The Fortnightly Review» («Двухнедельное обозрение») статью об Интернационале, о воззваниях Генерального Совета по поводу франко-прусской войны и об отношении английской прессы ко второму воззванию. Маркс обещает позаботиться о помещении статьи Бизли в органах Интернационала в различных странах Европы и Соединенных Штатов Америки.

20 сентября — Энгельс, окончательно уладив все дела, связанные с прекращением работы в торговой фирме, переезжает из Манчестера в Лондон и поселяется недалеко от Маркса.

Маркс выдвигает кандидатуру Энгельса в состав членов Генерального Совета; Маркс сообщает Генеральному Совету об аресте в Германии Комитета Социал-демократической рабочей партии.

27 сентября — Маркс докладывает на заседании Генерального Совета о репрессиях в Саксонии против рабочих.

Октябрь — Маркс получает от редактора прогрессивного научно-популярного русского журнала «Знание» А. А. Слепцова предложение писать для журнала статьи по политической экономии.

4 октября — Энгельс единогласно избирается членом Генерального Совета.

11 октября — Энгельс впервые присутствует на заседании Генерального Совета. Маркс делает сообщение о восстании в Лионе, закончившемся неудачей в результате путчистской тактики руководителей — бакунистов.

Около 15 октября — Работа Энгельса «Крестьянская война в Германии» с написанным им для нового издания предисловием выходит в свет отдельной брошюрой в издании газеты «Volksstaat».

Вторая половина октября — начало декабря — Энгельс изучает книгу немецкого военного историка Г. Г. Пертца «Жизнь фельдмаршала графа Нейтхардта фон Гнейзенау», материалы которой использует в своих «Заметках о войне» для обоснования закономерности такой формы народного сопротивления иноземным захватчикам, как партизанская война.

18 октября — По предложению Маркса Генеральный Совет принимает резолюцию, осуждающую замалчивание Бельгийским федеральным советом, в составе которого было много бакунистов, официальных документов Генерального Совета и в частности второго воззвания Генерального Совета о франко-прусской войне.

25 октября — На заседании Генерального Совета Маркс делает сообщение о пропаганде Лафаргом в Бордо идей Интернационала.

1 ноября — Маркс на заседании Генерального Совета оглашает письма и документы, в которых характеризуется состояние рабочего движения в Америке, и отмечает, что в связи с усилением антагонизма между рабочими и капиталистами в Соединенных Штатах Америки существуют широкие возможности для пропаганды принципов Интернационала; Маркс сообщает также о воззвании немецких и французских секций Интернационала в Нью-Йорке по поводу франко-прусской войны.

Около 10 ноября — Энгельс пишет статью «Борьба во Франции» из серии «Заметок о войне», в которой клеймит прусское командование за жестокие расправы, чинимые над французскими франтирерами. Статья публикуется в «Pall Mall Gazette» 11 ноября.

17 ноября — Маркс, в связи с обвинением руководителей Социал-демократической рабочей партии в государственной измене, по просьбе немецкого социал-демократа В. Бракке дает. свидетельские показания перед лорд-мэром Лондона о том, что эта партия как организация формально не входила в Интернационал в качестве его секции и что ее члены принимались в Международное Товарищество Рабочих в индивидуальном порядке. Показания Маркса предназначались для защиты на судебном процессе членов Комитета партии.

29 ноября — Маркс на заседании Генерального Совета сообщает об установлении связей с Советом тред-юнионов в Манчестере и Солфорде, а также о предстоящем суде над членами Комитета Социал-демократической рабочей

партии и о выступлениях немецких рабочих против продолжения войны.

Декабрь Маркс посылает Зорге в Хобокен изданные в разное время документы Генерального Совета.

13 декабря Маркс сообщает Генеральному Совету об образовании секции Интернационала в Гааге.

Около 18 декабря Маркс обращается к членам Интернационала в Голландии и Фландрии с просьбой посылать местные газеты Товарищества для Генерального Совета. Краткое объявление об этом публикуется в органе бельгийских секций, газете «L'Internationale» («Интернационал») 18 декабря.

19 декабря Энгельс в письме к жене Либкнехта, только что арестованного вместе с Бебелем за выступление в рейхстаге против военных кредитов, отмечает высокую пролетарскую сознательность немецких рабочих и их вождей во время войны. Одновременно Энгельс пересылает для семей Либкнехта, Бебеля и других арестованных немецких социал-демократов денежные суммы, собранные английскими и немецкими рабочими в Англии.

23 декабря Энгельс по поручению Генерального Совета пишет приветственное обращение VI съезду бельгийских секций Международного Товарищества Рабочих. Обращение публикуется в газете «Internationale» 1 января 1871 года.

Вторая половина декабря 1870 — середина марта 1871 Маркс неоднократно встречается с русской революционеркой Е. Л. Томановской, командированной в Лондон Комитетом Русской секции Интернационала в Женеве для информации Маркса, а также для получения указаний по вопросу о дальнейшей деятельности Русской секции. При встречах Маркс обсуждает с ней вопросы, связанные с развитием крестьянской общины в России. Между семьей Маркса и Томановской устанавливаются дружеские отношения.

Конец декабря Маркс получает из Петербурга письмо от Лопатина, уехавшего в Россию с целью организовать побег Чернышевского из сибирской ссылки; Лопатин информирует Маркса о своих планах поездки в Сибирь, сообщает о конфискации в России журнала «Архив судебной медицины» со статьей, в которой неоднократно цитировался «Капитал», а также о положении с изданием I тома «Капитала» в России.

Конец декабря 1870 — начало января 1871 Маркс читает произведения Чернышевского об общинном землевладении в России.

1871

Январь — Маркс получает от депутата Северогерманского рейхстага И. Микеля сведения о затруднениях, с которыми прусская армия встречается во Франции; через Энгельса он пересылает их Лафаргу в Бордо, рассчитывая на то, что они могут быть использованы в интересах развертывания народного сопротивления прусской агрессии.

Первая половина января — Маркс и Энгельс организуют через Генеральный Совет финансовую помощь семьям заключенных немецких социал-демократов.

7 *января* — Маркс получает от Томановской письмо, содержащее некоторые факты об аграрной политике царского правительства, а также газету «Народное дело», орган Русской секции Интернационала, со статьей о крестьянской реформе и общинном землевладении в России.

16 января — Маркс направляет в лондонскую либеральную газету «The Daily News» («Ежедневные новости») статью «О свободе печати и слова в Германии», в которой разоблачает бисмарковский полицейский режим и приводит факты о преследованиях социал-демократов, выступивших с требованием подписания почетного мира с Французской республикой. Статья публикуется в газете 19 января.

17 января — Маркс на заседании Генерального Совета выступает с речью, в которой подвергает критике одного из лидеров английских тред-юнионов, члена Генерального Совета Дж. Оджера за восхваление им правительства национальной обороны; Маркс показывает на примере прошлой контрреволюционной деятельности Жюля Фавра подлинный облик этого правительства.

20 января — Маркс получает от Эккариуса информацию о согласии редактора рабочей газеты «The Eastern Post» («Почта Ист-Энда»). публиковать отчеты о заседаниях Генерального Совета и другие материалы Интернационала.

21 января — Маркс в письме к одному из основателей секции Интернационала в Нью-Йорке З. Мейеру дает указания относительно деятельности Центрального комитета американских секций. Информируя его о положении Интернационала в других странах, Маркс сообщает о движении английских рабочих за признание Французской республики; пишет также о своих успехах в изучении русского языка и дает высокую оценку произведениям Чернышевского и Флеровского.

24 января — Маркс и Энгельс на заседании Генерального Совета принимают участие в обсуждении вопроса о выступлении Оджера с хвалебными высказываниями в адрес

правительства национальной обороны. На заседании принимается предложение Энгельса обсудить на Генеральном Совете вопрос о позиции рабочего класса Англии на данном этапе франко-прусской войны.

31 января Маркс на заседании Генерального Совета при обсуждении вопроса об установлении связи с испанскими секциями Интернационала сообщает об издании в Пальме рабочей газеты «La Revolucion social» («Социальная революция»). Генеральный Совет поручает Энгельсу временно исполнять обязанности секретаря-корреспондента для Испании. Энгельс открывает прения по вопросу о позиции английского рабочего класса на данном этапе франко-прусской войны; он вносит проект резолюции и произносит речь по этому вопросу, в которой подчеркивает важность движения за признание Французской республики как единственного в тех условиях эффективного средства помощи ей против прусской агрессии, подвергает критике буржуазных радикалов-контистов за авантюристические призывы к вооруженному вмешательству в войну и указывает на необходимость добиться от английского правительства дипломатических мер к предотвращению военного выступления царской России. Проект резолюции публикуется в газете «Eastern Post» 5 февраля.

4 февраля Маркс в письмах к П. Лафаргу и Л. Кугельману резко осуждает предательские действия правительства национальной обороны, подписавшего из страха перед парижскими рабочими соглашение о капитуляция Парижа.

Около 12 февраля Маркс получает от Лафарга сообщение о результатах выборов в Национальное собрание Франции.

13 февраля Энгельс устанавливает письменную связь с Испанским федеральным советом; в своем письме он подчеркивает важность создания в каждой стране пролетарской партии, ведущей самостоятельную политику, а также информирует Испанский федеральный совет о деятельности Интернационала и его секций в различных странах.

14 февраля Маркс на заседании Генерального Совета сообщает о полицейских преследованиях участников рабочего движения в Австрии и Германии, а также о деятельности Серрайе в Париже. Выступая в прениях на дискуссии о позиции английского рабочего класса на данном этапе войны, Маркс раскрывает причины проволочек правительства Гладстона в вопросе о признании Французской республики, подчеркивает заинтересованность пролетариата, несмотря на всю ограниченность буржуазной республики, в замене монархической формы правления республиканской.

19 февраля Маркс встречается с Серрайе, возвратившимся в этот день из Парижа, и получает от него информацию о положении во Франции.

2 марта Маркс в письме к жене Либкнехта дает советы относительно разоблачения основанного на фальсифицированных данных обвинения, которое прусские власти собираются выдвинуть против арестованных руководителей немецкой социал-демократии.

7 *марта* Маркс делает сообщение на заседании Генерального Совета о деятельности членов Интернационала во Франции и в Соединенных Штатах Америки; Генеральный Совет поручает Марксу написать Центральному комитету секций Интернационала в Соединенных Штатах Америки и разъяснить ему его полномочия. Возвращаясь к вопросам, поднятым на дискуссии о позиции английского рабочего класса во время войны, Маркс обосновывает линию, которую следует отстаивать пролетариату Англии в области ее внешней политики.

10 марта Энгельс в письме к членам Интернационала К. Клейну и Ф. Моллю в Золинген дает высокую оценку позиции, занятой немецкими рабочими во время франко-прусской войны.

14 марта Маркс на заседании Генерального Совета сообщает о выборах в германский рейхстаг и об избрании Бебеля его депутатом, а также об образовании ирландской секции Интернационала в Нью-Йорке. Принимая участие в обсуждении вопроса о созыве конференции Интернационала, Маркс указывает на несвоевременность конференции в условиях крайне неустойчивого политического положения во Франции. Маркс возобновляет обсуждение внешнеполитических вопросов, затронутых в дискуссии о позиции рабочего класса Англии во время войны. Энгельс произносит заключительную речь по этой дискуссии. Генеральный Совет принимает пункт 3 предложенной Энгельсом резолюции о борьбе против завоевательной политики реакционных держав и снимает первые два пункта относительно признания Французской республики, ввиду заключения французским правительством 26 февраля прелиминарного мира с Пруссией.

19 марта Маркс и Энгельс узнают о совершившейся 18 марта революции в Париже.

19 марта — май Маркс и Энгельс тщательно изучают все сообщения о положении в Париже и о деятельности провозглашенной 28 марта Парижской Коммуны, устанавливают связь с коммунарами и оказывают им помощь советами по различным вопросам внутренней и внешней политики. Они организуют массовые митинги и выступления рабочих различных стран в защиту революцион-

ного пролетариата Парижа и Парижской Коммуны. Маркс пишет во все страны, где организованы секции Интернационала, несколько сот писем о Парижской Коммуне, в которых разъясняет пролетарский характер и историческое значение Коммуны, призывая к ее поддержке; наряду с этим Маркс критикует ошибки Коммуны. Маркс внимательно изучает опыт парижских коммунаров, делает многочисленные выписки и вырезки из газет, собирая всевозможные сведения и частную информацию.

21 марта — Энгельс на заседании Генерального Совета выступает с речью о революции в Париже и о переходе власти в руки пролетарского органа — Центрального комитета национальной гвардии. По предложению Маркса принимается резолюция о посылке делегаций на рабочие собрания, чтобы побудить английских рабочих выразить чувства солидарности с парижским пролетариатом. Генеральный Совет единогласно утверждает написанное Марксом заявление с опровержением клеветнических сообщений английской печати об исключении немцев из Интернационала во Франции. Заявление публикуется в газете «The Times» («Времена») 23 марта, «Eastern Post» 25 марта и других газетах.

21—23 марта — Маркс посылает письма в газеты «Times» и «Volksstaat», в которых изобличает реакционную «Paris-Journal» («Парижскую газету») в фабрикации и распространении фальшивых писем с целью клеветы на Интернационал и его руководителей. Письма публикуются в «Times» 22 марта, в «Volksstaat» 29 марта и других газетах.

Около 28 марта — Маркс беседует с Серрайе накануне его вторичного выезда в Париж.

28 марта — Маркс и Энгельс принимают участие в обсуждении Генеральным Советом вопроса об отношении Интернационала к республиканскому движению в Англии. Энгельс подчеркивает в своей речи необходимость придать этому движению направление, соответствующее интересам рабочего класса. Маркс в своем выступлении отмечает, что никакое республиканское движение не может стать серьезной силой, не превратившись в социальное.

Около 31 марта — Маркс получает письмо от одного из руководителей секций Интернационала в Бельгии, секретаря редакции антверпенской газеты «De Werker» («Рабочий») Ф. Кёнена с просьбой организовать помощь бастующим рабочим-сигарочникам Антверпена.

Около 31 марта — середина апреля — Маркс получает от Серрайе через его жену сообщения о положении в Париже и о мероприятиях Коммуны.

31 марта Маркс пишет письмо в антверпенскую газету «Werker», в котором разоблачает фальсификаторские приемы буржуазной печати, клеветавшей на Интернационал. Письмо публикуется в газете 8 апреля.

Апрель — май Маркс часто встречается у себя в доме с редактором буржуазно-либеральной газеты «The Examiner» («Наблюдатель») Фокс Бёрном и беседует с ним о событиях в Париже. Под влиянием этих бесед газета более объективно освещает деятельность Коммуны.

Около 2 апреля Маркс получает письмо от члена Комиссии труда и обмена Парижской Коммуны Л. Франкеля с просьбой дать совет по вопросу о социальных преобразованиях, которые должна осуществить Коммуна.

3 апреля Маркс пишет редактору «Times» письмо с опровержением появившихся в английской буржуазной печати клеветнических заявлений, будто революция в Париже была инспирирована из Лондона. Письмо публикуется в газетах «Times» 4 апреля и «Daily News» 6 апреля.

4 апреля Энгельс в качестве секретаря-корреспондента для Бельгии делает на заседании Генерального Совета сообщение о забастовке рабочих-сигарочников Антверпена. По предложению Энгельса Генеральный Совет принимает решение направить к тред-юнионам делегатов и обратиться к английским рабочим с воззванием об оказании помощи бастующим.

5 апреля Энгельс посылает Либкнехту в Лейпциг для опубликования в газете «Volksstaat» заметку «О забастовке рабочих-сигарочников Антверпена», в которой призывает немецких рабочих оказать бастующим помощь. Заметка публикуется в газете 12 апреля.

Энгельс в письме к Кёнену сообщает о мерах Генерального Совета по оказанию помощи бастующим сигарочникам Антверпена, просит держать его в курсе событий, имеющих отношение к стачке, а также регулярно высылать газету «Werker».

6 апреля Маркс в письме к Либкнехту подробно рассматривает ошибки Парижской Коммуны, которые дали возможность версальцам перейти в наступление; через Либкнехта он просит Бебеля регулярно присылать стенографические отчеты заседаний рейхстага в Берлине.

10 апреля Маркс в письме к Либкнехту сообщает об опубликовании официальных документов, подтверждающих получение денег из секретных фондов правительства Наполеона III К. Фогтом, который был разоблачен Марксом еще в 1859—1860 гг. как тайный бонапартистский агент. Сообщение Маркса об этих новых доказательствах связи Фогта с бонапартистским правительством публикуется Либкнехтом в виде заметки в газете «Volksstaat» 12 апреля.

11 апреля	На заседании Генерального Совета Энгельс характеризует положение в Париже, отмечая, что Коммуна упустила благоприятный момент для наступления на Версаль; Энгельс сообщает также о рабочем движении и социалистической пропаганде в Испании.
12 апреля	Маркс в письме к Кугельману, ссылаясь на свой вывод в произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» о необходимости для пролетариата сломать государственную военно-бюрократическую машину буржуазии, подчеркивает, что Парижская Коммуна сделала попытку осуществить это на практике. Маркс восхищается героизмом коммунаров и в то же время раскрывает ошибки и слабые стороны в деятельности Коммуны.
12 апреля	В целях повышения общетеоретического уровня немецких рабочих Маркс в письме к Либкнехту советует ему поместить в газете «Volksstaat» отрывки из «Капитала» и в частности главу «Так называемое первоначальное накопление».
17 апреля	Маркс в письме к Кугельману подчеркивает всемирно-историческое значение Парижской Коммуны и указывает, что борьба рабочего класса против класса капиталистов и буржуазного государства вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Маркс получает через Кугельмана предостережение от Микеля о грозящем ему аресте в случае приезда в Германию.
18 апреля	Стремясь сделать опыт Парижской Коммуны достоянием пролетариев всех стран, Маркс на заседании Генерального Совета высказывает мнение о необходимости выпустить воззвание к членам Интернационала относительно общей тенденции борьбы в Париже.
18 апреля — 29 мая	По поручению Генерального Совета Маркс работает над воззванием о гражданской войне во Франции, посвященным раскрытию всемирно-исторического значения Парижской Коммуны и теоретическому обобщению ее опыта; продолжая собирать необходимые материалы, он пишет первый и второй наброски воззвания, после чего работает над окончательным текстом воззвания.
19 апреля	Энгельс в письме к Эккариусу подробно информирует его о стачке текстильщиков Барселоны с целью организации Генеральным Советом помощи бастующим через рабочих Манчестера.
Около 25 апреля	Энгельс изучает полученные из Испании письма и газеты с отчетами о стачке текстильщиков в Барселоне.

25 апреля Генеральный Совет принимает написанный Энгельсом проект резолюции об исключении из Интернационала правого прудониста Толена, перешедшего на сторону буржуазии. Резолюция публикуется в «Eastern Post» 29 апреля, в «Internationale» 14 мая, а также в ряде других органов Интернационала. Маркс на заседании Генерального Совета выступает с речью о Парижской Коммуне, в которой освещает положение в Париже и характеризует мероприятия Коммуны. Маркс доводит также до сведения Генерального Совета состав секций, руководимых нью-йоркским Центральным комитетом.

Около 26 апреля Маркс встречается с немецким коммерсантом, через которого он поддерживает постоянную связь с членами Парижской Коммуны, и получает от него письмо с запросом коммунаров по поводу возможности продажи ценных бумаг. В ответном письме к Франкелю Маркс дает советы коммунарам относительно способа реализации на лондонской бирже ценных бумаг; он опровергает также клевету, распространяемую мелкобуржуазным демократом Ф. Пиа на Интернационал и на находившегося в Париже представителя Генерального Совета Серрайе.

Начало мая Маркс встречается с русским народником, членом Интернационала П. Лавровым, приехавшим из Парижа по поручению Парижской Коммуны для установления связи с Генеральным Советом.

Около 2 мая — 22 мая Маркс болен и не присутствует на заседаниях Генерального Совета. Ввиду болезни Маркса задерживается его работа по написанию воззвания Генерального Совета о гражданской войне во Франции.

5 мая Энгельс посылает Либкнехту статью «Еще раз «господин Фогт»» для газеты «Volksstaat». Статья публикуется в газете 10 мая. В письме к Либкнехту Энгельс просит организовать через газету материальную помощь бастующим рабочим Антверпена и Брюсселя со стороны немецких рабочих.

9 мая Энгельс на заседании Генерального Совета делает сообщение о ходе борьбы парижских коммунаров против версальских войск; информирует о стачках в Испании и Бельгии; принимает участие в обсуждении вопроса о посылке делегации на собрание, посвященное празднованию столетия со дня рождения Р. Оуэна, высоко оценивает в своем выступлении заслуги Оуэна в развитии социалистической мысли.

11—13 мая Маркс вновь встречается с немецким коммерсантом и получает от него информацию о положении в Париже. Маркс пишет членам Парижской Коммуны Л. Франкелю и Л. Э. Варлену письмо, в котором

сообщает им о тайных переговорах Бисмарка и Фавра, а также дает ряд практических советов, направленных на упрочение положения Коммуны и облегчение ее борьбы с версальцами; Маркс сообщает о своей деятельности по разъяснению рабочим разных стран исторического значения Парижской Коммуны и просит переслать ему материалы, необходимые для публичного обличения версальских палачей.

16 мая — По предложению Энгельса Генеральный Совет назначает Маркса временным секретарем-корреспондентом для Голландии.

23 мая — Маркс на заседании Генерального Совета произносит речь о Парижской Коммуне, подчеркивая, что принципы, провозглашенные Коммуной, вечны и не могут быть уничтожены, даже если Коммуна потерпит поражение.

30 мая — Маркс оглашает на заседании Генерального Совета написанное им воззвание «Гражданская война во Франции». Воззвание, единогласно принятое Генеральным Советом, публикуется отдельной брошюрой на английском языке, а также печатается в ряде органов Интернационала.

Июнь — июль — Маркс продолжает работать над изучением опыта Парижской Коммуны; он собирает материалы о событиях во Франции, о деятельности Коммуны, пополняя свои выписки из периодической печати.

Июнь — декабрь — Маркс и Энгельс организуют помощь эмигрантам — деятелям Парижской Коммуны; они руководят деятельностью созданного Генеральным Советом Эмигрантского комитета; принимают меры для обеспечения коммунаров работой; достают для находящихся еще во Франции на нелегальном положении коммунаров паспорта для выезда за границу.

Начало июня — Маркс получает из Петербурга от народника Н. Ф. Даниельсона русские книги и статьи, в частности произведение Чернышевского «О поземельной собственности», а также письмо с сообщением о состоянии работы над русским переводом I тома «Капитала» и с предложением денежных средств на издание II тома «Капитала».

6 июня — Маркс на заседании Генерального Совета разоблачает клевету английской буржуазной прессы на Интернационал и Парижскую Коммуну, а также критикует статью Мадзини против Коммуны, опубликованную в июньском номере английского либерально-буржуазного журнала «The Contemporary Review» («Современное обозрение»).

11 июня — На заседании Постоянного комитета Генерального Совета принимается написанное Марксом и Энгельсом

заявление по поводу циркуляра Фавра против Интернационала. Письмо за подписью секретаря Генерального Совета Дж. Хейлза рассылается во все лондонские газеты и публикуется в «Times» 13 июня, в «Eastern Post» 17 июня.

Середина июня — середина июля

Энгельс переводит на немецкий язык «Гражданскую войну во Франции» и отсылает перевод Либкнехту для публикации в газете «Volksstaat», а также для пересылки Беккеру в Женеву для журнала «Vorbote». Воззвание в немецком переводе Энгельса печатается с 28 июня по 29 июля в газете «Volksstaat» и неполностью — в «Vorbote» в августе — октябре.

Вторая половина июня — ноябрь

Энгельс ведет постоянную переписку с деятелем итальянского рабочего движения К. Кафьеро, оказывая через него влияние на неаполитанскую секцию Интернационала. Энгельс посылает Кафьеро для распространения среди рабочих важнейшие документы Интернационала, инструктирует его по вопросам борьбы против буржуазного влияния на пролетариат со стороны мадзинистов, а также против анархистских идей Бакунина.

20 июня

Маркс и Энгельс принимают участие в заседании Генерального Совета, на котором обсуждается поведение тред-юнионистов Дж. Оджера и Б. Лекрафта в связи с их нападками в буржуазной печати на Генеральный Совет за воззвание «Гражданская война во Франции». Генеральный Совет постановляет снять подписи Оджера и Лекрафта под воззванием. Энгельс вносит предложение послать в газету «Daily News» заявление по поводу выпадов против Генерального Совета английского реформиста Дж. Дж. Холиока и его попыток опорочить воззвание «Гражданская война во Франции»; он оглашает текст заявления, которое единогласно принимается Генеральным Советом. Заявление публикуется в газете 23 июня. По предложению Маркса Генеральный Совет принимает решение послать в лондонские буржуазные газеты «The Spectator» («Зритель») и «Examiner» письмо с разоблачением подложных манифестов, приписываемых Интернационалу, которые фабриковались версальской полицией и перепечатывались буржуазной прессой. Письмо, составленное Энгельсом, не было опубликовано этими газетами.

26 июня

В ответ на клеветнические вымыслы относительно воззвания «Гражданская война во Франции» и его автора Маркс пишет письмо в газету «Daily News», в котором указывает, что воззвание написано им и он принимает на себя всю ответственность за предъявленное в нем обвинение членам версальского правительства. Письмо публикуется в газете с произвольными сокращениями 27 июня. Полный текст письма публикуется в газете «Eastern Post» 1 июля.

27 июня Энгельс вносит на заседании Генерального Совета предложение послать заявление в газету «Daily News» в ответ на непрекращающиеся нападки Холиока, Лекрафта и Оджера на Генеральный Совет и воззвание «Гражданская война во Франции». Написанное Энгельсом заявление, в котором указывается, что Генеральный Совет единогласно одобряет разрыв с Оджером и Лекрафтом, утверждается Советом и публикуется в газете «Daily News» 29 июня и в газете «Eastern Post» 1 июля.

30 июня Энгельс пишет корреспонденцию в газету «Volksstaat», отмечая в ней огромное впечатление, которое произвело в Англии воззвание «Гражданская война во Франции», несмотря на попытки буржуазной прессы замолчать и опорочить его. Статья публикуется в газете 5 июля.

Около 1 июля Маркс получает письмо от бывшего парижского корреспондента лондонской буржуазной газеты «Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф») Р. Рида, который предлагает Генеральному Совету свое содействие в деле разоблачения клеветы против Парижской Коммуны. Маркс встречается с Ридом, который сообщает факты, характеризующие подрывную деятельность против Коммуны американского посла в Париже Э. Б. Уошберна.

1—3 июля Энгельс в письме к Кафьеро разъясняет вред сектантства для рабочего движения, подвергает резкой критике взгляды Бакунина, разоблачает попытки Мадзини подчинить своему влиянию Интернационал. Энгельс разъясняет тактику Интернационала в отношении сельскохозяйственных рабочих и мелкого крестьянства.

Около 3 июля Маркс в беседе с корреспондентом нью-йоркской газеты «The World» («Мир») разъясняет цели и задачи Интернационала и характеризует его деятельность. Запись беседы публикуется в газете «World» 18 июля, а также в «Woodhull and Claflin's Weekly» («Еженедельнике Вудхалл и Клафлин») 12 августа.

4 июля Маркс на заседании Генерального Совета рекомендует избрать в члены Совета Дж. П. Мак-Доннела, характеризуя его как деятеля ирландского национально-освободительного и рабочего движения. Энгельс зачитывает письмо от Кафьеро, информирующее Совет о борьбе против мадзинистов. Маркс зачитывает письмо о положении в секциях Интернационала в Америке. Маркс и Энгельс сообщают Генеральному Совету о своем разрыве с «Pall Mall Gazette» в связи с участием газеты в клеветнической кампании буржуазной прессы против Интернационала.

11 июля Маркс на заседании Генерального Совета зачитывает написанное им воззвание к нью-йоркскому Центральному комитету секций Интернационала в Соединенных

Штатах Америки «Г-н Уошберн, американский посол в Париже», разоблачающее двуличное поведение американского посла по отношению к Парижской Коммуне и его враждебные действия против нее; утвержденное Генеральным Советом воззвание выходит в свет отдельной листовкой около 13 июля. Маркс сообщает на заседании о новой провокации французской полиции, сфабриковавшей подложные письма с целью их использования во время судебного процесса над членом Парижской Коммуны А. А. Асси. Ввиду того, что одно из этих подложных писем приписывалось Марксу, он зачитывает написанное им опровержение.

Вторая половина июля — Маркс изучает материалы о политическом процессе по так называемому «делу Нечаева», опубликованные в русской газете «Правительственный Вестник».

18 июля — Маркс на заседании Генерального Совета опровергает публичные заявления Оджера о том, что Оджер якобы являлся автором Учредительного Манифеста Международного Товарищества Рабочих. Энгельс сообщает Генеральному Совету об издании «Гражданской войны во Франции» на голландском, немецком и французском языках и о готовящихся итальянском и русском переводах.

25 июля — Энгельс на заседании Генерального Совета предлагает созвать 17 сентября в Лондоне закрытую конференцию Интернационала. Предложение Энгельса единогласно принимается Генеральным Советом. Энгельс произносит также речь об отношении Дж. Мадзини к Интернационалу. В связи с возникшим на заседании вопросом о принадлежности бакунистского Альянса социалистической демократии к Интернационалу Маркс и Энгельс высказывают мнение, что членов бакунистского Альянса фактически следует считать выбывшими из Интернационала, так как они не выполнили поставленного им в качестве условия приема требования о роспуске их тайной организации, а также не платили членских взносов.

26 июля — Маркс сообщает председателю и временному секретарю Интернационального и республиканского клуба в Новом Орлеане Ч. Карону о принятии клуба в Интернационал на правах секции и посылает ему документы Международного Товарищества Рабочих.

27 июля — Маркс в письме к члену Русской секции Интернационала в Швейцарии Н. И. Утину информирует его о решении Генерального Совета созвать в Лондоне 17 сентября закрытую конференцию Интернационала, ввиду невозможности созыва очередного конгресса, а также сообщает о результатах обсуждения Генеральным Советом вопроса о принадлежности бакунистского Альянса к Интернационалу.

28 июля Энгельс в письме к Кафьеро разъясняет раскольнический характер деятельности бакунистского Альянса социалистической демократии и информирует его о предстоящем созыве закрытой конференции Интернационала. В связи с выступлениями Мадзини против Интернационала в итальянских газетах Энгельс посылает Кафьеро для опубликования в печати статью, в которой разоблачает буржуазную сущность агитации Мадзини. Статья "Энгельса публикуется в итальянском буржуазно-демократическом журнале «Il Libero Pensiero» («Свободная мысль») 31 августа, а также в ряде других итальянских газет.

Конец июля — начало августа Маркс и Энгельс принимают меры к изданию протоколов предстоящего судебного процесса над коммунарами в Версале.

1 августа Маркс на заседании Генерального Совета произносит речь против Оджера. Генеральный Совет по предложению Маркса освобождает Энгельса от обязанностей секретаря-корреспондента для Бельгии и назначает его секретарем-корреспондентом для Италии.

7 августа Маркс посылает редактору «Times» написанное Энгельсом письмо с выдержкой из письма адвоката арестованных коммунаров, в котором сообщается о тяжелых условиях тюремного режима, которому подвергнуты заключенные, о полицейском произволе и судебной волоките версальских властей. Письмо остается неопубликованным.

8 августа Маркс на заседании Генерального Совета участвует в обсуждении вопроса об оказании помощи бастующим рабочим Ньюкасла и о мерах борьбы с попытками ввоза штрейкбрехеров из Бельгии; в своем выступлении он подчеркивает важность установления прочных связей между Интернационалом и профессиональными союзами. По предложению Энгельса Генеральный Совет решает провести среди английских рабочих сбор средств в помощь эмигрантам-коммунарам.

9 августа Энгельс в письме к Лаврову в Париж просит подписать его на «La Gazette des Tribunaux» («Судебный вестник»), в котором должны были печататься полные отчеты о судебных процессах над коммунарами, а также просит выслать план Парижа и его окрестностей, необходимый для изучения военных действий во время осады Парижа пруссаками и версальцами.

10 — около 16 августа Маркс в письмах к французскому эмигранту в Лондоне, члену Интернационала А. Юберу сообщает некоторые факты и посылает документы, необходимые для защиты коммунаров на судебных процессах.

15 августа Маркс на заседании Генерального Совета предлагает поручить Постоянному комитету подготовить повестку

дня Лондонской конференции к следующему заседанию. Генеральный Совет принимает предложение Маркса. Энгельс на заседании Генерального Совета делает сообщение о преследованиях Интернационала в Италии и Испании.

Середина августа Энгельс в письме к Либкнехту сообщает о преследовании французскими полицейскими властями находящихся во Франции дочерей Маркса.

Около 16 — около 29 августа Маркс ввиду сильного переутомления по совету врача отдыхает в Брайтоне.

17 и 24 августа Маркс посылает в редакции газет «The New-York Herald» («Нью-йоркский вестник») и «Le Gaulois» («Галл») письма с опровержением помещенного в этих газетах отчета о своей беседе с корреспондентом газеты «New-York Herald», в котором содержание беседы было грубо искажено. Опровержение Маркса публикуется в газете «Gaulois» 27 августа.

19 августа Маркс пишет в английский буржуазно-либеральный еженедельник «Public Opinion» («Общественное мнение») опровержение в связи с перепечаткой в нем из бисмарковского органа «National-Zeitung» («Национальной газеты») клеветнических измышлений о руководстве Интернационала. Опровержение и частное письмо редактору Маркс отсылает Энгельсу с просьбой направить материал в редакцию газеты «Public Opinion». Заявление публикуется в газете 26 августа.

Около 22 августа Энгельс получает от члена Испанского федерального совета Ф. Мора информацию о политическом положении в Испании и успехах Интернационала в этой стране.

22 августа Энгельс на заседании Генерального Совета информирует о содержании писем от секций Интернационала в Испании и Америке; рекомендует обратиться к рабочим Америки с призывом о помощи эмигрантам-коммунарам. Генеральный Совет поручает Марксу составить это обращение.

25 августа Маркс в письме к редактору американской газеты «The Sun» («Солнце») Ч. А. Дана излагает историю ареста своих дочерей во Франции. Письмо публикуется в газете 9 сентября.

26 и 29 августа Маркс в письмах в Нью-Йорк к члену немецкой секции Интернационала Ф. Больте и в Лондон к американскому писателю М. Д. Конуэю просит организовать сбор средств для эмигрантов-коммунаров и оказать им помощь в устройстве на работу.

Около 29 августа Маркс возвращается в Лондон из Брайтона.

30 августа Маркс в письме в редакцию французской республиканской газеты «La Verite» («Истина») разоблачает буржуазную прессу, распространяющую в Париже подложные манифесты с целью клеветы на Интернационал. Письмо публикуется в газете «Le Soir» («Вечер») 3 сентября и других буржуазных газетах.

4 сентября Маркс в письме к редактору лондонской буржуазной газеты «The Evening Standard» («Вечернее знамя») опровергает повторенную вслед за «National-Zeitung» клевету буржуазных газет на него как руководителя Интернационала. Письмо публикуется в газете 6 сентября.

6 сентября Маркс на заседании Генерального Совета вносит ряд составленных им и Энгельсом предложений об организации конференции Интернационала и представительства на ней секций. Предложения принимаются Генеральным Советом. По просьбе Маркса и Энгельса Генеральный Совет освобождает их от работы в Эмигрантском комитете ввиду занятости подготовкой конференции.

9 и 11 сентября Маркс и Энгельс проводят заседания Постоянного комитета, на которых принимаются разработанные ими предварительные проекты резолюций предстоящей конференции.

12 сентября Энгельс от имени Постоянного комитета представляет Генеральному Совету программу работы предстоящей конференции, которая принимается Советом.

Около 13—15 сентября Энгельс на несколько дней уезжает из Лондона в Рамсгет.

Около 16 сентября Маркс встречается с членом Интернационала, деятелем испанского рабочего движения А. Лоренцо, прибывшим на Лондонскую конференцию, и беседует с ним по вопросам рабочего движения.

16 сентября Маркс и Энгельс на чрезвычайном заседании Генерального Совета участвуют в обсуждении вопроса о представительстве на конференции от стран, не приславших делегатов, и о делегатах от Генерального Совета.

17—23 сентября Маркс и Энгельс руководят работой Лондонской конференции Интернационала, на которой принимаются важнейшие решения о политической борьбе рабочего класса, о необходимости создания самостоятельных пролетарских партий в каждой стране и дается решительный отпор посягательствам бакунистов и других сектантских элементов на тактические и организационные принципы Интернационала.

17 сентября Маркс и Энгельс на первом заседании Лондонской конференции принимают участие в обсуждении вопроса

о порядке ее проведения. Энгельсу поручается редактирование резолюций и перевод их на различные языки. Маркс выступает с речью о задачах конференции; конференция принимает предложение Маркса избрать комиссию для расследования вопроса о бакунистском Альянсе социалистической демократии и избирает в эту комиссию Маркса.

18 сентября Маркс и Энгельс выступают на заседании Лондонской конференции, по воросам порядка дня конференции и организационных принципов Интернационала. Маркс предлагает не допускать существования в Интернационале секций, носящих сектантские наименования и состоящих обычно из буржуазных элементов. Маркс вносит предложение об издании официального текста Общего Устава и. новых проверенных Генеральным Советом переводов его на различные языки в связи с распространением, которое получил ошибочный французский перевод Устава, использованный прудонистами и бакунистами. для оправдания их тактики воздержания от политики.

Маркс и Энгельс участвуют в заседании комиссии Лондонской конференции; Маркс разоблачает раскольническую деятельность Альянса социалистической демократии в Швейцарии и других странах.

19 сентября На дневном заседании Лондонской конференции Маркс вносит предложение о создании секций женщин-работниц, отмечая активное участие женщин в Парижской Коммуне; от имени Генерального Совета Маркс напоминает о необходимости выполнения статьи 5 Устава о всеобщей статистике рабочего класса. На вечернем заседании конференции Маркс и Энгельс выступают по вопросу об организационных принципах Интернационала.

19—21 сентября Энгельс работает над составлением финансового отчета Генерального Совета конференции.

20 сентября Маркс выступает на дневном заседании конференции с речами о тред-юнионах, подвергая критике утопические предложение П. Л. Делаэ о создании международного объединения профсоюзов в качестве прообраза будущего социалистического общества. На вечернем заседании Маркс выступает с речью о политическом действии рабочего класса, в которой показывает, что воздержание от политики всегда наносило огромный вред рабочему классу.

21 сентяря Энгельс на заседании конференции произносит речь о политическом действии рабочего класса, в которой подчеркивает необходимость политической борьбы рабочего класса для завоевания власти, указывая, что проповедь воздержания от политики толкает рабочих в объятия буржуазной политики. В ходе дискуссии по этому вопросу с речью о политическом действии

вновь выступает Маркс. Маркс делает также доклад от имени комиссии конференции о деятельности Альянса социалистической демократии и о расколе в Романской Швейцарии; доклад одобряется конференцией.

22 сентября

На заседаниях конференции Энгельс выступает с отпором бакунисту П. Робену, допустившему выпады против комиссии по рассмотрению вопроса о раскольнической деятельности Альянса социалистической демократии. Маркс и Энгельс участвуют в прениях по докладу финансовой комиссии, который одобряется конференцией. Конференция принимает предложенные Марксом революции о пропаганде в деревне и об образовании Британского федерального совета Интернационала. Энгельс в качестве секретаря-корреспондента для Италии сообщает о положении секций Интернационала в Италии. Маркс делает сообщение в качестве секретаря-корреспондента для немецких секций в Америке, указывая на разногласия между отдельными секциями и нью-йоркским Центральным комитетом, и выступает в прениях о России. Он отмечает широкие перспективы социального движения в России и реальные возможности для создания там секций Интернационала. Как секретарь-корреспондент для Германии Маркс освещает успехи немецкой Социал-демократической рабочей партии. Он информирует конференцию также о положении Интернационала в Ирландии.

По предложению Маркса конференция принимает резолюцию, осуждающую попытки организовать секции Интернационала в виде тайных заговорщических обществ, а также поручает Генеральному Совету опубликовать те резолюции, которые Совет сочтет целесообразным предать гласности.

23 сентября

Маркс пишет сопроводительное письмо к корреспонденции своей дочери Женни в «Woodhull and Claflin's Weekly», в которой описываются преследования П. Лафарга и дочерей Маркса со стороны французских и испанских полицейских властей. Письмо Маркса и корреспонденция Женни публикуются в еженедельнике 21 октября.

25 сентября

Маркс произносит речь на праздновании семилетия Международного Товарищества Рабочих в Лондоне, в которой характеризует задачи и цели Интернационала и разъясняет классовую сущность Парижской Коммуны. Корреспондентская запись речи публикуется в газете «World» 15 октября.

26 сентября

Маркс на заседании Генерального Совета сообщает о деятельности секции Интернационала в Дании. В своей информации о деятельности Интернационала в Германии Маркс подчеркивает необходимость созыва митинга немецких рабочих для выражения протеста против клеветы буржуазной печати на Интернационал.

При распределении обязанностей в Генеральном Совете Маркс вновь избирается секретарем-корреспондентом для Германии, а Энгельс — для Италии; Энгельс избирается также в финансовую комиссию Генерального Совета.

28 сентября — 3 октября

Маркс с женой и Энгельс отдыхают в Рамсгете.

Конец сентября — начало ноября

Маркс и Энгельс занимаются подготовкой к изданию на английском, французском и немецком языках резолюций Лондонской конференции, Общего Устава и Организационного регламента.

Конец сентября — середина ноября

Маркс в письмах в Берлин и Лейпциг к руководителям Социал-демократической рабочей партии ставит перед ними задачу укрепления связей этой партии с Генеральным Советом.

3 октября

На заседании Генерального Совета Маркс вновь избирается также секретарем-корреспондентом для России, а Энгельс — для Испании.

7 октября

На чрезвычайном заседании Генерального Совета Энгельс предлагает резолюцию об исключении из Интернационала разоблаченного полицейского шпиона француза Г. Дюрана. Принятая Генеральным Советом резолюция публикуется в ряде органов Интернационала. Согласно решению Лондонской конференции Генеральный Совет по предложению Энгельса поручает Марксу составить заявление о злоупотреблении Нечаевым именем Интернационала. Написанное Марксом заявление, утвержденное Генеральным Советом, публикуется в газете «Volksstaat» 1 ноября и в ряде других органов Интернационала.

10 октября

Энгельс в письме к Кафьеро информирует его о результатах работы Лондонской конференции.

14 октября

Маркс и Энгельс на чрезвычайном заседании Генерального Совета принимают участие в обсуждении вопроса об окончательном отборе, редакции и публикация в виде циркуляра Генерального Совета резолюций Лондонской конференции. Генеральный Совет поручает Марксу подготовку резолюций для печати.

17 октября

Маркс на заседании Генерального Совета от имени Постоянного комитета делает сообщение об уста ко Французской секции 1871 г. и вносит проект резолюции, в котором предлагает секции изменить статьи устава, противоречащие организационным принципам Интернационала. Резолюция принимается Генеральным Советом.

24 октября

Маркс на заседании Генерального Совета докладывает о подготовке нового издания Общего Устава и Органи-

зационного регламента. Совет постановляет напечатать это издание тиражом в 5000 экземпляров.

Конец октября — конец ноября Маркс болен, в течение месяца не посещает заседаний Генерального Совета.

21 октября Энгельс пишет заявление в ответ на выпады против Интернационала со стороны члена английского парламента консерватора А. Б. Кокрена в статье, опубликованной в газете «Times». Заявление, утвержденное Генеральным Советом, публикуется в газете «Eastern Post» 11 ноября.

4 ноября Энгельс пишет статью о грюндерском ажиотаже в Англии. Статья публикуется в газете «Volksstaat» 10 ноября.

5 ноября Генеральный Совет принимает составленную при участии Маркса Постоянным комитетом резолюцию, в которой подтверждаются полномочия нью-йоркского Центрального комитета и дается отпор притязаниям буржуазных элементов из нью-йоркской секции № 12.

6 ноября Маркс посылает членам Интернационала в Америке и Германии вышедшие из печати на английском и французском языках резолюции Лондонской конференции.

7 ноября Генеральный Совет утверждает написанную Марксом резолюцию, в которой осуждаются упорные посягательства Французской секции 1871 г. на организационные принципы Интернационала и мотивируется отказ в приеме этой секции в Интернационал. Энгельс сообщает Генеральному Совету об издании резолюций Лондонской конференции, а также докладывает о полученных письмах от секций Интернационала в Италии, Голландии и Германии.

9 ноября Маркс в письме к Зорге в Хобокен дает советы об изменении структуры организации Интернационала в США в связи с решениями Лондонской конференции; он сообщает также об интригах против Генерального Совета со стороны Французской секции 1871 г., действующей заодно с бакунистами.

Маркс в письме к Даниельсону посылает список изменений и исправлений опечаток в первом издании I тома «Капитала» для учета их при подготовке русского издания.

13 ноября На квартире у Маркса происходит встреча Маркса и Энгельса с сыном Дж. Гарибальди Риччотти, деятелем национально-освободительного движения в Италии, участником франко-прусской войны.

Середина ноября 1871 — середина февраля 1872 Энгельс направляет деятельность немецкого социалиста Т. Куно в Милане и через него деятельность миланской секции Интернационала, созданной под

влиянием Энгельса. Он пересылает Куно документы Лондонской конференции, а также воззвание «Гражданская война во Франции», разъясняет необходимость борьбы с мадзинистами и анархистами, дает советы по укреплению позиций Интернационала на севере Италии, где расположены крупные промышленные центры страны.

16 ноября Маркс в письме к Юнгу сообщает о возможности установления связей между рабочими-ювелирами Парижа и Лондона в целях борьбы за сокращение рабочего дня.

23 ноября Маркс в письме к Больте в Америку указывает на роль Интернационала в борьбе с сектантством, подчеркивая, что он был создан для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для борьбы. Разъясняя связь между экономической и политической борьбой рабочего класса и значение политической партии пролетариата, Маркс призывает Центральный комитет секций Интернационала в США присоединиться к резолюциям Лондонской конференции и использовать эти резолюции для преодоления сектантства в Америке.

Энгельс в письме к одному из руководителей неаполитанской секции Интернационала К. Палладино разъясняет причины, вызвавшие необходимость созыва закрытой Лондонской конференции вместо очередного конгресса.

25 ноября В связи с активизацией бакунистов в Испании Энгельс в письме к Испанскому федеральному совету Интернационала в Мадрид опровергает клевету бакунистов на Генеральный Совет и Лондонскую конференцию.

28 ноября Маркс на заседании Генерального Совета сообщает об окончании процесса над членами Комитета немецкой Социал-демократической рабочей партии по обвинению в принадлежности к Интернационалу и об осуждении их на различные сроки тюремного заключения. Энгельс докладывает о новой статье Мадзини с нападками -на Интернационал, напечатанной в мелкобуржуазной демократической газете «La Roma del Popolo» («Народный Рим»). Генеральный Совет принимает предложение Энгельса опубликовать ответ на эту статью. Ответ, написанный Энгельсом, публикуется в итальянской рабочей газете «La Plebe» («Народ») 12 декабря, в газете «La Roma del Popolo» 21 декабря и других газетах.

29 ноября Энгельс пишет заявление Генерального Совета в редакцию газеты «Il Proletario Italiano» («Итальянский пролетарий»), в котором показывает значение политической борьбы в деле освобождения рабочего класса.

Около 30 ноября — Маркс в письме к немецкому эмигранту в Лондоне, публицисту С. Л. Боркхейму просит прислать необходимые ему материалы о Бакунине, в частности, о деятельности Бакунина на конгрессе буржуазно-пацифистской Лиги мира и свободы в 1868 году.

Декабрь — Маркс перерабатывает первую главу I тома «Капитала» для второго немецкого издания.

Маркс поддерживает письменную связь с деятелем итальянского рабочего движения Дж. Лучиани, уехавшим из Лондона в Рим; получает от него информацию о развитии рабочего движения и о положении Интернационала в Италии.

12 декабря — В газете «Plebe» публикуется отрывок из письма Энгельса к редактору газеты Э. Биньями в виде сообщения о положении секций Интернационала в странах Европы.

19 декабря — Маркс информирует Генеральный Совет о намерении английского правительства начать преследование эмигрантов-коммунаров; характеризует реакционную политику Бисмарка по отношению к пролетариату, отмечая, что она неизбежно приведет к дальнейшему сплочению рабочего класса вокруг Интернационала. Маркс докладывает также о раскольнической деятельности секции № 12 в Нью-Йорке, состоящей из буржуазных элементов, и о безуспешных попытках бакунистов в Швейцарии опорочить Лондонскую конференцию и ее решения. Маркс разоблачает буржуазного радикала Ч. Брэдло, выступившего на публичном собрании и в печати с клеветой на Интернационал и Маркса. Энгельс сообщает об одобрении, несмотря на происки бакунистов, испанскими секциями резолюций Лондонской конференции и об их решении создать рабочую партию, а также о том, что английские рабочие в Ланкашире предпринимают, попытки развернуть агитацию за 9-часовой рабочий день.

20 декабря — Маркс пишет письмо редактору газеты «Eastern Post», разоблачающее Брэдло как клеветника. Заметка публикуется в газете 23 декабря.

30 декабря — Энгельс в письме к Лафаргу в Мадрид просит его разъяснить членам Интернационала в Испании позицию Генерального Совета в отношении принятого на съезде бакунистской Юрской федерации в Сонвилье циркуляра, направленного против решений Лондонской конференции.

1872

Январь — начало марта — В ответ на раскольнический сонвильерский циркуляр бакунистов Маркс и Энгельс готовят закрытый

циркуляр Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале», собирая для него материалы о происках бакунистов против Генерального Совета и их дезорганизаторской деятельности в разных странах.

Маркс продолжает работу по подготовке второго немецкого издания I тома «Капитала».

2 и 9 января Маркс и Энгельс принимают участие в обсуждении на заседаниях Генерального Совета вопросов, связанных с утверждением уставов Британского федерального совета и новой польской секции Интернационала.

Около 2 января Энгельс пишет статью «Съезд в Сонвилье и Интернационал», в которой вскрывает раскольнический характер бакунистского сонвильерского циркуляра, показывает несостоятельность и вредность анархистских догм бакунистов, их выступлений против всякой централизации, авторитета и партийной дисциплины. Статья публикуется в газете «Volksstaat» 10 января.

14 января Энгельс в письме к секретарю туринского рабочего общества «Освобождение пролетария» подвергает критике анархистские идеи бакунистов и указывает на необходимость организационной сплоченности пролетариата для революционного завоевания им власти; он заявляет, что он не знает вещи более авторитарной, чем революция.

Около 15 января — около 15 февраля Маркс через Лонге ведет переговоры с Ж. Руа о переводе I тома «Капитала» на французский язык и заключает договор с парижским издателем М. Лашатром на издание своего труда отдельными выпусками.

16 января Маркс при обсуждении в Генеральном Совете устава Британского федерального совета предлагает признать Британскую федерацию на определенных условиях. Он сообщает также о согласии новой польской секции внести в ее устав изменения, предложенные Генеральным Советом. Энгельс доводит до сведения Генерального Совета сообщение о забастовках в Риме.

Маркс пишет редактору газеты «Eastern Post» письмо с опровержением новых клеветнических выпадов Брэдло на страницах издаваемого им органа «The National Reformer» («Национальный реформатор»). Письмо публикуется в газете 20 января.

18 января Энгельс в письме к Либкнехту информирует его о положении в бельгийских секциях Интернационала; в связи с активизацией бакупистов в Бельгии дает указания относительно опубликования в «Volksstaat» статьи по этому вопросу; он сообщает также о положении Интернационала в Испании и Италии.

19 января Энгельс в письме к Лафаргу в Мадрид информирует его о секциях Интернационала в Англии, о положении Интернационала в Германии, Франции, Швейцарии, Австро-Венгрии и Италии.

Около 20 января Маркс отправляет издателю О. К. Мейснеру в Гамбург 24 листа I тома «Капитала», подготовленных ко второму изданию.

23 января Маркс уведомляет Генеральный Совет о состоявшемся в Хемнице съезде социал-демократов Саксонии и о принятой на съезде резолюции, в которой съезд признает правильной линию Генерального Совета в борьбе против бакунистов и одобряет постановления Лондонской конференции.

24 января Энгельс в письме к Куно подвергает обстоятельной критике взгляды бакунистов на государство и разоблачает их подрывную деятельность внутри Интернационала; он информирует Куно о положении в итальянских секциях Интернационала.

27 января Маркс посылает редактору газеты «Eastern Post» еще одно письмо, разоблачающее Брэдло. Письмо публикуется в газете 28 января.

30 января От имени комиссии по уставам Маркс на заседании Генерального Совета докладывает об уставах Голландского федерального совета и цюрихской секции Товарищества и предлагает утвердить их; Генеральный Совет принимает предложение Маркса. Энгельс докладывает Генеральному Совету об уставе миланской секции и предлагает утвердить его; предложение принимается; он сообщает также о преследовании Товарищества в Испании.

3 февраля По предложению коммунара-эмигранта в Лондоне И. О. Лиссагаре Маркс вступает в кружок по изучению социальных наук, состоящий из коммунаров-эмигрантов.

6 февраля На заседании Генерального Совета Маркс сообщает о том, что бывшие члены Товарищества бакунисты А. Ришар и Г. Блан являются бонапартистскими агентами. В связи с обращением французских эмигрантов в Генеральный Совет за помощью Маркс подчеркивает в своей речи необходимость побудить английское правительство выступить с протестом против высылки из Франции участников Парижской Коммуны.

7 февраля Энгельс обращается к редактору миланской газеты «Gazzettino Rosa» с просьбой опубликовать опровержение клеветы на Интернационал и его Генеральный Совет, к которой прибег итальянский журнал «Libero Pensiero», воспроизведший измышления бисмарковской печати о Международном Товариществе Рабочих. Опровержение Энгельса публикуется в газете 20 февраля.

9—10 февраля Маркс и Энгельс получают от английского журналиста, члена Интернационала У. Х. Райли приглашение сотрудничать в газете «The International Herald» («Международный вестник»), которая должна выходить с 1 марта.

13 февраля На заседании Генерального Совета Маркс сообщает об обыске, произведенном швейцарскими властями у члена Русской секции Интернационала Утина и о деятельности Федерального совета в Берлине. Маркс предлагает послать запрос Бельгийскому федеральному совету по поводу его отношения к политической линии Генерального Совета в связи с замалчиванием органом Бельгийской федерации «La Liberte» («Свобода») деятельности Генерального Совета. Предложение Маркса единогласно принимается. Генеральный Совет поручает Энгельсу выяснить вопрос о возможности использования газеты «International Herald» в качестве органа Международного Товарищества Рабочих.

15 февраля Энгельс в письме к Либкнехту разоблачает направленные против Генерального Совета интриги в Италии Бакунина и его сторонника, редактора «Libero Pensiero» мелкобуржуазного демократа Л. Стефапони; Энгельс предлагает Либкнехту публично порвать отношения со Стефанони. Письмо Энгельса используется Либкнехтом для выступления в итальянской печати с критикой Стефанони.

16 февраля Энгельс в письме к Беккеру в Женеву сообщает об успешной борьбе сторонников Генерального Совета с бакунистами в Испании.

Около 18 февраля Энгельс посылает в Женеву официальные полномочия члену Генерального Совета итальянскому социалисту В. Реджису для поездки в Италию с целью выяснения на месте действительного положения в секциях Интернационала и борьбы против бакунистов, а также с целью распространения основных документов Интернационала и разъяснения решений Лондонской конференции.

20 февраля Энгельс на заседании Генерального Совета делает сообщение о положении Интернационала в Испании и докладывает о своих переговорах с издателем газеты «International Herald» Райли относительно использования ее в качестве органа Генерального Совета.

Маркс и Энгельс пишут заявление Генерального Совета по поводу полицейского произвола швейцарских властей, устроивших обыск у Утина. Заявление публикуется в газетах «Eastern Post» 24 февраля и «International Herald» 2 марта, а также в мартовском номере органа лиссабонских секций Интернационала, рабочей газеты «O Pensamento Social» («Социальная мысль»), а также в других органах печати.

20 февраля — начало марта Маркс готовит для Генерального Совета доклад о конфликте в секциях Международного Товарищества Рабочих в Америке; он изучает газетные сообщения и письма из Нью-Йорка относительно раскола в федерации Интернационала в Соединенных Штатах Америки.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Александр (1845—1894) — русский великий князь, сын Александра II, наследник русского престола, с 1881 г. император Александр III. — 295.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881). — 278, 288, 294, 295.

Александра (1844—1925) — дочь датского короля Кристиана IX, в 1863 г. вышла замуж за принца Уэльского, с 1901 г. английский король Эдуард VII,—334, 592.

Альберт (1828—1902) — саксонский кронпринц, с 1873 г. король Саксонии; немецкий генерал, с 1871 г. генерал-фельдмаршал; во время франко-прусской войны командовал 12-м (саксонским) корпусом, затем Четвертой (Маасской) армией. — 73, 150, 158.

Альбрехт (1809—1872) — прусский принц, немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 4-й кавалерийской дивизией. — 174.

Альбрехт (1837—1906) — прусский принц, сын предыдущего, немецкий генерал, впоследствии генерал-фельдмаршал, во время франко-прусской войны командовал кавалерийской бригадой. — 232.

Альвенслебен (Alvensleben), Константин (1809—1892) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 3-м корпусом. — 40.

Амберни (Amberny) — швейцарский юрист. — 493.

Аплгарт (Applegarth), Роберт (1833—1925) — один из реформистских лидеров английского тред-юнионистского движения, по профессии рабочий-краснодеревщик, генеральный секретарь Объединенного общества плотников и столяров (1862—1871), член Лондонского совета тред-юнионов; член Генерального Совета Интернационала (1865, 1868—1872), делегат Базельского конгресса Интернационала (1869), один из руководителей Лиги реформы; в 1871 г. отказался подписать воззвание Генерального Совета «Гражданская война во Франции», в дальнейшем отошел от рабочего движения. — 5, 281, 430, 459.

Арнольд (Arnold), Жорж (род. в 1840 г.) — французский архитектор, член ЦК национальной гвардии и Парижской Коммуны, после подавления Коммуны сослан в Новую Каледонию. — 390.

Астер (Aster), Эрнст Людвиг (1778—1855) — прусский генерал, военный инженер. — 87.

Асси (Assi), Адольф Альфонс (1840—1886) — деятель французского рабочего движения, по профессии механик, член ЦК национальной

гвардии и Парижской Коммуны, после подавления Коммуны сослан в Новую Каледонию. — 305, 375, 408.

Афр (Affre), Дени Огюст (1793— 1848) — французский священник, парижский архиепископ (1840—1848), застрелен солдатами правительственных войск во время июньского восстания 1848 г. в Париже при попытке уговорить восставших рабочих сложить оружие. — 364, 508, 592.

Б

Базен (Bazaine), Франсуа Ашиль (1811—1888) — французский маршал, монархист, в 1863—1867 гг. возглавлял французскую вооруженную интервенцию в Мексике; во время франко-прусской войны командовал 3-м корпусом, затем Рейнской армией, в октябре 1870 г. капитулировал в Меце. — 30, 32, 36, 39, 40, 49, 51, 52, 55— 57, 60, 63—72, 74, 75, 81, 85, 86, 103, 104, 128, 130, 138, 153, 155, 157—160, 163—165, 171, 188.

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер и публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; народник, один из идеологов анархизма; в Интернационале выступал как ярый враг марксизма, на Гаагском конгрессе в 1872 г. исключен из Интернационала за раскольническую деятельность. — 386, 415, 462, 478, 480, 482—484.

Балан (Balan), Герман Людвиг (1812—1874) — немецкий дипломат, посланник в Брюсселе (1865-1874). —287.

Барнеков (Barnekow), Альберт Христоф Готлиб, барон (1809— 1895) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 16-й дивизией. — 30.

Барраль (Barral), Эжен (1808— 1890) — французский генерал, во время франко-прусской войны генерал-инспектор учебных войсковых лагерей. — 211.

Бартелеми-Сент-Илер (Barthelemy-Sainte-Hilere), Жюль (1805— 1895) — французский философ и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец; в период Второй республики член Учредительного и Законодательного собраний; депутат Национального собрания 1871 года; член версальской комиссии пятнадцати и управляющий канцелярией Тьера (1871—1873), министр иностранных дел (1880— 1881). — 399.

Бастелика (Bastelica), Андре (1845—1884) — деятель французского и испанского рабочего движения, по профессии типограф, член Интернационала, бакунист, участник революционных выступлений в Марселе в октябре — ноябре 1870 года; член Генерального Совета Интернационала (1871), делегат Лондонской конференции 1871 года. — 646, 648.

Батай (Bataille), Анри Жюль (1816—1882) — французский генерал, в начале франко-прусской войны командовал дивизией во 2-м корпусе. — 20.

Баттери (Buttery, G. H.) — член Генерального Совета Интернационала (1871—1872). — 367, 391, 430, 459.

Бебель (Bebel), Август (1840— 1913) — выдающийся деятель международного и немецкого рабочего движения, по профессии токарь; с 1867 г. руководил Союзом немецких рабочих обществ, член I Интернационала, депутат рейхстага (с 1867 г.), один из основателей и вождей немецкой социал-демократии, вел борьбу против лассальянства; во время франко-прусской войны стоял на позициях пролетарского интернационализма, выступал в поддержку Парижской Коммуны; друг и соратник Маркса и Энгельса; деятель II Интернационала, в 90-е годы и в начале XX века выступал против ре-

формизма и ревизионизма, допустив, однако, особенно в последний период своей деятельности, ряд ошибок центристского характера. — 285, 286, 291, 647, 650, 651.

Бёйст (Beust), Фридрих, граф (1809—1886) — саксонский и австрийский реакционный государственный деятель, противник объединения Германии под главенством Пруссии и сторонник независимости мелких немецких государств; в 1849—1866 гг. занимал ряд министерских постов в правительстве Саксонии, министр иностранных дел (1866—1871) и канцлер Австро-Венгрии (1867— 1871), австро-венгерский посол в Лондоне (1871—1878) и Париже (1878—1882). — 480.

Беккер (Becker), Герман Генрих (1820—1885) — немецкий юрист и публицист, с 1850 г. член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), приговорен к пяти годам тюремного заключения; в 60-х годах прогрессист, затем национал-либерал. — 491.

Беле (Beslay), Шарль (1795—1878) — французский предприниматель, литератор и политический деятель, член Интернационала, прудонист, член Парижской Коммуны и ее Комиссии финансов, делегат при Французском банке, проводил политику отказа от его национализации и невмешательства в его внутренние дела; после подавления Коммуны эмигрировал в Швейцарию. — 327, 515.

Бенедек (Benedek), Людвиг (1804— 1881) — австрийский генерал, во время австро-прусской войны 1866 г. главнокомандующий австрийской армией, действовавшей против прусских войск. — 32.

Бержере (Bergeret), Жюль Виктор (1839—1905) — член ЦК национальной гвардии и Парижской Коммуны, генерал национальной гвардии, после подавления Коммуны эмигрировал в Англию, позднее в США. — 335, 573, 575, 593.

Беррийская (Berry), Мария Каролина Фердинанда Луиза, герцогиня (1798—1870) — мать графа Шамбора, легитимистского претендента на французский престол; в 1832 г. пыталась поднять восстание в Вандее с целью свержения Луи-Филиппа. — 325, 516, 566, 583.

Берье (Веггуег), Пьер Антуан (1790—1868) — французский адвокат и политический деятель, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, легитимист. — 587.

Биго (Bigot), Леон (1826—1872) — французский адвокат и публицист, левый республиканец, после подавления Коммуны выступал в качестве защитника коммунаров перед версальским судом. — 408.

Бизли (Beesly), Эдуард Спенсер (1831—1915) — английский историк и политический деятель, буржуазный радикал, позитивист, профессор Лондонского университета; в 1870—1871 гг. один из руководителей кампании за признание английским правительством Французской республики, поддерживал авантюристические требования вооруженного вмешательства Англии на стороне Франции; выступал в английской прессе в защиту Парижской Коммуны. — 374.

Бисмарк (Bismarck), Отто, князь (1815—1898) — государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии, представитель прусского юнкерства; посол в Петербурге (1859—1862) и в Париже (1862); министр-президент Прус-сип (1862—1871), канцлер Германской империи (1871—1890); осуществил объединение Германии контрреволюционным путем, ярый враг рабочего движения, автор исключительного закона против социалистов (1878). — 3, 112—115, 126, 136, 257, 258, 278, 286, 287, 314, 323, 324, 327, 328,

330, 331, 345, 352, 355, 358, 359, 364, 365, 370, 371, 373, 402, 479, 480, 491, 500, 506, 512—514, 520, 542, 543, 564, 568, 580, 587, 595, 604, 606, 608, 610, 611, 625, 629, 639, 646.

Блан (Blanc), Луи (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист, историк; в 1848 г. член временного правительства и председатель Люксембургской комиссии; стоял на позициях соглашательства с буржуазией; в августе 1848 г. эмигрировал в Англию, один из руководителей мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне;депутат Национального собрания 1871 г., выступал против Парижской Коммуны. — 395, 560, 566, 619, 632, 642.

Бланки (Blanqui), Луи Огюст (1805—1881) — французский революционер, коммунист-утопист, организатор ряда тайных обществ и заговоров; активный участник революций 1830 и 1848 годов; виднейший вождь пролетарского движения во Франции; один из руководителей восстания 31 октября 1870 г. в Париже, в период Коммуны находился в заключении. — 305, 330, 334, 364, 532, 538, 540, 591.

Бланше (Blanchet), Станисла̲ (настоящая фамилия *Пуриль)* (род. в 1833 г.) — бывший монах, торговец и полицейский агент, во время осады Парижа служил в национальной гвардии, был избран членом Парижской Коммуны, в мае 1871 г. был разоблачен и арестован; после подавления Коммуны эмигрировал в Швейцарию. — 352.

Блинд (Blind), Карл (1826—1907) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, участник революционного движения в Бадене в 1848—1849 годах; в 50-х годах один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне; с 60-х годов национал-либерал, во время франко-прусской войны и позднее выступал как ярый шовинист. — 269, 270.

Блюхер (Blucher), Гебхард Леберехт (1742—1819) — прусский генерал-фельдмаршал, в 1793— 1794 гг. участвовал в войне против Французской республики, в 1806, 1813—1814 и 1815 гг. командовал войсками в войнах против наполеоновской Франции. — 71, 204.

Бонапарт — см. *Наполеон I.*

Бонапарт (Bonaparte), Жозеф (1768—1844) — старший брат Наполеона I, неаполитанский король (1806—1808) и король Испании (1808—1813). — 164.

Бонапарт (Bonaparte), Жозеф Шарль Поль, принц Наполеон (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III, в начале франко-прусской войны вел переговоры о союзе Франции и Италии против Пруссии; известен под кличками Плон-Плон и Красный принц. — 269, 312.

Бонапарт, Луи — см. *Наполеон III.*

Бонапарты — императорская династия во Франции (1804—1814, 1815 и 1852—1870). — 159, 513.

Больё (Beaulieu), Иоганн Петер, барон (1725—1819) — австрийский генерал, весной 1796 г., командуя австрийскими войсками в Италии, потерпел несколько поражений от Бонапарта. — 31.

Бора (Bora), Джованни — член Генерального Совета Интернационала и секретарь-корреспондент для Италии в 1870 году. — 6, 282.

Бориани (Boriani), Джузеппе — участник итальянского рабочего движения 70-х годов XIX века, член Интернационала. — 475.

Брадник (Bradnick), Фредерик — член Генерального Совета Интернационала (1870—1872), делегат Лондонской конференции 1871 года; после Гаагского конгресса (1872) выступал против его решений вместе с реформистским крылом Британского федерального совета. — 5, 281, 367, 391, 430, 459.

Брасс (Bras), Август (1818—1876) — немецкий журналист, участник

революции 1848—1849 гг. в Германии, после поражения революции эмигрировал в Швейцарию; с 60-х годов сторонник Бисмарка, издатель газеты «Norddeutsche Allgemeine Zeitung». — 311.

Брессоль (Bressolles), Антуан Обен *де* (1828—1891) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 24-м корпусом. — 251.

Брэдло (Bradlaugh), Чарлз (1833— 1891) — английский журналист и политический деятель, буржуазный радикал, редактор еженедельника «National Reformer», выступал с резкими нападками на Маркса и Международное Товарищество Рабочих. — 479, 487— 489.

Брюнель (Brunel), Антуан Маглуар (род. в 1830 г.) — французский офицер, бланкист, член ЦК национальной гвардии и Парижской Коммуны, в мае 1871 г. тяжело ранен версальцами, после подавления Коммуны эмигрировал в Англию. — 369.

Брютто (Brutto) — коммунар, производил проверку счетов правительства национальной обороны. — 627.

Буи (Bouis), Казимир (ок. 1843— 1916) — французский журналист, бланкист, член ЦК национальной гвардии и Парижской Коммуны, председатель комиссии по расследованию деятельности правительства национальной обороны; после подавления Коммуны сослан в Новую Каледонию. — 538.

Бун (Boon), Мартин Джемс — деятель английского рабочего движения, по профессии механик, последователь социально-реформистских взглядов О'Брайена, член Генерального Совета Интернационала (1869—1872), секретарь Лиги земли и труда, член Британского федерального совета (1872). — 5, 281, 367, 391, 430, 459.

Бурбаки (Bourbaki), Шарль (1816— 1897) — французский генерал, во время франко-прусской войны сначала командовал гвардией, затем 18-м корпусом и Восточной армией.— 141,193, 211, 215,217, 219, 220, 231, 235—239, 246—248, 251—258, 260, 261, 264—267.

Бурбоны — королевская династия во Франции (1589—1792, 1814— 1815 и 1815—1830). — 520, 522, 604.

Бюргерс (Burgers), Генрих (1820— 1878) — немецкий радикальный публицист, в 1848 г. член кёльнской общины Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», с 1850 г. член Центрального комитета Союза коммунистов, на кёльнском процессе коммунистов (1852) приговорен к шести годам тюремного заключения; в 60—70-х годах прогрессист. — 492.

В

Вайян (Vaillant), Эдуар (1840— 1915) — французский социалист, бланкист, член Парижской Коммуны, член Генерального Совета Интернационала (1871—1872), делегат Лондонской конференции 1871 года; один из основателей Социалистической партии Франции, впоследствии реформист. — 431, 459, 573, 646—649.

Валантен (Valentin), Луи Эрнест — французский генерал, бонапартист, исполнял обязанности префекта полиции Парижа накануне восстания 18 марта 1871 года. — 330, 331, 355, 503, 514, 528, 537, 573, 577, 606, 610.

Вален (Wahlin) — национальный гвардеец, коммунар, убит во время контрреволюционного выступления в Париже 22 марта 1871 года. — 575, 593.

Варлен (Varlin), Луи Эжен (1839— 1871) — видный деятель французского рабочего движения, по профессии переплетчик, левый прудонист, один из руководителей секций Интернационала во Франции, делегат Лондонской конференции (1865), Женевского (1866)

и Базельского (1869) конгрессов Интернационала,член ЦК национальной гвардии, член Парижской Коммуны; расстрелян версальцами 28 мая 1871 года. — 573.

Вашрон (Vacheron), Луи — французский юрист, в 1871 г. генеральный прокурор в департаменте Майенны. — 507.

Везинье (Vesinier), Пьер (1826— 1902) — мелкобуржуазный французский публицист, за клевету против Генерального Совета исключен в 1868 г. из Интернационала; член Парижской Коммуны, после подавления Коммуны эмигрировал в Англию; издатель газеты «Federation» и член Всемирного федералистского совета, выступавшего против Маркса и Генерального Совета Интернационала. — 395, 626.

Веллингтон (Wellington), Артур *Уэлсли,* герцог (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель, тори; в 1808— 1814 и 1815 гг. командовал войсками в войнах против наполеоновской Франции; начальник артиллерийского управления (1818—1827), главнокомандующий английской армией (1827—1828, 1842—1852), премьер-министр (1828—1830), министр иностранных дел (1834—1835). — 180.

Вердер (Werder), Август Карл (1808—1887) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 14-м корпусом. — 140, 151, 156, 176, 186, 203, 220, 231, 233, 235—238, 246, 247, 253—256, 265.

Верморель (Vermorel), Огюст (1841—1871) — французский публицист, прудонист, член Парижской Коммуны, тяжело ранен во время уличных боев в Париже в мае 1871 г. и умер в плену. —390.

Вивьен (Vivien), Александр Франсуа (1799—1854) — французский адвокат и политический деятель, орлеанист, в 1840 г. министр юстиции, в 1848 г. министр общественных работ в правительстве Кавеньяка. — 506.

Виддерн — см. *Кардинал фон Виддерн,* Георг.

Виккеде (Wickede), Юлиус (1819— 1896) — немецкий офицер и военный писатель, во время франко-прусской войны корреспондент «Kolnische Zeitung» при главной квартире немецких войск. — 253, 254.

Виктор (Victor), Клод Виктор *Перрен* (1764—1841) — французский генерал, с 1807 г. маршал, участник войн наполеоновской Франции. — 207.

Виктор-Эммануил II (1820—1878) — сардинский король (1849—1861), итальянский король (1861— 1878). — 270, 480.

Вильгельм I (1797—1888) — прусский король (1861—1888), германский император (1871— 1888). — 10, 70, 72, 82, 93. 164, 198, 202, 207, 274, 275, 287, 288, 294, 359, 578, 650, 651.

Вимпфен (Wimpffen), Эммани юэль Феликс *де* (1811—1884) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 5-м корпусом (с 31 августа 1870), в сражении при Седане принял после ранения Мак-Магона командование Шалонской армией и после ее поражения подписал седанскую капитуляцию. — 77— 79, 85.

Винуа (Vinoy), Жозеф (1800— 1880) — французский генерал, бонапартист, участник государственного переворота 2 декабря 1851 года; во время франко-прусской войны командовал 13-м корпусом, затем 1-м корпусом 2-й Парижской армии и 3-й Парижской армией, с 22 января 1871 г. губернатор Парижа; один из палачей Коммуны, командовал резервной армией версальцев. — 89, 196, 198, 330, 331, 333—335, 337, 503, 507—509, 532, 573, 575, 577, 588, 589, 592—594, 610, 622.

Виттих (Wittich), Людвиг (1818— 1884) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 22-й дивизией. — 150, 174.

Вобан (Vauban), Себастьен ле Претр (1633—1707) — французский маршал, военный инженер, автор ряда работ по фортификации и осаде. — 91, 101, 103, 231.

Вольф (Wolff), Луиджи — итальянский майор, сторонник Мадзини, член лондонской организации итальянских рабочих — Ассоциации совместного прогресса, член Генерального Совета Интернационала (1864—1865), участник Лондонской конференции 1865 г., в 1871 г. разоблачен как агент бонапартистской полиции. — 394, 395, 639.

Вольтер (Voltaire), Франсуа Мари (настоящая фамилия *Аруэ)* (1694— 1778) — французский философ-деист, писатель-сатирик, историк, видный представитель буржуазного Просвещения XVIII в., боролся против абсолютизма и католицизма. — 337.

Врублевский (Wroblewski), Валерий (1836—1908) — польский революционный демократ, один из руководителей польского освободительного восстания 1863—1864 годов; генерал Парижской Коммуны; член Генерального Совета Интернационала и секретарь-корреспондент для Польши (1871—1872), делегат Гаагского конгресса (1872), принимал активное участие в борьбе против бакунистов. — 350, 431, 460.

Вурмзер (Wurmser), Дагоберт Зигмунд, граф (1724—1797) — австрийский фельдмаршал, в 1796г. командовал австрийскими войсками в Италии, потерпел несколько поражений от Бонапарта и капитулировал в крепости Мантуя. — 63.

Г

Галиффе (Galliffet), Гастон Александр Огюст, маркиз *де* (1830— 1909) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал кавалерийским полком, был взят в плен в Седане; освобожден из плена для участия в войне против Коммуны, один из палачей Парижской Коммуны, командовал кавалерийской бригадой в армии версальцев. — 336—338, 368, 509, 538, 577, 594, 596.

Гальен (Gallien) — офицер национальной гвардии Коммуны, предательски выдал версальцам пароль гарнизона редута Мулен-Саке. — 531, 538.

Гамбетта (Gambetta), Леон (1838—1882) — французский государственный деятель, буржуазный республиканец, член правительства национальной обороны (1870—1871), глава турской делегации этого правительства; председатель совета министров и министр иностранных дел (1881— 1882). — 130, 173, 192, 198, 230, 239, 248, 252, 262, 287, 322, 499, 540, 579, 596, 648.

Ганеску (Ganesco), Грегори (ок. 1830—1877) — французский журналист, по происхождению румын, в период Второй империи бонапартист, затем сторонник правительства. Тьера. — 350.

Гарибальди (Garibaldi), Джузеппе (1807—1882) — итальянский революционер, демократ, вождь национально-освободительного движения в Италии; участник франко-прусской войны на стороне Франции, командовал Вогезской армией, состоявшей из частей национальной гвардии, французских и иностранных добровольцев. — 207, 233, 251, 252, 254. 255, 257, 261.

Гарибальди (Garibaldi), Риччотти (1847—1924) — сын Дж. Гарибальди, участник национально-освободительного движения в Италии; участвовал во франко-прусской войне на стороне Франции в качестве командира бригады Вогезской армии. — 186.

Гарнье-Пажес (Garnier-Pages), Луи Антуан (1803—1878) — французский политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец, член временного правительства (1848), член правительства

национальной, обороны (1870— 1871). — 530, 531.

Гёбен (Goeben), Август Карл Христиан (1816—1880) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 8-м корпусом, с января 1871 г. — Первой армией. — 232, 237, 239, 257, 261.

Геккерен (Heeckeren), Жорж Шарль *Дантес,* барон *де* (1812—1895) — французский политический деятель, роялист, в 1834—1837 гг. офицер русской службы, убийца А. С. Пушкина; с 1848 г. бонапартист, сенатор Второй империи, один из организаторов контрреволюционного выступления в Париже 22 марта 1871 года. — 335, 574, 593.

Гексли (Huxley), Томас Генри (1825—1895) — английский естествоиспытатель, ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения, в философии непоследовательный материалист. — 347, 549.

Генрих II (1519—1559) — французский король (1547—1559). — 118.

Генрих V — см. *Шамбор,* Анри Шарль.

Гепнер (Hepner), Адольф (1846— 1923) — немецкий социал-демократ, один из редакторов газеты «Volksstaat», во время франко-прусской войны стоял на позициях пролетарского интернационализма, делегат Гаагского конгресса Интернационала (1872), впоследствии социал-шовинист. — 286.

Герцен, Александр Иванович (1812—1870) — великий русский революционный демократ, философ-материалист, публицист и писатель. — 384.

Гизо (Guizot), Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель, с 1840 до февральской революции 1848 г. фактически руководил внутренней и внешней политикой Франции, выражал интересы крупной финансовой буржуазии. — 325, 326, 507, 517, 584.

Гильом (Guillaume), Джемс (1844— 1916) — швейцарский учитель, анархист, сторонник Бакунина, член Интернационала, участник Женевского (1866), Лозаннского (1867), Базельского (1869) и Гаагского (1872) конгрессов Интернационала, один из организаторов Альянса социалистической демократии, редактор газет «Progres», «Solidarite» и «Bulletin de la Federation jurassienne»; на Гаагском конгрессе был исключен из Интернационала за раскольническую деятельность; в годы первой мировой войны социал-шовинист. — 416, 484.

Гио (Guiod), Адольф Симон (род. в 1805 г.) — французский генерал, участник франко-прусской войны, главный начальник артиллерии во время осады Парижа 1870—1871 годов. — 323, 500, 580.

Гладстон (Gladstone), Уильям Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель, тори, затем пилит, во второй половине XIX в. один из лидеров либеральной партии; канцлер казначейства (министр финансов) (1852 — 1855 и 1859—1866) и премьер-министр (1868—1874, 1880—1885, 1886, 1892—1894). — 294.

Гнейзенау (Gneisenau), Август Вильгельм Антон *Нейтхардт* (1760— 1831) — прусский генерал и военно-политический деятель, с 1825 г. генерал-фельдмаршал; играл видную роль в освободительной борьбе немецкого народа против наполеоновского господства; после разгрома прусской армии Наполеоном в 1806 г. принимал участие в разработке основ военной реформы, в 1813—1814 и 1815 гг. начальник штаба войск Блюхера. — 171, 208—210.

Гогенцоллерны — династия бранденбургских курфюрстов (1415— 1701), прусских королей (1701— 1918) и германских императоров (1871—1918). — 3, 125, 287, 312, 351.

Гольц (Goltz), Куно, барон (1817— 1897) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал прусским отрядом в составе 14-го корпуса. — 238.

Горчаков, Александр Михайлович, князь (1798—1883) — русский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел (1856—1882). — 278, 480.

Грамон (Gramont), Антуан Альфред Аженор, герцог *де* (1819—• 1880) — французский дипломат, в 1870 г. министр иностранных дел, проводил политику развязывания войны между Францией и Пруссией. — 10.

Грант (Grant), Улисс Симпсон (1822—1885) — американский генерал и государственный деятель, принадлежал к республиканской партии; участник Гражданской войны в США 1861—1865 гг., с марта 1864 г. главнокомандующий армией северян, военный министр (1867—1868), президент США (1869—1877). — 145.

Греппо (Greppo), Жан Луи (1810— 1888) — французский политический деятель, мелкобуржуазный социалист, участник восстаний в Лионе в 1831 и 1834 годах, ,в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний; в 1870—1871 гг. мэр одного из округов Парижа, депутат Национального собрания 1871 года. — 529.

Грималь (Grimal) — французский офицер, обвинитель при одном из военных судов версальцев, созданных для расправы с коммунарами. — 398.

Гринвуд (Greenwood), Фредерик (1830—1909) — английский журналист и писатель, консерватор, редактор «Pall Mall Gazette» (1865—1880). — 371, 385.

Груссе (Grousset), Паскаль (1844— 1909) — французский публицист и политический деятель, бланкист; член ЦК национальной гвардии и Парижской Коммуны, председатель Комиссии внешних сношений, после подавления Коммуны сослан в Новую Каледонию, откуда бежал в 1874 году; впоследствии перешел на позиции буржуазии. — 536.

Гюго (Hugo), Виктор (1802—1885) — великий французский писатель. — 135.

Д

Дана (Dana), Чарлз Андерсон (1819—1897) — американский прогрессивный журналист, в 40— 60-е годы один из редакторов «New-York Daily Tribune», позднее редактор газеты «Sun». — 404.

Данте Алигьери (Dante Alighieri) — (1265—1321) — великий итальянский поэт. — 488.

Дарбуа (Darboy), Жорж (1813— 1871) — французский теолог, с 1863 г. парижский архиепископ, в мае 1871 г. расстрелян Коммуной как заложник. — 364, 508—511, 537, 538, 592.

Девис (Davies), Джон Луэллин (1826—1916) — английский священник и теолог, либерал. — 380, 387.

Дегерри (Deguerry), Гаспар (1797— 1871) — французский священник, кюре церкви Ла-Мадлен в Париже, в мае 1871 г. расстрелян Коммуной как заложник. — 510, 537.

Дежан (Dejean) — французский генерал, исполнял обязанности военного министра в кабинете Э. Оливье в июле — августе 1870 года. — 42, 44.

Дезагарр (Desagarre), барон — французский юрист, в 1871 г. прокурор при одном из судов в департаменте Верхняя Гаронна. — 654, 656, 658—662.

Декан (Decaen), Клод Теодор (1811—1870) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал дивизией 3-го корпуса, затем 3-м корпусом, смертельно ранен в сражении при Коломбей-Нуайи в августе 1870 года. — 60, 157.

Делаэ (Delahaye), Пьер Луи (род. в 1820 г.) — французский рабочий-механик, с 1864 г. член Интернационала, коммунар, после подавления Коммуны эмигрировал в Англию; член Генерального Совета Интернационала (1871—1872), делегат Лондонской конференции 1871 года. — 367, 430, 459.

Делеклюз (Delescluze), Луи Шарль (1809—1871) — французский политический деятель и журналист, мелкобуржуазный революционер, участник революции 1830 и 1848 годов; депутат Национального собрания 1871 г., член Парижской Коммуны, военный делегат Коммуны, погиб на баррикадах во время уличных боев в Париже в мае 1871 года. — 390, 406.

Дельпек (Delpech) — французский юрист, реакционер, в 1871 г. генеральный прокурор в департаменте Верхняя Гаронна. — 405, 406, 655—657, 661.

Демаре (Desmarest) — французский жандармский офицер, убийца Г. Флуранса. — 337, 509, 526, 594.

Де Поттер (De Potter), Луи (1786— 1859) — бельгийский публицист и политический деятель, буржуазный демократ, во время революции 1830 г. в Бельгии член временного правительства. — 647.

Джоваккини (Giovacchini, P.) — член Генерального Совета Интернационала и секретарь-корреспондент для Италии в 1871 году. — 367, 391.

Дилк (Dilke), Чарлз Уэнтуорт (1843—1911) — английский политический деятель и писатель, один из лидеров радикального крыла либеральной партии, заместитель министра иностранных дел (1880—1882), министр по делам местного самоуправления (1882—1885). — 471.

Домбровский (Dombrowski), Ярослав (1836—1871) — польский революционный демократ, участник национально-освободительного движения в Польше в 60-х годах XIX века; генерал Парижской Коммуны, с начала мая 1871 г. главнокомандующий всеми ее вооруженными силами, убит на баррикадах. — 350.

Дуэ (Douay), Абель (1809—1870) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал дивизией 1-го корпуса, убит в сражении при Виссамбуре. — 36.

Дуэ (Douay), Феликс (1816—1879) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 7-м корпусом, взят в плен в Седане; один из палачей Парижской Коммуны, командовал 4-м корпусом армии версальцев. — 31, 33, 36, 38, 39, 49, 52, 56, 64, 66, 77, 108, 163, 360.

Дюваль (Duval), Эмиль Виктор (1841—1871) — деятель французского рабочего движения, по профессии литейщик, член Интернационала, член ЦК национальной гвардии и Парижской Коммуны, генерал национальной гвардии Коммуны; 4 апреля 1871 г. был взят в плен и расстрелян версальцами. — 336, 509, 532, 594, 627.

Дюкро (Ducrot), Огюст Александр (1817—1882) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал дивизией 1-го корпуса, затем 1-м корпусом и 2-й Парижской армией; во время подавления Парижской Коммуны участвовал в формировании армии версальцев, депутат Национального собрания 1871 г., орлеанист. — 108, 122, 174, 183, 196—198, 200, 241, 570.

Дюма (Dumas), Александр (сын) (1824—1895) — французский писатель и драматург. — 526, 538.

Дюпанлу (Dupanloup), Феликс (1802—1878) — французский теолог и политический деятель, один из лидеров католической партии, епископ орлеанский (с 1849 г.), депутат Национального собрания 1871 года. — 206, 209, 621.

Дюпон (Dupont), Эжен (ок. 1831— 1881) — видный деятель между-

народного рабочего движения, французский рабочий, мастер музыкальных инструментов, участник июньского восстания в Париже в 1848 г., с 1862 г. жил в Лондоне, член Генерального Совета Интернационала (ноябрь 1864—1872), секретарь-корреспондент для Франции (1865— 1871), участник Лондонской конференции (1865), Женевского конгресса (1866), председатель Лозаннского конгресса (1867), делегат Брюссельского конгресса (1868), Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872); проводил линию Маркса в Интернационале; в 1870 г. переехал в Манчестер, где организовал секцию Интернационала, в 1872 г. вошел в Британский федеральный совет Интернационала. в 1874 г. переехал в США. — 6, 282, 367, 391, 430, 459, 462, 626.

Дюран (Durand), Гюстав Поль Эмиль (род. в 1835 г.) — французский рабочий-ювелир, полицейский шпион, после подавления Коммуны выдавал себя в Лондоне за эмигранта, секретарь Французской секции 1871 г., в 1871 г. разоблачен и исключен из Интернационала. — 439, 467, 483.

Дюфор (Dufaure), Жюль Арман Станисла (1798—1881) — французский адвокат и государственный деятель, орлеанист, один из палачей Парижской Коммуны; министр общественных работ (1839—1840), министр внутренних дел (1848 и 1849), министр юстиции (1871—1873, 1875—1876 и 1877—1879), председатель совета министров (1876, 1877— 1879). — 330, 336, 356, 357, 503, 506, 507, 528—530, 535, 560, 582, 609.

Дьюлаи (Gyulay), Ференц, граф (1798—1868) — австрийский генерал, по происхождению венгр, участник подавления революции 1848—1849 гг. в Италии, военный министр (1849—1850); в начале австро-итало-французской войны 1859 г. командовал австрийской армией, потерпел поражение при Мадженте. — 31.

Е

Евгения — см. *Монтихо,* Евгения.

Ж

Жабицкий (Zabicki), Антоний (ок. 1810—1871) — деятель польского национально-освободительного движения, по профессии наборщик; эмигрировал из Польши после 1831 г., участник венгерской революции 1848—1849 годов; с 1851 г. эмигрант в Англии, один из руководителей Демократического товарищества в Лондоне, с 1863 издавал газету «Glos Wolny» — орган польской демократической эмиграции, секретарь Польского национального комитета; член Генерального Совета Интернационала (1866— 1871), секретарь-корреспондент для Польши (1866—1871). — 6, 282, 367, 391.

Жаклар (Jaclard), Шарль Виктор (1843—1900) — французский публицист, бланкист, с начала 70-х годов член Интернационала, сторонник Маркса, член ЦК национальной гвардии, в период Парижской Коммуны командир легиона национальной гвардии, после подавления Коммуны эмигрировал в Швейцарию, затем в Россию. — 573.

Жакме (Jacquemet) — французский священник, в 1848 г. генеральный викарий парижского архиепископа. — 364, 508, 592.

Жанро (Jeannerod), Жорж (1832— 1890) — французский офицер и журналист, в начале франко-прусской войны военный корреспондент газеты «Temps». — 21, 36, 37. 41, 60, 64.

Жирарден (Girardin), Эмиль *де* (1806—1881) — французский буржуазный публицист и политический деятель, в политике

отличался крайней беспринципностью. — 479.

Жоаннар (Johannard), Жюль (1843— 1888) — деятель французского рабочего движения, рабочий-литограф, член Генерального Совета Интернационала (1868— 1869, 1871—1872) и секретарь-корреспондент для Италии (1868—1869), в 1870 г. основал секцию Интернационала в Сен-Дени; член Парижской Коммуны, примыкал к бланкистам, после подавления Коммуны эмигрировал в Лондон, делегат Гаагского конгресса (1872). —431, 459.

Жобер (Jaubert), Ипполит Франсуа, граф (1798—1874) — французский политический деятель, монархист, министр общественных работ в кабинете Тьера (1840), депутат Национального собрания 1871 года. — 366, 603, 630.

Жорес (Jaurès), Бенжамен (1823— 1889) — французский морской офицер, с 1871 г. адмирал, во время франко-прусской войны в чине генерала командовал 21-м корпусом; депутат Национального собрания 1871 года. — 211.

Жуковский, Николай Иванович (1833—1895) — русский анархист, с 1862 г. эмигрант в Швейцарии, секретарь женевской секции Альянса социалистической демократии, в 1872 г. вышел из Интернационала в знак протеста против исключения Бакунина. — 429.

З

Загуляев, Михаил Андреевич (1834—1900) — русский офицер и публицист, в 1862—1883 гг. заведовал политическим отделом газеты «Голос». — 288.

К

Кабе (Cabet), Этьенн (1788—1856) — французский публицист, видный представитель мирного утопического коммунизма, автор книги «Путешествие в Икарию». — 369, 372.

Кавеньяк (Cavaignac), Луи Эжен (1802—1857) — французский генерал и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец; в 30—40-х годах участвовал в завоевании Алжира, в мае—июне 1848 г. военный министр, с исключительной жестокостью подавил июньское восстание парижских рабочих, глава исполнительной власти (июнь — декабрь 1848). — 364, 506, 508, 523, 573, 585, 592.

Калонн (Calonne), Шарль Александр *де* (1734—1802) — французский государственный деятель, генеральный контролер финансов (1783—1787), во время французской буржуазной революции конца XVIII в. один из вождей контрреволюционной эмиграции. — 354, 519, 608.

Камеке (Kameke), Георг Арнольд Карл (1817—1893) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 14-й дивизией, затем руководил осадными работами под Парижем; военный министр (1873—1883).— 30, 233.

Каменский, Гавриил Павлович (1824—1898) — русский буржуазный экономист, агент царского правительства за границей, в 1872 г. заочно приговорен швейцарским судом к тюремному заключению за изготовление фальшивых ассигнаций. — 493.

Канробер (Canrobert), Франсуа Сертен (1809—1895) — французский маршал, бонапартист, один из активных участников государственного переворота 2 декабря 1851 года; во время франко-прусской войны командовал 6-м корпусом, взят в плен в Меце. — 30, 36, 38, 39, 42, 43, 52, 56, 60, 64, 77, 157, 161—163.

Кардинал фон Виддерн (Cardinal von Widdern), Георг (1841— 1920) — немецкий офицер и воен-

ный писатель, автор ряда работ по стратегии, тактике, военной географии и истории, участник. франко-прусской войны. — 15,16.

Карно (Carnot), Лазар Никола (1753—1823) — французский математик и физик, политический и военный деятель, буржуазный республиканец; в период французской буржуазной революции конца XVIII в. примыкал к якобинцам, один из организаторов обороны Франции против коалиции европейских государств. — 45.

Каррель (Carrel), Арман (1800— 1836) — французский буржуазный публицист, либерал; один из основателей и редактор газеты «National». — 516, 517.

Кастаньи (Castagny), Арман Александр *де* (1807—1900) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал дивизией 3-го корпуса, взят в плен в Меце. — 40.

Кастио (Castiau), Адельсон (1804— 1879) — бельгийский адвокат и политический деятель, буржуазный демократ, в 1843—1848 гг. член палаты представителей. — 647.

Кателино (Cathelineau), Анри *де* (1813—1891) — французский генерал, роялист, во время франко-прусской войны и подавления Парижской Коммуны командовал отрядом добровольцев из Бретани и Вандеи. — 514, 604, 606.

Каули (Cowley), Генри Ричард Чарлз *Уэлсли,* граф (1804—1884) — английский дипломат, посол в Париже (1852—1867). — 389.

Келлер (Keller) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал бригадой. — 266.

Кёнен (Coenen), Филипп — деятель бельгийского рабочего движения, по профессии сапожник, секретарь редакции антверпенской газеты «Werker», делегат Брюссельского конгресса (1868) и Лондонской конференции (1871) Интернационала, на Гаагском конгрессе (1872) поддерживал бакунистов; впоследствии один из организаторов Бельгийской социалистической партии. — 307.

Кератри (Keratry), Эмиль, граф *де* (1832—1905) — французский реакционный политический деятель, орлеанист, в 1870 г. префект парижской полиции (сентябрь — октябрь), затем руководил формированием территориальных военных сил Бретани, префект департамента Верхняя Гаронна (1871), в апреле 1871 г. подавил коммуну в Тулузе. — 182, 192, 2-11, 405, 406, 655 —662.

Кётлогон (Coetlogon), Луи Шарль Эммануэль, граф *де* (1814—1886)— французский чиновник, бонапартист, один из организаторов контрреволюционного выступления в Париже 22 марта 1871 года. — 335, 574, 593.

Кинглек (Kinglake), Александр Уильям (1809—1891) — английский историк и политический деятель, либерал. — 244.

Клаузевиц (Clausewitz), Карл(1780— 1831) — прусский генерал и крупнейший буржуазный военный теоретик. — 171.

Клейн (Klein), Иоганн Якоб (род. ок. 1818 г.) — врач в Кёльне, член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), оправдан судом присяжных. — 492.

Клюзере (Cluseret), Гюстав Поль (1823—1900) — французский политический деятель, член Интернационала, примыкал к бакунистам, участник революционных восстаний в Лионе и Марселе (1870), член Парижской Коммуны, военный делегат (апрель 1871), после подавления Коммуны эмигрировал в Бельгию. — 407, 531.

Коббет (Cobbett), Уильям (1762— 1835) — английский политический деятель и публицист, видный представитель мелкобуржуазного радикализма, боролся за демократизацию английского политического строя. — 380, 386.

Кокрен-Бэйли (Cochrane-Baillie), Александер Дандас Росс Уисхарт (1816—1890) — английский политический деятель и литератор, консерватор, член парламента.— 461, 462.

Кольб (Kolb) — член Генерального Совета Интернационала (1870— 1871). — 367, 391.

Кольб (Kolb), Георг Фридрих (1808—1884) — немецкий политический деятель, публицист и статистик, буржуазный демократ. — 310.

Кон или *Коуин* (Cohn или Cohen), Джемс — деятель английского рабочего движения, рабочнй-сигарочник, председатель Лондонской ассоциации сигарочников, член Генерального Совета Интернационала (1867—1871), секретарь-корреспондент для Дании (1870—1871), делегат Брюссельского конгресса (1868) и Лондонской конференции (1871) Интернационала. — 6, 282, 367, 391.

Консей-Дюмениль (Conseil-Dumesnil), Гюстав Антуан Мари (1813— 1877) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал дивизией 7-го корпуса, взят в плен в Седане. — 38.

Конт (Comte), Огюст (1798—1857) — французский буржуазный философ и социолог, основатель позитивизма. — 560, 561, 567.

Корбон (Corbon), Клод Антим (1808—1891) — французский политический деятель, республиканец, депутат Учредительного собрания (1848—1849); после падения Второй империи мэр одного из округов Парижа, депутат Национального собрания 1871 года. — 322, 579.

Кормонтень (Cormontaigne), Луи *де* (ок. 1696—1752) — французский генерал, военный инженер, автор ряда работ по фортификации. — 136.

Кошут (Kossuth), Лайош (1802— 1894) — вождь венгерского национально-освободительного движения, возглавлял буржуазно-демократические элементы в революции 1848—1849 гг., глава венгерского революционного правительства; после поражения революции эмигрировал из Венгрии. — 471.

Креме (Crеmer), Камиль (1840— 1876) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал отдельной дивизией в составе Восточной армии. — 233, 264—267.

Кример (Cremer), Уильям Рандал (1838—1908) — деятель английского тред-юнионистского и буржуазно-пацифистского движения, реформист; один из основателей и руководителей Объединенного общества плотников и столяров, член Лондонского совета тред-юнионов, английской Национальной лиги независимости Польши, Лиги земли и труда, член Генерального Совета Интернационала и его генеральный секретарь (1864—1866), участник Лондонской конференции (1865) и Женевского конгресса (1866) Интернационала, входил в исполнительный комитет Лиги реформы; противник революционной тактики, в период борьбы за реформу вступил в сделку с буржуазией; во время франко-прусской войны боролся против движения английских рабочих в защиту Французской республики; впоследствии либерал, член парламента (1885— 1895 и 1900-1908). — 461.

Круза (Crouzat), Жан (1813—1879) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 20-м корпусом. — 211.

Кузен-Монтобан (Cousin-Montauban), Шарль Гийом Мари Аполипер Антуан, граф *де Паликао* (1796—1878) — французский генерал, бонапартист, во время третьей «опиумной» войны командовал англо-французскими экспедиционными войсками в Китае (1860), в августе — сентябре 1870 г. военный министр и глава правительства. — 11, 42, 43, 48, 121, 165, 330, 503.

Куммер (Kummer), Фердинанд (1816—1900) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал сначала 3-й резервной дивизией, затем 15-й дивизией. — 128, 150.

Кэйхил (Caihill) — член Генерального Совета Интернационала (1870—1871). — 281, 367, 391.

Кюхенмейстер (Kuchenmeister), Фридрих (1821—1890) — немецкий врач, выдающийся паразитолог, автор ряда научных работ.— 309.

Л

Лавалле (Lavallее), Теофиль Себастьен (1804—1866) — французский буржуазный историк и военный географ. — 118.

Ладмиро (Ladmirault), Луи Рене Поль *де* (1808—1898) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 4-м корпусом, был взят в плен в Меце; один из палачей Парижской Коммуны, командовал 1-м корпусом армии версальцев, губернатор Парижа (1871—1878). — 30, 32, 35, 36, 60, 157.

Лайонс (Lyons), Ричард Бикертон Пемелл, барон (1817—1887)— английский дипломат, посланник в Вашингтоне (1858—1865), посол в Константинополе (1865— 1867) и Париже (1867—1887), в сентябре 1870 г. посредник при организации переговоров между Фавром и Бисмарком. — 388, 389.

Лакретель (Lacretelle), Шарль Никола (1822—1891) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал дивизией 12-го корпуса, был взят в плен в Седане; один из палачей Коммуны, командовал дивизией 2-го корпуса армии версальцев.— 531.

Ламенне (Lamennais), Фелисите (1782—1854) — французский аббат, публицист, один из идеологов христианского социализма. — 571.

Ландор (Landor, R.), — американский журналист, в 1871 г. корреспондент газеты «World» в Лондоне. — 633—637.

Ларонсьер Ле Нурри (La Ronciere Le Nourry), Камиль Адальбер Мари, барон *Клеман де* (1813— 1881) — французский адмирал, во время осады Парижа в 1870— 1871 гг. командовал дивизией 3-й Парижской армии, затем отдельным корпусом. — 196.

Ларошжаклен (La Rochejaquellein), Анри Огюст Жорж, маркиз (1805—1867) — французский политический деятель, один из руководителей легитимистской партии, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, впоследствии сенатор Второй империи. — 588.

Лафарг (Lafargue), Лаура (1845— 1911) — вторая дочь Карла Маркса, деятельница французского рабочего движения, с 1868 г. жена П. Лафарга. — 405, 406, 436, 653, 654, 656, 658—661.

Лафарг (Lafargue), Поль (1842— 1911) — видный деятель международного рабочего движения, выдающийся пропагандист марксизма, член Генерального Совета Интернационала, секретарь-корреспондент для Испании (1866—1869), принимал участие в создании секций Интернационала во Франции (1869—1870), Испании и Португалии (1871—1872), делегат Гаагского конгресса (1872), один из основателей Рабочей партии Франции; ученик и соратник Маркса и Энгельса. — 405, 406, 626, 653, 654, 656—662.

Лафарг (Lafargue, J.) (ум. в 1870 или 1871 г.) — отец Поля Лафарга. — 405.

Лафон (Lafont) — французский чиновник, в 1871 г. генеральный инспектор тюрем. — 538.

Лаффит (Laffitte), Жак (1767— 1844) — крупный французский банкир и политический деятель, орлеанист, представитель финансовой буржуазии, глава

правительства (1830—1831). — 324, 516.

Лебрён (Lebrun), Бартелеми Луи Жозеф (1808—1889) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 12-м корпусом, взят в плен в Седане. — 77.

Лёвенфельд (Lowenfeld) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны инспектор резервных частей. — 151.

Легрёлье (Legreulier) — член Генерального Совета Интернационала в 1870 году. — 5.

Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin), Александр Огюст (1807—1874) — французский публицист и политический деятель, один из вождей мелкобуржуазных демократов; редактор газеты «Reforme», в 1848 г. член временного правительства, депутат Учредительного и Законодательного собраний, где возглавлял партию Горы, после демонстрации 13 июня 1849 г. эмигрировал в Англию, где жил до начала 1870 года; депутат Национального собрания 1871 г., отказался от полномочий в знак протеста против заключения мира с Германией. — 269, 619.

Лейкарт (Leuckart), Рудольф (1822—1898) — выдающийся немецкий паразитолог. — 309.

Леконт (Lecomte), Клод Мартен (1817—1871) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал бригадой, 18 марта 1871 г. расстрелян восставшими солдатами после провала попытки правительства Тьера захватить артиллерию национальной гвардии. — 333, 334, 338, 357—359, 505, 507, 571, 588, 590, 592, 596.

Лекрафт (Lucraft), Бенджамин (1809—1897) — один из реформистских лидеров английских тред-юнионов, по профессии рабочий-мебельщик, член Генерального Совета Интернационала (1864—1871), делегат Брюссельского (1868) и Базельского (1869) конгрессов Интернационала; член исполнительного комитета Лиги реформы; в 1871 г. выступил против Парижской Коммуны и воззвания Генерального Совета «Гражданская война во Франции», вышел из Генерального Совета, осудившего его ренегатство. — 6, 281, 382, 383, 387, 395.

Леметр (Lemaitre), Антуан Луи Проспер (псевдоним *Фредерик Леметр)* (1800—1876) — французский актер и драматург, представитель прогрессивного романтизма и родоначальник критического реализма во французском театре XIX века; известен созданием образа дельца-афериста Робера Макера, являющегося сатирой на господство финансовой аристократии в период Июльской монархии. — 504.

Ле Муссю (Le Moussu, A.) — деятель французского рабочего движения, по профессии гравер, коммунар, после подавления Коммуны эмигрировал в Лондон; член Генерального Совета Интернационала и секретарь-корреспондент для французских секций в Америке (1871—1872), делегат Гаагского конгресса (1872), поддерживал борьбу Маркса и Энгельса против бакунистов. — 431, 460.

Леру (Leroux), Пьер (1797—1871) — французский мелкобуржуазный публицист, социалист-утопист, один из представителей христианского социализма, в 1851—1852 гг. жил в эмиграции в Англии. — 632.

Лесснер (Lessner), Фридрих (1825— 1910) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, по профессии портной; член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг., на кёльнском процессе коммунистов приговорен к 3 годам крепости, с 1856 г. эмигрант в Лондоне, член лондонского Просветительного общества немецких рабочих, Генерального Совета Интернационала (ноябрь 1864—1872), участник Лондон-

ской конференции (1865), Лозаннского (1867), Брюссельского (1868), Базельского (1869) конгрессов, Лондонской конференции (1871) и Гаагского (1872) конгресса Интернационала, член Британского федерального совета; активно боролся за линию Маркса в Интернационале; позднее одни из основателей Независимой рабочей партии в Англии; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 5, 281, 367, 391, 431, 459, 492.

Лефло (Le Flo), Адольф Эмманюэль Шарль (1804—1887) — французский генерал, политический деятель и дипломат, монархист, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний; военный министр в правительстве национальной обороны и правительстве Тьера (1870—1871), депутат Национального собрания 1871 г., посол в Петербурге (1848—1849 и 1871—1879). — 334, 338, 511, 591.

Либкнехт (Liebknecht), Вильгельм (1826—1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, участник революции 1848—1849 гг., член Союза коммунистов; член I Интернационала, активный борец против лассальянства за принципы Интернационала в немецком рабочем движении; делегат Базельского конгресса Интернационала (1869); с 1867 г. депутат рейхстага; один из основателей и вождей немецкой социал-демократии, редактор газеты «Volksstaat» (1869—1876); в отдельных вопросах занимал примиренческую позицию; во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны выступал против захватнических планов прусского юнкерства и буржуазии и в защиту Парижской Коммуны; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 285, 286, 291, 491, 647, 650, 651.

Линкольн (Lincoln), Авраам (1809—1865) — выдающийся американский государственный деятель, один из основателей республиканской партии, президент США (1861—1865); в ходе Гражданской войны в США под воздействием народных масс осуществил ряд важных буржуазно-демократических преобразований, означавших переход к революционным методам ведения войны, в апреле 1865 г. убит агентом рабовладельцев. — 519, 526, 606.

Линтерн (Lintern, W.) — английский тред-юнионист, член Генерального Совета Интернационала (1870). — 5.

Литтре (Littre), Эмиль (1801— 1881) — французский буржуазный философ, филолог и политический деятель. — 573.

Ло (Law), Харриет (1832—1897) — видная деятельница атеистического движения в Англии, член Генерального Совета (1867— 1872) и манчестерской секции Интернационала (1872). — 459.

Лонге (Longuet), Шарль (1833— 1903) — деятель французского рабочего движения, по профессии журналист, прудонист, член Генерального Совета Интернационала (1866—1867, 1871—1872); секретарь-корреспондент для Бельгии (1866), делегат Лозаннского (1867), Брюссельского (1868) конгрессов, Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872) Интернационала; участник обороны Парижа (1870—1871), член Парижской Коммуны, после подавления Коммуны эмигрировал в Англию; впоследствии примкнул к оппортунистическому течению в Рабочей партии Франции — поссибилистам. — 431, 459, 460.

Лопатин, Герман Александрович (1845—1918) — русский революционер, ученик Н. Г. Чернышевского, народник, член Генерального Совета Интернационала (1870); перевел на русский язык значительную часть первого тома «Капитала», друг Маркса. —281.

Лоренц (Lorenz), Йозеф (1814— 1879) — австрийский офицер, военный изобретатель. — 95.

Лоренцо (Lorenzo), Ансельмо (1841—1915) — деятель испанского рабочего движения, рабочий-типограф, член Интернационала (с 1869), делегат Лондонской конференции 1871 г., секретарь Испанского федерального совета (1872); выступал против бакунистов. — 417, 472, 646.

Лохнер (Lochner), Георг (род. ок. 1824 г.) — деятель немецкого и международного рабочего движения, по профессии столяр, член Союза коммунистов и лондонского Просветительного общества немецких рабочих, член Генерального Совета Интернационала (ноябрь 1864—1867 и 1871— 1872), делегат Лондонских конференций Интернационала (1865 и 1871 гг.); друг и сторонник Маркса и Энгельса. — 367, 395, 431, 459.

Луи-Наполеон — см. *Наполеон III.*

Луи-Филипп (1773—1850) — герцог Орлеанский, французский король (1830—1848). — 94, 123, 315, 324, 326, 327, 334, 345, 357, 504, 506, 512, 515—517, 521, 522, 531, 583, 585, 586, 591, 603, 604.

Луи Филипп Альбер, герцог Орлеанский, граф Парижский (1838— 1894) — внук французского короля Луи-Филиппа, претендент на французский престол. — 605.

Людовик XIV (1638—1715) — французский король (1643—1715). — 170, 502, 603.

Людовик XVI (1754—1793) — французский король (1774—1792), казнен во время французской буржуазной революции конца XVIII века. — 537.

Людовик XVIII (1755—1824) — французский король (1814—1815 и 1815—1824). — 566.

М

Мадзини (Mazzini), Джузеппе (1805—1872) — итальянский революционер, буржуазный демократ, один из вождей национально-освободительного движения в Италии, в 1849 г. глава временного правительства Римской республики, в 1850 г. один из организаторов Центрального комитета европейской демократии в Лондоне; при основании Интернационала в 1864 г. пытался подчинить его своему влиянию; в 1871 г. выступил против Парижской Коммуны и Генерального Совета. — 270, 394—396, 477, 478, 631, 632, 636, 638, 639.

Мак-Доннел (Mac Donnel), Дж. Патрик (род. ок. 1845 г.) — деятель ирландского рабочего движения, член Генерального Совета и секретарь-корреспондент для Ирландии (1871—1872), делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872) Интернационала; в 1872 г. эмигрировал в США, где принимал участие в американском рабочем движении. — 367, 391, 395, 431, 460.

Макк (Mack), Карл (1752—1828) — австрийский генерал, в 1805 г. командовал войсками в войне против наполеоновской Франции, потерпел поражение от Наполеона I и капитулировал в крепости Ульм. —31, 63.

Маккавеи (или Хасмонеи) — иудейский жреческий род, в середине II века до н. э. его представители возглавляли восстание против иноземного владычества, в 142—40 гг. до н. э. правящая династия в Иудее. — 208.

Мак-Магон (Mac-Mahon), Мари Эдм Патрис Морис (1808—1893) — французский реакционный военный и политический деятель, маршал, бонапартист; во время франко-прусской войны командовал 1-м корпусом, затем Шалонской армией, взят в плен в Седане; один из палачей Парижской Коммуны, главнокомандующий армией версальцев; президент Третьей республики (1873—1879). — 24—28, 30, 31, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 49, 52, 55, 56, 63, 64, 66—82, 85, 90,

108, 121, 158, 163, 165, 166, 179, 359, 364, 527, 607.

Малит (Malet), Эдуард Болдуин (1837—1908) — английский дипломат, секретарь посольства в Париже (1867—1871). — 389.

Малон (Malon), Бенуа (1841— 1893) — французский мелкобуржуазный социалист, член Интернационала, делегат Женевского конгресса 1866 г., депутат Национального собрания 1871 г., отказался от своих полномочий; член ЦК национальной гвардии и Парижской Коммуны, после подавления Коммуны эмигрировал в Италию, затем в Швейцарию; впоследствии один из лидеров и идеологов оппортунистического течения в социалистическом движении Франции — поссибилистов. — 434.

Мальжурналь (Maljournal) (род. ок. 1843 г.) — офицер национальной гвардии, член Интернационала, член ЦК национальной гвардии, коммунар. — 336, 575.

Мантёйфель (Manteuffel), Эдвин, барон (1809—1885) — немецкий генерал, с 1873 г. генерал-фельдмаршал; в 1865—1866 гг. губернатор и командующий прусскими войсками в Шлезвиге; во время франко-прусской войны командовал 1-м корпусом, затем Первой (с октября 1870) и Южной (с января 1871) армиями,главнокомандующий немецкими оккупационными войсками во Франции (1871—1873). — 191, 192, 203, 220, 231—233, 237, 247, 254, 255, 257, 261.

Мань (Magne), Альфред — французский чиновник, сын П. Маня, генеральный сборщик налогов в департаменте Луаре. — 505.

Мань (Magne), Пьер (1806—1879)— французский государственный деятель, бонапартист, министр финансов (1855—1860, 1867— 1869, 1870, 1873—1874). — 505.

Марковский — агент царского правительства во Франции, в 1871 г. один из сотрудников Тьера. — 350.

Маркс (Marx), Женни, урожденная *фон Вестфален* (1814—1881) — жена Карла Маркса, его верный друг и помощник. — 406, 657.

Маркс (Marx), Женни (1844—1883) — старшая дочь Карла Маркса, деятельница международного рабочего движения, с 1872 г. жена Ш. Лонге. — 405, 406, 436, 653— 663.

Маркс (Магх), Карл (1818—1883)— (биографические данные). — 6, 268, 282, 288, 298, 301—306, 310, 367, 371,374,377, 380, 381,384, 385, 387,391—393, 395, 397, 400— 404, 406—409, 415, 431, 436—438, 460, 471, 479, 487—489,491, 619, 624—626, 628, 629, 631, 633— 638, 641, 643, 644, 646—653, 657, 663.

Маркс (Marx), Элеонора (1855— 1898) — младшая дочь Карла Маркса, в 80—90-х годах деятельница английского и международного рабочего движения, с 1884 г. жена Э. Эвелинга. — 405, 406, 436, 653—659, 661, 662.

Марри (Murray), Чарлз — один из руководителей английских тред-юнионов, по профессии сапожник, член Генерального Совета Интернационала (1870—1872) и Британского федерального совета; сторонник Маркса и Энгельса. — 5, 281, 367, 391, 431, 459.

Мартен (Martin), Констан — французский революционер, бланкист, коммунар, после подавления Коммуны эмигрировал в Лондон, член Генерального Совета Интернационала (1871—1872), делегат Лондонской конференции 1871 года. — 431, 459.

Мартен де Пальер (Martin des Pallieres), Шарль Габриель Фелисите (1823—1876) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал бригадой 2-го корпуса, затем 15-м корпусом. — 211.

Мейо (Mayo), Генри — деятель английского рабочего движения, член Генерального Совета Интернационала (1871—1872) и Британского федерального совета

(с 1872 г.), в котором примыкал к реформистскому крылу; выступал против решений Гаагского конгресса Интернационала. — 431, 459.

Мекленбургский, великий герцог — см. *Фридрих-Франц II.*

Милль (Mill), Джон Стюарт (1806— 1873) — английский буржуазный экономист и философ-позитивист, эпигон классической школы политической экономии. — 637.

Милнер (Milner), Джордж — деятель английского рабочего движения, по национальности ирландец, последователь социально-реформаторских взглядов О'Брайена; член Национальной лиги реформы, Лиги земли и труда, Генерального Совета Интернационала (1868—1872), делегат Лондонской конференции 1871 г., с осени 1872 г. член Британского федерального совета. — 5, 281, 367, 391, 431, 459.

Миллер (Miller), Джозеф (Джо) (1684—1738) — популярный английский комический актер. — 324, 502, 581.

Милс (Mills), Чарлз — английский инженер, в 1871 г. член Генерального Совета Интернационала. — 367, 395.

Мильер (Milliere), Жан Батист (1817—1871) — французский журналист, левый прудонист, депутат Национального собрания 1871 г., выступал с критикой правительства Тьера и в защиту Парижской Коммуны, расстрелян версальцами в мае 1871 года. — 323. 370, 373, 375, 501, 577, 580, 631.

Мильтон (Milton), Джон (1608— 1674) — великий английский поэт и публицист, участник английской буржуазной революции XVII века. — 550.

Минье (Minie), Клод Этьенн (1804— 1879) — французский офицер, изобретатель винтовки, названной его именем. — 121.

Мирабо (Mirabeau), Оноре Габриель (1749—1791) — видный деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., выразитель интересов крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства. — 326.

Мишель (Michel), Александр Эрнест — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал кавалерийской дивизией в Луарской армии. — 211.

Молине, (Molinet), виконт *де* (ум. в 1871 г.) — французский аристократ, убит во время контрреволюционного выступления 22 марта 1871 г. в Париже. — 575.

Мольер (Moliere), Жан Батист (настоящая фамилия *Поклен)* (1622— 1673) — великий французский драматург. — 329, 588.

Мольтке (Moltke), Хельмут Карл Бернхард (1800—1891) — прусский генерал, с 1871 г. генерал-фельдмаршал, реакционный военный деятель и писатель, один из идеологов прусского милитаризма и шовинизма, начальник прусского (1857—1871) и имперского (1871—1888) генерального штаба; во время франко-прусской войны фактический главнокомандующий. — 19, 25, 50, 70, 135, 156, 175, 183, 184, 187, 192, 202, 253, 254, 257.

Монталамбер (Montalembert), Марк Рене, маркиз *де* (1714— 1800) — французский генерал, военный инженер, разработал новую систему фортификации, широко применявшуюся в XIX веке. — 86.

Монтескьё (Montesquieu), Шарль (1689—1755) — выдающийся французский буржуазный социолог, экономист и писатель, представитель буржуазного Просвещения XVIII в., теоретик конституционной монархии. — 344, 571, 574.

Монтихо (Montijo), Евгения (1826— 1920) — французская императрица, жена Наполеона III. — 28, 164, 165, 167, 311, 312.

Монтобан де Паликао — см. *Кузен-Монтобан.*

Монтодон (Montaudon), Жан Батист Александр — французский

генерал, во время франко-прусской войны командовал дивизией 3-го корпуса. — 40.

Морис (Maurice), Зеви — член Генерального Совета Интернационала (1866—1872), секретарь-корреспондент для Венгрии (1870— 1871). — 5, 282, 367, 391, 431, 459.

Моттерсхед (Mottershead), Томас Дж. — английский рабочий-ткач, член Генерального Совета (1869—1872), секретарь-корреспондент для Дании (1871—1872), делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872); выступал с реформистских позиций против линии Маркса в Генеральном Совете и Британском федеральном совете. — 5, 281, 367, 391, 431, 460, 626.

Мур (Moore), Джон (1761—1809) — английский генерал, в 1808— 1809 гг. главнокомандующий английскими войсками в Португалии. — 178.

Н

Наполеон I Бонапарт (1769— 1821) — французский император (1804—1814 и 1815). — 5, 20, 31, 55, 63, 68, 71, 87, 104, 158, 164, 171, 207, 210, 263, 265, 271, 277, 326, 349, 510, 524, 544, 545, 556, 582, 586, 606.

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873) — племянник Наполеона I, президент Второй республики (1848—1851), французский император (1852—1870). — 1—3, 9, 10, 12, 20, 22— 24, 27—29, 31—36, 42, 46—49, 54 55, 57, 69, 94, 95, 98, 106, 110, 117, 153, 161—167, 188, 198, 258, 270 274, 275, 278—281, 292, 297, 310—315, 323. 326, 327, 329, 332—334, 340, 341, 345, 348—353, 355, 357, 359, 360, 370, 374, 477, 501, 504, 506, 507, 513—516, 521, 524 530, 531, 536, 538, 540, 546, 549, 555, 568, 578, 580, 581,583, 586, 587, 591, 596, 603, 604, 606, 612, 620, 621, 625, 639, 642, 650.

Наполеон, принц — см. *Бонапарт,* Жозеф Шарль Поль.

Нерон (37—68) — римский император (54—68). — 519.

Нечаев, Сергей Геннадиевич (1847— 1882) — русский революционер-заговорщик, участник студенческого движения в Петербурге в 1868—1869 гг., основатель революционной организации в Москве в 1869 году; эмигрант в Швейцарии (с 1869 г.), в 1869— 1871 гг. был тесно связан с Бакуниным; в 1872 г. выдан швейцарскими властями русскому правительству, умер в Петропавловской крепости. — 387, 440, 493.

О

Оберниц (Obernitz), Гуго (1819— 1901) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал вюртембергской дивизией. — 197, 198.

Оджер (Odger), Джордж (1820— 1877) — один из реформистских лидеров английских тред-юнионов, по. профессии сапожник, участвовал в основании и в 1862—1872 гг. был секретарем Лондонского совета тред-юнионов, член английской Национальной лиги независимости Польши, Лиги земли и труда, Лиги рабочего представительства, член Генерального Совета Интернационала (1864—1871), председатель его (1864—1867), участник Лондонской конференции (1865) и Женевского конгресса (1866), входил в исполнительный комитет Лиги реформы; в период борьбы за избирательную реформу в Англии вступил в сделку с буржуазией; в 1871 г. выступил против Парижской Коммуны и воззвания Генерального Совета «Гражданская война во Франции», вышел из Генерального Совета, осудившего его ренегатство; в дальнейшем продолжал клеветническую кампанию против руководства Интернационала в участников

Коммуны. — 5, 281, 374, 383, 387, 395, 461, 619, 641, 642.

Оливье (Ollivier), Эмиль (1825— 1913) — французский политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец, с конца 60-х годов бонапартист, глава правительства (январь—август 1870). — 164, 165, 596.

Омальский (Aumale), Анри Эжен Филипп Луи *Орлеанский,* герцог (1822—1897) — сын французского короля Луи-Филиппа, после февральской революции 1848 г. эмигрировал в Англию, депутат Национального собрания 1871 года. — 511.

Орель де Паладин (Aurelle de Paladines), Луи Жан Батист *д'* (1804—1877) — французский генерал, клерикал, во время франко-прусской войны командовал Луарской армией; в марте 1871 г. — командующий национальной гвардией Парижа, депутат Национального собрания 1871 года. — 173, 174, 182—185, 187, 211—214, 219, 330, 331, 333, 503, 571—573, 610, 621.

Орлеаны — королевская династия во Франции (1830—1848). — 312, 351.

Осман (Haussmann), Жорж Эжен (1809—1891) — французский политический деятель, бонапартист, участник переворота 2 декабря 1851 г., префект департамента Сены (1853—1870), руководил работами по перестройке Парижа.— 98, 351, 362, 363.

П

Паладин — см. *Орель де Паладин.*

Паликао — см. *Кузен-Монтобан.*

Пальер — см. *Мартен де Пальер.*

Пальмерстон (Palmerston), Генри Джон *Темпл,* виконт (1784— 1865) — английский государственный деятель, в начале своей деятельности тори, с 1830 г. один из лидеров вигов, опиравшийся на правые элементы этой партии; министр иностранных дел (1830—1834, 1835—1841 -и 1846—1851), министр внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865). — 381.

Парижский, граф — см. *Луи Филипп Альбер.*

Парнелл (Parnell), Джемс — член Генерального Совета Интернационала (1869—1870). — 5, 281.

Пен (Pene), Анри *де* (1830—1888) — французский журналист, монархист, один из организаторов контрреволюционного выступления в Париже 22 марта 1871 года. — 335, 574, 593, 663.

Пертц (Pertz), Георг Генрих (1795— 1876) — немецкий историк, умеренный консерватор, автор работ по истории Германии. — 209.

Пиа (Pyat), Феликс (1810—1889) — французский публицист, драматург и политический деятель, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848 г., с 1849 г. эмигрант в Швейцарии, Бельгии и Англии, противник самостоятельного рабочего движения; вел в течение ряда лет клеветническую кампанию против Маркса и Интернационала, используя для этого Французскую секцию в Лондоне; депутат Национального собрания 1871 г., член Парижской Коммуны, после подавления Коммуны эмигрировал в Англию. — 418, 421, 622, 626.

Пий IX (1792—1878) — папа римский (1846—1878). — 171, 480.

Пик (Pic), Жюль — французский журналист, бонапартист, ответственный издатель газеты «Etendard». — 323, 536, 581.

Пикар (Picard), Эжен Артур (род. в 1825 г.) — французский политический деятель и биржевой делец, умеренный, буржуазный республиканец, главный редактор газеты «Electeur libre», брат Эрнеста Пикара. — 324, 501, 502, 581.

Пикар (Picard), Эрнест (1821— 1877) — французский адвокат и

политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец, министр финансов правительства национальной обороны (1870—1871), министр внутренних дел в правительстве Тьера (1871), один из палачей Коммуны. — 324, 330, 336, 366, 501, 502, 504, 505, 507, 508, 515, 528, 529, 532, 572, 578, 580, 581, 646.

Прото (Protot), Эжен (1839— 1921) — французский адвокат, врач и журналист, правый бланкист, член Парижской Коммуны, делегат Комиссии юстиции, после подавления Коммуны эмигрировал в Швейцарию, затем в Англию; впоследствии выступал против Интернационала и марксистов. — 536.

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (i809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма. — 638.

Пуйе-Кертье (Pouyer-Quertier), Огюстен Тома (1820—1891) — французский крупный фабрикант и политический деятель, протекционист, министр финансов (1871—1872), участвовал в переговорах о заключении мира с Германией во Франкфурте (1871).— 330, 358, 503—505, 508, 582.

Пфендер (Pfander), Карл (1818— 1876) — деятель немецкого и международного рабочего движения, художник, с 1845 г. эмигрант в Лондоне, член лондонского Просветительного общества немецких рабочих, Центрального комитета Союза коммунистов, Генерального Совета Интернационала (1864—1867 и 1870—1872), друг и соратник Маркса и Энгельса. — 5, 281, 367, 391, 431, 459.

Пьетри (Pietri), Жозеф Мари (1820—1902) — французский политический деятель, бонапартист, префект полиции Парижа (1866— 1870). —3, 355, 502, 509, 514, 521, 537, 581, 606.

Р

Раглан (Raglan), Фицрой Джемс Генри *Сомерсет,* барон (1788— 1855) — английский генерал, с ноября 1854 г. фельдмаршал, главнокомандующий английской армией в Крыму (1854—1855). — 244.

Радецкий (Radetzky), Йозеф, граф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, с 1831 г. командовал австрийскими войсками в Северной Италии, в 1848—1849 гг. жестоко подавлял революционное и национально-освободительное движение в Италии; с 1850 по февраль 1857 г. генерал-губернатор Ломбардо-Венецианского королевства. — 87.

Рейтер (Reuter), Пауль Юлиус (1816—1899) — в 1851 г. основал телеграфное агентство Рейтер в Лондоне. — 46.

Рено (Renault), Пьер Ипполит (1807—1870) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 2-м корпусом 2-й Парижской армии. — 197.

Рено (Renaut) — французский адвокат, выступал в качестве защитника члена Парижской Коммуны Растуля перед версальским судом в 1871 году. — 408.

Ретленжер (Reitlinger) — друг и личный секретарь Ж. Фавра. — 370, 373.

Рид (Reid), Роберт — английский журналист, в 1871 г. корреспондент английской и американской прессы во Франции, сочувствовал Парижской Коммуне. — 388—391.

Робен (Robin), Поль (род. в 1837 г.) — французский учитель, бакунист, один из руководителей Альянса социалистической демократии (с 1869 г.), член Генерального Совета (1870—1871), делегат Базельского конгресса (1869) и Лондонской конференции (1871) Интернационала. — 432— 434, 640.

Робине (Robinet), Жан Франсуа Эжен (1825—1899) — француз-

ский врач и историк, позитивист, республиканец, участник революции 1848 г., мэр одного из округов Парижа во время осады в 1870—1871 гг., член Лиги республиканского союза прав Парижа, выступал за примирение Версаля с Коммуной. — 366, 374.

Роон (Roon), Альбрехт (1803— 1879) — немецкий государственный и военный деятель, с 1873 г. генерал-фельдмаршал, один из представителей прусской военщины, военный министр (1859— 1873) и морской министр (1861— 1871), провел реорганизацию прусской армии. — 107.

Роч (Roach), Джон — деятель английского рабочего движения, член Генерального Совета Интернационала (1871—1872), делегат Гаагского конгресса (1872), секретарь-корреспондент Британского федерального совета (1872), в котором примыкал к реформистскому крылу, выступал против решений Гаагского конгресса Интернационала. — 367, 387,391, 395, 431, 459.

Рош-Ламбер (Roche Lambert) — французский чиновник, зять Пуйе-Кертье, в 1871 г. назначен генеральным сборщиком налогов в департаменте Луаре. — 505.

Роша (Rochat), Шарль — деятель французского рабочего движения; член Парижского федерального совета Интернационала, коммунар, член Генерального Совета Интернационала и секретарь-корреспондент для Голландии (1871—1872), делегат Лондонской конференции 1871 года. — 867, 431, 460.

Рошфор (Rochefort), Анри (1831— 1913) — французский журналист, писатель и политический деятель, левый республиканец, член правительства национальной обороны (сентябрь — ноябрь 1870); осуждал контрреволюционную политику версальцев, но в то же время выступал против революционной деятельности Коммуны, после подавления Коммуны сослан в Новую Каледонию; в конце 80-х годов перешел в лагерь клерикально-монархической реакции. — 148, 241.

Руэ (Rouher), Эжен (1814—1884) — французский государственный деятель, бонапартист, министр юстиции (1849—1852 с перерывами), министр торговли, земледелия и общественных работ (1855—1863), государственный министр (1863—1869), председатель сената (1869—1870), после падения империи эмигрировал в Англию, в 70-х годах один из лидеров бонапартистов во Франции. — 21.

Рюль (Ruhl, J.) — немецкий рабочий, член лондонского Просветительного общества немецких рабочих, член Генерального Совета Интернационала (1870— 1872). — 5, 281, 367, 391, 431, 459.

С

Садлер (Sadler) — член Генерального Совета Интернационала (1871—1872). — 367, 391, 431, 459.

Сент-Арно (Saint-Arnaud), Арман Жак Ашиль *Леруа де* (1801— 1854) — французский маршал, бонапартист; в 30—40-х годах участвовал в завоевании Алжира; один из организаторов государственного переворота 2 декабря 1851 г., военный министр (1851— 1854), в 1854 г. главнокомандующий армией в Крыму. — 244.

Сент-Илер — см. *Бартелеми-Сент-Илер,* Жюль.

Серебренников, Владимир Иванович (род. ок. 1850 г.) — русский революционер, участник студенческого движения в Петербурге в 1868—1869 гг., эмигрант в Англии и Швейцарии, сторонник и сотрудник Нечаева. — 387.

Серрайе (Serrailler), Огюст (род. в 1840 г.) — деятель французского и международного рабочего движения, по профессии рабочий по выработке обувных: колодок, член Генерального Совета Интернационала (1869—1872), се-

кретарь-корреспондент для Бельгии (1870) и Франции (1871— 1872); в сентябре 1870 г. после падения Второй империи был направлен в Париж в качестве уполномоченного Генерального Совета, член Парижской Коммуны; делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872) Интернационала; поддерживал линию Маркса. — 6, 282, 285, 290, 301, 302, 367, 390, 391, 431, 444, 460, 621, 626.

Сессе (Saisset), Жан (1810—1879) — французский адмирал и политический деятель, монархист, во время осады Парижа в 1870— 1871 гг. руководил обороной восточной группы фортов; командующий национальной гвардией Парижа (20—25 марта 1871 г.), безуспешно пытался объединить силы реакции в Париже для подавления пролетарской революции 18 марта; депутат Национального собрания 1871 года. — 336, 511, 518, 560, 576, 593, 603, 608.

Симон (Simon), Жюль (1814— 1896) — французский государственный деятель и философ-идеалист, умеренный, буржуазный республиканец, депутат Учредительного собрания (1848—1849), член правительства национальной обороны, министр народного образования в правительстве национальной обороны и правительстве Тьера (1870—1873), депутат Национального собрания 1871 г., один из вдохновителей борьбы против Коммуны; председатель совета министров (1876—1877). — 330, 504, 531.

Сони (Sonis), Луи Гастон *де* (1825— 1887) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 17-м корпусом. — 211.

Стеенс (Steens), Эжен — деятель бельгийского рабочего движения, журналист, член Интернационала, редактор газеты «Tribune du Peuple», делегат Брюссельского конгресса (1868) и Лондонской конференции (1871) Интернационала, выступал против анархистов. — 644.

Степни (Stepney), Кауэлл Уильям Фредерик (1820—1872) — деятель английского рабочего движения, член Лиги реформы, член Генерального Совета Интернационала (1866—1872) и его казначей (1868—1870), делегат Брюссельского (1868) и Базельского (1869) конгрессов и Лондонской конференции (1871) Интернационала, член Британского федерального совета (1872). — 5, 281, 367, 391, 431, 459.

Стефанони (Stefanoni), Луиджи (1842—1905) — итальянский писатель и публицист, мелкобуржуазный демократ, рационалист, участник походов Гарибальди, основатель и редактор журнала «Libero Pensiero», поддерживал бакунистов. — 490—492.

Столл (Stoll) — член Генерального Совета Интернационала в 1870 году. — 5, 281.

Стэнли (Stanley), Эдуард Генри, с 1869 г. граф *Дерби* (1826— 1893) — английский государственный деятель, тори, в 60—70-х годах консерватор, затем либерал; министр колоний (1858, 1882—1885) и министр по делам Индии (1858—1859), министр иностранных дел (1866—1868, 1874— 1878). — 455.

Сулла (Луций Корнелий Сулла) (138—78 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, консул (88 до н. э.), диктатор (82—79 до н. э.). — 328, 360.

Сюзан (Susane), Луи (1810—1876) — французский генерал, в течение ряда лет занимал пост начальника артиллерийского управления военного министерства, автор ряда работ по истории французской армии. — 323, 500, 580.

Сюше (Suchet), Луи Габриель (1770—1826) — французский маршал, участник войн наполеоновской Франции. — 146, 147.

Т

Тайфер (Taillefer) — участник афер, связанных с изданием бонапартистской газеты «Etendard». — 323, 536, 581.

Тамерлан — см. *Тимур.*

Тамизье (Tamisier), Франсуа Лоран Альфонс (1809—1880) — французский генерал и политический деятель, республиканец; в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний; командующий национальной гвардией Парижа (сентябрь—ноябрь 1870), депутат Национального собрания 1871 года. — 334, 508, 540, 591.

Танн-Ратзамхаузен (Tann-Rathsamhausen), Людвиг Самсон, барон (1815—1881) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 1-м баварским корпусом. — 140, 150, 156, 168, 173, 174, 176, 182, 187, 199, 212, 217, 220. 253.

Таунсенд (Townshend), Уильям — член Генерального Совета Интернационала (1869—1872). — 5, 282, 367, 391, 431, 459.

Тацит (Публий Корнелий Тацит) (ок. 55 — ок. 120) — римский историк. — 361.

Тейлор (Taylor), Альфред — английский рабочий, член Генерального Совета Интернационала (1871—1872).—367, 387, 391, 395, 431, 459.

Тейлор (Taylor), Питер Альфред (1819—1891) — английский политический деятель, буржуазный радикал, член парламента. — 623.

Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс (ок. 150 — ок. 222) — христианский богослов, ярый враг науки. — 305.

Тестю (Testut), Оскар — французский юрист, близкий к полицейским кругам, автор книги об организации и истории I Интернационала, изданной с полицейско-осведомительской целью. — 462.

Тимур (Тамерлан) (1336—1405) — . среднеазиатский полководец и завоеватель. — 337, 524, 594.

Толен (Tolain), Анри Луи (1828— 1897) — французский рабочий-гравер, правый прудонист, один из руководителей парижской секции Интернационала, делегат Лондонской конференции (1865), Женевского (1866), Лозаннского (1867), Брюссельского (1868) и Базельского (1869) конгрессов Интернационала, депутат Национального собрания 1871 года; во время Парижской Коммуны перешел на сторону версальцев и был исключен из Интернационала. — 308, 338, 374, 483, 647.

Тома (Thomas), Клеман (1809— 1871) — французский политический деятель, генерал, умеренный, буржуазный республиканец; в период Второй республик и депутат Учредительного собрания, участник подавления июньского восстания 1848 г. в Париже; командующий национальной гвардией Парижа (ноябрь 1870 — февраль 1871), предательски саботировал оборону города; 18 марта 1871 г. расстрелян восставшими солдатами. — 333, 334, 338, 357—359, 505, 507, 508, 511, 540, 571, 573, 588, 590—592, 596.

Тотлебен, Эдуард Иванович (1818—1884) — выдающийся русский военный инженер, генерал, один из организаторов героической обороны Севастополя в 1854—1855 годах. — 226.

Тресков (Tresckow), Удо (1808—1885) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 1-й резервной дивизией и осадным корпусом под Бельфором. — 236, 253.

Тридон (Tridon), Эдм Мари Гюстав (1841—1871) — французский политический деятель и публицист, бланкист, член Интернационала, депутат Национального собрания 1871 г., отказался от полномочий, член Парижской Коммуны, после подавления Коммуны эмигрировал в Бельгию. — 573.

Трошю (Trochu), Луи Жюль (1815— 1896) — французский генерал и

политический деятель, орлеанист, участник завоевания Алжира (30—40-е годы), Крымской войны (1853—1856) и Итальянской войны (1859); глава правительства национальной обороны, главнокомандующий вооруженными силами Парижа (сентябрь 1870 — январь 1871), предательски саботировал оборону города; депутат Национального собрания 1871 года. — 43, 53, 89, 113, 122. 123, 141, 174, 182—185, 189, 191, 194, 196, 198, 203, 213, 225, 229, 241—245, 250, 251, 315, 321, 322, 328, 332, 334, 363, 499, 500, 508, 530, 540, 542, 570, 573, 577, 578— 580, 591, 596, 612.

Тьер (Thiers), Адольф (1797— 1877) — французский буржуазный историк и государственный деятель, орлеанист, министр внутренних дел (1832, 1834), премьер-министр (1836, 1840), глава исполнительной власти (председатель совета министров) (1871), президент республики (1871— 1873), палач Парижской Коммуны. — 2, 305, 321, 322, 324—333, 335—338, 340, 342, 348, 350—364, 366, 388, 398, 399, 404, 406, 436, 476, 480, 500—506, 508—510, 512—520, 524—532, 536—539, 554, 560, 564, 566, 570, 572, 573, 575, 576, 578, 582—586, 588, 592, 594—596, 603—611, 628, 629, 631, 641, 653, 658, 659, 661.

Тюмплинг (Tumpling), Вильгельм (1809—1884) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 6-м корпусом. — 196.

У

Удино (Oudinot), Никола Шарль Виктор (1791—1863) — французский генерал, орлеанист, в 1849 г. командовал войсками, подавившими Римскую республику. — 584.

Уилер (Wheeler), Джордж Уильям — деятель английского рабочего движения, член Генерального Совета Интернационала (1864—1867), казначей Совета (1864—1865, 1865—1867), участник Лондонской конференции Интернационала (1865), член исполнительного комитета Лиги реформы. — 461.

Уошберн (Washburne), Элихью Бенджамин (1816—1887) — американский политический деятель и дипломат, принадлежал к республиканской партии, посланник в Париже (1869—1877), проводил подрывную провокационную политику против Парижской Коммуны. — 388—391.

Утин, Николай Исаакович (1845— 1883) — русский революционер, участник студенческого движения, член общества «Земля и воля», с 1863 г. эмигрант в Англии, затем в Швейцарии, один из организаторов Русской секции Интернационала, член редакции «Народного дела» (1868—1870), один из редакторов «Egalite» (1870—1871), вел борьбу против Бакунина и его приверженцев, делегат Лондонской конференции Интернационала 1871 года; в середине 70-х годов отошел от революционного движения. — 428, 493, 649.

Урик (Uhrich), Жан Жак Алексис (1802—1886) — французский генерал, во время франко-прусской войны комендант крепости Страсбург. — 92, 113.

Уркарт (Urquhart), Давид (1805— 1877) — английский дипломат, реакционный публицист и политический деятель, туркофил; выступал с разоблачениями внешней политики Пальмерстона и вигов. — 381.

Уэльская, принцесса — см. *Александра.*

Уэстон (Weston), Джон — деятель английского рабочего движения, по профессии плотник, затем предприниматель, оуэнист, член Генерального Совета Интернационала (1864—1872), в работе которого принимал активное участие, делегат Лондонской конференции 1865 г., входил

в исполнительный комитет Лиги реформы, один из руководителей Лиги земли и труда, член Британского федерального совета. — 6, 282, 291, 367, 382, 391, 431, 459.

Ф

Фавр (Favre), Жюль (1809—1880) — французский адвокат и политический деятель, один из лидеров умеренных, буржуазных республиканцев; в 1848 г. сначала генеральный секретарь министерства внутренних дел, затем заместитель министра иностранных дел, депутат Учредительного и Законодательного собраний (1848—1851); министр иностранных дел в правительстве национальной обороны и правительстве Тьера (1870—1871), вел переговоры о капитуляции Парижа и мире с Германией, палач Парижской Коммуны. — 2, 112—115, 251, 257, 258, 315, 322, 323, 327, 330, 334, 352, 358, 359, 369—373, 380, 385—387, 418, 421, 462, 499—502, 504, 511, 512, 515, 518, 520, 528, 530, 536, 541, 542, 570, 573, 574, 578—581, 591, 592, 619, 620, 625, 629, 639, 641, 642, 646.

Файи (Failly), Пьер Луи Шарль *де* (1810—1892) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 5-м корпусом, взят в плен в Седане. — 30, 35, 36, 38, 39, 49, 55, 64, 66, 77, 108, 157, 163, 165.

Фаллу (Falloux); Альфред (1811— 1886) — французский политический деятель и писатель, легитимист и клерикал, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, министр просвещения и культов (1848—1849), инициатор разгона национальных мастерских и вдохновитель подавления июльского восстания 1848 г. в Париже. — 587.

Федерб (Faidherbe), Луи Леон Сезар (1818—1889) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал Северной армией. — 211, 231—233, 239, 246, 260, 262, 398.

Фердинанд II (1810—1859) — неаполитанский король (1830—1859), прозванный королем-бомбой за бомбардировку Мессины в 1848 году. — 325, 516, 584.

Ферри (Ferry), Жюль (1832—1893) — французский адвокат и политический деятель, один из лидеров умеренных, буржуазных республиканцев, член правительства национальной обороны, мэр Парижа (1870—1871), депутат Национального собрания 1871 г., председатель совета министров (1880—1881, 1883—1885). — 324, 499, 501, 502, 505, 540, 572, 578, 580—582.

Флокон (Flocon), Фердинанд (1800— 1866) — французский политический деятель и публицист, мелкобуржуазный демократ, один из редакторов газеты «Reforrne», в 1848 г. член временного правительства. — 619.

Флуранс (Flourens), Гюстав (1838— 1871) — французский революционер и естествоиспытатель, бланкист, один из руководителей восстаний в Париже 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 года; член Парижской Коммуны, в апреле 1871 г. зверски убит версальцами. — 330, 334, 337, 509, 532, 540, 591, 594, 627.

Фогель фон Фалькенштейн (Vogel von Falckenstein), Эдуард (1797— 1885) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны генерал-губернатор приморских областей Германии. — 283, 287.

Фогт (Vogt), Карл (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, вульгарный материалист, мелкобуржуазный демократ; в 1848— 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в июне 1849 г. один из пяти имперских регентов; в 1849 г. эмигрировал из Германии; в 50—60-е годы тайный платный агент Луи Бонапарта, один из активных участ-

ников клеветнической травли пролетарских революционеров. — 309—316.

Фойгтс-Рец (Voigts-Rhetz), Константин Бернхард (1809—1877) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 10-м корпусом. — 218.

Франзецкий (Fransecky), Эдуард (1807—1890) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 2-м корпусом. — 251.

Франкель (Frankel), Лео (1844— 1896) — видный деятель венгерского и международного рабочего движения, по профессии ювелир; член Парижской Коммуны, возглавлял Комиссию труда и обмена, член Генерального Совета Интернационала (1871—1872), делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872) Интернационала; один из основателей Всеобщей рабочей партии Венгрии; соратник Маркса и Энгельса. — 350, 431, 460, 536, 564, 647.

Франсуа (Francois) — французский национальный гвардеец, коммунар, убит во время контрреволюционного выступления в Париже 22 марта 1871 года. — 575, 593.

Фридлендер (Friedlander), Макс (1829—1872) — немецкий публицист, буржуазный демократ, входил в редакции газет «Neue Oder-Zeitung» и «Presse», в которых в 50—60-х годах сотрудничал Маркс; основатель и редактор «Neue Freie Presse» (1864—1872). — 384.

Фридрих II (1712—1786) — прусский король (1740—1786). — 170, 370.

Фридрих-Вильгельм III (1770— 1840) — прусский король (1797— 1840). — 97, 202, 207—210.

Фридрих-Вильгельм (1831—1888) — прусский кронпринц, немецкий генерал, с октября 1870 г. генерал-фельдмаршал, впоследствии прусский король и германский император под именем Фридриха III (1888); во время франко-прусской войны командовал Третьей армией. — 18, 21, 23, 25—27, 31, 55, 66—68, 70, 71, 74, 77, 80, 150, 183, 202, 294.

Фридрих-Карл (1828—1885) — прусский принц, немецкий генерал, с октября 1870 г. генерал-фельдмаршал; во время франко-прусской войны командовал Второй армией. — 18, 21, 27, 31, 32, 37, 39, 60, 68, 85, 104, 150, 156, 175, 176, 181—183, 185, 189, 191, 193, 194, 202, 203, 212—214, 219— 221, 230, 231, 235,237—239, 248, 255, 257—259, 261.

Фридрих-Франц II (1823—1883) — великий герцог Мекленбург-Шверинский (1842—1883), немецкий генерал, во время франко-прусской войны сначала Командовал войсками на побережье Германии, затем соединением, действовавшим к югу от Парижа. — 150, 174, 182, 183, 185, 186, 188, 189, 192, 202, 203, 212—214, 217, 218, 230, 231, 253.

Фроссар (Frossard), Шарль Огюст (1807—1875) — французский генерал, во время франко-прусской войны командовал 2-м корпусом, взят в плен в Меце. — 20, 27, 28, 30—32, 35, 36, 40, 55, 59, 60, 66, 157.

Х

Харрис (Harris), Джордж — деятель английского рабочего движения, последователь чартиста О'Брайена, член Генерального Совета Интернационала (1869—1872), финансовый секретарь Совета (1870—1871). — 5, 281, 367, 391. 430, 459.

Хейлз (Hales), Джон (род. в 1839 г.) — деятель английского тред-юнионистского движения, по профессии ткач, член исполнительного комитета Лиги реформы, член Генерального Совета Интернационала (1866—1872) и его секретарь, входил в Лигу реформы, Лигу земли и труда, делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872) Интернационала; с начала 1872 г.

возглавлял реформистское крыло Британского федерального совета, вел борьбу против Маркса и его сторонников, стремясь захватить руководство организациями Интернационала в Англии. — 5, 281, 367, 370, 373, 377, 378, 380, 383, 391, 408, 431, 460, 462.

Хейлз (Hales), Уильям — член Генерального Совета Интернационала (1869—1872). — 5, 281, 367, 391, 430, 459.

Хендерсон (Henderson), Эдмунд Нейменс Уолкотт (1821—1896) — английский офицер, начальник лондонской полиции (1869—1886). — 631.

Холиок (Holyoake), Джордж Джекоб (1817—1906) — английский публицист, реформист, в 30— 40-х годах примыкал к оуэнистам и чартистам, затем деятель кооперативного движения. — 377, 378, 380, 382.

Хурлиман (Hurliman) — член Генерального Совета Интернационала (1871—1872), делегат лондонского Швейцарского общества. — 431, 459.

Ц

Цастров (Zastrow), Генрих Адольф (1801—1875) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 7-м корпусом. — 233, 236, 238, 247, 251.

Ш

Шамбор (Chambord), Анри Шарль, граф (1820—1883) — последний представитель старшей линии Бурбонов, внук Карла X, после победы июльской революции 1830 г. находился в эмиграции за границей, претендент на французский престол под именем Генриха V. — 312, 605.

Шангарнье (Changarnier), Никола Анн Теодюль (1793—1877) — французский генерал и буржуазный политический деятель, монархист, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, после июня 1848 г. командующий гарнизоном и национальной гвардией Парижа, принимал участие в разгоне демонстрации 13 июня 1849 г., после переворота 2 декабря 1851 г. арестован и выслан, вернулся во Францию в 1859 году; во время франко-прусской войны состоял при штабе Рейнской армии, взят в плен в Меце; депутат Национального собрания 1871 года. — 336, 517, 575, 593.

Шанзи (Chanzy), Антуан Альфред Эжен (1823—1883) — французский генерал, во время франко-прусской войны сначала командовал 16-м корпусом, затем 2-й Луарской армией; депутат Национального собрания 1871 года. — 211, 214, 215, 217, 218, 220, 230, 231, 235, 237—239, 246— 248, 258, 260, 262, 511, 538.

Шарет де ла Контри (Charette de la Contrie), Атаназ, барон *де* (1832—1911) — французский генерал, роялист, во время франко-прусской войны командовал папскими зуавами, затем легионом добровольцев Запада. — 514, 577, 604, 606.

Шарнхорст (Scharnhorst), Герхард (1755—1813) — прусский генерал и военно-политический деятель; после разгрома прусской армии Наполеоном в 1806 г. председатель комиссии по разработке основ военной реформы, военный министр (1807—1810) и начальник генерального штаба (1807— 1813); играл видную роль в освободительной войне немецкого парода против наполеоновского господства. — 171, 172.

Шаспо (Chassepot), Антуан Альфонс (1833—1905) — французский военный изобретатель. — 24, 121.

Шварценберг (Schwarzenberg), Карл Филипп, князь (1771—1820) — австрийский фельдмаршал и дипломат, участник войн против наполеоновской Франции, в 1813—1814 гг. главнокомандующий объединенными войсками антифранцузской коалиции. — 71.

Швейцер (Schweitzer), Иоганн Баптист (1833—1875) — один из видных представителей лассальянства в Германии; в 1864—1867 гг. редактор газеты «Social-Demokrat»; президент Всеобщего германского рабочего союза (1867— 1871); поддерживал проводимую Бисмарком политику объединения Германии «сверху», под гегемонией Пруссии; препятствовал присоединению немецких рабочих к Интернационалу; вел борьбу против Социал-демократической рабочей партии; в 1872 г. исключен из Союза в результате разоблачения его связей с прусскими властями. — 646.

Швицгебель (Schwitzguebel), Адемар (1844—1895) — деятель швейцарского рабочего движения, по профессии гравер, член Интернационала, бакунист, один из руководителей Альянса социалистической демократии и Юрской федерации, делегат Гаагского конгресса Интернационала 1872 года. — 465, 484.

Шекспир (Shakespeare), Вильям (1564—1616) — великий английский писатель. — 329, 368, 532, 558, 605, 657, 659.

Шёльше (Schoelcher), Виктор (1804—1893) — французский политический деятель и публицист, левый республиканец; в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний; во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны командовал артиллерийским легионом национальной гвардии Парижа, депутат Национального собрания 1871 года; безуспешно пытался склонить Коммуну к капитуляции перед правительством Тьера. — 560, 572.

Шеперд (Shepherd), Джозеф — член Генерального Совета Интернационала (1869—1870). — 5, 281.

Шеридан (Sheridan), Филипп Генри (1831—1888) — американский генерал, участник Гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне северян; во время франко-прусской войны состоял в качестве наблюдателя при немецкой главной квартире, главнокомандующий армией США (1884— 1888). — 575.

Шеффер (Scheffer) — французский национальный гвардеец, коммунар. — 338, 526, 538, 596.

Шилль (Schill), Фердинанд (1776— 1809) — прусский офицер, начальник партизанского отряда, действовавшего против наполеоновских войск, в 1809 г. сделал попытку поднять вооруженное восстание, погиб в бою. — 207, 208.

Шиптон (Shipton) — английский тред-юнионист, член Лиги земли и труда; был близок к Оджеру. — 641.

Шмелинг (Schmeling) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 4-й резервной дивизией.— 151, 253.

Шмуц (Schmutz) — член Генерального Совета Интернационала (1870—1871). — 5, 281.

Шнейдер (Schneider), Йозеф — немецкий рабочий, лассальянец, член лондонского Просветительного общества немецких рабочих, в январе 1872 г. был из него исключен за раскольническую деятельность, выступал с клеветническими нападками на Маркса и его сторонников в немецких газетах. — 491.

Штейнмец (Steinmetz), Карл Фридрих (1796—1877) — немецкий генерал, с 1871 г. генерал-фельдмаршал, во время франко-прусской войны командовал Первой армией (до сентября 1870). — 18, 21, 31, 32, 40, 68, 85.

Штибер (Stieber), Вильгельм (1818—1882) — прусский полицейский чиновник, начальник прусской политической полиции (1850—1860), один из организаторов судебного процесса в Кёльне против членов Союза коммунистов и главный свидетель на этом процессе (1852); во время франко-прусской войны начальник военной полиции и руково-

дитель немецкого шпионажа и контрразведки на территории Франции. — 286, 301, 483.

Штош (Stosch), Альбрехт (1818— 1896) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны сначала начальник интендантской службы немецких армий, затем начальник штаба соединения под командованием герцога Мекленбургского, начальник штаба немецких оккупационных войск во Франции (1871). — 218.

Штюльпнагель (Stulpnagel), Фердинанд (1813—1885) — немецкий генерал, во время франко-прусской войны командовал 5-й дивизией. — 30.

Э

Эккариус (Eccarius), Иоганн Георг (1818—1889) — видный деятель международного и немецкого рабочего движения, рабочий-публицист, по профессии портной; эмигрант в Лондоне, член Союза справедливых, затем Союза коммунистов, один из руководителей лондонского Просветительного общества немецких рабочих, член Генерального Совета Интернационала (1864—1872), генеральный секретарь Совета (1867— 1871), секретарь-корреспондент для Америки (1870—1872), делегат всех конгрессов и конференций Интернационала; позднее примкнул к реформистским лидерам английских тред-юнионов. — 6, 282, 299, 300, 367, 391, 431, 460.

Элпидин, Михаил Константинович (1835—1908) — участник революционного движения начала 60-х годов в России, затем эмигрант в Швейцарии, оказался агентом царской охранки. — 387, 465.

Энгельс (Engels), Фридрих (1820— 1895) (биографические данные). — 140, 159, 162, 165, 175, 191, 192, 199, 217, 256, 258, 259, 265, 285, 290, 293, 297, 367, 380, 391, 398, 399, 431, 460, 472, 474—478, 490—492, 621, 623, 625, 628, 638, 640.

Эрве (Hervе), Эдуар (1835—1899) — французский публицист, один из основателей и главный редактор газеты «Journal de Paris», буржуазный либерал, после падения Второй империи орлеанист. — 361.

Эрман (Hermann), Альфред — деятель бельгийского рабочего движения, по профессии скульптор, один из организаторов секций Интернационала в Бельгии, член Генерального Совета и секретарь-корреспондент для Бельгии (1871—1872), делегат Брюссельского конгресса (1868), Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872) Интернационала, на последнем поддерживал бакунистов, — 367, 431, 460, 469.

Эспартеро (Espartero), Бальдомеро (1793—1879) — испанский генерал и государственный деятель, лидер партии прогрессистов, регент Испании (1841—1843), глава правительства (1854—1856). — 325, 517, 584.

Ю

Юнг (Jung), Герман (1830—1901) — видный деятель международного и швейцарского рабочего движения, по профессии часовщик, эмигрант в Лондоне, член Генерального Совета Интернационала и секретарь-корреспондент для Швейцарии (ноябрь 1864—1872); казначей Генерального Совета (1871—1872); вице-председатель Лондонской конференции (1865), председатель Женевского (1866), Брюссельского (1868) и Базельского (1869) конгрессов и Лондонской конференции (1871) Интернационала, член Британского федерального совета; до Гаагского конгресса 1872 г. проводил линию Маркса в Интернационале, затем примкнул к реформистским лидерам английских тред-юнионов. — 6, 282, 367, 391, 431, 433, 460.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Антоний (Марк Антоний) — одно из главных действующих лиц «Трагедии о Юлии Цезаре» Шекспира. — 532.

Верджес (в русских переводах Кисель) — персонаж комедии Шекспира «Много шума из ничего», образ невежественного и глупого полицейского. — 657.

Геката — в древнегреческой мифологии богиня лунного света, имевшая три головы и три тела, властительница чудовищ и привидений подземного царства мертвых, покровительница зла и колдовства. — 362.

Геркулес — римское имя популярнейшего героя древнегреческой мифологии Геракла, известного своей атлетической мощью и богатырскими подвигами. — 281, 513, 568.

Догбери (в русских переводах Клюква) — персонаж комедии Шекспира «Много шума из ничего», олицетворение чиновного чванства, невежества и глупости. — 657.

Иисус Навин (Иегошуа бен Нун) — библейский герой, по преданию разрушил стены города Иерихона звуками священных труб и кличем своих воинов. — 335.

Иов — библейский персонаж, образ многострадального бедняка, вознагражденного богом за смирение и кротость. — 327.

Карлос, дон — идеализированный в ряде литературных произведений образ сына испанского короля Филиппа II (1545—1568); подвергся преследованиям за оппозицию своему отцу и умер в заточении. — 326, 507.

Мегера — в древнегреческой мифологии одна из трех богинь-мстительниц, олицетворение гнева и зависти, в переносном смысле — злая сварливая женщина. — 362.

Мюнхаузен — имя безудержного хвастуна и враля в немецкой литературе, ставшее нарицательным. — 305, 662.

Пистоль — персонаж произведений Шекспира «Король Генрих IV», ч. 2, «Жизнь короля Генриха V», «Веселые виндзорские кумушки», шулер, трус и хвастун. — 368.

Пурсоньяк — главный персонаж комедии Мольера «Господин де Пурсоньяк», образ тупого и невежественного провинциального дворянина. — 329, 588.

Сид Кампеадор — герой испанской средневековой поэмы XII в. «Песнь о моем Сиде», «Хроники о Сиде» и ряда романсов, излюбленный герой народных преданий, послуживших французскому драматургу XVII в. Корнелю сюжетом для трагедии «Сид». — 659.

Трибуле — шут, одно из главных действующих лиц драмы Гюго «Король забавляется». — 525.

Фальстаф — персонаж произведений Шекспира «Веселые виндзорские кумушки» и «Король Генрих IV», хвастливый трус, балагур и пьяница. — 659.

Христос (Иисус Христос) — мифический основатель христианства. — 355, 528, 608.

Шейлок — одно из главных действующих лиц комедии Шекспира «Венецианский купец», образ безжалостного ростовщика. — 329, 605.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

«Голос» (С.-Петербург). — 288.
«Кёльнская газета» — см. *«Kolnische Zeitung».*
«Московские Ведомости».— 488, 491.
«Anales de la Sociedad Tipografica Bonaerense» («Хроника общества типографов Буэнос-Айреса»). — 292.
«L'Avenir liberal» («Либеральное будущее») (Париж). — 436.
«Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung» («Беллетристический листок и Нью-йоркская газета по вопросам криминалистики»). — 488.
«Berliner Borsen-Courier» («Берлинский биржевой курьер»). — 206.
«The Contemporary Review» («Современное обозрение») (Лондон). — 631.
«Courrier de la Gironde» («Курьер Жиронды») (Бордо). — 299, 302.
«Le Courrier de Lyon» («Лионский курьер»). — 299, 302.
«Criminal-Zeitung» — см. *«Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung».*
«The Daily News» («Ежедневные новости») (Лондон). — 132, 138, 142, 157, 158, 201, 204, 260, 286, 288, 306, 368, 377, 378, 380—383, 385. 387, 406, 408, 527, 539, 573.
«Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф») (Лондон). — 386, 388.
«La Defence republicaine» («Республиканская оборона») (Лимож). — 528.
«The Eastern Post» («Почта Ист-Энда») (Лондон). — 289, 300, 308, 373, 378, 381, 383, 385, 461, 462, 479, 487, 489, 494, 620, 622, 627, 630, 632, 639, 642.
«L'Egalite» («Равенство») (Женева). — 303, 415, 428, 430, 435, 439, 440, 493.
«L'Electeur libre» («Свободный избиратель») (Париж). — 324, 501, 581.
«La Emancipacion» («Эмансипация») (Мадрид). — 439, 476.
«L'Etendard» («Знамя») (Париж). — 323, 536.
«The Evening Standard» («Вечернее знамя») (Лондон). — 369, 409.
«The Examiner» («Наблюдатель») (Лондон). — 379, 387.
«La Federacion» («Федерация») (Барселона). — 290, 476.
«Le Figaro» («Фигаро») (Париж). — 305, 491.
«La France» («Франция») (Париж). — 406, 657.
«Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» («Франкфуртская газета и торговый листок»). — 471.
«Le Gaulois» («Галл») (Париж). — 305, 403, 406, 491.
«La Gazette de France» («Газета Франции») (Париж). — 393.
«Gazzettino Rosa» («Газетино Роза») (Милан). — 396, 440, 478, 490, 492.
«Handels-Courier» — см. *«Schweizer Handels-Courier».*
«L'International» («Международная газета») (Лондон). — 400.

«L'Internationale» («Интернационал») (Брюссель). — 285, 308, 373, 408.
«The International Herald» («Международный вестник») (Лондон). — 494.
«Journal de Bruxelles» («Брюссельская газета»). — 193.
«Journal de Geneve» («Женевская газета»). — 462, 491.
«Journal Officiel de la Republique Francaise» («Официальная газета Французской республики») (Париж). — 322, 500, 536, 554, 563, 565, 580.
«Journal Officiel de la Republique Francaise» («Официальная газета Французской республики») (Версаль—Париж). — 397, 398.
«Journal de Paris» («Парижская газета»). — 361.
«Journal de Saint-Petersbourg» («Санкт-Петербургская газета»). — 294.
«Kamerad» («Товарищ») (Вена), — 193.
«Karlsruher Zeitung» («Газета Карлсруэ»). — 233.
«Kladderadatsch» («Кладдерадач») (Берлин). — 345.
«Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета»). — 233, 253, 409.
«Koniglich-Preusischer Staats-Anzeiger» («Королевско-прусский государственный вестник») (Берлин). — 241.
«Il Libero Pensiero» («Свободная мысль») (Флоренция). — 396, 490.
«La Liberte» («Свобода») (Париж). — 299, 302, 526, 538.
«The Manchester Guardian» («Манчестерский страж»). — 59.
«La Marseillaise» («Марсельеза») (Париж). — 3.
«Moniteur des communes» («Вестник общин») (Версаль). — 528, 532, 565.
«Moniteur officiel du Gouvernement general du Nord de France et de la Prefecture de Saine-et-Oise» («Официальный вестник общего правительства севера Франции и префектуры департамента Сены и Уазы») (Версаль). — 286.
«Le Moniteur universel» («Всеобщий вестник») (Париж). — 198.
«The Morning Advertiser» («Утренний уведомитель») (Лондон). — 392.
«Le Mot d'Ordre» («Пароль») (Париж). — 526, 538.
«Le National» («Национальная газета») (Париж). — 334, 369, 372, 507, 516, 523, 591.
«The National Reformer» («Национальный реформатор») (Лондон). — 487.
«National-Zeitung» («Национальная газета») (Берлин). — 402, 409.
«Neue Freie Presse» («Новая свободная пресса») (Вена). — 384.
«Neuer Social-Democrat» («Новый социал-демократ») (Берлин). — 491.
«New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»). — 526.
«The New-York Herald» («Нью-йоркский вестник»). — 388, 403, 404.
«Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северо-Германская всеобщая газета») (Берлин). — 311.
«*El Obrero»* («Рабочий») (Пальма). — 290.
«Ostsee-Zeitung und Borsennachrichten der Ostsee» («Остзейская газета и остзейские биржевые известия») (Штеттин). — 296.
«The Pall Mall Gazette» («Газета Пэл-Мэл») (Лондон). — 7, 12, 16, 19, 24, 29, 33, 37, 41, 45, 49, 53. 58, 65, 69, 72, 76, 80, 85, 89, 93, 99, 103, 107, 111, 115, 119, 123, 127, 131, 135, 139, 144, 148, 152, 156, 160—162, 167, 172, 176, 181, 185, 190, 195, 199. 205, 210, 216, 220, 224, 229, 234, 239, 245, 249, 252, 255, 259, 263, 267, 283, 294, 297, 371, 385—387.
«Paris-Journal» («Парижская газета»). — 298, 301, 302, 304—306, 374, 379, 384, 393, 526, 663.
«Le Petit-Journal» («Маленькая газета») (Париж). — 491.
«La Plebe» («Народ») (Лоди). — 439, 476, 478.
«Die Presse» («Пресса») (Вена). — 384.
«Le Progres» («Прогресс») (Ле-Локль). — 415, 430, 434.
«Il Proletario Italiano» («Итальянский пролетарий») (Турин). — 473, 474.

«Provinzial-Correspondenz» («Провинциальная корреспонденция») (Берлин). — 253.
«Public Opinion» («Общественное мнение») (Лондон). — 401, 402, 409.
«Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»). — 345.
«Le Rappel» («Призыв») (Париж). — 505, 530.
«Le Reveil» («Пробуждение») (Париж). — 2.
«La Revolucion social» — см. *«El Obrero».*
«La Revolution Sociale» («Социальная революция») (Женева). — 474, 484.
«La Roma del Popolo» («Народный Рим»). — 477, 478.
«Schweizer Handels-Courier» («Швейцарский торговый курьер») (Биль). — 310.
«Le Siecle» («Век») (Париж). — 52, 243.
«La Situation» («Ситуация») (Лондон). — 515, 516.
«Le Soir» («Вечер») (Париж). — 408.
«La Solidaridad» («Солидарность») (Мадрид). — 290.
«Le Solidarite» («Солидарность») (Невшатель — Женева). — 415, 430, 434.
«Le Socialiste» («Социалист») (Нью-Йорк). — 664.
«The Spectator» («Зритель») (Лондон). — 370, 379, 386.
«Staats-Anzeiger» — см. *«Koniglich-Preusischer Staats-Anzeiger».*
«The Standard» («Знамя») (Лондон). — 65, 264, 376, 386, 393, 408, 491.
«The Sun» («Солнце») (Нью-Йорк). — 404, 407.
«Die Tages-Presse» («Ежедневная пресса») (Вена). — 206, 310, 488, 491.
«Telegraph» — см. *«Daily Telegraph».*
«Le Temps» («Время») (Париж). — 17, 21, 36, 41, 64, 368.
«The Times» («Времена») (Лондон). — 21, 32, 100, 132, 188, 254, 298— 300, 302, 304—306, 338, 369, 370, 372—374, 386, 397, 398, 461, 462, 525, 531, 595.
«Le Vengeur» («Мститель») (Париж). — 529, 539.
«La Verite» («Истина») (Париж). — 408, 569.
«Der Volksstaat» («Народное государство») (Лейпциг). — 273, 286, 294, 301, 303, 307, 308, 316, 373, 387. 400, 408, 439, 440, 465, 486.
«Der Vorbote» («Предвестник») (Женева). — 303.
«Wanderer» («Странник») (Вена). — 387.
«De Werker» («Рабочий») (Антверпен). — 304.
«Wiesbadener Zeitung» («Висбаденская газета»). — 492.
«Woodhull and Claflin's Weekly» («Еженедельник Вудхалл и Клафлин») (Нью-Йорк). — 436, 637, 653, 663, 664.
«The World» («Мир») (Нью-Йорк). — 438, 633, 637.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

Абли — 170, 182.
Авен — 78, 91.
Аврон — см. *Монт-Аврон.*
Алансон — 248.
Алжир — 11, 33, 42, 94, 200, 323, 501, 580.
Аллю, река — 232.
Алье, река — 205.
Альткирк — 36.
Амьен — 116, 169, 191, 192, 194, 232. 239, 263.
Анже — 263, 609.
Антверпен — 307.
Антиб — 118.
Аргонны, горы — 73, 78.
Арденны, горы — 247.
Арденский канал — 82.
Арси-сюр-Об — 71.
Артене — 215.
Артуа, провинция — 118.
Ахен — 17, 18, 20.

Б

Бавария, королевство — 12.
Баден, герцогство — 12, 171, 254, 270.
Базейль — 82, 85, 168, 202.
Базель — 15, 39, 118, 236, 276, 456—459.
Байон — 42.
Байонна — 118.
Балканский хребет — 244.
Балтийское море — 11, 33, 42.
Баньер-де-Люшон — 405, 406, 436, 653—656, 658—662.
Бапом — 232.
Бар, река — 78, 82.
Барбастро — 406.
Бар-ле-Дюк — 48, 49, 66, 67, 70, 74.
Барселона — 292, 325, 517, 584, 635, 636.
Безансон — 57, 116, 151, 169, 235, 251, 252, 255—257, 261, 263, 266, 267.
Бельвиль, район Парижа — 251, 331, 511, 571, 589, 610, 611.
Белькруа, форт — 50.
Бельфор — 13, 35, 49, 57, 116, 156, 203, 220, 233, 235, 236, 246, 251—255, 265.
Бель-Эпин— 338, 526, 538, 595.
Берлин — 12, 15, 20, 29, 34, 70, 71, 81, 112, 123, 132, 136, 142, 157, 175, 277, 301, 342, 393, 488, 500, 600, 616, 635, 651.
Берн — 256, 299, 302, 478.
Бетнивиль — 165.
Биль — 310, 485.
Бинген — 14, 16.
Биркенфельд — 14.
Бирмингем — 292, 645.
Бисетр — 526, 538, 596.
Бич — 14, 24, 26, 30, 35, 90, 114, 116.
Бламон — 251, 256.
Блис, река — 14.
Блискастель — 32.
Блуа — 169, 213, 214, 217, 230, 231.

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение. *Ред.*

Бове — 150.
Божанси — 214, 217.
Бомон — 78, 81.
Бон-ла-Роланд — 191, 194, 213.
Бонней (Боиней-сюр-Марн) — 197.
Бордо — 139, 156, 175, 194, 220, 230, 258, 292, 327, 329, 356, 358, 405, 406, 500, 520, 542, 570, 585, 587, 589, 604, 609. 628.
Босост — 654, 656, 657, 659—661.
Брайтон — 403, 404.
Брауншвейг — 4, 268, 283, 284.
Бремен — 22.
Бреславль (Вроцлав) — 651.
Брест — 1, 180, 238, 248, 262, 620.
Брест-Литовск (Брест) — 296.
Бретань, провинция и полуостров — 211, 238, 248, 262, 355, 405, 608, 662.
Бриар — 214, 231.
Бри (Бри-сюр-Марн) — 198, 242.
Брие — 52, 60, 71.
Брюссель — 287, 440, 443, 456, 458, 478.
Бузонвиль — 36.
Буйон — 82.
Буле — 36.
Булл-Ран — 154.
Бургундия, провинция — 116.
Бурж — 156, 169, 220, 231, 261.
Буэнос-Айрес — 292, 463.
Бюзанваль — 499.
Бюзанси — 73, 78, 158.

В

Валансьенн — 68.
Валь-де-Рю — 485.
Вандом — 217, 218, 230.
Варенн, возвышенность — 225.
Варенн (Варенн-ан-Аргонн) — 67, 74.
Варна — 244.
Варшава — 278, 296.
Ватерлоо — 90, 103.
Вашингтон — 362.
Везель — 16, 207.
Везер, река — 209.
Везуль — 39, 49, 141, 233, 235, 236, 238.
Вена — 32, 488.
Венеция — 277.
Венсенн — 390.
Верден — 48—52, 55, 59, 60, 63, 67, 73, 74, 112, 113, 116, 118, 150, 152, 165. 276.
Вернёй — 230.
Верона — 87.
Версаль — 116, 183, 198, 263, 206, 216, 229, 232, 239, 243, 247, 253, 294, 323, 330, 335, 336, 348, 351, 353—356, 361, 377, 389, 392, 398, 500, 502, 503, 506, 509—511, 514, 518, 526—529, 537, 538, 554, 558, 560, 569, 570, 572, 573, 576, 580, 581, 590, 592, 598, 603, 605, 607, 608, 622, 625, 628, 661, 663.
Вёрт — 26, 27, 36, 40, 49, 55, 57, 81, 103, 108, 163, 164.
Верхняя Гаронна, департамент — 405, 659.
Верхняя Марна, департамент — 175, 233.
Верхняя Силезия, область — 152.
Виксберг — 145.
Виллер — 82.
Виллер-Бретоннё — 232.
Виллерсексель — 235, 246, 253, 265.
Виллер-Серне — 82.
Вильгельмсхёэ — 352.
Вилье (Вилье-сюр-Марн) — 198.
Вильжюиф — 225, 526, 538, 595.
Вильнёв, лес — 206.
Виль-Эврар — 243.
Виньёль (Виньёль-лез-Аттоншатель) — 48, 56.
Висла, река — 207.
Виссамбур — 23—27, 35, 36, 40, 55.
Витри, близ Парижа — 225.
Витри (Витри-ле-Франсуа) — 49, 64, 67, 90, 150.
Во — 79.
Вогезы, горы — 13. 18, 24, 30, 31, 36, 237, 247, 254, 272, 276.
Волга, река — 463.
Восточная Пруссия, провинция — 97, 152, 283.
Вризи — 78.
Вузье — 67, 74, 78
Вьенн — 609.
Вьерзон — 214.
Вьонвиль — 50, 51, 139.
Вюртемберг, королевство — 12.
Вюрцбург — 9.

Г

Гаер — 141, 262, 263, 529.
Гаммельмарк — 134.
Ганновер — 20, 22, 463.

Ганновер, провинция — 463.
Гермерсгейм — 9, 15, 16, 24, 25, 86, 276.
Гессен-Дармштадт, герцогство — 12.
Гонес — 183.
Гравелот — 48, 50, 60, 63, 71, 82, 139, 158, 159.
Гранж — 485.
Гранпре — 67, 74.
Гре — 233.
Гренобль — 609.
Гро-Танкен — 39.
Гюиз — 91, 233.

Д

Данциг (Гданьск) — 87.
Дембе-Вельке — 78.
Демблин — 278, 296.
Дижон — 176. 203, 220, 233, 246, 251, 255, 265.
Доль — 251, 257, 266.
Донкур — 50, 51.
Дортмунд — 491.
Дранси — 226, 242.
Дрё — 182—184, 206, 212, 253, 356.
Ду, река — 251, 252, 255, 257, 265, 266.
Дунай, река — 244.
Дюппель (Дюббель) — 227, 228.
Дьёлуар — 39.

Ж

Жаржо — 214.
Женева — 118, 299, 302, 314, 370, 373, 415, 429, 440, 455—457, 474, 485, 493.
Живе— 68, 77.
Живонн — 82, 85.
Жьен — 176, 214, 231.

З

Зондербург (Сённерборг) — 134.

И

Ивангород — см. *Демблин.*
Ивердён — 493.
Ивре-Л'Эвек — 218.
Иерихон (Эриха) — 72, 335.
Ирсон — 78.

Й

Йена — 55, 68, 103, 172, 207.
Йонна, река — 176.

К

Кавказ — 94, 200.
Кайенна — 332, 513, 576, 585, 611.
Кайзерслаутерн — 13, 14, 22.
Калатаюд — 146.
Калифорния, штат в США — 600.
Кальвадос, департамент — 238.
К амбре — 233.
Кариньян — 78, 79, 81.
Каркассонн — 609.
Карлсруэ — 161.
Карпантра — 609.
Катеба — 485.
Квейх, река — 15, 16.
Кёйи — 198.
Кёльн — 16—19, 32, 86, 491, 492.
Кенже — 255.
Кламар — 241, 338, 389, 519, 526, 531, 538, 595, 628.
Кобленц — 15—17, 19, 20, 86, 276.
Кольберг (Колобжег) — 207, 208.
Коммерси — 48, 49, 56, 231.
Конли, лагерь — 192, 211, 218, 230.
Конфлан — 60.
Копенгаген — 517.
Коржемон — 485.
Котантен, полуостров — 248, 262.
Крым, полуостров — 227.
Куба, остров — 405.
Кукопф, высота — 16.
Кульмье— 173, 182, 212, 253.
Курбевуа — 573, 576, 577.
Куртелари — 485.

Л

Лаваль — 248.
Ла-Виллет, район Парижа — 251, 331, 571, 589, 610, 611.
Ладон — 213.
Лангр — 220, 247.
Ландау — 15, 24, 25, 277.
Ландреси — 91.

Ландштуль — 14.
Ланёвиль — 71.
Ланкашир, графство — 464.
Лаон — 79, 150, 236.
Ла-Птит-Пьер — 24, 90.
Лаутербург — 118.
Ла-Ферте-су-Жуар — 132.
Ла-Шо-де-Фон — 456, 485.
Ле-Брене — 256.
Ле-Бурже — 241, 243.
Ле-Верьер — 267.
Лейпциг — 158.
Ле-Локль — 415, 485.
Ле-Ман — 156, 169, 188, 191, 192, 195, 202, 211—213, 217—219, 230, 238, 239, 248, 251, 257, 259, 261, 263.
Ле-Шен-Попюле — 78, 166.
Лётцен (Гижицко) — 283.
Ливерпуль — 392.
Лизен, нем. *Изель,* река — 246, 254.
Лилль — 68, 192, 211, 255, 517.
Лиму — 609.
Лион — 1, 43, 75, 116, 169, 181, 205, 246, 251, 255, 261, 262, 265, 267, 292, 300, 302, 352, 356, 529, 540, 596.
Лиссабон — 463.
Лихтенберг — 90, 91.
Лозанна — 456.
Локль — см. *Ле-Локль.*
Ломбардия, область — 87.
Лонгви — 203.
Лонгюйон — 51, 71.
Лондон — 6, 71, 246, 268, 282, 284, 288, 290, 291, 298, 301—306, 334, 367, 369—374, 378, 383—386, 391—395, 397. 399, 400, 403, 404, 408, 410, 423, 428, 431, 433, 435, 436, 439, 440, 442, 443, 454—457, 460—463, 466, 467, 470—472, 475, 477, 479, 490—492, 515, 592, 626, 628, 631—635, 638, 640, 644, 663.
Лонжвиль — 59.
Лотарингия, провинция — 13, 22, 30, 31, 35, 39, 55, 118, 150, 151, 200, 203. 224, 236, 237, 239, 271, 272, 275, 276, 279, 283, 286, 310, 314.
Луаньи — 199.
Луар, река — 217.
Луара, река — 45, 75, 88, 89, 116, 129, 150, 156, 175, 176, 193. 202, 205, 211. 214, 217, 218, 221, 231, 238, 248, 262.
Луаре, департамент — 505.
Л'Э — 196.
Люневиль — 31, 42, 55, 56, 237.
Люр — 235, 265.
Люшон — см. *Баньер-де-Люшон.*

М

Маас (Мёз), река — 48, 56, 67, 71, 73, 74, 78—82, 85.
Магдебург — 209.
Маджента — 26, 32, 96.
Мадрид — 406, 443, 472.
Майн, река — 9, 16, 313.
Майнц — *9,* 13—17, 20, 27, 86, 276, 277.
Мальэерб — 176.
Мангейм — 14, 25.
Мантуя — 63, 87.
Манчестер — 292, 392, 626, 645.
Марна, река — 49, 50, 88, 109, 182, 183, 194, 196—198, 200, 225, 242, 250.
Марсаль — 90.
Марсель — 1, 292, 356, 540, 596.
Марс-ла-Тур — 48, 50, 51, 56, 60, 63, 65.
Марьембур — 91.
Мёдон — 108, 121.
Мезон-Бланш — 243.
Мезьер — 213.
Мезьер, близ Седана — 51, 68, 74, 75, 77—80, 82, 85, 141, 233, 234, 236—239, 247.
Мели — 197.
Мен, провинция — 156.
Ментана — 171.
Мёрт, река — 31.
Мец — 13, 14, 18—20, 23, 27, 28, 30—33, 35, 38—40, 42, 46—60, 63—68, 71, 72, 74, 77, 81, 85, 86, 89, 90, 100, 103, 104, 112—114, 116, 118, 128—130, 136—139, 149, 150,152—159, 161—166, 169, 175, 178, 179, 186—188, 194, 202, 217, 221, 233, 237, 240, 247, 252, 255, 261, 272, 276—278. 327.
Милан — 476.
Минчо, река — 277.
Мобёж — 80, 91.
Модлин — 278, 296.
Мозель, река — 13, 18, 19, 38, 39, 42, 45—48, 52, 56, 59, 63, 78. 138, 155, 164, 252.

Монбельяр — 118, 251, 265.
Монмартр, район Парижа — 108, 331, 333, 336, 503, 507, 511, 527, 542, 571, 588—590, 594, 607, 610, 611.
Монмеди — 51, 64, 82, 90, 116, 203, 233.
Мон-Мели, возвышенность — 195, 197.
Монне — 218.
Монпелье — 609.
Монт-Аврон, плато — 225—227, 242, 243.
Монтаржи — 176.
Монтерме — 80.
Монфермей, возвышенность — 227.
Море — 217.
Москва — 208, 363.
Музон — 78, 79.
Мург, река — 15.
Мутье — 485.
Мушар — 255, 266.
Мюнхен — 199, 647.

Н

Нанси — 13, 14, 26, 27, 30, 31, 36, 38, 39, 42, 48, 49, 55, 56, 203, 204, 221, 233, 253, 254, 276.
Нант — 248, 261, 609.
Нё-Бризак — 151.
Невер — 156, 175, 205, 231, 246, 261.
Невуа — 214.
Невшатель — 256.
Нейи на Сене (Нейи) — 3, 389, 519, 573, 576, 577.
Нейи (Нейи на Марне) — 242.
Нёйнкирхен — 22.
Нёйштадт — 25.
Немур — 176.
Нид, река — 18, 47.
Новая Мексика, область — 463.
Новогеоргиевск — см. *Модлин.*
Нормандия, провинция — 141, 156, 203, 217.
Нотр-Дам-д'Оэ — 218.
Нуар — 78, 81.
Нью-Йорк — 488.
Ньюкасл — 635.

О

Оберштейн — 14.
Одер, река — 207.
Олдем — 464.
Ольмюц (Оломоуц) — 32.
Орлеан — 116, 150, 170, 173, 176, 193—195, 199, 206, 212—214, 217, 219, 220.
Осер — 156, 175, 233, 236.
Ош — 529.

П

Палермо — 325, 516, 517, 584.
Пальма — 290.
Панж — 47, 50, 56.
Париж — 1, 3, 19, 20, 22, 27, 29, 32, 38, 39, 42, 43, 45, 48, 49, 52, 53, 57, 63, 64, 66, 68—72, 74— 79, 82, 86—90, 108—114, 116— 123, 128—130, 132—137, 139—148, 150—153, 156, 165, 166, 173—187, 189—198, 200—205, 213, 216, 220, 221, 225, 227—229, 233—245,247—251, 253,254, 258, 260, 261, 270, 271, 274, 277, 280, 285, 290, 298, 299, 302, 305, 310, 314, 315, 321—339, 342, 343, 348, 350—357, 359—366, 368, 370, 373, 376, 379, 382, 388, 390, 405, 408, 436, 439, 479, 499, 500, 502— 516,518—521,524, 525, 527—530, 532—537, 539—543, 547, 549, 550, 557, 558, 560—562, 564—583, 586—597, 600—612,619, 621, 622, 625—627, 629, 631, 634, 646, 653, 659, 662, 663.
— *Валерьен* — см. *Мон-Валерьен.*
— *Ванв,* форт — 109.
— *де-ла-Фезандри,* редут — 198.
— *Исси,* форт — 243, 531, 538.
— *Ла-Гравель,* редут — 197.
— *Мон-Валерьен,* форт — 112, 134, 229, 250, 525, 573.
— *Монруж,* форт — 531, 538.
— *Мулен-Саке,* редут — 338, 389, 518, 531, 532, 538, 595, 606, 607.
— *Ножан,* форт — 198, 227.
— *Нуази,* форт — 227.
— *Рони,* форт — 225, 227.
— *Шарантон,* форт — 197.
Пате — 199.
Перонн — 232, 233.
Перпиньян — 118.
Петербург — см. *Санкт-Петербург* .
Пикардия, провинция — 141, 203, 231.

Пиренеи, горы — 405, 436, 653, 655, 660, 661.
Пиренейский полуостров — 146, 178.
Пирмазенс — 24, 27.
Познань, область — 152.
Понт-а-Муссон — 56, 71.
Понтарлье — 255, 256, 266, 267.
Прива — 609.
Пруссия, королевство — 3, 9, 29, 58, 94, 97, 104—106, 126, 127, 149, 152, 171, 180, 181, 207, 210, 215, 223, 236, 271, 272, 276, 277, 287, 288, 294, 295, 313, 314, 328, 329, 332, 342, 355, 359, 365, 373, 494, 500, 503, 513, 514, 520, 521, 524, 541. 543, 548, 600, 604, 609, 611, 616.
Прут, река — 5.
Пфальц, княжество — 22—25, 54.
Пюто — 576.

Р

Раштатт — 15, 86, 276.
Резонвиль — 71.
Реймс — 52, 66—68, 70, 71, 73— 75, 78, 150, 165, 194, 202, 234, 237.
Рейн, река — 2, 3, 9, 10, 12—18, 21, 22, 24, 34, 35, 45, 54, 71, 86, 91, 106, 117—119, 161, 177, 236, 247, 277, 517.
Рейнская Пруссия, провинция — 13.
Рейнский Пфальц, область — 15.
Ремийи — 82.
Ренси (Ле-Ренси), возвышенность — 227.
Ретель — 70, 73, 74, 78, 79, 166, 239.
Рим — 270, 325, 326, 336, 361, 506, 517, 524, 573, 575, 584, 593, 642.
Ричмонд — 145.
Рокруа — 79, 238, 247.
Рокур — 82.
Россель, река — 40.
Руан — 1, 116, 150, 169, 220, 231, 239, 263, 284, 359, 502, 505, 528, 629.
Рудные горы — 313.
Ружмон — 265.
Рюэй — 354, 361, 509, 518, 608.

С

Саар, река — 14, 17, 18, 20, 22, 32, 35.
Саарбрюккен — 17, 18, 20, 27, 28, 30, 36, 37, 153, 161, 237.
Саарбург — 18.
Саарлуи — 18, 22, 23, 277.
Саарская область — 27.
Саверн — 26, 30, 31, 38, 39, 42, 55.
Савойя, провинция — 463.
Садова — 3, 33.
Саксония, прусская провинция — 151.
Сален — 266.
Санкт-Петербург (Ленинград) — 294.
Санс — 176.
Сан-Себастьян — 661.
Сарагоса — 145—147.
Сарбур — 112.
Саргемин — 31.
Сатори — 399.
Севастополь — 87, 100, 110, 137, 144, 145, 225—227, 521.
Северное море — 177.
Северо-Германская низменность — 313
Седан — 79—82, 85, 86, 89, 90, 116, 150, 152, 153, 161, 179, 186, 188—190, 202, 240, 252, 253, 255, 257, 258, 274, 310, 311, 323, 327. 513, 540, 541, 564, 580, 596.
Селеста — 151.
Семуа, река — 80.
Сена, река — 88, 109, 133, 182, 183, 196, 197, 231, 247.
Сена, департамент — 512, 535.
Сена и Уаза, департамент — 353, 501, 506, 572, 603—604.
Сен-Беа — 655.
Сен-Блез — 485.
Сен-Брис — 183.
Сен-Ви — 251, 266.
Сен-Годенс — 658.
Сен-Дени — 196, 354, 361, 390, 514, 518, 606. 608.
Сен-Жермен (Сен-Жермен-ан-Ле) —- 183, 354, 361, 518, 608.
Сен-Кале — 217.
Сен-Кантен — 78, 150, 246, 251.
Сен-Мийель — 71.
Сен-Мор (Сен-Мор-де-Фоссе) — 64, 77.

Сенский департамент — см. *Сена,* департамент.
Сент-Авольд — 14, 27, 30, 35, 38.
Сент-Имье — 485.
Сент-Мену — 49, 67, 73, 74.
Сент-Элуа — 138.
Серне — см. *Виллер-Серне.*
Силезия, ист. область — 151.
Скарп, река — 232.
Со — 109.
Сольё — 233.
Сольферино — 14, 32, 96.
Сомма, река — 231, 238.
Сона, река — 116, 181.
Сонвилье — 480, 481, 484, 485.
Сор, нем. *Зауэр,* река — 26.
Стене — 67, 71, 73—75, 78, 82.
Стонн — 166.
Страсбург — 13, 14, 24—27, 31. 33, 35, 39, 90—93, 100, 101, 103, 109, 112, 113, 115, 116, 128, 132, 143, 151, 161, 180, 228, 237,247, 275— 278.
Суассон — 79, 112, 150, 236, 237, 239.
Сьерк — 35.
Сюип, река — 165.
Сюлли (Сюлли-сюр-Луар) — 214.

Т

Тионвиль — 14, 35, 51, 52, 116, 186, 234, 237, 247.
Толей — 14.
Трир — 17, 18, 20, 27, 32.
Труа — 49, 112, 175, 203, 231, 233.
Тудела — 146.
Тулуза — 292, 540, 596, 658, 659.
Туль — 48, 90, 91, 100, 103, 112, 113, 118, 152, 252, 263.
Тур — 150, 156, 169, 175, 187, 194, 199, 214, 218, 220, 231, 261.
Тури — 173, 174, 176.
Туртерон — 166.
Тюрингенский лес, горы — 68.

У

Уайт, остров — 248.
Ульм — 15, 63, 86, 276.
Уэска — 406, 661.

Ф

Фальсбур — 24, 90, 91, 100, 103, 114, 116, 156, 237, 258.
Филипвиль — 80, 91.
Флавиньи — 254.
Фландрия, ист. область — 118.
Фонтене-о-Роз — 109.
Фонтенуа — 263.
Форбах — 27, 28, 30, 31, 38—40, 55 57
Фос — 654, 659, 662.
Фрайе — 266.
Франкония, область — 209.
Франкфурт (Франкфурт-на-Майне) — 9, 358, 359, 500, 608, 629.
Френ — 50.
Фруар — 39, 56, 60, 237.

Х

Хардт, плато — 25.
Хемниц (Карл-Маркс-Штадт) — 4.
Хомбург — 14, 32.
Хохвальд, горы — 13.
Хюнинген — 236.

Ц

Цвейбрюккен — 18, 24, 27. *Цюрих* — 299, 302.

Ч

Числхерст — 255.

Ш

Шалон (Шалон на Марне) — 14, 31, 42, 44, 47—49, 51—53, 55—57, 60, 64, 66, 70, 71, 74, 77, 150, 161, 164.
Шалон на Соне — 233.
Шалонский лагерь — 10, 33, 66, 67, 75, 164.
Шамбери — 609.
Шампань, провинция — 71, 150.
Шампаньоль — 255.
Шампиньи — 198, 242.
Шарлевиль — 247.
Шарльмон — 68, 77, 79, 80.
Шартр — 150, 170, 176, 182, 215.
Шатильон — 433.
Шатильон (Шатильон-сюр-Сен) — 186, 236, 247, 254.
Шатоден — 150, 362.
Шатонёф— 183, 185.
Шато-Сален — 112.
Шато-Тьерри — 70.

Шель — 196.
Шельда, река — 45.
Шенебье — 266.
Шербур — 156, 180, 238, 248, 262, 263.
Шеффилд — 645.
Шильтигем — 93.
Шлезвиг, герцогство — 232.
Шо-де-Фон — см. *Ла-Шо-де-Фон.*
Шомон — 49, 156, 175, 233, 254.
Шпихерн — 40, 55, 103, 163, 164.
Штеттин (Щецин) — 68, 103.
Штральзунд — 207.
Шуази-ле-Руа — 183, 196.
Шьер, река — 82.

Э

Эбро, река — 146.
Эйфель, горы — 18.
Эльба, река — 209.
Эльзас, провинция — 22—24, 35, 36, 45, 116, 118, 130, 151, 200, 203, 220, 224, 236, 247, 271, 272, 275, 276, 279, 283, 286, 310, 313, 314, 358, 464, 504.
Эно, провинция — 118.
Эперне — 74, 150.
Эпиналь — 141.
Эпюизе — 217, 218.
Эренбрейтштейн — 20.
Эрикур — 251, 252, 265, 266.
Этамп — 182.
Этен — 50, 60.

Ю

Юлих — 93.
Юра, горы и область — 252, 265, 463, 474, 484.

СОДЕРЖАНИЕ*

Предисловие .... V— XXVIII

К. МАРКС. ПЕРВОЕ ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ .... 1—6

Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ .... 7—267

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— I .... 9—12

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— II .... 13—16

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— III .... 17—19

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— IV .... 20—24

ПРУССКИЕ ПОБЕДЫ .... 25—29

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— V .... 30—33

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— VI .... 34—37

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— VII .... 38—41

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— VIII .... 42—45

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— IX .... 46—49

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— X .... 50—53

КРИЗИС ВОЙНЫ .... 54—58

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XI .... 59—65

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XII .... 66—69
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XIII .... 70—72
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XIV .... 73—76
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XV .... 77—80
ФРАНЦУЗСКИЕ ПОРАЖЕНИЯ .... 81—85
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XVI .... 86—89
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XVII .... 90—93
РАСЦВЕТ И УПАДОК АРМИЙ .... 94—99
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XVIII .... 100—103
КАК ВЕСТИ БОРЬБУ С ПРУССАКАМИ .... 104—107
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XIX .... 108—111
СООБЩЕНИЕ О ПЕРЕГОВОРАХ .... 112—115
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XX .... 116—119
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXI .... 120—123
ПРИНЦИПЫ ПРУССКОЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ .... 124—127
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.—XXII .... 128—131
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXIII .... 132—135
СУДЬБА МЕЦА .... 136—139
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXIV .... 140—144
САРАГОСА — ПАРИЖ .... 145—148
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.—XXV .... 149—152
ПАДЕНИЕ МЕЦА .... 153—156
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXVI .... 157—160
ОПРАВДАНИЯ ИМПЕРАТОРА .... 161—167
БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ .... 168—172
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXVII .... 173—176
УКРЕПЛЕННЫЕ СТОЛИЦЫ .... 177—181
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXVIII .... 182—185
ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА ВО ФРАНЦИИ .... 186—190
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXIX .... 191—195
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.—XXX .... 196—199

ШАНСЫ ВОЙНЫ .... 200—205
ПРУССКИЕ ФРАНТИРЕРЫ .... 206—210
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXXI .... 211—216
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.—XXXII .... 217—220
ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЦЕВ ВО ФРАНЦИИ .... 221—224
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXXIII .... 225—228
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXXIV .... 230—234
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXXV .... 235—239
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXXVI .... 240—245
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXXVII .... 246—249
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.—XXXVIII .... 250—252
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ.— XXXIX .... 253—255
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ. — XL .... 256—259
ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ ВО ФРАНЦИИ С ВОЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. .... 260—263
КАТАСТРОФА БУРБАКИ .... 264—267
К. МАРКС. КОМИТЕТУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ 268
К. МАРКС и ф. ЭНГЕЛЬС. * О КАРЛЕ БЛИНДЕ .... 269—270
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. ПИСЬМО КОМИТЕТУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ .... 271—273
К. МАРКС. ВТОРОЕ ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ .... 274—282
К. МАРКС. * ОБ АРЕСТЕ ЧЛЕНОВ КОМИТЕТА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ 283
Ф. ЭНГЕЛЬС. VI СЪЕЗДУ БЕЛЬГИЙСКИХ СЕКЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ .... 284—285
К. МАРКС. О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ И СЛОВА В ГЕРМАНИИ .... 286—288
Ф. ЭНГЕЛЬС. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПОЗИЦИИ АНГЛИЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА НА ДАННОМ ЭТАПЕ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 289
Ф. ЭНГЕЛЬС. ИСПАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ .... 290—293

Ф. ЭНГЕЛЬС. ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РОССИИ .... 294—297

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES» 298

К. МАРКС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
В РЕДАКЦИИ «TIMES» И ДРУГИХ ГАЗЕТ .... 299—300

К. МАРКС. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «VOLKSSTAAT» .... 301—303

К. МАРКС. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «DE WERKER» 304

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES» .... 305—306

Ф. ЭНГЕЛЬС. *О ЗАБАСТОВКЕ РАБОЧИХ-СИГАРОЧНИКОВ
АНТВЕРПЕНА 307

Ф. ЭНГЕЛЬС. РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ТОЛЕНА 308

Ф. ЭНГЕЛЬС. ЕЩЕ РАЗ «ГОСПОДИН ФОГТ» .... 309—316

К. МАРКС. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ.
Воззвание генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих .... 317—370

I .... 321—330

II .... 331—338

III .... 339—354

IV .... 355—367

Приложения .... 368—370

I .... 368—369

II .... 369—370

К. МАРКС. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «PALL MALL GAZETTE 371

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
ПО ПОВОДУ ЦИРКУЛЯРА ЖЮЛЯ ФАВРА .... 372—373

К. МАРКС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «TIMES» .... 374—375

К. МАРКС. ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «STANDARD» 376

Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ХОЛИОКА .... 377—378

Ф. ЭНГЕЛЬС. ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА
В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТ «SPECTATOR» И «EXAMINER» 379

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «DAILY NEWS» .... 380—381

Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ПИСЕМ ХОЛИОКА И ЛЕКРАФТА ..... 382—383

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «NEUE FREIE PRESSE» ФРИДЛЕНДЕРУ 384

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ «PALL MALL GAZETTE» ГРИНВУДУ 385

Ф. ЭНГЕЛЬС. * ВОЗЗВАНИЕ «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ» И АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА ..... 386—387

К. МАРКС. Г-Н УОШБЕРН, АМЕРИКАНСКИЙ ПОСОЛ В ПАРИЖЕ ..... 388—391

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «MORNING ADVERTISER» 392

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «STANDARD» 393

Ф. ЭНГЕЛЬС. * ВЫСТУПЛЕНИЕ МАДЗИНИ ПРОТИВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА ..... 394—396

К. МАРКС. СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «TIMES» 397

Ф. ЭНГЕЛЬС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES» ..... 398—399

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «L'INTERNATIONAL» 400

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «PUBLIC OPINION» 401

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «PUBLIC OPINION» 402

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «GAULOIS» 403

К. МАРКС. ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «SUN» ДАНА ..... 404—407

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «VERITE» 408

К. МАР К С. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EVENING STANDARD» 409

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ ПО ПОДГОТОВКЕ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 410

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РЕЗОЛЮЦИЙ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ..... 411—412

ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ. 17—23 сентября 1871 г. ..... 413— 435

К. МАРКС. О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ. Запись речи на заседании комиссии конференции 18 сентября 1871 года ..... 415—416

Ф. ЭНГЕЛЬС. О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА. План речи на заседании конференции 21 сентября 1871 года ..... 417—418

Ф. ЭНГЕЛЬС. О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА. Авторская запись речи на заседании конференции 21 сентября 1871 года ..... 421—422

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ ДЕЛЕГАТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, состоявшейся в Лондоне с 17 по 23 сентября 1871 года ..... 423—431

К. МАРКС. РЕЗОЛЮЦИЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ О РАСКОЛЕ В РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ ..... 432—435

К. МАРКС. ИЗДАТЕЛЬНИЦАМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «WOODHULL AND CLAFLIN'S WEEKLY» 436

К. МАРКС. О СЕМИЛЕТИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА. Корреспондентская запись речи, произнесенной на торжественном собраний в Лондоне 25 сентября 1871 года ..... 437—438

Ф. ЭНГЕЛЬС. РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ДЮРАНА 439

К. МАРКС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ НЕЧАЕВЫМ ИМЕНЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛА 440

К. МАРК С. РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ОБ УСТАВЕ ФРАНЦУЗСКОЙ СЕКЦИИ 1871 ГОДА ..... 441—444

К. МАРКС. ОБЩИЙ УСТАВ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ РЕГЛАМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ..... 445—460

Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ПОВОДУ ПИСЬМА КОКРЕНА ..... 461—462

Ф. ЭНГЕЛЬС. * О ГРЮНДЕРСКОМ АЖИОТАЖЕ В АНГЛИИ ..... 463—465

К. МАРКС. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ФРАНЦУЗСКОЙ СЕКЦИИ 1871 ГОДА ..... 466—470

К. МАРКС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ «FRANKFURTER ZEITUNG UND HANDELSBLATT» 471

Ф. ЭНГЕЛЬС. ИСПАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В МАДРИД 472

Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «PROLETARIO ITALIANO» ..... 473—474

Ф. ЭНГЕЛЬС. ПОЛНОМОЧИЯ ДЖ. БОРИАНИ 475

Ф. ЭНГЕЛЬС. *О ПОЛОЖЕНИИ СЕКЦИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ 476

Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ ИТАЛЬЯНСКИХ ГАЗЕТ ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ МАДЗИНИ ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ .... 477—478

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EASTERN POST» 479

Ф. ЭНГЕЛЬС. СЪЕЗД В СОНВИЛЬЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ .... 480—486

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EASTERN POST» 487

К. МАРКС. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «EASTERN POST» .... 488—483

Ф. ЭНГЕЛЬС. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «GAZZETTINO ROSA» .... 490—492

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПОЛИЦЕЙСКОМ ПРОИЗВОЛЕ ШВЕЙЦАРСКИХ ВЛАСТЕЙ .... 493—494

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА

К. МАРКС. НАБРОСКИ «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ» .... 497—616

ПЕРВЫЙ НАБРОСОК «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ» .... 499—577

ПРАВИТЕЛЬСТВО ОБОРОНЫ .... 499—532

КОММУНА .... 533—539

1. Мероприятия в пользу рабочего класса .... 533—534

2. Мероприятия в интересах рабочего класса, но преимущественно в интересах средних классов .... 534—535

3. Мероприятия общего Характера .... 535—537

4. Меры по охране общественной безопасности .... 537—539

5. Финансовые мероприятия 539

КОММУНА .... 540—569

Возникновение Коммуны и Центральный комитет .... 540—543

Характер Коммуны .... 543—554

Крестьянство .... 554—557

Республиканский союз (Республиканская лига) .... 557—558

Коммунальная революция как представительница всех классов общества, не живущих чужим трудом .... 558—559

Республика возможна лишь как открыто признанная социальная республика .... 559—561

Коммуна (Социальные мероприятия) .... 561—564

Децентрализаторские стремления «помещичьей палаты» и Коммуна .... 565—569

* ФРАГМЕНТЫ .... 570—577

ВТОРОЙ НАБРОСОК «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ» .... 578—616

1) ПРАВИТЕЛЬСТВО ОБОРОНЫ. ТРОШЮ, ФАВР, ПИКАР, ФЕРРИ КАК ДЕПУТАТЫ ПАРИЖА .... 578—582

2) ТЬЕР, ДЮФОР, ПУЙЕ-КЕРТЬЕ .... 582—585

3) ПОМЕЩИЧЬЕ СОБРАНИЕ .... 585—588

5) НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. РЕВОЛЮЦИЯ 18 МАРТА. КЛЕМАН ТОМА. ЛЕКОНТ. СТЫЧКА НА ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ .... 588—596

6) КОММУНА .... 596—602

7) ЗАКЛЮЧЕНИЕ .... 602—605

* ФРАГМЕНТЫ .... 605—616

ПРИЛОЖЕНИЯ

Запись речи К. Маркса о правительстве национальной обороны .... 619—620

Запись речи Ф. Энгельса о революции 18 марта в Париже .... 621—622

Запись речей Ф. Энгельса и К. Маркса о республиканском движении в Англии .... 623—624

Запись речи Ф. Энгельса о Парижской Коммуне 625

Запись речи К. Маркса о Парижской Коммуне .... 626—627

Запись речи Ф. Энгельса о Парижской Коммуне 628

Запись речи К. Маркса о Парижской Коммуне .... 629—630

Изложение речи К. Маркса против клеветы буржуазной прессы на Интернационал и Парижскую Коммуну .... 631—632

Запись беседы К. Маркса с корреспондентом газеты «The World» .... 633—637

Изложение речи Ф. Энгельса об отношении Мадзини к Интернационалу .... 638—639

Запись речи Ф. Энгельса о созыве Лондонской конференции 1871 года 640

Изложение речи К. Маркса против Оджера .... 641—642

Запись речи К. Маркса при открытии Лондонской конференции 643

Записи речей К. Маркса о тред-юнионах .... 644—645

Запись речи К. Маркса о политическом действии рабочего класса .... 646—647

Запись речи К. Маркса о политическом действии рабочего класса .... 648—649

Запись речи К. Маркса о положении Международного Товарищества Рабочих в Германии и Англии .... 650—651

Запись речи К. Маркса о тайных обществах 652

Письмо Женни Маркс редактору «Woodhull and Claflin's Weekly» .... 653—663

Резолюция Генерального Совета о Центральном комитете секции Международного Товарищества Рабочих в Соединенных Штатах Америки 664

Примечания .... 637—757

Даты жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса .... 758—788

Указатель имен .... 789—821

Указатель периодических изданий .... 822—824

Указатель географических названий .... 825—832

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первая страница листовки с воззванием Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне от 23 июля 1870 года .... между XXX—I

Схема сражений при Марс-ла-Туре и Гравелот — Сен-Прива 16 и 18 августа 1870 года 61

Схема сражения под Седаном 1—2 сентября 1870 года 83

Начало статьи «Военная обстановка во Франции» с автографом Энгельса (вырезка из «Pall Mall Gazette») .... между 186—187

Карта блокады Парижа 1870—1871 годов ....» 226—227

Карта франко-прусской войны 1870—1871 годов ....» 266—267

Титульный лист третьего английского издания «Гражданской войны во Франции» 319

Карта боевых действий Парижской Коммуны .... между 362—363

Рукопись плана речи Ф. Энгельса о политическом действии рабочего класса 419

Абзац из рукописи первого наброска «Гражданской войны во Франции» 551

Том подготовлен к печати *Н. Н. Ивановым*
Работы на французском языке
и даты жизни и деятельности
К. Маркса и Ф. Энгельса
подготовлены *Н. М. Мещеряковой*
Помощники подготовителя
Ф. Г. Рябов и *Е. М. Овсянникова*
В работе над справочным аппаратом
принимали участие *Н. У. Белоусова,*
В. А. Морозова и *Г. Б. Ковганкин*

Редакторы *И. А. Арманд* и *Л. И. Гольман*
Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*
Корректоры *Г. А. Карликова,* и *Н. Д. Черединцева.*

*

Сдано в набор 20/1 1960 г. Подписано
к печати 8/X 1960 г. Формат 60X92 $^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. $54^{1}/_{2}$*+5 вклеек (1 п. л.).*
Условн. печ. л. 55,5. Уч.-изд. л. 48,76.
Тираж 135 тыс. экз. *Заказ № 296.*
Цена 10 руб.
(с 1/1 1961 г. цена 1 руб.)

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.